

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»
Ивановский филиал ЧОУ ВО «Институт управления»
Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская
Православная Духовная семинария

ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ РОССИИ XX–XXI ВЕКОВ

Материалы XX Международной научной конференции

Иваново, 31 марта – 1 апреля 2021 г.

Иваново
Издательство «Ивановский государственный университет»
2021

ББК 63.3(2):86.372(2)

Г 72

Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XX Междунар. науч. конф., Иваново, 31 марта – 1 апреля 2021 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. – 828 с.

ISBN 978-5-7807-1354-8

В сборнике представлены материалы XX Международной научной конференции «Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков», в которых анализируются различные проблемы истории Русской Православной Церкви в контексте истории российского государства и общества, исследуются малоизученные аспекты этого сложнейшего периода в истории нашей страны, вводятся в оборот неизвестные источники, делается попытка найти новые подходы в изучении новейшей отечественной истории.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Ивановского государственного университета*

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук **А. А. Корников** (ответственный редактор)

д-р ист. наук **С. М. Усманов**

д-р ист. наук **Ю. А. Ильин**

д-р ист. наук **В. С. Околотин**

канд. ист. наук **И. А. Комиссарова** (ответственный секретарь)

Рецензенты:

А. А. Федотов, д-р ист. наук, профессор
(Ивановский филиал ЧОУ ВО «Институт управления»)

Г. А. Будник, д-р ист. наук,
профессор кафедры истории, философии и права,
(Ивановский государственный энергетический университет)

За содержание материалов ответственность несут авторы

ISBN 978-5-7807-1354-8

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2021

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Ivanovo State University

Institute of Management, Ivanovo branch
St. Aleksey's Ivanovo-Voznesenski Orthodox Seminary

**STATE, SOCIETY, CHURCH
IN THE HISTORY OF RUSSIA
(20th – 21st CENTURIES)**

Proceedings of the XX International Scientific Conference

Ivanovo, March 31 – April 1, 2021

Ivanovo
Ivanovo State University
2021

State, Society, Church in the History of Russia (20th – 21st centuries): proceedings of the XIX International Scientific Conference, Ivanovo, March 31 – April 1, 2021. – Ivanovo: Ivanovo State University, 2021. – 828 p.

ISBN 978-5-7807-1354-8

The proceedings include discussion of the XX International scientific conference «State, Society, Church in the History of Russia in the 20th – 21st centuries». A wide range of problems covering the history of Russian Orthodox Church, Russian State and society are analyzed. Aspects of the turbulent period of history that have not been studied a lot so far are explored. Unknown sources are introduced. An attempt to find new approaches to the study of Contemporary Russian History is made.

*Printed according to the decision
of the Editorial Board of Ivanovo State University*

Editorial board:

A. A. Kornikov, Doctor of History (Editor-in-Chief)
S. M. Usmanov, Doctor of History
Y. A. Ilyin, Doctor of History
V. S. Okolotin, Doctor of History
I. A. Komissarova, Candidate of Science, History (Secretary-in-Chief)

Reviewers:

A. A. Fedotov, Doctor of History, Professor
(Institute of Management, Ivanovo branch)
G. A. Budnik, Doctor of History,
Professor of the Department of History, Philosophy and Law
(Ivanovo State Power Engineering University)

The content is the responsibility of the authors

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 271.2

В. Л. Амельченков (Серафим), епископ,
председатель, Синодальный отдел по делам молодежи
Русской Православной Церкви (г. Москва)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Статья посвящена осмыслению основных современных направлений религии в культурфилософском дискурсе. Рассматриваемые концепции фиксируют антропоморфность религиозного сознания. Отмечается деконструкция духовных констант в информационном обществе.

Ключевые слова: культура, религия, Церковь, религиозная вера, религиозное сознание.

V. L. Amelchenkov (Seraphim), bishop,
Chairman, Synodal Department for Youth Affairs
of the Russian Orthodox Church (Moscow)

THE MAIN DIRECTIONS OF THE CULTURAL AND PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF RELIGION IN THE MODERN WORLD

The article is devoted to understanding the main modern directions of religion in cultural and philosophical discourse. The concepts discussed in the article note the anthropomorphism of religious consciousness. The information society is characterized by the deconstruction of spiritual constants.

Key words: culture, religion, Church, faith, religious consciousness.

Современный дискурс продуцирует комплексный взгляд на религию не только как проявление иррационального сознания людей, совокупность представлений о мире, базирующихся на вере в Абсолют и организованном поклонении Всевышнему, но и как культурфилософский феномен. Проецирование религии на разные сферы общественной жизни позволяет обнаружить контрирование светского и религиозного сегментов Сущего [3]; налаживание системного диалога Церкви с госу-

дарственно-общественными структурами [9]; сопряженность светской и религиозной духовности личности [12]; стремление к укреплению религиозной идентичности в условиях сближения культур [6]. В критические периоды истории России, особенно военное лихолетье, Русская Православная Церковь сыграла роль важного духовно-психологического стабилизатора. Советский народ, переживший колоссальные страдания, нуждался в духовной опоре и помощи. Эту функцию выполняла Церковь, причем без каких-либо государственных средств и поддержки [2]. В результате социум, даже в период фашистской оккупации, обладал значительным религиозным потенциалом и сохранял свою кинетическую энергетику на внутриличностном уровне. Все это свидетельствует о соотносительности и взаимосвязи социума и религии, которая и в современном мире становится медиумом социокультурных процессов, а религиозное сознание целиком или частично является основанием мировоззрения.

Вместе с тем, следует отметить, что попытки переосмысления религиозного сознания в светской среде существовали всегда, начиная с древнегреческих мыслителей, представителей немецкой классической философии и вплоть до сегодняшнего дня. Философия Просвещения (И. Кант, Г. В. Ф. Гегель) и более поздних эпох увязывала осознание трансцендентного с абсолютным духом, приматом духовно-чувственного познания, стремлением к нравственному идеалу, объективацией Бога как существующего вне сознания.

Советский и российский философ, религиовед Е. А. Торчинов акцентирует связь религиозного сознания с различными трансперсональными переживаниями, глубинным сознанием человека [13, с. 40–41]. Неотъемлемыми составляющими религиозного сознания выступают теология, доктрины, культы, Церковь как социальный институт с ее религиозными практиками. Осуществляемое при этом взаимодействие с мифологией, искусством, наукой, виртуальными образами СМИ и другими элементами духовной культуры в той или форме отпечатывается в религиозном сознании. Однако стержнем религиозного сознания и религиозной жизни личности выступает именно трансперсональный опыт [13, с. 41–42].

Е. А. Торчинов определяет религию как «комплекс представлений, верований, доктрин, элементов культа, ритуала и иных форм практики, базирующихся на трансперсональном переживании того или иного типа и предполагающих установку на воспроизведение этого базового переживания» [13, с. 65].

Таким образом, религиозное сознание получает символический аспект, что предусматривает осуществление сознанием актов объективирования мысленного содержания. Носители этих значений и смыслов образуют религиозно-символическую среду и ритуализируют ее. Кроме

того, религиозное сознание обладает аллегоричностью. Ритуализация и аллегоричность порождают особое эмоциональное отношение, которое в дальнейшем становится объектом потребности – тяготения к переживанию и религиозно-эмоциональному насыщению подобного отношения. Оно переживается как страх, любовь, восторг, «благоговение к ближнему, красоте, гармонии» и др., поскольку в большинстве своем люди в сложном цифровом мире нуждаются в иллюзиях и их удовлетворении [7, с. 169–171].

Всё это также отсылает к религиозному языку, насыщенному аналогиями. Слова текста Библии изобилуют метафорами, аллегориями, в нем содержатся архаизмы, историзмы, придающие тексту загадочность и священнодейственность, что овладевает вниманием читателя, его подсознанием. Этому содействуют интонационность текста, эмоциональная напряженность, повторы языковых структурных единиц. Наконец, вера и язык придают религиозному сознанию диалогичность (М. М. Бахтин). Вера через язык организует внутреннее общение с гипостазированным Существом и создает этим самым диалог. Благодаря отраженной субъектности в сознании человека присутствуют «Я» и «Другой», которые переживаются как субъект-объектные и субъект-субъектные отношения. Подобный диалог иллюстрирует, например, молитва Господня «Отче наш», где говорится: «...и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Здесь особенно важным для личности является «Значимый Другой» – священник, духовник, ближний.

Культурфилософская интерпретация религиозного сознания фиксирует его антропоморфность, которая отражает сущность человека и его природу как непосредственное восприятие – приятие, – представление о мире, обществе и человеке. Оно имплицитно в человеческом сознании. Религиозное сознание реализует функции обеспечения человеческого бытия в противоречивом и не до конца познанном объективном космопланетарном мире, соединенном с «цифрой» и с «homovirtualis». Для последнего характерна сопряженность реалий с киберпространством, симулякрами и ризомами обыденной жизни.

Современное информационное общество, подвергая деконструкции духовные константы, затрагивает и религиозное сознание. Деконструкция понимается как отход от четкой формулировки, как некое переосмысление, постоянное «становящееся», «ускользающее». Причем деконструкция значений и смыслов осуществляется за счет локальных, периферийных дискурсов, в которых и «текст и контекст» открыты всем знаковым потокам и вписываются в более широкие контексты, где влияние всех на всё фактически упраздняет традиционную вертикаль духовного и земного, сакрального и профанного [1, с. 60]. Данной целе-

вой установке служит и контркультура с ее социокультурными установками, противостоящими фундаментальным принципам культуры. Отсюда – принцип отвержения наличной цивилизации и ее культуры, интерес к разрушению, магическому мистицизму, своеобразными формами которого стали перформанс, хэппенинг, рок-фестивали, ироничная игровая постмодернистская стилистика поведения – квесты, проповедь идеологии «подавления сознания». Данная идеологема достаточно полемично соотносится с концептом «нового религиозного сознания», возникшего в начале XX века и разворачивающегося сегодня.

С «новым сознанием христианства» связано, прежде всего, имя святого кардинала Д. Г. Ньюмена с его идеей «онтологического динамизма христианства». В России эта идея была подхвачена Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус, которые выдвинули и разрабатывали тезис о необходимости «обмирщения» христианства [5]. В данном направлении развивали модернистские взгляды на православное сознание философы Вл. Соловьев и В. В. Соловьев, С. Н. Булгаков, а на Западе – Ф. Ницше. Однако главным идеологом выступил Н. А. Бердяев, который увязывал «возможности новых откровений [со стороны Православия]» с неким очищением, расширением, углублением православного сознания, открытием «новой формы святости» [4, с. 283]. Тракуемая в современном ключе попытка генерации «нового верующего» [5] есть не что иное как коррекция православного вектора сознания на западный, либерально-демократический. И главным здесь представляется конфликт между догмами современности (тотальная цифровизация, индивидуальный рационализм, либерально-демократические ценности) и императивностью библейской традиции.

Как известно, основной акцент информационного мира направлен на феномен Бога в религиозном сознании [11]. Заметим, что объективно развитие Церкви и научного знания позволяет углублять и расширять представление человека о Боге и Его творениях. Сегодня развивается возникшее еще в начале XX века направление «теологической методологии религии и науки»: разрабатывается адекватная картина мира в рамках религиозного сознания как «научный креационизм». Эта позиция относится к явлению «парадигмального сдвига», суть которого состоит в обеспечении информационным пространством единства интерпретаций. Подобная интерпретация восходит к внутреннему контролю каждым субъектом взаимодействия своего поведения «на основе общего понимания» [10, с. 23]. В данном тренде Церковь стремится минимизировать влияния позитивизма, редуцирующего свою позицию только этической функцией и идеями «секулярного христианства». В этих реалиях едва ли не основной линией оказывается креациональная тема, непосредственно связанная с Богом и с боготворением.

Вместе с тем, современная физическая картина мира, утверждающая торжество вероятностного закона с его принципом неопределенности, позволяет трансформировать механистическую «модель Бога», согласно которой природа есть «Библия Бога», а мироздание есть «божественная механика и математика» (И. Ньютон). Не отвергая эволюционизм, эта «модель» отрицает фактор случайности, совмещая принципы неопределенности и детерминизма.

Таким образом, Церковь всегда была и остается социальным институтом, сохраняющим и транслирующим высшие ценностно-смысловые параметры бытия. Отечественная история запечатлела сопряженность социума и религии, консолидирующую роль религиозных организаций, выполнявших роль духовно-психологического стабилизатора, невзирая на господствующую идеологию.

Миссия Русской Православной Церкви – «обожение всего творения», распространение православной веры [8], направленная на укрепление единства российской нации, реализуется через воцерковление населения, социальное служение, просветительство, развитие «диалога жизни» с представителями различных конфессий. В современных реалиях Церковь остается полем мировоззренческих поисков истины о природе человека и его представлениях о мире. Широкоформатное позиционирование Церкви в социокультурном пространстве способствует укреплению ее авторитета в качестве одного из влиятельных институтов гражданского общества.

Библиографический список

1. Альтернативная культура: энциклопедия / сост. Дм. Десятрик. Екатеринбург, 2005.
2. *Амельченков В. Л.* Воздействие Русской Православной Церкви на социальную сферу общества в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (на материалах Смоленской области): дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2010.
3. *Амельченков В. Л.* Современный мир и противоречия религиозной коммуникативности // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 1.
4. *Бердяев Н. А.* Экзистенциальная диалектика Божественного и человеческого // О назначении человека. М., 1993.
5. *Воронцова И. В.* Русская религиозно-философская мысль в начале XX века. М., 2008.
6. *Ирхен И. И.* Сближение культур и его культурологические смыслы // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. № 7. Т. 20.
7. *Касавин И. Т.* Истина // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 2.

8. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. URL: <https://mospat.ru/ru/documents/church-mission/> (дата обращения: 09.01.2020).

9. Мчедлова М. М. Религия в политическом процессе России: институты, ценности, управление. М., 2019.

10. Пугачева Л. Г. Парадигмальный сдвиг: от классической культуры «интерпретации» к постнеклассической культуре «понимания» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1.

11. Рафаил, архим. [Карелин Руслан Николаевич]. Христианство и модернизм. М., 2010.

12. Ремизов В. А. Духовность как культурная ценность личности // Философские науки. 1997. № 2.

13. Торчинов Е. А. Религии мира. Опыт запредельного. СПб., 1998.

УДК 94 (574) «19/20»: 2-76

З. Т. Садвокасова,

главный научный сотрудник, Институт истории и этнологии
им. Ч. Ч. Валиханова (Республика Казахстан)

ДОКУМЕНТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНСКОГО АРХИВА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНЫХ МИССИОНЕРОВ (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Деятельность православных миссионеров среди казахского населения в XIX – начале XX века еще недостаточно изучена. Для более глубокого исследования проблемы необходимо изучение источников. К одним из них относятся архивные материалы, хранящиеся в фондах Центрального Государственного архива Республики Казахстан. На примере освещения отдельных конкретных фондов и дел, сделана попытка показать работу проповедников православия по привлечению индифферентных казахов в другую религию – христианство, методов, использованных ими по увеличению количества неофитов. Часть из них по истечении времени отказывалась от новой веры и возвращались в свою прежнюю религию. Исходя из содержания материалов, можно прийти к заключению, что усилия миссионеров не дали желаемых результатов.

Ключевые слова: архив, фонд, дело, миссионеры, казахи, русская православная церковь, крещение.

© Садвокасова З. Т., 2021

Статья написана в рамках выполнения научного проекта АРО8855385 «Мусульманские и православные миссионеры в Казахстане: деятельность и результаты (XIX – начало XX веков)».

Z. T. Sadvokasova,

Chief Researcher at the Institute of History and Ethnology
named after Ch. Ch. Valikhanovof (Republic of Kazakhstan)

**DOCUMENTS OF THE CENTRAL KAZAKHSTAN ARCHIVE
ON THE ACTIVITIES OF ORTHODOX MISSIONARIES
(XIX – EARLY XX CENTURIES)**

The activity of Orthodox missionaries among the Kazakh population in the XIX – early XX centuries is not studied enough. For a more in-depth study of the problem, it is necessary to study the sources. One of them includes archival materials stored in the funds of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. On the example of coverage of certain specific funds and cases, an attempt is made to show the work of Orthodox preachers to attract indifferent Kazakhs to another religion–Christianity, to show the methods used by them to increase the number of neophytes. Some of them, after a certain period of time, abandoned their new faith and returned to their former religion. Based on the content of the materials, it can be concluded that the efforts of the missionaries did not give the desired results.

Key words: archive, archive fund, case, missionaries, Kazakhs, Russian Orthodox Church, christening.

Трудно представить историческое исследование без использования различных источников. С появлением письменности важное место среди них занимают архивные материалы. В процессе изучения проблемы, связанной с миссионерской деятельностью православных миссионеров, историки обращаются к фондам архива, хранящих огромный пласт различных документов. В Центральном Государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК) имеются немало свидетельств, раскрывающих работу православных проповедников среди казахского населения.

Несмотря на утверждение об индифферентности казахов в вопросах религии и причисление их к немусульманскому, «шаманому» народу – то есть, народу без религии» [1], они так и не приняли православие, несмотря на проводимые меры колониальной организацией и русской православной церковью, направленные на их христианизацию.

В ЦГА РК деятельность русской православной церкви, миссионеров, случаи перехода из одной религии в другую, строительство богослужебных заведений и другие материалы по религиозным вопросам содержат фонды: 115 – Туркестанский епархиальный комитет по устройству церковного быта переселенцев, 153 – Туркестанский Кафедральный собор, 234 – Совет Семиреченского православного братства, 294 – Военный священник, состоящий при управлении Верненского воинского начальника Туркестанской епархии, 500 – Знаменский собор

Томской епархии. Город Семипалатинск, 707 – Александро-Невский собор Оренбургской епархии. Город Уральск Центрального Государственного архива РК; 85 – Благодичный военных церквей Сыр-Дарьинской области и другие.

В некоторых фондах, касающихся общих вопросов, на первый взгляд не имеющих прямого отношения к миссионерской деятельности, тем не менее, можно обнаружить материалы по вопросам крещения, отказа от религии предков, численность казахов, принявших православие и т. д. Так, в таких фондах, как: 4 – Областное правление оренбургских киргиз, 15 – Семипалатинское областное правление, 25 – Тургайское областное правление, 41 – Верненское уездное управление, 44 – Семиреченское областное правление, 64 – Канцелярия Степного генерал-губернатора, 119 – Туркестанское уездное управление, 369 – Акмолинское областное правление, 374 – Пограничное управление сибирскими киргизами, 583 – Петропавловское уездное управление есть немало интересных сведений о работе по увеличению численности крещеных казахов.

Отчеты генерал-губернаторов, уездных начальников, крестьянских начальников, инспекторов народных училищ, представителей духовенства, письма и корреспонденции известных людей и другие содержат много неизученного материала по вопросам религиозной жизни казахского населения. Из содержащихся в отчетах материалов складывается картина состояния просвещения в целом и миссионерских школ в частности, отношения к православию, реакции коренного населения на религиозную политику царизма, направленную на притеснение ислама и мусульман.

Некоторые фонды представляют интерес в том плане, что в делах мы находим конкретные материалы по отдельным проблемам. Так, по вопросам народного образования – открытие русско-казахских школ и их программ, включающим предметы по изучению Слова Божия, содержат следующие фонды: 27 – Директор народных училищ Тургайской области Оренбургского учебного округа, 89 – Заведующий учебными заведениями Семиреченской области и Кульджинского района г. Верного Семиреченской области, 90 – Инспектор народных училищ Семиреченской области. В большинстве своем в этих фондах имеются дела, в которых не скрывались далеко идущие планы русского царизма в деле русификации, христианизации казахских детей. Многие инспектора и директора народных училищ в своих записках положительно отзывались о системе Ильминского, призывая всячески ее поддерживать, так как она способствовала развитию русских интересов в Казахстане, упрочению своего положения.

Остановимся на конкретных материалах архива. В деле о положении церковного и школьного строительства в районе Сибирской железной дороги имеются сведения, освещающие действия чиновников по распространению православия в ходе ее строительства. На средства фонда имени императора Александра III и вспомогательных предприятий, связанных с постройкой железнодорожного пути, к 1898 было сооружено 110 церквей, из них 19 в поселках Акмолинской области. Дополнительно к указанным средствам, действительным статским советником, было пожертвовано 25000 рублей, на которые приступили к сооружению еще 9 церквей в Акмолинской области. Кроме того, для удовлетворения духовных потребностей служащих на линии и в помощь миссии 11 июля 1896 года был освящен вагон-церковь. В этом же месяце его послали для совершения церковных служб, на различных станциях участка Сибирской железной дороги [2].

Строительство церквей, а тем более освящение вагона-церкви, должно было быть оправдано не только наличием переселенцев, но и местных жителей для проведения среди них работы по христианизации. Имело место отказы Департамента духовных дел иностранных исповеданий в строительстве новых и перестройке старых церквей. Это было связано с тем, что представителей коренного населения было незначительное количество, а для православных строить не торопились.

В фонде 294 – Военный священник, состоящий при управлении Верненского воинского начальника Туркестанской епархии, нами был обнаружен интересный документ, освещающий работу православных миссионеров в местах заключения. При Верненском тюремном замке находилась церковь, служители которой несли «слово Божие» заключенным в трудные минуты их жизни. Но вместе с тем наставляли на путь истинный и инородцев, результатом чего явилось желание некоторых из них принять православие.

В документе указывается, прежде чем заключенный должен был принять крещение, священнику поручалось проделать определенную работу: собрать сведения о заключенном, научить его основным истинам христианской религии, испытать его, какие побуждения им руководили в его желании и, убедившись в искренности его стремления, провести обряд крещения. Это мероприятие должно было проводиться по «возможности торжественно и в праздничный или воскресный день пред литургией, в присутствии тюремного начальства или других благонадежных свидетелей, которых затем пригласить, подписью в метрической книге засвидетельствовать акт крещения» [3]. Таким образом, содержащийся в Верненской тюрьме, киргиз Тюргенской волости Алпысбай Мергенбаев стал Александром Мергенбаевым, в подтвержде-

ние чего новокрещеному в декабре 1890 года была выдана выписка из метрической книги.

Как видим, пользуясь тяжелым положением иноверца и моральным его состоянием, можно было легко привлечь его в свой стан. Отсутствие в таких условиях представителей мусульманского духовенства, видимо, объясняется тем, что в тюрьме не набиралось нужного, для открытия мечети, количества людей – это с одной стороны. С другой стороны, проповедники православия были заинтересованы в их отсутствии, в целях увеличения пространства своей деятельности. Видимо поэтому был закрыт доступ в тюрьмы представителям мусульманского духовенства.

Привлечением казахов в лоно православия занимались различные миссионерские общества. Одним из них являлось Православное Миссионерское общество, основанное по инициативе высших светских и духовных лиц, куда вступали многие чиновники царского правительства и местной администрации. В фонде Канцелярии Степного генерал-губернатора имеются дела, раскрывающие деятельность миссий в Казахстане, в том числе и ПМО. В одном из них идет речь об Уставе организации, ее членах, денежных поступлениях, расходах на содержание миссий и т. д. Например, отмечались основные источники, состоящие из членских взносов действительных членов Общества, вносивших ежегодно в его пользу не менее трех рублей [293, л. 1 об.]. Также описываются способы пополнения казны общества: единовременные добровольные пожертвования, кружечный сбор, «посредством кружек, как установленных уже при церквях на предмет распространения христианства, так и выставляемых от общества в других местах с разрешения подлежащих властей и по сборным книжкам или листам, выдаваемых членам общества» [4].

Денежные средства периодически возрастали, которые за десятилетие с 1870 по 1880 г. увеличились со 101676 руб. до 147819 рублей. Через некоторое время на содержание миссий и его учреждений расходовалось ежегодно уже более 250 тысяч рублей [4].

Задолго до создания миссий в казахской степи трудами православного духовенства проводилась работа по крещению казахов. Их деятельность отмечена в кратком очерке миссионерства Тобольской епархии, где указывалось, что, несмотря на отсутствие специальной миссии, здесь все же «с 1860 по 1865 гг. просвящено Святым Крещением 149 душ» [5].

Во второй половине XIX века в России активно действовали православные церковные братства, утвержденные царем. Такие же братства открывались и среди казахов. В одном из дел фонда Семипалатинского областного правления показано открытие на юге Казахстана в 1869 году

было открытие Туркестанского Епархиального Казанско-Богородичного братства, преобразованного позже в Семиреченское [6], а на севере в 1897 году образовалось Омское епархиальное братство [7].

Деятельность братств была направлена на распространение среди широких народных масс «живого слова и здоровых понятий в духе православной веры, любви к отечеству и русской народности» [6]. Туркестанское братство способствовало обращению в православие иноверцев, по всей Туркестанской епархии, включая области: Семиреченскую, Сыр-Дарьинскую, Самаркандскую и Аму-Дарьинский отдел с 150000 душ православного населения и более 3,5 млн населения туземного. Численность действительных членов братства: братчиков и братчиц составило 400 человек [6].

Братства снабжались и печатными материалами на языке иноверцев. Между книгами, принадлежащими Туркестанскому братству, как указывается в деле, имелись издания и на казахском языке. Книги эти, по планам священников должны были принести им большую пользу, благодаря своей низкой цене от 3 до 40 копеек за экземпляр – «вполне доступный каждому» [6]. Они охотно брались мещанами города Верного «для обучения киргиз, находящихся в услужении у них на пашнях» [6].

Таким образом, краткий обзор документальных материалов ЦГА РК позволяет сделать вывод о том, что в фондах хранятся многочисленные свидетельства, раскрывающие отдельные страницы миссионерской деятельности проповедников православия.

Библиографический список

1. Доклад Б. Каратаева на собрании. Айкап / составители: У. Субханбердина, С. Даутов. Алматы: Казахская энциклопедия, 1995. На каз. яз.
2. Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 51. Оп. 1. Д. 23.
3. ЦГА РК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 10.
4. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 747.
5. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 595.
6. ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 401.
7. ЦГА РК. Ф. 393. Оп. 1. Д. 129.

Г. Ш. Сагателян,

доктор исторических наук, профессор,
Международный юридический институт (г. Москва)

**НАРАСТАНИЕ КРИЗИСА МОТИВАЦИИ ТРУДА
В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1950–1980-е ГОДЫ**

Фактический отказ от социалистического принципа «каждому по труду», наряду с применением внеэкономических методов мотивации труда, обернулся массовым применением «уравниловки», «выводиловки», приписок, ростом теневой экономики приведшими к кризису советской системы мотивации труда

Ключевые слова: каждому по труду, «уравниловка», «выводиловка», теневая экономика, приписки, мотивация труда, кризис.

G. Sh. Sagatelyan,

Doctor of Historical Sciences, Professor of International Law Institute (Moscow)

**THE GROWING CRISIS OF LABOR MOTIVATION
IN THE RUSSIAN PROVINCE IN THE 1950s AND 1980s**

The actual rejection of the socialist principle of "to each according to the work", along with the use of non-economic methods of labor motivation, turned into a mass using of "equalization", "outputting", false results, the growth of the shadow economy that led to the crisis of the Soviet system of labor motivation

Key words: to each according to the work, "equalization", "outputting", shadow economy, labor motivation, crisis.

Одной из примечательных черт советской истории являлись особенности осуществления в СССР основополагающего принципа социализма, – «каждому по труду». С его реализацией связаны отклонения и искажения, приведшие к кризису советской системы мотивации труда. С одной стороны, правящая партия вела колоссальную работу по моральному стимулированию участников трудового процесса. С другой стороны, недооценивала, а то и игнорировала материальную заинтересованность участников трудового процесса, что пагубно влияло на производительность и эффективность общественного производства. Исследование проблем реализации политики мотивации труда в российской провинции (на материалах Нижегородской области) в 1950–1980-е годы позволяет понять, какое место они занимали в нарастании кризисных явлений социалистической экономики.

Ранее мы отмечали, что правящая партия в середине 1930-х годов изначально восторженно приняла и поддержала стахановское движение, но потом вынуждена была фактически отказаться от ее массового внедрения повсеместно, во всем народном хозяйстве. Дело в том, что стахановцам за сделанную работу надо было платить. А денег, в условиях высоких темпов индустриализации не хватало. Поэтому, на большинстве предприятий оставили в качестве маяков стахановскую бригаду (цех, участок), а у подавляющего большинства сохранили уравнительную систему оплаты труда (далее «уравниловка»). В дальнейшем она продолжала превалировать, хотя эффективность сдельной оплаты труда там, где ее применяли, значительно превосходила уравниловку [1].

С 1950 годов доминирование уравнительной системы труда оказывало серьезное негативное воздействие на экономическое развитие российской провинции. На промышленных предприятиях Горьковской области применение премиальной системы, задуманной как мера материального стимулирования, в начале 1960-х годов привела к «уравниловке» в ущерб материальной заинтересованности. К этому вела практика начисления низкооплачиваемым рабочим премий по максимальным размерам, что сводило на нет стимулы роста квалификации [2, л. 71–72]. Некоторые хозяйственные руководители вообще перестали применять премиальную систему [2, л. 75], а на многих предприятиях, где она действовала, носила формальный характер и не была направлена на повышение эффективности производства [2, л. 76]. В середине 1960-х годов с началом экономической реформы количество премий резко возросло, они стали массовыми. Но по-прежнему не стимулировали эффективную, высокопроизводительную работу, так как постепенно превращались в обычную надбавку к зарплате, которую перестали замечать [3, л. 99; 4, л. 69–70]. Итоги внедрения этой системы были неутешительны. «Уравниловка» преодолена не была. В целом по СССР, к 1985 г. лишь 30 % среднемесячной заработной платы рабочих и служащих были непосредственно связаны с результатами их труда [5, с. 230].

Доминирование внеэкономических методов над методами материальной заинтересованности работников, ставшее действенным рычагом экономической политики в период индустриализации, продолжалось вплоть до конца 1980-х годов. Все экономические реформы властей, направленные на его ликвидацию наталкивались на сопротивление и саботаж бюрократии, которая не хотела никому отдавать свою власть в этой сфере. Поэтому, в исследуемый период бюрократическое использование тарифной системы оплаты труда вместо преодоления «уравниловки» все больше обостряло положение. Даже в рамках машиностроения тарифы на разных предприятиях оплачивались отнюдь не по

труду, а по усмотрению заводской администрации (далее «выводилровка»). В итоге побеждала «выводилровка», а не идея соблюдения баланса между затратами и оплатой труда. В проигрыше оказывалось само государство, которое санкционировало преимущество внеэкономических методов над методами материальной заинтересованности квалифицированных рабочих в результатах своего труда как составной части работы всего заводского коллектива. «Выводилровка» имела не только крайне негативный эффект в мотивации труда, но и приводила к апатии, некачественному, неэффективному труду работников.

В условиях преобладания «уравниловки» и «выводилровки» работники предприятий и организаций считали, что государство им недоплачивает, и поэтому они имеют право на свою часть общенародного богатства. Почти каждый рабочий считал своим долгом ежедневно что-нибудь стащить с завода. В отличие от них мастера, начальники цехов, администрация предприятий вывозили ворованное машинами. Вывозили как сырье на обмен или продажу, или готовую продукцию. Разрывывали импортное оборудование, разбирали готовые к отправке изделия или грабили на станциях охраняемые вагоны. Констатируя безуспешность борьбы с хищениями социалистической собственности, Горьковский обком КПСС отмечал, что только в 1974 году было выявлено более 9 тыс. подобных случаев, общий урон от которых составил более 11 млн руб.» [6, л. 5]. На самом деле масштабы хищений государственной собственности были выше как в этой области, так и по всей России. Они приобрели столь масштабный характер, что стали угрожать экономическим основам государства.

Фонды материального поощрения, которые, в соответствии с замыслами авторов экономической реформы 1965 года, были призваны материально стимулировать работников к высокоэффективному труду, не смогли этого сделать. Бюрократия присвоила себе право распоряжаться ими по своему усмотрению и, преимущественно, в своих интересах. Обратимся к практике предприятий г. Горького. На заводе имени Воробьева из фонда материального поощрения 21,5 % средств было направлено на материальную помощь и 12,3 % – на поощрение отличившихся рабочих [7, л. 1, 2]. Интересно, что при этом на поощрение рабочих было направлено 40,5 % фонда материального поощрения, а ИТР и служащих – 59,5 %, хотя число последних было в 4 раза меньше. При этом премии рабочих превышали оклады на 8–10 %, а ИТР и служащих – более чем на 50 %. Так, при окладе 190–200 рублей заработная плата ИТР составляла 280–311 рублей [7, л. 12, 1, 2]. Если учесть, что в категорию ИТР попадало руководство предприятия, цехов и служб завода, то станет понятным, куда в основном шли средства из премиаль-

ного фонда. Аналогичное положение с распределением премиального фонда было и на других предприятиях народного хозяйства. Фактически речь шла о том, что фонды материального поощрения, вместо функции поощрения высокопроизводительного труда, стали кормушкой для бюрократической хозяйственной элиты.

Экономическая реформа 1965 года, которая привязала выполнение государственных планов с премированием предприятий, привела не к борьбе за повышение эффективности производства, перевыполнению государственных планов, а к тотальной системе приписок, корректировок планов в сторону уменьшения, губительной для советской экономической системы. В немалой степени из-за нее, темпы экономического развития СССР стали падать, приближаясь к нулевым отметкам.

В российской провинции реформа 1965 года также привела к нарастанию вала приписок на предприятиях народного хозяйства. На уровне предприятий были две формы приписок. С одной стороны, всякими просьбами, подарками, просто взятками старались уменьшить или, как тогда говорили, скорректировать план. Проверка Комитетом народного контроля 15 предприятий Горьковской области в 1975 году подтвердила, что корректировки государственных планов стали обычной практикой. Так, в 1974 году 101 раз изменялись планы реализации товарной продукции, из них в декабре 58,7 %. В результате этих корректировок имели место случаи выплаты довольно крупных сумм незаслуженных премий руководителям и рабочим различных предприятий [8, л. 10, 11]. Только по установленным проверкой КНК области случаям, за счет изменения первоначальных планов реализации 5 предприятиям удалось отчитаться о выполнении планов и получить 92,5 тыс. рублей премий, из которых 3.750 рублей получило руководство [8, л. 12]. Такая практика «выполнения» планов снижала ответственность, как хозяйственных руководителей, так и руководителей всех рангов. Все силы бросались не на выполнение планов, а на то, чтобы скорректировать его под сделанные задания. Естественно, такое положение оказывало крайне негативное влияние на мотивацию труда работников предприятий. Ведь все были уверены, что начальство «договорится» между собой.

Добавим к сказанному, что приписками занимались на всех уровнях управления производством. Приписывали бригадиры для того, чтобы выполнить задание и закрыть наряды, приписывали мастера, чтобы квалифицированные рабочие не ушли. Приписывали начальники цехов, чтобы не пропали премии и надбавки и т. д. В конце 1970-х годов серьезной проблемой, например, стали приписки дорожно-транспортных накладных, которые приводили к значительному удорожанию строительства и хищению бензина. В 1978–1979 годах приписки составили

20 % (26 млн т) ежегодно перевозимых грузов, а количество списанного и разбазаренного бензина и горюче-смазочных материалов – 1900 т. В таких организациях, как «Горьковское автопассажирское предприятие» приписки достигали 31 %. То есть треть горюче-смазочных материалов разворовывалась. Аналогичная картина наблюдалась и в других автотранспортных предприятиях области [9, л. 20, 22, 23]. Можно утверждать, что заработная плата значительной части работников и, прежде всего руководящего и инженерно-технического состава, базировалась на приписках и не была связана с эффективным выполнением своих обязанностей. Власти видели такое положение, констатировали, что недостаточно активно проводится работа по устранению причин и условий, порождающих такие негативные явления [10, л. 28]. Резюме Горьковского обкома КПСС, однако, ничего не могло изменить, так как приписки стали системным элементом социалистической общественной системы.

Одним из постулатов КПСС, которому следовали хозяйственные руководители, было положение о том, что технический прогресс вызывает тенденцию к росту удельного веса повременной оплаты и сокращению удельного веса сдельной. Поэтому «сверху» постоянно оказывали давление на низовых руководителей. И оно не могло пройти бесследно. Удельный вес сдельщиков в общей численности производственных рабочих г. Горького в 1970 г. составлял 52,7 %, 1971 – 51,4 %, в 1972 г. – 47,5 %, а в 1973 г. составил 47,7 % [11, с. 83].

Такая статистика свидетельствует о том, что хозяйственный механизм не смог предложить ничего лучшего взамен сдельной оплаты труда. Именно у сдельщиков была самая высокая мотивация труда. У этой категории работников производительность труда росла быстрее, чем у других категорий работников. Поэтому хозяйственные руководители старались не трогать эту категорию рабочих, тем более, что здесь были сосредоточены самые опытные и квалифицированные работники.

Завершая разговор о проблемах мотивации труда в 1950–1980-е годы, подчеркнем, что на всем протяжении советской истории основополагающий социалистический принцип «каждому по труду» так и не нашел повсеместного реального воплощения в СССР. Внеэкономические методы решения проблем мотивации труда, доминировавшие в 1950–1980-е годы, приводили к нарастанию сложностей и противоречий в этой сфере. Если в промышленности, строительстве материально стимулирующая сдельная оплата труда затрагивала чуть меньше половины работников, то в целом, в народном хозяйстве страны 70 % заработной платы работников не была связана с итогами их работы [5, с. 230]. Таким образом, кризис советской системы мотивации труда наиболее

рельефно проявился в господстве уравнительной системы оплаты и массовой «выводилки», неэффективном, искаженном использовании фондов материального стимулирования, возрастающих масштабах корректировки планов, приписок. Экономические методы регулирования проблем мотивации труда так и не смогли преодолеть господство внеэкономических методов в этой сфере.

Библиографический список

1. Сагателян Г. Ш., Дядя С. А. Кризис советской системы мотивации труда в 30–80-е гг. XX века // Вестник Рязанского гос. университета им. С. А. Есенина. 2017. № 2.
2. Государственное учреждение Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГУ ГОПА НО). Ф. 4534. Оп. 2. Д. 357.
3. ГУ ГОПА НО. Ф. 39. Оп. 13. Д. 367.
4. ГУ ГОПА НО. Ф. 1244. Оп. 19. Д. 1.
5. Единство экономической и социальной политики развитого социалистического общества. Л., 1985.
6. ГУ ГОПА НО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3782.
7. Государственное учреждение Центральный архив Нижегородской области (ГУ ЦАНО). Ф. 6212. Оп. 1. Д. 863.
8. ГУ ЦАНО. Ф. 6212. Оп. 1. Д. 1098.
9. ГУ ГОПА НО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5021.
10. ГУ ГОПА НО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5020.
11. Механизм хозяйствования социалистического предприятия. Горький, ВВКИ, 1976.

УДК 130.2

Л. В. Фивейская,

доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России

РЕЛИГИЯ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФЕНОМЕН В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с активизацией религии в современном мире, указываются причины усиления влияния религиозного мировоззрения, раскрываются особенности соотношения церкви и государства в новейшей истории России, а также анализируются проблемы государственной политики в отношении религии и религиозных организаций.

Ключевые слова: религия, культура, свобода совести, столкновение цивилизаций, религиозный экстремизм.

L. V. Fiveiskaya,

Associate Professor, Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

RELIGION AS A SYSTEM-FORMING PHENOMENON IN MODERN CULTURE

The article examines issues related to the activation of religion in the modern world, indicates the causes of the increased influence of religious worldview, reveals the features of the relationship between church and state in the modern history of Russia, and analyzes the problems of state policy on religion and religious organizations.

Key words: religion, culture, freedom of religion, clash of civilizations, religious extremism.

Перешагнув рубеж тысячелетий, человечество оказалось в новой исторической реальности. Произошло то, что на протяжении всего XX века составляло предмет, как казалось, всего лишь научных дискуссий и прогнозов, – мир вступил в эпоху конфликта цивилизаций. «Столкновение цивилизаций» («the clash of civilizations») – термин, введенный в научный оборот Самюэлем Хантингтоном [4], со времени выхода в свет его нашумевшей одноименной книги («The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order» – 1996 г.) стал знаковым для описания современной эпохи.

Чем определены границы «разломов» между цивилизациями? Что является главным источником конфликтов между ними? В конце XX века прозвучал не столько неожиданный, сколько пугающий ответ – культура! Не преходящие политические и экономические интересы народов, государств, геополитических систем разделили человечество, но глубинные, фундаментальные, конституирующие душу человеческих сообществ ценности – его духовные константы такие, как язык, общность истории, обычаи, религия, самоидентификация. Причем, если посмотреть на бытующие в науке, в том числе и предложенную Хантингтоном, классификации цивилизаций, то очевидна роль религии как, по преимуществу, системообразующей цивилизационной основы. Поэтому можно сказать и так: разломы между цивилизациями существенно определены их религиозной ориентацией.

Чем обусловлена активизация религиозного фактора в современном мире? Этот вопрос особенно актуален для западного сообщества, для которого эпоха религиозных войн, казалось бы, навсегда осталась в прошлом, социальная жизнь которого последние несколько столетий со всей определенностью ориентируется на светские ценности и идеи. Причины обострения религиозной ситуации в мире множественны и разнохарактерны. Это, в первую очередь, активизация исламского фун-

даментализма, не принимающего в расчет ни этнические различия, ни национально-государственные границы. Это и массовая миграция на Запад, буквально захлестнувшая послевоенную Европу, существенно изменившая её демографическую картину, разрушающая национальную и культурную идентичность западноевропейских народов и государств. Процессы эти затронули и современную Россию. Если при этом миграционный фактор для российского государства не столь существен (хотя и не ничтожен), как для западноевропейского сообщества, то исламский фундаментализм, сопряженный с ним политический экстремизм и террор – одна из главных, отнюдь не региональных, но общероссийских политических проблем.

Активизация религиозной деятельности в нашей стране имеет и свои особые причины. Распад СССР повлек за собой не только смену политических режимов во всех государствах, сформировавшихся на постсоветском пространстве, включая и Россию, но в корне изменил духовную ситуацию в обществе. Религия оказалась той формой культуры, которую перемены затронули, если и не в наибольшей, то в весьма значительной степени. Десятилетия атеистической политики Советского государства вытеснили религию и церковь, независимо от конфессиональной принадлежности, на периферию духовной и социальной жизни страны и народа. Отказ в начале 1990-х годов от старой идеологии в отношении религии означал конец атеистической эпохи. Более того, формирующаяся в России государственность, оказавшись после крушения коммунистической идеи в идеологическом вакууме, попыталась в какой-то мере опереться на религию и церковь как духовно-нравственный институт.

Религиозный «ренессанс» подстегнули и процессы, происходящие в науке последних десятилетий. Сформированная идеологией Просвещения вера в безграничные возможности науки постепенно угасла. Стало понятно, что рациональное познание имеет свои пределы, ему, по выражению К. Ясперса, «не доступен космос бытия». Веру в то, что нашему рассудку доступно всё, Ясперс называл «научным суеверием» и считал его крайне опасным, поскольку «как только это суеверное преклонение перед наукой сменяется разочарованием, мгновенно следует реакция – презрение к науке, обращение к чувству, инстинкту, влечениям. Тогда все беды связываются с развитием современной науки» [5, с. 112]. Абсолютизация научного миропонимания обращается в свою крайность, и тогда «многочисленные древние боги, лишённые своих чар и принявшие, следовательно, образ безличных сил, выходят из могил, стремятся завладеть нашей жизнью и вновь начинают вести между собой свою вечную борьбу» [2, с. 727].

Что влечет за собой восстановление религии в правах? (Процесс этот на Западе начался раньше, чем в России, однако его причины, симптомы и последствия имеют общую природу.) В социальной, политико-правовой сфере должно констатировать, что отделение церкви от государства становится все более декларативным. Есть, конечно, различия в религиозной политике государств. Так, Франция прилагает немало усилий к сохранению светского характера своего государства, и в последнее время ей следуют другие европейские страны. США, напротив, демонстрируют не только толерантность и веротерпимость, но и сохраняют религиозные традиции в политической практике. (Весь мир может созерцать знаменитое «In God we trust» на банкнотах национальной валюты США.) В России процессы сближения государства с церковью столь же очевидны. Это и присутствие первых лиц государства на праздничных церковных богослужениях, и расширяющееся сотрудничество церкви с государственными, в особой степени – силовыми, службами, и освящение публичных зданий, это, наконец, религиозная терминология, совершенно немыслимая прежде, в гимне нашего государства. Как ни парадоксально, в современной России скорее церковь дистанцируется от государства, чем последнее от неё. Так, в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» – документе, содержащем базовые для РПЦ положения по вопросам отношения государства и церкви в современном мире – утверждается, что государство действует в падшем мире, поэтому, хотя право и «содержит в себе некоторый минимум нравственных норм», однако «задача светского закона – не в том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царство Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад» [3, IV.2]. С точки зрения церковного сознания процесс секуляризации общественных отношений, культуры приводит к такому «устроению миропорядка, при котором в центр всего ставится помраченная грехом человеческая личность» [3, XVI.4]. Православная церковь, дистанцируясь от государства, противопоставляя религиозную и светскую нравственную идеологию, неизбежно обособляется, стремясь сохранить свою чистоту, опасаясь разделить с государством ответственность за проводимые в современной России социальные преобразования.

Серьезные изменения претерпело современное мировоззрение. Период перемирия между наукой и религией завершился: теория двух истин больше не работает. Напротив, идет активная интеграция религиозного и научного мировоззрения, и в этом процессе нередко преобладает религиозный вектор. Сами ученые, прежде всего гуманитарии, заговорили о наступлении постсекулярной эпохи. Духовная ситуация в современном мире такова, что ни отмежеваться, ни умалчивать или не замечать происходящие в ней религиозные процессы невозможно.

Невозможна и однозначная их оценка. Что позитивного несет в себе религия? Религия есть абсолютная форма духа. Именно в религиозной форме человечество впервые открыло великие истины о мире и о себе, религиозное творчество вывело человека из первобытной дикости, открыв и раскрыв его духовную природу, произведя тем самым величайшую культурную революцию в истории человечества, выделив его из животного царства. Поэтому и каждый отдельный человек в своей духовной эволюции в норме проходит стадию религиозного сознания, что не означает формальной принадлежности к той или иной конфессии и уж тем более – обязательного воцерковления, но предполагает переживание внутреннего откровения духа, ускользающего от грубой чувственности и не рефлектируемого голым рассудком. Представление о религии как об отсталой форме сознания невежественных масс, «опиуме для народа» само по себе невежественно. Однако парадокс и проблема состоит именно в том, что религиозное сознание вообще нередко, а в отечественной культуре по большей части, бытует именно в реликтовой форме и, если и не есть по существу выражение невежества, то проявляется невежественно.

На уровне индивидуального сознания мы должны признать, во-первых, массовую безграмотность в вопросах религии. Атеистическое мировоззрение, последовательно и безальтернативно внедряемое Советским государством на протяжении десятилетий, исключило вопросы, связанные с религией, из образовательных программ светских учебных заведений всех уровней. Да и религиозное конфессиональное образование, сохранившееся в остаточных формах, почти утратило сложившиеся в дореволюционной России педагогические и теологические традиции. Народная религиозность приобрела характер слепой абстрактной веры или, что еще хуже, попросту суеверия. Такая религия – действительно «опиум для народа», невежественный дурман, порождающий религиозную нетерпимость и совершенно несвойственную мировым религиям агрессивность. Отсутствие должной информированности и непонимание сущности религии как формы культуры порождает вторую, бесспорно негативную, особенность отечественного религиозного сознания, а именно отождествление, или, по меньшей мере, сближение этнической и религиозной принадлежности индивида. К сожалению, православию это присуще в большей мере, чем, например, исламу или буддизму. Тому есть объективные причины: во-первых, поместный принцип церковной организации в православии вообще; во-вторых, действительное, в силу первого, преобладание этнических русских среди православных верующих; в-третьих, наконец, традиционно сильный в русском православии ветхозаветный дух – дух закона и богоизбранно-

сти народа (достаточно вспомнить знаменитую концепцию «Москва – Третий Рим»). Заметим, однако, что человек, просвещенный в религиозных вопросах, понимающий суть мировых религий (а православие, как христианская конфессия, есть религия мировая), даже будучи воцерковленным, в духе своем есть человек мира, ибо сказано апостолом, что во Христе «нет ни Еллина, ни Иудея» [1: 3, 11].

Государство, имея соответствующие политические и правовые инструменты, проводя взвешенную и продуманную политику в отношении религии и церкви, могло бы содействовать позитивным изменениям в этой сфере. Нельзя сказать, что в этом направлении ничего не предпринимается. Однако отсутствие соответствующего современным реалиям политического опыта и традиций порождает порой проблемы и на государственном уровне. Так, вряд ли оправданы попытки придать религии идеологический характер, хотя бы даже и в вопросах нравственности, не говоря уже о национальном самосознании. Россия – светское государство, и, при всем уважении к религии, нельзя ожидать, а тем более – требовать, чтобы все его граждане разделяли и принимали ценности, предложенные религиозной этикой. Россия, к тому же, – государство многоконфессиональное, и никакие рассуждения об общности нравственных религиозных постулатов не могут обратить христианина к исполнению законов Шариата, а мусульман сподвигнуть следовать заповедям Нагорной проповеди Христа. Следует сказать и об особом характере понимания многоконфессиональности в современной России. Уже сама формулировка «традиционные религии», под которыми разумеют христианство (по умолчанию – православие), ислам, буддизм и иудаизм, вызывает сомнение. Чем с точки зрения действующего права можно оправдать дискриминацию других, «нетрадиционных», конфессий? Но и в отношении «традиционных» равенство скорее декларируется, чем осуществляется на деле; по умолчанию же, именно Русская православная церковь принимается, по меньшей мере, как первая среди равных. Политика и идеология в отношении многоконфессиональности в нашей стране вообще носит характер веротерпимости, но не экуменизма. Такая политика не объединяет нацию, но, в лучшем случае, направлена на предотвращение религиозных конфликтов между народами и субъектами федерации.

Специального разговора заслуживает образовательная политика государства в отношении религиозного просвещения. Серьезные вопросы перед образовательными организациями поставило введение в школах предмета «Основы религиозных культур и светской этики». Несмотря на возможность выбора родителями и учащимися одного из шести предлагаемых модулей, преподавание ОРКСЭ носит, в значи-

тельной степени, конфессиональный характер, не говоря уже о том, что разделяет учащихся на верующих и неверующих. В процессе развернувшейся в обществе дискуссии мало кто подвергал сомнению целесообразность изучения в школе религии как культурного феномена, однако голос сторонников культурологического подхода не был услышан в достаточной мере. А именно на этой основе только и можно в светских учебных заведениях вести разговор о религии, во-первых, не нарушая принципы российской Конституции, и, во-вторых, преследуя цель сформировать у учащихся целостную картину мировой и отечественной культуры и в этом контексте – знание и уважение других религий. В этом смысле религия может и должна быть именно способом культурной самоидентификации человека, а не формой его социального позиционирования.

Библиографический список

1. Библия. Новый Завет. Послание к колоссянам святого апостола Павла.
2. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
3. Основы социальной концепции русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 08.01.2021).
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2006.
5. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 28–286.

УДК 327

О. К. Шиманская,

старший научный сотрудник, Центр по изучению проблем религии и общества Института Европы Российской академии наук (г. Москва)

НАСЛЕДИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА В ГОД ЕГО 400-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ: СТАРООБРЯДЧЕСТВО В БЛИЖНЕМ И ДАЛЬНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Современное старообрядчество в России и за рубежом это не только последовательный православный традиционализм, но и наиболее структурированная русская этноконфессиональная диаспора. Автор доказывает, что старообрядчество показывает способность к адаптации в современности, создавая самобытную религиозную субкультуру.

Ключевые слова: Старообрядчество, современность, ближнее и дальнее зарубежье, Россия, религиозная субкультура.

O. K. Shimanskaya,

Senior Researcher, Center for the Study of Problems of Religion and Society,
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (Moscow)

**THE LEGACY OF ARCHPRIEST AVVAKUM
IN THE YEAR OF HIS 400th BIRTHDAY:
OLD BELIEVERS IN THE NEAR AND FAR ABROAD**

Modern Old Believers in Russia and abroad are not only consistent Orthodox traditionalism, but also the most structured Russian ethno-confessional diaspora. The author proves that the Old Believers show their ability to adapt in modern times, creating a strong and distinctive religious subculture.

Key words: Old Believers, modernity, near and far abroad, Russia, religious subculture.

Старообрядчество, вышедшее из недр раскола русской церкви XVII в., это последовательный православный традиционализм в вероучении, культовой практике и образе жизни. Установка на сохранение традиции парадоксальным образом сделала старообрядцев активными участниками процессов внутренней колонизации, а затем и мировых миграций, в которых они приняли деятельное участие, подобно другим религиозным диссидентам Европы, явившимся проводниками процессов глобализации в планетарном пространстве. Трансграничные миграции ревнителю «древлего благочестия» создали исторически сложившуюся русскую этноконфессиональную диаспору во всех частях света. Сегодня крупные поселения русских староверов в дальнем зарубежье находятся в Румынии, Болгарии, Польше, США, Канаде, Австралии, в ближнем это страны Балтии, Беларусь, Украина, Молдова, Казахстан. Группы старообрядцев-мигрантов существуют в этих странах в условиях разных государственно-конфессиональных отношений, реализуют разнообразные модели отношений внутри и между собой, но их общность подчёркивается эсхатологическим и апокалипсическим отношением к современности. В то же время это не мешает им быть законопослушными гражданами в странах их пребывания, использовать современные технологии в бытовой повседневности, межличностном общении [3, 4].

Возрождение интереса к старообрядчеству в последние два десятилетия вышло за пределы исключительно научного междисциплинарного поля. Оно всё более заметно в публично-правовой сфере. Начало было положено помощью московского правительства в восстановлении комплекса Рогожской старообрядческой слободы в г. Москва, строительством паломнического комплекса на месте гибели протопопы Аввакума в Нарьян-Маре, установкой памятников меценатам Николе Бугро-

ву и Дмитрию Сироткину в г. Нижнем Новгороде, выходом на широкий экран фильма Н. Достала «Раскол» [9]. Далее, 17 марта 2017 г. состоялась встреча председателя Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ) митрополита Корнилия (Титова) с президентом России В. В. Путиным. «Думаю, что наша сегодняшняя встреча имеет поистине историческое значение – глава государства впервые за последние 350 лет официально принимает председателя православной старообрядческой церкви» [2], – сказал митрополит Корнилий президенту на встрече. А 31 мая 2017 г. состоялся ответный визит президента в Рогожский духовный старообрядческий центр. В. В. Путин стал первым главой российского государства посетившим его [6]. В ходе визита он обещал поддержку празднования юбилея прот. Аввакума президентскими грантами, содействие переселению зарубежных старообрядцев на родину.

Зарубежные старообрядцы ощущают сопричастность не только с единоверцами, но и с большой Родиной – Россией. Их принадлежность к «русскому миру» не только в исторической проекции, но и в актуальной родине по культуре и языку. Несмотря на разнообразие согласий и очевидные несходства в толковании христианского учения, у старообрядцев есть тяга к консолидации, что продемонстрировал состоявшийся в Москве 1–2 октября 2018 г. «Всемирный старообрядческий форум». Он был масштабной встречей старообрядческих клириков, общественных деятелей, учёных и предпринимателей. В Форуме участвовали как поповские, так и беспоповские направления: РПСЦ, РДЦ, ДПЦ, часовенные, федосеевцы, спасовцы. Представлены были религиозные и общественные организации староверов из России, Украины, Беларуси, стран Балтии, Молдовы, Румынии, и др. Присутствовали выборные от общин староверов из Южной Америки. Организатором выступил Культурно-паломнический центр им. протопопа Аввакума (М. Пашинин – поморское согласие, проф. д-р филос. наук М. О. Шахов), а средства на проведение выделены благотворительным фондом «Правда Русская». Доклады освещали современное состояние старообрядческих общин в разных регионах мира. Значительная часть выступлений касалась работы со старообрядческой молодёжью, старообрядческого предпринимательства и переселения староверов из-за рубежа. Так иерей Михаил Родин (РПСЦ г. Балаково Саратовской обл.) выступил с сообщением «О древлеправославном мировоззрении сквозь призму иностранной миссии РПСЦ» [7]. Он отметил, что сегодня уже нельзя проповедовать оборонное мировоззрение, старообрядцам необходимо активнее участвовать в светских научных и культурных мероприятиях, выступать в СМИ, это важно для миссии старообрядчества дома и за пределами России. О. Михаил сказал, важно чтобы иностранные братья по вере могли сохранять самобытность, местную

старообрядческую народную культуру, но сохраняя правила церковного благоприличия, не стоит настаивать на сарафанах, платках и повойниках в мирской жизни. Важен баланс между сохранением своих традиций и уважением традиций других народов.

Дискуссии завершились принятием итоговой резолюции, в которой участники форума заявили, что состоявшаяся встреча стала шагом к развитию диалога и взаимопонимания между староверами, к укреплению соработничества в сфере общественной жизни, в общем деле сохранения культурного наследия, поддержки трудовой этики и традиционных семейных ценностей. Признание России как общей исторической родины, использование русского языка как языка семейного и внутрицерковного общения, общность культурных и бытовых традиций объединяет староверов всех стран и согласий. Проживая на территории различных государств, староверы являются гражданами лояльными к государственной власти, мирно соседствующими с представителями других вероисповеданий. Они неизменно проявляют попечение о благоденствии своих стран, не теряя духовных и культурных связей с Россией. Тем самым, живущие вне России староверы содействуют диалогу между народами и государствами. Участники форума полагают необходимым развивать сотрудничество между старообрядческими религиозными организациями России и других стран, оказывая взаимную помощь в делах сохранения памятников истории и культуры, социального служения. Поэтому 400-летие протопопа Аввакума в 2020 году готовилось совместными усилиями староверов всего мира, предполагалось проведение Всемирного старообрядческого форума, которое было перенесено на год из-за пандемии COVID-19.

Как считает известный украинский исследователь старообрядчества А. А. Пригарин [5, с. 131–135], можно схематично говорить о трёх вариантах взаимодействия старообрядчества и современности:

1. «Уход от мира» – бегство от стандартизации, технократизации и цифровизации. Известный и яркий пример этой стратегии семья Лыковых. Этот феномен интересен как исследователям, так и писателям старообрядцам, о чём свидетельствует недавно вышедшая работа А. С. Лебедева «В Агафьиной тайге» [1, с. 7–538]. Отшельничество сегментирует стратегию жизни отдельных лиц и групп в виде монастырских общин, но такая модель жизнеспособна лишь при поддержке внешнего мира. Символическая манифестация аскезы полностью базируется на дихотомии с внешним грешным миром.

2. «Пакетное сосуществование» – жизнь в глобализирующемся мире, без действенного сопротивления ему, но и без поддержки. Несмотря на формальное осуждение проявлений Антихриста, бытовая

повседневность втягивает староверов в технические и технологические новшества. Инновации используются конкретными личностями и общинами. К таким новшествам относятся создание и функционирование многочисленных сайтов и групп в социальных сетях.

3. «Выход из староверия» – человек или целые сообщества, отказываются от традиционализма, «обмирщаются». Потомки старообрядцев помнят о своём происхождении, зачастую помогают старообрядческим общинам и начинаниям. Обмирщение связано и с личным выбором человека, и с соответствующими общественными стандартами в то или иное время.

Эти тенденции и сюжеты в жизни современных старообрядцев обращают нас к известной работе американского социолога и теолога Питера Бергера «Десекуляризация мира. Возрождающаяся религия и мировая политика», увидевшей свет в 1999 г. [10]. В ней он заключает, что модернизация и глобализация имеют различный в зависимости от страны и доминирующей конфессиональной культуры секулярный эффект. Современная секуляризация в публично-правовом поле не обязательно подразумевает секуляризацию на уровне персонального религиозного сознания. Религиозные институты могут терять власть и вес в обществе, но религиозные убеждения и практики будут существовать в жизни людей, принимая новые организационные формы, приводя к усилению религиозного энтузиазма и контрсекуляризации. Люди приверженные религии или определяют современность как врага, с которым необходимо бороться или считают современность непобедимой и призывают к приспособлению и адаптации. Полярные стратегии неприятие и адаптация, по мнению П. Бергера, подразумевают две наиболее вероятные модели будущего религий и религиозных культур: «религиозная революция» и создание религиозных субкультур. В первом случае, это попытка овладеть обществом и сделать радикально антисовременную религию обязательной для всех. Но в современном демократическом и плюралистичном обществе вряд ли возможна устойчивая религиозная монополия. Другой путь противостояния современным идеям и ценностям – это создание религиозных субкультур, минимизирующих секулярный урон современности и приспособляющих влияние внешнего мира для своих членов. Как известно, современная культура тотальна и всепроникающа, поэтому отрицание соглашения с современностью представляется бесперспективным.

Как пишет известный отечественный социолог религии М. Ю. Смирнов, применительно к российским реалиям, формат присутствия религиозного фактора всегда был и есть подвижен, определяется обстоятельствами времени, места и действия религиозных индивидов и групп, при этом: «конкретные модусы религии преходящи, но умонастроения и психоэмоциональные состояния, инспирированные мистиче-

ским настроем, константны» [8, с. 178]. То есть, наличие религиозных настроений, в том числе и в их традиционалистских видах, всегда найдут приемлемый для себя вид существования. Он вновь будет соотносить строгость Писания и религиозной практики с запросами современности и существованием современного верующего человека, в том числе и старообрядца. В этой связи мы приходим к выводу, что современное старообрядчество в России и за рубежом, постоянно соотнося традицию и современность, всё больше эволюционирует от маргинальной религиозной конфессиональной корпорации, находящейся в искусственной резервации, созданной условиями внешних гонений, к развитой религиозной субкультуре, находящейся в состоянии продуктивного диалога с современностью.

Библиографический список

1. В Агафьиной тайге: коллективная монография / отв. ред. Г. С. Широкалова. Н. Новгород: ФГБОУ ВО Нижегородская ГСХА, 2020. 568 с.
2. Глава старообрядцев поблагодарил Путина за встречу 17.03.1917 // РИА. Новости. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20170317/1490225113.html> (дата обращения: 20.12.2020).
3. Душак Н. С. Как религия становится более заметной в публичном пространстве: старообрядческие сообщества в социальных сетях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (2). С. 184–206.
4. Ермолин Д. С. Старообрядчество online: мосты, границы и информационные потоки // Кунсткамера. 2020. № 3 (9). С. 130–140.
5. Пригарин А. А. Старообрядчество и глобализация: вариативность моделей взаимодействия // Всемирный старообрядческий форум. (Материалы международной конференции, Москва, 1–2 октября 2018 г.). М.: КПЦ им. Прот. Аввакума, 2018. С. 128–137.
6. Путин посетил старообрядческий Рогожский духовный центр в Москве 31.05.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4297324> (дата обращения: 20.12.2020).
7. Родин Михаил, иерей. О древлеправославном мировоззрении сквозь призму иностранной миссии РПСЦ // Всемирный старообрядческий форум. (Материалы международной конференции, Москва, 1–2 октября 2018 г.) М.: КПЦ им. Прот. Аввакума, 2018. С. 189–193.
8. Смирнов М. Ю. Новые формы религиозной жизни общества // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2020. № 1. С. 177–184.
9. Шиманская О. К. Современное старообрядчество в России: от изоляции к социальному служению // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в научной, музейной и библиотечной работе: труды III Международной научной конференции (Мир старообрядчества. Вып. 9 / сост. Н. В. Литвина, Ю. С. Белянкин. М. С. 715–731).
10. Berger P. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religious and World Politics / Ed. P. Berger. Ethic and Public Policy Center Washington, D. C. Washington, 1999.

УДК 930.1, 322.22

Виталий (И. Н. Уткин), игум.,

ученый секретарь и старший преподаватель Свято-Алексеевской
Иваново-Вознесенской православной духовной семинарии (г. Иваново)

ТРЕЗВЕННИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (Социально-политический аспект)

Статья посвящена социально-политическим аспектам развития трезвеннического движения в России в годы Первой мировой войны. Используются материалы «Владимирских епархиальных ведомостей». Автор утверждает, что трезвенническое движение в целом носило имитационный характер.

Ключевые слова: алкоголизм, трезвость, трезвенническое движение, Церковь, духовенство, власть, Первая мировая война.

Vitaly (I. N. Utkin), abbot,

Scientific Secretary and Senior Lecturer of the St. Alekseevsky
Ivanovo-Voznesensk Orthodox Theological Seminary (Ivanovo)

SOBRIETY MOVEMENT IN VLADIMIR PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR (Socio-political aspect)

The article is devoted to the socio-political aspects of the development of the sobriety movement in Russia during the World War I. Based on the materials of "Vladimir Diocesan Gazette". The author claims that the sobriety movement as a whole was an imitation.

Key words: alcoholism, sobriety, sobriety movement, Church, clergy, power, World War I.

В годы Первой мировой войны одним из факторов социально-политической жизни России явилось трезвенническое движение.

Начало активного существования такого движения было положено в довоенный период. Так, например, в Иваново-Вознесенске при храме Спаса Всемилоственного в Хуторове в 1911 году по инициативе священника Александра Миртова было создано Свято-Ольгинское общество трезвости. Ему удавалось вовлекать в свою деятельность большое количество людей. В мае 1913 года в крестном ходе общество участвовало около 10 тысяч человек [9, с. 144–145]. В селе Орехове Покровского уезда Владимирской губернии приходское Свято-

Никольское общество трезвости действовало с 1901 года. Здесь были учреждены специальные религиозно-нравственные чтения и миссионерский кружок, введено общее хоровое пение, создана касса взаимопомощи трезвенников [8, с. 735].

В 1914 году трезвенническое движение стало важным инструментом в руках власти для мобилизационного объединения общества. Начавшийся грандиозный военный конфликт рассматривался как средство всестороннего обновления России.

В царском рескрипте на имя министра финансов высказывалось «настойчивое пожелание принять решительные меры к развитию и укреплению трезвенности в России» [5, с. 712]. Автор «Владимирских епархиальных ведомостей» утверждал: «Навстречу голосу Государя пошли власть духовная и гражданская, общественные учреждения, городские и земские, и сам народ» [5, с. 712].

В периодической печати, в ходе войны сформировавшейся, фактически, в единое информационное пространство, успешность или неуспешность борьбы за трезвенность становится критерием для политических оценок.

Священник Иоанн Гиляровский во «Владимирских епархиальных ведомостях» еще в июне 1914 года говорит об «обидях» на «левую печать», утверждавшей, что «приходское духовенство в общей массе своей не проявляет почти никакой инициативы в деле отрезвления народа». Он старается доказать, что священнослужители, даже те, кто раньше «находили утешение в бутылочке», являются активными борцами за трезвость [3, с. 501–503].

Спустя два месяца, 31 августа 1914 года ректор Владимирской духовной семинарии протоиерей Павел Борисовский в своей проповеди в семинарском храме утверждал, что алкоголизм разрушает общественную жизнь страны, подрывает ее производительные силы, разрывает социальную ткань общества. Он восклицал: «Алкоголь питает инстинкты зверства, жестокости и дикой расправы, понижает нравственную чуткость и вкус ко всему благородному и возвышенному» [2, с. 711]. Владимирский ректор призывает к «воскресению нашей страны от пьянственного усыпления» [2, с. 712].

Городские думы, земства, общественные организации принимают ряд постановлений и приговоров, требующих введения жесткого запрета на продажу спиртного во время войны. Такое постановление, например, было принято на совещании представителей волостей, правительственных и общественных учреждений Владимирского уезда, а также на совещании городских голов Владимирской губернии [5, с. 714]. Единогласно голосовали за такое решение Московская городская дума, собрания рабочих Обуховского, Путиловского, Балтийского завода [5, с. 714].

Эта общественная активность, с одной стороны, инициировалась непосредственно государственной властью, с другой воспринималась как часть, вызванного войной, «необыкновенного подъема народного духа», когда, как писали «Владимирские епархиальные ведомости», «исчезли раздоры, распри, партийные, классовые и личные интересы, все слилось в одном порыве высокого патриотического чувства» [5, с. 715].

В итоге «председатель Совета министров объявил Совету министров», что император 22 августа «высочайше повелеть соизволил: существующее воспрещение продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в империи продолжить вплоть до окончания военного времени» [4, с. 730]. По сути, это было введение «сухого закона».

В первые месяцы войны власти всех уровней и периодическая печать, как светская, так и церковная, соревновались в предоставлении статистических материалов о позитивном влиянии правительственных мер. Докладывали, например, что в Москве в ходе мобилизации преступность сократилась на 47 %, в Екатеринбурге на 75 %. Даже такая столица криминала, как Одесса, выдавала соответствующую круглую цифру в 50 % [5, с. 715]. Доказывалось, что производительность труда «за месяц трезвости» якобы выросла на 35 % [10, с. 785].

Так как на протяжении десятков лет винная монополия была одним из главных средств пополнения государственного бюджета, то в предвоенный период борцы за трезвость опасались неодобрения своей деятельности со стороны властей [10, с. 784]. Теперь же в печати всячески подчеркивалось, что бюджет, даже при всех чрезвычайных расходах на военные нужды, не пострадает от введения «сухого закона». Ожидалось, что на фоне общественного воодушевления разовьется «нравственный капитал, приобретенный в трезвой жизни», который, как писали «Владимирские епархиальные ведомости», «заключает в себе источник и для улучшения финансовых средств государства, для покрытия убылей от прекращения питейного дохода» [10, с. 785].

Впрочем, «Владимирские епархиальные ведомости» утверждали, что «государство, отказавшись от питейного дохода для блага самого населения, тем самым приобретает нравственное право возложить на население покрытие понесенных им убытков новыми видами обложения» [10, с. 785]. При этом церковная печать, ставшая в годы войны частью общегосударственной машины военной пропаганды, уверяла, будто «трезвое население без ропота встретит это новое обложение и без труда понесет его» [10, с. 785].

То есть убыток от введенного в стране «сухого закона» предполагалось покрыть за счет граждан.

Между тем, только в 1913 году расходы населения на крепкие спиртные напитки составили 3 миллиарда рублей. Во Владимирской губернии водки было выпито 1 миллион 583 тысячи 291 ведро, населением на это потрачено 13 миллионов 335 тысяч 524 рубля [7, с. 866]. Это больше, чем 2/3 ведра на человека, считая стариков и младенцев.

Ожидания общественного расцвета и преобразования страны в ходе «сухого закона» не оправдались. Авторитета государственной власти, общественных организаций и Церкви хватило лишь на очень короткий срок.

Уже в октябре 1915 года Владимирское Братство святого благоверного великого князя Александра Невского констатировало мощный откат населения к пьянству. В его обращении, опубликованном во «Владимирских епархиальных ведомостях» говорится про воцарившуюся было, якобы «абсолютную трезвость»: «Недолго продолжался этот период русской жизни» [7, с. 864].

Совет Братства призывал всех священнослужителей активнее включаться в борьбу за трезвость. В его воззвании утверждалось, что «корни пьянства скрываются в глубинах духа и тела народного организма», пьянство поддерживает и развивает «современный уклад деревенской жизни, тонущий в клоаке разных пороков, в темноте и развращенности» [7, с. 865].

Совет Братства призывал пастырей способствовать обновлению всех ткани общественной и экономической жизни через образование «кредитных и потребительских товариществ, сельскохозяйственных обществ и других кооперативных учреждений», дабы внести в «повседневную трудовую жизнь» «христианские истины» [7, с. 865].

Опубликованное во «Владимирских епархиальных ведомостях» воззвание Братства констатировало, что на всю огромную губернию в 1915 году приходилось лишь 35 приходских обществ трезвости, никак не связанных друг с другом и не оказывающих друг другу никакой поддержки, при том, что многолетним органом, призванном координировать всю церковно-общественную деятельность, и являлось само Владимирское Братство святого благоверного великого князя Александра Невского [7, с. 867]. К тому моменту при Братстве вот уже год, как действовала особая «Трезвенная комиссия», выработавшая «программу трезвеннической деятельности в епархии» [6, с. 562]. Однако эта программа по большей части так и осталась нереализованной.

2 октября 1916 года во Владимире при этом братстве были торжественно открыты противоалкогольный музей и библиотека [1, с. 557]. Архиепископ Владимирский и Шуйский Алексей (Дородницын) в своей речи на этом торжестве выражал надежду, что музей на станет «мерт-

вым учреждением», но послужит «проводником в народную массу начал трезвости, начал здоровой благочестивой жизни» [1, с. 561].

Музей был устроен на денежную субсидию Министерства финансов [6, с. 564]. Это было собрание в одном помещении наглядных пособий о вредном влиянии алкоголя на организм человека, семью, общественную жизнь и экономику. Впрочем, здесь же предполагалось разместить «экспонаты» и о получивших широчайшее распространение средствах подпольного изготовления различных суррогатов спиртных напитков. Предполагалось, что в музее будут проводиться бесплатные экскурсии для всех желающих [6, с. 564].

Однако уже через несколько месяцев революция совершенно изменила весь уклад народной жизни.

В целом можно констатировать, что трезвенническое движение в годы Первой мировой войны носило верхушечный и в значительной степени имитационный характер, напрямую поддерживалось усилиями светских и духовных властей. Оно так и не стало реальным средством духовного и общественного обновления России.

Библиографический список

1. *Алексий (Дородницын), архиеп.* Речь Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Алексия, архиепископа Владимирского и Шуйского при открытии 2 октября 1916 года противоалкогольного музея при Александро-Невском братстве в городе Владимире // Владимирские епархиальные ведомости. 1916. № 44–45 неоф. С. 557–561.
2. *Борисовский Павел, прот.* Война и трезвенническое движение в России // Владимирские епархиальные ведомости. 1914. № 36 неоф. С. 710–712.
3. *Гиляревский Иоанн, свящ.* Обида духовенству // Владимирские епархиальные ведомости. 1914. № 26 неоф. С. 501–504.
4. Запрещение продажи водки // Владимирские епархиальные ведомости. 1914. № 36 неоф. С. 730.
5. К вопросу об укреплении трезвости в населении России // Владимирские епархиальные ведомости. 1914. № 36 неоф. С. 712–715.
6. *Овчининский Н.* Епархиальный противоалкогольный музей во Владимире // Владимирские епархиальные ведомости. 1916. № 44–45 неоф. С. 561–565.
7. От Совета Братства святого благоверного великого князя Александра Невского // Владимирские епархиальные ведомости. 1915. № 43 оф. С. 864–867.
8. Свято-Никольское Ореховское общество трезвости // Владимирские епархиальные ведомости. 1915. № 36 неоф. С. 735–736.
9. *Тихомиров А. М.* Ивановская митрополия Русской Православной Церкви. Иваново-Вознесенская епархия. Иваново: ИД «Референт», 2019.
10. Трезвость и государственный бюджет в России // Владимирские епархиальные ведомости. 1914. № 39 неоф. С. 783–786.

УДК 316.4

Т. П. Белова,

доцент, Ивановский государственный университет

**ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДА В МАЛОМ ГОРОДЕ
(На материалах города Заволжска)**

Город Заволжск Ивановской области относится к малым городам кризисного, депрессивного типа. Результаты социологического исследования выявляют позитивные и негативные детерминанты социальной деятельности православных приходов Заволжска.

Ключевые слова: детерминанты, социальная деятельность, православный приход, малый город.

T. P. Belova,

Associate Professor, Ivanovo State University

**DETERMINANTS OF SOCIAL ACTIVITY
OF THE ORTHODOX PARISH IN THE SMALL TOWN
(Based on the materials of the town of Zavolzhsk)**

The town of Zavolzhsk, Ivanovo Region, belongs to the crisis, depressive type of small towns. The results of the sociological research reveal the positive and negative determinants of the social activity of the Orthodox parishes of Zavolzhsk.

Key words: determinants, social activities, orthodox parish, small town.

В современной России насчитывается более 1100 городов, из которых свыше двух третей являются малыми, то есть насчитывают менее 50 тысяч человек. В них проживает треть россиян [1, с. 6]. Немалая доля малых городов в нашей стране по своему социально-экономическому развитию относится к проблемным, депрессивным. Таковым в Ивановской области является, например, город Заволжск. Это один из самых молодых городов нашего региона. Он был основан в 1954 г. Свое название город получил по географическому положению относительно центра области (из-за расположения за Волгой). С образованием в 1958 г. Заволжского района, город становится его центром, а градообразующее предприятие получает название «Заволжский химический завод им. М. В. Фрунзе».

В настоящее время в условиях пандемии многие проблемы города и его жителей ещё более обострились: низкий уровень благосостоя-

ния, безработица, убыль населения, невысокое качество медицинского обслуживания, плохая экология и т. д. Решение всех проблем затрудняют дефицит бюджета, ограниченный рынок труда и другие факторы. Однако изменение ситуации не может быть сферой ответственности исключительно властей Заволжска. На неё должна быть ориентирована и социальная деятельность горожан, т. е. их целенаправленная активность по преобразованию окружающего общественного пространства (в данном случае городской среды). Эта деятельность будет более эффективной при условии включённости в неё институциональных сообществ.

Большим социальным потенциалом в малых городах Центральной России обладают приходы Русской православной церкви, как правило доминирующие в их конфессиональном пространстве. Значимость приходских общин как социальных субъектов отмечается в официальных документах РПЦ [2, 3], а многие направления социального служения, реализуемых церковью, направлены на решение тех проблем, которые остро стоят перед жителями малых городов.

В настоящее время в Заволжске функционирует два православных храма – Церковь Богоявления Господня и Церковь иконы Божией Матери «Скоропослушница», находящиеся в разных частях населённого пункта. Настоятелем обоих приходов является протоиерей Павел Сажин. (Один настоятель на несколько храмов – типичная ситуация для небольших населённых пунктов).

Для того, чтобы выяснить, каким образом православные приходы города осуществляют социальную деятельность и как её оценивают жители, в мае-июне 2020 г. в г. Заволжске был проведён анкетный опрос по квотной выборке (в соответствии с демографической структурой городского населения). Опрос проходил в онлайн и офлайн формате. В исследовании приняли участие 100 чел., из них 42 % мужчин, 58 % женщин. По возрастным группам распределение в выборке было следующим: 18–29 лет – 12 %; 30–39 лет – 16 %; 40–49 лет – 17 %; 50–59 лет – 18 %; 60 лет и старше – 37 %. Более половины опрошенных имеют среднее профессиональное образование (56 %), около трети – незаконченное и высшее образование (30 %), неполное, общее среднее и начальное профессиональное (14 %). По роду занятий респонденты представили три категории: 1) те, кто работает и совмещает учёбу с работой – 48 %; 2) работающие пенсионеры – 26 %; 3) не работающие (учащиеся, пенсионеры, временно не работающие) – 26 %. По оценке материального положения малообеспеченные составили 54 %; обеспеченные – 46 %. По семейному положению распределение опрошенных следующее: женат/замужем – 67 %; холост/не замужем – 12 %; разведён/разведена – 8 %; в незарегистрированном («гражданском») браке – 4 %; вдовец/вдова – 9 %.

Верующими являются почти 2/3 респондентов; сомневающимися, колеблющимися – каждый четвёртый, не интересующимися религией или неверующими – каждый десятый.

Более половины опрошенных отнесли себя к православию. Около пятой всех опрошенных верят в Бога, но к определённой конфессии себя не относят. Чуть меньшее количество относят себя к христианству, но ни к какому-либо конкретному направлению не принадлежат. Обе эти категории являются внеконфессиональными верующими. Неверующие, не имеющие конфессиональной идентичности составили 8 %.

Регулярно ходят в православный храм (от нескольких раз в неделю до нескольких раз в месяц) 12 % участников опроса; нерегулярно (несколько раз в год, но не каждый месяц) – 50 %; не ходят в православный храм 38 %.

Самая большая доля тех, кто регулярно ходит в храм, а значит может быть отнесён к прихожанам, отмечается среди женщин и в возрастной группе 40–49 лет, в которой больше всего православных верующих (71 %). С большей частотой в храм ходят не работающие, среди которых абсолютное большинство составляют пенсионеры. Несколько чаще регулярно ходят храм и меньше других не ходят в храм люди, состоящие в браке, и те, кто живет одиноко.

Совсем нет тех, кто регулярно ходит в храм среди молодёжи. Также в возрастной группе 18–29 лет больше всего тех, кто вообще не ходит в храм. Это обусловлено тем, что среди молодых респондентов меньше всего православных верующих (25 %). Среди тех, кто не ходит в храм, преобладают мужчины.

Преимущественно респонденты посещают храм для того, чтобы поставить свечи (77 %), передать записки за здоровье и упокой (52 %), а также для того, чтобы получить поддержку в сложные периоды жизни (42 %). Религия в качестве главной жизненной ценности является мотивом хождения в православных храм только у опрошенных в возрасте от 60 лет и старше (12 %), а также у женщин (7 %). Чтобы совершить таинства или послушать проповедь в основном в храм приходят респонденты в возрасте 18–29 лет (25 %), т. е. опрошенные из той возрастной группы, в которой меньше всего православных и нет тех, кто регулярно ходит в храм. Этот мотив также чаще указывают мужчины (25 %). Они же чаще ходят в храм для того, чтобы получить поддержку в сложные периоды в жизни (55 %). Также большее число респондентов мужского пола отметили, что им нравится душевная атмосфера храма (35 %). Женщины почти в два раза чаще мужчин посещают храм с целью передать записки за здоровье и упокой.

Из всех опрошенных, посещающих храм, треть опрошенных указали, что на воскресной службе они встречают примерно равное коли-

чество знакомых и незнакомых людей, примерно столько же людей указали, что не обращают на это внимания. Среди тех, кто бывают в храме регулярно, знакомых там встречают чаще. Те, кто посещают храм нерегулярно, в основном не обращают внимания на то, знакомы они с прихожанами, или нет.

Те, кто посещают храм регулярно, чаще отмечают, что среди прихожан есть люди, к которым можно обратиться за помощью (81 %). Среди таких людей нет ни одного человека, ответившего, что людей, к которым можно обратиться за помощью, нет. Половина тех, кто ходят в храм нерегулярно, и четверть тех, кто вообще не бывает в храме, ответили, что они знают прихожан, на помощь которых могут рассчитывать. Таким образом, приходы в Заволжске – это сетевые структуры, в которых выстраиваются практики взаимной поддержки по горизонтальному уровню, при этом социальная деятельность прихожан не ограничивается церковной общиной.

Большинство опрошенных жителей Заволжска признают очень важными или скорее важными социальные программы РПЦ. По степени важности оценки расположились в следующем порядке:

- 1) помощь детям, детским приютам (81 % «важна и скорее важна» против 5 % «скорее или вообще не важна»);
- 2) помощь инвалидам, престарелым (76 % против 8 %);
- 3) поддержка малоимущих (76 % против 9 %);
- 4) помощь бездомным (71 % против 10 %);
- 5) помощь в реабилитации наркозависимых, алкозависимых (66 % против 15 %);
- 6) служение в больницах (62 % против 19 %);
- 7) работа с заключенными (57 % против 15 %);
- 8-9) поддержка семьи, борьба с абортами (55 % против 21 %);
- 8-9) волонтерские программы (55 % против 21 %).

Таким образом, опрошенные жители Заволжска высоко оценили потенциальную пользу социальных программ РПЦ. Указанные программы, согласно официальным документам РПЦ, реализуются и на приходском уровне [2]. Их реализация могла бы смягчить проблемы жителей г. Заволжска. Но есть ли у них желание участвовать в социальных программах РПЦ? Положительно ответили 16 % респондентов, более половины из них – те, кто регулярно ходит в храм. Нет ни одного желающего среди тех, кто в храм не ходит. Практически нет желающих участвовать в социальных программах РПЦ у работающих респондентов, в том числе у работающих пенсионеров.

Участники исследования оказывают различную поддержку нуждающимся: 2/3 опрошенных дают милостыню просящим; примерно каждый четвертый переводит деньги на счета больных, которым требу-

ется срочная операция, сложное лечение и восстановление; участвует в сборе продуктов/вещей для жертв катастроф или стихийных бедствий, а также вносит денежные пожертвования в фонды и общественные организации. Однако в подобных акциях, организованных в храмах, участвовали только 2 % респондентов.

Тем не менее 2/3 респондентов интересуются информацией о социальной деятельности приходов города. Главными источниками информации выступают прихожане, родственники и знакомые, а также городские СМИ. Половина молодых жителей (18–29 лет) в качестве источника информации об этой приходской деятельности указала социальные сети и Интернет.

Но в целом опрошенные слабо представляют, какие виды социальной помощи оказывается на приходах г. Заволжска. Только каждый девятый опрошенный знает о существовании штатного приходского социального работника. О нём не знают даже те, кто регулярно ходит в православный храм, хотя к его основным функциям относится непосредственное администрирование и выполнение социальной работы прихода, которая включает разнообразные направления, например: формирование группы добровольцев, готовых и способных осуществлять приходскую социальную деятельность; организация обучения лиц, принявших на себя обязанности добровольцев; составление и постоянное обновление списка нуждающихся в помощи прихожан (при этом приходской социальный работник должен лично знать таких людей и организовывать помощь им, привлекая к этому добровольцев); работа вне приходской общины с ведома благочинного и на основании указаний правящего архиерея; сбор средств как внутри прихода, так и вне его для финансирования социальных приходских программ; забота об информационном обеспечении приходской социальной деятельности посредством размещения информации на приходских сайтах, в приходских периодических изданиях и в светских СМИ; воспитание детей и молодежи прихода через предоставление им возможности посылно участвовать в социальных инициативах, а также через соответствующие программы обучения в воскресных школах; духовная поддержка лиц, находящихся в социальных и медицинских учреждениях, как из числа персонала, так и из числа опекаемых; участие в различных социальных программах и мероприятиях, осуществляемых в этих учреждениях; инициирование подобных мероприятий; оборудование храмов средствами, обеспечивающими доступ в них лиц с ограниченными возможностями и полноценное участие этих людей в богослужении [2].

Штатный приходской социальный работник призван помогать настоятелю в организации дел милосердия и благотворительности на приходе, но когда его фактически нет, эффективность социальной дея-

тельности церковной общины заметно снижается. Каналы социального взаимодействия без соответствующей организации приходского служения не реализуются.

Около трети участников опроса не видят никакого влияния приходского социального служения на решение проблем города и его жителей. Вдвое меньше тех, кто считает, что оно помогает в решении проблем в Заволжске.

Подводя итог, необходимо указать на то, что основными детерминантами социальной деятельности православных приходов в малых городах, особенно кризисного и депрессивного типа, к которым относится г. Заволжск, являются:

- значительная доля населения, нуждающаяся в социальной поддержке;
- многочисленная потенциальная социальная база приходского служения (больше половины жителей, идентифицирующих себя как православные);
- более плотные, по сравнению с крупными и средними городами, межличностные сетевые доверительные взаимодействия в малом городе, способные выступать каналами реализации социальной деятельности приходов.

В качестве факторов, осложняющих осуществление этой деятельности, следует назвать:

- слабую организацию приходской социальной работы, связанную с недостатком или полным отсутствием на приходах квалифицированных специалистов (штатных социальных работников);
- отсутствие на приходах подготовленных групп добровольцев, способных оказывать социальную, моральную, психологическую, духовную поддержку нуждающимся.

В результате эта поддержка в основном оказывается прихожанам в своём ближайшем окружении и на уровень городского сообщества не выходит.

Библиографический список

1. Малые города в социальном пространстве России / отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 545 с.
2. О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894.html> (дата обращения: 05.12.2020).
3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М.: ОВЦС МП, 2001. 128 с.

Секция 1

«РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ (РУБЕЖ XIX–XX вв. – НАЧАЛО XXI в.)»

УДК 930.1

К. Е. Балдин,

профессор, Ивановский государственный университет

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ В РОССИИ: ЖУРНАЛ «РУССКИЙ ПАЛОМНИК» НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

В статье рассматривается дореволюционный религиозный журнал «Русский паломник», предназначенный для широкой читательской аудитории. Автор анализирует его содержание, основные рубрики, особенности читательской аудитории.

Ключевые слова: периодическая печать, православное паломничество, религиозное воспитание, христианские святыни Палестины, религиозное чтение в России, реклама.

K. E. Baldin,

Professor, Ivanovo State University

CHRISTIAN READING IN RUSSIA: THE MAGAZINE «RUSSIAN PILGRIM» AT THE TURN OF THE 19TH – 20TH CENTURY

The article examines the pre-revolutionary religious magazine «Russian Pilgrim» intended for a wide readership. The author analyzes its content, the main columns, the features of the readership.

Key words: periodical press, Orthodox pilgrimage, religious education, Christian shrines of Palestine, religious reading in Russia, advertising.

В последние годы историки и журналисты обратили внимание на такую совершенно не изученную в течение большей части XX века тему как дореволюционная православная периодическая печать, которая представляла собой значительный сегмент в общем поле повременных изданий, по крайней мере – на рубеже позапрошлого и прошлого столетий. Между тем, по подсчетам, сделанным специалистами, до 1917 г. в

Российской Империи лишь православных газет и журналов насчитывалось около шести с половиной сотен названий, не считая печатных органов иных вероисповеданий.

Одни из них издавали различные структуры Русской Православной Церкви, издателями других являлись общественные организации и частные лица. Научный характер имели журналы, издававшиеся при высших духовных заведениях России. Это «Христианская беседа» и «Церковный вестник» Петербургской духовной академии, «Богословский вестник» Московской академии, «Воскресное чтение» и «Труды» Киевской духовной академии. Наряду с научными богословскими журналами, гораздо более массовыми тиражами распространялись иллюстрированные издания, рассчитанные на массового читателя: «Странник», «Православное обозрение», «Душеполезное чтение». Некоторые из них по своей популярности могли поспорить со светскими периодическими органами [1].

Одним из самых массовых иллюстрированных изданий являлся «Русский паломник», выходивший в Петербурге и рекомендовавший себя читателям как «еженедельный журнал для религиозно-нравственного чтения». Первый номер его увидел свет 1 сентября 1885 года. Редактором-издателем являлся Александр Иванович Поповицкий, действительный статский советник. Благословение на издание «Русского паломника» дал о. Иоанн Кронштадтский, который числился в составе редакционной коллегии. Коммерческую сторону деятельности журнала взял на себя известный издатель П. П. Сойкин, который сумел превратить его в предприятие. С 46-го номера в 1896 г. издание полностью перешло в собственность Сойкина, но выходило с прежним составом редакции [2].

Редакция журнала находилась в центре столицы на Владимирском проспекте, а потом на ул. Стремянной. Сначала журнал печатался в типографии С. Добродеева в Ковенском переулке, в типографии Е. Евдокимова по Троицкой ул. и в начале XX в. – типографии Сойкина на Стремянной ул. [4, 1886, № 37, с. 392; 189, № 25, с. 400; 1906, № 3, с. 34; 1912, № 6, с. 96]. В разные годы объем одного номера составлял 12–16 страниц. Годовая подписная цена с доставкой на дом в Петербурге и с пересылкой в другие населенные пункты равнялась 5 рублям, а потом 6 рублям, с пересылкой за границу сначала – 7 р., а потом – 10 р. [4, 1886, № 37, с. 381; 1912, № 6, с. 81]. Со временем для привлечения читателей журнал стал присылать своим читателям не только 52 номера в год, но и приложения – 12 книжек и литографированные картины [4, 1906, № 3, с. 34; 1912, № 6, с. 81]. Например, в 1912 году приложениями к журналу служили: полное собрание творений Григория Богослова,

«Полная православная энциклопедия» и ежемесячный журнал «Светоч» [4, 1912, № 6, с. 81].

Широкое распространение журнала в России было обусловлено и продуманной рекламной кампанией, которая проводилась Русской Православной Церковью. «Русский Паломник» рекламировался практическими всеми «Епархиальными ведомостями», которые выходили в каждой епархии и выписывались в большинстве приходов РПЦ. Приведем в качестве примера «Костромские епархиальные ведомости», которые регулярно призывали подписываться на «Русский паломник» в своих номерах уходящего года и в первых номерах следовавшего за ним года. В объявлении было указано, что это журнал «для семьи» и для привлечения подписчиков сообщалось – «при участии отца Иоанна Кронштадтского» [3, 1904, № 1, приложение]. Публикации журнала были рассчитаны на читателя, не отличавшегося высоким уровнем грамотности и не обладавшего широким кругозором. Большинство материалов было написано на понятном для этой аудитории языке.

На протяжении тридцати двух лет своего существования журнал целенаправленно стремилась оправдать свое название, поэтому публикации о паломниках и для паломников (уже совершивших путешествие и только намеревавшихся это сделать) имелись практически в каждом номере. В частности, на страницах журнала в 1880–90-х годах постоянно печатались очерки из таких циклов: «Русские в Палестине», «По Святой земле», «Из палестинских воспоминаний». В них говорилось об Иерусалиме, его ближайших окрестностях, Назарете, Вифлееме, Мамврийском дубе, колодце Иакова и других священных достопримечательностях Святой Земли, а также Сирии, Египта, Синая [4, 1886, № 46, с. 502; 1889, № 40, с. 476; 1895, № 25, с. 398].

Наверняка, большое впечатление на читателей произвела печатавшаяся подряд в двух номерах статья «Обзор мер по улучшению быта русских паломников в Палестине». В ней шла речь о деятельности Русской духовной миссии в Иерусалиме, Императорского Православного Палестинского Общества и других учреждений, которые создавали важные опорные точки для России в Палестине и одновременно стремились сделать для русских паломников морской путь в Палестину и пребывание в ней по возможности более комфортными и, разумеется, безопасными. Речь шла о снижении цен на пароходные билеты от Одессы до Яффы, о создании целой сети подворий, то есть гостиниц для русских паломников в Иерусалиме и других городах Святой земли [4, 1886, № 37, с. 381–382; № 38, с. 390–391].

В первые несколько лет издания журнала материалы о паломничестве в Палестину и о ее священных достопримечательностях занимали очень значительное место на страницах «Русского паломника». Однако со временем эта тематика была в основном исчерпана, и журнал перешел на более активную пропаганду внутрироссийского паломничества. Много внимания с 1890-х годов уделялось российским монастырям. Появились статьи и иллюстрации в виде рисунков и фотографий, посвященных российским обителям. Это Антониево-Сийский монастырь около Архангельска, Аркадиевский монастырь в Вязьме, Черниговский Елецкий около Чернигова, Мамай-Моджарский в Ставропольском крае, Глинская пустынь на границе Курской и Черниговской губерний и др. [4, 1895, № 26, с. 410; № 27, с. 423; 1906, № 6, с. 86; № 7, с. 107; № 10, с. 151; № 11, с. 167]. Следует признать, что не все публикации такого рода были удачными. Так, растянутый на два номера очерк об Антониево-Сийском монастыре выглядел довольно скучным и содержал множество подробностей, которые не могли заинтересовать рядового читателя.

В некоторых случаях статьи о святых местах сопровождались воззваниями о пожертвованиях в их пользу. На страницах журнала дважды печатались материалы и иллюстрациями о Спасо-Каменском монастыре в Вологодской губернии, расположенном на острове Кубенского озера. Здесь же было размещена просьба к верующим о сборе средств для этой обители, пострадавшей от наводнения [4, 1895, № 27, с. 431; № 30, с. 476–480].

«Русский паломник» не случайно позиционировал себя как журнал для религиозно-нравственного чтения. Практически в каждом номере помещались материалы, целью которых было внушение читателям и закрепление у них религиозно-нравственных поведенческих стереотипов. В статье под названием «Помощь нуждающимся в древние времена христианства» говорилось о нравственном императиве помощи ближним, как это было принято в общинах первых христиан [4, 1906, № 3, с. 35].

Религиозно-нравственное воспитание осуществлялось также в рамках очерков, объединенных в циклы «О религиозном воспитании» и «Мысли и заметки», материалы в последних представляли собой благочестивые размышления о различных темах, которые принято называть «вечными» [4, 1895, № 29, с. 451, 453; № 30, с. 467]. Журнал небольшими фрагментами печатал отрывки под названием «Из дневника Ивана Ильича Сергеева», в которых излагалось отношение к насущным вопросам жизни известного православного проповедника о. Иоанна Крон-

штадтского [4, 1895, № 25, с. 388; № 26, с. 403; № 27, с. 419; № 28, с. 436; № 29, с. 455; № 30, с. 468].

Целевой аудиторией для такого рода статей, прежде всего, были молодые читатели. Именно им была адресована рубрика «Советы юношам». Здесь печатались наставления, объяснявшие сущность греха и то, какие опустошения он производит в душе человека. Эти материалы сопровождались постоянными ссылками на Священное писание [4, 1895, № 25, с. 387; № 26, с. 402].

Наряду с воспитательной, редакция журнала ставила цель образовательную. Так как журнал был церковным, он стремился дать знания Священного Писания. Статьи популярно разъясняли читателям сущность христианских праздников, рассказывали об апостолах как о главных проповедниках учения Иисуса Христа (например, об апостоле Петре [4, 1895, № 26, с. 385]), о христианских святых – Марии Египетской, Власии Севастийском, преподобном Мартиниане и др. [4, 1906, № 7, с. 100; № 8, с. 116; № 11, с. 165].

Большинство читателей было в общих чертах знакомо с содержанием Нового завета, т. к. он изучался даже в начальных школах. Что касается Библии, то о ее содержании читатели из народа имели самое смутное представление. Редакция «Русского паломника» стремилась ликвидировать этот пробел в их знаниях. На страницах журнала появлялись отдельные очерки, популярно раскрывающие некоторые сюжеты Ветхого завета: например, «Колодец Махвела», где идет речь о таких ключевых библейских персонажах, как Авраам, Иосиф, Сарра [4, 1886, № 46, с. 504–505]. Библейскую историю разъясняли и с помощью иллюстраций, которые встречались почти на каждой странице. В частности, читатели имели возможность наглядно представить историю Иосифа Прекрасного по циклу картин: «Братья продают Иосифа», «Иосиф толкует сны» и др. [4, 1895, № 27, с. 421; № 28, с. 437].

Расширение кругозора читателей и удовлетворение их любопытства касалось не только религиозной сферы. В частности, практически в каждом номере в рубриках «Еженедельная летопись», «Церковные новости», «Вести и заметки» печатались новости о текущих событиях в России [4, 1885, № 38, с. 399, 402; № 11, с. 172]. Журнал знакомил читателей с отдельными эпизодами из прошлого Отечества, хотя в основном они были связаны с историей Русской Православной церкви. Это было несколько очерков о патриархе Гермогене, приуроченные к 300-летию со дня кончины его. В то же время печатались очерки о событиях, которые не имели прямого отношения к конфессиональной области: о битве на реке Калке с монголами, о походе Ермака в Сибирь, о творчестве

А. С. Пушкина (в связи с 75-летием со дня гибели поэта) [4, 1906, № 3, с. 43; № 4, с. 60; 1912, № 6, с. 84; 1912, № 7, с. 98–103; 1912, № 10, с. 157–159].

В одном из номеров редакция журнала объявила, что программа журнала предусматривает обзор иноверных исповеданий, предметов их поклонения и религиозных обычаев. Выполняя эти обещания, журнал опубликовал статью «Магометанские мечети». В ней говорилось об устройстве мечети; о том, что ислам запрещает изображения людей и животных и в мечетях можно встретить только растительные и геометрические орнаменты; о том, что в мусульманские молитвенные здания нельзя входить обутыми и т. п. [4, 1886, № 37, с. 388–389].

Расширению кругозора читателей способствовали также публикации, которые можно определить как страноведческие. В двух номерах были помещены материалы под общим названием «Абиссиния». В них говорилось о населении Эфиопии, об особенностях местного варианта христианской религии и о приезде абиссинского посольства в Петербург. Материалы о далекой стране сопровождались фотографиями [4, 1895, № 27, с. 432; № 28, с. 439, 446].

Журнал издавался в годы, характерные обострением социально-политических противоречий и интенсификацией общественного движения. Поэтому редакция не могла не откликнуться на текущие события. Чаще всего статьи «на злобу дня» публиковались в период первой российской революции. В начале 1906 г. в статье «К вопросу о монастырской собственности» говорилось о стремлении крестьян захватить монастырские земли и другое имущество в период подъема крестьянского движения в 1905 г. [4, 1906, № 1, с. 8]. В марте того же года было опубликовано воззвание «От Святейшего Синода пастырям православной российской церкви перед выборами в Государственную думу». Здесь церковное начальство призывало клириков РПЦ к участию в предвыборной кампании для того, чтобы провести в первый российский парламент депутатов, не сочувствовавших и противодействовавших революционному движению [4, 1906, № 10, с. 147].

Читатели принимали посильное участие в формировании портфеля редакции, в основном своими стихами. Этих поэтических упражнений были даже больше, чем мог вместить листаж журнала, вдобавок, не все стихи отличались высокими эстетическими качествами. Поэтому в рубрике «Почтовый ящик» редакция была вынуждена время от времени огорчать некоторых графоманов. В одном из номеров были отвергнуты сразу несколько стихотворений авторов, который пожелали скрыться под псевдонимами «Т.И.Б.», «К.П.», «С. В-ой» и др. [4, 1906, № 10, с. 158].

Особенно много беллетристики печаталось в праздничных номерах. На Рождество Христово и Пасху редакция (как и в других периодических изданиях) старалась не утомлять читателей «серьезными» информационными материалами и печатала в основном стихи и очерки. Например, в номере первом за 1906 г. были помещены очерки «С Новым годом» (за подписью «От редакции»), «С новым счастьем» автора А. Соболева со стихами, стихи «Умилосердись, Боже» П. Морозова, а также текст «Хозяин» редактора И. Феодоровского, последний относился к популярному тогда жанру святочного рассказа [4, 1906, № 1, с. 2–4, 6].

В одном из номеров были опубликованы стихи, которые по своему уровню были явно не любительскими, чувствовалось, что писал человек одаренный и это был явно не первый его поэтический опыт. Одно стихотворение «Надпись на картине» было посвящено художественному изображению Богоматери, а другое называлось «Легенда про Мертвое море». Оба они принадлежали поэту под инициалами К.Р. [4, 1886. № 39, с. 412]. Искушенная в литературе публика хорошо знала, что под этими инициалами скрывается великий князь Константин Константинович Романов, который писал не только стихи, но и драматические произведения.

Журнал благодаря издателю П. П. Сойкину являлся коммерчески состоятельным изданием. Деньги он зарабатывал не только благодаря подписчикам, которых у него было немало, но и за счет рекламы, публиковавшейся на последней странице. Здесь можно было найти объявления о продаже особого химического порошка для серебрения церковной утвари, литографированных картин «Водопад Кивач» и «Крушение императорского поезда 17 октября 1888 г.» (о железнодорожной катастрофе, в которую попал император Александр III вместе с семьей), фисгармоний американского производства и стоимостью от 110 до 1400 р. [4, 1886, № 39, с. 416; 1895, № 25, с. 400; № 30, с. 480] и т. п. Вместе с тем, рекламировались товары, которые не совсем сочетались с религиозной тематикой журнала: часы, «лампа-чудо», детская молочная мука «Нестле», чай «Царская роза», представлявшие тогда техническую новинку фотоаппараты. На страницах журнала найдена даже реклама самого крупного тогда в России универмага «Мюр и Мерилиз» в Москве [4, 1895, № 25, с. 400; № 26, с. 416; 1906, № 11, с. 174]. В годы, непосредственно предшествовавшие Первой мировой войне, издатели журнала решили, что журнал, посвященный духовной тематике не должен заниматься коммерческой деятельностью, и реклама товаров исчезла с его страниц.

«Русский паломник» являлся одним из самых тиражных журналов не только в контексте церковной периодики, но и в целом в медиапространстве дореволюционной России, что объяснялось, в первую очередь, его религиозно-нравственным характером. Благодаря этому он не только допускался во все библиотеки страны, но даже приветствовался, в том числе в так называемых народных библиотеках, за содержанием которых внимательно следили одновременно карательные органы и местные структуры Русской православной церкви в лице благочинных. Еще одной причиной широкого распространения «Русского паломника» было то, что он представлял собой типичный массовый журнал. Его материалы излагались понятно для простолюдинов, были богато иллюстрированы. Естественно, что такого рода периодический орган прекратил свое существование после Февральской революции 1917 г.

Библиографический список

1. Журналистика церковная в России. URL: <http://pravenc.ru/text/182365.html> (дата обращения: 08.01.2021).
2. Костромские епархиальные ведомости.
3. Православный журнал «Русский Паломник». История журнала. URL: <http://idr.ru/journal> (дата обращения: 22.03.2017).
4. Русский паломник.

УДК 281.93

М. В. Бегешев,

учитель истории, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 62 им. Ю. А. Гагарина» (г. Ижевск)

ВЗГЛЯДЫ ЕПИСКОПАТА РПЦ НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ И СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ КАМПАНИИ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В статье рассматривается круг епархиального епископата РПЦ, которые выражали свои взгляды на кампанию по изъятию церковных ценностей. На основе анализа делопроизводственных и публицистических материалов выявляется позиция архиереев по отношению к советской власти в свете антицерковной кампании.

Ключевые слова: Русская православная церковь, епископат, советская власть, церковно-государственные отношения, лояльность, кампания по изъятию церковных ценностей.

M. V. Begeshev,

Teacher of history, Municipal Educational Institution
«Secondary Comprehensive School 62» (Izhevsk)

VIEWS OF THE EPISCOPATE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CHURCH AND THE SOVIET GOVERNMENT IN THE CONTEXT OF THE CAMPAIGN OF CONFISCATING CHURCH VALUES

The article examines the organization of the diocesan episcopate of the ROC, which expressed their views on the campaign of confiscating church values. Based on the analysis of clerical and public materials, the author reveals the position of the bishops in relation to the Soviet government in the context of the anti-church campaign.

Key words: Russian Orthodox Church, episcopate, Soviet power, church-state relations, loyalty, campaign of confiscating church values.

Окончание Гражданской войны и победа в ней большевиков не принесли ни гражданского благосостояния в стране, ни примирения ни в обществе, ни между церковью и государством. Новая утвердившаяся власть продолжала антирелигиозную деятельность. Одним из поводов для наступления на церковь явился голод 1921 г. Вследствие данного обстоятельства гражданская власть начинает кампанию по изъятию церковных ценностей в 1922 г. Наряду с официальной целью изъятия – накормить голодающих, неофициальной целью был раскол среди духовенства церкви по вопросу о передаче церковного имущества советской власти.

В начальный период действия кампании велись активные переговоры с духовенством и верующими о выкупе церковных ценностей. По мнению исследователя Н. А. Кривовой, данные переговоры имели лишь одну цель – отвлечь внимание верующего населения, чтобы показать безобидность и ненастойчивость комиссии [9, с. 145]. В ходе подготовки к кампании был задействован епископ Смоленский Филипп (Ставицкий), который должен был воздействовать на паству для приведения ее к покорности изъятию. Однако 15 марта 1922 г. на собрании представителей православных приходов г. Смоленска было вынесено решение о неподчинении изъятию церковных предметов [9, с. 145–146]. Владыка Филипп дает свое согласие властям на свою агитацию верующих к передаче ценностей, что подтверждает лояльное отношение епископа к данной кампании.

Центром сопротивления изъятию стала новгородская епархия во главе с митрополитом Новгородским и Старорусским Арсением (Стадницким). 15 марта 1922 г. в г. Шуе Новгородской губернии произошло

народное выступление [9, с. 146]. В одном из своих воззваний от 19 апреля 1922 г. владыка Арсений призывает народ не сопротивляться изъятию, дабы избежать кровопролития [2, с. 126]. Но позже митрополит начал вести активную пропаганду против конфискации церковного имущества. Как видим, первоначально митрополит Арсений лояльно относится к кампании по изъятию ценностей, а позже начинает выступать против конфискации церковных предметов.

Отрицательное отношение к кампании выражал епископ Ростовский и Таганрогский Арсений (Смоленец), который в одном из своих посланий предал анафеме большевистскую власть, посягающую на церковное достояние и призвал паству сопротивлению изъятию имущества из храмов [13, с. 149].

Твердую и незаблемую позицию по отношению к данному вопросу имел митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский). 5 марта 1922 г. владыка предоставил заявление в Петроградскую Губкомиссию Помгол, где выразил протест против декрета ВЦИК [6, с. 231]. В документе митрополит Вениамин писал, что передача ценностей на помощь голодающим будет возможна только при соблюдении нескольких условий: «...ценности действительно пойдут на помощь голодающим» [6, с. 231–232]. Владыка Вениамин далее утверждал, что все пожертвованные средства должны быть переплавлены в слитки, т. к. «...только в виде последних [слитков] они могут быть переданы в качестве жертвы, а не в форме сосудов, прикасаться к которым, по церковным правилам, не имеет права ни одна несвященная рука» [6, с. 232]. Признавая нужду в помощи голодающим и благословляя к жертвованию, митрополит в то же время, отвергает принудительное изъятие церковных ценностей, называя этот процесс «акт кощунственно-святотатственный» [6, с. 232].

12 марта 1922 г. митрополит Вениамин вновь обратился с письмом Петроградскому Губисполкому. В письме владыка настаивал и уверял советскую власть, что церковными ценностями должна пользоваться непосредственно сама церковь, соответственно помощь голодающим она может оказать самостоятельно. В силу того, что церкви может быть отказано самостоятельное распоряжение священными предметами, то по утверждению владыки, она откажется от передачи церковного имущества по каноническим соображениям. Помощь же, церковь в данном случае может оказать путем сбора денег, различных вещей, продовольствия и предметов, не имеющих богослужебного характера [11, с. 151]. Если же предложение о помощи голодающим со стороны РПЦ вышеизложенным способом не будет воспринято советским правительством – предупреждает владыка, то она вынуждена

будет признать направленность данной кампании не благотворительной, а подрывной. Таким образом, митрополит Вениамин настаивает на соблюдении канонов православной церкви и на самостоятельном распоряжении её своим имуществом, без вмешательства в этот процесс гражданской власти. Владыка считает, что при самостоятельном распоряжении ценностями, дело помощи голодающим никак не пострадает, а изменится лишь ее форма.

Похожей была позиция и митрополита Донского и Новочеркасского Митрофана (Симашкевича). Владыка обратился с посланием к духовенству и верующим о пожертвовании церковных ценностей, которые не должны использоваться для домашнего употребления. По мнению митрополита Митрофана, все священные сосуды, пожертвованные церковью должны переплавляться в слитки [15, с. 117]. В одном из допросов, митрополит выразил свое отношение к кампании следующим образом: «Изъятия из храмов в целом я одобряю, так как не имею ничего против, если духовное или верующее лицо [неразборчиво] освященный предмет в виде слитка, также и это я одобряю» [15, с. 119].

Не выступал против изъятия митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский). На допросе ГПУ в июне 1922 г., владыка о своем отношении к изъятию церковных ценностей сказал: «...Если оно [изъятие церковных ценностей] не нарушает существенно интересов религии, как, например, изъятие сосудов, в которых совершалось таинство, и снятие риз с особо чтимых икон, – я не протестую» [4, с. 382]. Также из материалов допроса митрополита можно выявить и его отношение к советской власти в целом. Владыка в целом не сочувствовал новой власти, но и не собирался ей противостоять действиями, он говорил: «...все ее распоряжения исполнял и исполнять буду» [4, с. 382].

Не имел четкого мнения по поводу изъятия ценностей псковский епископ Геннадий (Туберозов), который не высказывал никаких обличительных суждений по поводу кампании и ничего не говорил против изъятия. Владыка лишь говорил о том, что изъятые из храмов предметы не пойдут по назначению. На предложения издать официальное обращение к православному народу о содействии кампании по изъятию ценностей, владыка отвечал отказом, так как ссылался на отсутствие документов, подтверждающих наличие голода в стране [8, с. 157]. В итоге, выявляется противоречивая позиция епископа Геннадия по отношению к кампании по изъятию церковных ценностей.

Своеобразных взглядов по отношению к процессу изъятия церковных ценностей придерживался и епископ Екатеринбургский и Ирбитский Григорий (Яцковский), который имел двойственную позицию по данному вопросу. С одной стороны, владыка заявлял советской власти о своем полном подчинении декрету и акту изъятия ценностей.

С другой стороны, епископ Григорий своей пастве рекомендовал поступать по своему усмотрению. На самом деле владыка был сторонником воззвания патриарха Тихона, запрещавшего сдавать церковные ценности, о чем свидетельствует факт распространения патриаршего воззвания по Екатеринбургской епархии её правящим архиереем [5].

Лояльную позицию по отношению к кампании изъятия церковных ценностей имел епископ Оренбургский и Тургайский Аристарх (Николаевский), который был сторонником недопущения протестных выступлений в ходе кампании по изъятию церковных ценностей. В мае 1922 г. состоялась беседа председателя Губернского исполнительного комитета с епископом Аристархом, где и обсуждались вопросы проведения изъятия ценностей. Мнение владыки приводится в газете «Степная правда»: «Формально по каноническим законам не допускается изъятие предметов, употребляемых при совершении таинств, но учитывая исключительные условия, могут быть и они изъяты» [10, с. 32]. О лояльности владыки по отношению к изъятию церковных ценностей свидетельствует и тот факт, что сам архиерей просил местные власти информировать население о его указанных выше взглядах. В газете имеются сведения о просьбе епископа Аристарха о том, чтобы «изъятие ценностей происходило без особой шумихи, без скопления граждан, ограничиваясь исключительно присутствием отдельных представителей для устранения возможностей отдельными провокационными элементами с корыстной целью использовать фанатичные группы и сыграть на религиозных чувствах несознательных и темных граждан» [10, с. 32]. Вскоре, появляется воззвание владыки Аристарха к оренбургской пастве, в котором и была отражена описанная нами позиция епископа. Взгляды архиерея подтверждаются и местными оренбургскими газетными публикациями. Так, в статье «Духовенство и голодающие» газеты «Завод и пашня», присутствует свидетельство журналиста В. Пугачевского, который ставит воззвание епископа Аристарха в ряд воззваний архиереев, сочувствующих изъятию церковных ценностей. Автор статьи в частности пишет: «...сочувствующие воззвания написали также клинский епископ Иннокентий, Херсонский архиерей Феодосий, калачевский Серафим, царицынский, архангельский Антоний, вологодский Александр и др.» [10, с. 33]. По мнению автора статьи В. Пугачевского, воззвание владыки Аристарха помогло местным властям в деле осуществления кампании по изъятию церковных ценностей [10, с. 33]. В целом, оренбургский архиерей поддерживает кампанию по изъятию церковных ценностей, но опасается всплеска протестных выступлений, которые могут последовать со стороны противников данного акта.

Не оставалась в стороне и Вятская епархия. По утверждению Кировского исследователя А. Г. Полякова руководство вятской епархии, в

том числе и епископ Глазовский Виктор (Островидов) довольно лояльно отнеслось к данной кампании. Но с появлением послания патриарха Тихона по поводу декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 г., епископ Виктор в своём письме от 12 апреля просил своего прощения перед владыкой Тихоном за проявленную лояльность к изъятию церковных ценностей в вверенной ему епархии. Свою верность кампании епископ Виктор в данном письме объясняет запозданием прибытия послания патриарха Тихона об изъятии ценностей, тем самым заявляя: «Земно кланяюсь Вам и слезно за них [духовенство] и за себя прошу прощения и Вашего Архипастырского молитвенного разрешения от этого греха простите» [12, с. 342–343]. Стоит отметить, что в своих обращениях к верующим вятской епархии, епископ Виктор призывал повиноваться советской власти [14]. Таким образом, в период кампании изъятия церковных ценностей епископ Виктор (Островидов) зарекомендовал себя в качестве активного и основательного сторонника патриарха Тихона, выступая против изъятия ценностей, но оставаясь лояльным советской власти.

Наиболее сложно кампания изъятия церковных ценностей проходила на Кубани. Здесь духовенство и верующие массово противились изъятию ценностей. В мае 1922 г. в г. Ейск произошло одно из массовых выступлений населения, организатором которого являлся епископ Ейский Евсевий (Рождественский) [1, с. 329].

Присутствовал ряд архиереев РПЦ, которые отказывались выпускать воззвания по принуждению советской власти о содействии кампании по изъятию церковных ценностей. Таковыми являлись митрополит Казанский Кирилл (Смирнов) [3, с. 218], епископ Псковский Геннадий (Туберозов) [8, с. 157], епископ Нижне-Чирский Николай (Орлов) [7, с. 52] и др.

В целом же, основная масса епархиального епископата РПЦ негативно встретила кампанию советской власти об изъятии церковных ценностей. В большинстве своем архиереи не меняли своей позиции по отношению к советскому правительству и твердо придерживались принципа неподчинения большевистской власти в вопросе о ценностях, отвергая и сопротивляясь изъятию ценностей. Но были и владыки, которые изменяли свои взгляды на взаимоотношения церкви и власти в контексте кампании по изъятию церковных ценностей. К таким следует отнести епископов Смоленского Филиппа (Ставицкого), Псковского Геннадия (Туберозова), Глазовского Виктора (Островидова) и др. Часть архиереев приветствовала кампанию по изъятию ценностей при условии сплавления священных сосудов в слитки. К таким относятся митрополиты Петроградский Вениамин (Казанский) и Донской Митрофан (Симашкевич). Таким образом, советская историография смотрела на реакцию архиереев РПЦ на изъятие церковных ценностей как минимум

поверхностно, утверждая, что единственным мотивом епископов была банальная жадность. Согласие отдать на нужды голодающих даже богослужебные предметы, но с условием изменения их формы (перелить в слитки) говорит о глубоко религиозных мотивах и убеждениях по меньшей мере части русского епископата.

Библиографический список

1. *Бабич А. В.* К вопросу об изъятии церковных ценностей на Кубани в 1922 году // *Кубань – Украина: Вопросы историко-культурного взаимодействия.* 2012. Вып. VI. С. 320–332.

2. Воззвание митрополита Новгородского Арсения (Стадницкого) к пастве о помощи голодающим и об изъятии церковных ценностей // Следственное дело Патриарха Тихона / сост. Н. А. Кривова. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 125–127.

3. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописания и труды священномученика Кирилла Казанского / сост. А. В. Журавский. М.: Сретенский монастырь, 2004. 859 с.

4. *Дамаскин (Орловский), игумен.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2. Тверь: Булат, 1996. 528 с.

5. Дело Екатеринбурга. Сытое духовенство против голодного пролетариата [Электронный ресурс]. URL: https://ekburg.tv/articles/gorodskie_istorii/2018-02 (дата обращения: 09.10. 2020).

6. Заявление митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского) в Петроградскую Губкомиссию Помгол // *Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью* / сост. Г. Штриккер. М.: «ПРОПИЛЕИ», 1995. С. 230–231.

7. *Иванов С. М., Супрун В. И.* Православие на Волгоградской земле: Епархии и епископы. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного института повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2002. Ч. 2. 134 с.

8. *Иванова М. А.* Кампания по изъятию церковных ценностей в Псковской губернии в 1922 г. // *Псков.* 2006. № 24. С. 153–161.

9. *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: АИРО-XX, 1997. 247 с.

10. *Никитин И. В.* Изъятие церковных ценностей в Оренбургской губернии в 1922 г. // *Вестник ПСТГУ. Сер.: История. История Русской Православной Церкви.* 2010. № 1 (34). С. 26–40.

11. Письмо митрополита Петроградского Вениамина Петроградскому Губисполкому // *Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью* / сост. Г. Штриккер. М.: «ПРОПИЛЕИ», 1995. С. 150–157.

12. *Поляков А. Г.* Викторианское течение в Русской православной церкви. Киров: Изд-во Филиала ГОУ ВПО МГИУ в г. Кирове, 2009. 400 с.

13. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописания и труды священномученика Кирилла Казанского / сост. А. В. Журавский. М.: Сретенский монастырь, 2004. 859 с.

14. Святитель и исповедник Виктор (Островидов), епископ Глазовский [Электронный ресурс]. URL: http://www.wco.ru/biblio/books/kalendar2004_05/H01-T.htm (дата обращения: 20.10.2020).

15. *Шадрина А. В., Табунищикова Л. В.* Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год: сборник документов. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2013. 417 с.

УДК 908

А. В. Бородкин,

доцент, Ярославский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Ярославль)

ГРЕЧЕСКАЯ ДИАСПОРА ЯРОСЛАВЛЯ: ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ОФОРМЛЕНИЯ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Статья посвящена вопросам организационного оформления греческой диаспоры Ярославля. Особое внимание автор уделяет проблемам идентификации представителей греческой (эллинской) диаспоры и их инкорпорации в местной экономико-культурной среде.

Ключевые слова: греки, диаспора, Ярославль, организация, структура, религия, этнос.

A. V. Borodkin,

Associate Professor, Yaroslavl Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Yaroslavl)

THE GREEK DIASPORA OF YAROSLAVL: PROBLEMS OF ORGANIZATIONAL DESIGN AND RELIGION AT THE END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURY

The article is devoted to the issues of organizational design of the Greek diaspora in Yaroslavl. The author pays special attention to the problems of identification of representatives of the Greek (Hellenic) diaspora and their incorporation in the local economic and cultural environment.

Key words: Greeks, diaspora, Yaroslavl, organization, structure, religion, ethnoses.

Актуальность настоящего исследования определяется практически полным отсутствием работ аннотированной направленности. *Хронологические рамки* работы определены концом XIX – началом XX века.

Целью настоящей статьи является изучение процесса организационного оформления так называемой *греческой диаспоры* в Верхнем Поволжье в конце XIX – начале XX в.

С точки зрения *терминологии* отметим, что в контексте исследования допускается использование в отношении диаспоры термина «*эллинская*». Так как в состав изучаемой общности входят не только собственно уроженцы Греции, но и греки, проживавшие непосредственно в пределах Российской империи (мариупольские греки, уруми, греки-понтийцы и др.), говоривших на местных этнолектах (диалектах) либо (в результате ассимиляции) на крымско-татарском языке.

Выбор этносов для исследования определяется, в том числе, *объективным наличием источников* [2].

Время появления первых *греков* в Ярославле исследователям не известно. Однако в отличие от Руси южной, где греки проживали очень давно, на севере греки появляются, в основном, после *принятия христианства*. Например, первыми архипастырями Ростовской епархии были грекипо происхождению Федор (991 г.) и Илларион (992 г.). Федор поставил в Ростове деревянную церковь Успения Пресвятой Богородицы. В 991 г. Ростов посетил глава Русской церкви грек Михаил (Киевский). Он назначил местного архиерея и учредил Ростовскую епархию. Греком был еще один архипастырь Николай (1185 г.), который не смог занять кафедру в связи с конфликтом с князем Всеволодом Юрьевичем (Большое гнездо). По местным преданиям греками были основателями целого ряда региональных монастырей [2].

В период *феодальной раздробленности* греческое влияние в регионе слабеет. Известен лишь один князь, которого можно идентифицировать как проводника греческого культурного влияния. Это ростовский, затем великий владимирский князь Константин Всеволодович (ум. 1218 г.). Он был «сведущь» во многих языках, свободно говорил по-гречески. Князь считается создателем огромного книжного собрания, в котором только книг на греческом языке насчитывалось около тысячи. Все это говорит о том, что удельный князь Северо-Востока Руси свободно владел греческим языком не потому, что планировал применить знания в Византии. Греческий был нужен ему именно здесь, следовательно, в регионе существовала *лингвистическая традиция* (школа и круг общения). Под кругом общения следует понимать, прежде всего, *епископское окружение*, бывшее, разумеется, долгое время греческим [3].

В этой связи заслуживает внимания и тот факт, что Константин Всеволодович основал в Спасо-Преображенском монастыре в Ярославле первое в Северо-Восточной Руси *духовное училище*, которому, завещал свою библиотеку. Это говорит о том, что среди учителей Спасо-Преображенского монастыря были либо монахи греки, либо русские, знающие греческий язык. Что так же вероятно, но с учетом отсутствия непрерывной лингвистической традиции, без связи с носителями языка, *не долговременно*.

В тоже время, с распадом Руси на независимые княжества Константинопольский патриархат видел гарантию сохранения в регионе Византийского влияния именно путем увеличения в составе церковной администрации на местах лиц греческого происхождения. Однако в Ростовской епархии с *середины XIII века* их становится все меньше.

В период монгольского завоевания контакты, вероятно, были прерваны.

В 1278 г. дружины русских князей по приказу хана Менгу участвовали в походе в Дунайскую Болгарию и на Византию. В этом походе особо отличился Ярославский князь Федор Ростиславович Черный. Поэтому в качестве «полоня» в Ярославль могли попасть болгары и греки. Однако с *конца XIII века* контакты греков с населением Верхнего Поволжья следует признать *эпизодическими*.

Предположительно переселение в православных греков в Московию могло активизироваться между 1453 г. (завоевания турками Константинополя) и 1475 г. (захватом турками княжества Феодоро в Крыму). Так в Московское государство начинается переселение христиан из Крыма. В 1472 г. состоялась свадьба Ивана III и Софьи (Зои) Палеолог. В составе ее свиты находился Константин «рода княжеска Мавнукского града». Он принял монашество под именем Кассиана и основал монастырь под Угличем (умер в 1504 г.). В Русской Православной церкви он известен как *«святой и праведный князь Константин Мангупский»*.

М. А. Араджиони считает Гаврасов (византийско-армянский род) предками бояр Ховриных-Головиных выехавших в Москву в конце XIV века [1, с. 241–254]. Земли Головиных находились, в том числе в Ярославском уезде, однако сведений о постоянном проживании представителей рода в крае нет. Как нет упоминаний об иных пожалованиях вотчин другим беженцам из Крыма и Эллады.

Однако в целом, греки не казались ярославцам собственно «чужими». Сказывалась общность православного вероисповедания. Они часто переселялись в Россию, быстро ассимилировались или подолгу

жили, здесь собирая милостыню для храмов на Родине. Поэтому греки проживали во многих крупных городах Руси [4].

Поэтому не удивительно, что «Сказание о построении Вознесенской церкви в г. Ярославле» датируемое 1584 г. связано с пребыванием в Ярославле *грека Кондаки*. В данном случае интересен не факт историчности грека, а уверенность автора в том, что проживание в Ярославле греков в это событие обычное, повседневное.

«Во дни ...царя Ивана Василевича... прилучися прибыть во град сей от немецких стран с северного полунощного окияна-моря...сей товар ониии, заморстии люди, продаваша Ярославским купцем, а от них искупаша товарное изделие... сия купля... принесе добычу торговым людям и немцев поселися во граде Ярославле не мало. И онии немецкие люди живяша... на слободе... умыслиша поставити божницу по своей вере и обычаю, в Ярославли но не в земляном граде, а в слободе Кондакове, близь протока, иже нисходить к реце Которосли... в ней же проживаши многие лета некий благочестивый муж, родом гречанин по прозвищу Кондаки или Кондаков по имени Василий. Сей гречанин бысть нашей христианские православные веры...» [6].

Это первое упоминание о длительном проживании в Ярославле греков. Однако говорить о возникновении в XVI в. Ярославле *греческой общины нет оснований*. Источники не сохранили упоминаний о пребывании греков в Ярославле периода «Смутного времени». Восстановление торговых контактов купцов региона с греками относится лишь *ко второй половине XVII века*, и носят *фрагментарный* характер. Например, греки упоминаются как приехавшие для сбора пожертвований (при иконах и реликвиях) из православных митрополий (монастырей) находящихся под властью Османской империи.

В *XVIII веке* источники фиксируют пребывание в Верхнем Поволжье греков неогоциантов и, в большей мере *церковнослужителей*. Так в 1704 г. в Ярославле был похоронен проживавший в Спасском монастыре *митрополит Лаодикийский Парфений (Небоза)*. Он был возведен в сан в 1681 г. Константинопольским Патриархом Калинником, с 1695 г. проживал в России.

Есть фрагментарные упоминания *чиновников*, греков по происхождению. Однако для представителей греческой общины характерно быстрое обрусение, поэтому правильно было бы позиционировать их не как собственно греков (эллинов), а как лиц имеющих греческое происхождение. Как это происходит, например, с родом Ярославского губернатора *Евгения Петровича Кашкина* (1737–1796 гг.), предком которого, согласно семейному преданию был грек Корбуша Кашкин, так же выехавший в Россию в 1473 г. в свите царевны Софьи Палеолог.

Это довольно точно подтверждают формуляры чиновников. В то же время на службе присутствуют *лица с греческими фамилиями*, которые, в большинстве случаев, являются *православными* по вероисповеданию и *позиционируют себя в формулярных списках как россияне* [5].

В XIX веке в регионе отмечаются факты переселений греков, беженцев из Османской империи. Однако ни в профессиональной, ни в общественной жизни (например, в работе комитетов помощи балканским христианам) они существенно не отметились. Меняется и сословно-профессиональный характер греческой эмиграции. На смену изгнанникам князьям, дворянству и церковнослужителям приходят торговцы и ремесленники. Активное покровительство переселенцам оказывала церковь. По распоряжению ярославского епископа Леонида (Краснопевкова) в 1876 г. во всех женских монастырях, гимназиях и прогимназиях были зарезервированы места для проживания и воспитания по 6 сирот – девочек болгарок и гречанок.

Вопросы организационного оформления греческой общины в Верхнем Поволжье существенно тормозились отсутствием причин для ее создания. Местные греки не преследовались с религиозной точки зрения, имели свободу развития национальных традиций, поддержания обычаев и привычного образа жизни. *Предположительно* первые попытки национальной консолидации были предприняты *в конце XIX – начале XX в.* Они были связаны с формированием в регионе незначительной по численности прослойки греческой интеллигенции. Однако революция 1917 г., гражданская война и события 30-х гг. XX века способствовали активизации переселения ярославских греков в Москву, Ленинград, в Крым, Краснодарский край и в города юга Украины.

Таким образом, *на начало XX века* единой, организационно оформленной греческой (эллинской) диаспоры в Ярославле *не сформировалось*. В то же время в регионе проживало определенное число лиц греческой национальности [2]. В качестве общинной святыни ярославских греков мог выступать Ярославский Спасский монастырь с почитаемым захоронением *митрополита Лаодикийского Парфения (Небозы)*.

Следовательно, в полной мере греческая диаспора в Ярославле *организационно не сформировалась*. К 20–30-м гг. XX века ее отдельные структурные элементы прекратили существование.

Ярославские греки героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), самоотверженно трудились в тылу. Одним из соратников уроженца г. Переславля, создателя знаменитого татка «Т-34», М. Кошкина, был грек уроженец села Чердаклы Константин Челпан. Легендарный полярник, дважды герой Советского

Союза, контр-адмирал, доктор географических наук Иван Папанин долгие годы являлся «директором открытого на берегу Рыбинского водохранилища Института биологии внутренних вод Академии СССР».

Библиографический список

1. *Араджиони М. А.* Крымские греки / «От киммерийцев до крымчаков». Народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII века. Симферополь: Доля, 2010. 283 с.

2. *Бородкин А. В.* Ярославские диаспоры до 1953 года: монография. Ярославль: Оперативная полиграфия, 2015. 271 с.

3. *Бородкин А. В.* Патриотизм в преподавании курса Отечественной истории // Научные чтения, посвященные 280-летию города Орска: материалы Всероссийской межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. В. А. Тавашев. Орск: Орский филиал МФЮА, 2015. С. 182–188.

4. *Бородкин А. В.* «Покушаю чернила, добро ли чернило». Ярославский юмор и сатира XIV–XVII вв. // Наука и общество: проблемы и перспективы развития: материалы IV межрегиональной научно-практической конференции научно-педагогических и практических работников. Ярославль, 2017. С. 53–57.

5. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 288 Ярославское городское полицейское управление. Оп. 1. Д. 931; 939; 986. Формулярные списки чиновников.

6. *Лебедев А.* Сказание о построении в Ярославле деревянной Вознесенской церкви // Ярославские епархиальные ведомости. 1876. № 19.

УДК 908

Е. А. Бурдин,

профессор, Ульяновский государственный педагогический университет

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РПЦ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО 2-й пол. XIX – нач. XX в.

В статье рассматриваются основные этапы культурно-просветительской и образовательной работы православной Церкви в Среднем Поволжье. В описываемое время завершилось создание системы учебных заведений, которые готовили кадры православного духовенства и миссионеров.

Ключевые слова: духовное образование, Русская православная церковь, Среднее Поволжье.

E. A. Burdin,

Professor, Ulyanovsk State Pedagogical University

**EDUCATIONAL AND CULTURAL ACTIVITIES
OF THE ROC ON THE TERRITORY
OF THE MIDDLE VOLGA REGION
IN the 2nd half of the XIX – early XX centuries**

The article examines the main stages of the cultural and educational work of the Orthodox Church in the Middle Volga region. In the described time, the creation of a system of educational institutions was completed, which trained personnel for the Orthodox clergy and missionaries.

Key words: religious education, Russian Orthodox Church, Middle Volga region.

Широкое распространение на территории Среднего Поволжья православия и его превращение в доминирующую религию стало возможным не только благодаря совместным усилиям российского государства и церковных иерархов, но благодаря активной работе РПЦ в сфере образования и просвещения, особенно в XIX – начале XX в. В первую очередь отмечу острую потребность в хорошо подготовленных кадрах самого духовенства. Основная часть священнослужителей Казанской епархии вплоть до конца XVIII в. (а в некоторых случаях и позже) не имела специального образования (такая же ситуация на протяжении некоторого времени была характерна и для вновь образованных Симбирской (1832) и Самарской (1850) епархий). Даже в 1909 г. количество священников, закончивших семинарии, в Симбирской губернии равнялось 80 %, а в Самарской – 66 % [8, с. 194]. Вместе с тем в Средневолжье уровень образования приходских священников был выше, чем в целом по России. Ведущим педагогом-миссионером РПЦ в регионе во второй половине XIX в. являлся ректор Казанской духовной академии Н. И. Ильминский (1822–1891).

Справедливости ради надо упомянуть, что первое духовное учебное заведение (школа) на территории Казанской епархии было открыто по инициативе архиепископа Гурия в середине 1557 г. в Зилантовом монастыре (г. Казань) [7, с. 235]. Такие же школы действовали в Казанском Спасо-Преображенском и Свияжском Богородице-Успенском монастырях под руководством Варсонофия и Германа. В них русской и славянской азбукам и чтению богослужебных книг обучались как дети русских прихожан, так и новокрещённых татар, марийцев, чувашей и удмуртов.

Следующий этап интереса к образованию, в т. ч. духовному, наступил в рассматриваемой епархии в начале XVIII в. Митрополит Казан-

ский Тихон учредил в 1707 г. инородческое училище, а в 1708 г. – Славяно-латинскую школу для детей духовенства (оба учебных заведения – в Казани) [7, с. 235]. В 1718 г. начала работать Цифирная школа при местном Адмиралтействе – в ней учились дети духовенства. Позднее, в 1723 г. была открыта архиерейская элементарная (славяно-латинская) школа при Казанском Фёдоровском монастыре. В ней учились дети священно-церковнослужителей РПЦ, а также те, кто планировал стать таковыми в будущем, первоначально 52 человека. Фактически школа и стала прародительницей будущих семинарии и академии. В 1733 г. она получила статус семинарии, причём по образцу Киевской духовной академии, из которой приехали первые учителя. В то время количество учеников составляло уже 180 человек [4; 7, с. 235].

Традиционно принято разделять историю «старой» и «новой» Казанской духовной академии. Первую преобразовали из духовной семинарии в 1797 г., и она работала до 1818 г. (были оставлены только семинарские классы). Вторую открыли в 1842 г., а закрыли почти через 80 лет – в 1921 г. [3, с. 24]. А. В. Журавский, детально изучив деятельность академии в 1884–1921 гг., пришёл к выводу о том, что к 1917 г. она являлась влиятельным миссионерским, педагогическим и научным центром, имевшим авторитет как в России, так и за рубежом. На фоне архивных и книжных собраний других учебных заведений региона выделялись архивные и библиотечные фонды академии, хранившие богатейшую фундаментальную библиотеку и рукописи Соловецкого монастыря. До 1917 г. в России кроме Казанской действовало ещё три духовных академии – в Санкт-Петербурге, Москве и Киеве.

Период с 1884 по 1910 гг. являлся временем наиболее интенсивных научных исследований в академии, а среди её преподавателей можно выделить учёных мирового уровня: И. С. Бердникова, А. А. Дмитриевского, Д. В. Гусева и других. В начале XX в. здесь занимались учебной и научной работой историк И. М. Покровский, философ В. И. Несмелов, этнограф Н. Ф. Катанов и т. д. Тогда же были налажены связи с Берлинским и Гарвардским университетами, Ватиканской библиотекой и пр. [3, с. 238–239].

Гораздо позднее, соответственно в 1840 и 1858 гг. появились духовные семинарии в Симбирске и Самаре (обе закрыты в 1918 г.) [5, с. 94–95]. Их открытие было сопряжено с немалыми трудностями, а подготовительная работа занимала несколько лет. Необходимость учреждения семинарии в Самаре епископ Евсевий обосновывал двумя причинами: 1) отдалённость нахождения других семинарий, создававшая

неудобство для учёбы детей местного духовенства; 2) наличие в Самарском крае староверов и язычников [5, с. 95].

Важным компонентом культурно-просветительской работы РПЦ были церковно-приходские школы, которые наряду с земскими давали начальное образование не только детям, но и взрослым (этому служили воскресные школы). Учителями в таких учебных заведениях работали в основном духовные лица. Примечательно, что церковно-приходские школы пользовались популярностью даже у староверов [8, с. 197].

В Среднем Поволжье во второй половине XIX – начале XX в. завершилось создание сети учебных заведений, которые готовили кадры православного духовенства и миссионеров. Если говорить о Казанской губернии, то здесь «основными звеньями этой системы были Казанская духовная академия, Казанская духовная семинария, Казанская центральная крещено-татарская школа, «братские» учебные заведения, женское епархиальное училище, окружное женское духовное училище. Кроме того, для подготовки миссионеров из среды «инородцев», при содействии «Братства святителя Гурия», в Казани существовали миссионерский приют и миссионерское училище» [13, с. 235].

По мнению С. А. Филиппова, в системе начального духовного образования было несколько преимуществ: 1) разветвлённая сеть приходов; 2) наличие подготовленных священнослужителей; 3) большая часть населения страны проживала в небольших сельских поселениях на значительном отдалении друг от друга, и создавать в каждом из них светскую школу было делом проблематичным; 4) православные школы принимали детей разных религиозных систем и сословий, вели совместное обучение мальчиков и девочек [16, с. 191]. Кроме того, доброжелательному отношению местных жителей к таким школам способствовал факт обучения в части из них практическим навыкам (огородничество, столярное и слесарное дело и т. п.).

Немалую роль в развитии благотворительности, духовном и нравственном воспитании и образовании населения, противодействии старообрядцам, сектантам и влиянию других религиозных систем во второй половине XIX – начале XX в. сыграли православные братства, деятельность которых подробно рассматривается в многочисленных публикациях [1, 9, 13, 14]. Планомерная социально направленная работа благотворительных, миссионерских и просветительских внесловных братств Средневожья в силу своей значимости и ценности полученного опыта заслуживает их дальнейшего изучения. Самыми известными являлись следующие братства: святителя Гурия (1867 г., Казанская губерния), Трёх святителей (1879, Симбирская) и святителя Алексия митрополита (1892, Самарская). О размахе деятельности первого из них в Казанской губернии

с 1884 по 1905 г. говорит такой факт: количество миссионерских школ братства увеличилось с 97 до 147, а общая численность учащихся выросла с 2901 до 3000–4000 (в 1903–4112). Ещё больше впечатляет динамика по церковно-приходским школам и школам грамоты – их количество увеличилось со 131 в 1884 г. до 777 в 1905 г., а число обучающихся – с 4313 до 27348 [13, с. 282].

Вообще служители РПЦ сыграли значительную роль в образовании и просвещении городского и сельского населения Среднего Поволжья и России в целом. Напомню, что духовенство являлось самым образованным сословием в стране после дворянства. Некоторые священники помимо преподавания в различных учебных заведениях занимались научной деятельностью – изучением географии, истории, этнографии и т. д., а также краеведением и журналистикой. Так, священник Покровского собора г. Сенгилей Симбирской губернии В. Г. Зимнинский в 1848–1851 гг. предоставлял Русскому географическому обществу географические, статистические и этнографические сведения [2, с. 157–158]. И такие случаи не были единичными.

С давних пор в церквях и монастырях на Руси хранились ценные христианские и светские артефакты, уникальные архивы и книжные собрания (библиотеки). Эта традиция продолжалась и в описываемое время. В храме каждого прихода имелаась библиотека, правда, состоявшая из книг и журналов преимущественно духовного содержания. Сейчас в государственных архивах Среднего Поволжья хранятся исповедные росписи, метрические книги и другие документы гражданско-церковного учёта, которые вели служители РПЦ в XVIII – начале XX в. По ним историки и все желающие граждане изучают родословные и историю населённых пунктов и данного региона.

Бесспорно, ярким примером музейно-образовательной деятельности Церкви на описываемой территории является музейный комплекс Казанской духовной академии, который первоначально складывался на базе её библиотеки. Именно здесь в 1842–1848 гг. формировались геологические, минералогические, нумизматические и другие коллекции, служившие демонстрационным материалом во время занятий и ставшие основой учебных музеев [6, с. 154]. В 1912 г. их передали в фонд Миссионерского историко-этнографического музея, образованного в 1905 г. В библиотеке академии в 1842–1917 гг. комплектовался фонд редких изданий, который вполне можно охарактеризовать как Музей редких книг [6, с. 154–155].

В 1906 г. в Казани появилось Церковное историко-археологическое общество Казанской епархии (ЦИАО КЕ), причём при нём учредили древлехранилище. Через семь лет, в 1913 г. в здании Казанской духовной академии открылся Миссионерский историко-этнографический музей [15, с. 67, 116].

В Симбирске в 1914 г. создали Симбирское епархиальное церковное археологическое общество, при котором вскоре появилось древлехранилище, по сути дела, являвшееся губернским церковным музеем. В нём были собраны редкие и старинные богослужебные книги, предметы и т. д. [17, с. 125]. В свою очередь, светские музеи также собирали богослужебные вещи и артефакты с христианской символикой. Так, в фондах Самарского публичного музея в конце XIX – начале XX в. имелась коллекция иконописи. Самое крупное её пополнение произошло в 1917–1919 гг. (492 предмета) [12, с. 188]. Значительная часть этой коллекции была передана Самарскому (Куйбышевскому) антирелигиозному музею, работавшему в 1925–1945 гг. [11, с. 112].

Таким образом, образовательная и культурно-просветительская деятельность РПЦ в Среднем Поволжье велась на всём протяжении её присутствия в регионе, но во второй половине XIX – начале XX в. приобрела системный и широкомасштабный характер.

Библиографический список

1. *Айзатуллова А. Ш.* Деятельность братства «Трёх Святителей» в Симбирской губернии во второй половине XIX века // Вестник Чувашского университета. 2012. №4.
2. *Бурдин Е. А.* Затопленные святыни Симбирского-Ульяновского края. Ульяновск, 2017.
3. *Журавский А. В.* Казанская духовная академия на переломе эпох (1884–1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
4. История Казанской духовной семинарии. [Электронный ресурс]. URL: <http://kazpds.ru/schkola/istoriya-kazanskoy-duhovnoy-seminarii/>.
5. *Липтун В. И.* Формирование сети духовных семинарий в Поволжском крае в первой половине XIX века // Гуманитарные науки и образование. 2010. № 4.
6. *Лобачёва Е. Э.* Музейный комплекс Казанской духовной академии (1842–1921): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2012.
7. *Матвеева Г. В.* Духовное образование в Казанской губернии во второй половине XVI – начале XVIII в. // Государственная культурная политика и образование как часть стратегии национальной безопасности РФ: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2015.
8. *Мендюков А. В.* Русская православная церковь в Среднем Поволжье в 1894–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001.
9. *Морохов А. В.* Организационно-педагогические основы религиозно-воспитательной деятельности православных миссионерских обществ Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX века (на материалах Симбирской и Казанской губерний): дис. ... канд. пед. наук. Чебоксары, 2004.
10. *Павлов А. П.* История академического духовного образования в Казани (1842–1921) // Образование и саморазвитие. 2012. № 6.
11. *Пархоменко Л. А.* Коллекция икон Самарского (Куйбышевского) антирелигиозного музея // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. М., 2012. Вып. 2. Ч. 1.

12. *Пархоменко Л. А.* Формирование иконописных коллекций музеев Самарского края в конце XIX – начале XXI века // Вестник МГУКИ. 2012. № 2.
13. *Понятов А. Н.* Миссионерская деятельность «Братства святителя Гурия» в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007.
14. *Решетова М. Ю.* Православные братства Среднего Поволжья второй половины XIX – начала XX в. (к проблеме религиозных отношений) // Вестник СамГУ. 2008. № 4.
15. *Руденко К. А.* Музеи Церковного историко-археологического общества Казанской епархии и Казанской духовной академии. Очерки по истории музейного дела Татарстана: XIX – первая половина XX века. Казань, 2013.
16. *Филитов С. А.* Социально-гуманитарная деятельность прихода Русской православной церкви в конце XIX – начале XX века (по материалам Самарской епархии): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002.
17. *Чапланова М. А.* Церковное древлехранилище как музей (на примере Симбирского Древлехранилища) // Поволжский педагогический поиск. 2014. № 3.

УДК 930

И. Ф. Верещагин,

доцент, Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова (Архангельск)

СЕВЕРНАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ И М. В. ЛОМОНОСОВ

В статье рассматривается вопрос об упоминании Михаила Васильевича Ломоносова в северной епархиальной печати в связи с юбилеями в начале XX века и сто лет спустя. Указывается на противоречия официальной позиции церкви в отношении ученого.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, епархиальная пресса, Михаил Ломоносов.

I. F. Vereshchagin,

Associate professor, Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)

NORTHERN EPARCHIAL PRESS AND M. V. LOMONOSOV

The article deals with the question of the mention of Mikhail Vasilyevich Lomonosov in the northern eparchial press in connection with the anniversaries at the beginning of the XX century and a hundred years later. The author points out the contradictions of the official position of the church in relation to the scientist.

Key words: Russian Orthodox Church, Eparchial Press, Mikhail Lomonosov.

Имя Михаила Васильевича Ломоносова является общеизвестным для всей России и, особенно, на архангельском Севере. Не так давно мы наблюдали в год 300-летия со дня рождения развернутую кампанию по увековечиванию его имени. В ней участвовали различные силы: школьники, студенты, учёные, деятели культуры, чиновники разного уровня. Не осталась в стороне и Архангельская епархия. Так, епископ Даниил в преддверии празднования юбилея заявил: «Михаил Ломоносов дорог нам тем, что был для многих русских людей образцом веры». Он твёрдо стоял в православной вере [3].

Официальные епархиальные источники вместе с тем опускают подробности взаимоотношений М. В. Ломоносова и Русской Православной церкви. Между отношением к вере и к её организационному институту – церкви – есть большая разница. Церковные деятели, например, по понятным причинам не вспоминают известное произведение М. В. Ломоносова «Гимн бороде» (1757 г.). И это вполне объяснимо, так как РПЦ старается подчеркнуть значимость православия в истории и культуре родной страны. В юбилейные даты церковь должна быть со своим народом.

В «Архангельском епархиальном вестнике» приводятся слова епископа, сказанные им на встрече с преподавателями. Владыка отметил, что М. В. Ломоносов был не только крупным учёным, но и человеком глубокой веры: «Он писал, что всегда чувствовал Божию помощь в своей жизни и особенно, когда горячо молился» [1]. Однако более подробно к теме юбилея и жизни Михаила Васильевича периодическое издание Архангельской епархии не обращалось. Также обстоит дело и с печатными органами в других северных епархиях.

Похожая ситуация наблюдалась в дни празднования 200-летия М. В. Ломоносова. Северное духовенство не обошло стороной эту памятную дату. У каждой северной епархии в то время уже был собственный журнал: в Архангельске издавались «Архангельские епархиальные ведомости», в Вологде – «Вологодские епархиальные ведомости», в Петрозаводске – «Олонецкие епархиальные ведомости». Эти журналы для духовенства и мирян епархии выходили обычно два раза в месяц. Номер состоял из двух частей: официальной (для публикации различных документов и постановлений) и неофициальной (для статей, заметок и объявлений).

В юбилейный 1911 г. архангельское епархиальное издание решило отметить публикациями о М. В. Ломоносове. При этом тема не оказалась востребованной среди корреспондентов ведомостей. На страницах «Архангельских епархиальных ведомостей» мы встречаем лишь одну крупную статью, написанную известным архангельским краеведом

и редактором ведомостей И. М. Сибирцевым под инициалами «И.С.» и посвящённую сведениям о жизни Михаила Васильевича на родине до его ухода в Москву.

Следует отметить, что эта статья написана на высоком профессиональном уровне. Автор в первую очередь оговаривается: «О первоначальном периоде жизни М. В. Ломоносова – на родине, где он провёл своё детство, отрочество и юность до 19-летнего возраста включительно, мы имеем скудные, неточные и разноречивые сведения» [4, с. 895]. Для более точного изложения событий ранней жизни великого ученого И. М. Сибирцев приводит различные точки зрения со ссылками на авторов и церковные документы XVII–XVIII вв.

На страницах церковного издания трудно было обойти вопрос о религиозности молодого М. В. Ломоносова. Ей уделяется значительное место в статье. Надо отдать должное автору он не опускает момент жизни Михаила Васильевича, связанный с расколом. За 1728 г. М. В. Ломоносов числился не исполнившим христианский долг. Возможно, заключает автор статьи, это произошло от излишнего увлечения книгами. Другая версия нерадения Михаила к причастию и исповеди – разлад в отношениях с отцом из-за злой и завистливой мачехи, которая пыталась настроить Василия против сына. Также вероятно, что причиной являлось то, что Михаил подался в раскол. Некоторые биографы пишут о том, что М. В. Ломоносов был увлечён расколом беспоповского толка уже в 12–13-летнем возрасте. Однако в таком случае он не мог с душой петь на клиросе и рассказывать старичкам после службы псалмы и жития святых, так как не принимал бы церковь в принципе [5, с. 929].

Также И. М. Сибирцев затрагивает вопрос о патриотичности М. В. Ломоносова, об особом отношении к «великому преобразователю России». Будучи, вероятно, беспоповцем, Михайло Васильевич должен был негативно относиться к Петру Великому, но под влиянием дяди Луки поменял свои взгляды. «Вместо прежней возможной ненависти, он обратился в другую крайность и доводит своё восхваление Петра I до обоготворения...» [6, с. 963]. Однако этот и некоторые другие факты, приводимые автором на страницах «Архангельских епархиальных ведомостей», являются вероятностными, недоказуемыми. Сам И. М. Сибирцев жалеет о том, что многое о первоначальном этапе жизни М. В. Ломоносова, который должен быть особо интересен его землякам, мы уже никогда не узнаем.

Вышеуказанная статья удачно сочетается со стихотворением, посвящённым М. В. Ломоносову. Автором 20 четверостиший, рассказывающих о жизни великого земляка, был протоиерей Илья Легатов, регулярно слагавший рифмы по поводу разных церковных праздников.

Удивительно, но мы не встретим здесь указаний на религиозность М. В. Ломоносова и увлечение расколом. Среди прочего есть такие строчки о жизни Михайло в Германии:

«Там много лет он находился
И много там наук прошёл,
Он даже там и поженился
И жизнь семейную повёл».

При этом не упоминается, что М. В. Ломоносов обвенчался с протестанткой и уже после того, как она родила ему дочь. Этот факт, безусловно, неудобен для церкви. Нет сведений и о других тяжёлых моментах во взаимоотношении Михаила Васильевича с православной церковью.

Вообще, исходя из стихотворения, можно сделать вывод, что главная заслуга М. В. Ломоносова – это его работы в области стихосложения (разные науки просто не упоминаются). Но уже этим, судя по всему, Михаил Васильевич достоин восхваления, особенно на Севере:

«Никто в родне его тогда
Того не думал, не предвидел,
Что выйдет из него звезда,
Какой наш край ещё не видел...»

«Ты – слава наша, слава россов,
Ты – муж великий – Ломоносов!
И в том не может быть сомнений,
Что ты у нас был лучший гений» [2].

Внимание к персоне М. В. Ломоносова на Архангельской земле объяснимо, но всё же значение его деятельности, конечно, выходит за рамки только одной губернии. Страна, и в частности Европейский Север России, прославляемый Михаилом Васильевичем, по-разному отозвалась на прошлый юбилей. Вологодский епархиальный орган, игравший роль церковного историко-краеведческого издания, опубликовал лишь одно поучение, которое было произнесено преподавателем закона божьего В. Н. Шергиным в церкви Вологодского епархиального женского училища 8 ноября 1911 г. Автор поучения так же, как сегодняшней клир, отмечал, что «современному христианину можно многому научиться у великого мужа». В. Н. Шергин произнёс много хвалебных слов о том, что М. В. Ломоносов во всей своей деятельности оставался очень верующим человеком, приводя его стихи, но не очерчивая никакой фактологической конкретики. Сутью подобного материала оказывается фраза: «И через 200 лет мы говорим о нём, мы знакомы с ним. Его душа живёт среди нас» [8, с. 556]. Она очень напоминает сегодняшние

дифирамбы Михаилу Васильевичу – много пафосных слов, но мало искренности.

Олонецкий епархиальный орган, который в сравнении с другими церковными изданиями Севера разрабатывал наиболее широкий круг тем, вообще, не посчитал нужным обратить внимание на персону М. В. Ломоносова. Только хроника журнала одним абзацем запечатлела 8 ноября 1911 г. По случаю 200-летия со дня рождения М. В. Ломоносова олонецкий епископ отслужил божественную литургию и после неё панихиду «по великому гению земли русской» [7, с. 591]. Со словом в присутствии преподавателей и учащихся городских учебных заведений выступил кафедральный протоиерей. Но, к сожалению, речь не была напечатана «Олонецкими епархиальными ведомостями» для тиражирования среди духовенства епархии и погружения паствы в данную тему.

Через сто лет, в год нового юбилея, большинство епархий Европейского Севера России, вообще, не упомянули М. В. Ломоносова в своих информационных ресурсах. Но для архангельских медиаперсон, в том числе представителей епархии, упоминание Михаила Васильевича не только в связи с юбилеем, но и в повседневной практике стало обязательным ритуалом. Хотя на поверку подобные высказывания оказываются не уместными и не продуманными.

Таким образом, реакция северной епархиальной прессы на юбилей М. В. Ломоносова в контексте официально провозглашаемой позиции церкви в отношении великого учёного представляется недостаточной. Мы видим, что имя Михаила Васильевича обладает большой силой. Необходимо научиться правильно его использовать. Но если мы подаём его в качестве примера, то важно не забывать всех сторон жизни М. В. Ломоносова, даже когда они неудобны. Так, современному клиру через сто лет после прошлого юбилея пора признать, что М. В. Ломоносов во многом был стесняемым церковью. И в таком случае отпадёт необходимость беспричинного его упоминания и славословия церковью.

Библиографический список

1. Епископ Даниил встретился с сотрудниками Всероссийского финансового института // Архангельский епархиальный вестник. 2011. № 5. С. 27.

2. *Легатов И.* Ломоносов // Архангельские епархиальные ведомости. 1911. № 23. Неоф. ч. С. 931–933.

3. Михаил Ломоносов для многих русских людей был образцом веры // Архангельская епархия: [офиц. сайт]. Электрон. дан. URL: http://www.arh-eparhia.ru/news/390/18483/?sphrase_id=38485, свободный (дата обращения: 03.01.2021). Загл. с экрана.

4. *Сибирцев И.* К сведениям о жизни М. В. Ломоносова на родине (начало) // Архангельские епархиальные ведомости. 1911. № 22. Неоф. ч. С. 895–904.

5. *Сибирцев И.* К сведениям о жизни М. В. Ломоносова на родине (продолжение) // Архангельские епархиальные ведомости. 1911. № 23. Неоф. ч. С. 920–931.

6. *Сибирцев И.* К сведениям о жизни М. В. Ломоносова на родине (окончание) // Архангельские епархиальные ведомости. 1911. № 24. Неоф. ч. С. 962–972.

7. Хроника // Олонецкие епархиальные ведомости. 1911. № 33. Неоф. ч. С. 590–591.

8. *Шергин В.* Поучение о жизни великого человека (по поводу 200-летнего юбилея со дня рождения М. В. Ломоносова) // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1911. № 22. С. 556–558.

УДК 930.1

М. А. Владимирова,

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (г. Москва)

СЛУЖЕНИЕ ДИАКОНИСС В РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ЯПОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье освещена реализация служения диаконалисс в Русской духовной миссии в Японии. Были выделены особенности этого вида женского служения в миссии, дана характеристика деятельности М. А. Черкасовой, О. Е. Путьятиной и Ю. Токухино, состоявших в миссии в должности диаконалисс.

Ключевые слова: Православная Церковь, Русская Духовная Миссия в Японии, диаконалиссы, Николай Японский, миссионерство.

M. A. Vladimirova,

Orthodox Saint Tikhon University for the Humanities (Moscow)

MINISTRY OF DEACONESS IN THE RUSSIAN SPIRITUAL MISSION IN JAPAN IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

The article highlights the implementation of the ministry of deaconesses in the Russian Spiritual Mission in Japan. The author notes the features of this type of female ministry in the mission, describes the activities of M. A. Cherkasova, O. E. Putyatina and Yu. Tokuhiko, who were in the mission as deaconesses.

Key words: Orthodox Church, Russian Spiritual Mission in Japan, deaconesses, Nicholas of Japan, missionary work.

В XIX веке происходило развитие внутренней и внешней миссии Русской Православной Церкви, что дало женщинам возможность для реализации своих способностей в церковной жизни. Ярким примером женской миссионерской деятельности является Алтайская миссия, где это начинание было реализовано архим. Макарием (Глухаревым). Но и во внешней миссии имело место активное служение женщин как, например, в Русской Духовной миссии в Японии. В частности, её особенностью стала реализация служения диаконисс

Начиная с 1830-х годов, спорадически возникал ряд проектов, нацеленных на восстановление чина диаконисс в Русской Православной Церкви. Но ни один из них не был одобрен священноначалием, а обсуждения не доводились до логического завершения. В Русской духовной миссии в Японии это стало возможно, благодаря тому, что статус диаконисс был равнозначен должности. Нужно отметить, что никаких официальных документов не издавалось, свт. Николай (Касаткин) не опирался на какие-либо каноны, а характеризовал в записях определённую форму деятельности женщин как диаконисс, которая не была институциональной.

Безусловно, свт. Николай руководствовался опытом древней Церкви, поскольку, рассуждая об устройстве Японской Церкви, неоднократно ссылаясь на «пример Апостольской Церкви» [1, с. 139]. Однако определяемый им функционал для диаконисс вытекал из особенностей проповеди в Японии; и этим вполне можно объяснить некую схожесть с проектом архим. Макария (Глухарёва) [5, с. 305], осуществлявшего миссию в условиях инородческой среды, тогда как другие проекты предполагали служение диаконисс в православном обществе.

Диакониссами должны были быть девушки, желавшие посвятить себя Богу, или вдовы [2, с. 373]. Важным условием было обладание образованием, удовлетворительным для выполнения обязанностей диакониссы. Функционал определялся нуждами миссии, в частности, в него входили проповедь, катехизация, преподавание, помощь при совершении таинств.

Миссия, испросив благословение Святейшего Синода [3, с. 169], искала в России через своих сотрудников для служения диаконисс двух благочестивых и образованных женщин. Диакониссами русского происхождения стали М. А. Черкасова, трудившаяся в Японии с 1879 по 1882 год, и О. Е. Пуяткина, служившая в Миссии с осени 1884 по 1887 год. Срок их нахождения в Миссии был недолгим, по большей части из-за личных разногласий со свт. Николаем, который ожидал от них большей самостоятельности и готовности к трудностям.

Нужно отметить, что обе диакониссы приложили силы к развитию Женской школы. Так, хотя М. А. Черкасова, как отмечал в письмах архиеп. Николай, и не подходила для катехизаторской деятельности, однако много преподавала в школе [6, с. 372]. Существует мнение, что О. Е. Путятинна повлияла на просвещение японских девочек, взяв за основу обучения адаптированную под японский быт программу русских епархиальных училищ [8]. Диакониссы способствовали и улучшению благосостояния миссии: на средства О. Е. Путятинной и собранные ею деньги было построено новое здание Женской школы взамен сгоревшего при пожаре; своими «Записками русской православной миссионерки в Японии» [7] и письмами разным лицам, отражавшими миссионерские нужды, М. А. Черкасова способствовала увеличению пожертвований на Японскую миссию [4, с. 14].

С годами свт. Николай стал более критично относиться к идее приезда диакониссы из России: рассуждая о необходимости написания воззвания – приглашения женщин к миссионерскому делу, – он выдвигает и новые требования к ним, исходя из своего опыта, а также делает выводы о необходимости выстраивания более эффективной модели взаимодействия с диакониссами [1, с. 311].

Через некоторое время в дневнике эта идея найдёт своеобразное отражение: архиеп. Николай в своих поездках начнёт поиск кандидатур по церквям Японии [2, с. 373]. Священникам и катехизаторам было указано искать претенденток, а учительницам Женской школы рекомендовалось отмечать среди учениц девушек, подходящих для служения диаконисс. К японкам, членам возрастающей Церкви, требования выдвигались ещё более жёсткие.

Единственной известной японской диакониссой стала Юлия Токухиро, служившая в г. Кобос 1896 по 1897 г. Сначала она находилась на испытательном сроке в статусе помощника катехизатора [2, с. 106]. Затем её функции расширились, и она стала считаться диакониссой, но этот момент в «Дневниках» свт. Николая не отслеживается. Служение Юлии было важно для священника в Кобо, жизнь церковной общины с её приездом оживилась [1, с. 373].

После её смерти информации о других диакониссах не обнаруживается, этот вопрос остаётся открытым. За неимением кандидатур, соответствующих требованиям, архиеп. Николай после смерти Юлии выказывает большее внимание другим видам женского служения, вероятно, оставив это начинание.

Таким, образом, особенностью Русской духовной миссии в Японии стала реализация служения диаконисс не по официальному статусу, а по должностным обязанностям. Архиеп. Николай не был чужд веяни-

ям эпохи и находил особое место для женщины в новой Церкви. Однако его попытки «масштабировать» эту форму женской деятельности в Японии успехом не увенчались в силу разных причин.

Библиографический список

1. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / сост. К. Накамура. Т. 2. СПб.: Гиперион, 2004.
2. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / сост. К. Накамура. Т. 3. СПб.: Гиперион, 2004.
3. Николай (Касаткин), архим. Воззвание Японской духовной миссии к Русской Церкви // Миссионер. М., 1876. № 21. С. 166–170.
4. Отчёт Православного миссионерского общества за 1879 год (десятый год со времени его открытия), с кратким обзорением состояния и деятельности общества за все первое десятилетие его существования. М., 1881.
5. Служение женщин в Церкви: Источники / сост. свящ. А. Постернак. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015.
6. Собрание трудов равноапостольного Николая Японского: в 10 т. Т. 1. Официальная переписка (1860–1883). М.: ООО «ПЕНАТЫ И КНИГА», 2018.
7. Черкасова М. А. Записки русской православной миссионерки в Японии // Миссионер. 1879. № 43. С. 366–370; № 44. С. 375–378.
8. Блинова Л. Н. «Христианнейшая графиня» Ольга Евфимьевна Путятина – благотворительница, член учредитель и почетный член ИППО [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ippo.ru/historyippo/article/hristianneyshaya-grafinyaolga-evfimevna-putyatina-200648> (дата обращения: 30.02.2020).

УДК 322.2

М. Н. Волоскова,

магистрант, Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород)

СУДЬБА СЕМЬИ СВЯЩЕННИКА В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА (На примере Амурской области)

В статье рассматривается судьба семьи старообрядческого священника в 1930-годы. 85-летний старообрядческий священник Филипп Иванович Перов и его сыновья Сергей и Василий, проживавшие в д. Новгородка Свободненского района Амурской области, были расстреляны в 1933 году.

Ключевые слова: Старообрядцы, духовенство, Советская власть, репрессии, Амурская область.

M. N. Voloskova,

Undergraduate, Novgorod State University
named after Yaroslav Mudriy (Veliky Novgorod)

THE FATE OF THE PRIEST'S FAMILY IN THE 30s OF THE XX CENTURY (Based on the example of the Amur region)

The article deals with the fate of the family of an Old Believer priest in the 1930s. The 85-year-old Old Believer priest Philip Ivanovich Perov and his sons Sergey and Vasily, who lived in the village of Novgorodka in the Svobodnensky district of the Amur Region, were shot in 1933.

Key words: old believers, clergy, Soviet power, repressions, Amur region.

Будущий священник Филипп Иванович Перов родился в 1848 году в с. Русино Порховского уезда Псковской губернии в старообрядческой семье. Достигнув совершеннолетия, он женился на Анне Федоровне, которая была одного с ним возраста. В 1871 году у Перовых родился сын Сергей, а в 1873 году – Василий. До 35-летнего возраста Филипп с семьей жил в отцовском доме и помогал ему в крестьянском хозяйстве. Вероятно, у о. Филиппа были еще дети, потому что известно, что в 1933 году он жил вместе с супругой и внуком Лукой Егоровичем. Внук работал на лесозаготовке [1, т. 2, с. 267]. Лука, вероятно, – сын дочери о. Филиппа. Кроме Луки в деле П–77640 (1933 год) упоминаются еще два внука о. Филиппа: Егоров Иван Егорович, который находился в РККА в Даурии, и Семен Егорович Егоров. Филипп Перов получал пенсию за внука Семена, который на тот момент служил в РККА, а также получал продукты от сельпо, откуда был снят только с 1 февраля 1933 года [1, т. 2, с. 234].

В 1883 году Филипп Перов был рукоположен в сан священника архиепископом Московским Саватием (Левшиным, 1824–1898 гг.) к старообрядческой церкви с. Русино Псковской губернии. В 1890-х годах на втором этаже собственного деревенского дома о. Филипп устроил моленную. За это он неоднократно преследовался властями. Дважды местный пристав описывал имущество в моленной. Церковную утварь, книги священнику приходилось прятать под пол, на сеновале, и даже зарывать в землю, чтобы спасти от поругания. Сам о. Филипп был арестован, 11 сентября 1900 года Псковский окружной суд признал о. Филиппа Перова невиновным в самовольном устройстве моленной [2, № 3, с. 72–73].

В 1907 году сын Перовых Василий вместе с супругой Ольгой Семеновной (1877 г. р.) выехал на Дальний Восток и поселился в д. Новгорodka Свободненского района [1, т. 2, с. 270].

В с. Русино о. Филипп служил до 1926 года. Затем с семьей уехал к сыну на Дальний Восток и поселился в д. Новгородка Свободненского района. Здесь о. Филипп продолжил священнослужение. Кроме этого, у священника было свое небольшое хозяйство: дом, корова [1, т. 2, с. 267 об.]. Сын Перовых Сергей проживал в д. Новгородка с супругой Прасковьей Петровной (1866 г. р.) и с сыном Василием (1914 г. р.). С 1891 по 1894 гг. Сергей служил рядовым в Царской армии [1, т. 2, с. 265 об.]. Сергей Филиппович был крестьянином-единоличником, занимался хлебопашеством [1, т. 2, с. 265 об.].

До 1929 года имущества у Перова Сергея было следующее: «Дом, амбар, сарай, зимовье, лошадей 7 коров 5 мелкого скота, из сельхоз инвентаря: 1/2 молотилки, жнейку, вейлку, сенокосилку, плуг с сиденьем, налогу платил 250 рублей, постепенно имущество разбазарил, весь с/х инвентарь продал, постройки те же самые имеет и сейчас, лошадей 2, коров 1, налогу в 1932 году платил 90 рублей» [1, т. 2, с. 233].

У Василия и Ольги Перовых были сыновья: Александр (1913 г. р.) и Андрей (1916 г. р.). В 1895 году Василий два месяца служил в Царской армии [1, т. 2, с. 269 об.]. Был крестьянином-единоличником, занимался хлебопашеством [1, т. 2, с. 269 об.]. Имел хозяйство: «Дом, амбар, корову, лошадь 1, молодняка 1, 2 свиней, вейлку» [1, т. 2, с. 269]. В 1926 и 1927 годах в д. Новгородка бывал епископ Тихон (Сухов, 1880–1937 гг.) Томско-Алтайский, впоследствии репрессированный [1, т. 2, с. 333].

В 1928 году иерей Филипп с семьей временно проживал в д. Рождественка Свободненского района [1, т. 2, с. 333]. Известно, что о. Филипп был лишен избирательных прав [1, т. 2, с. 234].

2 марта 1933 года Свободненским Райотделом ПП ОГПУ по ДВК иерей Филипп Иванович Перов и его сыновья Сергей и Василий были арестованы по делу о контрреволюционной повстанческой организации «Всероссийский союз старообрядческих братств»: «1933 года Марта «2» дня, гор. Свободный Уполномоченный 3 отд. СПО ППОГПУ Симаненко рассмотрев следственный материал по делу № 301 и приняв во внимание, что гр. Перов Филипп, Перов Василий Филиппович и Перов Сергей Филиппович достаточно изобличаются в том, что проживая в д. Новгородка Свободненского района и являясь участниками к-р организации систематически проводили а/с агитацию направленную на срыв всех хозяйственно-политических кампаний проводимых соввластью на селе, т. е. в составе преступления предусмотренного ст. ст. 58-10-11 УК. Потому постановил: Перова Ф., Перова В. Ф и Перова С. Ф. привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст. 58-10-11 УК РСФСР, а мерой пресече-

ния способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей при Свободненском арестном помещении РОО Г.П.У. Уполномоченный Симаненко» [1, т. 2, с. 230].

Показания о. Филиппа Перова: «До 35 летнего возраста я жил вместе с отцом и помогал ему в крестьянском хозяйстве. В 1883 году я был рукоположен в сан священника – старообрядца, и служил до 1926 года в Псковской губ. в с. Русино священником. В 1926 году я по собственной воле выехал на ДВ к своим сыновьям, проживавшим в д. Новгородка Свободненского р-на где также начал заниматься священнослужением. По соседству с нашей деревней расположена дер. Бардагон, где священно-служением занимался Афанасьев Тимофей. В 1931 года летом я действительно ездил в Ленинград, заезжал к старообрядческому епископу Геронтию, а из Ленинграда поехал в Псковскую губернию. В этом же 31 году я возвратился обратно в д. Новгородку и жил до момента моего ареста» [1, т. 2, с. 268, 268 об.].

Кроме непосредственной биографической составляющей архивные дела могут рассказывать и о других деятелях старообрядчества: «Дополнительный протокол допроса Обвиняемого Перова Филиппа Ивановича от 16/ III – 33 года, который по существу дела показал: В 1927 г. епископ Тихон Томский в Семеновке посвятил в священники Иванова Константина и в Нылге Федора Судакова. В 1928 г. епископ Логвинов Климент посвятил в священники в с. Слава, но кого не знаю и в Рождественке Суржакова Матвея. В 1927 г. на епархиальном съезде в Свободном присутствовали старообрядцы: из Бардагона, Новгородки, Семеновки, Рождественки, Каменки, Климовцы, Благовещенска, Владивостока, Хабаровска, Нылги. В 1932 я ездили в Ленинград вместе с невесткой Перовой Ольгой Семеновной. Брал с собой на дорогу 300 руб. Мне известно со слов Ушмалкиной Пелагеи Никифоровны, проживающей в Благовещенске, что ея сын выезжал в Ленинград откуда возвратился в Благовещенск в 1932 году» [1, т. 2, с. 404].

22 июня 1933 года ввиду болезни о. Филиппа мера пресечения была изменена на подписку о невыезде [1, т. 5, с. 842]. Василий Перов виновным себя в антисоветской агитации и прочих обвинениях не признал: «Участником ни к.р повстанческой организации, ни братства старообрядцев я не состоял и не состою, но о существовании братства в д. Новгородка я знал со слов других. Агитации а/с характера я не проводил. Взятку председателю с/совета Вербе Никифору я не давал за сокрытие моей утайки посевной площади и таковой у меня не было. Больше показать ничего не могу. Протокол записан с моих слов правильно и прочитан мне. Об окончании следствия мне объявлено» [1,

т. 2, с. 838]. 17 июля 1933 года Тройка ПП ОГПУ ДВК приговорила Перова Филиппа Ивановича к расстрелу. Данных о приведении приговора в исполнение нет. К расстрелу были приговорены и сыновья старообрядческого священника Василий и Сергей. Они были расстреляны 25 июля 1933 года [1, т. 1, с. 311]. Постановлением президиума Амурского областного суда от 28 сентября 1959 года постановление судтройки ПП ОГПУ по ДВК от 17 июля отменено, дело прекращено за отсутствием состава преступления. Перовы: Филипп Иванович, Сергей Филиппович, Василий Филиппович реабилитированы посмертно.

В заключение, отмечу, что в 1930-е годы Советская власть нанесла мощный удар по старообрядчеству Амурской области. Многие священнослужители и активные миряне были репрессированы, а старообрядческие храмы закрыты, что привело к замиранию церковной жизни на долгие десятилетия.

Библиографический список

1. Архив УФСБ по АО. Д. П-77640.
2. Из прошлого // Слово Церкви. 1915. № 3. С. 72–73.

УДК 271.2(094)(470+571)

А. Ф. Гавриленков,

доцент, Военная академия войсковой ПВО ВС РФ (г. Смоленск)

ПЕРЕХОДЫ ВЕРУЮЩИХ ИЗ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ ПОСЛЕ ОПУБЛИКОВАНИЯ УКАЗА «ОБ УКРЕПЛЕНИИ НАЧАЛ ВЕРОТЕРПИМОСТИ» 17 АПРЕЛЯ 1905 ГОДА (На материалах Смоленской губернии) (1905–1914 гг.)

После опубликования указа 17 апреля 1905 года начались переходы верующих из одного вероисповедания в другое вероисповедание. Процесс перехода, несмотря на положения указа, был достаточно сложным и противоречивым. Иудеев возвращали за черту оседлости, сектантов органы государственной власти стремились привлечь к уголовной ответственности.

Ключевые слова: указ 17 апреля 1905 г., православие, отпадение от православной веры, иудаизм, методизм, сектантство.

A. F. Gavrilentov,

Associate Professor, Military Academy of military air defense of the Armed Forces of the Russian Federation (Smolensk)

**TRANSITIONS OF BELIEVERS FROM RELIGION
TO RELIGION AFTER THE PUBLICATION OF THE ORDER
“ON STRENGTHENING THE PRINCIPLES
OF RELIGIOUS TOLERANCE” APRIL 17, 1905
(On the materials of Smolensk province) (1905–1914)**

After the publication of the decree on April 17, 1905, the transition of believers from one religion to another religion began. The transition process, despite the provisions of the decree, was quite complex and contradictory. The Jews were returned to the Pale of Settlement, the state authorities sought to bring sectarians to justice.

Key words: decree of April 17, 1905, Orthodoxy, falling away from the Orthodox faith, Judaism, Methodism, sectarianism.

17 апреля 1905 года был опубликован Именной Высочайший указ «Об укреплении начал веротерпимости». Одним из ключевых являлся первый пункт указа: «1) Признать, что отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных отношений, личных или гражданских прав впоследствии, причем отпавшее по достижении совершеннолетия от православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно себе избрало...» [25, с. 34]. По всей России начался процесс перехода верующих из одной конфессии в другую. Данный процесс не обошел и Смоленскую губернию.

За период 1905–1917 гг. на территории Смоленской губернии в губернское правление, по материалам Государственного архива Смоленской области (ГАСО), было подано 39 заявления о переходе из православия в другое исповедание: в католицизм – 12 человек, в иудаизм – 2, в лютеранство – 2, в старообрядчество – 9, в евангельское христианство – 11, в баптизм – 3 человека; из иудаизма в католицизм – 1 человек, в православие – 5 человек, в методизм – 1 человек; из католицизма в лютеранство – 1 человек [2, 3–7, 11–22].

Смоленские губернаторы завышали подаваемые данные в Департамент Духовных Дел МВД. Таким образом, динамика переходов из православия в другие вероисповедания выглядела следующим образом: в 1905–1910 годах – 36 перешедших, в 1911 году – 33, в 1912–1913 годах – 73, в 1914 году – 49 перешедших. В среднем за 1907–1910 гг. было

совершено 9 переходов из православия в другие вероисповедания, в 1911 г. – 33 перехода, в 1912–1913 гг. – 36,5 переходов, в 1914 г. – 49 переходов. Данные свидетельствуют о том, что среднестатистическая численность переходивших из православия в другие вероисповедания за 1907–1914 гг. постоянно увеличивалась.

Сведения, которые подавали уездные исправники в губернское правление и сведения, которые затем подавали губернаторы в МВД в указанный период (1905–1917 гг.), не совпадали. Так, переходы верующих в 1905–1911 годах были более массовыми, чем их представляли губернские власти, когда подавали сведения в МВД: в 1905 году – 15 человек, в 1906 году – 12 человек, в 1907 году – 10 человек, в 1908 году – 10 человек, в 1909 году – 5 человек, в 1910 году – 93 человека, в 1911 году – 68 человек. Таким образом, общее количество перешедших из православия в другие конфессии, с учетом того, что за период с 1905 по 1911 годы данные по перешедшим из православия в католицизм и лютеранство отсутствуют, составило 213 человек [9, л. 27; 11, л. 47 об., 83 об., 90 об., 94 об., 116 об.; 24, л. 44]. Наибольшее количество перешедших из православия было среди евангельских христиан (пашковцев) – 64 человека.

Процесс перехода верующих из одного вероисповедания в другое был сложным и противоречивым. Так, например, в п. 3 указа от 17 апреля 1905 года отмечалось: «Установить в дополнение к сим правилам (п.п. 1 и 2), что лица, числящиеся православными, но в действительности исповедующие ту нехристианскую веру, к которой до присоединения к православию принадлежали сами они или их предки, подлежат, по желанию их, исключению из числа православных» [25, с. 35]. Нормы вновь опубликованного указа не действовали в отношении тех, кто переходил (а фактически возвращался. – *А. Г.*), например, из православия в иудаизм. Показательным было следующее дело. 23 декабря 1905 года смоленский мещанин Александр Александрович Нерославский подал прошение на имя Смоленского губернатора следующего содержания: «В 1895 году, Я рожденный в Еврейской вере, которую исповедуют и ныне мои родители и вся моя семья, приняв православную веру по обстоятельствам, а не по религиозному убеждению.

В настоящее время, в виду Закона 17 Апреля 1905 г., Я желая перейти обратно в веру моих отцов, и заявляя об этом Вашему Превосходительству, покорнейше прошу распоряжения, об исключении меня из числа лиц исповедующих православную Веру. Декабря 23 го дня 1905 года Смоленский мещанин Александр Александрович Нерославский» [1, л. 6]. В ходе разбирательства выяснилось, что Александр Александрович Нерославский родился в уездном городе Рославле, затем вместе с

семьей переехал в Смоленск, принял православную веру 8 января 1895 года в Знаменской церкви г. Томска [1, л. 7, 11, 11 об.]. До этого он являлся Велижским мещанином Витебской губернии под именем Исай (Ицка) Яковлевич Нерославский [1, л. 8 об., 10, 11 об., 61]. Ввиду перехода последнего в иудейскую веру, смоленский мещанский староста подал рапорт за № 310 от 20 февраля 1906 года на имя смоленского губернского правления, в котором просил, в частности, «разъяснить, к какому Обществу, мещан за принятием, НЕРОСЛАВСКИМ, прежней иудейской веры, должен принадлежать НЕРОСЛАВСКИЙ, к Велижскому или Смоленскому?» [1, л. 14–14 об.]. Далее началась переписка по данному вопросу, которая завершилась отношением Директора департамента общих дел МВД за № 1713 от 21 января 1908 года на имя смоленского губернатора.

Опуская известную часть дела, процитируем ту часть отношения, которая имеет непосредственное значение к вопросу, поставленному смоленским мещанским старостой: «...ВЫСОЧАЙШИЙ Манифест 17 Апреля 1905 г. предоставляет право лицам, перешедшим в православие возвращаться к исповеданию той веры, к которой они принадлежали и имеет в виду лишь отмену существовавшей до издания сего Манифеста уголовной кары за такое возвращение к прежней нехристианской вере, но за отсутствием прямого указания в этом Манифесте на сохранение при возвращении такого обращенного в православие к прежней нехристианской вере тех преимуществ, которыми он воспользовался только благодаря переходу в православие, Правительствующий Сенат находит, что такое лицо, отказавшись от православия, тем самым подвергается всем тем ограничениям, кои государственными законами наложены для исповедующих ту нехристианскую веру, в которую они обращаются. По изложенным соображениям Правительствующий Сенат определил разъяснить, что евреи, получившие право жительства и причисленные вне черты оседлости только потому, что перешли в православие, с возвращением в иудейство, подлежат к исключению тех обществ, к коим приписаны и выселению в черту оседлости» [1, л. 41 об. – 42]. Известно, что в отношении расселения еврейского населения на территории Российской империи действовал ценз оседлости по указу Екатерины II от 23 декабря 1791 года. Была определена черта оседлости, согласно которой еврейское население имело право проживать только на территории пятнадцати губерний [26, с. 3]. 17 июня 1908 года в данном деле была поставлена точка – согласно распоряжению смоленского губернатора, ходатайство о разрешении Исаю (Александр) Нерославскому проживать в городе Смоленске было отклонено [1, л. 63].

Другое дело касалось перешедшего из иудаизма в методизм Максимилиана Васильевича Кагана. 14 апреля 1912 года помощник ельнинского исправника рапортом за № 1207 доносил в Смоленское губернское правление о том, что из Смоленска в город Ельню «прибыл на жительство сын бывшего Смоленского I гильдии купца – из евреев, принявший Епископско-Методистское вероисповедание Максимилиан Васильевич Каган...» [10, л. 1]. 18 июня 1912 года смоленское губернское правление отношением за № 1572 дало следующее определение по поводу права жительства Кагана в городе Ельне, указав, что он должен быть отправлен за черту оседлости: «...принявший епископско-методистское вероисповедание из евреев Максимилиан Васильев КАГАН не может воспользоваться правом на жительство в гор. Ельне и подлежит выселению в места, назначенные для постоянной оседлости евреев, так как по разъяснению Правительствующего Сената (указ от 23 февраля сего года за № 2208), сообщенному для руководства г. Губернатору Департаментом Духовных Дел от 18 марта 1912 г. за № 3146, евреи с переходом в причисляющие себя к протестантским христианским исповеданиям секты, не освобождаются от ограничений, установленных в законе для евреев» [10, л. 2]. Таким образом, Максимилиан Каган был выселен за черту оседлости.

Государство и Православная церковь пристально следили за процессом перехода верующих в евангельское христианство (пашковщину). Фиксируя активность евангельских христиан, губернские и местные уездные власти стремились остановить их деятельность обвиняя сектантов по статьям 29 Уложения о Наказаниях и по статьям 73, 74 и 90 (с изменениями от 14 марта 1906 г.) Нового Уголовного Уложения. Статья 29 Уложения о наказаниях гласила: «За неисполнение законных распоряжений, требований или постановлений правительственных и полицейских властей, а равно земских и общественных учреждений, когда сим Уставом не определено иного наказания, виновные подвергаются денежному взысканию не свыше пятидесяти рублей» [28, с. 207]. Статьи 73 и 74 Нового Уголовного Уложения касались богохуления «на славимого в единосущной Троице Бога, на Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Присно-Деву Марию, на бесплотные Силы Небесные или на Святых Угодников Божиих; в поругании действием или в поношении Святых Таинств, Святого Креста, Святых мощей, Святых икон или других предметов, почитаемых православною или иною христианскою церковью священными» [27, с. 34]. Здесь же было дано объяснение предметов священных и освященных в ряде христианских церквей, действовавших на территории Российской империи [27, с. 35]. Тем не менее, уголовные дела, начатые против сектантов, закрывались в виду недоказанности.

Подводя итог вышеизложенному отметим, переходы верующих из одного вероисповедания в другое было сложным и противоречивым. Органы власти применяли нормы законодательства, стремясь остановить распространение сектантских организаций или возвращение евреев из христианства в иудаизм.

Библиографический список

1. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 2. Оп. 93. Д. 92.
2. ГАСО. Ф. 2. Оп. 96. Д. 209.
3. ГАСО. Ф. 2. Оп. 96. Д. 274.
4. ГАСО. Ф. 2. Оп. 96. Д. 310.
5. ГАСО. Ф. 2. Оп. 96. Д. 350.
6. ГАСО. Ф. 2. Оп. 97. Д. 120.
7. ГАСО. Ф. 2. Оп. 97. Д. 542.
8. ГАСО. Ф. 2. Оп. 98. Д. 580.
9. ГАСО. Ф. 2. Оп. 98. Д. 435.
10. ГАСО. Ф. 2. Оп. 99. Д. 157.
11. ГАСО. Ф. 2. Оп. 99. Д. 583.
12. ГАСО. Ф. 2. Оп. 100. Д. 494.
13. ГАСО. Ф. 2. Оп. 100. Д. 496.
14. ГАСО. Ф. 2. Оп. 100. Д. 497.
15. ГАСО. Ф. 2. Оп. 100. Д. 498.
16. ГАСО. Ф. 2. Оп. 100. Д. 500.
17. ГАСО. Ф. 2. Оп. 100. Д. 501.
18. ГАСО. Ф. 2. Оп. 100. Д. 502.
19. ГАСО. Ф. 2. Оп. 100. Д. 506.
20. ГАСО. Ф. 2. Оп. 101. Д. 65.
21. ГАСО. Ф. 2. Оп. 101. Д. 75.
22. ГАСО. Ф. 2. Оп. 101. Д. 176.
23. ГАСО. Ф. 2. Оп. 101. Д. 409.
24. ГАСО. Ф. 2. Оп. 102. Д. 230.
25. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. Изд. 3-е, пересм. и доп. по 1 сентября 1908 года / под ред. пр.-доц. Н. И. Лазаревского. СПб.: Юрид. кн. склад «Право», 1909.
26. Корсак А. В., Левитин М. Н., Мозгунова Г. Н. Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине. Смоленск: СГПИ, 1994.
27. Новое Уголовное Уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Издание Каменноостровского Юридического Книжного Магазина, 1903.
28. Свод законов Российской империи. Под редакцией и с примечаниями И. Д. Мордухай-Болотовского. Издание неофициальное. В пяти книгах. Книга пятая. Т. XIII–XVI. СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1913.

М. Ю. Горожанина,

доцент, Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА КУБАНИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В статье рассматривается начало взаимоотношений Советской власти и православного духовенства Кубани. Основное место отводится анализу конфессиональной политики в казачьем крае и ее специфики, обозначены причины ее изменения.

Ключевые слова: конфессиональная политика, православное духовенство, репрессии, казачество.

M. Yu. Gorozhanina,

Associate Professor, Kuban State University (Krasnodar)

THE ORTHODOX CHURCH IN KUBAN IN THE EARLY YEARS OF SOVIET POWER

The article deals with the beginning of the relationship between the Soviet government and the Orthodox clergy of Kuban. The main place is given to the analysis of confessional policy in the Cossack region and its specifics, the reasons for its change are indicated.

Key words: religious policy, the Orthodox clergy, the repression of the Cossacks.

Одним из тяжелых этапов в истории православной Церкви на Кубани был советский период.

Революция 1917 г. внесла коренные изменения в социально-политическую структуру кубанского общества, основной костяк которого стали составлять иногородцы. Именно «пришлые» были инициаторами массовых репрессий как против православного духовенства, так и против казачества.

Церковь всячески старалась быть вне политики, но в те времена это было невозможно. Тем более, что лидеры большевиков изначально рассматривали православие как государственную идеологию монархической России. Построить свой новый безбожный мир, они могли, лишь уничтожив православие. Но уже первые попытки показали ошибочность данной политики, тогда было принято решения создания новой управ-

ляемой Церкви, которая бы поддерживала Советскую власть, так возникло обновленчество.

В отличие от других регионов России на Кубани его позиции изначально были весьма слабы, так как среди местных священников сторонники кардинальных перемен в церковной жизни составляли не более 10–15 %.

Уже в 1922 г. местные власти забили тревогу. Созданное епархиальное управление не имело авторитета у духовенства, а позиции тихоновцев были весьма прочны. В одном из отчетов особо подчеркивалось, что тихоновское движение на Кубани растет, даже сам архиепископ перешел на их сторону. Необходимо срочно менять ситуацию, для этого партийные и советские органы должны активно поддерживать обновленчество; надо выслать с Кубани всех тихоновцев; закрыть все монастыри; все храмы передать в руки обновленцам, срочно созвать епархиальный съезд, который должен уничтожить всех тихоновцев [1]. Ситуация осложнялась тем, что в некоторых местностях представители Советской власти симпатизировали тихоновцам, а не обновленцам. Так в 1923 г. в одном из донесений сообщалось о том, что председатель волостного исполкома ст. Старокорсунской товарищ Ленивый вместо борьбы с тихоновцами всячески им потворствует [2]. Именно с этого периода начинается процесс активного выдавливания тихоновцев с Кубани, борясь с ним Советы делали ставку на более лояльных и молодых священников.

Поэтому претворение в жизнь декрета об отделении Церкви от государства имело здесь свою специфику. В то время, когда в центральной полосе России варварски разрушались храмы и монастыри, на Кубани, где Советская власть установилась только в 1920 г. и было еще ни мало колебавшихся, большевики действовали крайне осторожно, боясь настроить против себя верующих. Их политику по отношению к православному населению Кубани в этот период можно охарактеризовать как зондирующую и агитационную. Представители новой власти пытались не только выявить своих противников, но и заручиться поддержкой у большей массы населения. Поэтому открытых нападок на верующих в первый год установления Советской власти на Кубани не было. Главным средством борьбы с Церковью в это время была идеологическая и антирелигиозная пропаганда.

20 апреля 1920 года в Краснодар прибыл агитационно-инструкторский поезд «Красный казак», возглавляемый членом президиума ВЦИК казаком станицы Елизаветинской Д. В. Полуяном. Поезд был красочно оформлен различными плакатами и лозунгами, призывавшими казачество верить советской власти: «Казачество, советская власть чужда мести... Не верьте, Будто советская власть преследует Церковь и

религию. Никакого насилия над совестью, никакого оскорбления Церкви и религиозных обычаев советская власть не потерпит!» [3, с. 455]. К сожалению, уже через год кубанцы увидели совершенно иное отношение к ряду представителей православного духовенства. Вместе с тем на религиозные чувства верующих еще никто не посягал. Так согласно постановлению областного отдела труда праздничными, нерабочими днями в 1920 г. объявлялись: январь – Новый год (1), первый и второй день Рождества (7, 8); Крещение (19); день 9 января его торжественно отмечали 22 января, в связи с переходом на новую календарную систему; март – «день ниспровержения самодержавия» (12); день народной коммуны (18); апрель – Благовещение (7); суббота Страстной недели; второй день Пасхи; май – «день Интернационала» (1); Вознесение, второй день Троицы; август – Преображение (19); Успение (28); ноябрь – «день пролетарского Октябрьского переворота» [4, с. 447].

Понимая важность идеологической работы с населением, советские деятели уделяли много внимания антирелигиозной пропаганде. Для большевиков было важно в короткие сроки заменить приверженность к православию преданностью марксистско-ленинской идеологии. И основным средством достижения этой цели в этот период была пропаганда нового образа жизни и критика всего старого, прежде всего религии. В это время в моду вошли различные беседы и антирелигиозные проповеди, целью которых являлась дискредитация православной Церкви. Так 29 июня 1920 г. на общем собрании Караульного батальона проходила беседа об отделении Церкви от государства, в которой лектор рассказывал о громадных капиталах, приобретенных попами обманым путем от темных масс [5].

На общем собрании Новороссийской конвойной команды так же была проведена антирелигиозная беседа, во время которой некий товарищ Гуляев рассказывал о «тех сплетнях которыми православное духовенство затемняет те трудящиеся массы людей, которые благодаря своей темноте по неграмотности легко веруют в святых и в поповские лживые слова». Позже лектор рассказал, что весь окружающий мир был создан не Богом, но силой природы, при этом сославшись на Коперника. В конце своей речи товарищ Гуляев выразил надежду, что лживые попы и их лживые слова в недалеком будущем сами по себе исчезнут и темная масса трудящегося мира прозреет, войдет в сознание и забросит, даже забудет тех богов, которых никто не видел [6]. Постепенно старые устои уступали место новым.

7 декабря 1920 г. Постановлением Наркома внутренних дел РСФСР за номером 24378 город Екатеринодар, согласно ходатайству Кубчеревкома был переименован в Краснодар.

К этому времени угроза восстановления старого режима миновала, десант Врангеля был разгромлен, а Белая армия потерпела сокрушительное поражение, все это способствовало изменению в религиозной политике. Короткий период агитационной пропаганды сменился открытой борьбой с верующими.

Вместе с тем наступающий 1921 год ознаменовался резким усилением экономического кризиса. В истории России еще никогда деньги так быстро не обесценивались. В это время рост цен на некоторые продукты и товары увеличился почти в 100 000 раз по сравнению с 1914 г. Так в 1914 г. пуд пшеничной муки стоил 1,5 руб.; в 1917 г. – 2,5 руб.; в 1920 – 2 тыс. руб.; в 1921 – 150 тыс. руб.; фунт сливочного масла в 1914 стоил 25 коп.; в 1917 – 40 коп.; 1920 – 50 руб.; 1921 – 9 тыс. руб.; за фунт картофеля в 1914 просили 5 коп.; в 1917 – 8 коп.; 1920 – 60 коп.; 1921 – 2 тыс. руб.; фунт сала в 1914 стоил 25 коп.; 1917 – 50 коп.; 1920 – 1 тыс. руб.; 1921 – 10 тыс. руб.; десяток яиц в 1914 г. стоил 15 коп.; 1917 – 25 коп.; 1920 – 1,5 руб.; 1921 – 4 тыс. руб. Выросла цена и на промышленные товары, так в 1914 г. рубаха стоила 70 коп.; 1917 – 15 руб.; 1920 – 1500 руб.; 1921 – 25 тыс. руб.; брюки в 1914 г. стоили 1 руб.; 1917 – 20 руб.; 1920 – 40 тыс. руб.; 1921 – 100 тыс. руб. [7]. Стоимость лошади в 1921 г. равнялась в среднем 12 млн руб. В это же время оклад главного врача составлял чуть больше 9,5 млн руб.; санитаря – 4 млн руб.; повара – 4 млн руб.; завхоза – 6 млн руб.; сторожа и кучера – 3 млн руб. [8].

Пытаясь изменить ситуацию, новые хозяева стремились в короткие сроки восстановить экономику и наладить общественную жизнь. Уже в 1921 г. на Кубани была объявлена война неграмотности, все, кто уклонялся от обучения, привлекались к суду [9, с. 462].

Весьма интересным способом решала новая власть и жилищный вопрос. Так в конце марта 1921 г. было проведено «выселение и арест буржуев», в результате было освобождено 2400 комнат. Как часто бывало в российской истории, в результате спешки под репрессии попали и совершенно случайные люди. Член Реввоенсовета 9 армии М. С. Эпштейн сообщал в телеграмме члену РВС Кавказского фронта В. А. Трофимову: «Среди арестованных... по свидетельству самих участников операции много не только нейтральных, но и сочувствующих (нам), часто работающих с (нами). Насколько это мера будет способствовать классовому расслоению видно из того, что рабочие из сострадания к выселенным в их районы и ущемленным приютили и кормят последних. Создается скорее единый фронт рабочих и «ущемленных» против проводивших «ущемление». Имеются сведения, что от освобожденных в центре города квартир рабочие отказываются. Неизбежные... вопиющих злоупотреблений еще усугубили дело» [10, с. 464]. На

III областной партконференции по этому поводу было сказано следующее: «Последствия этого ущемления вызвали немало разногласий в наших руководящих и политических кругах, ибо тех практических результатов, о которых говорилось очень много на различных собраниях... ущемление не дало. Кроме того, товарищи, приехавшие с X съезда из Москвы, привезли совершенно новые взгляды...и, конечно...это ущемление явилось диссонансом по сравнению с тем, что было в Москве на X съезде». Начало НЭПа внесло свои корректировки, 13 апреля 1921 г. постановлением Президиума Кубчеробласткома РКП (б) было запрещено проводить «ущемление» по области. Особо обращалось внимание на опасность настраивания верующих против Советской власти и на необходимость усиления разъяснительной работы с населением.

27 марта 1921 на собрание мусульман города Краснодара, на котором присутствовала свыше 3 тыс. чел. было принято решение послать в Москву вождям пролетарской революции приветственную телеграмму.

В это время некоторые священники стали заявлять о своей готовности сотрудничать с Советами. Так «в станицах Пензенской и Смоленской попы официально сняли сан и заявили, что не хотят больше обманывать народ». Правда через день они явились на поклон к епископу и просили его их простить [11].

Первая волна массового наступления на православное духовенство, после установления Советской власти на Кубани относится к весне 1921–1925 гг. Поводом для этого стал рост контрреволюционного сопротивления, в сотрудничестве с которым обвиняли некоторых священнослужителей. В это время на Кубани действовало свыше 50 белогвардейских отрядов. Наибольшее их количество было в Майкопском (12 банд), Балтапашинском (8 банд), Краснодарском (8 банд), Ейском (8 банд), Таманском (7 банд), Лабинском (5 банд) отделах [12]. Не случайно духовенство именно этих районов первыми пострадали от новой власти. Под предлогом борьбы с бандитизмом, коммунисты расстреливали и их пособников. Часто жертвами становились случайные люди. Так только за сентябрь и октябрь 1921 г. было расстреляно 449 чел, отправлено в концентрационные лагеря 115 семей [13].

За 1922 г. было расстреляно и замучено духовных лиц разного звания: в Кубанской области – 69, Черноморской губернии – 37 [14]. К этому времени все домовые церкви при государственных и общественных заведениях были закрыты.

Таким образом, подводя итог данному исследованию, следует подчеркнуть, в отличие от других регионов России на Кубани гонение против Церкви во многом были связаны с опасением восстановления старых порядков. Боясь усиления позиций казачества, новая власть,

прикрываясь атеистической пропагандой, пыталась его уничтожить любым способом.

Библиографический список

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК) Ф. Р. 1259. Оп. 1. Д. 13. Л. 20–21.
2. ГАКК. Ф. Р. 382. Оп. 1. Д. 521. Л. 70.
3. Екатеринодар – Краснодар 1793–1993. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1993.
4. Екатеринодар – Краснодар 1793–1993. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1993.
5. Центр документации Новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 40. Л. 6.
6. ЦДНИКК Ф. 9. Оп. 1. Д. 252. Л. 58.
7. ГАКК. Ф. Р. 111. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.
8. ГАКК. Ф. Р. 202. Оп. 1. Д. 55. Л. 3.
9. Екатеринодар – Краснодар 1793–1993. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1993. С. 462.
10. Екатеринодар – Краснодар 1793–1993. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1993. С. 464.
11. ГАКК. Ф. Р. 102. Оп. 1. Д. 138. Л. 59.
12. ГАКК. Ф. Р. 102. Оп. 1. Д. 290.
13. ГАКК. Ф. Р. 382. Оп. 1. Д. 210. Л. 44.
14. *Емельянов Н. Е.* Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь (1917–1952 годы) // Богословский сборник. 1999. № 3. С. 258–274.

А. П. Дворецкая,

доцент, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

СТАРЧЕСТВО В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматривается развитие старчества как «низового» религиозного авторитета в начале XX в. С ним связано создание по сути дела параллельной, внеиерархической структуры церкви. На материалах церковной и светской печати анализируется процесс формирования почитания известных сибирских старцев: Даниила Ачинского, Василия Каратузского, Федора Томского.

Ключевые слова: Православная церковь в начале XX в., старчество, Даниил Ачинский, Василий Каратузский, Федор Томский.

A. P. Dvoretzkaya,

Associate Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

ELDERSHIP IN SIBERIA AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY: TO THE FORMULATION OF THE PROBLEM

The article examines the development of eldership as a “grassroots” religious authority at the beginning of the 20th century. This led to the creation of a parallel, non-hierarchical structure of the church. The process of the formation of veneration of famous Siberian elders: Daniel Achinsky, Vasily Karatuzsky, Fyodor Tomsy is analyzed on the materials of the church and secular press.

Key words: the Orthodox Church at the beginning of the twentieth century, the eldership, Daniel Achinsky, Vasily Karatuzsky, Fyodor Tomsy.

В начале XX в. православие в России включало в себя множество разнообразных организационных форм и движений. Наряду с жестко выстроенной церковной иерархией Русской православной церкви, существовали различные братские и приходские движения, а также формы внеприходской организации православной жизни. В этот период возрождается старчество. Оно оформляется как «низовой» религиозный авторитет. С ним связано и создание по сути дела параллельной, внеиерархической структуры церкви.

В поклонении старцам признаются многие известные люди того времени. К ним обращаются со своими нуждами и православные

верующие. Особенно актуален в настоящее время вопрос о формировании практик почитания отдельных старцев. Как указывают многочисленные примеры, старчество привлекало своей аскетической практикой и духовничеством. Считалось, что старческая власть идет от Бога, старец, благодаря этому имеет дары исцеления, прозорливости. Эти дары делают его намного авторитетнее и влиятельнее простых монахов и священников [1].

Например, в Енисейской губернии многие обращались за советом к Даниилу Ачинскому, признанному стяжавшим дар прозорливости, просили совета и молитв. В часовне во имя прп. Даниила Столпника в г. Енисейске, поставленной над его могилой, служились регулярные панихиды, совершались исцеления страждущих. Нескончаемым потоком шли паломники со всей Сибири помолиться. Популярный вариант жизнеописания Даниила Ачинского собирался составить и издать Л. Н. Толстой [7, с. 25, 26].

Как образец для подражания старец был очень популярен в народе. Жил в постоянном труде: днем шил одежду для односельчан, помогал соседям по хозяйству, ночью жал и косил на полях, возделывал огороды у бедняков. Носил железные вериги, обруч и «берестовый» пояс, который к концу жизни врос в тело. Незадолго до смерти он снял вериги и обруч, ответил: «Тело мое к ним привыкло и не чувствовало от них болезни. Тогда бывает только полезен подвиг, когда наносит обуздание телу. Пусть лучше, чем хвалить меня, говорят люди: «Даниил ныне уже разленился; это будет для меня полезнее». Непрестанно молился.

Келья, где он жил, была похожа по размерам «на гроб». Бывало, не выходя из кельи, он молился по целой неделе. Над келейкой позднее был воздвигнут храм во имя Преподобного Даниила Столпника. Одежду свою он оставлял в сенях, так как одетый не мог поместиться в этом «гробу». Окно было маленьким, размером «с медный гривенник»; по целой неделе старец оставался в этом заключении, без света, в молитве; иногда в сенях занимался он рукоделием, но за изделия свои не брал денег, только хлеба для пропитания.

Деньгами подавать он не мог, потому что их у него никогда не было. О милостыне говорил: «Лучше подавать, нежели принимать; а ежели нечего подавать – Бог и не потребует. Нищета Бога ради лучше милостыни, а милость может оказать и не имущий: помоги бедному поработать, утешь его словом, помолись о нем Богу – вот и через сие можно оказать любовь ближнему».

Пища, которую он принимал лишь к вечеру и то не всякий день, состояла из воды, хлеба или нечищеного картофеля; перед едой он завивал за пояс деревянный клин, чтобы меньше есть [10].

Многие обращались к нему за молитвенною помощью в разных трудных жизненных обстоятельствах: служили панихиды, брали пше-ницу, землю с могилы и елей из лампадки. Считалось, что при возложе-нии на страждущего покрыва с его могил, которая находилась в Енисей-ском Иверском девичьем монастыре, и молитве старцу Даниилу возможно чудо исцеления. Известен случай исцеления умалишенной Александры Сапожниковой, которой не смогли помочь енисейские вра-чи. В дальнейшем Александра проживала в девичьем монастыре [2].

По молитве старца Даниила, как указывали очевидцы, лечились не только душевные, но и телесные недуги. Так, священник Енисейского Христорождественско гомонастыря Е. Левитский описывал случай ис-целения 11-летнего мальчика, обварившегося кипятком и находящегося при смерти. Как писал священник Е. Левитский: «Я осмотрел мальчика и оказалось, что на лице, руках, груди, спине и частью на ногах видны большие следы ран. Судя по величине ран на его теле, можно предположить, что только одно чудо могло избавить его от смерти» [3].

До революции в 1911 г. был поднят вопрос о канонизации старца Даниила, но прославлен он был намного позднее, уже в 1999 г. как мест-ночтимый святой Красноярско-Енисейской епархии [4, 6].

На юге Енисейской губернии в это же время в каптыревском приходе более 40 лет проживал старец Василий Каратузский (Василий Афанасьевич Непомнящий) (1792–1907 гг.). Он был из ссыльных, отли-чался строгой молитвенной жизнью. Как отмечают современники, так же, как и Даниил Ачинский, он был отмечен даром исцеления и духов-ной прозорливостью. Как пишет священник с. Каптыревского Павел Силин, он прожил 115 лет и был похоронен в ограде местной церкви. Как по рождению своему, так и по происхождению он представлял из себя лицо загадочное. По слухам, из-за гордости, чтобы смирить себя, он скрыл свой род жизни, назвавшись бродягою, был арестован и сослан в Сибирь, в село Казанцевское Минусинского уезда. В последнем, ста-рец Василий почти нисколько не находился, а проживал в разных мес-тах Минусинского уезда и в частности, 40 лет в с. Каптыревском, где и скончался 2 марта 1907 г.

Как речь, так и все вообще поведение этого старца показывали, что он по своему происхождению был из людей не простых, человек благовоспитанный. Часто вспоминал он про Петербург и другие евро-пейские столицы, где, видимо, был и вращался в среде высокопостав-ленных лиц, которых даже иногда называл. Нередко проговаривался старец о декабристах 1825 года, упоминал графа Аракчеева, проговари-вался и о том, что и его когда-то встречал, но при каких обстоятельст-вах, не досказывал. При передаче подобных сведений на глазах его

обыкновенно выступали слезы. На вопросы о происхождении отвечал так: «Если бы я объявил настоящее свое звание, то мне не дали бы пробыть в Сибири и 24-х часов».

Современники обращают внимание, что в Каптыревском старец вел жизнь строго-подвижническую. Питался он здесь сначала кустарным промыслом, а под конец своей жизни исключительно приношением добрых людей. При этом, он принимал деньги и вещественные приношения не от каждого человека; не принимал же приношения обычно от тех, кто, как они сознавались в том и сами, предлагали старцу свои деньги и вещи не от чистого сердца, жалея приносимое. Когда строился в селе Каптыревском храм, старец всех своих почитателей приглашал к пожертвованию на храм, и в разное время им передано было свыше 700 руб. До этого он получаемые от почитателей деньги употреблял на свечи в церкви, себя же вообще содержал в скудости и не оставил после себя никакого имущества, если не считать нескольких перемени нижнего платья, псалтири, портрета бывшего его знакомого, известного Томского старца Феодора и тех икон, какими он обставил все стены своего убогого жилища, состоявшего из одной маленькой комнатки. Погребен он был также на средства своих почитателей, как не оставивший денег.

В народе говорили, что никого из посетителей не отпустил без утешения и назидания, но бывали случаи, что некоторых из приходящих к нему он отказывался принимать, это тех, кто шли к нему из простого любопытства, о чем старец обычно и заявлял таким лицам. Многим больным, которым земные врачи отказывали в помощи, как безнадежным, старец давал совет и обещался помолиться за них Господу Богу, и они выздоравливали. К нему приходили и простые верующие и интеллигенция. Отдавали дань его прозорливости и местные священники [5].

Такой образ старца вполне признавался и поддерживался официальной церковью, что явственно видно не только на примере Даниила Ачинского или Василия Каратузского, но и Федора Томского, самого наверно известного сибирского старца, нередко отождествляемого с императором Александром I. К личности старца обращались в своих сочинениях русские богословы и церковные историки епископ Томский Петр (Екатериновский), епископ Барнаульский Мелетий (Забаровский), обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев, философы Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, историки Н. К. Шильдер, А. Е. Пресняков, великий князь Николай Михайлович, князь В. В. Барятинский, барон Н. Н. Врангель, писатели В. Г. Короленко, Л. Н. Толстой, Д. Н. Мережковский, Д. Л. Андреев [8, с. 384].

В Томске даже сформировался кружок негласных почитателей Федора Кузьмича, деятели которого собирали и издавали материал о

нем. Келья старца в Томске, также как и его могила, служили местом поклонения и паломничества. В начале XX в. сохранялись обстановка этой кельи, состоящая из русской печи с лежанкой, небольшого стола, стула и простой кровати и лавок вдоль двух стен. В переднем углу стояло резное распятие из кости и 5–6 старинных литографированных в одну краску изображений святых. Вся передняя стена и часть боковых, уже после смерти старца, были увешаны и заставлены различными иконами, числом около 80, пожертвованными почитателями старца. Среди них находятся портреты Александра I, карандашный рисунок, по-видимому, с натуры, старца на смертном одре и литографированные портреты старца в распространенном издании, где он изображен высоким стариком с длинной бородой, в белой холщовой рубахе ниже колена, охваченной пояском. Собственно, именно это изображение и стало тем, с которого впоследствии стали размножать снимки со старца Федора Кузьмича.

Над домиком был устроен навес, а внутри постоянно горела перед образами лампада, и еженедельно по пятницам вечером служились панихиды, на которые собирались почитатели старца. В киоте одной из икон лежали венчальные свечи. Как объясняли, молодой супруг, овдовевший вскоре после женитьбы, утолил свое горе приношением этой иконы в келью старца. Сопровождающая посетителей кельи женщина рассказывала, что в находящемся здесь небольшом сундуке старец хранил принадлежности своего незатейливого костюма – рубахи, штаны и проч. Однажды обнаружили, что содержимое сундука исчезло – кто-то из посетителей выкрал вещи. По поводу этой кражи рассказывали, что украденные вещи увезены за границу, где историей старца интересовались, в расчете на хороший сбыт этих вещей любителям всяких уников.

Самым деятельным среди почитателей старца позднейшего периода был настоятель Алексеевского монастыря архимандрит Иона. Он собирал о старце различные сведения, тщательно записывал рассказы о нем, как о прозорливце и целителе недугов, как о великом подвижнике, от которого исходила благодать Божия, проявляющаяся разными чудесами. Втайне архимандрит Иона мечтал об украшении монастыря мощами старца, о грядущей славе обители и умножении ее богатств. «Вот какая кипа записей о чудесах старца накопилась у меня», разводя руки, восторженно говорил Иона П. И. Макушину, навестив его как-то во время болезни. Иона стал хлопотать об украшении могилы старца более приличным памятником и привлекать к этому делу жертвователей. К 1903 г. ему удалось собрать на этот предмет около тысячи рублей и возвести часовню. Внутри на камне, на большой металлической подставке, горела неугасимая лампада. На одном из подоконников

разложены десятки фотографий, относящихся к старцу, и брошюр, продаваемых желающим. Часовня эта обыкновенно держалась запертой на ключ, но к ней в неуточное время заходили почитатели старца и, стоя у большого окна, могли видеть всю ее внутри до мельчайших подробностей, настраивающих на молитвенный лад. Вероятно, один из таких почитателей, стоя у окна, сделал на белой оконной раме надпись, в которой передал волновавшую его мысль словами: «Покой Господи много Уродного раба Твоего Императора Александра».

В народе даже ходил слух, что в Томск приезжал, по одной версии, генерал, посланный Великим Князем, а по другой – целая комиссия, которая по соглашению с местной жандармской властью, разрыла могилу старца, вынула его останки и уложила в гроб, который и унесла с собою в Петербург [9].

Таким образом, старчество в начале XX в. имело широкое хождение среди народа, нередко вообще не стремящегося к постоянной, как им кажется мелочно регламентированной, приходской жизни, и окормлению приходскими священниками. Данное явление особенно ярко расцвело в начале XX в., когда церковь и ее официальные структуры стремительно потеряли доверие верующих.

Библиографический список

1. *Беглов А. Л.* Старчество в церковной традиции. Часть 1. Постановка проблемы [Электронный ресурс]. URL: <https://bogoslov.ru/article/429277> (дата обращения: 18.10.2020).

2. Енисейские епархиальные ведомости. 1910. № 20. С. 24–27.

3. Енисейские епархиальные ведомости. 1911. № 24. С. 17, 18.

4. Енисейские епархиальные ведомости. 1912. № 1. С. 7.

5. Енисейские епархиальные ведомости. 1912. № 15. С. 16–19.

6. *Майстренко В. А.* На поклон к герою Бородино [Электронный ресурс]. URL: gnkk.ru/newspapers/na-poklon-k-geroyu-borodino/ (дата обращения: 30.11.2018).

7. *Майстренко В. А.* Отзовись, брат Даниил! По дорогам святых. Красноярск: Енисейский благовест, 2009. 254 с.

8. Томск от А до Я: краткая энциклопедия города / под ред. Н. М. Дмитриенко; Томский гос. ун-т, Государственный архив Томской обл. Томск: НТЛ, 2004. 440 с.

9. [Б.а.] Старец Федор Кузьмич // Город Томск. Томск: Издание Сибирского товарищества печатного дела в Томске, 1912. С. 117–121.

10. [Б.а.] Краткое сказание о жизни и подвигах приснопамятного старца Даниила, почивающего в Енисейском Иверском женском девичьем монастыре // Енисейские епархиальные ведомости. 1911. № 19. С. 36–40.

Н. А. Дмитриев,

аспирант, Тверской государственный университет

ПРИХОДСКАЯ ЖИЗНЬ КАЛИНИНСКОЙ ЕПАРХИИ В ПЕРИОД «ЦЕРКОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»

В период «церковного возрождения» в Калининской епархии наблюдается восстановление приходов. В статье особое внимание уделяется аспектам приходской жизни. Выделяются их положительные и отрицательные стороны, делается вывод о противоречивости данного явления.

Ключевые слова: Калининская епархия, «церковное возрождение», верующие, настоятель прихода, приход, церковные таинства.

N. A. Dmitriev,

Postgraduate student, Tver State University

PARISH LIFE OF THE KALININ DIOCESE IN THE PERIOD OF "CHURCH REVIVAL"

During the period of "church revival" in the Kalinin diocese, the restoration of parishes is observed. The article focuses on aspects of parish life. The author notes their positive and negative sides, and concludes that this phenomenon is contradictory.

Key words: Kalinin diocese, "church revival", believers, rector of the parish, parish, church sacraments.

Периоду «церковного возрождения» предшествовали драматические события: репрессии, война. Казалось, что церковь в 1930-е гг. была практически разгромлена. Православные храмы стали уходить из жизни верующих. Религиозное оживление началось с началом Великой Отечественной войны (далее – ВОВ), когда на оккупированных территориях тысячами стали открываться храмы. В данном случае под «церковным возрождением» понимается «процесс восстановления статуса Русской православной церкви (далее – РПЦ) с 1943 по 1958 г., который характеризуется возрождением патриаршества и церковной структуры (патриарх – епархия – благочиния – приходы), открытием храмов, восстановлением кадрового состава духовенства. Представляется, что ключевым аспектом изучаемого процесса было возрождение приходов, приходской жизни.

Этот сюжет имеет свою историографию, но в целом недостаточно изучен в региональном аспекте. Сущность понятия «приход» и особенности общинной жизни в советский период изучены в работах О. Б. Молодова и прот. Д. Сазонова. О. Б. Молодов отмечает, что приходы в каноническом смысле отсутствовали, так как не было общины верующих со стабильным составом. Основу прихода составляли «религиозные активисты», занимающие церковные должности [6, с. 122]. Прот. Д. Сазонов подчёркивает административные и бюрократические ограничения со стороны государства, препятствующие развитию приходской общинной жизни [9, с. 52]. И. А. Курляндский отрицает «церковное возрождение» и поворот государства к церкви в 1943–1953 гг. и отмечает противоречия и трагические стороны «нового курса». По мнению историка, «с самого начала “сталинского ренессанса” церковные структуры оказались в тисках своеобразного гетто». Он подчёркивает, что согласно Постановлению Совета Народных Комиссаров от 8 апреля 1929 года, активность верующих удерживали в рамках прихода, запрещалась благотворительная деятельность, церковное просветительство и миссионерство [4, с. 578].

Деятельность приходов изучалась на основе архивных материалов – в данном случае как основные были использованы отчёты уполномоченного Совета по делам РПЦ по Калининской области и Калининского епархиального управления, где даётся подробная характеристика приходской жизни.

Положение об управлении РПЦ, которое было принято на Поместном соборе 31 января 1945 г., прописывает систему управления приходами. Главой прихода является настоятель. Настоятели совершают богослужения и руководят хозяйственными делами общины. В каждой приходской общине сохранилась «двадцатка» – 20 членов-учредителей общины, исполнительный орган и ревизионная комиссия [7, с. 203, 204]. Двадцатке позволялось принимать в бесплатное пользование храм и церковную утварь. Списки двадцаток за 1956 г. показывают, что туда обычно входили женщины до 1900 г. рождения. Например, в двадцатку Вознесенской церкви г. Кашин из 35 членов 8 пенсионеров, 19 домохозяйек, 3 служащих, 2 колхозника, 1 инвалид. По социальному происхождению это рабочие и крестьяне [15, л. 78–79].

Исполнительный орган – церковный совет (4 члена – настоятель, церковный староста, его помощник и казначей) отвечал за сохранность здания и имущества храма, решал хозяйственные дела (отопление, ремонт, снабжение храма всем необходимым для богослужений). Ревизионная комиссия следила за доходами и расходами церкви и состояла из трёх лиц. Не редко возникали конфликты у настоятеля с членами

церковного совета, ревизионной комиссией, прихожанами на почве превышения полномочий одной или другой стороной. Например, настоятель храма архангела Михаила в Торжке неоднократно обвинялся в растрате, незаконном расходовании церковных средств [11, л. 89, 89 об., 102]. Уполномоченный Совета по делам РПЦ мог в любой момент снять с регистрации члена двадцатки и исполнительного органа и поставить под угрозу существование прихода. Предлоги могли быть разные: «затухание общины» (уменьшение религиозной активности), смерть членов двадцатки, препятствие к регистрации новых членов.

Чтобы рассмотреть приходскую жизнь Калининской епархии нужно охарактеризовать настоятелей храмов, как руководителей общины, и верующих. Штатного духовенства к началу 1946 г. насчитывалось 122 чел., 47 % священников имели среднее образование, 1,5 %, а – высшее, остальные (32,3 %) – начальное [5, с. 10]. По отчётам уполномоченного Совета по делам РПЦ по Калининской области можно сделать вывод, что к служению приступил разнообразный контингент. Большинство духовенства было престарелого возраста со сложной судьбой. За плечами служителей церкви были лагеря за «контрреволюционную деятельность» и ВОВ.

По словам управляющих Калининской епархией, к своим обязанностям основная часть духовенства относилась примерно. Например, в характеристике настоятеля Казанской церкви села Чамерово Васьегонского района священника Алексея Клепикова указано: «Слово Божие проповедует. Хороший администратор и хозяйственник. О возможном ремонте храма заботится. Поведения хорошего» [12, л. 89]. Священник Нил Рясенский оставил подробные воспоминания о возрождении приходской жизни Вознесенского храма г. Осташкова в 1947 г., в помещении которого находилось зернохранилище и краеведческий музей. Стараниями отца Нила и прихожан храм был отремонтирован, мощи преподобного Нила Столобенского приведены в порядок для поклонения верующих [8]. Но встречаются и отрицательные примеры. Среди пороков священнослужителей архиереи отмечают низкий культурный уровень, злоупотребление спиртными напитками, блуд, кражу церковных средств [14, л. 4–6].

Приходская жизнь православных христиан заключается в посещении богослужений, участии в церковных таинствах, совершении треб, соблюдении заповедей, почитании православных праздников, благотворительной деятельности и др. Все эти компоненты можно проследить и у верующих Калининской епархии в период «церковного возрождения».

Церковные службы проводились в городских приходах каждый день, в сельских – по воскресеньям и праздникам. Городские храмы в церковные праздники были полны верующими, люди даже стояли на улице. Например, кафедральный собор г. Калинин «Белая Троица» посещали по подсчётам уполномоченного 1,5 тыс. чел., Богоявленский собор г. Вышний Волочёк 3 тыс., Спасский собор г. Бежецк 2 тыс. В этих данных не учитывались люди, стоящие на улице [2, л. 78]. По будням в церковь приходили мало. Сельские приходы посещали гораздо меньше людей по причине дальности храма, сезонных сельскохозяйственных работ.

Большинство верующих регулярно исповедовались, причащались, относились к таинствам с благоговением. По праздникам священники сельских приходов ходили с молебнами по домам верующих. Например, в отчёте благочинного торжокского района указано, что к церковным таинствам обращаются больше женщины, девицы, мужчины и молодёжь очень мало. Крестят детей почти все без исключения, венчания бывают всего 2–3 раза в год. Внимательнее всего прихожане относятся к обряду отпевания, собираясь всем селом на службу [13, л. 213 об., 214]. С 1956 г. уполномоченные подавали статистические сведения в Совет по делам РПЦ об участии в церковных таинствах и совершении треб верующими. В 1957 г. в Калининской епархии по примерным подсчётам уполномоченного было 7533 крещений (21 % родившихся), 90 венчаний (0,04 % зарегистрировавших брак), 3445 погребений (20 % умерших) [1, л. 78]. Нужно, однако, учитывать, что большинство крещений, венчаний совершались тайно, практиковались заочные отпевания, поэтому количество таинств и треб подсчитать точно невозможно. Особое место в жизни верующих занимали престольные праздники. Так, по словам благочинного, в Ильин и Михайлов день в Торжке службы посещали множество горожан и сельских жителей окрестных деревень, архиерейские службы поднимали религиозное настроение и оставляли глубокое впечатление собравшихся [13, л. 212 об.].

Приходы вопреки постановлению 1929 г. занимались и благотворительной деятельностью. В годы ВОВ происходили сборы на патристические нужды для фронта, на помощь инвалидам и беженцам, после войны в советский фонд мира. Например, прихожане из деревни Николы-Рени Весьегонского района в заявлениях об открытии храма указывали, что пожертвовали 25 тыс. рублей на танковую колонну им. Дмитрия Донского [10, л. 2]. Во время наводнения в Калинин в 1947 г. верующие собрали 10 тыс. рублей на помощь пострадавшим [3, л. 41].

Подводя итоги, можно согласиться с мнением Т. Г. Леонтьевой, что приходская жизнь Калининской епархии в период «церковного

возрождения» была наполнена противоречиями [5, с. 16]. Люди получили возможность молиться в своём храме, участвовать в церковных таинствах, однако полноценной приходской жизни препятствовали ограничения со стороны местных властей, недостаток образованных священнослужителей – руководителей приходов, отсутствие духовной литературы, внешней и внутренней миссионерской деятельности среди мирян.

Библиографический список

1. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. Р–2723. Оп. 1. Д. 17.
2. ГАТО. Ф. Р–2723. Оп. 1. Д. 18.
3. ГАТО. Ф. Р–2723. Оп. 1. Д. 8.
4. *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия. М.: Кучково поле, 2011. 720 с.
5. *Леонтьева Т. Г.* Церковная повседневность эпохи позднего сталинизма в провинциальном измерении // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1943–1953 гг.: материалы VII Международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М.: Полит. энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. С. 8–16.
6. *Молодов О. Б.* Православный приход: понятие и система управления в 1945–2000 гг. (на материалах Европейского Севера) // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 121–137.
7. Положение об управлении Русской православной церковью (31.01.1945) // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. М.: Пропилеи, 1995. С. 200–204.
8. *Рясенский Н. Ф., прот.* Записка об истории закрытия Ниловой пустыни и судьбе мощей преподобного Нила Столобенского. 1954 г. Рукопись. Архив Ниловой пустыни. Разрешение на цитирование получено 25.12.2020.
9. *Сазонов Д., прот.* Развитие приходской общинной жизни в Русской православной церкви и её особенности с 1918 по 1988 годы // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 3. С. 51–55.
10. Тверская епархиальная научная библиотека. Архивный отдел (ТЕНБ АО). Ф. 2. Д. 238.
11. ТЕНБ АО. Ф. 1. Д. 162.
12. ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 10.
13. ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 165.
14. ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 39.
15. ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 75.

УДК 72:271.2(571.55)

Е. В. Дроботушенко,

декан, Забайкальский государственный университет (г. Чита)

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ г. ЧИТЫ (ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)

Храмовое строительство г. Читы досоветского периода имеет свои исторические черты и архитектурные особенности, отличавшие город от иных крупных населенных пунктов Сибири. Это предопределено удаленностью города от епархиального центра, относительно поздним расцветом как административного центра Забайкалья.

Ключевые слова: православие, Русская Православная Церковь, храм, церковь, монастырь, архитектурные особенности.

E. V. Drobotushenko,

The Dean, Transbaikal State University (Chita)

HISTORY OF CONSTRUCTION AND ARCHITECTURAL FEATURES OF ORTHODOX CHURCHES IN CHITA (PRE-SOVIET PERIOD)

The church construction of Chita in the pre-Soviet period has its own historical features and architectural features that distinguished the city from other large settlements in Siberia. This is predetermined by the remoteness of the city from the diocesan center, the relatively late flourishing as the administrative center of Transbaikalia.

Key words: Orthodoxy, Russian Orthodox Church, Church, monastery, architectural features.

Вопросы православного монастырского и храмового строительства в Восточной Сибири не раз становились предметом научного анализа для исследователей, а также предметом обсуждений и дискуссий. Это предопределено рядом составляющих. Значимостью православия для населения региона, важностью деятельности Русской Православной Церкви и ее представителей, необычными подходами при строительстве, а также архитектурными особенностями. При этом отдельные территории Восточной Сибири, в разрезе рассматриваемой проблематики, также отличались друг от друга. На возникновение данных отличий

повлиял ряд факторов время освоения и массового заселения пришлым русским населением – основными носителями православия, плотность населения и, соответственно, населенных пунктов, удаленность от епархиального центра, обеспеченность квалифицированными священнослужителями и т. д.

История храмового строительства г. Читы, в чем-то похожа на таковую в иных городах Сибири. С другой стороны, она имеет и свои отличия. Предопределены они рядом факторов Первое – это время освоения Забайкалья и заселения его. Несмотря на то, что плотбище на месте основания будущей Читы было основано в 1653 г. само поселение получило развитие в 1680-е гг. Некоторые исследователи вообще не говорят в своих публикациях о середине XVII в., ссылаясь на первые письменные упоминания.

Независимо от даты основания Читы, упоминание о первой церкви населенного пункта относится только к концу XVIII в., т. е. более чем через столетие. Однако по первому храму нет никаких данных. Нельзя сказать ни об истории строительства, ни о его архитектурных особенностях. Это церковь во имя престола Архистратига Михаила и прочих бесплотных сил и Николая Чудотворца. Сгорела в 1774 г. [11, с. 375].

Относительно достоверную православную храмовую историю Читы, вероятно, справедливо начать, с так называемой, Старо-Читинской Михайло-Архангельской церкви, постройки 1776 г. С одной стороны, она является самым старым строением города, с другой, о следующих храмах можно будет говорить уже почти через столетие. Названный храм Постановлением Совета Министров РСФСР № 624 от 4.12.1974 г. признан памятником архитектуры и градостроительства республиканского значения.

Церковь двухэтажная, сложена из толстых лиственничных бревен. Имеет осевую композицию: 5-угольная апсида, помещение самого храма, трапезная и колокольня. Над храмом восьмерик с восьмигранным же куполом. На восьмигранном барабане луковичная главка с крестом. Восьмигранный барабаном с луковичными главками, на которых кресты завершены, помимо основного объема храма, колокольня и апсида. Колокольня двухъярусная. В середине XIX в. храм ремонтировался. В ходе ремонта перестроена колокольня. Следующий ремонт относится уже к 1870-м гг., когда под здание был подведен каменный фундамент и укреплены перекрытия [11, с. 375].

В 1851 г. была образована Забайкальская области, административным центром которой стал г. Чита, церковь на некоторое время, стала именоваться собором, однако через четверть века вновь стала церковью [11, с. 375].

Широкую известность храм получил благодаря тому, что его посещали участники восстания на Сенатской площади в декабре 1825 г.

Богослужения в церкви прекратились в начале третьего десятилетия XX в., а в 1923 г. здание реквизировано советской властью

На долгие годы Михайло-Архангельский храм был единственным в Чите. Храмовое строительство относительно активно начнется в конце XIX в., однако краткий оставшийся дореволюционный период не даст ему развернуться в полной мере. В то же время отдельные интереснейшие объекты православной культовой архитектуры появиться успеют.

Следующим храмом Читы, о котором имеются достоверные сведения, стал «новый собор» в честь Казанской иконы Божией Матери постройки 1866 г. Строение деревянное, «простое». Службы велись до 1927 г. В 1929 г. реквизирован советской властью [1].

В 1875 г. на пожертвования, изначально как часовня, построена Преображенская тюремная церковь. В храм преобразована в 1885 г. путем пристройки алтаря. Здание одноэтажное, деревянное, без колокольни.

Основной этап строительства православных храмов Читы – это время последней четверти XIX – начала XX в. В 1886 г. купцом Т. Терентьевым с сыном построена кладбищенская Богородицы Скорбящей церковь на городском кладбище. Освящена в 1888 г. О ее архитектурных особенностях данных нет [12, с. 198].

В 1894 г. в связи с организацией самостоятельной Забайкальской епархии в Чите был организован Архиерейский дом. В начале его строительства была заложена также церковь, посвященная Св. Андрею Первозванному (Андреевская Крестовая церковь). Освящена в июле 1896 г. Представляла собой двухэтажное каменное здание, по форме напоминавшее корабль, с колокольней, к которой примыкали архиерейские покои. Через несколько лет проводился ремонт церкви, в 1900 г. помещение ее было увеличено [2, с. 90; 4, л. 87; 13, с. 50].

Самым «ярким» образом православного хромого строительства г. Читы стал собор Александра Невского. Место под строительство собора освящено в 1888 г. в центре города (в настоящее время площадь Ленина). Строительство началось закладыванием первого камня только в 1899 г. и растянулось по времени. Причина очевидна. Для постройки столь объемного сооружения требовалась значительная сумма финансовых вложений. С учетом того, что на момент начала строительства население города составляло менее 12 000 чел., собрать необходимую сумму было сложно. Строительство закончилось только в 1913 г. Здание каменное, массивное, в русско-византийском стиле. Характеристики архитектурных особенностей собора нам обнаружить не удалось.

Встречаются только частные заметки общего характера. Примером является выдержка из газеты «Забайкалье» начала XX в.: «Новый собор тяжёлый, давящий, неуклюжий. Купол и кресты принижены, их не видно из-за массы кирпича. Жалкая, неодоухотворённая мысль, и такое же неосмысленное осуществление её. Те же архитекторы, что возводят его, для себя умеют строить лёгкие и красивые здания» [15].

Службы в соборе закончились в 1920 г., а в 1936 г. собор Александра Невского был взорван [3, с. 40].

Были в Чите досоветского времени иные церкви, однако они не выделялись ни своей историей, ни архитектурными особенностями. Либо же о них практически не сохранилось достоверной информации. Таковой являлась церковь во имя Св. Великомученицы Екатерины, построенная в 1890 г. на средства баронессы Е. И. Кугель и сгоревшая в 1904 г. (в так называемом районе Дальнего Вокзала). В 1905 г. в перенесённом на ее место и расширенном бараке открыта церковь во имя Св. Пророка Иоанна, Предтечи и Крестителя Господня. Закрыта в 1930 г. В 1996 г. здание возвращено Русской Православной Церкви. Можно говорить о ее архитектурных особенностях относительно данного времени. Представляется, что в своей основе они соответствуют таковым в досоветское время. Планировка осевая, однако, как помещение самого храма, так и помещение алтаря смещено влево. Алтарь и трапезная созданы путем деления основного объема храма перегородкой [14, с. 439].

Иная церковь, о которой известно также не много – Свято-Троицкая на Большом острове (район г. Читы). Заложена в 1907 г. и закончена постройкой в 1908. Строилась на пожертвования граждан и средства купца Д. Ф. Игнатьева. Закрыта в мае 1930 г.

В Чите располагался один монастырь – женский Богородицкий (с мая 1915 г. – Покровский). Он открыт в 1886 г. по инициативе вдовы священника, матери известнейшего подвижника православия, церковного историка, бывшего, на тот момент времени, викарием иркутской епархии епископом Селенгинским, Мелетия (Якимова). При открытии обители как женской общины планировалось, что на ее территории будет построено два храма: соборная церковь во имя Пресвятой Богородицы и церковь Святой мученицы Александры. Из-за недостатка финансовых средств построена только вторая церковь. Данных по ней, на сегодня, практически нет. Известно, что она была небольшой по размеру. Со временем к ней пристроены ризница и пономарня. Фундамент из бутового камня, вероятно, скреплено известковым раствором (такая

практика была распространена при строительстве церквей в Забайкалье) [5, л. 1; 6, л. 2; 7, л. 32 и др.].

Существовали в Чите, в досоветское время и домовые церкви, однако с точки зрения яркой истории их строительства и существования, а также каких-либо архитектурных особенностей, они никак не выделялись.

С приходом советской власти в Чите, как и в иных городах страны, началось массовое закрытие храмов. Итогом антицерковных действий советской власти стало то, что к 1930-м гг. в г. Чите осталось здание одного храма – Старо-Читинской Михайло-Архангельской церкви (в пользовании советских властей). В дальнейшем здесь проявится еще одна особенность г. Читы в культовых постройках Русской Православной Церкви. Отсутствие храмовых построек, пригодных для служб, привело к тому, что первым храмом, открытым в городе для богослужения после периода гонений, стала Воскресенская церковь в помещении бывшего католического костела во имя Святых Петра и Павла. Открыта, по одним данным в 1944 г., по иным, в 1945 или 1946 гг. [8, л. 123; 9, л. 79; 10, л. 16].

Таким образом, можно констатировать, что в г. Чита, в досоветский период было не очень много православных храмов. При этом история части из них, на сегодня не известна. В литературе встречаются только отдельные упоминания, констатирующие, что храм был.

Несмотря на то, соборов и церквей в Чите было не много, отдельные из них можно назвать памятниками православного культового строительства. Таковыми являлись Старо-Читинская Михайло-Архангельская церковь и Кафедральный собор Александра Невского.

Причинами того, что монастырское и храмовое строительство Читы развивалось медленнее, чем, к примеру, в Иркутске, может быть следующее:

– Незначительное население города. Как отмечалось выше, на начало XX в. население Читы составляло менее 12 000 чел., в то время как в Иркутске, в конце XIX столетия, к примеру, было более 50 000 чел. Соответственно требовалось в четыре–пять раз меньше культовых построек.

– г. Чита до 1894 г. являлся периферийным населенным пунктом Иркутской епархии, находясь от ее центра, г. Иркутска, на значительном расстоянии. Утверждать, что удаленные от центра управления епархией территории оставались за рамками внимания епархиальной власти, вероятно, нельзя, однако, очевидно, что данное внимание уделялось по остаточному принципу.

Важнейшим выводом является замечание о том, что храмы Читы досоветского периода изучены, на настоящее время, незначительно. Это касается и их истории и их архитектурного облика.

Очевидно, что требуется дальнейшая серьезная работа с источниками по восстановлению истории православного монастырского и храмового строительства в г. Читы, по выявлению его особенностей. Это позволит воссоздать более полную картину православной истории региона.

Библиографический список

1. *Авдеев С., Саввин Д.* Собор в честь Казанской иконы Божией Матери // Читинская и Краснокаменская епархия. URL: http://www.chita-eparhia.ru/eparh/new_eparh/ned/kazchita/ (дата обращения: 30.12.2020).
2. Адрес-Календарь Забайкальской области на 1903 год. Чита: Тип. Забайкальского областного правления, 1903. XIX+187 с.
3. *Баринов А.* Александро-Невский кафедральный собор // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в IV т. Новосибирск: Наука, 2004. Т. II. С. 40.
4. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 791.
5. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 3. Д. 150.
6. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 3. Д. 780.
7. ГАЗК. Ф. 153. Оп. 2. Д. 5.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 31.
9. ГАРФ. Р6991. Оп. 1. Д. 80.
10. ГАРФ. Р6991. Оп. 1. Д. 213.
11. *Кудрявцев С. В., Салмина С. В., Цыренжапова Д. Е.* Старо-Читинская Михайло-Архангельская церковь // Малая энциклопедия Забайкалья. Архитектура и строительство. Новосибирск: Наука, 2016. С. 375–376.
12. *Льцусь А.* Кладбища г. Читы // Малая энциклопедия Забайкалья. Архитектура и строительство. Новосибирск: Наука, 2016. С. 198–202.
13. Отчет о состоянии Забайкальской духовной миссии за 1907 г. Чита: Забайкальское товарищество печатного дела, 1908. 126 с.
14. *Салмина С. В.* Церковь во имя Св. Пророка Иоанна, Предтечи и Крестителя Господня // Малая энциклопедия Забайкалья. Архитектура и строительство. Новосибирск: Наука, 2016. 439.
15. *Шадрин Р.* «Энциклопедия Читы»: Александро-Невский собор // Чита.ру. URL: <https://www.chita.ru/articles/138169/> (дата обращения: 30.12.2020).

УДК 261.7

Н. В. Кияшко,

аспирант кафедры истории России XX–XXI вв.,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

«ОСТАВАТЬСЯ В ВЕРЕ ПРАВОСЛАВНОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ, НЕСМОТря НИ НА КАКИЕ ГОНЕНИЯ»: САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЕРУЮЩИХ И ДУХОВЕНСТВА ЮГА РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-х гг.

В настоящей статье рассматривается самопрезентация верующих Русской Церкви в контексте сохранения религиозной идентичности. Особенность исследуемого периода состоит в ухудшении религиозной обстановки в стране, когда высшим руководством было санкционировано создание обновленческого раскола и административного кризиса в Церкви, преследующих задачи разделения верующих и духовенства на несколько враждующих между собой религиозных групп. В качестве основного источника используются заявления верующих в органы власти, главными темами которых были дистанцирование от политического прогивостояния с советским государством, выделение собственных представлений о церковном кризисе и отношении к обновленцам, легальность существования общин как с позиции светского и религиозного законодательства.

Ключевые слова: религиозная политика, религиозная идентичность, обновленческий раскол, Русская Православная Церковь, Кубанская епархия, Кубань.

N. V. Kiyashko,

Postgraduate at the Department of History of Russia of XX–XXI centuries,
Lomonosov Moscow State University

"REMAINING IN THE ORTHODOX APOSTOLIC CHRISTIAN FAITH, DESPITE ANY PERSECUTION": BELIEVERS AND CLERGY OF THE SOUTH OF RUSSIA SELF-PRESENTATION IN THE CONDITIONS OF RELIGIOUS POLICY OF THE 1920s

This article examines the self-presentation of the faithful of the Russian Church in the context of preserving religious identity. The peculiarity of the period under review is the deterioration of the religious situation in the country, when the highest leadership authorized the creation of a renovationist schism and an administrative crisis in the Church, pursuing the task of dividing the faithful and clergy into several warring religious groups. The main source is the statements of believers to the authorities, the main topics of which were distancing themselves from the political

confrontation with the Soviet state, highlighting their own ideas about the church crisis and attitude to the renovationists, the legality of the existence of communities both from the standpoint of secular and religious legislation.

Key words: religious policy, religious identity, renovationist schism, Russian Orthodox Church, Kuban diocese, Kuban.

Проблема сохранения социально-религиозной идентичности населением Советской России возникла в связи с резким изменением религиозной политики государства, главным направлением которой с 1922 г. стало разделение верующих и духовенства Русской Церкви на независимые религиозные группы.

В результате оперативной и агентурно-осведомительной работы Всероссийской чрезвычайной комиссии (впоследствии – ГПУ-ОГПУ) в 1922 г. произошло институциональное оформление противостоявшей Патриарху Тихону группы духовенства, создавшей новую религиозную структуру «Живая Церковь». Административный кризис и оформление неканонических органов церковного управления вошли в отечественную историографию под названием обновленческого раскола.

Для множества духовенства и верующих по всей территории СССР подчинение Патриарху Тихону и церковно-административная независимость от «Живой Церкви» (и других высших обновленческих органов) стали условиями для сохранения религиозной идентичности. Признавая политическое господство советской власти и подчиняясь ее законодательству, верующие стремились обосновать правовой статус и легитимность существования своих церковных общин в соответствии с Ленинским декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 г.

Социально-политические взгляды населения и отношение к проводимой в стране религиозной политике характеризуют заявления граждан в местные и центральные государственные органы по проблемам регистрации приходов, репрессий в отношении священнослужителей, давления со стороны органов власти и т. д. Если события религиозной политики на высшем государственном и церковном уровне традиционно попадали в сферу интересов современных историков, то источники, характеризующие социально-религиозную идентичность провинциального населения, зачастую оставались вне исследовательского поля. Среди исследователей южных регионов подобным проблемам обращались Ю. А. Бирюкова [2, 3], С. Н. Малахов [9, 10] и Е. А. Агеев [1].

В рамках данной статьи поставлена задача выяснить эвристические возможности исследования социально-религиозной идентичности верующих в условиях религиозной политики в 1922–1924 гг. на юге РСФСР. Особенность рассматриваемого периода заключается в проти-

воречивости принимаемых в центре решений и отношения к ним на местах, нестабильности политического курса поддержки обновленческого движения и в стремлении власти создать видимость свободы деятельности религиозных организаций.

Институциональное оформление структуры «Живой Церкви» на территории Кубано-Черноморской области произошло в июле 1922 г. на епархиальном собрании духовенства и мирян, которое приняло решение образовать местный комитет прогрессивного духовенства «Живой Церкви». Вслед за созданием идейной группы был сформирован новый состав епархиального управления, председателем которого стал полномочный представитель Кубано-Черноморского архиепископа и член центрального комитета «Живой Церкви» протоиерей Ф. И. Делавериди [8, с. 3]. При поддержке местной власти и Кубано-Черноморского отдела ГПУ епархиальное управление и лично Ф. Делавериди путем давления и угроз принуждали сельское духовенство признавать «Живую Церковь» и отказываться от подчинения Патриарху Тихону, объявленному политическим преступником.

Вскоре после епархиального собрания произошла локализация противостоящих обновленцам («живоцерковникам») групп верующих и духовенства, ставших в глазах власти не только центрами сопротивления внутрицерковному разделению, но и государственной политике. Причиной столь активной локализации стало стремление верующих сохранить религиозную и региональную идентичность, т. е. восприятие себя как части единой общности, проживающей в регионе и обладающей общими местными интересами, конфессиональной идентификацией, традициями и исторической памятью.

Центрами формирования оппозиционных обновленчеству локальных очагов Патриаршей Церкви стали общины в Краснодаре, Ейске, Армавире и Майкопе. Удаление с приходов, высылка за пределы области подчинявшегося патриарху Тихону духовенства и дезорганизация центров оппозиции стали главными задачами Ф. Делавериди по распространению обновленчества в регионе, которые за 1922–1924 гг. успешно были решены.

На фоне значительного укрепления обновленческого движения особенный интерес представляет деятельность духовенства и верующих по сохранению религиозной идентичности и прав на пребывание в Патриаршей Церкви.

Характерной чертой верующих и духовенства Патриаршей Церкви стало дистанцирование от политического противостояния с новой властью, активными участниками которого они представлялись в документах ГПУ. Верующие неоднократно подчеркивали лояльность и

отсутствие контрреволюционных намерений в своих заявлениях в местные партийные и советские органы. Члены приходского совета Покровского храма г. Краснодара в заявлении прокурору Кубано-Черноморской области отмечали свое согласие с декретом об отделении Церкви от государства: «Идейная половина граждан признающих православную веру с большим удовлетворением приняла акт Совет власти отделения церкви от опеки государства (так в документе. – *Н. К.*), так как с этого момента только и можно было выполнить учение Христа: «Воздадите кесарево-Кесарю, а божие-Богу»...» [12, л. 16 с].

Группа членов тихоновской общины Николаевского храма г. Армавира заявляла о своей приверженности основам «уважения к представителям Власти и законности», следованию норм действующего законодательства, и поэтому не преследовала никаких контрреволюционных и антиправительственных целей [6, л. 257]. В другом заявлении в V («ликвидационный») отдел Народного комиссариата юстиции (далее – НКЮ) отмечалось поведение общины во время прошедшей кампании по изъятию церковных ценностей, духовенство и миряне которой «были за добровольное пожертвование в пользу голодающих», а в храме никогда «не произносилось проповедей, враждебных Советской власти» [5, л. 56].

На своей согласии с нормами советского законодательства о религии акцентировали внимание члены тихоновской общины Троицкого храма станицы Григориполисской Кубано-Черноморской области: «Доводим до сведения ВЦИК о том невыносимом положении, в котором оказалась наша религиозная община с 26 марта с. г. 1924 г., лишившись пастыря и храма, несмотря на то, что мы всегда были лояльны к советской власти и исполняли законы СССР относительного религиозных обществ» [6, л. 214]. Действия обновленческого церковного руководства верующие классифицировали как незаконные, нарушающие Конституцию СССР, подчеркивая, что они «подрывают престиж Советской Власти» [7, л. 93].

Высшее руководство страны стремилось к углублению антагонизма между тихоновцами и обновленцами, приняв в 1923 г. курс на либерализацию церковной политики, в связи с чем был освобожден из заключения патриарх Тихон, а для тихоновских общин наступило «смягчение» политики центра. Многие руководители на местах не поддерживали эту стратегию «религиозного нэпа», не говоря уже о малограмотных председателях сельских исполкомов, которым тактические маневры Москвы казались несовместимыми с большевистской идеологией.

Неоднократно действия региональных властей, оказывавших открытую поддержку обновленцами преследовавших тихоновцев,

становились предметами жалоб верующих в Москву. Стремясь подчеркнуть законность своих прав на пользование религиозным имуществом и выбор церковной юрисдикции, верующие обращались к социальной (классовой) идентификации, подчеркивая присутствие в своих рядах борцов за революцию, принимавших активное участие в сражениях Гражданской войны. «Под влиянием огорчения от невозможности исполнить свои религиозные обряды, многие староцерковники говорят, что лучше умереть, чем так жить, не имея возможности открыто помолиться. Если б мы не принадлежали к трудовому классу; если бы среди нас не было семейств, потерявших своих членов в борьбе за пролетарскую революцию, в походах через Астраханские степи, мы объяснили бы это недоверием к нам... Почему в Москве староцерковникам дозволено молиться, а почему нельзя этого в г. Краснодаре? Разве законы публикуются для того, чтобы их не соблюдать. Тогда пусть будет указано, какие законы хотя и опубликованные, не подлежат соблюдению в г. Краснодаре, тогда мы будем знать, что нам нельзя молиться, а то мы не получили ни отказа, ни удовлетворения», – сетовал уполномоченный тихоновской общины Ильинского храма г. Краснодара Григорий Ямпольский [7, л. 93]. Дальнейшие неоднократные обращения к председателю ВЦИК привели к нужному результату: 7 апреля 1925 г. заведующий секретариатом председателя ВЦИК М. В. Котомкин направил письмо в Краснодар с указанием на необходимость срочного исполнения решений центральной власти о равном распределении храмов между старыми и новыми религиозными общинами, а также затребовал объяснение об игнорировании соответствующего постановления ВЦИКа [7, л. 83].

Среди компонентов религиозной идентичности также следует выделить представления верующих о своем личном отношении и месте в возникшем административном и каноническом кризисе Церкви. В различных формах коммуникации с центральной властью верующие стремились максимально репрезентативно отразить рефлексию переживаемых событий и продемонстрировать свое отношение к неправомерным действиям советских чиновников на местах.

Верующие станицы Григориполисской Кубано-Черноморской области, описывая историю регистрации прихода в 1923 г., констатировали, что с этого времени «совершенно отмежевались от обновленческой церкви и органов ее управления», которая, по их словам, не является «истинно-православной церковью». Действия обновленческого духовенства по признанию канонической общины контрреволюционной и дальнейшем ее снятии с регистрации назывались «злыми происками», «явной клеветой», «неслыханным нахальством» [6, л. 210, 211, 214].

Жители станицы Переяславской сообщали в V отдел НКЮ, что не желают признавать обновленческое церковное руководство, которое «назначает архиереев и священников без ведома и без просьб о том групп верующих, архиереев делают из женатых священников, священникам вдовцам разрешают вступать во второй брак и даже разводиться с женами» [5, л. 56]. Более непримиримо к религиозным новшествам и действиям обновленцев были настроены прихожане тихоновской общины станицы Поповичевской, они отказывались признавать и примиряться с обновленческим духовенством, которое «насильно заставляет подчиниться обновленческому епархиальному управлению» [6, л. 288 об.].

Опираясь на действующее законодательство и апеллируя к его нормам, верующие отстаивали легальность существования своих общин и право подчинения патриарху Тихону, а не обновленческой иерархии. Отличительным элементом всех обращений была самоидентификация заявителей как членов Патриаршей Церкви и признание законности власти Святейшего Патриарха Тихона.

Резко критикуя обновленцев, захватывавших приходские станичные храмы при покровительстве местных исполкомов, члены тихоновских общин бесхитростно ставили «в вину» власти пренебрежение религиозным законодательством. «Население думает, что обновленческое епархиальное управление, не имея собственных сил держать в своих руках приходы, хочет этого достигнуть через государственную власть вопреки ея закону об отделении церкви от Государства. Оно хочет по мнению народа услужить государственной власти, а на самом деле приносит один только вред: волнует народ, беспокоит гражданскую власть на местах и в центре через уполномоченных, вводит трудовой народ в излишние расходы и т. д.», – писал в НКЮ Сергей Сергеев от имени общины Покровского храма станицы Ильинской [6, л. 291, 292].

19 февраля 1923 г. по инициативе благочинного Иванова состоялось собрание духовенства г. Майкопа, на котором обсуждалось отношение к «Живой Церкви». В своем выступлении благочинный назвал незаконными и возмутительными аресты священников, не признавших обновленческое Высшее церковное управление (ВЦУ), и объявил их мучениками. Как следует из докладной записки сотрудника окружного отдела ОГПУ, присутствовавшего на собрании, духовенство постановило «Живую Церковь» «признать ересью, в корне уничтожающей догматы православной христианской религии» [11, л. 6].

На следующий день были собраны представители церковных советов и миряне, которые поддержали решение духовенства. Благочинный огласил воззвание Патриаршего местоблюстителя митрополита Агафангела (Преображенского), вызвавшее одобрение слушателей.

Привлекают внимание несколько главных пунктов резолюции: «ВЦУ не подчиняться, так как ВЦУ группа самозванцев; установить связь с епископом Агафангелом; оставаться в вере православной апостольской христианской, несмотря ни на какие гонения» [11, л. 6 об.]. Проявления решимости верующих в сохранении административной и канонической связи своих общин с митрополитом Агафангелом (Преображенским), как единственным законным представителем высшей церковной власти, свидетельствуют о высоком уровне коллективной идентичности населения, основным компонентом которой было восприятие себя частью единой Русской Церкви под управлением Патриарха Тихона.

Если в одних случаях критерием самоидентификации религиозных групп являлась принадлежность к канонической Церкви, то в других наблюдается синкретичность в признании обновленческой иерархии, а определяющим фактором выступало соблюдение традиционных для православия канонических правил. Так, приходской совет Покровского храма станицы Тифлисской и хутора Северина Армавирского округа в присутствии члена Кубано-Черноморского епархиального управления протоиерея В. А. Молчанова 27 декабря 1925 г. выразил готовность «быть преданными своему Владыке, митрополиту Михаилу, и стоять в святой православной вере», однако прихожане просили, «чтобы для успокоения верующих Владыка Михаил как можно осторожнее разрешал браки разведенных и если это будет допустимо, то всякий раз только после отзыва Приходского собрания верующих». «Мы просим и на наш приход не назначать второбрачных священнослужителей и для нашей епархии не назначать женатого Епископа», – настаивали верующие [2, л. 108].

Подводя итог следует отметить, что избранные для исследования источники содержат уникальные сведения, характеризующую социально-политические взгляды населения в условиях трансформации религиозной политики. В них максимально репрезентативно отражены рефлексия переживаемых событий и отношение к неправомерным действиям советских чиновников на местах, стремление законно обосновывать право тихоновских общин на существование. Однако позднее, когда власть отказалась от политики «религиозного нэпа», подобные заявления верующих в органы власти стали восприниматься как акции политического противостояния, а их авторы подвергались преследованию органов безопасности.

Библиографический список

1. Агеев Е. А. Православная Церковь на Среднем Дону в соборный и послесоборный периоды (1917–1930 гг.). М., 2019.
2. Архивный отдел Администрации МО г. Армавир. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 26.

3. *Бирюкова Ю. А.* Апология православного духовенства в тюремных записках П. В. Верховского 1922 г. // Восточноевропейское обозрение. 2015. Т. 6. № 2. С. 53–65.

4. *Бирюкова Ю. А.* Советская власть и православные общины Дона в 1920–1930-х гг. Характер отношений на местах. Ростов н/Д, 2012.

5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-353. Оп. 7. Д. 6.

6. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 61. Д. 162.

7. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 61. Д. 163.

8. Красное Знамя. 1922. 16 июля. № 159 (670).

9. *Малахов С. Н., Малахова А. С.* Затишье перед бурей: обновленцы и тихоновцы в православных приходах Армавирского округа летом 1924 – весной 1925 г. (по архивным материалам) // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сб. научных статей. Ставрополь, 2020. С. 199–215.

10. *Малахов С. Н., Симонянц С. В.* Судьба Калиновического монастыря как отражение антирелигиозной политики 1920-х гг. // Четвертый Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов: сб. материалов / под ред. С. Н. Савенко. Пятигорск, 2018. С. 69–73.

11. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 2815. Оп. 1. Д. 342.

12. Центральный архив ФСБ России. Д. Р-30640.

УДК 34.08; 908; 929.5

А. Е. Коняев,

сотрудник, Ярославская региональная общественная организация
«Ветераны боевых действий»

**ЖИЗНЬ РЕДАКТОРА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ
(Отражение биографии первого редактора
«Ярославских епархиальных ведомостей» А. П. Крылова
в периодической печати; 1860–1912 гг.)**

Аполлинарий Платонович Крылов стал в 1860 году первым редактором «Ярославских епархиальных ведомостей». Его трудовая биография длилась более полувека, до смерти в 1912 году. Все эти годы имя Крылова появлялось на страницах как ярославских, так и центральных российских газет, где остались любопытные штрихи к его историческому портрету.

Ключевые слова: «Ярославские епархиальные ведомости», Аполлинарий Платонович Крылов, редактор, нотариус, судья, Ярославская губернская земская управа, периодическая печать.

A. E. Konyaev,

A Member of the Yaroslavl Regional Public Organization «Veterans of Hostilities»

**EDITOR'S LIFE ON THE PAGES OF NEWSPAPERS
(Reflection of the biography of the first editor of the
«Yaroslavl diocesan gazette» A. P. Krylov
in the periodical press; 1860–1912)**

Apollinary Platonovich Krylov became the first editor of the «Yaroslavl diocesan gazette» in 1860. His work history lasted more than half a century, until his death in 1912. All these years, Krylov's name appeared on the pages of both Yaroslavl and Central Russian Newspapers, where there were curious touches to his historical portrait.

Key words: «Yaroslavl diocesan gazette», Apollinary Platonovich Krylov, editor, notary, judge, Yaroslavl provincial Zemstvo, periodical press.

Шестнадцатого апреля 1860 года (ст. ст.) вышел в свет первый номер «Ярославских епархиальных ведомостей» («ЯЕВ»): первой газеты в ряду подобных региональных церковных периодических изданий. Её редактором стал Аполлинарий Платонович Крылов – секретарь Ярославской духовной консистории; в 1860 году ему было всего 26 лет. Однако под руководством Крылова газета быстро завоевала популярность у публики. Когда в 1865 году Аполлинарий Платонович оставил пост редактора неофициальной части «ЯЕВ», его преемник поспешил опубликовать особую статью, где успокаивал читателей: в газете всё останется по-прежнему, в первую очередь «главная задача издания, для достижения которой с такою добросовестностью трудилась прежняя редакция» [13, с. 1]. В январе 1866 года Крылов, «согласно прошению», уволился и с поста редактора официальной части газеты. В январе 1868 года, на короткое время, он вновь стал редактором неофициальной части «ЯЕВ», так как этот пост внезапно освободился; в дальнейшем А. П. Крылов никогда не работал в «Ведомостях».

В этот период своей карьеры Аполлинарий Платонович держался нарочито скромно. С 1860 по 1868 гг. его имя появилось на страницах редактируемой им газеты только дважды; оба раза – в официальных объявлениях. Шестнадцатого января 1865 года «ЯЕВ» сообщили, что «указом Правительствующего Сената коллежский секретарь Аполлинарий Крылов произведён, за выслугу лет, в чин титулярного советника» [12, с. 18]. А 13 января 1868 года было опубликовано извещение о назначении Крылова временным редактором неофициальной части газеты «до дальнейших распоряжений» епархиального начальства [10, с. 14].

В 1871 году А. П. Крылов окончательно уволился из Духовной консистории. С 1871 по 1875 гг. он трудился одним из четырёх «нотариусов по городу Ярославлю»; затем перешёл на должность мирового судьи 1-го участка губернской «столицы». Крылов дослужился до должностей неперменного члена и председателя Ярославского уездного съезда мировых судей; в 1890 году вышел в отставку, а в 1891-м – удостоился звания почётного мирового судьи. От Минюста стал получать пенсию «по 285 руб. 90 коп. в год» [1, л. 12 об.–13].

В том же 1890 году происходит и возвращение имени А. П. Крылова на страницы «ЯЕВ». На этот раз он заявил о себе как о благотворителе. «В Покровскую церковь села Никольского, Романово-Борисоглебского уезда, поступило пожертвование от статского советника Аполлинария Платоновича Крылова – облигация 2-го Восточного займа в 100 рублей в пользу причта на вечное поминование архиепископа Нила, епископа Нафанаила, иерея Платона, Анны, Феоктисты и девицы Анны» [11, с. 116]. Иерей Платон – отец Крылова; архиепископ Нил и епископ Нафанаил – ярославские церковные иерархи, благодаря покровительству которых карьера Аполлинария Платоновича так успешно стартовала. Что же касается размера пожертвования... Богатым человеком Крылов стал уже в годы работы ярославским нотариусом. В 1872 году он проживал на съёмной квартире «на Ильинской улице в доме купца Коренева» [3, с. 65]; в 1873-м – уже «во 2-й части на Горках в своём доме» [4, с. 90], а завершал нотариальную карьеру владельцем дома на Духовской улице, в самом центре Ярославля [5, с. 85]. Пенсия от Министерства юстиции была лишь приятным «довеском» к основному окладу по должности Председателя Ярославской уездной земской управы (2600 рублей в год).

Подобную практику Аполлинарий Платонович продолжил и в новом, XX столетии. Официальная часть «ЯЕВ» за 9 декабря 1901 года открывается объявлением о разрешении «на укрепление за церковью села Петровского-в-Заручье, Угличского уезда, жертвуемого статским советником Аполлинарием Платоновым Крыловым на изъявленных им условиях участка земли, всего 3 десятины 450 сажень, со всеми на том участке постройками, состоящего при упомянутом селе близ церкви» [9, с. 731–732]. Это объявление также лучше рассматривать в контексте ещё трёх публикаций. «Памятная книжка Ярославской губернии на 1898 год» сообщала, что А. П. Крылов владел 235 десятинами земли в Ярославском уезде [15, отд. III, с. 124]; в аналогичный справочник 1906 года Крылов попал уже как владелец без малого 459 десятин земли [16, отд. III, с. 48]. Петербургская газета «Русь» в своей публикации об Аполлинарии Платоновиче от 31 октября 1904 года иронизировала:

«Свою карьеру он начал в канцелярии местного архиепископа – в качестве личного его секретаря. Потом недолго был учителем духовного училища. Дальнейшей ступенью, когда А. П. Крылов достаточно проявил свои способности и заложил прочный фундамент своему материальному благосостоянию, была многолетняя служба его в местной духовной консистории – секретарём. Несмотря на невысокое жалование, он, по свойственной ему бережливости, сумел делать столь значительные сбережения, что потом, когда службу в консистории пришлось оставить, приобрёл: в городе Ярославле два дома, в Ярославском уезде имение и в Костромской губернии – дачу на Волге, недалеко от имения покойного В. К. Плева» [19, с. 3].

Подобные же интонации мы находим в сатирическом журнале «Ярославская колотушка», выходящем в 1906 году. Его первый номер открывался стихотворением «Ярославский синодик». «Вспомните, братие, ныне без проклятия...». Далее шёл список деятелей, которых «Колотушка» собиралась «дубасить» на своих страницах. Каждому давался краткий уничижительный эпитет. Аполлинарий Платонович оказался в «синодике» как «Крылов – попович» [2, с. 3], что намекало на слабость позиции юмористов: никто не выбирает своё социальное происхождение. Однако уже в конце того же номера прозвучала вполне конкретная претензия к Крылову: «Все Аполлинарии любят динарии» [8, с. 7]. В следующем номере «Колотушки» вышла эпиграмма, ставящая под сомнение заслуги А. П. Крылова: «Как он всего достиг – о том история не скажет вам, а скажет... консистория» [18, с. 4].

И действительно: поставщиком «хороших вестей» о своём бывшем редакторе в XX веке продолжали оставаться именно «ЯЕВ». «Училищный совет при Святейшем Синоде определением от 23 мая 1900 года постановил: удостоить награждения книгою “Библия”, от Святейшего Синода выдаваемою за особые труды, усердие и ревность по благоустройству местных церковно-приходских школ... Председателя Ярославской губернской земской управы Аполлинария Крылова» [14, с. 562].

Действительно: XX век А. П. Крылов встретил в должности Председателя Ярославской губернской земской управы. И в этом качестве стал попадать на страницы «ЯЕВ» (в официальную хронику) по несколько десятков раз в год; иногда персонально, иногда «по умолчанию» (если в публикации говорилось, что на мероприятии присутствовали «все высшие военные и гражданские чины» или «председатели земских управ»).

Если рассматривать подобные публикации в комплексе, то вырисовывается любопытная черта биографии Аполлинария Платоновича. Так, в 1901 году он не пропустил ни одного молебна, приуроченного к

событиям, касавшимся царской семьи; успел даже на торжества по случаю рождения у Николая II дочери Анастасии, спешно организованные после получения этой новости из столицы. В октябре – был членом делегации чиновников, посланной на заупокойную службу по Александру III (туда не пошёл даже губернатор Б. В. Штюрмер, отправив вместо себя вице-губернатора А. С. Блохина). А вот на благодарственный молебен по случаю неуспеха покушения на одиозного Обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева – Крылов предпочёл не ходить.

Ещё Аполлинарий Платонович любил появляться в кругу благотворителей и просветителей: в 1901 году присутствовал на молебнах по случаю 40-летия ярославской городской лечебницы Общества врачей; на открытии нового здания губернской мужской гимназии; на торжествах в Екатерининском доме призрения ближнего в связи с годовщиной его основания. А к «конкурентам» не ходил, пропустив архиепископские молебны в Демидовском юридическом лицее и в Епархиальном женском училище. Не пошёл и на литургию в кафедральном Успенском соборе, которую 11 мая служил викарий Ярославской епархии епископ Сергей по случаю дня памяти св. Кирилла и Мефодия: там присутствовало множество лучших учеников церковно-приходских школ губернии, а из регионального и городского начальства не было никого.

...Последний всплеск публикаций об А. П. Крылове пришёлся на весну 1912 года, когда Аполлинарий Платонович скончался на 78-м году жизни. Почти до самой смерти он оставался во главе ярославских земцев. Остались два газетных описания похорон Крылова.

Леволлиберальная ярославская газета «Голос» опубликовала некролог, проникнутый духом безусловного уважения к новопреставленному, названному «выдающимся общественным деятелем». Однако есть там и пассаж, в контексте других публикаций об Аполлинарии Платоновиче звучащий несколько двусмысленно. «Священник сказал над гробом небольшое слово, в котором охарактеризовал покойного как примерного христианина. Как гражданина, много поработавшего на своём долгом веку, покойного никто не догадался помянуть» [17, с. 3]. Не догадался – или?..

Откликнулось и Крыловское «детище» – «Ярославские епархиальные ведомости». В 2017 году мы сделали отдельную публикацию по этому поводу [6]. Если совсем коротко: своего первого главного редактора ярославские церковные газетчики забыли. «Выручила» Крылова должность Председателя губернской земской управы: персону подобного ранга отпевал лично архиепископ Ярославский и Ростовский – вот и попало упоминание о похоронах в хронике служб «Высокопреосвященного» за 1912 год. Очень кратко, «через запятую» с прочими «архиерейскими служениями».

Впрочем, Аполлинарий Платонович сумел позаботиться о себе сам. Четвёртого марта 1912 года «ЯЕВ» сообщили, что «городом ассигновано на памятник основателю г. Ярославля [князю Ярославу Мудрому] 1000 рублей согласно предложению А. П. Крылова» [7, с. 189]. В мае того же года, уже после смерти Аполлинария Платоновича, «Ведомости» известили об открытии всероссийской подписки на устройство этого монумента. И не вина Крылова, что его мечта воплотилась в жизнь только в 1993 году совершенно другими людьми. История запомнит: первым был именно Аполлинарий Платонович. В этом качестве его и вспомнят. Что же касается некоторых неоднозначных моментов биографии, отразившихся в прижизненных газетных публикациях – пусть первым кинет в него камень тот, кто сам без греха.

Библиографический список

1. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 79. Оп. 6. Д. 4115.
2. *Иноков*. Ярославский синодик // Ярославская колотушка. 1906. № 1. С. 3.
3. Календарь Ярославской губернии на 1872 год (високосный). Ярославль: Типография Губернского правления, [б. г.].
4. Календарь Ярославской губернии на 1873 год. Ярославль: Типография Губернского правления, [б. г.].
5. Календарь Ярославской губернии на 1875 год. Ярославль: Типография Губернского правления, [б. г.].
6. *Коняев А. Е.* «И свои его не приняли». «Ярославские епархиальные ведомости» 1912 года о кончине их первого редактора Аполлинария Платоновича Крылова // Социально-экономическое развитие общества: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции, г. Кингисепп, 07 апреля 2017 года. Двенадцатые Ямбургские чтения. СПб.: Своё издательство, 2017. С. 98–101.
7. На памятник Ярославу Мудрому // Ярославские епархиальные ведомости (ЯЕВ). Ч. неофиц. 1912. № 10. С. 189.
8. Новые поговорки // Ярославская колотушка. 1906. № 1. С. 7.
9. О Высочайшем соизволении на укрепление за церковь села Петровского-в-Заручье, Угличского уезда, пожертвованного г. Крыловым земельного участка // ЯЕВ. Ч. офиц. 1901. № 49. С. 731–732.
10. О перемене по редакции // ЯЕВ. Ч. офиц. 1868. № 2. С. 14.
11. О пожертвованиях // ЯЕВ. Ч. офиц. 1890. № 15. С. 116.
12. О производстве в чины // ЯЕВ. Ч. офиц. 1865. № 3. С. 18.
13. От редакции // ЯЕВ. Ч. неофиц. 1865. № 1. С. 1–3.
14. От Училищного совета при Святейшем Синоде // ЯЕВ. Ч. офиц. 1900. № 36. С. 562–563.
15. Памятная книжка Ярославской губернии на 1898 год. Издание Ярославского губернского правления. Ярославль: Типолитография Ярославского губернского правления, 1898.

16. Памятная книжка Ярославской губернии на 1906 год. Издание Ярославского губернского статистического комитета / сост. член-секретарь Комитета С. Н. Беллерт. Ярославль: Типография Губернского правления, 1906.
17. Похороны А. П. Крылова // Голос (Ярославль). 1912. № 68. С. 3.
18. *Чих.* А. П. К-у // Ярославская колотушка. 1906. № 2. С. 4.
19. Юбилей председателя управы (Корреспонденция «Руси») // Русь. 1904. № 320. С. 3.

УДК 921

К. И. Котова,

аспирант, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР СУЛОЦКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ МИХАИЛА ПУТИНЦЕВА

Предпринята попытка реконструкции образа А. И. Сулоцкого, как учителя Закона Божия в Омском кадетском корпусе.

Ключевые слова: Православная церковь, краеведение, кадетский корпус, Закон Божий, Богослужение.

K. I. Kotova,

Postgraduate student, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

ARCHPRIEST ALEXANDER SULOTCKIJ IN THE MEMOIRS OF MIKHAIL PUTINTSEV

The author of the article made an attempt to reconstruct the image of A. Sulotcky as a teacher of the Law of God in the Omsk Cadet corps.

Key words: Orthodox Church, local history, cadet corps, the Law of God, Divine service.

Протоиерей Александр Иванович Сулоцкий (1812–1884 гг.) родился в Ярославской губернии Ростовского уезда в селе Сулость. Вероятно, отсюда и происхождение его фамилии. Отец его был бедным причетником¹.

© Котова К. И., 2021

¹ Причетник, т. е. член причта церкви, иначе церковнослужитель; общее название всех клириков, за исключением священника и диакона: дьячков, чтецов, псаломщиков, пономарей и т. п. Их обязанность – чтение из богослужебных книг, пение на клиросе и вообще участие во всех церковных богослужениях. До 1869 г. на них лежала также обязанность наблюдать за чистотой церкви // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907.

Образование Александр Иванович получил сначала в Ярославской Духовной семинарии, из которой, как лучший ученик, в 1833 году был отправлен на казенный счет в Санкт-Петербургскую Духовную академию, которую окончил в 1837 году со степенью кандидата богословия и в 1838 году бывшей комиссией Духовных училищ был назначен в Тобольскую Духовную семинарию учителем церковной истории и греческого языка. Позже к преподаваемым предметам добавились библейская и Церковная истории, древности церковные и обряды, церковные законы и история русской Церкви. В воскресные дни он вел с учениками беседы наставительного характера о христианской вере.

В 1846 году в г. Омске был открыт Сибирский кадетский корпус, преобразованный из бывшего войскового казачьего училища, в который требовался законоучитель с высшим богословским образованием. В 1848 году А. И. Сулоцкий решил принять должность законоучителя кадетского корпуса, с рукоположением в сан священника (рукоположен архиепископом тобольским Георгием)², настоятеля корпусной церкви. С этого момента и начинается деятельность о. Александра не только как учителя, но и как священника и историка-краеведа.

Александр Иванович Сулоцкий – специалист по истории христианства в Сибири. Его перу принадлежат около 100 работ, опубликованных как в местных изданиях, так и в «Страннике», «Душеполезном чтении», «Русской старине», «Русском вестнике». «Москвитянине» и других изданиях. Девять его работ были изданы отдельными книгами и брошюрами. За работу «Филофей Лещинский, митрополит Сибирский и Тобольский», созданную в 1854 году, он был удостоен степени магистра.

Значителен его вклад в обустройство интеллектуального ландшафта Омска. Согласно кратким биографическим сведениям [1], с 1868 года А. И. Сулоцкий состоял членом правления Омского духовного училища и председателем съездов Омского училищного округа. В 1868 году он был в числе членов-учредителей Общества исследователей Западной Сибири, а в 1877 – Западносибирского отдела Русского географического общества.

В данной статье мы опираемся на воспоминания одного из близких учеников А. И. Сулоцкого протоиерея Михаила Путинцева, опубликованные в 1885 году в журнале «Душеполезное чтение»³ № 5. Сведения

² Преосвященный Георгий Яшуржинский правил тобольской паствой с 1845 по 1852 год, когда скончался в Тобольске, и погребен в загородной архиерейской церкви.

³ Душеполезное чтение – ежемесячный православный журнал, издававшийся в Москве с 1860 по 1917 год (в 1912–1914 годы издавался в Сергиевском Посаде).

о самом Михаиле Путинцеве скудны. Известно, что родился он в Омске в 1843 году. Закончил Сибирский кадетский корпус (1862 г.). В течение четырёх лет служил офицером 6-го конного полка Сибирского казачьего войска, а затем избрал путь духовного служения и был рукоположен в иереи, непродолжительное время возглавлял Обдорскую духовную миссию. Активно занимался газетно-журнальной публицистикой, первые его работы были опубликованы в журнале «Странник».

При работе с его текстом мы учитывали несколько моментов. Первый – это специфика текста автора. Отец Михаил использует термины, характерные для церковных текстов, например, «говение». К тому же, текст имеет специфическую лексику, отличающуюся от современной. Второй момент, который нужно учесть – это акцент на событиях именно учебного, воспитательного, Богослужебного характера, но не на научной деятельности Александра Ивановича.

Жизнь и труды Александра Ивановича в современной литературе отображены весьма фрагментарно. Отметим внимание к этой личности в исследованиях Ю. Мандрыка⁴, особо ценным является публикация автора документов из архива А. И. Сулоцкого. Воспоминания же о Михаиле дают нам возможность воссоздать образ Александра Ивановича: как внешний вид, так и восприятие его через эмоции близких ему людей – учеников. Так же воспоминания о Михаиле ценны и тем, что в них представлена характеристика духовной жизни кадетов и некоторые особенности преподавания Закона Божия в Омском кадетском корпусе.

В кадетском корпусе А. И. Сулоцкий работал на протяжении 20 лет с 1848 года. В воспоминаниях о Михаиле мы видим Александра Ивановича по-отечески добрым и любящим. Мемуарист описывает сложное психологическое состояние экзаменующихся: «мы сильно трусили» и далее рисует облик Сулоцкого – «входит к нам в класс статный, средних лет священник, с прекрасными вьющимися русыми волосами. Кроткий взгляд его ясных голубых глаз, доброе лицо, тихий голос, все

де). Журнал ориентировался главным образом на духовенство, был призван служить подспорьем для составления поучений и проповедей, для чего в нём публиковались статьи вероучительного и нравоучительного содержания, в которых обращалось внимание на явления современной общественной жизни. Подробнее <https://azbyka.ru/otechnik/pravoslavnye-zhurnaly/dushepoleznoe-chtenie/>

⁴ Сулоцкий Александр Иванович. Сочинения в трех томах: Т. 1: О церковных древностях Сибири / под ред. В. А. Чупина. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрыки, 2000. 480 с.; Т. 2: О сибирском духовенстве / под ред. В. А. Чупина. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрыки, 2000. 416 с.; Т. 3: Из архива Александра Сулоцкого / под ред. В. А. Чупина. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрыки, 2001. 400 с.

это сразу успокоило нас, придало смелости, мы почувствовали себя как будто в присутствии родного, любящего отца» [4].

Характерны для о. Александра и такие черты, как любовь к предмету, к ученикам, что видно из следующего. Он имел обыкновение после занятий беседовать с учениками о прочитанном материале. Его беседы были такими же простыми и понятными, как и его уроки в классе. При оценках на экзаменах о. Александр принимал во внимание внеклассное чтение духовной литературы, ведь такое чтение благоприятно влияло на душу воспитанника и расширяло кругозор. Экзаменаторы всегда оставались довольны основательными знаниями кадетов Закона Божьего, что является высокой оценкой мастерства преподавателя.

Вообще закон Божий всегда был одним из главных предметов в кадетских корпусах и гимназиях. Если мы сравним впечатления воспитанников других учебных заведений, в т. ч. и кадетских корпусов, например, Симбирского кадетского корпуса или гимназий, например, Тифлиской и Черниговской, то увидим, что многие были рады необходимости посещать этот предмет и участвовать в Богослужении. Так, воспитанник Симбирского кадетского корпуса кадет Скворцов [7] с теплотой вспоминает своего законоучителя, в то время, как художник Евгений Спасский [6], поступивший в 1909 году в Тифлисскую гимназию и священник-белоэмигрант Сергей Четвериков [3], обучавшийся в Черниговской гимназии, вспоминают уроки Закона Божия с ужасом.

Как видим, далеко не всем учителям-священникам удавалось привить любовь к предмету и укрепить воспитанников в вере. Александру Ивановичу это удалось настолько, что воспитанники приходили к нему и на дополнительные занятия. Любовь о. Александра к воспитанникам была взаимной. Кадеты называли его «батюшкой», вкладывая в это свою любовь.

Отец Михаил вспоминает, что «не редко случалось, что о. Александр спасал некоторых кадетов от строгого наказания за какие-либо их проступки. В этих случаях он являлся заступником за виновного пред корпусным начальством, и заступничество почтенного законоучителя всегда уважалось» [4], но, к сожалению, не приводит ни одного примера их проступков и заступничества о. Александра.

Еще одной характерной чертой отца Александра была истинная любовь к Богослужению, которое в корпусной церкви совершалось в воскресные, праздничные и торжественные дни, начинаясь накануне всенощным бдением. Автор воспоминаний передает впечатления кадетов и других молящихся так: «Мне не раз в последствии приходилось слышать от многих, высокообразованных и благочестивых особ, посещавших кадетскую церковь, что при благоговейном служении о. Александра, сопро-

вождаемом прекрасным, осмысленным пением его питомцев, души молящихся настраивались на самые возвышенные чувства» [4, с. 82].

Особенно памятно кадетам служение о. Александра в седмицу говения⁵, в Великий пост. Кадеты говели обыкновенно в Крестопоклонную седмицу⁶. (Вероятно, в каждом кадетском корпусе был своя традиция выбранной для говения седмицы Великого поста. Так, во Владикавказском Кадетском корпусе для говения в Великий пост указывается четная седмица [2]). Это время было временем истинного поста, молитвы и нравственного подвига. Великопостное богослужение о. Александр совершал, кажется, еще с большим благоговением, чем в обычные дни. Исповедь начиналась после раннего обеда. Тихо, ласково беседовал духовный отец с своими юными исповедниками. Можно смело сказать, что на редкого из кадетов исповедь не производила благотворного нравственного влияния: дети и юноши после этого великого таинства значительно обновлялись духом, исправлялись в поведении и укреплялись в доброй христианской жизни.

Постоянное отеческое, полное любви и внимания, отношение о. Александра к воспитанникам поселяло в последних искреннюю любовь и уважение к нему, не закончившиеся и с выходом кадетов из корпуса. Так, каждый офицер, бывший учеником о. Александра, в случае приезда в Омск, считал священным долгом посетить своего незабвенного наставника. Многие из бывших воспитанников вели с ним переписку до самой его кончины, но, к сожалению, письма не сохранились.

Итак, в воспоминаниях протоиерея Михаила Путинцева, мы увидели А. И. Сулоцкого как по-отечески доброго, отзывчивого человека. Он любил свой предмет и Богослужение и смог привить эту любовь своим воспитанникам. Конечно, нельзя не обратить внимание на идеализацию образа учителя. Наверное, и отношение омских кадетов к преподаванию Закона Божия было не таким одинаково восторженным. Прояснение этого вопроса требует поиска дополнительных источников. К сожалению, мемуарист не говорит о научных трудах Александра Ивановича и эта область так же требует дальнейшего исследования.

⁵ Так называется у православных приготовление к Таинству Причащения, заключающееся в посте и воздержании, посещении всех Богослужений в продолжение по крайней мере одной недели и выполнении домашних молитв по указанию молитвослова // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907.

⁶ Седмица – церковнославянское название недели, семидневного календарного цикла. <https://azbyka.ru/sedmica>

Библиографический список

1. *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 258–259.
2. Выступление Владлена Гурковского Церковь в жизни кадетских корпусов Российской Империи // Переправа. URL: <http://pereprava.org/privacy/963-vystuplenie-vladlena-gurkovskogo-cerkov-v-zhizni-kadetskih-korpusov-rossiyskoj-imperii.html> (дата обращения: 02.01.2021).
3. *Добросельский А. А.* Преподавание религиозных дисциплин в Российской империи и в среде русской эмиграции в конце XIX – начале XX века // Научный потенциал: работы молодых ученых. 2008. № 1.
4. Православная энциклопедия Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Sulockii/protoierej-aleksandr-ivanovich-sulotskij/ (дата обращения: 02.01.2021).
5. *Путицев М., протоиерей.* Протоиерей Александр Иванович Сулоцкий. (Биографический очерк.) // Душеполезное чтение. 1885. № 5. С. 80.
6. *Спасский Е.* Нелицеприятие. Автобиографический очерк // Русская жизнь. 2008. № 22. URL: <http://rulife.ru/mode/article/1031/> (дата обращения: 02.01.2021).
7. Энциклопедия кадетского воспитания и образования Кадеты России. URL: http://www.ruscadet.ru/library/01-books/skvortcov/skv_14.htm (дата обращения: 02.01.2021).

УДК 93/94+070.482+281.93

Ю. А. Лабынцев,

ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУПРАСЛЬСКОГО БЛАГОВЕЩЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В НАЧАЛЕ XX в.

В статье впервые рассматривается возобновленная издательская деятельность древнего знаменитого в истории православного Супрасльского Благовещенского монастыря, организовавшего в конце первого десятилетия XX в. свою новую типографию, печатавшую книги, брошюры и периодические издания.

Ключевые слова: православие, Гродненская православная епархия, Супрасльский Благовещенский монастырь, православная печатная продукция.

Yu. A. Labyntsev,

Leading research fellow, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences (Moscow)

PUBLISHING ACTIVITY OF THE SUPRASLSKY ANNUNCIATION MONASTERY IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

The article for the first time considers the renewed publishing activity of the ancient Monastery of the Annunciation in Supraśl, which was famous in the history. It organized at the end of the first decade of the twentieth century his new printing house, which printed books, pamphlets and periodicals.

Key words: Orthodoxy, the Orthodox diocese of Grodno, Monastery of Annunciation in Supraśl, Orthodox printed materials.

Созданный на рубеже XV и XVI в. в глухом лесном уголке Подляшья (ныне вблизи г. Белосток – столицы Подлясского воеводства Польши) православный Супрасльский Благовещенский монастырь, перешедший в унию в начале XVII столетия, в самом конце его завел собственную типографию, успешно работавшую вплоть до начала XIX в. [1, 2, 5], успешно работавшую вплоть до начала XIX в. [18].

Идея возобновить в монастыре печатное дело стала приобретать черты определенности только в конце настоятельства известного архимандрита Николая (Далматова) [6, 107–111], много сделавшего для возрождения былой славы этой обители [8, 54–63], вновь ставшей православной в первой половине XIX в. Успешный духовный писатель архимандрит Николай подготовил и «выпускал ежегодно сотни и тысячи экземпляров... посланий и просто поучений, когда Почаевская лавра ничего еще не выпускала» [10, 120]. Все это он делал до своей кончины в 1906 г. в основном в типографиях г. Вильно, а затем бесплатно раздавал народу. Подобная его деятельность «продолжалась не год, – не два, а десятка два с лишком лет» [10, 120]. К концу 1908 г. при за год до этого нареченном во епископа Белостокского настоятеле Супрасльского монастыря архимандрите Владимире (Тихоницком), будущем митрополите, вопрос с организацией собственной типографии получает разрешение. Епископ Владимир, местопребыванием которого был назначен Супрасльский монастырь «с возложением на него управления сим монастырем на правах настоятеля» [14, 206–207] прилагает много усилий для этого, находясь одновременно в тесном общении с архиереем соседней воссозданной в 1905 г. Холмской епархии Евлогием (Георгиевским). Примечательно, что одним из первых изданий новой типографии Супрасльского монастыря становится «Холмский народный листок», выходящий как регулярное приложение к двухнедельному епархиальному журналу «Холмская духовная жизнь». В «печатне Супрасльского

монастыря» такой «Листок» впервые был издан в апреле 1909 г. Это был его номер 7–8 на 24 страницах прекрасной четкой печати, что значительно отличало высокий уровень типографского исполнения в Супрасле от того, что могли предложить типографии в Холме.

Появление собственной типографии избавило от многих дополнительных трат не только сам монастырь, но и Супрасльское Благовещенское братство [16, 709–712], ибо, например, «в прежние годы приходилось много тратить на выписку листов и брошюр для бесплатной раздачи народу» [11, 3]. «Супрасльская монастырская печатня» была быстро загружена и многими обще епархиальными заказами в своей Гродненской епархии, а также в течение нескольких лет значительно помогала в издании печатной продукции соседней Холмской епархии. До момента эвакуации во время Первой мировой войны летом 1915 г., когда деятельность новой супрасльской типографии была прекращена, в ней было напечатано весьма значительное число самых различных изданий, включая книги достаточно большого объема, брошюры, отрывные календари, листки, периодику. По содержанию это была в основном продукция религиозного назначения, рассчитанная на самые широкие круги, в значительной степени простонародные, преимущественно крестьянские, к тому времени очень заметно повысившие свой образовательный потенциал.

Наряду с многочисленными изданиями для различных православных братств, например, Друскенинкойского, Гродненского Софийского и собственно Супрасльского, монастырская типография выпускала по заказу епархиальных Училищных советов специальные книги и брошюры педагогического характера, рассчитанные на учащихся различных церковных школ и церковно-учительских курсов. Очень заметную долю в печатной продукции типографии составляла паломническая литература, причем непосредственно рассчитанная не только на местных внутри епархиальных паломников, но и тех, кто мог прибыть издаля, прежде всего в самые известные православные монастыри Подляшья и Холмщины. Нельзя не отдать должное и тем немногочисленным книжным изданиям «монастырской печатни», в которых со всей очевидностью отобразился и политический дух того времени. Так, например, «Гимны и песни духовные» 1912 г. содержат в самом начале и поэтические тексты сугубо монархического свойства, а также панславистские и антикатолические:

«Ходят всюду зловещие тучи,
Меркнет счастья и мира заря:
Пробудись же, народ наш могучий,
Встань стеною за Русь и Царя» [3, 6].

«В прежнее время порой надвигалось
Грозно латинство на нас
Тайно и явно оно добивалось
Русь уничтожить не раз» [3, 5].

Супрасльские отрывные календари сразу же получили высокую оценку в читательской среде как имеющие «большое всеобщее значение» и «в то время, как исторические анекдоты сытинского издания в лучшем случае вызывают улыбку, от исторических рассказов Супрасльского календаря веет чистым, здоровым патриотизмом» [4, 34]. Помимо святцев супрасльские календари содержали отрывки из Св. Писания, краткие жития святых, изречения мудрецов, различные полезные советы, всевозможные справки исторического характера, стихи и многое другое. Очень дешевая цена в 15 копеек способствовала их быстрому распространению. В чем-то подобной календарной продукции типографии была и катехизическая, в том числе и та ее часть, которая стала именоваться «народным катехизисом»: «Вопрос. Что называется нашим отечеством? Ответ: Родная нам земля, наследие отцов и дедов наших, богохраняемая и православная Россия, с ее родною речью и добрыми обычаями» [9, 66].

В ноябре 1909 г. Совет Супрасльского братства принял решение ходатайствовать об издании собственной «еженедельной народной» газеты «Супрасльский Братский листок» объемом в 4–8 страниц «церковного и религиозно-нравственного направления» [11, 3]. Первый ее номер увидел свет лишь почти год спустя в конце сентября. Полиграфическое качество «листка» было всегда высокое, к отдельным статьям в нем помещались иллюстрации. Газета публиковала множество церковно-исторических и краеведческих материалов, различных текущих обзоров, сочинений художественного свойства, включая собственных монастырских авторов и даже фольклорные тексты Подляшья и Холмщины, «из знакомства с» которыми «можно вывести заключение о степени близости населения Холмщины к белорусскому, и в особенности к малорусскому, населению остальной части Западного края России» [13, 4]. Белорусская тема всегда живо присутствовала в монастырской народной газете, освещала она и не столь многочисленные в Государственной думе дебаты по белорусскому вопросу, например, поднимавшиеся белорусским дворянином могилевчанином Н. Н. Ладомирским, который говорил о настоящем многовековом порабощении поляками «кротких незлобивых белорусов», превративших их «в польский идеал престопадаря» [12, 4].

Вся эта кратко упомянутая нами печатная продукция супрасльской монастырской типографии начала XX в., имевшая важное значение

не только в духовной жизни западных губерний Российской империи, пока совершенно не изучена, как, впрочем, и сама история ее появления и существования. Очень давно, в 1970-е гг., живые свидетели судеб православных в Польше говорили мне, что какое-то типографское оборудование из Супрасльского монастыря перевезли в начале 1920-х гг. в Варшаву в Митрополичий дом, располагавшийся по улице Зигмунтовской 13 на правом берегу Вислы на Праге. Таким образом оборудование это было использовано при организации очень продуктивной и значительной в истории православия Синодальной типографии в Варшаве [7, 246–260; 15, 29–47; 17, 76–88].

Библиографический список

1. *Cubrzyńska-Leonarczyk M.* Oficyna supraska 1695–1803: dzieje i publikacje unickiej drukarni ojców bazylianów. Warszawa, 1993.
2. *Łabyncew J.* Drukarnstwo cyrylickie w Supraślu (XVII–XIX w.). Wrocław, 1976. (praca magisterska).
3. Гимны и песни духовные. Супрасль, 1912.
4. *Громадский А., священник.* Супрасльский календарь на 1912 год // Гродненские епархиальные ведомости. 1912. № 5–6.
5. *Лабынцев Ю. А.* Кирилловское книгопечатание в Супрасле и его роль в развитии восточнославянских культур конца XVII–XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.
6. *Лабынцев Ю. А.* Супрасльский архимандрит Николай (Далматов): пастырь и ученый // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVIII Международной научной конференции. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019.
7. *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Варшавская Синодальная типография и издание произведений Хрисанфа Саковича: 1920–1930-е гг. // Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.). М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017.
8. *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Настоятель Супрасльского монастыря Николай (Далматов) и созданное им Благовещенское братство // *Cerkiewny Wiestnik*. 2019. № 3.
9. Необходимые наставления о вере и жизни христианской. Супрасль, 1909.
10. *Николай, архимандрит.* Ответ о. М. Романовскому на его статью, помещенную в № 44, 46 «Грод. Губ. Вед.» за 1905 г., под заглавием «Важный вопрос» // Гродненские епархиальные ведомости. 1906. № 4.
11. Отчет Супрасльского, Пресвятые Богородицы, в честь Ее Благовещения, братства за 1909–10 братский год. Супрасль, 1910.
12. Супрасльский Братский листок. 1910. № 11.
13. Супрасльский Братский листок. 1912. № 17.
14. Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода // Гродненские губернские ведомости. 190. № 21.

15. *Щавинская Л. Л.* Книжный репертуар крупнейшего православного издательского центра межвоенной Польши – Варшавской синодальной типографии // *Slavia Orientalis*. 1999. № 1. Т. XLVIII.

16. *Щавинская Л. Л.* Супрасльское Благовещенское братство в судьбах местного крестьянского населения (1893–1915) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVIII Международной научной конференции. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019.

17. *Щавинская Л. Л.* Книги и брошюры крупнейшего православного издательского центра межвоенной Польши – Варшавской Синодальной типографии // *Славяноведение*. 1998. №1.

18. *Щавинская Л. Л.* Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв.: Книжные собрания Супрасльского Благовещенского монастыря. Минск, НББ, 1998.

УДК 93/94

Д. Е. Леонов,

научный сотрудник, Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль» (г. Ростов)

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье охарактеризованы основные вехи развития отечественной историографии проблемы восприятия духовенством Православной Российской церкви событий Февральской революции 1917 г.

Ключевые слова: православное духовенство, Февральская революция, самодержавие, историография, источниковедение.

D. E. Leonov,

Researcher, State Museum-reserve «Rostov Kremlin» (Rostov)

THE PROBLEM OF POLITICAL REORIENTATION OF THE ORTHODOX CLERGY DURING THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917 IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The article examines the main milestones in the development of Russian historiography of the problem of perception of the February Revolution of 1917 by the clergy of the Orthodox Russian Church.

Key words: Orthodox clergy, the February revolution of 1917, the monarchy, historiography.

История переломного для нашей страны 1917 года изучена сравнительно глубоко, как на центральном, так и на региональном уровнях. В то же время некоторые сюжеты до сих пор не получили отражения в отечественной и зарубежной историографии; некоторые события оцениваются исследователями неоднозначно или однобоко. Сложным, дискуссионным вопросом до настоящего времени является сюжет о политической ориентации и переориентации духовенства Православной Российской церкви накануне и в период Февральской революции 1917 года.

Политическая позиция православного духовенства в период революции стала объектом исследования уже в первые годы после свержения самодержавия. Одним из первых данную проблему поднял профессор Петроградской духовной академии, деятель обновленческого движения Б. В. Титлинов. В своей работе «Церковь во время революции» (1924) он отмечал неподготовленность церковного управления к февральскому перевороту, полную «беспомощность стоять на своих ногах» [24, с. 55–56]. Работы Титлинова не отвечали задачам антирелигиозной пропаганды, в духе которой выдержаны брошюры и статьи 1920–1930-х гг. Авторы не претендующих на научность работ (Г. Рыбкин, П. Зарин, Б. П. Кандидов и др. [7, 9, 20]) придерживались тезиса о союзе самодержавия и православия до 1917 г., на смену которому после свержения последнего пришел союз с буржуазией в лице Временного правительства [9, с. 93–95]. Тема вновь была поднята историками 1950–1960-х гг.: особенностью их работ стал более подробный анализ исторических источников. В 1964 году была опубликована работа Е. С. Осиповой о взаимоотношениях Православной Церкви с Временным правительством. Автор стремилась показать контрреволюционную роль Церкви в 1917 г., называя Церковь «крупнейшим помещиком и капиталистом» [15, с. 65–76]. В 1967 г. увидела свет коллективная монография «Церковь в истории России» [27]. В 1965–1976 гг. выходят работы Л. И. Емелях [5, 6], которая, в том числе, отмечала невиданный ранее упадок религии, полное падение авторитета духовенства в 1917 г. Развитие темы в 1970-е и 1980-е гг. приводит к новым выводам. В 1973 г. Э. А. Снигирева обратила внимание на «беспрецедентный» факт в истории церкви, «когда при отсутствии санкций со стороны официальных органов духовенство на местах начинает самостоятельно реагировать на происходящие события и принимать решения о поддержке Временного правительства» [21, с. 88–102].

Большое количество исследований, опубликованных в нашей стране, было приурочено к празднованию 1000-летия Крещения Руси (1988 г.): наряду с массовой атеистической литературой [4, 11] были опубликованы и добротные исторические исследования. Прежде всего,

следует упомянуть коллективную монографию «Русское православие: вехи истории», вышедшую в Издательстве политической литературы под редакцией А. И. Клибанова в 1989 г. [19]. Глава «Церковь в период трех российских революций» написана П. Н. Зыряновым [19, с. 381–437], подготовившим к тому времени известную работу о церкви в 1905–1907 гг. [8]. По его мнению, в 1917 г., как и в годы первой российской революции, Церковь продолжала борьбу с революционным движением, «правда ей понадобилось некоторое время, чтобы наладить свои отношения с новой властью». Зырянов кратко осветил политику обер-прокурора Синода В. Н. Львова, «в душе» «закоренелого монархиста» [19, с. 381–437].

Перестройка и последовавший затем распад СССР В 1991 г. проблему государственно-церковных отношений с новых позиций изучил М. И. Одинцов [14]. В 1996 году волгоградская исследовательница О. Ю. Редькина защитила кандидатскую диссертацию о вероисповедной политике Временного правительства [16]. В середине 1990-х гг. начали выходить труды петербургского историка и религиоведа С. Л. Фирсова, посвященные положению Церкви в Российской империи [25]. В своей монографии «Русская Церковь накануне перемен» (2002 г.) автор уделил особое внимание взаимоотношениям Временного правительства и Синода, а также подготовке Поместного собора; освещена и тема «религиозной революции» [26]. В 1990-е гг. были опубликованы работы М. В. Шкаровского, акцент в которых сделан на отношения Церкви и государства в советский период. В то же время проблемам церковной истории 1917 г. также уделено внимание [28, с. 74]. В 2010 г. М. В. Шкаровский выпустил солидный обобщающий труд о Русской Православной Церкви в XX веке, сильными сторонами которого являются подробный обзор источников и историографии [29]. В начале 2000-х гг. вышли в свет работы тверской исследовательницы Т. Г. Леонтьевой, отмечавшей, что с марта 1917 г. в ряде епархий были проведены епархиальные съезды, на которых выносились резолюции «о недоверии архиереям» [13, с. 192–203]. В 2006–2008 гг. на проблему политической позиции духовенства в период свержения монархии обратил внимание М. А. Бабкин, подготовивший обширный сборник документов и материалов по данной теме [18], а также монографию [1]. Автор последовательно доказывал, что подавляющее большинство епископата и белого духовенства не выразило неудовольствия по поводу отречения Николая II и его брата Михаила, поскольку само в значительной степени было заинтересовано в смене власти. В 2008 г. увидела свет монография П. Г. Рогозного о церковной революции 1917 года [17]. В центре внимания автора находилась борьба за власть в Церкви между епископатом и белым духовенством, имевшая место в 1917 году.

Среди современных исследований, посвященных церковной истории 1917 года, следует отметить работы сотрудника ПСТГУ К. А. Ковырзина, защитившего в 2010 г. кандидатскую диссертацию о поиске принципов церковно-государственных взаимоотношений с марта 1917 по январь 1918 г. В течение 1917 г., прежде всего, на Поместном соборе 1917–1918 гг. эти принципы были разработаны; однако им не было суждено воплотиться в жизнь. К. А. Ковырзин пришел к выводу о том, что подавляющее большинство духовенства и мирян отрицательно относились к идее полного отделения государства от Церкви [10].

В 2014 году в Санкт-Петербурге была защищена докторская диссертация А. В. Соколова «Государство и Православная Церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 г.» [22]. Автор, в частности, считал, что «оценивать реакцию духовенства на свержение монархии можно только, принимая во внимание, что Православной церкви как отдельной независимой структуры в тот момент не существовало». Кроме того, на защиту был вынесен тезис о том, что между Православной церковью и Временным правительством «не было стратегического или тактического союза» [22, с. 11–12]. Первая глава диссертации посвящена изучению историографии и источников по проблеме государственно-церковных отношений.

Большое значение в понимании темы о политической переориентации православного духовенства в 1917 г. имеют работы московского исследователя Ф. А. Гайды. Автор считает источником власти Временного правительства революцию, ведущую роль в которой играла кадетская партия. Поэтому в действиях правительства «не было преемственности» «с прежней политической традицией» [2, с. 17]. В то же время Ф. А. Гайда подчеркивает роль обер-прокурора Синода В. Н. Львова и других либералов в проведении церковных преобразований в 1917 г. [3] Некоторый вклад в развитие историографии проблемы внес автор настоящей работы: на материалах епархиальной периодической печати была подготовлена статья о восприятии свержения самодержавия православным духовенством Владимирской, Костромской и Ярославской епархий [12, с. 653–661].

Важную роль в изучении проблемы политической ориентации и переориентации православного духовенства играют научные конференции. В 2017 г. на базе исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова прошла конференция «Столетие Революции 1917 года в России», в рамках которой была организована специальная секция по истории Церкви [23]. Уже двадцать лет крупнейшей в стране дискуссионной площадкой является научная конференция «Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков», которую проводит Ивановский государственный университет.

На настоящем этапе развития историографии изучаемой проблемы недостаточно изученным является локальный материал, свидетельствующий о восприятии революционных событий на региональном уровне. Малоизученным остается и вопрос о восприятии революционных событий февраля-марта 1917 года православным духовенством российской провинции.

Библиографический список

1. *Бабкин М. А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007.
2. *Гайда Ф. А.* Временное правительство: принципы политики в контексте развития революционных процессов в России весной-летом 1917 г. // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 2017. № 6. С. 17–34.
3. *Гайда Ф. А.* Русская Церковь и политическая ситуация после Февральской революции 1917 года (к постановке проблемы) [Электронный ресурс]. URL: <https://zapadrus.su/rusmir/rlg/217-1917.html> (дата обращения: 12.01.2020).
4. *Гордиенко Н. С.* Современное русское православие. Л., 1987.
5. *Емелях Л. И.* Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л., 1965.
6. *Емелях Л. И.* Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976.
7. *Зарин П.* Февральская революция и церковь // Антирелигиозник. 1937. № 3. С. 61–63.
8. *Зырянов П. Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984.
9. *Кандидов Б. П.* Церковь и Февральская революция. М., 1934.
10. *Ковырзин К. А.* Российская Православная Церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции (март 1917 – январь 1918 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
11. *Корзун М. С.* Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов. X в. – 1917 г. Минск, 1984.
12. *Леонов Д. Е.* Духовенство Российской православной церкви в период свержения монархии (по материалам периодической печати епархий Верхнего Поволжья) // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Ч. 1 / отв. ред. И. И. Тучков. М., 2018. С. 653–661.
13. *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002.
14. *Одицов М. И.* Государство и церковь. История взаимоотношений. 1917–1938 гг. М., 1991.
15. *Осипова Е. С.* Церковь и Временное правительство // Вопросы истории. 1964. № 6.
16. *Редькина О. Ю.* Вероисповедная политика Временного правительства России (февраль – октябрь 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
17. *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

18. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / сост. М. А. Бабкин. 2-е изд. М., 2008.
19. Русское православие: вехи истории / ред. А. И. Клибанов. М., 1989.
20. *Рыбкин Г.* Православие на службе самодержавия в России. М., 1930.
21. *Снигирева Э. А.* От февраля к октябрю (церковь и политика) // Атеизм. Религия. Современность. Л., 1973. С. 88–102.
22. *Соколов А. В.* Государство и Православная Церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 г.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014.
23. Столетие Революции 1917 года в России: научный сборник. Ч. 1 / отв. ред. И. И. Тучков М., 2018.
24. *Титлинов Б. В.* Церковь во время революции. Пг., 1924.
25. *Фирсов С. Л.* Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996.
26. *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002.
27. Церковь в истории России. Критические очерки / отв. ред. Н. А. Смирнов. М., 1967.
28. *Шкаровский М. В.* «Религиозная революция» 1917 года и ее результаты // 1917. Метаморфозы революционной идеи и политическая практика их воплощения. Новгород, 1998.
29. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010.

УДК 908

Е. И. Маслова, А. И. Щетинин,
независимые исследователи (г. Арзамас)

СУДЬБА СЕЛЬСКОГО ДИАКОНА В. Л. КОРЧАГИНА КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 20–30-е гг. XX ВЕКА

В статье рассматривается репрессивная политика советского правительства в 20–30-е гг. XX века в отношении служителей церкви через призму судьбы отдельной личности – жертвы режима. Показаны основные вехи жизни и деятельности сельского диакона Арзамасского района В. Л. Корчагина, его социальное положение, отношение к советской власти и практика духовного служения в указанные годы.

Ключевые слова: Церковь, диакон, Виняево, политические репрессии.

E. I. Maslova, A. I. Shetinin,
Independent Researchers (Arzamas)

**THE FATE OF RURAL DEACON V. L. KORCHAGIN
AS A REFLECTION OF THE REPRESSIVE POLICY
OF THE SOVIET STATE IN THE 20–30s OF THE XX CENTURY**

The article examines the repressive policy of the Soviet government in the 20–30s of the XX century in relation to the Ministers of the Church through the prism of the fate of an individual – a victim of the regime. The authors show the main milestones of the life and activity of the rural deacon of the Arzamas district V. L. Korchagin, his social status, attitude to the Soviet government and the practice of spiritual service in these years.

Key words: Church, deacon, Vineaev, political repression.

Политические репрессии 20–30-х гг. XX века черным пятном легли на историю России. Миллионы сломанных судеб, тысячи загубленных жизней, потеря связей между поколениями – такое наследство оставили нам те страшные годы. Во избежание повторения подобных явлений, необходимо знать не только событийную составляющую политической, экономической и духовной жизни страны, но и имена тех, кто подвергся гонениям за свои убеждения в каждом городе и селе. Одним из таких людей был и сельский диакон из села Виняево Арзамасского района Нижегородской области Василий Лаврентьевич Корчагин.

Село Виняево небольшое, расположено в 25-ти километрах от города Арзамаса. Центральное место здесь занимает ансамбль двух каменных церквей, построенных в начале XIX столетия, – в честь Успения Пресвятой Богородицы и Вознесения Господня. Род Корчагиных на протяжении нескольких веков был тесно связан с данным селом и местной духовной жизнью. Отец Василия, Лаврентий Макарович Корчагин, на протяжении восьми лет (с 1892 по 1900 гг.) исполнял должность церковного старосты при Успенской церкви. Он отличался крепкой верой и широкой заботой о благолепии храма. Так, благодаря его усердию в 1894 г. церковь была расписана изнутри, обелены стены и выкрашена ограда [1]. Двоюродный брат Василия, Алексей Николаевич Корчагин, также много радел о церкви, сменив в должности церковного старосты Лаврентия Макаровича. Кроме того, на некоторых церковных документах встречается подпись еще одного представителя рода Корчагиных – Якова Николаевича. В Виняеве все они пользовались глубоким уважением, люди им доверяли.

В таком семействе и появился на свет будущий диакон Василий Лаврентьевич. Он родился 27 февраля 1877 г. и был вторым из пяти

детей. Точно неизвестно, где именно Корчагин В. Л. получил образование, но однозначно хорошо владел грамотой. В 1894 г. женился на крестьянской девице из соседнего села Стексово Пелагее Степановне Синецкой [2], вскоре появились дети.

Еще в раннем возрасте Василий приобщился к церковным делам. Он посещал храм, читал молитвы, соблюдал посты и помогал своему отцу как церковному старосте. Кроме того, прекрасно знал основы службы в храме, пел на клиросе. Вместе с тем Корчагины вели крепкое хозяйство. Известно, что в деревне не прожить без своей земли, на которой крестьяне выращивали все самое необходимое. Семья была большая, приходилось много и упорно трудиться, но воздавался такой труд сторицей.

В 1917 г. Василий Лаврентьевич владел восемнадцатью десятинами плодородной земли, засевавшейся в основном просом, из скота числились лошадь, корова, овцы и поросята [10]. Для содержания такого большого хозяйства необходимо приложить много сил, а это означает, что человеком он был трудолюбивым, способным и бережливым. В наследство от отца ему осталась старенькая кузница, где он развивал и навыки кузнечного ремесла. Возможно, именно при работе на кузнице с Василием Корчагиным произошел несчастный случай, в результате которого он лишился кисти левой руки. По этой причине Василий не попал на фронт Первой Мировой войны, но прошел освидетельствование в уездном городе Ардатове [11]. Интересно, что помимо физических характеристик призывника указывался и род его занятий. У Корчагина в графе о профессии указано «церковник», а это подтверждает, что еще до своего «официального» назначения на должность псаломщика, Василий Лаврентьевич был тесно связан с церковной жизнью села.

Большие перемены во все сферы принес переломный 1917 год. Коснулось это и церкви. В Арзамасе был создан Комиссариат по приему церковного имущества, монастырские и церковные земли изымались, монахи и монахини, среди которых было много престарелых и больных, выселялись, некоторые священнослужители арестованы. В Виняеве приход был небольшой, по штату полагались один священник и псаломщик. Назначенный псаломщиком в 1916 г. выпускник Нижегородской духовной семинарии Святицкий П. И. состоял в должности лишь 8 месяцев, после чего покинул село. Тогда-то и было решено определить псаломщика из числа прихожан. Выбор был однозначен – Василий Лаврентьевич Корчагин принял на себя обязанность псаломщика.

Метрическая книга Успенской церкви свидетельствует, что Василий Лаврентьевич приступил к обязанностям в первой половине декабря 1917 г. [3]. Почему же он, будучи выходцем из крестьянской среды,

добровольно выбрал для себя духовную стезю? Мог ли предполагать, что горькой расплатой обернется для него этот выбор? Возможно, но имея крепкую веру, неиссякаемую любовь к Богу и церкви, не мог поступить иначе.

С установлением советской власти церковь отделялась от государства. В апреле 1919 г. жители Виняева подписали соответствующее соглашение [4]. Среди прочих под этим документом стоит подпись и псаломщика Корчагина. В архивах нет документов, свидетельствующих о каких-либо нарушениях со стороны верующих, они в точности соблюдали правила пользования церковным зданием, согласовывая время богослужений и не допуская любых антисоветских выступлений. Имущество церкви было описано, каждый предмет оценен, назначена ответственность за сохранность. Василий Лаврентьевич не мог являться членом приходского совета, а выступал, равно как и священник, в роли нанимаемого лица, но отрицать его тесной связи с членами совета нельзя. Безусловно, его, не только как члена причта, но и как местного жителя глубоко беспокоила судьба храмов.

Около 1922 г. обязанности псаломщика в Виняеве исполнял другой человек – Иван Михайлович Вязов, также местный крестьянин. Впоследствии здесь сменилось еще несколько псаломщиков, служивших по одному-два года. Трудно сказать, почему Корчагин В. Л. отошел от церковной службы, но, как выяснится позднее, это был лишь временный перерыв. Но и тогда он не сидел сложа руки – его захватила активная общественная деятельность.

Еще в 1917 г. волостной сход избрал Василия Корчагина уполномоченным на поездку в Ардатов на совещание уездного съезда крестьянских депутатов с правом решающего голоса [9]. От всей Стековской волости было выбрано только двое представителей – житель Стекова Павел Егорович Грошев и житель Виняева Василий Лаврентьевич Корчагин. Позднее Корчагин В. Л. значился членом ревизионной комиссии волостной Продовольственной управы. И хотя время было тяжелое, революционное, он старался поддерживать порядок, чтобы никто не остался без хлеба. В 1927 г. Василий Лаврентьевич стал членом укрупненного Слизневского сельсовета. В этой должности он участвовал в рассмотрении самых разных вопросов жизнеобеспечения села [5].

Таким образом, нельзя упрекнуть Василия Корчагина в недоверии к молодой советской власти, а тем более в сопротивлении ей, но на первом месте для него всегда стояла забота о своих согражданах, друзьях и близких.

Со временем все сложнее складывалась обстановка в духовной жизни Арзамасского края. Многие церкви к концу 20-х гг. уже были

закрыты, иные вовсе разрушены, часть клириков находилась под арестом, другие вынуждены были отказываться от сана вследствие давления. В 1929 г. стало вакантным место псаломщика в селе Слизнево Арзамасского района, и Василия Лаврентьевича, как человека уважаемого и опытного, пригласили занять должность. Об этом свидетельствует архивный документ от 21.06.1932 г., в котором протоиерей с. Слизнево А. Архангельский отмечал: «гражданин села Виняева Арзамасского РИКА Нижегородского края Василий Лаврентьевич Корчагин с сентября 1929 года по 10 июня 1931 г. в с. Слизневе того же РИКа временно исправлял должность псаломщика. Церковную службу знает, поет и читает умело» [6]. В документах 30-х гг., когда Василий Корчагин вновь вошел в состав виняевского причта, он именуется диаконом, следовательно, был повышен в сане, а это невозможно без твердых знаний, честной жизни и любви к своему делу.

В 1930 г. Корчагин В. Л. был лишен права избирательного голоса как служитель религиозного культа. Несколько раз он пытался добиться отмены такого несправедливого решения, отправляя одно прошение за другим. Но все усилия оказались напрасными – слишком сильны стали позиции противников церкви. В ответ на последнее заявление о восстановлении в правах ему не только отказали, но и обвинили в знахарстве: «В настоящее время Корчагин В. Л. занимается обдурчиванием людей, особенно темных и неграмотных женщин – занимается гаданием и знахарством» [7].

Вторая половина 30-х годов в истории нашей страны печально известна массовыми репрессиями под сталинским лозунгом «о неизбежном обострении классовой борьбы по мере строительства социализма». Все репрессируемые разбивались на две категории: «наиболее враждебные элементы» подлежали немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках – расстрелу, а менее активные, но всё же враждебные элементы подлежали аресту и заключению в лагерь или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет.

Сельский диакон Василий Лаврентьевич Корчагин разделил судьбу тысяч своих соотечественников. Как служитель культа, он был арестован 2 ноября 1937 г. [8]. Спустя пару дней арестам были подвергнуты также местный священник Востоков А. В., диакон Вязов И. М. и церковный сторож Горбунова Е. Н., бывшая монахиня Серафимов-Дивеевского монастыря. Все они проходили по обвинению как участники контрреволюционной церковно-фашистской диверсионно-террористической организации. 19 ноября им вынесен приговор Особой Тройкой Управления НКВД по Горьковской области. Василий Лаврентьевич Корчагин приговорен к 10 годам испытательно-трудовых лагерей.

Местом отбывания наказания стал Вятлаг Кировской области. Этот лагерь занимался, в основном, лесозаготовкой и отличался сложными условиями проживания, так как находился в болотистой местности с высокой влажностью. Для 63-летнего Василия Корчагина лагерь был равносителен смертному приговору. Он умер в заключении 2 марта 1940 г. Место захоронения неизвестно.

Тогда же была закрыта и Успенская церковь в селе Виняево (Вознесенскую церковь закрыли еще в 1933 г.). Долгое время храм пустовал, но местные жители не позволили разрушить его. В настоящее время богослужения вновь возобновились.

В 2017 г. в рамках программы Нижегородской епархии по увековечиванию памяти пострадавших за веру в XX веке на стене у входа в Успенскую церковь установлена мемориальная доска в форме креста с именами пострадавших в годы репрессий служителей и мирян. Среди них есть и имя Василия Лаврентьевича Корчагина, невинно пострадавшего за свою веру.

Библиографический список

1. Ведомость о церкви за 1895 г. (из архива Успенской церкви с. Виняево).
2. Государственный архив Нижегородской области (ГАНО г. Арзамас). Ф. 207. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАНО г. Арзамас. Ф. 207. Оп. 1. Д. 8.
4. ГАНО г. Арзамас. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 152.
5. ГАНО г. Арзамас. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 9.
6. ГАНО г. Арзамас. Ф. Р-550. Оп. 7. Д. 292.
7. ГАНО г. Арзамас. Ф. Р-550. Оп. 7. Д. 291.
8. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. URL: <http://lists.memo.ru/>
9. Маслова Е. И., Щетинин А. И. Виняево: наша история. Нижний Новгород: Юникопи, 2020. С. 144.
10. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-124. Оп. 4. Д. 115.
11. ЦАНО. Ф. 1611. Оп. 23. Д. 925.

И. С. Менщиков,

доцент, Курганский государственный университет

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И АНТИАЛКОГОЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается роль православного духовенства Западной Сибири в борьбе с пьянством и участие его во всероссийском антиалкогольном движении. Священники выступали с проповедями и поучениями против пьянства, принимали участия во всероссийских антиалкогольных съездах, создавали общества трезвости, делились своим опытом в церковной прессе.

Ключевые слова: антиалкогольное движение, пьянство в России в начале XX века, православное сельское духовенство, западносибирская деревня.

I. S. Menshchikov,

Associate Professor, Kurgan State University

ORTHODOX CLERGY OF WESTERN SIBERIA AND THE ANTI-ALCOHOL MOVEMENT IN THE EARLY XX CENTURY

The article examines the role of the orthodox clergy of Western Siberia in the struggle against drunkenness and their participation in the all-russian anti-alcohol movement. Priests delivered sermons and lectures against drunkenness, took part in all-russian anti-alcohol congresses, created temperance societies, and shared their experience in the church press.

Key word: anti-alcoholic movement, drunkenness in Russia at the beginning of the twentieth century, orthodox rural clergy, West Siberian country.

Вступление России в индустриальную эпоху к началу XX века сопровождалось кризисом традиционной культуры, которая жестко, но действительно регулировала поведение человека, определяла образ его действий и ритм жизни в обществе. Ослабление функций регулятивного фактора культуры вело к росту случаев отклонений (девиаций) от социальных норм среди русского народа. Наиболее ярко это проявилось в росте алкоголизации общества, причем не только в городе, но и в деревне [8, с. 23–27]. Это явление встревожило не только врачей и либеральную общественность, но и широкие слои православного духовенства. Интересно, что представители противоположных политических

лагерей видели основную причину этого явления в распаде традиционных ценностей и переходом к новой форме культуры.

Православная церковь, которая находилась на страже традиционных норм поведения в числе первых забила тревогу и уже в 1889 г. циркуляр Святейшего Синода настоятельно рекомендовал активизировать работу по борьбе с пьянством, в частности через создание в приходах обществ трезвости. Архиереям предписывалось сообщать в Синод о функционировании таких обществ у них в епархиях и докладывать, какие именно меры предпринимает духовенство «к целесообразному направлению деятельности по искоренению в народе пьянства, поскольку оно оказывает самое пагубное влияние на религиозность и нравственность» [12, с. 274].

В начале XX века отечественные и зарубежные исследователи отмечали рост потребления алкоголя в России на душу населения как в литрах, так и в градусах содержания спирта. Винная монополия, предложенная министром финансов С. Ю. Витте, которая должна была пополнить государственный бюджет, способствовала этому росту. Как отмечал доктор В. Я. Канель «монополия принесла одни лишь шипы вместо роз, которых от нее ожидали» [3, с. 492]. Однако, надо сказать, что Россия отнюдь не была лидером по количеству употребляемого алкоголя. Так, В. К. Дмитриев, известный в начале XX в. экономист и социолог, в своей работе, вышедшей в 1911 году, замечает, что Россия заметно ниже «срединной линии» развитых стран Европы и Северной Америки, находясь где-то на 7–11 месте, после США, заметно уступая им: 2,8 и 5,6 литра чистого спирта на душу населения соответственно [1, с. 37–46]. Вместе с тем, пьянство в России сильнее бросалось в глаза, потому, что, говоря словами уже упомянутого доктора В. Я. Канеля, «в России пьют меньше, чем в Европе, но пьянствуют больше» [3, с. 28]. Можно констатировать, что, хотя проблема пьянства в России в начале XX века стояла остро, но наша страна не была в числе самых пьющих.

Русская православная церковь была одной из первых в активизации борьбы с алкоголизмом. В ответ на уже упомянутый циркуляр Синода в России начали создаваться общества трезвости. Первым среди них было общество, созданное в 1892 г. священником К. Остроумовым в Москве, в Рогожской слободе. Как отмечалось в московской прессе, для борьбы с пьянством здесь намечено открытие чайной, на которую уже поступили пожертвования, а также устройство читальни, с книжной торговлей и «организация общедоступных отвлекающих от кабака или трактира разумных развлечений» [6, с. 206].

С началом XX века большинство архипастырей стало требовать создания и развития обществ трезвости в приходах. Для облегчения

этой работы были подготовлены типовые анкеты и «обетные расписки», в которые члены общества трезвости обещали воздерживаться от спиртных напитков [7, с. 96]. Как правило, общества трезвости создавались при церквях. К 1911 г в России членов таких обществ насчитывалось около полумиллиона [6, с. 215].

В Западной Сибири одно из первых обществ трезвости создал в 1899 г. священник Д. Константинов в селе Дубровном Курганского уезда Тобольской губернии. Открытие общества было приурочено ко дню престольного праздника (27 января), который обычно сопровождался пьяным разгулом. После достаточно длительной подготовительной работы священник по завершении литургии предложил организовать общество трезвости, в которое сразу записались 67 человек. Впоследствии состав общества расширился. Первоначально раздавались книжки о вреде пьянства, затем от этой практики отошли, возможно по причине малограмотности состава. Членские взносы не предусматривались, молебны в рамках общества также обязательно бесплатные. Собрания общества обыкновенно бывали после литургии, когда на аналой выносилась икона Св. Иоанна Златоуста (покровителя общества) и шла краткая служба. Д. Константинов особо останавливается на абсолютно добровольном характере вступления в общество и отсутствии карательных санкций за нарушение его правил. Кроме того, он высказывается против длинных проповедей и нравоучений, поскольку лучшая проповедь – поведение членов. В конце 1902 г. в обществе состояло около двухсот человек [5, с. 412–415]. Этот рассказ показывает конкретную работу священника по созданию общества трезвости и функционированию, а не приводит проповедь о вреде пьянства с вымышленными примерами, что очень часто встречалось в церковной прессе. Подобные общества стали создаваться по всему югу Западной Сибири.

В начале XX века в России возникла традиция проводить съезды различных общественных организаций. Среди прочих в 1910 г в Петербурге состоялся съезд сторонников борьбы за трезвость. В нем участвовали различные общественные деятели, в том числе и православное духовенство. В числе последнего были представлены священники из Западной Сибири, в частности о. Николай Булдыгин, который неоднократно участвовал в прениях, а позднее выступил с нашумевшей речью. Дело в том, что в ходе работы съезда произошел следующий инцидент: группа левых делегатов предложила исключить духовенство из дела борьбы с пьянством, особенно в школе. После этого священники и сочувствующие им покинули заседания, но о. Николай сумел добиться компромисса и в краткой, но эмоциональной речи заявил о недопустимости исключать религию из процесса борьбы с алкоголизмом. Его

заявление было одобрено аплодисментами [11, с. 191–192]. Отвечая на критику антиклерикалов, о. Николай сделал резкое заявление. Он сказал в ходе довольно длинного выступления, что инициативы рядовых священников порой встречает непонимание со стороны архиереев, и поэтому упреки, высказанные на съезде в адрес церкви, справедливы, но «они должны относиться не к сельскому духовенству, а к высшему, которое мешает делу отрезвления народа» [11, с. 1459]. Это заявление не понравилось епархиальному начальству, что нашло выражение в «Тобольских епархиальных ведомостях».

В августе 1912 г. в Москве состоялся Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с алкоголизмом, который проходил под эгидой православной церкви. Особую помощь в организации съезда оказал митрополит Московский Владимир, обеспечивший делегатов проживанием. В работе этого форума участвовал священник И. Рыболовлев, представивший отчет о нем в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях». Он отмечает, что съезд констатировал прогресс в деле увеличения обществ трезвенников: «Если в начале века таких обществ было несколько десятков, то теперь их насчитывается более двух тысяч, число членов перевалило за полмиллиона. Где во главе дела стоят энергичные пастыри, там общества имеют колоссальный успех. Это показывает, что жизненна и сама идея их возникновения» [9, с. 156–170]. Кроме того, участники съезда выразили большую обеспокоенность в связи с ростом пьянства и алкоголизма среди детей и подростков и призвали школу и церковь усилить работу в этой среде [9, с. 162–167].

Кроме того, в процессе борьбы с пьянством активно использовалось печатное слово, прежде всего, в церковной периодике. Наиболее часто публиковались разного рода «поучения», написанные на основе проповеди известных священников. Следует отметить, что различные епархиальные ведомости и иная церковная пресса предназначались прежде всего для духовенства. Таким образом, печатались не только своего рода «методические рекомендации» по борьбе с алкоголизмом, но и производился обмен опытом между различными представителями клира. Такие публикации не только информировали пастырей и прихожан, но и представляли готовую проповедь. Кроме того, в основе опубликованных «слов» и «поучений» нередко лежали известные реальные события, слухи о которых распространялись достаточно быстро. Пример этого мы можем найти в статье «Мысли и чувства по поводу разгула в прощенный день» священника А. Соколова, которая была опубликована как раз во время Великого поста и могла стать источником для проповедей. Автор описывает ситуацию в своем приходе в последний день масленицы. Он замечает, что на литургии было мало народа, но

зато сразу после неё в селе началась «дикая езда пьяных крестьян с пением, бранью, гиканьем-уханьем». Когда же он во главе приходского клира призвал верующих в храм Божий для вечерней молитвы, то «в ответ на этот призыв церкви бурным потоком несется неистовый шум гуляющей публики». Завершает свою проповедь А. Соколов пафосным обращением к пастве: «у вас дети больны, один уж и помер, а вы варите пиво с приятелями» [10, с. 115–116]. Однако наряду с традиционными методами в церкви начали применяться достижения современной техники. Так епископ Митрофан во время своей пастырской поездки отметил, что в селе Сухрино Шадринского уезда в местной школе законоучитель проводил народные чтения «с демонстрацией световых картин», материалы для которых он брал из журналов «Трезвая жизнь» и «Трезвые всходы» [2, с. 74].

На 3 июня 1913 г. в Тобольской епархии было запланировано проведение большого Праздника трезвости. По этому случаю к «Тобольским епархиальным ведомостям» было опубликовано специальное приложение, где размещено различные материалы, приуроченных к этому дню. Так, в «Приложении» был напечатан примерный текст обращения священника к прихожанам в этот день, в котором особый акцент был сделан на то, что пьянство «является причиной нужды, болезней и пороков» [4, с. 12–16]. Кроме того, содержится довольно объемное разъяснение того, что поминаль водкой – грех: «его берут на свою душу устроители таких поминальных обедов, и оскорбляется такими поминками душа умершего» [4, с. 13–16].

В «Приложении» содержатся также своего рода рекомендации по устройству праздников трезвости в приходах, что должно было облегчить работу священников. Кроме молебнов, предлагалось в школах или в иных местах провести беседы и чтения о вреде пьянства с раздачей для грамотных листовок трезвости. Наконец, в «Приложении» размещено примерное «Поучение», которое отличается с одной стороны высоким церковным стилем, а с другой образностью и доступностью для обычных крестьян [4, с. 12–13]. Эти поучения в наши дни выглядят немного наивными, примеры несколько неправдоподобными, однако следует помнить, они подбирались для аудитории, которая состояла из полуграмотных крестьян и производили нужный эффект.

Завершая статью, следует сказать, что антиалкогольное движение к 1914 г. в России приобрело достаточно большой размах и православное духовенство приняло в нем активное участие. В церкви был разработан целый комплекс мероприятий, направленных на борьбу с алкоголизмом в русской деревне. К ним следует отнести не только общества трезвости, традиционные молебны и читались проповеди и поучения на

антиалкогольную тематику, но и участие всех слоев духовенства в различных форумах по борьбе с пьянством, обмен опытом на страницах церковной прессы и организацией массовых праздников трезвости. Можно отметить, что опыт антиалкогольного движения начала XX века и участия в нем духовенства может быть интересен и в наши дни.

Библиографический список

1. *Дмитриев В. К.* Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М.: Русская панорама, 2001. 366 с.
2. Дневник Его Преосвященства Митрофана, епископа Екатеринбургского и Ирбитского по обозрению церквей в августе месяце 1912 года // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1913. № 3.
3. *Канель В. Я.* Алкоголизм и борьба с ним. М.: Т-во. Сытина, 1914. 533 с.
4. К Празднику трезвости 3 июня 1913 г. // Приложение к Тобольским епархиальным ведомостям. 1913 № 10.
5. *Константинов М.* Общество трезвости в селе Дубровском Могилёвской волости Курганского уезда // Тобольские епархиальные ведомости. 1902. № 22.
6. *Курукин И. В., Никулина Е. А.* «Государево кабацкое дело»: Очерки питейной политики и традиций в России. М.: АСТ, 2005. 384 с.
7. *Менциков И. С.* Борьба православного духовенства с пьянством в русской западносибирской деревне в начале XX века // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2, История. История Русской Православной Церкви. 2018. № 80. С. 93–106.
8. *Менциков И. С., Федоров С. Г.* Девиантное и делинквентное поведение русских крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX в. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. 260 с.
9. *Рыболовлев И.* Впечатления, вынесенные со всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1913. № 6.
10. *Соколов А.* Мысли и чувства по поводу разгула в прощёный день // Тобольские епархиальные ведомости. 1908. № 6. С. 115–116
11. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством: в 2 т. СПб.: Типография Сойкина, 1910.
12. Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода 1867–1900 гг. / сост. А. Завьялов. СПб., 1901.

М. В. Каиль,

доцент, Смоленский государственный университет

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ СЕРЕДИНЫ 1940-х – СЕРЕДИНЫ 1950-х гг.: ПАСТЫРИ

Послевоенный период в истории православия особый – в церковь, возрождаемую институционально, приходит новое поколение епископата и пастырей, жизненный и духовный опыт каждого из которых слагал общую картину и атмосферу в церкви.

Ключевые слова: православие, провинция, трансформации, клир.

M. V. Kail,

Associate Professor, Smolensk State University

PROVINCIAL ORTHODOXY OF THE MID-1940s AND MID-1950s: PRIESTS

The post-war period in the history of Orthodoxy is special – a new generation of bishops and pastors comes to the church, which is being revived institutionally, and the life and spiritual experience of each of them formed the overall picture and atmosphere in the church.

Key words: Orthodoxy, province, transformation, clergy.

В истории российского православия XX в. происходили беспримерные по динамизму и глубине процессы, менявшие как внутренний уклад, так и практики исповедания православных, характер их коммуникаций с социальной средой. Открывшийся в период Великой Отечественной войны (после «сталинского поворота» курса вероисповедной политики 1943 г.) период оценивается исследователями как время реконструкции организационных форм, инфраструктуры церкви, платой за которые стало обязательство церкви к участию в международной дипломатии СССР [3], а также лояльность светской власти и согласование всех церковно-административных действий (и кадровой практики) церковных иерархов с представителями светской администрации.

Однако, единства мнений в отношении длительности и качества этого периода в историографии нет. Отдельные авторы придерживаются политического фактора в периодизации церковной истории и вероиспо-

ведной политики в стране, определяя границы периодов временем смены советских лидеров – 1953 г., 1964 г. [7, 8], а далее обращая внимание на 1988 г. как время очевидного перехода к практикам децентрализации и либерализации вероисповедной политики в стране.

Однако, эти общие штрихи и политические векторы лишь в самом общем плане отражают все многообразие процессов и явления, протекавших в православии эпохи. И одним из самых значимых в их чередѣ являлся послевоенный призыв в церковь нового поколения священников, происходивший в период освобождения от оккупации советских территорий и в первые послевоенные годы. Точнее, церковь собирала разрозненные и рассеянные кадры: священников довоенного поставления, выбывших по разным причинам за штат, а также служивших на оккупированной территории (к которым не было претензий у советской администрации) и даже тех, кто отбыл сравнительно непродолжительные сроки за сотрудничество с оккупантами, некоторые по таким приговорам освобождались уже в 1948–1949 гг., а также в 1953 г.

Молодых священников в ту пору не могло быть в силу разрыва традиции воспроизводства кадров (академии и семинарии в довоенный период были закрыты) и одним из первых вопросов, который Московский Патриархат обсуждал с властями после сентября 1943 г. – был вопрос о пастырских курсах и постепенном воссоздании системы духовного образования. В 1944 г. открылся Православный богословский институт и Богословско-пастырские курсы в Москве. В 1946 г. Московский православный богословский институт был преобразован в Московскую духовную академию с четырёхлетним курсом обучения, которая размещалась первоначально в помещениях Новодевичьего монастыря. В 1947 г. Московской патриархии была передана часть зданий Троице-Сергиевой лавры, а в 1949 г. туда были возвращены духовная академия и семинария и только в 1955 г. состоялось освящение академического Троицкого храма.

Такая ситуация в духовном образовании практически не оставляла выбора священноначалию – на епископские кафедры назначались в основном вдовые священники (зачастую без высшего духовного образования), в отношении которых не было явно порочащей их информации; на священнические – заштатные пастыри, дьяконы. Вместе с ними в церковь вошла также и часть активных прихожан, рукоположенных либо по рекомендациям региональных уполномоченных Совета по делам РПЦ, либо по согласованным с ними решениям управляющих епархиями.

Совокупность этих тенденций и практик и сформировала поколение послевоенного «советского» духовенства и епископата. При этом вопрос степени «советскости», часто поднимаемый в этой связи, все еще не может быть решен окончательно и с надежной опорой на источники – изучение совокупности исторических кейсов подталкивает к суждению о том, что послевоенное поколение в целом отличал сравнительно низкий уровень церковного образования и духовного опыта, определенный отрыв от духовнической традиции и монашеских идеалов, сохраняемый как до революции, так и в первые постреволюционные два десятилетия. Советизмы в речи и проповеднической практике, вынужденный отказ от социальной активности и миссии – также характерные черты эпохи и ее представителей в духовенстве.

Но и эти характеристики не исчерпывают всего многообразия церковной практики, не характеризуют и теплившуюся катакомбную православную жизнь. Описываемое время – было временем жизни и служения Матроны Московской и Луки Крымского (Войно-Ясенецкого) с их непререкаемым духовным авторитетом и дарованиями, сильной волей. Святитель Лука в этот период своей деятельностью явил пример активного противодействия практике социальной изоляции церкви и светского вмешательства в дела церковного управления. Как известно, даже в последние месяцы своей жизни, в 1961 г., он мужественно оппонировал привносимой новым руководителем Совета по делам РПЦ В. А. Куроедовым реформе церковного управления посредством антиканонических поправок в «Положение об управлении РПЦ» (1945), для приведения его в соответствие с секретным постановлением Совета министров СССР от 16 марта 1961 г. и инструкцией к нему «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». Отдельные самостоятельные церковные деятели были и в провинции: им приходилось непросто в условиях формирования полного контроля за церковью, с ними было непросто и уполномоченным совета, но именно они поддерживали то, что именуется духовной основой и ценностями православия [6].

В целом же облик священнослужителей и атмосфера в приходах Русской Православной Церкви той поры была иной. Демонстрируют это столь же труднодоступные для исследователей, как и материалы органов госбезопасности, архивные собрания епархиальных управлений. Персональные дела священников послевоенной поры довольно шаблонны: помимо немногочисленных анкетно-биографических материалов, указов о назначении и перемещении на приходы и редких характеристик благочинных, они содержат немалое количество жалоб и наветов, «писем во власть» (церковную и светскую). Нередко в осевших в

фондах епархиального управления обращениях содержится упоминание-угроза о том, что, если вопрос не будет решен епископом, заявитель(-ели) (чаще всего инициативная группа приходского совета, или церковный староста) обратятся к светским властям (прямо называется и уполномоченный Совета и различные советские органы, прокуратура, МГБ-МВД). Обилие таких обращений и наличие в них подобных формул – ссылок на власть свидетельствуют о значительной «советизации» приходов, распространении в конфессиональном обществе приемов и практик советского социального активизма, борьбы за «права трудящихся», в том числе специфично понимаемые права в области исповедания, в которых уже не находится места подлинно христианским ценностям. Данное суждение основывается на изучении всей сохранившейся совокупности (более 30 персональных дел) священнослужителей Смоленской епархии РПЦ 1940–1950-х г. в Архиве Смоленского епархиального управления (АСЕУ) с синхронным изучением делопроизводства Уполномоченного Совета по делам РПЦ в Смоленской области (Государственный архив Смоленской области. Ф. 1620), его квартальных и годовых отчетов с центральным Советом (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1-2 – «Смоленская область»); а также анализ синхронных материалов (отчетов уполномоченных Совета) по Калининской (Тверской), Брянской, Великолукской, Астраханской, Псковской, Кировской, Московской, Ленинградской областям.

О таком содержании религиозной жизни в ее институциональном измерении в историографии фактически не упоминается; авторы сосредоточиваются преимущественно на взаимоотношениях с властью и описании ограничительных практик и деятельности уполномоченных Совета по делам РПЦ [4, 5]. Тем самым, внутрицерковная жизнь оказывается за пределами исследовательского фокуса.

Чтобы полнее представить пастырей эпохи стоит взглянуть на их наиболее привилегированную прослойку – соборное епархиальное духовенство. Так, в послевоенном Смоленске в клире кафедрального Смоленского Успенского собора оказывались священнослужители далеко не безупречного духовно-нравственного облика и личных качеств. Следует отметить, что их назначение на место определялось отчасти дефицитом кадров, а отчасти и влиянием на кадровую практику (о кадровой политике в этот период говорить не приходится) уполномоченных Совета по делам РПЦ, а также позиции МГБ.

Так, в начале 1950-х гг. из Великолукской епархии (где, как потом выяснилось, он был запрещен в священнослужении) в Смоленск перебирается священник Василий Синайский. В Смоленске он стал собор-

ным священником (одно время – настоятелем) и епархиальным секретарем. Как второму человеку в епархии удалось скрыть наличие двух церковных судов «по обвинению в прелюбодейном поведении» понять невозможно. Выяснилось и следствием было доказано, что Синайский дважды был женат, и обе жены умерли, а на 1951 год он проживал с сожительницей. В итоге, патриаршим указом в 1951 г. Синайский был лишен сана и... перебрался в Смоленск, где занял высокое положение, не предъявляя отпускной грамоты и документов об образовании [1]. Могло ли это быть «по упущению» правящего архиерея (тогда – преосвященного Смоленского Сергия (Смирнова), или произошло «по желанию» советских органов и уполномоченного Совета – неизвестно. Однако, финал этой истории печален и предсказуем – в 1960 г. Синайский публично порвал с религией и снял с себя сан, после чего и возникла переписка преосвященных, в чьих епархиях он служил, которая и позволила выяснить все тайные факты его биографии.

Разумеется, такими функционерами на поле религии были далеко не все священники, но присутствие людей подобных Синайскому в элите епархиального клира показательно и значимо в оценке параметров системы. Его прешественник, епархиальный секретарь и соборный клирик отец Валентин Поликарпов (отсидевший за взятку фининспектору) и вернувшийся к высокому служению в конце 1940-х гг. едва ли не конкурировал с правящим архиереем, вел параллельное ему самостоятельное общение с региональным уполномоченным Совета, в котором презрительно отзывался и о правящем архиерее и о многих собратиях, кичился своими знакомствами в Московской Патриархии (был знаком с управделами – протопресвитером Николаем Колчицким) [2]. Правящему архиерею стоило немало усилий дезавуировать активность своего же ближайшего помощника. Но и после ослабления, благодаря своим связям, протоиерей был буквально нарасхват – в переписке сразу несколько архиереев центральной России видели его клириком своих епархий, но для дальнейшего служения он избрал Куйбышев.

Конфликты в послевоенную пору были характерны и для районных и для сельских приходов: священники делили более выгодные приходы. Даже самые авторитетные старцы не могли повлиять на выбор преемника и передачу ему прихода: пастырское служение приобретало черты профессии, главной функцией которой становилось требоисправление (осуществляемое в соответствии с вероисповедным законодательством, а зачастую с учетом вкусов и позиции довольно требовательной советской пасты), а не пастырское служение, духовное окормление прихода, получило широкое распространение, доминируя в организации приходской жизни эпохи.

Фактическое же изучение приходской жизни послевоенной провинции, не исключая и болезненные, спорные стороны организации церковного служения, пастырской практики и приходской жизни позволяют полнее представить суть, проблемы и противоречия церковного служения эпохи.

Библиографический список

1. АСЕУ. Личное дело протоиерея Василия Синайского.
2. АСЕУ. Личное дело протоиерея Валентина Поликарпова.
3. *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства. 1943–1948 гг. М.: ИРИ РАН, 1999.
4. *Гераськин Ю. В.* Русская Православная Церковь, общество, власть в 1945–1958 гг. // Преподаватель XXI век. 2008. № 3. 137–144.
5. *Гераськин Ю. В.* Русская Православная Церковь, общество, власть (конец 30-х – 70-е гг. XX века). Рязань: Рязанский гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина, 2007. 271 с.
6. *Каиль М. В., Бурдуков Илия, иерей.* Протоиерей Всеволод Корицкий: последний из пастырей прежней эпохи в послевоенной церкви // Край Смоленский. 2020. № 9. С. 32–38.
7. *Сазонов Д. И., Федотов А. А.* Священнослужители Русской православной Церкви в 1958–1988 годах: статус и деятельность // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 5 (174). С. 37–44.
8. *Чумаченко Т. А.* Государство и Русская Православная Церковь в 1958–1964 годах: новая политическая война с религией, церковью и верующими // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 19 (348). Вып. 39. С. 82–90.

УДК 261.7

О. Б. Молодов,

доцент, Вологодский государственный университет

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО УСТЮГА В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА

Статья посвящена характеристике религиозной жизни города Великого Устюга Вологодской области в 1960–1980-х годах, когда властями осуществлялся тотальный контроль. Она подготовлена на материалах государственных и церковных архивов.

Ключевые слова: государство, Русская православная церковь, приход, духовенство, верующие, религиозность.

O. B. Molodov,
Associate Professor, Vologda State University

ARCHIVAL SOURCES ABOUT RELIGIOUS LIFE OF THE CITY OF VELIKY USTYUG IN THE PERIOD OF LATE SOCIALISM

The article is devoted to the characteristics of the religious life of the city of Veliky Ustyug, Vologda region, in the 1960s and 1980s, when the authorities exercised total control. It is based on the materials of the state and church archives.

Key words: state, Russian Orthodox Church, parish, clergy, believers, religiosity.

В отечественной истории государственно-церковных отношений советского периода определённый интерес представляет ситуация, складывавшаяся на территориях, ранее отличавшихся плотной церковной топографией и имевших особое значение для верующих. Город Великий Устюг, расположенный на востоке Вологодской области, является древним центром православия. Не случайно и титул управляющего епархией, вернувшийся в 1964 г., звучал как «епископ Вологодский и Великоустюжский» [27, с. 1]. При небольшом количестве жителей в начале XX в. в городе насчитывалось до 40 православных приходо-монастырей. В период 1960–1980-х гг. там действовал единственный приход – церковь Прокопия Праведного (Прокопьевская), а с 1964 г. – церковь Стефана Великопермского (Стефановская). Если первый храм находится в исторической части города на набережной Северной Двины, то второй – Стефановская церковь – это удаленная кладбищенская церковь, расположенная в районе «Горь».

Несмотря на высокую активность верующих и финансовую стабильность прихода в начале 1960-х гг. в общине сложилась кризисная ситуация. Наряду с двумя затухающими приходами Вологодской епархии, Прокопьевская церковь попадала под закрытие на вполне законных основаниях, поскольку располагалась рядом с госпиталем инвалидов войны и детской спортивной школой, что «отрицательно сказывалось на нормальной деятельности этих учреждений» [2, л. 120]. Проблема разрешилась путем обмена церковными зданиями. Община на основании постановления от 8 января 1964 г. «О церковном здании общины верующих г. Великого Устюга» получила Стефановскую церковь, расположенную на кладбище. Прокопьевскую церковь предлагалось освободить и в срок до 1 мая передать на баланс горисполкома. Верующие протестовали против данного решения и обращались даже в Совет Министров СССР, но из личной канцелярии Н. С. Хрущева пришел ответ от 16 марта 1964 г. № 339, где сообщалось, что в данном случае «не ус-

мотрено притеснение верующих, так как им предоставлен другой храм» [27, с. 5–6]. Впоследствии местные власти выражали недовольство по поводу размещения прихода на городском кладбище, поскольку это стимулировало рост числа отпеваний, но попыток закрыть храм, судя по документам, не предпринимали.

По официальной статистике доходов и расходов по Вологодской епархии, приход представляется процветающим. Его ежегодный доход составлял 15–17 % поступлений денежных средств от общих доходов епархии. Большой частью денежных поступлений (от 2/3 до 3/4) в приходскую кассу были средства от продажи предметов культа и, прежде всего, свечей. В 1960-е гг. чиновниками проводились мероприятия, направленные на снижение цен на свечи и другие предметы культа [8, л. 11; 23]. Другим распространенным механизмом, ослабляющим финансовое состояние прихода, были отчисления в патриотические фонды (фонд мира и фонд охраны памятников истории и культуры), доля которых составляла до 1/3 годового дохода Стефановской церкви. Несмотря на это приход оставался, по выражению чиновников, «прибыльным предприятием» [25].

Отчасти доходность зависела от количества совершенных в храме и вне его православных обрядов. Наиболее распространенными обрядами являются крещения, венчания и отпевания. После спада обрядности в начале 60-х гг., с 1965 по 1985 г. там крестилось 300–450 человек ежегодно (треть от числа родившихся). Показатели по отпеваниям также оставались стабильными. Почти половина умерших, по данным горисполкома, отпевалась в церкви, а с заочными отпеваниями это число превышало 90 % [7, л. 102]. По ряду причин количество совершенных венчаний практически сошло на нет. Данный обряд потеснила торжественная регистрация брака в органах ЗАГС, которая к 1980 г. охватывала более 80 % молодоженов [6, л. 70; 22].

Однако следует учитывать, что 30–40 % окрестившихся в Стефановской церкви были жителями прочих регионов страны и районов Вологодской области. Подобный учет велся с начала 1970-х до середины 1980-х годов. Преобладали среди них жители Архангельской и Мурманской областей, Коми АССР. Это является проявлением распространенной в те годы практики совершать религиозные обряды вдали от места жительства и работы (учебы). Крайне незначительное число приходов в северном регионе (в Мурманской области – 2, в Коми АССР – 3) в совокупности с боязнью репрессий по месту жительства являлись предпосылками массовых крещений в церкви Великого Устюга. Аналогичной была ситуация в «бесцерковных» районах Вологодской области, жители

которых удовлетворяли религиозные потребности в ближайших православных храмах. Большая часть верующих приезжала в город из соседних районов: Кич-Городецкого, Нюксенского и Никольского.

Уровень религиозности горожан неоднократно обследовался. Наибольшая прослойка религиозных устюжан проживала в районе так называемой «Горы» и второй части города, меньшая – центре и за парком [4, л. 21]. Высокий уровень религиозности жителей подтверждается в отчетах, где указано число лиц – до двух тысяч человек, посещающих церковь в дни православных праздников, когда храм наполнялся «до предела» [2, л. 102; 15, л. 104]. Большинство посещающих церковь составляли женщины преклонного возраста, но их количество не имело тенденции к снижению [8, л. 10].

Властями проводились обследования религиозности на предприятиях и в учебных заведениях города. Доля работников, посещающих церковь, в ряде подразделений комбината бытового обслуживания (КБО) доходила до 20 и более процентов. По итогам анализа данных обследования КБО, чиновниками сделано заключение, что «подобное явление свойственно городу в целом» [1, л. 52]. Выводы из результатов обследования учебных заведений и промышленных предприятий для чиновников были неутешительными: более 30 % студентов медицинского училища не являлись убежденными атеистами, более 60 % опрошенных работников крупных предприятий считали, что религия не приносит вреда советскому обществу [6, л. 43–44]. В отчетах с сожалением отмечалось, что «наблюдаются факты осознанного самостоятельного совершения учащимися религиозных обрядов», участились случаи крещения нескольких детей из одной семьи (в 1967 г. 7 случаев одновременного крещения троих-четверых детей, 31 случай – двоих детей) [4, л. 23]. Директор школы № 14 сообщает, что около 90 % родителей школьников имеют дома иконы» [1, л. 9].

По другим данным, из 78 обследованных семей (192 человека) выявлено 40 верующих, из которых «убежденных» – 21, колеблющихся – 9, соблюдающих обряды по привычке – 10. Фанатиков нет. Имеются иконы в 37 семьях – 47,4 %, испытывают религиозное влияние 43 семьи [1, л. 51]. В 1978 г. 9, а в 1979 г. 12 комсомольцев окрестили своих детей [6, л. 43–44]. Только в 1981 г. 16 медицинских работников совершили религиозные обряды [7, л. 108]. Таким образом, в антирелигиозной борьбе опора на интеллигенцию и представителей передового отряда молодежи – членов ВЛКСМ – оказалась непрочной. Многие комсомольские активисты были крещёнными и сопричастными к религии на семейном уровне, например, в период пасхальных событий [26, с. 12].

Местные органы КПСС являлись организаторами широкомащтабной антирелигиозной пропаганды. Проводимые атеистические мероприятия были традиционными: цикл лекций «Религия – опиум для народа», выставки литературы антирелигиозного содержания, клуб читателей журнала «Наука и религия» и т. п. В учебных заведениях и на предприятиях оформлялись уголки атеиста, плакаты и стенгазеты [3, л. 153]. Однако статистика показывает, что проблемам атеистической пропаганды уделялось недостаточное внимание. Из 2002 вопросов, рассмотренных на партийных собраниях в 1970 г., только 7 посвящалось борьбе с «религиозными предрассудками» [5, л. 8–11].

Стефановская церковь являлась по масштабам Европейского Севера крупным многоклирным приходом. В ней постоянно служили три-четыре священника и один-два диакона. В отчетах горисполкома постоянно отмечается «большая работа служителей культа по укреплению религиозности среди населения города» [1, л. 56]. Среди настоятелей исследуемого периода выделялся С. Е. Кульчинский, служивший в 1960-е годы. Он характеризовался чиновниками как «фанатично настроенный», часто выступал с проповедями, в беседах негативно оценивал отстранение духовенства от финансово-хозяйственной деятельности прихода [4, л. 17; 11, л. 5].

Большая часть причта старалась придерживаться законодательства о религиозных культах, но распространенным явлением были крещения в присутствии только одного родителя и без оформления квитанций за проведение обрядов [9, л. 81; 19, л. 43]. Имели место запрещенные законом акты благотворительности в отношении церковнослужителей и церковных активистов [9, л. 81; 12, л. 27]. В отчетах отмечалось, что священник Р-н привлекал к работе в алтаре несовершеннолетнего сына, вмешивался в дела церковного совета, вносил новые элементы в ход богослужения [19, л. 43]. Нововведения нравились не всем верующим, поэтому многие отдавали предпочтение другим священнослужителям. Таким образом, многоклирность прихода неволью приводила к разобщению общины верующих.

Старосты прихода проявляли большую активность и нередко порождали конфликтные ситуации. Староста П-кий в 1968 г. подал заявление в райисполком о снятии его с регистрации, ссылаясь на плохое состояние здоровья. Истинной причиной, видимо, послужила информация, поступившая в прокуратуру о присвоении им церковных средств [9, л. 82; 10, л. 10]. Конфликт церковного совета и священника со старостой Б-ной разрешился только после ее замены в 1975 году [13, л. 45; 14, л. 105].

Служители культа покидали устюжский приход по разным причинам. В 1983 г. диакон К-н «не нашел контактов с духовенством, вел светский образ жизни, не реагировал на замечания настоятеля», и был переведен в другой храм епархии [17, л. 106]. В 1984 г. исключен из штата церкви священник Б-н за нарушение церковного устава [18, л. 25]. Данные случаи являются, скорее, исключениями, поскольку остальные священнослужители грубых нарушений не допускали и старались выглядеть лояльными по отношению к властям.

В конце 1980-х гг. наступает новый период государственно-церковных отношений [24]. Религиозное возрождение страны ощущается в данных об обрядности: число окрещенных в Стефановской церкви в 1988 г. достигает 2111 человек, что в 6 раз превышает среднегодовые показатели за 1964–1986 годы [21, л. 2–5]. С отменой поименной регистрации лиц, совершивших православные обряды, посещать ближайший храм стали именно местные жители, а не приезжие из соседних регионов [28, с. 3].

Прекратилось вмешательство в дела общины и на проблемы православных приходов стали обращать внимание местные чиновники. Как сообщает областной уполномоченный Совету по делам религий, у председателя Великоустюжского горисполкома «сложилась деловые контакты с духовенством» и приходу оказали помощь в приобретении строительных материалов для ремонта храма в связи с празднованием 1000-летия крещения Руси [2, л. 5]. По стечению обстоятельств, юбилейные торжества 1988 г. совпали с перестройкой общественно-политической жизни в СССР и ознаменовали начавшийся переход к религиозной свободе.

Библиографический список

1. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 2522. Оп. 62. Д. 69.
2. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 62. Д. 99.
3. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 72. Д. 104.
4. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 72. Д. 119.
5. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 73. Д. 80. Л. 8–11.
6. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 92. Д. 72.
7. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 101. Д. 73.
8. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1300. Оп. 14. Д. 26.
9. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 27.
10. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 28.
11. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 30.
12. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 32.
13. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 39.

14. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 41.
15. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 45.
16. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 54.
17. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 55.
18. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 56.
19. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 58.
20. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 61.
21. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 62.
22. *Жидкова Е.* Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30. № 3-4. С. 408–429.
23. *Маслова И. А.* Основные статьи доходов церквей Среднего Урала в 1944–1988 гг. // Дискуссия. 2013. № 8 (38). С. 154–158.
24. *Молодов О. Б.* Государственно-конфессиональные отношения в СССР на переломном этапе (на материалах областей Европейского Севера) // Социум и власть. 2015. № 2 (52). С. 95–99.
25. *Молодов О. Б.* Отчисления северных православных епархий в «патриотические фонды» в период позднего социализма // Петербургский исторический журнал. 2019. № 1 (21). С. 273–282.
26. *Сергеева А. Н.* Религиозность приватная vs. религиозность публичная: эволюция религиозности в СССР / России // Социально-политические науки. 2016. № 3. С. 7–13.
27. Текущий архив Вологодского епархиального управления. Годовой отчет за 1964 г.
28. Текущий архив Вологодского епархиального управления. Годовой отчет за 1988 г.

УДК 27-9:050 (571.55)

Г. В. Мясникова,

старший преподаватель, Забайкальский государственный университет (г. Чита)

РЕАКЦИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ДУХОВЕНСТВА НА СОБЫТИЯ ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА (По материалам прессы)

В данной статье автор обращается к вопросу восприятия духовенством Забайкальской епархии событий февраля 1917 г. Опираясь на публикации журнала «Забайкальские епархиальные ведомости» рассматриваются решение таких вопросов как отношение к новой власти, изменения в богослужении, роль православной церкви в текущем историческом моменте.

Ключевые слова: революция, духовенство, временное правительство, богослужение, Комитет общественной безопасности.

G. V. Myasnikova,

Senior Lecturer, Trans-Baikal State University (Chita)

**REACTION OF THE TRANSBAIKAL CLERGY
ON THE EVENTS OF FEBRUARY 1917
(Based on press materials)**

In this article the author addresses the issue of perception of the events of February 1917 by the clergy of Trans-Baikal Diocese. The solution of such problems as the attitude to the new government, changes in worship, the role of the Orthodox Church in the current historical moment are considered in the article based on the publications of the journal "Trans-Baikal Diocesan Gazette".

Key words: revolution, clergy, provisional government, worship, Committee of public safety.

События 1917 года в России являются одной из сложных тем исторической науки, привлекающей исследователей [7] и всех тех, кто интересуется историей России и своей малой родины [11]. Начало преобразований в государстве были положены событиями в Петрограде и последовавшим отречением императора Николая II от престола.

Торжества в Чите прошли 10 марта (25) по новому стилю. О том, как город встретил отречение царя от престола, информировала местная пресса. Газета «Забайкальская новь» (№ 2743) опубликовала репортаж под заголовком «Праздник русской революции», в котором отмечалось, что «Чита торжественно и грандиозно на Атамановской площади отметила всенародный праздник русской революции. На площадь стройными рядами стали подходить общественные организации со своими красными знаменами, оркестрами, хорами...военная организация вышла особенно импозантной...учащиеся всех учебных заведений города представляли замечательное зрелище...

Торжественный момент наступил, когда многочисленная публика и солдаты, как один человек, поклялись отдать свою жизнь за торжество свободной России» [11, с. 160–161].

На опубликованных фотографиях данного времени, среди городского населения, принявшего участие в обозначенных событиях, можно рассмотреть и представителей духовенства. Что же произошло, ведь еще относительно недавно, в 1913 году вся Российская империя славила 300-летний юбилей дома Романовых, а в марте 1917 г. духовенство присутствует на митингах, где алеют красные стяги...

Ответы на эти вопросы можно найти изучив периодическую печать того времени. Главным источником исследования стали номера журнала «Забайкальские епархиальные ведомости», выходявшие два

раза в месяц. Размещенный в них материал не был «горячим», однако вполне создает картину «сложного переживаемого момента» и его восприятия духовенством.

События, произошедшие в центральной России, воспринимались в далекой Забайкальской епархии как «великая русская революция ... желанная гостья или даже хозяйка», «великий исторический момент», «беспримерная и дивная русская революция», «свершилась воля божья: Россия вступила на путь новой государственной жизни».

По поводу совершившихся событий в покоях Мелетия, епископа Забайкальского и Нерчинского было проведено несколько совещаний из лиц епархиального управления для обсуждения порядка оглашения актов о совершившемся государственном перевороте и для установления формул молитв о власти за богослужениями применительно к вновь создававшемуся государственному положению.

Уже 5 марта в кафедральном соборе по окончании литургии был обнародован манифест государя императора Николая II об отречении от престола и текст телеграфного обращения к стране великого князя Михаила Александровича. По прочтении манифеста архипастырем было произнесено краткое слово о том, что в «прочитанном манифесте выказана последняя воля Государя Императора, которая для всех его верно-подданных должна быть священной, а особенно касательно соблюдения внутреннего мира и порядка» [12, с. 272].

Согласно Указу святейшего правительствующего Синода, были произведены изменения в церковном богослужении, предлагалось «во всех случаях за богослужениями, вместо поминовения царствовавшего дома, возносить молитву «о Богохранимой Державе Российской и Благоверном Временном Правительстве» [10, с. 203].

Признавая законность власти Временного правительства, забайкальское духовенство утверждало, что «этой власти, ныне Единой, Верховной и Всероссийской, мы обязаны повиноваться по долгу религиозной совести, обязаны за нее молиться, обязаны повиноваться и властям местным, от неё поставленным. В этом нет никакой измены бывшей присяге, но заключается наш прямой долг» [6, с. 223–224]. Местная власть – это Комитет общественной безопасности, в который от духовенства Читы был избран протоиерей о. И. Томилин [1, с. 196].

По его инициативе 14 марта в помещении духовной консистории состоялось собрание всего белого духовенства г. Читы. Протоиереем Томилиным была доложена просьба Комитета общественной безопасности к духовенству – «обратиться к пастве со словом призыва к миру и любви, полному единению всех классов общества, без различия национальности и веры, столь необходимым для нашего отечества в переживаемое переходное время» [2, с. 241].

На следующем собрании 22 марта были заслушаны воззвания к духовенству и народу и проект основных положений организации для объединения духовенства. Собрание приняло решение «не создавать новой организации, а объединиться в Кирилло-Мефодиевском Братстве, для чего расширить существующий устав его» [2, с. 242].

Определившись с первостепенными вопросами, забайкальское духовенство послало обер-прокурору В. Львову телеграмму следующего содержания: «В нелегкие дни возрождения России духовенство железнодорожных церквей Забайкальской епархии, воодушевленное чувством любви к отечеству, в вашем лице выражает Временному Правительству свою полную готовность, по мере своих сил, способствовать ему в деле государственного строительства на новых началах жизни».

На телеграмму был получен ответ: «Верхнеудинск, протоиерею Стукову. Сердечно благодарю Забайкальское железнодорожное духовенство за приветствия и молитвенные благопожелания. Рад совместно с ним трудиться на благо Святой Православной Церкви и дорогой Родине. Владимир Львов» [3, с. 278–279].

Следует обратить внимание на то, что перечисленные действия духовенства являлись быстрым реагированием на события исторического момента. Выработка основных положений о роли православной церкви в новом государстве откладывалась на открытие 28 мая 1917 г. обще-епархиального съезда представителей духовенства и мирян Забайкальской епархии. До этого времени представителям церкви рекомендовалось продолжить требуемую работу в притчах, вести активную общественную и воспитательную деятельность, включиться в разработку вопросов для обсуждения на предстоящем съезде.

К рассмотрению на съезде отнесли традиционные вопросы о «развитии христианского просвещения в народе», о приходе, средствах содержания духовенства; и новые, на злобу дня о взаимоотношении церкви и государства, о форме правления, об участии духовенства в политической жизни. В редакционной публикации «К епархиальному съезду» помимо указанных вопросов, имеется очень интересное утверждение, которое автор (Г. М.) счел необходимым привести полностью: «Необходима солидарность среди духовенства и в этом отношении надвигается новый участник в государственной жизни – женщина. Женщина-христианка очень ценный работник религиозной жизни. Значит необходимо разрешить вопросы об её участии здесь» [5, с. 250]. Вот это действительно свежий взгляд на переживаемый момент!

На что рассчитывали служители церкви в данный революционный период, отрекаясь от порочного старого режима, каясь в грехах,

причину которых видели в «полном порабощении церкви государством. Церковь до сих пор была служанкой государства и самодержавия... она действовала по мановению и указанию этих господ, и служители церкви должны были и благословлять, и проклинать то, что требовалось в узких интересах самодержавия» [13, с. 252].

Однако ж, представители церкви смели утверждать, что русский народ в своей массе духовенству еще доверяет, и оно должно стремиться к проведению в жизнь декларируемых принципов новой власти «свободы, права, равенства и братства».

Об изменениях в жизни, переходе к новым ценностям на страницах журнала «Забайкальские епархиальные ведомости» в разделах «Епархиальная хроника» и «Сообщения с мест» активно публиковались новости из разных уголков такой обширной и не простой Забайкальской епархии. В материалах с мест можно условно выделить следующие подразделы:

а) реакция на происходящее: в целом была спокойная; из Нерчинско-заводского уезда сообщали, что «Политический переворот в нашем глухом углу протекает вполне благополучно и хорошо. Деревня в курсе дела: всюду организованы сельские, поселковые, станичные, волостные и уездные комитеты», «У нас в Верхнеудинске революция была принята в высшей степени спокойно, как будто Верхнеудинск давно уже к ней подготовлялся» [8, с. 266–267].

б) выборы в Комитет общественной безопасности: на местах прошли на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Среди избранных отмечается присутствие священников: священ. И. Фалилеев (Нерчинский Завод), дьякон Калашников и священ. Сперанский (Верхнеудинск), священ. Сокольников (Петровский Завод) [8, с. 266–267], о. Л. Знаменский (Нерчинск) [9, с. 306], обеспечившие поддержание порядка на местах для спокойной трудовой жизни.

в) отношение к духовенству: показательными и заслуживающими одобрения являются действия священника о. И. Корнакова (новости из с. Байхор), который созвал приходской сход и объяснив сущность переворота, просил сход высказаться за то: быть или не быть ему у них священником (принцип обозначенного выборного начала). Результат «все просили о. Корнакова остаться в Байхоре священствовать, при чем, в содержание назначили от прихода 1200 р. в год, с обязательством бесплатного совершения необходимых для всех богослужений и треб». Вот так разрешился «больной» вопрос о содержании духовенства [9, с. 306].

Рассматриваемое время было отмечено высокой общественной и политической активностью населения (съезды, собрания, комиссии

и т. п.), с целью реализовать обозначенные правительством демократические свободы. И здесь роль духовенства была знаковой и продуктивной.

Так на открывшемся 5-го апреля Забайкальском учительском съезде, наряду с представителями государственной власти и политических партий, присутствовал прот. Тяжелов, который отметил, что только совместная работа учителя и священника будет плодотворной и полезной, а особенно среди сельского населения. «Мы пастыри церкви первые протягиваем вам, сотоварищи и сороботники, братскую руку. Мы, идя с вами, рука об руку, будем всеми силами содействовать и помогать вам не только в просвещении народа грамотностью, но и в проведении и укреплении среди наших пасомых великих начал права, свободы, равенства и братства» [3, с. 277–278].

Другой пример единения с народом продемонстрировал священник Ф. Титов, который от имени духовенства приветствовал съезд представителей сельского хозяйства Забайкалья обращением «Граждане-братья! Дух мучеников-декабристов, когда то обитавших в нашем Забайкалье, и других многотысячных страдальцев за народные право и свободу пусть этот дух витает в этом зале среди вашего настоящего собрания! Да не будет возврата к мрачному прошлому! Да не будет нигде ни малейшей тени царизма! Да здравствует взошедшее солнце свободы и духовного прозрения! И Бог всем в помощь в вашей предстоящей созидательной работе!» [4, с. 319–320].

Справедливости ради заметим, что обращение к историческому прошлому края ссылки и каторги, в частности к судьбам декабристов имело место и в сообщениях с мест о принятии событий революции: «Не надо забывать, что наш Петровский завод был когда-то местопребыванием многострадальных декабристов, и их дух всегда витал среди нашего населения. Никаких эксцессов, никаких недоразумений у нас не было» [8, с. 267].

Духовенство Забайкальской епархии выработало и озвучило свое восприятие свершившихся событий февраля 1917 г., склоняясь в этот момент к установлению демократической республики и свободе церкви от государства.

Библиографический список

1. Епархиальная хроника // Забайкальские епархиальные ведомости (ЗЕВ). 1917. № 6.
2. Епархиальная хроника // ЗЕВ. 1917. № 7.
3. Епархиальная хроника // ЗЕВ. 1917. № 8.
4. Епархиальная хроника // ЗЕВ. 1917. № 9/10.
5. К епархиальному съезду // ЗЕВ. 1917. № 8.

6. К переживаемому моменту церковно-общественной жизни родины// ЗЕВ. 1917. № 7.
7. *Косых В. И.* Забайкальская епархия. 1908–1923 гг. / отв. ред. И. И. Кириллов: Забайкал. гос. гум. пед. ун-т. Чита, 2007. 204 с.
8. Сообщения с мест // ЗЕВ. 1917. № 8.
9. Сообщение с мест // ЗЕВ. 1917. № 9/10.
10. Указы из Святейшего Правительствующего Синода. Преосвященному Мелетию епископу Забайкальскому и Нерчинскому // ЗЕВ. 1917. № 7.
11. Февральский март // Чита. Город во времени / сост. и ред. И. Г. Куренная. Чита: Издательская мастерская «Стиль», 2001. 360 с.
12. Хроника архиерейских служб за март месяц // ЗЕВ. 1917. № 8.
13. Что делать // ЗЕВ. 1917. № 8.

УДК 93/94+(908)

А. Г. Пашкин,

директор, Государственный архив новейшей истории
Ульяновской области (г. Ульяновск)

**РЕЛИГИЯ И ВЛАСТЬ:
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
В ДОНЕСЕНИЯХ И ДОКЛАДАХ
ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В НАЧАЛЕ 1940-х гг.**

Первая половина 1940-х гг. в СССР стала временем определенного спада темпов антирелигиозной деятельности партийных и государственных органов. Для Среднего Поволжья, куда в 1941 г. был эвакуирован Московский Патриархат, выстраивание отношений между партийно-государственным аппаратом и верующими явилось ещё более актуальной задачей. В публикации приведен анализ аналитических записок и сводок органов НКГБ, подаваемых в партийные организации по результатам наблюдения за религиозной жизнью региона в контексте модернизации партийно-государственной политики.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, Среднее Поволжье, государственная безопасность.

A. G. Pashkin,

Director, State Archive of Contemporary History of the Ulyanovsk Region
(Ulyanovsk)

**RELIGION AND AUTHORITY: THE RUSSIAN ORTHODOX
CHURCH IN REPORTS BY THE COMMISSARIAT
FOR STATE SECURITY IN THE MIDDLE VOLGA REGION
IN THE EARLY 1940s**

First half of the 1940s in the USSR became a time of a certain decline in the rate of anti-religious activity of party and state authorities. For the Middle Volga region, where the Moscow Patriarchate was evacuated in 1941, building relations between the party-state apparatus and believers was an even more urgent task. The publication provides an analysis of analytical notes and summaries of the commissariat for state security submitted to communist party organizations based on the results of monitoring the religious life of the region in the context of the modernization of party and state policy.

Key words: Russian Orthodox Church, Middle Volga region, state security.

Начало 1940-х гг. ознаменовался снижением объемов антирелигиозной работы, в первую очередь, в связи с негативным восприятием её как населением, так и самими исполнителями. Антирелигиозный музей в Ульяновске почти не проявлял своей деятельности уже с конца 1930-х гг. Куйбышевский музей, в свою очередь, в 1941 г. проводил активную самостоятельную работу, в 1942–1944 гг. взаимодействовал с областным краеведческим музеем, и в марте 1945 г. был закрыт [9, л. 20, 20 об.; 8, с. 128] Аналогично свернули свою работу и местные ячейки Союза воинствующих безбожников. В г. Ульяновске крайняя конференция СВБ прошла 20 февраля 1939 г. [1, л. 60–62].

Органы государственной безопасности, в сферу обязанности которых входила подготовка аналитических записок и сводок для территориальных партийных организаций, надзирали за состоянием религиозности населения и результативностью антирелигиозной работы. Необходимо отметить, что в начале 1940-х гг. таких сводок было крайне мало в сравнении со второй половиной 1930-х гг. Тем не менее, анализ этих документов позволяет в определенной степени отразить существующее положение дел, и дать оценку антирелигиозной работы со стороны органов государственной безопасности.

За 1940 г. в сводках и специальных сообщениях Ульяновского горотдела НКВД о политических настроениях населения города о религии как основе контрреволюционных действий упоминалась в четырех случаях. Два из них относились к деятельности двух священнослужителей

лей, осуществлявших отправление обрядов в собственных квартирах или в домах жителей города, а остальные касались негативных отзывов ульяновцев о закрытых и снесенных храмах. В документах сообщалось, что объекты, высказывавшие контрреволюционные слухи и продолжавшие служения, были включены в оперативную разработку с последующим изъятием, что предполагало последующий арест [2, л. 14, 30, 42, 52].

8 марта 1941 г. начальник Управления НКГБ по Куйбышевской области старший лейтенант госбезопасности Лапенков в письме на имя первого секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) изложил мнение о предпринимаемых исполкомом горсовета действий по закрытию последней действующей в г. Куйбышеве церкви. Он указывал, что с точки зрения результативности антирелигиозной работы это принесет положительные результаты, так как вокруг храма концентрировались не только верующие города Куйбышева, но и Чапаевского, Сызранского, Радищевского, Ново-Девиченского, Шигонского, Ставропольского, Ново-Спасского, Красноярского, Кинельского, Колдыбанского районов области [6, л. 116].

В действительности, на март 1941 г. на территории Куйбышевской области (из которой 19 января 1943 г. была выделена Ульяновская область) насчитывалось не более трёх действующих храмов. Тем не менее, Лапенков приводил и негативные стороны закрытия храма. Он указывал, что в 1938 г., в процессе закрытия в Куйбышеве церкви, со стороны верующих были отмечены случаи массовых волнений, в центральные партийные и советские органы был направлен ряд обращений с требованиями отменить закрытие храма, под которыми стояло свыше четырех тысяч подписей, что не в лучшем свете отмечало антирелигиозную работу с населением. Он отмечал, что за период с 1938 по 1941 гг. такая работа проводилась слабо, поэтому количество протестующих, по данным областного управления НКГБ, увеличиться в разы. В письме Лапенков критиковал исполком горсовета за непродуманность действий, так как в 1938 г. храм закрывали по объективным причинам – из-за аварийного состояния здания и нехватки средств у общины на его капитальный ремонт, в то время как последний куйбышевский храм предполагалось закрыть по формальным причинам, что могло повлечь не только крайнее недовольство всех верующих области, но и отмену решения горсовета центральными организациями. Это, в свою очередь, по мнению облуправления, ещё больше усугубило бы и без того провальную антирелигиозную работу, и с другой стороны, укрепило бы православное сообщество. Оперативные работники госбезопасности рассматривали действующий храм как объект для выявления особо

активных прихожан и священнослужителей, и опасались, что его закрытие повлечет уход в подполье активных религиозных деятелей, и дальнейшее наблюдение и изъятие их будет затруднено. Ещё более серьезное беспокойство органов госбезопасности вызывала возможность перехода части верующих в неофициальные религиозные общества после закрытия храма. В завершении письма было указано: «Закрытие церкви в данное время, когда происходит избирательная компания, может быть использовано церковной контрреволюцией в своих целях» [6, л. 116, 117]. Тем не менее, доводы Управления областного управления НКГБ Куйбышевским обкомом приняты не были. На письме имеется резолюция первого секретаря Куйбышевского областного комитета ВКП(б) Канунникова «если есть возможность закрыть, надо сделать» [6, л. 116].

С первых дней Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. органы НКГБ вели разработку лиц, имевших отношение к деятельности религиозных организаций, в большинстве своём не по ст. 58.10 УК РСФСР, а по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г., предусматривающего распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения [7, с. 247].

30 июня 1941 г. начальник Ульяновского горотдела НКГБ лейтенант госбезопасности Тихомиров докладывал в Ульяновский горком ВКП(б), что антисоветский элемент в связи с начавшимися военными действиями стал более активен. В записке указывалось, что вечером 22 июня на квартире бывшего офицера царской армии П. собрались люди, представлявшие церковный актив Ульяновска. В ходе встречи они обсуждали возможность помощи противнику с целью скорейшего свержения советской власти. В сводке также указывалось, что, скорее всего, указанные лица не посещали храмы, так как не знали о воззвании митрополита Сергия [3, л. 18, 19]. Здесь необходимо учитывать, что на тот момент в городе уже два месяца как была закрыта последняя действовавшая Воскресенская церковь.

В специальном сообщении о контрреволюционных и антисоветских проявлениях среди населения г. Ульяновска от 2 августа 1941 г. горотдел НКГБ докладывал, что среди прочих осуществил оперативную разработку и арестовал бывшего священнослужителя Ю., который на момент задержания работал бухгалтером-счетоводом в одном из медицинских учреждений, а также преподавателем. Как указано в сообщении, Ю. проводил индивидуальную идеологическую обработку политически неустойчивых лиц. В беседах Ю. говорил о скором авианалете фашистской авиации на г. Ульяновск в связи с тем, что в городе находятся оборонные заводы и объекты железной дороги, призывал пересе-

ляться в сельскую местность и там ждать прихода немецких войск. Последних Ю. рассматривал как освободителей от коммунизма [3, л. 28].

Как следует из анализа двух данных документов, уголовное преследование верующих не было связано с распространением религии либо в связи с отправлением религиозных обрядов, что имело место в 1939–1940 гг. В определенной степени, значительное ослабление, а подчас и полная остановка антирелигиозной деятельности как партийно-государственных структур, так и органов государственной безопасности явилось следствием патриотической позиции РПЦ. Об этом свидетельствуют два документа.

Первый документ – воспоминания заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды Ульяновского горкома ВКП(б) Ф., в которых он указывает, что ни секретариат горкома, ни обком не дали никаких указаний по поводу прибытия в эвакуацию в Ульяновск Московского патриарха и патриаршего местоблюстителя Митрополита Сергия, равно как и по продолжению антирелигиозной работы [5, л. 40–41].

Вторым документом является сводка Ульяновского горотдела НКВД о проведении пасхальных служб в церквях города, датированная апрелем 1942 г. Согласно сводке, в трёх церквях с 11 часов вечера 4 апреля до 9 часов утра 5 апреля присутствовало около пяти тысяч человек, в большинстве своём, в возрасте от 45 до 70 лет, а также бойцы рабочих колонн. В сводке отмечалось, что среди прихожан были выявлены также три милиционера, один из которых даже пел в церковном хоре. В тексте документа не содержалось информации о контрреволюционных либо антисоветских проявлениях со стороны верующих, а также о последовавшей оперативной разработке последних. Сама сводка носила положительный характер, и завершалась упоминанием о собранных средствах в фонд обороны – более трёх тысяч рублей в каждом храме, а также упоминанием того, что службы способствовали подъему патриотического духа прихожан [4, л. 88–89].

В январе – феврале 1943 г. в ульяновской городской газете «Пролетарский путь», а также в областных газетах «Волжская коммуна» и «Ульяновская правда» были опубликованы тексты телеграмм от Митрополита Сергия И. В. Сталину о сборе и перечислении денежных средств в фонд обороны и ответов И. В. Сталина, в которых последний благодарил верующих за пожертвования. Опубликование благодарности первого лица государства в официальном печатном органе территориальных партийных организаций стала окончательным выражением позиции власти по отношению к РПЦ.

Библиографический список

1. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 1786.
2. ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1805.
3. ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1897.
4. ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1949.
5. ГАНИ УО. Ф. 6133. Оп. 1. Д. 82.
6. Самарский областной архив социально-политической истории. Ф. 656. Оп. 19. Д. 28.
7. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР. 1938–1944 гг. М.: Ведомости Верховного совета СССР, 1945.
8. *Храмкова Н. П., Пономаренко И. В.* Деятельность культурно-просветительных учреждений Среднего Поволжья в 1941–1945 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3.
9. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. Р-4374. Оп. 3 Д. 6.

УДК 93/99:281.9

О. В. Пигорева,

профессор, Курская государственная сельскохозяйственная академия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА ПО УСТРАНЕНИЮ «ИНФОРМАЦИОННОГО ГОЛОДА» В РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕМАТИКЕ (КОНЕЦ 1980-х – НАЧАЛО 1990-х ГОДОВ)

На рубеже 1980–1990-х годов в условиях изменения государственно-церковных отношений и религиозного возрождения в СССР остро обозначилась проблема нехватки знаний о религии. В устранении информационного голода участвовали государство, общецерковные, епархиальные, приходские структуры Русской Православной Церкви, общественные организации. На материале областей центра СССР – России представлены основные направления деятельности, раскрыты достижения и типичные ошибки.

Ключевые слова: религия, Русская православная церковь, религиозное возрождение, всеверие, информационный голод.

O. V. Pigoreva,

Professor, Kursk State Agricultural Academy

ACTIVITIES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH, STATES AND SOCIETIES TO ELIMINATE "INFORMATION HUNGER" IN RELIGIOUS THEMES (LATE 1980s – EARLY 1990s)

At the turn of the 1980s and 1990s, in the face of changing state-church relations and religious revival in the USSR, the problem of the lack of knowledge about religion became acute. The state, general church, diocesan, parish structures of the Russian Orthodox Church, and public organizations participated in eliminating the information hunger. On the material of the regions of the center of the USSR – Russia, the main directions of activity are presented, achievements and typical mistakes are revealed.

Key words: religion, Russian Orthodox Church, religious revival, omnipotence, information hunger.

В современном обществе, изобилующем технологиями получения и передачи информации, сложно представить информационной голод в столь огромной области знаний и такой значимой в истории человечества сфере, как религия. Недостоверность, противоречивость, переизбыток информации – понятны, а недостаток сложно поддается осмыслению в сегодняшней ситуации религиозного дискурса. Однако чуть более 30 лет назад, на этапе перехода от СССР к России, ознаменованного религиозным возрождением, знания о религии и для исследователей-гуманитариев, и для общества в целом казались утраченными, а те крупицы, которые присутствовали в идеологическом разнообразии позднесоветских лет, оказались связаны с суевериями, вплетены в информационный мусор, захлавивший страну вместе с новыми религиозными культами, щедро поставляемыми из-за рубежа. Важность знаний о религии не только в том, что они – часть истории государства и нации. Рост религиозного фактора в современном мире, распространение экстремизма под религиозными лозунгами требуют полноценного знания широкого пространства по религиозной тематике, без освоения которого (независимо от мировоззрения, религиозного или светского) не может быть состоявшегося выпускника школы, техникума, вуза.

Основная задача статьи – анализ деятельности государства, Русской Православной Церкви, общества по устранению информационного голода в религиозной теме. Формат статьи не позволяет подробно пересказывать материал, с которым автор познакомилась в ходе работы в Государственном архиве Российской Федерации и региональных архивах (в субъектах ЦФО), – он и послужил основой публикации.

Произошедший в период перестройки «информационный взрыв» с огромным интересом был воспринят советскими гражданами, предлагаемая в СМИ трактовка «белых пятен» истории жадно впитывалась общественностью. Расширение источникового поля, снятие цензуры дали импульс для развития в стране идеологического многообразия, что привело к появлению принципиально новой для советских граждан – «бесклассовой» информации, одним из направлений которой стала религия [12]. Издание литературы религиозной тематики в Советском Союзе строго контролировалось партийно-правительственными органами и было подчинено задаче формирования атеистического мировоззрения. Даже приобретение Библии рядовому гражданину было недоступно. Отметим, что в СССР было осуществлено шесть изданий великой Книги: пять (издания 1956, 1968, 1976, 1979 и 1983 годов), подготовленные по благословению Патриархов, получили определения Патриарших; шестое – юбилейное, приуроченное к празднованию 1000-летия Крещения Руси, стало уже более доступным для советских граждан в условиях изменения государственно-церковных отношений. В период подготовки к юбилейным торжествам возросло число наименований печатной продукции Издательского отдела Московской Патриархии: появились иллюстрированные буклеты об истории храмов и монастырей, а также серия недорогих изданий, однако небольшой тираж делали эти материалы для большинства граждан малодоступными.

Ликвидировать информационный голод в религиозной тематике Церковь пыталась посредством просветительской работы среди населения. Одной из новых форм работы в позднесоветские годы стало проведение «внебогослужебных катехизических собеседований при храме... чтение лекций и других выступлений священнослужителей перед учащимися общеобразовательных школ...» [1, с. 41]. Ликвидировать недостаток знаний о религии позволяли воскресные школы для детей и взрослых. В Смоленске такие школы начали работать с 1989 года, в Курске, Белгороде – с 1990. В Ивановской области к 1993 году действовало уже шесть воскресных школ [4, л. 163].

Изменение государственно-церковных отношений в условиях религиозного возрождения сделало возможным организацию в стране подпольных школ и кружков, руководителями которых часто выступали лица с экстремистскими наклонностями, занятия проходили бесконтрольно, не было учебников, программ. Активизировались неформальные религиозные организации («Русская православная церковь и перестройка», «Христианская солидарность» и др.), организовавшие выпуск самиздатовских альманахов («Бюллетень христианской общественности», «Выбор», «Чаша» и др.), на страницах которых раскрывались

вопросы истории церкви, догматики, публиковались мемуары представителей Русского Зарубежья – религиозных деятелей 1920–1930-х годов [6, л. 223].

В новых условиях Церковь расширяла работу по религиозному просвещению населения. Созданная в марте 1990 года Комиссия Священного Синода по возрождению религиозно-нравственного воспитания и благотворительности разработала Концепцию возрождения духовного просвещения и благотворительности, реализация которой началась на общецерковном, епархиальном и приходском уровнях. На правящих архиереях была возложена обязанность подготовить предложения по возрождению религиозно-нравственного воспитания и благотворительности [10]. Анализ исторических источников свидетельствует о разнообразии форм и методов работы на местах. Так, в Смоленской области регулярными стали публикации в периодических изданиях выступлений митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, духовенства епархии, материалов религиозной тематики, подготовленных учеными вузов [3, 13, 16].

В работу по ликвидации информационного голода о религии включились учреждения культуры. Так, в библиотеках Курской области в 1989 году оформлялись книжные выставки, проводились беседы, обзоры литературы «О религиозных праздниках и обрядах», «О жизни православных святых, иконах и праздниках» [5, л. 28–29]. В помощь библиотекарям были разработаны рекомендации по проведению мероприятий «История христианства на Руси», «Ценности религии как пласт культуры», «Религиозные сюжеты в искусстве»; в практику работы вошел устный журнал «Хранители духовного наследия», рассказывавший об Иисусе Христе, пророчествах святого Петра, первом патриархе Руси – Иове; к работе устного журнала привлекались актеры театра [5, л. 14].

В условиях ослабления цензуры появилось большое количество самиздатских публикаций. В Совете по делам религий при Совете Министров СССР отмечали, что «в светской среде ходит огромное количество литературы, выпускаемой, прежде всего, кооперативами. Но дело не в том, что в них много фактических ошибок, происходит своего рода омерщвление религии. Это издания массового характера, и как во всяком массовом производстве, идет снижение ее духовного содержания» [7, л. 13]. В отношении таких публикаций Русская Православная Церковь и Совет по делам религий были единодушны: для борьбы с псевдорелигиозной литературой предлагалось не допустить свертывания издательской деятельности официально зарегистрированных издательств.

В позднесоветские годы на государственном уровне издание религиозной литературы сдерживала уже не цензура, а экономические факторы: нехватка средств, перебои в поставках бумаги. Так, в марте 1990 года был прекращен выпуск периодических печатных изданий Московской Патриархии, трудности возникали при публикации посланий Патриарха Московского и всея Руси Пимена (Пасхальных, Рождественских и др.). Недопоставка бумаги на издание религиозной литературы в 1990 году составила 600 т [8, л. 6].

В числе новых форм работы Церкви – выпуск в епархиях, монастырях православных газет и журналов. В качестве примера можно привести получение в 1990 году Троице-Сергиевой лаврой «самостоятельно осуществлять редакционно-издательский процесс и указывать на титульном листе и в выходящих данных, что издание осуществляется Троице-Сергиевой лаврой» [8, л. 1]. Епархии получали разрешение на выпуск местных периодических православных изданий – епархиальная газета стала издаваться в Тульской области, газета «Воронежский епархиальный вестник» периодичностью 2 раза в месяц тиражом 15 тысяч экземпляров – в Воронежской [9, л. 21]. В начале 1990-х годов насчитывалось свыше 170 православных периодических изданий [2, с. 16].

Особое направление в ликвидации информационного голода по религиозной тематике – проведение научных исследований в области истории и культуры религий. После празднования 1000-летия Крещения Руси в Советском Союзе начался процесс переосмысления роли религии [14; 15]. Появившиеся критические материалы о советской истории, ставшие доступными для граждан сведения о гонениях власти на Церковь и репрессиях в отношении священнослужителей и верующих ставили руководство страны перед необходимостью высказывания новой оценки темы «Церковь и власть» в формате научной дискуссии. В 1988 году «с целью стимулирования и координации исследований в области религии и церкви» был создан Научный совет Академии наук СССР «Роль религий в истории», главной задачей которого было восстановление престижа исследований в области истории религии и церкви, в объединении специалистов, налаживании и укреплении связей с зарубежными научными организациями по изучению истории религии, разработке курсов исторического религиоведения для вузов и школ [18, с. 130]. Для решения поставленных задач была разработана Комплексная программа исследований «Роль религий в истории и современном мире» [11]. Реализация Программы велась крайне сложно, из-за недостатка кадров приходилось опираться на специалистов по научному атеизму («среди профессиональных атеистов есть квалифицированные теоретики» [17, с. 127]). Частью научной жизни страны стало проведение конференций религиозной тематики, в которых принимали участие как

светские ученые, так и духовенство. Так, в сентябре 1990 года по инициативе общественности в Москве состоялась конференции «Русская Православная Церковь: история и современность», где обсуждались вопросы взаимоотношения Церкви и государства, возникновения Русской Православной Церкви за рубежом, канонизации святых. Значима конференция «Религия, общество и государство в XX веке», проходившая по инициативе Института истории СССР в октябре 1991 года.

Таким образом, произошедшее в позднесоветские годы изменение государственной политики в отношении религии и начавшееся религиозное возрождение остро обозначили проблему нехватки в обществе знаний о религии. Устранением информационного голода в религиозной тематике занимались государственные, общественные организации, Русская Православная Церковь. В условиях ослабления цензуры и развившегося в период перестройки «информационного взрыва» появилось значительное количество самиздатовских материалов, в которых допускалось ошибочное трактование религиозной темы. Новым направлением стало научное осмысление религиозной проблематики, повлекшее в дальнейшем формирование отечественных научных школ по истории взаимоотношений государства и Церкви.

Библиографический список

1. Александр, архиепископ. О подготовке кадров священно- и церковнослужителей Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. 1990. № 2. С. 38–42.
2. Арсений, архиепископ Истринский. Русская Православная Церковь на рубеже XX–XXI веков // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М., 2000.
3. В канун Рождества // Рабочий путь. 1991. 5 янв.
4. Государственный архив Ивановской области. Ф. Р-2500. Оп. 1. Д. 163.
5. Государственный архив Курской области. Ф. Р-505. Оп. 1. Д. 824.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3887.
7. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 4431.
8. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 4436.
9. Государственный архив Тульской области. Ф. 3354. Оп. 3. Д. 27.
10. Концепция возрождения духовного просвещения и благотворительности // Журнал Московской Патриархии. 1991. № 7. С. 40–41.
11. Комплексная программа исследований «Роль религий в истории и современном мире // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 173–184.
12. Лебедева О. В., Ильина З. Д. Парадоксы «перестройки»: государственная политика и региональная практика в отношении религии // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 160–168.
13. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Помнить и верить // Рабочий путь. 1991. 24 мая.

14. *Пигорева О. В.* Государственная политика и региональная практика изучения религии в образовательном пространстве центра России на рубеже XX–XXI вв.: монография. М.: Принт, 2017.

15. *Пигорева О. В.* Мировоззренческие поиски провинциальной учительской интеллигенции в конце 1980-х – середине 1990-х годов // Интеллигенция и мир. 2015. № 2. С. 71–83.

16. *Смирнова Л.* Великое наследие // Рабочий путь. 1991. 24 мая.

17. *Щапов Я. Н.* О преподавании истории религий и подготовке специалистов в этой области // Религия, общество и государство в XX в.: материалы конф., 22–25 окт. 1991 г., г. Москва. М.: Ин-т истории СССР, 1991. С. 126–129.

18. *Яковенко С. Г.* Научный совет «Роль религий в истории»: основные направления деятельности и перспективы развития // Религия, общество и государство в XX в.: материалы конф., 22–25 окт. 1991 г., г. Москва. М.: Ин-т истории СССР, 1991. С. 130–134.

УДК (470. 342)“18”

М. Ю. Половникова,

доцент, Вятский государственный университет (г. Киров)

ВЯТСКАЯ ЕПАРХИЯ ПРИ ЕПИСКОПЕ АПОЛЛОСЕ (БЕЛЯЕВЕ) В КОНЦЕ XIX в.

В развитии Вятской епархии во второй половине XIX в. особую роль сыграл епископ Вятский и Слободской Аполлос (Беляев). При нем в Вятской губернии, в соответствии с общероссийским курсом религиозной политики, происходило развитие религиозно-просветительской и миссионерской деятельности.

Ключевые слова: Вятская губерния, Вятская епархия, Аполлос (Беляев), миссионерство, религиозно-просветительская деятельность, губернаторы.

M. Y. Polovnikova,

Associate Professor, Vyatka State University (Kirov)

THE VYATKA DIOCESE UNDER BISHOP APOLLLOS (BELYAEV) AT THE END OF XIX CENTURY

In the development of the Vyatka diocese in the second half of the XIX century a special role was played by Bishop of Vyatka and Sloboda Apollos (Belyaev). Under him, in the Vyatka province, in accordance with the all-Russian course of religious policy, religious, educational and missionary activities were developed.

Key words: the Vyatka province, the Vyatka diocese, Apollos (Belyaev), a missionary, religious and educational activities, the governors.

Вятская и Слободская епархия во второй половине XIX – начале XX в. относилась к наиболее обширным по территории: на 1858 г. территория губернии составляла 117 тыс. кв. верст [6, с. 169], на 1916 г. – 135 тыс. кв. верст [7, с. 84]. По численности населения Вятская губерния в конце XIX в. занимала второе место в Российской империи (по переписи 1897 г. численность населения составляла 3 030 831 человек). К 1913 г. численность населения Вятской губернии увеличилось до 3 813 000 человек [1, с. 26]. Население Вятской губернии было неоднородно, Вятская губерния относилась к многонациональным и многоконфессиональным губерниям. «В материалах переписи населения 1897 г. все народности, проживавшие на территории губернии, были распределены на три группы: русская (77,5 %), финская («главным образом вотяки, черемисы и пермяки», 17,6 %) и турецко-татарская (татары, башкиры, тептяри, 4,9 %). В пояснениях к переписи указано, что народность определялась на основании показаний о родном языке» [4, с. 73].

В период проведения реформ Александром II изменился религиозный курс Российской империи. Это было связано с ростом вольнодумства после крестьянской реформы 1861 г. и последовавших за ней либеральных преобразований, в том числе в области образования. Из-за вызванного развитием либеральных и революционно-демократических идей снижения авторитета Русской православной церкви император Александр II и его окружение понимали необходимость восстановления влияния церкви на население. Эта проблема повлекла за собой изменение в религиозном курсе Российской империи. Поэтому во второй половине XIX в. особое внимание стало уделяться созданию религиозно-политических и миссионерских организаций для усиления работы с населением Российской империи.

В Вятской губернии развитие религиозно-просветительской и миссионерской работы было связано с деятельностью епископа Аполлоса, который руководил Вятской епархией с 13 декабря 1866 г. по 7 июня 1885 г. «По случаю увольнения Епископа Христофора от управления Вятскою Епархией, Архиерейская кафедра в Вятке остается вакантною. Озабочиваясь замещением этой кафедры и в сих видах обзрев служение Викарных Архиреев, Синод признает способным и достойным к занятию означенной кафедры Епископа Ладожского Аполлоса, Викария Санкт-Петербургской епархии» [12, л. 1–1 об.].

Епископ Аполлос (в миру Иван Егорович Беляев, 1812–1885) родился в с. Волохове Владимирской губернии в семье священника. Как и большинство представителей духовенства, он изначально учился в местных духовных образовательных учреждениях. После окончания Владимирской духовной семинарии он продолжил обучение в Киевской

духовной академии, которую окончил со степенью магистра богословия. «...По принятии от 25 сентября 1838 г., был наречен в монахи, с именем Аполлос. На следующий год, 1 августа 1839, он произведен в иеромонахи» [5, л. 1]. После возведения в 1851 г. в сан архимандрита Аполлос в 1854 г. был назначен ректором Астраханской, а в 1856 г. – Псковской семинарии. В 1864 г. он был рукоположен в епископа Старорусского, викария Новгородской епархии, в 1866 г. – в викария Санкт-Петербургской епархии, епископа Ладожского [12, л. 2]. Аполлос был дважды – в 1857 и 1862 гг. – награжден орденом Св. Анны 2-й степени, в 1877 г. награжден Императорским орденом «Святого Равноапостольного князя Владимира второй степени большого креста» [5, л. 12]. Аполлос вел активную проповедническую деятельность: его речи к прихожанам были опубликованы как в местных епархиальных ведомостях, так и отдельными брошюрами [2, 3].

После перевода на Вятскую кафедру епископ Аполлос в январе 1867 г. прибыл в г. Вятку. Для Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. была характерна частая смена как светских, так и духовных руководителей. Епископ Аполлос был одним из немногих руководителей Вятской епархии, который оставался в этой должности продолжительный период времени: он возглавлял Вятскую епархию в течение восемнадцати лет. Вятская епархия «своею добротою, простотою и набожностью понравилась ему так, что он не хотел никуда переходить отсюда в другие даже лучшие епархии» [14, с. 669]. Епископ Аполлос считался одним из самых любимых архиереев на Вятке.

Работа епископа Аполлоса в Вятской епархии была не только продолжительной, но и плодотворной. Именно в должности епископа Вятского и Слободского 20 апреля 1880 г. Аполлос был рукоположен в архиепископы. Только из-за солидного возраста и проблем со здоровьем 7 июня 1885 г. епископ Аполлос подал в Св. Синод прошение об увольнении на покой. После того как прошение было удовлетворено, архиепископ Аполлос не покинул Вятскую епархию, а переехал в Слободской мужской монастырь, где умер 26 ноября 1885 г. Он был похоронен в Троицкой церкви Слободского мужского монастыря.

Епископ Аполлос стремился укрепить положение Русской православной церкви в Вятской епархии и за ее пределами, поэтому тесно контактировал с представителями светской власти. «Так, епископ Аполлос за период управления Вятской епархией находился в отношениях со следующими вятскими губернаторами: Н. В. Компанейщиковым (возглавлял губернию в 1866–1869 гг.), В. И. Чарыковым – вятский губернатор с 1869 по 1875 г., Н. А. Тройницким – возглавлял губернию с 1876 по 1882 г., а также А. Н. Волковым (вятский губернатор с 1882

по 1887 г.). Конечно, при такой частой смене вятских губернаторов религиозный курс Вятской епархии полностью зависел от деятельности епископа Аполлоса» [8].

В плане участия в религиозной жизни Вятской губернии среди вятских губернаторов стоит отметить В. И. Чарыкова и Н. А. Тройницкого. В. И. Чарыков внес вклад в ремонт Александровского собора в г. Вятке [15, с. 14], уделил внимание Великорещецкому крестному ходу [13, л. 98]. Н. А. Тройницкого также стремился оказать поддержку духовной власти Вятской губернии. Он, как и В. И. Чарыков, был заинтересован в развитии крестного хода и сам принимал участие в крестном ходе. «Воспитанный в православной семье, Н. А. Тройницкий следовал установленным традициям. В дни крестного хода, в дни почитания иконы Святытеля Николая на реке Великой губернатор посещал село Великорещецкое Орловского уезда, где проводились торжества» [11, с. 177]. Также при поддержке Н. А. Тройницкого при Вятском Мариинском детском приюте был устроен домовый храм. Этот детский приют находился под попечительством жены Н. А. Тройницкого, а средства на строительство были выделены из фонда елабужского купца И. И. Стахеева [11, с. 177]. В плане развития религиозно-просветительской работы важным является вклад Н. А. Тройницкого в открытие Вятского братства Святытеля и Чудотворца Николая. По вопросу открытия братства Н. А. Тройницкий был вынужден вмешаться в дела архиерея Вятской епархии и обратиться напрямую в Св. Синод для оказания поддержки инициативы протоиерея Стефана Кашменского [9].

Для усиления влияния духовенства Вятской епархии и возвращения авторитета Русской православной церкви епископ Аполлос особое внимание уделял созданию религиозно-просветительских и миссионерских организаций и усилению работы с местным многоконфессиональным населением Вятской губернии. Епископ Аполлос понимал, что обширность территории Вятской губернии и нехватка духовенства в Вятской епархии являются основной проблемой для православной церкви в Вятке. Поэтому епископ Аполлос добился от Св. Синода в 1868 г. открытия отдельного викариатства: на территории Вятской епархии было создано Сарапульское викариатство. Во главе Сарапульского викариатства стоят епископ Сарапульский, который организовывал ведение религиозной работы среди населения викариатство, отличающегося многоконфессиональным составом.

При поддержке епископа Аполлоса на территории Вятской епархии были созданы важные религиозно-просветительские и миссионерские организации. 28 мая 1870 г. было открыто отделение общероссийского миссионерского общества – начал деятельность Вятский комитет

Православного миссионерского общества, который работал с нерусским неправославным населением Вятской губернии. 31 октября 1882 г. после длительной подготовки и устранения недоразумений начало свою деятельность Вятское братство Святителя и Чудотворца Николая, детище протоиерея Стефана Кашменского [10]. Изначально Вятское братство занималось организацией работы со старообрядческим населением губернии. В начале XX в. Вятской братство стало ведущей религиозной организацией Вятской епархии, подчинив себе деятельность других религиозно-просветительских и миссионерских обществ, в том числе Вятского комитета Православного миссионерского общества.

Епископ Вятский и Слободской Аполлос был одним из тех руководителей епархии, который за период своего руководства кафедрой сумел полноценно реализовать религиозный курс и добиться значительных результатов в развитии Вятской епархии. При епископе Аполлосе были созданы ключевые религиозно-просветительские и миссионерские организации Вятской губернии, на которые была возложена важная роль в осуществлении религиозного курса Вятской епархии. Таким образом, епископ Аполлос создал основу для активного религиозного развития Вятской епархии и способствовал повышению авторитета духовенства Русской православной церкви в Вятской губернии.

Библиографический список

1. 200 лет Вятской губернии: стат. сб. Киров, 1996. 437 с.
2. Архипастырское воззвание к духовенству Вятской Епархии Преосвященного Аполлоса, Архиепископа Вятского. Псков: Тип. Губернского правления, 1885. 11 с.
3. Архипастырское наставление миссионерам Вятской Епархии. Вятка: Скоропечатная тип. в Вятке, 1882. 5 с.
4. Немчинова Е. Н., Половникова М. Ю. Губернатор и епископ в системе церковно-государственных отношений во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Вятской губернии) // Вестник Томского университета. История. 2019. № 62. С. 72–79.
5. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 608. Д. 2901.
6. Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. Вятка, 1860. 358 с.
7. Памятная книжка и Адрес-Календарь Вятской губернии на 1916 год. Вятка, 1916. 386 с.
8. Половникова М. Ю., Немчинова Е. Н. Взаимодействие власти и духовенства Русской православной церкви в организации религиозно-просветительской и миссионерской деятельности во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Вятской губернии). Киров, 2020. 227 с.
9. Половникова М. Ю., Немчинова Е. Н. Создание Вятского братства святителя и чудотворца Николая в контексте взаимодействия светских и духовных властей Вятской губернии // Научный диалог. 2020. № 9. С. 420–433.

10. *Половникова М. Ю.* Стефан Кашменский и его религиозно-просветительская и миссионерская деятельность в Вятской губернии во второй половине XIX века // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2019. Т. 29, № 4. С. 593–602.

11. *Романенко Л. М.* Николай Александрович Тройницкий (1842–1913) // Почетные граждане города Вятки: исторические портреты. Киров, 2015. С. 165–198.

12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 36. Отделение III. Д. 163.

13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 3. Д. 126.

14. Слово при погребении Высокопреосвященнейшего Аполлоса, бывшего архиепископа Вятского и Слободского, произнесенное Преосвященнейшим Макарием, епископом Вятским и Слободским, в Слободском Крестовоздвиженском монастыре, 1 декабря 1885 года // ВЕВ. 1885. № 24. Отдел духовно-литературный. С. 666–671.

15. *Прозоров А. А.* Город Вятка и его обыватели: мемуары / под ред. М. С. Судовикова, Е. И. Пакиной. Киров, 2010. 152 с.

УДК 9.908

М. В. Пряженникова,

доцент, Забайкальский государственный университет (г. Чита)

К ВОПРОСУ ОТКРЫТИЯ ЕПАРХИАЛЬНОЙ И БЛАГОЧИННИЧЕСКИХ БИБЛИОТЕК В ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье анализируется вопрос об открытии епархиальной и благочиннических библиотек в Забайкальской епархии в начале XX века. В основу статьи легли материалы журнала «Забайкальские епархиальные ведомости».

Ключевые слова: библиотека, благочиние, епархия, духовенство, учитель, книга.

M. V. Pryazhennikova,

Associate Professor, Trans-Baikal State University (Chita)

ON THE QUESTION ON THE OPENING OF DIOCESAN AND DISTRICT SPIRITUAL LIBRARIES IN THE ZABAICHAL DIOCESE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article analyzes the issue of opening diocesan and district spiritual libraries in the Zabaikal diocese at the beginning of the XX century. The article is based on the materials of the journal «Trans-Baikal Diocesan Gazette».

Key words: library, district, diocese, clergy, teacher, book.

Об истории Забайкальской епархии и отдельным аспектам развития православия в Забайкалье написано немало научных трудов, среди которых работы Е. В. Дроботушенко, В. И. Косых, Г. В. Мясниковой О. А. Яремчук и др. [1, 3, 4, 5, 6, 7, 11]. В данной статье автор обращает внимание на незначительный вопрос, который возник в Забайкальской епархии в начале XX века, а именно – об открытии благочиннических и епархиальной библиотек.

Как известно, долгое время в дореволюционной России духовенство являлось одной из самых грамотных категорий населения, они были учителями церковно-приходских школ, как в крупных городах, так и в отдалённых населённых пунктах. В начале 1900-х годов перед многими сельскими священниками встала проблема о восполнении пробелов своего образования, чтобы не затруднительно давать ответы «всякому вопрошающему», особенно при встречах с представителями интеллигенции, интересующимися религиозными вопросами. Ответы на все вопросы в то время можно было найти только в книгах [9, с. 211]. Однако серьёзные исследования в области богословия и научная литература стоили дорого. Можно было выписать книги (большей частью по каталогам книжных магазинов), но здесь был риск купить «кота в мешке», т.к. часто книга оказывалась непригодной. Кроме того, стоимость выписки тоже была высокой, чего сельский священник не мог себе позволить. Поэтому в данном случае открытие епархиальной и благочиннических библиотек было просто необходимо.

Об устройстве благочиннических библиотек в Забайкальской епархии заботился ещё преосвященный Георгий (Орлов) в конце XIX века. Однако не везде библиотеки были организованы и работали на должном уровне. Например, на съезде причтов одного из благочиния епархии было решено устроить благочинническую библиотеку. Причты обложили себя и церкви по 23 рубля взносов с каждого для создания библиотеки, избрали библиотекарем священника, правил никаких не выработали, доверив это, как и выбор самих книг, благочинному. Последний, руководствуясь своим личным мнением, стал выписывать и приобретать для библиотеки только светские книги. Были также выписаны «Новь», «Русское слово», «Неделя» и другие журналы и газеты, сочинения И. Тургенева и некоторых других русских писателей. Библиотекарь вскоре перевёлся в другой приход, благочинный скупил у него для библиотеки все ему лично принадлежавшие книги, которые по большей части были по предметам богословского и философского ведения [9, с. 212]. Для этой библиотеки пожертвовал несколько богословских книг и книг по этнографии края учитель бывшего Нерчинского духовного училища Г. А. С-в, узнавший об её открытии. Дело налажи-

валось, но сочувствие священников к библиотеке спустя непродолжительное время иссякло, они прекратили взносы на неё. Причиной такого отношения стало то, что им, участникам создания библиотеки, не сообщалось, какие книги поступали в неё, каталогов не было, многие и вовсе не знали, какие книги были в библиотеке, а если кто-то случайно и знал, то не мог пользоваться ими из-за дальности расстояния от благочинного. Поэтому чаще всего библиотекой пользовался только благочинный с местными причетниками [9, с. 213].

Несколько иная ситуация сложилась в 18 благочинии Забайкальской епархии, где с 1903 года функционировала благочинническая библиотека. Несмотря на короткий период её существования и некоторые недостатки в её организации, библиотека успела приобрести несомненное расположение к себе всего духовенства, а в 1904 году к участию в библиотеке были приглашены и все преподаватели приходских школ в районе 18 благочиния. Возможность участия была обусловлена денежным взносом: от учителей в церковно-приходских школах – 2 рубля в год, от учителей в школах грамоты – 1 рубль. Все преподаватели откликнулись на данное дело с единодушным согласием. Получая такое жалованье, которое едва давало возможность удовлетворить потребностям в пище и одежде, учителя церковных школ были лишены возможности приобретать на свои средства материал для чтения. Между тем, жизнь в таких деревнях и сёлах, где не было почти ни одного более или менее культурного человека, с особенной силой заставляла учителя чувствовать потребность в чтении, которое являлось ещё и развлечением и отдыхом от учительских трудов. Кроме того, многие из учителей стремились к самообразованию, к знанию лучших методов обучения и воспитания и т. д. [10, с. 118].

Епархиальный училищный совет и его отделения, которые должны были оказывать в этом случае помощь учителям организацией в районах учительских библиотек, нужной помощи не предложили. Были при некоторых церквях церковные библиотеки, но в них, кроме 2–3 духовных журналов за прошлые года и нескольких незначительных книг религиозно-назидательного содержания ничего не было. Кроме того, очень часто эти библиотеки находились в запущенном состоянии (в пыли, плесени, разбиты). Заведующий школой священник если что и выписывал, то часто это были малопригодные для самообразования журналы «Родина», «Родная речь» и т. п. При таких условиях создание благочиннической библиотеки, доступной всем учителям, и поставленной так, чтобы их желания иметь в библиотеке наиболее необходимые для них книги находили бы себе полное удовлетворение, имело большое значение.

При составлении списка книг и периодических изданий для библиотеки принимались в руководство такие соображения. Всякий священник, чтобы быть на высоте своего служения, должен знать и уметь дать ответ всякому, «вопрошающему об его уповании», должен знать духовные запросы современного образованного общества, интересы которого теми и другими путями отражались в жизни народных масс. Всякий же учитель должен обладать не только совершенной техникой обучения, но и уметь сознательно влиять и на общее развитие учащихся, на их нравственное и умственное состояние, «а не забивать оной только память». Благочинническая библиотека должна была этому содействовать целесообразным подбором наиболее ценных произведений печати [10, с. 119].

В 1904 году состав библиотеки 18 благочиния был такой: книги по истолкованию священного писания, по догматике и апологетике христианства, по церковному проповедничеству, по церковной истории, по буддизму и др. – всего до 40 томов; лучшие духовные журналы «Странник», «Церковный вестник» и др. – всего 6 журналов; светские журналы «Русская мысль», «Русское богатство», «Образование» и др., «как выразители настроений и чаяний нашей, так называемой интеллигенции», – всего 7 журналов; для учительского отдела выписывались два педагогических журнала, имелись методические руководства по всем предметам начальной школы, книги по вопросам воспитания, гигиены и физиологии человека, по естествоведению, по истории и критике русской литературы, по русской истории – всего до 45 томов. На содержание библиотеки ежегодно расходовалось более 200 рублей [10, с. 120].

В связи с такой ситуацией, когда благочинническими библиотеками не могли пользоваться в полной мере все желавшие, открытие епархиальной библиотеки было необходимо. Здесь следовало инициаторам и руководителям дела учреждения епархиальной библиотеки выработать и опубликовать через «Епархиальные ведомости» основания устройства библиотеки и правила пользования ею. Нужно было выработать наиболее удобный и лёгкий способ пользования ею для сельских священников, особенно нуждавшихся в хорошей книге [2, с. 214].

Епархиальная библиотека ещё до своего открытия приобрела нового жертвователя в лице редактора «Забайкальских епархиальных ведомостей» В. М. Сибирского, пожертвовавшего все периодические газеты, журналы и ведомости с приложениями к ним, поступавшие в редакцию со дня издания ведомостей (с 1900 года). Такое пожертвование было особенно ценным, т. к. оно давало возможность познакомить читателей библиотеки с иноепархиальной жизнью, богатой по своему содержанию, а духовные журналы с приложениями к ним – святоотече-

скими творениями – знакомили не только с новейшими течениями в отечественной и заграничной богословской литературе, внешними теориями и исследованиями в области философии и психологии, но и с обширными трудами в святоотеческой литературе [2, с. 235].

Отсутствие библиотеки для духовенства – «один из обидных, ярко бьющих в глаза, вопросов». Не всё время священники были заняты службами, требами, оставалось много и досуга, который часто они не знали, на что потратить [8, с. 278]. Приобрести священнику желанную книгу было не по средствам, но купить 10–20 книг в год на 20 пастырей не трудно. Библия, Евангелие, канонник и одна дешёвая газета украшали быт культурного человека – пастыря, жившего вдали от центра, в глухой, заброшенной деревне.

Тревожное, переходное время, которое переживала страна в начале XX века, предъявляло к духовенству много запросов, требовавших громадного напряжения всех сил, интеллектуальных и моральных, большой житейской опытности. И духовенству нужно было спешить с ответом на эти запросы, иначе его место могли занять иные «учителя веры и жизни». К сожалению, оно, по общему признанию, было мало подготовлено к своей великой миссии – быть руководителями совершавшегося обновления жизни. Чтобы не оказаться в стороне в роли только пассивных зрителей совершавшегося другими переустройства жизни, чтобы всегда твёрдо стоять на высоте своего положения строителей царства Божия на земле, пастырям церкви необходимо было подготовиться, облечься знаниями запросов переживавшего ими исторического момента и способов их разрешения. Кроме того, нескончаемой грудой нарастала масса религиозных учений, систем, каждая из которых так или иначе стремилась обосноваться на слове Божьем. Церковнослужителю также необходимо было изучать отечественную историю, знать, как развивалась жизнь государства, человека, его быт, нравы, понимать, что жизнь человечества, история, политика, культура галопировать не могут. Проводником же этих знаний для духовенства, в массе своей призванного служить среди «некультурного деревенского люда», являлась книга. А так как приобретение книги было не под силу одному лицу, то отсюда и открывалась настоятельная необходимость в устройстве библиотек [8, с. 281–282].

Таким образом, в Забайкальской епархии в начале XX века существовала некоторая проблема в организации библиотек, необходимых для духовенства всей епархии. В некоторых благочиниях были открыты библиотеки, но не все из них работали в должной мере, книг было мало, они были практически не доступны для священнослужителей отдалённых сёл и деревень епархии. Кроме того, изменения жизни, которые

назрели в начале 1900-х годов, требовали от духовенства новых знаний, умения отвечать на запросы времени, а это было невозможно сделать без прогрессивной литературы. Отсюда возник вопрос о том, что нужно было открыть не только благочиннические библиотеки, но и епархиальную, которая должна была быть наполнена необходимой литературой, доступной всем желающим.

Библиографический список

1. *Дроботушенко Е. В.* Православные викарные архиереи Забайкальской епархии в период постреволюционного безвременья // Церковь. Богословие. История: материалы VI Всероссийской научно-богословской конференции, посвященной 100-летию мученической кончины святых Царственных страстотерпцев и их верных спутников. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургская духовная семинария Екатеринбургской епархии Русской православной церкви, 2018. С. 116–120.
2. Забайкальские епархиальные ведомости. 1903. № 15. 1 августа. С. 235.
3. *Косых В. И.* Забайкальская епархия в годы первой мировой войны. Чита: ЗабГУ, 2014. 287 с.
4. *Косых В. И.* Забайкальская епархия. 1908–1923 гг. Чита: ЗабГГПУ, 2007. 203 с.
5. *Косых В. И.* Советская власть и Забайкальская епархия: февраль-август 1918 г. Чита: ЗабГУ, 2015. 370 с.
6. *Мясникова Г. В.* Деятельность приюта-яслей Забайкальской епархии в годы Первой мировой войны // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XIX Междунар. науч. конф. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 128–133.
7. *Мясникова Г. В.* Повседневная жизнь курсистов Забайкальской епархии (в период педагогических курсов 1908 г. в с. Цасучее) // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XV Междунар. науч. конф. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. С. 264–268.
8. Необходимость устройства в епархии окружных благочиннических библиотек и оживления пастырских собраний // Забайкальские епархиальные ведомости. 1908. № 11. 1 июня. С. 277–288.
9. *Он.* К вопросу об устройстве епархиальной библиотеки // Забайкальские епархиальные ведомости. 1903. № 12. 15 июня. С. 211–214.
10. *С. Ф. Т.* Благочинническая библиотека // Забайкальские епархиальные ведомости. 1904. № 9. 1 мая. С. 118–120.
11. *Яремчук О. А.* Священник Александр Николаевич Добромыслов: некоторые страницы биографии // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVIII Междунар. науч. конф. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 202–205.

О. А. Рашитова,

преподаватель, Реставрационно-художественный колледж (г. Санкт-Петербург)

ЦЕРКОВНЫЕ ПРАЗДНИКИ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Несмотря на тяжелейшие условия выживания в блокадном городе, ленинградские верующие, праздновали важные события церковной жизни.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, церковный праздник, блокада Ленинграда, Пасха.

O. A. Rashitova,

Teacher, Restoration and Art College (St. Petersburg)

CHURCH HOLIDAYS IN THE BESIEGED LENINGRAD

Despite the difficult conditions of survival in the besieged city, Leningrad believers celebrated important events of church life.

Key words: Russian Orthodox Church, church holiday, siege of Leningrad, Easter.

Православные праздники – это торжества Русской Православной церкви, посвящённые особому воспоминанию важнейших событий в жизни Иисуса Христа и Божьей Матери, а также памяти святых угодников. Признавая праздники полезными с точки зрения благочестия, Церковь всегда придавала им торжественный характер, при этом необходимым условием считалось совершение таинства Евхаристии или причастие Святых Таин. Несмотря на тяжелейшие условия выживания в блокадном городе, ленинградские верующие, как могли, отмечали церковные праздники, радовали себя и своих близких.

Начало войны пришлось на 22 июня в Неделю Всех Русских Святых. Ленинградский митрополит Алексей (Симанский) утром служил литургию в Князь-Владимирском соборе. Престол, посвященный этому празднику, был устроен в притворе храма в декабре 1920 г., но к 1941 г. он был давно упразднен. Сам праздник продолжал отмечаться в соборе архиерейским служением. Вернувшись после службы в свою квартиру при Николо-Богоявленском соборе, митрополит узнал о начале войны. Получив вскоре послание Патриаршего Местоблюстителя, Владыка Алексей сразу же сделал его достоянием всех православных

города. А 26 июля митрополит сам написал обращение к верующим и духовенству «Церковь зовет к защите Родины».

В кольце блокады оказалось десять действующих храмов.

Людмила Васильевна Смирнова вспоминает о том, что во время блокады церковь не посещала, потому что далеко было идти и сил не хватало, вообще ходить было трудно. Однако праздники церковные как-то с мамой отмечали дома. Копили немножко продукты, к Пасхе собирали какие-то кусочки, и праздновали [1].

Пасха – самый главный и торжественный христианский праздник. Первая военная Пасха 1942 года была особенно ранняя – 5 апреля. В целях безопасности Богослужение в этот день было перенесено на шесть часов утра. В пасхальную ночь в Ленинграде был отменен комендантский час, было разрешено провести крестный ход с зажжёнными свечами вокруг храмов. По указанию городского руководства фотографы В. Г. Куликов и А. А. Шабанов снимали во время богослужения внутренний и внешний вид соборов и церквей Ленинграда.

Пасхальная служба собрала много народа, однако меньше, чем год назад. Практически все служащее духовенство, оставшееся в городе, находилось на своих местах. Вместо традиционных пасхальных куличей верующие освящали 250-граммовые блокадные кусочки хлеба.

Лидия Петровна Барышева встречала праздник в Никольском соборе. «Было очень много народу на Пасху 1942 года, мы ходили втроем: я, мама и тетя. Вокруг храма было необычайное волнение. Весь сад вокруг храма был переполнен народом, все хотели попасть в храм. Нас занесло толпой с главного входа. Ты не то что шел, а тебя на весу несли, только в храме я почувствовала, что на полу стою. И потом какую-то часть службы мы двигались, двигались, и нас вынесло в боковую дверь. Второй раз к храму подойти было уже невозможно, и мы пошли домой» [2].

Галина Ивановна Раевская вспоминая блокаду, говорила о том, что у нее с мамой сил не было пойти помолиться в храм. Но когда в православных церквях начали славить Воскресшего Христа, они тоже пропели тропарь, величание празднику, поздравили друг друга и разговелись по христианской традиции. Высыпали сбереженную крупу в кастрюлю, сварили кашу, достали галеты и шоколад, собрали себе пасхальный стол. А в это время фашисты опять устроили жуткий авианалет, с утроенной силой бомбя город на православную Пасху. Земля содрогалась, оставшиеся стекла дребезжали и разбивались... [3].

В великую пасхальную ночь перед светлой заутренней Ленинград подвергся жестокой немецкой бомбардировке города по плану «Айштосс» («Ледяной удар»), который предписывал наносить удары по кораблям Балтийского флота, вмерзшим в лед. Но вместе с кораблями

удары наносились и по храмам города. Налет начался 4 апреля в Великую Субботу в 5 часов вечера и продолжался всю ночь. Непокколебимая стойкость и активизация патриотического движения приводили захватчиков в неистовую ярость. Бомбы, которые были сброшены, предназначались в первую очередь безоружным верующим.

Одна из бомб попала в здание, расположенное рядом с Никольской Большеохтинской церковью. Ее настоятель протоиерей Михаил Славнитский вынес из разрушенного дома несколько стариков и детей. Шедшие на богослужение верующие уцелели только благодаря тому, что оно было перенесено на утро.

Настоятель Князь-Владимирского собора протоиерей Николай Ломакин на Нюрнбергском процессе подробно описал это событие: «В 5 часов вечера по московскому времени на город немецкая авиация начала массированный налет. В 5.30 вечера в юго-западную часть Князь-Владимирского собора упало две авиабомбы. Люди в это время подходили к святой плащанице. Была громаднейшая очередь верующих, желающих исполнить свой христианский долг. Я видел, как человек около 30 лежали на паперти ранеными. Эти раненые были в разных местах близ храма. Некоторое время они были беспомощны, пока им не была оказана медицинская помощь. Произошла страшная картина смятения. Люди, не успевшие войти в храм, поспешно стали убегать в близ расположенные траншеи, а другая часть, вошедшая в храм, разместилась по стенам храма, в ужасе ожидая своей смерти, потому что сотрясение храма было настолько сильно, что непрерывно, в течение некоторого количества времени, падали стекла, куски штукатурки, и вот, спустившись из комнаты второго этажа, я был потрясен открывшимся передо мной зрелищем [4].

В результате налета авиации осколками снаряда были частично повреждены стены на южной стороне собора и на колоннах при входе в собор. Выбиты почти все стекла с южной стороны собора [5]. Узнав о случившемся, Владыка при встрече с настоятелем собора сказал: «И это в пасхальную ночь! ... Ничего: будет и по-другому. Христос воскрес! ... Не падайте духом. Бодрите других. Наш долг быть твердыми: мы – русские, мы – православные христиане» [6].

Митрополит Алексей Пасхальное богослужение совершил в Николо-Богоявленском соборе. Хотя с огромным трудом удалось раздобыть и вставить стекла в выбитые окна, в храме было темно и холодно. К празднику прихожане сумели изготовить насколько десятков свечей, но их не хватало. Слабый свет лампад едва рассеивал мрак. В любую минуту мог начаться налет. «Но враг не в силах был погасить свет, который горел внутри нас. Мы хранили в себе этот свет, верили в победу», – писал позднее в своих воспоминаниях митрополит Алексей [7].

В своей пасхальной проповеди митрополит Ленинградский Алексий подчеркивал, что в этот день (5/18 апреля) исполняется 700 лет со дня разгрома немецких рыцарей в Ледовом побоище св. князем Александром Невским – небесным покровителем города на Неве. Митрополит писал: «Враг бессилен против нашей правды и нашей беспредельной воли к победе, которую не могут сломить никакие наши временные неудачи... Наш город находится в особо трудных условиях, но мы твердо верим, что его хранит и сохранит покров Матери Божией и небесное представительство его покровителя св. Александра Невского» [8].

Весь период блокады продолжался значительный рост религиозного чувства горожан. Богослужения, особенно в праздничные дни, проходили при переполненных храмах. На Троицу 1942 г. Анна Васильевна Молоткова ходила в Серафимовскую церковь. По ее словам, народу было очень много, шли пешком в большом количестве с Петроградской стороны. Люди очень плакали и свечей брали много, но праздник все равно чувствовался.

Особенно праздничные дни запоминались детям. Марина Ивановна Шаботковская рассказывает как на Рождество 1943 года «мы все спали на одной кровати и вот маму стали спрашивать об этом празднике, мама нам рассказала и прочла молитву. Она нам очень понравилась, и мы всю ночь пели эту молитву, заучив её наизусть. А перед этим три месяца от нашего отца не было совершенно никаких известий, и мы думали, что он погиб. И вот я считаю, что свершилось чудо: на следующий день мы получили от отца письмо. Он был жив и остался жив».

Торжественно и празднично отмечалось ленинградским духовенством и верующими полное освобождение города от вражеской блокады. Во всех храмах по благословению митрополита 23 января 1944 г. были совершены благодарственные молебствия, перед началом которых настоятели читали слово Владыки Алексия: «Слава в вышних Богу, даровавшему нашим доблестным воинам новую блестящую победу на нашем родном, близком нам Ленинградском фронте... Эта победа окрылит дух нашего воинства и как целительный елей утешения падет на сердце каждого ленинградца, для которого дорога каждая пядь его родной земли» [9].

После снятия блокады в глаза приезжим бросалось, что в городе больше верующих, нежели в других регионах. И особенно удивляли молящиеся офицеры. Во многих квартирах сохранились иконы, которые верующие хозяйки категорически запрещали снимать временным жильцам. К крупным религиозным праздникам выдавалась белая мука, появлялись куличи, яйца [10]. В престольные праздники, особенно в пасхальные дни, в церквях наблюдался значительный приток народа, не

только пожилых, но и молодежи. Службы проходили с большой торжественностью. Проповеди священнослужителей в храмах, как правило, содержали возможно более простое и понятное объяснение смысла того или иного праздника, обряда, разъяснение (с точки зрения Церкви) разных сторон текущей жизни, событий [10].

27 января 1944 года – день полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, он совпадает с памятью равноапостольной Нины, просветительницы Грузии. На Малой Охте в Петербурге построен храм Успения Пресвятой Богородицы, посвященный всем тем, кто жил и трудился в блокированном городе. В этом храме находится икона равноапостольной Нины. Ежегодно в церкви в день ее памяти совершается Божественная литургия с прославлением св. Нины и молитвами о погибших в годы блокады. 27 января на торжественное богослужение в Успенский храм собираются многие жители города, пережившие скорбные дни блокады, а богослужение, как правило, возглавляет митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.

Конечно, победа, в первую очередь, ковалась на полях сражений, где, не щадя своих жизней совершали подвиг воины; также приближали победу и труженики тыла. Но существовал еще один важный фактор – это деятельность Православной церкви, которая вносила посильный вклад в победу над врагом. Христианская вера помогала смириться с потерями близких, не падать духом, несла утешение, надежду и любовь.

Библиографический список

1. Дни блокадного Ленинграда [Электронный ресурс] URL: <https://www.pravmir.ru/blokadnyj-leningrad-chelovecheskie-chuvstva-ostavalis-lyudi-pomogali-drug-druhu/> (дата обращения: 18.12.2020).
2. *Барышева Л. П.* «Бабушка отдала паек маме – боясь остаться с нами одна» // Блокадный храм. 2002. № 2. С. 4.
3. *Раевский И.* Блокадная Пасха. Семейные воспоминания // Русская народная линия [Электронный ресурс] URL: <http://ruskline.ru/analitika/2011/04/22/blokadnaya-pasha/> (дата обращения: 12.12.2020).
4. Нюрнбергский процесс: сборник материалов: в 8 т. М.: Юридическая литература, 1990. Т. 4. С. 475.
5. Центральный государственный архив СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 209. Л. 174.
6. *Протоиерей Николай Ломакин.* За оборону Ленинграда – за нашу Советскую Родину // Журнал Московской Патриархии. 1945. № 4. С. 26–27.
7. *Шкаровский М. В.* Религиозная жизнь блокадного Ленинграда [Электронный ресурс] URL: <https://leningradpobeda.ru/blog/religioznaya-zhizn-blokadnogo-leningrada> (дата обращения: 12.12.2020).
8. Русская Православная церковь и Великая Отечественная война. (Обращение к верующим митрополита Ленинградского Алексия от 26 июня 1941 г.). М., 1943. С. 51–54.

9. *Шкаровский М. В.* Религиозная жизнь блокадного Ленинграда. URL: <https://leningradpobeda.ru/blog/religioznaya-zhizn-blokadnogo-leningrada>

10. *Ваксер А. З.* Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб.: ОСТРОВ, 2005. С. 146.

УДК 271.2(094)(470+571)

М. И. Реброва,

кандидат богословия

1962 ГОД В ЖИЗНИ ДОНЕЦКО-ВОРОШИЛОВГРАДСКОЙ ЕПАРХИИ

Статья посвящена церковной жизни в Донецкой области в 1962 г. В статье рассматриваются основные тенденции в церковной жизни региона. Автор акцентирует внимание на том, что в области начался активный процесс изъятия церковных зданий и сокращения приходов, ограничение деятельности правящего архиерея и священников и проч.

Ключевые слова: церковная жизнь, церковно-государственные отношения, изъятие церквей, сокращение приходов, священник, епископ, правящий архиерей.

M. I. Rebrova,

Professor of Theology

1962 IN THE LIFE OF THE DONETSK AND VOROSHILOVGRAD DIOCESE

The paper is dedicated to church life in Donetsk region in 1962. The article considers main trends in church life of the region. The author emphasizes the fact that in the Donetsk region has begun an active process of confiscation of church edifices and reduction of church parishes, restriction on activities of ruling eparch and the priests, etc.

Key words: church life, relationship between the Church and the State, confiscation of church edifices, reduction of church parishes, priest, bishop, ruling eparch.

1962 год был одним из самых трагических в истории Донецко-Ворошиловградской епархии. Темпы сокращения храмов и молитвенных домов в этот год обеих областях были колоссальными. Что касается Донецкой (до 1961 г. – Сталинской) области, за 1959 г. и 10 месяцев 1960 г. в регионе с санкции Совета было снято с регистрации 40 религиозных общин [2, л. 49].

В предшествующий 1961 г. в СССР был издан целый ряд новых документов, "регулирующих" церковную жизнь в стране и, следовательно, на Донбассе. Отныне годовые планы уполномоченного становились набором прямых директив, направленных на уничтожение Церкви.

Например, в первом полугодии 1962 г. уполномоченным по Донецкой области планировалось:

1) изучать приходы на предмет возможности ликвидации (потенциальные мотивы: технические условия, неспособность религиозных обществ содержать здание, объединение приходов по причине затухания);

2) принимать меры по сокращению "служителей культа" в тех приходах, где их зарегистрировано более двух;

3) изучать лично и через комиссии содействия проповедническую деятельность, вести работу по сокращению всевозможных кружечных сборов и пожертвований; поддерживать связь с работниками местной печати в целях активизации негативизма ко всему церковному (для чего все "*сигналы... о непристойных делах религиозных активистов*" передавать в печатные органы); выявлять молодых людей-хористов и через партийно-советские органы принимать меры к отвлечению их от Церкви.

В первом полугодии 1962 г. в Донецком регионе было снято с регистрации еще 12 храмов и молитвенных домов. Предлогами для их сокращения были ставшие привычными "самоликвидация"; объединение общин; неудовлетворительное состояние и проч. [4, л. 1–3].

Итогом такой деятельности государства стало то, что в наиболее многонаселенных районах крупных городов Донецкой области не оставалось ни одного храма. Так, например, не было ни одного храма на территории Центрально-городского района Макеевки – ближайшего к Донецку города. Здесь РККП Украины и районный исполнительный комитет добились закрытия единственной церкви и передачи ее помещения швейной фабрике [3, л. 90].

Помимо того, государство стремилось конфисковать у приходов имеющее хоть какую-то материальную ценность имущество, в первую очередь – автомобили и дома. Например, в 1962 г. городские исполнительные комитеты Донецкой области забрали у храмов (как было указано в документах: "взяли на баланс") три якобы незаконно приобретенных общинами дома и два автомобиля. Поведение властей в эти годы стало настолько беззастенчивым, что при "освобождении" церковных зданий некоторые священнослужители не выдерживали и начинали "*оказывать сопротивление*", чего в прошлые годы (например, при изъятии занятых под храмы общественных зданий) не наблюдалось [2, л. 2].

Массовое уничтожение церквей не могло не вызвать недовольства населения: вслед за изъятиями последовали жалобы верующих. Эти

жалобы были самыми житейскими по своему характеру и не имели никакой политической антигосударственной подоплеки. Так, например, житель села Привольное Славянского района Вакуленко сетовал на то, что старикам их села приходится далеко ходить в церковь, а в силу возраста им это очень тяжело. Но подобные жалобы, как и ходатайства об открытии храмов, в описываемый период не рассматривались. Хотя и жалоб, и ходатайств по-прежнему было достаточно [1, л. 80–81]. В общей сложности жители 20 населенных пунктов области обращались с просьбами оставить храм действующим или возобновить службы в закрытом храме. Верующие пытались объяснить уполномоченному, что *"церковь – это место, где они находят себе утешение"*. При этом особенно *"большую активность удержат церкви"* уполномоченный отмечал в городах и поселках городского типа. В сельской местности население по-прежнему было менее активно в данном вопросе [2, л. 14–15].

Ответом на все просьбы верующих стало решение Донецкого областного исполнительного комитета и Донецкого областного комитета коммунистической партии о проведении мероприятий *"по преодолению религиозной идеологии"* и *"ограничению деятельности церковников"*. Законодательной базой для такой работы стало Постановление ЦК Коммунистической партии Украины от 12 октября 1962 г. *"О состоянии и мерах улучшения научно-атеистического воспитания трудящихся в Украинской ССР"*.

В Донецкой области на общественных началах были созданы комиссии помощи общественным организациям. Эти комиссии работали при исполнительных комитетах и были призваны помогать организациям в атеистической работе и выявлении *"нарушителей законодательства о культах"*. В случае выявления комиссией нарушения законодательства о культах к *"злостным нарушителям"* применялись строгие меры воздействия. Для священнослужителей это, как правило, было лишение регистрации.

Что касается мирян, в регионе начала активно проводиться *"индивидуальная работа"* с верующими, за которой следовала *"работа в коллективах"*. Для *"индивидуальной работы"* выделялись люди от комсомольских, партийных, профсоюзных организаций, от общества *"Знание"*. Если *"индивидуальная работа"* на человека не *"действовала"* (и он продолжал ходить в храм), ему грозило понижение в должности или же (если верующий учился) исключение из института.

Подобное *"улучшение научно-атеистической работы"* в сочетании со строгим контролем за выполнением Законодательства о культах привели к тому, что в 1962 г. в Донецкой области не было зафиксировано ни одного случая паломничества и обновления икон [6, л. 1–2],

а 14 храмов и молитвенных домов беспрепятственно были сняты с регистрации.

Помимо этого, в 1962 г. Церкви на Донбассе был нанесен еще один удар: все священнослужители Донецкого региона были переведены на твердый оклад, а административно-финансовые и хозяйственные функции храмов и молитвенных домов были полностью возложены на исполнительные органы приходских общин [6, л. 3–6]. Этому предшествовал Архиерейский собор 1961 г., закрепивший такое бесправное положение священника-настоятеля на приходе и переход финансово-административных функций в руки мирян [8, с. 92–93].

Отныне твердый оклад священнослужителя в Донецкой области колебался от 80 до 400 рублей – в зависимости от количества треб и общего дохода прихода. Несмотря на то, что введение окладов позиционировалось властями как способ защиты духовенства *"от чрезмерного обложения"* налогами, священнослужители очень хорошо понимали, что в реальности это лишь способ их ограбления. По этой причине процесс перехода духовенства на оклады в Донецком регионе проходил далеко не гладко.

До введения твердых окладов священники Донецкой области действительно жаловались уполномоченному на то, что финансовые органы предвзято, без учета реальных доходов, начисляют им налог. К примеру, в 1962 г. священник С. М. Кобзарь из пос. Петровка г. Сталино был обложен налогом в 2 182 рубля, после чего к этому налогу была прибавлена доплата за 1961 г. в размере 766 рублей. Такой налог исчислялся из предполагаемого годового дохода священника С. М. Кобзаря в 4 580 рублей, что значительно превышало реальный доход священнослужителя.

Приведенный пример наглядно иллюстрирует, что денежные поступления в пользу государства от налогообложения священнослужителей были значительными. Следовательно, переход на твердые оклады явно перекрывал фактически ничем и никем не ограничиваемый денежный поток. Неудивительно, что финансовые органы выступили против перехода священнослужителей на оклады: финансовые структуры вполне логично посчитали, что это уменьшит отчисления в местный бюджет. Тем не менее, для государства в условиях начатой антицерковной кампании обнищание священнослужителей было важнее собственных доходов. Поэтому в историю с недовольством финансовых органов вмешался Донецкий областной комитет коммунистической партии, после чего перевод священнослужителей на оклады был произведен без проволочек.

Несмотря на директивный характер введения священнических окладов, в Донецкой области находились священнослужители, которые

пытались воздействовать на церковные исполнительные органы так, чтобы они сами ходатайствовали об оставлении священников их храмов на доходах от треб. Такие ходатайства поступили, в частности, из пос. Димитрова г. Красноармейска, с. Банное и с. Рай-Александровка Славянского района, г. Снежное, г. Константиновка и проч. Но подобная практика была скорее исключением. В большинстве своем взаимоотношения священнослужителей с уже вновь избранными исполнительными приходскими органами оказывались более чем сложными.

В соответствии с новым Положением по руководству *"религиозными объединениями"* в 25 приходах Донецкой области прошли пере- выборы исполнительных органов. После этого в приходских советах были оставлены только удобные уполномоченному люди. Власть этих "активистов" на приходах была почти безграничной. Дело доходило до того, что в некоторых приходах исполнительные органы самостоятельно "рассчитывали" *"ненавистных для них служителей культа"*, якобы нарушавших советское законодательство. Например, священника Иакова Беспалова из пос. Новоселовка г. Жданова церковный совет общины отстранил от службы за то, что он, по уверению членов совета, исполнял требы за плату. При этом нередки были случаи, когда исполнительный орган, отвечавший за выплату зарплаты священнослужителям, не выделял священнику денег даже для личных нужд. Но противиться такому положению дел было невозможно: любые жалобы со стороны священнослужителей были чреваты для них негативными последствиями. Например, когда священник Иоанн Шейко из пос. Байрак г. Горловки с амвона рассказал прихожанам о своем бедственном положении, его сразу же отстранили от службы [6, л. 6–7].

Любые попытки священнослужителей повлиять на ведение дел в собственном приходе расценивались как *"грубое вмешательство в административно-финансовые функции исполнительных органов"* и тоже влекли за собой отстранение от службы. Например, в 1963 г. это случилось со священником Иоанном Харламовым из г. Краматорска, священником Василием Голубовским из г. Чистяково, священником Серафимом Сулимой из г. Дружковки – всех этих священнослужителей лишили возможности служить церковные советы их собственных приходов [7, л. 49].

Священнослужители пытались объяснить уполномоченному, что исполнительные органы обращаются с ними, *"как с наемными лицами, а не наставниками"*. Но в таких случаях уполномоченный неизменно ссылался на решение Синода от 18 апреля 1961 г. и *"разъяснял"* священникам правомерность действий исполнительных органов [6, л. 5].

Маленькими окладами, полной зависимостью от приходских советов и разжиганием конфликтов советское государство рассчитывало постепенно "выдавлять" духовенство с приходов, чтобы сокращать их количество. Но расчет властей не оправдался: массового "исхода" священнослужителей из Церкви не произошло. Кроме того, даже в условиях тотального гнета и ужесточения зависимости Церкви от государства митрополит Борис (Вик) благословлял как можно чаще служить в храмах и продолжал рукополагать и продвигать молодых священнослужителей [7, л. 50]. Кроме того, митрополит Борис стремился к тому, чтобы службы во вверенной ему епархии совершались регулярно, собирая как можно больше верующих. В первую очередь это касалось городских храмов и молитвенных домов. Так, в молитвенном доме пос. Ларинка (здесь служили 5 священнослужителей) службы проходили ежедневно, в церкви пос. Калиновка (4 священнослужителя) – 2–3 раза в неделю, в молитвенном доме пос. Рутченково (3 священнослужителя) – 2–3 раза в неделю, в пос. Авдотьино – 1 раз в неделю, в г. Красногоровке – 1 раз в неделю. Сходное положение наблюдалось и в других городах области. Например, по Горловскому городскому совету: в храме г. Горловка (здесь служили 4 священнослужителя) службы проходили ежедневно, в молитвенном доме главной станции Горловки Никитовке (3 священнослужителя) – 2–3 раза в неделю и т. д. [5, л. 46]. При этом к 1963 г. в Донецкой области было 178 служащих священников [6, л. 12–13].

Очевидно было, что, несмотря на масштабное наступление государства на Церковь, Церковь не была сломлена. Своей цели по ее уничтожению государство не достигло.

Библиографический список

1. Государственный архив Донецкой области (ГАДО). Ф. Р.-4022. Оп. 1. Д. 21.
2. ГАДО. Ф. Р.-4022. Оп. 1. Д. 37.
3. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 192.
4. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 195.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 2. Д. 496.
6. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2089.
7. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 133.
8. *Марченко Алексей, протоиерей*. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. М., 1998.

Е. С. Ревякин,

доцент, Ивановский государственный университет

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ (1925–1947):
ЗАМЫСЛЫ И РЕАЛЬНОСТЬ**

В 1929 году на Союз воинствующих безбожников была возложена задача по проведению антирелигиозной пропаганды с целью преодоления религиозности населения. Но его деятельность не имела успеха из-за низкого уровня пропаганды и грубых методов в борьбе с религией и церковью и верующими.

Ключевые слова: религия, церковь, свобода совести, антирелигиозная пропаганда, атеизм.

E. S. Revyakin,

Associate Professor, Ivanovo State University

**ACTIVITY
OF THE UNION OF MILITANT ATHEISTS (1925–1947):
IDEAS AND REALITY**

In 1929, the Union of Militant Atheists was entrusted with the task of conducting anti-religious propaganda in order to overcome the religiosity of the population. But his work was not successful because of the low level of propaganda and crude methods in the fight against religion and the church and believers.

Key words: religion, church, freedom of conscience, anti-religious propaganda, atheism.

В 1917 году, после Октябрьской революции советское государство впервые в истории России провозгласила свободу граждан в отношении религии. Декрет Совнаркома «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (20 января 1918 г.), Конституция РСФСР 1918 года юридически закрепили свободу совести, то есть отделение церкви от государства и школы от церкви, право исповедовать любую религию и не исповедовать никакой, равенство всех перед законом независимо от отношения к религии. Свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды была признана за всеми гражданами.

В первые послереволюционные годы атеистическая пропаганда получила широкое распространение среди населения. В 1922–1923 гг. в

стране возникли кружки безбожников. В августе 1924 г. при редакции газеты «Безбожник» было создано «Общество друзей газеты «Безбожник». В апреле 1925 г. в Москве был созван I Всесоюзный съезд корреспондентов «Друзей газеты «Безбожник», на котором был создан Союз безбожников – массовая добровольная общественная организация для пропаганды атеизма. Председателем Центрального совета (ЦС) Союза был избран Е. М. Ярославский (М. И. Губельман). Первичные ячейки организации создавались на промышленных предприятиях, учебных заведениях, учреждениях, воинских частях. Членство в организации было индивидуальным, уплачивались членские взносы.

Для качественного проведения антирелигиозной пропаганды предполагалось привлечь широкий круг ученых, писателей, деятелей искусства, партийных и государственных деятелей. Большая роль в атеистической работе отводилась общественным организациям, прежде всего, комсомолу и профсоюзам. В ходе проведения массовой антирелигиозной пропаганды применялись такие формы как лекции, беседы, диспуты, вечера вопросов и ответов, выпускались периодические издания: газета «Безбожник», журналы «Антирелигиозник», «Воинствующий атеизм», «Деревенский безбожник», «Безбожник», «Безбожник у станка». Атеистическое воспитание, борьба с религиозностью, как пережитком прошлого в сознании людей, считались одним из важнейших участков государственной политики, поэтому партийные органы уделяли этой работе значительное внимание.

В 1920-е годы среди теоретиков и лидеров антирелигиозного движения усилились разногласия по вопросу о формах и методах государственной политики в религиозном вопросе. Представители первого направления выступали за осторожные, продуманные методы борьбы с религией, утверждали, что только в результате убеждения у людей может быть преодолено религиозное мировоззрение. Сторонники второго направления выступали за применение административных мер в борьбе с религией, требовали «ударить покрепче по религиозному дурману». К концу 1920-х годов в связи с формированием в стране административно-командной системы, складыванием тоталитарного политического режима, усилением идеологической борьбы по вопросу о дальнейших путях строительства социализма споры между сторонниками этих двух направлений резко обострились. Этот вопрос усиливался еще и тем, что православная церковь в целом находилась в оппозиции по отношению к советской власти, вела агитацию против ее многих мероприятий. В связи с этим религия была провозглашена «контрреволюционной силой», а борьба с религией – «борьбой за социализм» и «классовой борьбой».

Итоги дискуссии подвел II съезд Союза безбожников в июне 1929 г. Сторонники осторожных мер борьбы с религией (Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский, А. И. Рыков) предупреждали об опасности «воинствующей линии» в отношении религии, призывали отказаться от нажима на нее. Однако их призыв не был понят, сторонники «беспощадной» борьбы с религией одержали победу. На их сторону встал и Е. М. Ярославский. Полностью разделяли взгляды «воинствующего безбожия» И. В. Сталин и его окружение. В обращении к трудящимся съезд призвал в «поход на наглеющую поповщину» и предложил отказаться от «примиренчества» в отношении религии и начать решительную борьбу с ней [10, с. 353, 355, 433]. Организация стала называться Союзом воинствующих безбожников (СВБ), метод силового давления на религию, церковь, верующих в ее работе стал преобладающим [1, с. 291–312].

В результате Союз воинствующих безбожников был подвергнут огосударствлению. Из добровольной общественной организации он превратился в структуру, осуществляющую государственную антирелигиозную политику. Одним из главных условий успешности работы Союза должна была стать его массовость. Целые поселки, колхозы, промышленные предприятия, учебные заведения объявлялись «безбожными», проводились поголовные «вербовки» в ряды СВБ, численность которого резко возросла. По официальным данным в организации в 1926 году состояло 100 тысяч, в 1929 – 700 тысяч, в 1932 – 5,5 миллионов человек [4, с. 69]. При этом членство в СВБ носило в основном формальный характер, систематической работы не велось. Резолюция всесоюзного совещания по антирелигиозной пропаганде (июнь 1935) «О членстве в СВБ» отметила, что «увлекшись количественным ростом, организации СВБ качественно не закрепили его, а в ряде мест организационная работа по оформлению членства, по воспитанию вновь вовлеченных, по выявлению актива была в загоне, в силу чего большое количество членов СВБ не только не было вовлечено в практическую работу, но даже не имело членского билета, не уплачивало членских и других взносов» [2, с. 47].

Кроме того, уровень антирелигиозной пропаганды был крайне низким, она проводилась обычно неподготовленными лицами, квалифицированные кадры почти отсутствовали. Преобладали «шумные», «наступательные» формы работы: массовые антирелигиозные митинги и шествия с карикатурами, закрытие и осквернение храмов, публичное сожжение икон, различные мероприятия, высмеивающие религию, церковь и верующих. Подобные действия вызывали недовольство и сопротивление духовенства и верующих, часть из которых открыто выступила против проводимых мероприятий. Во многих местах деятельность

религиозных организаций более активизировалась, религиозность населения оставалась высокой. По данным переписи 1937 года, верующие составляли 57 % населения, в сельской местности их доля могла превышать 70 %. Православные верующие составили 43 %, то есть 41,6 миллиона человек.

Подготовка кадров для антирелигиозной работы (антирелигиозные университеты, семинарии, курсы) велась на неудовлетворительном уровне, многие пропагандисты и лекторы имели только начальное образование. Не удалось организовать работу ячеек СВБ в учебных заведениях, общественные организации в большинстве регионов уклонялись от участия в антирелигиозной работе. Ответственный секретарь ЦС СВБ Ф. Олещук «XVII съезд ВКП(б) и задачи антирелигиозной работы» отметил в связи с этим: «Надо сказать, что и в комсомоле, так же как в профсоюзах и школе, дело с антирелигиозной работой тоже совершенно неблагополучно. Во многих местах нашей страны мы совершенно не видим систематической деятельности комсомола по борьбе с религией» [8, с. 87]. Кроме того, участие различных отрядов интеллигенции в работе СВБ было крайне незначительным.

К середине 1930-х годов работу Союза воинствующих безбожников поразил глубокий кризис. Многие местные организации почти прекратили деятельность, численность членов Союза резко сократилась. Так, если численность Ивановской областной организации СВБ за период 1929–1931 годов увеличилась с 30 до 150 тысяч членов, то в 1936 году она насчитывала только 10 тысяч, а в 1938 – уже всего 4,5 тысяч членов [5, л. 158–159]. Е. М. Ярославский в статье «О религиозных пережитках и задачах антирелигиозной пропаганды и агитации» (1937) признал, что антирелигиозная пропаганда во многих местах прекратилась [7, с. 26], а многие местные организации СВБ распались, «причем советы распались не только во многих районах, но и многие областные советы распались и надо было их вновь воссоздавать» [9, л. 2].

Одним из регионов, где состояние антирелигиозной работы было особенно критическим была Ивановская область. С середины 1931 года деятельность областной организации СВБ стала сворачиваться и к 1936 году почти прекратилась. Попытки руководства области оживить работу организации успехов не принесли. 29 августа 1933 года газета «Безбожник», резко критикуя Ивановскую областную организацию СВБ, отметила: «За последние два года ее работа резко ухудшилась» и особо подчеркнула: «То, что произошло в Ивановской организации СВБ является серьезным предупреждением многим нашим организациям» [3].

Таким образом деятельность Союза воинствующих безбожников не увенчалась успехом. Отсутствие высококвалифицированных пропа-

гандистов, недостаточная обеспеченность литературой, неподготовленность аудитории, низкий теоретический уровень пропаганды не позволили заинтересовать людей «идеями атеизма», привлечь рабочих, крестьян, интеллигенцию к активному участию в деятельности СВБ. Кроме того, Русская православная церковь имела глубокие исторические корни, была близка к народу, особенно в сельской местности. Поэтому преодолеть религиозность населения оказалось не так легко, как казалось организаторам и теоретикам антирелигиозной работы. В результате СВБ не был популярен у населения, не пользовался авторитетом. Представитель русского зарубежья К. Н. Николаев так высказался по этому вопросу: «Глупые речи и грубую брань по адресу религии пришлось заменить спокойными доказательствами. Действительная научная борьба с религией оказалась не по умственному карману Союзу безбожников» [6, с. 43].

Ответственность за неуспехи была возложена на партийных деятелей, активистов СВБ, руководителей региональных организаций Союза, многие из которых были объявлены «врагами народа», подвергнуты репрессиям. Так, в 1937 году был репрессирован заместитель председателя ЦС СВБ А. Т. Лукачевский – ученый-религиовед, специалист по истории раннего христианства, на которого была возложена главная ответственность за провал антирелигиозной работы.

Осенью 1941 года по указанию И. В. Сталина деятельность СВБ была прекращена. В 1947 году его функции были переданы вновь созданному обществу «Знание». Опыт деятельности Союза воинствующих безбожников – яркий пример негативного воздействия тоталитарной системы на добровольные общественные объединения граждан, подавления инициативы, деформации прав и свобод человека.

Библиографический список

1. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991.
2. Антирелигиозник. 1936. № 4.
3. Безбожник. 1933. 29 августа.
4. Вопросы научного атеизма. М., 1967. Вып. 4.
5. Государственный архив Владимирской области. Ф. П-112. Оп. 3. Д. 24.
6. Николаев К. Н. Судьбы православия. Белград, 1939.
7. Об антирелигиозной пропаганде. М., 1937.
8. Олещук Ф. XVII съезд ВКП(б) и задачи антирелигиозной работы. М., 1934.
9. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 89. Оп. 4. Д. 57.
10. Стенографический отчет Второго всесоюзного съезда Союза воинствующих безбожников. М., 1930.

С. А. Рябая,

зав. кафедрой, Ижевский государственный технический университет
им. М. Т. Калашникова

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье анализируется деятельность Вятской епархии в патриотической сфере в годы Первой мировой войны. В статье отмечается, что главным носителем духовной идеологии является патриотизм русского духовенства. Русская православная церковь будучи главным носителем духовной идеологии, сделала очень много для организации помощи войнам армии и их семьям, поддержки солдат и их семей. Однако в силу целого ряда объективных причин русская православная церковь не стала той силой, которая бы целиком смогла повлиять на патриотическое и морально-нравственное состояние российского общества.

Ключевые слова: Первая мировая война, патриотизм, Вятская епархия, Русская православная церковь.

S. An. Ryabaya,

Head of the Department, Kalashnikov Izhevsk State Technical University

PATRIOTIC ACTIVITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH DURING THE FIRST WORLD WAR IN THE VYATKA PROVINCE

The article analyzes the activity of the Vyatka Diocese in the patriotic sphere during the First World War. The article notes that the main carrier of spiritual ideology is the patriotism of the Russian clergy. The Russian Orthodox Church, being the main bearer of spiritual ideology, has done a lot to organize assistance to the army's wars and their families, to support soldiers and their families. However, for a number of objective reasons, the Russian Orthodox Church has not become a force that could fully influence the patriotic and moral state of Russian society.

Key words: World War I, patriotism, Vyatka Diocese, Russian Orthodox Church.

Важным источником информации о деятельности русской православной церкви в Вятской губернии в годы Первой мировой войны являются материалы периодической печати. Среди них следует отметить официальную и неофициальную части «Вятских губернских ведомостей» и «Вятских епархиальных ведомостей», «Вятский епархиальный

вестник», «Памятная книжка-календарь Вятской губернии», «Обзор Вятской губернии. Приложение к Всеподданнейшему отчету Вятского губернатора». Со страниц газетных изданий мы узнаем о поведенческих практиках населения, о милосердии и благотворительности, мерах поддержки, осуществляемых русской православной церковью, лицам, призванным в действующую армию.

1914 год характеризуется невиданным подъемом патриотизма. Подавляющее большинство населения считало войну Отечественной, справедливой для России, что способствовало сплочению народа перед лицом грозной опасности.

Вступление России в Первую мировую войну было встречено в Вятской губернии, как и во всей России патриотическим подъемом. Духовенство, интеллигенция, служащие, предпринимательские круги, крестьянство, значительная часть рабочих откликнулись на ее объявление патриотическими манифестациями. Молебна о даровании победы и грандиозные манифестации проводились во многих населенных пунктах. Во всех этих мероприятиях в первых рядах было духовенство. Во время проведения богослужений вятское духовенство выступало с призывами и воззваниями. Так, «Вятские епархиальные ведомости» в сентябре 1914 г. писали, что «Родина зовет своих сыновей на защиту отечества [1, с. 1130] ... Обязанностью пастырей церкви в эти трудные дни должна быть нравственная поддержка тех, кто активно выступает на защиту отечества. Русское духовенство с чистой совестью может благословлять русское оружие, потому что оно поднято во имя правды. В военных историях неоднократно бывало, что бодрящее слово духовенства, поднятый крест вливали новые силы даже в ослабевших бойцов» [1, с. 1131].

Духовенство уездных городов Вятской губернии ежедневно устраивало на приемных пунктах запасных ратников беседы для одобрения, утешения и возбуждения патриотического чувства с призывом желающих исповедаться. На соборных площадях проводились торжественные напутственные молебны, на которых священники отечески наставляли и утешали отправляющихся запасных, благословили крестиками и одаривали гостинцами. В с. Сюмси во время проводов ратников священнослужитель сказал: «Еще немного и вы вступите в ряды нашей славной армии, сольетесь в ней в одну мощную силу с вашими братьями и товарищами, ушедшими ранее, вас и верим... верим, друзья, что и вы заслужите то громкое и лестное имя «чудо богатырей», которое уже стяжали ваши товарищи! [13]. В селе Старые Зятцы Малмыжского уезда 14 сентября 1914 г. во время нарочной торжественной литургии для воинов было дано «поучение о значении воинского звания, обязанности воинов и о венцах небесных, кому придется умереть на войне» [12].

Благословение нательными образками запасных чинов из уезда совершалось на местах, в родных приходских храмах, их духовными отцами. С первого дня мобилизации в приходских храмах за 3–4 дня до мобилизации прибывало несколько сотен человек, желающих причаститься перед отправлением на фронт.

На собрании всего духовенства и церковных старост города Вятки 06 августа 1914 г. епископом Вятский и Слободским Никандром было предложено оказывать помощь Обществу Красного Креста в деле призрения раненых воинов и открыть лазарет в епархиальном доме. Духовенство единодушно отозвалось на призыв архипастыря и постановило: открыть в епархиальном доме лазарет духового ведомства на 15 кроватей. Священнослужители отдавали свои сбережения для этой благой цели: 2500 руб. пожертвовал епископ Вятский и Слободский Никандр, 315 руб. – настоятель Вятского Успенского Трифонова монастыря, 406 руб. – протоиерей Израилев [15].

02 сентября 1914 г. по инициативе и предложению Преосвященного Никандра в епархиальном доме г. Вятки было проведено собрание, на котором было решено уступить дом под помещение больных и раненных воинов [8]. Кроме того, вятское духовенство изъявило желание ежедневно жертвовать из своих личных средств на больных и раненных воинов, и уступить часть своих архиерейских покоев под помещение для размещения больных и раненных воинов. Такие деяния священнослужителей русской православной церкви содействовали укреплению морально-нравственных устоев и патриотизму.

В городах и уездах Вятской губернии повсеместно проходили заседания приходских Попечительских советов, принимающих решения об оказании помощи семьям запасных и ратников ополчения, призванных в ряды действующей армии. Так, 14 сентября 1914 г. в Котельниче на заседании такого совета рассматривались семейные списки запасных и ратников ополчения. Принимая во внимание заявления жен запасных и ратников, было постановлено выдать пособия 27 бедным нуждающимся семействам, «оставшимся без работников и обремененным малолетними и престарелыми неспособными к труду – членам семьи от 3-х до 5-ти руб.» [7]. Для этих целей приходским Попечительским советом было выделено 100 руб. В декабре 1914 г. пособия от приходского Попечительского совета при Николаевской церкви г. Котельничича получили 78 семейств. Их размер составил 290 руб. [11].

В Елабуге при приходских церквях было организовано три городских Попечительских совета, которые развернули успешную деятельность по сбору средств для нуждающихся семейств призванных ратников. Розданные пособия в зависимости от степени нужды варьиро-

вались от 2 до 15 руб. на одну семью [10]. Масштабы помощи, оказанной семьям запасных и ратников, призванных на войну, от Попечительских советов г. Елабуги были следующими: в октябре 1914 г. – 228 семей (общая сумма пособия – 597 руб.), ноябре 1914 г. – 232 семьи (555 руб.), декабре 1914 г. – 291 семья (637 руб.) [9].

Во время проведения богослужений вятское духовенство выступало с призывами и воззваниями к населению губернии оказывать сильную помощь русским воинам, участвующим в военных действиях. Так, епископ Вятский и Слободский Никандр в октябре 1914 г., выступая перед прихожанами, отмечал, что «воины, проводящие целые дни и ночи в окопах, и под открытым небом, под дождем, ветром и снегом, особенно сильно нуждаются в разнообразных теплых вещах» [3]. Реакцией духовенства Вятской епархии на воззвание архипастыря стали сбор и отправка вещей в действующую армию. Масштабы сборов превзошли все ожидания. За период с 05 по 19 ноября 1914 г. было собрано: 1871 рубашка, 1907 кальсон, 4115 фуфаяк, теплых рубашек и жилетов, 1835 пар напульсников, 3217 пар теплых чулков, 3196 пар перчаток и варежек, 1689 шарфов, 1282 полотенца и др. Кроме вещей было получено «деньгами на приобретение теплых вещей» 301,33 руб. [6].

В обращениях к своим прихожанам о сборе пожертвований на нужды русских воинов священнослужители использовали яркие, эмоционально окрашенные речевые обороты. Так, в речи пастыря, опубликованной в «Вятских епархиальных ведомостях» в ноябре 1914 г. говорилось: «Сердца русских людей проникнуты пламенным желанием облегчить защитникам родной земли тяготы и лишения, неизбежные в боевой обстановке. Всем хочется чем-нибудь усладить суровую жизнь на поле брани, хочется согреть наших воинов, зябнущих в сырых, холодных окопах, хочется каким-нибудь подарком, хоть маленькой посылкой дать им понять, что по всему лицу земли русской о них не перестают думать, о них заботятся и молятся» [4]. Чаще всего в своих обращениях к прихожанам священнослужители указывали какие пожертвования наиболее востребованы: «Лучше всего жертвовать готовые теплые вещи... полотенца и простыни... полотно, холст, шерсть, сукно, фланель, бумазю, что у кого есть» [4].

В октябре 1915 г. епископ Вятский и Слободской Никандр обратился к служителям Вятской епархии и мирянам с воззванием жертвовать ненужные золотые вещи (кольца, медали, ордена и проч.) «в виду нужды, испытываемой в настоящее время нашим государством в золоте» [2]. Он привел пример добровольного пожертвования золотого обручального кольца священником села Спасского Котельничского уезда отцом Ильей Томиловым. Сам епископ Никандр пожертвовал на нужды войны принадлежащую ему золотую панягию. Летом 1916 г.

Е. П. Овчинникова – супруга диакона с. Спасо-Талицкое Орловского уезда пожертвовала свое обручальное кольцо [14].

В конце 1914 г. ежемесячно Епископ Вятский и Слободский Никандр получал письма от нижних чинов Глазовского полка со словами благодарности за полученные подарки. Офицер Вас. Мальцев отмечал: «Как воскресает дух каждого воина, сидящего в окопах и часто бывающего в бою, защищая нашу дорогую родину, царя-батюшку, нашу веру отцов духовных, от которых мы всем довольны: и посылками, и попечением о нас, часто встречающихся со смертью» [5]. В другом письме солдат, призывник из Глазовского уезда, радовался и говорил о том, как был счастлив получить подарок – икону Святителя Николая Чудотворца.

Анализ патриотической деятельности православной церкви в Вятской губернии в первые годы Первой мировой войны показал, что она осуществляла свою деятельность в данном направлении, характерном для всей русской православной церкви данного периода. Русская православная церковь содействовала властям в деле укрепления морально-нравственных устоев, делая также все возможное и в организации иных форм поддержки. В течение 1914 г. духовенство вместе с представителями всех социальных слоев населения Вятской губернии выражали свои верноподданнические чувства. Поддержка ратников и запасных, поддержание патриотического духа среди тех, кто был призван в армию и готовился к отправлению на фронт, организация благотворительных сборов для солдат и семейств, призванных в действующую армию, носила повсеместный характер. Денежные и вещественные пожертвования священнослужителей и членов их семей были важным элементом служения русской православной церкви во благо Отечества.

Библиографический список

1. Голос родины // Вятские епархиальные ведомости. Неофиц. ч. 1914. № 37. 11 сент. С. 1130–1131.
2. Жертвуйте ненужные золотые вещи // Вятские епархиальные ведомости. Офиц. ч. 1915. № 42. 15 окт.
3. Нашим войнам особенно нужны теперь теплые вещи // Вятские епархиальные ведомости. Офиц. ч. 1914. № 42. 16 окт. С. 1.
4. Обращение пастыря к своим прихожанам о сборе пожертвований на нужды наших воинов // Вятские епархиальные ведомости. Офиц. ч. 1914. № 46. 13 нояб. С. 745.
5. От наших дорогих защитников // Вятские епархиальные ведомости. Неофиц. ч. 1915. № 3. 15 янв. С. 47.
6. Отклик духовенства Вятской епархии на призыв своего архипастыря // Вятские епархиальные ведомости. Неофиц. ч. 1914. № 47. 20 нояб. С. 1512.
7. По случаю войны. г. Котельнич // Вятские епархиальные ведомости. Неофиц. ч. 1914. № 39. 25 сент. С. 1227.

8. По случаю войны. Новая щедрая жертва Вятского духовенства на нужды войны // Вятские епархиальные ведомости. Неофициальный выпуск, ч. 1914. № 37. 11 сент. С. 1150.

9. По случаю войны. Помощь семьям запасных и ратников, призванных ныне на войну, от Попечительских советов г. Елабуги // Вятские епархиальные ведомости. Неофициальный выпуск, ч. 1915. № 5. 29 янв. С. 139.

10. По случаю войны. Помощь солдатским семьям от приходских Попечительских советов г. Елабуги // Вятские епархиальные ведомости. Неофициальный выпуск, ч. 1914. № 46. 13 нояб. С. 1481–1482.

11. По случаю войны. Приходской Попечительский совет при Николаевской церкви г. Котельнича // Вятские епархиальные ведомости. Неофициальный выпуск, ч. 1914. № 49. 4 дек. С. 1592–1583.

12. По случаю войны. Проводы запасных в селе Старых Зятцах Малмыжского уезда // Вятские епархиальные ведомости. Неофициальный выпуск, ч. 1914. № 45. 06 нояб. С. 1439.

13. По случаю войны. Сюмси. Проводы ратников ополчения 1-го разряда Сюмсинской волости // Вятские епархиальные ведомости. Неофициальный выпуск, ч. 1915. № 3. 15 янв. С. 68–69.

14. *Рябая С. А.* Вятская пресса о милосердии и благотворительности в годы Первой мировой войны // Исторические. Философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-1 (84). С. 149–151.

15. Хроники вятской епархии. Сайт «Вятка: наследие». URL: http://urzhum-uezd.ortox.ru/khroniki_vjatskojj_eparkhii/view/id/1197628 (дата обращения: 25.12.2020).

УДК 271.2-788

О. С. Смирнова,

преподаватель Воскресной школы Свято-Покровского женского епархиального монастыря (г. Суздаль)

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ МОНАСТЫРЕ

**(На примере Рождество-Богородицкой женской Исаковой пустыни
Ярославской епархии)**

В статье на основе анализа документов личного происхождения собраны сведения о том, как осуществлялся уход за больными сестрами; анализируются способы организации медицинской помощи сестрам монашеской общины, расположенной в труднодоступной местности.

Ключевые слова: монахиня Магдалина (Носкова), больница, фельдшер, эпидемия, Марфо-Мариинская обитель, Куваевская больница, сословная медицина.

O. S. Smirnova,

Teacher of the Sunday School of the Holy Intercession Women's Diocesan Monastery (Suzdal)

**ORGANIZATION OF MEDICAL CARE
IN A PROVINCIAL MONASTERY
(On the example of the Nativity of the Mother of God female
Isakov monastery of the Yaroslavl diocese)**

The article based on the analysis of documents of personal origin collected information about how the sick nuns were looked after; analysis of ways of organizing medical care for the nuns of a monastery located in a hard-to-reach area.

Key words: nun Magdalina (Noskov), hospital, paramedic, epidemic, Martha-Mariinsky monastery, Kuvaevsk hospital, estate medicine.

В Ивановском государственном архиве хранятся письма монахини Магдалины (в миру Марии Александровны Носковой) сестре Анне Александровне и ее мужу – фабриканту и меценату Дмитрию Геннадьевичу Бурьлину. Мария начала приписку с сестрой и ее мужем в 1886 г., сразу после свадьбы сестры, когда та переехала из родного Ярославля в Иваново-Вознесенск. До 24 лет Мария жила с родителями, а затем, в 1891 г. поступила в Севастианову Преображенскую пустынь Пошехонского района Ярославской губернии. Через три года, по настоянию родных, она переехала в Рыбинский Софийский монастырь. В 1900 г. вместе с м. Евгенией (Ласковской) и еще несколькими сестрами Софийского монастыря, послушница Мария была направлена в Исакову пустынь Пошехонского района – организовывать новый, преобразованный из мужского в женский монастырь. В Исаковой пустыни Мария получила должность казначеи и в 1902 г. была пострижена в монашество с именем Магдалина.

Тема здоровья часто встречается в письмах м.Магдалины родным. Мать м. Магдалины – Анна Алексеевна Носкова страдала хронической болезнью сердца и периоды обострения очень пугали родных. Купеческая семья Носковых пользовалась услугами частых докторов. «Любезный брат, Дмитрий Геннадьевич, у нас захворала мама, хотя не опасно, но все-таки мы все страшно перепугались. Вчера с ночи ей сделалось нехорошо, но она никому ничего не сказала. За мной прислали уже в 12 часов, послали за доктором, у нее все делались сильные приливы крови к голове, вроде припадка. Вчера ее причастили Святых Тайн, сегодня ей гораздо лучше, лечит Корн, был вчера и сегодня 2 раза, сказал сегодня зайдет опять. Был еще Леви, нашел, что у нее порок сердца, подробнее напишу в другой раз...» [1, л. 6].

Когда затрагивалась тема тяжелого состояния заболевших знакомых или родных, м. Магдалина часто свидетельствует о невозможности справиться с недугом усилием одних лишь врачей. Ограниченность их возможностей или неправильно поставленный диагноз, однако не являясь для нее поводом сильно критиковать медиков [1, л. 17 об.].

Большое участие м. Магдалины вызывали сообщения о болезни племянников. Она пыталась поддержать в их родителях надежду на скорейшее выздоровление и советовала наряду с лечением, возложить все упование на помощь Божию, убеждала не пренебрегать причащением больных и сугубой молитвой перед чтимыми святынями.

«Мне очень жалко Колу, что он растет таким слабеньким, часто прихварывает. Недавно прочитала, что о здоровье детей молятся Федоровской Божией Матери, а в вашем городе этот образ есть чудотворный и всеми чтимый. Вот бы Анечка почаще с Колей ездила туда молиться и подавала на молебен о здравии младенца Николая» [1, л. 35 об.].

«Сережу очень жаль, что так страдает, утешение то, что временные земные страдания приведут к нескончаемой радости в будущем, только надо бы его, хотя изредка, причащать Святых Тайн, это единственное лекарство в его болезни и отрада, даже если он и не понимает ничего – это заповедано нам самим Господом. В церковь, конечно, его трудно вести, но ведь на дом можно пригласить. Звала меня Анечка в Саров, но что же? Верно, уж отдумала?» [1, л. 34 об.].

В Исаковой пустыни кроме послушания казначеи, м. Магдалина обеспечивала лечение сестер монастыря. Жилых помещений остро не хватало, жили скученно в шести деревянных домах и каменном сестринском корпусе с трапезной и настоятельскими покоями. Любое заражение инфлюэнцей (гриппом) или другими заразными болезнями немедленно поражало почти всех сестер. Сильные эпидемии гриппа в монастыре были в 1902, 1904, эпидемия дизентерии, охватившая и монастырь и ближайшее селение, не стихала целое лето 1912 г. [1, л. 191 об.].

Для изоляции заболевших сестер и улучшения их быта, в 1910 г. в Исаковой пустыни был построен большой больничный корпус с храмом в честь преп. Серафима Саровского. Храм располагался в башне, ранее предназначавшейся для хранения хозяйственной утвари и постановки монастырских экипажей [2, л. 1 об.]. А примыкавший к нему корпус выстроен на месте Святых врат монастыря, разобранных и замененных каменной надвратной колокольней. Из-за нехватки средств, ее строительство затянулось. Более 10 лет сестры пользовались временной колокольней, т. к. с расширением теплого храма Рождества Богородицы в 1903г., его обветшавшую колокольню пришлось снести [3, л. 1 об.].

До 1910 г., когда число насельниц Исаковой пустыни уже превышало полторы сотни, в Исаковой пустыни не было собственного медика. В ближайший к монастырю (25 верст) амбулаторный пункт в с. Семеновское земский врач приезжал один-два раза в неделю [10, с. 76]. А ежедневный прием вел фельдшер, который при необходимости мог приехать к больному сам.

Выпускники Ярославской фельдшерской школы имели широкий профессиональный профиль: терапия, глазные болезни, хирургия, гигиена, детские болезни и даже ветеринария. Но в случае тяжелых заболеваний внутренних органов, особенно при необходимости хирургической операции, фельдшер был бессилён помочь. Из-за сословности медицинского обслуживания, большинству сестер, крестьянок по происхождению, приходилось рассчитывать только на Пошехонскую уездную земскую больницу. Попасть туда на лечение было практически невозможно, т. к. на 110 тыс. населения уезда больница располагала всего 64 местами [6, с. 21]. Монастырю было необходимо найти такую больницу, где сестер принимали бы при необходимости госпитализации в случае тяжелой или хронической болезни. Поэтому, как только в феврале 1909 г. в Москве открылась Марфо-Мариинская обитель милосердия со стационаром для бедных женщин, сестры Исаковой пустыни стали лечиться там.

В апреле 1910 г. в Иваново-Вознесенске была открыта Куваевская больница терапевтическо-хирургического профиля, ставшая одной из лучших в России по оборудованию и условиям содержания больных. Больница была построена и полностью обеспечена капиталом фабрикантом Николаем Геннадьевичем Бурьлиным (братом Д. Г. Бурьлина) и его женой Надеждой Харлампьевной, в память ее родителей – Харлампия Ивановича и Екатерины Осиповны Куваевых. Уже в первый месяц после открытия, м. Магдалина договорилась с Бурьлиными о госпитализации послушницы Александры, ранее лечившейся в Марфо-Мариинской обители [1, л. 84].

Появление больницы в самом монастыре требовало постоянного присутствия в обители профессионального медика. Если никто из сестер не имел медицинского образования, можно было нанять фельдшера из мирян, как например, поступили настоятельницы Холмогорского Успенского и Иоанно-Богословского Сурского монастыря [7, с. 84]. Но игуменья Евгения долго не могла найти медика согласного жить в такой глухой местности как Исакова пустынь. В 1907 г. в монастыре некоторое время жила фельдшер Елена Михайловна Персидская. Она родилась в 1865 г. в казачьей дворянской семье Области Войска Донского. В середине 1880-х гг. была надзирательницей в Усть-Медведицкой женской

гимназии [9, с. 62]. Затем, получив фельдшерское образование, поменяла педагогическое служение на медицинское. В 1891 г. она откликается на общественный призыв помощи голодающим крестьянам Поволжья. Наряду с лечением бедствующих крестьян, она становится помощницей графа Л. Н. Толстого по организации бесплатных столовых в Данковском уезде Рязанской губернии и Ефремовском уезде Тульской губернии. В 1892 г. возвращается на родину для борьбы с эпидемией оспы. Сохранились деловые письма Л. Н. Толстого Е. М. Персидской, опубликованные в 1953 г. в Полном собрании сочинений писателя. По идеологическим причинам в комментариях к письмам Л. Н. Толстого говорится только то, что после революции Е. М. Персидская работала фельдшером в Клинском районе Московской области [8, с. 226]. Но в действительности, с 1913 г. Елена Михайловна считалась насельницей Исаковой пустыни вплоть до закрытия обители в 1928 г. [4, л. 5; 5, л. 74]. Видимо, Е. М. Персидская жила в монастыре, но какое-то время работала в советских медицинских учреждениях.

Е. М. Персидская была не единственным медиком в обители. В 1910 г. в Исакову пустынь поступает новая сестра – рясофорная послушница фельдшер Антонина Яковлевна Назарцева. Она служила в Обществе Красного Креста, была на фронте во время Русско-японской войны. Начиная с Крымской войны, в армии и военных госпиталях появляются сестры милосердия и женщины-фельдшеры. В 1854 г. по инициативе великой княгини Елены Павловны в Санкт-Петербурге открывается Крестовоздвиженская община сестер милосердия. Первой помощи и уходу за ранеными их обучал знаменитый хирург Н. И. Пирогов. Началом медицинского служения в армии сестер женских православных обителей можно считать Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Указом Священного Синода за № 2065 от 24 ноября 1876 предписывалось всем женским монастырям выделить сестер для работы в военных госпиталях. Обучение проходило в общинах Красного креста и губернских городах на ускоренных курсах при госпиталях. По итогам строгого экзамена выдавался аттестат фельдшера, сестры милосердия или сиделки [7, с. 161]. Во время Русско-японской и Первой мировой войны работа монашествующих на фронте и в госпиталях для раненых стала повсеместной. Несколько сестер Исаковой пустыни трудились в Ярославском епархиальном лазарете. А рясофорная послушница Антонина Назарцева в 1915 г. опять была направлена на фронт. С 1919 по 1922 гг. она служила фельдшером в советских учреждениях, а в 1922 г. вернулась в Исакову пустынь, став секретарем церковного совета общины и прожила там до ее закрытия [4, л. 3].

«Новая больница у нас устроилась, слава Богу, и больные переведены и фельдшерицу Царица Небесная послала опытную – хорошо

знающую свое дело из вновь поступивших сестер – рясофорная послушница 39 лет; служила в обществе Красного Креста и на Японской войне. Только нет некоторых необходимых вещей для больницы и лекарств. Обращаюсь к Вам с усерднейшей просьбой, не поможете ли Вы и Николай Геннадьевич, посылаю выписочку, если можно, не откажите. А еще моя просьба: я чувствую себя, вот уже неделю, не совсем хорошо и теперь со своей фельдшерницей – беда – Матушка Игуменья заставляет лечиться, а она нашла до 20 болезней и говорит Матушке, что если не буду лечиться, то скоро уже разовьется вполне чахотка, а так как организм очень истощен. То чахотка последует не хроническая, а скоротечная. И вот, хочешь не хочешь – лечись. Говорит, надо делать подкожные спрыскивания мышьяком, велела выписать из Москвы и будет стоить это лекарство рублей шесть, да и еще какие-то надо, то прошу Вас, не будете ли добры, послать мне это лекарство. Хотя Матушка мне и не откажет на казенный счет выписать, но мне не хочется, а своих денег сейчас у меня ни копейки нет. Велит еще, чтобы было хорошее питание, но уж на это наплевать – ничего покупать себе не буду. Если Господу угодно, то и так поправлюсь, да и сейчас ничего особенного нет кроме слабости и боли в груди и спине. Прочие лекарства можно и здесь найти. Еще раз прошу Вас, Дмитрий Геннадьевич, если найдете возможным, не откажите в моей просьбе. Прощу передать мой сердечный привет и пожелание всего хорошего Анечке и всем вашим. Агнии Геннадьевне и Николаю Геннадьевичу с Надеждой Харлампьевной – они мне не отказывали никогда ни в какой просьбе – спаси их Господи за все и помилуй. Я не стою такого внимания и милости, только так я много их всегда беспокоила, что теперь, что-то уже и не смею писать, как бы не оскорбить. Сердечно вас благодарю за приглашение приехать к вам в Иваново, но уже едва ли соглашусь – трудно» [1, л. 100–101].

В переписке м. Магдалины с родными тема здоровья – одна из наиболее актуальных. Каждое заболевание детей Бурылиных, легкое или серьезное, вызывало у родственников сильное беспокойство из-за несовершенства медицинской помощи. В свою очередь в монастыре, забота о здоровье сестер так же занимала одно из главных мест в жизни обители. А благодаря энергии и обширным связям казначеи монастыря – м. Магдалины, постепенно удалось организовать лечение больных сестер самыми современными для того времени средствами. Главными благодетелями, снабжавшими монастырь лекарствами были семьи Дмитрия Геннадьевича и Николая Геннадьевича Бурылиных.

Библиографический список

1. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 205. Оп. 1. Д. 36.

2. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Т. 2. Д. 1298.
3. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5346.
4. ГАЯО. Ф. Р-514. Оп. 1. Д. 543.
5. ГАЯО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 59.
6. *Волкова Т. И.* Ярославское земство и развитие народного здравоохранения и образования в губернии (1865–1918). Ярославль, 1998.
7. *Евфимия (Пащенко), монахиня.* Тайны монастырей. Жизнь в древних женских обителях. М., 2015.
8. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. Т. 66. М., 1953.
9. Памятная книжка Области Войска Донского 1885. Новочеркасск, 1884.
10. Ярославский календарь за 1894 г. Ярославль, 1894.

УДК 9(И) 470

А. С. Соколов,

профессор, Рязанский государственный радиотехнический университет
им. В. Ф. Уткина

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ 1921–1922 гг. (На материалах Рязанской губернии)

Рассматривается политика оказания помощи голодающим со стороны Церкви в период 1921–1922 гг. в Рязанской губернии. Описаны основные этапы практической реализации этого мероприятия. Анализируется отклик власти на проводимую политику.

Ключевые слова: голод, Всероссийский Церковный комитет помощи голодающим, Рязанская губерния, пожертвования.

A. S. Sokolov,

Professor, Ryazan State Radio Engineering University named after V. F. Utkin

ACTIVITIES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ON RENDERING AID TO THE FASTING 1921–1922 (Based on the materials of the Ryazan province)

The article deals with the policy of providing assistance to the hungry by the Church in the period 1921–1922 in the Ryazan province. The main stages of practical implementation of this event are described. The author analyzes the response of the authorities to the current policy.

Key words: famine, All-Russian Church Committee for Famine Relief, Ryazan province, donations.

В 1921 г. в результате сильнейшей засухи, упадка сельского хозяйства после Гражданской войны и кризиса аграрной политики советской власти миллионы людей в России оказались на грани голодной смерти. Голод охватил 35 губерний с общим населением в 90 миллионов человек, из которых голодало не менее 40 миллионов. В условиях кризиса, в конце лета 1921 г. церковные организации создали Всероссийский Церковный комитет помощи голодающим, целью которого был сбор средств пострадавшим от голода. Патриарх Тихон надеялся, что деятельность этого комитета поможет наладить диалог с Советской властью. Он обратился к российской пастве, к народам мира, к главам христианских церквей за границей с посланием: «Величайшее бедствие поразило Россию. Пажити и нивы целых областей ее, бывших ранее житницей страны и удивлявших избытки другим народам, сожжены солнцем... Ужасы нечислимы... Помогите! Помогите стране, помогавшей всем другим! Помогите стране, кормивших многих и ныне умирающей от голода [4, с. 31]. Одновременно патриарх обратился к властям с письмом от 22 августа 1921 г., в котором заявил о готовности церкви добровольно помочь голодающим и организовать сбор денежных, вещественных и продуктовых пожертвований.

В рязанской газете «Известия» в сентябре 1921 г. было опубликовано воззвание священника В. Минкевича к служителям церкви, в котором говорилось: «Все церковные служители, имеющие постоянное общение с народом и влияние на него, примите участие в борьбе с голодом. Призывайте народ к пожертвованиям, участвуйте в комитетах, вообще работайте, не оставаясь безучастными свидетелями бедствия» [3, 2 сентября]. В августе от мусульман г. Рязани на счет губкмпомгол поступило пожертвований на сумму 20 тыс. 750 рублей [3, 3 августа]. В начале зимы 1922 г. в ряде районов страны верующие по собственной инициативе добровольно передавали на нужды голодающих отдельные предметы из церковного имущества. К этому их побуждали в своих устных и печатных обращениях руководители религиозных центров и организаций. Патриарх Тихон в послании от 6 февраля 1922 г., одобренным и распространенном с ведома Политбюро, информируя паству о достигнутом компромиссе между властью и церковью в борьбе с голодом, призывал жертвовать не только продукты, но и церковные ценности, не имеющие богослужебного употребления. «Протяните же руки свои на помощь голодающим братьям и сестрам, – писал патриарх, – и не жалейте для них ничего, деля с ними и кусок хлеба, и одежду по заветам Христа» [5, с. 91]. Во всех церквях собирались пожертвования. Данный призыв был услышан населением. Так, верующие Михайлов-

ского уезда Рязанской губернии добровольно пожертвовали 2 золотника 68 долей золота, 2 пуда 2 фунта 66 золотников серебра, в том числе серебряные венки с могил князя Л. Н. Гагарина и графа Д. А. Толстого, находившихся в селах Феняеве и Маково. Кроме того, было сдано 290 рублей серебряной монетой и более 15 рублей медной монетой [1, с. 12]. С сентября 1921 г. по февраль 1922 г. сумма пожертвований в фонд помощи голодающим по Рязанской епархии составила свыше 1 млн рублей. За январь 1922 г. в распоряжение губернской комиссии Помгол от жителей Рязани поступило 389 203 396 руб. [6, с. 337]. В начале марта 1922 г. было обнародовано воззвание Рязанского и Зарайского архиепископа Вениамина ко всем верующим губернии: «Великое грозное народное бедствие — голод, охвативший один из самых плодородных районов нашей страны Поволжье, продолжает свирепствовать, а наши братья поволжане, страдая от невероятных мучений, причиняемых голодом, простирая к нам, находящимся в лучших жизненных условиях, свои иссохшие руки, молят нас о помощи. В полном согласии с постановлением общего собрания представителей рязанских приходских церквей, принятым 20 февраля, я прошу вас, православные граждане г. Рязани и всей Рязанской губернии, в самом спешном порядке через свои приходские советы и с разрешения местной гражданской власти созывать приходские собрания общества верующих при своих храмах, на каковых собраниях, приступив к подробному и всестороннему обсуждению этой неотложной задачи, выдвинутой перед нами великим бедствием голода, обдумать и решить ее согласно голоса вашей совести и братской любви к несчастным страдальцам — нашим братьям поволжанам. В древние времена церковное имущество считалось достоянием бедных и неимущие христиане от церквей получали и пропитание, и приют, и всяческую помощь. Киево-Печерская обитель еще при жизни ее основателя, когда сама во всем терпела нужду, оказывала широкую помощь бедным и голодным Киева. Она жертвовала своими сокровищами... Православные христиане! Последуем и мы примерам и заветам наших предков! Поделится, чем можем, с нашими голодными братьями!» [6, с. 337]. 14 апреля в интервью газете «Рабочий клич» Вениамин в категорической форме вновь призвал пожертвовать все имеющиеся драгоценности безо всяких условий [2, с. 72].

Однако уже 23 февраля 1922 г. ВЦИК издал декрет об изъятии церковных ценностей на нужды голодающих. За подписями секретаря ЦК РКП(б) В. М. Молотова и председателя ВЦИК М. И. Калинина в адрес губкомов и губисполкомов была послана зашифрованная телеграмма, в которой извещалось, что решено изъятие ценностей закончить в

европейской части к 1 мая. В целях реализации декрета об изъятии церковных ценностей в Рязанской губернии была создана комиссия, состоявшая из представителей местной партийной элиты. Возглавил комиссию секретарь губкома РКП(б) Дрожжин. Неожиданное для религиозных организаций решение ВЦИК в кратчайший срок изъять принудительно, повсеместно и полностью из молитвенных зданий ценностей уже несло в себе предпосылки к конфликту между государством и верующими.

Церковь приняла активное участие в борьбе с голодом. В условиях кризиса наметилась тенденция к компромиссу между правительством и Церковью в вопросе помощи голодающим. Тем не менее правящая власть возобновила антирелигиозную кампанию начав изъятие ценностей в православных храмах. Это привело к новому витку антирелигиозного экстремизма в стране. Изъятие церковных ценностей в 1922 явилось одной из мобилизационных кампаний, отвечающих политическим нуждам населения.

Библиографический список

1. *Гераськин Ю. В.* Государство и Церковь: (из истории Православной Церкви Рязанского края в XX столетии). Рязань, 2003.

2. *Гераськин Ю. В., Федин А. А.* Кампания по изъятию церковных ценностей как катализатор обновленческого раскола в Рязанской епархии (по материалам прессы) // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2017. № 2. С. 70–77.

3. Известия губернского исполкома совета рабочих и крестьянских депутатов. 1921.

4. *Кравцова С. С.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: АИРО-XX, 1997.

5. *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

6. *Семина М. В.* Кампания по изъятию церковных ценностей в Рязанской губернии (1922 год) // Вестник церковной истории. 2009. № 3–4 (15–16). С. 336–342.

Е. С. Ставровский,

доцент, Ивановский государственный энергетический университет

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ДУХОВНОГО СОСЛОВИЯ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ
(На примере рода Ставровских)**

Роль духовенства в становлении начального образования в дореволюционной России достаточно изучена. Гораздо менее известна культурно-просветительская деятельность духовного сословия в жизни провинции. Развитие музыкального образования во Владимирской губернии и культурную жизнь дореволюционного Владимира невозможно представить без фамилии Ставровский.

Ключевые слова: Духовенство, училище, церковный хор, музыкальное образование.

E. S. Stavrovsky,

Associate Professor, Ivanovo State Power Engineering University

**CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES
OF THE CLERGY IN THE VLADIMIR PROVINCE
(On the example of the Stavrovsky family)**

The role of the clergy in the formation of primary education in pre-revolutionary Russia is well known. The contribution of people from the clerical class to the cultural life of the province is much less studied. The development of musical education in the Vladimir province and the cultural life of pre-revolutionary Vladimir cannot be imagined without the surname Stavrovsky.

Key words: Clergy, school, church choir, music education.

В развитии начального школьного образования в XIX – начале XX в. существенный вклад принадлежит духовенству. В церковно-приходских и земских школах священноцерковнослужители преподавали Закон Божий. Среди учителей общеобразовательных предметов значительную долю составляли выходцы из духовного сословия – выпускники духовных семинарий, гимназий и епархиальных женских училищ.

Не был исключением в этом смысле и род Ставровских: свыше 15 его представителей работали в разных начальных школах как до революции, так и после 1917 г. Но известна эта фамилия стала во Владимир-

ской губернии на рубеже столетий, прежде всего, на музыкально-педагогическом поприще.

Первое упоминание Ставровских на Владимирской земле относится к середине XVIII столетия. «Род попа Иоанна Ставровского» упоминается в синодике Успенского кафедрального собора г. Владимира [1]. Как о. Иоанн соотносится с «нашим» родом, пока установить не удалось.

Первый в нашем роду получил фамилию Евграф Васильевич (1821–1873), служивший псаломщиком (дьячком) Успенской церкви села Ставрово (25 верст от Владимира). Это произошло ближе к середине XIX века. Из его многочисленной семьи унаследовали фамилию трое сыновей: Василий, Иван и Алексей.

Ставровский Василий Евграфович (1842–1923), не окончив по семейным обстоятельствам полного курса Владимирской духовной семинарии, был посвящен в диакона села Арефино Муромского уезда. Вскоре он переведён на место диакона Феодоровской церкви города Коврова.

Кроме службы в данном храме Василий Евграфович работал учителем в приготовительном классе Ковровского техническо-железнодорожного училища. С 1878 г. был законоучителем (учителем Закона Божия) начального училища при Ковровских железнодорожных мастерских. Затем у него добавилась должность законоучителя одноклассной женской школы и учителя чистописания того же училища.

«За особое, усердное исполнение в течение 25 лет обязанностей по обучению в народных школах» в феврале 1902 г. Василий Евграфович был сопричислен к ордену Св. Анны III степени. Он также имел медали в память царствования императора Александра III и в память 25-летия церковно-приходских школ (1909 г.) [2].

Ставровский Алексей Евграфович (1848–1921) в десятилетнем возрасте поступил во Владимирское духовное училище. Проявив незаурядные музыкальные способности, после второго класса Алексей был направлен в Москву в Синодальное училище. Здесь он учился 4 года, одновременно являясь певчим Синодального хора.

По окончании училища в 1864 г. Алексей Евграфович вернулся в ставший ему родным Владимир и поступил в духовную семинарию.

В 1866 г. А. Е. Ставровский был назначен регентом семинарского хора. Затем, еще будучи студентом, получил место помощника регента Владимирского архиерейского хора. Способности его вскоре были отмечены в местной прессе: «В 1869 году в зале Дворянского собрания дан был, небывалый здесь доселе, духовный концерт хором архиерейских певчих. Прекрасное исполнение возбудило желание в публике, чтобы духовные концерты продолжались и на будущее время. Ныне

архиерейским хором управляет получивший специальное образование в пении в Синодальных певчих г. Ставропольский, молодой человек, еще полный энергии. Конечно, он не откажет образованной публике в удовольствии еще раз слышать в концерте стройное гармоничное пение духовых хоров, исполненное певчими архиерейского хора...» [3].

А. Е. Ставропольский не обманул надежд сограждан – по окончании епархиальной семинарии он назначен регентом архиерейского хора (хора Владимирского Успенского собора). С этого времени духовные концерты во Владимире стали регулярными вплоть до 1917 года.

За свою долгую жизнь он много успел сделать на ниве музыкального образования в городе Владимире и во всем Владимирском крае. Алексей Евграфович преподавал пение и музыку почти во всех учебных заведениях губернского Владимира: в духовном училище, духовной семинарии, епархиальном женском училище, учительской семинарии, Мальцовском ремесленном училище.

Когда в 1883 г. во Владимире при Братстве Св. Александра Невского было организовано училище церковного пения, преподавать здесь церковное пение, теорию музыки и игру на скрипке было доверено опять же А. Е. Ставропольскому.

Всё же главное дело его жизни – создание прекрасного архиерейского хора. «...35-летнее служение его в должности регента архиерейского хора составляет собой лучшую страницу не только в истории этого славного хора, но и в истории церковно-певческого дела Владимирской епархии», – так писали об Алексее Евграфовиче «Владимирские епархиальные ведомости» [4].

Полвека архиерейский хор под управлением А. Е. Ставропольского был центром музыкально-хорового искусства и своим художественным исполнением старинных песнопений воспитывал во владимирцах любовь к прекрасному, к музыке и пению. Для своих воспитанников хор был серьёзной певческой школой и вырастил немало талантливых певцов и даровитых регентов. Из басов архиерейского хора по конкурсу брали певцов в протодиаконы Успенского собора в Московском кремле. Учениками Алексея Евграфовича являются регенты Д. И. Акциденский, А. А. Вигилянский, В. А. Зорин, В. С. Калинин, К. П. Стулов и другие [5]. Среди воспитанников архиерейского хора были и совсем «неожиданные» личности, например, Н. А. Соколов-Соколёнок (1900–1977), в будущем генерал-лейтенант авиации.

В феврале 1892 г. усилиями «Общества любителей музыкального и драматического искусства» впервые в истории города Владимира в театре была поставлена опера М. И. Глинки «Жизнь за царя», в которой группа архиерейского хора под руководством своего регента участвовала в первом, втором и четвёртом актах оперы [6].

За плодотворную работу на ниве музыкального образования А. Е. Ставровский был награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. (1888), Св. Анны 3-й ст. (1905), Св. Станислава 2-й ст. (1914).

Алексей Евграфович оставил после себя и духовно-музыкальные произведения, изданные в 1895 г. в Москве:

1. «Песнопения Воскресного всенощного бдения древних напевов, положенные в альтовом ключе на 3 голоса в простейшей гармонии» в двух выпусках (всего 260 стр.);

2. «Полные всенощные службы на все двенадцатые праздники, положенные на четыре голоса для смешанного хора» в 12-ти выпусках.

Оба вида песнопений были допущены Св. Синодом к использованию в церковно-приходских школах, на курсах пения и в псаломщических школах, а Учебным комитетом при Св. Синоде одобрены для духовных семинарий и училищ в качестве учебного пособия.

Уже в «наше время» (начало XX в.) отдельные произведения Ставровского исполняются известными московскими церковными хорами, такими как Московский синодальный хор под управлением А. А. Пузанова и хор московского храма Всех скорбящих радость под управлением Н. В. Матвеева.

Во многом продолжателем дела отца стал единственный сын Алексея Евграфовича – Пётр.

Окончив четыре класса духовной семинарии, он поступил на учёбу в Московскую Императорскую консерваторию, которую успешно завершил в 1912 г. по педагогическому отделению класса теории музыки со званием «свободного художника».

После окончания учёбы в Москве Пётр вернулся во Владимир. В июне 1912 г. в газете «Старый владимирец» появилось объявление следующего содержания: «С 1 сентября откроет свои занятия музыкальная школа свободного художника П. А. Ставровского. Предметы изучения: фортепиано, скрипка, пение (сольное и хоровое), оркестровая игра, теория и история музыки. В составе преподавательского персонала приглашены лица с высшим музыкальным образованием. Занятия будут вестись под наблюдением профессоров Московской Императорской консерватории.

Обращаться к Петру Алексеевичу Ставровскому, г. Владимир, Троицкая ул., д. Ставровского».

Это была первая музыкальная школа в истории Владимира, её также можно считать первой «настоящей» музыкальной школой во всей Владимирской губернии. В музыкальной школе работали профессора Московской консерватории: по классу фортепьяно – П. В. Кондратьев и Финкльштейн, скрипки – Чижевский и Иванский, пения – итальянец

А. де Рома. Большинство прочих предметов в школе вёл сам П. А. Ставровский, он же являлся первым директором музыкальной школы [7].

Кроме своего детища – музыкальной школы, Пётр Алексеевич много сделал в области музыкального образования и в других учебных заведениях. С 1914 г. по 1918 г. он преподавал пение в частной женской гимназии А. А. Орловой, также вёл уроки пения и музыки в духовной семинарии. Кроме преподавательской деятельности, он занимался просветительской работой, приглашал в город выдающихся музыкантов и певцов.

В 1919 г. он организовал во Владимире симфонический оркестр и музыкально-литературный ансамбль, а также светский хор, с которыми выступал в Гарнизонном клубе.

В 1922 г. Петра Алексеевича пригласили в Москву в Большой театр на должность хормейстера. Через 4 года по каким-то причинам он уехал на Украину, и только через 10 лет возвратился ближе к родным местам. В 1936 г. он переехал в Горький, где работал главным хормейстером в Театре оперы и балета.

В дальнейшем судьба П. А. Ставровского оборвалась сложилась трагически. 11 декабря 1937 г. он арестован по обвинению в «шпионской деятельности в пользу буржуазной Польши». Расстрелян 27 января 1938 г. и похоронен на Бугровском кладбище в Горьком (точное место захоронения неизвестно). В 1956 г. он был полностью реабилитирован.

Отца и сына Ставровских помнят на Владимиро-Суздальской земле, их имена внесены во «Владимирскую энциклопедию» (библиографический словарь, изданный в 2002 г.).

Библиографический список

1. Владимирские губернские ведомости (ВГВ). 1858. Прил. С. 112.
2. Владимирские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1914. Неофиц. ч. С. 445.
3. ВГВ. 1871. № 8.
4. ВЕВ. 1905. Неофиц. ч. С. 570.
5. *Косаткин М. В.* Ставровский Алексей Евграфович, 1950 // Личный архив регента В. С. Дьяченко (г. Владимир).
6. ВГВ. 1888. № 11.
7. *Косаткин М. В.* Ставровский Петр Алексеевич, 1950 // Личный архив регента В. С. Дьяченко (г. Владимир).

Л. В. Табунщикова,

доцент, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ ПО ОТДЕЛЕНИЮ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА В ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ (1920–1921 гг.)

В статье проводится реконструкция малоизученного процесса отделения Церкви от государства на территории Донской области. Характерной особенностью действий местной Комиссии по отделению на данном этапе (1920–1921 гг.) было стремление в общении с религиозными общинами соблюдать юридическую законность.

Ключевые слова: Церковь, Донская область, Комиссия по отделению церкви от государства.

L. V. Tabunshchikova,

Associate Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don)

ACTIVITIES OF THE COMMISSION FOR THE SEPARATION OF THE CHURCH FROM THE STATE IN THE DON REGION (1920–1921)

The article reconstructs the little-studied process of separation of Church and state on the territory of the Don region. A characteristic feature of the actions of the local Secession Commission at this stage (1920–1921) was the desire to observe legal legality in communicating with religious communities.

Key words: Church, Don region, Commission on Separation of Church and State.

Церковная история Дона раннего советского периода получила лишь фрагментарное освещение в работах отдельных историков [1, 2, 17, 18]. Необходимо заметить, что подобный процесс, но в рамках других регионов, изучен в гораздо лучшей степени [19, 20, 21].

Советская власть утвердилась на территории современной Ростовской области значительно позднее, чем в других областях – окончательно только в январе 1920 г. Соответственно и процесс отделения Церкви от государства, инициированный большевиками 20 января (2 февраля) 1918 года изданием соответствующего Декрета, начался с двухгодичным опозданием. Начало работы по проведению отделения Церкви от государства в Донской области приходится на июнь 1920 года. В докладной записке

в Коллегию отдела юстиции общего подотдела сообщалось: «В Донской области мера эта (отделение Церкви от государства. – *Л. Т.*) не проводилась в полном объеме» [5, л. 2]. До данного времени в области проводились разовые антирелигиозные акции [16, л. 13 об.–14; 4, л. 81; 13, с. 4; 14, с. 4]. Сыграло свою роль и отсутствие соответствующей литературы, в связи с чем Агитотдел Донкома РКП(б) обращал внимание отдела агитации и пропаганды ЦК РКП(б) на несвоевременность получения им периодической партийной литературы [15, л. 15].

Активная работа по отделению Церкви началась только после получения Донским Губотделом юстиции 26 мая 1920 распоряжения Народного Комиссариата юстиции VIII отдела по отделению церкви от государства. Согласно ему, пресекалась деятельность «т. н. Епархиальных Советов, Генеральных консисторий и т. п. религиозных организаций», как незаконных и противоречащих Декрету [5, л. 1]. Последовавший Циркуляр отдела Юстиции всем Окружным бюро области предлагал немедленно приступить к работе по отделению Церкви. Основной работой Окрбюро по проведению в жизнь декрета являлась «проверка всякого рода имуществ церквей и заключение договора с общинами церквей» [там же]. При каждой церкви, синагоге, кирке и т. д. должна быть образована группа граждан из прихожан данной церкви, количеством не менее 20 человек. Данные группы составляли в трех экземплярах инвентарную опись имущества, Окрбюро или соответствующий орган принимал это имущество, проверял, и по заключении специального договора, передавал в бесплатное пользование прихожанам церкви в лице образованной общины [там же].

Создание собственно Комиссии по отделению церкви от государства произошло не ранее 8 августа 1920 г. Именно в этот день на заседании Коллегии отдела управления Донисполкома принимается решение о создании Комиссии по вопросу об отделении церкви от государства [12, л. 23]. Еще до начала работы Комиссии в ее адрес поступило несколько заявлений от религиозных общин области с просьбой помочь в разрешении разнообразных конфликтов, чаще всего связанных с «уплотнениями». Любопытно, что для решения одного из подобных вопросов, 31 августа 1920 г. в Совнарсуд, где рассматривались 14 дел «об освобождении лиц от военной службы по религиозным убеждениям» [5, л. 4], ввиду принадлежности их к религиозным сектам, экспертом был приглашен профессор Ростовского университета, доктор церковного права, а по совместительству настоятель Кафедрального собора Рождества Богородицы г. Ростова-Дону Павел Верховский [7, л. 1].

Первое заседание Комиссии состоялось 23 сентября 1920 г. под председательством Петренко [6, л. 1]. На втором заседании, проходив-

шем 30 сентября 1920 г. под председательством Карагичева А. В., был утвержден штат канцелярии Комиссии [там же, л. 2]. Кроме этого, на заседании обсуждался вопрос о реквизиции и уплотнении помещений, принадлежащих религиозным общинам, причем Комиссия постановила впредь до ее особого распоряжения их не производить [6, л. 2]. Назначение А. В. Карагичева, до этого заместителя заведующего Отделом юстиции, председателем Комиссии произошло 6 октября 1920 г. на заседании Коллегии отдела юстиции [3, л. 62], после чего развернулась активная работа данного органа. Так, заседание 10 ноября 1920 г. прошло в присутствии приглашенных представителей религиозных общин г. Ростова. На данном заседании было решено, что все религиозные общины Ростовского округа, до сих пор не представившие описей церквей и проектов договоров, должны представить таковые в недельный срок.

В данное время Комиссия в лице ее руководителя А. В. Карагичева неоднократно становилась на сторону религиозных общин в спорных вопросах, связанных с т. н. «уплотнениями» их помещений представителями местных органов власти. Так, ввиду ходатайств со стороны Совета лютеранской общины, сектантов «Духовный Израиль» и других религиозных общин о приостановлении реквизиций занимаемых помещений, было принято уже упоминаемое постановление «впредь до разрешения Комиссией вопроса о домах и всех постройках, принадлежащих религиозным общинам, предписать центральному жилищному Отделу не производить ни реквизиции, ни уплотнения» [6, л. 2]. Последующие подобные резолюции подтверждают стремление Комиссии сохранить хотя бы подобие законности в отношении религиозных общин [5, л. 10]. Любопытно, что данное покровительство касалось не только разного рода сект, негласно считавшимися советской властью «пострадавшими» при царизме, но и «господствующей» конфессии, т. е. Православной церкви. Так, Донской епархиальный совет 12 ноября 1920 г. направил жалобу в Комиссию на Черкасский окружной военный комиссариат, который решил реквизировать помещение Совета в городе Новочеркасске. Прошение было рассмотрено и принято соответствующее решение: реквизицию приостановить, сохранив за Епархиальным советом его обстановку и оборудование канцелярии [6, л. 8].

Помимо разрешения имущественных споров, Комиссия занималась своей основной работой – «отделением» Церкви от государства путем подписания соответствующих договоров. К концу 1920 года, по существу за полгода ее существования, было проверено описей и подписано договоров в г. Ростове с 10 церквями, из них с 3-мя православными и 7-ю армянскими, а также готовились работы по подписанию договоров, в первую очередь, иноверных и «раскольничьих» общин.

В области пропаганды антирелигиозных идей среди населения было прочитано в гг. Ростове и Нахичевани 10 лекций, в станицах Кривянской и Старочеркасской 12 лекций [5, л. 121]. Дальнейшей организации работы по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства по округам Донской области не происходило, поскольку Комиссия ждала по ее заявлению, выяснения положения дел «и на строения широких масс казачества на местах» [там же].

Новый, 1921 год начался для Комиссии резкой критикой ее работы Отделом юстиции, что известно из доклада Наркомюсту на заседании Коллегии отдела Юстиции 17 января 1921 г.: «вообще деятельность Комиссии, как она обрисовывается докладом, представляется недостаточно решительной и определенной» [9, л. 13]. Окончательная резолюция данного документа была более чем категоричной и определенной: «Комиссию по отделению церкви от государства, существование коей вовсе не вытекает из Декрета советской власти по этому предмету, упразднить» [там же]. Однако, несмотря на жесткую критику ее деятельности, Комиссия по отделению церкви по неизвестным автору причинам ликвидирована в рассматриваемое время не была. Не попал в опалу и ее глава, А. В. Карагичев [11, л. 24].

Дальнейшая деятельность Комиссии по-прежнему определялась принципами юридической законности в деле отделения Церкви. Так, отвечая на жалобу Заведующему еврейскими богословскими курсами «Ешибот», Комиссия вынесла постановление, что если «Ешибот» представляет собой чисто богословские курсы, слушателями которых являются лица старше 18 лет и вне школ и учебных заведений, то существование таких специально-богословских курсов «надлежит почитать не воспрещёнными существующими узаконениями и распоряжениями Советской власти» [5, л. 75]. Шла Комиссия навстречу религиозным объединениям и в вопросе об организации крестных ходов и молебнов у домов верующих [5, л. 141]. Когда пастор лютеранской церкви обратился с ходатайством о возврате церковного дома, Комиссия просила Чрезвычайную жилищную тройку об удовлетворении вышеизложенного ходатайства [там же, л. 81].

Продолжалась в 1921 г. дальнейшая ее работа по отделению Церкви и подписанию новых договоров. На 24 августа 1921 г. Комиссией в лице ее главы А. В. Карагичевым были подписаны договоры об отделении с 22 православными церквями, 2 старообрядческими, 11 синагогами и еврейскими молитвенными домами, 14 армяно-григорианскими, 1 мечетью, 1 караимским молитвенным домом, 1 лютеранской церковью, 2 баптистскими церквями гг. Ростов-на-Дону, Нахичевань и Ростовского округа.

Активная работа Комиссии в конце августа прекращается, поскольку уезжает ее глава А. В. Карагичев, что известно из «Выписки из акта по ревизии» Комиссии, состоявшейся 2 сентября 1921 г. [10, л. 36]. Ситуация в округах на данный момент была более чем плачевная: «что делается на местах в других округах области, покрыто мраком неизвестности» [8, л. 18 об.]. Единственным исключением стал Черкасский округ, где Комиссия по отделению была создана, по одним данным, в апреле 1920 г., под председательством члена исполкома Орловского [5, л. 60], по другим данным, в июне-июле 1920 г. [5, л. 3]. Данной Комиссии удалось добиться значительных успехов: «комиссия истребовала от религиозных общин сведения об их имуществах, собрала списки граждан, пожелавших организовать религиозные общины». Результат работы Черкасской комиссии был впечатляющий: ей удалось подписать договоры более чем со ста церквями» [5, л. 60]. В дальнейшем, в виду отсутствия каких-либо указаний на необходимость существования Окружной комиссии, «штатов ее канцелярии и средств на ее существование», Черкасская окружная комиссия прекратила свое существование [там же].

Последующая работа Комиссии была связана с закрытием домовых церквей, что известно из ее сообщения от 23 сентября 1921 г. в отдел Управления Донисполкома [10, л. 56]. 12 октября 1921 года в г. Ростове была избрана новая областная Комиссия, как было заявлено, по причине «неработоспособности предыдущей» [5, л. 2]. Комиссия по отделению церкви от государства в составе Предбюста т. Барановского, Завзагсом т. Весенко и Уполномоченного Члена Комиссии Бюро Юстиции т. Попова приступила к отделению церкви от государства, начав с Новочеркасского кафедрального собора. «Но ввиду громоздкости работы по приему и передаче имущества собора, таковая, нужно полагать, будет выполнена не раньше конца этого месяца...» [там же]. На этом заканчивается процесс отделения Церкви от государства в Ростове-на-Дону и Донской области, проводимый в жизнь через Комиссию по отделению церкви от государства.

Таким образом, процесс отделения Церкви от государства в Донской области начался позже, чем в остальных областях страны, что было связано с гражданской войной, с января 1920 года. Комиссия по отделению церкви от государства была образована только спустя полгода после окончательного прихода советской власти на Дон – в августе 1920 года. Особенностью действий главы данной Комиссии А. В. Карагичева было стремление в общении с религиозными общинами соблюдать юридическую законность. Работа по отделению Церкви от государства происходила на обоих этапах, в 1920 г. и в 1921 г., только в г. Ростове и Ростовском округе, почти не затрагивая округов области.

Библиографический список

1. *Авдеев В. Л.* История храмов станицы Кагальницкой. Ростов н/Д: Изд-во Ростовской-на-Дону епархии, 2011.
2. *Бирюкова Ю. А.* Советская власть и православные общины Дона в 1920–1930-х гг. характер отношений на местах. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2012.
3. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Р-1220. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАРО. Р-1220. Оп. 1. Д. 6.
5. ГАРО. Р-97. Оп. 4. Д. 52.
6. ГАРО. Р-97. Оп. 4. Д. 50.
7. ГАРО. Ф. 527. Оп. 3. Д. 754.
8. ГАРО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 36.
9. ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 109.
10. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 53.
11. ГАРО. Ф. Р.-97. Оп. 1. Д. 49.
12. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 70.
13. Извещения. Лекции // Советский Дон. 1920. № 98. 12 июня.
14. По Донской области // Советский Дон. 1920. № 90. 3 июня.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. Р-17. Оп. 60. Д. 134.
16. Центр хранения архивной документации (г. Шахты). Ф. Р-222. Оп. 1. Д. 3.
17. *Шадрина А. В.* Храмы Азовского района. Ростов н/Д: Антей, 2014.
18. *Шадрина А. В.* Храмы Донской епархии к. XVII века – 1920 г. Справочник. Ростов н/Д: Антей, 2014.
19. *Якунин В. Н.* Самарская епархия в 1914–1918 гг. // Память о прошлом – 2017: материалы и доклады VI историко-архивного форума, посвященного 100-летию революции 1917 г. в России. 2017. С. 233–241.
20. *Якунин В. Н.* Последствия революции 1917 года для Самарской епархии // Волжский вестник науки. 2017. № 3 (7). С. 61–66.
21. *Якунин В. Н.* Город Святого креста (церковная история города Ставрополя – Тольятти). Тольятти, 2007.

УДК 94 (470.11)

С. Н. Третьякова,

старший научный сотрудник, Научно-исследовательский арктический центр
МО РФ (г. Северодвинск)

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВА, ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА
В СТАНОВЛЕНИИ В РОССИИ ДЕЛА СПАСЕНИЯ НА ВОДАХ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

**(На примере Архангельского окружного общества
спасения на водах)**

Общество спасения на водах объединяло представителей морского ведомства, местных властей, церкви, городских и сельских жителей. Рассмотрены факторы, влиявшие на развитие и деятельность Архангельского окружного отделения в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: Общество спасения на водах, Архангельская губерния, благотворительная организация.

S. N. Tretyakova,

Senior Researcher, Arctic Research Center of Ministry of Defense
of the Russian Federation (Severodvinsk)

**COOPERATION BETWEEN SOCIETY, CHURCH AND STATE
IN DEVELOPMENT WATER RESCUE SERVICES IN RUSSIA
IN LATE XIX – EARLY XXTH CENTURIES**

(On the example of Archangel Branch Society of Rescue on Waters)

Society of rescue on waters united representatives of Navy, local authorities, church, urban and local residents. Factors influencing the development and activity of Archangel Branch in late XIX – early XXth centuries are determined.

Key words: Society of rescue on waters, Archangel Region, charitable society.

Всероссийское общество спасения на водах (ВОСВОД) насчитывает почти 150-летнюю историю, и восходит к событиям 1866 г., когда чудесное спасение императора Александра II дало толчок к развитию в стране благотворительных обществ. Мысль об устройстве в России морских спасательных (спасительных, как писали в то время) станций на средства частных лиц возникла в среде кронштадтских моряков. Она получила поддержку на самом высшем уровне, была популярна среди населения. При морском министерстве был создан комитет под предсе-

дательством вице-адмирала К. Н. Посыета для разработки проекта спасательного общества.

3 июля 1871 г. императором был утвержден Устав Общества. Покровительство над ним приняла на себя цесаревна Мария Фёдоровна. Общество состояло в ведении морского министерства, но создавалось как благотворительная организация, за счёт взносов и пожертвований. Дополнительно, по высочайшему повелению, из государственной казны Обществу выплачивалось ежегодное пособие в размере 25 тыс. руб. Были разосланы обращения к местным гражданским, военным и церковным властям, председателям биржевых комитетов, губернским и уездным предводителям дворянства с просьбой оказать содействие Обществу. Указывалось, что предприятие касалось не только губерний, прилегающих к морю, но и внутренних областей России, обильных реками и озёрами [8, с. 9].

7 марта 1872 г. состоялось первое общее собрание действительных членов Общества подания помощи при кораблекрушениях, председателем был избран генерал-адъютант К. Н. Посыет. В 1880 г. оно стало называться Обществом спасания на водах, а в 1892 г. ему было даровано право именоваться Императорским Российским обществом спасания на водах. С 1891 г. издавался ежемесячный журнал «Спасание на водах». Указом Николая II, начиная с 1898 г., день 9 мая (по ст. ст. – день Св. Николая) был объявлен Днём Общества спасания на водах.

К началу XX в. Общество имело свыше 12 тыс. действительных членов, 163 морских и речных лодочных и ракетных спасательных станций, 168 полустанций, содержало 88 переправ. Было спасено более 11 тыс. человек и предотвращено более 930 крушений судов [1, с. 93].

В январе 1872 г. архангельский губернатор Н. П. Игнатьев пригласил всё население губернии «через известных и почетных лиц» к подписке в члены Общества. Торжественное заседание состоялось 6 апреля 1872 г. Открывая его, Н. П. Игнатьев сообщил, что подписка «увенчалась полным успехом», она ещё не окончилась, но уже есть 87 действительных членов и 146 членов-соревнователей, а в кассе общества 659 руб. сер. Губернатор попросил отнестись сочувственно к развитию и процветанию Общества, отмечая, что нет необходимости говорить о его важности для Архангельской губернии, «омываемой на громадном протяжении Северным океаном и Белым морем, которые по свойствам своим нуждаются в устройстве спасительных станций» [3, л. 4–5]. Председателем Окружного правления был избран командир Архангельского порта, капитан 1-го ранга, князь Л. А. Ухтомский.

На следующем заседании Окружного правления князь Л. А. Ухтомский, напомнив предысторию создания Общества, выразил

надежду, что все сословия жителей Архангельской губернии проникнутся святостью идеи, лежащей в основании Общества. «Все зависит от средств и от нравственной поддержки местного общества!». Было решено просить губернатора о передаче Обществу 1800 руб., которые ежегодно поступали от правительства России «для построек спасительных изб и карбасов по пустынным берегам Белого моря и Северного океана». Этой суммы должно было хватить для открытия двух морских станций. Первая станция была устроена на южной оконечности Мудьюгского острова, ввиду частых случаев кораблекрушений в этом районе [3, л. 7–8 об.].

Архангельская Дума поддержала благородное дело, постановив ассигновать Обществу ежегодно по 200 руб. Когда Обществу был разрешён кружечный сбор в церквах, Архангельское отделение также решает «заказать по присланному образцу кружки в числе 20 штук», а к ним 40 замков, 40 пробоев и 80 крючков. Установлены они были не только в Соломбальском и кафедральном Троицком соборах, но и в Управлениях порта и таможни, Конторах корабельных смотрителей, Морском собрании, Коммерческом клубе, Соловецком монастыре и др. [3, л. 17–17 об.]. Со временем география кружечного сбора распространится на всю губернию. По ведомости 1889 г. значилось 15 кружек при церквах, 8 – при спасательных станциях, 5 – в клубах, 8 – на частных пароходах [6, с. 45]. Кружечный сбор составил в 1878 г. – 98,09 руб., в 1880 г. – 194,76 руб., в 1889 г. – 160,61 ½ руб.

Отметим тесное взаимодействие между офицерским составом военных судов и Архангельским Обществом подаяния помощи при кораблекрушениях. Многие военные были действительными членами, входили в состав Окружного правления. Председателями правления избирались командиры Архангельского порта, с 1886 г. – директора маяков и лоций Белого моря. Там же находилась и канцелярия Окружного правления, проходили заседания. Помощь военных была неоценима при решении вопросов технического характера. Ещё в 1872 г. было решено посылать одного из членов Правления, из морских офицеров, в Белое море и Северный Океан для описи берегов. Впоследствии правление просило командиров военных шхун «осматривать по возможности» во время плавания спасательные избы и станции и сообщать о их состоянии [4, с. 9; 5, с. 21]. Ежегодно старался посещать станции председатель правления.

Важным событием стало устройство в Малых Кармакулах на Новой Земле спасательной станции-приюта для промышленников, остающихся на зиму на острове, а также для лиц, терпящих крушение вблизи острова. Новоземельская станция создавалась на средства и находилась в ведении Главного правления, но и Архангельское отделение имело к

этому прямое отношение. Смотреть за строительством станции, а позже провести там зимовку в 1878–1879 гг. было доверено действительному члену Общества поручику Е. А. Тягину, который успешно справился со своим поручением.

Социальный состав спасателей был довольно пёстрый. Атаман (старшина) Троицкой станции, переданной под попечение Соловецкого монастыря, назначался из опытных монахов, а гребцы набирались из послушников или наёмных моряков. На Мюдьюгской станции по мере необходимости гребцы созывались из нижних чинов Пограничной стражи, которая базировалась на острове. Атаманом Кегостровской станции на р. Северной Двине стал местный священник Иван Подосенов, на что им было получено благословение. На Каскогорской станции служили местные крестьяне, на Кузнечевской и Соломбальской – лоцманы и ученики Общества Архангельских лоцманов. Остальные станции комплектовались из матросов Архангельского торгового порта. На Новой Земле контроль над станцией был поручен местным самоедам-колонистам. Подробно деятельность спасательных станций отражена в ежегодных отчётах Окружного правления, а также в ряде работ [9, 10].

Расширение рамок деятельности Архангельской окружной организации ограничивалось нехваткой средств. Даже расход в 200 руб., которые шли на поддержку на первых порах новоземельского приюта, как отмечалось в отчёте, «отражается на общем состоянии весьма скромных средств Округа и служит в прямой ущерб его интересов» [6, с. 16]. Материальную помощь оказывали предприниматели, заинтересованные в безопасном судоходстве. Купец В. М. Телятьев на обустройстве станции на мысе Летний Орлов в Онежском заливе пожертвовал спасательный вельбот «с устройством для его хранения сарая». На Мезени станция содержалась на средства владельца лесозавода Н. И. Русанова, правда она существовала недолго. Он же пожертвовал средства для закупки строительных материалов для станции на Новой Земле.

Поддерживали Общество и простые жители, особенно поморы, пусть и небольшими деньгами. Помимо кружечного сбора, поступления шли от коллективных членов – Общества лоцманов, отдельных волостей. Естественно, что основные денежные средства вносили морские офицеры и купечество, из них же избирался и состав правления. Причём со временем соотношение стало меняться в пользу гражданских лиц, вероятно из-за того, что на Севере практически не осталось военных судов. Сократился численный состав Общества, если в 1879 г. было 90 действительных членов, то за 1880 г. убыло сразу 40 человек, и в последующем число членов колебалось в пределах 40–50. Частично это можно объяснить переводом военных в другие места службы.

Правление, «озабочиваясь изысканием денежных средств», обратилось с письмами к «начальствующим лицам, а также к лицам, занимающим более или менее общественное положение в г. Архангельске» с просьбой вступить в члены Округа и «тем доставить возможность к увеличению денежных средств на человеколюбивые действия спасательных учреждений». В правлении с удовлетворением констатировали, что «некоторые граждане откликнулись на это святое дело и личный состав Округа увеличился по сравнению с предшествующими годами» [6, с. 11]. «Высокую заботливость» оказывал епископ Архангельский Нафанаил, который способствовал распространению по Архангельской епархии кружечного сбора. Он пожертвовал из собственных средств 100 руб. сер. и дополнительно 18 руб. для помощи беднейшим жителям Соломбальского селения, которые в период наводнения вынуждены спасаться на кровлях ветхих домов, проводя целые сутки под открытым небом без пищи и тёплой одежды. Ввиду «этого грустного явления» весной 1889 г. правлением были куплены необходимые припасы. Председатель правления капитан 2-го ранга П. Ф. Иванов лично доставил на шлюпках и раздал нуждающимся в низменной части Соломбальского острова припасы, часть из которых он приобрёл за счёт собственных средств [6, с. 12].

Можно говорить об упадке в деятельности Архангельского общества в начале XX в., основные усилия были перенесены на речные станции, которые функционировали только в периоды ледостава и ледохода. В отчётах уже не упоминаются случаи кораблекрушений, помощь в основном требовалась провалившимся под лёд [10]. Но в это же время по инициативе начальника Мурманской научно-промысловой экспедиции Л. Л. Брейтфуса на Мурманском побережье были учреждены две станции и построены в Норвегии два спасательных крейсера, на средства Главного Правления [2]. После 1907 г. сведения об Обществе даже пропадают из информационных Памятных книжек Архангельской губернии. Некоторое возрождение происходит в 1913–1914 гг., упоминаются 2 морских станции, 6 речных полустанций, 19 спасательных постов, которые работали только по мере необходимости [7, с. 55]. Естественно, что в период мировой войны и последующих революционных лет было не до организации помощи на водах.

Поэтому можно согласиться с мнением, что в организации водно-спасательного дела в Российской империи происходило распыление финансовых и материальных ресурсов, так как оказанием помощи при кораблекрушениях, помимо Общества, занимались несколько организаций – таможенное ведомство, морская пограничная стража, Гидрографический департамент. Только для Общества спасания на водах эта

деятельность была профильной, однако негосударственный статус этого благотворительного учреждения часто препятствовал его эффективному развитию. Необходима была мощная в финансовом отношении правительственная структура (пробораз современного МЧС) в содружестве с обществами-сателлитами [1, с. 94].

На примере Архангельского отделения видно, что полновесное содержание морских станций и оказание помощи терпящим бедствия в арктических морях на должном техническом уровне без государственной помощи ему было не под силу. То, что было востребовано в середине XIX в., спустя полстолетия уже не отвечало запросам времени. С другой стороны, в деятельности Общества соединились усилия представителей разного профессионального и социального статуса. Объединяло их общее дело, которое они считали благородным, даже святым. Руководство принадлежало лицам высших сословий, председателями традиционно были морские офицеры, в правление избирались предприниматели, чиновники, общественные деятели. Почётным членом был глава местной епархии. Но через пожертвования и участие в спасении людей вовлекались и остальные категории населения.

Библиографический список

1. *Афанасьев Г. Ю.* Водные спасатели Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века): становление, структура, эффективность // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 4. С. 90–97.
2. *Брейтфус Л. Л.* Обзор действий Мурманских спасательных крейсеров Императорского Российского общества спасания на водах. 1902–1910 гг. СПб., 1911. 148 с.
3. Государственный архив Архангельской области. Ф. 626. Оп. 1. Д. 1.
4. Отчет Архангельского Окружного Правления Общества подания помощи при кораблекрушениях за 1878 г. Архангельск, 1879. 47 с.
5. Отчет Архангельского Окружного Правления Общества Спасания на водах за 1880 г. Архангельск, 1881. 39 с.
6. Отчет Архангельского Окружного Правления Общества Спасания на водах за 1889 г. Архангельск, 1890. 45 с.
7. Памятная книжка Архангельской губернии на 1914 год. Архангельск, 1914. 100 с.
8. Первый годовой отчет Общества подания помощи при кораблекрушениях. СПб., 1873. 109 с.
9. *Попов Г. П., Давыдов Р. А.* Морское судоходство на Русском Севере в XIX – начале XX в.; в 2 кн. Кн. 1. Екатеринбург; Архангельск: ИЭПС, 2003. 246 с.
10. Сайт ГБУ АО «Служба спасения». URL: www.aocsc.ru

С. М. Усманов,

профессор, Ивановский государственный университет

ОБЗОР ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ПРОТООИЕРЕЯ ГЕОРГИЯ ФЛОРОВСКОГО ДЛЯ АМЕРИКАНСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Автор изучает статью о Русской Церкви протоиерея Георгия Флоровского для американской энциклопедии. Особое место в авторском анализе занимает рассмотрение интерпретация отцом Георгием советского этапа истории Церкви.

Ключевые слова: Протоиерей Георгий Флоровский, Русская Церковь, Энциклопедия Американа.

S. M. Usmanov,

Professor, Ivanovo State University

REVIEW OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN CHURCH BY ARCHPRIEST GEORGE FLOROVSKY FOR AMERICAN ENCYCLOPEDIA

The author studies an article about the Russian Church by Archpriest George Florovsky for Encyclopedia Americana. A special place in the author's analysis is occupied by the consideration of Father George's interpretation of the Soviet stage of the history of the Church.

Key words: Archpriest George Florovsky, Russian Church, Encyclopedia Americana.

В 1955 г. выдающийся православный богослов XX столетия протоиерей Георгий Флоровский написал статью «Русская Церковь» для известного в США энциклопедического издания «Энциклопедия Американа». Эта статья и была опубликована в той версии энциклопедии, которая выходила с 1955 по 1982 гг. Несомненно, данный текст выдающего богослова русской эмиграции, в последующем профессора Гарвардского и Принстонского университетов, представляет немалый интерес для исследователей истории Русской Православной Церкви. Конечно, не потому, что он мог содержать какие-то научные открытия. Статья для энциклопедии такого не предполагает по своему изначальному замыслу. Но очень показательно, какие именно акценты и нюансы выделил в изложении русской церковной истории столь авторитетный богослов и церковный историк.

Все это тем более интересно, что еще в 1937 г. отец Георгий Флоровский выпустил в свет, наверное, самый главный труд своей жизни – огромное по объему исследование «Пути русского богословия». Этот труд вызвал много разноречивых откликов и немало критики. Поэтому статью 1955 г. можно рассматривать и как своего рода постскрипtum к «Пути русского богословия», хотя жанр энциклопедической статьи и не предполагал какой-то полемики.

Действительно, статья о Русской Церкви протоиерея Георгия Флоровского для американской энциклопедии отличается сдержанностью изложения, продуманностью формулировок, очевидной сухостью в подаче материала. Флоровский последовательно обозревает все этапы истории Русской Церкви, уделяет внимание отношениям Церкви и государства, проблемам образования и культуры. В целом работа отца Георгия выглядит весьма сбалансированной, очень аккуратной в оценках и суждениях.

Все же можно отметить некоторые особенности интерпретации Флоровским ряда значимых аспектов отечественной церковной истории. Прежде всего, заметны «константинопольские» предпочтения отца Георгия: он подчеркивает зависимость Руси от византийского духовного и культурного влияния, а также принадлежность Русской Церкви к Вселенскому (т. е., Константинопольскому) патриархату. Это неудивительно, если учесть, что почти все время своего священнического служения отец Георгий пребывал в различных структурах Константинопольского патриархата.

Вместе с тем заметно сдержанное отношение Флоровского к духовному опыту России девятнадцатого столетия. В своей статье он даже не упоминает ни преподобного Серафима Саровского, ни Оптиной пустыни и ее старцев. Такая трактовка истории Русской Церкви, конечно, существенно обедняет создаваемую отцом Георгием общую картину.

Особенно интересен взгляд протоиерея Георгия Флоровского на советский этап истории Русской Церкви. Разумеется, он обходит молчанием наглое вмешательство иерархов Константинопольского патриархата во внутрirosсийские церковные дела, поддержку ими церковных обновленцев, попытки константинопольцев устранить от власти Святейшего патриарха Тихона. Кроме того, отец Георгий очень мало упоминает об антицерковных гонениях Советской власти. Впрочем, вполне резонным выглядит его замечание о том, что «о реальном положении Церкви в России имеется лишь неполная и предвзятая информация, эта тема очень сложная, и беспристрастное истолкование затруднительно». И далее затрагивает проблему, которая остается крайне актуальной и в наши дни, причем, отнюдь не только для России: «основной вопрос

в том, в какой степени Христианская Церковь может сотрудничать с откровенно антирелигиозным государством, не вовлекаясь в неразрешимый компромисс?».

Переходя к выводам, можно констатировать, что давняя статья протоиерея Георгия Флоровского о Русской Церкви представляет немалый интерес и в наше время. В целом она отнюдь не потеряла актуальности. Стоит учесть, что в современной России все еще не извлечены уроки из потрясений, пережитых нашей страной в XX столетии. В том числе и из недавней истории Русской Православной Церкви. Остается недостаточно известным духовное, культурное и интеллектуальное наследие Русского Зарубежья. В этом контексте творчество протоиерея Георгия Флоровского может оказаться еще очень нужным и полезным.

УДК 93/94+070.482+281.93

Л. Л. Щавинская,

старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

ХОЛМСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЕПАРХИЯ И ЕЕ ИЗДАНИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ (1905/1906–1915 гг.)

В статье речь идет о весьма активной издательской деятельности древней Холмской православной епархии в первые годы после ее восстановления, когда летом 1905 г. она была выделена из Холмско-Варшавской епархии. Приводятся краткие характеристики основных холмских епархиальных периодических изданий, дается общий обзор всей ее книжной продукции.

Ключевые слова: Холмщина, Русская православная церковь, Холмская православная епархия, Холмская губерния, православная периодика, православная печатная продукция.

L. L. Shchavinskaja,

Senior research fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow)

THE ORTHODOX DIOCESE OF Kholm AND ITS PUBLICATIONS IN THE FIRST YEARS OF REGENERATION (1905/1906–1915)

The article deals with the very active publishing activity of the ancient Orthodox Diocese of Kholm in the first years after its regeneration, when in the summer of 1905 it was separated from the Diocese of Kholm-Warsaw. Brief characteristics of the

main kholm diocesan periodicals are given, and a general overview of all its book production is given.

Key words: Kholm region, Russian Orthodox Church, Kholm Orthodox diocese, Kholm province, Orthodox periodicals, Orthodox printed materials.

Известный указ 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», усиливший взрывоопасность социально-политической обстановки в Российской империи, особенно болезненно был воспринят на западных имперских окраинах, в том числе на Холмщине. Ее уроженец, будущий православный митрополит, а тогда простой священник Александр Громадский восклицал, что его многострадальная малая родина «обессилена уже последствиями как бы с облаков свалившегося указа 17 апреля 1905 г.» [5, 798]. В самом деле «в Холмском крае, как равно и во всех концах России... поднимались волнения» [9, 114], что тогда же, в свою очередь, поспособствовало и достаточно быстрому восстановлению особой Холмской православной епархии, существовавшей с самых древних времени [2], и выделенной из Холмско-Варшавской епархии летом 1905 г.

Мы уже писали о кратковременном московском периоде издательской деятельности Холмской православной епархии во второй половине 1910-х гг., который вместе с тем был очень значимым [13, 370–373]. Сразу же после восстановления, уже с 1 января 1906 г., епархия начинает издавать свой основной журнал «Холмская церковная жизнь», программа которого была серьезным образом дополнена и конкретизирована по сравнению с содержанием прекратившего свое существование в конце 1905 г. «Холмско-Варшавского епархиального вестника». «Вследствие исключительных условий Холмско-Варшавского края, – подчеркивала редакция «Холмской церковной жизни», – новый епархиальный журнал должен отвечать интересам и запросам не только духовенства, но и простого народа, нуждающегося, при своей постоянной борьбе за православную веру и русскую народность, в духовном утешении, ободрении и поддержке... Русская народность – исконная в Холмщине и на Подляшь. Об этом свидетельствует и народное самосознание, и история, и памятники старины... В истекшем году, когда, после обнародования Высочайшего указа 17 апреля об укреплении начал веротерпимости, настало время принять все меры для борьбы с воинствующим католицизмом, не стесняющимся в средствах к достижению своих целей, и для охраны от соблазна слабых в вере, последовало Высочайшее соизволение... на учреждение (или точнее – восстановление) в городе Холме самостоятельной епархии в составе Люблинской и Седлецкой губерний» [10, 1–3].

В качестве постоянного «бесплатного прибавления» к выходящему два раза в месяц номеру епархиального журнала «Холмская церковная жизнь» прилагалась газета «Холмский народный листок», рассчитанная на самые широкие слои местного коренного населения. В ней печатались материалы «религиозного, исторического, патриотического и бытового содержания». Кроме этой газеты для широких народных масс с 1907 г. при Холмском православном братстве начинает издаваться еженедельная газета «на русском и местном малороссийском языке» «Братская беседа», редактируемая выходцем из крестьянской семьи потомственных холмщан М. П. Кобриным.

Летом 1912 г. после многолетних споров и ожесточенной политической борьбы происходит выделение из состава Варшавского генерал-губернаторства особой Холмской губернии, главными инициаторами создания которой выступили православные Холмской епархии в лице его архиерея епископа Евлогия (Георгиевского) и членов Свято-Богородицкого братства. Все это еще более усилило накал страстей на здешнем многовековом беспокойном пограничье Славии Западной и Восточной, причем тогда «польские боевики даже намеривались организовать покушение» на Евлогия «с одновременным взрывом православного собора в Холме» [3, 29]. В том же 1912 г. вместо «Братской беседы» начинает издаваться новая народная газета «Холмская Русь», выходившая еженедельно и имевшая большой успех. В 1912 г. Холмское Свято-Богородицкое братство приобретает собственную «типографию с новыми усовершенствованными машинами и разнообразными шрифтами», что значительно облегчает выпуск всех епархиальных изданий [11, 488].

Помимо регулярно, из года в год, печатавшегося в разных типографиях с конца XIX в. «Холмского народного календаря» теперь в собственной типографии «на Соборной горке» в Холме начинают все чаще выходить книги и брошюры, выпускавшиеся и ранее, но не столь активно. Практика бесплатных приложений к тому или иному православному периодическому изданию, осуществляемая в епархии со дня ее основания, значительно расширилась, все более из них создается «на основе музейных и консисторских документов и донесений в Совет Братства» как это делал, например, в течение многих лет священник Алексей Громадский [1, 32] – автор монографии «Появление и первоначальная история христианства в Польше» (Холм, 1910), выпускавшейся также в виде отдельных приложений к номерам журнала «Холмская церковная жизнь» за 1909–1910 гг. Всего же с 1906 г. в качестве приложений к периодическим изданиям епархии было издано большое количество не только брошюр, но даже и книг. К ним необходимо добавить и десятки

епархиальных книжных изданий, в том числе достаточно объемных, которые выпускались отдельно и были совершенно самостоятельными. В их числе, например, во многом не потерявшая своего значения книга «Очерки Холмщины и Подляшья: Говоры, обычаи, обряды, типы, нравы, песни, хозяйственный быт, домашняя обстановка, народное образование, разные нужды...» (Холм, 1911), написанная народным учителем В. Остапчуком и опубликованная под псевдонимом «В. Ткач». Огромной популярностью не только на Холмщине и Подляшье, но и далеко за их пределами, пользовался в течение десятилетий, вплоть до наших дней, регулярно переиздаваемый большими тиражами холмский православный «Богогласник» [6, 299–301; 7, 154–162; 14, 341–343], десятки тысяч экземпляров которого наряду с «Холмским народным календарем» стали подлинными народными книгами. Особую часть епархиальной издательской продукции составляли многочисленные массовые выпуски различных листовых публикаций, которые в основном были бесплатными и широко раздавались верующим.

Примечательно, что украинский язык постоянно присутствовал в изданиях Холмской епархии, что поддерживалось епископатом и советами православных организаций. Им хорошо владели не только местные священники, но и многие преподаватели православных духовных учебных заведений, включая Холмскую семинарию. Более того, для многих редакторов и авторов епархиальной печатной продукции это был родной язык. Выходец из холмского простонародья, редактор «Холмской Руси» и народный учитель В. П. Островский, горячо любя свою малую родину, как никто лучше объяснил в стихах надежду земляков на то, что в результате образования особой Холмской губернии их народ будет национально возрожден:

«Нас приняли в свои объятия
России верные сыны.
Москва и Киев – Русь святая
И величавый Петроград,
Свободу нам ниспосылая
Защитой мощной нас дарят» [8, 52–53].

При этом он не только помнит свой родной язык, но и благодаря православной помощи Холмщине возрождает его:

«Рідну мову, рідні пісні,
Все що Русь співає
Нехай вічно щирим серцем
Кожний з вас кохає» [4, 8].

Летом 1915 г. в самый разгар Первой мировой войны, в условиях экстренной эвакуации православных учреждений Холмщины и сотен

тысяч ее населения в глубинные восточные части Российской империи, выпуск епархиальной печатной продукции прекратился. К концу 1915 г. он возобновляется уже в основном в Москве, куда перемещается даже типография Холмского братства, печатавшая в первые месяцы войны в Холме помимо собственных изданий «и военные, и притом в большом количестве и всегда срочные и спешные («Армейский Вестник» с приложением, разные приказы, бланки и книги... и др.); ... ежедневно издаваемые Братством агентские телеграммы с извещением от Штаба Верховного Главнокомандующего» [12, 74].

Библиографический список

1. Archiwum Państwowe w Lublinie. Z. 103. № 93.
2. Gil A. Prawosławna eparchia chełmska do 1596 roku. Lublin-Chełm, 1999.
3. Paszkiewicz J. A. Gubernia chełmska // Lubelszczyzna. 2011. № 2.
4. Братская беседа. 1911. № 16.
5. Громадский А., свящ. Холмщина – искони православная страна // Холмская церковная жизнь. 1908. № 21.
6. Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Наследие региональной православной культуры беженцев Первой мировой войны в Центральной России и Сибири наших дней // Государство, общество и церковь: Миграция и межкультурное многообразие: материалы научно-практической конференции: в 2 ч. Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы, СПб. ин-т упр.; под науч. ред. Л. В. Савинова. Новосибирск, 2018. Ч. 2.
7. Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Первый православный печатный «Богогласник» // Федоровские чтения. 2011. М.: Наука, 2012.
8. Островский В. П. Вздохи о Холмщине. Холм, 1914.
9. Холмская губерния. Холм, 1914.
10. Холмская церковная жизнь. 1906. № 1.
11. Холмская церковная жизнь. 1912. № 13.
12. Холмский народный календарь на 1917 год. М., 1916.
13. Щавинская Л. Л. Издательская деятельность Холмской православной епархии в Москве: 1915–1917 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XV Международной научной конференции: в 2 ч. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. Ч. 1.
14. Щавинская Л. Л. Проблемы общественной и церковной жизни Холмщины в изданиях Холмской православной епархии в период эвакуации и революционных перемен: 1915–1917 гг. // Славянский альманах. 2018. № 3/4.

УДК 281.93(091)

В. Н. Якунин,

профессор, Поволжский православный институт
им. Святителя Алексия, митрополита Московского (г. Тольятти)

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЦЕРКОВНЫХ РАЗДЕЛЕНИЙ В 1941–1945 гг.: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

В статье анализируется преодоление церковных расколов и разделений в 1941–1945 гг.: обновленческого и викторовского (по имени епископа Виктора Островидова, одна из ветвей сторонников истинно-православной церкви). Рассматривается деятельность архиепископа Алексия (Палицына) в Средней Азии для искоренения обновленчества и обращения раскаявшихся обновленцев в состав Московской Патриархии весной 1944 г.

Ключевые слова: Церковные расколы, обновленческий раскол, викторовская ориентация, истинно-православная церковь, Русская православная церковь.

V. N. Yakunin,

Professor, Volga Region Orthodox Institute
named after St. Alexis, Metropolitan of Moscow (Togliatti)

OVERCOMING CHURCH DIVISIONS 1941–1945: UNKNOWN PAGES OF HISTORY

The article analyzes the overcoming of church schisms and divisions in 1941–1945: Renovationist and Victorian (named after Bishop Viktor Ostrovidov, one of the branches of the supporters of the True Orthodox Church). The article examines the activities of Archbishop Alexy (Palitsyn) in Central Asia for the eradication of renovationism and the conversion of repentant renovationists to the Moscow Patriarchate in the spring of 1944.

Key words: church schisms, Renovationist schism, Victorian orientation, True Orthodox Church, Russian Orthodox Church.

Обновленчество как движение организационно сформировалось после февральской революции и было представлено такими группами, как живая церковь, союз общин древлеапостольской церкви, союз церковного возрождения, и другими. Все они критиковали традиционные формы обрядового благочестия, канонический строй церковного управления, пытались переводить богослужение на современный русский язык, вводили новшества в богослужение.

Несмотря на то, что в начале 20-х гг. к обновленцам присоединились многие известные иерархи Церкви, в том числе и будущий патриарх Сергей, верующие массы ориентировались на патриарха Тихона, незаконно “низвергнутого” обновленцами не только из сана, но и из монашества. Переданные обновленцам храмы пустовали, тогда как в “тихоновских” было не протолкнуться. Главным своим “козырем” обновленцы считали лояльное отношение, переходящее в подобострастие, к советской власти. Но Декларация митрополита Сергия 1927 года выбивала этот козырь из рук обновленцев, так как в ней также провозглашался принцип лояльности и невмешательства в политику. В 30-е гг. общее наступление на все религии и церкви затронуло и обновленческое движение. К концу 30-х гг. из-за малочисленности православных храмов люди в большинстве своём особенно не разбирались в их юрисдикционном положении, а радовались тому, что есть.

В годы Великой Отечественной войны изменились отношения между РПЦ и властью, и обновленческая церковь стала государству не нужна. Был взят курс на её объединение с патриаршей церковью. Но в Средней Азии к 1944 г. обновленцы еще сохраняли свое влияние на верующих. Из 10 действовавших в Узбекистане церквей и молитвенных домов 8 было обновленческих и только 2 – в Фергане и Самарканде – придерживались патриаршей ориентации. В Ташкенте патриаршее течение было представлено подпольными приходами.

Весной 1944 г. Священный Синод Русской Православной Церкви командировал архиепископа Куйбышевского Алексия (Палицына) в Среднюю Азию для искоренения обновленчества и обращения раскаявшихся обновленцев в лоно Православной Церкви. К этому времени колебания среди среднеазиатских обновленцев усилились и в связи с тем, что глава среднеазиатской обновленческой епархии епископ Сергей (Ларин) уехал в Москву для переговоров об условиях своего воссоединения с Православной Церковью. На запросы своей паствы он не отвечал, и та осталась без правящего архиерея.

Слухи же о прибытии в г. Ташкент архиепископа, «весьма строгого и сурового» и с особыми полномочиями от патриарха, еще более нервировали обновленческое духовенство и усилили антагонизм между ними и православными. Дошло до того, что и обновленцы, и тихоновцы наняли для архиепископа Алексия квартиры и встречали его на вокзале со своими автомобилями, причем каждая группа отдельно от другой [3, л. 8–26].

Вполне понятно, что в этих условиях от владыки Алексия требовалось много такта и выдержки, чтобы не допустить столкновения непримиримых тихоновцев и раскаявшихся обновленцев. Он пресекал все

попытки дискредитировать бывших обновленческих священников. Неудивительно, что переход обновленцев в Московскую Патриархию прошел безболезненно, без эксцессов. Одновременно архиепископом Алексием была проведена большая работа по выявлению тех священников, кто самовольно, без архиерейского рукоположения принял этот сан.

Патриотическая деятельность куйбышевского архиерея выразилась в проповедях, произнесенных в Ташкентском Александро-Невском соборе, в его призывах помогать Красной Армии, молиться за победу над фашизмом и всеми силами поддерживать фронт. Такую же работу архиепископ Алексей провел в Самарканде, Алма-Ате, Фрунзе и Ашхабаде, куда съезжались обновленческие священники из районов для принесения покаяния и перехода в юрисдикцию Московской Патриархии.

Чтобы не оставить среднеазиатскую паству без соответствующего попечения, архиепископом Алексием был организован благочиннический совет до прибытия правящего архиерея. Он состоял из пяти человек, причем двое из них ранее придерживались обновленческой ориентации. Перед созданным советом владыка Алексей поставил ряд задач, и одной из них было побуждать приходских священников к произнесению проповедей на религиозно-нравственные и патриотические темы [3, л. 8–26].

Благочиннический совет не пользовался особым авторитетом среди духовенства. Он выступил против совершения церковных служб на дому и выполнения треб незарегистрированными, безместными священниками. Последних только в Ташкенте было 17 человек, с них была взята подписка о прекращении служб на дому. Благочиннический совет исполнял функции правящего епископа и в особых случаях входил в отношения с представителями советской власти и с уполномоченным Советом по делам Русской православной церкви при СНК Узбекской ССР [3, л. 8–26].

С катакомбной церковью власти было сложнее бороться, потому что её сторонники действовали нелегально. В Кировской области многие активисты виковской ориентации (сторонники истинно-православной церкви) в условиях войны вели антипатриотическую агитацию, высказывали суждения панического и пораженческого характера. Например, такие: «Скоро немцы нас разобьют, и война окончится»; «Коммунистам жить осталось немного. Гитлер скоро приберёт их к рукам».

Красноармейцам на фронт в письмах и посылках виковцы направляли молитвы, крестики и другую религиозную символику, при этом бойцов предупреждали, чтобы они использовали данные предметы при переходе на сторону немцев, и утверждали, что в случае пленения верующим солдатам будут предоставлены льготы и привилегии. Один из

авторитетов ИПЦ Н. И. Осмехин высказывал следующие суждения: «Нужно действовать во вред советской власти, подрывать военные склады, разбирать железнодорожные пути. ... Уклоняться от призыва в армию или дезертировать из неё». Ряд активистов ИПЦ, опасаясь репрессий и принудительной отправки на фронт, перешли на нелегальное положение и, оборудовав в лесах землянки, укрывались в них от органов местной власти, побуждая к этому и свою паству. Некоторые из них в землянках прятали лиц, уклоняющихся от призыва в РККА [4, с. 21–22].

В районах Марийской АССР, граничащих с Кировской областью, также сохранялось викторовское течение. Его последователи не признавали патриаршей ориентации, указывая на то, что в этой церкви «нет благодати Божией потому, что она открывается советской властью, то есть безбожниками» [1, л. 16]. В Сталинской области была замечена секта «краснодраконовцев». Они утверждали, что советская власть – это власть от красного дракона – дьявола, и считали безблагодатными церкви, а священников – не законными, так как, по их мнению, они служили для власти, а не для Церкви [2, л. 8, 170].

В конечном итоге, появившиеся возможности легально совершать религиозные обряды, открывать храмы способствовали постепенному возвращению в окрепшую Московскую Патриархию ее паствы. Различные группы «непоминающих» и «истинно-православных» с избранием патриарха Сергия оказались в трудном положении. С одной стороны, уже не было главной причины их непризнания церковной власти, в то же время курс на сотрудничество с Советским государством Московской Патриархией был продолжен.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 39.
2. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 52.
3. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 35.
4. *Миклин А. Н.* Деятельность РПЦ и ИПЦ в годы войны // Война в памяти народной: Кировская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). С. 21–22.

О. А. Яремчук,

заведующая кафедрой, Забайкальский государственный университет (г. Чита)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО УЧИЛИЩА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе материалов «Забайкальских епархиальных ведомостей» представлены основные направления деятельности Забайкальского епархиального женского училища в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Забайкальское епархиальное женское училище, Чита, преподаватель, воспитанница, церковь, учебно-воспитательный процесс.

O. A. Yaremchuk,

Head of the Department, Transbaikal State University (Chita)

ACTIVITIES OF THE TRANS-BAIKAL DIOCESAN WOMEN'S SCHOOL DURING THE FIRST WORLD WAR

The article presents the main activities of the Trans-Baikal Diocesan women's School during the First World War on the basis of the materials of the «Trans-Baikal Diocesan Gazette».

Key words: Trans-Baikal Diocesan women's School, Chita, teacher, pupil, church, educational process.

В 2020 году исполнилось 125 лет с момента открытия Забайкальского епархиального женского училища. Оно было учреждено в 1895 году в Чите для подготовки учителей и преподавателей духовных учебных заведений и было призвано обеспечить религиозное, нравственное воспитание девушек как будущих жен и помощниц священнослужителей. Первоначально возникло как шестиклассное учебное заведение, в 1909 году в нем был открыт VII класс, а в 1914 году – VIII класс [7, с. 426]. Освоение полной программы училища предусматривало выработку у воспитанниц цельного христианского мировоззрения, что являлось залогом их успешности в жизни, облегчало путь к получению дальнейшего образования в высших учебных заведениях (в частности, обеспечивало освобождение от экзамена на аттестат зрелости по предметам специальности), и, безусловно, давало епархии ценных работниц в деле просвещения народа в христианском духе. В годы Первой мировой войны Забайкальское епархиальное женское училище, как и другие

учебные заведения духовного ведомства, помимо подготовки кадров, оказало серьезную моральную поддержку населению Забайкальской области, а также обеспечило посильную материальную помощь воинам.

В статье на основе материалов периодического издания «Забайкальские епархиальные ведомости» за 1914–1917 гг. были рассмотрены основные направления деятельности указанного училища. Сметы расходов и доходов, доклады, отчеты, ведомости со списками воспитанниц, информация об их переводе на следующий курс, о воспитательных мероприятиях и др. позволяют составить общую картину функционирования этого духовного учебного заведения в рассматриваемое время.

В 1-й класс Забайкальского епархиального женского училища могли поступить девочки от 10 до 12 лет, в последующие классы принимались имеющие соответствующие классу познания и возраст. При поступлении необходимо было подать прошение в Совет училища, метрическое свидетельство или выписку о рождении и крещении и свидетельство о привитии от оспы [10, с. 500]. На казенное содержание принимались только сироты духовного звания и ведомства. На полуказенное содержание принимались дочери бедных псаломщиков и священнослужителей [11, с. 416].

В годы Первой мировой войны председателем совета Забайкальского епархиального женского училища являлся протоиерей Сергей Старков, инспектором классов – священник Николай Элизен, экономом – священник Георгий Пляскин. Есть упоминание о награждении преподавателя училища Вл. Васильева высочайшей наградой – Орденом Св. Анны 3 степени [5, с. 401]. Попечителем в 1914 г. был избран кяхтинский купец Стефан Михайлович Немчинов, который ежегодно вносил на нужды учебного заведения по 500 руб. [2, с. 59].

Материалы «Забайкальских епархиальных ведомостей» дали возможность представить штатный состав преподавателей и сотрудников училища, который за 1914–1917 гг. практически не менялся: председатель совета училища, начальница училища, инспектор классов, законоучитель, преподаватели русского языка и литературы, церковнославянского языка, алгебры и геометрии, истории, арифметики, природоведения и географии, дидактики, черчения и рисования, физики, пения, гигиены, учителя рукоделия, чистописания, училищный врач, делопроизводитель совета, эконом училища, больничная надзирательница, кастаньянша, заведующая библиотекой. Кроме того, осуществлялся наем служащих, т. н. «прислуги»: швейцар, караульщик, дворник, ламповщик (в т. ч. и рассыльный), кухарка, пекарь (в смете – «хлебопечка»), горничные (4 чел.), прачки (4 чел.), истопник, поломойка [12, с. 649–654].

Здания Забайкальского епархиального женского училища занимали фактически целый квартал. Главное из них располагалось в Чите на улице Троицкосавской, д. 48 (ныне – им. Балябина). При училище имелись церковь, классные комнаты, спальни, ученическая и фундаментальная библиотеки, физический и естественнонаучный кабинеты, умывальное помещение, уборная, амбары, сараи, баня, помещение кастелянши и опытной школы. Известно, что капитального ремонта в них в годы Первой мировой войны не проводилось, только частичные, не требующие больших расходов, как-то: замена нескольких половиц в коридоре, ремонт умывальных принадлежностей и замена в этом помещении старого пола новым [6, с. 642]. Помимо этого, при училище функционировала больница, которая нуждалась в пристройке трех стен для заразного отделения (только в 1914 г. коечных больных было 140 чел., из них двое болели заразными болезнями (брюшным тифом и скарлатиной), амбулаторных больных было 245 чел., из них наибольший процент – с болезнями горла). Это пристройка была сооружена к осени 1915 г., а ее внутренняя отделка – немного позже [1, с. 55; 6, с. 642].

Классной мебели в училище было достаточно, столы были удобны и прочны, все выкрашены, в спальнях железные кровати тоже выкрашены. Кабинеты по физике и естествоведению были оборудованы всеми необходимыми учебными пособиями (приборами, препаратами) и удовлетворяли основным требованиям программы. Однако, была отмечена некоторая небрежность в содержании естественнонаучного кабинета. Например, комиссией при осмотре была обнаружена открытая банка с погибшими черепашками, беспорядочно лежащие на столах и покрытые пылью ценные картины, таблицы и т. п. В то же время библиотека для учащихся была в образцовом порядке: шкафы в хорошем состоянии, книги все в прочных переплетах, поврежденные книги своевременно сдавались в ремонт; каталоги хронологически и систематически велись исправно. В педагогическом отделе фундаментальной библиотеки имелись ценные пособия по методике и дидактике, в том числе произведения классиков педагогики, например, Яна Амоса Коменского («Великая дидактика»), новейших исследователей (В. А. Лая, Э. Меймана и др.) [6, с. 643–644].

Питание воспитанниц было удовлетворительным: на каждую ученицу ежедневно расходовалось около 1 ф. мяса, 1 ф. крупчатки и 1 ф. черного хлеба, в постные дни мясо заменялось рыбой, выдавалось молоко и сахар. Столовой посуды было достаточно и ее можно было считать очень хорошей, кухонную же посуду следовало пополнить и заменить более прочной гигиеничной, однако обстоятельства военного времени этого сделать не позволяли.

Белье для воспитанниц шилось из белой бязи, по две новой перемены ежегодно. Верхнее платье – праздничное – изготавливалось из синей шерстяной материи, будничное – из бумажной материи. Воспитанницам на год выдавалось 4 полотенца, 3 пары чулок, 3 пары ботинок, пара теплых галош и теплое суконное пальто на вате.

Санитарная часть училища была в хорошем состоянии: полы в классах мылись ежедневно, в спальнях – еженедельно, белье воспитанниц стиралось подрядчиком-китайцем по контракту, больница училища содержалась очень чисто, имелись все необходимые для первой помощи лекарства и инструменты [1, с. 53–54].

Учебно-воспитательный процесс в Забайкальском епархиальном женском училище в рассматриваемое время был организован на достаточно хорошем уровне. Воспитанницы получали знания по Закону Божьему, русскому и церковно-славянскому языку, арифметике, географии, теории словесности, физике, истории, литературе, рисованию, черчению, различным педагогическим дисциплинам (истории педагогики, дидактике, педагогической психологии, методике обучения). Наибольшие трудности, как показывают документы, у учениц вызывали такие дисциплины, как русский язык, арифметика, география и история (эти дисциплины чаще других выносились на переэкзаменовку) [6, с. 647–648]. После проведенной проверки синодальным ревизором П. Ф. Полянским учебная работа в училище была признана наиболее благоприятной по сравнению с другими духовными учебными заведениями Читы [4, с. 65]. Однако, согласно его отчету, для более эффективной организации этой деятельности требовалось провести увеличение воспитательного персонала и принять меры к улучшению физического развития и эстетического чувства. Проверяющим отмечалось, что училищные здания были тесны, ученицы размещались в них скученно. А недостаток инструментов и средств лишал возможности поставить шире музыкальное образование [8, с. 446]. Стоит отметить, что в рассматриваемое время в учебном заведении имелись рояль, пианино, фисгармония [1, с. 56].

Для реализации воспитательных задач в училище проводились разнообразные мероприятия – музыкальные, вокальные, литературные вечера. Одно из таких мероприятий было организовано силами воспитанниц училища 6 ноября 1916 г. Это был благотворительный вечер для сбора пожертвований на нужды войны. Организаторам удалось красиво украсить зал разноцветными электрическими лампочками, декорировать зеленью и искусственными цветами. Все номера программы были исполнены достойно. Устройство вечера, с одной стороны, способствовало развлечению воспитанниц пансиона, а, с другой стороны – принесло

им нравственное удовлетворение от исполнения полезного для защитников Родины дела. Сумма сбора от лотереи-аллегри, продажи программ, сборников стихотворений учениц, цветов, чая, мороженого и фруктов выразилась в солидной сумме – более 400 рублей. Вечер почтили своим посещением Его Преосвященство, Преосвященнейший Владыка Мелетий, вице-губернатор А. П. Нарышкин, были и другие гости. Устройство таких вечеров, несомненно, имело громадное воспитательное значение, было весьма полезным в особенности в закрытом учебном заведении, внося необходимое разнообразие в монотонную жизнь пансионерок [3, с. 789–790].

Приведем пример еще одного мероприятия в Забайкальском епархиальном женском училище – храмового праздника в 1916 году, отмеченного необычайным торжеством. Для совершения литургии в учебное заведение прибыли Преосвященные Мелетий, епископ Забайкальский и Нерчинский и Зосима, епископ Киренский. На литургию в училищную церковь пожаловал военный губернатор Забайкальской области Андрей Иванович Кияшко с супругой Еленой Ивановной. Хор учениц под управлением воспитанницы 8 класса А. Горбуновой исполнил «Верую», «Просительную ектению», «Отче наш» и др., закончили запричастным стихом. Приветственное слово произнес инспектор классов Н. Элизен. После окончания богослужения Его Преосвященство предложил в назидание учащимся «Слово о величии и ценности начал христианского воспитания». Прибывшие позже архипастыри, проследовав в училищный храм, при пении «Ангел вхождение» вошли в алтарь, приложились к св. престолу. При выходе из алтаря, старейший из них, Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший архиепископ Евсей, поздравил всех воспитанниц с праздником и преподал общее всем благословение, на что хор ответил «Тон деспотин». Хор учениц на мероприятии исполнил гимны (славянский, св. Владимиру и сербский), тропарь св. Иннокентию. Воспитанницы поблагодарили гостей и проводили их пением «многая лета». Неизгладимое впечатление осталось у них от посещения училища архипастырями Восточной Сибири [13, с. 857–859].

С учетом военного времени для воспитания учениц в патриотическом духе Училищным Советом при Св. Синоде и Учебным комитетом Министерства народного просвещения была рекомендована подписка учебными заведениями народно-просветительского журнала «Верность» [9, с. 739]. Не исключением стало и Забайкальское епархиальное женское училище, которое было заинтересовано в чтении воспитанницами статей духовно-нравственного, патриотического и военно-исторического содержания.

Таким образом, несмотря на финансовые ограничения, вызванные условиями военного времени, Забайкальское епархиальное женское училище в 1914–1917 гг., находясь в ведении Св. Синода, продолжало качественно осуществлять свою работу, обеспечивая соответствующую подготовку воспитанниц для духовных учреждений Забайкальской области. Тем не менее, некоторые акценты в организации учебно-воспитательной деятельности были смещены на военно-историческое и патриотическое содержание.

Библиографический список

1. № 36 // Забайкальские епархиальные ведомости. 1915. № 21. С. 53–58.
2. № 38 // Забайкальские епархиальные ведомости. 1915. № 21. С. 58–59.
3. Благотворительный вечер // Забайкальские епархиальные ведомости. 1916. № 22. С. 789–790.
4. В дух.-учеб. мире // Забайкальские епархиальные ведомости. 1915. № 2. С. 65.
5. Высочайшие награды // Забайкальские епархиальные ведомости. 1916. № 12. С. 401.
6. Доклад // Забайкальские епархиальные ведомости. 1914. № 17. С. 642–648.
7. *Костюченко Ю. С.* Читинское епархиальное женское училище // Малая энциклопедия Забайкалья: Наука и образование: в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. Ч. 2: Н-Я. С. 426.
8. Материалы к программе вопросов на Епархиальный съезд духовенства и мирян, назначенный с 17-го – 26 августа с. г. // Забайкальские епархиальные ведомости. 1915. № 13. С. 439–447.
9. От Забайкальского Епархиального Училищного Совета // Забайкальские епархиальные ведомости. 1916. № 21. С. 739.
10. От Совета Забайкальского Епархиального женского училища // Забайкальские епархиальные ведомости. 1915. № 15. С. 500–502.
11. От Совета Забайкальского Епархиального женского училища // Забайкальские епархиальные ведомости. 1916. № 12. С. 415–416.
12. Смета по содержанию Забайкальского Епархиального женского училища на 1915 год // Забайкальские епархиальные ведомости. 1914. № 17. С. 649–654.
13. Храмовый праздник в Забайкальском Епархиальном женском училище // Забайкальские епархиальные ведомости. 1916. № 24. С. 857–859.

Ярослав (С. А. Очканов), иеродиакон,

докторант Общецерковной аспирантуры и докторантуры
им. святых Кирилла и Мефодия

ПОМОЩЬ СО СТОРОНЫ АНГЛИКАН РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ТЕРРОРА И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Во время религиозных гонений после революции 1917 г. Англиканская Церковь оказала неоценимую помощь страждущей Русской Православной Церкви. В годы Великой Отечественной войны англикане поддержали борьбу советского народа против фашистской Германии.

Ключевые слова: англикане, религиозные гонения, Архиепископ Кентерберийский, молебен, большевистская власть.

Yaroslav (S. A. Otchkanov), hierodeacon,

Doctoral student at the Institute of Postgraduate Education
of Saints Cyril and Methodius

THE HELP OF ANGLICAN CHURCHES TO THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH DURING THE YEARS OF THE BOLSHEVIK TERROR AND THE GREATE PATRIOTIC WAR

During the religious persecution after the 1917 revolution the Anglican Church has provided invaluable assistance to the suffering Russian Orthodox Church. During the Great Patriotic war, Anglicans supported the struggle of the Soviet people against fascist Germany.

Keywords: Anglicans, religious persecution, Archbishop of Canterbury, prayer service, Bolshevik power.

Взаимоотношения между Русской Православной и Англиканской Церквями начались в середине XIX века и успешно развивались вплоть до революционных событий 1917 года в России. В основе этих взаимоотношений лежало стремление к христианскому единению через преодоление межконфессиональных разногласий, прежде всего вероучительного характера. В начале XX века диалог между обеими Церквями получил достаточно интенсивное развитие и фактически вышел на высший церковно – государственный уровень.

Февральская, а затем и Октябрьская революции 1917 года, приведшие к ликвидации Российской империи и созданию Советского Союза, кардинальным образом изменили всю внешне – и внутривнутриполитическую ситуацию в стране, и крайне негативно сказались на жизни Русской Православной Церкви. Тем не менее, несмотря на революционные события, 15 (28) августа 1917 г. Русская Церковь в сложнейших условиях собрала давно готовившийся Поместный собор, на котором кроме главного вопроса – избрания Патриарха – решались и другие насущные церковные проблемы, в том числе и вопрос о взаимоотношениях с Англиканской Церковью.

19 июля 1918 года тридцать три члена Поместного Собора, среди которых было два архиерея и несколько профессоров духовных академий, составили записку с предложением создать Отдел по соединению христианских Церквей, которую представили на рассмотрение Собора 1 августа. Свою просьбу они обосновывали тем, что в настоящее время христианство подвергается опасности уничтожения со стороны безбожия и неверия, в связи с чем особое значение приобретает вопрос о единении христианских Церквей [9, с. 66.]

На заседании Собора 3 августа 1918 г. Отдел по соединению Церквей был создан, а с 24 августа по 17 сентября проходили его заседания. Председателем отдела, в который вошли сорок четыре члена Собора, стал архиепископ Алеутский и Северо-Американский Евдоким (Мещерский). Также Св. Синоду поручалось создание постоянной комиссии, имеющей отделения в России и за рубежом с целью дальнейшего изучения англиканской и старокатолической проблемы, чтобы посредством контактов с представителями данных Церквей способствовать скорейшему достижению единения. Председателем комиссии был назначен митрополит Сергей (Страгородский) (см.: [14, с. 109–141]).

Данный проект постановления, после рассмотрения Собором, был утвержден на его последнем заседании 7 (20) сентября 1918 г. Однако, на последнем совещании епископов, состоявшемся 9 (22) сентября, он не рассматривался, и принятое Собором «Постановление относительно соединения Церквей» не вошло в официальное Собрание определений и постановлений Собора. Таким образом, практическая реализация проекта постановления откладывалась на неопределенное время [11, с. 298–301]. Но, несмотря на выраженную Поместным Собором поддержку англикано-православного диалога, отношения между Московским патриархатом и Ламбетским дворцом были полностью прекращены в связи с религиозной политикой пришедших к власти в России большевиков. Вплоть до 1943 г. все контакты между Русской Православной и Англиканской Церквами были невозможны.

Тем не менее англикане оказали беспрецедентную поддержку Русской Церкви и лично Патриарху Тихону (Белавину) во время религиозных гонений со стороны Советской власти. В Англиканской Церкви были введены молитвы о Русской Православной Церкви в сложное для нее время, соответствующие резолюции были приняты в парламенте, всевозможную помощь беженцам из России оказывала Ассоциация Восточных Церквей. 12 августа 1918 г. в церкви св. Мартина было проведено торжественное богослужение с крестным ходом, а епископ Оксфордский доктор Гор сказал проповедь о страждущей Русской Церкви [6].

В 1920-е годы в Великобритании получило большой размах движение христиан против религиозных репрессий в России. Данный фонд оказывал всевозможную помощь оказавшимся в эмиграции православным. В 1923 г. участники движения создали «Фонд помощи русскому духовенству» (Russian Famine Relief Fund), который с 1926 г. перерос в «Фонд помощи духовенству в России и за ее пределами, русской Духовной академии и Русскому православному студенческому движению в эмиграции» [4, р. 47–49]. Участники движения стремились воздействовать на английское правительство, но реальную поддержку русскому православию оказывали именно религиозные деятели Великобритании во главе с Архиепископом Кентерберийским Ренделлом Дэвидсоном.

Предстоятель Англиканской Церкви многократно и по любому поводу выступал с поддержкой Патриарха Тихона в палате лордов и на различных общественных форумах. Он также посылал письма в защиту Патриарха в Кремль и призывал подписывать такие письма других ведущих англиканских священнослужителей. Когда в мае 1922 г. Патриарх Тихон был подвергнут тюремному заключению, архиепископ Кентерберийский выразил от имени всего англиканского сообщества протест советскому правительству против гонений на Русскую Церковь [5].

Благодаря Р. Дэвидсону, вопрос о репрессиях священников в Советском Союзе неоднократно поднимался в парламенте, в результате чего 8 мая 1923 г. советскому правительству был вручен ультиматум (нота) Керзона. В числе прочего, в ультиматуме было выдвинуто требование прекращения религиозных преследований в СССР. Британское правительство требовало отмены смертных приговоров православным священнослужителям и иерархам, осужденным за якобы контрреволюционные действия. В ультиматуме указывалось на арест и смертную казнь в августе 1922 г. митрополита Вениамина (Казанского) и десяти священников только за то, что они выступали против конфискации церковного имущества. Также осуждалось содержание под строгим арестом патриарха Тихона, которого обвиняли в контрреволюционной деятельности. В ультиматуме звучал призыв отменить смертные приговоры

православным священнослужителям, поскольку эти аресты и казни преследуют цель уничтожение религии в России и замену ее безбожием [12, с. 301–302].

Глубокое сочувствие Русской Православной Церкви, подвергавшейся жестоким преследованиям со стороны большевистской власти, выразили участники Ламбетской конференции 1920 года [1]. А на Ламбетской конференции 1930 года Архиепископ Йоркский Уильям Темпл выразил свое сожаление в связи с вынужденным отсутствием представителей Русской Православной Церкви [2]. В резолюции 34 Ламбетской конференции, в частности, говорится: «Конференция выражает свое сочувствие Русской Церкви в условиях гонений против неё и молится о том, чтобы Бог по Своей милости дал этой Церкви еще раз свободу и процветание, чтобы она снова заняла свое место, имея большую свободу и силу самовыражения среди других великих Церквей христианского мира» [3].

С началом Великой Отечественной войны поддержка Англиканской Церковью православных в России увеличилась. Так, в США более тысячи епископальных священников написали обращение к президенту Т. Рузвельту с просьбой о предоставлении помощи страждущей России и скорейшем открытии второго фронта [10, л. 4]. В Англии Архиепископ Кентерберийский У. Темпл 21 февраля 1943 г. организовал специальное молебствие за страждущую от фашистов Россию [13, л. 2–3]. Он также постоянно высказывал свое сочувствие нашей Родине во время многочисленных выступлений перед различными общественными организациями [8, с. 39–40].

Одним из лидеров английского движения помощи Советскому Союзу в годы войны был настоятель Кентерберийского собора доктор Хьюлетт Джонсон. Он возглавлял Объединенный комитет помощи СССР и за годы войны собрал более трехсот тысяч фунтов стерлингов для нужд союзнического государства. Он также много выступал с докладами и лекциями о Советском Союзе, в котором побывал в 1937 г. по линии культурных связей. В своих выступлениях он призывал устанавливать дружеские отношения с Советской Россией и помогать ей в тяжелые годы войны [7, л. 1]. В 1943 г. именно доктору Джонсону суждено было стать связующим звеном в сложных переговорах между руководителями СССР и Великобритании, осуществлявшихся при посредстве религиозных организаций обеих стран. А после окончания войны Х. Джонсон за солидарность с советским народом был награжден орденом Трудового Красного Знамени [15].

Таким образом, в тяжелые для Русской Православной Церкви и советского народа годы большевистского террора и войны Англикан-

ская Церковь доказала свое искреннее дружеское расположение и по мере возможностей старалась помочь русским братьям во Христе как словом, так и делом.

Библиографический список

1. 1920 Lambeth Conference. Resolution 34. “The Unity of the Church – The Eastern Orthodox Church”. [Электронный ресурс] // Project Canterbury: информ.-справочный портал. URL: http://anglicanhistory.org/orthodoxy/brandreth_sketch_1945.html

2. 1930 Lambeth Conference. Resolution 17. “Reunion of the Christendom”. [Электронный ресурс] // Project Canterbury: информ.-справочный портал. URL: <https://www.anglicancommunion.org/media/127734/1930.pdf>

3. 1930 Lambeth Conference. Resolution 34. “The Unity of the Church – The Eastern Orthodox Church”. [Электронный ресурс] // Project Canterbury: информ.-справочный портал. URL: <https://www.anglicancommunion.org/media/127734/1930.pdf>

4. *Davis D.* British Aid to Russian Churchmen: 1919–1939 // *Sobornost*. 1980. Vol 2. № 1.

5. *Sasson, Tehila.* From Empire to Humanity: The Russian Famine and the Imperial Origins of International Humanitarianism. [Электронный ресурс] // Cambridge University Press. URL: https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/58AF929EC91520019185C06B3D1B99CF/S0021937116000575a.pdf/from_empire_to_humanity_the_russian_famine_and_the_imperial_origins_of_international_humanitarianism.pdf

6. The Anglican and Eastern Churches: A Historical Record 1914–1921 [Электронный ресурс] // Project Canterbury: информ.-справочный портал. URL: http://anglicanhistory.org/orthodoxy/historical_record1921.html

7. АВПРИ. Ф. 7. Оп. 10. Д. 145.

8. *Болотов С. В.* Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. М., 2011.

9. Вопрос о соединении Церквей на Поместном Соборе Российской Православной Церкви 1917–18 гг. // Православие и экуменизм: (Документы и материалы). М.: ОВЦС, 1995.

10. Духовенство США требует открытия второго фронта // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 175.

11. *Крапивин М. Ю., Далгатов А. Г., Макаров Ю. Н.* Внутриконфессиональные конфликты и проблемы межконфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 – конец 1930-х гг. СПб., 2005.

12. Меморандум Правительства Великобритании от 8 мая 1923 года // Документы внешней политики СССР. Т. 6. Министерство иностранных дел СССР. М., 1962.

13. Молебствие за СССР в Англии // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 175.

14. Последнее Деяние Священного Собора 1917–1918 гг. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2008. Вып. II: 4 (29).

15. Правда. 1945. 21 июля.

Секция 2
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ/ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ
И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ
В ОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(РУБЕЖ XIX–XX вв. – РУБЕЖ XX–XXI вв.)

УДК 94(47).084.3

В. В. Бахтурин,

Магистрант, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

**ДЕКАБРИСТЫ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДИСКУРСЕ:
СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ
ГОСУДАРСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х гг.**

В центре внимания раскрытие методов и средств использования столетнего юбилея восстания декабристов в качестве элемента государственной политики. Делается вывод о создании революционного дискурса в истории декабризма.

Ключевые слова: историческая политика, декабристы, столетний юбилей, революция.

V. V. Bakhturin,

Graduate student, Dostoevsky Omsk State University

**DECEMBRISTS IN THE REVOLUTIONARY DISCOURSE:
THE CENTENARY ANNIVERSARY IN THE HISTORICAL
POLITICS OF THE STATE IN THE FIRST HALF OF THE 1920s**

The article is about the methods and means of using the centenary anniversary of the Decembrists uprising as an element of state policy. The conclusion is made about the creation of a revolutionary discourse in the history of Decembrism.

Key words: historical politics, Decembrists, the centenary anniversary, revolution.

В условиях складывания нового политического режима назревает проблема формирования идеологической основы, а также её внедрения и закрепления в общественном сознании. Это, в свою очередь, ставит

задачу поиска символов, на основе которых будет сконструирована новая политическая культура. Очевиден тот факт, что наряду с оформлением законодательной базы, усовершенствованием образовательной системы, разработкой социальных программ представители власти обращаются к опыту прошлого, используют его в своих интересах как значимый фактор. В этом и коренится суть исторической политики: события предшествующих эпох выступают для политических сил необходимым компонентом в утверждении определённых смыслов в качестве доминирующих.

Для советской государственности, строящейся на развалинах имперской державы, ведущей провозглашалась идея мировой революции, несущая свободу и сметающая пережитки эксплуататорских отношений. Однако этих лозунгов после окончания Гражданской войны оказалось недостаточно для упрочения своего положения. Чтобы закрепить революционный облик и сделать его доминирующим, властью были применены различные механизмы. Одним из таких инструментов в руках политических сил оказалось проведение крупных исторических юбилеев, несущих в себе революционный запал.

В литературе представлено немало работ по истории юбилеев в советский период. Исследователи обращаются к различным круглым датам: празднования годовщин Октябрьской революции, юбилеев Ленина и Сталина, Победы в Великой Отечественной войне и др. Однако из поля внимания историков выпадают сюжеты начального этапа конструирования юбилейной политики советского руководства, связанного с символизацией исторических событий для закрепления советского строя. Одним из таких немаловажных, на мой взгляд, событий, который требует своего осмысления в контексте складывания исторической политики советского государства, явился столетний юбилей восстания декабристов.

В фокусе внимания не столько раскрытие и описание мероприятий 1925 года, сколько обоснование использования юбилея в качестве механизма государственной политики.

Обратившись к прошлому, руководители партии стремились найти теоретиков и практиков революционных идей. Несомненно, декабристы, согласно ленинской формуле «трёх поколений», были первым поколением революционных просветителей, а значит, на их опыт необходимо было опереться [10, с. 261]. Приближавшийся столетний юбилей послужил удачной платформой для обоснования большевистской идеологии.

Несмотря на отсутствие конкретных фактов участия центральных органов власти в организации и контроле проведения юбилейных меро-

приятий, мы можем раскрыть основные аспекты исторической политики государства в рассматриваемый период. Надо иметь в виду складывающуюся традицию рассмотрения исторической науки как важного «фронта идеологической борьбы» и место М. Н. Покровского во властных структурах: именно он выступает как автор официальной концепции декабризма.

Вопрос о необходимости празднования столетнего юбилея остро прозвучал в конце декабря 1923 г. На страницах газеты «Рабочая Москва» возникла полемика между историками. Председатель Истпарта М. С. Ольминский считал излишним праздновать столетний юбилей. Ссылаясь на классовую принадлежность заговорщиков, учёный обозначил этот праздник «столетием обмана помещиками солдат» [4, с. 19]. М. С. Ольминский подчёркивал, что юбилей декабристов идёт в противоречие с другим намечавшимся на тот период событием – двадцатилетием пролетарской революции 1905–1907 гг. [4, с. 19].

Данная позиция вызвала шквал недовольства и критики. Оппонентами М. С. Ольминского выступили историки М. Н. Покровский и С. И. Мицкевич. В своих статейных заметках учёные ставили в вину М. С. Ольминского его пренебрежительное отношение к наследию декабристов, а также непрофессиональное обращение с историческими источниками и фактами [12, с. 320]. Историки указывали на необходимость проведения столетнего юбилея восстания декабристов, а также коммеморативных акций [4, с. 19–34].

Анализ материалов полемики позволяет зафиксировать одну важную деталь. Указанные участники дискуссии в своей трактовке декабризма исходили с точки зрения его отношения к революционному процессу. М. Н. Покровский находил в декабристах предшественников российских социал-демократов. В дальнейшем позиция М. Н. Покровского стала ориентиром для историков и носила политизированный характер. Декабристов часто сравнивали с большевиками: их обозначали «революционерами», 1825 год считался точкой отсчёта революционной борьбы с самодержавием [4, с. 29]. Как мы видим, уже с декабря 1923 г. столетний юбилей начинал приобретать идеологическую окраску.

Стоит обратиться непосредственно к тем методам и средствам, при помощи которых юбилей интерпретировался в необходимом ключе. Основными исполнителями исторической политики государства выступали государственные и общественные органы и институты. Через них историческому событию придавалась определённая трактовка. Список учреждений, участвовавших в организации празднования столетия декабристов, обширен: Союз Писателей, Исследовательский институт истории, Музей Революции СССР, Общество старых большевиков,

Общество Любителей Российской Словесности и др. Крупнейшими инициаторами выступили Центрархив (председатель – М. Н. Покровский) и Общество бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев (А. В. Якимова-Диковская), при которых в конце 1923 г. была избрана Комиссия по подготовке столетнего юбилея восстания декабристов. Позже по решению окружных исполкомов начали создаваться местные комиссии по ознаменованию столетия декабристов (например, в Иркутске, Тобольске и др.).

Кроме организации праздничных мероприятий насущной задачей стало информирование общества и его знакомство с жизнью и деятельностью декабристов, их программными установками и подвигом на Сенатской площади и в Чернигове. Это было необходимым, поскольку юбилей нес в себе конкретное смысловое содержание, которое должно было закрепиться в общественном сознании. Лучшим средством пропаганды послужило издание сочинений, мемуаров и воспоминаний. В архивах активно шла работа по поиску и подготовке к печати многих материалов, созданию фондов по истории декабризма. Ко всему прочему составлялись сборники статей «Декабристы. К столетию заговора», «Бунт декабристов» и другие, в которых заметно отражались актуальные вопросы на тот период времени: заговор декабристов, социальная и экономическая программы, место солдат и армии в Российской империи накануне восстания, влияние Французской революции [2, 4]. По мнению М. В. Нечкиной, к концу 1925 г. заметно наблюдается перемена в тематике исследования: нарастает тенденция к изучению радикального крыла декабристского движения – Южного общества и Общества соединённых славян [11, с. 242].

На материале юбилейных сборников прослеживается привязка исторических реалий к текущей политической конъюнктуре. В текстах мы наблюдаем не картины прошлого, а проблемы настоящего, отражённые в направленности проблемных блоков: социальная политика, пере рождение крепостной России, конституционализм и др. [2, 4].

Другим способом передачи смыслов служило проведение ряда публичных лекций, экскурсий, которые были ориентированы на широкую аудиторию (рабочие, школьники, красноармейцы). Составлением плана по устройству открытых лекций в рабочих клубах и фабрично-заводских предприятиях занималась Комиссия по подготовке к столетнему юбилею. Информацию о предстоящей лекции можно было узнать из газетных заметок [3, с. 6].

Оформлявшийся культ первых революционеров сопровождался практиками коммемораций. Комиссией по подготовке столетнего юбилея при финансовой поддержке Главнауки были приняты меры по поис-

ку и восстановлению разрушенных и заброшенных надгробий декабристов, постановке памятников и изготовлению мемориальных досок с надписями на дома [6, с. 269; 8, с. 294]. К этой деятельности были активно привлечены учреждения провинциальных городов (Иркутска, Омска, Ново-Николаевска и др.). Например, полевые исследования в течение нескольких лет проводили студенты Иркутского университета под руководством Б. Г. Кубалова, а обществом «Старый Петербург» была найдена могила декабриста К. П. Чернова на Смоленском кладбище и планировалась постановка памятника [7, с. 292].

Существенным моментом в юбилейной практике была визуализация образа декабриста с революционными штрихами. В этом плане особую роль играли, с одной стороны, инсценировки восстания 1825 г., суда над заговорщиками и их жизни в сибирской ссылке, а также выставки, в которых декабристы занимали отдельные экспозиции – с другой. Ведущие позиции в сборе и представлении материала занимал Музей Революции СССР, представлявшим собой «академию Революции» и выполнявшим воспитательно-патриотическую функцию. За годы подготовки к юбилею им приобретались огромные коллекции портретов декабристов, иллюстраций и писем. На выставках посетители могли ощутить дух эпохи: портреты восставших, мундиры и остатки знамён, репродукция картины В. Ф. Тимма «Атака лейб-гвардии конного полка на Сенатской площади», орудия, из которых расстреливали орудия декабристов, карты и пр. [13]. Эти реликвии придавали событию революционный характер.

Ведущим транслятором политических идей выступала периодическая печать. Она формировала отношение читателей к юбилейному событию. С апреля 1925 г., когда при Объединённой Комиссии по чествованию столетнего юбилея начало действовать Информационное Бюро, оно входило в соглашение с органами столичной и провинциальной печати по вопросам регулярного размещения заметок, статей и реклам о предстоящих праздничных мероприятиях. Это наглядно представлено в газетных выпусках за 1925 г. [3, 9].

Сложно согласиться с суждениями современных исследователей о незначительности смысла столетнего юбилея восстания декабристов для политических лидеров начала 1920-х гг. и отсутствии единой официальной позиции к событию 1825 г. [1, с. 11–12]. Напротив, юбилей рассматривался как важный идеологический инструмент. Правящей партии необходимо было донести до общества конкретные смыслы через праздничный фон. Декабристы в исторической политике стали культурными героями, «святыми русской революции», борцами за правое дело. Ключевая идея, которая насаждалась деятельностью обществен-

ных органов – революция: за декабристами виделся Октябрь 1917 года. Революционная трактовка восстания, предложенная М. Н. Покровским, хоть и не до конца завершённая и точная, по мнению М. В. Нечкиной, признавалась официальной в исторической науке [11, с. 246].

Следует учитывать ещё один момент. По мнению А. Миллера, пространство исторической памяти представляет собой арену политической борьбы с внутренним врагом [5, с. 19]. Действительно, память о декабристах представляла собой идеологическое оружие большевиков против сторонников Белого движения, о чём свидетельствуют заметки С. И. Мицкевича в конце 1923 г. [4, с. 32].

Таким образом, юбилейная кампания первой половины 1920-х гг. выполняла важную идеологическую роль в политике государства. На её основе выстраивался революционный дискурс в истории декабризма. Историки и общественные деятели выступали в данном случае в роли популяризаторов и интерпретировали историческое событие в заданных партией параметрах, создавали революционный нарратив и закрепляли такую трактовку в качестве основополагающей.

Библиографический список

1. Булдакова Д. И., Киянская О. И. Столетие восстания декабристов в советской периодике середины 1920-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 11 (44). С. 9–16.
2. Бунт декабристов. Юбилейный сборник. 1825–1925 / под ред. Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева. Л.: Былое, 1926.
3. Власть труда. 1925. 3 декабря.
4. Декабристы. К столетию заговора. 1825–1925: сборник статей и материалов / ред. С. Я. Штрайха. М.: Молодая гвардия, 1925.
5. Историческая политика в XXI веке / ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
6. Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. 1924. № 6 (13).
7. Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. 1925. № 6 (19): Революция 1905 г.
8. Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. 1925. № 8 (21): 100-летие восстания декабристов.
9. Красная газета. 1925. 20 ноября.
10. Ленин В. И. Памяти Герцена // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 21. С. 255–262.
11. Нечкина М. В. Столетие восстания декабристов в юбилейной литературе (1825–1925 гг.) // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 238–250.
12. Poleмика по вопросу о чествовании столетнего юбилея декабристов // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. 1924. № 2 (9). С. 319–322.
13. Штрайх С. Я. О пяти повешенных // Огонёк. 1925. № 52 (143). С. 6–9.

А. Б. Берендеева,

профессор, Ивановский государственный университет

НОВЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Рассматриваются теоретические подходы к оценке, во-первых, человека как работника – теории и концепции человеческого капитала, прекариата, во-вторых, человека как потребителя – теории и концепции потребительского поведения, когнитивной экономики, в-третьих, «издержек» российского реформирования – концепции изъянов смешанной экономики, неопределенности, общественных метаморфоз, общества травмы.

Ключевые слова: теории и концепции жизнедеятельности человека, человеческий капитал, прекариат, потребительское поведение, когнитивная экономика, общество травмы, общественные метаморфозы, изъяны смешанной экономики.

A. B. Berendeeva,

Professor, Ivanovo State University

NEW THEORETICAL APPROACHES TO ASSESSMENT OF HUMAN LIFE IN THE CONDITIONS OF THE DIGITAL ECONOMY

The article considers theoretical approaches to assessing, firstly, a person as an employee – the theory and concept of human capital, precariat, and secondly, a person as a consumer – the theory and concept of consumer behavior, cognitive economics, and thirdly, the "costs" of Russian reform – the concept the flaws of a mixed economy, uncertainty, social metamorphosis, society of trauma.

Key words: theories and concepts of human life, human capital, precariat, consumer behavior, cognitive economics, trauma society, social metamorphoses, flaws of a mixed economy.

Во второй половине XX в. в экономиках ведущих стран мира реализуются тенденции социализации (собственности, экономики), с внедрением достижений научно-технического прогресса и научно-технической революции (НТР), активно внедряются процессы механизации и автоматизации труда и производства, роботизации и компьютеризации, гуманизации и интеллектуализации труда и т. д. Влияние данных тенденций и процессов отражается в теориях и концепциях

социального рыночного хозяйства, социализации, социальных свойств экономики, социальной экономики, социоекономики, социальной экономики, экономической социодинамики, др. [2, с. 12–28]. А, например, Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте развивает идеи нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и ноономики, которая основана на качественно новом материальном производстве – знаниеемком производстве, где главный ресурс развития – знания и технологии VI технологического уклада (робототехника, Интернет вещей – НБИКС-технологии) [4, с. 150].

Представлен и более широкий подход к оценке последствий индустриальных революций – ситуация Глобальной Экологической Катастрофы и возникший императив выживаемости человечества, в качестве которого рассматривается переход к ноосферному развитию и реализации концепции ноосферной парадигмы управления [9].

Есть точка зрения, что вместо «экономики жизни» реализуется «экономика смерти», связанная с нещадной эксплуатацией ресурсов, ориентацией на краткосрочные интересы в ущерб долгосрочным, и, как пишет в своих книгах Джон Перкинс, процветают экономические убийства (взятки, обман и фальсифицированные финансовые отчеты, долги, фиктивная экономика) [7].

А «многообразие социально-экономических противоречий современного общества обусловлено в исходном пункте тем, что подчинение человека товарному фетишизму, фирм – целям извлечения прибыли...обуславливают формирование и приоритизацию отношений и институтов, ориентирующих общественное развитие на всех уровнях социальной структуры на максимизацию денежного дохода как главного результата и высшей ценности...Достижения в сфере технологического развития, поставленные на службу не прогрессу общества в целом, а в значительной и все увеличивающейся мере – той его части, которая является владельцем средств производства и капитала, позволяют «выкачивать» средства из оставшейся части населения быстрее, чем прирастает доход этой части в силу расширения возможностей удовлетворения потребностей, получаемых обществом в результате НТП, что и обуславливает усиление поляризации» [4, с. 147, 148]. Многие политэкономы, оценивающие перспективы развития современной экономической системы делают вывод об исчерпании современной модели экономики, которая приведет нашу цивилизацию в тупик. А в связи с эпидемией коронавируса в 2020 г. сложилось устойчивое мнение, что нужно рассматривать докоронавирусную эру (BC – before coronavirus) и послекоронавирусную (AC – after coronavirus).

В современных условиях меняется роль человека, его функции, возможности как экономического ресурса, капитала, что отражено в

теориях и концепциях инновационной экономики, цифровой экономики, информационного общества, экономики знаний, когнитивной экономики, креативной экономики, др.

Человек как работник. В условиях НТР человек развивается как фактор производства, ресурс, капитал. Во второй половине XX в. активно разрабатываются концепции, отражающие возрастание роли человека как фактора производства, – теория человеческого капитала, концепции социального ресурса, социального потенциала и др.

В условиях НТР важную роль играет человек с его знаниями, умениями, опытом, интеллектуальный капитал (потенциал) человека, фирмы, государства. Знания и информация становятся наиболее важным ресурсом производства при сокращающейся потребности в материальных ресурсах и перемещении значительной части занятого населения в высокотехнологичные отрасли, сферу услуг, информационный сектор. В теории возникли *концепции «человеческого капитала», «управления человеческими ресурсами», «управления знаниями»*. Отмечается, что возрастание роли человеческого фактора связано с переходом к новому типу экономики (постиндустриальному обществу, информационному обществу, пятому технологическому укладу), а в качестве цели производства, распределения, обмена и потребления теперь уже рассматриваются жизненные блага духовно-интеллектуального характера; материальные же блага при этом остаются «в качестве подпитывающих, обеспечивающих первые» [6].

В широком смысле слова человеческий капитал формируется путем инвестиций (долгосрочных вложений капитала) в человека в виде затрат на образование и подготовку рабочей силы на производстве, на охрану здоровья, миграцию и поиск информации о ценах и доходах. Идеи Т. Шульца и Г. Беккера находят отражение в многочисленных современных исследованиях теории человеческого капитала. Поднимаются проблемы корректности стандартной процедуры измерения человеческого капитала в современной России, сложностей «конвертации» полученных знаний и дипломов в заработные платы в нашей стране [8].

В современной экономике растет доля трудоспособного населения, занятого постоянно на временной работе, тех, кто работает неполный рабочий день или перебивается сезонными и случайными приработками, безработных, представителей творческих профессий, части занятых заемным трудом, мигрантов, стажеров и часть студенчества. Данные устойчивые тенденции позволяют развивать *концепцию прекариата* – нового социального класса, который во многом определяет лицо современных обществ, социальная группа, насчитывающая в России от 30 до 40 % трудоспособного населения. Для прекариата характерно неустойчивое социальное положение, потеря или снижение соци-

ального статуса, статусный диссонанс, социальная незащищенность, лишение многих социальных гарантий, нестабильность дохода, отсутствие перспективы, др. [11].

Человек как потребитель. Получила дальнейшее развитие *теория потребительского поведения*. Сейчас мы живем в эпоху общества потребления, когда на смену доминанте производителей пришла доминанта потребителей – это говорит о том, что цифровая эпоха и эпоха общества потребления не исключают друг друга. В научных исследованиях пишется о феномене усиления власти потребителей (consumer power) [12]. Люди включаются в разные виды онлайн-peer-to-peer (P2P) практики, появляется интернет-активность и интернет-зависимость потребителей. Сохраняется эффект Веблена (престижное потребление), эффект сноба (сокращение спроса некоторых потребителей при снижении цены, когда товар становится более доступным и распространенным), эффект «вагона» (эффект стадности – поведение потребителей, строящих свое потребление тек, чтобы не отстать от других). Согласно концепции Ж. Бодрийяра в современном обществе, с одной стороны, проявляется структурное расточительство (или изобилие), с другой – структурная нищета; равенство существует только перед товарами массового потребления, а знаковое потребление охватывает всю жизнь людей, начиная от потребления вещей до труда, досуга, культуры, природы [3].

Наряду с этим в литературе поднимаются вопросы ответственного и этичного потребления, реализуются практики дауншифтинга, говорится о перепотреблении, потреблудии и др.

В последние десятилетия произошла инверсия рыночного объема услуг и материальной продукции – так, соотношение материальной продукции и услуг составляло в эпоху индустриальной экономики 80 % на 20 %, а сейчас, в эпоху постиндустриальной экономики это соотношение стало «зеркальным»: 80 % приходится на услуги [10, с. 23].

В связи с этим вызывает интерес *концепция когнитивной экономики*, которая описывает новый феномен – «экономику внимания». При этом объектом исследования выступают рациональные и иррациональные стороны поведения людей, источником информации – социальные сети, аккаунты и блоги пользователей, интернет-опросы и результаты анкетирования, а предметом исследования – формирование интеллектуального капитала с учетом рациональной и иррациональной компоненты [1, с. 32–33]. Поэтому в условиях, когда Интернет прочно вошел в жизнь большинства, актуальны вопросы безопасности людей, защиты их от экономического (в том числе финансового) мошенничества.

«Издержки» российского реформирования отражены в концепциях изъятий смешанной экономики, общественных метаморфоз, общества травмы, неопределенности, безопасности / вызовов, угроз, рисков, др.

Современные исследователи отмечают разнородность и сегментацию российского общества последних десятилетий (различия по ценностям, ориентациям, интересам, культурным предпочтениям, образу жизни, психо-эмоциональному состоянию и т. д.), трансформацию социальной структуры российского общества [5, с. 4, 8].

Согласно *концепции неопределенности* изменились условия жизни россиян; жизненный уклад людей приобрел новые черты; в массовое сознание внесены новые элементы, в значительной мере меняющие представления об окружающей действительности и своих возможностях, о своем настоящем и будущем.

Концепция общественных метаморфоз утверждает, что современные общественные метаморфозы инициируют разрывы и травмы прежнего бытия; для их развития характерен эффект «стрелы времени», когда общественные метаморфозы ускоряются и усложняются и становятся самостоятельным фактором социоприродных турбулентностей; обуславливают изменение мироощущения широких слоев, усиление у них чувства неуверенности в завтрашнем дне.

В рамках *концепции изъянов смешанной экономики* рассматриваются провалы – стандартные (монополии, экстерналии информационной асимметрии и др.) и новые (поведенческие, обусловленные иррациональными действиями людей), которые вызывают необходимость в патерналистской активности государства.

Концепция общества травмы. Страны с обществом травмы характеризуются отсутствием четкой и ясной стратегии развития; экономической деградацией; отсутствием созидательных общественных сил; переходом властных ресурсов в капитал и, наоборот, капитала во властные ресурсы; отсутствием национальной идеи; резким увеличением социального неравенства; социальными деформациями и др. [2].

Библиографический список

1. *Апотова Н. В.* Когнитивная экономика в условиях цифровизации // Теоретическая экономика. 2020. № 9 (69). С. 27–37.

2. *Берендеева А. Б.* Новые социальные и экономические концепции оценки трансформаций российского общества и экономики // Теоретическая экономика. 2019. № 3. С. 12–28.

3. *Бодрийяр Жан.* Общество потребления / пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: АСТ, 2020. 319 с.

4. *Бодрунов С. Д.* Мировые кризисы XXI века обнажают противоречия современной социально-экономической модели // Социологические исследования (СОЦИС). 2020. № 10. С. 146–157.

5. *Горшков М. К.* О социальных результатах постсоветских трансформаций // СОЦИС. 2019. № 11. С. 3–17.

6. *Нусратуллин В., Миргаязов М.* Общество XXI века: новые критерии и ориентиры развития // Общество и экономика. 2000. № 11/12. С. 5–18.

7. *Перкинс Джон*. Новая исповедь экономического убийцы: пер. с англ. М.: Претекст, 2016. 268 с.

8. *Попов Д. С.* Человеческий капитал в России: точность измерения и ограничения подхода // СОЦИС. 2020. № 11. С. 27–38.

9. *Субетто А. И.* Императив возрождения сильной государственности в России в контексте императива перехода человечества к ноосферной парадигме истории в XXI веке // Теоретическая экономика. 2019. № 10 (58). С. 32–52.

10. *Тебекин А. В.* Ретроспективный анализ проблем развития теории потребительского выбора и спроса // Теоретическая экономика. 2020. № 10. С. 11–27.

11. *Тощенко Ж. Т.* Прекарная занятость – феномен современной экономики // СОЦИС. 2020. № 8. С. 3–13.

12. *Шабанова М. А.* Новые потребительские практики в условиях цифровизации гражданского общества: теоретико-методологические аспекты // СОЦИС. 2020. № 11. С. 16–26 (ст. 1); № 12. С. 3–17 (ст. 2).

УДК 322.2: 261.7

С. И. Бойко,

доцент, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНТЕНТ В ИДЕОЛОГИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РОССИИ

В статье проанализировано влияние религиозных контентов в формировании идеологии государственности, на строительство суверенного и комфортного государства на территории современной России.

Ключевые слова: религия, идеология государственности, российское государство.

S. I. Boyko,

Associate Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow)

RELIGIOUS CONTENT IN THE IDEOLOGY OF THE STATEHOOD OF RUSSIA

The article analyzes the influence of religious content in the formation of the ideology of statehood, on the construction of a sovereign and comfortable state on the territory of modern Russia.

Key words: religion, ideology of statehood, the Russian State.

Государственная идеология в Российской Федерации запрещена – статья 13.2. Конституции РФ. Идеология государственности – это идеология не государственная, а идеология государственного строительства.

Каким народ желает видеть свое будущее, в каком государстве хочет жить. Какими путями намерен добиваться поставленных целей. Такая идеология не может быть навязанной извне или насильно, идеология государственности служит средством воспитания гражданских добродетелей, гарантирующих социальную стабильность общества в условиях экономического развития и политической эволюции. Однако вся история как теоретической, так и прикладной гуманитарной науки продемонстрировала, что многообразие идеологий, многообразие отношений индивидуумов к окружающему миру не позволяет, как в естественных науках, дать единственное и точное определение идеологии. Более того, опыт внедрения в социум и сознание граждан «единственно верной» – коммунистической – идеологии в XX в. убедительно показал неоднозначные, провальные политические и социальные результаты. Отсюда и настороженное отношение к государственной идеологии в общественном мнении, особенно в интеллектуальном сообществе России. Противоположным образом складывалась идеология государственного строительства в постсоветских государствах. Например, в постсоветское время в Республике Беларусь была теоретически обоснована национальная концепция государственной идеологии строительства суверенного государства, созданы отделы, кафедры идеологического воспитания во всех структурах национальной экономики, государственного управления, в организациях просвещения, специального и высшего образования.

Государственность – состояние, достигнутое социальной группой людей (этносом, нацией) в результате целесообразного исторического развития на определенной территории, группой людей, сумевшей создать собственное государство. Вопрос о государственности является одним из наиболее дискуссионных в гуманитарных науках, сложным в практической социально-политической деятельности. Исследование государственности пересекается с вопросами веры, религии в изучении генезиса государства и государственного строительства.

Междисциплинарные исследования роли религии в государственном строительстве актуальны для идеологического формирования национальной идентичности и гражданского общества, в мировоззрении новых интеллектуалов государственного управления в конкурентном мире. Когда суверенитет и государственность в значительной степени становятся производными от идеологического воспитания граждан, от силы нравственной и духовной, а не от материальной или военной силы. После многолетней государственной идеологии атеизма, временами воинствующего богоборчества, в современной России отчетливо выражена эволюция роли традиционных российских религий в укреплении единого государства и национальной государственности. На территории Казанского Кремля в 2005 г. была открыта главная мечеть Татарстана

Кул Шариф, реально показывающая равноправие конфессий в современной России, единство многонациональной российской государственности.

Государственность в наиболее теоретическом обобщении описывается как метаинститут, как социальный каркас, структура, формирующая правила и нормы взаимодействия и практику исторического развития конкретной территории и конкретного народа (включающего разные этносы), культурные ценности и традиции, сложившиеся институты государственной власти. Конкретно-историческая форма государственности как метаинститута отражается в конкретной форме государства. Так, например, государственность России существовала в форме Российской империи, Советского Союза, сейчас – в форме Российской Федерации.

В толкование термина «государственность» в российской науке обычно включают следующие элементы: «1. Система органов государственной власти и особенности ее функционирования; 2. Существующая в стране форма государственного устройства; 3. Политический режим государства; 4. Характер взаимоотношений государственной власти и общественного самоуправления; 5. Цивилизационная принадлежность государства; 6. Экономическая основа государственности; 7. Территориальная целостность; 8. Общественное восприятие народа, государства и государственной власти как целостных феноменов; 9. Обычаи и традиции, свойственные государственной и общественной жизни; 10. Климатическая и географическая составляющая; 11. Информационное пространство» [7, с. 16–17]. Не трудно заметить, что все перечисленные элементы в качестве составных переменных включают религиозные контенты. Например, цивилизационная равноправная многоконфессиональность, законодательно оформленная, с общественно признанным гражданами первенством православия. Как справедливо отмечал великий русский мыслитель И. А. Ильин: «Отстаивая свою национальность, Россия боролась за свою веру и религию. Этим Россия, как духовный организм, служила не только всем православным народам, и не только всем народам европо-азиатского территориального массива, но и всем народам мира» [2, с. 164]. Особенность России в том, что практически вне зависимости от политического режима исторически на территории государства формировались регионы с преобладанием православия, ислама, буддизма с административными этнокультурными границами. На уровне государства уже в XX в. не позволялось ущемление традиционных конфессий и культуры этнических групп в регионах. При развале единого государства в форме Советского Союза первыми ушли республики Прибалтики, где православие сосуществовало с другими исторически влиятельными ветвями христианства, а письменность была на

латинском алфавите. Также в российском социуме с пониманием отнеслись к отделению республик Средней Азии (мусульманский социум на внешних границах государства). Однако, достаточно серьезная борьба за единство государства в первые постсоветские годы разворачивалась в Поволжье (в первую очередь, Башкортостан и Татарстан) и на Северном Кавказе. На постсоветском пространстве религиозные, этнокультурные, языковые контенты проявились в полной мере.

В фундаментальном пятитомном труде белорусских ученых по истории государственности утверждается: «Мы рассматриваем государственность как внутреннюю потенциальную способность этнонационального сообщества и его элиты, обеспечивающую право и возможность длительного самостоятельного исторического существования и развития. Государство же – это конкретно-историческое воплощение потенциала государственности, совокупность государствообразующих факторов» [4, с. 6]. Показателен элемент включения в потенциал государственности элиты, выделение роли воспитания национальной элиты в эволюции государственности и в решении судьбы государства.

События последних десяти лет на Украине продемонстрировали, что религиозный фактор обязательно активизируется в идеологической борьбе за государственность на постсоветском пространстве. Вытеснение России из социально-экономического и политического поля Украины сопровождается борьбой против Русской православной церкви, против духовного влияния РПЦ на умы и настроения жителей Украины. Аналогично после выборов президента Беларуси 9 августа 2020 г. возможности католической церкви были задействованы в продолжающихся до настоящего времени, хотя и затухающих, социально-политических волнениях. Влияние на католическую паству Беларуси с привлечением ресурсов Польши было настолько явным, что после решительного демарша белорусской государственной власти из-за поездки в Польшу председателя Конференции католических епископов в Беларуси, поляка архиепископа Кондрусевича, он вынужденно подал в отставку [1].

Среди факторов эволюции государственности и национального строительства российский социолог и теоретик социально-политических исследований Кара-Мурза С. Г. выделяет фактор границы биоценоза, границы территории и родной земли, границы земли, породившей народ: «Помимо самой земли (ландшафта и территории) влияние на этногенез оказывает и такая символическая вещь, как граница. Граница территории уже в самых древних государствах приобретала священный смысл – она определяла пространство родной земли и часто становилась этнической границей. Внутри нее живет наш народ» [5, с. 79–80]. Следует обратить внимание на слова «священный смысл».

Слова, имеющие религиозный контент, контент веры в святость родной земли, веры в национальный суверенитет и государственность.

Возможно, в силу того, что в Российской Федерации вопросы пространства и делимитации границ в первые постсоветские годы для принятия практических государственных решений, как казалось тогда представителям государственного управления и политического менеджмента, не были первостепенными, пограничная проблематика не находилась в центре внимания действующих политиков. Иная ситуация складывалась в государствах постсоветского пространства. Достаточно примера быстрого переноса столицы Казахстана из Алма-Аты в Астану, ныне Нур-Султан (бывший советский областной центр Целиноград). Одна из основных причин – закрепление северной границы Казахстана с Россией. Отношение к территориальной целостности России сейчас изменилось полностью, в 2020 г. были приняты поправки в Конституцию РФ, в статью 67: «Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются» [6].

Идеология (учение об идеях) является одной из форм выражения сознания социальных общностей (иногда говорят – классов) и выражающих их интересы организаций (чаще всего – это политические партии). По мнению проф. Ирхина Ю. В., в наше время «термин "идеология" стал использоваться в конкретно-управленческом смысле, как некая ценностная идея в определенной сфере: идеология реформ, развития, модернизации и т. д.» [3, с. 301].

Идеология государственности – это система мифов, смыслов, преданий, верований, идей о прошлом и будущем национального государства, о векторах государственного строительства. В рамках идеологии государственности индивидуумы и группы людей воспринимают существующую действительность, государство и политическую деятельность, свое личное или групповое положение в данном государстве, осознают свои личные перспективы, в том числе перспективы социальных лифтов. Граждане выражают государству и политическому управлению свои потребности и интересы, обозначают свои цели, стремления, формулируют вместе с институтами государства и гражданского общества направления векторов и поиска ресурсов для достижения целей как личных, так и государственных.

Государственные и политические идеологии в силу конкретных исторических и социально-экономических условий их концептуального оформления отражают и выражают интересы социальных групп, социальных и политических институтов, представляют собой не только

мифологический и идеальный образ как прошлого, так и будущего, определенный политический проект государственного устройства, последовательно предлагаемый и внедряемый в политическую практику и в государственное строительство. Государственная или политическая идеология представляет собой сумму нормативов и ценностных символических структур в том числе структур материальных, определенным образом ориентирующих функционирование институтов государственного управления и гражданского общества на выполнение интересов как социальных групп, так и политических лиц (представителей разных элитных групп государства).

Целостность и социально-политическая стабильность государства всецело зависят от идеологии государственности, доминирующей в национальном социуме. Как известно, идеологические контенты формулирует национальная элита. Впервые в российской гуманитарной науке опубликована монография, в которой системно изложены идеологические основы российской государственности, где среди исторически выработанных принципов указан следующий: «Реальное восприятие православия как основы широкого, открытого народного единства (с неограниченной емкостью населения) при семейном отношении к другим традиционным конфессиям» [8, с. 399].

Библиографический список

1. Архиепископ Кондрусевич о своей отставке: люди меняются, а костел остается. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tut.by/society/713560.html> (дата обращения: 08.01.2021).
2. *Ильин И. А.* О грядущей России: Избранные статьи / под ред. Н. П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
3. *Ирхин Ю. В.* Политология: учебник для академического бакалавриата. Ч. 2: Теория политической мысли. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017. 458 с.
4. История белорусской государственности: в 5 т. Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А. А. Коваленя и др.; отв. ред тома: О. Н. Левко, В. Ф. Голубев; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. Минск: Беларуская навука, 2019. 598 с.
5. *Кара-Мурза С. Г., Куропаткина О. В.* Нациестроительство в современной России. М.: Алгоритм: Научный эксперт, 2014. 408 с.
6. Конституция РФ (новый текст с поправками 2020 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov/news/48953/> (дата обращения: 08.01.2021).
7. Российская государственность в периоды кризисов, войн и революций: власть, ценности, институты / под ред. Р. В. Евстифеева. Владимирский филиал РАНХиГС. Владимир, 2014. 399 с.
8. *Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П.* Идеология русской государственности. Континент Россия. СПб.: Питер, 2021. 688 с.

А. И. Ганчар,

доцент, Гродненский государственный аграрный университет

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ УЧАСТИЯ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX в.

В статье показана проблема функционирования государственного аппарата в случае нахождения на должностях лиц, выступавших против устоявшихся норм государственного управления. Правительство Российской империи было вынуждено уволить с занимаемой должности епископа виленской римско-католической епархии барона Роппа, в связи занимаемой им определённой политической позицией.

Ключевые слова: Римско-католическая Церковь, Российская империя, партия, епископ, Ропп, Государственная Дума, управление.

A. I. Hanchar,

Associate Professor, Grodno State Agrarian University

RULEMAKING OF THE PARTICIPATION OF ROMAN CATHOLIC CLERGY IN THE POLITICAL LIFE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

The article shows the problem of functioning of the state machinery in the case of persons who opposed the established norms of public administration. The government of the Russian Empire was forced to dismiss from his post the bishop of the Roman Catholic Diocese of Vilna, Baron Ropp, due to his particular political position.

Key words: Roman Catholic Church, Russian empire, party, bishop, Ropp, State Duma, administration.

Указом Правительствующего Сената от 15 мая 1906 г. за № 197 лица римско-католического (далее – р.-к.) духовенства, занимавшие епархиальные, приходские или другие какие-либо духовные должности, сопряженные с определенным от казны окладом содержания, считались состоявшими на государственной службе, и потому, в случае избрания их в члены Государственной Думы, обязаны, по точному смыслу ст. 53 Положения о выборах 6 августа 1905 г., либо оставить занимаемую должность, либо отказаться от звания члена Думы. Избранные в Государственную Думу лица, принадлежавшие к р.-к. духовенству, в случае желанья остаться в звании члена Думы, не лишались церковного сана,

а обязаны были лишь оставить те должности по р.-к. духовному ведомству, которые были соединены с получением штатного содержания из казны [1, л. 165].

Следует отметить, что как р.-к. епархиальные начальники, так и ксендзы, состоявшие на духовных должностях, получали жалование из казны на основании штатов 1842 г. (в Российской империи) и 1865 г. (в Царстве Польском). Епископы, подобно чинам первых четырех классов, определялись на службу именными высочайшими указами (ст. 168 Устава о службе гражданской, ст. 30 Устава иностранных исповеданий). Что же касалось остальных р.-к. духовных лиц, то хотя они по закону 26 декабря 1905 г. и определялись к должностям своим духовным начальством, однако таковое назначение происходило по предварительному изъявлению согласия со стороны гражданской власти. При назначении епископы и ксендзы приносили присягу на верность императору и законному наследнику (ст. 31 и ст. 45 Уст. ин. исп.). Все р.-к. духовные лица могли быть сопричисляемы к орденам (ст. 106 того же Устава). При командировках епископы и ксендзы пользовались прогнами (ст. 99) и епископы для отлучек из пределов вверенной им епархии должны были просить разрешение министра внутренних дел, которому в силу прим. 1 к ст. 97 Уст. ин. исп. (т. XI ч. 1, изд. 1896 г.) и п. 9 высочайше утвержденного 19 апреля 1904 г. мнения Государственного Совета, принадлежало право разрешать епархиальным начальникам отпуски внутри Российской империи и за границу.

На основании циркуляра Совета министров Российской империи от 14 сентября 1906 г., должностным лицам, как состоявшим на государственной службе, так и вольнонаемным, воспрещалось любое участие в политических партиях, обществах и союзах, не только явно революционных, но и таких, которые, хотя и не причисляли себя открыто к революционным, тем не менее в своих программах, в воззваниях своих руководителей и в других проявлениях своей деятельности обнаруживали стремление к борьбе с правительством или призывали к таковой борьбе население. Стоявшие во главе самостоятельных частей управления или отдельных местных учреждений начальствующие лица не могли выступать в качестве руководителей каких бы то ни было политических партий и быть председателями или членами различных партийных бюро и комитетов. Должностные лица и служащие в правительственных учреждениях по вольному найму, принимавшие участие в организациях, враждебных правительству или в противогосударственной агитации, подлежали к немедленному увольнению от службы, а относительно тех из указанных лиц, которые не могли быть уволены в административном порядке, должны были приниматься другие необходимые для удаления

их с государственной службы меры. Независимо от этого, в случае совершения уголовных проступков, должно было возбуждаться уголовное преследование.

Адресуя руководителям р.-к. епархий копию циркуляра Совета министров от 14 сентября 1906 г., министр внутренних дел счел необходимым напомнить им, что не только светские чины р.-к. епархиальных духовных учреждений должны соблюдать его, но и р.-к. духовенство, так как оно, как было разъяснено указом Пр. Сената от 15 мая 1906 г., причислялось к лицам, состоявшим на государственной службе. Но независимо даже от этого циркуляра Совета министров, участие р.-к. духовенства в противоправительственной агитации представлялось противоречавшим и содержавшимся в Уставе ин. исп. специальным узаконениям, воспрещавшим лицам р.-к. духовенства вмешательство в область политики (Св. Зак. т. XI ч. 1 ст. 59 примеч.), а в частности вмешавшим епархиальным начальникам в обязанность охранять среди подведомственного им духовенства права самодержавной власти, государственные узаконения и высочайший интерес (там же, ст. 49).

Наконец, и с канонической точки зрения, участие р.-к. духовенства в партийной политической борьбе, в особенности же в поддержании элементов, стремившихся к разрушению государственного строя, едва ли могло быть признано соответствующим достоинству духовного сана. По крайней мере Папа в энциклике «*Pieni l'animo di salutare timore*» от 28 июля 1906 г. к итальянским епископам категорически, под страхом лишения сана, воспретил итальянскому католическому духовенству принимать участие в несвойственной духовному званию политической агитации [2, л. 26–30 об.].

23 октября 1906 г. «Виленский губернский избирательный комитет» (с правительственной точки зрения неофициальная губернская польская организация. – *А. Г.*), председателем которого являлся епископ Э. Ропп, установил (к. апреля – нач. мая. 1907 г.) взаимное и добровольное обложение по одной коп. с десятины (1,0925 га) удобной земли на расходы по делу выборов.

Прошлые выборы убедили избирательный комитет в том, что недостаток средств не дает ему возможности соперничать с комитетами групп других народностей, а также крайних и революционных партий, которые, обладая соответственными средствами, имели возможность действовать более энергично и затем влиять на массы в своих целях. Так как деятельность комитета и в будущем требовала расходов на общие нужды края, то поэтому избирательный комитет поляков Виленской губернии, вполне уверенного в том, что эти нужды были близки

каждому из его соотечественников, постановил указанное обложение заменить постоянной ежегодной складчиной.

Деньги следовало вносить казначею комитета Брониславу Умястовскому, являвшемуся секретарем председателя еп. Э. Роппа. Товарищем председателя являлся Э. Борткевич.

«Вестник виленского православного Св.-Духовского братства» справедливо задавался вопросом: «Может ли бискуп Ропп беспристрастно, даже прямо справедливо относиться к другим национальностям. Может ли он любить искренно своих овец духовных белорусской, литовской, латышской, татарской и др. наций. Если барон бискуп до ревности любит одну свою польскую овчарню, то для белорусов, литовцев, латышей и многих других нет места в его сердце. Иначе почему его влиятельного участия мы никогда еще не видели в других комитетах: литовских, латышских, русских и пр. Почему до сих пор он не установил обязательного обложения на белорусское, литовское, латышское и др. народное дело, на подобие того обложения, которое предписано в пользу польско-панской sprawy?» [3, с. 111–113].

Таблица 1

**Количество земли в Виленской губернии по народностям
(по состоянию на 1 января 1905 г.) [3, с. 114]**

Народность	Количество владельцев		Количество десятин	
	абсолютное	в общей структуре, %	абсолютное	в общей структуре, %
Великоруссы	496	3,51	220728,68	13,11
Бело- и малоруссы	6391	45,32	453446,63	26,84
Поляки	3042	20,59	804034	26,05
Литовцы	3673	26,05	107972,75	6,42
Евреи	164	1,16	1982,94	0,13
Прочие	335	2,37	97552,76	5,79
Итого	14101	100	168571776	100

Рассматривая таблицу видно, что частные собственники из поляков имели наибольший достаток, хотя их было меньше одной четверти всего количества частных владельцев Виленской губернии. Однако, чтобы учесть более точно сумму сбора, который предназначался в пользу польского дела, необходимо привести распределение землевладения в Виленской губернии по вероисповедным группам.

Таблица 2

**Количество земли в Виленской губернии по вероисповедным группам
(по состоянию на 1 января 1905 г.) [3, с. 114]**

Вероисповедные группы	Количество владельцев		Количество десятин	
	абсолютное	в общей структуре, %	абсолютное	в общей структуре, %
Православные	351	2,60	262982	15,98
Старообрядцы	444	3,28	15481	0,95
Римско-католики	11916	88,14	1220221	74,20
Прочие христианские исповедания	473	3,50	141379	8,59
Иудеи	329	2,44	2340,5	0,14
Прочие нехристианские исповедания	6	0,04	2354	0,14
Итого	13519	100	1645709,5	100

Таким образом, ежегодный фонд польского избирательного комитета мог колебаться от 8 до 12 тыс. руб. [3, с. 113]. Стоило также ожидать, что виленское р.-к. духовенство действенным образом послужило бы данному сбору.

Активная политическая деятельность еп. Э. Роппа не могла не быть признана совершенно недопустимым. По всеподданнейшему докладу министра внутренних дел 27 июля 1907 г. последовало высочайшее повеление о приглашении еп. Э. Роппа в Петербург и о предложении ему согласиться на принятие другой кафедры или добровольно отказаться от управления виленской р.-к. епархии (далее ВРКЕ), а при уклонении его от указанных предложений, об увольнении его от должности без прошения.

Во исполнение высочайшей воли еп. Э. Ропп был вызван на 4–7 августа 1907 г. в Петербург, и ему было предложено или изъявить согласие на перевод в другую епархию с однородным составом населения, где бы, по выражению «Церковных ведомостей» возбуждаемая им национальная рознь не имела столь благодарной почвы, или же добровольно оставить пост виленского епископа, причем выбор способов осуществления этой последней меры был предоставлен самому епископу. Так как в течении полуторамесячного срока правительству не получило никаких сообщений об официальном отказе Э. Роппа от ВРКЕ, то 1 октября 1907 г. именным высочайшим указом Пр. Сенату виленский еп. Э. Ропп был уволен от должности [4, с. 1776; 5, с. 1830].

Таким образом, правительство Российской империи стремилось к сохранению своих позиций в управлении государством. Лица, как духовные, так и светские, выступавшие против устоявшихся норм в управлении страной, положительно не могли находиться на государственных должностях.

Библиографический список

1. Дело по поводу изданной виленским римско-католическим епископом программы конституционно-католической партии для Литвы и Белоруссии. Ч. 1 (30 декабря 1905 г. – 8 января 1907 г.) // Lietuvos Valstybes istorijos archyvas (LVIA). F 378. Ap. 1905. V. 395. 167 л.
2. Материалы, циркуляры, докладная записка, сопроводительная записка и пр. об урегулировании прав р.-к. духовенства (1905 г. – 1907 г.) // LVIA. F. 696. Ap. 2. V. 330. 32 л.
3. Вѣстникъ Виленскаго Православнаго Св.-Духовскаго Братства. 1907. № 6. 15 мая.
4. Церковныя вѣдомости. 1907. № 41. 13 октября.
5. Церковныя вѣдомости. 1907. № 42. 20 октября

УДК 159.99+821.161.1+929.522.1

Д. Ю. Гладышев,

педагог-психолог, городской Центр психолого-педагогической поддержки молодежи «Родник» (г. Новосибирск)

ИСТОКИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

В статье прослеживаются истоки мировоззрения Л. Н. Толстого, исходя из традиций поведения и мышления в его роду. При этом сделана опора на сценарную теорию Э. Берна.

Ключевые слова: семейный сценарий, эго-состояние, взрослый, родитель, ребенок.

D. Yu. Gladyshev,

Educational Psychologist, City Center of Psycho-Educational Supporting of young «Rodnik» (Novosibirsk)

THE ORIGINS OF LEO TOLSTOY'S WORLD VIEW

The article traces the origins of Leo Tolstoy's world view, proceeding from the traditions of behavior and thinking in his family. At the same time, reliance is made on the scenario theory of E. Berne.

Key words: family scenario, ego state, adult, parent, child.

Американский психолог и психотерапевт Эрик Берн (1910–1970) развивает сценарную теорию. Семейный сценарий оказал решающее влияние на формирование мировоззрения Л. Н. Толстого, в частности его религиозных взглядов. В определении структуры личности Э. Берн оперирует понятием «Эго-состояние (Ego State). Упорядоченная система чувств, мыслей и реакций, связанная с соответствующей упорядоченной системой способов поведения. Есть три вида Эго: Родитель, Взрослый и Ребенок» [1, с. 420]. Эго-состояние Родитель отвечает за нормы и ценности, Взрослый – за интеллект и выбор решений, Ребенок – за чувства и эмоции. На их формирование оказывают влияние Эго-состояния родственников.

Приведем схему родословного древа семьи Толстых-Волконских и рассмотрим влияние Эго-состояний родителей на воззрения Л. Н. Толстого. Продуктом Я-Взрослого Марии Николаевны Толстой (Волконской) были идеи, волновавшие ее в молодости. «Она собрала вокруг себя кружок друзей, которые приняли и объявили правила: любовь к ближнему, дружба, простота и скромность, тщеславие изгонялось» [4, с. 70]. Это очень созвучно религиозным идеям ее сына. Кроме того, М. Н. Толстая прониклась идеей равенства всех людей, интересовалась педагогикой. Видно, что идеи матери Толстого носят характер морали. А ее «читает» Родитель. Следовательно, можно сказать, что побудителем исканий и их ходом руководил Взрослый Марии Николаевны, а их направленность задавал Родитель. Предпосылкой таких взглядов можно считать круг чтения – преимущественно писатели XVIII века. Она сама сочиняла и в «своих стихотворениях и рассказах стремилась разрушить сословную ограниченность» [4, с. 70–71], а в последней вещи представила свой педагогический дневник. Однако М. Н. Толстая умерла в 1830 году, а Л. Н. Толстой родился в 1828 году. Поэтому она не смогла быть довлеющим образцом поведения для Л. Н. Толстого. Влияние ее идей ярче всего сказалось во второй половине жизни Толстого, после так называемого религиозного переворота.

Можно предположить, что долго, по крайней мере, до своей женитьбы, у Николая Ильича Толстого, отца писателя, доминировало Эго-состояние Ребенка. Он был живым и веселым. Работа коллежского регистратора и губернского секретаря тяготила его. Тогда его зачислили корнетом в Украинский казачий полк. Ему было 16 лет. На войне проявлял отвагу. После смерти жены занялся исключительно одним воспитанием детей. Хотя увлекался соседкой – помещицей – Ж. Огаревой, а в 1836 году сделал предложение Татьяне Александровне Ергольской. Очевидно, в это время он был во власти Родителя. Верность покойной жене хранил и воспитывал детей Я-Родитель. Он был образованным

человеком и учил своих детей. Сколь развито в Н. И. Толстом Эго-состояние Я-Взрослого видно из круга его чтения: французские энциклопедисты, исторические и естественно-исторические сочинения Бюффона, Кювье.

Все это не могло не повлиять на развитие Я Л. Н. Толстого. До начала активных религиозных поисков Толстой был во власти бунтующего Ре. Он искал приключений: любовных, эротических, азартных, военной славы, писательского признания. Это Эго-состояние преобладало до конца 1860–1870 годов. После религиозного кризиса Л. Н. Толстой оказывается полностью во власти Родителя и Взрослого. Ребенок оказался полностью подавленным. Эго-состояния Родитель и Взрослый Л. Н. Толстого стали формировать религию Толстого. От Родителя исходила мораль. Отсюда – сущность учения Толстого.

В возрасте, когда у Толстого начались религиозные искания, есть некоторая семейная закономерность. Н. И. Толстой умер в 42 года, а мать Толстого в 40 лет. Примерно в этом же возрасте Л. Н. Толстой начал испытывать беспокойство. Исход – педагогические и религиозные искания.

Поведение Л. Н. Толстого в молодости, бунт Ре объясним и закономерен в рамках этой семьи. Одним из Толстых, находившихся всю жизнь во власти Ре, был Федор Иванович Толстой-Американец (1782–1846). Он остался в памяти потомков сильным, отчаянным, живучим. Он успел посидеть даже в крепости, был разжалован из офицеров, а после Бородина снова восстановлен в офицерском чине.

По меньшей мере два человека в роду Толстых-Волконских философствовали. Кроме Марии Николаевны Толстой (Волконской), это – Петр Яковлевич Чаадаев. Причем, его мысли связаны с религией. Следовательно, еще один человек в этом роду обладал религиозно ориентированным Я-Взрослым. Религией увлекались и посвятили ей часть своей жизни П. И. Юшкова (Толстая), А. И. Остен-Сакен (Толстая) и М. Н. Толстая, сестра Л. Н. Толстого. Они ушли в монастырь.

Отказ от хозяйственных дел также не является чем-то новым в этой семье. Отношение к государству, отказ от собственности – это действия, продиктованные Я-Взрослым Л. Н. Толстого. Нечто подобное имело место в жизни Ильи Андреевича Толстого (1757–1820). Он стал прототипом старого графа Ростова в «Войне и мире». И. А. Толстой – родственник воспитателя великих князей Александра и Константина. Последние пять лет жизни он был губернатором Казани. Но конец его трагичен. Здесь имел место рассудочный бунт, протест против существующих порядков. Илья Андреевич ушел в отставку из-за своего свободомыслия. А последний акт его жизни – по одной из версий, самоубийство.

Л. Н. Толстой помогал духоборам уехать в Америку, народу в годы голода, спорил в письмах с П. А. Столыпиным относительно проводимой им крестьянской реформы. Все эти действия совершались на рассудочном уровне и являлись результатом деятельности Я-Взрослого. По характеру их можно охарактеризовать как активные действия против существующих общественных порядков. Предшественником Л. Н. Толстого в этом плане из числа родственников является декабрист Сергей Григорьевич Волконский. Решение встать в ряды декабристов, вероятно, могло быть принято под влиянием Я-Взрослого и Я-Родителя (моралиста).

Для семьи Л. Н. Толстого было характерно положительное отношение к Руссо. Лев Николаевич носил небольшой портрет этого мыслителя на груди вместо иконы на протяжении почти всей жизни.

Ранняя смерть отца и матери заложила основы отношения Толстого к смерти и любви. Мальчик видел, что его мать «жила» после смерти в голове и сердце своего супруга. Отсюда версия позднего Толстого о бессмертии как памяти живущих родственников о покойнике.

Родительское программирование закладывает основы жизненного сценария. Многие темы сценариев повторяют волшебные сказки: любовь, ненависть, благодарность, месть. Первая и третья темы присутствовали в религии Толстого, а две другие порицались.

В 1850-х годах Толстой создает массу оптимистических произведений. Только в дневниках и отдельных статьях (например, «О молитве») проскальзывает недовольство современностью: «Со мной не все в порядке. С вами не все в порядке. С ними не все в порядке. Кто же в таких условиях захочет жить?» [2, с. 205]. Ярчайшее подтверждение этого – мысли самого Толстого: «Теперь мне ясно, что разницы с сумасшедшим домом никакой не было; тогда же я только смутно подозревал это, а только, как и все сумасшедшие, называл всех сумасшедшими, кроме себя» [3, с. 12]. Ответы на вставшую проблему – религиозные поиски, метания, конфликты в семье, мысли о самоубийстве, а в финале уход из дома.

Размышления Л. Н. Толстого о любви и религии отражались в дневниковых записях, позже трансформируясь в отдельные религиозные сочинения.

В Л. Н. Толстом сосуществуют идеализация себя и окружающих и осуждение себя и окружающих. В заповедях семьи Толстых-Волконских содержатся возможные противоречия. Поэтому в годы кризиса Л. Н. Толстой выступал в отношении самого себя в роли психотерапевта. Он дал себе «одно из самых важных разрешений – разрешение не быть глупцом, стараться думать самому» [2, с. 236]. Мыслитель сам писал об этом: «я стал сомневаться в непогрешимости этой веры и стал ее исследовать» [3, с. 10].

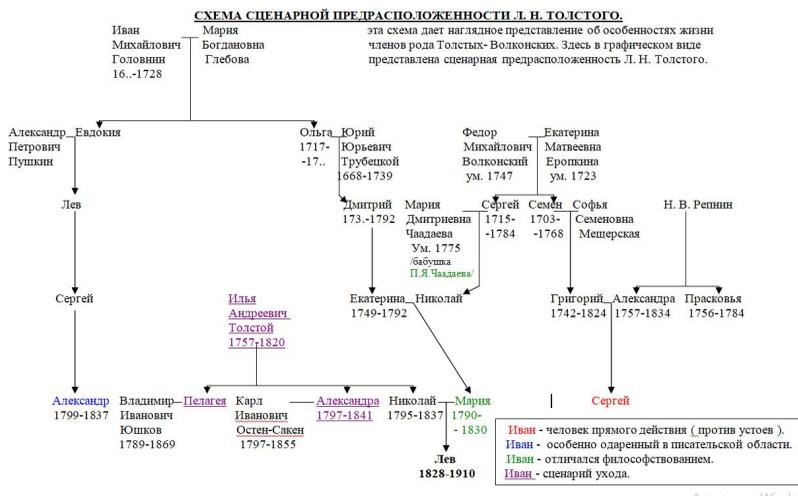
Лев Николаевич всю свою жизнь ждал братскую любовь. Он собирал свои «муки», чтобы пробудить к себе сострадание. Пример этого – «Исповедь». Иллюзия Толстого гораздо более привлекательна, чем жизнь.

До личного кризиса Толстой играл психологическую роль Спасателя. С момента начала кризиса Толстой входил в эти три роли:

- 1) Жертва – период религиозных исканий;
- 2) Спасатель – период обретения религии;
- 3) Преследователь – в роли автора религиозных сочинений.

В молодости Толстой увидел свое предназначение – основание религии, позже у него были ученики. Одновременно Льву Николаевичу сопутствовали трудности: сопротивление семьи и власти.

Таким образом, обращение Л. Н. Толстого к вопросам религии и сам ее характер закономерны с точки зрения сценариев его родственников и структуры Я-писателя.

Библиографический список

1. Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. СПб.: Изд-во Международного фонда истории науки, 1991.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб.: Лениздат, 1992.
3. Толстой Л. Н. Исповедь. Тайный дневник. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
4. Толстой С. М. Толстой и Толстые. Очерки из истории рода. М.: Советская Россия, 1990.

УДК 1(091), 291.1

И. А. Грошева,

доцент, филиал АНО ВО «ИДК» в Тюменской области

И. Л. Грошев,

профессор, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова

КОНЦЕПЦИЯ ПРОГРЕССА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Н. И. КАРЕЕВА И Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО

В статье авторы провели теоретический анализ концепции прогресса на основе научного наследия представителей субъективной школы социологии: Н. И. Кареева и Н. К. Михайловского. Раскрыт тезис о неоднозначности отношений общества и личности в рамках теории прогресса, акцентировано внимание на специфике формулы прогресса.

Ключевые слова: прогресс, история, общество, личность, историософия, субъективная школа.

I. A. Grosheva,

Associate Professor, Branch of ANO VO "IDK" in the Tyumen region

I. L. Groshev,

Professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School
named after Marshal of engineering troops A. I. Proshlyakov

THE CONCEPT OF PROGRESS IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF N. I. KAREEVA AND N. K. MIKHAILOVSKY

In the article, the authors conducted a theoretical analysis of the concept of progress based on the scientific heritage of representatives of the subjective school of sociology: N. I. Kareev and N. K. Mikhailovsky. The thesis about the ambiguity of relations between society and the individual within the framework of the theory of progress is revealed, attention on the specifics of the formula of progress is focused.

Key words: progress, history, society, personality, historiosophy, subjective school.

Обоснование критериев социального прогресса представляет научный интерес в ответ на требования методологического осмысления концепции непрерывного развития, выяснения взаимодействия личности и общества, роли личности в истории, соотношения объективной и субъективной компоненты в осознании особенностей развития современного общества. В связи с этим актуально обращение к творческому

наследию Н. И. Кареева и Н. К. Михайловского с целью выявления специфики исторического процесса в современном постмодернистском обществе в рамках разрешения многолетнего спора между представителями субъективного и объективного направлений в исследовательской практике.

Прогресс в истории развития человечества, по мнению российского историка и социолога Н. И. Кареева, следует изучать по двум причинам. Во-первых, имеется возможность исследования уровня социального развития человечества на различных этапах благодаря результатам эмпирических исследований, в чем преуспела социология. Во-вторых, идея прогресса связана с устремлением к «лучшему будущему» человечества, особенности которого необходимо изучить. Исторический процесс – это множество историй человечества, подчиняющееся определенному порядку. Несмотря на то, что психическое и социальное рассматривают прогресс как результат обобщения в истории развития человечества, судьей дел человека все-таки обобщается его разум [2, с. 96].

Различные формулы прогресса возникают по причине односторонности оценки событий из-за повышенного субъективизма; использования в ходе интерпретации ограниченного числа фактов; недостаточного исследования законов мысли и природы; стремления к излишней простоте, что делает формулу достаточно узкой. Мысли о прогрессе формируются «умственным состоянием и моральным настроением общества» [2, с. 132]. Н. И. Кареев задает вполне закономерный вопрос: о каком развитии и развитии чего должна идти речь? [2, с. 152]. Согласно его мнению, необходимо определить объективные критерии прогресса для философии истории, акцентирующей внимание на изучении фактов, управляющих ими законов и на взаимосвязи отдельных явлений. Ученый предложил общую теорию философии истории назвать историософией, подразумевая под ней изучение принципов историко-философских исследований. Качественное различие между науками он видел в том, что философия истории должна принадлежать к наукам феноменологическим, а историософия – к номологическим. Базовые историософские принципы для изучения истории должны стать основой для построения философии истории. С целью разграничения философии и истории, а также выделения особенностей общей теории исторической науки Н. И. Кареев вводит понятие «историка» [1], под которой понимает методы, при помощи которых «добывается прошлое» и условия, которые должны быть соблюдены для научной верификации знаний.

Прогресс является критерием измерения хода истории, поэтому философия истории занимает критическую позицию по отношению к всемирной истории. Критичность имеет оценочный характер и способ-

ствуется выявлению, во-первых, степени соответствия того или иного явления осуществлению идеалов. Во-вторых, оценке прогрессивности или регрессивности изменений в плане соответствия идеальным представлениям и субъективным требованиям личностей [2, с. 271]. Формула прогресса призвана объяснить направления изменений, а не средства прогресса, которые будут уникальны для различных условий. Необходимо отметить, что отдельные процессы развития взаимно обусловлены (нравственные убеждения неразрывно связаны с развитием политических форм, правосудия, экономики и др.).

В целом формула должна включать в себя следующие элементы: социальный идеал, пути его осуществления, обоснование принципов перехода от одних видов деятельности к другим. Целью прогресса выступает развитая и развивающаяся личность. Прогресс состоит в том, чтобы личность освободила себя путем изменения и творческой переработки культурных идей в соответствии с выбранной целью. Кареев выделяет воспитание духовных интересов и мирозерцания (прогресс умственный); формирование этических принципов (этический прогресс); формирование нового государства и развитие свободы (прогресс политический); улучшение права и создание равных возможностей (юридический прогресс); развитие солидарности и совершенствование способов «добывания средств к существованию» (экономический прогресс) [4, с. 97].

В этих положениях выявляется общее во мнениях Н. И. Кареева и Н. К. Михайловского о критериях прогресса. Методологическая позиция Н. К. Михайловского основывается на том, что сам человек есть цель и критерий прогресса. С позиции субъективизма проблема формулируется в виде вопроса: прогресс есть развитие материального производства или совершенствование самого человека? Для Михайловского ответ очевиден: прогресс есть совершенствование самого человека. В определенной степени с ним солидарен Н. И. Кареев, утверждавший, что целью прогресса является достижение общечеловеческого идеала [2, с. 253].

В ходе анализа процесса социального развития в работе «Что такое прогресс?» Н. К. Михайловский полемизировал с Г. Спенсером по поводу функционирования двух фундаментальных законов: «всякое изменение сопровождается более, нежели одним изменением» и «условия однородности суть условия неустойчивого равновесия» (причина развития) [5, с. 32–36]. Ученый утверждал, что первый предложенный закон не может являться доказательством формулы развития на основе перехода от однородного к разнородному, поскольку уже осуществляется в разнородной среде. Второй закон опровергается им на простом физическом примере нагрева металла, где термическая неоднородность

нарушает равновесие однородного [5, с. 41]. Точно также, по его мнению, нельзя сообщить членам какого-либо общества одинаковые усилия с целью формирования его однородности. Прогресс общества и индивидуальное развитие личности не являются идентичными. По мнению Г. Спенсера социальная устойчивость общества зависит от поддержания справедливых учреждений. Однако Михайловский напоминает, что под термином «справедливость» имеется «реальная подкладка», созданная конкретным веком, народом или сословием [5, с. 45]. Безусловная справедливость для человека невозможна. Более того, он отмечает, что с дифференциацией общества началось нарушение целостности отдельных личностей и переход от разнородного к однородному. Г. Спенсер понимал под прогрессом не усовершенствование, а простую последовательность изменений вне результата. В результате прогресс индивидуальный и развитие общества взаимно исключались [5, с. 63].

Изучение взаимодействия личности и общества позволило Михайловскому сделать вывод о том, что общество в ходе своего прогрессивного развития оказывает давление на личность, заставляя ее переходить от разнородности к однородности [5, с. 89]. Социум стремится подчинить индивида, раздробить личность, «превратить ее из индивида в орган» [6, с. 265]. Согласно закону развития, личность должна бороться за свою индивидуальность, а переход общества от однородности к разнородности следует признать регрессивным. С точки зрения ученого, взаимосвязь личности и общества обратно пропорциональна: когда общество прогрессирует, личность регрессирует. Прогресс, по мнению Михайловского – это «...постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми» [5, с. 215]. Следовательно, прогрессивным можно назвать увеличение однородности общества и увеличение разнородности отдельных его представителей.

Несмотря на критику за отсутствие четкой интерпретации понятия «справедливость» и приоритет субъективного подхода к анализу исторической действительности Н. К. Михайловский одним из первых поставил вопрос о социально-психологической природе власти и подчинения в обществе, на основе которого была разработана концепция взаимодействия «героя» и «толпы» (лидера и массы). Отдельные исследователи отмечали, что деонтологический элемент теории прогресса, отраженный в работах Н. И. Кареева, скорее идеалистичен, чем реалистичен и выглядит старомодно. Ученым предпринята своеобразная попытка ввести в историософию категорию «должное». Формула прогресса Кареева – это некая «мерка», которая позволяет ученому понять связь

прошлого, настоящего и будущего, это лишь гипотетическое построение, к которому должна стремиться эволюция [7, с. 26]. Важной представляется мысль о том, как оценить историческое развитие по отношению к отдельным поколениям. Идея прогресса позволяет представить ход истории в категориях истинного и ложного, лучшего или худшего. Прогресс – это не простое поступательное движение, а своеобразная борьба, знаменующая победу истины над ложью, добра над злом, возвышение реального над идеальным [2, с. 129].

В ходе рассмотрения идеи общественного прогресса ученые обращаются к концепции повторяемости: появление того общего, в котором находит смысл индивидуальное, повторение в переходах от ступени к ступени. Способность к прогрессу определяется как существенный признак человека на основе руководящей идеи, которая зависит от субъективного выбора исследователя. Н. И. Кареев учитывал спорность предлагаемой концепции и признавал, что выработка формулы прогресса возможна лишь на уровне философского знания. Развитие нравственных убеждений нельзя представить без соответствующего развития правосудия, а освобождение от борьбы за существование невозможно без развития соответствующих экономических институтов. В работе «Формула прогресса в изучении истории» отмечал, что прогресс есть тенденция к усвершенствованию внутренних свойств человека и улучшению его культуры [3, с. 10].

Н. К. Михайловский в полемике с представителями социал-дарвинизма доказал, что идея социального прогресса не может быть рассмотрена в концепции естественного отбора через призму приспособительного поведения. Он отмечал, что необходимо избрать иной подход, учитывающий действия исторических законов. В своих работах Михайловский раскрыл значимость нравственного долга, не допускающего ситуацию, чтобы отдельные члены общества совершенствовались за счет других людей. Каждая личность должна умственно и нравственно развиваться только за счет своих собственных способностей и сил, не отвергая при этом добровольную помощь от других индивидов.

Н. И. Кареев, излагая концепцию прогресса, рассмотрел историю как с феноменологической, так и с номологической точек зрения, предупреждая о рисках освобождения науки от всеобщего закона причинности путем введения понятия «свободная воля человека». При этом он напомнил о недопустимости попыток лишения истории собственных законов и общей теории, необоснованности утверждений об отсутствии взаимной обусловленности исторических процессов [2, с. 115].

Представители субъективной школы социологии стремились в своих работах выяснить соотношение личности и общества, определяя

объективные и субъективные начала теории прогресса. Несмотря на всю противоречивость выдвинутых тезисов, представляют интерес идеи ученых о поколенческом подходе и роли личности в процессе развития истории. Субъективная составляющая прогресса представлена как борьба сознательной деятельности с бессознательной, замена произвола целенаправленностью. Перспективы воплощения высказанных идей в будущем покажет история развития постмодернистского общества.

Библиографический список

1. *Кареев Н. И.* Основные вопросы философии истории. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса // Философия и общество. 1997. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-voprosy-filosofii-istorii-kritika-istoriosoficheskikh-idey-i-opyt-nauchnoy-teorii-istoricheskogo-progressa> (дата обращения: 19.10.2020).
2. *Кареев Н. И.* Основные вопросы философии истории. Ч. 1: Сущность и задача философии истории. СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1887.
3. *Кареев Н. И.* Формула прогресса в изучении истории. Варшава: Тип. И. Носковского, 1879.
4. *Кареев Н. И.* Основы русской социологии / Ин-т социологии Рос. акад. наук, С.-Петербург. фил. СПб.: Лимбах, 1996.
5. *Михайловский Н. К.* Что такое прогресс? // Отечественные записки. 1869. № 2, 9, 11. 1922. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10078173> (дата обращения: 26.12.2020).
6. *Михайловский Н. К.* Герои и толпа: Избранные труды по социологии: в 2 т. / отв. ред. В. В. Козловский. Т. 2. СПб.: Алетейя, 1998.
7. *Малинов А. В.* Теория исторического процесса Н. И. Кареева // КЛИО. 2013. № 2 (74). С. 23–28.

УДК 327

Л. И. Грошева,

доцент, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ И ТЕРМИНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ВЕРЫ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматриваются особенности встраивания вероисповедания в образ жизни и бытовую действительность современной молодежи. Приводятся данные исследования, отражающие роль религиозных взглядов и убеждений в обеспечении личностного мировоззрения и межличностной коммуникации.

Ключевые слова: молодежь, религия, вероисповедание, личностный выбор, ценностные ориентации, нравственные установки.

L. I. Grosheva,

Associate Professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School
named after Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov

THE INSTRUMENTAL AND TERMINAL NATURE OF FAITH IN THE MINDS OF MODERN YOUTH

The article examines the features of embedding religion in the way of life and everyday life of modern youth. The research data reflecting the role of religious views and beliefs in ensuring personal worldview and interpersonal communication are presented.

Key words: youth, religion, religion, personal choice, value orientations, moral attitudes.

Современные технологии формируют основу для увеличения индивидуализации деятельности, а также роста виртуализации общения и межличностного взаимодействия. Несмотря на стремительное развитие технологий, популяризацию научных знаний и расширение возможностей для самообразования, в значительной мере удовлетворение духовных потребностей осложнено ввиду снижения социальной активности индивида как следствие вынужденной изоляции [2, с. 104].

Ситуация, сложившаяся относительно распространения вирусных заболеваний, обострила вопрос личностного встраивания индивида в социум, который оказался раздробленным ввиду технических, экономических и социальных причин. Указанная ситуация актуализировала стремление населения каким-либо образом привести себя в психологическое и социальное равновесие, что могло быть реализовано преимущественно за счёт внутренних ресурсов, нежели посредством внешнего сопровождения.

С точки зрения технологического обеспечения изолированной формы жизнедеятельности следует отметить недостаточное качество цифровых оболочек, аппаратных устройств, позволяющих реализовать полноценную жизнь человека в рамках виртуального пространства. Разрыв между городскими и сельскими районами, центральными и периферийными регионами в сложившейся ситуации стимулировал цифровое расслоение в рамках всего мирового сообщества. По оценкам европейских исследовательских центров в среднем до 40 % населения (в зависимости от социально-экономических условий конкретной страны) Европы не имели достаточных условий для технического подключения к высокоскоростному интернету, либо не обладали техническими устройствами, позволяющими полноценно использовать дистанционные технологии работы, образования и коммуникативного обмена [3].

Экономический фактор проявился в усилении неравенства в доступе к средствам обучения, ознакомления с артефактами духовной

культуры ввиду недостаточного количества средств на приобретение персонального компьютера. Во Франции каждая пятая семья столкнулась с проблемой обеспечения техническими устройствами детей. Как правило, статистика не учитывает семьи мигрантов, которые по большей части лишены подобной возможности [3]. Согласно российской статистике цены на персональные компьютеры различного плана выросли в течение шести месяцев 2020 года на 15–30 %, при этом в особенности интенсивный рост наблюдался в бюджетном сегменте [1].

Социальная составляющая дистанционного формата коммуникаций в свою очередь была сопряжена с рядом рисков. Специалисты отмечают, что в значительной мере интернет-пространство не отвечает требованиям безопасности, так как представляемая информация, в особенности в рамках социальных сетей, не подвергается критическому анализу и в значительной мере не может быть проверена пользователями на предмет достоверности и объективности. Значительную роль приобрели национальные и религиозные сообщества, которые в рамках борьбы с последствиями пандемии, активно развивали не только волонтерские акции, но и виртуальную поддержку своих участников [4, с. 221].

Таким образом, в рамках реализации изоляционных мер, население столкнулось с одиночеством, дистанцированием и страхом, сопряжённым с возможностью собственной смерти и потерей близких. Учитывая концептуальную составляющую данных жизненных вопросов, роль терминальных и инструментальных аспектов религиозного мировоззрения достаточно актуализирована, так как оно в значительной мере индивидуализировано и не требует в обязательном порядке дополнительных технических или коммуникативных средств в практической реализации.

С целью определения роли религиозных взглядов молодёжи в условиях пандемии автором в октябре–ноябре 2020 года было проведено исследование методом фокус-групп (16 фокус-групп по 5–7 человек), в котором приняли участие молодые люди в возрасте 18–30 лет. В качестве критериев отбора выступили следующие факторы: наличие опыта изоляции (не менее двух месяцев), наличие опыта дистанционного обучения, наличие религиозной самоидентификации без жёсткого соблюдения норм и канонов, совместное проживание с близкими людьми в количестве не более двух человек. В рамках исследования 8 фокус-групп включали представителей православной веры, другие 8 состояли из представителей Ислама.

Молодые люди отметили, что во время изоляции мысленно обращались к Богу с различными просьбами несколько раз в неделю. При этом представители Ислама отмечали, что перешли к ежедневным молитвам, тогда как ранее они уделяли им незначительное время (не более 1–2 раз в месяц). Опрошенные указали, что подобная практика

позволяла им переживать социальную изоляцию, которая вызывала у них депрессивные проявления, а также чувство полной апатии.

В значительной мере обращения к источнику веры характеризовались инструментальным подходом. Содержательная сторона обращений состояла в пожелании здоровья родным и близким, в прошении личностной стойкости и морального благополучия. Пятая часть указала, что среди просьб также были аспекты, связанные с сохранением дохода, рабочего места, а также помощь в ходе обучения. Следует отметить, что среди православных и мусульман данный подход проявился в равной степени, различия наблюдались в отношении наиболее актуальных установок. Среди мусульман в большей степени имели место обращения по поводу благополучия семьи и старших родственников, в то время православные молодые люди ориентировались в большей степени на личные проблемы. Уточняющие вопросы позволили определить, что данный факт обусловлен ориентацией православных, относительно помощи родным и близким, в большей степени на собственные ресурсы нежели на помощь извне.

Указанное соотношение коррелирует с ощущением одиночества в ходе изоляции. 70 % опрошенных православных обращали внимание на острое переживание одиночества, в то время как среди мусульман упоминание отдалённости от общества наблюдалось лишь у трети опрошенных. Тем не менее, все участники исследования указывали, что наличие веры приводило их к осознанию наличия большого количества людей, находящихся с ними в едином сообществе, хотя и виртуально отдалённом от них.

Половина опрошенных (учитывая тот факт, что пандемия пришла на весенний период) отметила, что в условиях изоляции обратила внимание на религиозные праздники и знаменательные даты. К примеру, среди опрошенных православных до изоляции пасху отмечали не более 10 %, в то время как в 2020 году в процедурах приготовления и совместном праздновании (в том числе посредством средств связи) участвовали 90 % молодых людей. При этом религиозные праздники оценивались не столько с точки зрения содержательной составляющей, сколько с позиции возможности совместного времяпрепровождения, наполненного дополнительным духовным смыслом.

Среди опрошенных отсутствовали представители, родственники и близкие которых погибли в результате заболевания, однако в половине случаев молодые люди либо сами столкнулись с коронавирусной инфекцией либо имели подобных знакомых. Больше половины участников высказалось за существование вероятности защитной функции веры в успешном преодолении заболевания. В структуре причин данного успеха вера занимала пятое место, уступив медицинской помощи, режиму

питания и отдыха, медикаментам и «здоровому» психологическому на­строю. В целом молодые люди отметили, что наиболее положительный эффект наличия веры выразился в возможности сохранения морально-психологической стабильности и спокойного принятия сложившейся ситуации.

Треть опрошенных позиционировала веру в качестве средства преодоления межличностных конфликтов в условиях изоляции. Молодые люди отметили, что в среднем конфликтная обстановка в ходе совместного быта возросла по десятибалльной шкале с 4 до 7 пунктов (где в качестве наиболее конфликтного состояния расценивалась позиция в 10 баллов). Роль веры в разрешении конфликтов была рассмотрена как возможность внутренне коммуницировать с кем-либо помимо оппонента в лице собирательного образа Бога. Также инструментальное применение веры нашло отражение в отказе от конфликтов ввиду религиозных мероприятий (поста, праздников и пр.). Таким образом, искусственное подавление противоречий позволило молодым людям сохранить приемлемый уровень непосредственных коммуникаций. В то же время следует подчеркнуть тот факт, что преимущественная роль в разрешении или нивелировании конфликтов была отведена личностным усилиям и возможности коммуницировать с более квалифицированными людьми посредством сети Интернет.

В то время как подход молодых людей к религиозным ценностям и порядкам имел преимущественно прикладной характер, более половины участников фокус-групп отметили наличие душевного подъёма и ощущения единства с большим сообществом верующих, что позволяло мобилизовать внутренние ресурсы для работы и обучения на дистанционной основе. Около 20 % опрошенных отметили рост интереса к религиозным нормам и праздникам, а также к содержанию духовных книг и произведений искусства.

Молодые люди в условиях пандемии находили в вере совокупность методов разрешения тревожности и сложных ситуаций, проявляющихся в условиях пандемии. Так как ранее (учитывая заданную выборку) они не проявляли активное участие в жизни Церкви, отсутствовали факты ощущения отделённости от сообщества верующих ввиду невозможности участвовать в массовых обрядах. Молодёжь напротив сформировала представление о причастности к большому виртуально осознаваемому коллективу, что позволяло отстраниться от ощущения одиночества и укрепить уверенность в будущем. На дополнительные вопросы о сохранении сформированной позиции по завершению периода изоляции молодые люди не отвечали однозначно, и не сформировали единого мнения. Данный факт в значительной мере подтверждает инструментальный характер веры и религиозных аспектов в восприятии молодёжи. С другой стороны, в сложных условиях жизни

религиозная система ценностей проявила себя с конструктивной стороны и выступила в качестве поддерживающего механизма, сохраняющего морально-психологическую стабильность населения.

Библиографический список

1. Как пандемия влияет на цены в магазинах // Издательство Новая газета [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/16/84922-problema-odna-azhiotazhnyu-spros> (дата обращения: 12.11.2020).

2. Лункин Р. Н. Механизмы религиозной реакции на пандемию коронавируса // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2. С. 104–107.

3. Farrell H., Newman A. Will the coronavirus end globalization as we know it?, foreign affairs (2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-03-16/will-coronavirus-end-globalization-we-know-it> (дата обращения: 06.01.2021).

4. Wang C. To cope with a new coronavirus pandemic: how life may be changed forever // Chinese Journal of International Law. 2020. Vol. 19, Is. 2. P. 221–228.

УДК 94(47)

В. Н. Дежнев,

доцент, Шадринский государственный педагогический университет

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И НАРОДОВЛАСТИЯ КАК ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

В статье представлен исторический опыт формирования российской государственности, ключевые факторы, определившие ее своеобразие, формы осуществления народовластия и его влияния на государственное строительство.

Ключевые слова: Россия, традиционные ценности, государственность, народовластие.

V. N. Dezhnev,

Associate Professor, Shadrinsk State Pedagogical University

HISTORICAL ASPECT OF STATEHOOD AND DEMOCRACY AS TRADITIONAL RUSSIAN VALUES

The article presents the historical experience of the formation of the Russian state, the key factors that determined its originality, the forms of implementation of democracy and its influence on state construction.

Key words: Russia, traditional values, statehood, democracy.

Традиционные ценности каждого народа, каждой цивилизации – это результат многовекового отбора форм организации социальной жизни, духовных ориентиров, позволяющие сохранять свою идентичность и безопасность, создавать условия для своего благополучного развития. Отказ от этих ценностей неминуемо ведет к деградации, потере потенциала для развития, растворении народа в потоке мировой истории.

Именно ценности, сформированные на заре возникновения восточно-славянской цивилизации, развитые в ходе создания государственности, укрепившиеся в борьбе с врагами, устоявшие во внутренних смутах и в деформациях от чуждого цивилизационного влияния, позволили русскому народу, России, вбиравшей в себя другие народы, пройти более чем тысячелетний путь.

Испытания последних тридцати лет, выпавшие на долю нашей страны, нашей цивилизации вызывают обоснованные сомнения в возможности сохранения нашей цивилизационной идентичности, наших места и роли в процессе формирования будущего человечества. И хотя Россия в последнее время предпринимает определенные шаги к тому, чтобы вернуть и явить миру прежнюю силу и способность взять свою часть ответственности за дальнейшие судьбы мира, во внутреннем развитии, в духовной и проектной сферах сохраняются серьезные проблемы.

Сохраняются, особенно у молодого поколения, сформированные в последние десятилетия иллюзии в возможность прямого заимствования у других народов и государств готовых образцов организации жизни. В частности, это касается такого стереотипа как отсутствие якобы у нас опыта демократического развития, что требует насаждения на российской почве западной буржуазной демократии.

События второй половины 2020 года, связанные с президентскими выборами в США, показали еще раз, что демократия эта с изрядным изъяном, а подобного рода инциденты в выборных процедурах – это не открытие текущего года и имеют многолетнюю историю. И критический взгляд мог бы это разглядеть. Но в начале 1990-х годов усилиями заинтересованных структур и при наивности населения имел место, можно сказать, массовый самообман, общественная иллюзия по поводу наконец-то до нас дошедшей возможности народного волеизъявления и построения государства и общества по лучшим мировым образцам. Но иллюзия эта достаточно быстро обернулась глубочайшим разочарованием: расстрел законно избранной власти в 1993 году и выборы президента России в 1996 году показали истинное лицо той демократии, которая насаждалась в стране.

Это не означает, что надо отказаться от поиска путей участия народа в делах государства, но поиск этот должен вестись в русле отече-

ственных традиций государственности и народовластия. Существующий ныне запрос на образ будущего России не может быть реализован без обращения к истокам и историческому пути нашей цивилизации.

Восточные славяне, отделившись в VI веке от славянского ядра и двигаясь по Восточно-Европейской равнине, вошли в соприкосновение с жившими здесь финно-угорскими племенами. История не дает примеров сколь либо значимых столкновений между местными жителями и пришельцами. Эпизод распрей и усобиц, предшествовавший призванию Рюрика, скорее говорит о способности к поиску компромисса, к нахождению мирного решения противоречий, чем о межэтнической вражде. Даже с такими агрессивными соседями как печенеги и половцы порой удавалось достичь мира. Во все времена наша стабильная государственность базировалась на межэтническом согласии. Когда же национальные проблемы не решались, как это случилось в начале и в конце XX века, это в ряду других причин подрывало государственные устои.

На характер государственного устройства исключительное влияние оказывает природно-климатический фактор. Основная территория расселения восточнославянских племен отличается суровым неустойчивым климатом, позволяющим заниматься полевыми сельскохозяйственными работами 4–5 месяцев в году, что в совокупности с малопродуктивными почвами давало низкую урожайность и малый прибавочный продукт, который можно было изъять без ущерба для крестьянина для решения государственных задач. Все это изначально создавало высокий уровень централизации власти для концентрации и рационального распределения ресурсов.

Одновременно суровые природно-климатические условия формировали у народа общинность, коллективизм, взаимопомощь, навыки самоуправления. Влияние народа на судьбы будущего государства проявилось уже в призвании варягов через старейшин приильменских племен, как выразителей народного мнения, в вечевом влиянии на княжескую власть на ранних этапах государственности, в народном стремлении к единству в период раздробленности, в решающем влиянии народа на восстановление государственности после Смутного времени. Особое место занимает участие представителей народа в работе Земских соборов 16–17 веках, в выполнении обязанностей выборных земских старост, наиболее ярким из которых является нижегородский староста Козьма Минин.

Геополитическое положение восточнославянских земель, характеризовавшееся отсутствием природных преград для проникновения врага, требовало наличия постоянно готовой к действию вооруженной силы. Восстановление раздробленного государства и расширение

русских земель потребовало дальнейшего усиления централизации. Армия стала одной из опор государственности, но и требовала значительных ресурсов для ее содержания, что повлекло возникновение сложного сословия и закрепления за ним части крестьянства.

Традиция опоры власти на служилый слой воспроизводится на каждом этапе нашего государственного строительства – дружина, боярство, дворянство, номенклатура – все они призваны быть проводниками государственных интересов во всех сферах деятельности, внутри страны и за ее пределами. Не случайно в последнее время столь актуальной заявлена задача так называемой «национализации элиты», создания преданного интересам страны современного служилого слоя, без которого сложнейшие задачи, стоящие перед страной, не решить.

С принятием христианства Русская православная церковь стала и духовной опорой и носителем идеи государственности. С перемещением митрополичьей кафедры – центра управления церковью сначала во Владимир, а затем в Москву обозначено было место политического ядра будущей государственности. Всемерная поддержка церковью объединительных усилий московских князей, провозглашенная Сергием Радонежским идея Троицы – символа единства как цели политического движения, стали важными факторами в формировании централизованного государства. Важную роль сыграла церковь в сохранении государственности в Смутное время.

В синодальный период духовное влияние церкви снижалось, происходила фактическая секуляризация правящего слоя, а затем и значительной части рядового народа при сохранении иллюзии всеобщей и глубокой православной духовности. В начале XX века, в ходе первой мировой войны и революционных событий церковь не смогла стать опорой государственности, в том числе и по объективным причинам. Идеологическим противникам государственных основ надо было противопоставить светскую идеологию государственности, которая в союзе с православной духовностью способствовала бы укреплению государства, но сделать это даже не пытались. Подобный союз был осуществлен в следующую эпоху. В ходе Великой Отечественной войны светская государственная идеология была соединена с духовностью церкви и рядовых верующих, составлявших значительную часть воинов и тружеников тыла, что и обеспечило достижение победы. Эти уроки надо учитывать в наше время. Именно формулирование ясной государственной идеологии является одной из самых насущных современных задач общества и государства.

Существовавшая в течении 70 лет в Советском Союзе власть в форме Советов была результатом живого творчества масс, они возникли

в революционных событиях 1905 года в Иваново-Вознесенске и быстро распространились по всей России. Уничтоженные после подавления революции 1905–07 годов, Советы вновь воспроизвелись в 1917 году. Само возникновение Советов, их принятие народом и эффективное функционирование связано с тем, что именно в этой форме нашли воплощение вековые народные традиции общинности, вечевых порядков и самоуправления.

Таким образом, безосновательно говорить, что в нашей истории не было опыта народовластия. Формирование и укрепление российской государственности во все века сопровождалось активным влиянием со стороны народа, с его деятельным участием в управлении. Сильная центральная власть, подкрепленная народной поддержкой, при опоре на духовность всегда была в нашей истории залогом успешного развития страны.

УДК 371

Е. В. Дианова,

доцент, Петрозаводский государственный университет

БОРЬБА С СУЕВЕРИЯМИ И ПЕРЕЖИТКАМИ ЯЗЫЧЕСТВА В ШКОЛАХ КАРЕЛИИ В 1920-е ГОДЫ

В 1920-е годы в условиях усиления атеистической пропаганды учителям вменялось в обязанность вести борьбу с пережитками язычества и суевериями. Методисты Карелии разработали рекомендации для разоблачения народных мифологических представлений.

Ключевые слова: атеистическое воспитание, борьба с пережитками язычества и суевериями.

E. V. Dianova,

Associate Professor, Petrozavodsk State University

COMBATING SUPERSTITIONS AND RELICS OF PAGANISM IN KARELIA SCHOOLS IN 1920s

In the 1920s, in the conditions of increasing atheistic propaganda, teachers were charged with the obligation to fight against the remnants of paganism and superstitions. Methodists of Karelia have developed recommendations for exposing folk mythological ideas.

Key words: atheistic education, fight against relics of paganism and superstitions.

Особенность Карелии как северного региона страны состоит в том, что среди населения долгое время сохранялись различные суеверия и предрассудки, в то время как православные священники проявляли вполне толерантное отношение к пережиткам язычества. В 1920-е годы с усилением атеистической пропаганды и гонений на церковь и духовенство в борьбу с остатками дохристианских верований включились школьные работники. Методисты Народного комиссариата просвещения Карелии составили подробный перечень «антирелигиозных моментов» в комплексных программах для всех групп (классов) городских и сельских школ I ступени.

При анализе содержания «антирелигиозных моментов» складывается впечатление, что учителю отводилась ведущая роль миссионера, боровшегося с пережитками язычества. Это касалось народных поверий о лесных духах и нечистой силе, которые обсуждались во время изучения темы «Итоги лета» в каждой группе школы I ступени. В 1-й группе данная тема совпадала с темой «Первые шаги в школе». Методисты советовали: «Когда ученики придут в школу, познакомятся с обстановкой класса и с учителем, начнут рассказывать учителю, где и как они проводили время летом, купались, ходили в лес за грибами и за ягодами, помогали работать маме, нянчили младших сестер и братьев. Путем наводящих вопросов можно довести ребенка до того, что он начнет рассказывать о том, чего он боялся в лесу (леших). "Ходил в лес и видел лешего, мне было страшно"» [9, д. 55/448, л. 78, 83].

Возможно, в лесу кто-то случайно набрел на корягу, суковатое дерево с вывороченными корнями, которое от страха легко принять за лешего, тем более фантастическому восприятию действительности дети были подготовлены повсеместно бытовавшими народными поверьями о лешем как покровителе диких животных и охотников. В Карелии, где охота являлась одним из главных промысловых занятий, у населения сохранялось особое отношение к лешему, а мифологические рассказы лишь подкрепляли сложившиеся представления о нем как «хозяине» леса и промысловых угодий. В народных быличках «повествуется о том, как "хозяин" различными способами (свистом, хохотом, пением, шорохом, непонятными звуками, шумом гнущихся и хлещущихся деревьев) изгоняет из леса человека, пугая его и даже обращая в паническое бегство» [4, с. 115].

В этнографических материалах, собранных учеными, информанты говорили об устоявшихся правилах поведения в лесу, потому что «лес, оно, знаешь, тёмно дело». В лесной чаще выделяется особый locus, который в мифологических рассказах именуется как «такое место, эко место, это место». Существуют негласные запреты на посещение

заповедных мест, так как «лешего нечего трогать». В случае нарушения запретов, оказавшись в «таком месте», люди плутают, ходят по кругу. Судя по рассказам, иногда они могут встретить «запредельного гостя» (лешего) в образе мужика ростом «выше лесу», дедушки или старика [3, с. 119, 122, 241].

Учителю предлагалось организовать экскурсию, «сходить на то место всем коллективом и сделать соответствующее разъяснение». После прогулки в лес на «страшное место» рекомендовалось в классе провести беседу, прочитать вслух русскую народную сказку «Леший» из сборника А. Н. Афанасьева. В сказке говорится о том, как одна девица, поповна, «была лешим унесена, прожила у него целые три года». Ее спас смелый охотник, который «каждый божий день ходил с собакой да с ружьем по дремучим лесам» [8, с. 489].

Трудно сказать, могла ли эта сказка принести какую-нибудь пользу для борьбы с суевериями, скорее, она создавала в сознании детей когнитивный диссонанс, противоречие с тем, что говорит учитель, отрицая наличие лесных духов, и народными поверьями о похищении лешим животных и людей, о пребывании их в гостях у «хозяина» леса. В. Я. Пропп отмечал тесную связь «сказочного леса с тем лесом, который фигурирует в обрядах инициации». Обряд посвящения (инициации) всегда производился именно в лесу. В сказках дети отправлялись в лес, «дремучий, темный, таинственный, несколько условный, не вполне правдоподобный». В крестьянской мифологии «связь обряда посвящения с лесом настолько прочна и постоянна» [10, с. 56, 57], что она сохранялась и позднее. Подростки, посещая «страшные места», проходили испытание и тем самым как бы приобщались к миру взрослых.

После прогулки в лес организовывалась экскурсия к реке, где ученики рассказывали не только о том, как они купались, но и о том, что они слышали о водяных и русалках. Учитель наводящими вопросами должен был «довести ребят до того, чтобы они сказали, видели ли они, какие водяники и русалки сами». Если следует ответ «Нет», тогда учитель снова задает вопрос: «Откуда же все знают о них?». Учащиеся отвечают: «От бабушки, от деревенских знахарей и колдунов». Затем учитель вновь спрашивает детей: «Почему же они рассказывают о них?» И сам же дает ответ на свой вопрос: «Видят пользу – стараются ввести в заблуждение неграмотное и бедное население», потому что знахари и колдуны помогают кулакам «держат в кабале бедных крестьян». Для разоблачения языческих суеверий и народной демонологии учителем делался вывод, основанный на материалистическом понимании природных явлений: всплеск большой рыбы можно принять за купание русалки, крик филина – за смех лешего. Крестьянских детей могли напугать

«шелест листьев, случайный лай собак, осенний крик журавлей, крик совы, гагары, филина, шелест колосьев в поле, особенно вечером» [9, д. 55/448, л. 78].

Во 2-й группе в школах I ступени проработка темы «Итоги лета» также предполагала рассказы детей о летнем времяпрепровождении, тогда же вновь появлялся «ряд вопросов, связанных со страшными, по их мнению, местами». Это были омут с русалками и водяными; лес с лесовиками; особые, «заколдованные места, где всегда чудится». Снова организовывались «на эти места экскурсии, например, к омуту», где учитель, измерив глубину, разъяснял, что омут – это глубокая яма на дне реки или озера, там сильным встречным течением образуется водоворот, так что «у водоворота купаться опасно, можно утонуть, не справившись с течением воды». Затем уже в классе читались отрывки из рассказа И. С. Тургенева «Бежин луг» и повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница», разучивались стихотворения А. С. Пушкина «Утопленник» и «Вурдалак». Детям давалось задание «расписать все места их деревни, которые внушают суеверный страх взрослых и детей». Анализируя письменные работы учащихся, учитель ненавязчиво подводил их к выводу: «Страшные места созданы воображением взрослых» [там же, л. 65, 79].

В системе антирелигиозного воспитания для преодоления детских страхов практиковалось посещение братских могил, захоронений участников революции и Гражданской войны, также проводились «ночные походы на кладбище» [11]. Для работников просвещения не было секретом то, что «дети боятся ходить вечером на кладбище и мимо него» [9, д. 55/448, л. 79]. По мысли организаторов, такие прогулки способствовали борьбе с суевериями, верой в дурные приметы, разоблачению легенд о призраках и привидениях. Пионеры и школьники должны были превозмочь боязнь темноты, страх перед непонятными явлениями. Данный педагогический посыл соответствовал учению преподобного Иоанна Лествичника, полагавшего, что истинно верующий человек «боится одного своего Владыки, а в ком нет страха Господня, тот часто и тени своей боится». Для преодоления боязливости «Лествица» давала совет: «Не ленись в самую полночь приходить в те места, где ты боишься быть. Но когда ты пойдешь в те места, вооружайся молитвою; пришедши же, рапростри руки, и бей супостатов именем Иисусовым; ибо нет сильнейшего оружия, ни на небе, ни на земле» [2, с. 149].

В советское время никто не следовал заветам отцов христианской церкви, а пребывание на погостах в неурочный час, особенно после заката солнца, всегда расценивалось как пренебрежение к правилам посещения мест вечного упокоения. Однако в 1920-е гг. борцы с религией

не видели ничего противоестественного в своих действиях, даже если визиты на погосты сопровождалась осквернением могил. Посетив сакральные места в темное время суток, нарушив старинные запреты, отринув заповеди прошлого и становясь членами советского общества, отрекшимися от старого мира и отряхнувшими «его прах со своих ног» (в буквальном смысле слова), молодежь проходила обряд инициации, посвящения в новую социальную общность.

Методисты считали возможным связать с темой «Осенние работы в семье» вопрос «о страхе детей от одиночества». Часто, оставаясь одни дома, дети пугались странных звуков и шорохов, особенно когда «от сильного ветра и дождя происходит колебание стекла и вой ветра в трубах», поэтому «среди ребят встречалось такое суеверие, что водяной стучит в окно по ночам». Для преодоления детских страхов предлагалось прочитать рассказ К. Д. Ушинского «Трусливый Ваня», разобрать его в беседе с родителями, «разъяснить им, что запугивание детей с раннего детства вредно отражается на дальнейшем развитии взрослого человека». Попутно выяснялось значение детского коллектива, велась агитация за устройство в деревне детского сада и детских площадок, потому что «одиночества можно избежать, собираясь коллективом для игр, бесед, прогулок. В коллективе – сила, и через коллектив изживается всякий страх» [9, д. 55/448, л. 66, 78]. Таким образом, потребность детей в общении и дружеских отношениях со сверстниками использовалась для устранения детских страхов и суеверий.

Во 2-й группе при проработке подтемы «Домашние животные» (тема «Жизнь и труд в деревне зимой») разбирался вопрос, связанный с духами, обитавшими в избе, бане и других хозяйственных постройках. В любой деревне хранителями народного мифологического «устава» были представители старшей возрастной группы. Они знали и строго соблюдали обряды и обычаи в отношениях с домовыми (дворовиками), баенниками, ригачниками, хлевниками и прочими духами, от которых зависело благополучие людей и домашних животных [6, с. 125]. В форме языческих верований, обрядов и магических ритуалов был закреплен практический опыт людей, передаваемый из поколения в поколение. В сельской местности домашним духам приносились жертвоприношения. Особенно разнообразными были подношения дворовику в Заонежье. В 1920-е гг. этому домашнему духу посвящали первый блин, испеченный на Рождество, а на Покров в хлев ему ставили миску с зерном или молоком [7, с. 55].

В семьях дети, наверняка, слышали о своде особых правил и предписаний о том, как следует поступать человеку, чтобы избежать урона от представителей низшей мифологии, добиться их благосклон-

ности к хозяевам дома. Во время беседы с учениками учитель просил их рассказать, что «они знают и слышали о домовом (заплетание гривы у лошади, смерть овец, кошек)». В школах предписывалось не только выявлять «понятия детей о домовом», но и доказывать «несуществование домовых» [9, д. 55/448, л. 78]. Вслух читались статьи про маленького зверька ласку, которая, по народным поверьям, по ночам в конюшне заплетает в косички гривы лошадей, а, как известно, крестьяне «видели» домового именно в образе зверька ласки. Следует заметить, что учителя вряд ли могли разрушить складывавшуюся веками систему народной демонологии и религиозно-магической обрядности, что подтверждается сохраняющейся до сих пор верой в домашних духов.

По народным представлениям, «верным служителем низших демонов – покровителей конкретных природных сил, представителей мира предков» был колдун. Именно «колдуны сохраняли “родовое” архаичное сознание и отношение к “иному” миру, существование которого впрямую и не отвергалось православием» [12, с. 142]. Особую силу имели карельские колдуны, которые обходили деревни вплоть до второй половины 1920-х годов. К услугам колдунов для поднятия привлекательности, обаяния (славутности или лемби по-карельски) часто прибегали деревенские девушки. Для них устраивалась обрядовая баня, где колдун парил девиц специальными вениками с заговорами [5, с. 66]. Карельских колдунов приглашали участвовать в свадебных обрядах, начиная со сватовства, а на Поморском берегу Белого моря колдун играл на свадьбе «большую, чуть ли не главную роль» [1, с. 187].

Неслучайно в сельском социуме Карелии колдуны и знахари находились на особом положении, так как они владели приемами лечебной, любовной, аграрной, промысловой магии. Сельским педагогам, находившимся в условиях доколхозной деревни 1920-х гг. с ее религиозными верованиями и пережитками язычества, надлежало «выявить материальное положение колдунов, знахарей» и выяснить, «откуда они получают средства к существованию» [9, д. 55/448, л. 78], невзирая на возможную негативную реакцию со стороны крестьян.

В помощь учителям школ I ступени и учащимся школ повышенного типа в 1927 г. Наркомпрос АКССР принял решение об издании пособия «Карелия» в виде сборника материалов. В хрестоматию планировалось включить сведения по истории, культуре, этнографии и о социально-политическом развитии края, а также тексты, которые соответствовали задачам антирелигиозного воспитания и обучения учащихся. Анализ предметной области пособия позволяет сделать вывод о том, что в сборнике на первый план выдвигалась задача преодоления пережитков язычества, сохранявшихся по всей территории края. К примеру, тема

«Народная медицина» включала вопросы, связанные со знахарством: «а) Лечение в народе; б) Лечение животных; в) Лекарственные травы Карелии и их свойства». Для изучения темы «Остатки карельской веры», подразумевавшей разоблачение дохристианских верований, составители хрестоматии предлагали собирать материал по таким сюжетам: «Колдовство: а) как создаются колдуны; б) орудия их могущества (глаз, шкура змеи, особые травы); в) что может сделать колдун; г) противодействия от колдунов. Духи (домовые, скотники, банники, оборотни, огненные змеи). Злые силы (леший, водяной)» [9, д. 41/352, л. 17, 18].

Подводя итог, можно сказать, что в учебно-методических материалах с «антирелигиозным моментом» большое внимание уделялось преодолению суеверий, предрассудков и пережитков язычества. Учителя, осуществляя секуляризацию религиозного сознания и трансформацию традиционного мировосприятия, пытались создать научную рациональную картину мира. Они не учитывали особенности народных мифологических представлений, являвшихся ценным источником по изучению дохристианских верований.

Библиографический список

1. *Бернштам Т. А.* Свадебная обрядность на Поморском и Онежском берегах Белого моря // *Фольклор и этнография: обряды и обрядовый фольклор.* Л.: Наука, 1974. С. 181–188.
2. *Иоанн Лествичник.* Лествица. М.: Правосл. братство св. ап. Иоанна Богослова, 2001. 352 с.
3. *Криничная Н. А.* Крестьянин и природная среда в свете мифологии: былички, быватьщины и поверья Русского Севера. М., 2011. 622 с.
4. *Криничная Н. А.* Язычество и крестьянский быт: мифологические рассказы о лешем как покровителе диких животных и охотников // *Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии: материалы симпозиума, сент. 1993 г. Петрозаводск, 1993.* С. 112–117.
5. *Логинов К. К.* Девичья обрядность русских Заонежья // *Обряды и верования народов Карелии.* Петрозаводск, 1988. С. 64–76.
6. *Логинов К. К.* Домашний мифологический «устав» // *Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии: материалы симпозиума, сент. 1993 г. Петрозаводск, 1993.* С. 125–126.
7. *Логинов К. К.* О жертвоприношениях в Заонежье // *Обряды и верования народов Карелии.* Петрозаводск, 1992. С. 46–67.
8. *Народные русские сказки: из сборника А. Н. Афанасьева.* М.: Правда, 1982. 573 с.
9. Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-630. Оп. 1.
10. *Пропт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. 365 с.

11. Синельников С. П. Антирелигиозные основы воспитания в советской школе в 1920-е гг. // Научный богословский портал «Богослов Ru» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/951787.html>.

12. Фишман О. М. «Отче» и колдуны: образы жизни карельской старообрядческой общины // Обряды и верования народов Карелии: человек и его жизненный цикл. Петрозаводск, 1994. С. 122–143.

УДК 947.071+947.02

А. Н. Долгих,

профессор, Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: РОССИЯ КОНЦА XVIII– ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РОМАНИСТИКЕ Ю. Н. ТЫНЯНОВА (1894–1943)

Статья посвящена взаимоотношениям власти и общества в России в предреформенный период в изображении Ю. Н. Тынянова, занимавшего типичные для отечественной историографии советского периода позиции в данном вопросе.

Ключевые слова: самодержавие, Павел I, Александр I, Николай I, Ю. Н. Тынянов, декабристы, исторические романы.

A. N. Dolgikh,

Professor, Lipetsk State Pedagogical University
named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky

POWER AND SOCIETY: RUSSIA OF THE END OF THE XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURY IN THE HISTORICAL ROMANCE STUDIES Yu. N. TYNIANOV (1894–1943)

The article is devoted to the relationship between government and society in Russia in the pre-reform period in the image of Yu. N. Tynyanov, who held positions on this issue typical for Russian historiography of the Soviet period.

Key words: autocracy, Paul I, Alexander I, Nicholas I, Yu. N. Tynyanov, Decembrists, historical novels.

Классиком исторического жанра в советской литературе был Ю. Н. Тынянов (1894–1943), давший своеобразную картину взаимоотношений власти и общества в последнее полустолетие перед отменой крепостного права. Попробуем оценить идеи автора с точки зрения их исторической достоверности и заметим, что филологи, занимавшиеся

этой личностью, мало интересовались ими, иногда тривиальными, иногда и нет (т. 1, с. V-LX)*. Так, его повесть «Подпоручик Киж» (1928 г.) напоминает разросшийся анекдот в старом значении слова из периода царствования Павла I, выглядящий традиционно для нашей историографии. Ошибка писаря при торопливом оформлении приказа по воинской части привела к фактической ликвидации существовавшего реально офицера – поручика Синюхаева и появлению не существовавшего на деле подпоручика Киж, достигшего впоследствии генеральского чина. С одной стороны, эти история дает яркое представление о необычном русском монархе, хотя и одностороннее (не затронуты другие стороны его политики, например, попытки ограничения барщины помещичьих крестьян), лишь с точки зрения шагистики, гиперпорядка и власти бюрократии, но, с другой – речь шла о типичной для России власти приказа, издаваемого сверху, причем часто не самыми умными людьми, для которых жизнь человека не считалась важной. Тынянов с иронией пишет о поведении героя (Синюхаева) после прочтения приказа о случившейся его смерти: «Он ни разу не подумал, что в приказе ошибка. Напротив, ему показалось, что он по ошибке, по оплошности жив». Автор уделяет внимание раскрытию роли императора в создании этой системы бездумного подчинения самому нелепому приказу, показывая одновременно, что у Павла имел место свой мир, в котором он ненавидел и мать, и каждого, кто усомнился в нем. С особым вниманием описывает Тынянов «великий гнев» императора, от которого «рушились палки на целые полки». Мы оставляем здесь в стороне вопрос, насколько эта картина соответствовала реальной правде эпохи, но то, что так вполне могло быть при российском деспотизме вообще, справедливо. Тынянов шаг за шагом показывает, как император тщетно ищет опору, пытается опереться на образ мертвого отца, ждет любви и внимания. За внешним комедийным сюжетом произведения вырисовывается во многом безумная в изображении автора эпоха правления Павла (т. 1, с. 327–359).

Александровская эпоха представлена у Тынянова в романе «Кюхля» (1925 г.), посвященном В. К. Кюхельбекеру. Целью автора является изображение жизни странного человека, не понятого ни врагами, ни друзьями, являвшегося неудачником во всем, что он ни делал, но остававшегося честным человеком, борцом за справедливость и против тирании. В общем, он явно срисован с личности Владимира Ленского из пушкинского «Онегина». Выделим и мрачную фигуру Аракчеева, которому приписана идея создания военных поселений, что, на самом деле, не так: он просто исполнял в данном случае указания монарха. Изобра-

* Здесь и далее ссылки на издание: *Тынянов Ю. Н. Сочинения*: в 3 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1959.

жение декабристов и их выступления выглядит достаточно своеобразно. С точки зрения автора, они просто недостаточно были подготовлены к революционному делу, их организация оказалась слабой, что искупалось преданностью идеалам свободы. С нашей точки зрения, наиболее интересным местом романа является описание междоусобицы конца 1825 г. (автор, по нашему мнению, неправомерно отрицает за Николаем, сторонником субординации, стремление передать власть Константину как старшему в роду, объясняя его предложение о переходе к Константину власти лишь позицией гвардии), императрицы Марии Федоровны, Милорадовича и других сановников (т. 1, с. 13–324).

Особенно стоит выделить авторское осознание сущности новой эпохи во взаимоотношениях власти и общества, наступившей при Николае I, представленное в начале романа «Смерть Вазир-Мухтара» (1928). «На очень холодной площади в декабре месяце 1825 года перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой. Время вдруг переломилось... восставшие бежали по телам товарищей – это пытали время... Лица удивительной немоты появились сразу, тут же на площади, лица, тянущиеся лосинами щек, готовые лопнуть жилами. Жилы были жандармскими кантами..., и остзейская немота Бенкендорфа стала небом Петербурга. Тогда начали мерить числом и мерой, судить порхающих отцов; отцы были осуждены на казнь и бесславную жизнь... Отцы пригнулись, дети зашевелились, отцы стали бояться детей, уважать их, стали заискивать. У них были по ночам угрызения, тяжелые всхлипы. Они называли это «совестью» и «воспоминанием»... В тридцатых годах запахло Америкой, ост-индским дымом. Дуло два ветра: на восток и на запад, и оба несли с собою: соль и смерть отцам и деньги – детям.

Чем была политика для отцов? «Что такое тайное общество? Мы ходили в Париже к девчонкам, здесь пойдем на Медведя» – так говорил декабрист Лунин... Бунт и женщины были сладострастием стихов и даже слов обыденного разговора. Отсюда же шла и смерть, от бунта и женщин. Людей, умиравших раньше своего века, смерть застигала внезапно, как любовь, как дождь... Они узнавали друг друга потом в толпе тридцатых годов, люди двадцатых, – у них был такой «масонский знак»... и в особенности усмешка, которой другие не понимали... Кругом они слышали другие слова, они всеми силами бились над таким словом, как «камер-юнкер» или «аренда», и тоже их не понимали. Они жизнью расплачивались иногда за незнакомство со словарем своих детей и младших братьев. Легко умирать за «девчонок» или за «тайное общество», за «камер-юнкера» лечь тяжелее. Людям двадцатых годов досталась тяжелая смерть, потому что век умер раньше их... Благо было тем, кто псами лег в двадцатые годы, молодыми и гордыми псами, со звонкими рыжими собаками! Как страшна была жизнь превращаемых,

жизнь тех из двадцатых годов, у которых перемещалась кровь! Они чувствовали на себе опыты, направляемые чужой рукой, пальцы которой не дрогнут. Время бродило. Всегда в крови бродит время, у каждого периода есть свой вид брожения. Было в 20-х годах винное брожение – Пушкин. Грибоедов был уксусным брожением. А там – с Лермонтова идет по слову и крови гнилостное брожение, как звон гитары...» (т. 2, с. 9–11). Ассоциативный ряд для нас очевиден. Да, роман издан был в 1928 г., но ведь не зря в 1925-м погиб Есенин, в 1930-м – Маяковский. Наступало иное время, и реминисценции с XX в. сразу приходят на память. Неужели их тогда не видели? Возможно, «органы» не тронули Тынянова из-за начавшейся его болезни, которая достаточно скоро приведет его к потере возможности творить.

Наконец, небольшая его повесть «Малолетний Витушишников» (1933 г.), являясь своеобразной сатирой на эпоху Николая I (в 1840-е гг.), представляет из себя анекдот из жизни этого монарха, стремившегося контролировать все и вся. Наряду с элементами личной жизни всеведущего монарха, его отношений со своей фавориткой – В. А. Нелидовой, в которых он также предстает оголтелым самодержцем, намечены уничтожительные по большей части портреты ряда министров и лиц, приближенных к императору в этот период, – Ф. П. Вронченко, А. Ф. Орлова, П. А. Клейнмихеля и др., а также неисповедимые пути, по которыми делалась карьера того времени (по принципу: служить бы рад, прислуживаться тоже – именно так!) (т. 1, с. 465–517).

УДК 322

С. П. Донцев,

доцент, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ ЭСТОНИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖПРАВОСЛАВНОГО КОНФЛИКТА НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.

В статье анализируются проявления религиозного фактора политики памяти Эстонии конца XX – начала XXI в. в контексте конфликта Русской православной церкви и Константинопольского патриархата. Выделены основные направления политики памяти, в которых проявляется религиозный фактор; показана роль Эстонской православной церкви Московского патриархата в качестве субъекта и объекта политики памяти.

Ключевые слова: политика памяти, Русская православная церковь, Эстонская православная церковь Московского патриархата, Эстонская апостольская православная церковь, межправославный конфликт.

S. P. Dontsev,

Associate Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow)

POLITICS OF MEMORY IN ESTONIA IN THE CONTEXT OF THE INTER-ORTHODOX CONFLICT AT THE TURN OF THE XX–XXI CENTURIES

The article analyzes the religious factor of the Estonian politics of memory of the late XX – early XXI centuries in the context of the conflict between the Russian Orthodox Church and the Patriarchate of Constantinople. The main directions of the politics of memory, in which the religious factor is manifested, are highlighted; the role of the Estonian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate as a subject and object of the memory policy is shown.

Key words: politics of memory, Russian Orthodox Church, Estonian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate, Estonian Apostolic Orthodox Church, inter-Orthodox conflict.

Религиозный фактор в общественно-политических процессах Эстонии конца 20 – начала 21 века наиболее ярко проявил себя в сюжетах, связанных как непосредственно с религиозной политикой и институционализацией государственно-конфессиональных отношений в обретшей независимость республике, так и с масштабным межконфессиональным конфликтом между Русской православной церковью и Константинопольским (Вселенским) патриархатом. Эволюция этого конфликта, позиция и аргументация сторон достаточно хорошо изучены (см., например: [1–4]). Глубокий и до сих пор не преодоленный раскол в эстонском православии имеет не только и даже не столько межконфессиональную, сколько политическую подоплеку. Регистрация в 1993 г. под именем Эстонской апостольской православной церкви (ЭАПЦ) – Эстонской автономной православной церкви (малочисленной структуры эстонских эмигрантов) и признание ее правопреемницей эстонского довоенного православия со всеми вытекающими отсюда имущественными последствиями, усилия высших государственных лиц Эстонии по содействию перехода ЭАПЦ в юрисдикцию Константинопольского патриархата и согласие последнего на этот шаг с предоставлением ЭАПЦ автономного статуса, последующий разрыв и восстановление евхаристического общения РПЦ с Константинопольским патриархатом, многолетние отказы эстонского правительства в регистрации эстонских структур РПЦ, завершившиеся после масштабного давления на эстонское правительство (в том числе и российских государственных институтов) регистрацией Эстонской православной церкви Московского патриархата (ЭПЦ МП), имеющей автономный статус в структуре РПЦ – все эти события в своем развитии характеризовались апелляцией всеми участниками конфликта

к историческому прошлому, в котором находилась аргументация тем или иным действиям. Однако современные исследования государственно-конфессиональных отношений в Эстонии влиянию религиозного фактора на политику памяти и историческую политику уделяют недостаточное внимание. Хотя именно в Эстонии православные церкви выступают как объектом, так субъектом политики памяти, понимаемой как область, включающая всю сферу публичных стратегий в отношении прошлого [5].

В качестве объекта политики памяти ЭПЦ МП можно рассматривать потому, что являясь институтом, выполняющим ключевую роль в формировании идентичности русскоязычного меньшинства, она с неизбежностью становится объектом дискредитации со стороны сил, не заинтересованных в консолидации русскоязычной общины. Государственная политика памяти направлена на то, чтобы разорвать историческую связь, преемственность между историческими православными церковными организациями Эстонии (Ревельскому викариатству Рижской епархии Русской Церкви, Эстонской православной церкви в межвоенный период) – и сегодняшней Эстонской православной церковью Московского патриархата. Эта церковь вытесняется из господствующего исторического нарратива, а весь доминирующий в Эстонии дискурс 1990-х – начала 2000-х гг. был направлен на то, чтобы представить ее как нечто чуждое эстонскому государству, как привнесенное извне и укорененное «оккупационным режимом», и сегодня соответственно представляющее рудимент этой оккупации. Характерно, что в этот дискурс активно включилась и клирика Константинопольского патриархата [2]. Задача построения в Эстонии новой гражданской идентичности сопрягалась с формированием образа «правильного» прошлого, в котором преобладал нарратив радикального отторжения социалистического опыта. Для конструирования национального и символического пространства требовалось, как отмечает Новикова, «развивать те культурные, в том числе и коммеморативные, практики, чья инструментальность состоит в создании и утверждении общего значения и чувства принадлежности, а также в определении параметров социального и политического включения/исключения в формировании общностей Своих и Чужих» [6]. Дискурсы ЭПЦ МП и РПЦ рассматривались эстонским исключительно как «чужие». Этим можно объяснить и многолетние отказы регистрации ЭПЦ МП, и обращения эстонских властей в Константинопольский патриархат с просьбой взять в свою юрисдикцию ЭАПЦ. В этом же тренде идет и избирательная финансовая поддержка со стороны государства. Так, например, в 2017 г. правительственную компенсацию материального ущерба, полученного в ходе войны и оккупации, получили только Лютеранская церковь и ЭАПЦ [7].

Системы государственных праздников позволяет выявить, какие события прошлого являются системообразующими для построения гражданской идентичности и в этом аспекте непосредственно связаны с политикой памяти. Признание государством в качестве праздника дня памяти явления, события или сюжета, связанного непосредственно с религиозной традицией, фиксирует признание государством ее значимости для общества. Это один из факторов конструирования культурно-символического пространства страны. В эстонском контексте это приобретает особое значение в качестве одного из элементов «войн памяти» и связано с празднованием Рождества по юлианскому календарю. Из десяти государственных и национальных праздников, объявленных выходными днями в Эстонии, шесть связаны с религиозной традицией (Страстная пятница, первый день Пасхи, первый день Троицы, Канун, первый и второй день Рождества (по Григорианскому календарю) [8]. ЭАПЦ живет по Григорианскому календарю и празднует Рождество в один день с эстонскими католиками и протестантами. У православных же ЭПЦ МП, живущих по старому стилю, выходного дня в Рождество нет. Вопрос его введения в систему государственных праздников является достаточно политизированным и используется различными политическими силами страны. Например, в 2015 г. крупнейшая на тот момент в Эстонии оппозиционная Партия центра, за которую традиционно голосует большинство русскоговорящего населения, выступила с инициативой объявить православное Рождество (7 января) государственным праздником, апеллируя к тому, что на 1,3 млн жителей Эстонии приходится около 170 тыс. православных прихожан ЭПЦ МП и около 15 тыс. староверов. Однако большинство депутатов парламента Эстонии ее отклонили. Чуть ранее правительство Эстонии также отказалось объявлять православные Рождество и Пасху государственными праздниками. Министерство юстиции, давая отрицательное заключение, ссылалось на то, что Рождество 7 января отмечают не все эстонские православные (имелась ввиду ЭАПЦ), а православная Пасха не является традиционной частью местной культуры [9]. В 2019 г. мэр Таллина Таави Аас вновь предложил отмечать православное Рождество как государственный праздник, но эта инициатива также не была поддержана. Подобных примеров можно привести достаточно много.

Субъектность же ЭПЦ МП в политике памяти проистекает опять же из ее роли как источника коллективной идентификации русскоязычной общины. В Эстонии ЭПЦ МП исключена из возможности влиять на политику памяти, через такие традиционные каналы политической социализации как система образования и вооруженные силы. Но при этом у нее сохраняется возможность формировать дискурс, связанный с

прошлым и его интерпретацией. И здесь можно выделить два ключевых сюжета. Первый, непосредственно связанный с собственным позиционированием, как единственной религиозной структуры, имеющей историческую преемственность с довоенным и дореволюционным эстонским православием. В этом направлении ведется большая работа, в которой есть как популяризаторская/просветительская составляющая, рассчитанная на массовую аудиторию, так и академическая (например, подготовленное Церковно-научным центром «Православная Энциклопедия» издание «Православие в Эстонии: исследования и документы» [1]).

Второй сюжет связан с формированием дискурса памяти о Великой Отечественной войне. В Эстонии, равно как в других государствах Балтии, начиная с обретения этими странами независимости идет глубокая переоценка событий Второй мировой войны. Это стало важной составной частью политики памяти и одной из ценностных основ формирования новой гражданской идентичности. И здесь дискурсы ЭПЦ МП идут полностью вразрез с государственной политикой памяти. При этом они транслируются сразу на двух уровнях: и со стороны ЭПЦ МП и непосредственно Московской патриархией. Так, о том, что ЭПЦ МП широко отметит 60-летие Победы, несмотря на неоднозначное отношение эстонцев к итогам Второй мировой войны, было объявлено лично патриархом Московским и всея Руси Алексием II, который в том числе прокомментировал и особенности эстонской политики памяти, связанной с разрушениями памятников советским воинам и установкой памятников тем, кто воевал на стороне фашистов [10].

Но наиболее ярко конфликтность дискурсов памяти проявилась в 2007 г, когда эстонские власти за несколько дней до Дня Победы, 9 Мая приняли решение о демонтаже мемориала советским воинам на холме Тынисмяги («Бронзового солдата») и его переносе на военное кладбище. ЭПЦ МП и Московская патриархия формировали дискурс с осуждением решения эстонских властей. При этом со стороны Московской патриархии звучали даже более резкие комментарии, чем со стороны ЭПЦ МП. Так, патриарх Алексей II данный аспект политики памяти эстонских властей назвал аморальным и недостойным [11].

Отметим также, что субъектность проявляется и в поддержке определенных коммеморативных практик. Так, в Эстонии установлено при непосредственной поддержке ЭПЦ МП два памятника патриарху Алексию II: в 2012 г. в его родном Таллине на названной его именем площади, а в 2020 г. в городе Йыхви, где он в течение семи лет служил настоятелем.

Таким образом, в Эстонии ЭПЦ МП и непосредственно РПЦ выступают как объектом, так и субъектами политики памяти, имеют

собственное видение содержания политики памяти и продуцируют дискурс памяти, не совпадающий с доминирующим дискурсом эстонских политических элит и формирующий альтернативный (в контексте эстонской современности) образ прошлого.

Библиографический список

1. Православие в Эстонии: исследования и документы: в 2 т. / ред.: протоиер. Н. Балашов, С. Л. Кравец. М.: Церковно-науч. центр «Православная энцикл.», 2010. 312 с., 655 с.

2. *Балашов Н., прот., Прекуп И., прот.* История эстонского Православия и попытка ее недобросовестной ревизии: О книге архимандрита Григория Папатома «Несчастье быть маленькой церковью в 10 маленькой стране» // Вестник церковной истории. М., 2011. № 1–2 (21–22). С. 251–310.

3. *Прекуп Игорь.* Православие в Эстонии: краткий исторический очерк. Таллин, 1998. 187 с.

4. *Зорина М.* К вопросу о православной церкви в Эстонии в конце XX века / Портал Православие.RU. URL: www.pravoslavie.ru/5121.html.

5. *Миллер А. И.* Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. № 4 (71). С. 114–126.

6. *Новикова И. И.* Солдат возвращается снова: образы военной коммеморативной мужественности в странах Балтии и в России // Границы. Альманах центра этнических и национальных исследований Ивановского государственного университета. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. С. 88–122.

7. Правительство Эстонии компенсирует Лютеранской, а также Православной церкви Константинопольского патриархата ущерб от войны / Интерфакс-Религия. URL: www.interfax-religion.ru/cis.php?act=news&div=68943

8. Pühade ja tähtpäevade seadus (Holidays and Anniversaries Act). Adopted on 27.01.1998 / Riigi Teataja. URL: www.riigiteataja.ee/akt/112062018004

9. Православные Рождество и Пасха не будут государственными праздниками в Эстонии / Интерфакс-Религия. URL: www.interfax-religion.ru/estonia/?act=news&div=57232

10. Эстонская православная церковь Московского патриархата отметит 60-летие Победы / Интерфакс-Религия. URL: <http://www.interfax-religion.ru/estonia/?act=news&div=476>

11. Алексей II называет аморальной и недостойной политику эстонских властей в отношении памятника Воину-Освободителю / Интерфакс-Религия. URL: www.interfax-religion.ru/estonia/?act=news&div=18017

Е. С. Жидкова,

доцент, Государственное учреждение Луганской Народной Республики
«Луганская академия внутренних дел им. Э. А. Дидоренко»

Е. Е. Шовкопляс,

студент, Государственное учреждение Луганской Народной Республики
«Луганская академия внутренних дел им. Э. А. Дидоренко»

ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Статья посвящена рассмотрению права на неприкосновенность личности. Особое внимание уделяется истории зарождения, развития и реализации идеи неприкосновенности личности в дореволюционной России и подведению итогов путем представления достижений современности в данном направлении.

Ключевые слова: право на неприкосновенность личности, естественные права и свободы человека, государство, дореволюционная Россия, Судебные уставы, судебная система.

E. S. Zhidkova,

Associate Professor, State Institution of the Lugansk People's Republic
“Lugansk Academy of Internal Affairs named after E. A. Didorenko”

E. E. Shovkoplyas,

Student, State Institution of the Lugansk People's Republic
“Lugansk Academy of Internal Affairs named after E. A. Didorenko”

THE RIGHT TO THE INVALIDITY OF PERSONALITY IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA AND ITS IMPLEMENTATION IN THE MODERN ERA

The article is devoted to the consideration of the right to personal inviolability. Particular attention is paid to the history of the origin, development and implementation of the idea of personal inviolability in pre-revolutionary Russia and summing up by presenting the achievements of modernity in this direction.

Key words: the right to personal inviolability, natural human rights and freedoms, the state, pre-revolutionary Russia, Judicial charters, the judicial system.

Право на неприкосновенность личности принадлежит каждому человеку с момента рождения, поэтому со стороны государства проявляется повышенное внимание к реализации его защиты и закреплением

на законодательном уровне. Безусловная защита и содержание практически во всех отраслях права определяет право неприкосновенность личности в качестве одного из вида естественных прав и свобод человека. В тоже время, небезызвестно, что все естественные права и свободы человека в отечественной истории прошли долгий путь от возникновение неустойчивой идеи до всеобщего признания и закрепления в официальных нормативных источниках.

В теоретических исследованиях ученые рассматривали структуру права на неприкосновенность личности как право-действие и право-требование. Первая категория выражается в праве личности на свободу действий, вторая – в праве на неприкосновенность личности со стороны неопределенного круга лиц [5, с. 18]. Они несут в себе разный смысл, но объединяет их одно – требование не ущемлять государством или каким-либо другим субъектом вложенные в их содержание права. К тому же, право на неприкосновенность личности само себя реализовывает без какого-либо разрешения или правоприменительного акта, поэтому по своему существу является вполне самостоятельным. Однако такое положение дела существовало не всегда. В прошлом данное право не было чем-то обыденным и привычным, кроме того, многие люди считали даже мысли о его всеобщей распространенности кощунственными или абсурдными. В тоже время, в начале XVIII века идеи свободы и гуманизма постепенно проникают в умы как научной интеллигенции, так и простого народа. Теоретики права делят данный процесс утверждения, разработки и практической реализации идеи права на неприкосновенность личности в дореволюционной России на несколько этапов [2, с. 62]:

Этап 1: начало XVIII века – середина XIX века.

Этап 2: середина XIX века – февраль 1917 года.

Этап 3: февраль–октябрь 1917 года.

Первый этап характеризуется зарождением идеи неприкосновенности личности в рамках развития в России либеральной идеологии. Разумеется, среди народа в данный период не было речи о массовом просвещении и восприятии идей либерального толка. Поэтому стоит обратить внимание на работы таких именитых деятелей того времени как Кантемира, М. В. Ломоносова или И. Т. Посошкова. Например, труд И. Т. Посошкова «Книга о скудности и богатстве» говорит об особой роли суда в обеспечении неприкосновенности личности [4, с. 54]. Именно данный призыв к регулированию деятельности суда будет проходить красной нитью на протяжении всех вышеприведенных исторических этапах. Данный факт можно наблюдать в дальнейших работах Д. И. Фонвизина, С. Е. Десницкого, М. М. Сперанского, П. И. Пестеля, Н. А. Огарева, Н. Г. Добролюбова и др. В частности, Д. И. Фонвизин

вторит характеристике суда, данной И. Т. Посошковым. При этом важной во взглядах Д. И. Фонвизина является подмеченная им обусловленность фактического использования предоставляемых личности прав её экономической состоятельностью [3, с. 81]. То есть для нормального функционирования не только права на неприкосновенность личности, но и других прав необходимо наличие адекватных ресурсов для достойной жизни, возможностей человеку вести независимое существование в привычной для него обстановке и избирать собственный стиль жизни. Логично, что только государство способно обеспечить всем требуемым своих граждан, в частности, жильем, оказанием помощи в приспособлении жилья к человеческим нуждам, медицинской помощью, эффективными социальными службами и т. д. Поэтому в те времена существовала потребность в поддержке государством тщательно прописанных учеными идей, и первые попытки перейти с теоретической в практическую сторону вопроса были предприняты на втором историческом этапе.

Во второй половине XIX века государство, издав Судебные уставы в 1864 году, пошло на встречу призывам на законодательном уровне зафиксировать основные принципы, касающиеся прав человека. Положения, которые были изложены в Судебных уставах, относились к судебной системе и закрепляли равенство всех перед законом и судом, гласность, устность судебного разбирательства, учреждали институт суда присяжных и присяжных адвокатов. Научные круги были довольны уступками власти, однако существовали негативные стороны нововведений. Вместе с Судебными уставами на практике было усилено присутствие исполнительных органов власти в судебной системе, а на некоторых территориях действовали положения чрезвычайной или усиленной охраны, т. е. там применялось чрезвычайное законодательство и Уставы не действовали, а на некоторых территориях вплоть до 1917 г. в полном объеме Уставы так и не были введены [2, с. 64]. Незавершенность реформ вскоре дала о себе знать, поэтому все ожидания научных кругов и народа были обмануты.

Следующий временной промежуток создания эффективной модели взаимоотношений личности и государства начался с обострения социально-экономических проблем в начале XX века. Исследователями на основе выводов о практической реализации Судебных уставов 1864 года сформировано очередное требование к государству – не вторгаться в сферу естественных прав и свобод личности, к которым относятся и личная неприкосновенность, за исключением крайних случаев. Ответом стал Именной указ Правительствующему Сенату от 12 декабря 1904 года, который запустил подготовку законопроектов о преобразовании местного суда, о неприкосновенности личности, об ответственности

должностных лиц за преступления по службе и допуске защиты на предварительное следствие. Депутатами Первой Государственной Думы был составлен план по достижению цели обновления России, выразившийся в «...свободе, самостоятельности и участии самого народа в осуществлении власти законодательной и в контроле над властью исполнительной» [1, с. 75]. В связи с этим, в Проекте обращения депутатов к Императору значился закон о неприкосновенности личности. В последствие фракцией кадетов был внесен законопроект «В обеспечение действительной неприкосновенности личности», который разрабатывали лучшие юристы того времени (М. М. Винавер, С. А. Котляревский, В. Д. Кузьмин-Караваев, В. Д. Набоков, П. И. Новгородцев и др.). Подготовленный документ содержал следующие положения: наказание не иначе как по решению суда, гарантии прав личности при применении мер процессуального принуждения и производстве следственных действий – арестов, обысков, выемок, осмотров почтовой и телеграфной корреспонденции, мер административного принуждения в виде высылки, полицейского надзора, взысканий, ограничений в праве передвижения, исключительной подсудности. Однако законопроект не был принят в I Государственной Думе. В дальнейшем создавались прототипы данного нормативного источника: законопроект, подготовленный Комиссией из 33 депутатов II Государственной Думы, законопроект кадетов в IV Государственной Думе. Самым регламентированным из всех приведенных нормативных документов было Временное положение о милиции, в котором фиксировался исчерпывающий перечень оснований задержания и обеспечивалась реализация права обжалования произведенного задержания путем возложения на правоприменителя обязанности составлять протокол по каждому случаю задержания и выдавать его по требованию задержанного, членов его семьи и других участников уголовного дела. Вместе тем, третий период не смог сформировать у практических работников традицию неукоснительного соблюдения прав и свобод личности в связи с его краткосрочностью. В тоже время, следует признать, что процесс поиска правильных путей регулирования права на неприкосновенность личности со стороны государства продолжается до сих пор, поэтому за такой временной промежуток невозможно было разрешить все назревшие вопросы в данном направлении.

Однако благодаря анализу истории дореволюционной России относительно института неприкосновенности личности, можно увидеть, что было привнесено нового, изменено или вычеркнуто в современной правовой действительности по сравнению с прошлыми веками. Так, статья 22 Конституции Российской Федерации предусматривает, что каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность,

что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению, что до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. В свою очередь, гарантия неприкосновенности жилища, развивающаяся на основе права на неприкосновенность личности, определена следующей нормой: никто не имеет права без законного основания любым способом проникать в жилище, а также оставаться в нем против воли проживающих там лиц. Под запретом находятся и иные способы получения сведений о том, что происходит в жилище: установка видеокамер, звукозаписывающих устройств. Законодательство четко регламентирует случаи, когда проникновение в жилище допустимо, и круг уполномоченных на то органов. Помимо этого, окончательно в законодательстве закрепились правила о том, что государство не может контролировать реализацию права на неприкосновенность личности или управлять им. Исключением из этого правила являются случаи, когда затронуты вопросы государственной тайны или изоляции в местах лишения свободы. При данных обстоятельствах объем права может быть уменьшен. Также ограничение или лишение свободы допускается только по приговору суда и только за преступления, предусмотренные УК РФ. Без сомнения, вынесение постановления об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу всегда ущемляет право на свободу и личную неприкосновенность независимо от того, исполнено или не исполнено это решение. Данная санкция, предусмотренная УК РФ, нарушает неприкосновенность личности, в том числе психическую, оказывает давление на сознание и поступки человека. Притом, что это довольно строгое наказание, которое перспективой потерять свободу на долгие годы жизни человека предостерегает его от совершения новых преступлений, эффективность данной меры государственного принуждения неоспорима.

Таким образом, конституционное право на неприкосновенность личности представляет собой естественное и неотчуждаемое право человека на личную свободу, защиту от посягательств на его жизнь, воздействия против осуществления за ним наблюдения, обеспеченное государством и ограниченное нормативным регулированием. Идея неприкосновенности личности зародилась в дореволюционной России и, несмотря на остроту и значимость этой проблемы, так и не была переведена в плоскость практической реализации. Составляющий в этом смысле исключение межреволюционный (февраль–октябрь 1917 г.) период был слишком недолгим, однако он в большой степени повлиял на формирование представлений о праве на неприкосновенность личности, которые были реализованы в современной действительности.

Библиографический список

1. Государственная Дума. Стенографические отчеты: 1906 год. Сессия первая: в 2 т. Т. 1: Государственная Дума. Стенографические отчеты: Заседания 1–18 (с 27 апреля по 30 мая) / Председатель Государственной Думы. Государственная типография. СПб.: Государственная типография, 1906. 866 с.

2. *Верещагина А. В.* Идея неприкосновенности личности и опыт ее реализации в досоветской России // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. № 3. С. 62–71.

3. *Верещагина А. В.* Становление и развитие уголовной юстиции России: дореволюционный период: монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2009. 250 с.

4. *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 411 с.

5. *Пустовалов П. Ю.* Понятие и юридическая природа права на неприкосновенность личности // Юристы-Правоведь. 2009. № 5. С. 17–19.

УДК 1(091)

Э. Л. Ковров,

доцент, Вологодская молочнохозяйственная академия им. М. В. Верещагина

ВЕЧНАЯ РОССИЯ ЕВГЕНИЯ НИКОЛАЕВИЧА ТРУБЕЦКОГО

В статье проанализированы взгляды Е. Н. Трубецкого на религиозный смысл русской революции и показана значимость его мемуаров для современного читателя.

Ключевые слова: парадигма, революция, свобода, трагедия, кризис, мессианизм.

E. L. Kovrov,

Assistant Professor, Vologda Dairy Academy named after M. V. Vereshchagin

ETERNAL RUSSIA BY YEVGENY NIKOLAEVICH TRUBETSKOY

The article analyzes Y. N. Trubetskoy's views regarding the religious meaning of the Russian revolution and shows the relevance of his memoirs for a modern reader.

Key words: paradigm, revolution, freedom, tragedy, crisis, messianism.

Нельзя прочувствовать и понять дух ушедшей эпохи без свидетельств ее современников. Для тех, кто интересуется прошлым очень важные муары – «записки о прошлом, пережитом свидетеля или

участника каких-либо событий» [6, с. 522]. Но мемуарная литература слишком обширна и неравнозначна. Понятно, что для историка интерес представляют любые свидетельства о прошлом, но как быть обычному читателю? Какими критериями следует руководствоваться для выбора достойного автора? В первую очередь, следует обращать внимание на масштаб личности мемуариста. Г. В. Ф. Гегель считал, что особенно интересны тексты тех свидетелей прошлого, которые обозревают происходящее с высоты, а не смотрят на них «снизу вверх через небольшую щель» [1, с. 59]. Такой подход полностью подходит к мемуарам Евгения Николаевича Трубецкого (1863–1920) – замечательного философа, правоведа и общественного деятеля – члена Центрального комитета Конституционно-демократической партии.

Мемуары Трубецкого состоят из двух книг. Первая – «Воспоминания» включает в себя две части. В первой рассказывается о годах учебы и преподавательской деятельности. Во второй («Из прошлого») о раннем детстве и помещичьей культуре до отмены крепостного права. Вторая книга – «Из путевых заметок беженца» написана летом 1919. Это несколько сбивчивое повествование о бегстве из революционной Москвы в Киев, затем в Одессу и далее по Югу России вместе с Добровольческой армией Деникина.

Особенно интересна уникальная оптика исторического видения этих мемуаров, которая определяется тремя обстоятельствами. Во-первых, попыткой не просто воспроизвести события, но и понять их смысл. Во-вторых, взгляд на пережитое сквозь призму поиска вечной России: «В минуту, когда старая Россия умирает, а новая нарождается на ее место, понятно это желание отделить непреходящее, неумирающее от смертного в этой быстро уносящейся действительности». Свои воспоминания Трубецкий называл «духовным завещанием России будущей» от «ушедшей навсегда поэзии прошлой России». В-третьих, и это главное, мемуары Е. Н. Трубецкого – образчик видения реальности с точки зрения единства абсолютных форм духовной деятельности. Почему это важно? Дело в том, что всякий серьезный интерес к прошлому, предполагает прояснение исторической парадигмы – явных и неявных предпосылок, определяющих общий характер исторического повествования. В основе любой исторической парадигмы лежит понимание историком (автор мемуаров всегда историк) сущности человека. Парадигма самого мемуариста является мерилom иного, для него неприемлемого взгляда на человека и действительность.

Самой простой, тяготеющей к естественнонаучным дисциплинам, является натуралистическая парадигма. Историки этого типа понимают человека как природное существо. Чаще всего они сводят чело-

века к биологической составляющей, к «крови и почве». Этот вид истории связан с реакционной геополитикой. Он оставил о себе недобрую славу обоснования войн и геноцид, но это не пугает последователей натурализма в истории: так удобно свести человека к набору природных характеристик и объяснить негуманные действия по отношению к нему природной необходимостью. Для христианина Трубецкого такая позиция немислима. Взгляд на исторические процессы как «натурально-биологические, и только» [2, с. 100] отвергается категорически.

Если считать справедливыми слова Маркса о том, что «человек есть ансамбль общественных отношений», мы имеем дело с социологической парадигмой. Историки этого типа понимают человека как общественное существо и тяготеют к социологии. Главный вопрос, если мы согласимся с таким подходом – что или кто дирижирует этим ансамблем. Социальная группа? Форма деятельности? И то и другое одновременно? Среди популярных ответов – семья, гражданское общество, государство. Марксизм или экономический детерминизм – самый известный пример такого подхода. Для Трубецкого социологическая парадигма также неприемлема потому, что он связывает свое видение реальности с абсолютными формами духовной деятельности – религией, философией и искусством.

В соответствии с культурной парадигмой (назовем ее так), люди творят историю потому, что писатели и поэты создают свои произведения, религиозные подвижники в своих кельях созерцают Фаворский свет, а в тиши кабинетов рождают новые мысли философы. Историки культурной парадигмы смотрят на историю как продукт высших форм человеческой деятельности: люди искусства создают новое измерение красоты, люди веры нащупывают новые пути к абсолютному добру, а люди мысли к истине.

Есть еще «теория факторов». Ее сторонники утверждают, что в разное время и в разных местах, различные обстоятельства определяют ход истории. Где-то это религия, где-то экономика. Этот подход оправдан так как, в соответствии с теоремой Томаса, последствия человеческого поведения определяются не реальностью, а мнением человека об этой реальности. Человек – духовное существо, которое свободно выбирает основания для действия и его объяснения, то есть исторического повествования.

Культурная парадигма не противоречит «теории факторов». По Трубецкому, когда духовное меньшинство определяет движение народа к Богу, можно говорить о развитии, когда бездуховное большинство отпадает от Бога, наступает деградация. Так что метафизический взгляд на человека и его историю не отменяет, а предполагает рассмотрение

исторических процессов с точки зрения борьбы исторических парадигм, определяющих борьбу тех или иных социальных сил. Для Трубецкого все, что происходит в России после семнадцатого года – результат грехопадения, когда человеческая свобода парализована так как «каждый отдельный человек является лишь частью общечеловеческого целого, зараженного грехом» [4, с. 143].

С точки зрения Е. Н. Трубецкого Кризис в России – следствие национального грехопадения, и одно из проявлений общемирового кризиса. Свою задачу Трубецкой видит в том, чтобы помочь близким людям («Воспоминания» не предназначались для печати) «найти точку опоры для веры в лучшее будущее России». Последнее обстоятельство создает определенную трудность их читателя: Многие важные вещи здесь не высказываются потому, что предполагается. Часто это краткие записки для будущего фундаментального биографического произведения. К сожалению, ранняя смерть философа не позволила завершить задуманное. Отсюда отрывочность и некоторая недосказанность текста.

Но дело поправимо если вместе с «Воспоминаниями» читать главное произведение Трубецкого – «Смысл жизни», его публицистические произведения. Надвигающуюся катастрофу он предчувствовал задолго до описываемых событий: уже в 1907 году он писал: «При первом внешнем потрясении Россия может оказаться колоссом на глиняных ногах. Класс восстанет против класса, племя против племени, окраины против центра. Первый зверь (революция) проснется с новой, нездешней силой и превратит Россию в ад» [3, с. 313]. Не прошло и десяти лет как данное пророчество сбылось. «На наших глазах апокалиптическое видение зверя, выходящего из бездны, облекается в плоть и кровь: господствующая в современной жизни тенденция выражается именно в превращении человеческого общежития в усовершенствованного зверя, попирающего всякий закон божеский и человеческий» [4, с. 190]. И дело не в мировом заговоре против России, но в крушении идеи «русского мессианизма». «В идее «русского Христа» в одинаковой мере извращается и образ Христов, и русская национальная идея ... Увлечение Россией воображаемой помешало нам рассмотреть, как следует, Россию действительную и, что еще хуже, русскую национальную идею; духовный облик России хронически заслонялся фантастической грезой «народа-богоносца» [5, с. 348]. В конечном счете, служение идолу государства стало одной из основных причин кризиса русской государственности. Вечная Россия служит Богу, но не государству. Трубецкой осознал и пытался донести до русского общества простую истину: «Где есть истинный Мессия, там, стало быть, нет места спорам о первенстве ни между людьми, ни между народами. Каждый народ, как и каждый

человек, должен думать лишь о своих обязанностях и о своем служении, а не о своих преимуществах перед другими народами... У каждого народа свое служение, свое призвание и своя миссия в Царстве Божиим. Иного решения не может быть с точки зрения религии универсальной, которая стоит на том, что в доме Отца Небесного обитателей много» [5, с. 343]. Сам Трубецкой считал эту мысль одной из важнейших для понимания причин социальных потрясений начала прошлого века. Это подтверждается тем фактом, что он воспроизводит ее в VII главе своих воспоминаний – «Разрешение кризиса». Отказ от национализма не означает отказа от патриотизма потому, что «всенародное не есть безнародное: в мессианстве народности не упраздняются, а объединяются между собою; но это именно и значит, что среди народов оно выражает собою начало объединяющее, а не обособляющее, всеединство, наполняющее их жизнью общей» [5, с. 347].

Осознать болезнь – сделать шаг к ее излечению. Россия выйдет из кризиса, но следует помнить слова Евгения Николаевича Трубецкого: «И государственное, и общественное строительство возможны лишь при одном условии: должны быть восстановлены духовные основы разрушенного общежития. Пока не сделано это первое, основоположное дело, бессильна и политика, и оружие: всякое общественное строение обречено на разрушение, кто бы его ни строил... Восстановление духовного единства нации осуществляется не законодательными и административными мерами, а внутренним жизненным процессом, который совершается в душе народной» [6, с. 409].

Библиографический список

1. Гегель В. Ф. Гегель Философия истории. СПб.: Наука, 1993. 481 с.
2. Степун Ф. А. Религиозный смысл Революции // Степун Ф. А. Чаемая Россия. Санкт-Петербург: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 1999. 475 с.
3. Трубецкой Е. Н. Два зверя: Старое и новое // Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 432 с.
4. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 432 с.
5. Трубецкой Е. Н. Старый и новый национальный мессианизм // Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 432 с.
6. Трубецкой Е. Н. Великая революция и кризис патриотизма // Там же.
7. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного языка. Т. 1. М.: Русский язык, 1994. 622 с.

УДК 94 (47)

О. В. Козлова,

доцент, Ярославский государственный медицинский университет

«САМОДЕРЖАВНАЯ РЕСПУБЛИКА» КАК ИДЕАЛ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В КОНЦЕПЦИИ К. Д. КАВЕЛИНА

В статье рассматриваются основные проблемы становления русского либерализма. Особое место уделено концепции консервативного либерализма К. Д. Кавелина. Обращено внимание на формирование гуманистических функций российской государственности.

Ключевые слова: Либерализм, государство, общество, монархия, реформы, право, народ.

O. V. Kozlova,

Associate Professor, Yaroslavl State Medical University

«AUTOCRATIC REPUBLIC» AS AN IDEAL OF STATEHOOD IN THE CONCEPT OF K. D. CAVELIN

The article examines the main problems of the formation of Russian liberalism. Special attention is paid to the concept of conservative liberalism by K. D. Kavelin. Attention is drawn to the formation of the humanistic functions of the Russian statehood.

Key words: Liberalism, state, society, monarchy, reforms, law, people.

Русское национальное самосознание это часть национальной духовной культуры, без изучения которой мы никогда не получим полного представления об отечественной истории. Конкретным практическим воплощением национального самосознания в политическом смысле является создание государственности. Исторические аспекты самосознания раскрываются через представление народа о себе, как о политической общности; через осознание себя и своих представлений о родине. Гуманистическим содержанием наполняются функции государства, которое вносит свои поправки в жизнь гражданского общества в соответствии с определенными принципами. Особенно очевидно это проявилось в доктрине русского либерализма, ориентировавшего общественную мысль на синтез ценностей старого либерализма с социальными программами демократического социализма.

Русский либерализм выстраивает свое представление об обществе в рамках христианских традиций. Исходя из веры в изначальную

добрую природу человека, русская либеральная интеллигенция обращалась к религиозному гуманизму. Некоторые исследователи русского либерализма, например, И. Д. Осипов, А. Ф. Замалеев [5, 2] уже отмечали то обстоятельство, что идеология либерализма тесно связана с этикой. Русская либеральная концепция опиралась на приоритет внутреннего по отношению к внешнему, духовного – к социальному.

Это привело к наложению в идеологии русского либерализма соборно-коллективистских идей на индивидуализм и легализм теории естественного права, возникновению такой концепции, как «самодержавная республика» К. Д. Кавелина.

Особенность русской идеологии либерализма состояла в решении ряда политико-правовых проблем исходя из понятия справедливости. В то время, как в Западной Европе в XIX в. существовавшая ранее традиция нравственной апологии и критики господства и власти в определенной мере прерывается, в России, напротив, государственная и правовая этика разрабатывается особенно интенсивно усилиями мыслителей, прежде всего либерального направления.

При этом критика «самовластия и деспотизма» велась прогрессивными русскими деятелями исходя, прежде всего из нравственно-гуманистических соображений. По замечанию В. И. Приленского, «только сознательное отношение к правовой тематике, сопряженное с искренним желанием наиболее полного осуществления личной свободы человека в обществе, рождает те или иные либеральные концепции» [6, с. 73]. Однако, следует принять во внимание, то обстоятельство, что происходившие в это время социально-освободительные и секуляризационные процессы обусловили определенную многослойность русской культуры в целом и общественно-политической жизни в частности.

Причина этого заключается в том, что своих собственных корней в России либерализм тогда не имел. Даже в среде самых прогрессивно мыслящих людей того времени идеи свободы имели совершенно неопределенный, расплывчатый и абстрактный характер. Они еще не достигли той степени конкретности, когда уже можно было бы говорить о понимании значения личных свобод в политическом развитии общества и, тем более, еще не встала во всей своей определенности проблема строго законных прав личности.

Усиление административного давления со стороны властей способствовало воссозданию естественно-правовых теорий и нарастанию оппозиционности со стороны либералов, а ослабление бюрократического пресса и революционное брожение в обществе укрепляли в либерализме «охранительные» тенденции. При этом идеологическими основаниями русского либерализма оставались принципы равенства и свободы в границах и категориях политико-правового и этического мышления.

Синкретизм религиозной и рационалистической парадигм привел к созданию концепции консервативного либерализма (Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин).

Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская полагают, что «как идейнее течение русский либерализм сформировался в полемике западников и славянофилов, в атмосфере обозначившегося кризиса романтически спекулятивных построений славянофильства и общего увлечения интеллектуальной молодежи гегелевским рационализмом и начинавшим входить в моду позитивизмом» [4, с. 159].

Актуальность поставленной проблеме придает необходимость всестороннего, объективного исследования либеральной программы изменения системы организации государственной власти в России во второй половине XIX века. Государственная власть и самодержавие олицетворяли устой и незыблемость старой России. Поэтому преобразование государственной власти во многом определяли судьбу либеральных концепций прогрессивной интеллигенции. Интеллектуальные искания идеологов русского либерализма представляют различные варианты реформирования государственных структур при сохранении незыблемости самодержавия, теоретическую и практическую значимость которых нам еще предстоит определить.

Либеральная доктрина, как известно, включала в себя такие базовые принципы, как приоритет человеческой личности, свободы личности как абсолютной универсальной ценности; следование политическому и идейному плюрализму; разделение властей и т. д. Их изучение имеет для России существенное практическое значение. Доктрина либерализации России постепенно уточнялась, конкретизировалась, ее основные элементы сохранились до начала XX века.

В своих правовых работах К. Д. Кавелин отстаивал идею постепенного и вместе с тем решительного реформирования социальных и политических институтов в России, активизации личной самостоятельности и привлечения всех сословий к созданию будущей «самодержавной республики».

Политическим идеалом ученого была неограниченная монархия, основанная на более широких местных свободах. К. Д. Кавелин считал, что отжило не самодержавие, а перестали выполнять свою роль способы его действия, поэтому требуется, прежде всего, административная реформа. Согласно его концепции, прежде чем принимать конституцию, ограничивающую власть монарха, необходимо создать условия для проявления свободной воли людей: организовать государственное и общественное устройство на разумных основаниях закона, а имущественные права должны быть обеспечены и неприкосновенны. Самодержавная

республика могла быть создана только свободно. Он считал, что всякое насилие может погибнуть не от другого насилия, а от истощения своих внутренних принципов, которые окажутся несостоятельными. Создание развитого общественного духовно-нравственного сознания может постепенно преодолеть социальное зло и несправедливость. Справедливое правовое государство учитывает интересы всех людей на своей территории независимо от их национальной принадлежности.

В своих трудах К. Д. Кавелин, с одной стороны, неоднократно предупреждал об опасности социальных экспериментов и революционных потрясений, способных вызвать лишь хаос и жесткую диктатуру. С другой стороны, он говорил о необходимости учитывать возможности и способности общества к переменам, о тяжелых последствиях навязывания ему тех либеральных принципов, которые несовместимы с особенностями сознания и культуры большинства населения. При этом мыслитель доказывал, что Россия не сможет обеспечить свое могущество и благосостояние народа, войти в современный мир, если она под воздействием национального сомнения или страха, изолирует себя от других стран, не избавится от некоторых присущих ей черт, пренебрежительного отношения к свободе и правам личности, нетерпимости к чужому мнению, склонности к произволу и насилию в решении практических вопросов.

По мнению исследователя его творчества Р. А. Арсланова [1], попытка К. Д. Кавелина решить национальную дилемму – как стать свободными и процветающими, оставаясь самими собой; сохранить свою идентичность, но войти в число наиболее развитых стран – не потеряла своей актуальности и сегодня. К. Д. Кавелин убеждал своих современников в том, что лишь собственными творческими усилиями, а не механическим заимствованием у Запада, только постепенным совершенствованием личности и общества, а не консервацией существующих порядков, сугубо мирными преобразованиями, а не революционным натиском, можно решить поставленную дилемму.

Сущность Русского государства К. Д. Кавелин определяет как «тип двора или дома», где царь, являясь безусловным господином, осуществляет свою власть как владелец усадьбы, а все подданные – от самых низших слоев вплоть до высших – обязаны нести какую-либо службу. Подданные становятся «сиротами» царя, а потому слуга – это высший титул и награда. Такой государственный строй, охватывая собой все общество – от царя до последнего подданного, представлял собою удивительное единство, а «вся русская история, как древняя, так и новая, есть по преимуществу государственная, политическая, в особенном, нам одним свойственном значении этого слова. Областная провин-

циальная жизнь еще не успела сложиться, когда стало начинаться и расти государство» [3, с. 23].

К. Д. Кавелин резко осуждал крепостное право, так как оно поражает промышленную деятельность народа «в самом ее зародыше», убивает «всякий нравственный и моральный успех в России», а также утверждал, что из-за крепостного права Русское государство «несколько раз» стояло «на краю гибели» (выступления Разина и Пугачева), что сохранение крепостного права мешает проведению реформ судопроизводства, судоустройства, полиции, администрации и цензуры.

Признавая необходимость отмены крепостного права в России, мыслитель предостерегал от революционных, насильственных изменений в политико-правовом строе, советовал вести либеральные преобразования эволюционным путем, медленно и мирно, а залогом этих преобразований должны быть царь и вера в него народа. Он считал введение конституционных порядков не только несвоевременным, но и опасным. Для него важнее были судебные реформы, свобода печати, хорошо проведенная земская реформа. Издание закона о земской реформе было с энтузиазмом воспринято мыслителем. В земстве, писал он, «громадная целительная сила всех наших недугов». Выступая в принципе за бессословное земство, он считал, что ввиду розни сословий пока это пожелание неосуществимо. Но он не оставлял надежды на то, что совместная работа сблизит сословия и это станет основой нового общественно-политического порядка, с возможными представительными элементами в его устройстве.

Большое значение К. Д. Кавелин придавал административным реформам. Считая, что реальная власть находится не у царя, а у придворной клики, он предлагал для исправления положения учредить административный Сенат, который положит конец бюрократическому произволу, обеспечит единство в государственном управлении и будет систематически доводить до сведения царя нужды и потребности страны. Третью часть Сената, по его плану, должна состоять из лиц, назначаемых царем. Другая треть выбирается губернскими земствами и, наконец, последняя треть – самим Сенатом.

Таким образом, усвоение уроков, вытекающих из истории зарождения концепции государственного реформирования России в либеральной мысли второй половины XIX в., имеет большое значение для выработки исторического сознания, наращивания интеллектуально-нравственного потенциала народа. Формирование критического типа мышления возможно лишь на базе многомерного восприятия социальной действительности, решительного разрыва с мифологическими формами общественного сознания.

Библиографический список

1. *Арсаланов Р. А.* К. Д. Кавелин: человек и мыслитель. М., 2000.
2. *Замалеев А. Ф.* Лекции по истории русской философии. СПб., 1994.
3. *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. М., 1989.
4. *Новикова Л. И., Сиземская И. Н.* Три модели развития России. М., 2000.
5. *Осинов И. Д.* Философия русского либерализма. СПб.: СПбГУ, 1996.
6. *Приленский В. И.* Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М., 1996.

УДК 321.022

В. Г. Кокоулин,

профессор, Сибирский университет потребительской кооперации
(г. Новосибирск)

ЦЕРКОВЬ И ВОЙНА: ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФА В ПОЛИТИКЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В позднесоветской и постсоветской России происходит трансформация мифа о роли православной церкви в Великой Отечественной войны. В годы Перестройки развивается миф о роли православной церкви в подъёме патриотического духа. В 1990-е гг. этот миф трансформируется в миф о «третьем пути» церкви между двумя тоталитарными диктатурами.

Ключевые слова: Русская православная церковь, политика исторической памяти, Великая Отечественная война, «православная Русь», постсоветская Россия.

V. G. Kokoulin,

Professor, Siberian University of Consumer Cooperation (Novosibirsk)

ORTHODOX CHURCH AND WAR: TRANSFORMATION OF MYTH IN THE POLITICS OF HISTORICAL MEMORY IN POST-SOVIET RUSSIA

In late Soviet and post-Soviet Russia, the myth of the role of the Orthodox Church in the Great Patriotic war is being transformed. In the years of Perestroika, the myth of the role of the Orthodox Church in raising the patriotic spirit develops. In the 1990s, this myth is transformed into the myth of the “third way” of the Church between two totalitarian dictatorships.

Key words: Russian Orthodox Church, politics of historical memory, Great Patriotic War, “Orthodox Russia”, post-Soviet Russia.

В советской картине Великой Отечественной войны центральное место занимали военные, партийные и государственные руководители, солдаты, офицеры, разведчики, партизаны, подпольщики, героические и реже трагические страницы истории войны. В ней отсутствовали многие другие аспекты, которые политика исторической памяти старательно подвергла забвению: репрессии, коллаборационизм, власовцы, штрафбаты, предатели и т. п. Отсутствовали и те темы, которые не стирали из массового сознания преднамеренно, однако на них предпочитали не акцентировать внимания.

К числу последних относилась тема православной церкви и её места в Великой Отечественной войне. В советских фильмах иногда попадали в кадр сельские церквушки, Киевская София, Исаакиевский собор, перекрестившаяся старушка. В документальном фильме о параде Победы в 1945 г. в начале картины в кадр попали несколько священников с боевыми орденами на груди. Тема сознательно не замалчивалась, но она не входила в политику исторической памяти о войне и находилась на периферии массового сознания советских людей.

Либерализация политики по отношению к религиозным организациям в годы Перестройки, отказ от государственно-атеистической идеологии, массовое строительство церквей и обращение к православной символике стали основой для включения православной церкви и священников в политику исторической памяти. В киноэпопее «Сталинград» (1989) уже присутствуют отдельные элементы будущей военно-церковной мифологии. Так, член военного Совета Сталинградского фронта Н. С. Хрущёв разговаривает со Сталиным, а на стене в штабе – иконы. Когда генерал А. И. Родимцев переправляется через Волгу, то показан его диалог с пожилым капитаном судна, который говорит, что всё бы ничего, да только религию отменила Советская власть, а религия сейчас очень нужна людям. В фильме «Круглянский мост» (1989) партизан жалеет полиция, виновного в каких-то расстрелах. Полицией держит на руках маленького ребёнка и разьясняет партизану, что пошёл в полицию потому, что ему надо кормить детей. После того как партизан уходит, полицией демонстративно молится и крестится перед большой иконой, висящей в его избе. В фильме «Генерал» (1992) показан ротный командир, который поднимает бойцов в атаку именем Богородицы. Так постепенно начала формироваться мифологическая картина о роли православной церкви и священников в Великой Отечественной войне.

В советской историографии отвергалось влияние церкви на укрепление патриотических чувств советских людей. Так, К. А. Паюсов писал: «Не советский народ, не массы верующих следовали за церковью и духовенством, а наоборот» [9, с. 55]. Н. И. Кондакова хотя и показала связь

войны и распространения религиозных настроений, но она же подчёркивала использование религиозного фактора фашистскими оккупационными властями для разжигания религиозной розни и недопущения объединения населения для борьбы с фашистскими захватчиками [6].

В годы Перестройки хотя и продолжали выходить научные работы, посвящённые этой теме (см., напр.: [11]), но все они оказались погребёнными под лавиной изданий, выпускаемых православной церковью, в которых рассмотрение истории церкви в годы Великой Отечественной войны проводилось с позиции её «патриотической роли» в годы войны. Вскоре и в научном изучении данной темы «патриотическая роль» церкви стала доминирующей (см., напр.: [10] и др.).

Из научного дискурса «патриотическая деятельность РПЦ в годы Великой Отечественной войны» достаточно быстро переместилась в учебную литературу. Так, уже в учебнике истории, выпущенном в 1992 г. затрагивается новая для учебной литературы тема «Государство и церковь в годы войны». Раскритиковав сталинскую довоенную политику в отношении церкви, авторы критикуют и гитлеровцев, которые на оккупированных территориях «стремились насадить в сознании людей мистицизм, оккультизм», хотя формально провозглашали веротерпимость. Всё это привело, по мнению авторов учебника, к тому, что «значительная часть священников, оказавшихся на оккупированной территории, объективно противостояла нацистской пропаганде, некоторые поддерживали связь с подпольем, были уничтожены гитлеровцами». Далее авторы отмечают, что сталинский режим, несмотря на послабления, которые были сделаны по отношению к церкви, продолжал держать её под жёстким контролем, от назначения священников до требования провозглашать здравицы «не только в честь победоносных воинов, но и в честь “несокрушимого блока коммунистов и беспартийных”» [3, с. 74].

Церковь, занимавшая в учебной литературе довольно скромное место, становится главным участником Великой Отечественной войны в учебнике 2003 г., написанном двумя профессорами Московского университета [1]. В данном учебнике главным организатором и вдохновителем побед советского народа над фашизмом стали не советский народ и коммунистическая партия (что хотя бы отчасти соответствовало историческим фактам), а патриарх и православная церковь.

«Патриотическая» деятельность церкви отразилась и в кинематографе. В качестве характерного примера можно назвать сериал «Штрафбат» (2004). В последней серии весьма упитанный православный священник в полном облачении примыкает к «штрафбатовцам» из уголовников. Надев на скуфью каску, в рясе и с крестом он ведёт огонь

из пулемёта по фашистам, а перед этим он ведёт открытую религиозную пропаганду в «штрафбате» и даже благословляет «штрафбатовцев» на бой, которые выстроились к нему в длинную очередь. По окончании боя он остаётся в живых вместе с командиром «штрафбата» и видит в небе огромную Богородицу. Клише о «верующих коммунистах» также встречается в военных фильмах и сериалах начала 2000-х гг. Так, например, в сериале «Смерть шпионам» (2007) полковник Тарасенко цитирует Библию, всем своим видом показывая, что снаружи офицеры – идейные коммунисты-атеисты, а уроки церковно-приходской школы всё же не забыли.

На дальнейшую трансформацию мифа о роли церкви в Великой Отечественной войне повлияли два фактора: 1) нарастающая в политике исторической памяти критика Сталина, Советской власти и коммунистической идеологии [5] и 2) большое количество научных публикаций о как минимум неоднозначных взаимоотношениях православной церкви с оккупационными властями, красновцами, власовцами, национальными карательными подразделениями и т. д. (см., напр.: [12, 4, 8] и др.).

«Патриотический» аспект деятельности православной церкви остаётся, но уходит на второй план. А на первый план выдвигается миф о «третьем пути»: православная церковь была не с коммунистами и не с фашистами, у неё был свой отдельный путь, хотя, конечно, в реальной жизни отдельным священникам приходилось «соприкасаться» с коммунистами или фашистами.

Этот миф о «третьем пути» нашёл своё воплощение кинофильме «Поп» (2009) и сериале «Русский крест» (2010). Причём в одном случае попу приходится действовать в оккупированной зоне, другому – хотя и в прифронтовой зоне, но пока на советской территории. Характерно, что обоих священников зовут Александр.

Авторы фильма ставят по сути знак равенства между коммунистами и фашистами. В середине 1990-х гг. была популярная «концепция» двух одинаково тоталитарных диктатур – сталинской и гитлеровской. Причём, например, в учебнике двух профессоров Новосибирского университета, вышедшем в 1996 г., сталинская диктатура объявлялась ещё более «зловещей», поскольку она воспользовалась победой в Великой Отечественной войне для своего укрепления [7]. Авторы фильма, очевидно, разделяют эту позицию. У них часто проскакивают параллели между двумя режимами: вот немецкий грузовик используется для повешения партизан, а вот грузовик НКВД, увозящий «невиновных». Немцы пришли грабят (хотя и «интеллигентно»), партизаны и Красная Армия пришли – опять грабят (но уже грубо и «бесчеловечно»).

Сталинский режим после Великой Отечественной войны легитимировал себя посредством обращения к Победе [2, с. 59], а современный политический режим в России ещё не выработал своей собственной идеологии. В её поиске он обращается к разным идеям и концептам. Один из таких концептов предлагает православная церковь: истоки современной российской государственности надо искать не в недавнем советском прошлом, а в «Российской истории» в её «православном варианте» в целом.

Таким образом, в основе мифа «война и церковь» лежит миф «православная Русь», а все трансформации этого мифа полностью объясняются теми поисками «мифа основания», которые происходят в постсоветской России: преодоление сперва сталинского, а затем советского наследия и возврат к досоветским временам.

Библиографический список

1. Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1938–2002: учебное пособие. М., 2003.
2. Добренко Е. А. Поздний сталинизм: Эстетика политики. М., 2020. Т. 1.
3. История Отечества: учебник для 11 кл. сред. школы. М., 1992.
4. История Псковской православной миссии. 1941–1945 гг. М., 2008.
5. Кокоулин В. Г. И. В. Сталин в массовом сознании в постсоветской России // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 4 (17). С. 86–95.
6. Кондакова Н. И. Идеино-политическая работа Коммунистической партии в годы Великой Отечественной войны. М.: Знание, 1967.
7. Кузнецов И. С., Исупов В. А. История России с 1917 года до наших дней: учебная книга. Новосибирск, 1996.
8. Мальцев В. А. Момент истины // Независимая газета-Религии. 2009. 16 сент.
9. Паюсов К. А. Советский воинский долг и религия. М.: Воениздат, 1964.
10. Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны: сб. статей. М.: РАГС, 1995.
11. Русское православие: веки истории / под ред. А. И. Клибанова. М.: Политиздат, 1989.
12. Шкаровский М. В. Крест и свастика. Нацистская Германия и православная церковь. М., 2007.

Е. В. Конев,

доцент, Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВЕНТИСТОВ СЕДЬМОГО ДНЯ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 40–60-е гг. XX ВЕКА

В статье на основе архивных материалов исследуется деятельность городских общин адвентистов седьмого дня Западной Сибири на протяжении трех десятилетий советского периода (в 1940–1960-е гг.). Реконструируется взаимодействие верующих с местной властью. Свидетельствуется, что многие виды деятельности и положения адвентистов седьмого дня являлись неприемлемыми для идеологии Советского государства.

Ключевые слова: Адвентисты седьмого дня, религиозные объединения, протестантизм, верующие, Западная Сибирь, Совет по делам религиозных культов.

E. V. Konev,

Associate Professor, Siberian University of Consumer Cooperation (Novosibirsk)

ACTIVITIES OF THE SEVENTH-DAY ADVENTIST IN THE CITIES OF WESTERN SIBERIA IN THE 40s–60s OF THE XX CENTURY

Based on archival materials, the article examines the activities of Seventh-day Adventist communities in Western Siberia during the three decades of the Soviet period (in the 1940s–1960s). The interaction of believers with local authorities is reconstructed. It is shown that many activities and positions of Seventh-day Adventists were unacceptable for the ideology of the Soviet state.

Key words: Seventh-day Adventists, religious associations, Protestantism, believers, Western Siberia, Council for Religious Cults.

На территории Западной Сибири заметно увеличилась численность и оживилась деятельность АСД в 1940-е гг. за счет прибывших спецпоселенцев из числа немцев и другого контингента, а также реэмигрантов из Китая. Так, на Алтае адвентисты действовали в Барнауле, Бийске, а в Кемеровской области – в Кемерово, Сталинске (Новокузнецке), Анжеро-Судженске, Прокопьевске, Юрге. Адвентисты также развернули деятельность в Новосибирске, Томске, Омске и в других городах. Молитвенные собрания АСД, как и представители других протестантских объединений, проводили в частных домах верующих и в отдельных местах нередко совместно. В частности, с адвентистами

объединилась часть христиан веры евангельской (ХВЕ) или пятидесятников, относившаяся к субботствующим [5, л. 21].

В Сталинске были учтены 2 общины АСД в Абашево и Старокузнецке. Абашевских адвентистов ещё с 1926 г. возглавлял А. Трохименко. А в 1947 г. обе малочисленные группы объединил и возглавил реэмигрант из Китая С. Ф. Орел. Численность адвентистов в Сталинске на молитвенных собраниях достигала 60 человек. В областном центре Кузбасса АСД возглавили С. Я. Орел и В. П. Фалалеев [3, л. 16, 68]. По национальному составу в общинах АСД находились немцы, русские, украинцы, евреи.

Адвентизм Советское государство с первых лет своего существования рассматривало как враждебное социализму вероучение, его не устраивало главным образом празднование субботы и отказ от службы в вооруженных силах. Ещё одной из особенностей этого протестантского течения была ежемесячная уплата в кассу общины десятой части доходов верующих так называемой “десятины”. В печати нередко публиковались статьи об антисоветском характере веры культа АСД. Также в советских средствах массовой информации к адвентистским объединениям использовался термин «секта». И поэтому большая часть организаций верующих АСД находилась на нелегальном положении вплоть до перестроечных времен.

На протяжении всей второй половины 1940-х гг. отдельные адвентистские общины, следуя примеру евангельско-баптистским объединениям, подавали ходатайства о регистрации местным властям. Особую активность в этом проявили АСД Бийска, Барнаула, а также ряда городов Кузбасса. Так, бийские адвентисты, возглавляемые Л. Пепеляевым, после того как в октябре 1945 г. их богослужения посетил уполномоченный СДРК Селиванов, подали заявление в Алтайский крайисполком. И год спустя краевые власти Алтая, рассмотрев ходатайство, официально признали в Бийске адвентистское объединение, в составе до 70 верующих [12, л. 1–3, 7, 12]. Однако Совет по делам религиозных культов (СДРК) не зарегистрировал общину, как и АСД Новосибирска, Омска, Кемерово, Сталинска и других городов. Отказ в регистрации Совет обосновывал нарушениями ст. 4 Постановления ЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» и закона о Всеобщей воинской обязанности [1, с. 232].

С середины 1950-х гг. наблюдался очень интенсивный рост активности и численности религиозных объединений в Сибири, в том числе и адвентистов. Основными причинами явились амнистия осужденным в 1930–1940-е гг. по ст. 58 УК и послабление, а затем и снятие ограничений в правовом положении режима спецпоселения, прежде

всего немецкого населения. Заметно оживились адвентисты в Западной Сибири. В Новосибирске и Томске в начале 1960-х гг. верующие особенно активизировались после приезда П. Г. Сильмана и П. А. Мацанова [5, л. 20; 10, л. 135]. Последний возглавлял Всесоюзный Совет АСД, ликвидированный в 1960 г. Кроме того, в это время в Сибирь из других регионов страны было сослано значительное количество верующих. Постановление Президиума Верховного Совета (ВС) РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественного полезного труда и ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни» давало возможность властям выселять активных деятелей «религиозных сект» в отдаленные места. Так, на территории Томской области находилось 7 ссыльных адвентистов за тунеядство, в их числе Ю. А. Данильсон, Ю. В. Мориц, С. С. Дубняк [11, л. 176]. Несмотря на переселение в другой регион, они активно поддерживали связи с единоверцами, и в местах ссылки являлись организаторами новых объединений.

В целом общины АСД в Сибирском регионе были немногочисленными. Численность их в ряде населенных пунктов варьировалась от 10–15 до 60–70 человек [9, с. 233]. Тем не менее на протяжении всего советского периода западносибирские организации адвентистов отличались стабильностью, устойчивостью, дисциплинированностью. Верующие были сплоченными и в трудную пору поддерживали друг друга. Их семьи являлись крепкими, и воспитание детей проходило в строгом режиме.

Адвентисты, как и представители других протестантских конфессий, активно проводили миссионерскую работу среди неверующего населения, разъезжая по разным населенным пунктам. Руководители АСД были хорошо подготовлены, знали Библию и вероучение, умели убеждать людей. Органы власти применяли к религиозным деятелям санкции. Так, на рубеже 1950–1960-х гг. пресвитер сталинских адвентистов С. Ф. Орел неоднократно выезжал в Таштагол, где проводил молитвенные собрания из 7 человек в доме Буткеева. Местная администрация конфисковала у верующих 2 Библии и 2 псалма-сиона. За факт выезда из Сталинска Орел был предупрежден Кемеровским облисполкомом [7, с. 551–552]. В общине АСД южной столицы Кузбасса имелись медицинские работники – фельдшеры, акушерки, медсестры. И адвентисты, практикуя «санитарную реформу», распространяли свое вероучение, преимущественно, среди больных людей. А в мае 1965 г. Новосибирским уполномоченным СДРК зафиксировал сбор общин верующих областного центра и близлежащих городов (Бердск, Искитим) и районов [4, л. 39]. Более того, в течение 1960-х гг. в Новосибирске местными

органами власти были выявлены нелегальные съезды адвентистов Западной Сибири.

Таким образом, организации АСД постоянно взаимодействовали между собой. Малочисленные общины всегда примыкали к более крупным. В каждом регионе Западной Сибири и большом городе за верующими был закреплен общий руководитель, именуемый пресвитером.

Особую роль для АСД играла суббота. В этот день они не работали, а проводили в богослужениях, молитвах, чтении Библии. А в СССР до 1967 г. существовала шестидневная рабочая неделя с одним выходным днем. Работавшие на производстве и в учреждениях адвентисты не выходили по субботам на работу, нарушая трудовое законодательство. Руководители предприятий применяли к ним санкции вплоть до увольнения. Например, в Сталинске (Новокузнецке) верующий Р. И. Линк был уволен по этой причине, а кемеровчанин М. С. Зозулин, врач по специальности, не мог трудоустроиться, так как в его трудовой книжке было записано, что он мракобес. Местному уполномоченному СДРК Г. М. Яровому пришлось принимать меры, чтобы исправить запись [7, с. 524, 564].

Дети верующих АСД также в субботу и нередко по воле родителей не посещали школу, отказывались вступать в октябрята и пионеры. Для несовершеннолетних религиозные наставники специально проводили религиозное обучение. Партактив, районные управления народного образования, руководство средних общеобразовательных учреждений, родительские комитеты организовывали воспитательную работу с целью оторвать детей от религии. Многих адвентистов лишали даже родительских прав. В Бердске в 1965 г., по решению местного городского суда, мать ученицы Нины Морозовой была подвергнута подобному наказанию [4, л. 41].

Местом проведения богослужений для адвентистов в крупных городах являлись жилые дома единоверцев на окраинах. Очень часто адвентистские лидеры посещали богослужения других протестантских общин, по большей части евангелистов-баптистов. Немало религиозных деятелей меняло свои убеждения, и случались переходы из одной конфессии в другую. Так, в Кемерово проповедник М. П. Борискин заходил в дома верующих и неверующих с целью привлечь в свою веру. А новокузнецкие адвентисты, руководимые Орелом, проводили собрания в доме П. И. Жипана, являвшегося в прошлом баптистом [7, с. 524–525, 558]. В Бийске семья Высоцких, а в Барнауле Айрих из общины евангельских христиан-баптистов (ЕХБ), поддерживавших Совет Церквей (СЦ), перешли к адвентистам [13, л. 19].

В 1940–1960-е гг. обряд крещения АСД совершался через погружение в воду и обычно в открытых водоемах в летнее время и нередко на виду неверующих. Например, бердские и искимитские адвентисты принимали водное крещение в Бердском заливе у Новосибирского водохранилища, томские и кемеровские – на реке Томь [6, л. 2; 2, л. 29]. Местные органы власти не раз узнавали об этом от соседних жителей. Только в 1970–1980-е гг. в зарегистрированных адвентистских объединениях в молитвенных домах появились специально оборудованные баптистерии.

В связи с антирелигиозной кампанией Советского государства у АСД в 1960-е гг. усилился раскол на «умеренных» и «радикалов», начавшийся ещё в 1920-е гг. Однако разделения адвентистов на 2 группы, как у ЕХБ, не произошло. Обе части состояли в одной общине, и расходились они в основном по методам действий, понятиям религиозного учения. Так, в Омске молодые верующие под руководством В. Я. Дмитриенко разделяли взгляды с П. А. Мацановым, а старшие, возглавляемые Н. П. Алехиным, не принимали их и склонялись к признанию Советского законодательства о религиозных культурах. И та, и другая группа стремилась взять под свой контроль адвентистские организации. Дмитриенко в конечном итоге привлекли к уголовной ответственности по ст. 142 УК РСФСР 1960 г. [8, л. 62–64]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других регионах, в большей степени в Новосибирской области и Алтайском крае. В крупнейшем городе Сибири, Новосибирске, только 10–12 членов общины соглашались на регистрацию [5, л. 21].

Начиная с конца 1960-х гг., адвентисты неоднократно обсуждали с местными органами власти вопрос о легализации деятельности. Однако большая часть верующих в это время по-прежнему не собиралась отказываться от миссионерской деятельности, сбора «десятины», религиозного обучения несовершеннолетних, и не изъявляла желания идти на компромисс с партийными и советскими властями. И еще в течение нескольких лет лидеры АСД привлекались к административной и уголовной ответственности. И только во второй половине 1970-х гг. адвентистские общины ряда городов Западной Сибири (Бийск, Новосибирск, Бердск, Томск) получили официальное признание.

Таким образом, АСД на протяжении трех десятилетий советского периода (40–60-е гг. XX века) находились на полуполюгальном положении. Их взаимоотношения с местными органами власти, а также внутри общин и с представителями других протестантских конфессий были сложными и неоднозначными. Многие идеи и положения адвентизма

(сбор «десятины», пацифизм, празднование субботы вместо воскресенья и др.) являлись неприемлемыми для идеологии Советского государства. Несмотря на запреты, преследования, непонимания и пренебрежения со стороны большинства населения, АСД поддерживали вероучение, осуществляли богослужебную деятельность, проводили миссионерскую работу. Их высокая активность объяснялась не только наличием талантливых организаторов и проповедников, но и огромной солидарностью и сплоченностью самих верующих.

Библиографический список

1. *Горбатов А. В.* Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2008. 408 с.
2. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 8. Д. 316.
3. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 5.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 88.
5. ГАНО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 107.
6. ГАНО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 145.
7. Из рукописного наследия нашего города. Григорий Митрофанович Яровой. Служебный дневник 1959–1963 // Кушникова М. М., Сергиенко В., Тогулев В. Страницы истории города Кемерово. Кн. 3. Кемерово: Сибирские огни, 1999. С. 497–615.
8. Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. 2603. Оп. 1. Д. 53.
9. *Сосковец Л. И.* Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е гг. XX века. Томск: Томский государственный университет, 2003. 348 с.
10. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 2943.
11. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 3072.
12. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. 1692. Оп. 1. Д. 4.
13. ЦХАФАК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 53.

Д. А. Константинова,

студент, Колледж малого бизнеса № 4 (г. Москва)

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена вопросам, касающимся основных жизненных целей студентов в части влияния социальной компетентности на их профессиональное и личностное становление. Социальная компетентность является одним из важнейших условий профессионализма и является комплексной характеристикой специалиста, отражающей уровень развития социально-коммуникативных способностей, обеспечивающих его успешность в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: Социальная компетентность, успешность профессиональной деятельности, показатели успешности, факторы успеха, роль профессиональной деятельности в жизни молодежи.

D. A. Konstantinova,

Student, College of Small Business № 4 (Moscow)

SOCIAL COMPETENCE AS A FACTOR IN THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF YOUNG PEOPLE

The article deals with the issues concerning the main life goals of students in terms of the impact of social competence on their professional and personal development. Social competence is one of the most important conditions of professionalism and is a complex characteristic of a specialist, reflecting the level of development of socio-communicative abilities providing their success in professional activity.

Key words: Social competence, success of professional activity, indicators of success, factors of success, the role of professional activity in the life of young people.

Для молодых людей стремление к успеху – одна из главных составляющих жизни, ведь быть успешным человеком – именно то, чего желает каждый, не зависимо от сферы деятельности.

Соответственно, само слово «успех» будет иметь субъективный и личный смысл для каждого человека и молодежи, в частности.

Согласно стереотипному образ у счастливого человека, он всегда имеет хорошую карьеру и успешен в профессиональной деятельности, имеет счастливую личную жизнь, хорошее здоровье, не сталкивается с финансовыми проблемами. Такой человек умеет ставить конкретные цели и достигать их в кратчайшие сроки.

А такое понятие, как социальная профессиональная успешность понимается молодыми людьми как достижение целей по овладению именно внешними признаками успешной личности (социальный статус, престижная работа, карьера). Стереотипы успешности им необходимы для интеграции в социум на правах исполнителя, но на этапе взрослой жизни эти же стереотипы будут мешать развитию и личностному росту.

Можно отметить, что социальная компетентность специалиста – это наличие у него способностей, знаний, умений и навыков эффективного специалиста, отражающей уровень развития социально-коммуникативных способностей, обеспечивающих его успешность в профессиональной деятельности.

В современных условиях социальная компетентность определяет весь жизненный путь человека: включение в социум, возможность трудоустройства, успешность карьеры и т. д. Многочисленными исследованиями установлено, что социальная компетентность является составяющей профессиональной компетентности [3].

В любой сфере профессионал, работающий с людьми, включает в систему социальных отношений, и чем качественнее он подготовлен к этому, тем успешнее его профессиональная деятельность.

Важной задачей современного учебного заведения является воспитание социально зрелой, активной личности. Документ, главным образом определяющий систему воспитания, Федеральный закон «Об образовании». В его новой редакции впервые воспитание поставлено на первое место и регламентировано, что воспитательная работа должна осуществляться как в учебном процессе через содержание образовательных программ, так и во вне учебного времени.

Всемирная организация ЮНЕСКО также рассматривает воспитание в широком контексте, как процесс, необходимый для того, чтобы молодые люди «научились познавать», «научились действовать», «научились взаимодействовать вместе». Для решения этой задачи выделяются три пути: формальное воспитание – в ходе приобретения знаний и рабочих навыков (т. е. получения академического образования) в иерархически структурированной, хронологически очерченной системе воспитательно-образовательных учреждений; неформальное воспитание – приобретение и интегрирование социальных навыков, основанных на системе жизненных ценностей, в процессе организованной воспитательной деятельности вне установленных формальных систем; неформальное воспитание (спонтанное) обретение общественных установок, ценностей, социальных навыков и знаний из повседневной жизни и личного опыта (семья, друзья и сверстники, ближайшее и широкое окружение) [2].

В традиционной российской системе профессионального образования процесс обучения предусматривает две взаимосвязанные составляющие: учебно-воспитательный процесс и внеучебная деятельность студентов как органично включенная в него часть. При этом внеучебная деятельность соотносится с упомянутым выше внеформальным воспитанием, так как предполагает, с одной стороны, организованность, а с другой – отсутствие академической структурированности в формировании навыков и определенную спонтанность, самоуправляемость. Во внеучебной деятельности процесс освоения (накопления) компетенций происходит одновременно с их применением, что и делает ее более эффективной.

Предполагается, что за воспитанием должен стоять процесс изменения характера связей человека с миром, с людьми» [1]. Следовательно, образовательный процесс не равен учебному. Он включает в себя и социально-творческую деятельность студентов во внеучебное время, и практику повседневной жизни. Если в качестве целей воспитания рассматривать формирование ключевых социальных компетенций, то следует иметь в виду, что эти цели достигаются не только при изучении учебных предметов, но и самой организацией студенческой жизни. Поэтому важнейшим принципом деятельности учебного заведения является конструирование единой социокультурной среды, синтезирующей учебную и внеучебную деятельность с целью развития социальных и профессиональных компетенций студентов [2]. Таким образом, для эффективного формирования социальной компетентности во внеучебной деятельности в учебном заведении должны использоваться следующие принципы:

- включение студента в значимую общественную деятельность;
- демонстрация последствий действий студента для референтной группы;
- смена социальной позиции (роли студента);
- учет ведущей мотивации;
- воздействия лидера общественного мнения на личность студента.

Библиографический список

1. *Арутюнов В. С.* Социологические основы научной деятельности – Sociological foundation of scientific activity. М.: Наука, 2018. 298 с.
2. *Готлиб С.* Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. Исследовательские практики: учебное пособие. 2-е изд. М.: Флинта; МПСИ, 2018. 382 с.
3. *Хоманс Дж.* Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. 2017. № 7.

О. А. Константинова,

преподаватель, Колледж малого бизнеса № 4 (г. Москва)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Социализация экономика предполагает формирование направления развития индивида, базирующегося на его трудовой деятельности посредством его самореализации, а также жизненных и творческих возможностей. В социализирующейся экономике трудовая деятельность обогащает жизнь человека не только в материальном аспекте, но и с точки зрения его личностного роста и саморазвития.

Ключевые слова: социальное развитие общества, социализирующаяся экономика, трудовая деятельность, личностный рост, саморазвитие, возможности человека.

O. A. Konstantinova,

Teacher, Small Business College № 4 (Moscow)

TOPICAL ISSUES OF SOCIAL DEVELOPMENT OF SOCIETY AND SOCIALIZATION OF THE ECONOMY

Socialization of the economy involves the formation of the direction of development of the individual, based on his work through his self-realization, as well as life and creative opportunities. In a socializing economy, labor activity enriches a person's life not only in the material aspect, but also in terms of his personal growth and self-development.

Key words: social development of society, socializing economy, labor activity, personal growth, self-development, human capabilities.

Социализация экономики представляет собой определенный процесс, в рамках которого люди учатся взаимодействовать с экономикой: то, как они будут планировать бюджет, занимать деньги, экономить, покупать, воспринимать рекламу, а также понимать и более широкое назначение экономики и становится центром социально-экономического развития [3].

Социальная и экономическая сферы являются звеньями единой цепи, между которыми существует непосредственная зависимость и взаимосвязь.

Социализация экономики предполагает улучшение качества жизни и повышение уровня жизни населения.

Можно отметить, что социализация экономики оказывает воздействие на многие процессы:

- социально-трудовые отношения и снижение социальных рисков;
- социальную защиту населения;
- социальное равенство;
- мотивация трудящихся к осуществлению качественной трудовой деятельности, нацеленной на результат [2].

Социально-экономические отношения неразрывно связаны между собой и, развиваясь в условиях научно-технического прогресса, дают положительные плоды для стабильного развития страны. Для реализации этой цели происходит ориентация всех общественных процессов на человека с его потребностями в физическом и духовном совершенствовании. А обеспечение материального достатка и определяет стратегию социально-экономического развития общества в направлении формирования социально ориентированной рыночной экономики.

В соответствии с планом развития общественного благосостояния страны происходит развитие образования, науки, культуры, спорта и других элементов социальной сферы, которые требуют экономического обеспечения, то есть экономическое развитие является предпосылкой любого социального преобразования.

Вполне логично, что социальная удовлетворенность общества базируется на новейших технологиях и информатизации, которые, в свою очередь, требуют развития трудовой активности работника, на которого это производство направлено. То есть каждый отдельный элемент, направленный на социализацию экономики, становится крепким звеном в ее становлении.

Однако, актуальным остаётся вопрос о соотношении экономической эффективности и социальной справедливости в обществе на фоне постоянно меняющихся условий развития экономики. Во многом решение этой задачи зависит от духовных ориентиров и нравственных ценностей, сложившихся в обществе, а также модели социально-экономического устройства, наряду с наработанным политическим опытом для согласования общественных интересов и деловой культуры.

Достижение плановых показателей развития экономики и урегулирование вопросов, связанных с социальной справедливостью, не могут рассматриваться в разрезе двух сфер. Такие социальные факторы, как развитие науки, образования, культуры, развитие системы жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранение, обеспечение рациональной занятости населения и многие другие способствуют как росту экономической эффективности, так и утверждению социальной спра-

ведливости. При этом экономия на социальных расходах не только усиливает несправедливость в распределении благ, но и неизбежно приводит к снижению эффективности экономики.

В условиях развития рыночной экономики очень важна политика государства, направленная на социализацию экономики и общественной жизни общества. Главными и определяющими элементами в создании системы социально-экономических мероприятий, с помощью которых государство воздействует на динамику уровня и качества жизни населения являются условия обеспечения соответствия экономической деятельности социальным стремлением общества, так как в конечном итоге экономический прогресс непосредственно связан с прогрессом социальным.

В современном российском обществе под воздействием экономических изменений западных стран формировался потенциал социальной неустойчивости. Актуальными и резонансными в обществе стали проблемы, связанные с экономикой и материальным положением граждан, дальнейшим расслоением общества на бедных и богатых. Проблемы дороговизны жизни, возможной потери работы, безработицы, повышения тарифов, низких зарплат и достойных пенсий продолжают оставаться в эпицентре массовых тревог и беспокойств в общественном сознании [1].

Новый этап развития, в котором находится Россия, характеризуется следующими особенностями:

- повышением интеллектуальной и организационной роли государства в формировании инфраструктуры, инвестиционных процессов, поощрении инноваций и развитии интеллектуального потенциала общества;

- переходом от преимущественно сырьевого производства к производству высокотехнологичных, конкурентоспособных продуктов потребления;

- укрупнение сектора современных инновационно-индустриальных отраслей с последующим выходом их продукции на международные рынки с учетом новых стандартов качества.

В социализирующейся экономике труд становится средством самореализации индивида. Благодаря трудовой деятельности раскрываются наиболее значимые стороны личности человека, его возможности, способности и таланты. В процессе социализации экономической системы он перестает пониматься как деятельность, нацеленная лишь на материальное обеспечение человека. А, значит, трудовая деятельность обогащает жизнь человека не только в материальном плане, но и с точки зрения его личностного роста и саморазвития. Во главе устойчивого социального развития общества встает не только экономика в целом, но и различные социальные системы, как неразделимые части этой целостной структуры.

Таким образом, в развитии социально экономической системы необходимо учитывать три обстоятельства. Во-первых, трансформировалась роль и функции работника вследствие увеличения объема накопленных знаний и информации. Во-вторых, современная экономика, социально-экономическая система и общество нуждаются в гармонично развитом, универсальном, творческом, социально ответственном сотруднике и кооперации умственных усилий. В-третьих, в условиях социализации экономики традиционная модель экономического работника исчерпала себя. Его новые аспекты приобретают черты работника социального, предприимчивого, познающего, ответственного, владеющего интеллектуальным капиталом.

Библиографический список

1. Каримов А. Г. Проблема бедности работающего населения как фактор поляризации экономического пространства разноуровневых территорий // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9–2 (86–2). С. 857–860.
2. Охотский Е. В. Социальное государство и социальная политика современной России: ориентация на результат // Труд и социальные отношения. 2018. № 5. С. 30–44.
3. Сауткина В. А. Возрождение социальной экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 1. С. 88–96.

УДК 94(47).083

В. И. Короневский,

лаборант-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ У РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (По материалам Смоленской, Витебской, Минской, Могилевской, Гродненской и Виленской губерний)

В начале XX в. в Российской империи активнее, чем раньше, протекает процесс складывания национального самосознания. Проводятся религиозно-патриотические мероприятия, ставятся памятники, в газетах печатаются статьи, апеллирующие к национальному прошлому. В работе проанализированы механизмы воздействия на формирование патриотического сознания.

Ключевые слова: национальное самосознание, исторические образы, религиозные образы, коммеморативные практики.

© Короневский В. И., 2021

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402)

V. I. Koronevsky,

Research Laboratory Assistant, St. Petersburg State University

**THE ROLE OF RELIGIOUS AND HISTORICAL IMAGES
IN THE FORMATION OF PATRIOTIC CONSCIOUSNESS
IN THE RUSSIAN POPULATION IN THE BEGINNING
OF THE XX CENTURY**

**(Based on materials from Smolensk, Vitebsk, Minsk, Mogilev,
Grodno and Vilno provinces)**

At the beginning of the XX century in the Russian Empire the process of the formation of national self-awareness is taking place more actively than before. Religious and patriotic events are held, monuments are erected, articles appealing to the national past are printed. The article analyzes the mechanisms of influence on the formation of patriotic consciousness.

Key words: national consciousness, historical images, religious images, commemorative practices.

Вопрос о наборе идентичностей, присущих населению западных губерний Российской империи в XIX в., крайне сложен. Русское национальное самосознание формировалось здесь в неизбежном соприкосновении с разнообразными аспектами конфессиональной, этнической и региональной принадлежности местных жителей, а также другими сильными течениями – например, растущим польским национализмом. В таких условиях складывание российской национальной идентичности представляло собой сложный и неоднозначный процесс (подробнее см.: [2, 5, 15]).

XIX в., без сомнения, является тем временем, когда русская нация формировалась более быстрыми темпами, чем в предыдущие столетия, однако процесс этот имел достаточно хаотичный характер, и, во многом, не контролировался государством. Как видно из собранных в начале XX в. сведений о памятниках древности, практика создания мемориалов, посвященных важным для региона и всей страны фигурам или историческим событиям (которая во многом способствует складыванию чувства национальной общности), не была широко распространена. Большая часть имевшихся памятников относилась ко временам Александра II и Александра III и была посвящена либо чудесному спасению императоров от покушений на их жизни, либо реформе 1861 г. и заслугам царя-освободителя. Апелляция к исторической памяти по большей части ограничивалась обращением к событиям войны 1812 г. и фигуре Владимира Святого [13].

Однако с конца XIX – начала XX в. ситуация понемногу меняется. Растет доля грамотного населения, расширяется круг читателей

периодических изданий, что, как отмечал еще Б. Андерсон, идет рука об руку со складыванием национальной идентичности, так как ее распространение не только способствует унификации языка и приводит к общему знаменателю многочисленные местные диалекты (что для западных окраин империи было более чем актуально), но и обуславливает саму возможность существования «воображаемого сообщества» [1]. Также периодическая печать (в особенности, церковная), давала читателю возможность ознакомиться с материалами, касающимися местной и общероссийской истории, что положительно сказывалось на складывании ощущения национальной общности. И именно распространение образования и грамотности предоставило российскому государству более широкий набор современных идеологических практик для стимулирования процесса формирования национального самосознания.

Итак, история этого процесса в конце XIX – начале XX в. была сопряжена с получением нового импульса, в структуре которого можно выделить четыре основных элемента.

Во-первых, в это время Россия отпраздновала один за другим несколько важных для всего государства юбилеев. В 1912 г. отмечалось столетие Отечественной войны, которая сама по себе была связана с патриотическими мотивами и борьбой всего народа против иноземного врага. По такому поводу местные газеты, равно как и священнослужители во время проповедей, апеллировали к тем аспектам войны, что были связаны с конкретной местностью, но внесли свой вклад в важную для всей страны победу над противником. Так, например, «Смоленские епархиальные ведомости» выходили со статьями о Смоленском сражении и героине войны обычной крестьянской девушке Анфисе [14, 1912, № 16], а «Памятные книжки» Могилевской и Минской губерний выпустили статьи о событиях 1812 г. на территории соответствующих губерний [10, 1912; 11, 1912]. Смоленские газеты и вовсе пересказывали легенду о том, как уже в ходе преследования французов русской армией в полуразрушенном Смоленске на развалинах Молоховской башни в груде кирпича и щебня была найдена нетронутая икона Богородицы, которая потом сопровождала войско и привела его к итоговой победе [14, 1912, № 16–17]. В том же 1912 г. праздновалось трехсотлетие изгнания поляков из Москвы, плавно переходящее в отмечаемое на следующий год трехсотлетие царствующего дома Романовых. Разумеется, тексты газетных заметок и церковных проповедей были посвящены не только правящей династии, но и непосредственно связанному с ее воцарением Смутному времени, а также его героям. Регулярно встречаются упоминания о Минине и Пожарском, очень часто (едва ли не чаще, чем Михаил Федорович) поминается патриарх Гермоген, прославляемый как

главный герой Смуты и защитник России. Естественным образом юбилей нашел отклик в региональной печати: так, статьи и поучения в честь Гермогена содержали «Ведомости» всех епархий, а в «Вестнике Виленского православного Свято-Духовского братства» о нем и о Смуте в целом и вовсе выходили стихотворения [3, 1912, № 3]. Менее заметный, но все же не обойденный вниманием юбилей пришелся на 1909 г. – двухсотлетие Полтавской победы, статьи о которой выходили, например, в «Памятной книжке Могилевской губернии» [11, 1909].

Во-вторых, начало века ознаменовалось множеством региональных юбилеев, важных либо для отдельных регионов, либо для Западной Руси как целого. Одним из самых заметных стал своеобразный «трехлетний» юбилей 1909–1911 гг. – трехсотлетие обороны Смоленска от польско-литовских войск. Связанные со знаменательной датой мероприятия и соответствующая публицистика несли серьезный патриотический заряд: предки смолян предстают людьми, которые «почти все до одного» «умерли за царя». Проводится очевидная параллель между патриархом Гермогеном и местным архиепископом Сергием – последний во время осады ходил по стенам и «горячим словом» укреплял боевой дух защитников, а сам он именуется в статье ни много ни мало «смоленским Гермогеном». Смоленск, таким образом, задержал поляков и тем самым спас Россию [14, 1911, № 10]. Другим заметным юбилеем стало отмечаемое в 1908 г. трехсотлетие со дня смерти святого князя Константина Острожского – борца с общим для всего православного населения Западной России врага, коим была Брестская уния. Уния была прямо противопоставлена православию и, соответственно, связанной с ним российской идентичности. Несмотря на не всегда однозначное отношение к унии в прошлом, в начале XX в. для православного сознания она была чем-то безусловно чуждым, во многом представляющим как негативное явление, которое отторгло от православия (а значит, отчасти и от русской народности) большое количество «своего», исконно православного населения. Соответственно, несомненными героями представляли борцы с ней, самым заметным из которых был Константин Константинович Острожский. Герою борьбы с общей для западнорусских земель напастью были посвящены многочисленные статьи, речи, проповеди и заметки [8, 1908, № 5–8] в каждой из епархий, в Вильно, далеко от родовых земель Острожских, о нем писались стихотворения и был заложен храм [3, 1908, № 5], а в Полоцке выходили заметки о необходимости сооружения памятника защитнику православия [12, 1908, № 7].

В-третьих, в это же время происходят масштабные религиозные мероприятия, самым заметным из которых стало возвращение в 1910 г. в Полоцк мощей святой Евфросинии Полоцкой – «Путеводной звезды

Белой Руси», по выражению местных «Епархиальных ведомостей» [12, 1910, № 22]. Событие было обставлено чрезвычайно торжественно и получило огласку на территории всей Западной России. Подобно Константину Острожскому, Евфросиния стала постоянно фигурировать в заметках и поучениях, издавались ее жития [12, 1910, № 11–12]. Едва ли большим преувеличением будет утверждение, согласно которому в то время имя святой упоминалось в тексте практически каждой проповеди.

Наконец, в-четвертых, на начальном этапе Первой мировой войны население России испытало масштабный патриотический подъем, выразившийся не только в не любви к общему врагу – немцам и всему немецкому [6], но и в действительном национальном сплочении. Во многом оно было вызвано «мобилизацией» исторических образов, имевших как общероссийское, так и локальное значение. Снова вступили в дело Минин, Пожарский, Гермоген. Писались статьи об Александре Невском и борьбе с немцами в предыдущие века. Использовались самые разные образы, включая, например, Грюнвальдскую битву, которая была интерпретирована как борьба «православного Востока» со злонамеренным «католическим Западом» [14, 1915, № 19–20]. Периодическая печать все того же Смоленска адаптировала образ главного местного святого – Меркурия Смоленского, и писала о нем в связи с великими защитниками русской земли: Меркурий предстал во главе воинства Минина и Пожарского, сражающегося против захватчиков. Естественным образом, наиболее активно «мобилизовывались» святые, являвшиеся воинами или хотя бы отчасти почитаемые как воины. Так, помимо фигур Александра Невского и Меркурия Смоленского, обращались к преподобному Аркадию Вяземскому, который, по преданию, в 1661 г. отогнал от города подступавших литовцев [14, 1914, № 12]. Дополнительным поводом для всплеска патриотизма стало всеобщее ликование по поводу «возвращения» в лоно Российского государства считавшейся исконно русской Галиции – территории, некогда несправедливо отторгнутой западными захватчиками и теперь, наконец, возвращенной под скипетр дома Романовых, преемников Рюриковичей [4, 1914, № 3; 7, 1915, № 5–9].

Надо сказать, что масштаб того патриотического подъема, который охватил страну в 1914 г., говорит о том, что политика Российской империи на соответствующем направлении была вполне успешной. Апелляция к общероссийским и региональным историческим образам, а также местным святым была ближе большинству населения России и эффективнее способствовала формированию чувства национальной общности, чем те коммеморативные практики, которые имели место при предшественниках Николая II. Памятники, перенесение мощей свя-

тых и устные проповеди давали возможность приобщиться к национальной идее в том числе и неграмотной части населения, которая все еще была достаточно велика. Однако, по всей видимости, соответствующая деятельность российских властей была начата слишком поздно. Состояние, при котором, как удачно сформулировал П. Нора, мемориальное наследие «...является репрезентативным для коллективной идентичности в ее целостности, для всего социального организма как единства» [9, с. 137], в Российской империи начала XX в. лишь начинало складываться. Вероятно, незаконченность процесса модернизации инструментария нациестроительства и внедрения в него современных идеологических практик и стала одной из причин того, что Российская империя в начале XX в. не смогла ответить на вызовы современности и в итоге прекратила свое существование.

Библиографический список

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.
2. *Бендин А. Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск: БГУ, 2010.
3. Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. Вильна, 1907–1916.
4. Гродненские епархиальные ведомости. Гродно, 1901–1915.
5. *Долбилов М. Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
6. *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
7. Минские епархиальные ведомости. Минск, 1868–1920.
8. Могилевские епархиальные ведомости. Могилев-на-Днепре, 1883–1917.
9. *Нора П., Озуф М., де Пуимеж Ж., Винок М.* Франция-память. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1999.
10. Памятная книжка Минской губернии ... [по годами]. Минск, 1845–1917.
11. Памятная книжка Могилевской губернии ... [по годам]. Могилев-на-Днепре, 1853–1916.
12. Полоцкие епархиальные ведомости. Витебск, 1874–1918.
13. Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 97.
14. Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1865–1918.
15. *Уортман Р. С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004.

Г. С. Купалов,

доцент, Московский городской педагогический университет

В. А. Купалова,

преподаватель, Московский городской педагогический университет

РОЛЬ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

В статье рассматривается проблемы формирования коммуникативной культуры и ее роли в профессиональной деятельности будущих педагогов. Рассматриваются особенности формирования коммуникативных компетенций студентов в условиях дистанционного обучения. Анализируются формы и методы организации образовательной деятельности с учетом ведущей модальности человека.

Ключевые слова: коммуникативная культура, педагогическое общение, коммуникативная деятельность педагога, гуманизация образования.

G. S. Kupalov,

Associate Professor, Moscow City Pedagogical University

V. A. Kupalova,

Professor, Moscow City Pedagogical University

THE ROLE OF COMMUNICATIVE CULTURE IN THE FORMATION OF FUTURE TEACHERS

The article deals with the problems of formation of communicative culture and its role in the professional activity of future teachers. The article deals with the peculiarities of the formation of students communicative competencies in the conditions of distance learning. The forms and methods of organizing educational activities are analyzed taking into account the leading modality of a person.

Key words: communicative culture, pedagogical communication, communicative activity of a teacher, humanization of education.

Гуманизация образования выдвигает новые требования к профессиональной культуре педагога, важным компонентом которой является коммуникативная культура. Коммуникативная культура будущего педагога проявляется в непосредственном межличностном общении с коллегами, обучающимися и их родителями. Следовательно, культура педагогического общения – условие успешности образовательного процесса и комфортности педагога в его профессиональной деятельности.

В работах А. А. Бодалева, Н. В. Кузьминой, А. А. Леонтьева, А. Н. Мудрика, А. И. Щербакова и других отводится большая роль общения в труде педагога. Вместе с тем, именно в этой области возникают проблемы, в связи с переходом образовательных учреждений, в том числе и профессиональных (педагогического профиля) на дистанционную форму обучения, поэтому *в условиях «удалёнки» важно не растерять навыки общения преподавателя с обучающимися, а также проанализировать особенности организации образовательной деятельности в новых условиях.*

Известный специалист в области педагогического общения В. А. Кан-Калик, обращая внимание на значимость коммуникативной культуры педагога, выделяет в структуре процесса обучения две подсистемы: дидактическую (содержательную) и коммуникативную (формобразующую) и вводит особое понятие «коммуникативная деятельность педагога». Коммуникативная деятельность, по мнению ученого, составляет основу педагогического труда, являясь одновременно его главным профессиональным инструментом, поэтому совершенствование форм педагогического общения является одной из важнейших проблем профессиональной подготовки будущего педагога. [2]

В арсенале коммуникативных компетенций будущего учителя должны быть навыки как вербального, так и невербального общения, выразительность голоса необходимо подкреплять актерским мастерством. Именно на это обращает внимание А. С. Макаренко, говоря о том, что «Нужно уметь читать на человеческом лице, на лице ребенка, и это чтение может быть даже описано в специальном курсе. Ничего хитрого, ничего мистического нет в том, чтобы по лицу узнавать о некоторых признаках душевных движений. Педагогическое мастерство заключается и в постановке голоса воспитателя, и в управлении своим лицом... Педагог не может не играть» [3].

Практика работы в условиях «удалёнки» убеждает, что нахождение обучающихся в условиях вынужденной изоляции приводит к депрессии или, как говорят медики, к дидактогенному неврозу. Он возникает у ребенка из-за неблагоприятных отношений, складывающихся в учебном взаимодействии. Для создания здорового нравственно-психологического климата на занятиях важно, конечно, видеть студента во время его ответов, но решающую роль играет возможность студентам видеть преподавателя, ощущать его эмоциональное присутствие на занятии. Мы убеждаемся, что стремясь к конгруэнтности логического и образного мышления, преподавателю важно не прятать эмоции, поскольку они помогают вызвать встречное переживание, а это в настоящее время один из принципов лично ориентированного образования. Дополнительную информацию студентам дает так же взгляд

преподавателя, поскольку именно глаза как зеркало души играют важную роль в выражении мыслей, чувств и взаимоотношений.

Для того чтобы овладеть методами продуктивного общения преподаватель обязан прилагать усилия, в любой ситуации сохранять самообладание, терпение и оптимистическое настроение. Вспомним советы Дейла Карнеги, признанного мастера делового общения: улыбайтесь, будьте доброжелательны, радушными, искренне интересуйтесь другими людьми, будьте хорошими слушателями (для педагога – это важнейшая профессиональная черта), внушайте собеседнику сознание его значимости и делайте это искренне. На наш взгляд, эти правила надо соблюдать всем преподавателям, которые работают в условиях «дистанта», для того, чтобы избежать конфликтных ситуаций.

В. А. Сухомлинский, в свою очередь, призывал педагогов управлять тоном своего обращения к учащимся, советовал обращаться к ним не специальным лекционным тоном, а тоном обычного разговора [4].

Современные ученые Т. Ю. Андрущенко и В. В. Кисляков выделяют группы основных коммуникативных умений профессионального общения учителей. К ним относятся:

А) *Умения межличностной коммуникации*: умение передавать рациональную и эмоциональную информацию; пользоваться вербальными и невербальными средствами передачи информации; организовывать и поддерживать диалог; умения активного слушания.

Б) *Умения межличностного взаимодействия*: умение организовывать совместную деятельность; управлять групповой динамикой; занимать адекватную ролевую позицию; оказывать психологическую поддержку; занимать позицию конструктивной конфронтации; конструктивно разрешить конфликт.

В) *Умения восприятия и понимания других людей*: умение ориентироваться в коммуникативной ситуации; понимать эмоциональное состояние партнеров по общению; распознавать скрытые мотивы и психологические защиты [1, с. 30].

Практика организации образовательной деятельности в дистанционном режиме убеждает, что, прав был древнегреческий философ Сократ, который оставил нам секрет продуктивного диалога, который можно выразить пословицей: если хотите быть интересным (например, обучающимся), будьте заинтересованным. Считаем, что современного педагога необходимо учить этике общения с детской аудиторией и демонстрировать ее на практике: прежде чем, критиковать студента за промах в образовательной деятельности, похвалите, поощрите его, критикуйте не обучающегося, а его работу, проявляя уважение к человеческому достоинству.

Опрос студентов показал, что им нравятся преподаватели добрые, с чувством юмора, которые на занятиях используют игры, но при этом отдают должное и таким качествам, как строгость, требовательность, но только чтобы они сочетались со справедливостью. Таким образом, гуманизация образования в условиях пандемии предполагает не только изменение стиля мышления, позиции отдельного педагога, но и создания на занятиях атмосферы доверия, взаимоуважения, взаимной поддержки и единой направленности на повышение общей и коммуникативной культуры.

В этой связи, в ходе профессиональной подготовки в нашем университете для формирования коммуникативных компетенций будущих учителей считаем целесообразным проводить занятия с использованием на занятиях кейс-ситуаций, обсуждения видеосюжетов с конфликтными педагогическими ситуациями, а также проведение ролевых игр. На занятиях социально-гуманитарного цикла проводятся дискуссии, даже в условиях дистанционного обучения. Например, студенты обсуждали проблему клонирования человека, приводя аргументы в защиту или отрицание перспективы развития науки в этом направлении. В условиях дистанционного обучения широко используется проектная деятельность студентов и представление работы с использованием презентации с последующим обсуждением результата проекта. Данные формы организации учебной деятельности позволяют, как отмечал А. Н. Леонтьев, благодаря оптимальному педагогическому общению создавать наилучшие условия для развития мотивации и творческого характера учебной деятельности, для формирования личности будущего педагога. Оно обеспечивает благоприятный эмоциональный климат обучения, препятствует возникновению психологического барьера, позволяет преподавателю отказаться от монолога, цель которого – трансляция учебного материала на занятии, дает возможность актуализации личного опыта студентов и таким образом получить обратную связь.

Вместе с тем, организация занятий в режиме онлайн с использованием презентаций обнаружила проблему, связанную с тем, что студенты стараются переписать учебную информацию, представленную в ней, но часто не воспринимают то, что преподаватель произносит в своем комментарии – объяснении содержания темы занятия. Иными словами, обнаружилась разница между понятиями «слышать» и «слушать». Студенты слышат преподавателя, т. е. физиологически воспринимают звук, информацию определенного значения, но не слушают – не сосредотачивают внимание, сознание и волевое усилие на анализе содержания учебного материала. Для того, чтобы включить сознание и внимание наших студентов, им предлагается информация под запись, а затем

преподаватель просит определенных обучающихся зачитать, то что они записали. Другой вариант, когда студенты самостоятельно систематизируют информацию в виде таблицы и сдают ее на проверку в конце урока. Активизирует внимание студентов, например, постановка проблемных вопросов или просьба поделиться своим суждением по какому-либо положению, высказанному преподавателем. Напомним, что переход от монологической, фронтальной передачи учебной информации к освоению интерактивных форм и методов обучения, к диалогу и полилогу требуют от современного учителя умения внимательно слушать и следить за ходом мыслей своих воспитанников, чтобы быть не только транслятором знаний, но и организатором учебного взаимодействия. Именно эти качества являются показателем коммуникативного потенциала личности, который является значимым для успеха будущей педагогической деятельности.

При подготовке к занятию преподаватель обязан помнить, что до 14 лет у ребенка в равной степени развиваются все виды памяти: зрительная, слуховая, память на ощущения, а с возрастом начинает преобладать одна, которая является ведущей модальностью человека. Разнообразие форм и методов организации учебной деятельности, принцип наглядности, опора на жизненный опыт обучающихся, внимание к мотивационно-потребительской сфере личности – все эти требования дидактики учитывают психологические особенности восприятия учебного материала, трехканальный доступ информации: аудиальный, визуальный и кинестетический и позволяют повысить коммуникативный потенциал самого преподавателя и его учеников.

Таким образом, коммуникативная культура будущего педагога складывается из умения устанавливать контакт с участниками образовательной деятельности, прежде всего с ребенком. В свою очередь, для достижения ожидаемого результата, будущий педагог должен обладать практическими навыками межличностной коммуникации, знать основы социальной психологии, владеть технологией социального межличностного и межгруппового восприятия и понимания.

Библиографический список

1. Андрущенко Т. Ю., Кисляков В. В. Психология профессионального общения: метод. пособие. Волгоград: ВГПИ, 1990. 30 с.
2. Зарецкая И. И. Коммуникативная культура педагога и руководителя/ М.: Сентябрь, 2002. № 4. 160 с.
3. Макаренко А. С. Правильно воспитывать детей. Как? М.: АСТ, 2013. 320 с.
4. Сухомлинский В. А. Собрание сочинений: учебное пособие. М.: Логос, 1999. 400 с.

Н. В. Лепетухин,

доцент, Ивановский государственный политехнический университет

ЛЮДИ – ИСЧЕЗАЮЩИЙ ВИД?

Проводимые в сегодняшней системе образования изменения приводят, во многом, к обесцениванию процесса познания, коммерциализации населения, примитивизации всех слоёв общества. Автор ставит вопрос: как этого исправить? И предлагает гипотетический ответ.

Ключевые слова: система образования, язык, социальные институты, высшая школа.

N. V. Lepetukhin,

Associate Professor, Ivanovo State Polytechnical University

ARE HUMANS AN ENDANGERED SPECIES?

The changes carried out in the current education system lead, in many respects, to the devaluation of the process of cognition, the commercialization of the population, and the primitivization of all layers of society. The author poses the question: how to fix this? And offers a hypothetical answer.

Key words: education system, language, social institutions, higher school.

Обычно, громче всех лопочут самые глупые, или нищие (т. е. люди постоянно нуждающиеся: в уме, независимо от их образования, или деньгах, вне зависимости от их дохода). Иногда мне кажется, что многие современные средства массовой информации сумели счастливо соединить в своих рядах обе последние категории людей, как бы показывая и обозначая для нас (читателей, слушателей и зрителей), для нашего удобства, кого нужно обходить стороной с закрытыми глазами и ушами. Беззаботно скользя по поверхности научного знания, поднимая пену и брызги, не всегда бесполезные, «информационщики» заботятся главным образом о двух вещах: о большем охвате населения; и, как следствие, наибольшей прибыли от продажи произведений своего «информационного искусства». Не заботятся они о главном – языке, который незаметно превращают в набор бездумных клише, множущихся с поразительной скоростью, ограничивая действительное понимание того, что происходит вокруг. Беззаботно относятся к языку и школьные учителя, и преподаватели вузов. Те, кто в силу своей профессии должны привить школьникам и студентам трепетное и осторожное отношение к языку и речи, сами оказываются в плену ходульных мыслительных штампов.

Вселенная бесконечно сложно устроена. Это устройство не зависит от человека, а её сверх сложность проявилась не в эпоху появления «информационного общества» и не создана людьми с помощью «квантовых компьютеров», «искусственного интеллекта» или ещё каких-либо невнятных придумок полуграмотных (т. е. философски неподготовленных) инженеров, возмнивших, что им удастся расколоть «орех знания». Попытки донести знание, «переработать» его и заработать на постоянно нарастающей количественной информации об окружающем мире принципиально обречена на надрыв интеллекта и подчинение людей гаджетам и огромным автоматическим информационным системам обработки данных. Незаметно для всех, и прежде всего для себя, человек становится придатком электронно-вычислительной техники. И эта прикованность пользователей к превосходным клавиатурам и экранам основана на «худом» языке, сквозь который утекает разумность. Этими языковыми «дырами» являются мыслительные шаблоны, устремляющие человека к «эффективности». Порой кажется, что пора провести эксперимент по замене хотя бы отдельных слов в нашем языке, типа: «кризис», «реформы», «информация» и т. д. Почти не возможно подтолкнуть к самостоятельному, творческому мышлению детей и подростков, прошедших через сито ЕГЭ или курсы дистанционного образования и «вооружённых» смартфонами.

Катастрофическое социальное расслоение, касающееся не только нашей страны, проявляется и закрепляется как раз в системе образования. Последняя, изнасилованная «реформой», выдавливает по капле из себя нищих и низкоквалифицированных учителей (как ни печально это констатировать) и заменяет их бесконечным тестированием и курсами дистанционного образования, созданные для дальнейшего обогащения именитых университетов и удобства бедного и небогатого населения. Очень важно в такой ситуации выжать из учеников и студентов «человечность», т. е. возможность ощущать собственную слабость, собственную свободу мысли, собственную ответственность перед собой, собственную гармоничность, возможность ошибаться и быть неэффективным, возможность видеть красоту и любовь и пр. Человечность людей уничтожается уничтожением гуманитарности в образовании. Человек становится механическим придатком к технике, прищёпком к ней, но с постоянной болтовнёй о своей всемогущности и оптимальности.

Вот в чём проблема человека – остаться человеком, сохранить свою человечность в окружении безумно удобных гаджетов. На мой взгляд, невыполнимая сегодня задача для большинства наших несчастных детей и их родителей.

Общество, образно говоря, сплетается из глубины веков, как канат из множества нитей. Этими нитями являются «естественные» и

«искусственные» социальные институты, связанные с природой (кровное родство и пр.) коллектива и человека, или с его культурой, т. е. специально созданные общественные институты (церковный, образовательный и пр.). Все социальные институты выполняют определённые функции, связанные с различными, разноуровневыми потребностями людей, скрепляющие всё это идеей общности появления и дальнейшего существования этих людей. И крепость этого каната-общества (-нации, -народа, -этноса) будет зависеть от прочности нитей, от способности общественных институтов самих приспосабливаться, сохраняя свои традиции, к меняющемуся миру, так, и что первично, помогать в этом отдельным желающим людям. Высшая фундаментальная потребность человека – потребность познания как окружающего мира, так, одновременно, и самого себя. В разной степени все общественные институты призваны помочь людям в этом бесконечном труде.

Система образования в обществе не монолитна и состоит из взаимодействующих между собой частей, выражающих природную потребность человека к учению (детский сад, младшая, средняя, высшая и другие школы), и выращенных на них элементов системы, специально для каждой эпохи, поддерживающих этот постоянный процесс (различные соответственные министерства и ведомства). Учитывая кардинальную важность этого института для людей, институт образования является наиболее консервативным, т. е. «внутренне» неизменным и центральным. Прежде всего семья должна подтолкнуть ребёнка к тому, чтобы выбрать на путь познания, а вся система образования – помогать и поддерживать его в нелёгком и, в общем-то, непредсказуемом деле.

Движение по пути познания – непредсказуемо, т. е. сопровождается его ускорениями и замедлениями, остановками и порывами в обратную сторону. Зависит это движение от реакции внешней среды и внутреннего состояния отдельных людей и общества в целом. И, конечно, «формальные» общественные (государственные, это не имеет здесь значения) должны содействовать прокладыванию дороги по этому пути в виде разработки «реформы образования». Ошибка нынешних изменений в нашей системе образования, на мой взгляд, состоит в излишней формализации главной потребности человека, замена действительного поиска и движения системы образования иллюзией этого движения и витиеватым заполнением бумаг, создающих видимость безопасности общественных групп их создающих. Как мне думается, возможно это, во-первых, только при падении уровня массового образования, который сопровождается увеличением количества выданных дипломов разных уровней и ростом полученных «баллов» при проведении проб и экзаменов, при их фактическим обесценивании. И, во-вторых, при распространении в обществе лицемерия, становящегося чаще всего полупрозрачным

ным, необходимым и поощряемым. В таком малопригодном виде институт образования у нас будет лишь запутывать общество, заставляя его кружиться на месте и совершать рискованные и лишние испытания на прочность всего каната-общества-государства.

Возможным выходом из этой ситуации, как мне кажется, хождения по кругу будет особое, бережное отношение к родному языку и мышлению, как отдельных людей, так и целых групп, например, журналов и учителей, отказ от изменений, произошедших в системе образования, и приведших к её редукции, и, что самое неприметное, но важное, развития в людях ответственности к самому себе, а затем к обществу.

УДК 21

А. Н. Лещинский,

профессор, Казанский федеральный университет

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЛИГИЙ В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА-ПРОТОИЕРЕЯ А. В. СМИРНОВА (1857–1933)

В статье характеризуется начальный этап формирования научного знания о религии в России на рубеже XIX–XX вв. Исследуется научный и творческий путь протоиерея, профессора Казанской духовной академии, Казанского Императорского университета А. В. Смирнова. На основе анализа работы «Курс истории религий» в статье выделены и охарактеризованы методологические принципы, которыми руководствовался профессор А. В. Смирнов в исследованиях истории религий, дается подробный анализ принципов классификации религий.

Ключевые слова: история религиоведения, казанская духовная академия, казанский императорский университет, история религии, классификация религий.

A. N. Leshchinsky,

Professor, Kazan Federal University

CLASSIFICATION OF RELIGIONS IN THE WORKS PROFESSOR-ARCHPRIEST A. V. SMIRNOV (1857–1933)

The article describes the initial stage of the formation of scientific knowledge about religion in Russia at the turn of the XIX–XX centuries. The article examines the scientific and creative path of Archpriest, professor of the Kazan Theological Academy, Kazan Imperial University A. V. Smirnov. Based on the analysis of the work "Course of the History of Religions", the article identifies and characterizes the meth-

odological principles that guided Professor A. V. Smirnov in the study of the history of religions, and provides a detailed analysis of the principles of classification of religions.

Key words: history of religious studies, Kazan Theological Academy, Kazan Imperial University, history of religion, classification of religions.

В современной России знакомство с трудами Александра Васильевича Смирнова – богослова, исследователя истории религий, трудившегося в Казанской духовной академии, Казанском Императорском университете и в учебных заведениях Санкт-Петербурга, церковно-общественного деятеля началось лишь в 2007 году. Тогда в одном из московских издательств был опубликован его «Курс истории религий» [4]. Впервые же книга вышла в свет за 100 лет до этого в Казани в 1908 году и не переиздавалась. На рубеже XIX–XX веков, когда наше отечественное религиоведение получило новый импульс в своём развитии, когда появилась необходимость разрабатывать вузовские предметы «Религиоведение» и «История и теория религии», вспомнили отечественных исследователей, которые внесли ощутимый вклад в изучение истории религии и её преподавание. Дстойное место в ряду таких исследователей занимает профессор из Казани А. В. Смирнов. Во-первых, его труды имели и ныне имеют большое значение в составлении учебных курсов по различным религиоведческим направлениям. Во-вторых, имеет актуальное научное значение отношение Смирнова к истории религии как к науке и его обращение к классификации религиозных разделений. Обращение к трудам Смирнова оказалось чрезвычайно необходимым. К указанному времени в России появилось большое число нетрадиционных религий и новых религиозных движений. Встала проблема изучения всего этого многообразия, которая и поныне остается актуальной. Без типолого-классификационной работы невозможно постичь и их происхождение, и вероучительные особенности и религиозную практику. В-третьих, знание типолого-классификационных особенностей религий помогает проведению межрелигиозных и межцерковных диалогов, одной из целей которых является предотвращение конфликтов, возникающих на религиозной почве.

Трудясь в Казани А. В. Смирнов вплоть до конца 90-х годов, занимался исследованиями ветхозаветной истории, переводом литературы, включая и апокрифическую. К примеру, те произведения в которых нашли отражение апокалиптические и мессианские настроения перед пришествием Иисуса Христа. В 1888 году за сочинение «Книга Еноха» был удостоен степени магистра богословия. В 1900 году за диссертацию «Мессианские ожидания и верования иудеев во времена И. Христа» получил степень доктора богословия [5]. Затем приступает к подготовке систематического изложения общей истории религии.

На основе его опубликованных текстов, можно судить о том, что им были глубоко изучены труды по истории религии многих зарубежных и отечественных авторов. К ним и мы до сих пор обращаемся.

После долгого сбора эмпирических материалов и их обобщений встал вопрос как систематически изложить всю многотысячелетнюю историю религии во всём её многообразии какие применить методы для изучения. Именно с середины XIX в. представители различных отраслей знаний: истории, лингвистики, этнографии, филологии, философии начинают заниматься классификацией и типологизацией религий. К рубежу XIX–XX вв., когда о. Александр приступил к глубокому изучению истории религии, западными и отечественными учеными, а также богословами и церковными историками духовных академий Православной российской церкви уже были составлены общие классификации религий или сделаны предложения по их составлению: Гегель Г. Ф., Мюллер М., Тиле К., Фейербах Л., Шантепи де ла Соссе, Глаголев С. С., епископ Хрисанф (Ретивцев) и др. [2].

В 1908 г. по постановлению Совета Казанской духовной академии издаётся «Курс истории религий» А. В. Смирнова.

Изложению истории религий он предпослал теоретико-методологическую часть, в которой отдельный параграф (13) [6, с. 60–71] посвятил классификации религий. В самом его начале он отмечает, насколько трудна типолого-классификационная работа: «Если принять, – отмечает автор, – во внимание значительное и не поддающееся более или менее точному подсчету число разнообразных религий, исповедовавшихся и донныне исповедуемых разными народами и племенами, то не трудно будет понять, как трудно разобраться в этом дремучем лесу» [6, с. 60]. Только к XXI веку утвердилась классификация религий, которую признаёт во всяком случае большинство наших отечественных исследователей и преподавателей науки о религии. Но как выясняется путь к ней был долог и не прост. Можно так сказать – в изучении истории религии есть и история её классификации. На её не простой путь указывает множество появившихся за последние полтора века классификаций религий. Наиболее выдающиеся приводит в своём труде А. В. Смирнов. Причём, не просто даёт их описание, но анализируя, выявляет их положительные стороны и недостатки. Вскрываются и причины, по которым те или иные классификации не выдерживают критики.

Во всём многообразии религий, применяя диалектический принцип всеобщей связи и единства противоположностей и сравнительный метод, исследователям не трудно было заметить их сходство и различие. Но сразу вставал вопрос, и он один из главных в типолого-классификационной работе – на основе каких принципов или как в наше

время мы говорим, критериев выявляются сходства и различия? Смирнов им уделяет большое внимание, анализируя до него составленные классификации. Часть исследователей классифицировали религии на основании этнографического принципа, относя к одному классу те религии, которые исповедовались народами, родственными по происхождению и языку. Однако, как отмечает Смирнов, при таком принципе христианство и буддизм должны остаться вне классификации, как религии не национальные, а универсальные; они имеют исповедников в среде всех рас и народов. Таким образом, указанный критерий этнографического родства является совершенно случайным и мало характерным для религий [6, с. 61].

В то время был популярен принцип деления религий по способу их происхождения. К ним относили естественно разывшиеся в известном народе и основанные (их ещё называли пророческими) отдельными лицами или как мы скажем, духовными лидерами. Однако, по мнению Смирнова, «и этот принцип не может лечь в основу научной классификации религий, так как о происхождении многих религий мы ничего не знаем» [6, с. 62]. Правда, имея в виду нашу современность – особенно век XX, когда в мире появилось много создателей с пророческими наклонностями нетрадиционных религий, этот принцип активно используется современными религиоведами.

Своё суждение Смирнов высказывает и по делению религий на монотеистические и политеистические. При всём установленном распределении религий по вере в то или иное количество божеств о. Александр задаётся вопросом: «...куда отнести, например, дуализм персов, атеизм первоначального буддизма, катенотеизм некоторых натуралистических религий и т. д.?» [6, с. 64].

Положительные оценки историк религий даёт уже давно применяемому учёными морфологическому принципу, т. е. постепенного роста и развития. На его основе все группы религий могут быть представлены как ступени лестницы, начиная с низших и грубейших и кончая самыми возвышенными. Однако, имея в виду данную классификацию, Смирнов предупреждает, что и при её осуществлении исследователь может встретиться с самыми неустраняемыми затруднениями. Возникнет проблема аксиологического содержания. Прилагаемое к религиям понятие развитие неминуемо вызывает такие оценочные характеристики как выше и ниже. «Выше ли, – задаётся вопросом Смирнов, – например, греко-римская религия ведаизма и браманизма и, если выше, то почему?» [6, с. 64]. Всплывает и другой вопрос в связи с построением морфологической классификации: прямолинеен ли путь развития религии? Сама идея постепенного и прямолинейного развития религий, по убеждению Смирнова, подлежит большому сомнению.

Историк религии уделяет внимание классификации Г. Ф. Гегеля, которая завершается у него абсолютной религией и, которая примиряет обе идеи, – Бога, как объект, и субъект (христианство); немецкого философа Германа Зибекка – с заложенной в ней идеей спасения; голландского философа и теолога Корнелия Тиле – с его делением религий на натуралистические и этические. В каждой из них Смирнов находит те или иные недостатки и противоречия.

Долгое время существовало деление религий на истинные и ложные. Следует отметить, что оно решительно сдерживало исследование религии с научных позиций. В европейской среде первенствующей религией считалось христианство как религия истинная. Превалировала нетерпимость ко всем нехристианским религиям. К примеру, язычество относили к самому грубому суеверию и к нечто недостойному для изучения. Профессор-протоиерей соглашается с тем, что такое деление имеет глубоко значение для людей искренней веры, для которых оно является самым естественным. «Но, – по убеждению составителя "Курса...", – научное беспристрастие требует, чтобы ученый исследователь занимал совершенно объективное положение по отношению ко всем формам религии» [6, с. 63–64]. Для человека науки, далее пишет Смирнов, ссылаясь на классика мирового религиоведения (К. Тиле) «все религиозные формы суть просто лишь объекты исследования, различные языки, в которых выражается религиозный дух, пути и средства, которые дают ему возможность дойти до познания самой религии, стоящей выше всех этих форм». И далее, объясняя такое отношение учёного к религиям, пишет, что вовсе это не есть выражение религиозного скептицизма, отсутствие собственных твердых и серьезных религиозных убеждений. «Можно оставаться глубоко религиозным человеком и в тоже время относиться с полным научным спокойствием и беспристрастием к другим формам религиозной веры. От такого беспристрастия религиозная истина может только выиграть в своей ясности, глубине и очевидности» – заключает, преодолевая свою конфессиональную принадлежность, православный богослов [6, с. 64].

Наконец, одной из самых удачных классификаций, по мнению Смирнова, может быть признана та, которая была составлена немецким учёным Иоганном Себастьяном Дреем, который предложил деление религий на национальные и всемирные. Не принимая в полном виде ни одной из предложенных классификаций, Смирнов дополнил классификацию, Дрея, и разделил религии на племенные, национальные и мировые. Знакомясь с отечественными современными исследованиями, учебниками и учебными пособиями, можно заметить, что они строятся именно на классификации религий, так и назовём «Дрея – Смирнова». Именно

на эту типологизацию ссылались участники научно-практической конференции «Классификация религий и типология религиозных организаций», состоявшейся в Москве в МГУ им. М. В. Ломоносова 20 марта 2008 года [3]. Правда, в отличие от казанского историка современные отечественные религиоведы не включают иудаизм в тип «мировые». Терминологически первые два типа определяются как родоплеменные и народно-национальные.

Таким образом, протоиерей Александр Смирнов, профессор Казанской духовной академии и Казанского Императорского университета на рубеже XIX–XX веков проанализировал и обобщил до него предложенные классификации религий. В итоге была составлена классификация, на основе которой исследуется процесс религиозного творчества и излагаются современные религиоведческие систематические курсы истории религии. Вот такая связь времён – века XXI с XIX и преемственность.

Библиографический список

1. Выпускники Казанской духовной академии 1846–1920 гг. URL: <https://petergen.com/bovkalov/duhov/kazda.html>..... (дата обращения: 06.06.2020).

2. Гегель Г. В. Ф. *Философия религии*: в 2 т. М.: Мысль, 1975; Мюллер М. *Введение в науку о религии*. М., 2002; Тиле К. *Основные принципы науки о религии // Классики мирового Религиоведения*. М., 1996; Фейербах Л. *Лекции о сущности религии // Избранные философские произведения*: в 2 т. М., 1955; Шантени де ла Соссе. *Иллюстрированная история религий*: в 2 т. 2-е изд. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1992; Глаголев С. С. *Очерки по истории религий*. Сергиев Посад: Св.-Троиц. Сергиева лавра, собств. тип., 1902; Хрисанф (Ретивцев), еп. *Религии древнего мира и их отношение к христианству*. СПб., 1873. Т. 1.

3. *Классификация религий и типология религиозных организаций / ред. И. Я. Кантеров и др.* М.: ТиСО, 2008. 214 с.

4. Смирнов А. В. *Курс истории религий*. М.: ФОНДИВ, 2007. 468 с.

5. Смирнов А. В. *Книга Еноха*. Вып. I, Казань, 1888); *Его же*. *Нагорная проповедь Иисуса Христа*. Вып. I, Вольск, 1888); *Его же*. *Мессиянские ожидания и верования иудеев около времен Иисуса Христа*. Казань, 1899; и др.).

6. Смирнов А. В. *Курс истории религий*. Казань: Типо-Литография Императорского Университета, 1908.

Л. В. Лукьянчикова,

доцент, Московский государственный юридический университет

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ НАРОДОВЛАСТИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ 1930–1940-х гг.

Представлен обзор отдельных исследований отечественной политико-правовой мысли периода 1930–1940-х гг. о современном состоянии и перспективах развития советского народовластия.

Ключевые слова: прямое народовластие, диктатура пролетариата, представительная демократия, Советы.

L. V. Lukyanchikova,

Associate Professor, Moscow State University of Law

STUDY OF THE PROBLEM OF DEMOCRACY IN THE DOMESTIC LEGAL THOUGHT OF THE 1930s–1940s

The article presents a review of individual studies of domestic political and legal thought of the period of the 1930s–1940s on the current state and prospects for the development of Soviet democracy.

Key words: direct democracy, dictatorship of the proletariat, representative democracy, Soviets.

В 1930–1940-е гг. в отечественной науке исследование феномена народовластия проходило в соответствии с установками и понятийным аппаратом, выработанными к тому времени официальной идеологией. Работы вождей революции и видных государственных деятелей, прежде всего, В. И. Ленина и И. В. Сталина явились тем необходимым базисом, который послужил развитию политико-правовых воззрений ученой общественности заявленного периода. Так, оптимальными и естественными институтами осуществления народовластия по-прежнему оставались его представительные формы, заявленные таковыми в решениях Коммунистической партии, конституционных и других законодательных актах. Относительно реализации прямого народовластия, И. В. Сталин, выступая в Свердловском университете в июне 1925 г. говорил, что «предвидя дальнейшее расширение демократии в будущем», необходимо однако «ограничить в данный момент уступки по линии демократии», которые будут расширяться по мере роста народного хозяйства,

укрепления хозяйственной и политической мощи пролетариата, развития революционного движения на Западе и Востоке, усиления международных позиций Советского государства» [8, с. 183–185].

Однако к середине 1930-х общественно-политическая ситуация в СССР изменилась, возникла необходимость в принятии новой Конституции, и лидер советского государства отмечал, что с учетом общественно-хозяйственных достижений СССР «страна созрела для демократических новелл». Под сдвигами и изменениями в стране И. В. Сталин подразумевал сформированное ко времени обсуждения проекта Основного закона бесклассовое социалистическое общество с полным устранением экономических и политических противоречий между его составными элементами (рабочими, крестьянами и интеллигенцией) [9, с. 124–131]. Принятая в 1936 г. Конституция СССР действительно демонстрирует расширение и совершенствование социалистической демократии. Это выразилось в конституционном закреплении максимума (на тот момент времени) предоставления социальных гарантий, упразднения классового неравенства, введения всеобщего избирательного права, учреждения института референдума как всенародного опроса. Отменялось лишение политических прав отдельных социальных групп. Советскими правоведами данный этап конституционного строительства был принят очень положительно. Типичной в этом отношении, является изданная в 1938 г. статья И. Трайнина, с тенденциозной оценкой обеспечения народного суверенитета в условиях диктатуры рабочего класса. В выводах исследователь акцентирует внимание на то, что в настоящих советских условиях, понятие «народ» получило другой смысл, теперь прававсем гражданам не только провозглашаются, но и гарантируются, а народ является сам источником власти [10].

В монографии В. Дорогина подчеркивалось, что особенность правления стран народной демократии заключается в верховенстве представительного органа власти, и таковым являются Советы, как самые демократические организации, непосредственно организующие и объединяющие всех трудящихся под единым руководством коммунистической партии. В целом заключал ученый, суверенитет в советском государственном праве принадлежит народу, как совокупности советских граждан в лице Советов, так как это провозглашено Конституциями РСФСР 1918 г. и СССР 1936 г. Автор отмечал, что положения народного суверенитета, закрепленного «на более высокой стадии в Сталинской Конституции», выражены в упразднении классовых преимуществ и провозглашении всевластия трудящихся, политически организованных в Советы. Это обусловило, согласно его мнению, позиционирование субъектом реализации народовластия, прежде всего,

советские представительные органы, решения которых, согласно законам, имеют высшую юридическую силу. В отличие от буржуазного государственного права, указывал В. Дорогин даже такие формы советской прямой демократии как выборы, право отзыва, отчетность Советов, референдум, общественные организации и руководство ими ВКП(б) приобретают юридическую силу постольку, поскольку они наделяются таковой со стороны Советской власти. Например, решения профсоюзов имеют юридическую силу, если они изданы в порядке и в пределах, установленных Советской властью, или ею санкционированы [2, с. 65, 70–72, 192–205].

В обширном труде И. Д. Левина, вышедшего в 1948 г., социально-политическую сущность суверенитета представляет государство, как политическая организация господствующего класса, действующего через свои органы власти и опирающегося на свою экономическую мощь. Автор свидетельствовал, что впервые в истории, именно в Советском государстве осуществлена степень соответствия между политическим содержанием и юридической формой суверенитета, выраженных в непосредственном участии народа в управлении, всенародном представительстве, выборности и ответственности должностных лиц сверху донизу. При этом, согласно И. Д. Левину, выборность и ответственность не отделяются друг от друга, как в буржуазном государстве, а совместно распространяются на все органы. Заслуживает внимание обоснование ученым многостепенных выборов, лишение избирательных прав отдельных категорий граждан, руководящей роли рабочего класса и коммунистической партии в рамках суверенитета народа в «первой фазе развития Советского государства» [4, с. 62–63, 274–277].

О подлинно народной конституции, выражающей действительные интересы трудящихся масс и выдержанной в последовательном социалистическом демократизме, писал С. М. Равин. Он особенно выделял, что с возрастанием экономической и политической мощи СССР, права граждан действительно обеспечены, что демонстрирует подлинную реализацию народной воли и несомненное преимущество перед буржуазной моделью народовластия. Буржуазная конституция, по мнению ученого, не может обеспечить гражданам декларируемые в ней права, этому препятствует ее базовый принцип – принцип частной собственности и многочисленные цензы. Отсюда, заключает мыслитель, искажение всех провозглашенных прав и свобод, как например, свобода собраний и союзов, которая служит лишь для эксплуатации трудящихся и укрепления власти крупной буржуазии. Там, где методы буржуазной демократии не в состоянии обеспечивать господство политических классов, отмечает автор, там он прибегает к фашизму. В отличие от

своих коллег С. М. Равин допускал использование большевиками буржуазной демократии в интересах трудящихся – при проводимой Коммунистическим Интернационалом тактики единого народного фронта для борьбы против фашизма и войны [7, с. 6, 74–76; 8, 13–18].

Вместе с тем, следует отметить, что бескомпромиссное в первой трети XX столетия искоренение в СССР различных проявлений общественного сознания, отличного от официальной идеологии в отношении вопросов народовластия было все же обогащено и дополнено трудами ряда отечественных теоретиков права, получивших научную известность еще в дореволюционную эпоху. В первую очередь, это относится к видным представителям социологической школы – П. И. Стучке, Е. Б. Пашуканису [11].

Так, сформулированное П. И. Стучкой определение права соединило марксистско-ленинское учение и социологический подход, вобравший в себя отдельные идеи С. А. Муромцева (понимание права как системы общественных отношений) и Н. М. Коркунова (понимание права как средства разграничения интересов). При этом он выступал против любых попыток синтеза марксистско-ленинского учения и буржуазных представлений в системе советских властеотношений. Применяя социологический подход к перспективам развития отечественного народовластия, ученый видел в привлечении масс к управлению и контролю. При этом он подчеркивал, что, не умаляя тесного сплочения рабочего класса и крестьянства, и планомерной политики «смычки города и деревни», также следует сохранить на селе особого отряда трудящегося населения, занимающегося от поколения к поколению сельскохозяйственным трудом. Без этого, отмечал ученый, нельзя обеспечить эффективное сельскохозяйственное производство [1, с. 206; 3, с. 376].

Согласно воззрений Е. Б. Пашуканиса, основным отличием пролетарского государства от буржуазного является то, что «право» в условиях пролетарской диктатуры охраняет интересы трудящегося большинства и направлено на подавление враждебных пролетариату классовых элементов». При этом, пролетариат, по его мнению, должен критически отнестись не только к буржуазному государству и морали, но и к своему собственному [6, с. 23–24, 34–181]. Ученый отмечал, что при возможностях советской системы очень важно не ограничиваться выдвижением только отдельных, более развитых, способных и достойных представителей трудящихся, а «привлечь поголовно всю массу... ведь советское государство должно вовлекать в дело управления как раз самых отсталых, самых невежественных, самых робких, чтобы их развить и поднять».

Е. Б. Пашуканис предостерегал от бюрократизации Советов, профсоюзов, других общественных объединений граждан, в частности, выступал против изображения Советов как «правовой формы» диктатуры пролетариата, так как это не только юридически оформленное учреждение, резюмировал он, «это организационная форма, созданная творчеством многомиллионных масс и объединяющая их на государственной работе» [5, с. 39–40].

В целом укажем, что освещение феномена народовластия в работах советских мыслителей проходило в соответствии с имеющейся в дореволюционной отечественной юридической науке методологией и понятийным аппаратом, а также с имеющимся опытом проявлений демократии в первые годы советской власти. Социалистическое народовластие, закрепленное Конституцией СССР 1936 г. предстает в воззрениях ученых как совершенная модель общественной и государственной жизнедеятельности, гармонично сочетающая принципы народного самоуправления, широты социальных гарантий и централизма государственной власти. Основания для этого также имелись – права предоставлялись без цензов и ограничений, в стране отсутствовала безработица, имелось всеобщее бесплатное образование и целый ряд других реально действующих социальных гарантий, не достижимых для жителей стран передовой европейской и американской демократии. Справедливой в этом отношении выступает и критика советскими учеными различных институтов буржуазного права.

В числе значимых для мыслителей аспектов народовластия, мы наблюдаем обращение к его экономической составляющей, в том числе, к проблеме разумного регулирования отношений в советской деревне; опасение в тенденциях бюрократизации Советов и нивелирования, таким образом, демократических начал. При этом, для периода складывания авторитарного режима, работы содержат ярко выраженную политизированную направленность, однозначность и категоричность обобщений. Оценка учеными форм и методов усиления революционной бдительности трудящихся масс и органов пролетарской диктатуры, сопровождаемое нарушением прав и свобод граждан не допускалась, и любые противопоставления этому считались завуалированной изменой. Трагическая судьба Е. Б. Пашуканиса, в этой связи, является прямым тому доказательством. Вместе с тем, данные труды имеют научную ценность и в настоящее время являются востребованным наследием для дальнейших разработок, посвященных проблеме осуществления народовластия в России.

Библиографический список

1. *Бреев А. В.* О становлении политико-правовых взглядов П. И. Стучки // Управленческое консультирование. 2015. № 10. С. 206–212.
2. *Дорогин В.* Суверенитет в советском государстве и праве. М.: тип. Высш. парт. школы при ЦК ВКП(б), 1948.
3. *Дрибин Л. Г.* П. И. Стучка – теоретик и пропагандист марксизма-ленинизма: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1983.
4. *Левин И. Д.* Суверенитет. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
5. *Макеев И. И.* Государство и бюрократия в политико-правовой концепции Е. Б. Пашуканиса // Бизнес в законе. 2012. № 3. С. 38–41.
6. *Пашуканис Е. Б.* Общая теория права и марксизм // Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980.
7. *Раввин С. М.* Три конституции советского государства (1918–1924–1936 гг.). Л.: изд-во Лениблисполкома и Ленсовета, 1937.
8. *Сталин И. В.* Вопросы и ответы. Речь в Свердловском университете 9 июня 1925 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. М.: Гос. изд. полит. лит., 1952.
9. *Сталин И. В.* О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. М.: Писатель, 1997.
10. *Трайнин И.* К вопросу о суверенитете // Советское государство. 1938. № 2. С. 75–108.
11. *Фролова Е. А.* Рациональные основания права: классика и современность. М.: Проспект, 2020.

УДК 281.81

С. С. Михайлов,

научный сотрудник, Музей истории и культуры старообрядчества

ИЗ ИСТОРИИ АССИРИЙСКОГО ДУХОВЕНСТВА В РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XX в. НА ПРИМЕРЕ СУДЕБ ГЛАВ СЕМЕЙ ИШО И ПАРИС ИЗ ГОРОДА КИНЕШМА ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

После Первой мировой войны и геноцида христианского населения в Турции, в России оказалось относительно большое число беженцев-ассирийцев. Среди них в нашу страну попали и представители сельского приходского духовенства – священники и диаконы. В статье, опираясь на собственные полевые исследования, автор рассказывает о судьбе двоих из них, оказавшихся в городе Кинешма Ивановской области.

Ключевые слова: ассирийцы, диаспора, священник, диакон, Кинешма, семья.

S. S. Mikhailov,

Researcher, Museum of History and Culture of the Old Believers

**FROM THE HISTORY OF THE ASSYRIAN CLERGI IN RUSSIA
IN THE MID 20th CENTURY FOR EXAMPLE THE FATE
OF THE HEADS OF FAMILIES ISHO AND PARIS
FROM THE CITY OF KINESHMA IVANOVO REGION**

After the First World War and the genocide of the Christian population in Turkey, there were relatively large numbers of Assyrian refugees in Russia. Among them representatives of the rural parish clergy – priests and deacons also came to our country. In the article, based on his ethnographic research, the author tells about the fate of two of them who found themselves in the city of Kineshma in the Ivanovo region.

Key words: Assyrians, Diaspora, priest, deacon, Kineshma, family.

После 1915 года в России оказалось некоторое число представителей приходского духовенства Церкви Востока, священников (каша) и диаконов (шамаша) из сел, откуда происходили беженцы. Два представителя ассирийского приходского духовенства, родные братья, в результате событий XX ст. оказались на территории Ивановского края, а именно в городе Кинешма. Это каша (мы далее будем использовать для обозначения духовного сана героев нашего повествования ассирийские термины, поскольку именно ими они именуется в разговорах с самими ассирийцами) Юхан (литературный вариант – Юханна, на диалекте области Джилу, из которой происходили наши фигуранты – Яхонна) Парис, и шамаша Матвей (Мамат) Ишо. Их судьба во многом типична для представителей ассирийского духовенства, оказавшегося в России (шире – СССР) в результате трагических событий на востоке Турции, где в годы Первой мировой войны был развязан геноцид христианского населения.

Статья основана на полевых материалах автора, собранных в результате записи семейных воспоминаний потомков рассматриваемых лиц, проживающих ныне в Кинешме и Казани. Про Матвея (Мамата) Ишо, как о человеке, подвергшемся политическим репрессиям в 1938 г., есть краткая информация в книге известного современного ассирийского историка, архимандрита Стефана (Садо) [3, с. 364]. Автор этих строк вкратце упоминал о двух упоминаемых духовных лицах в своей книге «Верхневолжская Ассирия», где описывалась история диаспор четырех областей, включая городов Кострома и Кинешма, где проживали наши фигуранты [2, с. 143–144, 201–202].

Оба брата происходили из духовенства с. Алсан, находившегося до 1915 г. в ассирийской горной области-маликстве Джилу, следова-

тельно, принадлежали к локальной группе аласная независимого (аширетного) племени-миллетджильвая. Младший, Мамат, родился в 1899 г., года рождения старшего мы не смогли выяснить даже у потомков. Также нам никто не смог сообщить в какие годы оба служителя были посвящены в сан. Область Джилу была основным регионом древней епархии, которую в начале XX в. возглавлял епископ Мар-Саргиз [1, с. 4]. В Церкви Востока. в период ее сосредоточения в горах Курдистана. широко была распространена практика посвящать в сан мальчиков, тот же Мар-Саргиз стал епископом в 11 лет – священнослужители, как правило, происходили из одних и тех же семей, поэтому, дабы и далее закрепить за родом место, в сан посвящали несовершеннолетних. В брак священник или диакон мог вступить уже после посвящения. К сожалению, у потомков не сохранилось никаких документов, касающихся рукоположения, назначения и т. п. Архив самой епархии Джилу также мог погибнуть во время исхода и прочих злоключений, выпавших на долю ассирийцев-христиан.

В 1915 г. жителям с. Алсан, как и другим христианам-ассирийцам Ванского вилайета Турции, пришлось навсегда покинуть свои земли, спасаясь от геноцида. Два родных брата оказались в России с разными фамилиями, которые впоследствии закрепились и за их потомками, согласно семейному преданию, по следующей причине. Когда они уходили из родного села в сторону иранской границы, за которой стояли русские войска, то, чтобы хоть кто-то из них смог пройти и впоследствии продолжить род, договорились на границе назваться разными фамилиями – младший брат сказал родовую «Ишо», а старший сообщил «Парис», вроде бы взятую у родственников жены. На переходах бывали случаи, что беженцев задерживали, почему и был предпринят такой шаг.

После перехода российской границы оба брата, вместе с группой своих односельчан из Алсана, какое-то время находились в Закавказье, после чего перебрались в Екатеринодар. В этом городе большинство аласная проживали несколько лет, ожидая благоприятного исхода событий у себя на родине. По рассказам потомков семьи Ишо, местная епархия предоставила ассирийскому духовенству одну из русских церквей для проведения служб. Что это за храм, к сожалению, выяснить не удалось. Нам также не известно, перешли ли в то время эти священники и диаконы, среди которых были Ю. Парис и М. Ишо, в православие, или же богослужения проводились в ассирийской традиции. Скорее всего имел место последний вариант, поскольку в случае присоединения к Русской Церкви каша Юханна и шамаша Мамат явно впоследствии в местах последующего проживания не шли бы зарабатывать хлеб для своих семей на стоянки чистильщиков обуви, а были бы определены к

православным приходом. В 1922 г. оба брата с семьями перебираются в Москву, где сформировалась одна из двух крупнейших в России диаспор выходцев из Алсана, насчитывавшая несколько десятков семей. Именно через столицу оба брата впоследствии и попали на Верхнюю Волгу.

Юхан Парис, согласно семейным преданиям, оказался в Кинешме в 1930 г. Потомки этого семейства, к сожалению, ничего не знают об обстоятельствах переезда их деда в рассматриваемый город, а только могут рассказать семейное предание, согласно которому каша в Москве приехал на Казанский вокзал и решил, что поселится в том городе, куда его привезет первый попавшийся поезд. Поезд же привез его в Кинешму. На самом деле мы сразу должны отвергнуть «версию» с Казанским вокзалом, с которого никогда не уходили поезда в сторону Иваново и Кинешмы. Скорее всего, Ю. Парис уезжал или с Ярославского, или с Курского, откуда и в наше время отходят поезда до Иваново – здесь мы не знаем расписания поездов на 1930 год, дабы получить полную информацию. Причину скорого отъезда из столицы в провинциальный город потомки назвать не могут, однако, у нас есть свое предположение. В 1920-х гг., когда началась активная работа по приобщению беженцев-ассирийцев к советскому образу жизни, проводившаяся при помощи созданных в то время организаций типа «Союза ассирийцев», главной помехой ей стали верность горцев своим традициям, а также поддерживавшие ее «старики» и малики» [4, с. 69]. Как раз в 1930-м г. СССР стали покидать многие семьи, которые не смогли адаптироваться к советскому строю, и в этом году насильственно стали выдворять тех лидеров ассирийских сообществ, кто мешал советизации, но при этом сам не хотел выезжать. Тогда у аласная в Москве были арестованы и высланы из страны малик-раис с. Алсан Зайя Назии его старший сын Камбар [3, с. 552]. Скорее всего такая же угроза нависла и над священником, также принадлежавшим к нежелательным лидерам, и ему пришлось срочно покинуть Москву.

В Кинешме семья Парис изначально проживала на Ивановской улице, возле Никольского моста, в несохранившемся ныне доме. Его рабочее место чистильщика обуви находилось практически здесь же, на рынке. Позднее семья переехала в другие районы города. В 1938 г. Парису удалось избежать политических репрессий, которые затронули большинство глав семей ассирийских беженцев. По рассказам потомков, известно, что в последние годы жизни его парализовало и он не работал.

Каша Ю. Парис умер в Кинешме в 1950-х гг. По поводу года его кончины существует неопределенность. Потомки Париса, а также внуки его брата М. Ишо, в разговорах с автором этих строк называли 1953 г. Однако, внук каши, Юрий Михайлович Парис, 1946 г. р., во время бесе-

ды добавил, что деда не стало «когда разлилась Волга», т. е. Горьковское водохранилище, из-за которого река в Кинешме стала в четыре раза шире своего прежнего состояния, вошло в свои границы. Это никак не могло произойти в 1953-м – строительство Горьковской ГЭС завершилось в 1955 г., а процесс заполнения чаши водохранилища продолжался до 1957-го. К сожалению, на могиле каши Юхана, на кресте, не сохранилось таблички с крайними датами жизни, которые могли бы внести ясность по этому вопросу.

Мамат Ишо проживал с 1925 г. в Костроме, работая, как и большинство беженцев, чистильщиком обуви. На момент ареста в состав его семьи входила супруга Ситыя (по советским документам и по надписи на могильном кресте – Мария), а также шестеро детей. В 1938 г. он был арестован и, как обладатель иранского паспорта, выслан из страны, причем семья, как бывало в большинстве аналогичных случаев, осталась в СССР. М. Ишо жил у родственников жены в Тегеране, работал у них и, как мы знаем от его потомков, принимал участие в жизни советской колонии. Хотя в Тегеране были храмы Ассирийской Церкви Востока, он не служил ни в одном из них.

Оставшись без основного кормильца семьи. Ситыя, занимавшаяся доселе домашним хозяйством, пошла трудиться на стоянку чистильщика обуви. Понятно, что кормить шестерых детей было крайне сложно, а тут еще через несколько лет началась Великая Отечественная война, во время которой большинству горожан было далеко не до услуг обувщиков-чистильщиков. Ранее, да ареста главы семейства, Ишо проживали в доме № 3 по ул. Луначарского (нынешний проспект Мира), но, видимо после этого им пришлось покинуть это жилье и перебраться в несохранившийся донныне деревянный флигель во дворе школы № 21 (сейчас № 3) на ул. Шагова. Контакты с родственниками были на какое-то время прерваны – после ареста Матвея-Мамата люди, кого не коснулся маховик репрессий, боялись сами попасть под него. Только в 1945 г., когда ситуация несколько успокоилась, брат Мамата из Кинешмы послал своего сына Михаила, чтобы тот проведал Ситыю и ее детей. Тот вернулся домой в слезах, рассказав, что родственники находятся в крайне бедственном положении и фактически голодают. Услышав это, Юхан Парис сразу же поехал в Кострому и привез семью Ишо в свой город, помог им снять жилье и обустроиться. В съемных квартирах они проживали полтора десятка лет, вплоть до возвращения главы семейства. Из адресов этого периода автору смогли назвать только ул. Грибоедова, недалеко от вокзала, место, именовавшееся в народе «Поповка», поскольку ране там находились дома кинешемского православного духовенства. Проживание здесь семьи диакона-ассирийца можно считать неким продолжением старинной традиции.

В 1960 г. Мамат Ишо получил разрешение на возвращение в СССР и воссоединение с семьей. Он приезжает в Кинешму, где ему фактически сразу же дают квартиру в новопостроенном доме на ул. Пирогова. К моменту воссоединения семьи, за два года до возвращения отца, умер один из сыновей шамаша Мамата – Рафаил Ишо. М. Ишо первое время планировал вернуться в Иран и пытался уговорить своих домашних. Однако, члены семьи уже пустили корни в России, дети родились и выросли здесь, и никто не соглашался на эмиграцию. Сам шамаша также не хотел снова потерять семью, причем, учитывая его возраст и невозможность поездок в другие, несоциалистические страны, расстаться пришлось бы уже навсегда. Он в конце концов принял окончательное решение остаться в России. Умер он в 1984 г., став фактически последним ассирийским священнослужителем из поколения беженцев времен Первой Мировой войны, кто ушел из жизни на территории нашей страны.

И каша Юханна Парис, и шамаша Мамат Ишо, по воспоминаниям потомков и людей, кто знал их лично, не собирали на общественные моления соплеменников, каждый из них регулярно молился дома, на ассирийском языке. Также, как и большинство других ассирийских священнослужителей, оказавшихся в России и не перешедших официально в лоно РПЦ, они фактически не выполняли функции представителей духовенства, молясь только частным образом. Члены их семей крестили детей, венчались, отпевали усопших в храмах Русской Православной Церкви, в случае с Кинешмой – в Успенском соборе, как единственном, функционировавшем в советский период. Оба священнослужителя, а также члены их семей, погребены на кинешемском кладбище Сокольники, но в разных его частях. Намогильные кресты, изготовленные из железа, практически не отличаются по стилю от аналогичных крестов на русских могилах, установленных в тот же период, и, кроме ассирийских фамилий и, в ряде случаев отчеств, никакой особой этнической и иной специфики не несут.

К сожалению, нам удалось выйти на потомков двух указанных священнослужителей только в начале 2020 г., когда самыми старшими представителями семейного клана остались лишь внуки Ю. Париса и М. Ишо. Значительная часть исторической памяти к этому моменту была утрачена, хотя и то, что удалось зафиксировать, дает представление и о жизни священника и диакона, а также об истории диаспор Кинешмы и Костромы в целом. В Кинешме в настоящее время проживают потомки шамаша Мамата Ишо, а также каши Юхана Париса по линии его старшего сына Михаила. В свое время один из сыновей Ишо переехал в Казань, где также живут члены этой семьи. Кроме казанской ветви, на

протяжении нескольких поколений члены семейного клана, как правило, вступают в браки с неассирийцами, с русскими.

Изучение истории интереснейшей российской восточно-христианской диаспоры – ассирийцев – продолжается, и мы надеемся в дальнейшем ввести в научный оборот новые интереснейшие сведения о ней, в том числе и касающиеся судеб представителей ассирийского духовенства, попавших в Россию после 1915 г., и проживавших в различных городах России.

Библиографический список

1. *Кожунов С.* История Джилу // Ассирийские новости. Запорожье, 2018. № 55. С. 4.
2. *Михайлов С. С.* Верхневолжская Ассирия. История формирования ассирийских городских диаспор в 1920–1930-х гг. М.: Квадрига, 2020.
3. *Садо С.* Мартиролог ассирийцев СССР (1920–1950-е годы). СПб., 2017.
4. *Скоробогатов В.* Айсоры в СССР // Просвещение национальностей. М., 1931. № 1. С. 64–70.

УДК 37

М. Р. Москаленко,

доцент, Филиал Удмуртского государственного университета (г. Нижняя Тура)

Е. Г. Леоненко,

преподаватель, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)

А. А. Бурых,

студентка, Севастопольский государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЯСНЕНИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СПЕЦИФИКИ РОССИИ СТУДЕНТАМ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

В работе исследуются вопросы объяснения студентам управленческих направлений подготовки различных аспектов цивилизационной специфики России. Анализируются ключевые аспекты изучения данной проблематики. Показывается влияние процессов глобализации на восприятие цивилизационной специфики социума. Отмечается, что особенности цивилизационной специфики России возможно изучать в рамках преподавания ряда учебных дисциплин (история, история государственного управления, политология и др.), что позволит повысить качество подготовки студентов.

Ключевые слова: подготовка управленцев, цивилизационная специфика России, преподавание гуманитарных дисциплин.

M. R. Moskalenko,

Assistant Professor, Branch of Udmurt State University (Nizhnyaya Tura)

E. G. Leonenko,

Lecturer, Ural Federal University (Ekaterinburg)

A. A. Burykh,

Student, Sevastopol State University

ON THE QUESTION OF EXPLAINING THE CIVILIZATIONAL SPECIFICS OF RUSSIA TO STUDENTS OF MANAGEMENT SPECIALTIES

The paper examines the issues of explaining to students the management directions of training various aspects of the civilizational specifics of Russia. The key aspects of the study of this problem are analyzed. The influence of the processes of globalization on the perception of the civilizational specifics of society is shown. It is noted that the peculiarities of the civilizational specifics of Russia can be studied within the framework of teaching a number of academic disciplines (history, history of public administration, political science, etc.), which will improve the quality of student training.

Key words: training of managers, civilizational specifics of Russia, teaching the humanities.

Объяснение учащимся управленческих специальностей и направлений подготовки («Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент» и др.) цивилизационной специфики российской цивилизации представляет собой крайне важную и актуальную проблему. Во-первых, в своей практической профессиональной деятельности после окончания учебы управленцы столкнутся с особенностями национального менталитета, так или иначе проявляющимися в различных сферах жизни общества, и совокупный, системный анализ данного феномена крайне важен для их эффективной работы. Во-вторых, грамотное всестороннее объяснение многих общественно-политических явлений и процессов регионального, национального и глобального масштабов сложно без понимания цивилизационной специфики социума.

Отметим, что не критическое восприятие зарубежных моделей управления и менеджмента, имевшее место в 1990-е гг., ориентированных на западный тип менталитета и соответствующий ему тип личности (для которого доминантами поведения являются индивидуальный жизненный успех, уровень доходов, рациональность, индивидуализм), отношение к коллективизму как к пережитку советского прошлого, способствовало падению эффективности управления в целом. В этом плане гораздо более полезного может дать пример Японии, где западнические управленческие модели (ориентированные на максимизацию прибыли и

рационализацию), нашли органическое сочетание с национальными особенностями: патернализмом, личной преданностью работника руководителю, и рядом черт традиционного коллективистского сознания. Совершенно очевидно, что разрабатываемые в теории и применяемые на практике управленческие модели и концепции развития как конкретной организации, так и общества в целом, должны учитывать его цивилизационную специфику. У будущих управленцев должно быть четкое, системное видение особенностей культуры и менталитета страны.

Само представление о цивилизационном подходе изучается в рамках школьной программы на уроках истории и обществознания, но там данная тема рассматривается поверхностно и не дается четкого анализа специфики российской цивилизации. Само понимание данной специфики предполагает наличие у учащихся достаточно широкого кругозора и системных знаний по зарубежной истории, географии, культуре. Недостаточное понимание специфики российской цивилизации учащихся оборачивается мифологизацией сознания, стереотипизацией мышления и отторжением от собственного культурно-исторического процесса. На практике это ведет к некритическому заимствованию зарубежного опыта в сфере управления и менеджмента. Данная проблема актуальна, пожалуй, еще со времен Петра I; во время модернизационных изменений российского общества ее острота только возрастала.

В объяснении учащимся цивилизационной специфики России следует выделить несколько проблемных аспектов. Во-первых, это изучение традиционных, архетипических черт российского общества и национального характера. Во-вторых, влияние модернизационных изменений на развитие российской цивилизации, ее трансформацию. В-третьих, влияние современных процессов глобализации и связанное с ними проникновение иных культурных моделей в цивилизационное поле страны. Естественно, что каждый из этих вопросов требует серьезного, комплексного рассмотрения; учащимся важно показать их основные аспекты и взаимосвязь, чтобы сформировалось системное видение данного явления.

Важным моментом для понимания учащимися специфики российской модернизации является то, что процесс модернизации в России носил «догоняющий» характер, и в государстве сложился специфический тип развития общества, который иногда называют обществом мобилизационного типа, или мобилизационная модель развития [1].

Про специфику российских модернизаций написано достаточно много как учебных, так и научных работ. Системно и доступно для понимания студентов она изложена, например, в работе исследователя А. И. Владимирова [2], по мнению которого, особенности российских модернизаций таковы:

- проводились «сверху» и имели радикальный характер;
- внедрялись в неготовую для их восприятия национальную почву, негативно воспринимались большинством населения;
- модернизационные реформы часто осуществлялись насильственно, ценой больших жертв, при этом имели исторически кратковременный успех, поднимая вопрос о несопоставимости цели и средств;
- народ воспринимал далеко не все навязываемые ему ценности, перестраивая их под собственную ментальность.

Как отмечает А. И. Владимиров, сформированные таким образом «информационно-культурные коды, закрепляясь в национальной генетике, несли в себе потенциально убийственные гены бунта против собственной нереализованности, тоски по справедливости и несбывшемуся внутренней анархичности и пессимистического фатализма» [2, с. 45].

Комплексный анализ цивилизационных характеристик России дает исследователь И. П. Сковорцов в работе «Об основаниях культурно-цивилизационного самоопределения России». Автор справедливо отмечает, что многие страны «не возводят в политическую и культурную проблему результаты сравнения с цивилизацией Запада, не испытывают чувства неполноценности от имеющихся различий» [4, с. 189–190], но для политических и интеллектуальных кругов России такое сравнение присутствует; существует зависимость от внешней оценки [4, с. 189–190].

Зависимость от внешней оценки во многом связана, прежде всего, с тенденциями современной глобализации, одна из которых – усиление проникновения западных потребительских и культурно-правовых стандартов, а также либеральных ценностей в другие регионы и государства планеты, которые изначально имели традиционную цивилизацию и собственную культурно-историческую специфику (ориентация на коллективистские, а не индивидуалистические ценности; доминирование эмоционально-образного, а не рационального восприятия мира и т. д.). Это проникновение происходит как в результате процессов модернизации, так и спланированной экспансии ряда государств Запада в невоенных областях (идеологической, культурной и т. п.). Данное проникновение (ставшее одним из серьезных факторов поражения «Восточного блока» в «холодной войне») создает угрозу историко-культурной идентичности этих сообществ, поскольку способствует оценке их исторической традиции и значимых культурно-исторических событий с западнцентристских, радикально либеральных позиций (культ индивидуальных прав, противопоставление гражданина и государства и т. д.). В этой концепции национальные историко-культурные традиции незападных обществ (зачастую носящие коллективистский

характер и не ориентированные на противопоставление общества и государства) зачастую представляется как несоответствующие либеральным ценностям и стандартам, пропагандируемым как «общечеловеческие». Это может задавать их негативное восприятие среди определенных социальных групп, способствуя социокультурным расколам и дезинтеграции общества, выхолащивая их как позитивный социальный идеал и основу для национальной интеграции, патриотизма и национального самоуважения. Так, в российском обществе серьезные социокультурные расколы связаны с вестернизированным сознанием значительной части интеллектуальной элиты, определенной части студенчества и ряда других социальных групп, отторжением ими отечественной историко-культурной традиции как несоответствующей либеральным ценностям (воспринимаемым как эталонные).

В отечественной научной традиции вопросы проникновения западных потребительских и культурно-правовых стандартов и либеральных ценностей в другие регионы и государства планеты и навязывания Западом своих ценностей были впервые, пожалуй, поставлены в споре западников и славянофилов XIX в. Серьезный системный анализ данной проблемы содержится в работах российского исследователя А. С. Панарина [3], а также ряда других ученых.

Объяснение учащимся управленческих специальностей и направлений подготовки («Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент» и др.) цивилизационной специфики российской цивилизации способствует выработке у них целого ряда компетенций, необходимых для дальнейшей профессиональной деятельности. Данный учебный материал можно объяснять на самых различных дисциплинах: история, история государственного управления, политология и др.

Библиографический список

1. *Берсенева В. Л.* Мобилизационная модель экономики: опыт историографического анализа // История науки и техники в современной системе знаний. Шестая ежегодная конференция кафедры Истории науки и техники. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. С. 16–20.
2. *Владимиров А. И.* О национальной государственной идее России. Стратегические этюды. М.; Новосибирск: ЮКЭА, 2000. 288 с.
3. *Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
4. *Скворцов И. П.* Об основаниях культурно-цивилизационного самоопределения России // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность. Межвузовский сборник научных трудов. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. С. 185–190.

М. Н. Начапкин,

доцент, Российский государственный профессионально-педагогический университет (г. Екатеринбург)

**КОНСЕРВАТИВНЫЙ ЖУРНАЛИСТ М. О. МЕНЬШИКОВ
О РОЛИ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ И ЦЕРКВИ
В ПРЕОДОЛЕНИИ ПРОТИВОРЕЧИЙ ДУХОВНОГО
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В статье анализируются взгляды консервативного публициста М. О. Меньшикова о роли Православной веры и церкви в решении актуальных для Российской империи начале XX века вопросов: способы противодействия революции; свобода печати; сохранение народного здоровья; принципы образования и воспитания детей, подростков; развитие женского образования; улучшение положения детей-инвалидов.

Ключевые слова: Православная вера, церковь, здоровье, образование, дети, воспитание.

M. N. Nachapkin,

Associate Professor, Russian State Pedagogical University (Ekaterinburg)

**CONSERVATIVE JOURNALIST M. O. MENSHIKOV
ON THE ROLE OF THE ORTHODOX FAITH AND CHURCH
IN OVERCOMING THE CONTRADICTIONS OF SPIRITUAL
AND SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA
IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

The article analyzes the views of the conservative publicist M. O. Menshikov on the role of the Orthodox faith and the Church in resolving issues that were urgent for the Russian Empire at the beginning of the 20th century: ways of countering the revolution; freedom of the press; preservation of public health; principles of education and upbringing of children, adolescents; development of female education; improving the situation of children with disabilities.

Key words: Orthodox faith, church, health, education, children, upbringing.

Известный консервативный журналист Михаил Осипович Меньшиков родился 6 октября 1859 г. в Новоржеве Псковской губернии. Учился в Кронштадтском морском техническом училище, участвовал в дальних плаваниях. Отличался любознательностью, интересом к знаниям и технике. В 1910 г. совершил первый полет на аэроплане.

Очень рано пробудился в нем писательский талант. С 1891 г. М. О. Меньшиков начинает печататься в «Петербургских ведомостях» и еженедельной газете «Неделя». Работая ведущим журналистом в газете «Новое время», с 1901 по 1917 гг. М. О. Меньшиков, с 1902 г. начинает вести рубрику «Письма к ближним», принимает активное участие в общественно-политической жизни. Важнейшей чертой его как публициста – было неравнодушие. В 1904 г. был одним из инициаторов создания Союза борьбы с детской смертностью. Острая социальная направленность его публикаций была очевидна. Он критиковал увеличение доходов за счет продажи водки, писал о «...хронических неурожаях, опустошении лесов, почв и вод, хроническом недоедании крестьянских детей» [2, с. 24–25]. Бедность крестьян усугублялась наступающим капитализмом. Капитализм уничтожал традиционные ремесла, кустарные промыслы. Меньшиков полагал, что экономическое сближение России с Западом, обрекает россиян на экономическое рабство. Он старался донести до своих читателей мысль о необходимости кардинального улучшения жизни крестьянства: «Почему мало школ, врачей, медицинских участков, агрономов, хороших учителей. Почему проселочные дороги прямо ужасны? Почему плохо поставлено страховое дело, нет учреждений мелкого кредита, не организована благотворительность?» [3, с. 330]. В своих статьях он обращал внимание на огромное социальное расслоение общества, утрату нравственных и религиозных ценностей. Подобно П. А. Столыпину, Меньшиков полагал, что власти нужно форсировать создание мощного среднего класса: Истинная свобода, солидарность, чувство законности создается в обществе зажиточном, которому есть что терять» [2, с. 247]. По своим политическим взглядам он был консерватором – сторонником сильной государственной власти, тесной связи государства с Православной церковью. Будучи глубоко верующим человеком, Михаил Осипович считал, что для решения острых социальных проблем и противодействия наступающей революции необходимо использовать помощь Православной церкви. Однако сделать это было нелегко. Он понимал, что корни утраты религиозности в российском обществе уходят в петровскую эпоху, когда абсолютная монархия превратила церковь в казенную палату. В глазах простого народа, представители духовенства зачастую выступали защитниками общественного неравенства и других несправедливостей. Конечно, православное духовенство было неоднородным. В качестве примера настоящего пастыря Меньшиков привел отца Иоанна Кронштадтского: «Как известно, о. Иоанн мужественно выступал против нашей революции и в церковных проповедях напоминал власти о ее долге подавлять смуту» [6, с. 109]. Отец Иоанн был для публициста носителем народной культуры. Он оставил после себя два завета русскому народу: благочестие и труд.

Меньшиков считал, что проповедуемое о. Иоанном благочестие – призывы к солидарности, сдержанности, миру и терпению должны быть положены в основание гражданской свободы.

Среди публикаций Меньшикова большое количество посвящено формированию здорового образа жизни, воспитанию и защите прав детей. В статье «О здоровье народном», написанной в январе 1902 года, Михаил Осипович, критиковал людей за безразличие к своему телу. Развитие тела не роскошь – а первая потребность народа, который должен быть всегда готов к войне. Русский народ, по мнению публициста, за время своей нелегкой истории, надорвался, истощил свои силы. Связывая физическое нездоровье, с психологическим состоянием измятого, унылого духа не способного на масштабные реформы и свершения, характеризуюя свое поколение, Меньшиков писал: «...в тысячелетних войнах...слишком утомилось наше племя, изболело, зачахло. Поглядите на народную толпу – что это в большинстве случаев за заморыши! Поглядите на нашу культурную толпу – что это за вырожденцы! Недоедание внизу, переедание наверху; сверхработа внизу, сверхпраздность наверху. Крайности вызывают друг друга и сходятся. Падает физический тип, а за ним неотвратимо падает и духовный облик племени, когда-то богатырского. Падает мускульная сила, падает душевная крепость» [4, с. 343].

Меньшиков подвергал острой критике внешнюю политику российской империи за ненужные стране войны: «Весь избыток народной энергии идет на цели вне страны, – отсюда страшная отсталость внутри. Некогда и не на что стране заняться внутренним расстройством» [4, с. 344]. Публицист считал, что лозунгом государственной политики России должен стать лозунг: «Будь здоров». Для того, чтобы обеспечить народу физическое здоровье, он предлагал наделить каждую деревенскую семью достаточным количеством земли и чистой воды: «Земля и вода дают хлеб, хлеб дает здоровье, здоровье – само по себе счастье...» [4, с. 345]. Важнейшей национальной задачей Меньшиков считал народосбережение, сокращение ужасающей смертности. Пьянство, по его мнению, было главной национальной опасностью для России. Оно подрывает источник народной силы – здоровье. Меньшиков отмечал с горечью, что все великие моменты жизни – «...рождение, крещение, заключение брака, смерть...непреренно требуют питья водки» [1, с. 499]. Он писал, что за алкоголизацией тянется потомство идиотов, эпилептиков, психопатов. Алкоголики грубы, обидчивы, утрачивают стыд и совесть. Они представляют собой толпу, готовую на бунт: «...по словам героев Горького, весь мир «трахнуть» так себе в припадке злобы» [1, с. 515]. Вину за такую ситуацию он возлагал на царских министров С. Ю. Витте и В. Н. Кокковцева, которыми была введена гибельная по своим последствиям винная монополия. Меньшиков предложил обя-

вить крестовый поход против пьянства: «Надо вызвать инстинкт народного самосохранения, надо воззвать к таланту и совести народа, к чувству его человеческого достоинства, к здравому смыслу» [4, с. 388]. Он отводил в борьбе с пьянством большую роль церковным приходам. Именно сельские священники должны пробудить в своих проповедях чувство человеческого достоинства в людях.

Одной из своих задач, как журналиста он видел в борьбе против революционной, развратной, порнографической печати. Он поддерживал тех представителей духовенства, которые выступали с осуждением свободы печати. Так, киевский митрополит Флавиан считал, что печать в значительной части, стала проводником противогосударственных, противохристианских и безнравственных идей. Меньшиков был с ним согласен: «Столь же пагубно влияние этой печати и на учащуюся молодежь. Яд лжи, политического разврата, развращения и безбожия отравляет и уже отравил многих...» [5, с. 210]. Он писал, что в одном из вопросов 3/4 петербургских юношей объявили себя венериками. Развратные вечеринки, свободная любовь, ранние половые связи растрачивают прежде времени энергию молодежи. Он сетовал, что при капитализме, где все является товаром, школьникам с детства внушается гадкое отношение к женщине, как к товару. В статье «Наша сила», опубликованной 28 июня 1909 года. Меньшиков размышляет о том, что же составляет силу русской национальности. Для него, неперменной его частью, было здоровье народное, физическая крепость: «На великие дела нужен большой запас телесной свежести» [4, с. 358]. Второе качество силы национальности, он видел в душевном здоровье: «Душевное здоровье характеризуется моментом, когда у человека устанавливается прекрасное самочувствие, и он всем доволен» [4, с. 359]. Народу помогало сохранить душевное здоровье целая система культов – религиозного, государственного семейного. Особенно важная в обретении душевного здоровья была роль Православной веры.

В своих статьях публицист выступает за создание школ для слепоглухо-немых детей: «...даже таких, пораженных слепотой, глухонемых, можно подходящей школой делать полезными тружениками» [1, с. 394]. Меньшиков пытался воззвать к совести чиновникам, богатым людям, духовенству: «Скажите, как без ласки жить ребенку? Неужели Россия не в силах приютить даже 2000 ребятишек, которые погибаю как слепые котятта? Им нужно, прежде всего, как котяттам, добра и корма, а потом участливое учение научит их труду. Без слуха, без зрения, без голоса они все-таки в состоянии иметь свой бедный кусок хлеба. Надо только помочь распорядится остатками их способностей» [1, с. 395–396].

Еще одной темой публицистики Меньшикова стала тема необходимости создания высшего женского образования. Он выступил за

создание в Киеве женского университета имени Святой Ольги. Важнейшую роль, кроме исторического и юридического факультетов в нем должен был иметь богословский факультет: «...почему религиозно настроенным девушкам не дать возможности пройти курс истории церкви... Для чего девушкам богословская наука? Для утверждения веры и нравственности у будущих жен и матерей, на уме и сердце которых лежит все моральное будущее потомства» [1, с. 407].

Меньшиков приветствовал решение Николая II, принятое в 1908 г. завести в каждой деревенской школе обучения детей строем и гимнастике. Публицист придавал правильному воспитанию детей большое значение. Необходимо воспитывать детей в духе патриотизма, любви к труду, почитанию родителей. Очень интересными представляются заметки Меньшикова о создании скаутского юношеского движения. Он досконально изучил опыт его создания в Англии, Чехии. Но России нужны свои юношеские организации. Скауты должны воспитываться на романах Майн Рида, Ф. Купера, на романтике приключений: «Необходимо подготовить каждого ребенка, развивать в нем рыцарский дух, гражданский долг, симпатию к людям и горячую любовь к Отчеству» [1, с. 440]. Каждый отряд должен иметь свое название, например, «Черные Орлы», свою форму, знамя и присягу. Молодые скауты должны в обстановке игры сформировать качества воина-рыцаря, строит шалаши, готовит пищу, разводите костры. Алкоголь и курения подлежали бы в таких отрядах полному запрету.

Много статей Меньшиков посвятил необходимости борьбы с огромной детской смертностью. Он приветствовал создание в 1913 году общества под названием «Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества». Созданное под покровительством императрицы Александры Федоровны – многодетной матери, он ставило своей целью объединение усилий общества и власти с целью воспитания здорового и сильного населения. Важно отметить, что еще до русско-японской войны, М. О. Меньшиков создал «Всероссийское общество по борьбе с детской смертностью», но из-за войны деятельность его заглохла. Что же предлагал сделать Меньшиков для улучшения жизни младенцев: 1) устроить ясли по всей стране, 2) завести молочные фермы и обеспечить снабжение семей молоком, 3) устраивать больше больниц и лабораторий, 4) вести учебу и пропаганду рационального ухода за младенцами. Очень верно и актуально звучат его слова и сегодня: «Необходимо, чтобы на страже жизни, на страже материнства и младенчества стал законодатель, судья и духовный пастырь» [1, с. 644]. Публикации Меньшикова удостоились похвалы ректора Санкт-Петербургской духовной академии Иоанна Янышева: «...я не в силах отказать себе в потребности сердца поклониться Вам самым низким поклоном и выразить Вам глубочайшую признатель-

ность за Вашу истинно просвещенную, истинно христианскую и истинно патриотическую литературную деятельность» [5, с. 462]. Судьба публициста была трагична. Летом 1917 г. был уволен из газеты «Новое время». После прихода к власти большевиков все его счета в банках были конфискованы, и Меньшиков сильно нуждался материально, голодал. Строки его дневника полны волнения и страха за будущее семьи. Чекисты арестовали его двадцатого сентября 1918 г. и расстреляли без суда и следствия на глазах своей многочисленной семьи на берегу Валдайского озера. Можно назвать М. О. Меньшикова одной из многочисленных жертв гражданской войны.

Библиографический список

1. *Меньшиков М. О.* Как воскреснет Россия? Избранные статьи. СПб.: Русская Симфония, 2007. 672 с.
2. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним: Полное собрание: в 16 т. Т. 1: 1902 г. М.: Машина времени, 2019. 832 с.
3. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним: Полное собрание: в 16 т. Т. 2: 1903 г. М.: Машина времени, 2020. 930 с.
4. *Меньшиков М. О.* Русское пробуждение. М.: Книжный мир, 2007. 416 с.
5. *Михаил Осипович Меньшиков: сборник / подгот. А. В. Воронцов.* М.: Русский Мирь, 2018. 800 с.
6. *Меньшиков М. О.* Письма к русской нации. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. 560 с.

УДК 930.1

А. М. Новоторцева,

докторант, Общецерковная аспирантура и докторантура
им. св. равноап. Кирилла и Мефодия (г. Ярославль)

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА ПРИ ПАТРИАРХЕ АНТИОХИЙСКОМ, ЕПИСКОП ИОАНН (ВЕНДЛАНД), О СЛУЖЕНИИ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ I (К 16-ЛЕТИЮ ЕГО ИНТРОНИЗАЦИИ)

В 1960 году исполнилось 16 лет со дня интронизации Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского). Некоторые важные итоги его первосвященнического служения были обобщенно представлены в материале, подготовленном церковным дипломатом, епископом Подольским Иоанном (Вендландом), в «Журнале Московской Патриархии».

Ключевые слова: Патриарх Московский и всея Руси, Русская Православная Церковь, епископ Иоанн (Вендланд), автокефальная православная церковь, делегация и представительство православной церкви.

A. M. Novotortseva,

Doctoral student of the Church Postgraduate and Doctoral School
named by St. Cyril and Methodius (Yaroslavl)

**REPRESENTATIVE OF THE MOSCOW PATRIARCHATE
TO THE PATRIARCH OF ANTIOCH, BISHOP JOHN
(WENDLAND), ABOUT THE MINISTRY OF PATRIARCH
OF MOSCOW AND ALL RUSSIA ALEXY I ST
(TO THE 16TH ANNIVERSARY OF HIS ENTHRONEMENT)**

In 1960, the 16th anniversary of the enthronement of Patriarch Alexy I of Moscow and All Russia (Simansky) was celebrated. Some important results of his primatial ministry were summarized in the material prepared by the church diplomat, Bishop John (Wendland) of Podolsk, in the Journal of the Moscow Patriarchate.

Key words: Patriarch of Moscow and All Russia, Russian Orthodox Church, Bishop John (Wendland), autocephalous Orthodox Church, delegation and representation of the Orthodox Church.

После кончины 15 мая 1944 года Патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского) в силу своего старшинства среди прочих епископов Русской Православной Церкви и согласно завещательному распоряжению почившего местоблюстителем Московского патриаршего престола стал митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Симанский). 21–23 ноября 1944 года он председательствовал на Архиерейском Соборе, подготовившем Поместный Собор Русской Православной Церкви, а 2 февраля 1945 года Поместный Собор в Москве единогласно избрал митрополита Алексия Патриархом Московским и всея Руси. 4 февраля 1945 года в Богоявленском патриаршем кафедральном соборе состоялась его интронизация.

В период своего патриаршего служения Патриарх Московский и всея Руси Алексей I (Симанский) совершил ряд знаменательных поездок, в которых проявилась его забота о Русской Православной Церкви, направленная с одной стороны, к тесному взаимодействию с автокефальными Церквями, а с другой стороны, – к внутреннему и международному укреплению ее позиции. В июне 1945 года Первосвященитель совершил поездку на Восток: он побывал в Иерусалиме, Александрии, Каире, Бейруте, Дамаске и Лидде. В 1960 году отмечалось 16 лет патриаршей интронизации Патриарха Алексия I. В этой связи, в «Журнале Московской Патриархии» представителем Русской Православной Церкви при Патриархе Антиохийском в Дамаске, епископом Подольским Иоанном (Вендландом) был представлен большой материал, посвященный служению Патриарха Алексия в 1945–1960 годы [2].

Свою публикацию епископ Иоанн начал с общего обзора деятельности Святейшего Патриарха Алексия I (Симанского) за последнее десятилетие его служения. Далее он отмечал, что одну из главных забот Святейшего Патриарха Алексия составляло общение с автокефальными православными церквями, укрепление братского единения внутри Вселенского Православия. За истекшее десятилетие, 1950–1960 годы, не прерывались оживленные отношения Русской Православной Церкви с ее сестрами – автокефальными православными церквями. В Москву ежегодно приезжали делегации от различных православных церквей, и всегда они встречали самый теплый, сердечный и радушный прием со стороны Патриарха Алексия, для которого они были дорогими гостями и возлюбленными братьями во Христе. Каждая церковная делегация проводила в СССР не менее трех недель и имела возможность ознакомиться с жизнью и состоянием Русской Православной Церкви [2].

За последнее десятилетие желанными гостями Святейшего Патриарха Алексия были свыше сорока церковных делегаций от других православных церквей. Так, в преддверии избрания нового предстоятеля Антиохийской Православной Церкви в середине 1950-х годов в Советский Союз приезжали церковные делегации из Сирии и Ливана [1, 3]. В свою очередь, ревнуя о деле межцерковного общения, Патриарх Алексий направлял также делегации от Русской Православной Церкви в зарубежные Патриархаты. В результате, за рассматриваемое десятилетие им было послано до двадцати делегаций к православным церквям за рубежом. При этом, несмотря на свой преклонный возраст, Святейший Патриарх Алексий лично возглавил две из этих делегаций: «при всех этих встречах в братских обсуждениях различных вопросов церковной жизни – в литургическом и, что выше всего, евхаристическом общении было единство духовной жизни Православия» [2].

Далее епископ Иоанн, как церковный дипломат и представитель Московского Патриархата на Ближнем Востоке, отмечал, что важной формой общения между Церквями является наличие постоянных церковных представительств. И в этом направлении «заботами Святейшего Патриарха Алексия» (при скрытой завуалированной поддержке и сотрудничестве с Министерством иностранных дел СССР) было достигнуто немало. Кроме существовавших с 1948 года представительств от Антиохийского Патриархата и от Болгарской Православной Церкви, в 1956 года представительство перед Патриархом Московским и всея Руси получил и Александрийский Патриархат. С другой стороны, по благословению Святейшего Патриарха Алексия и Русская Православная Церковь с 1957 года имела свое представительство перед Патриархом Антиохийским, а первым представителем в 1958 году стал будущий

митрополит Ярославский и Ростовский Иоанн (Вендланд), в то время архимандрит, а затем епископ.

Общение Русской Православной Церкви со своими сестрами-церквями выражалось в том, что по благословению Патриарха Алексия «двери наших духовных учебных заведений были широко открыты для представителей зарубежных православных церквей». В числе учащихся нашей духовной школы появились представители Александрийской, Антиохийской, Болгарской, Румынской и Чехословацкой церквей. При этом, следовало учитывать и тот факт, что в проведении своего внешнеполитического курса, направленного на укрепление дружественных связей с разными народами мира, советская дипломатия старалась, прежде всего, опираться на православное и русско-говорящее население, и в первую очередь, в мало лояльных политике СССР регионах и странах. Для этого их представителей периодически приглашали на обучение в нашу страну. Однако в этом деле возникали и некоторые преткновения [2].

Так, в мае 1960 года чиновники Посольства СССР в Ливане предложили принять на учебу в Советский Союз по линии Русской Православной Церкви и с учетом рекомендаций ливанских митрополитов 8–10 ливанцев (официально) для последующего использования их в качестве преподавателей русского языка в школах и колледжах указанных ливанских городов. Спектр преследуемых советскими дипломатами задач мог быть в данном случае гораздо шире и носить долгосрочный (пролонгированный) характер. Советское правительство видело стратегическую важность и эффективность мер в сфере усиления лояльности и развития всестороннего сотрудничества СССР с ближневосточными странами не только в применении силовых методов, но и в тонкой идеологической пропаганде через образование и просвещение. Однако советскими чиновниками-дипломатами не были учтены возможности самой Московской Патриархии (как прикрытия), образовательные учреждения которой не готовили учителей-предметников для средних школ и училищ [1].

В результате, в ответном письме В. А. Куроедова заведующему отделом стран Ближнего Востока МИД СССР Е. Д. Киселеву в июне 1960 года сообщалось, что Московская Патриархия не могла пригласить на учебу в свои духовные учебные заведения 8–10 ливанских граждан с целью их подготовки в качестве преподавателей русского языка для ливанских православных школ, поскольку духовные семинарии и академии не имеют возможности готовить таких специалистов. По мнению чиновников Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР, Посольству СССР в Ливане целесообразно было бы изучить вопрос о возможности направления с этой целью ливанских

граждан в соответствующие высшие учебные заведения Министерства высшего и среднего специального образования СССР [1, 3].

Когда в мае 1958 года Русская Православная Церковь торжественно праздновала 40-летие восстановления Патриаршества на Руси (1917–1957 годы; для удобства гостей празднование было перенесено с зимних месяцев на весну), на это торжество в Москву прибыли главы и представители почти всех православных церквей. Таким образом, празднование 40-летия восстановления Патриаршества на Руси явилось не только внутренним праздником Русской Православной Церкви. Оно имело и общецерковное значение как один из актов общения автокефальных православных церквей между собой. Присутствовавший на этом торжестве в числе многочисленных зарубежных гостей Блаженный Патриарх Антиохийский Александр III сказал: «Мы видим всю Православную Вселенскую Церковь вокруг ее сестры – Русской Православной Церкви по случаю этого праздника, этой радости. «Страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены» (1 Кор. 12, 26)» [2].

Вскоре, 17 июня 1958 года, после возвращения в Дамаск Антиохийский Патриарх Александр III (Тахан) скончался, и служение епископа Иоанна (Вендланда) в качестве представителя Московского Патриархата на Ближнем Востоке, в Сирии и Ливане, продолжилось в непростой период избрания нового предстоятеля Антиохийской Православной Церкви, которым в ноябре 1958 года стал Феодосий VI (Абурджули).

В ноябре и декабре 1960 года Патриарх Московский и всея Руси Алексей I (Симанский) совершил паломничество в страны Ближнего и Среднего Востока: там он посетил Александрию, Каир, Дамаск, Ливан и Иерусалим. 28 апреля (ст./ст.) 1963 года Русская Православная Церковь отметила знаменательный юбилей патриарха Алексия – 50-летие его служения в епископском сане. В сентябре 1964 года Патриарх предпринял путешествие в Афины, Женеву и Лондон. В это время архиепископ Иоанн (Вендланд) уже был возведен в сан митрополита.

С 1962 года митрополит Иоанн (Вендланд) служил в Америке и продолжал делать публикации в «Журнале Московской Патриархии», но со временем, после того как он оставил церковно-дипломатическое служение за границей, они стали носить больше богословский характер и представлять собой проповеди или произнесенные слова по случаю православных праздников. В 1967 году митрополит Иоанн (Вендланд) был назначен на Ярославскую кафедру, на которой прослужил до 1984 года, уйдя на покой. Скончался в 1989 году и похоронен рядом с Феодоровским собором в Ярославле. Личность митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна (Вендланда) заслуживает отдельного внимания.

В настоящее время ведется серьезное научное исследование его церковно-дипломатического служения в качестве представителя Московского Патриархата при Патриархе Антиохийском, в Сирии и Ливане, в 1958–1960 гг., которое в скором времени будет представлено в виде завершенной докторской диссертации по кафедре церковной истории Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (г. Москва).

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1836.
2. *Епископ Иоанн*. Высокое служение // ЖМП. 1960. № 11. С. 52–63.
3. *Новоторцева А. М.* Церковно-дипломатическая деятельность митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна (Вендланда) в середине XX века // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, образования: материалы конференции «Чтения Ушинского» исторического факультета / под науч. ред. О. С. Нагорной. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. Ч. 1. С. 144–152.

УДК 930.1

А. Б. Оришев,

заведующий кафедрой истории, Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева

К ВОПРОСУ О РОЛИ И МЕСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ КОНТЕНТЕ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ИСТОРИЯ (ИСТОРИЯ РОССИИ, ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ)»

В статье поднимается актуальная тема преподавания отечественной истории в условиях перехода на ФГОС 3++, требующие изучения в высших учебных заведениях дисциплины «История (история России, всеобщая история)». Автор делится опытом преподавания истории России в Тимирязевской академии, преподаватели которой стали авторами учебника «История. От древних цивилизаций до конца XX века», полностью отвечающего всем требованиям новых стандартов.

Ключевые слова: отечественная история, Тимирязевская академия, цивилизационный подход, историческая наука.

A. B. Orishev,

Head of the Department of History, Russian State Agrarian University –
Moscow Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev

**TO THE QUESTION OF THE ROLE AND PLACE
OF RUSSIAN HISTORY IN THE EDUCATIONAL CONTENT
OF THE EDUCATIONAL DISCIPLINE "HISTORY
(HISTORY OF RUSSIA, UNIVERSAL HISTORY)"**

The article raises the relevant topic of teaching Russian history in the context of the transition to FSES 3 ++, requiring the study of the discipline "History (history of Russia, general history)" in higher educational institutions. The author shares his experience in teaching Russian history at the Timiryazev Academy, whose teachers became the authors of the textbook "History. From Ancient Civilizations to the End of the 20th Century", which fully meets all the requirements of new standards.

Key words: Russian history, Timiryazev Academy, civilizational approach, historical science

В СССР и в постсоветской России студентам неисторических специальностей читался курс Отечественной истории, а также курс, посвященный истории их специальности. Государственные стандарты того времени четко прописывали дидактические единицы, отойти от которых преподаватели были не вправе. В связи с переходом на двухуровневую систему обучения, предполагавшую, что в условиях глобализации выпускники российских вузов будут работать не только в своей стране, но и за рубежом, в образовательные стандарты была введена дисциплина под названием «История». Уже по ее названию видно, что ее содержание должно включать в себя не только изучение реалий прошлого нашей страны, но и обращение к историческому наследию зарубежья. Однако преподаватели полученной академической свободой воспользовались по-разному. Первые изменили курс в соотношении 50 на 50, вторые дополнили хорошо знакомый им курс «Отечественной истории» выдержками из истории мировой, а третьи просто сменили вывеску, ограничившись «косметической» корректировкой контента.

Все «точки над и» были расставлены после того как ФГОС 3++ потребовал включения в учебные планы дисциплины «История (история России, всеобщая история)», из названия которого стало ясно, что перед преподавателями ставится задача гармоничного сочетания в рамках одной дисциплины российской и зарубежной истории, что должно вызвать мощный синергетический эффект.

Реалии таковы, что в большинстве современных вузов на изучение дисциплины «История (история России, всеобщая история)» отво-

дится один семестр на первом курсе, а формой отчетности является экзамен. Отсюда возникла задача сопроводить учебный процесс таким учебником, который бы не только обеспечивал серьезную историческую подготовку студентов, но и отражал требования к выпускникам со стороны работодателей, как российских, так и зарубежных.

Учебник по истории – это общественный заказ. И этот заказ был выполнен преподавателями Тимирязевской академии: за достаточно короткий срок был написан и опубликован в издательском холдинге ИНФРА-М учебник для бакалавров «История. От древних цивилизаций до конца XX века» [5]. Уже из названия становится ясно, что авторы отдают дань цивилизационному подходу, который находит применение как в отношении истории России, так и зарубежной истории [3, с. 133; 4, с. 40–50]. И это неслучайно, т. к. цивилизационный подход позволяет не только под разным углом рассматривать события прошлых столетий, но и давать прогнозы на обозримое будущее [6, р. 82]. Однако при этом авторы не оставили без внимания вопросы экономического развития, т. к. экономический фактор по мнению некоторых авторов часто выступает неким «золотым ключиком», способным «все объяснить» [1, с. 12].

Соотношение отечественной истории и зарубежной истории в рассматриваемом учебнике 50/50, и в большинстве глав учебный материал по обоим блокам разнесен по разным параграфам. Однако есть и такие темы, в которых российская и мировая истории представлены в едином тексте. Среди них назовем такие как: «Территория России в системе Древнего мира: киммерийцы, скифы, сарматы, греческие колонии в Северном Причерноморье», «Россия в правление Александра I: реформы и победа над Наполеоном», «Мир в начале XX в. Начало Первой мировой войны», «Революции 1917 г. в России. Завершение Первой мировой войны, революции в Европе», «Международные отношения и политико-экономическое развитие зарубежных стран (1920–1939)», «Вторая мировая война», «Начало холодной войны. Международные кризисы как форма противостояние двух систем», «Конфликты внутри социалистического блока».

Авторы учебника исходили из того, что изучить всю фактологию мирового исторического процесса в течение одного семестра невозможно. Также нереально создать такой учебник или учебное пособие, в котором отразились бы все нюансы ушедших столетий. Однако выход был найден: не рекомендовать студентам заучивать факты, имена и события, а отдать предпочтение знанию методологии исторической истины. Иными словами, научиться самим, без помощи преподавателя отделять истину от лжи. В этом заключается смысл и предназначение книги, предложенной в качестве учебника.

Авторы учебника убеждены, что главная тема исторического процесса – человек и все, что с ним связано. Поэтому в нем присутствует человеческая подача материала. Отсюда такое пристальное внимание к вопросам повседневности, быта, чувствам и переживаниям тех, кто творил и создавал отечественную историю – конкретным персоналиям. И здесь неважно, о ком идет речь – о монархах из династий Рюриковичей и Романовых, принимающих решения или крестьянах, обеспечивающих благоденствие властвующим элит.

Свято одно – служение Отечеству. Поэтому одним из приоритетов учебника стали вопросы военной истории – России всегда приходилось обороняться, защищать свою независимость и отстаивать национальные интересы. И воинская доблесть всегда высоко ценилась в нашей стране [2].

Вместе с тем за пределами учебника оставлены некоторые вопросы культурного развития, для этого существует смежный курс культурологии. Культурологический момент нашел свое отражение в иллюстрациях, представляющих собой различные произведения искусства и артефакты, отражающие суть той или иной культуры. Из культурологических вопросов в учебнике освещены вопросы религиозного развития, приводятся данные о распространении мировых религий, как в России, так и за рубежом.

Авторы не навязывают читателю свои концепции. Напротив, они включили в учебник альтернативные точки зрения. Это касается оценки таких персоналий как Иван IV, Петр I, Александр III, В. И. Ленин и И. В. Сталин. Однако сделано это не по всем темам, иначе авторы просто запутали бы студентов.

Хронологические рамки учебника: нижний рубеж – первые цивилизации, т. к. первобытное общество не дает нам возможности проводить исследования, основанные на изучении письменных источников; верхний – конец XX в., ибо для более или менее объективной оценки постсоветского периода не прошло еще достаточно времени, чтобы осмыслить все произошедшие за последние 30 лет перемены.

Территориальные рамки: авторы учебника большее внимание уделено тем странам, от развития отношений с которыми во многом зависело сохранение национальной безопасности России: Германии, Франции, Англии, США. Среди восточных стран особое внимание уделено Ирану, Индии и Китаю, являющихся партнерами российского государства. Исходя из этих посылок на периферии интересов авторов остались Африка и Латинская Америка.

Важнейший навык для понимания исторического процесса – это работа с документами. Поэтому в каждую главу включены по два документа: один по российской, другой по зарубежной истории.

Для облегчения понимания материала, авторы снабдили учебник глоссарием, включив в него только те термины, которым нет объяснения в основном тексте. Завершается курс тестированием, когда студентам предлагается проверить свои знания, выбрав из четырех вариантов один правильный ответ. Как и в основном тексте здесь выдержано соотношение 50/50 тестовых заданий по российской и зарубежной истории.

Подводя итоги исследования, заметим, что учебник «История. От древних цивилизаций до конца XX века» включен в качестве основного в учебную рабочую программу дисциплину «История (история России, всеобщая история)», разработанную в РГАУ-МСХА имени К. А. Тимирязева. И настоящую программу предлагается рассматривать как базовую для всех сельскохозяйственных вузов страны.

Библиографический список

1. *Алаев Л. Б.* История как проблема // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 4 (14). С. 12–19.
2. Военный фактор в российской истории в XVIII–XX веках // Материалы международной научной конференции, Тамбов, 16 марта 2009 г. Тамбов: ТГТУ, 2009. 168 с.
3. *Дрягин С. В., Никитина Е. А.* Научный анализ проблем российской истории эпохи феодализма в вузовском образовании на основе цивилизационного подхода // Международный научный журнал. 2020. № 2. С. 133–139.
4. *Ефремов В. Я.* Цивилизационный подход к изучению истории: менталитет и ментальность как фундаментальные понятия // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2013. Т. 7, № 1. С. 40–50.
5. *Оришнев А. Б., Тарасенко В. Н.* История: от древних цивилизаций до конца XX века. М.: РИОР, ИНФРА-М, 2020. 276 с.
6. *Siedzevskii I. V.* The Civilizational Dimension of Modern World Development: Problems and Approaches // *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*. 2020. Jan. Vol. 64, № 1. P. 82–90.

С. Г. Осьмачко,

профессор, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны

ИДЕЙНОСТЬ ВЛАСТИ И ВЛАСТЬ ИДЕЙНОСТИ: ОТ БОЛЬШЕВИЗМА К СТАЛИНИЗМУ

В статье рассмотрены основные факторы становления сталинизма – новой политической реальности советской России – в первую очередь, через призму идеологических и политико-психологических факторов. Показаны механизмы перехода от большевизма к сталинизму, роль в этом процессе насилия, влияние обсуждения проблемы сущности и перспективы НЭПа и пр.

Ключевые слова: большевизм, сталинизм, НЭП, старые большевики, тоталитаризм.

S. G. Osmachko,

Professor, Yaroslavl Higher Military Institute of the Air Defense

IDEOLOGICAL POWER AND THE POWER OF IDEOLOGY: FROM BOLSHEVISM TO STALINISM

The article examines the main factors of the formation of Stalinism – the new political reality of Soviet Russia, primarily through the prism of ideological and political-psychological factors. The author shows the mechanisms of the transition from Bolshevism to Stalinism, the role of violence in this process, the influence of discussing the problem of the essence and prospects of the NEP, etc.

Key words: Bolshevism, Stalinism, NEP, old Bolsheviks, totalitarianism.

Утверждение (примерно в 1929 г.) у власти сталинской руководящей группы означало, в том числе, победу безыдейного инстинкта власти над разного рода коммуно-социалистическими доктринами времён социал-демократии, троцкизма-ленинизма, правого уклона и т. д. В идеологической «начинке» сталинизма противоречие формы и содержания обострено до крайних пределов: формально сталинизм зиждется на эклектическом наборе псевдомарксистских догм и более поздних «открытий» (например, о возможности построения социализма в отдельно взятой стране: об обострении классовой борьбы по мере продвижения страны к победе социализма и пр.); содержательно, по сути, сталинизм – настоящая инструкция об удержании власти в стране в неблагоприятных внешне- и внутривнутриполитических условиях.

Политический выбор 1929 г. Споры о судьбе НЭПа – это споры о судьбе России в рамках альтернативы: а) дальнейшего наращивания усилий по пути совершенствования (создания, попытки построения) коммунистической перспективами средствами диктатуры пролетариата; б) возобновление и развитие перспективы буржуазных отношений. Условно первый путь можно именовать «военно-коммунистическим», второй – «либерально-буржуазным». В цивилизационном отношении эта альтернатива – борьба традиции и новации.

7 ноября 1929 г. в газете «Правда» появилась статья И. В. Сталина «Год великого перелома. К двенадцатой годовщине Октября». В III разделе этого материала, посвящённом сельскому хозяйству, вождь писал: «Превращается в прах последняя надежда капиталистов всех стран – «священный принцип частной собственности». Принято считать, что именно 1929 г. («год великого перелома») стал этапным в приходе сталинизма к власти. По мнению В. П. Данилова, «великий перелом», о котором Сталин объявил в ноябре 1929 г., не имел ничего общего с подлинным социально-экономическим развитием: не было ни огромного роста производительности труда в промышленности, ни массового колхозного движения. Применительно к тому времени можно говорить о «великом переломе» лишь в том смысле, что Сталину впервые удалось навязать партии и стране свои взгляды, оценки, методы и, в целом – политику диктаторского волюнтаризма, которая с неизбежностью вела к огромным человеческим и материальным потерям» [5, с. 171].

Что скрывается за выбором 1929 г? Историкам понятно, что Советский Союз 1920-х и 1930-х годов – «это во многом разные страны» [7, с. 17]. И действительно, 20-е и 30-е годы прошлого столетия в СССР в аспекте политической связи представляют из себя две отличающиеся друг от друга сущности.

М. Я. Гефтер полагал, что сталинизм порождён невызревшей предальтернативой социального развития. В его понимании, «альтернатива – это наличие нескольких способов решения одной и той же ситуации. Альтернативность превращает жизнь в открытое и в силу одновременности – разновекторное существование. Альтернативность относится к ядру развития, ибо саморазвитие идёт в разных направлениях, и это нам не мешает» [3, с. 72].

Тоталитаризм в нашей стране стал реальностью, так как смог прервать развитие альтернативного исторического процесса насильем над людьми (по М. Я. Гефтеру – «смертью», «желанием стереть с лица земли «локальный плюрализм» [3, с. 72, 73]). Иными словами, именно насилье открыло дорогу оголтелому тоталитаризму сталинского типа.

Субъективизация вектора политического развития СССР в 1920–1930-е гг.

Критерий	1920-е гг.	1930-е гг.
Субъекты политических отношений	<u>Коммунисты:</u> а) левоориентированные (Л. Д. Троцкий и др.); б) правоориентированные (Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и др.); д) «демократическая оппозиция», «старые большевики»	<u>Бюрократия:</u> а) высшее политическое руководство (И. В. Сталин и др.); б) местная клановая бюрократия; в) коммунисты «сталинских призывов»
Сущность политической идеологии	Ленинизм («умирающий марксизм»)	Эклектический доктринальный набор псевдокоммунистического типа («марксизм-ленинизм»)
Вектор политической перспективы	Построение коммунизма через «диктатуру пролетариата»; сохранение элементов внутрипартийной демократии; нарастание бюрократизации	Диктатура вождя, высшего руководства, центральной и местной партийно-государственной бюрократии в опоре на коммунистическую риторику

В основе прихода к власти И. В. Сталина во многом лежат психолого-политические причины властной направленности. Внешним оформлением сталинской жажды власти стала борьба в партии по вопросам ленинского наследия и вокруг судьбы НЭПа. После 1929 г. сталинская руководящая группа «вычищала» партию, центральный и местный аппарат, армию, «органы» (но это было «наведение порядка» уже в сложившейся системе единовластия).

1920-е гг. – «борьба с большевизмом». На протяжении 1920-х гг. И. В. Сталин «последовательно искоренял большевистский дух, подменяя атмосферу горячих дискуссий атмосферой горячего одобрения» [7, с. 670]. В это время на публику много говорилось о верности ленинскому курсу, необходимости коллективного руководства, задачах сохранения единства партии и пр. Но никакой диктатуры пролетариата, конечно же, не существовало. Власть всё больше концентрировалась в руках партийно-государственной бюрократии, которая количественно росла сверх всякой меры. Бюрократия, мимикрируя к ситуации, поднимала на щит идеи традиционного большевизма, пыталась вести дискуссии о дальнейшем пути развития страны в условиях, когда мировая пролетарская революция оставалась идеей без надежды на осуществление. Более того, упрощённый набор марксистско-коммунистических идей большевизма нужен был становящейся сталинской руководящей группе лишь в том значении, в каком он мог способствовать стабилизации её власти.

«Те вожди большевизма, – писал О. В. Хлевнюк, – которые были привержены прежним идеям, должны были быть устранены. Это определило динамику внутрипартийной борьбы 20-х годов» [9, с. 66].

Старая партийная гвардия хорошо помнила, кем был И. В. Сталин до революции; реально оценивала обоснованность его претензий на лидерство в партии. Поэтому грядущий вождь относился к старым большевикам с явным недоверием. Он «утверждал своё единовластие, заменяя старую гвардию молодыми выдвиженцами» [9, с. 196]. Несмотря на то, что некоторая часть старых большевиков находилась в системе властных должностей до середины 1930-х, уже к концу 1920-х гг. эта группа утратила свою реальную политическую правоспособность. В нашем понимании всё вышеперечисленное свидетельствует об историческом поражении большевизма задолго до окончания существования коммунистического государства в 1991 г.

В своё время Л. Д. Троцкий, анализируя перерождение большевизма в сталинизм («общество термидора»), выпустил немало критических стрел в адрес И. В. Сталина и его власти. К. Маллапарте высказал одно довольно точное и тонкое замечание: «Если коммунисты всех европейских стран должны учиться у Троцкого искусству захвата власти, то либеральные и демократические правительства должны учиться у Сталина искусству защиты государства от повстанческой тактики коммунистов» [6, с. 131].

Иными словами, ленинизм (большевизм, троцкизм) концентрировал внимание преимущественно на проблематике завоевания политической власти, сталинизму же намного важнее вопросы её удержания и консолидации. В конкретной политической обстановке 1930-х гг. последняя проблематика была гораздо более актуализирована, нежели первая. Естественно, что И. В. Сталин сотоварищи оценивали и старую партийную гвардию, и партийную оппозицию только в аспекте укрепления своей власти. П. Грегори оценил этот процесс, как «трансформацию механизма политической власти от коллективного руководства небольшой группы партийных лидеров к механизму единоличной диктатуры Сталина» [4, с. 100].

Партийно-политическое определение по вопросам судьбы НЭПа. Не стоит представлять себе ликвидацию НЭПа как результат победы сталинизма в 1929 г. Начиная с 1921 г. буржуазное устройство НЭПа вступило в противоречие с партийной бюрократической системой. Суть этого противоречия состояла в понимании властью того, что НЭП есть не просто «временное отступление», а проигрыш и унижение коммунистической партии, всей советской системы. Б. Г. Бажанов (со слов секретарей В. И. Ленина М. И. Гляссер и Л. А. Фотиевой) приводит данную

первым председателем Совнаркома оценку НЭПа: «Конечно, мы провалились. Мы думали осуществить новое коммунистическое общество по щучьему велению. Между тем, это вопрос десятилетий и поколений. Что бы партия не потеряла душу, веру и волю к борьбе, мы должны изобразить перед ней возврат к меновой экономике, к капитализму, как некоторое временное отступление. Но для себя мы должны ясно видеть, что попытка не удалась, что так, вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни нельзя. Можно попробовать загнать население в новый строй силой, но вопрос ещё и в том, сохраним ли мы власть в этой всероссийской мясорубке» [1, с. 112].

Так, майская 1924 г. кампания по выборам в местные Советы показала серьёзное сопротивление деревни военно-коммунистическому наследию в экономике и в политике. Основными формами сопротивления являлись неявка на избирательные участки, отказ от голосования за предложенные «сверху» кандидатуры и даже покидание мест традиционного проживания. Позицию центра часто не поддерживали даже местные коммунисты.

Сорванную кампанию 1924 г. переназначили на 1925 г.; но новые выборы показали возросшую роль сельских сходов в противовес сельсоветам [8, с. 13–14].

В большинстве своих начинаний сталинисты чувствовали сопротивление деревни, показывавшее всё большую зависимость власти от растущей рыночной среды. Всё это сказывалось на задумках и результатах хлебозаготовок и на мн. др. К тому же городские слои так же не испытывали большого сочувствия к растущей бюрократической системе (в городе часто антибюрократические и антиэнпманские настроения сливались воедино). Казалось бы, власть располагала и правящей партией, и системой Советов, и секретными службами и пр., но часто, за пределами больших городов, коммунистического всевластия не наблюдалось. Всё это вызывало у коммунистов чувство изоляции, развивало психологию осаждённой крепости, стимулировало агрессивное поведение и соответствующий стиль партийно-государственного управления.

Конечно, выбор 1929 г. был во многом предопределён личной позицией И. В. Сталина, который, как и его соратники, ни теоретически, ни практически не был подготовлен к сложному экономическому маневрированию на поле НЭПа; социально-политическая направленность элиты так же вступала в противоречие с задачей осуществления «форсированной индустриализации, необходимость которой в том виде определялась не столько общественной потребностью, сколько решением руководства» [2, с. 72].

В нашем понимании большевистский (досталинский) период власти проходил под флагом идейного коммунистического доминирования. Крушение этой идеи на практике привело к власти т. н. прагматиков политических отношений, использовавших флёр идеологии для прикрытия своего часто безыдейного политического курса. Б. Г. Бажанов писал: «В коммунистической практике всё было пропитано ложью. Вожди сами не верили в то, что провозглашалось как истина. Для них это был лишь способ, а цель была совсем другая, довольно низкая, в которой сознаться было нельзя. Отсюда ложь как постоянная система, как настоящая сущность» [1, с. 118]. Их истинной целью было сохранение собственного всевластия.

Библиографический список

1. *Бажанов Б. Г.* Борьба Сталина за власть. Воспоминания личного секретаря. М.: Алгоритм, 2017. 304 с.
2. *Боффа Д.* СССР. От разрухи к мировой державе. Советский прорыв. М.: Алгоритм, 2005. 224 с.
3. *Гефтер М.* Третьего тысячелетия не будет. Опыты политические, исторические, теоретические. «Революции» в Советском мире как Русском. Разговоры с Глебом Павловским. М.: Европа, 2017. 400 с.
4. *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2006. 400 с.
5. *Данилов В. П.* Сталинизм и советское общество // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 169–175.
6. *Малапарте Курцио.* Техника государственного переворота. М.: Агрио, 1998. 319 с.
7. *Моше Левин.* Советский век. М.: Европа, 2008. 680 с.
8. *Хироши О.* К вопросу о предпосылках коллективизации: настроение работников низовых партийных и советских структур в период НЭПа // Российская история. 2008. № 4. С. 14–16.
9. *Хлевнюк О.* Жизнь одного вождя. М.: АСТ: CORPUS, 2015. 464 с.

К. В. Павлов,

магистрант 1 курса, Институт истории СПбГУ (г. Санкт-Петербург)

**АНАЛИЗ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЕНТАЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: 'MENTAL STUDIES'
И КОНЦЕПЦИЯ И. ДОЙЧЕРА**

Исследования И. Дойчера, Р. Уэйда и У. Розенберга посвящены проблеме политической ментальности российской интеллигенции революционного периода. Авторы схожи в основном выводе – разочаровании интеллигенцией итогами революции, но рассматривают проблему по-разному.

Ключевые слова: Октябрьская революция, Февральская революция, интеллигенция, история ментальности, культуральная история, литературные нарративы.

K. V. Pavlov,

1st year master's student, Institute of History of St. Petersburg State University

**ANALYSIS OF THE REVOLUTIONARY AND POLITICAL
MENTALITY OF THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA
IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY: 'MENTAL STUDIES'
AND THE CONCEPT OF I. DEUTSCHER**

Research by I. Deutscher, R. Wade, and W. Rosenberg's works are devoted to the problem of the political mentality of the Russian intelligentsia of the revolutionary period. The authors are similar in their main conclusion – the disillusionment of the intelligentsia with the results of the revolution, but they consider the problem in different ways.

Key words: October revolution, February revolution, intelligentsia, history of mentality, cultural history, literary narratives.

Культуральное направление политической истории весьма широко представлено в современных исторических исследованиях, в том числе на революционную проблематику – как отечественных [1, 2], так и зарубежных [3, 4]. При этом, согласно мнению российского исследователя зарубежной русистской историографии Н. В. Макарова, вследствие того, что «...В рамках популярной сегодня на Западе «новой политической истории» происходит сближение истории с антропологией, культурологией, языкознанием» [5, с. 4/105], предпочтение исследова-

телей в плане источниковой базы отдаётся литературным нарративам: соответственно, в «интеграле» социальной и культуральной методологии постепенно отмечается приоритет последней при рассмотрении исторических проблем, связанных с фундаментальными политическими событиями, в том числе – и с русскими революциями 1917 г. Вместе с тем, в современной отечественной историографии анализируются преимущественно отдельные направления зарубежной научной мысли по проблемам культуральной и социальной истории русских революций. Помимо упомянутого выше исследования Макарова, примером подобного «партикулярного» рассмотрения данного вопроса может служить статья В. М. Шевырина [6]. Характеризуя западные конструктивистские и постмодернистские исследования революционных событий 1917 г. в России, Шевырин упоминал о производимых историографических попытках представить русскую интеллигенцию пореволюционных лет как общественный пласт, сохранивший своё самосознание вне зависимости от политических надежд и предпочтений. Так, в данном ключе Шевырин отметил статью И. Дойчера *Pasternak and the Calendar of the Revolution* (Пастернак и календарь Революции), в которой Дойчер рассмотрел проблему рефлексии революционных событий в произведении Пастернака «Доктор Живаго» [6, с. 14/66]. По мнению исследователя, Дойчер стремился представить психологический портрет реакции русского интеллигента на Революцию, некий интеллигентский революционный архетип: проще говоря, Пастернак вложил в свой гениальный роман всю совокупность интеллигентских переживаний относительно февраля-октября 1917 г. и их последствий – такова, согласно Шевырину, авторская концепция Дойчера [6, с. 15/67]. Однако стоит подчеркнуть, что Дойчер прямо не указывал в своей статье на попытку создать из Пастернака архетип реакции русского интеллигента на революции: он высказал лишь идею сильного травматического шока, который испытал поэт под воздействием революционных потрясений [7, р. 1/27]. Касаясь последствий Октября 1917 г. в восприятии Пастернака, польский историк несколько раз указал в тексте статьи термин «сталинизм»: по его мнению, «Доктор Живаго» – это, прежде всего, сильнейшее анти-сталинистское литературное произведение, квинтэссенция реакции неприятия литератора к сталинскому режиму, предположительно, испугавшее даже самого Сталина, человека, мягко говоря, не боязливого [7, р. 3–4/29–30]. Более того, Дойчер даже предположил в своей статье, что революция и Гражданская война разделили русскую интеллигенцию, в первую очередь – литературную, и при Сталине это разделение лишь усилилось: ряд писателей и поэтов, начинавших свою деятельность как ярые анти-сталинисты, впоследствии сменили свою реакцию на сталин-

ский режим и даже удостоивались государственных премий его имени [7, р. 4/30]. Поэтому концепции Дойчера в отношении роли интеллигенции в русской революции и восприятия ей итогов таковой, как основанные на «термоядерном» синтезе анализа сталинизма и порождённой им литературы, в зарубежной историографии стоят несколько особняком.

Говоря о зарубежных культуральных исследованиях на тему революционных событий 1917 г. в России, необходимо подчеркнуть, что одним из преобладающих в них трендов является направление «*mental studies*», в рамках которого западными авторами производится рассмотрение политической ментальности русской интеллигенции с тем, чтобы попытаться выделить политическую силу в период февраля-октября того года, которая была бы максимально близка к позиционированию себя как выразителя интеллигентских интересов. Среди работ этого направления следует упомянуть исследование Р. Уэйда [8] и У. Розенберга [9]. По мнению Н. В. Макарова, в своей монографии Р. Уэйд «...Главным голосом либерализма», выразителем «стремлений растущего среднего класса» называет КДП» [5, с. 10/111]. Вместе с тем, американский историк выделяет интеллигенцию как ядро кадетской партии, обращая при этом внимание на критику, которую литераторы и публицисты от КДП высказывали в адрес большевистских идеологов в ходе революционных событий 1917 г. [8, р. 83]. Как полагает Уэйд, кадеты всячески пытались «...оттянуть интеллигенцию от большевиков к себе, ...опасаясь, в случае большевизации революции, её движения в сторону красных масс» [8, р. 84]. Несмотря на это, отмечая традиционную предрасположенность русских интеллигентов к конституционал – демократам с момента создания их партии, исследователь констатирует факт их очевидного недоверия к деятельности института Временного правительства, на базе которого, кадеты попытались построить власть. Согласно Уэйду, этот момент в значительной степени определил дальнейшую политическую апатию интеллигенции, их отход от поддержки кадетов, обозначившийся с апреля 1917 г. [8, р. 86–126]. Термин, применяемый американским исследователем в отношении данного настроения российской интеллигенции в тот период, – «*aspiration*», или дословно «анти-вдохновение» [8, р. 86], – весьма точно отражает действительную интеллигентскую психологию пореволюционного времени, как она ярко выражена, например, в цитате поэта А. А. Блока: ««Вообще все правы: и кадеты правы, и Горький с «двумя душами» прав, и в большевизме есть страшная правда. Ничего вокруг не вижу, хотя оптимизм теряю не всегда. Все, все они, «старые» и «новые», сидят в нас самих; во мне, по крайней мере. Я же – вишу в воздухе...» [9, т. 8, с. 495–496]. Концептуальной базой отношения американского автора к

роли интеллигенции в революционных потрясениях 1917 г. стал тезис о том, что лидеры РСДРП(б) «предоставили средние общественные слои самим себе в их агонии» [8, р. 105], сосредоточившись на установлении контроля над пролетарскими и армейскими массами. В свою очередь, ввиду того, что значительную часть среднего класса в российском обществе составляла как раз интеллигенция – профессиональная и творческая, – в интеллигентской среде возникло представление о своеобразной «спайке» пролетариата и армии вокруг большевиков в их общей заинтересованности в военной радикализации русской революции. Соответственно, «анти-вдохновение» интеллигентской среды в период между февралём и октябрём 1917 г. лишь усугубилось по итогам октябрьского этапа революции и превратило эту среду в группу – антагониста советской власти в годы Гражданской войны в России [8, р. 106–126].

Несколько иную оценку настроениям русских интеллигентов в 1917 г. и их революционным рефлексиям дал У. Розенберг. Так же, как и Уэйд, полагая, что либерализм как политическая идеология, декларируемая кадетскими лидерами, действительно была весьма близка большинству представителей интеллигенции, историк выдвинул гипотезу о том, что после революций 1917 г. эта идеология стала для них субстратом [10, р. 41]. Развивая свои рассуждения, Розенберг пришёл к выводу о парадоксе, или «мировоззренческом сломе (moral view's break)» [10, р. 97], произведённом Февральской революцией 1917 г. в сознании интеллигентов. Этот слом заключался в следующем. С одной стороны, Февральская революция 1917 г. по своей идее являлась истинным выражением духа интеллигенции: её системы ценностей, антагонистичной по отношению к старому режиму. С другой – осуществили её не интеллигенты, а народные массы, оказавшиеся не способными к организации новой политической системы на хаотичных обломках старого мира. Интеллигентам же удалось временно занять власть – власть, идейно не соответствовавшую сути свершившегося. В результате, те, кто должен был преобразовывать общество по интеллигентской программе, после февраля превратились в «кадровых» политиков – идея их социальной среды была размыта. Кадеты, войдя во Временное правительство и образовав в нём значительный по своему представительству конгломерат, стали ориентироваться на другие общественные силы – в особенности на армию, тем самым, по сути, тактически уподобившись столь критикуемым ими ранее социал-демократам, хоть и модифицировав их подход к армии в охранительном ключе. В свою очередь, вследствие этого, кадеты, участвовавшие в руководстве Временным правительством, утратили в своей «правительственной» деятельности свою идею – интеллигентскую, в рамках которой, они мыслили до Февраля свои проекты

общественных преобразований: тех преобразований, которые в Феврале свершились совсем по-иному. Соответственно, политическая апатия русских интеллигентов после Февраля, по Розенбергу – это результат не недоверия кадетам, а потери кадетов как своих репрезентантов в политической системе государства [10, р. 94]. В связи с этим, и дальнейший ситуационизм стратегий представителей интеллигентской среды в Гражданской войне – следствие отсутствия политической организации, мыслившейся им единым выразителем их политических интересов; большевики ими не были по определению как «...военные радикалы, направившие войну с международного фронта внутрь собственной страны» [10, р. 99], а бывшие либерально – демократические силы после октября претерпели значительный раскол. У интеллигентов с весны 1917 г. не осталось своей политической площадки в России – на фоне углубления революции после октябрьских её событий, это превратило их в маргинальных наблюдателей, индифферентно ожидавших кровавого итога революционной борьбы. Таким образом, можно утверждать о том, что Розенберг в своём исследовании произвёл очень точный анализ размывания интеллигентской сущности кадетов после их прихода к власти у руля Временного правительства, но не сделал параллель с произошедшим по аналогии процессом с большевиками после Октября 1917 г., заставившим их во многом искусственно интегрировать пролетариат и интеллигенцию под знаменем первого.

Итак, монографические исследования Р. Уэйда и У. Розенберга, освещающие проблему политической ментальности русской интеллигенции в период революционных событий 1917 г., содержат в себе комплексный анализ данной проблемы в контексте социальной истории, тогда как в статье И. Дойчера приводится скорее историко-психологический подход к её рассмотрению. Вместе с тем, объединение этих исследований в рамках направления «*mental studies*» – истории ментальности – оправдано не только сходством обращения учёных к литературным нарративам революционной эпохи в России и воспоминаниям их авторов – представителей российской интеллигенции – как к источникам своих исследований, но и общностью выводов относительно сути итогов революционного 1917 г. для интеллигентской общественной среды как разочарования в своих убеждениях и надеждах. С точки зрения всех трёх исследователей, революционные события 1917 г. не стали для российской интеллигенции реализацией того политического проекта, каким она для неё представлялась изначально – ни в их ходе, ни в их итогах.

Библиографический список

1. *Николюкин А. Н.* Русские писатели о катастрофе 1917 г. // Литературоведческий журнал. М.: ИНИОН РАН, 2017. № 41. С. 82–100.
2. *Криволапова Е. М.* Литературный дневник «русской смуты» 1917 г. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2009. № 4 (2). С. 105–108.
3. *Jekton J.* Novyj vzgljad na rusckuju revoljuciju // Otechestvennaja istorija. 1997. № 5. P. 70–71.
4. *Hjemburg G.* Ot social'nyh issledovanij – k literaturnomu narrativu: Terens Jemmons i izuchenie istorii Rossijskoj imperii s 1968 po 2004 gody // Otechestvennaja istorija. 2005. № 5. P. 158–167.
5. *Макаров Н. В.* Современные англоязычные исследования по истории русского либерализма конца XIX – начала XX столетия // Вестник ТвГУ. Сер.: История. 2015. № 2. С. 102–123.
6. *Шевырин В. М.* Революции 1917 г.: переосмысление в зарубежной историографии // Россия и современный мир. М.: ИНИОН РАН, 2007. № 1. С. 53–77.
7. *Deutscher I.* Pasternak and the Calendar of the Revolution // Labour Review. No. 1. Vol. 6. London: New Park Publications, Ltd, 1961. P. 27–36.
8. *Wade R.* The Russian revolution, 1917. 3rd Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 347 p. / Ed. origin.: Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
9. *Блок А. А.* Письма 1899–1921 г. // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.; Л.: Художественная литература, 1963. 776 с.
10. *Rosenberg W. G.* Liberals in the Russian revolution: The Constitutional Democratic party, 1917–1921. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1974. 534 p.

УДК 1 (091)(470)

Н. Н. Павлюченков,

доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(г. Москва)

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА: НАБЛЮДЕНИЯ П. А. ФЛОРЕНСКОГО

В статье рассматриваются взгляды П. А. Флоренского на духовное состояние интеллигенции и народа в России в начале XX в. Отмечается, что в народе он выявлял двоеверие и чисто внешние проявления церковной жизни, а в интеллигенции – сознательный отказ от веры и Церкви. События, которые произошли в 1917 г., Флоренский воспринимал как следствие этих явлений.

Ключевые слова: Флоренский, Россия, Церковь, общество, народ, интеллигенция.

N. N. Pavliuchenkov,

Associate Professor, St. Tikhon's Orthodox university (Moscow)

CHURCH AND SOCIETY IN RUSSIA IN THE FIRST DECADES OF THE XX CENTURY: OBSERVATIONS OF P. A. FLORENSKY

The article examines the views of P. A. Florensky on the spiritual state of the intelligentsia and people in Russia at the beginning of the twentieth century. It is noted that he revealed among the people dual faith and purely external manifestations of church life, and among the intelligentsia – a conscious rejection of faith and the Church. The events that took place in 1917, Florensky perceived as a consequence of these phenomena.

Key words: Florensky, Russia, Church, society, people, intelligentsia.

Масштабные потрясения, которые российское государство испытало в начале XX в., коснулись всех сфер жизни общества. До сих пор осмысление их причин и последствий остается актуальной темой для многих исследований. В этом отношении практически с самого начала среди некоторых русских религиозных философов и богословов оформилась вполне определенная позиция, согласно которой внимание, по преимуществу, нужно обращать на достаточно длительный, предшествующий катастрофе 1917 года, период расцерковления российского общества. Нужно выявить процессы постепенной утраты религиозности не только среди интеллигенции, которая «заражалась» духом нигилизма и атеизма, но также и среди простого народа, где так называемое «двоеверие» (смешение христианства и язычества) сочеталось и сохранением чисто внешних форм церковной жизни.

Подобный исторический анализ проводился в русской эмиграции авторами самых различных убеждений, такими, как, например, И. Ильин, Н. Бердяев, Г. Федотов и др. В данном случае особый интерес представляют оценки и выводы тех мыслителей, которые хотели, при всех церковных расколах и нестроениях первых лет советской власти, сохранять верность «исторической» Православной Церкви в России и оставались (добровольно или вынужденно) на родине. Они имели возможность видеть складывающуюся ситуацию изнутри и непосредственно общаться в новых условиях с представителями самых разных слоев общества. Верность Церкви, как представляется, позволяла им быть более объективными, различая в Церкви ее вечную, божественную основу, и нуждающиеся в исправлении человеческие пороки.

К числу таких мыслителей принадлежит П. А. Флоренский, философ, богослов и ученый, творческое наследие которого включает в себя, кроме специальных философско-богословских трудов, также

обширную переписку и многочисленные записи, которые, в том числе, были сделанные и в годы советской власти. Почти все записи и письма им самим были тщательно датированы и, в контексте данной темы, они представляют особый интерес. Флоренский имел возможность ознакомиться с настроениями современного ему студенчества (он учился в Московском университете в период 1900–1904 гг.), студентов и преподавателей Московской духовной академии (в которой он учился в 1904–1908 гг.). Он достаточно часто посещал российскую «глубинку», а с 1911 г., уже в священном сане, общался с простым народом и с интеллигенцией как пастырь. В первое десятилетие советской власти он, оставаясь священником, входил в круг физиков и электротехников – специалистов, разрабатывающих новые технологии по программе электрификации страны.

В 1907 г. Флоренский собирал конкретные факты и живые свидетельства действительности церковных таинств (прежде всего – св. Крещения и Покаяния) и хотел, – вопреки устоявшимся среди интеллигенции стереотипам, – показать, что Православие в России не относится к области «археологии», а представляет собой, как и в древние времена, «явление духа и силы», о чем, как он с горечью замечал, «всего менее любят говорить наши богословы» [4, с 423]. Если бы ему удалось довести это начатое дело до конца, то могло бы появиться исследование, подобное «Многообразию религиозного опыта» американского психолога и философа В. Джемса, с той разницей, что у Флоренского речь шла бы только о религиозных переживаниях православных церковных людей в России. Конечно, это был бы сборник свидетельств подлинного религиозного опыта, в отличие от собрания самых разных «встреч» и переживаний у западного исследователя.

Чуть позже Флоренский написал главу о православии для вышедшего в 1909 году сборника по «Истории религии». Эта статья замечательна тем, что в ней нет никаких привычных ссылок на догматы и катехизисы, а есть лишь факты реальной жизни православных людей в России. В этих наблюдениях, в частности, мы не найдем свидетельств какой-либо внутренней духовной жизни крестьянина в русской глубинке начала XX века. Очень многочисленны факты «двоеверия» и суеверия, чисто механического употребления молитв и крестного знамения. Но, наряду с этим можно видеть, что жизнь крестьянина неотделима от Церкви и немыслима без нее.

Обязательные посты, церковные службы, молитва перед каждым делом, пишет Флоренский, «пронизывают насквозь жизнь великоросса, скрепляют ее, делают ее, прежде всего,стройной и размеренной». Человек чувствует себя «на своем месте, не торопится, а сознание, что он

делает дело, которое до него делали сотни поколений, делает его уверенным в себе, степенным и торжественным» [1, с. 176–177].

Что касается современной российской интеллигенции, то Флоренский наблюдает «обмирщение» образа жизни, образа мыслей, отношения к себе, к своей стране и к своему народу. Это все когда-то было религиозным и священным, но сменилось *профанацией*, разрушающей саму жизнь в ее основах. И Флоренский в различных своих трудах очень хорошо показывает, как, например, современная ему психология может быть права, когда не находит в человеке души в ее целостности. Душа современного человека, пишет он, действительно «распылилась»; порвав связь с Богом, человек потерял самого себя и пришел к состоянию, когда, как пишет Флоренский, уже не «я делаю», но «со мной делается», не «я живу», но «со мной происходит» [2, с. 175] и жизнь как-то и куда-то «идет», проходит в бессмысленной и бесполой для вечности суете.

Разрушение начинается внутри человека и простирается вовне – на народ, на страну, на весь мир. И процесс восстановления должен проходить в том же порядке, начинаясь с каждого конкретного человека, с его обращения к Богу. В лице своей элиты – интеллигенции – Россия потеряла Божий дар – Православие – задолго до того, как эта потеря обнаружилась внешним образом – в событиях 1917 года. Флоренский определял суть Православия как смиренное принятие человеком реальности, данной от Бога [5, с. 294–295]. Только так, по его убеждению, возможна полноценная жизнь, подлинная свобода и подлинное творчество. Все это, будучи ориентировано на Небо, дает свои плоды и на земле; для лучшей организации пути в «Царство Небесное» Господь дает царство земное с самодержавным правителем – Царем, Помазанником Божиим. Потеря Православия, выражающаяся в стремлении все устроить по-своему, – от внутренней жизни и духовных ценностей до порядков в стране, – оборачивается утратой Царя как дара, после чего бессильными оказываются все попытки восстановить монархию и разрушенную страну путем, как пишет Флоренский, «выкриков» (очевидно, в парламенте – Государственной думе той поры), демонстраций и даже вооруженного сопротивления узурпаторам власти. Нужен долгий, во всяком случае, достаточно длительный, процесс нового обретения русским человеком Православия как высшей ценности и тогда, с восстановлением каждой отдельной души, восстановится Россия, получив, может быть, снова дар самодержавной православной монархии.

В 1920-х гг. Флоренский сказал немало критических слов и в отношении современной ему Православной Церкви в России, и в отношении русского народа. Русский народ, по его мнению, поверил в свою

«богоизбранность», жил так, как будто он всегда, несмотря ни на что, будет с Христом. Не почувствовали смертельной опасности, когда пошли первые процессы расцерковления общества [6, с. 634–635], а православная церковность постепенно превратилась в полный сокровищ железный сундук, который заперт и ключ от которого утерян [3, с. 276–277]. Поэтому, как и многие в России того периода, Флоренский воспринял катастрофу 1917 г. как очистительное средство, через которое должна пройти Россия, а вслед за ней, может быть, и весь остальной мир.

Но и христианский Запад, в представлении Флоренского, имеет свои особенности, ставшие причиной трансформации там христианства сначала в католичество, а затем, – частично, – в протестантизм. Этим двум религиозным системам, писал Флоренский, можно научиться по книгам [2, с. 8], именно – как *системам* разумного и рассудочного знания и убеждения. Такое знание будет исчерпывающим, и западный человек, как правило, не требует ничего большего.

В России – все не так, и Флоренский любил приводить пример из беседы преп. Серафима «О цели христианской жизни», где типично русский человек – Н. А. Мотовилов не может удовлетвориться ни формальными религиозными предписаниями, ни чисто теоретическим понятием о «стяжании Святого Духа Божия». Ему нужен реальный опыт такого «стяжания» и он его, в конце концов, добывается [4, с. 420–421]. Православия – это сама жизнь и познать его можно только живя в Православной Церкви [2, с. 6–8].

И Православие научило русского человека не довольствоваться, например, *идеями* Бога (как в Западной философии со времен Декарта), или *созерцанием* Бога (как в католической духовной практике), а искать уже здесь, на земле, реальной жизни с Богом и в Боге. Поэтому и духовный голод в России, как, очевидно, полагал Флоренский, будет выражаться не в поиске каких-либо новых, более приемлемых «национальных идей» и идеологий, а в невозможности жить по-прежнему, без той благодатной стихии, которую может дать только православная церковность.

Библиографический список

1. История религии / А. Ельчанинов, В. Эрн, П. Флоренский, С. Булгаков. М., 1991.
2. Флоренский П. А. Сочинения. Т. 1 (1): Столп и утверждение Истины. М.: Правда, 1990.
3. Флоренский П. А. Сочинения. Т. 2: У Водоразделов мысли. М.: Правда, 1990.
4. Флоренский П., *свящ.* Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996.
5. Флоренский П., *свящ.* Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996.
6. Флоренский П. Христианство и культура. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001.

А. С. Панин,

редактор, Челябинская областная специальная библиотека
для слабовидящих и слепых

**«ИСКРЫ ОТ НЕГО РОВНО ПОЖАР ГОРИТ...»
Огненный змей – видимый образ невидимого мира**

Памятники провинциального русского некрополя обнаруживают веру в посмертное существование человека, конкретизировать эти представления, существующие в рамках народной религиозности, позволяют фольклорные тесты соответствующей тематики и, в частности, рассказы об огненном змее.

Ключевые слова: Народная религиозность, фольклорные тексты, огненный змей, смерть и посмертье.

A. S. Panin,

Editor, of the Chelyabinsk Regional Special Library
for the visually impaired and the blind

**«SPARKS FROM HIM EXACTLY THE FIRE BURNS... »
The fiery serpent is a visible image of the invisible world**

The monuments of the provincial Russian necropolis reveal a belief in the posthumous existence of man, and folklore tests of the corresponding subject and, in particular, stories about a fiery snake, allow to concretize these ideas existing within the framework of folk religiosity.

Key words: Folk religiosity, folklore texts, fiery serpent, death and afterlife.

Традиционные мировоззренческие представления русского человека, укладывающиеся в понятие «народная религиозность» многообразны, но опознаются сегодня только по отдельным фрагментам.

Так, представления о смерти и посмертье в традиционной культуре включали представления о значимости для христианина дня смерти («истинного рождения»), важности связи со святым покровителем (как для живых, так и для мёртвых) возможность общения живых с мёртвыми – которые не просто «уснули» со святыми, но (как и эти святые) «живут» где-то рядом.

Важной частью связанных со смертью верований было убеждение в проницаемости границ между миром живых и миром мёртвых. Это фиксируется в поминальной обрядности, в типовых надгробиях русского провинциального некрополя, знаках, символах и текстах, сопровождающих погребение русского христианина.

Конкретизировать представления о смерти и получить подтверждение о возможности периодического общения живых и мёртвых, можно обратившись к сопутствующим фольклорным текстам. Здесь особо примечательными кажутся истории, повествующие об огненных змеях веками передававшиеся изустно и записываемые фольклористами, по крайней мере, с XIX столетия.

«Огненный змей» (или «огненный сноп») всегда представлялся одинаковым – в виде огненного шара, летящего на небольшой высоте и разбрасывающего искры. Цель его полёта известна: молодые женщины или вдовы, тоскующие в разлуке по своим мужьям. Есть мнение, что на внешний вид змеи повлиял вид сторающих в атмосфере болидов, повторяемость сюжетов о посещении женщины змеем специалисты объясняют общими свойствами психологии, привычки огненного змея обнаруживает сказочный Змей Горыныч и о таких же повадках летающего гостя сообщают фольклористы уже на основе полевого материала XX века.

В позапрошлом веке поэт Афанасий Фет (1820–1892) на основании традиционного сюжета создал лирическое произведение «Змей» (1847), в стихотворных строках сообщая знакомые каждой русской деревне детали:

...И летит, свиваясь в кольца,
В ярких искрах длинный змей.

И шумит всё ближе, ближе,
И над вдовьиным двором,
Над соломенною крышей
Рассыпается огнём.

И окно тотчас затворит
Чернобровая вдова;
Только слышится в светлице
Поцелуи да слова [6, с. 155].

Уже в конце прошлого века информанты рассказывали примерно тоже самое безыскусной прозой:

«Летит как ухват, вот эдак низко, а он, шар, прям нам по головам. И слышим, там вон как даст, аж там искры от него ровно пожар горит. Прям к нам на двор и об стену, и рассыпался...» [5, с. 276].

Чаще всего пролетов «как ухват» и рассыпав по пути огненные искры, к чернобровой вдове приходил оживший мертвец.

Такая встреча сулила женщине множественные неприятности – зная об этом, родные несчастной или сама опамятававшаяся вдова принимала меры. Традиционные защитные меры предусматривали как христианские молитвы, так и не одобрявшиеся Церковью шёпоты или

заговоры – заклинания в которых отчётливо прослеживается связь огненного змея с миром мёртвых:

Как мертвецу из земли не вставать,
Так и тебе ко мне не летать,
Утробы моей не распалати,
А сердцу моему не тосковати.
Заговором я заговариваюсь,
Железным замком запираюсь,
Каменным тыном огораживаюсь,
Водой ключевой прохлаждаюсь,
Пеленой Божьей Матери покрываюсь.

Традиционные средства помогали не всегда, с чем, кстати, связано нежелание некоторых вдов поминать покойных мужей: чтобы покойник не пришёл ночью. Ведь если мертвец приходил, избавиться от него бывало не просто:

«Чтобы покойник не ходил, можжевельник по всем углам, иконку в голову кладу, только не помогает ничего» [5, с. 276].

Последняя реплика относится уже к новому времени и зафиксирована в южноуральской провинции – и кажется показательным, что одни и те же сюжеты воспроизводятся не только на протяжении длительного времени, но даже в достаточно удалённых друг от друга регионах.

Объяснение схожести сюжетов исследователи находят в психологии, не забывая также про культурные реалии.

«...по крайней мере, часть рассказов о посещениях сильно гонимых по умершему вдов огненными змеями, принимающими образ покойного, может быть мифологизацией описанных выше универсальных свойств психики человека; но не стоит недооценивать степень влияния культуры на образы, которые возникают при этом» [4, с. 509].

Культурная система, которая, так или иначе, позволяла опознавать ночных гостей и помогала понять, что именно летит над деревней, рассыпая искрами во вдовьем дворе, может быть названа народной религиозностью. Так в соответствующей литературе обозначается то причудливое единство, в котором соединялись религиозные установки христианской веры, традиционные народные верования и представления массового сознания.

Здесь хочется подчеркнуть только один момент, который как раз больше относится к сфере культуры, нежели к механизмам работы женской психологии. Народные религиозные верования в отличие от догм православного христианства не соотносили посмертное существование человека с категориями ада, рая или тем более чистилища. Хотя послед-

нее по описаниям более всего напоминает ту страну за границей мира живых, где всё как у нас, но чуточку иначе.

В качестве примера можно привести два рассказа о посещении женщины огненным змеем, передающие особенности речи гостя из иного мира. Хотя в одном случае история записана в Поволжье во второй половине XIX века, а другой рассказ относится к Южно-уральскому региону приблизительно середины XX, гости «с той стороны» говорят очень похожим образом.

Первый рассказ приводится фольклористом Поволжья Дмитрием Садовниковым и имеет отношение к Самарскому краю (Д. Садовников «Сказки и предания Самарского края» (1884)).

«Раз над одной избой, где вдова жила да о муже горевала, змей рассыпался. Вошел, как был муж при жизни, – с ружьем и зайца в руках принес. Та обрадовалась. Стали они жить: только все она сомневается, муж ли это: заставляла его креститься. Он крестится, крестится, да так скоро, что не уследишь. Святцы давала читать, он читает, — только вместо «Богородица», читает «Чудородица», а вместо «Иисус Христос», – «Сус Христос». Догадалась она, что неладно, пошла к попу. Поп молитву дал, и пропал змей, и не стал больше летать» [2, с. 112].

Вторая история зафиксирована на Южном Урале и относится примерно ко второй половине XX века, на неё, как содержащую речевые характеристики «мифического существа» обращает внимание Татьяна Рожкова, доктор филологических наук, профессор МГТУ им. Г. И. Носова (Магнитогорск).

«Тётя Саша говорит: «Миша, это не ты, это бес!». Он сбоку стоит: «Песь, песь, песь». Чёрт, бес-то не выговаривает. «Песь, песь, песь», – и пятиться, пятиться. Она говорит: «А я гляжу – у него назади скелет» ...» [5, с. 276].

Эта вторая история, добавляя подробностей к предварительному рассказу о полёте («как ухват») огненного змея, определяет «мифическое существо» как беса, одновременно сообщая приметы живого мертвеца («назади скелет»). Подобная амбивалентность представителей иного мира кажется напрямую связанной с традиционной культурой, довольно поздно и не до конца принявшей деление Церковью всего иномирного на бесовское и божеское.

Как утверждал ещё «один из первых исследователей русской мифологии» Дмитрий Шеппинг: «Влияние христианства... не уничтожило языческие суеверия в народе, но лишило их только своих благих свойств, соединив все эти поверья в общее представление наваждения нечистой, дьявольской силы» [7, с. 45].

«Мифические существа» посещавшие вдов в Поволжье и на Южном Урале говорят одинаково – в одном случае посетитель не может

правильно произнести слово «Богородица», а в другом случае путается в обозначении нечистой силы. Думается не только и не столько потому, что «он бес». Жители иного мира в своей речи «переворачивают» привычные слова, меняют смысл обычных выражений и обнаруживают главный признак своей «инаковости» – «изнаночность» или «наоборотность».

«Местность смерти выделяется не только характерными особенностями – вехами, – которые маркируют её территорию, но и, прежде всего, особым смыслом, изъясняющим местность смерти как изнанку мира...» [1, с. 173–174].

Потусторонний мир – другой уровень «посюстороннего» бытия. Он неоднороден, в его образе соединяются различные мифологические представления, книжные интенции, устные предания, религиозные определения, это одновременно мир мёртвых и просто «иной» мир. Так или иначе «мир смерти» – это всегда «изнанка» мира живых. Или, в соответствии с Владимиром Проппом (1895–1970), смерть – это ещё одна «далёкая страна».

Далёкая страна, тем не менее, легкодоступна: волшебные сказки сохраняют древние представления о близком соседстве чудесного и обычного.

«Настоящая... волшебная сказка с крылатыми конями, с огненными змеями, фантастическими царями и царевнами и т. д. древнее... феодализма...» [3, с. 117].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что различные истории об огненных змеях имеют древнее происхождение и, ассимилированные фольклором, подвергшиеся трансформации при устной передаче, они сохраняют изначальные представления об «иной стране» где и пребывают, по всей видимости, мёртвые, время от времени нарушая границы между мирами, посещая безутешных родственников.

Народная традиционная культура, формируя религиозные представления, соответствующие понятию «народная религиозность» – православию, ставшему повседневностью – сохраняет в себе сказочно-мифологическое понимание смерти и посмертья: как «иного света» граничащего с миром живых.

Смерть для носителя народной религиозности не означает бесповоротного ухода: мёртвые становятся жителями «иного» мира, принимают удивительные свойства и продолжают вмешиваться в жизнь живых, становясь добрыми помощниками, коварными оболъстителями или просто напоминанием, что человеческая жизнь не исчерпывается видимыми приметами «этого» мира.

Библиографический список

1. *Малинов А. В.* Образ смерти в русской сказке // ВЕЧЕ. Журнал русской философии и культуры. СПб., 1995. № 3.
2. Предания русского народа / автор-сост. И. Н. Кузнецов. М.: Вече, 2008.
3. *Пропп В. Я.* Морфология сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа) / коммент. Е. М. Мелетинского, А. В. Рафаевой. М.: Лабиринт, 1998.
4. *Пузанов Д. В.* Визионерский след представлений о летающих змеях // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 2. СПб., 2020.
5. *Рожкова Т. И.* Некоторые аспекты изучения традиционной культуры русских Южноуральского региона Русский фольклор: материалы и исследования. Вып. 32. СПб., 2004.
6. *Фет А. А.* Сочинения: в 2 т. Т. 1: Стихотворения; Поэмы; Переводы. М.: Худож. лит., 1982.
7. *Шеппинг Д. О.* Русская народность в её поверьях, обрядах и сказках [Шеппинг Д. О. Русская народность в её поверьях, обрядах и сказках. М., 1862.] М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2012.

УДК 93/94

Б. Б. Сажин,

старший преподаватель, Свято-Филаретовский православно-христианский институт, преподаватель, НЧУ ОО СОШ «Карьера» (г. Москва)

Н. Ю. Кузнецова,

начальник Управления довузовской и профориентационной работы, Петрозаводский государственный университет

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРИЗИС В РОССИИ 1917–1920-х гг.: К ВОПРОСУ О ДУХОВНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ СТРАНЫ (ПРОЕКТ А. С. ПРУГАВИНА)

В статье рассматриваются взгляды известного общественного деятеля, народника А. С. Пругавина на ситуацию в России, сложившуюся после событий 1917 года. Установлено, что выход страны из кризиса связывался Пругавиным с развитием религиозных чувств в народных массах.

Ключевые слова: Пругавин, народничество, сектантство, старообрядчество, христианство, революция 1917 г.

B. B. Sazhin,

Senior Lecturer, St. Philaret Orthodox Christian Institute, teacher Independent private institution educational organization Secondary school «Career» (Moscow)

N. Yu. Kuznetsova,

Head of the Department of Pre-University and Career Guidance

Petrozavodsk State University

**THE INTELLIGENTSIA AND THE REVOLUTIONARY CRISIS
IN RUSSIA OF THE 1917–1920s: ON THE QUESTION
OF THE SPIRITUAL REVIVAL OF THE COUNTRY
(PROJECT OF A. S. PRUGAVIN)**

The article considers the views of A. S. Prugavin on the situation in Russia, emerged after the events of 1917. He was well-known public figure, populist. It was found that Prugavin linked the country out of the crisis with the development of the religious feelings of the people.

Key words: A. S. Prugavin, populism, sectarianism, Old Believers, Christianity, Revolution of 1917.

Революционные события 1917 года полностью изменили вектор развития российского государства в XX веке. Приход к власти большевиков и последовавшая за этим Гражданская война ввергли страну в хаос и поставили на край цивилизационной катастрофы. Интеллектуальные силы общества пытались осмыслить происходившие в стране события, определить их причины, наметить пути преодоления кризиса. В противовес ленинскому воинствующему атеизму многие из представителей оппозиционной большевизму интеллигенций, в том числе и демократической, видели выход из сложившейся ситуации в развитии религиозных чувств в народных массах. Одним из таких проектов стал план возрождения страны известного общественного деятеля, близкого к партии народных социалистов, Александра Степановича Пругавина.

А. С. Пругавин (1850–1920) занимал особое место в демократическом движении в России второй половины XIX – начала XX в. Народник, писатель, этнограф, общественный деятель, он был известен, в первую очередь, как исследователь народных религиозных движений, автор многочисленных статей, очерков и книг, посвященных сектантству и старообрядчеству. Пругавин был также известен как один из авторов концепции социального прогресса. Отличительной чертой взглядов народника являлось положение о положительной нравственно-преобразовательной роли религии в общественной эволюции. Главной движущей силой развития России к социализму должны были стать представители народных религиозных движений и демократическая интеллигенция [1, 2, 5].

Октябрь 1917 г. Пругавин встретил в Уфе, власть большевиков не признал, сотрудничал с «Уфимской директорией» и правительством Колчака. В июне 1919 г. писатель эвакуировался в Новониколаевск (ныне – Новосибирск), а 24 марта 1920 г. он был арестован Особым отделом Всероссийской Чрезвычайной комиссии при III армии Восточного фронта. Умер Пругавин осенью того же года в г. Красноярске, в местной тюрьме от брюшного тифа.

К сожалению, Пругавин не успел представить свои воззрения о постреволюционной ситуации в стране в виде программной работы. Его взгляды на будущее России, которые он обсуждал в кругу своих единомышленников, выявляются на основе его черновых набросков, заметок, которые были отобраны у писателя во время обыска и ареста. Этот материал стал частью его личного фонда, хранящегося в Российском государственном архиве литературы и искусства и документальной основой настоящей работы. Целью статьи является реконструкция разработанного в 1917–1920-х гг. проекта Пругавина по выводу России из структурного общественного кризиса.

На наш взгляд, Пругавин считал, что преодоление катастрофы, в которой оказалась Россия после 1917 г., ее последующий путь к социализму, зависит от усиления религиозного чувства и глубокого усвоения христианских этических норм.

Вот что, например, пишет Пругавин о религии в 1920 г.:

«Религию нельзя упразднить никакими декретами... Мы глубоко уверены в том, что религия снова займет свое место и вновь станет огромным фактором в жизни человечества, слившись и объединившись с этикой и моралью, поставит на своем знамени активную любовь к человеку, не только «ближнему», но и дальнему <...> Относительно религии я не разделяю распространенного теперь взгляда о том, что это пережиток прежних веков, осколок грубого невежества и фанатизма, который неизбежно должен исчезнуть с развитием прогресса. Я нахожу, что и сейчас религия является огромным фактором в жизни человечества и что в будущем, подвергшись крупным изменениям, примирившись с наукой, культурой и общественностью, религия явится могучим орудием для дальнейшего духовного и этического развития людей» [4, л. 79, 81].

Еще в одном черновом наброске писатель отмечает:

«...Огромная, руководящая роль религии в исторической жизни человечества признается всем культурным миром. Особенно значительны и велики заслуги христианства в деле морального и этического развития народов. И в настоящее время, освобожденное от суеверий, религия является крупным фактором духовного, нравственного воспитания народных масс. Поэтому чем цивилизованнее нация, тем с большим

уважением относится она к религии и к религиозным верованиям людей» [4, л. 129].

Таким образом, религия определялась Пругавиным как важный фактор в дальнейшем нравственном развитии человечества. Не случайно, народник «глубокую народно-общественную деморализацию», «падение нравов», «преобладание низменных инстинктов», «одичание и озверение» в России после 1917 г. будет объяснять снижением религиозных чувств в народе [3, л. 182]. Выход виделся только один – восстановление религиозности в народных массах. «Политическое и социальное обновление России не будет прочным, – рассуждал писатель, – если оно не повлечет за собою культурного, этического и религиозного возрождения народа» [там же].

Духовное возрождение мыслилось, прежде всего, как глубокое усвоение народными массами нравственных заповедей христианского учения. Собственно, «одичание» и «озверение» людей писатель связывал с тем, что русский народ, являясь формально православным, не знал основ христианского учения. «Народные массы до сих пор плохо знакомы с Евангелием, – отмечал он, – Даже главные, основные идеи учения Христа не восприняты сознательно, не усвоены широкими кругами населения» [4, л. 102].

Идеи религиозного возрождения страны Пругавин обсуждал с епископом Андреем Ухтомским, когда жил еще в Уфе. Но народник не согласился с мыслью архиерея о том, что религиозный ренессанс должен произойти на «почве церковности». Пругавин отмечал: «Мы верим, что возрождение религии неизбежно. Но оно совершится не на почве церковности, которая никогда не способствовала единению людей, а скорее наоборот, служила к их разъединению, так как всегда понижала идеальные стремления и порывы религиозно настроенных людей, всегда тянула к догматике, к обряду и ритуалу, к форме и букве» [4, л. 123]. По-видимому, писатель в данном вопросе больше надеялся на сектантство и на те согласия старообрядчества, которые были не связаны с церковными институтами. Так, например, сектантство в деле освоения евангельских принципов показало себя «более сознательной частью народа» [4, л. 102]. И не случайно, еще до прихода к власти большевиков, обращаясь к Временному правительству, Пругавин заявлял: «И старообрядцы и сектанты – плохие революционеры. Но за то эти люди могут сыграть крупную, незаменимую роль на второй же день после революции, когда потребуются созидательная творческая работа в разных областях жизни» [3, л. 43].

Но и религиозные нон-конформисты, по мнению Пругавина, могли не доходить до конечного уровня осмысления христианских истин,

так как нередко проявляли пассивное отношение к миру, стремились к самоизоляции, развивали мистические настроения. На какие же стороны евангельского учения, которых не хватало для счастливого будущего страны, хотел обратить внимание Пругавин? Авторам статьи удалось найти в бумагах писателя несколько таких указаний. В одном из черновиков народник пишет: «Учение Христа до сих пор не только не осуществлено в жизни, но даже не усвоено, не понято вполне. Почему-то все подчеркивают одну его идею – идею любви... Но почему то не замечают, не хотят видеть других его идей, не менее глубоких и важных. Такова идея о совершенствовании человека, о достижении полного идеала совершенства. «И будьте совершенны, как совершенен Отец Ваш небесный» [4, л. 103]. Несомненно, речь здесь идет о достижении человеком самой высокой планки нравственного развития.

Уподобиться Христу значит любить не только своего ближнего (в случае с сектантами – своих «братьев»). Критикуя замысел епископа Андрея Ухтомского, народник указывал на то, что «церковность» игнорировала «любовь к человеку не только «ближнему», но и дальнему» [4, л. 108]. Этого стремления также не хватало «религиозным отщепенцам», часто ограничивавшими свои интересы и нравственные запросы пределами собственной общины.

Еще одним евангельским принципом, нереализованным в жизни народа и, в частности, сектантов и старообрядцев, были слова Иисуса Христа «нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други свои» (одно из самых любимых народниками мест в Библии). Так, критикуя учение толстовцев и баптистов, Пругавин отмечал, что «у них нет сознания необходимости того активного христианства, которое предписывает не только любить людей, не только служить им, но и «душу свою полагать» за них» [3, л. 152]. Слова писателя отражают его критику пассивного отношения религиозных нон-конформистов к окружающему миру. Мысль Пругавина заключает в себе, на наш взгляд, не призыв к насилию, а стимул к более активному участию сектантов и старообрядцев в общественной жизни, к защите своих идеалов и вовлечению к новой, нравственной и совершенной жизни как можно большего количества людей.

Реализация этих евангельских принципов в рамках религиозного возрождения в России должна была, вероятно, привести к осуществлению социалистических идей. «Социализм всецело вышел из христианства, – утверждает Пругавин в одной из черновых записей в 1920 г., – Первые христиане «имели все общее». Разве это не главная цель, не главная основа социализма и коммунизма?» [3, л. 151]. Построить в России социализм можно только, не разрушая религиозной составляющей

мировоззрения человека, развивая в нем понимание евангельских этических норм. Нельзя насаждать «социализм при помощи штыков и расстрелов» [3, л. 92]. И ближайшими союзниками демократической интеллигенции в конструировании справедливого общественного строя должны стать сектанты и старообрядцы. Эта главная мысль, на наш взгляд, в концепции Пругавина и эту идею он пытался донести до своих современников на протяжении всей жизни.

Таким образом, в 1917–1920-х гг. Пругавин, осмысливая происходившие в стране события как цивилизационную катастрофу, предлагает собственную программу ее преодоления. Ее основу составляло положение о духовном возрождении России как необходимой предпосылки создания будущего социалистического строя. Условием выхода из кризиса являлось развитие религиозных чувств в обществе. Движущей силой данного процесса являлись сектанты и старообрядцы. При соблюдении условий союза с демократической интеллигенции, просвещения и более глубокого освоения евангельских нравственных ценностей, они должны были направить Россию к ее счастливому, социалистическому будущему.

Библиографический список

1. Кузнецова Н. Ю. Исследователь старообрядчества А. С. Пругавин: формирование политических взглядов народника в 60–70-е годы XIX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. 2015. № 3 (15). С. 71–76.
2. Кузнецова Н. Ю. К вопросу о религиозных процессах на Европейском Севере (старообрядчество как особый фактор приграничья в работах А. С. Пругавина) // Журнал фронтальных исследований. 2019. № 3 (15). С. 140–151.
3. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2167. Оп. 2. Д. 51.
4. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2167. Оп. 2. Д. 49.
5. Сажин Б. Б. Проблема народных религиозных движений в народничестве А. С. Пругавина (70–80-е гг. XIX века): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2005. 411 с.

К. Е. Ситниченко,

доцент, Южно-Уральский государственный университет (филиал в г. Миасс)

СМЫСЛ ЖИЗНИ: ПРАВОСЛАВНОЕ ПОНИМАНИЕ (Опыт осмысления христианина)

Проблема смысла жизни, одна из ведущих тем с момента зарождения философии. Христианская доктрина формировалась в зависимости тех или иных христианских воззрений и направлений, а также от позиций христианских авторов. В работе представлен абрис исследования данного вопроса.

Ключевые слова: православие, жизнь, целостность, экзистенциальность, любовь.

K. E. Sitnichenko

Associate Professor, South Ural State University (Miass branch)

THE MEANING OF LIFE: ORTHODOX UNDERSTANDING (Christian's comprehending experience)

The meaning of life has been one of the leading problems since the birth of Philosophy. Christian doctrine was formed depending on different Christian beliefs and approaches as well as on the author's points of view. The paper presents the outline of the study of this issue.

Key words: orthodoxy, life, integrity, existentiality, love.

Проблема поиска смысла жизни – одна из ведущих тем в системе русской философской школы. На протяжении всех веков существования Православия в России, в работах богословского и философского содержания мы встречаем различные интерпретации данного концепта. Православное осмысление связывает смысл жизни с последованием заповедям Христа, с христианскими нормами нравственных ценностей. Странники классовой борьбы, еще с времен политического радикализма XVIII столетия (Радищев А. Н.) представляли смысл жизни в служении обществу, народу, в борьбе за его совершенствование в идее прогресса.

Обострение интереса к данной проблематике всегда усиливается в периоды бифуркации, разлома социальной жизни. Практически весь XX век и первые два десятилетия XXI века эта тема пронизывает красной нитью творчество русской общественной мысли. Особенно это было характерно для начала XX века – века Православного Ренессанса в русской философии и первых революционных потрясений: С. Л. Франк,

И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, Е. Н. Трубецкой и др. Метафизически звучат слова С. Л. Франка о том, что имеет ли жизнь вообще смысл, и если да – то какой именно? В периоды разлома, физических и моральных страданий, человек терзает себя данным поиском, он стремится понять всю глубину человеческой тоски о тщетности человеческого существования.

Религиозный человек усматривают смысл жизни в связи человека с Богом. С Богом как первосущностью, абсолютной личностью, в христианском понимании выступающей триедино: Бог-Отец, Бог-Сын и Святой Дух, являющей собой соборное единение в отношении к своим творениям. Например, С. Н. Булгаков отмечал, что человеческая жизнь обладает абсолютным смыслом и ценностью не в самой себе, а вне себя и выше себя, и получает ее как служение идеальному началу. Так же и И. А. Ильин отмечал, что проблема смысла жизни заключается в разрешении вопроса о вере, «по вере зачтется», судить нас будут по нашей вере.

Как результат, верующий человек старается раскрыть тайну своего бытия, найти в условностях собственного «я» Божий «образ и подобие», осмыслить себя как уникальное единство плоти, души и духа. Одному удастся более-менее отчетливо, а кому-то смутно, но представить свое «я» как интегральный образ. Целостность «я» может быть призрачна, незаметна, хотя и лежит в доступном локусе, но не каждому дано в метафизических глубинах индивидуального бытия увидеть смылосодержательную явь. Очень хорошо противоречия поиска представлены в работе Е. Н. Трубецкого «Смысл жизни», где он пишет, что только «одно остается навеки нерушимым и ценным: это – смиренный образ монастырского послушника, который выполняет тяжелое, скучное ему дело не по внешнему принуждению, а *потому что ему бесконечно дорога его обитель*. Создавая относительные ценности, человек, сам того не замечая, делает нечто другое, неизмеримо более важное: он определяет себя самого, выковывает тот свой человеческий образ, который либо перейдет в вечную жизнь, либо станет добычей второй смерти. Создание собственного своего образа по образу и подобию Божию и есть то подлинное, субстанциальное и творческое дело, к которому призван человек. Относительные ценности служат лишь средством для этого творчества, но сами по себе не выражают его сущности» [1, с. 371]. Житейские (относительные) интересы – «суета сует и томление духа» (Еккл. 2:17), а следование за Христом – понимание смысла и цели земного бытия.

Также и С. Л. Франк отмечал противоречия в постижении смысла жизни в личностном плане: «... для обретения подлинно существенного смысла жизни, есть, как мы знаем, во-первых, бытие Бога как абсолютной основы для силы добра, разума и вечности, как ручательства их торжества над силами зла, бессмыслия и тленности и, во-вторых,

возможность для меня лично, в моей слабой и краткой жизни, приблизиться к Богу и заполнить свою жизнь им» [2, с. 545]. Думается, что смысл жизни в готовом виде найти нельзя, он не дан, он задан. Своей жизнью, невидимой миру работой души мы осуществляем осмысление самой жизни, придаем ей цель и смысл.

Однако для нас неизбежно участие в миру (практическое делание), следовательно, понимание жизненного смысла заключается в мирском служении, где мирское делание является производным от духовного, в этом и заключается духовное равновесие. Силы духа свободно должны изливаться вовне: вера без дел мертва. И дело внутреннего перерождения возможно через любовь к Богу, любовь к ближнему, к окружающему миру, что является условиями постижения смысла.

В Евангелии отмечается: «...всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мтф. 12:25). Человек, семья являются субъектами общества, они коррелируют друг с другом, а вера способствует оформлению общественного смысла жизни через осознание человеком необходимости во взаимопомощи, справедливости, дружбе, единству. Единство реальности абсолюта, есть суть единства общества, противоположностью же является ненависть, вражда и страдания.

Также постижение смысла жизни возможно через любовь. Человек, интенционально исполняющий вложенную в него Богом цель своей жизни, приближается ко всеобщей любви. Будучи сердцем абсолюта, любовь выявляется в святости, именно святые могут стать выше собственных привязанностей и желаний. Истинная любовь – любовь, полностью подчиненная благодати с другими. В Священном Писании изложены положения о любви к своей семье, своему народу и человечеству в целом. Любовь есть истина. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая, или кимвал звучащий <...> Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла <...> А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (I Кор. 13:1, 4–5, 13).

Являясь особой частью природы, человек, в тоже время и отличается от нее как высшая ступень сотворенной реальности, способной осознавать Бога. Данная возможность воздействия человека на природу согласии с Божьей волей облагораживает и совершенствует среду его обитания, и не только естественную, но и культурную. Всеобщее образование, где одним из основных духовных принципов должен стать принцип сакрального отношения к земле и культуре места – это предпосылка формирования глобального культурно-экологического сознания.

Без усвоения духовных ценностей и идеалов сохранить и восстановить природно-культурную среду не удастся.

Таким образом, следуя православному учению, человеку, посредством божественной интенции, предоставлена возможность избрать образцы духовного смысла и цели жизни соответственно своему разумению и идеалам своей культуры, тем самым не противореча божественной истине. Смысл жизни христианина становится полной, если любое явление он рассматривает в согласии двух проекций: с одной стороны, вертикальной – вхождение в Царство Божие, с другой, горизонтальной – солидарность с ближними, и всем человечеством. Кто подчиняет свою душу только плоти в конечном итоге утратит свой добрый дух и погубит свою душу. Постигая же Священное Писание и следуя учению Церкви, посредством мирского делания мы познаем Божью волю, проникаем в смысл и цель земного бытия.

Библиографический список

1. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. Русские философы (конец XIX – середина XX века: Антология. Вып. 2 / сост. С. Б. Неволин, Л. Г. Филонова. М.: Изд. «Кн. палата», 1994. 424 с.

2. Франк С. Л. Смысл жизни // Смысл жизни (Антология). М.: Прогресс-Культура, 1994. 592с.

УДК 93/94

И. А. Суздальцева,

доцент, Дагестанский государственный педагогический университет
(г. Махачкала)

НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ДАГЕСТАНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье нашли отражение основные направления научной и просветительской деятельности представителей российской интеллигенции, которая была направлена на изучение языков, истории и культуры, природных ресурсов и экономики Дагестана в контексте его вхождения в российское экономическое и политическое пространство. Приехавшие в Дагестан учителя, врачи, ученые способствовали становлению системы светского образования и просвещения, стимулировали интерес к истории и культуре края, формировали его позитивный образ в российском обществе.

Ключевые слова: исследования, история, этнография, статистика, языки, экономика, природные ресурсы, медицина, учителя, библиотеки.

I. A. Suzdaltseva,

Associate Professor, Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala)

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE RUSSIAN INTELLIGENCE IN DAGESTAN AT THE LATE OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article reflects the main directions of scientific and educational activities of representatives of the Russian intelligentsia, which was aimed at studying the languages, history and culture, natural resources and economy of Dagestan in the context of its entry into the Russian economic and political space. Teachers, doctors, scientists who came to Dagestan contributed to the formation of a system of secular education and enlightenment, stimulated interest in the history and culture of the region, and formed its positive image in Russian society.

Key words: research, history, ethnography, statistics, languages, economics, natural resources, medicine, teachers, libraries.

Во второй половине XIX века, после окончания Кавказской войны на Северо-Восточного Кавказе началась огромная работа по интеграции этого края в состав Российской империи, требовавшая обширных и качественных знаний по истории, этнографии, статистики, экономике и т. д. Значительную роль в изучении региона сыграли представители российской интеллигенции – ученые, учителя и врачи, офицеры и представители местной администрации.

Большой интерес у российской интеллигенции вызывал Дагестан – многонациональный регион, богатый природными ресурсами и имеющий глубокую историю и самобытную культуру.

Многие российские ученые – историки, археологи, этнографы – подолгу жили в Дагестане и заинтересованно его изучали. Исследования по археологии и этнографии в числе первых начал военный историк Василий Александрович Потто – генерал русской армии, начальник Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа, автор ряда очерков и статей, отразивших историю Дагестана времен Кавказской войны. Особое внимание общественности привлекла «История Новороссийского драгунского полка», за составление которой В.А. Потто был отмечен императором Александром II.

Благодаря усилиям ряда российских ученых (А. Русов, А. Уваров, А. Комаров, Д. Н. Анучин, А. Афанасьев, В. Долбежнев и т. д.) состоялось археологическое открытие Дагестана. По данным исследователей, до 1917 г. этнографическое открытие Дагестана совершили 825 авторов [6, с. 10].

В 1862 г. академик А. Шифнер издал «Опыт изучения аварского языка», который стал новым направлением в российской лингвистике.

В 1864 г. была переиздана «Татарская (кумыкская) грамматика кавказского наречия» Т. Макарова. Кавказские языки попали в учебные программы факультета восточных языков Петербургского университета. Известным исследователем дагестанских языков был Петр Карлович Услар (1816–1875 гг.) – российский ученый с мировым именем. Находясь на военной службе в звании генерал-майора, П. К. Услар являлся членом-корреспондентом Российской Академии наук, вел научную и педагогическую работу. Его деятельность была направлена на развитие просвещения и создание письменности на родных языках горцев. В частности, П. К. Услар составил азбуки по аварскому, даргинскому, лакскому, лезгинскому и табасаранскому языкам, положив в основу русскую графику. При поддержке администрации в 1865–1867 гг. Петр Карлович организовал новые школы в Хунзахе, Казикумухе, Гунибе, где преподавание велось на родных языках [8, с. 7].

Профессор геологии Дерптского университета, «отец кавказской геологии» Герман Вильгельмович Абих считал Дагестан краем больших природных богатств. С его именем связано изучение горных массивов и речных ресурсов Дагестана. В 1859 г., совместно с горным инженером К. Гилевым, Г. В. Абих исследовал Кхиутское месторождение серы (самое крупное в Дагестане), расположенное в Андийском округе на склоне хребта Салатау близ селения Чирката. В 1893 г. академик де Марни подробно описал и исследовал феномен Сарыкума – песчаника высотой 273 метров недалеко от г. Петровска (Махачкалы). Геолог Д. В. Голубятников произвел подсчет запаса газа месторождения «Дагестанские огни». Прикладное значение имели труды в области почвоведения крупного ученого В. В. Докучаева. Кроме того, изучением недр, флоры, фауны и почв Дагестана занимались выдающиеся ученые Н. И. Андрусов, К. И. Богданович, А. А. Булгаков, К. П. Калицкий, П. Рупрехт, А. Беккер, Г. Радде, Н. И. Кузнецов и многие другие.

Был написан ряд научных трудов по экономике Дагестана: «Историко-статистический очерк виноделия в России» М. Балласа (СПб., 1877), «Описание кавказского шелководства» Н. Н. Шаврова (Тифлис, 1891 г.), «Борьба с перелетной или азиатской саранчой в Дагестанской области» К. Н. Россикова (М., 1902) и т. д.

Важную роль в изучении дореволюционного Дагестана сыграли библиотеки. В 1899 г. при Дагестанском областном статистическом комитете было собрано книгохранилище для оказания помощи изучающим Дагестан. В ней было немало редких и ценных изданий по кавказо- и дагестановедению [5, с. 198].

Крупным учебным заведением Дагестанской области была Темир-Хан-Шурина гимназия (открыта в 1874 г.), преобразован-

ная в 1880 г. в реальное училище. Её преподавательский состав был представлен преимущественно прибывшими в Дагестан русскими учителями. В 1880-х гг. в училище работало 46 работников учебно-воспитательного персонала, в числе которых было два дагестанца. В педагогическом коллективе было немало высококвалифицированных специалистов, занимавшихся изучением истории и культуры Дагестана. Так, Адольф Дирр – немецкий лингвист и этнограф, долгое время живший в России, в 1902–1908 гг. занимал должность преподавателя немецкого языка в реальном училище в Темир-Хан-Шуре, много сделал для изучения дагестанских языков (удинского, табасаранского, агульского) [4, с. 85]. Его труды составили важный этап научного исследования языков народов Дагестана и доставили звание почетного доктора Мюнхенского университета (1908 г.), Макарьевской премии от Санкт-Петербургской академии наук (1909 г.). Преподаватель русской словесности А. В. Барсов в 1882 г. издал некоторые образцы дагестанского устного творчества: «Дагестанские сказки» и «Предания некоторых областей Дагестана» [2, с. 61]. С 1881 г. в Темир-Хан-Шуринском реальном училище преподавал выпускник историко-филологического факультета Новороссийского университета Евгений Иванович Козубский – автор многочисленных работ по истории, этнографии и краеведению Дагестана. В Темир-Хан-Шуре он прожил более 30 лет и в 1899 г. был утвержден на должность секретаря Дагестанского статистического комитета, в ведении которого было составление и публикация «Обзоров положения Дагестанской области», а иногда и годовых отчетов по области. Служебные обязанности и общественную деятельность Е. И. Козубский сочетал с серьезной научной работой. В течение длительного времени он сотрудничал с историческим журналом «Русский архив» (Москва) и газетой «Кавказ» (Тифлис). Евгений Иванович известен как автор исследований: «Очерк истории города Темир-Хан-Шуры» (1894 г.) «Опыт библиографии Дагестанской области» (1904 г.), «История города Дербента» (1906 г.) и «История Дагестанского конного полка» (1909 г.).

В конце XIX – начале XX века в светских учебных заведениях Дагестана большую часть учителей составляли представители российской интеллигенции. История сохранила многие имена: супруги А. П. и Н. И. Скрабе, П. А. Егоров и С. Н. Теньковский, О. С. Лопухина, С. М. Иванов, И. В. Машков, А. П. Молотков, Н. Ф. Тарасевич, М. Е. Афанасьев, Д. С. Маслоковец, А. В. Тимушев, супруги Мустановы, И. Я. Яковлев, Б. Г. Ниткевич, Л. Алимпиади, И. Кудряшов, К. М. Михайлов, К. И. Квасников и т. д. В 1925 г. в Дагестане работало около 30 учителей, педагогический стаж которых превышал 25 лет [3, с. 44]. Кроме преподавательской деятельности, они занимались публицистикой, участвовали в просветительской и научной работе.

Важную просветительскую миссию в Дагестане сыграла российская периодическая печать, разного рода сборники и информационные издания. С 1868 г. по инициативе главнокомандующего Кавказской армии и под редакцией Н. И. Воронова начал издаваться «Сборник сведений о кавказских горцах» (вышел в 10 т.) [1, с. 126].

В Дагестане высоко оценены заслуги врача, педагога и просветителя Ивана Семеновича Костемеровского (Успенского), уроженца с. Костемерово Скопинского уезда Рязанской губернии, выпускника Петербургской медико-хирургической академии. В 1852 г. он был прикомандирован к Дагестанскому конно-иррегулярному полку, в котором служил полковым лекарем до 1861 г. Затем И. С. Костемеровский был назначен врачом Гунибского, а с 1866 г. – Казикумухского округа и до конца своей жизни жил в Дагестане. Благодаря широкой эрудиции, знанию местных языков, квалифицированному врачеванию он заслужил всеобщее уважение и признательность. И. С. Костемеровский занимался изучением истории и культуры народов Дагестана, публиковал статьи в журналах «Москвитянин», «Кавказ», «Северная Пчела», «Московские Ведомости», «Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества». В статье «Петровское» он обратил внимание на возможности санаторно-курортного лечения в Дагестане [7, с. 82]. На средства, оставленные Иваном Костемеровским по завещанию, осенью 1912 г. в Темир-Хан-Шуре был открыт Дагестанский Кустарный музей, названный его именем.

Таким образом, деятельность российской интеллигенции была направлена на становление и развитие научной и просветительской деятельности в Дагестане. С одной стороны, она способствовала приобщению края к достижениям российской науки и образования, а с другой стороны, раскрывала перед российским обществом своеобразие местной национальной культуры.

Библиографический список

1. *Губаханова Р. А.* Н. И. Воронов и проникновение передовой прогрессивной культуры России в Дагестан. // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в. Махачкала, 1988. С. 123–128.

2. *Каймарзов Г. Ш.* Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. 160 с.

3. *Каймарзов Г. Ш.* Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. М., 1988. 441 с.

4. *Лысенко Ю. М.* Адольф Дирр – исследователь дагестанских языков и культуры // Дагестан в известиях западноевропейских, восточных и русских авторов XIII–XIX вв.: материалы региональной научной конференции. Махачкала: Алеф, 2012. С. 84–88.

5. Обзор Дагестанской области за 1901 г. Темир-Хан-Шура, 1902. 199 с.

6. Сеидов М. М. Дагестано-русские культурные взаимоотношения во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2003. 25 с.

7. Суздальцева И. А. Включение Дагестана в сферу внимания российских исследователей второй половины XIX – начала XX века // Россия и мир в новое и новейшее время – из прошлого в будущее: материалы XXV юбилейной ежегодной международной научной конференции. СПб.: СПбГУПТД, 2019. С. 240–244.

8. Суздальцева И. А. Русский язык в Дагестане второй половины XIX – начала XX в.: распространение и роль в развитии русско-дагестанских взаимоотношений // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2018. Т. 12, № 3. С. 5–10.

УДК 069

А. Ю. Суслов,

профессор, Казанский национальный исследовательский технологический университет

МУЗЕЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (1990-е гг. – НАЧАЛО XXI в.)

Рассматривается музейное пространство Республики Татарстан, его эволюция в последние десятилетия, проблемы и перспективы развития.

Ключевые слова: музеи, историко-культурное наследие, Татарстан, историография.

A. Y. Suslov,

Professor, Kazan national research technological University

MUSEUM SPACE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN (1990s – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY)

The article considers the museum space of the Republic of Tatarstan, its evolution in recent decades, problems and prospects of development.

Key words: museums, historical and cultural heritage, Tatarstan, historiography.

Национальная политика в сфере культуры субъектов Российской Федерации опирается на базовые принципы, изложенные в Конституции РФ, гарантирующей в ст.44 равный доступ к культурным ценностям, пользованию учреждениями культуры, обязанность каждого гражданина сохранять культурное наследие страны, а также в целом ряде иных нормативных актов. В Республике Татарстан приняты аналогичные документы, отражающие специфику региональной культурной

политики, направленной на возрождение и сохранение историко-культурного наследия региона.

Татарстан обладает значительным потенциалом в музейной сфере, возникшим еще в конце XIX в. Уже тогда музеи становились значимыми элементами культурной жизни [12, с. 11–12]. Постсоветский период ознаменовал начало нового этапа в истории музейного дела Республики, отразив политические и социально-экономические изменения в обществе. Этим событиям посвящен ряд публикаций, рассматривающих как эволюцию музейного пространства Татарстана в последние десятилетия в целом, так и отдельные сюжеты данного процесса [1–4, 8–12, 14]. Стоит отметить соответствующие статьи «Татарской энциклопедии» (Казань, 2002–2014, т. 1–6), иллюстрированную энциклопедию «Населенные пункты Республики Татарстан» (т. 1, Казань, 2018), информационный портал «Музеи Республики Татарстан», который аккумулирует информацию о музейной сети, экскурсионном обслуживании, а также содержит подборку виртуальных выставок («Чудо-остров Свяжск», «Воспоминания о Великом Булгаре», «Иконография Казани» и др.) и объединенный электронный каталог экспонатов [7].

Наряду с негативными моментами (падение посещаемости, сокращение финансирования, дефицит кадров), в 1990-е гг. в Татарстане постепенно создается обширная сеть новых краеведческих и мемориальных музеев в административных центрах, городах и сёлах республики в результате инициатив краеведов, поддержанных местными органами управления, а также централизации музейного дела на базе Государственного объединённого музея ТАССР (в настоящее время Национальный музей Республики Татарстан). Сеть музеев сложилась при казанских вузах (медицинском, техническом, технологическом университетах, ветеринарной академии), Научно-исследовательском Химическом институте им. А. М. Бутлерова (Музей Казанской химической школы), Институте органической и физической химии им. А. Е. Арбузова (Арбузовых А. Е. и Б. А. дом-музей); были созданы ведомственные музеи – музей связи при Министерстве связи РТ, а также музей МВД; музеи театрального искусства работают при Татарском академическом театре, Казанском Большом драматическом театре, Татарском театре оперы и балета [13]. Уже в XXI в. возникает сеть музеев ветеранского движения (при Республиканской общественной организации ветеранов (инвалидов) «Союз ветеранов Республики Татарстан» – структурного подразделения Общероссийской общественной организации ветеранов «Российский союз ветеранов»).

Концепция музея в конце XX – начале XXI в. претерпела существенные изменения. Один из самых крупных сдвигов вызван изменением критериев отбора объектов, подлежащих музеефикации, а также окру-

жающей их среды. Эта тенденция получила развитие в создании музеев-усадеб, музеев-заповедников, особо охраняемых природных территорий и акваторий. Музеи осваивают новые формы работы (резко изменилось отношение к Интернет- и PR-технологиями), становятся эффективными инструментами в развитии территорий, формируют объективный образ музея в общественном сознании, чем повышают престиж музейных профессий. Музеи доказывают на практике, что их роль в общественной, культурной и экономической жизни страны возросла многократно.

В законе Республики Татарстан от 14.10.2010 г. 69-ЗРТ «О музеях и музейном деле в Республике Татарстан» (статья 15) содержатся требования к организации и деятельности музеев в Республике Татарстан (в том числе и частных). Так, музеи могут осуществлять свою деятельность при наличии: 1) музейных предметов и музейных коллекций, количество и историко-культурная ценность которых позволяют организовать их публичный показ и публичное представление в форме музейной экспозиции; 2) материально-технической базы (помещения, оборудования, благоустройства, технических средств защиты и безопасности), обеспечивающей условия для хранения и публичного показа музейных предметов и музейных коллекций; 3) музейных специалистов, обеспечивающих все основные виды деятельности; 4) целостных территориальных комплексов культурного и природного наследия – для музеев-заповедников; 5) постоянных источников финансирования деятельности музея [5]. В настоящее время музейная сеть Республики Татарстан насчитывает более 60 музеев, где трудится почти 2 тысячи сотрудников, обслуживающих около 1 млн 800 тыс. единиц хранения.

Отдельный сюжет – это возникновение и развитие сети частных (негосударственных) музеев в Республике Татарстан. В целом в Российской Федерации, как и в Татарстане, доля частных музеев составляет около 10 %. Именно для этих музеев характерно использование самых современных технологий привлечения посетителей – фактически они являются центрами по предоставлению культурных и зрелищных услуг. Поэтому на конкурентном поле они соревнуются за клиентов скорее не с государственными музеями, а с кинотеатрами, зонами интерактивных развлечений, квестами. В Казани на данный момент это музей авторской игрушки, музей чак-чака, Дом занимательной науки и техники, музей иллюзий, музей велосипедной культуры, музей социалистического быта и музей счастливого детства, и др. Частные музеи также вносят свой вклад в сохранение культурных ценностей и должны пользоваться определенной государственной поддержкой.

В современном мультикультурном мире роль музеев возрастает. В Манифесте участников Международного музейного форума в Казани (сентябрь 2015 г.) подчеркивалось: «музеи и иные учреждения культуры

во всем мире, и особенно в России, всегда сохраняли религиозное наследие, отстаивали свободы и интересы самых разных групп населения, представителей всех религий и всех этнических сообществ». Эта благородная миссия работников музеев должна получать всемерную поддержку как органов государственной и муниципальной власти, так и российского общества в целом. Сохраняя национальное достояние, становясь центрами культуры и образования в своих регионах, музеи играют огромную воспитательную и просветительскую роль.

Библиографический список

1. *Айнутдинов Р. А., Гилазев З. З.* Литературные музеи Чистопольского музея-заповедника // Казанская наука. 2018. № 6. С. 12–14.
2. *Айнутдинов Р. А., Гилазев З. З.* Музей К. Насыри: история создания и формирования коллекции // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: материалы итоговой конф. научных сотрудников ИТЭР (Казань, 29 мая 2019 г.). Казань, 2019. С. 294–297.
3. *Вагапова Ф. Г., Нуриева Р. В., Паршукова А. В.* Музей изобразительных искусств Республики Татарстан и его роль в развитии культурно-познавательного туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2018. Т. 12. № 1. С. 102–108.
4. *Гилазев З. З.* Музей Каюма Насыри: основные этапы деятельности // Научный Татарстан. 2020. № 3. С. 73–75.
5. Закон Республики Татарстан от 14 октября 2010 г. № 69-ЗРТ «О музеях и музейном деле в Республике Татарстан». URL: <https://base.garant.ru/8165298/>
6. *Залялова Г. А.* Литературный музей Тукая и PR-технологии // Габдулла Тукай и тюркский мир: материалы конф. Казань, 2016. С. 209–212.
7. Информационный портал «Музеи Татарстана». URL: <http://www.tatar.museum.ru>
8. *Кариева Л. А.* Деятельность музея В. И. Ленина в г. Казани в современных условиях // Историческая истина и «момент гипотетичности» в мемориальном музее: материалы конф. Самара, 2001. С. 37–38.
9. *Мухаметшина Л. Т.* Краеведческие музеи как трансляторы историко-культурного наследия Республики Татарстан (на примере Буинского краеведческого музея) // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: материалы конф. Казань, 2018. С. 264–269.
10. *Назипова Г. Р.* Музеи Поволжско-Уральского региона в культурной жизни региона (XIX – начало XX в.): исследовательская проблематика // Краеведческие чтения и среды. Вып. 3: Материалы заседаний, прошедших в Национальном музее Республики Татарстан в 2002–2003 гг. / под ред. Г. Р. Назиповой. Казань, 2003. С. 83–92.
11. *Назипова Г. Р.* Региональные музеи как национальное достояние России: реалии и перспективы развития Национального музея Республики Татарстан // Материалы Международного музейного форума в Казани «Музеи и общество: современные модели интеграции». 14–18 сентября 2010 г.: в 2 т. Т. 1. Казань, 2011. С. 11–17.

12. Руденко К. А. Этюды по музейной антропологии. Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2017. 268 с.

13. Татарская энциклопедия. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. Т. 4: М–П. 768 с.

14. Филинова О. Е. Перспективы развития туризма в моногородах (на примере г. Зеленодольска Республики Татарстан) // Региональный туризм: опыт, проблемы, перспективы: материалы III Всерос. заочной научной конф. Ижевск, 2016. С. 149–152.

УДК 930.1

О. А. Сухорукова,

доцент, Московский городской педагогический университет

ОТРАЖЕНИЕ ЗАПАДНЫХ ИДЕЙ В КОНСЕРВАТИЗМЕ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

Политические воззрения К. П. Победоносцева традиционно определяются как консервативные, основанные на православной идеологии. Однако, рассматривая идеи Победоносцева, можно обнаружить их преемственность с западной традицией XIX в., основа которой противоречит христианской историософии.

Ключевые слова: консерватизм, христианская традиция, органическая теория происхождения государства, евразийство.

O. A. Sukchorukova,

Assistant Professor, Moscow City University

REFLECTION OF WESTERN IDEAS IN THE CONSERVATISM OF K. P. POBEDONOSTSEV

K. P. Pobedonostsev's political views are traditionally defined as conservative, based on Orthodox ideology. However, considering the ideas of Pobedonostsev, one can find their continuity with the Western tradition of the XIX century, the basis of which contradicts Christian historiography.

Key words: conservatism, Christian tradition, organic theory of the origin of the state, eurasianism.

Новый политический курс императора Александра III неразрывно связан с именем российского государственного деятеля Константина Петровича Победоносцева. Занимая важнейшие государственные посты, Победоносцев сыграл значительную роль в определении правительственной политики консерватизма. Значение и роль этого государственно-

го деятеля подтверждаются тем, что редкое историческое исследование о второй половине XIX – начале XX в. обходится без упоминания его имени. Но сложность этой политической фигуры предоставила большой выбор для ее оценки.

Однозначный взгляд на К. П. Победоносцева как на реакционера характерен для советского историка П. А. Зайончковского, автора монографии «Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг.». Именно он выступил автором статьи в Большой Советской энциклопедии, где о Победоносцеве говорилось как о «русском реакционном государственном деятеле... вдохновителе крайней реакции, противнике западноевропейской культуры и буржуазных форм общественной жизни» [2, с. 373].

Полемизируя с оценкой Победоносцева как недалекого политика и реакционера, В. И. Смоларчук пишет о Победоносцеве как о выдающемся государственном деятеле, который «весь свой талант. Всю свою энергию отдавал делу защиты русской монархии, чем и закрепил за собой славу консерватора...» [2, с. 378].

Попытки раскрыть особенности идеологии Победоносцева были предприняты многими историками, и большинство из них сходятся в одном: мировоззрение Победоносцева основано на православной вере, именно она определила его мировоззрение, оказав основополагающее влияние на проводившуюся им политику.

Вместе с тем совершенно другую точку зрения о религиозных убеждениях обер-прокурора Синода высказал протоиерей Г. Флоровский: «...Победоносцев всем сердцем принимал Петровскую реформу. И при всем своем отвращении ... к современной западной цивилизации, либеральной и демократической, он оставался западным человеком» [5, с. 412–413].

Каковы же были на самом деле взгляды человека, который не только создал и возглавил «государственное правление», но и реализовал его принципы и идеи в политической и духовной жизни России в течение более чем 25 лет?

Константин Петрович Победоносцев родился 21 марта 1827 г. в семье профессора российской словесности Московского университета. Ранее отец закончил Духовную Академию, а дед всю свою жизнь оставался в духовном звании: сначала священником в Звенигородском уезде, а затем настоятелем московской церкви св. Георгия на Варварке. Окончив Петербургское училище правоведения в 1846 г., Победоносцев начинает служить в 8-м департаменте Сената, он периодически участвует в работе журнала «Русский вестник», возглавляемого М. Н. Катковым. В 1861 г. Когда тридцатилетний чиновник Сената Победоносцев стал профессором московского университета, он был известен читающей России как один из лучших знатоков русского гражданского права. В этот непродолжитель-

ный период Победоносцев, тогда умеренный либерал по своим взглядам, принимал участие в подготовке судебной реформы, сотрудничал в комиссии по преобразованию судебных уставов.

Либеральные преобразования в России носили сложный и противоречивый характер. Одним из последствий реформ станет деятельность народнических организаций с их установкой на террор и разрушение основ государства. С середины 1860-х годов в российском обществе начинает формироваться консервативно-политическое течение – это станет реакцией на общественно-политический радикализм. В этот период Россия повторяет исторический опыт европейских государств, переживших в свое время опыт революционных событий, который показал к чему приводят красивые идеи о свободе и счастье народа. Консервативная мысль, рожденная после Великой французской революции в трудах Эдмунда Берке и Жозефа де Местра, стала реакцией на революционный хаос. Революционный террор и насилие сбросили личность человека с гуманистического олимпа, на который ее возвела просветительская идеология.

Обычно дореволюционное крыло российского консерватизма в трудах историков представлялось единым течением, в котором мирно уживались его идеологи и основатели. Однако это не совсем так. Можно согласиться с тем, что всех российских консерваторов сближала идея неприятия европоцентристской модели развития мировой цивилизации. Следствием этой идеи было представление об особом пути развития России, отличном от западноевропейской цивилизации. Поэтому, когда речь заходила о каких-либо преобразованиях российской государственности, возникала проблема неприятия Россией ценностей западной цивилизации: парламентаризма, либерализма и демократизма, чуждых для нашей страны и по своему содержанию, и по своей исторической традиции.

Возвращаясь к личности Победоносцева, заметим, что в 1864 г. его политические взгляды начинают меняться, и он одним из первых оказывается в консервативном лагере. С середины 1860-х гг. и до революции 1905 г. он умел быть не только учителем для правящих государей, но и их ближайшим советником. Придворная карьера учителя наследника престола давала Победоносцеву довольно быстро продвигаться по служебной лестнице, с 1880 г. он обер-прокурор Святейшего Синода, в 1881 г., составляет царский манифест, который фактически провозглашает новый политический курс страны. Так Победоносцев получает уникальную возможность реализовать свои идеи на практике.

Труды Победоносцева, среди которых «Курс гражданского права» [4] – дают представление о его взглядах на государственное и общественное устройство России. Идея закономерности, необходимости и

органичности абсолютной монархической власти для России прослеживается во всех работах Константина Петровича. Корни монархической государственности находятся в бессознательной части бытия. Являясь естественным продуктом исторического развития общества, монархия является единственно возможным авторитетным регулятором в государстве, способным осуществить заботу о благе и спокойствии народа. Эти суждения Победоносцева свидетельствуют о том, что органическая теория происхождения государства, рассматривавшая государство как «естественный организм, который является порождением некоторого высшего начала солидарности, которое не придумывается людьми, но возникает само в естественном процессе жизни» [1, с. 4], соответствовала воззрениям Константина Петровича. Теория органического происхождения государства как явление европейской политико-правовой мысли становится популярной в XIX веке. В этот период законы биологии, ее идеи развития и эволюция природного мира переносятся в сферу социальных наук, о чем свидетельствуют отцы-основатели новой науки – социологии, в частности труды Г. Спенсера. Принимая теорию органического происхождения государства, Победоносцев принимает европейскую политико-правовую традицию и фактически отрицает христианскую концепцию происхождения государства. Органическая теория происхождения государства в отличие от христианской концепции, детерминирована, в ее основе лежит имманентный принцип становления и развития общества. Принятие этой теории объясняет непримиримое отношение Победоносцева ко всякому рассуждению и умозаключению, и как замечает Флоровский, для обер-прокурора «мысль всегда сомневается, всегда разлагает, никогда не творит ... и лучше молчать, и хранить суеверие, ибо в них есть эта первичная энергия жизни» [6, с. 410]. Победоносцев считает, что закон в России рождается самой жизнью, а собственно оформление и толкование закона есть прерогатива царской власти. Все общественные преобразования, реформы должны соответствовать укладу жизни, идти вслед за ней, лишь оформляя и подводя итог каким-либо переменам, произошедшим в реальной жизни народа. Отсюда отрицательное отношение к либеральным реформам 1860–70-х годов, так как они, по мнению Победоносцева, не соответствовали российской действительности, были навязаны ей сверху, особенно критически воспринимается им идея народовластия – теория парламентаризма, ставшая, как считает Константин Петрович, политическим культом русской интеллигенции. Интересно, что в его курсе гражданского права практически отсутствует теоретическое обоснование системы государственно-правового устройства. Определяя самодержавие как высшую форму власти в России, Победоносцев не раскрывает ее идейную политико-правовую основу, констатируя лишь ее основные признаки:

неограниченность власти, освящение власти церковью и органичная связь власти с народом.

Будучи православным человеком, Победоносцев искренне верил в высший смысл освящения царской власти церковью. На церковь возлагалась важная задача по восстановлению нравственного здоровья нации, но именно Победоносцев еще больше подчинил ее государству, поставив под пресс Святейшего Синода. Вера в обряд как проявление естественного религиозного чувства победила разумное осознание веры, потому что «богословия решительно не любил и боялся...» [6, с. 412]. Тогда становятся понятными его действия в области церковной политики, которая не была лишена двойственности. Создавая широкую сеть церковно-приходских школ, увеличивая количество сельских храмов, расширяя издательскую деятельность православной церкви, он активно поддерживал православие. Но недоверие к поиску истины, боязнь свободомыслия привели к тому, что он с опаской относился не только к религиозному творчеству В. Соловьева и С. Трубецкого, но и к учителям духовного делания: Феофану Затворнику, Серафиму Саровскому и о. Иоанну Кронштадтскому – представителям исторической и православной традиции.

В 1880-х годах при Победоносцеве стали невозможны религиозно-философские собрания, а лучшие из богословских изданий («Православное обозрение», «Чтения Московского общества любителей духовного просвещения») под давлением духовной цензуры в начале 1890-х гг. были прекращены. Любая попытка выйти на церковное и общественное обсуждение сложных вопросов своего времени, по мнению обер-прокурора, не только не могла прибавить согласия в обществе, но, напротив, вызвала большую опасность.

Не возвращение к национальным истокам и не перемена в общественном устройстве провозглашаются Победоносцевым. Его пугает любая перемена общественного устройства, которая могла бы вывести страну из-под контроля власти и создать ситуацию хаоса.

Оценивая революционный опыт России, можно согласиться с Победоносцевым, что самодержавная власть в XIX в. была залогом государственного спокойствия и условием национального единства, а ее крушение означало бы всеобщее разложение и распад государства. Историческая действительность подтвердила эти опасения. Крайний радикализм, революционные идеи о переустройстве общества, политический национализм – все это действительно несло в себе угрозу для российской государственности. Примечательно то, что в своей статье «Болезни нашего времени» [3] Константин Петрович точно поставил диагноз духовного заболевания российского общества в конце XIX – начале XX в.,

отмечая, появление мнимых и дутых ценностей, которые задают ложный вектор развития Российского государства вообще, а в обществе создают кумиры с репутациями, не соответствующие действительным заслугам человека. Так, «невежественный журнальный писака вдруг становится известным литератором и публицистом; посредственный стряпчий получает значение пресловутого оратора; шарлатан науки является ученым профессором; недоучившийся, неопытный юноша становится прокурором, судьей, правителем, составителем законодательных проектов» [3, с. 69]. Однако лекарство от общественной болезни он не смог найти, вернее предлагал неверное лечение. Виною тому сложность и противоречивость его мировоззрения, которая обусловила двойственный характер так называемой «охранительной» политики. Постоянно обращаясь к национальным истокам, пытаясь найти опору государственного идеала в самодержавии, обер-прокурор защищал европейскую модель просвещенного абсолютизма, начало которой было положено при Петре Первом. Логика его рассуждения по сохранению государственного строя базировалась на западной, а не на христианской традиции. Идея спасения России от умственного нигилизма, распространенного в интеллигентной среде, сблизила его с Ф. М. Достоевским, но не стала основой духовного родства в понимании православного мистического богословия, и, в конечном итоге привели Победоносцева к отрицанию исторической традиции русской государственности.

Личность Победоносцева, его консерватизм в контексте европейского дискурса подтверждает одну из главных идей евразийцев о том, что в дореволюционной России «правые, левые и умеренные, консерваторы, революционеры и либералы... когда они говорят о той или иной форме правления, они мыслят эту форму правления именно в контексте европейской культуры или европеизированной послепетровской России» [5, с. 100].

Библиографический список

1. *Алексеев Н. Н.* Общая теория права: курс лекций. Вып. 1. Прага, 1925.
2. *Мионов Г. Е.* История государства российского. М.: Книжная палата.
3. *Победоносцев К. П.* Болезни нашего времени // Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993.
4. *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. СПб.: Синодальная типография, 1896. Т. 1–3.
5. *Трубецкой Н. С.* Мы и другие // Мир России – Евразия. М., 1995.
6. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Киев: Христианско-благотворительная ассоциация «Путь к истине», 1993.

Е. А. Фролова,

профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ НАУКИ (Б. А. КИСТЯКОВСКИЙ)

В статье рассматриваются проблемы понимания, назначения государства, связанности государства правом в русской философии права на рубеже XIX–XX вв. На примере теории Б. А. Кистяковского показан вклад русских правоведов в юридическую науку начала XX века.

Ключевые слова: философия права, правовое государство, социальное государство, юридическая наука.

E. A. Frolova,

Professor, Lomonosov Moscow State University

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THEORETICAL AND LEGAL SCIENCE (B. A. KISTYAKOVSKY)

The article deals with the problems of understanding, the purpose of the state, the connectedness of the state with the law in the Russian philosophy of law at the turn of the XIX–XX centuries. For example, the theory of B. A. Kistyakovsky shows the contribution of Russian jurists to the legal science of the beginning of the 20th century.

Key words: philosophy of law, legal state, social state, legal science.

Методологические вопросы в области теоретико-правовой науки традиционно вызывают интерес специалистов. На рубеже XIX–XX вв. юридическая наука была представлена различными правовыми школами, каждая из которых по-своему видела сущность права, его назначение и связь с государством. Основная задача науки государственного права в это время сводилась к вопросу о государственной власти, в связи с чем теоретики государства делали акцент на исследовании признаков государственной власти и ее отличиях от негосударственной формы властвования. Однако определить сущность государственной власти, сформулировав ее только лишь в логическом ряду как законченном юридическом понятии, оказалось сложно – необходимо было выйти за пределы формально-догматической методологии.

Большой вклад в исследование теоретических вопросов права и государства внес известный отечественный юрист, философ права неокантианской направленности Богдан Александрович Кистяковский

(1868–1920). В духе Ж. Бодена он замечал, что понятия «ограниченного суверенитета», «уменьшенного суверенитета», «полусуверенитета» или «делимости суверенитета» противоречивы и потому непригодны для научного объяснения государственно-правовых явлений [2, с. 243–244]. По его оценкам, все существующие аргументы в защиту той или иной точки зрения государствоведов о характере власти с позиции формально-догматической юриспруденции к началу XX века были исчерпаны и не подлежали дальнейшему исследованию в рамках этой методологии. Таким образом, в юридической науке остро встал вопрос о выходе за пределы юридической догматики. Кистяковский замечал в этой связи: «Надо признать, что вопрос об определении понятия государственной власти может быть сведен к вопросу о том, чем отличается государственная власть от негосударственной. Вопрос этот может быть решен только путем познания всего существенного и основного в государственной власти, и самое понятие ее должно давать в определенной формуле сводку полученного знания» [2, с. 245]. Эту научную задачу он предлагал решать, выявляя не только отличительные признаки явления, но и определяя его сущность.

Формально-догматическая юриспруденция, как описательная наука, способна классифицировать государственно-правовые явления, но, по мнению теоретиков неокантианского направления, не способна решать вопросы их познания. Сущность реального явления в области права и государства не может быть определена путем формально-логического анализа и обобщения фактов, составляющих это явление: таким путем возможно распределять явления на группы и классы, создавать типологии и классификации, но не познавать сущность явлений, в данном случае, государственной власти.

Ко второй половине XIX века наука государственного права обогатилась юридико-догматической методологией, этот метод приобрел значение универсального для познания всех государственно-правовых явлений [4, 5], однако Кистяковский выступил против универсализации подхода формально-догматической юриспруденции, считая необходимым оценивать государственные явления с точки зрения философии и истории. Как и для исследования природы права, он призывал изучать государственные явления с различных сторон, отстаивая таким образом плюрализм в науке государственного права. Научная цель предполагает познание сущности явления. Вопрос о сущности государственной власти, подчеркивал он, – это вопрос не государственно-правовой догматики, а общего учения о государстве. Решить его возможно только в том случае, если наряду с догматическими будут произведены историко-политические, социологические, психологические и философско-

идеологические исследования, нацеленные на познание феномена государственной власти и ее правовое выражение.

Кистяковский – сторонник теории правового государства, идеи которого он анализировал в своих работах: «Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права» и в «Лекциях по государственному праву (общему и русскому)». Основным признаком правового государства, по убеждению правоведа, заключается в наличии границ власти, которая носит подзаконный характер. Кроме того, в правовом государстве механизм осуществления государственной власти таков, что отдельные государственные органы и порядок в обществе функционируют при непосредственной помощи народа. «Государство» – правовая организация народа, обладающая во всей полноте своей собственной и первичной, то есть ни от кого не заимствованной властью [2, с. 243]. Кистяковский, как либерально настроенный мыслитель, уверял, что, вопреки множеству насилия во имя настоящей и будущей власти, окончательная победа будет за идеей свободы, а не за идеей своевластия. Прогрессивное начало, полагал он в 1908–1909 гг., изменит государственную жизнь в России: победит идейная сила справедливости, а не элементы простой физической силы.

С особым вниманием русский государствовед относился к вопросу о границах деятельности государства и проблеме оправдания власти. Среди признаков власти (престиж, авторитет, традиция, привычка, сила, внушающая страх и покорность), рассуждал он, необходимо выделить наиболее значимый признак – власть должна быть носителем какой-либо идеи, должна иметь *нравственное оправдание*. Нравственное оправдание, по теории Кистяковского, может заключаться в величии и славе народа и государства (в абсолютно-монархических государствах), в упрочении правового и общественного порядка (в правовых и конституционных государствах), в регулировании экономической жизни и в обеспечении наиболее значимых материальных и духовных нужд своих граждан (в социалистическом государстве). «Если у нас не восторжествовал вполне правовой строй, то главным образом потому, что идея правового государства еще не вполне признана в сознании нашего народа» [1, с. 470]. Нравственное оправдание власти является качественной характеристикой правового государства – если власть теряет одухотворяющую ее идею, она с неизбежностью гибнет.

Содержание власти в логической последовательности развивается, по мысли Кистяковского, под влиянием ряда факторов. Во-первых, под воздействием социально-психологических причин (создают в обществе авторитет власти и чувство зависимости от нее); во-вторых, оказывают влияние историко-политические условия (начиная от борьбы рас и наций

и заканчивая социальной борьбой классов); в-третьих, отношения господства и подчинения укрепляются в виду их идеального оправдания. В правовом государстве эти отношения закрепляются нормами права.

Оценка русским юристом понимания правового государства заключалась в констатации фактического в качестве должного. Вначале, полагал он, существование фактических властных отношений закрепляется нормами права, с этого момента появляется убеждение, что *то, что существует, должно быть*. Наличность государственно-правовых отношений объясняется их долженствованием. Постепенно идея должного – правовая идея – должна возобладать над фактическим; наличные отношения в сфере власти приравниваются к должному в правовом отношении. Во власти все, что не находит себе оправдания, подлежит изменению в соответствии с нормами должного. Чтобы существовать и быть признаваемой, полагал Кистяковский, власть должна себя оправдать: современному культурному человеку недостаточно простого факта существования власти; мало «необходимости», «полезности», «целесообразности» власти. Признать власть можно только тогда, когда она будет способствовать тому, что должно быть, то есть если она ведет к господству идеи права. Только в таком случае, по мысли юриста, власть современного государства станет правовой властью.

Из этих положений следует, что Кистяковский рассматривал правовое государство не как идеал, а в качестве определенного типа государства, имеющего реальную перспективу своего осуществления. Вслед за Еллинеком он уделял большое значение осмыслению понятия типа государства и проблемам их классификации. Установление типов, как и образование логических понятий, является средством научного познания. Научный тип представляет собой концентрированную совокупность характерных черт какого-либо сложного явления. Типы государств, по мысли Кистяковского, могут быть продолжениями друг друга, в определенные времена переходного характера они способны утрачивать свои особенности, тем не менее для каждого из них существует эпоха наивысшего расцвета: в это время государство представляет собой нечто цельное, единое и законченное.

Правовое государство, по оценкам русского мыслителя, есть высшая форма государства, которую цивилизованное человечество выработало как реальный факт: все современные народы организованы в правовые или конституционные государства. Россия, считал Кистяковский в 1909 году, совершила в данный момент переход к формам правового государства. «Если у нас конституционный строй далеко еще не осуществлен полностью, то с каждым годом, и даже с каждым месяцем

он будет и должен осуществляться», – заверял он накануне революции и гражданской войны [1, с. 419].

Основным принципом правового государства считается ограничение государственной власти правом. Кистяковский согласен с этим посылом. Развивая идеи Канта (термина «правовое государство» у Канта не было, но, по существу, он выступил с обоснованием идеи этого государства), русский правовед утверждал, что связанность государства правом имеет в основе идею признания личности и ее неотчуждаемых прав. Впервые, подчеркивал он, с осуществлением этого типа государства признается сфера самоопределения и самодостаточности личности, в которую государство не имеет права вторгаться. «Неприкосновенными» права личности не создаются, а *признаются* государством. Личность выражает себя в поступках, в функциях, в деятельности. Совокупность этих внешних проявлений личности выражает ее внутреннее содержание и образует неотъемлемое право. Права человека составляют границу деятельности правового (или конституционного) государства.

Библиографический список

1. *Кистяковский Б. А.* Государственное право (Общее и русское). Лекции Б. А. Кистяковского, читанные в Московском Коммерческом Институте в 1908/9 acad. году // *Философия и социология права / сост., примеч., указ. В. В. Сапова.* СПб.: РХГИ, 1998.
2. *Кистяковский Б. А.* Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916 // *Кистяковский Б. А. Философия и социология права / сост., примеч., указ. В. В. Сапова.* СПб.: РХГИ, 1998.
3. *Лукьянчикова Л. В.* Осуществление непосредственного народовластия в России XVI–XX вв.: генезис, исторический опыт: монография. М.: Юрлитинформ, 2016.
4. *Тарановский Ф. В.* Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке. Юрьев, 1911.
5. *Тарановский Ф. В.* Юридический метод в государственной науке. Очерк развития его в Германии. Историко-методологическое исследование. Варшава, 1904.
6. *Фролова Е. А.* Рациональные основания права: классика и современность. М.: Проспект, 2020.

В. В. Ходунов,

учитель, средняя школа № 14 им. В. Н. Лататуева (г. Ярославль)

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ КНЯЗЯ МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА ТВЕРСКОГО В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

С приходом к власти большевики занимались разрушением старого режима и его устоев, в том числе подрывая авторитет Русской Православной Церкви в качестве одной из опор империи. Особенно выделялся процесс деса-крализации святых, в том числе князя Михаила Тверского.

Ключевые слова: большевики, деса-крализация, Русская Православная Церковь, культ святых, мощи, князь Михаил Ярославич Тверской.

V. V. Khodunov,

Teacher, High school № 14 named after V. N. Latatuev (Yaroslavl)

DESACRALIZATION OF PRINCE MIKHAIL YAROSLAVICH OF TVER IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER

When the Bolsheviks came to power, they were engaged in destroying the old regime and its foundations, including undermining the authority of the Russian Orthodox Church as one of the pillars of the empire. The process of desacralization of saints, including prince Michael of Tver, was particularly prominent.

Key words: Bolsheviks, desacralization, Russian Orthodox Church, cult of saints, relics, prince Mikhail Yaroslavich of Tver.

С приходом к власти большевиков в октябре 1917 г. наступила новая эпоха для Русской Православной Церкви (далее РПЦ). Эти изменения коснулись и почитаемых ею святых, в том числе и кн. Михаила Ярославича Тверского – знаковой фигуры в борьбе Москвы и Твери за первенство на Руси в первой четверти XIV в., павшей жертвой интриг московских князей. Память о кн. Михаиле, как о святом, начала формироваться сразу же после его смерти и с годами только усиливалась, чему активно поспособствовала его канонизация в 1549 г. После этого имя князя звучало в молитвах, в честь него возводились храмы, а изображение с ним нашли свое место на стенах храмов и в иконописи вплоть до свержения Николая II.

Придя к власти, большевики, провернули революцию не только в государстве, но и в культуре, объявив войну всей символике и ценностям прежнего имперского режима. Для новых государственных структур кн. Михаил Тверской являлся символом прежнего режима сразу в

трех ипостасях – прижизненной деятельности, канонизации его святости и национализации памяти о нем, как о русском человеке. Так, при жизни кн. Михаил имел титул одного из удельных князей и был в соответствии с этим феодалом, угнетающим и эксплуатирующим население России. После своей насильственной смерти он был причислен к лику святых и стал для РПЦ объектом культа самого князя и их нетленных мощей, что воспринималось атеистично настроенными большевиками враждебно. В заключение, кн. Михаил Ярославич, расцениваясь в XIX столетии как отечестволюбец, действовавший во благо России попадал под подозрение новой власти, поскольку входил в национальный дискурс Российской империи и, таким образом, являлся одним из символов имперского шовинизма, называемого в СССР еще великодержавным. По этим причинам Советское государство вело борьбу против кн. Михаила, расценивающегося в качестве классового врага, религиозного деятеля и националиста. Большевицкие власти применяли в борьбе с кн. Михаилом Тверским стратегию синтеза лжи и забвения. Кн. Михаил Ярославич не подходил под новое историческое мышление и не укладывался в рамки концепции коллективной идентичности большевиков. Отражая все три столпа идеологии официальной народности, имя князя было противопоставлено атеизму, заменившему православие, диктатуре пролетариата вместо буржуазной власти и интернационализму взамен национализма [6, с. 236–237].

Отдельно рассмотрим противодействие большевиков РПЦ. Полагая, что вера в Бога представляет собой не что иное, как признак отсталости российского социума, большевики стремились заменить религиозное мировоззрение научно-материалистическим. Новые госструктуры понимали значимость православной веры для большей части русского населения, осознавая, что таким образом церковь имеет огромное влияние на верующую часть общества. Конечно же, это не устраивало большевиков, боровшихся за убеждения людей. Поэтому атеизм стал способом противодействия РПЦ и подрыва ее авторитета в глазах населения. Культ святых, развивающийся в лоне церкви, расценивался в качестве средства правящих классов удержания в зависимости народа. Проводимая большевиками культурная революция была непримирима к процессам святопочитания [6, с. 245].

Пытаясь вытеснить религию из повседневной жизни населения, власти занялись пропагандой против культа святых, выразившегося в поклонении их нетленным мощам и верой в совершаемые ими чудеса. Чтобы доказать ложность религиозных убеждений, государственными структурами с 1919 г. было санкционировано вскрытие раков святых, направленное на доказательство разложения останков помещенных туда людей. Для освидетельствования и «убеждения масс в обмане», помимо

представителей властей, привлекались врачи, священнослужители – желательно местный епископ, оператор с кинематографическим аппаратом, и, конечно же, само население [5, с. 9].

Вскрытие раки с мощами кн. Михаила Тверского, расположенной в Спасо-Преображенском соборе в Твери, произошло 18 мая 1919 г. Тело кн. Михаила при вскрытии раки было покрыто бархатной материей, под ней шелковым покрывалом, среди одеяния же был княжеский кафтан зеленого цвета. Под ним находилась розовая материя, в которую были завернуты мощи, а на голове была помещена камиллавка из бархата. Стоит обратиться к сведениям «Известий» мая 1919 г. о вскрытии раки кн. Михаила Ярославича: «Глазам присутствующих представляется скелет костей, череп. <...> Кости темно бурого и темно-коричневого цвета <...> Как и на черепе на костях никаких признаков нетленного тела. Земли или чего-либо способствующего гниению на костях нет» [2, с. 3]. Как видим, автором документа подчеркивается отсутствие у мощей такого свойства, как их нетленность. Чтобы полностью подчеркнуть несостоятельность идеи чудотворства, автор приводит научные доказательства о гниении тела, зависящие от наличия почвы. Несколько иное и более краткое описание было дано в отчете ликвидационного Отдела Народного Комиссариата Юстиции 1920 г.: «Под большим количеством покровов обнаружена сжима белого цвета и в ней в беспорядочном виде кости. Череп лежит с отделившейся нижней челюстью, позвонки вместе с ребрами» [4]. Чтобы убедить «массы в обмане», большевики продемонстрировали содержимое раки многотысячной толпе, собравшейся у Спасо-Преображенского собора. Власти постановили оставить раку с мощами открытой до 21 мая 1919 г., таким образом, давая возможность населению осмотреть останки в течении 4-х дней. После этого Тверской губисполком, действуя вразрез с циркуляром о ликвидации мощей, разрешил оставить мощи кн. Михаила в соборе. После событий 1919 г. мощи кн. Михаила Тверского были оставлены в Спасо-Преображенском соборе вплоть до его уничтожения 4 апреля 1935 г. Рака князя оказалась после этого в Тверском музее, а затем ее серебряное покрытие переплавлено на нужды индустриализации. В данный момент сама рака восстановлена и находится в Тверской епархии. Останки князя после перемещения в музей бесследно пропали на 80 лет. Мощи были найдены совсем недавно и перемещены в восстановленный Спасо-Преображенский собор в Твери в 2018 г. [1; 3, с. 153–154].

Таким образом, властным структурам большевиков практически удалось стереть из памяти фигуру кн. Михаила Ярославича, представлявшего в конце 1910-х – первой половине 1920-х гг. новыми властями одним из многочисленных эксплуататоров трудящихся в прошлом, не заслуживающих упоминания своего имени в заново сформированном

пантеоне памяти. Подвергнув же князя процессу десакрализации, коммунисты разрушили память о кн. Михаиле и подорвали его авторитет у населения, расценивающего его до вскрытия раки с мощами в качестве святого и чудотворца.

Библиографический список

1. В Тверь вернули мощи небесного покровителя этих земель князя Михаила Тверского. URL: https://www.ltv.ru/news/2018-12-05/356787-v_tver_vernuli_moschi_nebesnogo_pokrovatelya_etih_zemel_knyazya_mihaila_tverskogo

2. Вскрытие мощей св. князя Михаила Благоверного // Известия Тверского Губернского Исполнительного Комитета Совета Рабочих, Крестьянских и Красно-Армейских Депутатов. Тверь, 1919. № 107.

3. *Майорова Н. А.* Святой благоверный великий князь Михаил Ярославич Тверской в иконописи и русском изобразительном искусстве с начала XIV в. и до нашего времени // Пономарев Г. Н. Первый Великий князь всея Руси Михаил Тверской и его Голгофа. Тверь: Тверская областная типография, 2006.

4. Отчет VIII-го (ликвидационного) Отдела Народного Комиссариата Юстиции VIII-му Всероссийскому Съезду Советов // Революция и церковь. М.: Издание Народного Комиссариата Юстиции, 1920. № 9–12. URL: http://yakov.works/acts/20/1920/1920_moschi.htm

5. Постановление Коллегии Наркомюста о судьбе мощей // Гиудулянов П. В. Церковь и государство по Законодательству РСФСР. Сборник Указаний и Распоряжений с разъяснениями V отдела НКЮ. М.: Типография ГПУ, 1923.

6. *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007.

УДК 283/289

В. Л. Черноперов,

заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений,
Ивановский государственный университет

КРИТИКА ПАТРИАРХОМ СЕРГИЕМ (СТРАГОРОДСКИМ) ПРОТЕСТАНТСКОЙ СОТЕРИОЛОГИИ

В публикации рассматриваются основные подходы и критика Патриархом Сергием (Страгородским) протестантского учения о спасении, сделан вывод о выявленной им схожести в этом вопросе протестантской сотериологии с католической.

Ключевые слова: Патриарх Сергий (Страгородский), Православие, протестантизм, сотериология.

V. L. Chernoperov,

Head of the Department General History and International Relations Department,
Ivanovo State University

CRITICISM BY PATRIARCH SERGIY (STRAGORODSKY) OF PROTESTANT SOTERIOLOGY

The publication examines the main approaches and criticism of the Protestant doctrine of salvation by Patriarch Sergius (Stragorodsky), a conclusion is made about the similarity he identified in this issue between Protestant soteriology and Catholic.

Key words: Patriarch Sergius (Stragorodsky), Orthodoxy, Protestantism, soteriology.

Настоящая работа продолжает изыскания автора о богословском наследии Патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского (1867–1944)), возглавившего Русскую Православную Церковь в 1943 году и оставившего глубокий след в отечественной богословской мысли конца XIX – первой половины XX столетия [3]. Среди вопросов, волновавших Предстоятеля, особое место занимала тема спасения человека. В Российской империи она оказывалась неразрывно связанной с противостоянием католицизму и протестантизму, которые пустили в стране глубокие корни и создавали проблему сохранения паствы в храмах. Но главное – эти инославные общины, по мнению Русской Православной Церкви, сбивали пасомых с пути спасения. Для противостояния этой угрозе необходимы были серьёзные богословские труды. И они появились. Причем одним из самых ярких в этом ряду стала магистерская диссертация «Православное учение о спасении», защищенная и опубликованная архимандритом и будущим Патриархом Сергием в 1898 году.

Классические протестантские церкви, к которым относят Лютеранскую, Реформатскую и Англиканскую, несмотря на существующие отличия, со времен Реформации едины в учении об оправдании человека только верой. Собственно данная тема и подняла М. Лютера на выступление против Католической церкви в 1517 г., выступление против её порочной практики продажи индульгенций и учения, обосновывавшего это. В своей критике лидеры Реформации отвергли богословские основания католической сoteriологии. Прежде всего, возможность глубоко юридического списания грехов человека (преступлений против Бога) его «добрыми делами» и учение о т. н. «сверхдолжных заслугах» святых. На это место они поставили свою сoteriологию: «добрые дела», вследствие первородного греха, спасти человека не могут, спасает только жертва Сына Божиего, причем только тех, кто верует в Него [1, с. 195–196].

Патриарх Сергей, обращаясь к протестантизму, отдавал ему должное в выявлении слабых сторон католической сотериологии, которая, развиваясь в рамках схоластики, заботилось «больше о формальной стройности своих систем и мало (чтобы не сказать, совсем не) справлялась с духовным опытом, с жизнью» [2, с. 19–20]. В итоге, как, по словам святейшего, точно отмечали сторонники Реформации, в Латинской церкви возобладали формализм, а источником их вероучения стали «не Евангелие, не учение Христа, а соображения разума», который «не проникая во внутреннее делание спасающихся», «останавливается на внешней стороне и на ней одной основывает свои умозаключения», заглушая обличающий голос совести [2, с. 20–21]. Протестанты отвергли сложившееся положение и, по мнению Патриарха Сергея, решили обратиться к Христовой истине, «исследовать её, прислушиваясь к внутреннему голосу своей совести, стараясь уловить, что говорить не уму только, но и всей душе Слово Божие и церковное предание, и заботиться не только о верности логике, а о верности истине, по существу живой и действенной, а не формальной» [2, с. 21].

Позиция, занятая протестантами, вызывала у Предстоятеля Русской Православной Церкви и одобрение и понимание. Особенно их критика основания правовых воззрений католической сотериологии – учения о «добрых делах», как заслуге пред Богом. «Учение ... (католиков. – В. Ч.), – приводил Патриарх Сергей аргументацию протестантов, – потому уже одному несостоятельно, что оно коренным образом противоречит самому основанию христианской веры – спасению единым Иисусом Христом <...> ...взятые сами по себе дела человека, по самому существу, не могут быть заслугой пред Богом: дела добрые человек творит только при помощи благодати Божией, все же, что он делает сам, неизбежно носит на себе печать греха. Поэтому, все (католики. – В. Ч.), кто величаются заслугами своих дел, или надеются на сверхдолжные дела, величаются суетой и надеются на идолослужение... – Так, – резюмировал Патриарх Сергей, – решительно и беспощадно обличены были (протестантами. – В. Ч.) и все те выводы, которые с необходимостью из католического учения следовали: чистилище, индульгенции и пр. http://krotov.info/libr_min/s/stragoro/strag1_2.html - 11» [2, с. 22–23].

Отдав должное протестантской критике сотериологии католицизма, Предстоятель Русской Православной Церкви далее перешел к выявлению недочётов в учении самих сторонников Реформации и в итоге вынес им суровый вердикт. По словам Патриарха, хотя протестанты и католики были воспитаны на одних и тех же работах Аристотеля и Цицирона, их существенно отличало то, что первые в отличие от вторых не имели традиции. В результате протестантам пришлось создавать собст-

венное письменное наследие, формировать взгляды по богословским вопросам, что отнимало силы и нередко вело к ещё более туманным, чем у католиков определениям. По этой причине протестантские теологи, по мнению Патриарха Сергия, со временем поняли, что строить наследие тех же масштабов, что и в католичестве, не возможно. В итоге их критика перешла от глобальной к более частной и выборочной, и это привело протестантизм к богословской катастрофе: «Вместо того, чтобы отвергнуть... основную ложь (католицизма. – *В. Ч.*), протестанты оказались в силах отвергнуть только некоторые отпрыски её и, таким образом, только заменили одни искажения другими. Оттого Реформация, в смысле восстановления Христовой истины, и кончилась полным неуспехом» [2, с. 23].

В критике протестантизма Патриарх Сергий нередко оперировал аргументами их противников латинян. «Если протестанты, – писал он, – вполне справедливо обвиняли католиков в том, что они своей человеческой заслугой уничтожают заслугу Иисуса Христа, то католики в свою очередь и так же справедливо указывают протестантам, что они своим призрачным оправданием противоречат святости Божией» [2, с. 38]. Кроме того, Предстоятель отмечал: протестанты при декларируемом отходе от католической сотериологии в силу привычки за основание своего учения взяли тот же правовой метод. Правда, подошли к нему с другой стороны: «Вместо прежней пелагианской правовой точки зрения, отвергнутой и осужденной, протестантство (как и католичество. – *В. Ч.*) выдвинуло то же начало права, только взяв другую его сторону: отвергнувши заслугу человеческую, как недостаточную для умилоствления разгневанного Бога, или прямее говоря, для того, чтобы обязать Бога даровать мне живот вечный, протестанты все-таки смотрели на вечную жизнь, как на условленную плату, которую Бог “должен” выдать человеку, только обязующим “третьим” для протестантов служит не собственная заслуга человека, а заслуга Христа. В католичестве мы видели забвение Христа в деле нашего спасения, здесь же забывается дело самого человека, “наша праведность” сократилась во вменение чужой праведности» [2, с. 25–26].

Протестанты человеку, боящемуся Божиего возмездия за грех, указывают на страдания и смерть Христа, которые выступают гарантом того, что всё уже свершилось, и человеку уже ничего не нужно делать в деле спасения. «Человек, – писал Патриарх Сергий, – боится наказания, и вот ему (протестантами. – *В. Ч.*) указывается на смерть Иисуса Христа, как на такое великое, чрезмерное удовлетворение правде Божией, что эта правда уже никак не может, – не вправе требовать ещё чего-нибудь от человека, каких-нибудь других удовлетворений. Человек, раз он верит в Евангелие, должен успокоиться на счёт себя» [2, с. 23].

Отмеченный подход к делу спасения, согласно Патриарху Сергию, кардинально расходится с Православием. Если протестантизм рассматривал роль Спасителя как оружие спасения и искупления, то Православие видит в Иисусе Христе, Который, облекшись плотью человека, принес в мир всю славу Отца Небесного, восстановителя павшего естества людей. Протестанты, по замечанию Патриарха, не могли или не хотели принимать это фундаментальное положение в расчёт. При этом указывали, что любые усилия человека в деле спасения не просто не нужны, но и опасны. Согласно протестантскому учению, Христос не только искупил людские грехи, но и принес жертву сверх меры, поэтому любые усилия человека получить какие-то заслуги через «добрые дела» могут рассматриваться как умаление заслуг Спасителя. Такое понимание пассивности человека, по оценкам Патриарха Сергия, ещё больше роднило протестантизм и католицизм. И там, и там любые усилия людей в деле спасения оказывались эгоцентричными и направленными не на синергию с Богом, а лишь на расширение кругозора, на получение более-менее ясного представления о том, что с ними происходит, и что с ними делает Бог.

С отмеченной выше проблемой протестантской сотериологии Патриарх Сергий неразрывно связал ещё одну – духовного и нравственного возрастания человека. Сторонники Реформации свели данный вопрос исключительно к самоанализу, как необходимому условию осознания человеком своей греховной жизни и понимания им заслуги Христа. «Нельзя сказать, – писал Патриарх Сергий, – чтобы учение протестантов не имело за себя никаких указаний и духовного опыта. Несомненно, то, что только с развитием в добре, человек может понять всю глубину своей греховности и нравственной немощи. Отсюда, чем выше человек нравственно, тем сильнее в нём сознание своего недостойнства и тем обильнее его покаянные слёзы <...> Протестанты ... не ошиблись, указывая на это несомненное явление и стараясь сделать из него выводы и для христианского учения. Но подобно тому, как грубый католицизм, исходя тоже из потребности религиозного сознания в своих построениях пришёл к наёмничеству и пелагианству, – подобно этому и протестантизм, видя несостоятельность спасения заслугой человека и в то же время не находя иного способа понимания, кроме правового, создало себе ... лишь духовное обольщение, фикцию спасения, не имеющую истинного содержания» [2, с. 27].

Протестантское понимание веры вело к фатализму, и сторонники Реформации это хорошо понимали. Для решения вопроса они, как отмечал Патриарх Сергий, искусственно пытались придать вере значимость и активность, т. е. изобразить её в динамике. Однако данный подход

порождал противоречия с их же учением о спасении только верой. Прежде всего, потому, что рассмотрение веры в динамике означало, по сути, участие человека в деле собственного спасения, т. е. «добрые дела», а именно это отрицалось. Для разрешения противоречия протестанты ввели термин «живая вера», то есть вера, сопровождаемая делами и ведущая к нравственному перерождению. Патриарх Сергей, размышляя о «живой вере» пришел к выводу, что в данном вопросе протестанты занимают подлогом понятий. «...Как происходит (отмеченное протестантами. – В. Ч.) перерождение, и в каком смысле вера может быть названа “корнем добрых дел”? – вопрошал он и тут же отвечал, – Отнюдь не в том, что она служит побуждением, воодушевляющим началом, одним словом, отнюдь не в смысле какой-нибудь нравственной работы со стороны самого спасающегося. (У протестантов. – В. Ч.) эта работа с оправдывающей верой не имеет ничего общего и потому к оправданию не относится. <...> (У протестантов. – В. Ч.) вера спасает ... ради правды и святости Христовой, которую она усваивает человеку, ради заслуги Христовой, которая человеку вменяется. Другими словами, вера служит основанием явлению только внешне-судебному, а не нравственному» [2, с. 30–31]. «Протестанты, – продолжал размышления Патриарх Сергей, – вопреки всем своим рассуждениям о вере живой, должны признаться, что по их учению, оправдывает собственно отвлеченное явление восприятия, взятое само по себе, а не в своём воздействии на душу человека... <...> Таким образом, для человеческого участия нет места в протестантском оправдании» [2, с. 32–33]. А, следовательно, нет места и нравственному развитию. Выход из выявленного противоречия Патриарх Сергей видел только один – признание необходимости «добрых дел» как условия спасения. Но такое признание означало бы крах всей системы протестантизма и бессмысленность его выступление против католичества, вообще, и против католического юридического подхода к богословию, в первую очередь. Оттеняя эту мысль, Патриарх Сергей писал: «...душа человеческая никогда не могла согласиться с протестантским призрачным оправданием. Уничтожить эту призрачность можно было только признав дела человека не следствием, а именно условием оправдания. Но для протестантов это значило перейти опять в католичество с его человеческой заслугой, так как с правовой точки зрения условие можно понимать только в смысле законного основания, заслуги» [2, с. 34].

В заключении отметим следующее. Достижением или даже открытием Патриарха Сергея в критике протестантизма стало доказательство того, что при всех отличиях католицизма и протестантизма эти номинации в вопросах сотериологии единены в главном – и там, и там

отношения человека и Бога не выходят за рамки отношений амнистированного преступника и судьбы, т. е. остаются формально-юридическими, тогда как Православная Церковь данную проблему решает в плоскости «заблудший, раскаявшийся и перерождающийся сын и всепрощающий отец». Положения, развитые и доказанные Патриархом Сергием (Страгородским) ещё в конце XIX века, стали важной опорой в догматических дискуссиях Русской Православной Церкви с инословными христианскими общинами в прошлом и настоящем. Более того, можно утверждать, что для современного богословия Русской Православной Церкви творческое наследие этого Предстоятеля-интеллектуала остается значимым и востребованным.

Библиографический список

1. *Лютер М.* Избранные произведения. СПб.: Андреев и Согласие, 1994.
2. *Сергий (Страгородский), архим.* Православное учение о спасении. Казань: Казан. ун-т, 1898.
3. *Черноперов В. Л.* Патриарх Сергий (Страгородский) о причинах падения духовности в России и чине последования над усопшими инославными // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы X Международной научной конференции, Иваново, 16–17 февраля 2011 г.: в 2 ч. Ч. 2. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011.

УДК 13. 130.3

Т. А. Чикаева,

доцент, Московский художественно-промышленный институт

КОНЦЕПЦИЯ РОДИНЫ А. Ф. ЛОСЕВА: СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Статья рассматривает взгляды А. Ф. Лосева на сущность Родины, её значение для человека. Проводится сопоставление концепции философа с современными взглядами на данную категорию. Обосновывается понимание Родины как духовной ценности.

Ключевые слова: Родина, А. Ф. Лосев, духовная ценность, субстанция, рождение, дефиниция категории «Родина».

T. A. Chikaeva,

Associate Professor, Moscow Art-Industrial Institute

THE CONCEPT OF THE MOTHERLAND BY A. F. LOSEV: A MODERN INTERPRETATION

The article examines the views of A. F. Losev on the essence of the Motherland, its significance for a person. The author compares the concept of the philosopher with modern views on this category. The author substantiates the understanding of the Motherland as a spiritual value.

Key words: Motherland, A. F. Losev, spiritual value, substance, birth, definition of the category "Motherland".

Категория «Родина» занимает особое место среди социально-философских категорий. В то же время, присутствующая в качестве основной в словарях дефиниция Родины как страны, где родился человек и гражданином которой является или места происхождения кого-либо, чего-либо, возникновения чего-либо [1, с. 745, 1125], ограничивает функции Родины, вызывая противоречия между патриотическим пафосом и рациональным толкованием данного понятия. Исторические примеры поведения людей разных национальностей, социальных статусов, возрастов подтверждают значимое место Родины в системе ценностей личности и общества, постоянство такого её положения в любой исторический период без различия качества социально-политического и экономического устройства, а приведённая дефиниция Родины ставит под сомнение аксиологическое толкование данной категории, провоцирует на отнесение её к политико-географическим понятиям. Становится ясной необходимость дать такое определение категории «Родина», которое отвечало бы отражённому на протяжении длительного исторического периода пониманию её как высшей сакральной ценности, святыни многими народами. В этом смысле целесообразно обратить внимание на воззрения А. Ф. Лосева, русского философа, родившегося на рубеже XIX–XX столетий, прожившего долгую жизнь, заставшего дореволюционный, советский и постсоветский период.

А. Ф. Лосев часто обращается к категории «Родина» в своих работах, в первую очередь тогда, когда требуется разъяснить нравственные основы человеческого бытия, отделить его от безнравственного, показать источник существования духовных и материальных объектов. Она для него краеугольный камень русской философии. Понятие Родины А. Ф. Лосев связывает с понятием вечной Жертвы, которую трактует идею, которая жаждет и переходит в действительность и указывает на то, что наша философия «должна быть философией Родины и Жертвы, а

не какой-то там отвлечённой, головной и никому не нужной «теорией познания» или «учением о бытии или материи» [6, с. 358–359]. Тем самым мыслитель подчёркивает значимость Родины, её мировоззренческое значение, требование помнить о ней в связи с основополагающими проблемами существования мира и человека. Основная функция Родины, по мнению А. Ф. Лосева, материнская функция, то есть функция рождения, начала бытия. Её он называет лоном, на котором рождается индивидуальная жизнь личности. Она, по мнению философа есть условие жизни человека, его отличия от биологических объектов тех, чьё существование сопряжено с удовлетворением естественных потребностей. Без Родины бытие человека ущербно. Философ называет Родину рождающим субъектом, так как человека рождает не просто «действительность» и «жизнь», а Родина, та мать и та семья, которые уже сами по себе есть нечто великое [7, с. 423].

Следуя традициям древних мифов о Матери-Сырой-Земле, мыслитель видит связь человека и Родины от момента рождения до момента смерти. Родина, по определению философа, «то, что рождает человека и то, что поглощает его после смерти..., единственная опора и смысл его существования», поэтому жертва во имя Родины носит нравственный характер [6, с. 360]. Родина, подобно матери, рождает личность, поэтому, с точки зрения А. Ф. Лосева сама достойна существования, как нечто великое и светлое, нечто святое. Отношение к ней должно быть жертвенным, то есть не ради удовлетворения какого-либо своего интереса, а ради самой Родины [6, с. 359–360]. Вследствие этого любовь к Родине может быть исключительно бескорыстной. «Любовь к Родине ... мечтает войти в некую общую жизнь, в жизнь родного и народного и раствориться там, найдя себя в этом саморастворении» [6, с. 363]. С Родиной, следовательно, связано начало и конец человеческой жизни, но этот конец имеет особый смысл, он позволяет перейти в новое состояние. Тот, кто обрёл свою Родину, у кого есть она, обретает и бессмертие. Для А. Ф. Лосева Родина является условием и подтверждением вечной жизни и бессмертия человека. Он пишет: «...кто любит своё родное, тот не умрёт, тот будет вечно в нём жить и вместе с ним жить... У кого есть Родина, тот, умирая если не за неё, то хотя бы — только в ней, на ней, умирает всегда уютно... Только Родина даёт внутренний уют» [6, с. 365].

Родина – это то, что придаёт смысл существованию, философ прямо заявляет о наличии только двух типов человеческой жизни: или согласная с Родиной, то есть самоотречение, или не согласная с ней, то есть бессмыслица (Писатель, 366). Веления Матери-Родины непререкаемы [7, с. 423]. Понятно, что она, следовательно, не может быть чем-то материальным, ограниченным, переменчивым. А. Ф. Лосев присое-

диняется к тем отечественным мыслителям, которые рассматривают Родину как духовную субстанцию, высшую духовную ценность. Родина всегда конкретна, она есть условие и начало жизни конкретного человека с его представлениями о нравственности, красоте, творчестве, укладе жизни. Существует и общечеловеческая Родина как твердыня добра и истины [6, с. 365–366]. Конкретную, нашу Родину составляют те, «кто вместе с нами страдает и борется. Это и есть для нас родное» [6, с. 361]. Родина как духовная субстанция становится понятной человеку, через её образы, прежде всего образы тех людей, для которых она является святыней. С. В. Гузенина, рассуждая о воззрениях философа, приводит к выводу о том, что образ Родины для него является знаком, мифом и символом единства человека и культуры [2, с. 82–83]. Родина обуславливает истинно человеческое, духовное существование. А. Ф. Лосев отвечает тем, кто связывает патриотизм с желанием уничтожать других, поощрением гибели во имя Родины, отказом от собственных интересов или интересов своей семьи. Смерть во имя Родины не является непременным условием любви к ней, но «всякое страдание и труд на пользу Родины, и всякое лишение, и тягость, переносимые во славу Родины, уже есть та или иная жертва, то или иное самоотречение, которые по мнению А. Ф. Лосева составляют суть любви к Родине [7, с. 428]. Из этого тезиса следует постоянство связи Родины и человека без привязки к каким-либо социополитическим, экономическим, идеологическим или иным фактам и событиям.

Охарактеризовав основное содержание и функции Родины, философ приходит к выводу о важности дефиниции этой категории. К этой задаче он подходит с максимальной осторожностью, понимания её важность и зависимость от её решения последующего поведения отдельного человека, социальной группы, общества. Философ понимает, что содержание Родины как мировоззренческой категории, духовного объекта многогранно, что отдельные её образы или формы, через которые она познаётся человеком отражают только отдельные её стороны. А. Ф. Лосев предостерегает от дефиниции Родины, так как это может сузить или умолить понятие, указать только некоторые черты, игнорируя остальные [6, с. 360]. Давая характеристику Родины, он использует такие определения как великое, большое, всечеловеческое [6, с. 361], тем самым подводя исследователей к пониманию Родины как общечеловеческой высшей ценности, духовного объекта, субстанции, которая является условием и началом бытия прочих объектов. Величие Родины для философа, отнюдь не тождественно сверхдержавию или экономической мощи. Он пишет: «Мы знаем весь тернистый путь нашей страны; мы знаем многие и томительные годы борьбы, недостатка, страданий. Но для сына своей Родины всё это – своё неотъемлемое своё, родное; он с

этим живёт и с этим погибает; он и есть это самое, а это самое, родное, и есть он сам. Пусть в тебе, Родина-Мать, много и слабого, больного, много немощного, неустроенного, безрадостного. Но и рубища твои созерцаем, как родные себе» [4, с. 369]. Для конкретного человека Родина, с точки зрения А. Ф. Лосева, выходит за границы политико-географического объекта, более того, объясняя, что такое Родина философ отказывается от сопоставления её с какими-либо материальными объектами. Философ предлагает следующую дефиницию Родины – это «есть что-нибудь над нами родное, великое, светлое, общее для всех, интимно-интимно наше, внутрененше наше, насущно и неизбывно наше». Если же Родина это нечто другое, по мнению А. Ф. Лосева, жизнь становится бессмысленной [7, с. 423]. В данном определении подтверждается понимание философом Родины как высшей ценности, святыни, родной для каждого человека, того, что является источником и условием его самобытности, идентичности с теми, кто разделяет его нравственные идеалы. Вместе с тем, данная дефиниция сложна для логико-рационального мировоззрения, она отличается от определений, которые предлагают философские, толковые и иные словари.

Таким образом мы можем заключить, что концепция Родины А. Ф. Лосева, во-первых, согласуется с позицией русских философов начала XX столетия [8], во-вторых, раскрывает содержание Родины как духовной ценности, а, в-третьих, актуализирует необходимость формулирования такой дефиниции данной категории, которая была бы воспринята в массовом сознании в качестве понятной и объясняющей положение Родины в системе мировоззренческой ценностей личности и социальной группы. Для решения поставленной задачи целесообразно систематизировать основное содержание категории Родины в концепции А. Ф. Лосева: Родина – мать, источник индивидуального бытия человека, его духовной основы, то, что придаёт смысл бытию человека, позволяет ему преодолеть границы материального мира. В. Ю. Даренский, исследуя концепцию мыслителя, делает вывод о её глубине, раскрывающей понятие «Родина» как особой философской категории, самой фундаментальной для человеческого мировосприятия [3, с. 114].

Сопоставляя концепцию философа, результаты социологических, лингвистических, филологических и иных современных исследований мы сегодня можем сформулировать как методологические принципы социально-философской дефиниции категории «Родина», так и представить на суд научной общественности саму дефиницию исследуемого понятия. При определении сущности Родины важно помнить, что духовный объект, субстанция, обладающая качествами субъекта. Бытие Родины онтологично и гносеологично, она является как источником существования ценностной системы личности и обществе, так и её клю-

чевым звеном. Аксиология Родины состоит в том, что она является абсолютной, то есть независимой от конкретно-исторических или иных условий, это высшая ценность, святыня. Она может быть поставлена в один ряд с Богом, Прекрасным, Истиной, Добром [8, с. 53]. Здесь мы очевидно перекликаемся с воззрениями А. Ф. Лосева.

Родина, как всякий духовный объект, в отличие от материальных вещей невозможно познать в ощущениях. Это обстоятельство побудило А. Ф. Лосева отказаться от чёткой дефиниции рассматриваемой категории, предложить её, в какой-то мере, эмоциональный, иррациональный вариант. Вместе с тем, во взглядах мыслителя содержится предпосылка к решению данной проблемы. Духовная сущность Родины может быть доступна человеку через совокупность её образов. Новая философская энциклопедия толкует образ как «результат реконструкции объекта в сознании человека» [5, с. 128], указывая с одной стороны на объективность источника образа, а с другой объясняя множественность образов одного и того же объекта. «Образы Родины разнообразны, они могут меняться с течением времени, что свидетельствует о её открытости и динамичности. В совокупности они подтверждают наличие у неё таких качеств как духовность, субстанциональность, личностность, святость, вневременность» Среди объектов-источников образов Родины особое место занимает «синергетическая совокупность личностей, которые объединены общим отношением к ней» [8, с. 57]. Также к ним относятся политико-пространственные формы её существования, духовно-нравственные идеалы, результаты художественного и или литературного творчества и др. Дефиниция категории «Родина», согласуемая со взглядами А. Ф. Лосева, может звучать так «Родина – сложно организованная духовная субстанция, первичная по отношению к любому природному, материальному, социальному или интеллектуальному объекту, являющаяся высшей сакральной ценностью, святыней, являющаяся человеку через сложную систему её образов, в своей совокупности достоверно и полностью, отражающих все её свойства и функции.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. *Гузенина С. В.* Образ Родины как предмет научного анализа. Белгород: НИУ «БелГУ», 2013. 276 с.
3. *Даренский В. Ю.* Философия Родины А. Ф. Лосева // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы Международной научной конференции. 2017. С. 108–114.
4. *Лосев А. Ф.* «Жизнь» (Повести, рассказы, письма). СПб.: Комплект, 1993. 533 с.

5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд. М.: Мысль, 2010. Т. III. 692 с.

6. Писатель и время / сост. В. П. Стеценко. М.: Советский писатель, 1991. 543 с.

7. Русская идея. М.: Республика, 1992. 494 с.

8. *Чикаева Т. А.* Родина как духовное понятие отечественной социальной философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-1 (68). С. 203–205.

9. *Чикаева Т. А.* Родина. Патриотизм (социально-философское исследование). М.: МХПИ, 2019. 129 с.

УДК 930.1

О. У. Шаро,

магистрант, Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)

ЦЕРКОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ ГЕОРГИЯ КАНИСКОГО

Белорусский архиепископ Георгий Каниский – религиозный полемист, философ и писатель, сумевший стать лидером всех польских диссидентов, защитником свободы совести. В статье исследуется его церковная, просветительская деятельность, а также, общественно-политические и правовые взгляды.

Ключевые слова: Церковь, диссиденты, право, феодализм, анархия.

O. U. Sharo,

Master's degree student, Belarusian State University (Minsk)

CHURCH AND EDUCATIONAL ACTIVITIES, PUBLIC-POLITICAL AND LEGAL VIEWS OF GEORGE KANISKIY

Belarusian Archbishop Georgy Kanisky is a religious polemicist, philosopher and writer who managed to become the leader of all Polish dissidents, a defender of freedom of conscience. The article examines his church, educational activities, as well as socio-political and legal views.

Key words: Church, dissidents, law, feudalism, anarchy.

«В российском государстве ни одна благочестивая церковь не испытала столько презрения, проклятия, насилия, негодования, как белорусская. Ее алтари, ее алтари, ее святилище залиты кровавыми сле-

зами» [1]. Эти слова – яркое отражение одной из самых острых проблем политической жизни Содружества: тяжелого положения проправославной церкви на белорусских землях, определяемого постоянной борьбой с католической церковью и униатами [2].

В ходе этой борьбы были политические мыслители, одним из которых был Георгий Каниский (1717–1795). Белорусский архиепископ - религиозный полемист, философ и писатель, сумевший стать лидером всех польских диссидентов, защитником свободы совести. Он родился в городе Нежин Черниговской области (Украина) в богатой казацкой дворянской семье. В 1728 году, после получения начального образования, в возрасте 11 лет он был переведен в Киево-Могилянскую академию, которая в то время была одним из самых известных и передовых общеобразовательных центров. Полный курс академии был рассчитан на 15 лет и включал в себя преподавание новых языков, занятия по философии и теологии у Г. Каниский, показавшей замечательные достижения в богословских и философских науках, изучавших помимо обязательных латыни и польского, греческого и др. Древний иврит и немецкий язык, завершившиеся академическим курсом с отличием, а его поэтический талант был оценен по достоинству после А. С. Пушкин. После окончания Каниской академии вы решаете дать обет имени Георгия и начать проповедовать в Киево-Печерской Лавре. Спустя три года, в 1747 году, Г. Каниский стал префектом академии и профессором философии, одновременно с ним был рукоположен в иеромонахи – значительное повышение свидетельствовало о талантах не только проповедника, но и главы, администратора и учителя. В первые годы своего правления Георгий Каниский переработал свой курс богословия и разработал собственный курс философии, насчитывающий около 500 букв. К сожалению, эти рукописи были утеряны и, как следствие, не опубликованы.

После смерти епископа Могилевского Иеронима Вучанского в 1755 году Священный Синод принял решение выдвинуть кандидатом на вакантное место Георгия Каниского. Странники унии увидели прекрасную возможность воспользоваться ситуацией и окончательно вытеснить остатки православия с белорусских земель, но с первых дней своего пребывания в должности Г. Каниский начал успешную борьбу с политической дискриминации православного населения Беларуси. Как талантливый руководитель, Каниский понимал, что ключевым вопросом в поддержании кафедры был кадровый вопрос, многие священники не говорили ни по-русски, ни по-польски, а их грамотность ограничивалась уровнем «писать только свое имя», с. осталось только одно – основание семинарии.

В 1757 году он обратился к православному духовенству с призывом учить народ и считать эту деятельность главным пастырским делом,

потому что без учения не будет веры. Сам епископ энергично претворял в жизнь свои идеи. Он стремился поднять уровень образования православного духовенства, обновить церкви, открыть школы для православных, типографии, выступить против ограничения прав населения по религиозным мотивам, в результате чего даже дворянство не могло получить доступ к государственной службе, политической деятельности [3]. Он также писал программы и учебники, участвовал в творчестве архитекторов и художников, работавших по его приглашению в Могилеве.

Как знаток законов Короны Польши и Великого княжества Литовского, Каниский проделал огромную работу по созданию архива, в котором он собрал документы, подтверждающие право совершения обрядов, и впоследствии использовал их в судах с униатами.

Первые попытки Священного Синода остановить преследование православных христиан через российских послов по дипломатическим каналам Каниский не увенчались успехом, и дипломатическая служба направила правосудие в польские суды и использовала эти жалобы как средство поддержания политического тона. Не было необходимости улучшать положение православных в Речи Посполитой. В результате длительных гонений те, кто не согласился перейти в новую веру, начали массово переезжать в приграничные районы России.

Отсутствие успеха в защите православных и наличие угроз для его собственной жизни не остановили активную правозащитную деятельность епископа, результатом которой стало «Записка или объяснение белорусского православного епископа Георгия Каниского о том, что польский король обладает полной властью, без назначения специальной комиссии». Ходатайство Каниса о насилии и оскорблениях в отношении ортодоксальных униатов и латинян. Этот документ явился результатом большой работы по юридической обработке обширной документации, составлению аргументов и написанию жалоб в государственные органы, помощи в составлении обвинительных заключений, обоснованию жалоб, где он просил строго указать даты, факты, имена, чтобы они имели юридические сила и значение.

Речь Г. Станислава понравилась королю Станиславу Августу. Он пообещал, что все права православных (диссидентов), диссидентов в целом, которыми они пользовались в прошлом, будут восстановлены. Выступление Г. Каниского, соответствующее духу Просвещения, принесло ему европейскую известность. Вскоре он был переведен с латыни на многие европейские языки (английский, французский, немецкий) и получил широкое распространение как образец защиты религиозной терпимости.

После встречи с королем Г. Каниский остался в Варшаве для сбора необходимых источников, подтверждающих нарушение прав диссидентов, а также свободы, которыми они пользовались раньше. Он работал много времени в архивах изучал историю, законодательство Содружества, и постоянно спорил с католиками и униатами. В результате он подарил королю мемориал с описанием былых свобод диссидентов. Эта работа Г. Каниский был опубликован в Санкт-Петербурге под заголовком «Права диссидентов».

Узнав о страданиях Каниского и о бесплодных прошениях к царю, Екатерина II поручила послу Рапнину устроить следующий сейм для решения вопроса в пользу православных диссидентов. Екатерина II прекрасно понимала невозможность этих требований, поэтому поручила послу Рапнину создать православную конфедерацию, которая обратилась бы к России за помощью, что позволило бы ввести русские войска в Речи Посполитой.

В 1766 г. в Варшаве собрался еще один сейм. Под дипломатическим давлением России и Пруссии король обратился к послам Сейма с призывом уравнивать права диссидентов с католиками. Помимо Российской империи, диссидентами интересовались Пруссия, Англия, Франция, Швеция и Дания, и они также предъявляли Сейму свои требования: 1) предоставить право на свободу вероисповедания; 2) разрешить строительство новых и ремонт старых церквей, 3) восстановить все православные епархии по состоянию на 1686 год и дать свободу вернуться к проправославным, 4) разрешить восстановление православных семинарий, уравнивать православное духовенство в правах с католическим и ряд других требований. На основании которого был создан проект прав диссидентов, естественно, такие условия возмутили польское дворянство, которое отказалось предоставить диссидентам такой перечень привилегий.

Отказ привел к вводу в Варшаву 40 000 солдат. Российский посол Рапнин воспользовался этой ситуацией и предложил оппозиционно настроенным дворянам создавать конфедерации. Король Станислав Понятовский, видя действия конфедератов и пытаясь избежать гражданской войны, согласился на все условия, предложенные российской стороной, и объявил о созыве чрезвычайного сейма в Варшаве. Георгий Каниский, убежденный в дальнейшем успехе дела, продолжил систематизацию и изучение старинных грамот, королевских привилегий и парламентских конституций. Результатом сложной и кропотливой работы стало издание накануне открытия Сейма произведения «Права и свободы диссидентов христианской веры Королевства Польского и Великого княжества Литовского». сомнения собираются и раскрываются обществу». В нем собраны и прокомментированы в хронологическом

порядке все законодательные акты, подтверждающие прежнее равенство прав диссидентов и католиков в Содружестве. В работе также содержатся факты, подтверждающие дискриминацию части населения Речи Посполитой по религиозному признаку, нарушение прав некаатоликов-христиан, что позволило ему стать незаменимым юридическим гидом в судебных процессах между православными и католиками-униатами [1].

Чрезвычайный сейм начал свою работу в Варшаве 5 октября 1767 года. Однако вместо двух недель, традиционно отводимых на его проведение, он продлился несколько месяцев. Он закончил свою работу только в следующем 1768 году. Проблема диссидентов стала предметом жарких и долгих парламентских дебатов. Иерархи католической церкви, магнатов и части католической знати упорно выступали против уравнивания прав диссидентов с католиками. Тогда посол Баптин Репнин с ведома и разрешения царя приказал ночью арестовать некоторых из наиболее активных послов сейма, особенно упорных против требований диссидентов, и увезти их вглубь России. Среди арестованных были епископ Краковский Каэтано Солтык, епископ Киевский Иосиф Залуский, гетман Вацлав Ржевский и другие. Силовые действия русского дипломата объясняются тем, что в начале 1767 г. русские войска были введены в Содружество под предлогом защиты прав диссидентов [3–5].

Результатом Сейма стал «Договор о вечной дружбе», который вернул диссидентам все гражданские и политические права вместе с католиками, все предыдущие ограничения были сняты, свобода вероисповедания была гарантирована навсегда, был сформирован смешанный суд для рассмотрения жалоб православных на католиков и униатов – *judicium mixtum*. обращение из католицизма было преступлением и каралось изгнанием из страны. Договор, провозгласивший религиозную терпимость в Польше, не принес примирения и остался только на бумаге, уравнивание во всех правах диссидентов с католиками привело к новой волне гонений и гонений, которую назвали Барской конфедерацией и Гайдамачиной. Патриотические круги католической знати, недовольной вмешательством России в дела Речи Посполитой, составили в 1768 году. конфедерация в Бари, провозгласившая недействительность всех постановлений сейма 1767–1768 годов, свержение Станислава Августа Понятовского и крестовые походы против России. Войска Конфедерации жестоко преследовали православных. В ответ на агрессию было поднято восстание гайдамаков во главе с Максимом Зализняком, что привело к вводу российских войск в Украину. Самого Георгия Каниского планировали убить, чтобы спровоцировать столкновение между враждующими сторонами. Только благодаря тайным осведомителям епископу удалось бежать в Смоленск. Действия конфедератов в

Крым спровоцировали русско-турецкий конфликт, в результате которого Российская империя согласилась с требованием Пруссии о разделе Речи Посполитой, согласно которому восточные земли, включая Беларусь, были переданы России. Таким образом, Барская конфедерация вместо спасителя Польши стала ее могильщиком.

Понимая бесперспективность политики претензий на преследования католиков и униатов, Г. Каниский пришел к реализации единственно действенной тактики защиты православия: призывы присоединить белорусские земли к Российской империи для сохранения самобытности и культурной целостности белорусского народа прозвучал в аудиенции у Екатерины II. В этом случае возникают трудности с оценкой деятельности Г. Каниского в зависимости от разных точек зрения. Если рассматривать его приверженность провацлаву и русскому народу, то по отношению к Речи Посполитой, где он жил, это можно назвать предательством. Если рассматривать мотивы его деятельности не только в пользу православной церкви, но и в попытках отстоять самобытность и права белорусского народа, то в данном случае его можно рассматривать как фигуру, препятствовавшую ассимиляции белорусов поляками.

Георгий Каниский не мог не понимать, что в данном случае Российская империя стремилась только к достижению собственных имперских амбиций по ослаблению и дальнейшему разрушению своего главного политического и экономического соперника – Содружества. Защита прав православных на территории Речи Посполитой послужила лишь поводом для начала военных действий, которые впоследствии принесли значительные разрушения и многочисленные жертвы на белорусских землях. Реальный призыв к войне на его территории трудно расценивать как явное проявление патриотизма [1].

Г. Каниский связывал социальный прогресс с развитием науки с распространением образования на все слои населения и энергично воплощал в жизнь свои идеи: он открывал школы и семинарии, писал и публиковал научные и художественные произведения, критиковал крайности феодализма, жестокую эксплуатацию и угнетение народа, невежество, суеверия, духовная нищета власть имущих.

Ярким примером его взглядов является пьеса, которая занимает особое место в творчестве Каниского и вошла в историю «Воскресения мертвых».

В произведении ярко отражены типичные черты общественной жизни того времени: жестокое угнетение крестьянства, захват казаками вождями земель бедных казаков, незаконность и произвол суда.

Каниский защищает обиженных и угнетенных, критикует существующий порядок, судей, чиновников, разоблачает их преступления и взяточничество, осуждает притеснения и произвол помещиков.

Сторонник частичного реформирования общественного и государственного строя Беларуси, Каниский в своих проповедях 70-х и 90-х годов резко выступил против крупных феодалов, объявил их виновными в произволе и беспорядках в стране, осудил их безнравственность и осудил жестокую эксплуатацию крестьян. Он направляет свою критику прежде всего против феодальной аристократии. Г. Каниский глубоко возмущен тем, что крепостные не считают своих подданных людьми, которые не платят за их труд. В ряде проповедей Каниский критикует не только отдельных членов правящего класса, но и направляет свой гнев на государственные учреждения, особенно на суды. Он объясняет постыдное поведение и подкуп чиновников одним и тем же недостатком – роскошью. «Алтари святого бога ... превратились в пещеру разбойников, место самого бога заняли негодяи, крик о банкротстве несправедлив, а зритель прыгает: вдова не смеет, церковь не смеет обидеться на семерых разбойников Язвина на суд Божий вверяет».

Разоблачая и критикуя чиновников и власть в своих выступлениях, Каниский не игнорирует своих коллег – черно-белого духовенства. Он бичевает их лень, невежество, взяточничество, эгоизм, вымогательство. «Смерть и погребение прихожан, к которым приносят слезы и горе, и к ним (пастырка. – М. К.) притязания на последнюю корову и овцу». В его проповедях священники – это «немые собаки, которые не умеют лаять», «те, кто любит поспать и не имеет смысла» [6].

Конечно, Каниский не был противником ни феодально-рабовладельческой системы, ни религии в целом. Для этого требуется лишь смягчение феодальной эксплуатации, сглаживание острейших противоречий, установление в современном государстве и обществе элементарных правопорядка и законности в интересах самих помещиков. Его идеал – «просвещенный» и «хороший» король, справедливый судья, помещик, послушный крестьянин, покорно выполняющий свои феодальные обязанности. Он не требовал значительных, радикальных изменений в общественном строе, но поддерживал ту часть дворянства, которая считала необходимым провести реформы, проведенные Петром I в Российской империи в Беларуси.

Таким образом, Г. Каниский пропагандировал необходимость ликвидации феодальной анархии и ограничения произвола феодалов, установления централизованного порядка и законности в стране. Он был идеологом среднего класса современного общества, который был заинтересован в ограничении власти крупных феодалов.

лов, упорядочении государственной власти, развитии образования. Эти взгляды совпадали с интересами нового класса, который возник в то время, класса буржуазии, несущего идеологию Просвещения.

Библиографический список

1. *Авакян Г. С.* Палітычныя мысліцелі і гуманісты Беларусі / Г. С. Авакян, М. В. Кузняцоў, М. П. Сінькевіч. Мінск: Элайда, 2002. 96 с.
2. Вішнеўская, І. У. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі: Дапаможнік для студэнтаў вышэйш. навуч. устаноў. Мінск: Тэсей, 2004. 272 с.
3. Асветнікі зямлі Беларускай, X – пачатак XX ст. / рэдкалегія: Г. П. Пашкоў (галоўны рэдактар) і інш. 2-е выд. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2006. 490 с.
4. Беларуская юридическая энциклопедия: в 4 т. Т. 3: П–С / редкол. : С. А. Балащенко и др. Минск: ГИУСТ БГУ, 2011. 623 с.
5. Мысліцелі і асветнікі Беларусі: энцыкл. даведнік / гал. рэд. Б. І. Сачанка. Мінск: БелЭн, 1995. 671 с.
6. *Бабкоў І.* Фрагменты гісторыі беларускага мыслення [Электронны рэсурс] Беларускі Калегіум. 2008. Рэжым доступу: <http://bk.baj.by/lekscji/litaratura/babkou01-7.htm>. – (дата абращения: 04.10.2020).

УДК 323

Т. И. Шупенько,

доцент, Белорусский государственный университет им. Максима Танка
(г. Минск)

Е. В. Ефимович,

доцент, Белорусский государственный университет им. Максима Танка
(г. Минск)

РОЛЬ БЕЛОРУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В УКРЕПЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА (На материалах белорусской диаспоры в России)

Национальное самосознание – важнейший признак нации. Сохранение и развитие национального самосознания белорусов, в том числе проживающих за рубежом, – одна из ключевых задач белорусского государства. В статье рассматривается роль представителей белорусской диаспоры в Российской Федерации и их вклад в решение этой задачи.

Ключевые слова: национальное самосознание, диаспора, интеллигенция.

T. I. Shupenko,

Assistant Professor, Belarusian State Pedagogical University (Minsk)

E. V. Efimovich,

Assistant Professor, Belarusian State Pedagogical University (Minsk)

**THE ROLE OF THE BELARUSIAN INTELLIGENTSIA
IN STRENGTHENING THE NATIONAL IDENTITY
OF THE BELARUSIAN PEOPLE
(Based on the materials of the Belarusian diaspora in Russia)**

National identity is the most important feature of a nation. Preservation and development of the national identity of Belarusians, including those living abroad, is one of the key tasks of the Belarusian state. The article examines the role of representatives of the Belarusian diaspora in the Russian Federation and their contribution to solving this problem.

Key words: national identity, diaspora, intelligentsia.

В укреплении национального самосознания народа можно выделить два важнейших фактора – это проведение государством соответствующей политики и позиция представителей интеллигенции, как национальной, так и проживающей за пределами страны. Особый вклад в процессы самоидентификации вносят деятели интеллигенции диаспоры. Это требует более глубокого изучения вопроса о её роли и влиянии на рост этнического самосознания белорусов. Тенденции такого влияния можно проследить на примере деятельности белорусской диаспоры в Российской Федерации.

Рост национального самосознания белорусского народа произошел ещё в XIX – начале XX в. Особый вклад на этом этапе внесли представители белорусской интеллигенции, действующие в Санкт-Петербурге. В начале XX века по численности белорусы были второй после русских национальностью Санкт-Петербурга и самой большой национальной диаспорой города. В тот период в городе насчитывалось не менее десятка белорусских национально-культурных и политических организаций. Одно из первых, основанное в 1906 году, – издательство «Загляне сонца і ў наша ваконца». Оно напечатало книгу стихов Янки Купалы «Жалейка», «Першае чытанне для дзетак-беларусаў» Тётки, «Дудка беларуская» и «Смык беларускі» Ф. Богушевича, «Гапон» В. Дунина-Мартинкевича и произведения других белорусских писателей и поэтов. Деятельность представителей интеллигенции вызвала всплеск интереса к белорусскому языку и истории [4].

На современном этапе также отмечается бурный рост самосознания белорусского народа. С одной стороны, это стихийный процесс, происходящий на фоне поствыборных событий августа 2020 г., одним из

результатов которого стал всплеск национального самосознания и формирование гражданского общества. С другой стороны, влияние на него оказали организации и отдельные представители диаспоры за рубежом, в том числе творческая интеллигенция. Несмотря на высокую степень ассимиляции, подтвержденную исследователями, российские белорусы в последнее время проявляют большой интерес к собственной истории, что вообще характерно для периодов этнокультурного возрождения.

Белорусская интеллигенция в России осуществляет свою деятельность в составе общественных организаций. В Российской Федерации существует многоуровневая структура белорусской диаспоры, которая включает 71 общественное объединение белорусов: более 15 региональных национально-культурных автономий, культурно-просветительские общества, культурные центры, землячества. Часть этих организаций входит в Федеральную национально-культурную автономию Белорусов России, созданную в 1999 г. [7]. В Российской Федерации в 2015 г. в Деловом и культурном комплексе Посольства Беларуси (ДКК) был открыт Зал белорусской диаспоры [6]. В нем проводят курсы по изучению белорусского языка, лекции и семинары по истории Беларуси, науке и культуре, устраивают разнообразные творческие, деловые, научные мероприятия, концерты, художественные выставки.

Как правило, организации конструктивно сотрудничают с Беларусью и поддерживают ее политический курс. Организуемые ими культурные и иные мероприятия обычно проводятся при поддержке и участии загранпредставительств и иных органов государственной власти Республики Беларусь. Целью их деятельности является популяризация современных успехов Беларуси в странах проживания диаспоры. Важно подчеркнуть роль лидера организации, так как складывающееся мнение соотечественников в отношении Беларуси часто зависит от его личной позиции.

Признание и авторитет в регионах заслужили национально-культурные автономии «Белорусы Москвы», «Калининградское землячество белорусов», «Беларусь» в Республике Коми, белорусов Томска, белорусов Свердловской области, «Белорусы Мурмана», «Белорусы Югры» (Ханты-Мансийский автономный округ), Иркутское товарищество белорусской культуры имени Яна Черского, Национально-культурное общество «Беларусь» (Тюмень) и др.

Представители современной интеллигенции вносят существенный вклад в процесс формирования образа и имиджа Беларуси за рубежом. Белорусские соотечественники занимают важные посты в различных государственных структурах, входят в культурную и научную элиту России. Например, руководители администраций таких городов, как Зеленоградск, Светлый, Мамоново, мэр Калининграда Александр

Ярошук, спикер областной Думы Сергей Булычев, заместитель командующего Балтийским флотом Василий Апанович, лауреат Нобелевской премии по физике Жорес Алферов, композитор Игорь Корнелюк, актриса Ирина Мазуркевич, ведущий танцор Мариинского театра Игорь Колб, прима Ирина Гордей, дирижер Михаил Синькевич, губернатор Ленинградской области Валерий Сердюков, вице-адмирал Геннадий Радзевский, ректор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, заместитель председателя совета ректоров вузов Санкт-Петербурга Леонид Тарасевич, ректор Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций имени Бонч-Бруевича Александр Гоголь и др. [5].

Главным направлением деятельности организаций остается разноплановая работа по сохранению белорусского языка и популяризации белорусской культуры, особенно среди молодого поколения белорусов. Белорусское государство заинтересовано в развитии связей и сотрудничестве с представителями интеллигенции за рубежом. Белорусские власти осуществляют творческую поддержку праздников белорусской культуры, фестивалей белорусской песни за рубежом, содействуют в организации творческих встреч деятелей культуры и искусства Республики Беларусь с соотечественниками в странах их проживания, организуют гастроли, конференции и другие мероприятия зарубежных белорусских коллективов в Беларуси. Председатель Совета ФНКА «Белорусы России» Ф. П. Ковриго, председатель Совета НКА «Беларусь» в Республике Коми А. С. Крупенько, председатель Совета НКА «Калининградское землячество белорусов» М. И. Гриб были награждены медалью Франциска Скорины [5].

В консолидации зарубежных соотечественников большую роль традиционно играет православная церковь. Основное направление взаимодействия – культурная сфера. В 2015 г. руководством Могилевской области были установлены контакты с соотечественником, бизнесменом Н. Гришкунем, проживающим в г. Санкт-Петербурге (Россия). По его инициативе и при его финансировании был осуществлен капитальный ремонт Спасо-Преображенского храма г. Шклова. Проект был согласован со Шкловским районным исполнительным комитетом (Могилевская область), руководством православной Могилевской епархий и руководством прихода Спасо-Преображенского храма [5].

Важным направлением сотрудничества является укрепление личных контактов с соотечественниками. Тесные связи поддерживаются с рядом соотечественников, проживающих за рубежом: Ж. И. Алферовым – академиком Российской академии наук, Лауреатом Нобелевской премии, М. Т. Лобачем – ученым-экономистом, автором книг по исследованию г. Друцка, Г. Б. Поциенко – российским писателем, лауреатом

Пушкинской премии Петербургской академии наук, О. Ф. Кандыба – президентом РОО «Московский клуб белорусов», членом Союза писателей России, Г. Н. Короткиным – генерал-полковником, В. С. Кошелевым – почетным полярником СССР, генеральным директором Научного центра изучения Арктики и Антарктики «Полюс» и др. Решением Витебского горисполкома уроженцу г. Витебска Жоресу Алферову присвоено звание Почетного гражданина г. Витебска [1].

В Крупском районном историко-краеведческом музее (Минская область) создана экспозиция, посвященная почетному гражданину, уроженцу Крупского района, летчику-космонавту, дважды Герою Советского Союза В. В. Коваленку, который регулярно посещает родину. В. В. Коваленок участвует в решении вопросов, связанных с взаимодействием с соотечественниками в культурно-просветительской, образовательной, туристической сферах [1].

В поддержании и развитии национального самосознания белорусов играют роль и представители научной интеллигенции. Стоит отметить совместный белорусско-российский проект по исследованию белорусской диаспоры в Сибири, по результатам которого в 2003 г. премия имени академика В. А. Коптюга была присуждена работе «Очерки истории белорусов в Сибири». Белорусскими и российскими учеными совместно была проведена большая работа по изучению истории переселения и роли белорусов в освоении Сибири, их вклад в экономическое, культурное и научное развитие региона. Это направление является перспективным и как отмечает один из авторов работы, академик НАН Беларуси М. П. Костюк, «...эта тематика должна развиваться и дальше, должно выполняться соглашение между НАН Беларуси и Сибирским отделением РАН» [3, с. 110].

Костюковичский районный исполнительный комитет (Могилевская область) поддерживает контакты между литературным объединением «Крыничка» и уроженкой Костюковичского района, поэтессой С. Холодовой, заместителем главного редактора «Новости электроники» (г. Москва, Россия). С. Холодова принимает активное участие в районных мероприятиях, посвященных Дню Победы, Дню независимости Республики Беларусь, Дню освобождения района от немецко-фашистских захватчиков [5].

По инициативе и при содействии Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации в ряде региональных газет в Российской Федерации выпускаются материалы по белорусской и интеграционной тематике. Ряд белорусских общественных организаций имеет свои сайты, издает газеты и информационные листовки. Так, в г. Новосибирске городская общественная организация «Белорусский культурно-просветительский центр имени Евфросинии Полоцкой» издает газету

«Мая Радзіма», а на телеканале «МКС-21 канал» два раза в неделю проходит передача «Белорусский канал». В г. Мурманске имеется договоренность с ГТРК «Мурман» о предоставлении эфирного времени для белорусских передач «Раніца» и «Крыніца». Калининградское землячество белорусов совместно с Белорусско-Балтийским торговым домом, объединениями «РосБелрыба» и «Белорусская мебель» учредили «Белорусский культурно-информационный центр», который два раза в неделю выпускает на белорусском языке радиопрограмму «Крыніца». В г. Москве периодически выходит газета «Сябры». В г. Иркутске регулярно выходит в печатном виде и рассылается по интернету газета Иркутского общества белорусской культуры им. Яна Черского «Маланка». В г. Красноярске издается газета «Калі ласка», в г. Томске – «Белыя Росы» [2]. Посольством Республики Беларусь в Российской Федерации издается информационный бюллетень «Белорусы России», газета Федеральной национально-культурной автономии (ФНКА) «Белорусы России» с аналогичным названием и альманаха белорусов Дона «Мы – славяне» [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что белорусская диаспора в России в целом обладает устойчивым самосознанием, что не в последнюю очередь связано с активной деятельностью представителей интеллигенции в различных сферах.

Библиографический список

1. Информация о работе административных регионов Республики Беларусь с соотечественниками за рубежом в 2008 г. // Архив Уполномоченного по делам религий и национальностей Республики Беларусь.
2. Информация о СМИ белорусской диаспоры // Архив Уполномоченного по делам религий и национальностей Республики Беларусь.
3. *Касцюк М. П.* Беларусь ў Сібіры: мінулае і сучаснае: [гутарка з М. П. Касцюком] / запісала М. Вашчула // Наука и инновации. 2003. № 5/6. С. 108–110.
4. *Солопова О. В.* Этнокультурная и национальная идентичность белорусов Москвы в конце XX – начале XXI века [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический центр. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/3196>. (дата обращения: 14.01.2021).
5. Сотрудничество с соотечественниками за рубежом [Электронный ресурс] // Официальный портал Областного Могилевского исполнительного комитета. URL: <http://mogilev-region.gov.by/category/religiya-i-nacionalnosti/sotrudnichestvo-s-sootechestvennikami-za-rubezhom>. (дата обращения: 01.03.2020).
6. Торжественное открытие Зала белорусской диаспоры состоялось в Посольстве Республики Беларусь в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. URL: <http://ncpi.gov.by/news/news.aspx?section=360&news=4064>. (дата обращения: 01.12.2020).
7. Федеральная национально-культурная автономия белорусов России URL: <https://belros.org/regional>. (дата обращения: 09.01.2021).

Секция 3
«РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО
(РУБЕЖ XIX–XX вв. – НАЧАЛО XXI в.)»

УДК 378(094)(470.315)"1941/1942"

М. А. Балахонова,

аспирант, Ивановский государственный университет

РАЗВИТИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1941–1942 гг.

Великая Отечественная война оказала своё влияние на деятельность высших учебных заведений Ивановской области. Рассматриваются изменения в организации учебной деятельности, учебных планах, бытовых условиях. Отдельное внимание уделяется помощи конкретного вуза фронту и тылу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, вузы, научно-исследовательская деятельность, постановления, профессорско-преподавательский состав, учебный план, быт.

М. А. Balakhonova,

Postgraduate student, Ivanovo State University

DEVELOPMENT OF HIGHER SCHOOL OF IVANOVO REGION
IN 1941–1942

The Great Patriotic War influenced the activities on the higher educational institutions in Ivanovo region. Changes in the organization of the educational activities, curricula, living conditions are considered. Special attention is paid to the contribution of the particular university to the fate of the front and the rear.

Key words: Great Patriotic War, “military life”, memories, the All-Union Committee for Higher Education (UCHE), resolutions, faculty, curriculum.

В тяжёлых военных условиях работа высшей школы была нарушена. Многие преподаватели и студенты ушли на фронт. Произошли значительные изменения в учебных программах. Значительную часть учебного и свободного времени оставшийся контингент вузов стал посвящать военным нуждам и выживанию в сложившихся суровых условиях.

В условиях военного времени требовалось умело и гибко построить учебный процесс, что было сопряжено с целым рядом объективных трудностей. В связи с резким сокращением числа выпускников средних школ в первые два года войны в институты молодёжь стали принимать без вступительных экзаменов, иногда даже с 9-летним образованием. Это нередко приводило к низкой успеваемости на младших курсах.

Во-вторых, начало учебного года было перенесено. Учебный год во всех вузах начинался 1–15 октября. По приказу Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ) разрешалось свободное посещение одной трети занятий [8, с. 29]. Данное мероприятие являлось вынужденной мерой в связи с тем, что студенты совмещали учёбу с работой на оборонных предприятиях.

Что касается численности профессорско-преподавательского состава и студенчества, то в связи с мобилизацией в Красную армию практически в каждом вузе он сокращался примерно на 300 человек. 23 июня 1941 г. был обнародован Указ Президиума Верховного Совета, предусматривавший мобилизацию граждан 1905–1918 гг. рождения по 14 военным округам. Своим действием он охватывал и территорию Ивановской области, входившей в состав Московского военного округа [9, с. 16]. Если в начале 1941/42 учебного года в вузе в среднем числилось 1107 студентов, то к декабрю 1941 г. – только 743, а к концу учебного года – 672 [1, с. 142].

Не только юноши, но и девушки были заняты военными нуждами. Большая часть студенток после учёбы отправлялись работать в госпитали медицинскими сёстрами и санитарками. Так, С. Ю. Сляднёва, выпускница ИГПИ 1941 г. вспоминала: «Я стала медицинской сестрой эвакогоспиталя № 1388. Бывшие классные комнаты, длинные коридоры и даже зал переполнены ранеными. Работали по 12–14 часов, домой шли только спать. Трудно было физически, но ещё труднее было порой чувствовать своё бессилие и невозможность помочь раненым бойцам. И врачи, и сёстры, и санитарки делали всё что можно. Всегда нужно было внимание, слово надежды, тёплое прикосновение руки. Чувствовать себя нужной – это очень важно» [10, с. 190].

Условия военного времени поставили вузы перед необходимостью коренного пересмотра учебных программ и содержания изучаемых дисциплин. Самые разносторонние и интересные изменения прослеживаются у студентов Ивановского государственного педагогического института (ИГПИ). На филологическом факультете пединститута в расписании занятий появилась «Методика и организация политпросветработы в Красной армии». Она была введена для того, чтобы студенты, уходя на фронт, грамотно вели политработу в тыловых госпиталях [1,

с. 144]. На старших курсах факультета иностранных языков велась подготовка военных переводчиков. Особое внимание обращалось на немецкий язык. Одной из настольных книг студентов был военный разговорник. На физико-математическом факультете в курс астрономии были введены элементы аэронавигации, изучение задач на определение географических координат, в курс проективной геометрии – теория аэрофотосъёмки, в курс дифференциальных уравнений – задача о траектории снаряда. В учебных планах появилась чисто военная дисциплина ПВХО. Также была введена «строевая и военная подготовка, изучение станкового пулемёта «Максим» [1, с. 145]. Это позволяет говорить о том, что абсолютно на каждом факультете прослеживалось влияние военного времени.

Помимо учебной деятельности активно реализовывалась и научно-исследовательская работа, которая во многом была сопряжена с военными нуждами. В вузах были созданы десятки кружков, которые собирали материалы по истории войны. В Ивановском научно-исследовательском текстильном институте (ИвНИТИ) под руководством доцента А. С. Андреева студенты изучали вопросы режима экономики на текстильных фабриках. В условиях прекращения поставок химических красителей текстильным предприятиям институт разработал варианты их заменителей из местного сырья. В частности, был разработан способ получения красителей из местного торфа. В феврале 1942 г. институту было поручено разработать проекты восстановления разрушенных текстильных фабрик г. Калинина. По заданию наркома текстильной промышленности П. П. Микина при их восстановлении рекомендовалось учесть научные достижения ивановских инженеров и практику работы прядильных производств [6].

Тематика научных исследований Ивановского государственного медицинского института (ИГМИ) была подчинена задачам обороны страны, оказанию помощи Красной армии, лечению огнестрельных ранений, травм и ожогов, решению других неотложных задач, стоящих перед советским здравоохранением. Профессор М. А. Кимбаровский изучал новые способы лечения ран, подверженных инфекциям [7, с. 67]. Доценты Л. М. Шендерович, Р. А. Ткачёв и С. К. Понятовская описали клинику и лечение осложнений при огнестрельной травме черепа. Проблемами переливания крови занимались профессор А. М. Предтеченский, доцент П. М. Максимов и ассистент С. И. Чистяков. Профессор Л. И. Виленский изучал состояние сердечно-сосудистой системы при алиментарной дистрофии. Доцент Т. Ф. Ганжулевич обобщил результаты лечения ран, осложнённых инфекцией, ассистент А. Н. Стыскин – огнестрельных ранений кисти и пальцев [7, с. 68]. В годы войны препода-

даватели института выполнили более 200 научных работ, из которых свыше половины имели оборонное значение. Было защищено 16 кандидатских и 7 докторских диссертаций [7, с. 69].

Особый вклад в военные годы внёс Ивановский государственный химико-технологический институт (ИХТИ). Во втором полугодии 1941 г. вуз сыграл важную роль в производстве бутылок с зажигательной смесью, взрывчатых веществ, медицинских препаратов и другой важной для области продукции. Свой вклад в оборону страны он продолжал вносить и в сложнейших условиях 1942 г. Институт освоил получение очень важного медицинского препарата сульфазола и организовал лабораторию для его изготовления. Вклад в это дело внесли профессор Е. А. Шилов и доцент Ц. Г. Ранхенштейн. Кроме медицинских препаратов, химинститут по заданию Городского комитета обороны производил аккумуляторы для автомашин и зарядку ручных гранат [5, л. 91].

Наконец, Ивановский государственный энергетический институт (ИЭИ) в годы войны усиленно работал над проблемой перевода промышленных тепловых установок металлообрабатывающих и машиностроительных заводов с дальнепривозного топлива (нефть и кокс) на местное (дрова и торф), чем оказал огромную помощь заводам НКВ № 2, НКМП № 743, Ивановскому механическому заводу и «Ивгортормаш». В 1941 г. профессор кафедры производственной техники К. Филоненко обратился к научным сотрудникам с призывом о данном переводе [3, л. 159].

Таким образом, все вышеперечисленные высшие учебные заведения, кроме подготовки специалистов, вносили своими исследованиями непосильный вклад в решение производственных и социальных проблем, возникших перед областью в военные годы.

В заключении речь пойдёт о том, с какими бытовыми трудностями столкнулись вузы в 1941–1942 гг. Главной проблемой вузов было закрытие студенческих столовых в первые два учебных года. Поэтому в течение 1942 г. на заседании бюро обкома ВКП(б) неоднократно рассматривался вопрос о питании научных работников. Так, 12 февраля 1942 г. бюро приняло постановление «О снабжении профессорско-преподавательского состава и студентов вузов продуктами питания» и обязало Ивгорторготдел не позднее 20 февраля 1942 г. организовать для них специальный закрытый магазин в Иванове. 14 февраля 1942 г. была организована столовая для научных работников [2, л. 173–174].

Другой важной проблемой был дефицит хозяйственных товаров в вузах и общежитиях. В связи с этим, 21 ноября 1942 г. бюро обкома ВКП(б) было принято постановление «О мероприятиях по улучшению хозяйственно-

го состояния вузов и бытового обслуживания студентов г. Иванова». Были утверждены мероприятия об отпуске Наркоматом текстильной промышленности 15000 метров ткани студентам, ивановским электропромом 30000 штук электролампочек и Наркоматом стройматериалов 1000 кв. метров оконного стекла для обустройства учебных помещений и общежитий [4, л. 98].

Таким образом, власть приняла экстренные меры по предотвращению «вузовских бед» с целью активизации учебного процесса.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на все трудности, связанные с сокращением контингента преподавателей и студентов, реорганизацией учебной деятельности и учебных планов, тяжёлыми бытовыми условиями, деятельность высшей школы области не прекращалась. Кроме того, каждый вуз своими исследованиями вносил достойный вклад для решения проблем военного времени.

Библиографический список

1. *Балдин К. Е.* Ивановский государственный университет, 1918–2003 годы: очерки истории. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 587 с.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-327. Оп. 7. Д. 388.
3. ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 397.
4. ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 409.
5. ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 479.
6. *Горшков П.* Краситель хаки делается на месте // Рабочий край. 1942.
7. *Лукин В. А.* Очерки истории Ивановского государственного медицинского института им. А. С. Бубнова (1930–1995 гг.). Иваново: Иван. гос. мед. акад., 1997. 236 с.
8. *Маин В. Н.* Студенчество военных лет: учебное пособие / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1981. 67 с.
9. *Околотин В. С.* Ивановская область в годы Великой Отечественной войны: Иваново, 2017. Кн. 1: 22 июня – 31 декабря 1941 года. Иваново: А-Гриф, 2016. 343 с.
10. *Сляднёва С. В.* Страницы из жизни // Ивановский государственный университет глазами современников / Иван. гос. ун-т Иваново, 1995. Вып. 2. С. 185–197.

Е. В. Бей,

докторант Военной академии Генерального штаба ВС РФ (г. Москва)

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА НА СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ АРКТИКИ В ПЕРИОД ИНТЕРБЕЛЛУМА

В статье рассматриваются основные этапы деятельности военно-политического руководства страны, выделившие советский сектор Арктики в самостоятельный объект государственной политики в межвоенный период.

Ключевые слова: советский сектор Арктики, секторальный принцип, арктические экспедиции СССР, пятилетний план освоения Арктики, Главное управление Северного морского пути, ГУСМП.

E. V. Bey,

Doctoral Candidate of Military Academy of the General Staff
of Russian Armed Forces (Moscow)

EVOLUTION OF VIEWS OF SOVIET LEADERSHIP OF THE STRATEGIC IMPORTANCE OF THE ARCTIC IN THE PERIOD OF INTERBELLUM

In article the main stages of activity of the military-political country leaders which allocated the Soviet sector of the Arctic in independent object of public policy during the interwar period are considered.

Key words: Soviet sector of the Arctic, sectoral principle, Arctic expeditions of the USSR, five-year plan of development of the Arctic, the Chief Directorate of the Northern Sea Route, GUSMP.

Несмотря на то, что на протяжении своего существования СССР категорически отвергал континуитет с Россией периода до 1917 г., представляя Советский Союз как новое государство, возникшее «на руинах старого мира», эти принципы во многом не распространялись на территориальные владения бывшей Российской империи. Можно утверждать, что это правило касалось и территорий, пролежавших на самой протяженной северной границе молодого Советского государства – Русского Севера.

Вопросы, связанные с Заполярьем и Арктикой играли для советского правительства если не первое, то уж точно не второстепенное значение. Советская власть с первых дней своего существования пони-

мала экономическое и стратегическое значение этих пространств, стремясь сделать все от нее зависящее для их дальнейшего освоения. Так, еще до фактического окончания гражданской войны в стране председателем Совета народных комиссаров В. И. Лениным 10 марта 1921 г. был подписан декрет, положивший начало изучению и освоению Арктики в советское время [2, с. 194–196].

Несомненно, ленинский декрет открывал новую эпоху изучения и освоения Арктики. Однако чтобы приступить к практической реализации задач «государственной важности», перед ослабленным советским государством стояла более насущная проблема – необходимость эффективно поддерживать суверенитет над арктической периферией, в том числе и военными методами.

Советская Россия, одержав победу в войне с контрреволюцией и иностранными интервентами, стремилась к скорейшему установлению международных дипломатических отношений, в том числе со своими северными соседями, как свидетельство признания нового государства де-факто и де-юре.

В Юрьеве (ныне Тарту) 14 октября 1920 г. был заключён мирный договор между Советской Россией и Финляндией, установивший границы государств, частично проходившие в Заполярье. Российским представителям пришлось передать всю Печенгскую область «на вечные времена Финляндии в ее владение на правах полного суверенитета», западную часть полуострова Рыбачий и большую часть полуострова Средний.

Важным достижением руководства страны стало оформление отношений с Великобританией, которая в видении Москвы являлась главным противником и антисоветским вдохновителем в рамках Антанты. 16 марта 1921 г. было заключено англо-советское торговое соглашение, которое предусматривало в том числе установление политических связей между государствами. В этих условиях угроза появления английского флота в северных морях фактически исчезала [7, с. 200].

Ценой уступок удалось установить дипломатические отношения с Норвегией. 15 февраля 1924 г. в Наркомат иностранных дел СССР поступила нота министра иностранных дел Норвегии К. Ф. Мишле, в которой Королевское норвежское правительство признавало «Правительство Союза Советских Социалистических Республик как фактически, так и юридически единственной и законной властью». В свою очередь, практически на следующий день – 16 февраля СССР признал суверенитет Норвегии над архипелагом Шпицберген (включая остров Медвежий) в Северном Ледовитом океане, на который ранее заявлял свои права. Советскому правительству пришлось пойти на данные

уступки, чтобы «мягко» вернуться в мирное сообщество и только для того, чтобы защищать арктические интересы страны, не прибегая к силовому фактору.

В результате безотлагательных политико-дипломатических усилий советской стороны удалось снизить военную угрозу для северных и северо-западных границ РСФСР. В целом, военно-политическим руководством СССР возможность возникновения здесь военного конфликта рассматривалась как сравнительно отдаленная перспектива.

Более напряженно установление границ и закрепление арктических пространств за Советским Союзом происходило в Восточной части Арктики. Здесь наибольший резонанс имел международный инцидент, связанный с попытками политико-юридического отторжения исконно российского острова Врангеля, расположенного в Северном Ледовитом океане между Восточно-Сибирским и Чукотским морями. Успешно выполненная к 1926 г. государственная задача по колонизации острова, стала ответом СССР на посягательства англичан и американцев, не без основания оценивавших эту территорию как важную опорную базу для будущих трансполярных воздушных сообщений. Безусловно, эти же цели преследовало и военно-политическое руководство РСФСР. При очевидном стремительном развитии авиационной техники, о. Врангеля представлялся уже не только как промысловый удел страны, а как важный пограничный пункт, выполняющий оборонные задачи. Спустя несколько десятилетий данные предположения подтвердились в годы холодной войны, когда на острове были размещены военные радиолокационные объекты, запасной аэродром, части ПВО, и в наши дни в рамках наращивания российского военного присутствия в Арктике.

Риски политико-юридического отторжения арктических территорий, предопределили переход советского правительства к осуществлению политики, называемой в международном праве «эффективной оккупацией». Ее закреплением на законодательном уровне послужило постановление ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г.: «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» [5]. Пусть не в столь радикальной мере, как в случае с о. Врангеля, политика эффективной оккупации применялась и в дальнейшем (в основном путем создания полярных станций), оставалась действенной мерой советского правительства по защите национальных интересов в Арктике. Общая площадь полярных владений СССР на тот момент составила 5,842 млн кв. км.

Следующим важным шагом по исследованию и дальнейшему закреплению за СССР полярных областей стало принятие СНК 31 июля 1928 г. постановления № 271, предписывавшего создать специальную

Комиссию для проработки пятилетнего плана научно-исследовательских работ в советском арктическом секторе. Ее состав, под председательством заместителя наркома по военным и морским делам С. С. Каменева, включал представителей правительства РСФСР, Академии наук СССР, Наркомвоенмора, Осоавиахима, Совторгфлота и делегатов других организаций, в той или иной мере связанных с полярными проблемами [1, д. 859, л. 27–28]. Следует подчеркнуть, что назначение председателем Комиссии профессионального военного свидетельствовало о принципиально новом подходе к решению задач, связанных с советским арктическим сектором, который стал рассматриваться как стратегически важный для обороны страны.

В первую очередь на Комиссию возлагалась организация на архипелагах: Земля Франца-Иосифа, Новая Земля и Северная Земля научных станций. Во-вторых, «сооружения на территории СССР причальных мачт в качестве баз для научных арктических экспедиций на воздушных кораблях». Так, в ходе работы была определена к созданию сеть геофизических радиостанций в разных частях Арктики с целью разносторонних научных и научно-практических исследований. Пункты станций проектировались, начиная с востока – на острове Врангеля, на острове Бол. Ляховской из группы Новосибирских островов; далее к западу ряд станций на Таймырском полуострове и Северной Земле, на северной конечности Новой Земли – у мыса Желание, другая – на южном побережье одного из островов архипелага Франца Иосифа [3, с. 112]. Все эти базы планировались и строились, как форпосты, способствовавшие претворению в жизнь советской Арктической доктрины.

Все намеченные Арктической комиссией мероприятия «по созданию опорных пунктов» «в области дальнейшего проникновения в Арктику» выполнялись последовательно и в срок [1, д. 860, л. 9]. Начались глобальные исследования в советском секторе Арктики, существенно уточнившие карту данного региона. Арктические экспедиции открывали новые острова и «закрывали» несуществующие, все больше очищая Арктику от «полярных пятен». На арктических островах, включая самую западную арктическую территорию СССР – остров Виктории были водружены советские флаги.

Другой стратегически важной задачей стало надежное «сшивание» с материком, разбросанных в Северном Ледовитом океане островов и архипелагов, с целью превращения их в неразрывную часть страны. Иными словами требовалось создание единой целостной транспортной коммуникации Северного морского пути (СМП). Рубежным событием, практически подтверждавшим «жизнеспособность» СМП стала, проведенная в 1932 г. экспедиция под руководством дирек-

тора Всесоюзного арктического института, профессора О. Ю. Шмидта на ледокольном пароходе «Александр Сибиряков». Специальной экспедиции впервые удалось пройти Северным морским путем из Архангельска до Берингова пролива за одну навигацию (лето – осень). По ее результатам высшему руководству страны подготовили доклад о возможности практического использования северного морского маршрута для развития экономики и инфраструктуры арктических окраин СССР.

Как результат, постановлением СНК СССР № 1873 от 17 декабря 1932 г. при Совете народных комиссаров была создана специализированная государственная транспортно-экономическая организация – Главное управление Северного морского пути (ГУСМП). Главной задачей ГУСМП было определено «проложить окончательно северный морской путь от Белого моря до Берингова пролива, оборудовать этот путь, держать его в исправном состоянии и обеспечить безопасность плавания по этому пути». Этим же решением в ведение ГУСМП передавались все существующие метео- и радиостанции, расположенные на побережье и островах Северного Ледовитого океана (которых к 1933 г. было уже 17, а в навигацию следующего года запланировано к открытию еще 6 станций) [6, оп. 2, д. 1, л. 7, 151].

В русле этого комплексного видения проблем развития Арктики формировалась и вся дальнейшая структура ГУСМП. В феврале 1933 г. было создано Управление воздушной службы (позднее – Управление полярной авиацией), в июне того же года – Гидрографическое управление, летом 1934 г. начало функционировать Политическое управление с системой подчиненных ему органов (политотделов), а также началось формирование системы территориальных управлений ГУСМП на местах.

Юридическим актом, ознаменовавшим окончательное закрепление за ГУСМП практически всех направлений деятельности по освоению арктических окраин страны, стало упразднение 15 мая 1933 г. правительственной Арктической комиссии под председательством С. С. Каменева [6, оп. 4, д. 22, л. 26].

Стратегическая важность, которую приобрел СМП к концу 1930-х гг., являлась неоспоримой для высшего руководства государства. Во-первых, это был кратчайший морской путь между западными и восточными районами СССР, примерно вдвое короче, чем, например, при использовании трассы через Панамский канал. Во-вторых, СМП являлся главным путем снабжения районов Крайнего Севера и Северной Сибири, где отсутствовала развитая наземная путевая инфраструктура. Уже в 1940 г. ему отводилась главная роль по доставке в бассейны сибирских рек наиболее крупногабаритных и тяжелых элементов оборо-

дования строящихся в Сибири промышленных объектов. В-третьих, это был реальный путь для межтеатрового маневра военно-морскими силами в условиях войны [4, с. 18].

Таким образом, в межвоенный период происходила активная трансформация взглядов военно-политического руководства страны в отношении арктических пространств. Советское правительство реализовывало дальновидную политику по сохранению арктических территорий, которые в ближайшей перспективе становились ареной трансокеанических маршрутов, трансполярных перелетов и, что немаловажно, источником значительных энергетических ресурсов. В данный период впервые были выработаны позиции советской арктической «доктрины», опиравшейся в своих постулатах на активные действия по закреплению за СССР его полярных областей, не исключавшие и военное разрешение возникавших угроз, а вместе с тем и всестороннее транспортное освоение Арктики. В обобщенном виде эта деятельность стала одним из элементов советской идеологии в духе побед «над пространством и временем», а новые технические возможности помогли обеспечить прорыв в масштабах данного освоения.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3316. Оп. 23.
2. Декреты советской власти. Т. 13. 1 февраля – 31 марта 1921 г. М., 1989.
3. Орлов А. Арктическая комиссия. Пятилетний план научно-исследовательской работы в Арктических владениях СССР // Советский север. 1930. № 2.
4. Платонов А. В. Борьба на арктических коммуникациях 1941–1945. Ч. 1. СПб., 2012.
5. Постановление Президиума ЦИК СССР «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 30 мая 1926. № 32. Ст. 203.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9570.
7. Федоров П. В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск, 2009. С. 200.

УДК 94(470+571)

А. М. Белов,

профессор, Костромской государственной университет

Д. А. Булюкин,

аспирант, Костромской государственной университет

К ИСТОРИИ ВЫБОРОВ В I ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИИ 1906 г. (На материалах Костромской губернии)

В истории российской государственности и парламентаризма особое место принадлежит Государственной Думе. На 2021 год приходится 115-летие с момента созыва I Государственной Думы Российской империи. В статье предпринимается попытка на местном материале охарактеризовать отношение властей и населения к новому государственному органу, а также осветить процедуру выборов в Думу на территории Костромской губернии.

Ключевые слова: парламентаризм, Государственная Дума, Костромская губерния, выборы, «Костромская речь».

A. M. Belov,

Professor, Kostroma State University

D. A. Bulyukin,

Postgraduate student, Kostroma State University

THE HISTORY OF ELECTIONS IN I STATE DUMA 1906 (Based on materials of Kostroma province)

In the history of Russian statehood and parliamentarism, a special place belongs to the State Duma. 2021 marks the 115th anniversary of the creation of the first state Duma of the Russian Empire. The article attempts to characterize the attitude to the new state body on the basis of local material, as well as to highlight the procedure of elections to the Duma in the territory of the Kostroma province.

Key words: parliamentarism, State Duma, Kostroma province, elections, "Kostroma speech".

На фоне последних лет существования Российской империи резко выделяется феномен российского парламентаризма, выразившийся в создании Государственной Думы в чрезвычайных условиях Первой Русской революции 1905–1907 гг. Царское правительство было вынуждено пойти на уступки либеральной оппозиции. По словам исследователей, «до XVII столетия главными формами законодательного общения царя

с народом являлись Земские соборы и Государева Дума, принимавшие важные акты в жизни государства. Затем в истории России последовал длительный, вплоть до начала XX века, период отсутствия народного представительства в структуре высшей власти» [8].

Государственная Дума Российской империи своим составом, деятельностью, достижениями и неудачами воплощала в себе расстановку общественно-политических сил в стране, отношение к царизму разных слоев населения, а также острые, требующие неотложного решения вопросы России в целом и ее регионов. Поэтому весьма интересно проследить специфику, ход выборов в Государственную Думу на местном, костромском материале, ведь история регионов – это часть общей истории страны.

Процесс борьбы политических партий за голоса избирателей в Костромской губернии подробно освещался местными газетами. Ценные материалы содержат фонды Государственного архива Костромской области (ГАКО), в частности, сохранившиеся выпуски ежедневной политической, литературной и общественной газеты «Костромская речь». В контексте темы статьи крайне содержательны выпуски газеты за март–апрель 1906 г. Газета «Костромская речь» за время своего издания неоднократно меняла свое название: первоначально выходила под названием «Костромской голос», затем как «Костромская речь» и, наконец, под названием «Костромская газета».

Начало XX в. – «золотой век» российской печати. В Костроме в этот период выходили сразу четыре газеты. С 1898 г. издавалась литературная, политическая, общественная и ежедневная газета «Костромской листок». В 1900 г. появился «Костромской листок объявлений и реклам». В 1905 г. начала издаваться социал-демократическая «Костромская газета». В 1906–1907 гг. появились еще пять периодических изданий: прогрессивная и беспартийная газета «Костромская жизнь», «Поволжский вестник», газета «Рабочий», печатный орган Костромского окружного комитета РСДРП «Северный рабочий» и политический орган представителей кадетской партии газета «Костромич». Всего с 1906 по 1914 гг. в Костромской губернии одновременно издавались 22 печатных периодических изданий [2].

В губерниях проведение выборов было возложено на местную администрацию, которая подчинялась Министерству внутренних дел. Губернатор был уполномочен требовать сведения о выборах, назначать дни съездов по избранию уполномоченных и выборщиков. Списки избирателей составлялись полицией, а также органами местного самоуправления. Бланки избирательных записок рассылались избирателям через полицию, выдавались при голосовании. На избирательных собра-

ниях председателем был губернский предводитель дворянства или городской голова. Городскими выборами руководил городской голова или староста, на волостных и сельских сходах – волостные старшины и сельские старосты. Рабочие предприятий на собраниях выбирали председателей из своей среды [3].

Выборы в созываемую Думу бойкотировали революционные партии – социал-демократы и эсеры, чем воспользовались другие левые партии, в частности, кадеты. Торгово-промышленная партия и «Союз 17 октября» (октябристы), занимающие позиции правых на шкале политического спектра, также усиленно боролись за привлечение избирателей на свою сторону. Интересно, что значительная часть крестьянских избирателей не испытывала доверия ни к одной политической партии. Крестьяне выдвигали требования предоставить им помещичью землю; как следствие, сторонники предоставления крестьянству земли без выкупа на выборах в прессе именовались прогрессистами. В дальнейшем они сформируют в I Государственной Думе фракцию трудовиков. Прогрессисты прошли в выборщики на большинстве крестьянских съездов Костромской губернии [1].

Просматривая содержание мартовских – апрельских номеров «Костромской речи» 1906 г., постоянно сталкиваешься с критическим отношением ее журналистов, авторов статей, не только к царизму, но и к возникающим политическим партиям: «Проходящая избирательная кампания оказала делу будущего обновления и демократизации России важную услугу. Отношение борющихся групп и партий к созываемой Думе является прекрасным показателем их классовой физиономии. Выборная борьба сильных и жизнеспособных еще более закалила. Либеральная буржуазия доказала, что на наши буржуазные партии, начиная с октябристов... и кончая партией конституционных демократов, нельзя полагаться; слишком сильна склонность этих партий к соглашениям со старым порядком, боязнь... грядущих обновлений» [4]. Можно согласиться с автором статьи в том, что в ходе выборов развивались политическое сознание, политическая и правовая культура различных слоев населения России.

В мартовских дискуссиях и спорах в Костроме оппоненты из разных партий подмечали ошибки и промахи друг друга. Так, на собрании избирателей-приказчиков, состоявшемся в Костроме 5 марта 1906 г. в общественном клубе, наблюдательные участники заметили путанность и неясность выступления представителя кадетской партии Кузнецова. Сначала Кузнецов доказывал буржуазно-помещичий характер созываемой Думы, а затем говорил о необходимости всеобщего, прямого и тайного голосования и способности Думы разрешить аграрный и рабочий вопро-

сы. На этом же собрании обнаружился раскол среди приказчиков: оратор социал-демократов убеждал их не голосовать за кадетов, указывая на их принадлежность к рабочему классу: «Приказчики должны примкнуть к пролетарской партии, поддержать ее требования и проводить ее тактику» [4]. Также в номерах газеты «Костромская речь» можно найти информацию о численности костромского пролетариата в изучаемый период – 15 тысяч человек, а также о его бойкоте созываемой Думы. В результате на губернском съезде уполномоченных от рабочих было избрано в губернское избирательное собрание 7 выборщиков, из них 2 кадеты, 3 социал-демократа и 2 сочувствовавших социал-демократии [1].

Вместе с тем обращает на себя внимание невысокая степень организованности и правовой культуры рабочих. В ходе выборов на табачной фабрике Чумакова «Речи ораторов прерывались возгласами черносотенцев, намеревавшихся произвести скандал... речь пересыпалась крепкой бранью. Собравшиеся представляли какую-то дикую, неорганизованную толпу, которая не умела даже выбрать председателя» [5]. На этих же выборах проявилась незаконность действий представителей власти, когда помощник полицейского пристава, ввиду малого числа рабочих на выборах, стал записывать в качестве участников собрания отсутствующих лиц. В ответ на протесты и возражения «полицейский чин» сказал: «Все равно, по-нашему все законно, лишь бы выборы прошли» [5].

В уездных городах Костромской губернии обращает на себя внимание невысокая явка. Например, во время выборов от землевладельцев в Судиславле из 367 приглашенных по повесткам человек явились только 150, причем некоторые из них прибыли голосовать за своих умерших «отцов, дядей и дедов», которые приглашались повестками. Когда им было отказано, люди возмутились: «По окладным листам можно было платить и за мертвых, там находили и плательщиков, а сейчас при выборах нас не нужно» [6]. Выборы в Костроме 9 марта 1906 г. по городской курии дали явку около 40 % (приняли участие в выборах 2080 человек из 5790 допущенных к участию). По итогам подсчетов выборщиков в губернское Избирательное собрание прошли четыре кадеты (Н. А. Огородников, Н. В. Голованов, А. В. Перелешин, З. Г. Френкель), а также костромской городской голова Г. Н. Ботников, представитель партии октябристов [1].

В газете справедливо обсуждались возникавшие в ходе выборов трудности и проблемы. Так, выборщики говорили о том, что «в депутаты Государственной Думы будут выбраны лишь одни жители Костромы, как лица, наиболее всем известные благодаря административному значению Костромы и местной печати. Выборщики считали это не

соответствующим интересам населения всей губернии. Скептическое отношение некоторых участников выразилось в бойкоте выборов, а также «порче» бюллетеней. На выборах 1–5 марта 1906 г. в г. Юрьевец «на одном бюллетене были написаны имена местных «бывших людей», дурачка, юродивого и миллионера-фабриканта Миндовского. Председатель староста Соколов отказался заносить в книгу содержимое бюллетеня, тогда стали протестовать и ему пришлось повиноваться» [7].

Непосредственное избрание депутатов в Государственную Думу проходило в губернском избирательном собрании 26 марта 1906 г. в Костроме в здании Дворянского собрания на Павловской улице (ныне проспект Мира). Со всех уездов и городов губернии съехались выборщики общим числом 99 человек. Председательствовал губернский предводитель дворянства П. И. Шулепников. Особняком на выборах держались 7 представителей от рабочих. Газета «Речь» в статье от 28 марта 1906 г. отмечала, что возникли трудности с выбором депутата Думы от крестьян. Причиной стало стремление самих выборщиков попасть в Думу, а также наказ избирателей не примыкать ни к одной из политических партий. 27 марта в результате предварительной договоренности крестьян 16 голосами «за» и 13 «против» был избран депутатом Государственной Думы беспартийный прогрессист крестьянин П. Д. Горохов. Еще одним депутатом от крестьян был избран И. В. Замыслов. Далее были избраны остальные члены Думы: А. И. Смирнов, П. А. Сафонов, Н. А. Огородников, З. Г. Френкель. Депутатом от рабочих стал А. И. Смирнов, сочувствовавший социал-демократам [1].

Интересную информацию дают телеграммы, отдельной рубрикой помещенные в каждом номере газеты. По итогам выборов в Государственную Думу в «Костромской речи» говорилось о победе кадетов: «...из 93 депутатов по 18 губерниям выбрано 79 конституционных демократов, 5 разных прогрессивных партий, 4 крайне левых, 4 беспартийных и 1 консерватор» [7].

Таким образом, на материалах газеты «Костромская речь» можно говорить о характере выборов, проходивших в Костромской губернии в I Государственную Думу 1906 г. Это были только первые шаги формирующегося парламентаризма в России. Политико-правовая грамотность и культура многих находились тогда на невысоком уровне, но сама процедура выборов выводила людей из провинциальной апатии, пробуждали интерес к судьбе страны, пониманию и разрешению насущных проблем государства.

Библиографический список

1. Белов П. А. Выборы депутатов Первой Государственной Думы в Костромской губернии // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2005. № 3.
2. Бердова О. Газетный мир старой Костромы // Костромская старина. 2001. № 15.
3. Государственная Дума России: энциклопедия: в 2 т. Т. 1: Государственная Дума Российской империи (1906–1917). М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.
4. Костромская речь. Ежедневная политическая, литературная и общественная газета. 14 марта 1906. № 2.
5. Костромская речь. Ежедневная политическая, литературная и общественная газета. 18 марта 1906. № 4.
6. Костромская речь. Ежедневная политическая, литературная и общественная газета. 23 марта 1906. № 8.
7. Костромская речь. Ежедневная политическая, литературная и общественная газета. 13 апреля 1906. № 20.
8. Манько А. В. Российская монархия: символика и атрибуты. Страницы истории государственности. М.: Вече, 2005.

УДК 331.108.641

Ю. Г. Белоногов,

доцент, Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО УКРЕПЛЕНИЮ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ СЕКТОРЕ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Рассматривается влияние ряда факторов (изменение соотношения спроса и предложения на рынке труда, активное пополнение пролетариата за счет крестьянства, маргинализация рабочего класса) на ужесточение законодательства 1929–1932 гг. в сфере соблюдения трудовой дисциплины в индустриальном секторе советской экономики.

Ключевые слова: рабочий класс, нарушения трудовой дисциплины, «плохой труд», текучесть рабочей силы, прогул.

Yu. G. Belonogov,

Associate Professor, Perm National Research Polytechnical University

FACTORS OF EVOLUTION OF LEGISLATION TO STRENGTHEN LABOR DISCIPLINE IN THE INDUSTRIAL SECTOR OF THE SOVIET ECONOMY DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLAN

The influence of some factors (changing the ratio of demand and supply in the labor market, active replenishment of the proletariat at the expense of the peasantry, marginalization of the working class) on the tightening of legislation throughout 1929–1932 in the field of labor discipline in the industrial sector of the Soviet economy is considered.

Key words: proletariat, violations of labor discipline, "bad work", labor turnover, absence.

С конца 1920-х годов началась смена стратегии экономического курса по развитию народного хозяйства. Индустриализация предполагала усиление плановых начал в государственном регулировании экономики, а их реализация была возможной только при условии стабильного, квалифицированного и дисциплинированного кадрового состава промышленных предприятий. Успешное выполнение задач индустриализации уже в годы первой пятилетки объективно требовало решения таких проблем как текучесть рабочей силы и низкий уровень трудовой дисциплины.

Объектом статьи является государственная политика, выражавшаяся в принятых на протяжении изучаемого периода нормативно-правовых актов (НПА), которые были призваны укрепить трудовую дисциплину в индустриальном секторе экономики СССР. Между тем, в современной российской историографии уже проведено политико-правовое исследование по эволюции данных НПА (например, см.: [1, 2, 13]). Поэтому предметом нашей работы станет анализ возможных причинно-следственных связей между действием некоторых объективных факторов на рынке труда периода первой пятилетки и принятием НПА по снижению количества прогулов по неважным причинам.

Какие объективные факторы влияли на государственную политику в сфере дисциплины труда именно в изучаемый период? По нашему мнению, к их числу следует отнести качественное изменение соотношения спроса и предложения на рынке труда, более активное привлечение крестьянского населения в строительный и индустриальный сектора экономики, достаточно заметная маргинализация пролетариата. Рассмотрим по порядку данные факторы и их логическую последовательность.

Во-первых, на рубеже 1920–1930-х годов ситуация на рынке труда в сравнении с НЭП уже качественно поменялась. Для конца 1920-х годов еще было характерно превышение предложения рабочей силы над спросом. По официальным данным, на 1 апреля 1928 г. на учете бирж труда числилось 1576 тыс. безработных, на 1 октября 1928 г. – 1365 тыс., на 1 апреля 1929 г. – до 1741 тыс., а затем снижается: на 1 октября 1929 г. – уже 1242 тыс., на 1 апреля 1930 г. – 1081 тыс., на 1 октября 1930 г. – 240 тыс. безработных [12, с. 23]. К концу 1930 г. безработица в СССР была полностью ликвидирована, что объяснялось увеличением масштабов промышленного строительства и производства: если за 1918–1928 гг. было построено, восстановлено и введено в действие 2200 крупных государственных промышленных предприятий, то за 1929–1932 гг. таковых насчитывалось 1500 [4, с. 33]. Крайний дефицит рабочей силы на стройках и предприятиях объективно как усиливал процесс «перетока» кадров (квалифицированный рабочий стремился подороже продать свои трудовые умения и навыки, поэтому с относительной легкостью мог менять место своей работы в поисках более лучших условий труда), так и не способствовал качественному снижению количества прогулов (в условиях дефицита кадров при выполнении напряженных плановых заданий руководство предприятий истроек было вынуждено примиренчески относиться к нарушителям трудовой дисциплины и приспосабливаться к феномену «плохого труда»).

Во-вторых, обозначенная проблема дефицита рабочей силы в индустриальном секторе советской экономики традиционно решалась властью в годы первой пятилетки, прежде всего, за счет выходцев из деревни. Именно на изучаемый период приходятся наибольшие темпы прироста количества рабочих, когда их общая численность выросла примерно в два раза, при этом преимущественное увеличение наблюдалось в промышленности, строительстве и на транспорте. По данным статистики, в годы первой пятилетки (1929–1932 гг.) крестьянские пополнения составили 68 % в приросте численности рабочего класса, тогда как в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) – 54 %, а в 1926–1928 гг. – 40 % [3, с. 199].

В период первой пятилетки сформировалось два основных канала «перетока» рабочей силы из аграрного в индустриальный сектор экономики. Первый, самый распространенный канал предусматривал индивидуальный наем предприятием трудоспособных крестьян, как правило из числа крестьян-единоличников, перебиравшихся на постоянное место жительства в промышленные центры в целях спасения от угрозы раскулачивания. Второй канал предполагал поощряемое властями самостоятельное и централизованное отходничество, т. е. временный уход

крестьян (как колхозников, так и единоличников) с мест постоянного жительства в сельской местности в районы промышленного строительства, лесозаготовок и развитой промышленности для получения дополнительного заработка.

Однако указанные каналы пополнения рядов пролетариата обладали и очевидными минусами. Так, сезонный характер работы части крестьян и нерегулируемый властями стихийный «прилив» и «отлив» отходников ставил под угрозу выполнение стройками и предприятиями напряженных планов. Одновременно исследователи отмечают сложную адаптацию к машинному производству маргинальных категорий промышленных рабочих вследствие наличия у них особых («крестьянских», «доиндустриальных») представлений о культуре труда, что провоцировало высокий уровень нарушений трудовой дисциплины на производстве [5, с. 170; 10, с. 193].

Наконец, к третьему фактору, ставшему закономерному следствием действия двух предыдущих, следует отнести процесс активной маргинализации рабочего класса в период первой пятилетки. Указанное явление проявлялось в резком увеличении численности мало- и среднеквалифицированных рабочих, снижении удельного веса потомственных и высококвалифицированных рабочих, нарушении преемственности передачи как производственного опыта, так и (что более важно для данного исследования) ключевых характеристик психологии промышленного пролетариата как особой социальной группы. В пользу этого вывода свидетельствует интересный статистический факт: молодые рабочие с небольшим производственным стажем объективно относились к группе риска, склонной к негативным трудовым девиациям (прогулам, опозданиям на работу, небрежному обращению с машинами и материалами, невыполнению распоряжений администрации и другим нарушениям правил внутреннего распорядка). Так, осенью 1932 г. Наркомат труда РСФСР организовал изучение причин текучести рабочей силы на заводах гг. Рыбинска и Кинешмы. Выявилось наличие обратной зависимости текучести рабочей силы и нарушений трудовой дисциплины, с одной стороны, от производственного стажа работы и возраста, с другой сторон: на рабочих со стажем включительно до 3–4 лет приходилось 80–90 % всех случаев негативных трудовых девиаций [9, с. 207].

На наш взгляд, обозначенные выше факторы предопределили актуальность в период первой пятилетки проблемы нарушений трудовой дисциплины. Согласно официальным статистическим данным, по всей промышленности в 1925 г. в среднем на одного рабочего приходилось 7,43 дня прогулов по неуважительным причинам, в 1926 г. – 7,86 дня, в 1927 – 6,94 дня, 1928 г. – 5,72 дня, в 1929 г. – 4,09 дня, в 1930 г. – 4,49,

в 1931 и 1932 гг. – по 5,96 дней [11, с. 193]. Очевидно, по сравнению с периодом «позднего» НЭП, количество таких прогулов в 1929–1932 гг. несколько снизилось. Во многом этот факт объясняется законотворческой политикой советского государства.

Анализ НПА, принятых на протяжении первой пятилетки, показывает, что в целях укрепления трудовой дисциплины государство как старательно повышало престижность добросовестной деятельности на одном месте работы, так и расширяло права директората по наложению дисциплинарных взысканий. Постановление Совета Народных комиссаров СССР от 6 марта 1929 г. обязывало биржи труда при посылке на работу безработных отдавать предпочтение лицам, которые не подвергались увольнению за грубое или систематическое нарушение трудовой дисциплины. Администрации государственных предприятий предоставлялось право за нарушение трудовой дисциплины самостоятельно налагать на работников все взыскания, предусмотренные табелью взысканий [7, ст. 1–2]. Постановление того же органа власти от 5 июля 1929 г. устанавливало, чтобы при предоставлении работникам жилья из жилищных фондов предприятий, направлении на курсы повышения квалификации или продвижении внутри организации на более квалифицированную работу учитывались как длительность пребывания работников на предприятии, так и степень соблюдения ими трудовой дисциплины [8, ст. 1].

Высокий уровень прогулов по неуважительным причинам в 1931–1932 гг. показал советскому руководству слабую эффективность указанных законодательных новаций. В самом конце первой пятилетки был принят закон, заложивший предпосылки использования уже карательных мер для укрепления трудовой дисциплины [6]. Для снижения высоких экономических издержек от текучести рабочей силы и негативных трудовых девиаций государство усиливало правотворческую деятельность в рамках трудового права и свойственными данной отрасли способами (расширение толкования прогула, увеличение перечня дисциплинарных взысканий, установление жесткой зависимости очередности и объема продуктового и промтоварного снабжения, социального обеспечения от добросовестной деятельности на одном месте работы). Постановление ЦИК СССР и СНК СССР, принятое 15 ноября 1932 г., предписывало администрациям предприятий за прогул (неявку на работу без уважительных причин в течение одного дня) обязательно увольнять работника и одновременно лишать его права пользования продовольственными и промтоварными карточками (выданными ему как работнику данного предприятия), а также права пользования ведомственным жильем, с 1933 г. – исключение из жилищного кооператива.

Изучение нормативно-правовых актов периода первой пятилетки показывает, что государство одновременно решало проблему укрепления трудовой дисциплины во взаимосвязи со снижением текучести кадров на производстве. Государственная политика в этой сфере являлась ответной реакцией властвующей элиты на деятельность мало- и полуквалифицированных рабочих (как правило, из числа бывших крестьян) на рынке труда, в условиях превышения спроса над предложением рабочей силы. Укрепление трудовой дисциплины под воздействием указанных факторов неизбежно предполагало применение многообразных форм вознаграждения, побуждения и принуждения работников к добросовестному труду. При этом на протяжении первой пятилетки отчетливо наблюдается постепенное ужесточение трудового законодательства в изучаемой сфере. Объем материальных благ, предназначенных рабочим от государства, ставится в жесткую зависимость не только от производительности труда, но и от соблюдения ими дисциплины труда.

Библиографический список

1. *Востриков П. П., Добровольский А. А., Сомов В. А.* Развитие законодательства о дисциплине труда в Советской России и СССР (1917–1945 гг.): историко-правовое исследование: монография. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2019.
2. *Добровольский А. А.* Государственно-правовая политика в области обеспечения дисциплины труда в СССР в эпоху индустриализации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24.
3. Изменения социальной структуры советского общества (1921 – середина 30-х годов). М.: Мысль, 1979.
4. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987.
5. *Невзорова И. В.* Стимулирование труда рабочих местной промышленности Южного Урала в 30-е годы XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. 2017. № 3 (23).
6. Об увольнении за прогул без уважительных причин. Постановление ЦИК СССР и Совета народных комиссаров СССР от 15 ноября 1932 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 11.12.2020).
7. О мерах к укреплению трудовой дисциплины в государственных предприятиях. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 6 марта 1929 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 11.12.2020).
8. О мерах к улучшению производственного режима и укреплению трудовой дисциплины в предприятиях. Постановление Совет Народных Комиссаров СССР от 5 июля 1929 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 11.12.2020).
9. Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества. Т. 2: 1921–1937 гг. М.: Наука, 1984.

10. *Соколов А. К.* Проблемы мотивации труда на советских предприятиях // Труды института российской истории РАН. 2010. № 9.
11. СССР в цифрах [в 1935 году]: краткий сборник статистических материалов. М.: Центр. упр. нар.-хоз. учета Госплана СССР, 1935.
12. Труд в СССР: статистический сборник. М.: Статистика, 1968.
13. *Чурпынников С. А.* Партийно-правительственные постановления по вопросам укрепления трудовой дисциплины в СССР в 1930-е годы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5.

УДК 93

А. О. Бунин,

профессор, Ивановская государственная медицинская академия

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕДИТНОЙ КООПЕРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД НЭПА (1921–1922 ГОДЫ)

С введением нэпа начался процесс возрождения кредитных функций кооперативов, но протекал он замедленными темпами. Кооперативный кредит восстанавливался прежде всего в сельскохозяйственных товариществах, занимавшихся универсальной работой. Анализируется процесс финансирования деревни Покобанком и Госбанком.

Ключевые слова: кредитная кооперация, кооперативные союзы и товарищества, ссудная деятельность.

A. O. Bunin,

Professor, Ivanovo State Medical Academy

ABOUT ACTIVITY OF CREDIT COOPERATIVES IN RUSSIAN VILLAGE IN THE INITIAL PERIOD OF NEP (1921–1922 YEARS)

With the introduction of the NEP the process of reviving credit functions of cooperatives began, but it proceeded at a slow pace. Cooperative credit was restored primarily in agricultural partnerships engaged in universal work. The process of financing the village by Consumer Cooperation Bank (Pocobank) and State bank is analyzed.

Key words: credit cooperation, cooperative unions and partnerships, loan activity.

С введением нэпа меняется и положение кооперации. Летом 1921 года были приняты декреты «О промысловой кооперации» и «О сельскохозяйственной кооперации», согласно которым эти ветви кооперации отделялись от потребительской и им возвращались первоначальные функции и принципы работы. В результате активной деятельности кооператоров в летние месяцы 1921 года им удалось воссоздать костяк сельскохозяйственной кооперативной системы в виде товариществ и союзов. Сельскохозяйственные кооперативы в 1921 году возникали преимущественно на месте старых кредитных товариществ, и во главе их, как и во главе сельскохозяйственных союзов, в большинстве случаев становились работники старой кредитной кооперации. К августу 1921 года союзы объединили около 600 кооперативов, к декабрю уже насчитывалось около 4000 сельскохозяйственных товариществ и свыше 240 их союзов [1, с. 98].

Летом 1921 года кооперативный отдел Центрального бюджетно-расчетного управления РСФСР (остатки аппарата МНБ) был преобразован в Межведомственный центральный комитет по финансированию кооперации при кооперативном отделе НКФ РСФСР, который продолжил кредитование кооперативных союзов. Но суммы на финансирование кооперации им выделялись крайне незначительные. Декрет СНК от 26 июля 1921 года «О средствах кооперации» позволил возродить принципы кооперативного кредита, и на его основе все виды кооперации стали включать в уставы право на ведение кредитных операций. Однако в условиях финансовой дестабилизации ссудная и вкладная операции в кооперативах развивались крайне незначительно. Одновременно с процессом воссоздания кооперативных систем началось и овладение ими большевиками, протекавшее в различных формах. Большое значение для восстановления системы кредитования имело учреждение в октябре 1921 года Государственного банка. В ноябре 1921 года кооперативный отдел НКФ был ликвидирован и влит в Госбанк в виде кооперативной части отдела кредитов. Он продолжил финансирование союзов, расширил кредитование первичных кооперативов с широкой производственной программой. Кредиты выдавались кооперативам на самостоятельные и государственные задания, на покрытие организационных расходов и на культурно-просветительские нужды [9, л. 15, 16].

Наконец, в январе 1922 года был опубликован декрет «О кредитной кооперации», восстанавливавший последний компонент исторически сложившейся в России кооперативной системы. Общее руководство кредитной кооперацией возлагалось на НКФ и НКЗ, а регистрация товариществ производилась в отделениях и конторах Госбанка. В целом декрет предоставлял широкие возможности для независимого развития

кредитной формы кооперации и носил рыночный характер. На его основе к середине 1922 года сформировалась основа низового и среднего звеньев системы сельхозкредита. Чисто кредитные товарищества не получили широкого развития: на 1 июля 1922 года их насчитывалось лишь 616 с 181 557 членами; они обслуживали 19,3 % кооперированных хозяйств. Вместе с тем к этому времени количество сельскохозяйственных товариществ, способных выполнять кредитные функции, составляло уже 9224 и в них входили 58,1 % всех кооперированных хозяйств. Что касается союзов сельхозкооперации, то их число за первое полугодие 1922 года выросло с 247 до 288 [4, с. 11]. Большинство из них было смешанного типа и вело кредитные операции. Несмотря на значительный количественный рост, кредитная кооперация оставалась крайне слабой и не была способна удовлетворить нужды крестьянства.

Хотя баланс сельхозсоюзов значительно вырос (в среднем с 8500 р. на 1 апреля 1922 года до 48800 р. на 1 января 1923 года), они не могли выполнить и малую часть запросов товариществ. Так, Волжско-Камский кредитартельсоюз имел с мест заявок на семенные ссуды в 1922 году на 300 млн р., а удовлетворил – на 20,5 млн р. Что же касается первичных кооперативов, то из-за финансовой неустойчивости вклады деньгами в них фактически не делались, преобладали натуральные, преимущественно хлебные, вклады. Вследствие дефицита опытных кадров многие товарищества вообще не имели представления о банковской работе и о формах кредита. Неудивительно, что на 1 января 1923 года в сельскохозяйственных товариществах ссуды составляли лишь 0,4 %, а вклады – 0,5 % баланса [7, с. 23, 24]. О беспомощности кооперативов с кредитными функциями в обеспечении крестьянских хозяйств кредитом свидетельствовал и небывалый размах кабальных, ростовщических сделок на селе. В июне 1922 года было опубликовано постановление ВЦИК и СНК «О признании недействительными кабальных сделок на хлеб», в том же месяце кооперативная комиссия ЦК была вынуждена провести специальное заседание по вопросам межсоседского кредита, выработав меры против ростовщичества.

В связи с неразвитостью финансовых операций, кооперативы с кредитными функциями пытались обслуживать нужды деревни в области снабжения ее инвентарем, посевным материалом, создавали собственные несложные производства. Так, например, сельскохозяйственные кредитные товарищества Московской губернии организовали в 1922 году 40 прокатных и 2 случных пункта и заготовили за сезон 1921/22 года для населения 350 плугов, 20 молотилок, 2 веялки; в Енисейской губернии все сельскохозяйственные кредитные товарищества занимались исключительно торговлей и заготовкой сельскохозяйственных

продуктов (преимущественно пушнины); Покровское кредитное товарищество Смоленской губернии в 1922 году занималось преимущественно обслуживанием прокатного, зерноочистительного и случного пунктов и механической мельницы; Лихтошское кредитное товарищество Грязовецкого уезда Вологодской губернии строило свою деятельность на базе 4 торговых отделений и кружевного отдела [2, с. 52].

Негативным фактором в функционировании кредитной кооперации в 1922 году стала и крайняя недолговечность кооперативов, их формальное возникновение и вхождение в союзные объединения лишь с целью получения ссуды. Так, из 215 организовавшихся и вступивших в Пермский союз сельскохозяйственных и кредитных кооперативов 162 после получения денег распались, а оставшиеся 53 числились преимущественно на бумаге. На 1 июля 1922 года в Юго-Восточном союзе сельскохозяйственных кооперативов число членов составляло 450 000 человек, к 1 октября 1922 года уменьшилось до 395 000, а к 1 января 1923 года – до 196 475 человек. По признанию самих крестьян, после получения ссуды и весенней посевной кампании они в кооперативах переставали нуждаться. Подобная картина была характерна в целом для России [1, с. 20].

Достигнув к началу 1923 года в количественном отношении 799 кредитных и 9169 сельскохозяйственных товариществ (общее количество сельскохозяйственных кооперативов на 1 января 1923 года составляло 28 469) и 333 союзов, сеть кредитной кооперации не смогла добиться ощутимых успехов в кредитном обслуживании крестьянства и по причине отсутствия в 1922 году эффективной банковской системы финансирования деревни [5, с. 152].

20 февраля 1922 года начал работу Банк потребительской кооперации. Во главе Покобанка был поставлен перешедший на сторону советской власти Д. И. Илимский-Кутузов, проявивший себя еще до революции как специалист по кооперативному кредиту, а председателем совета стал А. И. Швецов, также опытейший кооператор. Начав с 5 ссуд в феврале и 32 в марте, к августу Покобанк выдал ссуд уже почти на 354 млн р. Большинство его клиентов являлись потребительскими обществами, однако с лета 1922 года большое количество ходатайств стало поступать в Покобанк от непотребительских, в том числе и кредитных кооперативов [6, с. 72, 73]. Задолженность сельскохозяйственной кооперации Покобанку росла на протяжении всего 1922 года. Несмотря на формальные ограничения сельскохозяйственные кооперативные объединения вступали в число пайщиков банка (на 1 декабря 1922 года 576 пайщиков Покобанка являлись сельскохозяйственными кооперативами, 15 – кустарно-промысловыми, 12 – кооперативами

смешанного типа, обладая 5,3 % паев) [6, с. 63, 64]. И все же кредиты Покобанка не могли удовлетворить даже минимальные потребности деревни в финансировании, причем доля ссуд непотребительским кооперативам составила на 1 января 1923 года лишь 5,6 %.

Не смог в достаточной степени обеспечить крестьянские хозяйства финансовыми ресурсами и главный кредитный институт страны – Госбанк. Он приступил к денежному кредитованию сельского хозяйства за счет специальных средств НКЗ еще в ноябре 1921 года. Однако реальное финансирование им деревни началось лишь с марта 1922 года, когда из средств банка на семенную кампанию и на весенние работы было выделено 515 млн р. Затем ассигнования были увеличены до 2 трлн р., из которых кооперативным организациям направлялось менее 10 %. На местах большинство отделений финансировало только кооперативные союзы, некоторые – давали ссуду и первичным кооперативам. Денежный кредит возвращался крестьянами в натуральной форме зерном, исходя из 1 % в месяц. К лету 1922 года в правление Госбанка от кооперации поступило ходатайств на открытие кредитов на сумму 537 267 тыс. р., было удовлетворено запросов на 255 359 тыс. р., однако из этих денег сельхозкооперация получила лишь 59 385 тыс. р. [10, л. 1].

С окончанием весенней посевной кампании 1922 года НКФ через Госбанк передал НКЗ фонд в размере 20 трлн р. С этого времени ссуды выдавались сроком от 3 до 5 лет из 6 % годовых, с погашением начиная со второго года. С августа кредиты на нужды деревни стали проводиться через специально образованный в Госбанке отдел сельхозкредита. К концу 1922 года в особых случаях, помимо краткосрочных ссуд, Госбанк применял долгосрочное кредитование крестьянских хозяйств сроком на 5 лет в расчетах золотом. К началу 1923 года краткосрочные сельскохозяйственные ссуды кооперации составили 36,8 %, долгосрочные – 7 %. Большинство кредитов было предоставлено государственным предприятиям. Всего же на 1 января 1923 года Госбанк смог профинансировать нужды сельского хозяйства лишь на 14,4 % от запланированного, причем через сельскохозяйственную и кредитную кооперацию крестьяне получили не более 500 тыс. р. в золотом исчислении, что являлось крайне незначительной суммой [8, с. 5, 7, 8, 10].

Таким образом, в 1921–1922 годах с введением нэпа стала восстанавливаться система кредитования деревни, а вместе с ней – и кредитная кооперация. Однако в условиях дестабилизации финансов вкладная и ссудная операции в кооперативах были развиты слабо, не смогли в полной мере обеспечить финансирование деревни через кооперацию и созданные Покобанк и Госбанк.

Библиографический список

1. Вестник с.-х. кооперации. 1925. № 1.
2. Вестник с.-х. кооперации. 1925. № 3.
3. *Дудин К. Ф.* Сельскохозяйственный кредит. Л., 1924.
4. *Жиркович Н.* Состояние сельскохозяйственной кооперации в России в 1922 г. // Бюлл. Сельсохоза. 1921/22. № 21/22.
5. Кооперация и сельское хозяйство: Записки Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. Прага, 1934. Кн. 1.
6. Кооперация и финансы. М., 1922.
7. *Минин А. А.* Организация и практика мелкого кооперативного кредита в деревне // Вестник с.-х. кооперации. 1925. № 4.
8. Отчет об организации Государственным банком сельскохозяйственного кредита. М., 1922.
9. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 2324. Оп. 4. Д. 3812.
10. РГАЭ. Ф. 7018. Оп. 1. Д. 458.

УДК 618.2 (470.315) «1890/1914»

Е. С. Бутрин,

Государственный архив Ивановской области (г. Иваново)

АКУШЕРСКИЙ ВОПРОС В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Проблема заботы о родовспоможении приобрела особую актуальность в Иваново-Вознесенске в связи с резким увеличением численности городского населения на рубеже XIX–XX вв. Это привело к появлению двух родильных приютов – частного (М. А. Гарелиной) в 1890 г. и городского в 1901 г. Однако уже к 1910 г. их ресурсы оказались полностью исчерпаны. Медицинской общественностью города был возбужден вопрос о строительстве нового родильного приюта, однако слабость городского бюджета позволила лишь несколько расширить существующий городской приют.

Ключевые слова: Иваново-Вознесенск, акушерство, родильный дом, благотворительность, городская Дума.

E. S. Butrin,

State Archive of Ivanovo Region (Ivanovo)

MIDWIFERY IN IVANOVO-VOZNESENSK AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The problem of taking care of obstetrics has acquired particular relevance in the city of Ivanovo-Voznesensk in connection with the sharp increase in the number of urban population at the turn of the XIX–XX centuries. This led to the emergence of two maternity shelters – a private one (M. A. Garelina) in 1890 and a city one in 1901. However, by 1910 their resources were completely exhausted. The medical community of the city raised the question of building a new maternity hospital, but the weakness of the city budget allowed only slightly expanding the existing city maternity hospital.

Key words: Ivanovo-Voznesensk, obstetrics, maternity hospital, charity, city council.

К концу XIX в. Иваново-Вознесенск превратился в один из самых динамично развивающихся индустриальных центров Российской империи. Население города росло прежде всего за счет крестьян соседних уездов, привлеченных в город возможностью заработка. В этих условиях важной проблемой становилось отсутствие медицинского пункта для родовспоможения. Появлению первого подобного учреждения ивановцы были обязаны частной инициативе: в октябре 1890 г. открылся родильный приют М. А. Гарелиной (жены фабриканта А. И. Гарелина). Если в течение первого года в приют поступило лишь 75 женщин, то уже через пять лет число рожениц возросло до 433 и возникла необходимость расширить учреждение. Приют был переведен в специально выстроенное для него новое здание. А уже к 1900 г. количество поступивших в него женщин возросло до 1019, то есть более чем десятикратно.

Главным двигателем идеи об устройстве городского акушерского пункта в последнее десятилетие XIX в. стал иваново-вознесенский городской врач П. А. Алявдин (1856–1936 гг.). В специальной записке, адресованной городскому голове А. И. Дилигенскому 11 сентября 1891 г., он по пунктам обосновывал необходимость родильного дома в Иваново-Вознесенске. По его подсчетам, в 1891 г. из 1600 иваново-вознесенских рожениц не более 600 женщин получили квалифицированную акушерскую помощь. На посвященном этому вопросу заседании городской Думы 28 мая 1892 г. А. И. Дилигенский, сетуя на слабость городского бюджета, адресовался к «помощи частных благотворителей». Необходимую сумму собрать так и не удалось. Между тем положение с акушерским делом в Иваново-Вознесенске ухудшалось с каждым годом. Это заставило городского врача вернуться к вопросу о

приюте: 8 декабря 1897 г. напоминал городским властям, что его открытие было отложено до того времени, когда у города появятся необходимые средства. «С тех пор прошло уже много лет, денежные средства города возросли, число жителей увеличилось – а вместе с тем увеличилось и число нуждающихся в родильном приюте». П. А. Алявдину удалось добиться благосклонности благотворителей: в феврале 1899 г. им были получены по 5 тыс. руб. от «лица, пожелавшего остаться неизвестным» и вдовы С. В. Напалковой.

Это сдвинуло дело с мертвой точки. Для обсуждения вопроса об устройстве роддома была сформирована комиссия, на заседании которой 20 августа 1899 г. был рассмотрен проект и смета приюта, составленные городским архитектором С. В. Напалковым [1, д. 3543, л. 1–38 об.]. Приют представлял собой деревянное здание, состоящее из двух одинаковых половин, на каждой из которых располагалось по 8 коек. Рядом с ним был сооружен флигель для служащих (три сиделки и акушерка). Строительство обошлось в 21,8 тыс. руб., приобретение инвентаря – еще в 1,5 тыс. руб. [1, д. 2607, л. 1–202]. Открылся городской родильный приют в январе 1901 г. В первый год в него поступило всего 267 рожениц (в Гарелинский приют – 948 женщин). В год открытия городской приют обслужил лишь 22 % обратившихся в родильные дома горожанок. В дальнейшем этот процент неуклонно повышался: в 1902 г. – 34 % (из 1519 чел.), в 1904 г. – 46% (из 1772 чел.), в 1907 г. – 51 % (из 2507 чел.).

Приют трижды закрывался на ремонт: в 1903 г. – на три летних месяца, в 1905 г. – на два, в 1908 г. – на один. В ходе первого ремонта во дворе приюта была построена отапливаемая прачечная с помещениями для стирки белья, его глажения и сушки, а также проживания «двух добавочных прачек». С просьбой о сооружении отдельной прачечной в городскую управу А. Е. Напалков обратился 14 октября 1902 г. Он мотивировал это тем, что количество клиенток приюта постоянно увеличивается, а прачечная при городской больнице «настолько мала, что приходится стирать постоянно и в бане». Сушить белье в сырое время года оказалось негде, «катать приходится во дворе, гладить на кухне» [1, д. 3956, л. 1–20].

Содержание приюта, согласно смете за 1904 г., городу обходилось в 5740 руб. Кроме доктора, в приюте работали две акушерки, 3 сиделки, кастелянша, кухарка, прачка и служитель. Особым разнообразием стол в приюте не отличался: закупалось мясо, картофель, крупа, рис, хлеб, чай, сахар, кофе, макароны. Для «родильниц» также покупались яйца, молоко, «скоромное масло», творог и сметана. В небольшом количестве приобретались грибы, свежая и соленая рыба, «сетки», летом – лук, морковь, капуста, огурцы и зелень, реже – брусника, клюква и даже

изюм [1, д. 4056, л. 1–112]. Сумма на содержание приюта постепенно росла, как и расход на содержание приюта М. А. Гарелиной: если в 1898/99 г. расход на гарелинский приют исчислялся в сумме 4667 руб., то уже в 1909/10 г. составил 6348 руб. [2, д. 280, 343, 383, 494, 643, 707, 769, 794, 862, 1049, 1059].

К исходу первого десятилетия XX в. акушерская проблема в Иваново-Вознесенске значительно обострилась. Пути ее решения обозначил А. Е. Напалков на собрании городского Медицинского общества 5 марта 1909 г. Он отмечал, что в течение последних двух лет в городском приюте в среднем находились 18 женщин (при 16 штатных койках). Еще более сложной была ситуация в Гарелинском приюте – в 1908 г. в нем в среднем находилось 18 женщин (при 10 штатных койках). Исходя из этого, врач заключал: «Наши приюты достигли крайних пределов деятельности и даже перешли их в ущерб оказываемой пользе». Но даже при этом в 1907 г. из всех родившихся в городе детей (4573 чел.) приютами было принято лишь половина (49,47 %), еще 440 чел. (9,62 %) приняли акушерки на дому. Эти показатели сравнительно на общеимперском уровне были «весьма удовлетворительными»: по данным 1904 г. они уступали лишь шести российским городам. Но резервов для дальнейшего увеличения их в Иваново-Вознесенске не было. Рост притока женщин в приюты врач связывал не столько с повышением численности городского населения, сколько с проникновением в массы населения «убеждения, что помощь, оказываемая родильными приютами более ценна, чем домашняя». Таким образом, описанная ситуация с течением времени должна была только усугубляться. Действительно, в 1909 г. среднее число ежедневно занятых в городском приюте коек достигло 19,5, а в 1910 г. – 23, а в гарелинском – 21,3.

Результатом переполнения родильных приютов становилась слишком ранняя выписка родительниц. Средняя продолжительность пребывания их в городском приюте в 1901 г. составляла 6 дней, а в 1909 г. – 4,97 дня (в гарелинском в 1911 г. – 4,7 дня). Плотность «родильниц» в приютах имела следствием и то, что принимались лишь женщины с уже начавшимися родами. В результате многие из них являлись на место так поздно, что их едва успевали исследовать и переодеть, «а о ванне и тщательной дезинфекции не может идти и речи» (в 1908 г. в городском приюте 23 % женщин разрешились в течение первого часа по поступлении). Наконец, невысокий размер фабричного пособия по беременности (от 4,5 до 5 руб.) приводил к тому, что в приют нередко доставляли работниц «прямо от ткацкого станка», а после родов женщины стремились стать к тому же станку «как только состояние здоровья даст малейшую возможность к этому».

Наиболее целесообразным выходом из ситуации А. Е. Напалкову виделось открытие 3-го родильного приюта. Оба существующих приюта находились на окраинах, что позволяло использовать их для обслуживания проживавшего преимущественно в этих местностях «бедного населения». Но не менее густозаселенные юго-восточные окраины (Рылиха и Графская земля) обслуживались «далеко не полностью», поскольку были удалены от приютов на расстояние от 2,5 до 4 верст. Не решаясь сделать выбор между этими двумя районами, третий приют Напалков предлагал открыть в районе местечка Ямы, также «густонаселенном фабричными работниками» (из этой местности в городской и Гарелинский приюты в 1907 г. поступило 26,3 % «родильниц»). Это приют мог бы несколько разгрузить существующие приюты, а также сгладить проблему юго-восточных окраин города. Председатель Медицинского общества П. А. Алявдин направил доклад коллеги городскому голове Н. Г. Бегену 10 июля 1909 г., сопроводив статистику патетикой: «Неимущая роженица, живущая на Ямах или в Рылихе, совершенно лишена возможности поместиться для родов в каком-либо из родильных домов – и тысячи таких рожениц из года в год должны разрешаться в ужасающей обстановке».

При этом благодаря самоотверженной работе врачей качество обслуживания родильниц постепенно повышалось: если в 1900 г. в Гарелинском приюте умерло 27 детей и родилось 32 мертвых ребенка (0,96 % всех родившихся), а также умерло 6 женщин, то в 1908–1911 гг. умирало лишь по 2 роженицы, а процент погибших детей колебался от 0,25 % (в 1910 г.) до 0,35 % (в 1908 г.). Число операций с 33 в год (в 1897 г.) увеличилось до 199 (в 1909 г.) [2, д. 794, л. 1–9]. Большую часть контингента городского приюта составляли фабричные работницы (от 47 % в 1907 г. до 49,7 % в 1909 г.). В связи с этим П. А. Алявдин просил поставить вопрос об устройстве родильного приюта в Ямах перед иваново-вознесенскими фабрикантами. А в следующем году тревогу забил заведующий Гарелинским приютом – врач В. К. Кордэ. 28 февраля 1910 г. он сообщал М. А. Гарелиной, что «прибыль рожениц в последнее время приняла характер хронического переполнения приюта». Приют был открыт на 10 коек, но в среднем в нем находилось 20 женщин, а иногда число их доходило до 40. Он также настаивал на открытии третьего приюта в «наиболее нуждающихся районах». Сопроводив это письмо в управу 17 марта, М. А. Гарелина предлагала перевести родильный приют в помещение старой городской больницы, которое должно было освободиться в результате открытия больницы им. Х. И. и Е. О. Куваевых (начала работу 17 апреля 1910 г.).

Предложение Гарелиной было передано Думой на заключение врачебной комиссии, Совета больницы Куваевых и городских врачей.

В результате их «соединенного собрания», состоявшегося 13 апреля 1910 г., выяснилось – специалистов по целому ряду болезней в новой больнице не хватает, поэтому закрытие старой лишает помощи «значительное число больных». В докладной записке о нуждах родильного приюта, направленной в Думу 29 сентября 1911 г., А. Е. Напалков с помощью новых статистических данных пояснял, что приют требует расширения. В родильной комнате вместо 2 коек пришлось поставить 4, «так что там положительно негде повернуться». Операции приходилось делать в той же комнате на кровати. В палатах для послеродовых приходилось «ставить койки, сколько поставится, даже вплотную», периодически занимая ими также коридоры и ванны. В подобных условиях нельзя было изолировать больных рожениц от здоровых и поддерживать необходимую чистоту. Эта записка была доложена на заседании врачебно-санитарной комиссии 12 октября 1911 г. Расширение здания существующего приюта было признано невозможным по техническим причинам. В связи со значительным процентом фабричных работниц среди посетительниц приюта было решено обратиться с соответствующим запросом к городским фабрикантам. Им предлагалось «признать себя если не формально, то морально обязанными» открыть собственный родильный приют. Однако фабриканты 14 октября 1911 г. дали ответ, что врачебная помощь рабочим и так организована «несравненно шире», чем медицинское обслуживание городского населения.

Одновременно предполагалось построить новое здание городского приюта (на 40 коек). «Самым важным вопросом» оказались источники финансирования. Переполненный текущими расходами городской бюджет потянуть его не мог, поэтому было решено обратиться к душеприказчикам И. В. Небурчилова. Скончавшись 27 апреля 1910 г., он завещал почти 1 млн руб. на благотворительные цели г. Иваново-Вознесенску. Душеприказчики (С. Н. Полушин, А. И. Гарелин, Н. Н. Зубков, Д. Г. и Н. Г. Бурылины) предполагали на эти деньги в числе прочего, выстроить заразную больницу на 110 коек (340 тыс. руб.) и детскую на 30 коек (60 тыс. руб.). Но вот на их содержание оставалось всего 19 тыс. руб. в год, что было совершенно недостаточно. Комиссия предлагала отказаться от устройства детской больницы, сократить размеры заразной (до 75 коек), а на освободившиеся средства устроить родильный приют, приняв его на содержание городского бюджета. Душеприказчики приняли предложение относительно детской и заразной больницы, зато решили устроить терапевтико-хирургическое отделение больницы на 45 коек. Они предлагали перевести в последнее отделение пациентов старой городской больницы, которую можно было передать под родильный приют.

Но на заседании врачебно-санитарной комиссии 12 июля 1912 г. было указано, что содержание 45-коечного отделения больницы обойдет-

ся городу в 22,5 тыс. руб., тогда как на старую тратится всего 8,3 тыс. руб. 25 июля комиссией во главе с инженером И. И. Керпе было выяснено, что «обращение» старой больницы под родильный приют «вызовет затраты на приспособление здания, которые не оправдаются выгодами». Статистические данные также свидетельствовали, что «острой нужды в устройстве терапевтико-хирургической больницы не ощущается, тогда как приют требует немедленного расширения». Душеприказчики были вынуждены внять мнению специалистов. Они согласились отказаться от строительства хирургического корпуса, оставив лишь терапевтический (на 25 коек), и ассигновать освободившиеся 30 тыс. руб. на строительство родильного приюта. Это предложение было принято врачебно-санитарной комиссией 12 августа 1912 г. Уже через неделю была создана Комиссия для разработки проекта расширения приюта. Старое здание приюта предполагалось полностью отвести под послеродовое отделение, увеличив число коек в приюте с 18 до 24. Вследствие того, что составленная в мае 1913 г. смета на его строительство на 8,5 тыс. руб. превысила сумму, выделенную душеприказчиками, решением Думы 18 июня 1913 г. число коек в приюте было сокращено до 22 [1, д. 4512, л. 1–94].

Подводя итоги попыткам решения «акушерского вопроса» в Иваново-Вознесенске на рубеже XIX–XX вв., можно отметить, что слабость городского бюджета вынуждала власти рассчитывать почти исключительно на частную благотворительность. В последнем десятилетии XIX в. роль единственного городского пункта родовспоможения исполнял приют М. А. Гарелиной, а после открытия в 1901 г. городского приюта он также принимал до 50 % всех обращающихся за помощью к врачам ивановских «родильниц». Само появление городского приюта стало возможным лишь благодаря щедрым благотворительным вкладам. А расширение его в 1914 г. смогло осуществиться только благодаря щедрому завещанию И. В. Небурчилова. Но этих денег едва хватило на удовлетворение половины требований врачей: вместо 40 коек, предложенных в докладной записке А. Е. Напалкова 1911 г., приют был увеличен лишь до 22. Врач полагал удовлетворительным такой размер приюта лишь при устройстве фабрикантского роддома, однако промышленная элита города от подобного предложения резко отказалась. В то же время потребности горожан в родовспоможении возрастали не столько благодаря повышению численности населения, сколько вследствие знакомства жителей города с нормальной постановкой акушерского дела посредством уже имеющихся родильных пунктов.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 2. Оп. 1.
2. ГАИО. Ф. 6. Оп. 1.

В. В. Возилов,

председатель, Ивановское областное краеведческое общество

ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ В 1917 ГОДУ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ИВАНОВСКОГО КРАЯ

В 1917 году происходят изменения в представлениях об организации производства и новых экономических отношений, что привело к новым формам взаимоотношений предпринимателей и рабочих: возникают профсоюзы и фабзавкомы. Нехватка продовольствия приводила к радикализации взглядов широких масс, возникновению идей массовой социализации собственности и установления контроля над производством. Революционные события осени 1917 года запустили множество сопутствующих процессов, в том числе образование комиссий рабочего контроля на производстве, что послужило прологом к национализации промышленности.

Ключевые слова: текстильное производство, фабрично-заводские комитеты, забастовки, рабочий контроль.

V. V. Vozilov,

Head of the Local History Society of Ivanovo Oblast

THE PROBLEMS OF FACTORY COMMITTEES ACTIVITY IN 1917 ON THE TERRITORY OF THE MODERN IVANOVO REGION

In 1917 there were changes in the ideas about the organization of production and new economic relations, which led to new forms of relations between manufacturers and workers: trade unions and factory committees were formed. The lack of food led to the radicalization of the views of the broad masses, the emergence of ideas of mass socialization of property and the establishment of control over production. The revolutionary events of the autumn of 1917 launched many related processes, including the formation of commissions of workers' control in production, which served as a prologue to the nationalization of industry.

Key words: textile production, factory committees, strikes, workers' control.

Переломным моментом в истории текстильной промышленности в Шуе стали революционные события 1917 года. Шуйские текстильные предприятия, имея значительные прибыли, получаемые в годы первой мировой войны за счёт доходов от военных заказов и роста цен на свою продукцию, к началу 1917 года вышли на высшую точку своего экономического развития.

Наивысшие показатели в годы первой мировой войны демонстрировало «Товарищество Шуйской мануфактуры», которое в 1914 и 1916 годах увеличивало основной капитал, достигший к началу 1917 года 6 млн рублей. В годы войны стремительно росла прибыль предприятия: в 1914 году – 872 тыс. рублей (17,4 % к сумме основного капитала), в 1915 году – 2,3 млн руб. (38,3 % к сумме основного капитала). В период войны на предприятиях Товарищества объем военных заказов доходил до 75 %. Большую роль в деятельности «Товарищества Шуйской мануфактуры» играли несколько крупных банков: Русско-Азиатский, Волжско-Камский, Московский купеческий и Московский торговый (в этом банке Павловы имели долю участия).

Коммерческие успехи предприятия не могли не привлечь внимания крупных игроков российского рынка. Такой «акулой бизнеса» стал известный петроградский финансово-промышленный концерн «И. Стахеев и Ко» (основные владельцы – известные российские предприниматели И. И. Стахеев, П. П. Батолин, А. И. Путилов), который активно развивал своё текстильное направление, и в 1917 году приобрёл несколько крупных предприятий.

Исследователи называют несколько причин смены основного собственника «Товарищества Шуйской мануфактуры». Во-первых, это характер Владимира Михайловича Павлова (1871–1918), сына и основного наследника М. А. Павлова, которого в силу разных обстоятельств не привлекало дело отца. Во-вторых, наличие хлопковых плантаций в Ферганской области и конторы для закупок хлопка в Коканде; это было существенным условием приобретения, поскольку в годы войны у текстильных предприятий начались затруднения со снабжением хлопком. В-третьих, возможное посредничество Русско-Азиатского банка, который курировался А. И. Путиловым [4, с. 304].

В итоге, фабрики «Товарищества Шуйской мануфактуры» были куплены у В. М. Павлова фирмой «И. Стахеев и Ко» за 15 млн рублей. По словам В. Ф. Никонова, «сыновья новых хозяев приезжали в Шую осмотреть приобретённое имущество и проектировали выстроить новую ткацкую фабрику на Моргуновской земле, соединив её с прядильной тоннелем; там же собирались устроить “американский городок” для рабочих (с театром, яслями и общежитием)» [3, подпись к фотографии 290]. Во главе предприятия встал В. В. Рот.

Однако политические события в стране существенно изменили ход экономической жизни. 1 марта 1917 года в Шую из частных источников стало известно об отречении императора Николая II. 2 марта эта информация была официально подтверждена. В этот день был избран

городской Совет рабочих и солдатских депутатов, а 11 марта – Исполком Совета.

4–6 апреля в Кинешме прошла первая конференция Совета рабочих и солдатских депутатов Иваново-Кинешемского района. На этом совещании были выработаны основные экономические требования, включавшие введение 8-часового рабочего дня, повышение заработной платы и улучшение условий труда. Важнейшим решением стало создание на всех фабриках и заводах Иваново-Кинешемского района фабрично-заводских комитетов с широкими полномочиями для представительства интересов рабочих.

21 апреля все решения конференции были утверждены Шуйским Советом рабочих депутатов. 28 апреля Совет рабочих депутатов принял решение об организации профсоюзов, решении трудовых конфликтов с фабрикантами и направлении членов в уездный продовольственный комитет. Решение о создании профсоюза текстильщиков принимается 21 мая (а также о подготовке к стачке и созданию забастовочного фонда). Параллельно ведется работа по созданию других профсоюзов.

8 апреля был принят устав Шуйского общества фабрикантов и заводчиков. 9 мая Шуйское общество фабрикантов и заводчиков вошло во Всероссийский Союз объединенной промышленности. Общество фабрикантов и заводчиков города Шуи на одном из своих заседаний согласилось на ряд изменений, в том числе введение 8-часового рабочего дня, улучшение продовольственного снабжения рабочих, создание согласительной комиссии.

В первые месяцы после Февральской революции предприниматели довольно активно откликались на требования рабочих. Например, 3 апреля 1917 года в Шуе был открыт Клуб рабочих или, как говорилось в протоколе заседания Совета рабочих и солдатских депутатов, Клуб свободы для культурно-образовательных целей и духовного просвещения народных масс.

Информация об этом была опубликована в первом номере газеты «Шуйские известия»: «Председатель В. В. Рот... указал на необходимость солидарности между рабочими и фабрикантами, как между разными сторонами одной и той же монеты... О крупных пожертвованиях, сделанных пайщиками Т[овариществ]ва Шуйской м[ануфакту]ры, сообщил В. В. Рот. На вечерние классы и лекции А. И. и В. М. Павловыми, В. Н. Витовым и В. В. Ротом пожертвовано 5000 р. и, кроме того, на общем собрании пайщиков упомянутой мануфактуры постановлено внести на устройство Дворца Свободы и другие нужды в г. Шуе 40000 р. Собрание, глубоко тронутое щедрым пожертвованием, выразило по

этому случаю свою благодарность и желание увековечить память жертвователей» [6, 11 апреля].

18 апреля (1 мая н. ст.) 1917 года в Шуе впервые прошло открытое празднование Первомая. В тот же день «Шуйские известия» сообщили, что на собрании всех местных фабрично-заводских комитетов в Клубе рабочих принято решение о введении на предприятиях города 8-часового рабочего дня.

В Шуе было создано исполнительное бюро фабрично-заводских комитетов Шуйского уезда. В центре его внимания стали вопросы снабжения продовольствием, решения трудовых споров, создания больничных касс и другое.

На предприятиях «Товарищества Шуйской мануфактуры» фабрично-заводской комитет был организован во второй половине апреля 1917 года. Председателем его был избран большевик А. И. Шохов.

В первые дни фабрично-заводской комитет собирался часто и решал вопросы самого различного характера (о топливе, сырье, продовольствии, о больничных кассах и т. д.). Ряд наиболее важных вопросов, например, о продаже рабочим ситца по определённой цене, вопросы продовольственного снабжения, выносились на рабочие собрания, которые в то время также проводились почти каждую неделю.

Фабричная администрация пыталась не допустить вмешательства фабрично-заводских комитетов в процессы управления производством, стараясь ограничить их социально-культурной работой. Кроме того, руководству фабрик пришлось столкнуться с трудностями в поставках сырья, топлива, продуктов питания: это приводило к конфликтам с руководством фабрично-заводских комитетов.

Уже к концу мая 1917 года стали проявляться процессы экономической дезорганизации, возникла первая угроза остановки фабрик из-за нехватки топлива (нефти) и хлопка [6, 1 июня]. Эта ситуация осложнилась к середине июня, когда нехватка нефти и хлопка стала ощущаться еще острее.

Создание фабзавкомов практически сразу привело к серьезному противостоянию администрации и рабочих: на многих фабриках шли требования устранения наиболее неугодных рабочих представителей администрации. Падала дисциплина, что негативно отражалось на производстве. В итоге создавались согласительные комитетии (примирительные камеры) между Советом, Исполкомом Комитета общественной безопасности и обществом фабрикантов и заводчиков.

29 мая в Иваново-Вознесенске на общем собрании общества фабрикантов и заводчиков было вынесено постановление о праве администраций фабрик не подчиняться требованиям Советов и фабрично-заводских комитетов.

18 июля 1917 года фабричный инспектор 3-го участка г. Шуи доносил: «Анархия на фабриках продолжает нарастать. На некоторых фабриках фабричные комитеты вмешиваются в управление фабриками – сами нанимают ненужных, по мнению фабричной администрации, рабочих, назначают за счет фабрики пособия и проч. ...Все это вносит полнейшую дезорганизацию жизнь фабрик» [2, с. 109–110].

8 августа собрание Шуйского общества фабрикантов и заводчиков решило обратиться к Временному правительству с требованием издать циркуляр, подтверждающий положение, что право найма рабочих принадлежит только руководству предприятий.

К началу сентября противостояние общества фабрикантов и заводчиков, с одной стороны, и Совета рабочих и солдатских депутатов, с другой, перешло в открытое противостояние по вопросам условий повышения заработной платы и организации работы фабзавкомов. 17 сентября обществу фабрикантов было предъявлено требование о повышении заработной платы. Общество фабрикантов с этими требованиями не согласилось. 25 сентября в Шуе была объявлена забастовка и избран стачечный комитет. 27 сентября между Советом рабочих и солдатских депутатов, стачкомом и обществом фабрикантов и заводчиков была достигнута договоренность о повышении расценок, и 28 сентября рабочие приступили к работе.

В начале октября началась подготовка ко всеобщей забастовке. 9 октября состоялось объединенное совещание Совета и фабзавкомов. 14 октября союзу объединенной промышленности были вручены требования рабочих Иваново-Кинешемского союза текстильной промышленности. Этот многостраничный документ включал большое количество требований, которые защищали права рабочих.

21 октября в ивановском крае началась массовая забастовка, охватившая около 300 тыс. рабочих Иваново-Вознесенска, Кинешмы, Шуи, Родников, Середы, Коврова, Кохмы, Тейкова и других промышленных центров. Руководил ею центральный стачечный комитет, в который входил М. В. Фрунзе, В. П. Кузнецов, П. Полунов, И. Барабанов и другие большевики.

При этом к большому количеству социальных проблем осенью 1917 года добавилась безработица. Ее усиливали не только экономические проблемы, но и жесткое противостояние предпринимателей с фабзавкомами, профсоюзами и Советами в вопросах повышения расценок и найма рабочих.

24 октября 1917 г. в Шуе состоялась общегородская демонстрация рабочих, крестьян и солдат гарнизона, потребовавшая передачи власти в руки советов.

Революционные события запустили множество сопутствующих процессов.

На фабриках начала складываться новая система управления. Например, на предприятиях «Товарищества Шуйской мануфактуры» на основании Декрета Совета Народных Комиссаров о рабочем контроле в декабре 1917 года, кроме фабрично-заводского комитета, были образованы комиссии рабочего контроля (назывались «органами надзора»).

«Вновь созданные комиссии рабочего контроля, – вспоминал председатель комиссии на ситцевой фабрике С. Г. Борзов, – работали в тесном контакте с фабрично-заводским комитетом и повседневно чувствовалось партийное влияние большевизской организации и лично М. В. Фрунзе, который, несмотря на свою занятость, находил время посетить фабрику и органы надзора, душевно побеседовать с его работниками, указать на недостатки в их работе, дать правильное направление. В своих беседах Михаил Васильевич особенно обращал внимание на необходимость крепить связь с массами, создавать вокруг себя актив, опираться на него в борьбе с трудностями. Он также требовал чутко прислушиваться к нуждам и запросам рабочих, больше проявлять инициативы в деле организации производства и укрепления сознательной трудовой дисциплины» [5, с. 6–7].

Первое время комиссии рабочего контроля наблюдали лишь за выполнением условий коллективного договора, но вскоре эти комиссии с помощью фабрично-заводского комитета стали контролировать всю деятельность фабрики. Они берут под охрану фабричное имущество и оборудование с целью сохранить материальные ценности и мануфактуру. Ставят на учёт сырьё, готовый товар, кассу, топливо и другие материальные ценности. Продажа и отпуск мануфактуры на фабрике стала производиться только с разрешения комиссий рабочего контроля и фабричного комитета.

В задачу комиссии рабочего контроля входили и такие важные вопросы, как наём и увольнение рабочих, установление контроля над внутренними трудовыми распорядками, они несли ответственность за укрепление дисциплины среди работающих, за повышение производительности труда, экономию сырья, материалов, топлива. Участвуя в контроле над производством и над действиями фабричной администрации, рабочие учились управлять производством, подготавливали промышленные предприятия к национализации, поскольку предприниматели уже не в силах были противостоять создавшейся хозяйственной разрухе.

Однако процессы экономической децентрализации в связи с начавшейся Гражданской войной стали острее ощущаться к концу 1918 года: местная промышленность оказалась отрезанной от хлопка, нефти, угля, железа, а транспортное сообщение было нарушено. Надвигалась

экономическая катастрофа. С 1918 года фабрики начали останавливаться и «замораживаться» (консервироваться).

В этих условиях с конца 1918 года всё чаще стал возникать вопрос о национализации промышленных предприятий. 19 октября 1918 года шуйская группа коммунистов вынесла следующее постановление о национализации фабрик в городе Шуе и уезде: «Принимая во внимание бегство хозяев фабрики товарищества Шуйской мануфактуры, Шуйско-Тезинской и Терентьева, постановлено немедленно приступить к национализации указанных фабрик, а также и фабрики Новик» [1, л. 31–32].

Официально вопрос о национализации шуйских фабрик впервые был поставлен в конце января 1919 года на совместном заседании Шуйского Уездного Совета с членами фабрично-заводских комитетов. Вслед за этим объединённое заседание правления Иваново-Вознесенского профессионального Союза текстильщиков, Комиссара труда и председателя Губернского Совета народного хозяйства своим постановлением призвало все фабрично-заводские комитеты подготовиться к национализации фабричных предприятий и подобрать организуемые правления фабрик людей, способных руководить национализированными предприятиями.

24 января 1919 года Президиум Центрохлопрома утвердил представление Главного правления текстильной промышленности о национализации ряда предприятий: фабрик «Товарищества Шуйской мануфактуры», фабрики «Шуйской мануфактуры Степана Посылина», фабрики братьев Рубачёвых, фабрики Кокушкиных, фабрика П. П. Крюкова и В. К. Афанасьева. Национализация предприятий, ранее принадлежавших фабрикантам Рубачёвым, Павловым, Посылиным, Кокушкиным, была закончена к 8 марта 1919 года. Было создано «кустовое управление» из активных деятелей рабочего контроля и профсоюзного движения под руководством А. И. Шохова.

Библиографический список

1. ГАИО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 1.
2. Донесение фабричного инспектора 3-го участка г. Шуи старшему фабричному инспектору Владимирской губернии о вмешательстве фабкомов в управление фабриками // Красный архив. 1940. № 6.
3. Никонов В. Ф. Каталог собраний фотографий «Город Шуя»: фотографии, машинопись. Шуя, 1964.
4. Очерки истории российских фирм: вопросы собственности, управления, хозяйствования. СПб., 2007.
5. Шуйская Объединённая фабрика за 40 лет советской власти: машинопись / сост. И. Г. Воронин, И. В. Ершов, А. И. Богословский, А. Т. Григорьев. Шуя, 1957.
6. Шуйские известия. 1917.

О. Ю. Галинская,

аспирант, Костромской государственной университет

**К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ ВОДНОГО ПЕРЕВОЗА
В ГУБЕРНСКИХ ЦЕНТРАХ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
(На материалах Костромы и Ярославля)**

Социально-экономические и демографические изменения в российских городах в пореформенный период выявили слабо развитую жилищную, коммунальную, транспортную, коммуникационную инфраструктуру городов. Развитие и модернизация внутригородских путей сообщения становится одной из актуальных задач органов общественного управления в к. XIX – нач. XX в. В статье представлены данные по губернским центрам Верхнего Поволжья – Ярославлю и Костроме.

Ключевые слова: история, городские органы общественного управления, водный перевоз, благоустройство, модернизация.

O. Y. Galinskaya,

Postgraduate student, Kostroma State University

**ON THE ORGANIZATION OF WATER TRANSPORTATION
IN THE PROVINCIAL CENTERS OF THE UPPER VOLGA REGION
(Based on materials from Kostroma and Yaroslavl)**

Socio-economic and demographic changes in Russian cities in the post-reform period revealed underdeveloped housing, utilities, transport, and communication infrastructure of cities. Development and modernization of inner-city communication routes is becoming one of the urgent tasks of public administration bodies in the XIX – early XX century. The article presents data on the provincial centers of the Upper Volga region-Yaroslavl and Kostroma.

Key words: history, city public administration, water transportation, improvement, modernization.

Транспортная инфраструктура губернских центров Верхнего Поволжья была представлена извозчиками и водным перевозом в виду расположения на берегах рек Волги и Костромы – одноименного губернского центра, Волги и Которостли – Ярославля. Организация стабильной и эффективной переправы имела важное значение для развития городов и оказывала большое влияние как на повседневную, так и на деловую жизнь губернских центров.

Вопрос устройства переправы через реку Кострому рассматривался еще в 1823 г. Государственным Советом по представлению Министерства внутренних дел после обращения костромского губернатора К. И. Баумгартена о разъяснении возможности установления сбора с мостов и перевозов в доход города [8, с. 832]. В частности упоминалось, что за содержание перевоза через реку Кострому осуществлялась «от казны плата, как ничего незначущая» [8, с. 833] и с каждым годом плата за него понижалась. В результате в 1816 г. она дошла до 7 руб. 50 коп. в год. На эти средства содержать перевозки без взимания с проезжающих оплаты было крайне затруднительно, а тем более построить вместо перевоза мост, что позднее было включено в условия контракта. «Возможно ли, чтобы крестьянин... содержал переправу и мост за получаемые от казны 7 р. 50 коп. в год, когда на устройство сей статьи: от города потребно 11.000 руб. одновременно и до 2.000 руб. ежегодно» [8, с. 833, 834]. Губернатор предложил городской Думе построить мост за счет городского бюджета, выделив для этой цели 10 тыс. руб. из Приказа Общественного призрения и определить размер таксы, которая будет взиматься содержанием перевоза. В виду того, что данный вопрос имел разные толкования, согласно Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета, во всем государстве, кроме столиц, где существует положение об устройстве городских доходов, «сбор допущен будет по необходимости и примером тому служит переправа чрез реку Кострому» [8, с. 833].

Развитие судоходства на реке Костроме было осложнено каменистым руслом реки. Все грузы до 1 500 тыс. пудов перевозились на судах при помощи конной тяги, а часть грузов от Костромы до Буя перевозилась на рейсовых пассажирских пароходах по реке Костроме. В конце XIX в. начались масштабные работы по расчистке русла реки от отдельных больших камней и каменистых гряд с помощью водолазного камнеподъемного крана и работы по устройству песчаных перекатов. К 1912 г. препятствия для развития судоходства от Костромы до Буя были устранены [3, с. 3, 4].

Водный перевоз через Волгу в обоих губернских центрах, осуществлявшийся пароходами с паромными буксирами, вызывал множество нареканий как со стороны городских обывателей, так и органов общественного управления.

В Костроме переправа начинала действовать с 4 часов утра [10, с. 2]. Пароход был рассчитан на перевоз до 300 человек одновременно [3, с. 29] и, кроме того, он буксировал паром с грузами в расчете на срок конных подвод [7, с. 32]. Легковые извозчики и ломовые размещались на пароме под наблюдением паромного старосты [2, с. 217]. По

усмотрению арендатора, осуществлявшего перевоз, приоритетность поездок определял он сам, в связи с чем пассажиры были вынуждены или ждать перевоза, или самостоятельно переплывать Волгу на лодках, что по времени было более затратно. У перевоза не было точного расписания, на что периодически обращалось внимание на страницах костромских газет: «Ни контракт, ни жалобы, ни печать, наконец, ни полиция ничего... сделать не могут» – писал «Поволжский вестник» в 1908 г. [2, с. 217]. Это вызывало особые опасения у пассажиров поездов в виду того, что костромской вокзал был расположен на противоположном берегу, поэтому предлагалось установить «срочные обязательные рейсы» перед и после прибытия поездов. Экскурсантам, планирующим посетить Кострому, рекомендовалось отправляться в город сразу же по приезде поезда, иначе в случае опаздания к отходу парохода через Волгу, они могли потерять не менее получаса [9, с. 97].

В Ярославле городской думой уже в 1876 г. была разработана новая кондиция на перевоз через Волгу на 12 лет, в соответствии с которой сообщение с заволжской стороной должно было производиться средствами арендатора безостановочно в период навигации с рассвета и до 9 часов вечера. В ночное время, а также по желанию пассажиров, переправа осуществлялась лодками. В кондиции оговаривалось, что в ночное время или во время весенне-осенней распутицы пассажир не должен ожидать перевоза более 10 мин. Межбереговая переправа осуществлялась пассажирским пароходом с буксированием парома, на котором размещались экипажи и скот, а пешие пассажиры до 100 человек перевозились на самом пароходе. Содержатель перевоза должен был обеспечить наличие 6 паромов. Поэтому время стоянки парохода, буксирующего паромы, не должно было превышать пяти минут. «В основности это правило должно быть исполняемо, даже и при меньшем числе готовых пассажиров пред отходом и после прихода поездов Ярославско-Вологодской железной дороги, недожидаясь установки экипажей, переноски тяжестей на паромы, кроме случае перевозки почты» [4, с. 92, 93]. Помимо паромов арендатор должен был иметь не менее 15 лодок во время перевоза пассажиров осенью и весной до замерзания реки. Таким образом, в Ярославле организация перевоза уже в 70-е годы XIX в. была поставлена на более высокий уровень, чем в Костроме.

Зависимость водного сообщения от погоды являлось серьезным ограничением для мобильности и деловой активности населения. В конце осени, до установления на Волге безопасной ледяной дороги, сообщение в губернских городах между берегами нарушалось. Как писал костромской краевед А. А. Анохин, ноябрь вносил в жизнь отлаженного механизма переправы хаос, сумятицу и непорядок [1, с. 43]. При

замерзании Волги, легковых извозчиков пропускали по льду, но по требованию полиции «лошади отпрягались и седоки в саях перевозились... людской тягой, для чего на обоих берегах группированы были десятки зимогоров¹, исполнявших эту операцию» [2, с. 286, 287].

С установлением морозной погоды, безопасное сообщение между берегами восстанавливалось, вдоль волжской дороги устанавливалось освещение и перевоз осуществлялся извозчиками.

Помимо погодных условий на организацию перевоза влияли условия исполнения контракта. Например, в Ярославле конфликтная ситуация возникла с арендатором перевоза через Волгу в 1877 г. после того, как у него возникли сложности при исполнении контракта через полгода после его заключения. Он обратился в городскую управу с просьбой о снижении арендной платы с 6 тыс. до 2 тыс. или повышении стоимости перевоза пассажиров. В частности, он отмечал, что стоимость перевоза в Ярославле составляла 1 коп. с пешего человека, в то время как в Костроме она составлял – 2 коп. [5, с. 201]. Арендатор отмечал превышение расходов над доходами в виду того, что стоимость перевоза не компенсировала понесенные расходы. Бесплатно перевозились дети жителей Тверицкой слободы, обучавшиеся в городских училищах при предъявлении билетов, выданных управой, должностные лица, курьеры, сопровождавшие почту, этапные команды, сопровождавшие арестантов и другие лица по служебной надобности.

В виду того, что ярославская дума оставила ходатайство арендатора без последствий, в январе 1878 г. арендатор написал отказ от дальнейшего содержания перевоза в виду невозможности исполнения контракта [6, с. 36, 37]. После переговоров с думой и изменения условий контракта, арендатору было разрешено взимать в двойном размере платы за перевоз как с пеших, так и с проезжающих в экипажах. Арендатору также было разрешено, кроме двух пароходных пристаней на Волге, построить третью близ станции Урочь Ярославско-Вологодской железной дороги для совершения ежедневных рейсов парохода без паромов ко времени прихода и отхода пассажирского поезда. При этом плата с пассажиров с багажом составляла от 5 до 10 коп. [6, с. 98].

Изменение ситуации с перевозом в губернских центрах могло решить строительство мостов через Волгу. Но в пореформенный период их строительство было ограниченным в виду высокой стоимости сооружения. Например, в 1908 г. Министерство путей сообщения рассматривало вопрос о сооружении волжского железнодорожного моста в Ярославле, Костроме и Кинешме [12, с. 3]. В результате многочислен-

¹ Зимогоры – босяки, бродяги, не имеющие постоянного заработка и жилья.

ных переговоров первый мост на Волге с железнодорожной колеей и тротуарами с обеих сторон для пешеходов был построен в Ярославле в 1913 г., что стало дополнительным импульсом в развитии и города и губернии.

Костромской перевоз через Волгу заслуженно критиковали и он был менее эффективен, чем в Ярославле. С увеличением темпа городской жизни один пароход с паромом не справлялся с потоком растущего населения и перевозом грузов развивающихся предприятий. «Долгой переправой через Волгу у всех грузополучателей и грузоотправителей задержка перевозки увеличивает накладной расход, который ложится на товар [3, с. 27, 28], – отмечалось в докладе Особой по благоустройству г. Костромы комиссии за 1913 г. А выход из строя единственного парохода мог привести к транспортному коллапсу всего губернского центра.

Отсутствие быстрой и постоянно действующей переправы повышало скученность проживания населения в фабричном районе Костромы, так как основные предприятия были расположены на левом берегу. Поэтому проживание в правобережной части города вызывало серьезные неудобства. Ситуацию усугубляло расположение вокзала на правом берегу, что увеличивало нагрузку на переправу, особенно в виду ожидавшихся гостей в период праздничных мероприятий 1913 г., учитывая, что центр города с резиденцией губернатора находился на левом берегу. Поэтому организация водного перевоза была включена в программу благоустройства города в период подготовки к юбилейным торжествам, посвященным 300-летию Дома Романовых.

Принципиальным решением Костромской думы стала передача перевоза «в руки города». В связи с этим, предполагалось приобретение 2 пароходов, 3 паромов, 10 лодок и организация 2 пристаней [3, с. 26]. При обсуждении этого вопроса особо подчеркивалась необходимость наличия двух пароходов, осуществляющих перевоз – «каких бы сил мы не завели, один пароход, какой бы он не был по своему качеству, но ускорение без задержки переправы возможно только при двух пароходах» [3, с. 27]. Сметная стоимость оборудования, составившая более 60 тыс. руб., была включена в общий заем города на подготовку к юбилейной дате.

Таким образом, изменения в организации грузового перевоза требовали значительных вложений из городского бюджета, а пассажирский перевоз через Волгу, хотя и был для городских обывателей более демократичным по цене, чем стоимость услуг извозчиков, все же имел ряд недостатков и ограничений, которые в пореформенный период органы общественного управления пытались решать.

Библиографический список

1. *Анохин А. А.* Кострома в будни и праздники: портрет города времен последнего императора, губернские светописцы. Костромской музей-заповедник, Кострома: Костромаиздат, 2013. 287 с.
2. *Друцкой-Соколинский В. А.* Записки русского дворянина. (1880–1914 гг.). Да благословенна память. Орел: Вариант В, 1996. 347 с.
3. Журнал Костромской Городской Управы за 1912 год. Кострома. 1914. https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_23897/ (дата обращения: 09.12.2020).
4. Журналы Ярославской Городской Думы за 1876 год. Второго четырехлетия. Ярославль: типография Г. В. Фальк, 1878. 282, XXXII с.
5. Журналы Ярославской Городской Думы за 1877 год. Второго четырехлетия. Ярославль: типография Г. В. Фальк, 1878. 284, XXXI с.
6. Журналы Ярославской Городской Думы за 1878 год. Второго и третьего четырехлетия. Ярославль: типография Г. В. Фальк, 1879. 236, XXXVII с.
7. *Лаговский А. В.* Все было именно так...: книга воспоминаний о Костроме и костромичах XX века. Кострома: Линия График Кострома, 2015. 240 с.
8. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб.: Типография II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 48 т.: указ. Т. 38: 1822–1823. 1354 с.
9. Спутник экскурсанта № 5. Города, объединенные подвигом избрания Дома Романовых на царство. Кострома; Ярославль; Ростов Великий. Центральная экскурсионная комиссия / под общ. ред. С. И. Гинтовта. М.: т-во скоропечатни А. А. Левинсон. 1913. 119 с.
10. Поволжский вестник. 1908. № 611. 16 мая.
11. Поволжский вестник. 1908. № 618. 25 мая.
12. Поволжский вестник. 1908. № 632. 12 июня.

УДК 947.083

С. Р. Глазунов,

доцент, Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

ПРАВИТЕЛЬСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (На материалах Владимирской губернии)

В 1882–1886 гг. были изданы основные законы фабричной реформы в России, что оказало существенное влияние на развитие социальной функции крупных промышленников в отношении рабочих. Проводится анализ социальной политики предпринимателей во Владимирской губернии.

Ключевые слова: модернизация Россия, реформа фабричного законодательства, правительство, предприниматели, социальная функция.

S. R. Glazunov,

Associative Professor, Vladimir State University
named after A. G. and N. G. Stoletovs

**GOVERNMENT AND THE SOCIAL FUNCTION
OF INDUSTRIAL ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA
IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY
(Based on the materials of the Vladimir province)**

The basic laws of factory reform in Russia were issued in 1882–1886, that had a significant influence on the development of the social function of industrialists to workers. The analysis of the social policy of entrepreneurs in the Vladimir province is presented.

Key words: Russian modernization, factory legislation reform, government, entrepreneurs, social function.

Владимирская губерния была одним из наиболее развитых промышленных районов России. В конце XIX столетия по объему промышленного производства она занимала четвертое место в России. Здесь производилось продукции на сумму 178 миллионов рублей в год [9, с. 283]. Предприниматели этого региона представляли крупную созидательную силу, которая развивала промышленно-технологический потенциал страны.

Проблема влияния государства на социальную функцию предпринимательства специально в отечественной научной литературе не ставилась, хотя отдельные аспекты, касающиеся этой темы, подвергались систематическому рассмотрению в рамках изучения торгово-промышленной политики правительства, рабочего вопроса, а в последние годы – патернализма и предпринимательской благотворительности. Итоги изучения этих вопросов в целом весьма существенны. Вполне доказано существенное влияние центральной власти на развитии социальной функции промышленного предпринимательства и меценатской деятельности крупных фабрикантов в России и необходимость дальнейшего их исследования на материалах местных архивов отдельных промышленных районов страны.

В статье первостепенное внимание уделено сюжетам, недостаточно освещенным исследователями и требующим дальнейшей разработки. В частности – рассматривается влияние государства, его законодательной политики, способствовавшей развитию социальной деятельности предпринимателей в отношении семей фабричных рабочих, направленной на улучшение условий их труда и быта во Владимирской губернии. Изучение условий и результатов социально-

культурной деятельности промышленников, основанное на совокупности официальных документов законодательного характера и делопроизводства государственных институтов, позволяет глубже понять роль и место предпринимательского класса в России, шире взглянуть на проблему модернизации российского общества второй половины XIX – начала XX в.

Отмена крепостного права послужила началом созданию широкого рынка свободной рабочей силы. Вышедшие вскоре после этого события «Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов» (законы 1 января 1863 г. [4] и 9 февраля 1865 г. [5]) установили равенство российских граждан в занятиях торговлей и промышленностью. Свобода промышленного предпринимательства в пореформенный период переживала настоящий бум. Эти события явились переломным моментом модернизационного развития России, сопровождавшегося формированием новых классов нарождавшегося индустриального общества – предпринимателей и наемных рабочих. Число всех категорий рабочих в стране за 1860–1900 гг. выросло с 3,2 млн до 14,0 млн человек, или в 4,4 раза. На крупных промышленных предприятиях в 1860 г. было занято 720 тыс., а в 1900 г. – уже 3,2 млн чел. Индустриальные рабочие составляли более 20 % общей численности рабочего класса [8, с. 272–274].

В 1882–1886 гг. были изданы основные законы фабричной реформы в России, содержание и последствие принятия которых были важны для дальнейшего развития российского общества. На них, по сути, основывалось фабричное законодательство Российской империи, а некоторые положения установленной ими регламентации взаимоотношений наемных рабочих и нанимателей отражены в современном трудовом кодексе.

В XIX – начале XX в. в результате активно осуществляемой в стране индустриализации Владимирская губерния представляла собой один из наиболее динамично развивающихся промышленных районов России. В 1901 г. по данным официальной статистики во Владимирской губернии было зарегистрировано 1871 промышленное предприятие, на которых работали 160094 мужчин, женщин, подростков и малолетних тружеников. Они производили продукции на сумму свыше 206 млн руб. [1, с. 19, 47–52].

Развитие промышленного предпринимательства во Владимирской губернии проявилось, главным образом, в текстильной промышленности, благодаря чему Владимирский край прочно вошел во всероссийский и мировой рынок. Наиболее ярко это выразилось в хлопчатобумажном производстве. За губернией прочно утвердилась слава ситцевого края, а за предпринимателями закрепилось название

ситцевых королей. Среди них такие известны фамилии как Морозовы, Щербаковы, Мальцовы, Треумовы, Балины, Барановы и др. Именно представители крупного промышленного бизнеса могли плодотворно реализовать социальную политику по отношению к своим рабочим.

В Англии, чей опыт был учтен Россией при подготовке реформы фабричного законодательства, законодательство в этой сфере имело первостепенное влияние на распространение начального образования среди рабочих во всех крупных городах и селениях. Российский аналог «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», изданный 1 июня 1882 г. [6], обязывая фабрикантов предоставлять работавшим у них детям возможность для школьного обучения, ставил вопрос о содействии предпринимателей развитию системы всеобщего начального образования в стране.

Фабричный инспектор Владимирского округа П. А. Песков отмечал в своем отчете за 1885 г., что, хотя устройство и содержание на свой счет начальных школ фабриканты находили для себя обременительным, однако многие из них отнеслись к этой идее сочувственно [3 с. 55]. В отчетном году во Владимирской губернии 21 предприниматель учил детей бесплатно, часто расходуя значительные средства на содержание учебных заведений, которые по условиям и уровню оснащения выгодно отличались от других типов школ. Так, Ю. С. Нечаев-Мальцов на содержание двух школ, где обучалось 339 мальчиков и 129 девочек, и учебный персонал, состоявший из 13 чел., в 1897 г. потратил 6469 руб. [2, с. 396–397, 400–401]. Фабричные школы, как правило, размещались в специально построенных для этого зданиях, были обеспечены разнообразными учебными пособиями, лучше технически оборудованы, имели более богатый библиотечный фонд. Материальное обеспечение учителей также было на хорошем уровне. При фабричных школах предприниматели организовывали для взрослых рабочих воскресные чтения, курсы дополнительного образования, библиотеки.

Закон 3 июня 1886 г. [7] установил для рабочих бесплатное лечение, стимулируя деятельность фабрикантов по организации медицинского обслуживания трудящегося населения – одну из значимых сторон социальной функции предпринимательства. Хозяева фабрик и заводов стали активно расширять уже имевшиеся у них больничные помещения. Началось строительство новых корпусов в несколько этажей, которые представляли собой целые комплексы родильного, инфекционного, амбулаторного и профилактического лечения. Организовывались больничные отделения, где проводилось оспопрививание, значительно сократившее детскую смертность среди рабочего населения.

По сведениям отчета фабричных инспекторов за 1894–1897 гг. во Владимирской губернии врачебная помощь была доступна 135,5 тыс. рабочих 468 крупных промышленных предприятий этого региона. Система медицинского обслуживания населения включала: 24 больницы, рассчитанных на 923 кровати, 103 приемных покоя – на 433 кровати и 11 амбулаторий; 11 родильных отделений, 14 – инфекционных, 12 операционных, 10 прачечных, 8 бань, 21 аптеку. Персонал медицинских работников состоял из 30 врачей, 60 фельдшеров, 22 акушерок, 5 провизоров, 2 помощников провизора, 3 аптекарских помощников, 146 медсестер и 70 медбратьев [6, с. 370–371]. В течение только одного года бесплатной врачебной помощью воспользовалось 435778 амбулаторных больных, 12719 – госпитализированных, в 544 случаях были проведены операции. Стоимость больничного места в среднем равнялась 293 руб., расходы фабрикантов по оказанию врачебной помощи в целом составили 269410 руб. [2, с. 372–373].

Больницы играли большую роль в условиях изнурительной работы на фабриках и заводах, и предоставление предпринимателями врачебной помощи своим наемным рабочим являлось их важной социальной функцией.

Вместе с тем устройство и содержание больничных учреждений вызывалось не только осознанием пользы медицинского обслуживания трудящегося населения, но и практической необходимостью, которая была обусловлена фабричным законодательством.

Требование губернских властей (Владимирского губернского по фабричным делам присутствия) и местного самоуправления (Владимирской губернской земской управы) об обязательном исполнении санитарных постановлений [10, с. 9–14] подвигло крупных промышленников развивать еще одно важное направление социальной функции предпринимательства, а именно – строительство жилых помещений для рабочих. В начале XX в. значительно улучшаются условия проживания в домах казарменного типа, при которых устраивались бани и прачечные (например, при Товариществе Никольской мануфактуры в Орехово-Зуеве). Проживание во многих случаях было без оплаты. Начинается строительство многоквартирных домов, снабженных электричеством, вентиляцией и водопроводом, а также благоустроенных коттеджей с приусадебными участками (например, в Гусе на предприятиях Мальцовых). По данным фабричной инспекции Владимирской губернии к 1897 г. предприниматели построили для своих рабочих и их семей 189 домов казарменного типа, в которых получили жилье 57552 чел. [2, с. 358–359]. В большинстве случаев проживание было бесплатным.

Даже самые простые по уровню комфорта жилые помещения казарменного типа отличались в лучшую сторону по сравнению с сельскими крестьянскими избами. Они имели самые необходимые бытовые удобства и приближались к условиям современного городского жителя.

Правительство понимало важность стоящей перед ней задачи по модернизации Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Не сдерживая предпринимательской инициативы в сфере промышленного производства, центральная власть вместе с тем проводила социальную политику, направленную на улучшение положения промышленных рабочих. За счет крупных фабрикантов, у которых трудились тысячи простых людей, и часто по их собственной инициативе в районах скопления народа создавалась современная хозяйственно-культурная инфраструктура: расширялась сеть местных железнодорожных путей и грунтовых дорог, строились больницы и школы, устраивались магазины, детские сады, библиотеки и даже театры. Общегосударственная деятельность по развитию промышленного потенциала и улучшению уровня жизни трудящегося класса являлась частью объективного процесса трансформации России, направленной на ослабление негативных последствий капитализма и создания в стране современного гражданского общества.

Библиографический список

1. Обзор Владимирской губернии за 1901 год. Владимир, 1903.
2. Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губернии за 1894–1897 гг. 2-я часть. Владимир, 1899.
3. *Песков П. А.* Отчет за 1885 г. фабричного инспектора владимирского округа д-ра Пескова. СПб., 1886.
4. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. 2-е (далее – II). Т. XXXVIII. Ч. 1. № 39118. СПб., 1866.
5. ПСЗ-II. Т. XL. Ч. 1. № 41779. СПб., 1867.
6. ПСЗ. Собр. 3-е (далее – III). Т. II. № 931. СПб., 1886.
7. ПСЗ-III. Т. VI. № 3769. СПб., 1887.
8. Рабочий класс в России от зарождения до начала XX в. М., 1989.
9. Россия: энциклопедический словарь. СПб., 1898.
10. Сборник положений, правил, разъяснений и обязательных постановлений о надзоре за заведениями фабричной промышленности. Владимир, 1894.

А. О. Гулин,

преподаватель, Буйский техникум железнодорожного транспорта
Костромской области

**ВЫНУЖДЕННЫЕ МИГРАНТЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ
СИТУАЦИЮ В ВЕРХНЕВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ
В ИЮЛЕ 1914 – ФЕВРАЛЕ 1917 г.**

Рассматриваются направления массовых перемещений различных слоев населения страны после объявления войны, рост количества раненых, пленных, беженцев, призывников в тыловых губерниях Верхневолжского региона и его влияние на повседневную жизнь коренного населения.

Ключевые слова: миграционные потоки, мобилизация, больные и раненые воины, «гражданские» и военнопленные, беженцы, реакция населения.

A. O. Gulin,

Teacher, Buy's Technical School of Railway Transport of Kostroma region

**FORCED MIGRANTS OF THE FIRST WORLD WAR
AND THEIR INFLUENCE ON THE SOCIO-ECONOMIC
SITUATION IN THE UPPER VOLGA REGION
IN JULY 1914 – FEBRUARY 1917**

The directions of mass movements of various layers of the country's population after the declaration of war, the accumulation of an excess number of wounded, prisoners, refugees, conscripts in the rear provinces of the Upper Volga region and its impact on the daily life of the indigenous population are considered.

Key words: migration flows, mobilization, sick and wounded soldiers, "civilians" and prisoners of war, refugees, the reaction of the population.

Такое масштабное событие, как Первая мировая война, привело к резкому изменению направления перемещений населения из одних регионов страны в другие. Передвижения людских потоков стали определяться потребностями военного времени и, в конечном итоге, наложили определенный отпечаток на повседневную жизнь и деятельность провинциальных губерний центральной России, в том числе, и верхневолжских.

С первых дней, и даже часов, после объявления войны на сборные пункты двинулись огромные массы мобилизованных, которые по

железной дороге были перемещены с востока на запад, к местам будущих боев.

На момент начала войны русская армия насчитывала в своих рядах 1 423 000 человек. Мобилизация чинов запаса, начатая 18 июля 1914 года (здесь и далее даты приведены по старому стилю. – *А. Г.*), добавила к этому числу еще 3 115 000 солдат, офицеров, врачей и чиновников [Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. М., 2001. С. 74]. Владимирская губерния, выставила только запасных нижних чинов 38 630 человек, вместо планируемых мобилизационным расписанием 32 196 призванных. Всего же, с учетом ратников ополчения I разряда и новобранцев, в 1914 году пределы Владимирского края покинули 79 642 человека. Кроме того, из городов, сел и деревень на доукомплектование и формирование вновь воинских частей было поставлено 11 602 лошади [Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 638. Оп. 1. Д. 1722. Л. 22].

Проводимые в период июля 1914 – февраля 1917 года мобилизации стали весомым фактором, влияющим на настроения населения верхневолжских губерний. Наряду с элементами проявления патриотизма, проведение мобилизационных мероприятий отрицательно влияло на рост цен на продукты питания, вызывало тревогу жителей за сохранность своего имущества, да и собственную жизнь в связи нахождением в населенных пунктах большого количества чуждого городской среде мобилизованного элемента, зачастую плохо контролируемого.

Невиданные ранее масштабы боевых действий, использование противником новых мощных видов оружия и боеприпасов по особому поставили перед российскими органами власти проблему эвакуации, госпитализации и лечения больных и раненых солдат и офицеров русской армии, число которых измерялось десятками и сотнями тысяч человек. Так за период с 22 июля 1914 года по 1 мая 1915 года боевые потери действующей армии составили 1 192 102 человека, в том числе, по причине ранений и контузий 612 199 человек [Россия в Мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 30]. Массу людей требовалось перевести в направлении, противоположном фронтовым перевозкам, и разместить в лечебных учреждениях, открываемых в городах и населенных пунктах, в том числе, Верхневолжского региона.

Проделанная в августе – сентябре 1914 года органами губернской власти и представителями общественности работа по организации помощи больным и раненым воинам дала свои положительные результаты. Следует отметить, что в целом по России Всероссийский Союз Городов оборудовал 24 019 госпитальных коек, а Всероссийский Земский Союз, по состоянию на 1 октября, открыл и содержал сеть лечебных

учреждений, в которых насчитывалось 118 954 койки [Асташов А. Б. Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну // Отечественная история. 1992. № 6. С. 171]. В Ярославской губернии под флагом городского и земского Союзов к середине октября было развернуто 2 867 коек для раненых, из которых 1 354 койки находились на территории губернского центра и размещались в 21 госпитале, принадлежащем непосредственно городу, земству и частным лицам [Лозинский Б. Р. Ярославская губернская земская больница. Ярославль: Гос. архив Ярославск. обл., 2005. С. 83]. В целом по региону, количество коек в госпиталях, состоявших на учете только Союза Городов по данным на конец ноября 1914 года, составляло: во Владимирской – 1332, в Костромской – 590, в Ярославской губернии – 993 [Подсчитано нами по данным: Известия Всероссийского Союза Городов помощи больным и раненым воинам. М., 1914. № 2. С. 24–25]. В течение же 1916 года при максимальном наплыве больных и раненых воинов, число которых резко возросло в ходе знаменитого Брусиловского прорыва, Владимирский губернский комитет ВЗС располагал 4 435 койками, содержание которых обеспечивали предприятия и организации губернии, органы Земского Союза и частные лица. За время функционирования госпиталей, по состоянию на 1 января 1917 года, они приняли 49 130 человек, из которых 48 160 были выписаны, 146 умерли и 824 продолжали лечение [Суслина О. Н. Медицинская помощь больным и раненым воинам во Владимирской губернии в годы Первой мировой войны // У истоков российской государственности. (Роль женщин в истории династии Романовых): исследования и материалы. СПб., 2016. С. 348].

Перед началом войны на территории Российской империи проживали около 170 тысяч подданных Германии и 120 тысяч австрийских подданных, составлявших образованную и законопослушную часть общества. С началом военных действий все они превратились в потенциальных врагов. Согласно Циркуляра МВД от 26 июля 1914 года, губернаторам предписывалось подвергнуть аресту и выслать в специально отведенные места подданных Центральных держав мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет, которые могли быть призваны на военную службу [ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 3277. Л. 1].

Во Владимирской губернии, согласно представленным начальниками полиции сведениям, германо-австрийских подданных проживало 298 человек в составе 167 семейств. Первоначально особое совещание при губернаторе приняло решение об аресте и высылке за пределы губернии 37 человек, но при проверке «дополнительно представленных документов было направлено в Олонецкую губернию 25 человек» [там же. Л. 2].

В верхневолжские губернии «гражданские» пленные начали прибывать из других регионов империи в августе 1914 г. В Костромской губернии уже к началу октября 1914 года было размещено до 1 800 германских и австрийских подданных и, по расчетам властей, эта цифра могла быть увеличена до 3 500 человек при условии «расселения части их по деревням, где имеется полицейская власть» [Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Ф. 134. Оп. 4. Д. 472. Л. 13]. Так, 16 сентября 1914 года Варнавинским уездным исправником было проведено обследование материального положения гражданских пленными общим количеством 207 человек. Как оказалось, из этого числа 120 человек «нуждаются в кормовом довольствии», а 27 человек – еще и в одежде. Как указывалось в рапорте, «работ в городе Варнавине положительно нет никаких, и многие из военнопленных вынуждены просить милостыню, а затем в будущем возможно ожидать со стороны их таких поступков, которые по меньшей мере караются тюремным заключением... в городе и в уезде... лиц, желающих взять к себе на работы военнопленных, очень мало» [там же. Л. 14–14 об.]. Также костромского губернатора о бедственном положении как размещенных в г. Варнавине военнопленных, так и местных жителей, информировал уездный предводитель дворянства. В обращении особо подчеркивалось, что население уезда, приняв активное участие в деле помощи семьям призванных на войну и прибывшим раненым и больным воинам, «обессилело на этом пути, помогая своим», и что в городе возможны вспышки инфекционных заболеваний и «голодных» выступлений со стороны пленных [ГАКО. Ф. 134. Оп. 7. Д. 484. Л. 12–12 об.].

Широкомасштабные боевые действия на российско-австрийско-германском фронте, зачастую заканчивавшиеся окружением и пленением личного состава значительных воинских соединений противника, привели к тому, что с августа 1914 года еще одной новой социальной группой, появившейся в тыловых губерниях России, стали военнопленные. Всего за годы войны русской армией были взяты в плен около 2 млн солдат, из числа которых 1 736 764 человека составляли военнослужащие австро-венгерской, 159 390 – германской, 64 509 – турецкой и 670 – болгарской армий [Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: ист. очерк / отв. ред. Г. Д. Шкундин. М., 2002. С. 630].

Результаты успешных наступательных боев русской армии в Галиции вызвали на местах бурное обсуждение перспектив использования иностранных пленными в хозяйственной жизни страны. Следует отметить, что к 1917 году количество пленными, занятых в экономике России, составляло около 1,5 млн человек [Солнцева С. А. Военнопленные в России в 1917 году (март–октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1.

С. 148], причем большая часть из них находилась в восточных регионах империи. Пребывание военнопленных на территории губерний верхней Волги в годы первой мировой войны являлось заметным фактором, определяющим мировоззрение местного населения. Отношение жителей к пленным было неоднозначным: от сострадания и сочувствия до ненависти и, своего рода, ревности, как к конкурентам в получении работы и, пусть и скудных, материальных благ.

«Достижением» России в ходе военной кампании лета 1915 года стали двинувшиеся на восток десятки и сотни тысяч беженцев. В прифронтовой полосе с первых дней боевых действий и до весны 1915 года беженство носило стихийный и добровольный характер, причем общая численность людей, оставивших места постоянного проживания, не превышала нескольких сотен тысяч человек [Курцев А. Н. Беженство // Россия и Первая мировая война. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 129]. «Великое отступление» русских войск привело к тому, что эти цифры резко возросли и в центральные губернии империи хлынули огромные потоки обездоленных людей. Так за июль 1915 года в Ярославскую губернию прибыли 887 беженцев, к 1 сентября их насчитывалось 4004 человека, а к 1 октября – уже 6 325 человек [Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 509. Оп. 1. Д. 1738. Л. 70]. Главными проблемами прибытия беженцев в губернии Верхнего Поволжья стали их расселение, трудоустройство, медицинское обслуживание. По сообщению органов жандармерии, наплыв беженцев являлся серьезной причиной недовольства местного населения. «Помимо жалоб неимущего и малоимущего класса по поводу возрастающего вздорожания жизненных продуктов и квартир, обусловленного значительным спросом на таковые со стороны беженцев, фабричные и другие местные рабочие, а также и прислуга, крайне недовольны тем, что хозяева-работодатели, не только отдают предпочтение беженцам, но и принимают их на более выгодных для них условиях.

Разлад, вносимый беженцами во взаимоотношения хозяев и постоянных местных рабочих, легко может повлечь за собой не только требования со стороны последних об уравнивании заработной платы, но и неприязненные отношения между аборигенами и беженцами» [ГАЯО. Ф. 73. Оп. 7. Д. 1168. Л. 18].

Таким образом, мы видим, что во второй половине 1915 года проблемы повседневного быта населения верхневолжских губерний усилились под влиянием происходивших в стране миграционных процессов. Мобилизованные, раненые, военнопленные, беженцы – все перечисленные категории, в значительных количествах захваченные миграционными потоками, оказывались на территории Владимирской,

Костромской и Ярославской губерний, добавляя коренному их населению поводов не только для проявления массовой благотворительности, но и продовольственных, жилищных, топливных и трудовых проблем. Вот такая ситуация с увеличением количества населения, по сообщению кинешемского уездного исправника, сложилась в городе в декабре 1915 года: «...при значительном росте... расквартированных в городе Кинешме, военный госпиталь – 560 человек, команда выздоравливающих – до 600 человек, военнопленные – 350 человек, инженерная дружина – 1 224 человека и наконец запасной батальон – до 7 000 тысяч человек и значительном числе беженцев, может явиться острая нужда в продовольствии войск» [ГАКО. Ф. 133. Оп. б/ш. Д. 405. Л. б/н]. Нетрудно подсчитать, что в Кинешму, население которой на начало 1915 года составляло 10 074 человека, к концу года прибыло дополнительно 9 734 человека, тем самым, практически, удвоив городское население, что, естественно, вело к росту социальной напряженности. К концу 1915 года во Владимире, например, было размещено 2 645 человек, эвакуированных из западных регионов России, что составило 5 % от числа городских жителей. Владимир оказался самым густонаселенным городом губернии, а поселившиеся в нем беженцы заметно изменили его облик в виде ежедневной суеты, звучащей чужой речью, непривычных костюмов и обычаев. На начало 1916 года в губернском центре разместились 899 поляков, 233 представителя еврейской национальности, 45 вынужденных мигрантов из Прибалтики [ГАВО. Ф. 981. Оп. 1. Д. 83. Л. 141–144].

Однако, серьезных столкновений на почве национализма в городе не наблюдалось, поскольку, кроме проблем, определенных последствиями миграционных процессов, население не переставало заботиться о вопросах увеличения цен на товары и услуги, в обществе все отчетливее замечался рост недовольства действиями центральных органов власти.

УДК 94(470.311)

Т. А. Егерева,

старший научный сотрудник, Государственный музей-усадьба «Остафьево» – «Русский Парнас» (г. Москва)

СОХРАНЯЯ ПАМЯТЬ О МИНУВШЕМ (П. С. Шереметев в усадьбе Остафьево в 1920-е годы)

Статья посвящена деятельности П. С. Шереметева по сохранению усадьбы «Остафьево», превращенной после национализации в музей. С привлечением архивных документов из фонда № 54 Отдела письменных источников Государственного исторического музея рассмотрены три основные сферы музейной работы П. С. Шереметева: научно-фондовая, экспозиционная и научно-исследовательская, направленные на изучение и борьбу за сохранение в целостности остафьевских коллекций.

Ключевые слова: П. С. Шереметев, Остафьево, усадьба, историческая память, музей.

T. A. Egereva,

Senior research officer, the State Museum-Estate «Ostafyevo» – «Russian Parnassus» (Moscow)

KEEPING THE MEMORY OF THE PAST ALIVE (P. S. Sheremetev at the Ostafyevo estate in the 1920s)

The article is devoted to the activities of P. S. Sheremetev in preserving the Ostafyevo estate, which was turned into a museum after nationalisation. The author covers the three main spheres of P. S. Sheremetev's museum work: regarding collections, exhibition and research aimed at studying and fighting for the preservation of the Ostafyev collections in their entirety, using archive documents from collection No. 54 of the State Historical Museum's Department of Written Sources.

Key words: P. S. Sheremetev, Ostafyevo, estate, historical memory, museum.

Павел Сергеевич Шереметев (1871–1943 гг.) – историк по образованию, окончивший историко-филологический факультет Петербургского университета, был достойным продолжателем дел и трудов своего отца, графа С. Д. Шереметева, активно участвуя в деятельности основанных по его инициативе научных обществ, занимаясь генеалогическими разысканиями и работой по изучению и сохранению русской усадебной культуры [6, с. 252–255]. После революции 1917 г. Павел Сергеевич не уехал в эмиграцию, а, рискуя жизнью, остался на родине,

желая сохранить наследие прошлого и выполняя отцовский завет быть «оберегателем и хранителем наших семейных письменных свидетельств былой жизни минувших поколений» [4, с. 236].

Как исследователь русской усадебной культуры, П. С. Шереметев с болью отмечал в своих записных книжках 1917–1922 гг. погром дворянских имений, который шел повсеместно. Эти книжки, ныне хранящиеся в частном архиве, можно считать мартирологом русских усадеб. В сентябре 1917 г. Павел Сергеевич писал: «В Козловском уезде идут погромы помещичьих имений. В усадьбе Ушакова крестьяне вынесли на двор мебель из дома, расселись и под гармошку сожгли строения, в том числе ригу с хлебом, назначенным для армии» [3, с. 196]. В 1918 году – продолжение скорбных записей: «Дугино с чудными в нем вещами (портретами кисти Боровиковского, Левицкого, Рослена, архив, библиотека, мебель) в руках большевиков и расхищается». «Встретил художника Середина. Он сообщил, что громят “Полотняные заводы”». «Дом в Суханове использовался под волостной Совет, а затем разместили воинскую часть. Теперь школа... Многие увезли в Исторический музей, многое расхищено. Ободрана мебель, грязь... В библиотеке книги расхищены. На полу валяются рукописи времени Александра I, планы и книги по Суханову...» [3, с. 196].

Павел Сергеевич видел свой нравственный долг в спасении от революционного погрома шереметевских усадеб, причем, как писал о нем А. Н. Бенуа, «он хочет, чтобы Кусково, Астафьево, Петербургский дом сохранились, и не столько для них, сколько вообще как памятники искусства и быта» [1, с. 11]. В январе 1918 г. Павел Сергеевич приехал из Москвы в Петроград с ключами от Фонтанного дома и передал его представителям Наркомпроса. Себе он оставил только особенно дорогие для семьи реликвии. В марте 1918 г. ему удалось получить охранную грамоту для усадьбы Остафьево, в октябре – для Михайловского.

С 1921 г. он был назначен первым заведующим музея в Остафьеве [2, с. 79]. В условиях революционной разрухи, подозрительности властей по отношению к бывшему графу, нехватки финансирования и ограниченности штатов П. С. Шереметеву удалось организовать в Остафьеве замечательный музей, который принимал до 2000 посетителей в год (по данным анкетирования 1925 г.) [9, л. 5].

При формировании экспозиции музея П. С. Шереметев стремился реализовать исторический подход, максимально приблизив убранство Остафьевского дома к тому облику, который он имел в XIX веке при князьях Вяземских: «была восстановлена комната поэта П. А. Вяземского и маленькая гостиная его жены В. Ф. Вяземской и в бывшей застольной с голыми стенами были развешены картины фламандской и

голландской живописи. <...> Облик музея не изменился, но расположение в подробностях несколько изменилось в некоторых залах и стало более цельным, приблизившись к тому, как было в давние годы, некоторые же залы вовсе нетронуты» [10, л. 1 об.].

Для размещения временных выставок в Остафьеве с разрешения Музейного отдела Главнауки Наркомпроса были куплены в 1923–1924 гг. новые дубовые витрины [8, л. 82 об.]. Тематика выставок продолжала и развивала содержание основной экспозиции музея, более подробно освещая отдельные сюжеты в творчестве прежних владельцев и гостей Остафьева. Как писал П. С. Шереметев, «витрина Пушкина содержит первые издания Евг. Онегина и др. произведений поэта; витрина Карамзина его сочинения и вещи с ним связанные; две витрины К. <князя> П. А. Вяземского заключают экземпляры сочинений разных писателей с автографами, подношений Вяземскому, его собственные издания и вещи с ним связанные; одна витрина посвящена изданиям по масонству; две витрины содержат образцы граверного искусства Германцев и служат дополнительной иллюстрацией к собранию Германских примитивов» [10, л. 2]. И в организации выставок, и в отчетах в Музейный отдел П. С. Шереметев настойчиво повторял одну мысль: Остафьево – музей с богатым литературным прошлым, хранящий воспоминания о А. С. Пушкине, Н. М. Карамзине, П. А. Вяземском, в то время как в официальных документах, наоборот, явно прослеживалась тенденция его обытовления («музей быта 1-й половины XIX столетия») и, как следствие, лишения историко-культурной уникальности.

Павел Сергеевич провел большую научно-фондовую работу в Остафьеве. Во-первых, он как профессиональный историк имел для этого необходимый уровень образования. Бывшие дворяне, устраиваясь после революции на работу в музеи, часто занимались составлением научных описей, ибо, как саркастически заметил сотрудник Румянцевского музея Н. Н. Ильин, «если кухарка, в случае надобности, могла управлять государством, то писать библиотечные карточки на всех европейских языках она еще не умела» [12, с. 258]. Во-вторых, остафьевские коллекции никто не мог знать лучше Павла Сергеевича и его матери, графини Е. П. Шереметевой, тоже наотрез отказавшейся уезжать в эмиграцию и проживавшей в голоде и нищете вместе с семьей сына в Остафьеве. Несмотря на изданные до революции на собственные средства графини книги по истории Остафьева и большую просветительскую работу, Е. П. Шереметевой Управление музеями-усадебными и музеями-монастырями Главнауки Наркомпроса отказывало даже в выдаче дров для отопления: «Управление сообщает, что Екатерине Павловне Шереметевой отказано в выдаче дров для отопления ее комнаты, так как

у Управления нет никаких оснований для выдачи таковых» [7, л. 215]. Екатерина Павловна стойко переносила трудности и помогала сыну в работе над Остафьевским собранием. Совместно с командированным в усадьбу А. Н. Гречем (Залеманом) П. С. Шереметев составил инвентарные книги и описи на хранившиеся в музее предметы искусства. Отвечая на вопросы анкетирования музея в 1925 г., он писал: «На все картины и скульптуру составлены карточки по научному методу с подробными указаниями. <Зачеркнуто: Некоторые картины остались не определенными> Число карточек на картины 633, на скульптуру 155, всего 788» [10, л. 1 об.].

П. С. Шереметев не только описывал музейные экспонаты, ставшие теперь собственностью государства, но и передал в дар музею предметы из своей личной коллекции, в частности, в Карамзинскую комнату – подборку номеров «Вестника Европы» Н. М. Карамзина «в 24 томах в кожаных переплетах», в прихожую – сундук, а также «несколько штук мягкой мебели» и «несколько мелочей» [10, л. 1].

Однако сам факт проживания Шереметевых в принадлежавшей им до революции усадьбе вызывал подозрения, не пользуются ли они усадебным имуществом, ныне ставшим музейным. В октябре 1925 г. назначенный в усадьбу новый завхоз А. Н. Бодашков, принимая у своего предшественника под опись движимое имущество, отметил в протоколе: «п. 2. Вся мебель, которой пользуются сотрудники, как это видно из прилагаемой описи, суть мебель исключительно хозяйственного значения и в пользование сотрудников выдана под расписки. Мебели же музейного характера в настоящее время в пользовании сотрудников нет. <...> п. 5. Предметов роскоши среди мебели хозяйственного значения нет» [11, л. 3].

Сохранилась подробная опись мебели и предметов хозяйственного инвентаря, находившегося в квартирах служащих музея-усадьбы Остафьево, благодаря которой вплоть до последней кастрюли можно узнать, чем пользовалась семья заведующего музеем П. С. Шереметева: «Помещение заведующего музеем <:> 1 шкаф ореховый с зеркалом, 1 коммод белый, 1 шкаф простой, 3 кровати железных, 2 венских стула, 2 вешалки, 1 умывальник, 3 таза, 1 кувшин, 3 горшка, 2 ведра, 2 ночных столика, 1 куб медный, 1 сковорода медная, 3 кастрюли медных, 1 диванчик оттоманка» [7, л. 171 об.].

Не в скромной квартире заведующего, а у служащих бывшего совхоза «Остафьево», образованного в 1918 г. и в 1925 г. присоединенного к музею-усадьбе, обнаружилась мебель музейного значения. Так, в конторе совхоза стояли 3 стула красного дерева 1830-х гг., ломберный стол с зеленым сукном, этажерка с точеными балясинами 1840-х гг.;

у конторщика В. Н. Денисова – стул и диван красного дерева, черный ломберный стол и комод, в кладовой нашлись чугунные садовые скамейки и карета двухместная с гербами [7, л. 1, 2].

Помимо экспозиционной деятельности, приема экскурсантов, которым в зависимости от состава группы давались «объяснения научно-го, литературного, художественного или бытового характера», решения многообразных хозяйственных проблем музея [5, с. 187], П. С. Шереметев плодотворно занимался научными изысканиями, связанными с историей Остафьева и его владельцев. Его научную работу серьезно осложняло то, что главный источник информации об усадьбе – ценный Остафьевский архив – был вывезен в Центрархив, и Павлу Сергеевичу отказывали в работе с документами, мотивируя это техническими причинами и отсутствием оборудованного помещения [10, л. 1 об.]. Несмотря на это, в 1924 г. он сдал в печать путеводитель по музею (напечатан в 1927 г. без указания имени автора), в 1925 г. написал очерк «Крепостная суконная фабрика в Остафьеве», подготовил материалы для шестого тома «Остафьевского архива» и большое исследование на 358 страницах «Русский Парнас в Остафьеве (Литературные друзья П. А. Вяземского)» [2, с. 82], а также ряд научных статей о своем прадеде – «Вяземский и Батюшков», «Ранние годы поэта П. А. Вяземского», «Письма патера Чижа А. И. Вяземскому о воспитании сына в Иезуитском пансионе» [8, л. 83].

К сожалению, несмотря на научные заслуги П. С. Шереметева и его беззаветную службу на благо любимого им Остафьева, в 1927 г. его как «лицо дворянского происхождения» лишили гражданских прав, затем сняли с должности заведующего музеем, в 1929 г. выселили из Остафьева, предоставив крохотную жилплощадь в Напрудной башне Новодевичьего монастыря, а сам музей ликвидировали в 1930 г. Возрождение усадьбы началось лишь в 1988 г., и сейчас Государственный музей-усадьба «Остафьево» – «Русский Парнас» хранит благодарную память о подвижнической работе П. С. Шереметева по изучению и популяризации остафьевского наследия и русской дворянской культуры.

Библиографический список

1. *Бенуа А. Н.* Дневник. 1918–1924 / Александр Бенуа. 3-е изд. М.: Захаров, 2016. 816 с.
2. *Володина Т. Д.* «Оберегатель и хранитель» (П. С. Шереметев – хранитель и заведующий Музеем-усадьбой Остафьево) // Московские Шереметевские чтения: материалы научной конференции. М., 1993. С. 77–85.
3. *Квятковская Н. К.* Марфино: Дворцово-парковый ансамбль и история усадьбы: альбом. М.: Профиздат, 2015. 208 с.

4. *Квятковская Н. К.* Остафьево. М.: Советская Россия, 1990. 258 с.
5. *Кирюшина З. Е.* Страницы истории музея-усадьбы «Остафьево» (1918–1930 гг.) // Остафьевский сборник. Вып. 11–12. М., 2009.
6. *Краско А. В.* «Он жил жизнью, отдаленной от повседневности, погруженный в занятия историей...». П. С. Шереметев // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2002. С. 246–261.
7. Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 54 (Материалы Музейного отдела). Оп. 1. Ед. хр. 643. Переписка Управления музеями-монастырями, музеями-усадьбами с музеем-усадьбой «Остафьево».
8. ОПИ ГИМ. Ф. 54 (Материалы Музейного отдела). Оп. 1. Ед. хр. 830. Документы музеев Московской губернии.
9. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 195 (Вяземские). Оп. 2. Ед. хр. 23. Анкеты Музея-усадьбы «Остафьево», сведения о посещаемости Музея и докладная записка контролера Музеев и усадеб о нуждах Музея «Остафьево».
10. РГАЛИ. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 2. Ед. хр. 28. П. С. Шереметев. Ответы на «Схему научного исследования музеев-усадьб» по музею «Остафьево». Приложено отношение Наркомпроса и «Схема».
11. РГАЛИ. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 2. Ед. хр. 30. Материалы о передаче хозяйственного имущества и денежных сумм Музея-усадьбы «Остафьево» И. К. Зиновьевым новому управляющему А. Н. Бодашкову.
12. *Смит Д.* Бывшие люди. Последние дни русской аристократии / пер. с англ. Н. Соколова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 392 с.

УДК 94(47).083

Т. В. Ершова,

профессор, Московский городской педагогический университет

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В МОСКОВСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается влияние экономических изменений в московской промышленности на положение городского пролетариата в условиях Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, московская промышленность, экономическое положение рабочих.

T. V. Ershova,
Professor, Moscow City University

THE IMPACT OF ECONOMIC CHANGES IN MOSCOW INDUSTRY ON THE SITUATION OF WORKERS DURING THE FIRST WORLD WAR

The article examines the impact of economic changes in Moscow industry on the situation of the urban proletariat in the conditions of the First World War.

Key words: the First World War, Moscow industry, the economic situation of the workers.

Накануне войны Москва являлась крупным промышленным центром России, где было 973 промышленных предприятия, на которых трудилось более 159 тыс. рабочих. В текстильной промышленности насчитывалось 219 предприятий, в ней было занято 66,6 тыс. человек, в металлообрабатывающей и электротехнической промышленности было 180 заводов, на которых работало 26,7 тыс. рабочих, в пищевкусовой промышленности трудилось 198,6 тыс. человек, в полиграфической – было занято 12,5 тыс. рабочих [7, с. 211, 212].

В Москве была невероятно высокая концентрация промышленных рабочих. Число фабрик и заводов с количеством рабочих более 500 человек составляло 49,2 % от общего числа трудящихся. Наиболее крупные предприятия были в хлопчатобумажной и шелковой отраслях. Здесь находилось до 74,4 % рабочих [10, с. 106, 107]. На крупных металлообрабатывающих завода Москвы трудилось 64,4 % рабочих металлистов [7, с. 208].

Начавшаяся мировая война привела к серьезным осложнениям в промышленности Москвы. Основные причины: прекращение железнодорожным транспортом приема к перевозкам коммерческих грузов в связи с отвлечением вагонов и паровозов для перевозки войск к западным границам. В результате резко сократился подвоз сырья, материалов и продовольствия. Значительно пострадала электротехническая промышленность, которая получала сырье и материалы из Германии. В тяжелом положении находилась химическая промышленность, получавшая сырье из-за границы [11, л. 158 об., 159; 16, л. 29]. В первый год войны произошло сокращение производства в текстильной промышленности [8, с. 191], в металлообрабатывающей и металлургической из-за недостаточного подвоза сырья [8, с. 50, 51].

Весной и летом 1915 началась эвакуация промышленных предприятий из Западных районов в Центральные районы России, и, в первую очередь, в Московский район и в Москву. Они оказали определен-

ное влияние на структуру московской промышленности: во-первых, в городе увеличилось общее число рабочих-металлистов, во-вторых, в связи с восстановлением химических заводов «Каучук» и «Проводник» Москва превратилась в крупнейший центр химического производства в России [5, с. 26].

В силу объективных обстоятельств московская промышленность вынуждена была перестраиваться на военный лад. Россия не была готова к войне такого масштаба. Все запасы, сделанные в мирное время для армии, были истрачены в течении полугода. Весной 1915 года наступил кризис снабжения боеприпасами.

Только через семь месяцев после начала войны был поставлен вопрос о привлечении частной промышленности к решению этих задач. Критическое положение на фронте создало условия не только для мобилизации московской промышленности, но и для обогащения буржуазии. В течении 1914–1917 годов правительство израсходовало на нужды войны 30,5 млрд рублей [14, с. 116].

Несмотря на все усилия, неподготовленность российской промышленности к мировой войне в конце 1916 г. вызвала острый кризис. В большой степени пострадали предприятия Москвы и Московской губернии. С конца 1916 г. многие фабрики и заводы прекратили выпускать продукцию из-за отсутствия сырья и топлива.

Все это привело к существенным изменениям в социально-экономическом положении рабочих Москвы. Только на оборону государства осенью 1916 г. в городе работали более 178 тыс. человек [12, л. 73] или 95 % от общего количества рабочих Москвы.

В 1915–1917 гг. рабочий день составлял 10 часов, но на многих фабриках и заводах вводились обязательные сверхурочные 3 часа. Основным бедствием для рабочих была низкая заработная плата. Так, у рабочих текстильщиков на фабрике «Мусси» в 1916 г. в день мужчины получали по 75 копеек, женщины за одинаковый труд с мужчинами – по 55 копеек [9, с. 15]. Низкая зарплата была у рабочих Прохоровской Трехгорной мануфактуры. У женщин в январе 1917 г. она составляла около 34 рублей в месяц [17, л. 32 об.–33].

По сравнению с рабочими-текстильщиками, металлисты зарабатывали больше. В среднем на Московском металлическом заводе в июле 1914 г. зарплата равнялась 52 руб. 38 коп. в месяц, а в 1916 г. – 72 руб. 34 коп. [4, л. 1]. По данным Особого заводского совещания Московского промышленного района в начале 1916 г. на 77 металлообрабатывающих заводах, на которых работало 32693 человек, средний заработок в день выше 7 руб. 40 коп. был только на 7 предприятиях с общим числом 2071 рабочих [18, л. 297 об.]. Еще хуже было положение коман-

дированных на работу военнослужащих. Они практически не получали зарплату и трудиться им приходилось в ночное время [13, л. 13].

С началом военных действий в России стали подниматься цены на все продукты питания и предметы первой необходимости. Уже в феврале 1915 г. в Москве цены за пуд мяса поднялись с 5 руб. 63 коп. до 8 руб. 13 коп., т. е. на 44 %. По сравнению с февралем, в апреле 1915 г. цена на мясо возросла еще на 17 %. Цена на ржаную и пеклеванную муку увеличилась с 1 руб. 54 коп. за пуд до 1 руб. 85 коп., на обойную муку с 1 руб. 10 коп. за пуд до 1 руб. 40 коп. После объявления войны «дороговизна продуктов первой необходимости начала возрастать в угрожающих размерах». Мука, хлеб, овощи, мясо, яйца, масло, соль, дрова, керосин, спички и т. д., одним словом, все, без чего нельзя обойтись и приходится покупать каждому, чтобы поддержать жизнь свою и близких, все подвергалось повышению продажных цен, которые продолжают расти» [1].

Еще быстрее они возрастали в 1916 г. Так, цены на пшеницу выросли за пуд, по сравнению с июлем 1914 г., к 1 июля 1916 г. с 1 руб. 10 коп. до 2 руб., на горох с 1 руб. 35 коп. до 2 руб. 60 коп., на гречневую крупу с 1 руб. 51 коп. до 3 руб. 76 коп., масло подсолнечное с 4 руб. 90 коп. до 19 руб. 15 коп., картофель с 2 руб. 40 коп. до 6 руб. [15, л. 55, 59 об.]. В среднем цены на продукты питания в Москве увеличились на 363 %, а зарплата в 1, 9 раза.

Тяжелое материальное положение рабочих Москвы усугублялось их бесправием на производстве. Об этом свидетельствуют «черные списки», штрафы и отправка забастовщиков на фронт. Во время Первой мировой войны «черные списки» составляло и рассылало «Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района». «Общество» рекомендовало уволенных, попавших в «черный список», не принимать на работу как организаторов забастовок [2, л. 20, 21]. Аналогичный «черный список» на 67 человек составил уполномоченный Особого заводского совещания Московского район генерал Н. С. Чердынцев с требованием указанных в списке рабочих не принимать на работу на фабрики и заводы [6, с. 49].

С наибольшей силой в Москве проявились заболевания рабочих и производственный травматизм. Так, на фабрике Прохоровской Трехгорной мануфактуры было зарегистрировано только во время войны 765 несчастных случаев. Среди пострадавших было 611 мужчин и 154 женщины [3, л. 63].

Обострялся в Москве и квартирный вопрос. Основная масса рабочих жила на окраинах города, в коммуналках, банях и ночлежных домах. Это обостряло ситуацию и порождало недовольство со стороны рабочих.

Таким образом, экономические изменения в промышленности, происходившие в ходе Первой мировой войны, оказали прямое воздействие на положение московских рабочих, которое резко ухудшилось к концу 1916 г. В свою очередь, это вызвало мощное стачечное движение в Москве.

Библиографический список

1. Вопросы страхования. 1915. 25 апреля. № 3 (41).
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6935. Оп. 4. Д. 159.
3. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 424.
4. ГАРФ. Ф. 7959. Оп. 3. Д. 186.
5. *Ершова Т. В.* Финансовая прибыль московской буржуазии в период Первой мировой войны в 1914–1917 гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2015. № 4 (20). С. 25–31.
6. *Ершова Т. В., Касаров Г. Г.* Протестное движение рабочих Москвы на этапе Первой мировой войны и Февральской революции 1917 года // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 1 (25). С. 48–54.
7. История Москвы: в 6 т. Т. 5: Период империализма и буржуазно-демократических революций. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 818 с.
8. *Лаверычев В. Я.* Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900–1917 гг.). М.: МГУ, 1963. 423 с.
9. Рабочие ведомости. 1916. Август. № 1.
10. *Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. М.: Соцэкгиз, 1958. 624 с.
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 369. Оп. 9. Д. 19
12. РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 114.
13. РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 836.
14. *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М.: Изд-во АН СССР. 1960. 569 с.
15. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 46. Оп. 10. Д. 91.
16. ЦГА Москвы. Ф. 199. Оп. 2. Д. 865.
17. ЦГА Москвы. Ф. 502. Оп. 3. Д. 117.
18. ЦГА Москвы. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 2.

А. А. Желтов,

доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России

ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ И НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПРИЗЫВНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются особенности комплектования российской армии в начале XX века. Приводится статистика по религиозным группам среди призывников, которая сопоставляется с их национальным составом. Проанализированы расхождения отмеченной структуры с этическим составом населения Российской империи.

Ключевые слова: национальный состав населения, религиозный состав населения, призывники, комплектование российской армии, начало XX века, Первая мировая война.

A. A. Zheltov,

Associate Professor, Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia

RELIGION AND NATIONALITY OF CONSCRIPTS IN THE RUSSIAN EMPIRE ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR

The article deals with the features of the Russian army recruitment at the beginning of the XX century. The article provides statistics on religious groups among conscripts, which is juxtaposed with their national composition. The differences between the mentioned structure and the ethical composition of the population of the Russian Empire are analyzed.

Key words: ethnic composition of the population, religious composition of the population, conscripts, recruiting of the Russian army, the beginning of the 20th century, the First World War.

Общая численность армии Российской империи в начале XX века достигала примерно 1 млн 300–400 тыс. человек. До мобилизационных мероприятий перед началом войны в 1914 году она насчитывала 1 млн 423 тыс. военнослужащих [10, с. 4]. В 1912 году списочный состав армии, включая казачьи войска, местные и крепостные войска, пограничную стражу и отдельный корпус жандармов, составлял 1 млн 338 тыс. 663 человека [3, с. 55].

Цифра ежегодного призыва в регулярную армию в начале XX века превышала 400 тыс. призывников: в 1909 году – 431,7 тыс. [1, с. 145], в 1910 году – 432,4 тыс. [2, с. 143], в 1911 году – 431,4 тыс. [3, с. 143]. В 1912 году, по данным военного ведомства, пополнение нижних чинов составило 441,3 тыс. человек, если считать вместе с новобранцами (413 тыс.), вольноопределяющихся (8 200), сверхсрочников (4 971) и лиц поступивших в связи с другими причинами (14 978) [3, с. 132–133]. В 1913 году планировался набор 455 тыс. новобранцев [7, с. 411].

При этом всеобщая воинская повинность не предполагала призыва в армию всех мужчин достигших призывного возраста. Так, в 1911 году в общие призывные списки было включено 1 млн 137 тыс. 838 человек, а также в дополнительные списки 126 тыс. призывников, что в сумме составляло 1 млн 303 тыс. Призвать планировалось 455 тыс. новобранцев, но зачислено на военную службу в качестве нижних чинов было 431,4 тыс. [3]. На призывных пунктах проводилась жеребьевка, и фактически призыву подлежал примерно каждый третий. К тому же в списки изначально не включались лица, имеющие разные «льготы», проблемы со здоровьем, священнослужители, а также «инородцы» (представители многих народов Кавказа, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока).

Призыву не подлежали жители Финляндии, Туркестана и Закаспийской области, инородцы Архангельской, Астраханской и Ставропольской губерний, Кавказского края и Сибири. Вместо воинской повинности инородцы Кавказского края (курды, абхазцы, калмыки, ногайцы и др.) выплачивали денежный налог. Финляндия также ежегодно отчисляла 12 млн марок.

Не призывались также жители удаленных территорий: Енисейской губернии, Томской, Тобольской губерний, Сахалина, Камчатки [9, с. 278].

Именно эту особенность демонстрируют национальный и религиозный состав призывников в 1909–1911 годах (табл. 1).

Для 1909 года использована несколько иная градация для подразделения религиозных групп, чем в 1910 и 1911 годах, чем вызваны пропуски за этот год в таблице.

Представленное распределение призывников по вероисповеданию можно сопоставить с зафиксированным у них национальным составом (табл. 2).

Конечно, этническая принадлежность не на 100 % сопоставима с определенной конфессиональной группой, да и у некоторых народов немалая доля представителей могла иметь различную религиозную принадлежность (например, среди латышей примерно 1/2 протестанты, 1/3 католиков и 1/4 православных). В таблице этносы размешены по преобладающей религиозной группе. Исключение составляет объединенная категория «прочие народности».

Таблица 1

Вероисповедание призывников в Российской империи (1909–1911 гг.)
[1, с. 145; 2, с. 143; 3, с. 143]

Группы призывников по вероисповеданию	1909 г.	1910 г.	1911 г.
Православные и единоверцы	336 004	334 432	330 524
Старообрядцы		3 185	5 679
Прочих сектанты		757	799
Католики	41 486	41 364	44 263
Протестанты	11 042	11 506	11 326
Армяно-григориане	4 576	4 798	4 963
Прочих христиане		1 267	1 078
Иудеи	17 834	18 875	19 738
Караимы	20	15	33
Мусульмане	13 042	12 791	12 531
Буддисты		2	3
Язычники и прочих нехристиане	7 742	530	499
Итого:	431 749	432 407	431 436

Таблица 2

Распределение призывников в 1911 году по национальной и религиозной принадлежности [3, с. 142–143]

По вероисповеданиям	По народностям
православных и единоверцев – 330 524 (76,6 %) старообрядцев – 5 679 (1,32 %) прочих сектантов – 799 (0,19 %)	русских – 321 121 (74,43 %)
буддистов – 3 прочих нехристиан – 499 (0,11 %) караимов – 33 прочих христиан – 1 078 (0,25 %)	прочих народностей – 29 868 (6,93 %)
католиков – 44 263 (10,26 %)	поляков – 31 407 (7,28 %) литовцев – 4 416 (1,02 %)
протестантов – 11 326 (2,63 %)	немцев – 6 945 (1,61 %) латышей – 3 659 (0,85 %) жмудин – 492 (0,11 %)
армяно-григориан – 4 963 (1,15 %)	армян – 5 125 (1,19 %)
иудеев – 19 738 (4,57 %)	евреев – 20 981 (4,86 %)
магометан – 12 531 (2,9 %)	татар – 7 422 (1,72 %)

Всего в составе сухопутной армии Российской империи в 1912 году (без учета казаков) подавляющее большинство военнослужащих составляли русские (к которым относили великороссов, малороссов,

белорусов) – 76,85 % (923 906), вторыми по численности и доле были поляки – 8,66 % (104 059), третьими – евреи – 4,18 (50 231), четвертыми – татары, мещеряки, башкиры, тептяри – 3,16 % (38 004), далее кавказские народности – 2,16 % (25 951), литовцы и латыши – 1,98 % (23 790), немцы – 1,57 % (18 874), финны, мордва, черемисы, чувашаи – 0,79 % (9 538) и прочие народности – 0,65 % (7 853). В казачьих войсках 96 % (55 651) оставляли русские, а оставшиеся 4 % приходились преимущественно на: прочие народности – 1,6 % (917), татары, мещеряки, башкиры, тептяри – 1,2 % (675) и кавказские народности – 1,2 % (671) [3, с. 374–375]. Во флоте, судя по составу призывников 1912 года, доля русских была еще выше, чем в сухопутной армии – 94,2 % [9, с. 296].

Если сопоставить этнический и религиозный состав призывников с соответствующим делением населения Российской империи, то заметны расхождения. В частности среди призывников, доля этнических представителей отчетливо выше для русских (74,5 % по сравнению с 66,5 %), поляков (7,3 % и 6,2 %), евреев (4,9 % и 3,9 %) и отчасти армян (1,15 % и 0,9 %). Это связано с отсутствием или меньшей долей ряда народностей или территориально-этнических групп среди военнослужащих.

Таблица 3

Национальная и религиозная структура населения Российской империи в 1910 году

Племенной состав населения России, % [5, с. 59–61]	Вероисповедный состав населения России, % [5, с. 72–74]
русские – 66,5 картвелы – 1,1	православные с единоверцами и старообрядцами – 69,9
финны – 4,5 германцы – 1,6 прочие – 2,0	протестанты – 4,85
поляки – 6,2 литовцы – 2,4	католики – 8,91
армяне – 0,9	прочих христиане – 0,96
турко-татары – 10,6	магометане – 10,83
евреи – 3,9	Иудеи – 4,05
горцы – 0,9	
монголы – 0,4	прочих нехристиане – 0,5

Так благодаря отсутствию призыва для жителей Финляндии доля протестантов на военной службе почти 2 раза ниже, чем среди населения империи (2,63 % и 4,85 %). Доля группы «турко-татары» в составе населения России составляла 10,6 %, а доля татар в российской регулярной армии достигала 1,72 %, что связано с отсутствием призыва для большинства народностей Средней Азии.

Следует упомянуть, что из представителей народов Северного Кавказа и отчасти Средней Азии создавались некоторые иррегулярные части. Впрочем, общая численность этих подразделений была сравнительно не велика.

В частности в 1880-х – начале 1890-х годов существовали следующие иррегулярные подразделения:

Дагестанский конно-иррегулярный полк – 6 конных сотен

Кубанская милиция – 1 конная сотня

Дагестанская милиция – 3 конных сотни

Терская милиция – 8 конных сотен

Батумская милиция – 1 конная сотня и 2 полусотни

Карская милиция – 3 конных сотни

Туркменский конно-иррегулярный дивизион 2 конных сотни

Итого 24 конных сотни и 2 полусотни, общей численностью около 3 тыс. [6, с. 411].

Кроме того, в составе регулярной армии числился Осетинский конный дивизион, насчитывавший 300 военнослужащих.

Ситуации с призывом ранее не призывавшиеся представителей национальных окраин изменилась уже ближе к концу войны. 25 июня 1916 г. было принято положение «О привлечении реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи» [8, с. 91].

По действующему к началу Первой мировой войны положению от 26 апреля 1906 г. срок действительной службы для призывавшихся по жребию нижних чинов был установлен в пехоте – 3 года, в прочих родах сухопутных войск – 4 года и на флоте – 5 лет. После чего военнослужащие поступали в запас и числились в нем по 1-му разряду 7 лет, а по истечении срока переходили во 2-й разряд запаса на 8 лет, служившие в пехоте и прочие на 6 лет [4, с. 505]. Таким образом, призывники 1911 года встретили войну еще на действительной службе, а призывники предшествующих лет (находившиеся в 1-м разряде) были мобилизованы после её начала.

Библиографический список

1. Военно-статистический ежегодник Армии за 1910 г. СПб., 1911.
2. Военно-статистический ежегодник Армии за 1911 г. СПб., 1913.
3. Военно-статистический ежегодник Армии за 1912 г. СПб., 1914.
4. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета – «О сокращении срока действительной службы в сухопутных войсках и во флоте» № 27835 – 26 апреля 1906 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи (далее – ПСЗРИ). Собр. III. Т. XXVI (1906). Отд. I. СПб., 1909. С. 505.
5. Ежегодник России 1910 г. СПб., 1911.
6. *Золотарев А. М.* Записки военной статистики России. СПб., 1894.

7. Именной Высочайший указ, данный Сенату – «О величине контингента новобранцев в призыв 1913 года» № 39192 – 11 апреля 1913 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи (далее – ПСЗРИ). Собр. III. Т. XXXIII (1913). Отд. I. Петроград, 1916.

8. Кидирнязов Д. С. Восстание ногайцев в 1916 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 1 (41). С. 91–93.

9. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.

10. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925.

УДК 351/354

О. Н. Забузов,

Военная академия Генерального штаба

Вооруженных Сил Российской Федерации

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА ГОСУДАРСТВА НА ОСОБЕННОСТИ ВЕДЕНИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

НА УРБАНИЗИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

(На основе анализа уставных документов советского периода)

Развитие военного дела позволяет говорить о перемещении сферы противоборства сторон именно в урбанизированные территории. Показана трансформация взглядов советского военно-политического руководства на особенности ведения военных действий в городах.

Ключевые слова: военно-политическое руководство, военные действия, урбанизированная территория, город, советский период, политическая власть.

O. N. Zabuzov,

Military Academy of General Staff of the Armed Forces of Russian Federation

TRANSFORMATION OF THE VIEWS OF THE MILITARY- POLITICAL LEADERSHIP OF THE STATE ON THE FEATURES OF THE CONDUCT OF MILITARY ACTIONS

IN URBANIZED TERRITORIES

(Based on the analysis of statutory documents of the Soviet period)

The development of military affairs makes it possible to talk about the movement of the sphere of confrontation between the parties precisely to urbanized territories. The transformation of the views of the Soviet military-political leadership on the specifics of conducting military operations in cities is shown.

Key words: military-political leadership, military operations, urbanized territory, city, Soviet period, political power.

Введение

1. Развитие мегаполисов, городских агломераций, сетей городов позволяет сделать вывод о возрастании роли таких образований в политических, социально-экономических и управленческих процессах. Стоит полагать, что они будут конкурировать с политическими целостностями, закрепленными на определенных территориях, или иными словами – с нациями-государствами. Естественно, сейчас трудно представить полное перетекание государственных функций к управлению исключительно городскими образованиями, но такая тенденция имеет место быть [6, с. 73–86].

2. По оценке ряда ученых, ранние стадии роста урбанизации в той или иной стране сопровождаются ростом социально-политических кризисов и потрясений. Далее наблюдается снижение такого уровня. То есть с полной уверенностью можем говорить об одном из критериев, являющегося индикатором роста напряженности в развивающихся обществах, обусловленных ростом урбанизации на его начальном периоде. Пик особо кровопролитных социально-политических потрясений, более 50 тыс. или более 1 % населения погибших в 1948–2007 гг. приходился на уровень урбанизации в стране равный 7,5–22,5 %. До значения этого уровня урбанизации и после него наблюдается значительно низшие показатели [3, с. 34–52].

3. Опыт прошедших локальных войн и вооруженных конфликтов свидетельствует, что будущие боевые действия не обойдут стороной ни большие города, ни малые населенные пункты [4, с. 25–32] (поскольку в них расположены многие экономические и управленческие центры). Представляется, что отчасти стратегический успех в той или иной кампании будет обусловлен именно успехами борьбы за города и в городах.

4. Развитие военной теории и практики борьбы за города позволяет говорить о перемещении сферы вооруженного противоборства сторон именно в городские урбанизированные территории. Что, в свою очередь, требует от военно-политического руководства государства особых подходов в разработке военно-доктринальных взглядов на особенности и характер войн и вооруженных конфликтов в будущем, их учет в практике военного строительства.

Методологические основания исследования. Отметим несколько методологических маркеров, являющихся основой данного исследования.

1. Для исследования трансформации взглядов военно-политического руководства на особенности ведения военных действий на урбанизированных территориях нами были отобраны ряд уставов советского периода, в которых имелись отдельные положения относительно городских боевых действий.

2. Для анализа были взяты уставы с 1918 по 1944 годы.

3. Анализ трансформации взглядов военно-политического руководства на особенности ведения городских боевых действий, главным образом, построен в хронологическом порядке. Применен сравнительный анализ однотипных документов, где это было возможно.

Авторский анализ проблемы. Естественно определенный интерес представляет историческая ретроспектива трансформации положений уставов относительно борьбы за населенный пункт (город). Как справедливо отмечал в начале XX в. капитан французской армии Андре Лафарг: «современная пехотная атака превратилась в атаку крепости» [5, с. 5].

В Полевом уставе (часть I) «Маневренная война», утвержденном ВЦИК в 1918 г., отводился целый раздел с наименованием «Особенности боя за населенные пункты». Отмечается, что «От положения населенного пункта и характера построек будет зависеть, включать ли его в линию обороны, или воспользоваться им для скрытого расположения войск» [7, с. 263]. Значимое место в уставе РККА того времени отводилось воздушной разведке. В частности, «Атаке селения должна предшествовать тщательная разведка, особенно воздушная с аэрофотосъемкой» [7, с. 266–267].

В этом уставе, после взятия города деятельность войск ограничивается исключительно управленческо-административными функциями. В частности, «по окончанию боя за селение следует назначить гарнизон и вывести лишние войска. Одни из первых распоряжений коменданта должны предусмотреть установление внешнего порядка в селении» [7, с. 268].

В этом же уставе нашло отражение уличного боя. Учитывая тревожное время 1918 г., содержание некоторых статей главы «Уличный бой» – имеет достаточно специфическое содержание. К примеру, постулируется, что бой в городах с восставшим населением имеет много сходства с полевым боем за населенные пункты, но и существенно от него отличается, главным образом, в следующем: 1) бой в городах начинается и кончается внутри их, тогда как центр тяжести полевого боя за населенные пункты лежит вне их; 2) районом действия во время восстания являются обыкновенно крупные города, и 3) уличные бои превосходят полевые своей длительностью.

В уставе отмечается необходимость «принятия мер для охранения войск от восставшего населения». «Для этого рекомендуется изоляция войск в казармах, воспрещение подпускать толпу к строю ближе 100–200 шагов. Не допускать речей и обращений к войскам. Смещение войск с толпой может привести к самым нежелательным последствиям, до перехода войск на сторону толпы включительно». Отмечается о необходимости учитывать национальный состав при формировании

отрядов подавления восстания. «Следует обращать внимание на их племенной состав, – лучше всего назначать части из другой местности, даже другой национальности» [7, с. 275].

Стоит отметить содержание нескольких важных статей, отраженных в уставе, относительно появления признаков восстания или при его возникновении. Отмеченные статьи носят достаточно взвешенный алгоритм действий по нивелированию восстания в городе, уставом предписано объявить в городе военное положение. Вся полнота военной власти переходит к начальнику гарнизона. Если бы мятеж последовал неожиданно, город объявляется *на военном положении* и назначается начальник всех войск, расположенных в городе. Город разделяется на участки. Оборона каждого участка поручается отряду из всех родов войск, число и состав которых определяются в зависимости от величины участка, его значения и других данных обстановки. Между начальниками участков и старшим начальником, а также между участками устанавливается прочная связь. Обращается внимание на необходимость иметь одновременно несколько линий связи разными способами, на случай отказа какого-либо из них. В положениях устава отмечено, что бой должен доводиться до полного подавления мятежа [7, с. 281].

Временный полевой устав Р.К.К.А.^{*}, утвержденный в 1925 г. Председателем РВС СССР, располагает целой главой «Бой в больших городах». В нем отмечается, что рельеф местности, план города, его архитектура, культурность влияют на характер уличных боев. Бои в каждом городе будут иметь своеобразный характер. Сложность ведения уличного боя увеличивается в зависимости от размеров города.

Особенно характерным для уличных боев является влияние населения города на характер военных действий. Вмешательство населения в борьбу может явиться решающим фактором зависимости от того, на чью сторону переходит наиболее активная часть.

В этом уставе значимое место отводится разведке, связи и передвижению в больших городах. Приводятся особенности наступательных действий в больших городах, которые складываются из атак города, улиц, домов, а так же закрепление полученного результата. К примеру, как только захвачен какой-нибудь крупный участок города, в нем немедленно учреждаются комендатуры. Спокойствие и порядок в захваченном районе обеспечивается дозорами. Войска приступают к изъятию оружия у населения. В уставе обширно представлены особенности оборонительных действий в больших городах, которые состоят из обороны города, улиц, дома [2, с. 346–361].

* Написание «РККА» и «Р.К.К.А.» приводится так, как в анализируемом документе.

В проекте полевого устава Красной армии 1943 г. в главе «Наступательный бой» включен параграф «Наступление на населенные пункты». В нем отмечаются особенности ведения боя внутри населенные пункты. Дана краткая характеристика боя, которая заключается стесненностью обзора и обстрела, сложностью управления войсками и ограниченными возможностями маневра внутри населенного пункта. Бой в населенном пункте распадается на ряд отдельных местных столкновений. Исход боя решают самостоятельные, инициативные действия даже небольших подразделений.

При наступлении на город учитываются: величина населенного пункта, ширина улиц и характер построек; наличие укреплений впереди и в тылу населенного пункта; расположение войск обороны; расположение учреждений; промышленных предприятий; настроения местного населения и др. Для организации и поддержания порядка в занятом городе необходимо введение осадного положения, учреждение комендатур и осуществление ими в полном объеме возложенных на них функций.

Оборона населенных пунктов в соответствии с этим уставом имеет ряд особенностей. В частности, каждый населенный пункт должен быть превращен в крепость. Важное замечание: не количество, а качество войск, хорошая организация огня и управления создают прочность обороны населенного пункта. Населенный пункт приспособляется к обороне на всю его глубину. Каждый опорный пункт и узел обороны должны быть приспособлены к круговой и продолжительной обороне, даже в условиях полного окружения. Значимое место отводится разведке, осуществляемой с использованием особенностей городской застройки, связи, в том числе базирующейся на городской сети связи [8, с. 174–282].

В боевом уставе бронетанковых и механизированных войск Красной армии 1944 г. издания, не отражены особенности их боевого применения в городах. Отметим лишь, что в уставе имеются традиционные положения свойственные таким документам, это «основные положения», «управление», «разведка», «организация тыла», «марш» и проч. [1].

Сделаем несколько частных **выводов** относительно ретроспективного анализа уставов РККА и Красной армии.

1. В Полевом уставе РККА 1918 г. особое место отводится действиям по подавлению восстанию в городе и алгоритму пресечения мятежа. Что, в свою очередь, в большей мере должно быть характерно действиям милицейско-полицейских сил. Но учитывая тревожное время той поры, такие положения, скорее всего, были обоснованными.

2. В развитии уставов РККА наблюдается отход от социальной значимости боевых действий в городах и за города. Можем охарактери-

зовать, что с развитием положений уставов РККА наблюдался отход от социализированных положений в сторону исключительно военных.

3. Дается характеристика боя в самом городе и его особенностей из-за специфики городской застройки. Сложность боя определяется размерами города.

4. Приведены мероприятия по деятельности войск после ведения боевых действий в городе, а именно формированием военной администрации и установлении жизнедеятельности городского населенного пункта.

5. В ранних уставах отводится более значимое место местному городскому населению и его роли для успешности борьбы за город.

6. Учитывая, что некоторые уставы введены в действие решением высших органов власти и политического руководства Вооруженными Силами, то становится ясно, что ряд уставов являются отражением взглядов военно-политического руководства на значимость городов в социальном, политическом и военном значениях.

Библиографический список

1. Боевой устав бронетанковых и механизированных войск (танковый и механизированный корпуса). М.: Военное Издательство НКО, 1944. 84 с.

2. Временный полевой устав Р.К.К.А. Ч. 2. (дивизия и корпус). М.: Издание военной типографии ГУРККА и Издательства «Военный вестник», 1926. 392 с.

3. *Гринин Л. Е., Коротяев А. В.* Урбанизация и политическая нестабильность: к разработке математических моделей политических процессов // Полис. 2009. № 4. С. 34–52.

4. *Епифанов Д.* Штурм города – дело тонкое // Армейский сборник. 2017. № 1. С. 25–32.

5. Иностранные наставления для боя. IV выпуск. 9) Пехотная атака в настоящем периоде войны – брошюра капитана французской службы Лафарга. Петроград: Военная типография Императрицы Екатерины Великой, 1916. 48 с.

6. *Мартьянов В. С.* Сети городов как альтернатива государствам: узвиная теория или реальное будущее? // PolitBook. 2016. № 2. С. 73–86.

7. Полевой устав. Часть I. Маневренная война. М., 1918. 335 с.

8. Проект полевого устава Красной армии 1943 г. М.: Военное издательство НКО, 1945. 400 с.

А. М. Иванов,

доцент, Саратовская государственная юридическая академия
(Смоленский филиал)

**ЕРШИЧСКАЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ (СДПР)
(По материалам Смоленской области)**

Статья рассматривает создание социал-демократического движения на примере Ершичской территориальной партийной организации в Смоленской области в начале 1990-х годов. Цель работы изучить структуру партийной организации и деятельность на начальном этапа становления. В работе делаются выводы, что большинство групп не были достаточно сформированными и многочисленными и не могли претендовать на руководящую роль управления в стране.

Ключевые слова: дискуссионный клуб, Перестройка, социал-демократические группы, общественно-политические движения; политические партии.

A. M. Ivanov,

Associative Professor, Saratov State Law Academy (Smolensk branch)

**ERSIC TERRITORIAL ORGANIZATION
SOCIAL-DEMOCRATIC PARTY RUSSIA (SDPR)
(Based on Smolensk materials)**

The article examines the creation of a social-democratic movement on the example of the Ersic Territorial Party organization in the Smolensk region in the early 1990s. The aim of the work is to study the structure of the party organization and activities at the initial stage of formation. The paper concludes that most groups were not sufficiently formed and numerous and could not claim to be the leadership of governance in the country.

Key words: Discussion Club, Perestroika, Social Democratic Groups, Social and Political Movements; political parties.

Социал-демократическая партия РСФСР была одной из первых официально зарегистрированных и одной из наиболее влиятельных партий в России. Ее региональные отделения возникли из множества ранних социал-демократических кружков и дискуссионных клубов, а московские лидеры и члены партии пришли туда непосредственно из клуба «Перестройка» и его региональных аналогов.

Формирование социал-демократических групп началось с 1987 г. как логичный и не слишком опасный шаг в отрицании официальной коммунистической доктрины. На конференции Всесоюзного социально-политического клуба, проводившейся в августе 1987 г. в Таганроге, была образована социал-демократическая фракция. Почти одновременно ряд членов московского клуба «Демократическая перестройка» (П. М. Кудюкин, А. В. Фадин и О. Г. Румянцев) объявили о своей социал-демократической ориентации в одном из первых неформальных журналов «Открытая зона». В мае 1990 г. на съезде в Москве российские члены Социал-демократической ассоциации создали СДПР. Оставаясь одной из самых влиятельных и организованных партий со значительным числом сторонников на местах, СДПР, как и многие другие демократические группы, стремилась стать частью более широкого движения и вскоре вступила коллективным членом в «Демократическую Россию». Это не помогло сохранить прежнее влияние. На третьем съезде СДПР в мае 1991 г. присутствовало только 162 делегата, представлявших 2500 членов из 62 организаций. К концу 1991 г. партия продолжала дробиться и лишилась большинства своих известных руководителей – многие из них были слишком заняты как депутаты парламента и как активисты «Демократической России» [9].

СДПР имела местные организации во многих регионах, но они были, как правило, небольшими и не принимали участия в работе местных органов власти. Так, Ершичская территориальная организация СДПР берет свое начало в 1990 г. с небольшой инициативной группы «За Ершичскую организацию СДПР» [8]. Газета «Ударный труд», орган Ершичского райкома КПСС и районного Совета народных депутатов, от 21 августа 1990 г. писала: «2 сентября 1990 г. в 17 часов в помещении конторы кооператива «Ипать» состоится учредительное собрание ЕО СДПР. Приглашаются все желающие вступить в организацию, а также представители предприятий, общественных организаций и советских учреждений, желающих ознакомиться с Декларацией, Программными ориентирами, Уставом РСДП» [2].

2 сентября 1990 г. состоялось Учредительное собрание Ершичской территориальной организации Социал-демократической партии России (ЕТО СДПР), на котором были обсуждены и приняты уставные и программные документы [8, с. 108]. На собрании присутствовали приглашенные представители: Дроздов С. И. – член бюро Ершичского райкома КПСС, председатель поселкового совета; Васильев П. И. – член КПСС, зам. председателя Ершичского исполкома райсовета народных депутатов; Чулков М. Ф. – член КПСС, зам редактора районной газеты «Ударный труд» [2].

В результате прений на голосовании единогласно было принято решение: принять Устав Социал-демократической партии Российской Федерации; учредить Ершицкую организации СДПР; избрать Совет ЕО СДПР; избрать секретарем Совета Казмерчук А. А. [7]; избрать контрольную комиссию; поручить Казмерчук А. А. обратиться в Правление СДПР с просьбой зарегистрировать ЕО СДПР и предоставить ей статус юридического лица [2].

ЕО СДПР была создана на основе единых уставных и программных документов СДПР, руководствуясь Уставом СДПР, программными ориентирами. ЕО СДПР поддерживала принцип полного равноправия всех организаций СДПР и рассматривала ЕО СДПР как равную среди равных. ЕО СДПР выражала интересы всех слоев общества, выступающих за гуманное решение социальных проблем, за становление гражданского общества, основываясь на высоких достижениях раскрепощенного, заинтересованного, творческого созидательного труда, опираясь на ответственные, компетентные, образованные трудовые и культурные силы общества, вне зависимости от их социального положения и происхождения. Организация была готова делать все возможное для утверждения в обществе действительной Свободы, Справедливости, Солидарности.

Высшим органом ЕО СДПР являлось общее собрание (конференция) созываема не реже два раза в год. Внеочередное собрание созывалось советом по общей инициативе или по требованию 1/3 его членов, а в случае невыполнения этого требования исполкомом или оргкомитетом, создаваемым членами ЕО СДПР, потребовавшими созыва внеочередного собрания. В работе собрания участвуют члены исполкома, редакционного совета, контрольной комиссии. Собрание принимало программные документы и корректировало их; вносило предложения по изменению устава СДПР; рассматривало и принимало решения по апелляциям членов ЕО СДПР; принимало решения по отчетам Совета, Исполкома, контрольной комиссии, редакционного совета, определяло основные направления их деятельности. Собрание избирало ответственного секретаря ЕО СДПР, председателя контрольной комиссии и ее членов, председателя исполкома и Редакционного совета [1].

Процедура выборов включало право членов ЕО СДПР на самоотвод и самовыдвижение. Собрание определяло общее число членов Совета, Исполкома (но не более 7 человек), число членов КРК и Редакционного совета. Решения собрания (конференции) принимались простым большинством голосов при наличии более половины членов или делегатов, за исключения решения о членстве в ЕО СДПР и об изменении в Уставе, принимаемых большинством голосов в 2/3 от делегатов или членов ЕО СДПР. Порядок голосования определялся собранием (конфе-

ренцией). Право первой подписи на финансовых документах имел Председатель (ответственный секретарь) или член Совета, его заменяющий [2].

Совет ЕО СДПР являлся высшим органом ЕО СДПР в период между собраниями (конференциями) и собирался на рабочие совещания (пленумы) не реже раз в месяц. На заседаниях Совета с правом совещательного глосса участвовали члены исполкома, контрольной комиссии, Редакционного совета. Совет принимал все необходимые решения для осуществления целей и задач ЕО СДПР, рассматривал рекомендации, планы и отчеты Исполкома и постоянных комиссий, создавал временные комиссии, исследовательские группы и комитеты, избирал их представителей, созывал очередные и внеочередные конференции. Решения Совета носили рекомендательный по отношению к членам ЕО СДПР и обязательный по отношению к членам Исполкома характер [1].

Члены Совета должны были стремиться к общему согласию по спорным вопросам, а при отсутствии консенсуса статус официального мнения приобретала позиция, с которой согласилось не менее 2/3 членов Совета, участвующих в заседании пленума.

Председатель (секретарь) ЕО СДПР созывал и вел рабочее совещание (пленум). Он в праве участвовать в заседаниях исполкома с правом совещательного голоса. Председатель (секретарь) ЕО СДПР выполнял представительные функции, выступая от имени ЕО СДПР при контактах с любыми организациями, частными лицами в СССР и за рубежом. Право первой подписи на финансовых документах имел Председатель (ответственный секретарь) или член Совета, его заменяющий [2]. Исполком являлся рабочим органом ЕО СДПР, выполнял организационные и координационные функции, необходимые для реализации решений собрания (конференции) редакции Совета и текущей деятельности ЕО СДПР, формировал необходимые для этого службы. Исполком был подотчетен общему собранию (конференции), а в период между ними Совету. Исполком сам определял периодичность и порядок проведения своих заседаний и принятия решений, но должен принимать решения на основе консенсуса, если на этом настаивают не менее трех членов. Решения исполкома носили рекомендательный характер по отношению к членам ЕО СДПР и обязательный для членов исполкома. Члены исполкома не могли быть членами Совета [1].

В ЕО СДПР функционируют комиссии: организационная комиссия, по защите гражданских прав, по социально-экономическому развитию, по экологии и информации.

Состав исполкома, Редакционного совета и постоянных комиссий формировался их представителями, о чем информировалось собрание

или Совет. Редакционный совет был подотчетен собранию или Совету. Он отвечал за организацию печатных органов и их издание, организацию другой информации (радиовещание, телевидение и др.) через хозяйственные издательства, студии, участвуя паевыми взносами в их деятельности, представляя марку ЕО СДПР. По совместному решению Пленума и Контрольной комиссии деятельность редакционного совета могла быть приостановлена и созвана внеочередная конференция для его переизбрания [1].

Контрольная комиссия: обеспечивала контроль за исполнением решений собрания (конференции), Совета, Исполкома, программных документов, Устава, а в случае отклонения от них имело право приостановить действие решений Совета и исполкома; контролировала соблюдение установленного порядка прохождения дел, работу по рассмотрению писем, заявлений, жалоб, правильность расходования денежных средств и использования материальных ценностей; контролировала финансово-хозяйственную деятельность предприятий, организацию зарегистрированных за ЕО СДПР [1].

Членом ЕО СДПР мог стать любой гражданин РСФСР проживавший на территории Ершичского района и других районов Смоленской области, не имеющих социал-демократических организаций; принимавший программные и уставные документы СДПР, поддерживающий Партию материально и оказывающий ей регулярное личное содействие. Для вступления требовалось личное заявление, кроме членов Учредительного собрания. Прием в члены ЕО СДПР производился Советом и утверждался собранием. Члены ЕО СДПР регистрировались и были обязаны подтверждать ежегодно свое членство Партии уплатой годового членского взноса при вступлении 15 рублей, и в течение первого квартала следующего года – 15 рублей для работающих и 5 рублей в год для неработающих [1, с. 86–89].

2 сентября 1990 г. – учреждена Ершичская территориальная организация СДПР. Принято обращение к гражданам Ершичского района. Ход собрания записан на магнитофонную ленту, кроме выступлений Дроздова и Кульпинова, не решившихся увековечить свою политическую позицию. Докладчик Казмерчук отметил, что Горбачев ближе нам социал-демократам, чем коммунистам [7].

Выполнены пункты программы: деполитизация руководства исполнительной, представительной, судебной власти, правоохранительных органов, КГБ; переданы средства массовой информации от РК КПСС – Советам; КПСС из правящей партии превращена в обычные парламентские политические организации (РКРП, ВКПБ, восстановительное движение бывшей КПСС), не занимающие лидирующее пози-

ции в обществе; учреждена экологическая ассоциация «Артемида» начинающая свою деятельность в области комплексной охраны и использования природных ресурсов; сорван экологический саботаж организованный райкомом КПСС и Советами; канализован 16-ти квартирный дом по улице Луговая, д. 4; имущество райкома КПСС передано – Совету, а ПМО и исполкома – детям, суду и культуре; предприятия, работающие на местном сырье (лесничества, сырзавод, промкомбинат и др.) в основном обеспечивали выпускаемой продукцией нужды района; многодетные семьи взяты на учет и обеспечиваются товарами народного потребления в первую очередь; нуждающимся гражданам земельные участки, сенокосные угодья и пастбища [4].

Не выполнены пункты: В разделе гласность: – не выведены в Советах списки очередей на получение жилья и других дефицитных товаров; – наказания депутатам от избирателей и ход их выполнения; не обсуждается с общественностью района решения принимаемые главой администрации района и Советом. Из раздела духовной жизни и культуры: – не видим шагов администрации по направлению учащихся в лучшие гуманитарные и технические лицеи, гимназии, а затем престижные вузы страны с оплатой их обучения за счет Советов и обязательным направлением в район и в тот совет, который взял на себя расходы на обучение. Из раздела социально-экономический: Пункт 5. Не организована в районе служба рационального использования и воспроизводства, природных ресурсов, объединяющая эксплуатирующие природные ресурсы службы. Пункт 6. Советом и главой администрации не сделано шагов по заказу генплана застройки Ершичского района с учетом современных требований к градостроительству и экологии [3].

14 октября 1990 г. – члены ЕО СДПР приняли обращение к депутатам райсовета об отставке председателя райсовета, исполкома, не рекомендовавших себя умением работать в условиях многопартийности и гласности. Удовлетворена просьба Кульпинова стереть запись его выступления на Учредительном собрании. Принято решение выйти 7 ноября с российским трехцветным флагом траурными ленточками с лозунгами: «Демократия вместо Партократии!», «Советы на многопартийной основе!», «Районная печать всем партиям и движениям!», «Землю вернуть Хозяину!», «Движение «ДемРоссия» поддержим всенародно!». Избран делегат на Учредительный съезд Движения «ДемРоссия».

20 января 1991 г. – на расширенном заседании ЕО СДПР принято решение «О вхождении в областное Движение «ДемРоссия» и «Об объединении со Смоленской региональной организацией РПРФ». Обсужден вопрос «О создании ассоциации «Радикального природопользования». Одобрено открытое письмо в газету «Ударный труд», не

опубликованное редакцией. В письме вызывался райком КПСС на политическую дискуссию и оговаривали, что если письмо не будет опубликовано, Совет ЕО СДПР констатирует что Ершичский райком КПСС – политический банкрот. (История подтвердила данную оценку). Принята резолюция «О сохранении Ершичского госзаказника» и направлена делегатам областной сессии [9].

2 февраля 1991 г. – Ершичская организация СДПР зарегистрирована решением IV Пленума Правления Социал-демократической партии Россия [3]. 14 марта 1991 г. – СДПР зарегистрирована в Министерстве юстиции РСФСР [3]. 17 марта 1991 г. – Решением IV Пленума СДПР РФ в соответствии с Уставом СДПР и Учредительным Протоколом Ершичской территориальной организации СДПР от 2 сентября 1990 г. Ершичская организация была признана в качестве территориальной организации СДПР, и внесена в реестр Секретариата СДПР [5]. 26 августа 1991 г. – обсуждалась политическая ситуация в стране, области, районе в ходе антиконституционного переворота и устранении его последствий. Принято решение «Об отставке председателя райсовета Ковалева В. Н., председателя исполкома Сипачева В. В. и редактора газеты «Ударный труд» Щеглаковой Т. Г.» – поддержавших путч и призывающих население к исполнению постановлений ГКЧП. Направлено в адрес Ельцина два экземпляра газеты и сопроводительное письмо. 9 августа 1992 г. – принято решение о вхождении в Смоленский Союз демократических сил и создании ЕСДС (Ершичский Союз демократических сил). На собрании демократической общественности района был утвержден ЕСДС. Принято соглашение ЕСДС с Главой администрации направленное главе на изучение и подписание [4].

17 октября 1992 г. в 10 часов в актовом зале Дома Советов г. Смоленска состоялось учредительная конференция Союза Демократических сил Смоленской области. Цель создания Союза – объединение демократических сил области на базе поддержки реформ и противостояния консервативным и реакционным силам. Это фактически был левоцентристский блок в который вошли региональные и территориальные организации РПРФ, СДПР, НФ, РХДД, «ДемРоссия», либеральная фракция ДПР, союз предпринимателей, индивидуальные члены [6].

Таким образом, в Смоленской области в ходе Перестройки из неформальных организаций образовались первые общественные движения и политические партии: одной из таких партий являлась Ершичская территориальная организация Социал-демократической партии России. Считавшая себя составной частью всесоюзного и международного социал-демократического движения и преемником демократических традиций российской социал-демократии, отвергая насилие как метод

осуществления своих задач и целей [9]. Однако большинство этих групп еще не были достаточно сформированными и многочисленными и не могли претендовать на руководящую роль управления в стране [9].

Библиографический список

1. Аксёнова Е. К., Иванов А. М. Создание и деятельность Ершичской территориальной организации социал-демократической партии России (СДПР) в конце 1980-х – начале 1990-х годов по материалам Смоленской области // Modern Science. 2020. № 11-1. С. 314–319. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44226157>

2. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО). Ф. 2779. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

3. ГАНИСО. Ф. 2779. Оп. 1. Д. 2. Л. 28.

4. ГАНИСО. Ф. 2779. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.

5. ГАНИСО. Ф. 2779. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

6. ГАНИСО. Ф. 2779. Оп. 1. Д. 7. Л. 76.

7. ГАНИСО. Ф. 2779. Оп. 1. Д. 55. Л. 1–2.

8. Иванов А. М. Возникновение в КПСС политических движений и их деятельность // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2014. Т. 30. № 8 (179). С. 108.

9. Иванов А. М. Общественно-политические процессы на территории Смоленской области в период Перестройки (1985–1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского. Брянск, 2015. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25567723> (дата обращения: 24.10.2020).

10. Партии и общественно политические объединения Смоленской области: справочник / под общ. ред. А. А. Грибкова. Смоленск, 1997. С. 33–34.

УДК 930.1

А. В. Иванченко,

студентка 3 курса, Историко-архивный институт РГГУ (г. Москва)

СТУДЕНЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА МОСКОВСКОГО И ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТОВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

В статье представлено изучение изменения нормативно-правовой базы студенческих научных обществ Московского и Петербургского университетов. Подробно на конкретных примерах рассматривается их деятельность.

Ключевые слова: общества, кружки, устав, студенты, тенденции, организация, университет.

A. V. Ivanchenko,

3rd year student, Historical and Archival Institute of RSUH (Moscow)

STUDENT SCIENTIFIC SOCIETIES OF MOSCOW AND PETERSBURG UNIVERSITIES AT THE BORDER OF THE XIX–XX CENTURIES

The article presents the study of changes in the regulatory framework of student scientific societies of Moscow and St. Petersburg universities. Their activities are considered in detail using specific examples.

Key words: societies, groups, charter, students, trends, organization, university.

Тема исследовательской работы актуальна в рамках проведения в 2021 г. года науки и технологий. Также в настоящее время, даже не смотря на дистанционную форму обучения, наблюдается тенденция расширения числа студенческих научных объединений (СНО) в российских университетах. Для современных СНО важно ознакомиться с опытом их функционирования на рубеже XIX–XX вв.

Студенческое научное общество – одна из форм студенческих организаций, которая основывается на добровольных началах и имеет научно-исследовательскую направленность. Стоит отметить, что его основной целью как и остальных студенческих объединений является самореализация и самовоспитание студентов [3].

Проанализировав этапы развития студенческого самоуправления в вузах Российской империи, следует обратить внимание, что на рубеже XIX–XX вв. после этапа закрытия многих студенческих организаций происходит совершенствование студенческого самоуправления, становление системы самоуправления [8, с. 68]. Генерал П. С. Ванновский добился одобрения «Временных правил о студенческих организациях» от 22 декабря 1901 г., отменил строго определенную номенклатуру типов студенческих объединений, но оставался всесторонний контроль учебной администрации их деятельности. Осуществление контроля происходило посредством: утверждения попечителем учебного округа составленных под наблюдением должностных лиц уставов научных кружков; надзора за деятельностью со стороны «начальников учебных заведений; руководства студенческими научными организациями со стороны учащихся, ежегодно избираемых для исполнения этой функции профессорскими коллегиями с утверждения попечителей [4, с. 108]. Первая контрольная инстанция зачастую могла отклонить проект устава СНО, как, например, проект устава студенческого научного общества Московского технического училища.

Рассматривая студенческие научные общества в целом, стоит сказать, что в их системе существовала своеобразная специализация: гуманитарные организации были уделом классических высших учебных заведений со старыми историко-филологическими и юридическими факультетами, а общества научно-прикладной направленности – в народнохозяйственных институтах (Техническом училище и Сельскохозяйственном институте г. Москвы, горном институте С.-Петербурга) и т. п. [11, с. 250–251].

С начала 1900-х годов правом на ассоциирование начали пользоваться московские и петербургские университеты. В Петербургском университете на тот момент имелось 8 объединений: Астрономический (1903 г.), Ботанический (1903 г.), Философии права (1902 г.), Римского и гражданского права (1903 г.), Адвокатский (1901 г.), Политической экономии (1904 г.), Изящной словесности (1904 г.), а также Научно-литературное общество при историко-филологическом факультете (1904 г.) [9]. В Московском же университете насчитывалось 5 научных объединений: 3 общества – Историко-филологическое (1902 г.), Искусств и изящной литературы (1903 г.), Медицинское (1903 г.), 2 кружка – Для исследования русской природы (1904 г.), Для занятий общими вопросами естествознания (1903 г.) [10].

Для примера стоит привести информацию об одном из вышеперечисленных объединений. Так, Историко-филологическое общество при Московском университете было образовано по инициативе профессора С. Н. Трубецкого в марте 1902 года. Уже в первом году оно насчитывало свыше 1000 членов (студентов, преподавателей, молодых учёных, оставленных при кафедрах Московского университета, лаборантов разных факультетов), которые занимались в различных секциях: филологическая, историческая, классическая, литературная, общественных наук, криминалистов, цивилистов, а также подсекциях – южных и западных славян [7, с. 69]. Секции организовывали занятия самостоятельно и имели возможность делиться с другими секциями наиболее интересными сообщениями на общих собраниях, которые проходили под председательством профессора [5, с. 279–280]. Стоит отметить, что при Обществе имела библиотека. Относительно средств Общества нужно сказать, что они формировались из членских взносов, пожертвований и субсидий из специальных средств университета. Среди крупных мероприятий можно назвать экскурсию 130 человек в Грецию, состоявшуюся летом 1903 г. [5, с. 279–280].

Во время предреволюционного политического кризиса, который отзывался студенческими беспорядками, была заметна тенденция развития сети студенческих научно-корпоративных обществ. Примерами могут

послужить открывшиеся в декабре 1904 г. такие кружки, как «Исторический» и «Дальнего Востока», и в октябре 1905 г. – «Государственного и административного права». Это говорит о том, что некоторая часть студентов была успешно отвлечена от студенческих беспорядков.

Во время первой русской революции произошла парализация высшей школы в том числе СНО. Реанимировались они только с 1907 г. Стоит отметить, что произошли изменения в правовой основе: СНО стали регулироваться Положением Совета Министров от 11 июня 1907 г. «О студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах высших учебных заведений» [4, с. 112]. Данное Положение упростило процедуру утверждения вновь образуемых студенческих организаций – функции возложены на советы профессоров. Деятельность СНО представлялась издательской и научно-просветительской. Учредители СНО были вправе определять состав членов. В уставы обществ и кружков обязательно помещались статьи о самофинансировании, самокорректированию уставных положений, процедуре ликвидации [4, с. 116]. Пример «Общества памяти С. Н. Трубецкого» показывает изменение процедуры пополнения членов – помимо заявления о вступление требовалась рекомендация нескольких членов кружка, а также следовало голосование на общем собрании [2].

За этим последовало заметное увеличение количества СНО в сравнении с 1904 г. Например, в Московском университете их стало 19 [1]. Здесь мы можем наблюдать оживление прежних кружков (Студенческое общество искусств и изящной литературы, Студенческое медицинское общество, Студенческий кружок для исследования русской природы) и создание новых – гуманитарные (Общество студентов-цивилистов; Литературный кружок Ф. И. Тютчева; Общество памяти С. Н. Трубецкого; Кружок любителей грузинской культуры им. Кн. И. Г. Чавчавадзе; Украинский научный кружок им. Т. Г. Шевченко; Кружок студентов, изучающих эмпириокритицизм; Кружок студентов, изучающих исторический материализм; Студенческий кружок «Новь»), естественнонаучные (Студенческий математический кружок, Кружок исследования русской флоры, Студенческий физиологический кружок, Агрономический кружок, Кружок техников-химиков), научно-прикладные (Воздухоплавательный кружок, Кружок «Труд», Общество студентов Московского университета для изучения экономического быта Кавказа) [4, с. 113].

С целью создать конкретное представление о деятельности СНО на рубеже XIX–XX вв. рассмотрим пример Кружка философии права профессора Л. И. Петражицкого при Петербургском университете. В данном Кружке рассматривались вопросы относительно руководства

при создании новых законов знаниями о психическом влиянии права на поведение человека и развитие его характера, мотивацию человеческого поведения. В его члены набирались только студенты и лица, оставленные при университете для подготовки к профессорскому званию [6, с. 27]. Первый пункт Устава Кружка гласил о способствовании товарищескому единению членов и совместной работе в области философии права и нравственности и соприкасающимися с ними наук. Неофициально Кружок был создан в 1900 г., официально же Устав был утвержден в 1902 г. Заседания Кружка делились на открытые и закрытые. Открытые – свободная дискуссия вокруг темы заслушанного доклада с председательством Петражицкого. Закрытые – по частным вопросам в виде самостоятельных занятий. За 10 лет существования Кружка 18 человек стали профессорскими стипендиантами Петербургского университета [4, с. 119].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. происходили изменения в отношении власти к студенческим научным обществам, следовательно, менялась и нормативно-правовая база. На примерах Московского и Петербургского университетов удастся рассмотреть тенденции изменений в числе и в содержании СНО и влияние Первой русской революции на их деятельность.

Библиографический список

1. ГАРФ. Ф. 63. 1910 Д. 26. Т. 2. Л. 12–58
2. ГАРФ. Ф. 63. 1910 Д. 26. Т. 2. Л. 15 и об.
3. Голубева О. В., Хижная А. В., Бушуева А. А. Студенческие объединения: место и роль во внеучебной деятельности вуза // Интернет-журнал «Мир науки». 2017. Т. 5. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/52PDMN617.pdf> (дата обращения: 03.01.2021).
4. Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004. 407 с.
5. Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 894 с.
6. Кружок философии права профессора Л. И. Петражицкого при СПб. университете за десять лет существования. СПб.: Право, 1910. 45 с.
7. Мельгунов С. П. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М.: журн. «Правда», 1904. 71 с.
8. Петрова С. С. Социально-воспитательная деятельность студенческого самоуправления в вузах России в пореформенный период. Тюмень, 2010. 192 с.
9. РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 150. Л. 43 об.
10. РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 150. Л. 45.
11. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. М.: РОССПЭН, 2011. 886 с.

Ю. А. Ильин,

профессор, Ивановский государственный университет

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА ПЕРИОДА НЭПа: ПРИНЦИПЫ ОБЛОЖЕНИЯ И ВИДЫ НАЛОГОВ ЧАСТНОЙ ТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ВЕСНА 1921 г. – КОНЕЦ 1924 г.)

Раскрывается сущность и особенности налоговой практики периода НЭПа в сфере частно-торговой деятельности. Обращение к теме вызвано не только ее слабой изученностью на региональном уровне, но и важностью понимания исторического опыта взаимоотношений авторитарного режима и частного предпринимательства в нашей стране.

Ключевые слова: государство, законодательство, частный торговый капитал, промысловый налог, патент, разряд обложения, подоходно-поимущественный налог.

Y. A. Ilyin,

Professor, Ivanovo State University

TAX PRACTICE OF THE NEP PERIOD: PRINCIPLES OF TAXATION AND TYPES OF TAXES FOR PRIVATE COMMERCIAL ACTIVITIES (SPRING 1921 – END OF 1924)

The purpose of the article is to reveal the essence and features of tax practice during the NEP period in the sphere of private trading activities. Addressing this topic is caused not only by its lack of research at the regional level, but also by the importance of referring to the historical experience of the relationship between the authoritarian regime and private enterprise in our country for understanding the modern outcome of their coexistence.

Key words: state, legislation, private commercial capital, trade tax, patent, tax category, income and property tax.

Среди средств регулирования правящим режимом формирующегося частного капитала первостепенное значение имела налоговая политика. В решениях XI съезда РКП (б) подчеркивалось, что «...налоговая политика является главным орудием революционной политики пролетариата в переходную эпоху» [12, с. 25].

В период с весны 1921 г. по конец 1924 г. в налоговой практике советского государства по отношению к частным торговцам можно выделить следующие этапы:

– весна 1921 г. – осень 1923 г. Это время становления налогового законодательства в стране. Частный капитал на этом этапе еще не испытывал всей тяжести налогового бремени государства.

– конец 1923 г. – конец 1924 г. Правящий режим начинает последовательно проводить ужесточение налогообложения частного капитала через повышение ставок уже существовавших налогов и введение новых видов налогообложения. Рубежом этого этапа стала реформа подоходно-поимущественного налога 29 октября 1924 г., обескровившая частное предпринимательство. С этого момента налоговая политика государства превращается из средства финансового контроля над нэпманами в орудие внеэкономического удушения социальной прослойки мелкого и среднего бизнеса.

После перехода к НЭПу первым по времени введения налогов стал промысловый налог, утвержденный ВЦИК и СНК 26 июля 1921 г. Он распространялся на все торговые и промышленные предприятия и состоял из патентного и уравнительного сборов. Патентный сбор устанавливался в зависимости от величины производственных фондов частного предприятия и взимался на полугодие вперед. Торговые же предприятия делились на разряды, для каждого из которых определялся оклад полугодичного патента. Уравнительный сбор взимался по истечении каждого месяца в размере ежемесячных окладов, определяемых налоговой комиссией на полгода вперед. Этот сбор был относительно одинаковым для всех предприятий (кроме первого разряда) и составлял 3 % объема оборота [4].

В дополнение к постановлению о промысловом налоге ВЦИК и СНК принимают 24 августа 1921 г. временное расписание местностей на пояса по таксам патентного сбора с торговых и промышленных предприятий. Согласно ему г. Иваново-Вознесенск был отнесен ко второму (вышесреднему) поясу, а уездные и безуездные города губернии, как и поселки городского типа – к четвертому (нижнесреднему) поясу [5].

На основании данного постановления Иваново-Вознесенским губернским финансовым отделом была установлена разбивка на пояса внутри губернии: г. Иваново-Вознесенск был отнесен ко второму поясу, Иваново-Вознесенский уезд – к третьему, города Кинешма, Юрьевец, Шуя, Серeda, Плёс, Тейково, Лух, Пучеж и Родники – к четвертому, а сельские местности всех уездов вошли в состав пятого пояса [13]. Одновременно устанавливались ставки промыслового налога по разрядам и поясам. Эти ставки действовали в пределах губернии до 1 апреля 1922 г., когда они были изменены приказом № 16 от 10 апреля 1922 г. [15].

**Стоимость патента на торговые предприятия (разряды I–V)
сроком на полугодие [1, с. 85]**

№	С IX.21 г. (тыс. руб.)				С 04.22 г. (тыс. руб.)			
	Пояса				Пояса			
	2	3	4	5	2	3	4	5
I	90	60	48	30	8000	5000	3000	2000
II	270	180	120	90	20000	10000	9000	6000
III	900	600	450	300	15000	40000	30000	20000
IV					20000	100000	90000	60000
V					40000	300000	250000	200000

Примечание: по новому решению о промысловом налоге, принятому в феврале 1922 г., торговые предприятия стали классифицироваться по пяти разрядам.

Промысловый налог вводился в Иваново-Вознесенской губернии в октябре 1921 г. Согласно ему торговцы губернии должны были после получения разрешения на выборку патента предъявить его в расчетную кассу губернского финансового отдела, произвести платежи патентного сбора, после чего они получали соответствующий промысловый патент [14].

Приказом губернского финансового отдела от 10 апреля 1922 г. всем владельцам торговых предприятий предписывалось в установленные сроки подавать в налоговую комиссию заявление о сумме оборота за предшествующий квартал года по форме, выдаваемой одновременно с патентом. На основе этих данных исчислялись оклады уравнительного сбора, который в феврале 1922 г. по постановлению СНК был повышен до 7 % с оборота. Причем, плательщики получали право после установления окладов уравнительного сбора подавать в губфинотдел через финансового инспектора жалобы на неправильное исчисление окладов с их предприятий

Постановлениями ВЦИК и СНК от 18 января 1923 г. и 14 марта 1923 г. ставки патентного сбора с торговых предприятий были повышены на 45 % [10]. А постановлением от 12 сентября 1923 г. промысловый налог был установлен в твердом червонном исчислении [11].

За первое окладное полугодие 1923/24 гг. к уплате уравнительного сбора было привлечено 3892 торговых предприятий губернии, в том числе 3664 частных заведений.

Наряду с промысловым налогом был установлен особый патентный сбор за право торговли, как из закрытых заведений, так и в развоз и разнос следующими видами товаров:

– торговля предметами роскоши (постановление ВЦИК и СНК от 10 февраля 1922 г. и приказ № 16 губфинотдела от 10 апреля 1922 г.) [6];

– торговля табачными изделиями (декрет ВЦИК СНК от 4 мая 1922 г. [8]; в Иваново-Вознесенской губернии был введен с 1 июля 1922 г. [16]);

– торговля вином и пивом (постановление СНК от 29 марта 1922 г. [7]).

На эти виды торговли отдельно устанавливались ставки патентного и уравнительного сбора, причем оклады сбора нередко повышались за счет дополнительного обложения. Так, на основе постановления ВЦИК и СНК от 18 января 1923 г. Иваново-Вознесенский губфинотдел с января 1923 г. ввел дополнительное обложение предприятий, торгующих предметами роскоши в размере 50 % стоимости их основных патентов и 1 % с оборота сверх уравнительного сбора. Отдельно оклады патентного сбора устанавливались для складских помещений при торговом заведении. О размерах установленных окладов плательщики могли осведомиться в местных налоговых комиссиях.

Особо предусматривалось наказание за нарушение правил промыслового налога. За не выборку промыслового патента и неуплату промыслового сбора виновные подвергались денежному взысканию до пятикратного размера стоимости патента, а за несвоевременное представление сведений об оборотах – до половины оклада уравнительного сбора за соответствующий квартал года [17]. А с первого полугодия 1923/24 гг. за несвоевременные платежи сбора устанавливалось взыскание пени в размере 1,5 % с неуплаченной суммы за каждый день просрочки [21]. В целом, патентный сбор стал первым из налогов по размерам сумм, поступающих в бюджет.

Наиболее эффективным в плане учета всей совокупности доходов частных предпринимателей стал подоходно-поимущественный налог. Положение о данном налоге, который распространялся на владельцев, совладельцев, арендаторов, пайщиков и вкладчиков, проживавших в городах и получавших доходы от торговых, промышленных и кредитных предприятий, было принято СНК и ВЦИК 16 ноября 1922 г. [9]. Подоходный налог взимался по полугодиям с превышающих установленный минимум доходов (полугодие исчислялось с 1 октября по 31 марта и с 1 апреля по 30 сентября). Вторая статья обложения – налог с имущества, не составлявшего для плательщика предмета его промысла (кроме предметов обычной домашней обстановки и домашнего обихода) и превышающего в части его стоимости утвержденного минимума. Налог исчислялся налоговыми комиссиями по декларациям, которые представляли плательщики по истечении окладного полугодия.

В Иваново-Вознесенской губернии подоходно-поимущественный налог вводился на основании постановления губернского исполкома

от 16 января 1923 г. Первым окладным полугодием утверждался период с октября по март 1922/23 гг. Необлагаемый минимум с доходов был установлен по г. Иваново-Вознесенску в сумме 800 рублей, по уездным и безуездным городам губернии – 400 рублей в денежных знаках 1923 г. Отдельно облагалось имущество стоимостью свыше 3000 рублей в денежных знаках 1923 г. [18].

В 1922/23 гг. подоходно-поимущественный налог не выполнил возложенных на него надежд. Об этом говорят результаты проведения налога по Иваново-Вознесенской губернии: за октябрь–март 1922/23 гг. промысловый налог дал 58,5 % всех поступлений от прямых налогов, а подоходно-поимущественный – лишь 3,65 % [19]. В. Георгинский справедливо отмечал: «Действующее законодательство о подоходно-поимущественном налоге оказалось малопривлекательным к жизни. Оно было бы пригодно в том случае, если бы мы жили в условиях уже развитого денежного хозяйства, развитых кредитных отношений и имели бы кроме этого совершенный налоговый аппарат и твердость» [20].

Этим объясняется реформирование этого налога 12 ноября 1923 г. Оно свелось к увеличению размеров обложения. В Иваново-Вознесенской губернии новые ставки обложения вводились по постановлению губернского исполкома от 11 декабря 1923 г. Если в первом и втором полугодиях 1922/23 гг. налог составлял 0,8–15 % от суммы дохода, то в первом полугодии 1923/24 гг. – 2,5–20 %. Необлагаемый минимум с доходов: по г. Иваново-Вознесенск – 400 рублей золотом, по остальным городам и сельским местностям губернии – 300 рублей золотом. К основным полугодовым окладам начислялась 25 % надбавка в доход губернского исполкома [22].

Подоходно-поимущественный налог базировался на принципе возрастающей прогрессии обложения доходов и имущества. Согласно результатам проведения налогов в губернии за первое окладное полугодие 1923/24 гг. из 22 260 плательщиков, доходы которых превышали установленный минимум, 6 690 человек являлись владельцами торгово-промышленных предприятий, то есть 30 % облагаемых лиц [23].

За второе полугодие 1923/24 гг. к подоходному налогу было привлечено 13 241 плательщик (50,5 % из них – владельцы торгово-промышленных предприятий), отнесенные к группе «живущих на нетрудовые доходы», и с них было исчислено 83 111 рублей [24]. К уплате же уравнительного сбора было привлечено 3 892 торговых предприятия, из которых 3 664 принадлежало частным лицам, а общая сумма сбора составила 180 076 рублей [25]. Как видим, налог инициировал процесс вытеснения частного предпринимательства из сферы производства и торговли.

29 октября 1924 г. последовала новая реформа подоходно-поимущественного обложения, упразднившая поимущественный налог. Все плательщики налога делились на 4 группы, из которых группы «Б» и «Г» охватывали нетрудовые элементы. За неподачу декларации о доходах устанавливалась уголовная ответственность. Реформа значительно усиливала тяжесть обложения наиболее доходных частных предприятий: до 30 % их дохода вместо 20 % по прежнему положению [2, с. 449].

Основные отличия в законодательстве и практике подоходного обложения государственных и кооперативных предприятий и частных торговцев сводились к следующим моментам: а) государственное предприятие и кооперация облагались пропорционально сумме их чистого дохода (независимо от абсолютной величины) в размере 8 %. Частные лица – на основе возрастающей прогрессии, изымавшей их чистый доход в пределах 2–30 %; б) для частных предпринимателей установление необлагаемого минимума шло по совокупности доходов. Причем, при доходах, не достигающих минимума, с них все же взимался налог по ставкам основного обложения. В то время как государственные и кооперативные предприятия облагались только тогда, когда их доход превышал отмеченный минимум в 5 раз; в) государственные и кооперативные предприятия уплачивали налог только 1 раз в году, что создавало для них возможность более длительного использования получаемой прибыли. Частные предприниматели уплачивали налог по полугодиям. Кроме того, существовала специальная надбавка к налогу, которая составляла 25 % оклада и падала исключительно на частные предприятия [3, с. 30–31].

Такая мера уже стала открытым шагом государства по переходу к политике ликвидации деятельности нэпманов с их последующим уголовным преследованием.

Библиографический список

1. *Архипов В. А., Морозов Л. Ф.* Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле 1920-е гг. – начало 1930-х гг. М., 1978. С. 85.
2. *Жирумский М. М.* Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. М., 1927. С. 449.
3. *Жирумский М. М.* Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. С. 30–31.
4. Известия (Москва). 1921. 27 июля.
5. Известия (Москва). 1921. 8 сентября.
6. Известия (Москва). 1922. 19 февраля.
7. Известия (Москва). 1922. 2 апреля.

8. Известия (Москва). 1922. 11 мая.
9. Известия (Москва). 1922. 19 ноября.
10. Известия (Москва). 1923. 25 января, 15 марта.
11. Известия (Москва). 1923. 13 сентября.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. С. 25.
13. Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1921. 25 сентября.
14. Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1921. 7 октября.
15. Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1922. 15 апреля.
16. Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1922. 20 мая.
17. Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1922. 11 июня.
18. Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1923. 21 января.
19. Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1923. 24 июля.
20. Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1923. 18 ноября.
21. Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1923. 24 ноября.
22. Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1923. 14 декабря.
23. Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1924. 7 июня.
24. Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1924. 7 июня.
25. Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1924. 8 июня.

УДК 342.951:796"1985/2008

В. Н. Казьмин,

доцент, Кемеровский государственный университет

М. В. Казьмина,

доцент, Кемеровский государственный университет

Е. С. Юзупкина,

Губернаторский многопрофильный лицей-интернат

ПОДГОТОВКА КАДРОВ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В 1985–2008 гг. (На примере Кемеровской области)

Предметом данной статьи являются выявление этапов в сфере подготовки и повышения квалификации кадров для физкультуры и спорта Кузбасса (ФКиС) в 1985–2000 гг. Цель работы – выделение характерных черт и особенностей кадрового состава отрасли в советский и постсоветский периоды.

Ключевые слова: физкультура, спорт, тренер, кадры, подготовка, результаты.

V. N. Kazmin,

Associate Professor, Kemerovo State University

M. V. Kazmina,

Associate Professor, Kemerovo State University

E. S. Yuzupkina,

The Governor's multidisciplinary Lyceum-internat

TRAINING OF PERSONNEL IN THE FIELD OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN 1985–2008 (On the example of the Kemerovo region)

The subject of this article is the identification of stages in the field of training and advanced training of personnel for physical culture and sports of Kuzbass in 1985–2000. The purpose of the work is to identify the characteristic features and features of the personnel structure of the industry in the Soviet and post-Soviet periods.

Key words: physical education, sports, coach, personnel, training, results.

В истории нашей страны и Кузбасса 1985–2008 гг. занимают особое место. В это время заканчивается функционирование социалистической системы и происходит болезненный для широких слоев населения переход к рыночной модели. Столь существенные изменения сказались на всех сторонах жизни общества, в том числе и на системе физкультуры и спорта. Одним из главных элементов этой системы, наряду с финансированием, материально-технической базой, правовым обеспечением и др., являлась подготовка кадров. Именно от их квалификации, количественного и качественного состава в значительной степени зависело функционирование и развитие отрасли.

Проблема подготовки кадров является одной из важнейших составляющих эффективности работы физической культуры и спорта. Для качественной подготовки кадров ФКиС существуют разнообразные учебные заведения высшего (университеты и институты) и среднего специального образования (техникумы и училища, в том числе олимпийского резерва).

В 1980-е гг. XX века в Кузбассе ощущалась существенная нехватка специалистов в области физкультуры и спорта. Об этом свидетельствуют следующие факты. Только в 1986 г. в области не хватало 220 учителей по физкультуре, особенно в сельской местности. Проблемы существовали и с подготовкой специалистов с высшим образованием. Например, в Крапивинском районе их насчитывалось 18 из 41 штатного работника. Подобная картина была характерна и для других территорий.

На предприятиях области физкультурно-массовую работу осуществляли инструкторы – методисты. Среди них специалисты с высшим образованием составляли только 19 %. Ситуация с этой категорией усугублялась низкой заработной платой, отсутствием жилья, что приводило к большой текучести кадров [1, л. 4; 2, л. 1].

Ко всему этому следует добавить использование ставок инструкторов-методистов вообще не по профилю работы. Так эти вакансии занимали культработники, специалисты отделов кадров и фондов оплаты труда и т. д. В частности, ставка инструктора в колхозе «Искра» Ленинск-Кузнецкого района была занята секретарем комсомольской организации. Это не способствовало качеству физкультурно-спортивной работы. Подобное явление было характерно и для других территорий области [2, л. 2].

Существенной проблемой в кадровой политике в сфере ФКиС являлась большая сменяемость руководящих кадров – председателей спорткомитетов. В городах области председатели комитетов работали в этой должности не более двух лет, а в некоторых сельских районах в течение нескольких лет их не было вообще (Прокопьевский и Мариинский районы).

Высокая текучесть среди председателей спорткомитетов объяснялась зачастую тем, что активисты, приходившие на эту должность с шахт и предприятий, теряли полагавшиеся на прежнем месте работы льготы, что приводило к снижению их материального благосостояния [3, л. 15].

В кадровом составе работников физкультуры и спорта исключительно важная роль в подготовке спортсменов высокого уровня принадлежала тренерскому составу. В Кузбассе в 33 ДЮСШ профсоюзов и системы образования работало 379 тренеров. Однако только 125 человек (33 %) из них были штатными работниками. Остальные были либо совместителями, либо почасовиками (подсчеты в % авторов) [2, л. 5].

Проблема нехватки тренеров решалась за счет активного привлечения общественных тренеров-инструкторов. Для примера приведем ситуацию, которая складывалась в таком виде спорта, как плавание. В 1985 г. число штатных тренеров здесь не превышало 10 %, а число общественных тренеров-инструкторов более 80 % (Подсчеты в % авторов) [4, л. 78]. Таким образом, нехватка специалистов по плаванию покрывалась за счет тренеров-общественников.

Подобная тенденция проявлялась и в других видах спорта. Об этом свидетельствуют статистические данные областного спорткомитета, где указано, что только в 1987 г. численность общественных инструкторов и тренеров составляла около 25 тыс. человек. Данный факт

нельзя рассматривать однозначно. С одной стороны, среди выделенной категории, наблюдался низкий образовательный уровень (с высшим образованием – 1,2 %; средним специальным – 2,5 %). (Подсчеты в % авторов) [5, л. 32]. С другой стороны, следует отметить их огромную роль в привлечении широкого круга граждан к занятиям физкультурой и спортом, энтузиазм и преданность делу.

Конечно, ответственность за развитие физкультуры и спорта в Кузбассе главным образом лежала на штатных профессиональных работниках. Таковых на 1 января 1987 г. насчитывалось 3514 человек. Остановимся более подробно на их качественной характеристике.

Профильное образование из них имели 2 222 человека (или 63 %). Высшее физкультурное образование было у 1 556 чел. (т. е. у 47 %). Из 50 председателей городских и районных спорткомитетов 34 % имели высшее образование.

Из 23 работников аппарата комитетов таковых было 35 %. Все преподаватели физической культуры в вузах имели высшее образование [2, л. 2]. В ССУЗах таковых было 80 %, в ПТУ – 70 %, среди тренеров – 57 %, инструкторов-методистов – 19 %, работников ДЮСШ (без тренеров) – 42 %. (Подсчеты в % авторов) [2, л. 3].

Данные свидетельствуют о достаточно высоком уровне квалификации преподавательского корпуса, особенно вузов. Остальные категории нуждались в существенном повышении своего профессионального уровня.

Повышение качества работы специалистов по физической культуре и спорту тесно связано с повышением их квалификации на курсах, существовавших в высших учебных заведениях, стажировках в командах. Контроль за исполнением этой функции также был возложен на областной спортивный комитет, который работал на основе целевой программы «Физкультурные кадры РСФСР» и областного плана повышения квалификации [3, л. 7; 1, л. 3].

В Кузбассе сложилась целостная система повышения квалификации специалистов по физкультуре и спорту. Преподаватели всех типов учебных заведений, а их насчитывалось в середине 1980-х гг. более 1,5 тыс. человек, проходили плановую переподготовку на базе своих министерств и ведомств один раз в пять лет [3, л. 7; 1, л. 3].

Штатные физкультурные работники проходили переподготовку на курсах при институтах физкультуры (Омск) или в Новокузнецком педагогическом институте.

На курсах организованных различными видами отраслевых профсоюзов проходили обучение председатели советов коллективов и спортивных обществ, инструкторы-методисты и другие категории работников.

В таких условиях началось реформирование спортивных обществ. На основе постановления ВЦСПС от 20 февраля 1987 г. «О мерах по совершенствованию руководства физкультурным движением профсоюзов» создается единое Всесоюзное добровольное физкультурно-спортивное общество (ВДФСО) профсоюзов. Реализация постановления привела к уменьшению финансирования ФКиС со стороны профсоюзов и сокращению численности работников советов ДСО. Эта тенденция проявила себя и в 1990-е гг.

Попытку преодолеть кризисную ситуацию с кадрами государственные структуры сделали в июле 1990 г., приняв постановление «О совершенствовании организации заработной платы, введении новых условий оплаты труда, ставок и окладов работников физической культуры и спорта, окладов тренеров и стипендий спортсменов-инструкторов сборных команд СССР, ведомств и физкультурно-спортивных организаций». 15 августа 1990 г. с аналогичным названием вышло постановление Госкомспорта СССР [6].

Суть решений сводилась к следующему. Во-первых, исходя из состояния фонда оплаты труда, руководители предприятия имели право повышать зарплату и оклады работникам физической культуры независимо от ведомственной принадлежности.

Во-вторых, увеличивались должностные оклады лицам, имевшим почетные звания. В-третьих, появилась возможность премировать работников физкультуры в тех же размерах, что и производственного персонала.

Однако, усилившийся кризис в условиях перехода к рыночной модели развития, способствовал тому, что предприятия стремились передать в муниципальную и областную собственность объекты физической культуры и спорта [7, л. 3; 8, л. 2 об.]. Это привело к тому, что материальное положение работников физкультуры и спорта не улучшилось, а, наоборот, ухудшилось. Началось массовое сокращение кадров и финансирования в этой сфере. Об этом свидетельствуют данные, например, по Кузбассу, где только за период 1991–1999 гг. расходы на физкультуру и спорт по Федерации профсоюзных организаций в долевым отношении сократились более чем 7 раз [9, л. 120–121].

В сложных рыночных условиях 1990–2000 гг. произошли изменения в функционировании системы подготовки и повышения квалификации кадров. Новым моментом в деятельности высших и средних специальных учреждений стало финансирование из разных источников, сложность в получении лицензии для ведения работы в сфере дополнительного образования, прохождение аттестации, недостаток специалистов профессионалов по отдельным видам спорта [10, л. 10 об.].

В начале 2000 г. особую актуальность вызвала проблем подготовки и повышения квалификации кадров для спортивного туризма. Кузбасс имел хорошие возможности для развития отрасли. Администрация региона стала уделять этому направлению большое внимание. Началась интенсивная подготовка таких профессий как проводник-гид и инструктор спортивного туризма [10, л. 12].

Творческое отношение, энтузиазм, подвижничество и преданность своему делу характеризует многих тренеров Кузбасса. Именно благодаря им в трудные кризисные годы спорт в Кузбассе не только выжил, но и развивался по некоторым видам спорта (гимнастика, хоккей, шахматы и т. д.).

Поднятию авторитета и престижа работы в сфере физкультуры и спорта способствовало учреждение администрацией региона почетного знака «Спортивная доблесть Кузбасса». Он вручался спортсменам и тренерам, физкультурным работникам за заслуги, большие достижения в соревнованиях международного статуса, многолетнюю работу по развитию массовой физкультуры и спорта.

Статистические данные свидетельствует, что с середины 1990-х гг. начинается постепенный выход из того кризисного состояния в котором оказалась сфера физкультуры и спорта в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В Кузбассе начался рост численности штатных сотрудников. За 10 лет с 1995 г по 2005 г. их число увеличилось на 30 %, а доля лиц с высшим образованием возросла в 1,5 раза [2, л. 2; 11, л. 1, 5, 7; 7, л. 1; 12, л. 1; 13, л. 1; 14, л. 1].

Таким образом, следует констатировать, что в Кузбассе в рассматриваемый период существовала разветвленная система подготовки кадров. Она включала в себя не только подготовку кадров в учреждениях высшего и среднего образования, но выстроенную систему повышения квалификации.

Однако система подготовки на протяжении всего периода подвергалась постоянной реорганизации. Это было связано с изменениями политической и экономической ситуации в стране, что сказывалось на сфере физкультуры и спорта в целом, и на таком важном ее направлении работы, как кадровое обеспечение. В новых рыночных условиях требовалось изменить прежние подходы и выработать новые принципы организации подготовки кадров для физкультуры и спорта.

В целом система подготовки кадров для физкультуры и спорта сумела не только выжить, но в 2000-е гг. нарастить свой потенциал и возможности. Это проявилось как в увеличении общей численности кадров работников ФКиС, так и с высшим образованием

Библиографический список

1. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 777.
2. ГАКО. Ф Р-411. Оп. 1. Д. 778.
3. ГАКО. Ф Р-411. Оп. 1. Д. 779.
4. ГАКО. Ф Р-411. Оп. 1. Д. 764.
5. ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 441.
6. Постановление Госкомспорта СССР от 15.08.1990 № 9/4а-22. «О совершенствовании организации заработной платы, введении новых условий оплаты труда, ставок и окладов работников физической культуры и спорта, окладов тренеров и стипендий спортсменов-инструкторов сборных команд СССР, ведомств и физкультурно-спортивных организаций новых условий оплаты труда, ставок и окладов работников физической культуры и спорта, окладов тренеров и стипендий спортсменов-инструкторов сборных команд СССР, ведомств и физкультурно-спортивных организаций» [Электронный ресурс]. URL: <http://lawgu.info/dok/1990/08/15/n1177530.htm>. (дата обращения: 01.12.2020).
7. ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 944.
8. ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 763.
9. ГАКО. Ф. Р-794. Оп. 1. Д. 1658.
10. ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1 доп. Д. 42.
11. ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 967.
12. ГАКО Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 917. Л. 1; Д. 913.
13. ГАКО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 410.
14. ГАКО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 307.

УДК 94(470.315)"18":336.77

Т. А. Ковров,

аспирант, Ивановский государственный университет

УЧЁТНО-ССУДНЫЕ ОПЕРАЦИИ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА В 1907–1911 гг.

Статья посвящена исследованию учётно-ссудных операций Иваново-Вознесенского отделения Государственного банка. Автор анализирует журналы заседаний учётно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении Госбанка за 1907–1911 гг. и выявляет особенности учётно-ссудных операций данного отделения Госбанка за этот период.

Ключевые слова: Госбанк, Иваново-Вознесенское отделение, учётно-ссудный комитет, журнал заседаний комитета, учёт векселей, ссуда.

T. A. Kovrov,

Postgraduate student, Ivanovo State University

THE ACCOUNTING AND LOAN OPERATIONS OF THE IVANOVO-VOSNESENSKY BRANCH OF THE STATE BANK IN 1907–1911

The article is devoted to the study of the accounting and loan operations of the Ivanovo-Voznesensk branch of the State Bank. The author analyzes the journals of the meetings of the accounting and loan committee at the Ivanovo-Voznesensk branch of the State Bank for 1907–1911 and reveals the peculiarities of the accounting and loan operations of this branch of the State Bank for this period.

Key words: the State Bank, the Ivanovo-Voznesensk branch, the accounting and loan committee, the journal of the committee's meetings, the accounting of bills, the loan.

Государственный банк Российской империи был учреждён указом императора Александра II 31 мая (по старому стилю) (12 июня по новому стилю) 1860 г. [2, с. 4]. На основании указа об открытии отделений Госбанка от 20 декабря 1863 г. начала создаваться система отделений Госбанка [2, с. 308]. При каждом отделении создавался и функционировал учётно-ссудный комитет [2, с. 307]. К его обязанностям относились рассмотрение представленных к учёту векселей, выдача ссуд под различные товары, а также обсуждение кредита залогодателей [2, с. 307–308].

Исследуя деятельность Госбанка, необходимо обратить внимание на особенности учётно-ссудных операций Госбанка. Все вопросы, относившиеся к данным операциям банка, рассматривались на заседаниях учётно-ссудного комитета. Постановления комитета фиксировались в журналах заседаний за подписями председателя (управляющего отделением. – *Т. К.*), контролёра и членов комитета.

Проанализируем особенности учётно-ссудных операций Госбанка на примере Иваново-Вознесенского отделения Госбанка.

22 марта (по старому стилю) (3 апреля по новому стилю) 1886 г. было открыто отделение Государственного банка в г. Иваново-Вознесенске [3, с. 9]. В том же году при отделении был создан учётно-ссудный комитет по торгово-промышленным кредитам [3, с. 16]. В комитет входили управляющий отделением, представители купечества первой и второй гильдии, фабриканты, а также представители других сословий [3, с. 16]. К компетенции комитета относились, во-первых, принятие решений о выдаче кредита разным лицам, во-вторых, оценка кредитоспособности клиентов, желавших получить кредит из Госбанка [3, с. 16].

В Государственном архиве Ивановской области (ГАИО) имеется фонд 15 «Иваново-Вознесенское городское отделение Государственного банка Шуйского уезда Владимирской губернии». Среди перечня дел этого фонда есть дело 274, представляющее собой список журналов заседаний комитета. Хронологические рамки журналов заседаний: 9 января 1907 г. – 10 июня 1911 г. В журналах заседаний комитета нашли отражение постановления комитета по вопросам учёта векселей, выдачи ссуд и кредитов. Подробный анализ журналов заседаний позволяет выявить ряд особенностей учётно-ссудных операций Иваново-Вознесенского отделения за период 1907–1911 гг.

1. Структура журналов заседаний комитета.

На основании архивных данных можно определить структуру журналов заседаний. Журналы представляли собой таблицу с несколькими графами. В графе 1 отмечался номер протокола, в графе 2 – время заседания (число, месяц, год), графа 3 называлась «Предметы обсуждения», графа 4 – «Постановления». Отдельно, в графе 5, прописывались (при их наличии) резолюции совета Госбанка, с указанием даты каждой резолюции.

2. Сколько проводилось заседаний комитета.

Анализ журналов заседаний позволяет сделать предположение, что заседания были не очень частыми. Так, в январе 1907 г. состоялось только 3 заседания комитета [1, ф. 15, оп. 1, д. 274, л. 1–2]. В то же время в апреле того же года прошли всего 2 заседания [1, ф. 15, оп. 1, д. 274, л. 5 об.–6]. Для сравнения: в январе 1911 г. комитет провёл 5 заседаний [1, ф. 15, оп. 1, д. 274, л. 89–91 об.], а в апреле того же года – 4 заседания [1, ф. 15, оп. 1, д. 274, л. 95–96 об.].

Укажем количество заседаний комитета за каждый год: в 1907 г. состоялось 36 заседаний [1, ф. 15, оп. 1, д. 274, л. 1–18 об.], в 1908 г. было проведено 44 заседания [1, ф. 15, оп. 1, д. 274, л. 19–40 об.], в 1909 г. – 57 [1, ф. 15, оп. 1, д. 274, л. 41–71], в 1910 г. – 37 [1, ф. 15, оп. 1, д. 274, л. 71 об.–88 об.], в первом полугодии 1911 г. комитет провёл 20 заседаний [1, ф. 15, оп. 1, д. 274, л. 89–99 об.].

3. Какие вопросы рассматривались на заседаниях комитета.

На заседаниях комитета рассматривались следующие вопросы:

1) Рассмотрение векселей, принятых отделением без предварительного одобрения комитета.

2) Предварительное одобрение комитетом векселей.

3) Рассмотрение заявлений и ходатайств физического лица, торгового дома, кредитного или ссудо-сберегательного товарищества об открытии или увеличении ему кредита или снятии протеста по векселю.

4) Заявления и ходатайства об открытии кредитного или ссудосберегательного товарищества с выдачей ссуды в основной капитал и краткосрочного кредита.

5) Общий пересмотр вексельных кредитов, открытых в отделении (данный вопрос рассматривался достаточно редко, не чаще 1 раза в год).

Например:

«На заседании комитета, состоявшемся 27 октября 1907 г., были рассмотрены следующие вопросы:

1. Оценка по качественному анализу 36 векселей на сумму 23505 руб., принятых отделением в учёт без предварительного одобрения комитета, при отклонении от зачисления в портфель отделения 4 векселей на 2000 руб.

2. Предварительное одобрение комитетом 12 векселей на сумму 11008 руб. 68 коп., предъявленных в учёт, при отклонении 1 векселя в 900 руб.

3. Заявления об открытии вексельных кредитов:

а) Александру Ивановичу Муражову, мещанину.

б) Фёдору Ивановичу Медведеву, крестьянину села Середы Нерехтского уезда.

в) Александру Сергеевичу Румянцеву, кинешемскому купцу, торгующему в Новой Вичуге.

По итогам заседания комитета был принят ряд постановлений по всем вышеобозначенным вопросам:

1. Приём в учёт 36 векселей на 23505 руб. утвердить.

2. Принять в учёт 12 векселей на 11008 руб. 68 коп.

3. Кредит А. И. Муражову открыть в 1000 руб.

4. Кредит Ф. И. Медведеву открыть в размере 3000 руб. (резолюция совета Госбанка от 29 февраля 1908 г. № 25688/44).

5. Кредит А. С. Румянцеву открыть в размере 2000 руб.

Подписали: председатель В. И. Умняков, контролёр А. Лис., члены комитета А. М. Гандурин, Н. М. Самохвалов, И. С. Латышев. Протокол № 505» [1, ф. 15, оп. 1, д. 274, л. 15].

Другой пример:

«На состоявшемся 24 января 1908 г. заседании комитет обсуждал следующие вопросы:

1. Рассмотрение векселей, принятых отделением без предварительного одобрения их комитетом:

а) в учёт 25 векселей на сумму 15672 руб. 78 коп. при отклонении 6 векселей на 4164 руб. 25 коп.

б) в обеспечение специальных текущих счетов 8 векселей на сумму 9200 руб., – вообще же 33 векселя на 24872 руб. 78 коп.

2. Предварительное одобрение комитетом 7 векселей на 6690 руб., принятых отделением в учёт при отклонении 1 векселя в 300 руб.

3. Заявление торгового дома “Яков Турлапов и Ко” о снятии с него протеста по векселю в 900 руб. на срок 1 января 1908 г., назначенному платежом в г. Петропавловск Акмолинской обл.

В результате комитет постановил:

1. Приём в учёт и обеспечение специальных текущих счетов 33 векселей на 24872 руб. 78 коп. утвердить.

2. Принять в учёт 7 векселей на 6690 руб.

3. Протест с торгового дома “Я. Турлапов и Ко” по векселю в 900 руб. снять.

Подписали: В. И. Умняков, контролёр А. Лис., члены комитета Н. М. Самохвалов, А. И. Новиков, А. А. Лаврентьев. Протокол № 516 [1, ф. 15, оп. 1, д. 274, л. 20 об.].

4. Представителям каких сословий выдавался кредит.

Детальное изучение журналов заседаний комитета позволяет сделать вывод, что с ходатайствами об открытии или увеличении кредита в отделение обращались мещане, купцы и крестьяне из городов, сёл и деревень района отделения. Например: «На состоявшемся 18 марта 1908 г. заседании комитета в числе прочих обсуждалось заявление шуйского мещанина Петра Михайловича Крутовского, ходатайствующего об открытии ему вексельного кредита. В итоге комитет постановил открыть кредит П. М. Крутовскому в размере 3000 руб. Подписали: председатель В. И. Умняков, контролёр А. Лис., члены комитета А. М. Гандурин, Н. М. Самохвалов, А. А. Лаврентьев. Протокол № 521» [1, ф. 15, оп. 1, д. 274, л. 23].

Или: «на заседании комитета, состоявшемся 8 августа 1908 г., помимо других рассматривалось заявление кинешемского купца Алексея Викторовича Демидова, ходатайствующего об открытии вексельного кредита. По итогам заседания комитет постановил открыть кредит А. В. Демидову в размере 5000 руб. Резолюция совета Госбанка от 18 сентября 1908 г. Подписали: председатель В. И. Умняков, контролёр А. Лис., члены комитета А. М. Гандурин, Н. М. Самохвалов, А. А. Лаврентьев. Протокол № 540» [1, ф. 15, оп. 1, д. 274, л. 32 об.].

Также: «На заседании, состоявшемся 10 июня 1911 г., комитет рассмотрел среди прочих заявление крестьянина Фёдора Ксенофонтовича Иванова об открытии ему кредита и в итоге постановил открыть кредит Ф. К. Иванову в размере 2000 руб. Резолюция совета Госбанка от 2 сентября 1911 г. № 149728/8188. Подписали: исполняющий обязанности управляющего А. Лис., контролёр Г. Пил., члены комитета Д. Г. Бу-

рылин, Л. М. Гандурин, П. Н. Дербенёв, В. И. Куражёв. Протокол № 78» [1, ф. 15, оп. 1, д. 274, л. 99].

5. Открытие кредитных и ссудо-сберегательных товариществ.

1 июня 1895 г. было высочайше утверждено “Положение об учреждениях мелкого кредита”. Им предусматривались три вида кредитных учреждений: 1) кредитные товарищества; 2) ссудо-сберегательные товарищества; 3) сельские, волостные или станичные банки и кассы [2, с. 422]. Что касается кредитных товариществ, то основной капитал их образовывался за счёт ссуд Госбанка. Таким путём предполагалось привлечь в кредитные кооперативы “мало-достаточных лиц”, на обслуживание которых ориентировалось “Положение” 1895 г. [2, с. 423].

В рассматриваемые хронологические рамки (1907–1911 гг.) вопрос об открытии кредитных и ссудо-сберегательных товариществ был актуальным и достаточно часто рассматривался на повестке дня на заседаниях учётно-ссудных комитетов. Не был редким он и на заседаниях комитета при Иваново-Вознесенском отделении. Такой вывод можно сделать на основе подробного анализа архивных данных. Так, «на заседании комитета, состоявшемся 9 января 1907 г., обсуждалось заявление об открытии кредитных товариществ в селе Яксаево Румянцевской волости Суздальского уезда и в деревне Марково Петрово-Городищенской волости Суздальского же уезда, а также заявление крестьян села Анькова Аньковской волости Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии, ходатайствующих об открытии ссудо-сберегательного товарищества. В результате комитет постановил: открыть кредитные товарищества с назначением в каждое 1000 руб. для образования основного капитала и 1000 руб. краткосрочного кредита и открыть ссудо-сберегательное товарищество с назначением 2000 руб. основного капитала и 2000 руб. краткосрочного кредита. Резолюции совета Госбанка: Яксаевскому кредитному товариществу разрешена ссуда в основной капитал 1000 руб. и открытие краткосрочного кредита в 1000 руб.; предложением от 24 марта 1907 г. № 9327 в основной капитал разрешена ссуда 1000 руб. и в краткосрочный кредит 3000 руб. Подписали: председатель В. И. Умняков, контролёр А. Лис., члены комитета А. М. Гандурин, Н. М. Самохвалов, М. Н. Гарелин, А. А. Лаврентьев. Протокол № 477» [1, ф. 15, оп. 1, д. 274, л. 1].

Или: «на состоявшемся 12 февраля 1908 г. заседании комитет рассматривал в числе прочих заявление крестьян деревни Большого Денисова Иваньевской волости Ростовского уезда Ярославской губернии, ходатайствующих об открытии кредитного товарищества со ссудой из Госбанка. Комитет постановил: открыть кредитное товарищество под наименованием Больше-Денисовское и назначить в основной капитал

1000 руб. и в краткосрочный кредит 1000 руб. Резолюция совета Госбанка: распоряжением от 5 апреля 1908 г. № 4315 открытие последовало со ссудой в основной капитал 1000 руб. и краткосрочный кредит 1000 руб. Подписали: председатель В. И. Умняков, контролёр А. Лис., члены комитета: А. А. Гандурин, Н. М. Самохвалов, А. А. Лаврентьев. Протокол № 518» [1, ф. 15, оп. 1, д. 274, л. 21 об.].

6. Открытие, увеличение кредита и снятие протеста по векселю предпринимателям, впоследствии утверждённым в должности члена комитета.

Не редкостью было рассмотрение на заседаниях комитета вопроса об открытии либо увеличении кредита предпринимателям, которых спустя какое-то время утверждали в должности члена комитета при Иваново-Вознесенском отделении. Приведём несколько примеров. Так, «на состоявшемся 18 июля 1908 г. заседании комитета обсуждалось заявление шуйского мещанина Александра Ивановича Бычкова, ходатайствующего об открытии кредита по учёту торговых векселей. В итоге постановлением комитета А. И. Бычкову был открыт кредит в 5000 руб. Подписали: председатель В. И. Умняков, контролёр А. Лис., члены комитета А. М. Гандурин, А. Н. Витов, А. А. Лаврентьев. Протокол № 537» [1, ф. 15, оп. 1, д. 274, л. 31 об.].

В личном деле А. И. Бычкова (ГАИО, ф. 15, оп. 1, д. 190. – *Т. К.*) есть формулярный список о службе Бычкова, в котором имеется запись: «Министром финансов утверждён в должности члена учётно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении по торгово-промышленным кредитам 28 апреля 1909 г.» [1, ф. 15, оп. 1, д. 190, л. 15]. После смерти Бычкова 4 февраля 1910 г. «на специальном заседании комитета, состоявшемся 5 февраля 1910 г., было рассмотрено заявление управляющего отделением о закрытии торгового кредита Бычкову. По итогам заседания постановлением комитета кредит Бычкова был закрыт. Подписали: управляющий М. В. Иванов, контролёр А. Лис., члены комитета А. М. Гандурин, Н. М. Самохвалов, В. И. Куражёв. Протокол № 15» [1, ф. 15, оп. 1, д. 274, л. 73 об.]. Вместе с тем «донесением управляющего отделением от 9 февраля 1910 г. в адрес управляющему Госбанком Бычков был исключён из списка членов комитета» [1, ф. 15, оп. 1, д. 190, л. 18].

Другой пример: «на заседании, состоявшемся 18 января 1907 г., комитет рассматривал заявление кинешемского купца 1 гильдии Ивана Григорьевича Тихомирова, ходатайствующего о снятии с товарищества Никольско-Богоявленской мануфактуры “Д. Морокин и Тихомиров и Ко” протеста по векселю в 10000 руб. на срок 25 сентября 1906 г. В результате постановлением комитета протест по векселю в 10000 руб. на

срок 25 сентября 1906 г., совершённый против товарищества мануфактуры “Морокин и Тихомиров и Ко”, был снят. Подписали: председатель В. И. Умняков, контролёр А. Лис., члены комитета А. М. Гандурин, А. А. Лаврентьев, А. И. Новиков, Н. М. Самохвалов. Протокол № 478» [1, ф. 15, оп. 1, д. 274, л. 1 об.].

В личном деле И. Г. Тихомирова (ГАИО, ф. 15, оп. 1, д. 191. – Т. К.) имеется формулярный список о службе Тихомирова, в котором значатся записи: «Министром финансов утверждён в должности члена учётно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении по торгово-промышленным кредитам с 28 апреля 1909 г.; утверждён в должности члена комитета на новый двухлетний срок с 28 апреля 1911 г.» [1, ф. 15, оп. 1, д. 191, л. 14 об.].

Таким образом, в датированных 1907–1911 гг. журналах заседаний учётно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении Государственного банка отразились особенности учётно-ссудных операций отделения банка в обозначенный период. Журналы заседаний имели строго определённую структуру. Заседания комитета проводились не очень часто. На заседаниях обсуждались вопросы по учёту векселей, рассматривались заявления лиц трёх основных сословий (мещанского, купеческого и крестьянского) из городов, сёл и деревень района отделения об открытии им кредита или увеличении ранее выданного кредита.

Важным аспектом учётно-ссудных операций Иваново-Вознесенского отделения в этот период было открытие кредитных и ссудо-сберегательных товариществ с назначением им ссуд в основной капитал и выдачей краткосрочных кредитов. Такая политика отделения объяснялась развитием учреждений мелкого кредита и кредитной кооперации в 1900-х – 1910-х годах.

И, наконец, особенностью учётно-ссудных операций Иваново-Вознесенского отделения Госбанка было открытие кредита иваново-вознесенским, шуйским и кинешемским предпринимателям, которых впоследствии утверждали в должности члена комитета при Иваново-Вознесенском отделении.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 15. Оп. 1. Д. 190, 191, 274.
2. История Банка России: 1860–2010: в 2 т. Т. 1: Государственный банк Российской империи. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 623 с.
3. *Околотин В. С.* История Государственного банка на Ивановской земле. 1886–2006. Годы. События. Люди. Иваново, 2006. 480 с.

УДК 94 (47) «1917»

В. А. Колесников,

аспирант кафедры истории, Костромской государственной университет

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

После февраля 1917 года в России актуальным оставался продовольственный вопрос. Созданный в Ярославле Губернский продовольственный комитет оказался заложником разрушавшейся системы продовольственного снабжения и голодающего населения региона.

Ключевые слова: продовольственный вопрос, Первая мировая война, Ярославская губерния, снабжение, продовольственные комитеты, революция.

V. A. Kolesnikov,

Postgraduate student of the History Faculty, Kostroma State University

FOOD AUTHORITIES OF THE YAROSLAVL PROVINCE DURING THE REVOLUTION OF 1917

After February 1917, the food issue was still relevant in Russia. The Provincial food Committee established in Yaroslavl was held hostage the collapsing food supply system and the crowd of hungry people.

Key words: food issue, World War I, Yaroslavl province, supply, food committees, revolution.

К 1917 году в Российской империи была ограничена свободная торговля хлебом. Ресурсы уходили на фронт Первой мировой. Снабжение местного населения было возложено на уполномоченных особого совещания по продовольствию. Ярославская губерния получала хлеб по нарядам из других губерний, в ряде городов с лета 1916 г. действовала карточная система. В феврале 1917 г. в Ярославле норма выдачи составляла 12 фунтов муки.

После Февральской революции 1917 года царские продовольственные органы сменяются структурами Временного правительства. 6–7 марта в здании Ярославской губернской земской управы прошло организационное собрание Губернского продовольственного комитета. Председательствовал уполномоченный министерства земледелия по закупкам для армии кн. Д. Д. Урусов. Он огласил телеграмму от исполнительного комитета Государственной думы, датированную 2 марта:

«Временный комитет Гос. Думы с согласия Совета рабочих депутатов постановил устроить продовольственные комиссии для общего руководства продовольственным делом в государстве» [19]. Центральному продовольственному комитету подчинялись губернские продовольственные комитеты, на местах формировались уездные и волостные комитеты. 8 марта 1917 года новый продком просил временного управляющего губернией К. К. Черносвитова, в качестве временной меры, запретить вывоз муки, зерна без разрешения Ярославского губернского продовольственного комитета [20]. 23 марта в Ярославском Губпродкоме состоялись выборы председателя нового продовольственного органа, председателем избрали А. П. Крючкова [26]. 25 марта Временное правительством ввело хлебную монополию, тем самым все продовольственные операции должны были происходить через новые продовольственные комитеты.

25–26 апреля прошло переизбрание президиума в связи с новым составом комитета по закону от 30 марта, председателем вновь был избран А. П. Крючков [22]. 12 июня Губпродуправа обсуждала вопрос проверки фактических запасов продовольствия в городах – такой процесс уже шёл в уездах и вызывал некоторое недовольство сельского населения по отношению к городам, где такой процесс ещё не был запущен [27]. Недовольство было и под окнами Губпродуправы: «нестройные толпы посетителей с шумом и бранью нарушают правильный ход работы» [10], поэтому управа попросила наряд милиции. Органы правопорядка выслали к управе 2-х человек [11]. Однако милиция не всегда помогала. В июне в Пошехонье во время бесчинства толпы у местной продуправы милиция бездействовала. Такие инциденты были не редкость во многих местах Ярославской губернии [12]. В начале июля произошли беспорядки на почве распространения сахара, норму уменьшили с 600 г. до 400 г. на человека. В Данилово началась агитация против председателя местной продуправы А. И. Позднякова. Толпа произвела обыски в городе, а милиция либо бездействовала, либо принимала участие в деятельности толпы. «Есть данные утверждать, что в агитации в г. Данилово приняли участие темные силы с контрреволюционной окраской» [3]. Беспорядки в итоге ликвидировал местный совет рабочих и солдатских депутатов. В конце июня Губпродком сообщал в министерство продовольствия: «С самого начала деятельности Губернского продовольственного комитета все тёмные силы сначала в неорганизованном виде направили свою деятельность против продовольственной управы... а с мая месяца так и вообще началась планомерная агитация населения против хлебной монополии». Управа сообщала, что никто из её служащих не дорожит своим местом, вот только желающих не нахо-

дится занять эти места. Толпа шумела под окнами и агитировала против Комитета [1].

1 июля в Ярославле началась перепись запасов. Эта мера была необходима для учёта наличного хлеба у населения. Губпродуправа просила губернского комиссара выделить на 4 дня специальные отряды из нескольких человек для присутствия при действиях переписчиков [2]. Во время переписи в городе были обнаружены запасы, впоследствии реквизированные городской продуправой [4]. Однако некоторые горожане пытались обойти реквизиции своих хлебных запасов – так И. И. Сафонов заявил в Ярославский городской продкомитет, что описанная у него счётчиком мука непригодна к употреблению, так как содержит часть земли [5]. Подвезённого из других губерний хлеба не хватало, поэтому для экономии решили размалывать муку вместе с отрубями, что в итоге вызвало общее негодование и возбуждение народных масс [21].

1 августа 1917 года Губпродком обсуждал текущую ситуацию. Ф. М. Плигин, представитель Сереневского волостного продкома, критиковал продуправу, твёрдые цены назвал убыточными для крестьян и высказался за повышение расценок. Представитель Московского союза потребительских обществ С. С. Мороков выразил неудовлетворённость тем, что уполномоченный по водным перевозкам А. С. Салазкин обезличивает баржи и перенаправляет закупленный для Ярославля хлеб в другие губернии. Председатель Ярославского городского продкома Дунаев прямо заявил: «Пока существуют твёрдые цены, хлеба не увидим». Товарищ председателя Губпродкома Кочергин заявил, что выход находится в отмене твёрдых цен, но это приведёт к хлебной анархии. В итоге председатель Губпродкома Крючков отметил необходимость самопожертвования «со стороны, которая должна дать государству хлеб». В середине августа в Ярославле проходили осмотры складских помещений. Обыски устраивала толпа и даже привлекала к этим мероприятиям членов городского продовольственного комитета. Сам же горпродком отказался от участия в ущерб своей основной деятельности [7]. А в Губпродуправе 18 августа со своего поста самовольно снялся наряд милиции [6]. На местах, под влиянием толпы продовольственные органы работали неправильно. Служащие уездных и волостных управ постоянно уходили в отставку [28], а 29 августа сам председатель Губпродкома А. П. Крючков изъявил желание покинуть свой пост, однако его упростили остаться [29].

Чтобы информировать население губернии о ходе продовольственной организации, с 1 сентября 1917 года Губпродком учредил газету «Известия Ярославского губернского продовольственного комитета» [15].

Проблемы у Губпродкома были не только с толпой, но и с Советом рабочих и солдатских депутатов. Председатель Совета Доброхотов пришёл 1 сентября в Продуправу. Повышенным тоном он потребовал от председателя выдать разрешение на вывоз из губернии коровьего масла. Когда председатель Комитета объяснил, что не может дать такое разрешение, Доброхотов заявил, стуча кулаком по столу, что приказывает выдать разрешение, а в случае отказа обещал уволить председателя Губпродкома со службы [8]. Развития этот конфликт не получил.

На заседании Губпродкома 28 сентября товарищ председателя И. Н. Кочергин отмечал: «Я думал, что организация Салазкина самовольно обезличивает баржи, направленные по назначению министерства к нам, но оказалось, что Салазкин делал это по распоряжению Товарища Министра Башкирова». А. Н. Вахрамеев отметил следующее: «Министерство начинает не верить, что та или иная губерния голодает, т. к. при нас явились представители Нижегородской губернии с просьбой дать им хлеб. Министерство усомнилось относительно голода в этой губернии и проверило их требование. В результате оказалось, что в губернии голода нет и даже не введена карточная система» [23].

11 октября Губпродком констатировал своё положение: тяжёлые условия работы, нет поддержки среди населения и общественных организаций. В итоге в Губпродкоме прошли новые выборы состава Управы – изначально переизбрали председателем Крючкова, но он категорически отказался [24]. Председателем стал И. Н. Кочергин, приняв на себя общее руководство, канцелярию и бухгалтерию, А. П. Крючков – заместителем, возглавив отдел статистики и редакцию «Известий Ярославского губернского продовольственного комитета» [25].

В начале октября кризис переживала и Ярославская городская продуправа. «Ежедневно управа осаждается огромной толпой, заполняющей собой не только все и без того тесные помещения, но и значительную часть двора. Голодная, недовольная, она приходит с криком, с угрозами и мешает работе служащих и членов управы. Приходится приглашать воинскую команду, без которой управа рискует быть разграбленной. Денег нет, а потому и служащих мало. Число штатных служащих с 35 упало до 8, а нештатные, вследствие низкой оплаты труда, набираются чуть ли не с улицы ... Комитет 1,5 месяца не собирался. Настроение общественных деятелей падает, желание работать на пользу города уменьшается, а тем более в области продовольствия, на которую смотрят как на Голгофу, а толпа растёт, кричит, угрожает громить или собирается громить комитет, управу, городские лавки и ни с чем считаться не хочет. Так и рвётся крик: Граждане, погибаем, а вместе с нами гибните и вы. Приходите на помощь, кто может» [16].

25 октября 1917 Председатель Губпродуправы Кочергин сообщал Губернскому комиссару: «...со второй половины октября толпы голодных граждан затрудняют правильное функционирование как Губернской управы, так равно и остальных продовольственных органов губернии. Закупка и доставка хлеба тормозятся главным образом из-за отказа крестьян производящих губерний от добровольной продажи своего продукта, непониманием ими закона о хлебной монополии, слабой подготовленностью правительственных органов и полной общественной разрухой, происходящей из-за отсутствия твердой власти. Правительство недостаточно внимательно прислушивалось к заявлениям управы, следует ожидать, что через самый короткий срок в губернии вспыхнут голодные бунты» [9]. 3 ноября на заседании Ярославской губернской продовольственной управы И. Н. Кочергин освещал положение продовольственного дела в губернии. По его словам, «хлеба имеется на несколько дней». Более того, он обещал сложить полномочия ввиду расстройства здоровья [13]. По плану ввоза хлеба в губернию с апреля по ноябрь 1917 года из назначенных 3 млн 960 тыс. пудов ввезено было 1 млн 586 тыс. пудов хлеба – только 40 % [14], управа переходила к товарообмену с другими губерниями. Хлеб получали в обмен на мануфактуру. Помимо всего, Губпродуправа была вынуждена реквизировать проходящие хлебные грузы и раздавать населению. Такая участь постигла хлеб для Новгородской губернии [18] и баржу с грузом «неизвестно кому принадлежавшего ячменя» [17]. 7 ноября Губпродком постановил выдавать карточки только нуждающимся в хлебе.

21 декабря 1917 история Губпродкома подошла к концу. Власть в свои руки взяли Советы. «Ввиду того, что Губернская продовольственная управа совершенно не оправдала своего назначения и с целью подрыва авторитета советской власти она, злоупотребив своей властью, довела губернию до продовольственной разрухи» [30] – её ликвидировали.

Ярославский Губернский продовольственный комитет и созданные им продовольственные органы на местах не могли разрешить кризис продовольственного снабжения губернии. Наряды назначал Петроград, закупка проводилась в отдалённых губерниях по твёрдым ценам, крестьяне производящих губерний не всегда соглашались отдавать продукт по невыгодной цене, железные дороги были перегружены, а грузы, идущие по воде, нередко доставались другим губерниям. Ярославцы же требовали хлеб с продкома. Толпа представляла реальную силу, с которой не рисковала связываться созданная для организации общественного порядка милиция. Губпродком оказался между продовольственной политикой и толпой народа как между молотом и наковальной. Орган Временного правительства просуществовал 10 месяцев и был упразднён

Советами как не оправдавший своего назначения. Эти 10 месяцев стали генезисом кризиса снабжения губернии. Планы подвоза хлеба не выполнялись, выходом были товарообмен и реквизиции.

Библиографический список

1. Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 931. Оп. 1. Д. 135. Л. 135, 135 об., 136.
2. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 137. Л. 103.
3. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 137. Л. 132, 132 об.
4. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 137. Л. 151, 157.
5. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 137. Л. 158.
6. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 137. Л. 225.
7. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 137. Л. 229.
8. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 137. Л. 266, 266 об.
9. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 137. Л. 342, 342 об.
10. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 137. Л. 44.
11. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 137. Л. 64.
12. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 137. Л. 71.
13. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 15. Л. 7, 7 об.
14. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 16. Л. 62.
15. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 184. Л. 1.
16. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 184. Л. 13, 13 об.
17. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 22. Л. 35.
18. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 22. Л. 62 об.
19. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 61. Л. 1.
20. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 61. Л. 5.
21. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 62. Л. 26.
22. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 65. Л. 12, 13 об.
23. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 65. Л. 126.
24. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 65. Л. 157, 158, 159.
25. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 65. Л. 164.
26. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 65. Л. 3.
27. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 65. Л. 37, 39.
28. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 65. Л. 78.
29. ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 65. Л. 83, 88, 93.
30. ГАЯО. Ф. Р-1590. Оп. 2. Д. 7. Л. 18.

И. А. Комиссарова,

доцент, Ивановский государственный университет

НАЛОГОВЫЕ ЛЬГОТЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА: КОМУ ИХ ПРЕДОСТАВЛЯЛИ И ЗАЧЕМ ВВОДИЛИ

В статье будет рассказано о налоговых льготах для населения в первые годы новой экономической политики по прямым налогам. Будут рассмотрены некоторые аспекты общего подхода к их введению. Дана характеристика эффективности подобного подхода.

Ключевые слова: новая экономическая политика, налоговые льготы, прямые налоги.

I. A. Komissarova,

Associate Professor, Ivanovo State University

TAX BENEFITS IN THE FIRST YEARS OF NEW ECONOMIC POLICY: WHOM PROVIDED TO AND WHY INTRODUCED

The article deals with tax benefits on direct taxes for the population during the first years of new economic policy. Some aspects of the general approach to their introduction are discussed. The characteristics of the effectiveness of this approach are given.

Key words: new economic policy, tax benefits, direct taxes.

Для исследователей в истории налоговой политики периода новой экономической политики много интересного. Эта тема волновала историков, экономистов, правоведов, политиков. В отечественной историографии накоплен объемный материал, освещающий историю налогообложения, правовые вопросы построения системы, значение и влияние налогов на экономику, обстановку в обществе и ряд других. Есть аспекты этой проблемы, которые требуют совместного осмысления историков и экономистов, причем как экономистов практиков, так и теоретиков. Одним из таких аспектов можно считать – налоговые льготы.

В теории налогового дела, даже сейчас ведутся споры об отнесении многочисленных налоговых освобождений и исключений к категории «налоговая льгота». Нет точного ответа о необходимости и эффективности подобной практики организации сборов. Следует заметить, что и в 1920-е годы теоретическая база была слабой. Не было общего

понимания сути термина, поэтому в законодательстве не было четкого определения этой категории. На практике налоговый аппарат не представлял как организовать учет категорий плательщиков и облагаемого дохода или имущества для предоставления льгот. Следует заметить, именно, отсутствие теоретической базы этой категории не позволяло создать именно систему льгот, добиться их эффективности и даже понять их действительную необходимость в налоговой политике.

В теории налогового дела считается, что налоговая льгота, должна служить принципам налоговой справедливости и предоставляться тем категориям, которые не способны уплачивать установленный налог в полном размере [2, с. 122]. Но в условиях новой экономической политики: дефицит бюджета, множественность налогов, неустойчивость системы в целом (весь период она так или иначе реформировалась и унифицировалась), говорить о налоговой справедливости сложно. Государственный интерес фискальный и социальный определял суть и содержание прямых налогов весь период 1920-х годов.

Льготы не сразу стали частью этой политики, при том что в налоговом деле они важный инструмент, который позволяет подстроить систему под текущие нужды экономики и населения.

В данной статье не удастся описать и дать характеристику всей системе льгот периода нэпа. Мы рассмотрим лишь некоторые общие составляющие государственной политики в области льготного налогообложения в системе прямых налогов и категории населения, которым они предоставлялись, попытаемся оценить эффективность этой составляющей и место льгот в налоговом деле.

Сама система налогообложения в годы нэпа начала складываться с введения продналога. Во второй половине марта 1921 года было опубликовано постановление ВЦИК, а 21 апреля вышли два первых декрета «о натуральном налоге на хлеб, картофель, масляничные семена» и на молочные продукты. Всего было установлено 18 продуктовых и сырьевых налогов. Издано 13 декретов, регулирующих порядок начисления и сбора. Помимо общих положений каждый из вновь принимаемых декретов вводил льготы для разных категорий плательщиков (беднякам, маломощным, красноармейским, старательным хозяйствам) [7]. Среди прочих, были предусмотрены льготы для так называемых старательных хозяйств. Старательными считались хозяйства, увеличивающие площади засева в своих хозяйствах, а равно увеличивающие производительность хозяйства в целом. Льготы были по выполнению натурального налога, либо в порядке понижения ставок налога, либо в порядке частичного освобождения от налога [7, № 26, ст. 147]. Мнение, что поощрение отдельных старательных хозяев не целесообразно, премирование

излишне, так как хозяин расширяя засеив сам себя премирует, не получило поддержки властей [1]. Таким способом государство пыталось заинтересовать крестьянина в развитии и увеличении своего хозяйства. Но, при этом нарушая «принцип справедливости» льгот, как части налоговой системы. Не был разработан механизм и не были прописаны условия выделения категории населения «старательных хозяев». На местах просто не знали, как использовать эту льготу и для кого, поэтому она практически не применялась. Да и само положение просуществовало не долго. В 1922 году продналог отменили и ввели единый натуральный с другим набором льгот. Таким образом, первый опыт, вводить льготы как поощрение не удался. И сама категория населения «старательные» не была определена и соответственно не закрепились в законодательстве.

Развитие получило другое направление в льготном обложении – социальное. Так в законодательстве 1922 года для беднейшего крестьянина вводили льготы, которые освобождали от налога малоземельные, безлошадные хозяйства, а также не имеющие крупного рогатого скота, овец, кур и т. п., семьи красноармейцев, красных моряков, летчиков, инвалидов гражданской войны. Система льгот, их количество постоянно увеличивалось и становилось более разнообразным.

И все-таки, можно сказать, что до 1923 года государство еще не определилось с принципом и подходом к льготам, как части налоговой системы. Категории населения, которые пользовались льготами, были неустойчивы. Само население не могло ими воспользоваться в полной мере. Можно несколько причин назвать такого положения, когда по закону льготы полагались, а на практике их мало кто получал. Во-первых, налоговый аппарат был не готов к сложной работе по проведению налоговой политики вообще и назначения льгот в частности. Во-вторых, не в интересах государства в первое время новой экономической политики было упускать возможности пополнения бюджета, сбор проходил тяжело, общие планы обложения не выполнялись. В-третьих, сам процесс организации предоставления налоговых льгот был не продуман, соответствующих инструкций на места не поступало, поэтому налоговые инспекции предпочитали не заниматься еще и льготами, отложив эту практику на более позднее время.

Ситуация стала меняться только в 1923 году. Начала складываться более определенная и законодательно оформленная система изъятий и льгот. И ее можно характеризовать количественно как широкую, а качественно, как разнообразную. Разнообразие распространялось и на целевые установки.

С этого времени льготное налогообложение предусматривалось для городского и сельского населения. Для тех, кто обладал наимень-

шей способностью к оплате, по разным причинам, и для тех, кто был занят в важных для государства отраслях и видах деятельности, иногда даже в ущерб фискальному назначению налогов.

В обложении сельского населения с 1923 г. в законодательно ввели систему изъятий из облагаемого дохода по обложению животноводства, также в целях укрепления вновь образующихся хозяйств, законом вводились льготы для переселенцев и расселенцев. От обложения освободили семенники, посевы особо ценных растений, опытные и показательные посевы, а также хозяйства, вводящие коренные улучшения.

Помимо этого льготы распространялись и на городское население, занимающееся смежными с сельским хозяйством отраслями: от промыслового налога освободили все занятия, сельскохозяйственными промыслами вне городских поселений, единолично или только членами семьи, кустарные промыслы (горный, охоту, рыболовство, и т. п.), имеющие подсобное значение [4].

В городе устанавливались льготы потребительской и промышленной кооперации. Транспорт и тяжелая промышленность были вообще освобождены от уплаты налога. Устанавливался необлагаемый минимум заработной платы, безработные, инвалиды, милиционеры, учащиеся, военнослужащие освобождались от большинства как местных, так и государственных налогов.

Предоставлялись льготы лицам, получающим авторские гонорары от литературных и научных трудов, а также городским ремесленникам и кустарям. От налога освобождались частные лечебницы, были понижены оклады уравнительного сбора для торговых предприятий, увеличивающих свой товароборот, в том числе и для частных (оборот, которых установлен налоговыми комиссиями и не возбуждал сомнения) [3]. Как льготу частным предприятиям можно рассматривать распоряжение СТО СССР не включать в облагаемый оборот уплаченные суммы акцизов предприятиям, производящим подакцизные товары и исчисляющим налог с оборота [5].

Мы уже определили сложившуюся ситуацию с налоговыми льготами, как разнообразную и определяемую целевыми государственными установками. Такое разнообразие и в целом выделение льгот государством, требовало оценки эффективности их применения. Но в 1921–1923 годах сделать это было практически невозможно, не было соответствующего аппарата, опыта подобной аналитики. Текущая ситуация создавала сложности множеством косвенных факторов из числа которых можно назвать инфляцию, постоянное реформирование налогов, кадровый голод во всех налоговых структурах, слабую информированность населения о существующих льготах. Никто не учитывал администра-

тивные издержки по их начислению. Не было общего понимания в их экономической необходимости. Больше ориентировались на социальные льготы.

Были и необходимые, действительно налоговые по своему содержанию, для пострадавших хозяйств (людей) по разным причинам не способным платить налог в облагаемый период льготы, но их было мало и категории населения, имеющие на них право, также малочисленны. Поэтому не они определяли содержание и направление развития льгот и налогов в целом.

И все-таки, есть статистика этого периода, которая очень условно, но дает общее представление о ситуации с льготами и кому и где их давали, но об эффективности их мы можем только предполагать, данных за 1921–1923 годы нет.

Статистика налогообложения этого периода говорит о том, что больше всего льготами пользовалось сельское население, соответственно по продналогу и единому натуральному налогу. Самые большие вычеты получили хозяйства, пострадавшие от стихийных бедствий до 50 %. Это нормальная налоговая ситуация. Но судя по жалобам крестьян, далеко не все пострадавшие от стихийных бедствий льготы получили. Бедняцкие хозяйства и прочие социальные категории пользовались льготами часто до 25 % от всех льгот. А вот, назовем подобные льготы – поощрительными, были мало востребованы. Считаем основная причина в плохой информированности населения об их существовании. Если о социальных льготах писали и даже спускали планы по их назначению, то поощрительные оставались на совести налогового аппарата, как правило, низового, а ему было не до них. Поэтому от общей суммы они составляли не более 20 % [6, л. 16]. Еще следует заметить, что очень неравномерно по территории советской республики распределялась практика назначения льгот. Если в Центральной России льготы назначали и получали, то, например, в Средневолжском районе всего около 5 % от фонда льготного обложения использовалось [6, л. 17]. В данном случае, скорее всего, сработало правило, чем дальше от центра, тем меньше контроля и информации об организации налогового дела по ному в условиях нэпа.

Таким образом, в первые годы новой экономической политики государство пыталось использовать и экономические и социальные возможности системы льгот. Однако, практика применения не оценивалась, ни с точки зрения экономической эффективности, ни с точки зрения издержек. Никто не мог сказать о том нужны ли были многие из принятых льгот самому населению, поэтому уже в этот период наметилась тенденция к использованию льгот, как способа поощрения в пер-

вую очередь бедняцких слоев сельского населения, и в целом социального (классового) их применения. Но для первых лет новой экономической политики, характерно и другое обстоятельство, ими пользовались представители разных социальных слоев, а льготы населению, занятому в частном секторе и для старательных крестьян характерны только для этого периода.

Библиографический список

1. Богданов Н. Продналог и кооперация // Экономическая жизнь 1921. 22 марта.
2. Пансков В. Г. Налоговые льготы: теория и практика применения // Налоги и налогообложение. 2016. № 1. С. 119, 125.
3. Положение о понижении уравнительного сбора // Экономическая жизнь. 1923. 11 сентября.
4. Постановление НКФ СССР // Известия. 1923. 3 октября.
5. Постановление СТО СССР // Известия. 1923. 31 августа.
6. Российский государственный архив экономики. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1041.
7. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. М., 1921. № 38. Ст. 204; № 37. Ст. 197; № 38. Ст. 205; № 48. Ст. 235; № 50. Ст. 271; № 51. Ст. 281, 291; № 61. Ст. 431; № 64. Ст. 478.

УДК 908

Д. Е. Комолов,

аспирант, Ивановский государственный университет

ПРЯДИЛЬНАЯ ФАБРИКА «КРАСНАЯ ТАЛКА» – ПЕРВЕНЕЦ ТЕКСТИЛЬНОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ИВАНОВСКОГО КРАЯ (2-я ПОЛОВИНА 1920-х гг.)

Статья посвящена процессу строительства прядильной фабрики «Красная Талка» в городе Иваново-Вознесенске во второй половине 1920-х гг. Особое внимание уделено структурным особенностям основного корпуса данной фабрики и новым архитектурным решениям, которые были применены при его строительстве.

Ключевые слова: Иваново-Вознесенск, хлопчатобумажная промышленность, прядильная фабрика, прядильные машины.

D. E. Komolov,

Postgraduate student, Ivanovo State University

SPINNING FACTORY "KRASNAYA TALKA" – THE PRIMARY OF TEXTILE INDUSTRIALIZATION OF THE IVANOVSK REGION (2nd HALF OF THE 1920s)

The article is devoted to the process of construction of the spinning factory "Krasnaya Talka" in the city of Ivanovo-Voznesensk in the second half of the 1920s. Particular attention is paid to the structural features of the main building of this factory and new architectural solutions that were applied during its construction.

Key words: Ivanovo-Voznesensk, cotton industry, spinning mill, spinning machines.

К 1925 году в СССР было в основном завершено восстановление народного хозяйства. XIV съезд ВКП (б) поставил задачу социалистической индустриализации страны [6, л. 137]. В соответствии с решением съезда по всей стране развернулось строительство гигантов социалистической индустрии

В Иваново-Кинешемском текстильном крае индустриализация в первую очередь проявилась в технической модернизации и гармонизации отдельных производств хлопчатобумажной промышленности, которая имела особое значение в экономике региона и всей страны [1, с. 32]. Поскольку в сырьевых районах страны ещё не было текстильных предприятий, необходимо было в полной мере использовать производственную мощность текстильной промышленности старых промышленных районов [1, с. 33].

Для хлопчатобумажной промышленности края того времени характерным было несоответствие между мощностью прядильных и ткацких фабрик. Прядильные фабрики не могли удовлетворить потребности ткацких предприятий. Ликвидация этой диспропорции, проведение технической реконструкции хлопчатобумажной промышленности в губернии являлись важнейшими условиями для её дальнейшего роста, что соответствовало как региональным, так и общегосударственным задачам.

В эти годы принимаются решения о строительстве в Иваново-Вознесенске целого ряда прядильных фабрик. Постановление Иваново-Вознесенского объединения хлопчатобумажной промышленности «Ивтекстиль» о постройке новой прядильной фабрики было принято 16 декабря 1926 года [9, л. 78]. В том же году строительство было утверждено ВСНХ РСФСР и Советом Труда и Оборона [10, л. 416]. В марте 1927 был подписан договор между «Ивтекстилем» и «Госпромстроем» на постройку прядильной фабрики на 120 000 веретён [16]. Зем-

ляные работы начались в апреле 1927 года. Закладка новой фабрики была приурочена к Первомайскому празднику и происходила в торжественной обстановке [12].

Строительство прядильного корпуса фабрики «Красная Талка» стало первым шагом на пути превращения данного предприятия в один из гигантов текстильной промышленности нашего края. Однако строительство сооружения такого типа в Иваново-Вознесенске заставляет нас задуматься о том, почему именно здесь и именно при Петрищевской мануфактуре было принято решение построить данный прядильный корпус.

Необходимо отметить, что здание новой Прядильной фабрики было построено на средства Иваново-Вознесенского государственного текстильного треста («Ивтекстиль». – *Д. К.*), основанного ещё в 1923 году, то есть на средства, выделенные из местного бюджета. Главой «Ивтекстиля» в это время был П. В. Киселёв, который и являлся одним из инициаторов данного строительства.

В правлении треста понимали, что строительство новой Прядильной фабрики, а в недалёком будущем и Ткацкой фабрики (была пущена в строй в 1935 году. – *Д. К.*) [8, л. 43] на территории существующего комплекса Петрищевской мануфактуры в дальнейшем превратит новую Хлопчатобумажную фабрику «Красная Талка» в крупный текстильный комбинат. Ведь тогда все стадии производства тканей проходили бы в одном месте, что значительно уменьшало затраты предприятия на транспортировку хлопка на прядильные и ткацкие фабрики региона, а затем уже готовую ткань на Отделочную фабрику «Красная Талка».

Строительство новой Прядильной фабрики началось в мае 1927 года. Проект промышленного сооружения был разработан московскими архитекторами И. С. Николаевым и Б. В. Гладковым ещё в 1925 году [17].

Необходимо отметить, что к этому времени в промышленной архитектуре сложился стереотип – текстильные фабрики строили одно- или четырёхэтажные. И. С. Николаев и Б. В. Гладков разработали проект двухэтажной текстильной фабрики, помещения которой были сгруппированы поэтажно с учётом рационально организованного технологического процесса. Это было новшеством, которое затем было блестяще реализовано ими на практике [17].

В целом, нужно сказать, что Прядильная фабрика «Красная Талка» представляла собой подлинно новый тип промышленных сооружений. Здание фабрики было построено с применением новейших технологий и механизмов. Двухэтажный корпус шириной в 38 метров впервые в СССР был выполнен из железобетонных каркасных конструкций с кирпичным заполнением [14, с. 409].

В архитектурном плане здание Пряжильной фабрики представляло собой два двухэтажных прямоугольных в плане объёма¹ длиной 250 и 90 метров, которые были поставлены параллельно друг другу и объединены переходом. Большой объём – центральный в композиции – перекрыт двускатной крышей, с треугольным стеклянным фонарём в верхней части, и повышен в торцах до трёх этажей. На одном конце он завершается технологической башней, выполненной в виде эффектной трибуны. Фасады корпуса просты и лаконичны. Их выразительность построена на сопоставлении горизонтальных лент остекления и глади стен [14, с. 410].

Деление здания на два этажа строго отвечало технологическому процессу: первый этаж был отведён для подготовительного процесса – здесь работали тяжёлые чесальные² и ленточные³ машины, банкаброши⁴; второй этаж предназначен для работы пряжильного отделения, требующего постоянного режима влажности и хорошего освещения по всей площади, для чего над центральной частью цеха устроен треугольный фонарь [15].

Строительство новой фабрики шло быстрыми темпами. Основной корпус фабрики был построен в течение лета 1927 года. Полностью здание Пряжильной фабрики «Красная Талка» было введено в строй к 1 ноября этого же года [2, л. 14]. Утром 7 ноября 1927 года произошла торжественная закладка парозлектроцентрали для существующей Петрищевской фабрики, которая в будущем должна была обеспечивать паром и электроэнергией и новую пряжильную фабрику [2, л. 16].

Однако строительство фабрики продолжалось. К сентябрю 1928 года была завершена внутренняя отделка пряжильной фабрики [13]. С 15 сентября начался монтаж оборудования, которое к этому времени

¹ Архитектурное сооружение или его часть, воспринимаемые в их внешней форме. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/stroitel/3168.html> (дата обращения: 11.03.2017).

² Чесальная машина – машина, служащая для чесания волокнистых материалов в текстильном производстве; одна из основных машин пряжильного производства. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/149998/Чесальная> (дата обращения: 17.03.2017).

³ Ленточная машина – машина текстильного (предпряжильного) производства для распрямления и параллелизации волокон в ленте (полуфабрикат пряжения), а также выравнивания её по толщине путём сложения нескольких лент и их вытягивания. URL: https://textile.academic.ru/97/ленточная_машина (дата обращения: 11.03.2017).

⁴ Банкаброш – машина в бумагопряжильном производстве, разбивающая массу хлопкового волокна на отдельные, более тонкие жгуты (*Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. Т. 1. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. С. 81).

уже было привезено. На Ленинградском заводе «Красный арсенал» для новой фабрики изготовили перегонные ровничные машины [3, л. 7].

Одновременно развёртывалось жилищное строительство для рабочих новой фабрики. В апреле 1928 года началась постройка 138-ми квартирного дома [7, л. 8].

В марте 1929 года на фабрику с вновь построенной пароэлектроцентрали был подан ток. Тогда же пущена в работу часть приготовительного отдела: кипоразбиватели⁵, чесальные и ленточные машины, три перегонные ровничные машины [11]. К 1 апреля 30 000 веретён первой очереди были одеты ровницей. Началась их обработка [4, л. 19]. К 1 мая все они уже работали на полную мощность. Постепенно вводились в действие следующие партии веретён. К 1 октября 1929 года число работающих веретён достигло 72 000. Монтаж оборудования к этому времени был закончен, но пуск всех 120 000 веретён из-за недостатка электроэнергии был отложен и перенесён на 1 марта 1930 года [5, л. 4].

Новая фабрика была оснащена новейшим оборудованием. Огромный двухсветный зал нижнего этажа вмещал весь приготовительный отдел. Здесь были установлены 134 ровничных машины, 234 чесальных и 27 ленточных машин. Зал верхнего этажа, с огромным световым фонарём вдоль всего корпуса заняли 224 прядильные машины [5, л. 18]. При этом все прядильные и ровничные машины имели индивидуальные моторы. На фабрике впервые в Советском Союзе была применена нагнетательная система подачи хлопка в лабазы. Эта система была очень удобна, так как она устраняла необходимость особой чистки и ухода, а также безопасна в пожарном отношении. Все чесальные машины были снабжены автоматическими пылесосами. Днём фабрика была залита дневным светом, а вечером полностью освещена электричеством. Мощная приточно-вытяжная вентиляция позволяла поддерживать постоянную температуру и влажность. По концам корпуса расположились особые раздевальни с оборудованными индивидуальными шкафами, снабжёнными вытяжными трубами для проветривания одежды. В подвальной комнате оборудована особая комната для приёма пищи [5, л. 32].

Таким образом, благодаря постройке нового Прядильного корпуса, был заложен фундамент одного из передовых текстильных предприятий не только нашего края, но и всей страны. Это было абсолютно новое социалистическое промышленное сооружение, построенное с применением новейших технологических и конструктивных решений.

⁵ Кипоразбиватель – машина для смешения большого числа кип прессованного хлопка-сырца для образования более или менее однородного волокнистого материала. URL: <https://findpatent.ru/patent/3/32342.html> (дата обращения: 03.01.2021).

Библиографический список

1. *Бабичев В. А.* Фабрика «Красная Талка». Иваново, 1953.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р.-198. Оп. 5. Д. 2.
3. ГАИО. Ф. Р.-198. Оп. 5. Д. 5.
4. ГАИО. Ф. Р.-198. Оп. 5. Д. 10.
5. ГАИО. Ф. Р.-198. Оп. 5. Д. 13.
6. ГАИО. Ф. Р.-1686. Оп. 1. Д. 7.
7. ГАИО. Ф. Р.-1684. Оп. 1. Д. 34.
8. ГАИО. Ф. Р.-1684. Оп. 4. Д. 293.
9. ГАИО. Ф. Р.-1686. Оп. 1. Д. 9.
10. ГАИО. Ф. Р.-1686. Оп. 1. Д. 11.
11. «Красная Талка» готова к пуску // Рабочий край. И.-В. 17 марта 1929 г.
12. Первый камень «Талки» // Рабочий край. И.-В. 1 мая 1927 г.
13. Постройка «Красной Талки» закончена // Рабочий край. И.-В. 5 сентября 1928 г.
14. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. Ч. 1 / отв. редактор Е. Г. Щеболева. М.: Наука, 1998.
15. Справочник «Архитектура и проектирование». URL: <http://arg.novosibdom.ru/node/2395.html> (дата обращения: 16.03.2017).
16. Утвердил постройку фабрики Ивтекстиля // Рабочий край. И.-В. 27 января 1927 г.
17. *Хан-Магомедов С.* Архитектура советского авангарда. Кн. 1. URL: http://www.al-yoshin.ru/Files/publika/khan_archi/khan_archi_1_094.html (дата обращения: 25.04.2017)

УДК 929.6

А. А. Корников,

профессор, Ивановский государственный университет

ГЕРБЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПОИСКИ

Рассматриваются современные гербы национальных субъектов Российской Федерации – республик, областей и округов. Выделяются основные группы гербов этих регионов, анализируются их типичные особенности, объясняются причины их принятия, даются рекомендации по их совершенствованию.

Ключевые слова: гербы, национальные субъекты Российской Федерации, территориальная геральдика, эмблемы и символы регионов.

A. A. Kornikov,
Professor, Ivanovo State University

COATS OF ARMS OF THE NATIONAL SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE, ISSUES AND RESEARCH

Modern coats of arms of national subjects of the Russian Federation-republics, regions and districts are considered. Main groups of coats of arms of these regions are identified, their typical features are analyzed, reasons for their adoption are explained, recommendations for their improvement are given.

Key words: coats of arms, national subjects of the Russian Federation, territorial balazonry, emblems and symbols of regions.

Государственный герб является общепризнанным символом суверенитета и прав любого государственного образования. Не служат исключением и современные гербы субъектов Российской Федерации. В них как в капле воды находят отражение многие этапы истории и современное состояние России как федеративного государства.

Развитию геральдики субъектов Федерации России посвящено достаточно большое количество работ. Историография данной проблемы дана в содержательной монографии О. Н. Наумова [14, с. 417–443]. Имеющиеся исследования неоднородны. Одни из них носят справочный характер и представляют собой альбомы с изображениями гербов регионов России [1, 3, 12, 15, 16]. Другие посвящены истории и символике гербов отдельных регионов страны [5–8, 10, 11, 18]. Третьи носят характер учебных пособий [2, 10]. Имеется небольшое количество работ, анализирующих отдельные аспекты рассматриваемой проблемы. Так, в статье Ю. Росича рассматриваются идеологические аспекты региональной символики [15]. Общая картина региональной геральдики на 2016 год анализируется в нашей статье [9]. Однако в целом указанные работы не дают общей картины развития гербов национальных регионов и не отражают её состояние на конец 2020 года.

Целью данной статьи служит анализ группы гербов национальных республик, областей и округов. К ним мы относим регионы, названия которых происходит от этнонима титульной народности и в составе населения которых, как правило, преобладают представители нерусских народов. Условно мы называем эту группу гербов «гербами национальных субъектов Российской Федерации». Как нам представляется, рассмотрение этой группы гербов чрезвычайно интересно для оценки, как современного состояния геральдики Российской Федерации, так и национального самосознания многих народов России. Источниками для

статьи послужили материалы, размещенные на Интернет-сайтах «Геральдика.ру» и Heraldicum [4, 19].

Своими истоками современная геральдика субъектов России уходит в дореволюционную российскую геральдику и, в частности, в земельную и городскую. Как известно, до 1917 г. абсолютное большинство российских городов и все губернии имели гербы, разработанные Государственной герольдией и утвержденные монархом. В советский период земельные и областные гербы фактически перестали существовать. И если в союзных республиках СССР существовали свои гербы, во многом повторявшие композицию герба Советской России, принятого в 1918 г., то автономные республики в составе РСФСР в качестве своих гербов использовали герб РСФСР с включением текстовой надписи, обозначающей название данной автономии. Русские регионы (области, края) не имели своей особой символики. На гербовых печатях органов власти изображался герб РСФСР.

С начала 1990-х гг. в нашей стране происходит бурное развитие земельного герботворчества. Это связано со становлением России как федеративного государства, что окончательно было закреплено Конституцией РФ 1993 года. Она провозглашала Россию федеративным государством, в котором все входящие в него субъекты обладали определенными автономными правами, определяемыми законодательно. Признаками автономии субъектов Федерации служила их официальная символика: герб, флаг и гимн. На 1 января 2020 г. в Российской Федерации насчитывалось 85 субъектов: 22 республики, 9 краев, 46 областей, 3 города федерального значения, 1 автономная область и 4 автономных округа. К числу национальных республик мы можем отнести 21 республику, одну область и четыре округа. Гербы этих 26 субъектов Федерации и будут объектами нашего исследования.

Из собранных материалов следует, что все 26 субъектов Федерации имеют свои гербы. Однако лишь 19 субъектов имеют полностью оформленные (утвержденные законодательными собраниями и зарегистрированные в Государственном геральдическом регистре) гербы. У семи субъектов федерации гербы разработаны и утверждены местными законодательными органами, но не одобрены Геральдическим советом при Президенте России и не внесены в Государственный геральдический регистр. К ним относятся республики Карелия, Марий Эл, Мордовия, Тыва, Удмуртия; Ханты-Мансийский и Чукотский автономные округа.

Далее мы проанализируем основные характерные черты и особенности 26 гербов национальных субъектов Федерации России.

Общей чертой указанной группы гербов выступает стремление подчеркнуть национальное своеобразие их обладателей. В качестве

основных эмблем для гербов брались исторические и мифологические персонажи, элементы национальных орнаментов, изображения представителей местной флоры и фауны. Рассмотрим несколько типичных гербов из этой группы.

Герб Башкортостана. В законе Республики Башкортостан «О государственной символике Республики Башкортостан» от 06.07.1999 даётся следующее описание герба: «Государственный герб Республики Башкортостан представляет собой изображение памятника Салавату Юлаеву на фоне восходящего солнца и его лучей, вписанное в круг, обрамленный национальным орнаментом. Ниже изображено соцветие курая, лента, окрашенная в цвета Государственного флага Республики Башкортостан, с надписью по белому полю "Башкортостан". В цветном изображении Государственного герба Республики Башкортостан памятник Салавату Юлаеву и орнамент – золотистого, цветок курая – зеленого, восходящее Солнце – светло-золотистого цвета, лучи Солнца – желтого, фон между памятником и орнаментом – белого, внутренняя и наружная окружности – темно-золотистого цвета» [4, 19].

В основе этого герба лежат два национальных символа башкирского народа: памятник Салавату Юлаеву работы скульптора и художника Башкортостана С. Тавасиева, открытый 17 ноября 1967 года в Уфе, и цветок курая. Салават Юлаев – башкирский национальный герой, народный поэт, воспевавший подвиги башкирских богатырей, родную природу. Цветок курая, состоящий из 7 лепестков, символизирует 7 родов, положивших начало консолидации и единению народов Башкортостана. Герб официально зарегистрирован в Государственном геральдическом регистре под № 164.

Герб Адыгеи. Герб республики Адыгея был принят Верховным Советом Республики Адыгея 24 марта 1992 года. Ныне действующий вариант герба был утвержден законом Республики Адыгея № 90 от 07.06.2007 «О государственных символах Республики Адыгея». Там давалось следующее описание герба: «Государственный герб Республики Адыгея представляет собой круг, сверху обрамленный лентой с надписью "Республика Адыгея" на русском и адыгейском языках. В середине ленты – большая звезда, с боковых сторон – листья дуба, клена, золотые колосья пшеницы, початки кукурузы. Круг замыкается аббревиатурой слов "Российская Федерация" – буквами "РФ", над которыми изображен национальный стол – анэ – с хлебом и солью. В середине круга – главный герой нартского эпоса Саусрыкьо на огненном летящем коне» [4, 19]. Центральной фигурой герба служит изображение героя нартского эпоса Саусрыкьо, популярного в фольклоре почти всех народов Северного Кавказа. На гербе он изображён в виде всадника с

пылающим факелом в руке, как богатырь похитившим огонь у богов для блага людей. Лучи от этого огня как бы рассыпаются по небосводу двенадцатью звездочками, символизирующих 12 адыгских племен. Герб был зарегистрирован за № 16 в Государственном геральдическом регистре Российской Федерации. Таковы примеры типичных гербов национальных регионов России.

Обобщая особенности композиции гербов рассматриваемой группы, необходимо отметить следующее. Во-первых, это широкое использование в качестве геральдических фигур национальных исторических и мифологических персонажи, компонентов национального орнамента, изображения представителей местной флоры и фауны.

Во-вторых, национальные субъекты Российской Федерации создавались на территориях дореволюционных губерний, имевших старинные гербы. Однако руководство субъектов федерации сознательно отказалось от дореволюционной символики, чтобы подчеркнуть свое национальное своеобразие. Так, в герб Татарстана вместо черного коронованного дракона, имевшегося на старинном гербе Казанской губернии, было включено изображение крылатого барса с круглым щитом на боку. Та же ситуация складывалась с гербом Башкортостана. До революции существовали Уфимское наместничество, Уфимская губерния, на гербах которых была изображена бегущая куница. Однако в 1993 г. в качестве символа республики была выбрана другая эмблема [4, 19]; в то же время старинный герб был сохранен у столицы башкирской республики. Такая же ситуация сложилась в Якутии, Дагестане, Карелии, имевших дореволюционные аналоги соответствующих губерний и областей – Якутская, Дагестанская области, Олонецкая губерния. Из всех национальных республик только в Мордовии в 1995 г. приняли герб, основывающийся на дореволюционном гербе г. Саранска в сочетании с некоторыми национальными символами (нашейная гривна, розетка) [4, 19].

В-третьих, ряд национальных республик в качестве гербов утвердили эмблемы ранее существовавших национальных государственных образований. В качестве современного герба республики Тыва взят герб Тувинской Народной Республики, существовавшей в 1921–1944 гг. и в 1944 г. вошедшей в состав СССР [4, 19].

В-четвертых, большинство гербов национальных республик принималось в начале 1990-х гг., в период так называемого «парада суверенитетов». Это отразилось на принятых тогда гербах. Они утверждались с грубыми нарушениями правил геральдики, очень часто без согласования с Геральдическим советом при Президенте России. В частности, в изображения гербов вносились надписи, обозначающие названия республик, что в геральдике признается недопустимым. Это было в гербах

Дагестана, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Якутии, Тывы, Хакасии, Чечни, Чувашии [4, 19]. Во многих гербах национальных республик отсутствуют традиционные геральдические щиты: гербы имеют, как правило, форму круга или красивого рисунка и орнамента.

И ещё одна закономерность. За прошедшие десять лет в условиях стабилизации общеполитической жизни многие гербы были подвергнуты модернизации. Из гербов ряда республик, например Карачаево-Черкесии, Чечни, Чувашии, изъяты надписи. Некоторые республики неоднократно изменяли свои гербы. Рекордсменом в этом отношении стала Хакасия, которая за период с 1992 г. шесть раз изменяла свой герб [4, 19].

Таким образом, гербы национальных субъектов России, показывая историю и традиции народов нашей страны, отражают сложный процесс её национально-государственного строительства. Вместе с тем, наличие восьми неутвержденных гербов ставит задачу дальнейшего совершенствования эмблематики указанных регионов нашей страны.

Библиографический список

1. *Борисов И. В., Кодина Е. Н.* Геральдика России. М.: АСТ; Астрель, 2005. 424 с.
2. *Бурков В. Г.* Государственные эмблемы и символы России и республик Российской Федерации: учебное пособие. СПб.: ЭГО, 2002. 16 с.
3. Геральдика России: полная иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. А. Г. Меринов. М.: Аванта+, 2008. 512 с.
4. Геральдика.ру. URL: www.geraldika.ru (дата обращения: 11.11.2020).
5. Геральдическое наследие Республики Татарстан. Казань: Регионсервис, 2012. 328 с.
6. *Пашков А. М.* Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск: Карэко, 1994. 352 с.
7. *Калашиников Г. В.* Официальные символы Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард: Баско, 2012. 296 с.
8. *Коржик Ю. В.* Липецкая область. История. Геральдика. Современность. М.: Регионсервис, 2009. 208 с.
9. *Корников А. А.* Геральдическое многообразие России. Гербы субъектов Российской Федерации: современное состояние, проблемы и поиски // Вестник Ивановского государственного университета. 2016. Вып. 3 (9). С. 51–58.
10. *Корников А. А.* Российская геральдика: курс лекций. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. 220 с.
11. *Корников А. А.* Геральдика Ивановского края. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. 184 с.
12. *Куренная И.* Летящий из глубины веков: из истории геральдики Забайкалья. Чита: ИПК «Забтранс», 1997. 120 с.
13. *Моченов К. Ф., Коржик Ю. В.* Гербы современной России: справочник. М.: Гербы и флаги, 2005. 296 с.
14. *Наумов О. Н.* Научная геральдика России. М.: Старая Басманная, 2013. 516 с.

15. *Росич Ю.* Региональная символика: в поисках идеологии. Регионы России: Ежегодник Московского центра Карнеги. 1999. С. 23–37. URL: www.geraldika.ru (дата обращения: 25.11.2020).

16. *Сапрыков В. Н.* Государственная символика регионов России. М.: Парад, 2004. 96 с.

17. *Сметанников И. С.* Гербы и флаги субъектов Российской Федерации. М.: Всероссийское геральдическое общество; ООО «Компания Ритм Эстэйт». 2003. 112 с.

18. *Туник Г. А.* Современная российская геральдика как фактор отражения социально-политической специфики Российского государства. М.: Нота Бене, 2007. 432 с.

19. Heraldicum. URL: <http://www.heraldicum.ru/russia/subjects/> (дата обращения: 11.11.2020).

УДК 930.1

В. И. Косых,

доцент, Забайкальский государственный университет (г. Чита)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЦИК СССР М. И. КАЛИНИН И ЗАБАЙКАЛЬСКОЕ ДУХОВЕНСТВО (1923 г.)

Статья посвящена служебной командировке председателя ВЦИК СССР М. И. Калинина на Дальний Восток в июле – августе 1923 г. В ней говорится, что во время присутствия в Чите арестованные властями епископ Софроний и члены епархиального совета направили прошение всероссийскому старосте об их вероятном освобождении.

Ключевые слова: председатель ВЦИК, епископ, епархиальный совет, прошение, суд, раскаяние.

V. I. Kosykh,

Associate Professor, Transbaikal State University (Chita)

CHAIRMAN OF THE USSR CENTRAL EXECUTIVE COMMITTEE M. I. KALININ AND ZABAİKALSKAYA SPIRITUALITY (1923)

The article is devoted to the official trip of the Chairman of the USSR Central Executive Committee M. I. Kalinin to the Far East in July-August 1923. It says that during their presence in Chita, Bishop Sofroniy and members of the diocesan council, arrested by the authorities, sent a petition to the All-Russian headman for their probable release.

Key words: chairman of the All-Russian Central Executive Committee, bishop, diocesan council, petition, court, repentance.

Советская власть принесла в Забайкальскую губернию довольно жесткое отношение к духовенству, особо отмеченному в сотрудничестве с белыми, в частности, с контрразведкой атамана Семёнова. 28 января 1923 г. газета «Забайкальский крестьянин» сообщала об аресте 11 января викарного епископа Селенгинского и всех членов епархиального совета [1].

Забайкальский губернский революционный комитет показывал верующему населению своё отношение к религии, церкви, духовенству. По его распоряжению с 1 июля 1923 г. в губернии вводилось проведение в жизнь декрета об отделении церкви от государства [2]. Кроме того, он разрешил открыть не ранее чем 1 июля 1923 г. очередное собрание духовенства и мирян Забайкальской епархии [3].

Епископ Софроний оказался в Читинской губернской тюрьме не один: с ним здесь оказались члены местного епархиального совета, протоиереи и священники Н. Писарев, Н. Подгорбунский, А. Попов, М. Знаменский, А. Пешков, П. Конохов, П. Красногорский. Обвинялись они стандартно по тому времени «в участии в семёновской контрразведке».

Счастливым прецедент, хотя бы в отношении архиерея, имел место быть. В мае 1922 г. советская власть в лице Верховного суда объявила патриарха Тихона пособником и «духовным покровителем» эсеров, меньшевиков, савинковцев, участников «Донской повстанческой армии» и др., посадив его под домашний арест. Правда, авторитет его и обновленческих лидеров оказались несопоставимы; патриарху доверяла паства, обновленцы не могли привлечь на свою сторону верующих.

Оказалось, что власть и патриарх нужны друг другу. В итоге, 16 июня 1923 г. Тихон в обращении к Верховному суду признался во всех своих грехах перед новой властью и покаялся, прося освободить его из под стражи, пообещав не иметь никаких контактов с врагами СССР. Судебная палата по уголовным делам Верховного суда решением от 25 июня освободила раскаявшегося патриарха, который вернулся к выполнению своих обязанностей [4].

Естественно, что подобное известие произвело эффект разорвавшейся бомбы, в том числе и за рубежом. Узнали об этом и сидельцы Читинской тюрьмы. Судьба давала шанс на освобождение епископу Софронию и, вероятно, даже членам епархиального совета.

В первых числах июля 1923 г. они направили в Дальневосточное отделение Верховного суда РСФСР документ, содержание которого уместно привести здесь, сохранив орфографию. Податели озаглавили его как «Раскаяние». В нём говорилось следующее: «Высоко гуманное и беспримерно благородное решение Верховного суда РСФСР об освобо-

ждении из-под стражи патриарха Тихона (Василия Белавина) даёт нам смелость обратиться в Дальневосточное отделение Верховного суда РСФСР с последующим ходатайством».

Далее податели раскаяния – заявления подробно перечисляют все свои прегрешения, сознаются в своей вине и участии в поддержке белого движения, предоставлении сведений о настроениях забайкальцев семёновской контрразведке.

В заключении «Раскаяния» арестованные епископ Софроний и члены епархиального совета отмечают: «Считая себя виновными в вышеизложенных деяниях, осуждаем их, обязуемся впредь (в) своей деятельности быть строго аполитичными, с полным подчинением по долгу граждан всем государственным распоряжениям советской власти и поэтому просим, или совершенно прекратить дело по обвинению нас в контрреволюционных деяниях или изменить меру пресечения и освободить нас из заключения».

Великодушие Верховного суда по отношению к патриарху Тихону (Василию Белавину), а также искренность нашего раскаяния, вполне предупреждающего возможность новых нарушений народных интересов, позволяют верить, что Дальневосточное отделение Верховного суда РСФСР снизойдет к удовлетворению нашего ходатайства» [5].

Это заявление – «Раскаяние» – отнюдь не кануло «в лету»: в конце июля – начале августа 1923 г. председатель ВЦИК СССР М. И. Калинин намеревался побывать в долгосрочной служебной командировке на Дальнем Востоке: бывшую ДВР требовалось включить «в советизацию». Понятно, что он мог посетить Читу, столицу бывшей упомянутой республики. К его приезду готовили прошения, ходатайства и жалобы все, кто ожидал потенциальной помощи, включая и представителей духовенства.

Уместно привести распоряжения всероссийского старосты по рассмотрению их дела: «В Дальревком по делу духовенства. Ознакомившись по делу Забайкальского епархиального совета обвиняемого в организации и участии в семёновской контрразведке, считая факт преступления доказанным, но принимая во внимание, что дело совершено в 1920 году, их чистосердечное признание и обязательство их впредь быть лояльными гражданами Советской Республики – предлагало дело-производство прекратить и из-под стражи освободить». Председатель ВЦИК СССР М. Калинин. 28 июля 1923 г.

Интересно, что несколько ранее священник А. Пешков подал прошение, заявил о снятии с себя сана. Кроме того, он дал обязательство «совместно со всеми трудящимися быть всегда на страже всех завоеваний октябрьской революции». Председатель ВЦИК продемонстриро-

вал клирикам и верующим Забайкальской губернии справедливое отношение советской власти к кающимся и осознавшим свою вину пастырям: 4 года Забайкалье и Дальний Восток оставались вне России.

Тема отношения духовенства и советской власти звучала во время выступлений М. И. Калинина перед населением. 31 июля он выступил на станции Сквородино Читинской железной дороги и знал, что накануне его приезда на станции Талдан неизвестные убили священника [6]. Председатель ВЦИК заявил, что «если над попами издеваться, будут административными мерами мешать им исполнять служебные обязанности, тем превращают их в мучеников и у крестьян невольно возникает взгляд, что у власти стоят насильники, а церковные служители – это мученики... Тот кто неверными способами борется с религией, тот укрепляет её... Крутые меры воздействия должны применяться лишь к тем священникам, которые непосредственно связаны с контрреволюцией».

И далее «советское правительство со священниками как со священниками не воюет. У нас недавно выпущен из тюрьмы Тихон, который раскаялся, заявил, что с советской властью бороться не будет... Мы его выпустили, считаем лишним его держать. Мы с ним не воюем полицейскими мерами».

По его мнению, священника мог убить контрреволюционер или совсем глупый коммунист. Такой коммунист – обыкновенный бандит. Мне же кажется, что это дело рук контрреволюционера, который хотел посеять вражду у населения к советской власти» [7].

Что касается епископа Селенгинского Софрония, то в конце 1923 г. его вновь преследовали власти [8].

Библиографический список

1. Духовенство на службе контрреволюции // Забайкальский крестьянин. Чита. 1923. 28 января. С. 3.
2. В Губревком // Забайкальский крестьянин. Чита. 1923. 10 июня. С. 4.
3. В Губревком // Забайкальский крестьянин. Чита. 1923. 8 июля. С. 4.
4. *Левченко И. В.* Православная церковь и государство. Иркутск: ИГЭА, 1997. С. 90, 95.
5. Архиерей Софроний выпущен // Забайкальский крестьянин. Чита. 1923. 5 августа. С. 2.
6. Архиерей Софроний выпущен // Забайкальский крестьянин. Чита. 1923. 5 августа. С. 2.
7. Речи М. И. Калинина на Дальнем Востоке. Чита: Читинское книжное изд-во, 1958. С. 44, 45.
8. За Христа пострадавшие: памяти жертв гонений на Русскую православную церковь в Забайкалье. Чита: ИП Непомнящих С. Я., 2018. С. 25.

Г. Н. Крайнов,

профессор, Российский университет транспорта (г. Москва)

ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЛЯ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ

Показаны основные вызовы gig-экономики для человека труда, в том числе прекаризация занятости, социальный демпинг. Ответом профсоюзного движения на вызовы цифровизации, в которой происходит значительная прекаризация и сокращение рабочих мест, является разработка и реализация стратегии справедливого перехода к цифровой экономике. Эта стратегия основывается на платформе социального диалога, обмена информацией между профсоюзами (представителями работников) и работодателями, переговоров и консультаций по поводу использования цифровых технологий.

Ключевые слова: профсоюзы, глобальные профсоюзы, российские профсоюзы, цифровизация, цифровая экономика, gig-экономика, вызов – ответ.

G. N. Krainov,

Professor, Russian University of Transport (Moscow)

CHALLENGES OF DIGITALIZATION FOR THE TRADE UNION MOVEMENT

The main challenges of the gig-economy for a working person are shown, including employment precarization, social dumping. It is concluded that the response of the global trade union movement to the challenges of the digital economy, in which there is a significant precarization and job cuts, is the development and implementation of a strategy for a just transition to the digital economy. This strategy is based on a platform of social dialogue, information exchange between trade unions (workers' representatives) and employers, negotiations and consultation on the use of digital technologies.

Key words: trade unions, global trade unions, Russian trade unions, digitalization, digital economy, gig-economy, challenge – response.

Сегодня в постиндустриальном, формирующемся информационном (цифровом) обществе наблюдается сокращение численности, ослабление позиций и влияния профессиональных союзов. Эту проблему мы обсуждали на Первом форуме Российского профессорского собрания [1]. Так, если в 1954 г. в мире членами профсоюзов были 35 % всех работающих, то в 2018 г. только около 10 %. В то же время, в зависимо-

сти от традиций, позиции работников, политики правительства, работодателей доля членов профсоюза сильно варьируется по разным странам: если сегодня в Финляндии в профсоюзах состоят 79 % работников, то во Франции – всего 7,8 %. В СССР в 1991 г. членами профсоюзов были 99,6 % работников, то в сегодняшней России всего около 30 % [2]. Среди причин кризиса мирового профсоюзного движения можно выделить не только распад СССР в 1991 г. и мировой социалистической системы, рабочего движения, но и переход от индустриального общества с большой концентрацией производства и рабочей силы к постиндустриальному, информационному обществу, изменившему структуру занятости населения.

По традиционной социальной базе профсоюзного движения наносит удар развивающаяся в последние годы цифровизация экономики, когда работник может работать дистанционно, удаленно, на не постоянной основе, не привязываясь к трудовому коллективу.

В условиях экономической глобализации транснациональные корпорации (ТНК) в целях получения большей прибыли активно распространяют аутсорсинг, демпинговый труд подростков, молодежи и не входящих в профсоюзы рабочих-мигрантов, подкупают лидеров профсоюзного и рабочего движения, переносят производство в слаборазвитые страны, где нет профсоюзов или позиции профсоюзов слабы [3].

Промышленно-финансовый капитал более мобилен, динамичен, чем труд и профсоюзы, он перемещается, не зная национальных границ, создавая транснациональные корпорации и международные финансовые структуры, в то время как рабочие до недавних пор могли обращаться лишь к национальному правительству и местному бизнесу. Но в 2000 г. были созданы Глобальные профсоюзы – *Union Network International (UNI)*, представляющие интересы и защищающие социально-трудовые права десятков миллионов работников в 140 странах мира. Глобальные профсоюзы – это собирательное понятие, в которую входят Международная конфедерация профсоюзов (МКП), Всемирная федерация профсоюзов (ВФП), 10 Глобальных профсоюзных федераций (ГПФ), объединяющие отраслевые профсоюзные центры всего мира, а также Профсоюзный консультативный комитет Организации экономического сотрудничества и развития (ПКК ОСЭР). А в июне 2012 г. на Копенгагенском форуме (Дания) Международная Федерация профсоюзов работников химической и горнодобывающей промышленности, энергетики и других отраслей (*ICEM*) и Международная федерация работников текстильной и кожевенной промышленности (*ITGLWF*) пришли к решению создания «новой силы» – Глобального профсоюза *IndustriALL*,

который объединил в своих рядах более 50 млн работников со всего мира. С этого времени Глобальные профсоюзы организуют свою деятельность так, чтобы дать экономической глобализации, ТНК, цифровизации экономики глобальный ответ.

В связи с этим, в данной статье мы попытаемся ответить на вопрос: «Какой ответ могут дать профсоюзы современным вызовам цифровой экономики?».

Вызовы gig-экономики. Динамику социальных изменений, которые происходят в начале XXI в. под влиянием информационных, компьютерных технологий характеризует, прежде всего, формирование цифровой экономики. Среди ее существенных признаков можно выделить определение цифровой экономики как gig-экономики*, где рабочие заняты на небольших краткосрочных, как правило, нескольких работах через Интернет, который не ограничивает их местным рынком труда. В gig-экономике быстрыми темпами сокращается количество рабочих мест соответствующих критериям достойного труда, Концепция которого в начале 2000-х годов была разработана Международной организацией труда. К основным аспектам достойного труда в этой концепции отнесены:

- свобода объединения;
- минимальная заработная плата не менее реального прожиточного минимума и право на ведение коллективных переговоров;
- безопасные рабочие места;
- всеобщая социальная защита;
- обязанность любых компаний проявлять должную осмотрительность, чтобы противодействовать нарушению прав.

Работники в gig-экономике трудятся в условиях прекаризации занятости, а их самих часто называют прекариями вместо прежнего названия «пролетариат». Прекаризация труда – это замена гарантированных и постоянных трудовых отношений неустойчивыми и временными формами занятости, ведущими к потере работником социально-трудовых прав. Прекаризация ведет к негативному состоянию трудящегося человека (тревожность, страх, неуверенность в своем будущем) как

* *gig-экономика* – от англ. *gig* – слово, которое, среди прочих, имеет значение «кратковременная, разовая работа» и «юла». Согласно Кембриджскому словарю (*Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus*), *gig-экономика* – это экономика, в основе которой лежит труд внештатных работников. Ее еще называют экономикой краткосрочных контрактов, потому что в *gig-экономике* временная работа или работа с гибким графиком является обычным делом. Например, «фриланс», в отрасли информационных технологий.

следствие неопределенности и неустойчивости его трудовой занятости, невозможности обеспечить свой прожиточный минимум.

К показателям прекаризации занятости относятся неустойчивость, нестабильность положения работников на рынке труда.

Проблемы положения наемных работников в цифровой экономике усиливают устаревшие формы и методы деятельности профсоюзов, составляющие основу механизма коллективной защиты их прав. Как мы показали, это отчетливо было видно при заключении «эффективных контрактов» с работниками бюджетной сферы [4]. Профсоюзы не успевали реагировать на те вызовы и задачи, которые перед ними ставила практика, пытаясь при помощи приемов работы, заимствованных из индустриальной экономики, сохранить свои позиции в условиях цифровой экономики.

Современные профсоюзы столкнулись с реалиями gig-экономики, к которым они не в полной мере готовы. Эти реалии связаны со сменой социально-трудовых отношений, когда рабочие места на условиях полного рабочего времени с конкретными часами работы и заработной платой встречаются все реже.

Вызовом для профсоюзов является и то, что они вынуждены приспособляться к потребностям и интересам поколения *миллениалов*, чтобы не потерять социальную базу своего движения, для чего необходимо знать и учитывать то, как они думают и устанавливают свои приоритеты.

Миллениалы – это те, кто родился с 1980 по 2000 гг. и сегодня составляют более 30 % от общего числа работающего населения. В ближайшие годы их доля превысит 50 % общих трудовых ресурсов. Как отмечают исследователи, миллениал выделяется профессиональными амбициями и креативным мышлением, большинство из них предпочитают работать дистанционно, иметь гибкий график работы. При выборе места работы миллениалы предпочитают, чтобы оно соответствовало ряду критериев:

- система обратной связи и коммуникаций;
- наличие опытного тьютора;
- гибкость и свобода в принятии решений;
- признательность компании за усилия сотрудника;
- развитие и обучение.

Последний критерий миллениалы отмечают особо. При этом, с их точки зрения, в основе организации процесса корпоративного обучения должны лежать следующие принципы:

- доступность учебных материалов в любое время;

- использование формата микрообучения;
- понимание цели обучения;
- возможность постоянного обучения;
- геймификация, т. е. превращение процесса обучения в интересную игру с призами и уровнями [5].

Сегодня цифровые технологии могут стать фактором более активного использования социального демпинга, когда работодатель в нарушение Конвенции Международной организации труда может перемещать производство в территории с низкой оплатой труда, с дешевой рабочей силой (например, в «третьи страны») или в аутсорсинг, в использовании заемного труда, роботов, искусственного интеллекта и др.

В 2017 г. профсоюзный консультативный комитет Организации экономического сотрудничества и развития (ПКК ОСЭР) утвердил стратегию, основные принципы и задачи справедливого перехода к цифровой экономике – «Цифровизация и цифровая экономика». В этом документе проанализированы социальные и трудовые последствия перехода к цифровой экономике; вопросы регулирования рынка труда и занятости, включая обучение и повышение квалификации; организация социального обеспечения, включая пенсионное обеспечение; обеспечение инвестиций, позволяющих создавать достойные рабочие места [6].

Сегодня для профсоюзов в цифровой сфере важными являются следующие вопросы:

- представительство и участие профсоюзов в управлении внедрением на рабочем месте систем искусственного интеллекта и других цифровых технологий;
- введение цифрового налога, чтобы выгоды технического прогресса и цифровое благосостояние перераспределялось среди работающих людей;
- введение ответственности и подотчетности работодателей как потенциальных промышленных пользователей цифровых технологий;
- поддержка работников в цифровой трансформации и решение таких вопросов, как повышение квалификации, аутсорсинг, правила о рабочем времени (включая право на отключение), здоровье и безопасность, соотношение работы и отдыха, защита персональных данных;
- разработка этических норм и рекомендаций для разработчиков алгоритмов, которые должны соответствовать верховенству закона, социально-трудовым правам работников;
- обеспечение гендерного равенства в секторе ИКТ, содействие интеграции женщин в цифровую экономику.

Таким образом, ответом профсоюзов на вызовы цифровой экономики, в которой происходит сокращение рабочих мест, прекаризация, социальный демпинг является разработка и реализация стратегии справедливого перехода к цифровой экономике. Эта стратегия основывается на принципах демократического планирования цифрового и технологического развития, включающего в себя социальный диалог, взаимообмен информацией между профсоюзами (представителями работников) и работодателями, переговоры и консультации по поводу использования цифровых технологий.

Библиографический список

1. *Крайнов Г. Н.* Первый форум Российского профессорского собрания // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 165–166. DOI: 10.31857/S013216250000772-2
2. *Крайнов Г. Н.* О современном состоянии профсоюзного движения в России // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 158–162. DOI: 10.31857/S013216250006179-9
3. *Крайнов Г. Н.* Скауты в России // Отечественная история. 1993. № 5. С. 207.
4. *Крайнов Г. Н.* Будет ли эффект от эффективного контракта в вузе? // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 170–172. DOI: 10.31857/S013216250000680-1
5. Труд и социальные отношения. 2018. Т. 28, № 1. С. 100.
6. *Зубков С. А., Крайнов Г. Н.* Транспортные профсоюзы как составная часть международного профсоюзного движения: монография. М.: ИНФРА-М, 2017. 297 с.

УДК 929

А. А. Кузнецов,

заместитель начальника отдела Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ, советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук

МАЛОИЗУЧЕННЫЕ ФАКТЫ ИЗ БИОГРАФИИ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА Н. М. ХЛЕБНИКОВА

Биография Н. М. Хлебникова является относительно малоизученной. Статья подготовлена на основе документов и материалов Минобороны России и Музея Д. А. Фурманова, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Н. М. Хлебников, Герой Советского Союза, биография, Д. А. Фурманов.

A. A. Kuznetsov,

Deputy Chief of a Department of the Research Institute Military History
of the Military Academy of the RF Armed Forces General Staff,
Adviser of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences

LITTLE-KNOWN FACTS FROM THE BIOGRAPHY OF COLONEL-GENERAL N. M. HLEBNIKOV

Biography of N. M. Hlebnikov is relatively poorly studied. The article was prepared on the basis of documents and materials of the Russian Ministry of Defense and the D. A. Furmanov, which are first introduced into scientific circulation.

Key words: N. M. Hlebnikov; Hero of the Soviet Union, biography, D. A. Furmanov.

Будущий полководец родился в многодетной крестьянской семье в деревне Михалёво Нерехтского уезда Костромской губернии (впоследствии Фурмановский район Ивановской обл., ныне Приволжский район). Дата рождения его 6 (18) декабря 1895 г., но в паспорте записали 19 декабря 1895 г. [1]. Скорее всего, паспортисты не учли, что при переводе лет с юлианского на григорианский календарь до 1900-го года, к датам XIX в. добавлялось 12 дней, а не 13. Кроме Николая Михайловича в семье было три брата и две сестры. Отец Николая Михайловича был чернорабочим на кирпичном заводе Горбунова в Середе, затем на Фокинской фабрике в Иваново-Вознесенске, куда семья переехала в 1905 г.

Хлебниковы жили на одной улице с будущим писателем Д. А. Фурмановым, знакомство с которым сыграло решающую роль в дальнейшей судьбе Николая Михайловича. Молодой Д. А. Фурманов критиковал существующий режим, поддерживал идеи справедливости и равенства, оказывая большое влияние на сверстников, в том числе и на Николая Михайловича, который называл Дмитрия Андреевича «первым просветителем» [2, с. 4].

Летом 1911 г. Николай Михайлович поступил в Иваново-Вознесенское реальное училище, которое окончил в 1915 г., а затем завершил два с половиной курса инженеров путей сообщений. Военное образование Николай Михайлович получил в 1917 г. в Константиновском артиллерийском училище. Как видно, будущий военачальник получил хорошее образование.

Окончив военное училище в звании прапорщика во время Первой мировой войны был направлен на Юго-Западный фронт. Широкий кругозор позволил достойно выполнять обязанности помощника начальника звуковой артиллерийской станции.

После Октябрьской революции 1917 года Н. М. Хлебников вернулся в Иваново-Вознесенск, где вскоре добровольно вступил в ряды Красной армии. В определенной степени этому поспособствовал старый друг – Д. А. Фурманов, который на тот момент являлся секретарем Штаба революционных организаций Иваново-Вознесенска. По его рекомендации Николай Михайлович получил назначение в Оперативное управление штаба Ярославского военного округа, комиссаром которого был М. В. Фрунзе.

В том же году Н. М. Хлебников отбыл на Урал, где участвовал в боях против белогвардейских войск А. В. Колчака. Здесь он занимал должности начальника связи батареи отряда, командира батареи, а с апреля 1919 г. командовал артиллерийским дивизионом 25-й стрелковой дивизии, впоследствии имени В. И. Чапаева.

В одном из боев, который состоялся в ночь с 9 на 10 сентября 1919 г., смелые действия Николая Михайловича позволили сорвать атаку противника. Несмотря на полученное ранение, командир дивизиона остался в строю и своими действиями восстановил расстроенные порядки и организовал отступление. За этот подвиг он был удостоен ордена «Красного Знамени».

В апреле 1920 г. началась война Советской России против Польши, в которой принял участие Николай Михайлович. В ходе боевых действий был контужен разорвавшимся снарядом. Находясь на фронте, Н. М. Хлебников приступил к разработке инструкции, объясняющей как вести борьбу с танками. Прделанная работа в последующем нашла свое отражение в «Наставлении по артиллерии», изданном в середине 1920-х годов [2, с. 61–62].

После советско-польской войны Н. М. Хлебников был назначен начальником артиллерии 25-й дивизии, а в период с 1921 по 1924 гг. являлся инспектором для поручений при начальнике артиллерии Московского военного округа (МВО).

В 1924 г. Николай Михайлович уволился в запас для продолжения обучения в Институте путей сообщения. Однако в 1931 г. он вернулся в ряды Красной армии. За это время теория и практика военного дела шагнули вперед. Изменился состав артиллерийского вооружения. Это обязало Н. М. Хлебникова совершенствовать свои знания в военном деле. В декабре 1932 г. он окончил артиллерийские командно-тактические курсы при Артиллерийской академии в Ленинграде.

После завершения обучения Николай Михайлович был назначен командиром 14-го артиллерийского полка 14-й артиллерийской дивизии МВО. Одновременно с 1934 г. он стал исполнять обязанности начальника артиллерии дивизии. Несмотря на совмещения Н. М. Хлебниковым

одновременно двух должностей, полк под его командованием победил в первенстве округа по боевой и политической подготовке.

В 1936 г. он принял должность начальника артиллерийского снабжения МВО. Напомним, что это было время существенного перевооружения. Новое оружие требовало отработки его применения. В январе 1937 г. Н. М. Хлебникова назначили начальником отдела боевой подготовки Управления начальника артиллерии МВО. Следует отметить, что в эти годы он проявил себя как хороший методист, умеющий обучать командный состав и штабы.

С августа 1937 г. по сентябрь 1939 г. он командовал 108-м гаубичным артиллерийским полком большой мощности Резерва Главного командования. Ряд публикаций ошибочно указывают, что в период 1938–1939 гг. Николай Михайлович был арестован [3, 4]. Документальных подтверждений этому обнаружено не было.

В 1939 г. Николая Михайловича назначают начальником артиллерии 160-й стрелковой дивизии Северо-Кавказского военного округа (СКВО). В этой должности он находился в подчинении генерал-лейтенанта И. С. Конева.

С января 1940 г. по апрель 1941 г. Н. М. Хлебников занимал должность начальника отдела Управления начальника артиллерии СКВО и одновременно исполнял должность начальника артиллерии округа. В это время он выполнял обязанности начальника окружного сбора и руководил повышением боевой подготовки частей. Согласно тексту аттестации, данной Николаю Михайловичу, ему удалось это сделать «особенно в артиллерийском деле».

В апреле 1941 г. полковник Хлебников был назначен начальником артиллерии 27-й армии Прибалтийского Особого военного округа, на основе которого с началом войны был сформирован Северо-Западный фронт. В этой должности он встретил начало Великой Отечественной войны. 27-я армия была вынуждена отступать, ведя упорные бои. Достаточно успешные действия объединение проводило у населенных пунктов Резекне, Новоржев, Опочка, Холм. Армия ни разу не попадала в окружение, в чем была заслуга и артиллерии. Отступив до рубежа оз. Селигер – г. Осташков, объединение обороняло фронт расстоянием около 20 км. С декабря 1941 г. оно вело наступление в составе Северо-Западного, а позднее Калининского фронтов. В это время при непосредственном участии Николая Михайловича была внедрена практика применения лыжных батальонов при поддержке артиллерийских орудий, установленных на полозья. Описывая этот период в мемуарах, Маршал Советского Союза А. И. Еременко так отзывался о Н. М. Хлебникове: «Настоящий боевой артиллерийский начальник,

умевший мыслить и действовать применительно к самой сложной обстановке» [5, с. 462]. В октябре 1941 г. Н. М. Хлебникову было присвоено звание генерал-майора артиллерии.

Новое назначение Николай Михайлович получил в июле 1942 г. Он был переведен на должность начальника артиллерии Калининского фронта. В этой должности он участвовал в Ржевской, Невельской, Велико-Луцкой, Духовщинской и других операциях. Командующий войсками фронта генерал-полковник И. С. Конев в аттестации, кроме прочих заслуг, упоминает талант Николая Михайловича передавать свой опыт подчиненным: «учит подчиненные кадры искусству борьбы с немецко-фашистскими войсками».

В октябре 1943 г. Калининский фронт был переименован в 1-й Прибалтийский. В июне 1944 г. совместно с 3-м Белорусским фронтом он провел Витебскую операцию, завершившуюся глубоким прорывом обороны противника и окружением его значительных сил. Вскоре 1-й Прибалтийский фронт после значительного усиления средствами артиллерии осуществит прорыв на глубину до 300 км паневежско-шауляйской группировки противника и выходом к Рижскому заливу. Большой заслугой Николая Михайловича стало качественное планирование и умение организовать взаимодействие родов войск [6, с. 409–411].

В феврале 1945 г. 1-й Прибалтийский фронт был упразднен, а его войска, преобразованные в Земландскую группу войск, включены в состав 3-го Белорусского фронта. Командующим артиллерии был назначен Н. М. Хлебников. Группы создавалась с целью разгрома немцев на Земландском полуострове и штурма Кёнигсберга.

Операция советских войск привели к победе при успешном взаимодействии авиации и артиллерии в этих действиях [7, с. 533]. Противник впоследствии удивлялся той скорости, с которой был завоёван Кёнигсберг. За штурм крепости Н. М. Хлебникову 19 апреля 1945 г. было присвоено звание Героя Советского Союза.

Во время Великой Отечественной войны за отличную организацию боевых действий получил семь благодарностей от Верховного главнокомандующего и был награждён девятью орденами Советского Союза.

Некоторое время Николаю Михайловичу пришлось временно исполнять обязанности командующего Прибалтийским фронтом. В это время генерал-полковник Н. М. Хлебников представлял Прибалтийский военный округ на параде на Красной площади.

После войны он продолжил командовать артиллерией Прибалтийского военного округа. В этот период он занимался просветительской и пропагандистской деятельностью. В тексте аттестации, подпи-

санной командующим Прибалтийским военным округом генералом армии И. Х. Баграмяном, указывается, что Н. М. Хлебников «часто выступает с докладами и лекциями... пишет статьи по военно-историческим вопросам».

Обучение войск сочеталось с научной деятельностью, вытекающей из практики боевой подготовки. В 1947 г. под руководством Николая Михайловича были проведены артиллерийские стрельбы сухопутных войск по наводным целям. По их результатам были подготовлены и представлены в Генеральный штаб Советской армии методические материалы – «Правила стрельбы наземной артиллерии по морским целям» и «Наставление по взаимодействию сухопутной артиллерии с морским флотом в десантных и противодесантных операциях».

В том же году главным маршалом артиллерии Н. Н. Вороновым Н. М. Хлебников был утверждён редактором 7-го тома «Реактивная артиллерия» многотомного труда – «Артиллерия и артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне».

Научно-педагогический талант Николая Михайловича был замечен. 20 апреля 1948 г. он был назначен начальником кафедры артиллерии Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова. В процессе деятельности на новой должности он продолжает совершенствовать свои навыки преподавателя и исследователя. В 1950 г. ему было присвоено ученое звание доцента по кафедре артиллерии, а в 1951 году – ученая степень кандидата военных наук. Его исследование на тему: «Артиллерия резерва Верховного Главнокомандования в Великой Отечественной войне и перспективы ее дальнейшего развития» было чрезвычайно актуально [8, с. 201]. В 1952 г. Николаю Михайловичу был вручен диплом Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова.

В августе 1956 г. Н. М. Хлебников был назначен старшим военным советником командующего артиллерией Народно-освободительной армии Китая, а с января 1959 г. он являлся старшим группы специалистов по артиллерии в китайской армии. На этом посту генерал-полковник Хлебников оказал большую помощь в строительстве и боевой подготовке Народно-освободительной армии Китая. И вновь пригодилась научно-педагогическая практика. Пришлось оказать помощь в создании китайской артиллерийской академии и подготовке офицерских кадров.

Военная карьера Н. М. Хлебникова была завершена в июне 1960 г., но и после увольнения из армии генерал Хлебников занимал активную жизненную позицию. Он вел большую военно-патриотическую работу, в том числе в должности заместителя председателя Всесоюзного общества «Знание». Кроме того, Николай Михай-

лович являлся членом центрального комитета Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту СССР и членом президиума Советского комитета ветеранов войны [9].

Руководство страны отметило Николая Михайловича высокими государственными наградами. Кроме «Золотой звезды» Героя Советского Союза он был удостоен трех орденов Ленина, ордена Октябрьской революции, четырех орденов Красного Знамени, двух орденов Суворова 1-й степени, ордена Кутузова 1-й степени, ордена Суворова 2-й степени, двух орденов Красной звезды и семи медалей.

Пройдут годы, и, когда Николай Михайлович будет праздновать 70-летний юбилей, один из его друзей порадует за генерала: «Дивлюсь: сколько раз ты рисковал жизнью, а счастье тебе не изменило. Видно, в сорочке родился». На что генерал ответил: «Не знаю, в сорочке или без нее, а вот умирать буду в шинели» [4].

Н. М. Хлебников ушел из жизни 18 января 1981 г. Похоронен с воинскими почестями на Новодевичьем кладбище. Память о генерал-полковнике Н. М. Хлебникове увековечена в названиях улиц в Иванове, Фурманове Ивановской области и Велиже Смоленской области.

Библиографический список

1. Документы и материалы Минобороны России и Музея Д. А. Фурманова.
2. *Хлебников Н. М.* Под грохот сотен батарей. М., 1974. С. 4.
3. Хлебников, Николай Михайлович. Интернет-энциклопедия Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хлебников,_Николай_Михайлович (дата обращения: 02.11.2020).
4. *Экштут С.* Приказ генерала Хлебникова // Родина. 2015. № 6. С. 47–49.
5. *Еременко А. И.* В начале войны. М., 1965.
6. *Воронов Н. Н.* На службе военной. М., 1963.
7. *Баграмян И. Х.* Так шли мы к победе. М., 1977.
8. Академия Генерального штаба. 170 лет. М., 2002.
9. Красная звезда. 1981. 21 января.

А. Н. Кураев,

профессор, Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)

ЧТО ТАКОЕ КАЗАЧЕСТВО

В статье анализируется сущность казачества: термин, казачество как сословие, казачьи войска, особенности дореволюционного казачества, концепции возникновения казачества как этнической общности, теории происхождения казачества, вклад казачества в развитие России, современное казачество.

Ключевые слова: история России, история казачества, казаки, казачество, казачье войско, казачье сословие, происхождение казачества, современное казачество.

A. N. Kuraev,

Professor, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (The First Cossack University)

WHAT IS THE COSSACKS

The article analyses the essence of the Cossacks: the term, the Cossacks as an estate, the Cossack troops, peculiarities of the pre-revolutionary Cossacks, concepts of the Cossacks as an ethnic community, theories of the origin of the Cossacks, the Cossacks contribution to the development of Russia, the modern Cossacks.

Key words: the history of Russia, the history of the Cossacks, Cossacks, the Cossacks, Cossack army, Cossack estate, the origin of the Cossacks, the modern Cossacks.

Кто такие казаки? Термин «казачество» произошел от тюркских слов «казак», «козак», что в переводе на русский означает «вольный человек», «удалец». Есть и другие версии происхождения этого термина (украинская, казахская и т. п.). История казачества неотделима от истории России. Казачьи войска, как особая форма народно-хозяйственной жизни, всегда функционировали как военно-хозяйствующие общины, расположенные на границах Русской земли, где соседями были негативно настроенные государства.

В дореволюционной России, со времен Петра I, казачество, с юридической точки зрения, было военно-служивым сословием, в котором числилось население ряда регионов страны. Казачество несло обязательную и всеобщую воинскую повинность, и за это пользовалось

особыми правами и преимуществами. Оно освобождалось от налогов. Казачьи войска наделялись землей. На них казаки имели привилегии в занятиях торговлей и предпринимательством. Существовало казачье самоуправление: в станицах и хуторах имелись станичные и хуторские атаманы, избиравшиеся на сходах.

Из всего этого вытекали следующие особенности дореволюционного казачества: 1) Оно успешно совмещало военную службу с экономической деятельностью. Это – уникальное явление в отечественной и мировой истории. Вспомним провал реформы А. А. Аракчеева по созданию военных поселений: крестьяне и солдаты никак не хотели совмещать сельскохозяйственный труд и армейскую службу, и поэтому военные поселения часто бунтовали. 2) Казаки никогда не были крепостными, тем более что многие из них бежали от крепостничества. У них всегда был дух свободы. 3) Казачество раньше постоянно жило и служило на границах России. В отличие от регулярной армии, которая уходила в походы, но всегда возвращалась в места своей дислокации, как правило, в центральные регионы страны, чтобы защищать существовавшую власть. Отметим, что постоянно жить на границе мог далеко не каждый! Ведь в случае нападения врагов помощи ждать было неоткуда, и надо было рассчитывать только на собственные силы. 4) В основе казачьего мировоззрения лежали: служба Царю и Отечеству и православие («казак без веры не казак»). В то же время казаки отличались веротерпимостью. В их составе были также старообрядцы (7,5 % от общего числа; около 50 % старообрядцев в Уральском казачьем войске), а в национальных регионах – мусульмане, буддисты. У казаков были выборные священники, которые воспринимались не только как таковые, но и как боевые друзья [7, 11].

Что же касается *возникновения казачества как этнической общности*, то тут существуют *три типа концепций*.

1. Первый тип концепций – «самостийный» подход: казачий этнос – это якобы отдельный народ (восточнославянский), наравне с русскими, украинцами и белорусами, – т. е. как четвертая ипостась в этом союзе. Сущность подхода: история казачества древнее российской; казачий народ сложился раньше русского; казачество аккумулировало в себе ряд этносов и не более русское, чем тюркское, варяжское, или черкесское; этнические корни казачества объясняются как кросс-этнический синтез славяно-аланских, византийских и тюркских племен; казачество изначально, на самодостаточных основаниях, развивалось как отдельный народ и может развиваться как в союзе с Россией, так и вне этого союза. «Самостийная» концепция развивала идею создания т. н. «Казакии» как самостоятельного государства. Подобные подходы

отражены в «Казачьем словаре-справочнике» Г. В. Губарева и А. И. Скрялова [3]. По нашему мнению, взгляд на казачество как на отдельный народ является не состоятельным и в социологическом, и в культурно-нравственном, и в духовно-религиозном отношениях. Ведь у казачества нет ни отдельной территории, ни своего языка. А без внешнего фактора – т. е. без той среды великого народа и государства – не может эффективно осуществить свой исторический путь никакой приходящий в него народ, этнос или сословие. Идеи «этноказачества» представляют особую опасность в современной России: угроза раскола страны; оправдание и идеализация казаков-предателей в период Великой Отечественной войны.

2. Второй тип концепций – «державный» подход. Эту концепцию разрабатывали М. А. Караулов [6], атаман П. Н. Краснов [8], В. Д. Синеоков [13]. Традиции державной концепции следует ряд современных работ, изданных Союзом казаков России [5]. Главным вектором этой концепции является подчеркивание казачества как воинского сословия, созданного инициативой именно Российского государства. Казачество справедливо рассматривалось уже не как отдельный народ, а как часть русского народа. В таком подходе казачество объясняется не как целое, а как страта или большая социальная группа (этническая, этнокультурная, этносоциальная), сословие или социальный институт. Но минусом этой концепции было то, что из неё вытекало (даже вопреки взглядам авторов концепции) отрицание казачьей специфики.

3. Наиболее правильный, на наш взгляд, третий тип концепций: казачий народ – это часть единого русского народа, как *малый народ* – внутри *великого народа*. Но основание выделения «малого – из большого» для казачьего народа *иное*, чем основание разделения русского народа на триаду – великорусский, украинский, белорусский. В казачьем мире, в казачьем народе представлены все три ветви и даже более того – широкое многонациональное разнообразие. В этой триаде национальность и национальная культура учитываются, но они не являются единственно дифференцирующим – решающим основанием. Данный подход позволяет учитывать казачью специфику. Его придерживаются большинство современных историков казачества.

С вопросом о сущности казачества связана и *проблема его происхождения*. Мы до сих пор точно не знаем, откуда произошли казаки. Теории здесь носят характер гипотез, т. е. предположений. Согласно *миграционной теории*, главную роль в формировании казачества сыграло беглое население (в основном крестьяне и военные люди), спасавшееся от феодальной эксплуатации, ужасов крепостничества, репрессий (в т. ч. опричнина, гонения на старообрядцев), голода и войн. Эта

теория преобладала в советское время. Сейчас она часто подвергается критике, её презрительно называют «беглохолопской». В защиту миграционной теории скажем: бежали не худшие, а лучшие (во всех смыслах) люди, которые не хотели мириться с гнетом и унижениями и были готовы с оружием в руках отстаивать свободу и независимость для себя и своих семей. К тому же бежали из центра на окраины, что позволяло обустривать новые территории. *Автохтонные теории* считают, что казачество произошло от местного населения: славянского [12] или азиатского и кавказского [1]. Синтезируя эти теории, Л. Н. Гумилев рассматривает возникновение казачества как *симбиоз славян* (бродники) *и азиатов* (касоги) [4]. *Государственно-колонизаторская (сословная) теория* [13] решающую роль в создании казачества, как в центре, так и на местах отводит государству. *Ордынская теория* [2] истоки казачества видит в особых войсках, охранявших границы монгольской империи. После крушения империи русские князья взяли эти войска к себе на службу, а также начали создавать свои подобные же полки – т. е. казаков. Есть и другие теории. Необходимо сделать вывод, что все эти теории не противоречат, а успешно дополняют друг друга. У казачества был не один, а несколько источников происхождения. В этом – одна из причин феномена казачества, его силы и непобедимости. У каждого их источников оно взяло всё самое лучшее. У славян – занятие земледелием и скотоводством; у азиатов – умение воевать на лошадях, передвигаться на большие расстояния; из опыта Золотой Орды – необходимость специальных войск, охраняющих границы; у беглых и переселенцев – привычку всегда жить и воевать вместе; у разбойников – тактику спецназа: неожиданно для врага нападать и также быстро скрываться.

Выделяются четыре главных периода в истории Российского казачества. 1) XIV–XV вв. – XVIII век. 2) XIX век – 1917 год. 3) 1917–1991 гг.: казачество в советский период. 4) С 1991–1992 гг. начался современный период в истории российского казачества.

До конца XVII в. между властями и казачеством были договорные партнерские отношения с взаимными правами и обязательствами [7, 11]. Но крестьянско-казачья война 1670–1671 гг. под предводительством Степана Разина оказала огромное влияние, как на московскую власть, так и на казачество. В результате в 1671 г. донское казачество первым было приведено к присяге на верность службы русскому царю [10].

В XVIII в. императорская власть активно проводила политику на ликвидацию казачьих вольностей и полное подчинение казачества государству. В течение XVIII в. казачество было превращено в военное сословие, а казачьи войска были включены в структуру регулярных войск.

Вклад казачества в развитие России огромен и очень многогранен. Исторически он проявился в четырех главных направлениях: 1. Освоение и развитие новых территорий. Защита границ Русской земли, нашего государства. 2. Служба и героическое участие в войнах в составе российских и советских вооруженных сил. 3. Участие в развитии экономики страны. 4. Защита Православия и развитие самобытной казачьей культуры как части отечественного культурного наследия. Следует отметить, что все эти четыре главных направления деятельности казачества были тесно связаны между собой и переплетались.

Сейчас в России активно происходит процесс возрождения и развития казачества. Казаки нужны своей стране. Об этом свидетельствует опубликованный 9 августа 2020 года Указ Президента России В. В. Путина № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы». В нем российское казачество рассматривается как «исторически сложившаяся на основе взаимодействия русского народа и других народов России социокультурная общность, сформированная в ходе многовекового служения казаков Российскому государству и обществу». Цель Стратегии – «содействие консолидации российского казачества, сохранению, развитию, использованию духовного наследия и культуры казачества для обеспечения реализации его потребности в служении обществу посредством формирования эффективного механизма привлечения казачества к несению государственной и иной службы, участию в решении на основе общественно-государственного партнёрства государственных задач в интересах национальной безопасности». Среди важнейших задач Стратегии – повышение роли российского казачества в воспитании подрастающего поколения в духе патриотизма, готовности к служению Отечеству, в том числе с использованием потенциала общеобразовательных учреждений [9].

Но существуют и серьезные проблемы. До сих пор не принят Федеральный закон «О казачестве», что сильно затрудняет его поддержку и финансирование. Не решены и другие вопросы: следует ли создавать отдельные вооруженные казачьи подразделения для защиты границ России и поддержания внутреннего порядка?; допускать ли в казачество лиц не православного вероисповедания?; освобождать ли казачьи предприятия от налогов? (последние два фактора были в дореволюционный период); о казачьих землях, самоуправлении, образовании; соотношение реестрового и нереестрового казачества; неоднородность социального состава казачьего движения; и др.

Библиографический список

1. *Быкадоров И. Ф.* История казачества. Т. I. Прага: Библиотека Вольного казачества, 1930.
2. *Гордеев А. А.* История казачества. М.: Вече, 2014.
3. *Губарев Г. В., Скрылов А. И.* Казачий словарь-справочник: в 3 т. Калифорния, 1966–1970.
4. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М.: Астрель, 2012.
5. Казачество: энциклопедия / под ред. А. П. Федотова. М.: ИНФРА-М, 2003; Казачество – щит Отечества. М.: Изд. дом Тончу, 2005.
6. *Караулов М. А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. М.: Вече, 2008.
7. *Kotovichikhina N. D., Kuraev A. N., Polozhentseva I. V., Emtseva O. V., Abeldinova E. N.* SOCIOCULTURAL CHARACTERISTICS OF THE COSSACKS // *Revista Inclusiones*, 2020. Т. 7. № S3-2. Р. 280–292.
8. *Краснов П. Н., атаман.* История Войска Донского. Картины былого тихого Дона. М.: Вече, 2007.
9. kremlin.ru/acts/news/63878
10. *Kuraev A., Artemyeva S., Azmetova R., Dmitrieva S., Pallotta V.* THE DON COSSACKS AND ORTHODOXY RELIGIOUS AND MORAL TRADITIONS IN THE FRAMEWORK OF MODERN EDUCATION // *European Journal of Science and Theology*. 2019. Т. 15. № 4. Р. 127–135.
11. *Кураев А. Н.* Особенности казачьего социума // Теория и практика общественного развития в свете современного научного знания: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. М.: Перо; Красково: Гуманитарно-социальный институт, 2017. С. 201–204.
12. *Савельев Е. П.* Древняя история казачества. М.: Вече, 2012.
13. *Синеоков В.* Казачество и его государственное значение / с предисл. ген. Краснова. Париж: [б. и.], 1928.

УДК 908

А. А. Ладанова,

архивист, отдел Публикации и использования документов,
Государственный архив Ивановской области

УСЛОВИЯ ТРУДА НА БОЛЬШОЙ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ МАНУФАКТУРЕ В 1923/24–1926/27 гг.

В статье рассматриваются условия труда рабочих в разных отделах Большой Иваново-Вознесенской мануфактуры, что является одним из важнейших факторов развития производства.

Ключевые слова: НЭП, текстильная промышленность, Ивгострест, Большая Иваново-Вознесенская мануфактура, условия труда рабочих.

A. A. Ladanova,

Archivist of the Department of Publication and Using of Documents,
State Archive of Ivanovo region

WORKING CONDITIONS OF IVANOVO-VOZNESENSK “BIM” FACTORY IN 1923/24–1926/27

Working conditions of workers of the various department of Ivanovo-Voznesensk “BIM” factory are considered in the article. It is one of the most important factors of production development.

Key words: NEP, textile industry, Ivanovo-Voznesensky state textile trust, Ivanovo-Voznesensk “BIM” factory, working conditions of workers.

Большая Иваново-Вознесенская мануфактура была одной из ведущих фабрик Иваново-Вознесенского государственного текстильного треста, а также считалась визитной карточкой «русского Манчестера». На ее примере можно рассмотреть условия труда текстильного рабочего периода Новой экономической политики. Руководство треста и фабрики понимало, что условия труда являлись важной составляющей успешного развития производства. Когда к 1925/26 г. на БИВМ в полную силу заработали нэповские механизмы ведения хозяйства, руководители мануфактуры смогли больше внимания уделять социальным вопросам.

Из материально-технических обследований фабрики, проводимых комиссией по охране труда и рабоче-крестьянской инспекцией, видно, что основной инструмент текстильщика – производственное оборудование – часто ломалось. Такие мелкие детали, как кольца, щеткодержатели, клеммы, подшипники, валы, рубильники и прочие приборы требовали массовой замены. Во время работы части машин сильно нагревались, могли в любой момент отвалиться и даже взорваться [4, д. 56, л. 99]. Использование такой техники нередко приводило к несчастным случаям.

Чаще всего бимовцы получали травмы при заправке оборудования. Самой опасной техникой были печатные машины, плюсовки, сушильные, заварочные, красильные и спиртовые барабаны. Их движущиеся части (ремни, шкивы, гладкие валы, зубчатые передачи) располагались тесно друг к другу и близко к рабочему. При малейшей неосторожности рука попадала внутрь механизма, оказывалась разрезанной или раздробленной [1, д. 538, л. 42]. Для защиты рабочих на оборудовании устанавливались специальные ограждения, которые останавливали вылетающие из ткацких станков приводные ремни и челноки, препятствовали распространению ядовитых, кислотных брызг и не позволяли рабочему случайно задевать движущиеся механизмы.

В различных отделах БИВМ устанавливалось моторное оборудование. Общие условия работы данного оборудования были чрезвычайно трудными (жара, грязь, пыль, сырость, вредные пары). Из-за этого моторы работали ненормально, наблюдался сильный износ частей. Например, в печатном отделе «совершенно чистый мотор через 6–8 часов работы сплошь забивался пылью» [4, д. 56, л. 98]. Чистка была возможна только крючками или продувкой, но выполнить ее можно было исключительно в нерабочее время или праздники, а этому, в свою очередь, препятствовало постановление о лимитировании сверхурочного труда рабочих. Директор мануфактуры С. М. Балахнин не один раз пытался доказать правлению Ивгостреста, что фабрике необходимо дополнительное рабочее время на очищение машин.

Кроме оборудования опасность для жизни и здоровья бимовцев представляли сами производственные помещения. Подробный доклад с результатами обследования сооружений Большой Иваново-Вознесенской мануфактуры составил инженер-строитель В. Н. Озимов. Он был командирован на нашу фабрику 20 февраля 1923 г. по распоряжению И. П. Автономова (члена правления треста). Из данного документа мы узнаем, что «часть помещений предприятия была перекрыта сводами из волнистого железа, которое местами под влиянием разных факторов проржавело» [4, д. 26, л. 60]. Например, в отделе голландр перекрытия потолков испортились из-за стоявших этажом выше спиртовых барабанов, а над бристолевой – своды проржавели от сырости, так как помещение располагалось под резервуаром воды. К тому же, указанные своды были очень слабыми и непрочными. Их отделка состояла из «слабого бетона» (кирпичный щебень на известковом растворе). Поэтому они не могли служить «самостоятельной конструкцией, способной воспринимать какую-либо нагрузку» [4, д. 26, л. 60]. По заключению В. Н. Озимова, все перекрытия нужно было срочно заменить на железобетонные и водонепроницаемые. Необходимый ремонт и строительные работы по данным помещениям проводились в течение 1923/24–1926/27 гг.

Самым «больным» местом на фабрике в плане безопасности и санитарных условий был кубовой подвал. Недостаточное освещение, густой туман, разбросанный мусор и детали машин затрудняли движение по подвалу. Из-за сильной сырости в кубовом подвале быстро ржавели паровые и водяные трубы, коробки прогонных аппаратов, потолочные балки, вентиляторы и моторы. Инспектор труда при осмотре помещения в 1926/27 г. постановил всю воду от промывных аппаратов вывести в общую сливную трубу, что до этого сделано не было [1, д. 538, л. 41 об.–42].

Другим опасным местом на БИВМ в 1926/27 г. оставалась центральная содовая. Здесь «две трубы для откачивания каустика из бака

шли через чаны с товаром, в которых работали люди» [1, д. 538, л. 43 об.–44]. При случайном повреждении этих труб едкая кислота выплеснулась бы прямо на рабочих. Кроме того, работникам, обслуживающим механизмы, установленные под потолком центральной содовой, приходилось передвигаться по обычной узкой доске. При падении с нее человек попадал прямо в открытый бак с жидким каустиком [1, д. 538, л. 43 об.–44]. Инспекция труда при осмотре помещения постановила срочно сделать прочную площадку с перилами для обслуживания верхнего оборудования и реорганизовать систему откачивания каустика.

В целом духота, жара, грязь, сырость, пыль, копоть в производственных помещениях Большой Иваново-Вознесенской мануфактуры пагубно влияли на здоровье бимовцев. Заболевания ушей, легких, сердца, гормональные сбои, ревматизм и конъюнктивит становились профессиональными недугами. Все эти факторы возникли из-за слабой вентиляции воздуха и неравномерного отопления отделов мануфактуры. Данные системы оставались серьезной проблемой фабрики на протяжении 1920-х гг., несмотря на постепенное обновление соответствующего оборудования.

На БИВМ использовалась приточно-вытяжная вентиляция, которая осуществлялась посредством калориферов (фирмы «Юнкерс») и вентиляторов (фирм «Сирокко» и «Блекман»). В 1925/26 г. частичные вентиляционные установки были сделаны в печатном, красильном, заварочном и меднолитейном отделах, в отделениях промывных аппаратов и плюсовок черного анилина, в подвале, в кузнице и в помещении центральной силовой станции [4, д. 56, л. 113]. Но даже в 1926/27 г. в некоторых отделах фабрики существовала опасность профотравления. Например, в травильном подотделе граверной выделялись газы азотной кислоты. Они тяжелее воздуха и соответственно должны были выводиться через нижнюю вентиляцию. В помещении же, наоборот, проходила вертикальная вытяжная труба, слабый вентилятор которой не справлялся с очищением воздуха [1, д. 538, л. 40 об.]. Похожая ситуация наблюдалась в травильном помещении кубового подвала. Заржавевший, сильно изношенный вытяжной вентилятор не спасал рабочих от вдыхания ядовитых кислотных паров, которые проникали в комнату сквозь щели вентиляционной трубы, «заткнутые войлоком» [1, д. 538, л. 42].

Повышенной влажностью отличалось помещение новой лаборатории, где испарения из заварочных чанов оседали на стенах и потолке. В красильной лаборатории в холодную погоду замерзали паровые трубы, из-за чего парники над мыловарными чанами не справлялись со своими функциями [1, д. 538, л. 41 об., 42 об.]. Через помещение голландр проходила «канавка» с горячей водой (сюда спускалась вода, использованная при различных производственных процессах, и даже шел

слив из отопительных котлов). От нее температура воздуха в отделе поднималась до 30 с лишним градусов [1, д. 538, л. 43]. Также новые мощные приточно-вытяжные системы требовались в палильном отделе, где наблюдалась сильная запыленность, и в красильной лаборатории в местах работы с кислотами.

Капитальный ремонт вентиляционных устройств на БИВМ вошел в план губернского отдела труда по проведению мероприятий в области улучшения санитарно-гигиенических и технических условий труда в 1927/28 г. [1, д. 538, л. 39].

Процесс отделки тканей включал в себя различные химические операции. В отделах, где они осуществлялись, рабочие не могли обходиться без специальной одежды. Ее бимовцы должны были получать на фабрике. Но тут возникали трудности. Из-за сильного травления одежда и обувь работников быстро приходила в негодность, а в условиях кризиса 1920–1922 гг. особых запасов специальной формы на предприятии не было, поэтому ее выдачу постоянно задерживали. Рабочие отбельных и красильных отделов портили на производстве свою последнюю одежду, из-за отсутствия обуви трудились в воде, кислотах и грязи либо внасквозь сырых баретках, лаптях, либо босиком [3, д. 890, л. 122].

В 1923/24 г. ситуация стала улучшаться. На мануфактуре заработала особая система снабжения работников защитными средствами. Специальная и предохранительная одежда защищала рабочих и служащих от особо вредных действий травных и едких материалов, ядовитых газов и паров, холода, сырости, пыли и грязи. Бимовцы получали сапоги, баретки, валенки, галоши, рукавицы, фартуки, полушубки и фуфайки, блузы и брюки, дождевые плащи, резиновые перчатки, нижнее белье, наспинники, наплечники, очки и респираторы. Все выдаваемые вещи числились как инвентарь предприятия, поэтому по окончании рабочего дня они должны были храниться на фабрике в запертых шкафчиках. И вынос прозодежды с мануфактуры без особого разрешения заведующего отделом рассматривался как похищение имущества предприятия. Чистка, починка и восстановление выданных вещей производились на средства мануфактуры [2, д. 39, л. 14].

Итак, из представленного обзора видно, что условия труда на Большой Иваново-Вознесенской мануфактуре в годы НЭПа были очень тяжелыми, опасными для здоровья рабочих. Кризис начала 1920-х гг., вызванный Гражданской войной, серьезно сказался на состоянии оборудования и помещений фабрики, восстановление которых требовало решительных мер и больших затрат. Руководству БИВМ приходилось одновременно наращивать темпы производства и улучшать условия труда. Данному процессу помогала система хозрасчета, которая позволяла оставлять часть прибыли и использовать ее в качестве амортизации

онного фонда. Благодаря чуткому контролю со стороны Ивгостреста за действиями фабрики и его финансовой поддержке, все мероприятия, направленные на ремонт техники и улучшение условий труда, соответствовали принципам рационализации производства. С проведением строительных работ и обновлением оборудования повышалась производительность предприятия, улучшалось качество выпускаемой продукции, снижался процент брака, а самое главное, и техника, и помещения становились безопаснее в использовании. Все это положительно сказывалось на интенсивности труда рабочих. Так, несмотря на серьезные технические проблемы, БИВМ в числе первых фабрик Ивгостреста достигла уровня производства 1913 г. (в 1925/26 г.) и стала специализироваться на выпуске миткалей, бязей и тканей крестьянского типа.

Библиографический список

1. ГАИО. Ф. Р-1686 (Иваново-Вознесенский государственный текстильный трест ВСНХ СССР (Ивгострест)). Оп. 2. Д. 165, 538, 539, 808, 693.
2. ГАИО. Ф. Р-703 (Фабричный комитет Текстильного треста Всесоюзного профессионального союза текстильщиков при Ситцепечатной фабрике Большой Иваново-Вознесенской мануфактуры города Иваново-Вознесенск). Оп. 1. Д. 13, 24, 38, 39, 62, 71, 100.
3. ГАИО. Ф. Р-730 (Иваново-Вознесенский губернский отдел Всесоюзного профессионального союза текстильщиков). Оп. 1. Д. 462, 463, 603, 739, 867, 871, 890.
4. ГАИО. Ф. Р-822 (Ткацко-отделочная фабрика Большой Ивановской мануфактуры 2-го Главного управления хлопчатобумажной промышленности Ивановской области). Оп. 1. Д. 25, 26, 27, 54, 56, 58.

УДК 281.93

К. А. Латышев,

аспирант кафедры истории России, Белорусский государственный университет (Беларусь, Минск)

ПЕРИОД 1922–1928 гг. КАК ОСНОВА ЭВОЛЮЦИИ СОВЕТСКОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА

В статье рассматриваются социально-культурные изменения в старообрядческом обществе, характеризуются их причины, определяется их значимость и специфика, автор обосновывает использование термина «эволюция» в отношении обозначенного этапа.

Ключевые слова: Советское старообрядчество, старообрядчество 1920-х гг., эволюция старообрядческого общества, российская историография, антирелигиозная политика, этноконфессиональная история.

K. A. Latyshev,

Postgraduate student at the Department of Russian History,
Belarusian State University (Belarus, Minsk)

PERIOD 1922–1928 AS THE BASIS OF THE EVOLUTION OF THE SOVIET OLD BELIEVERS

The article examines the socio-cultural changes in the Old Believer society, describes their causes, determines their significance and specificity, the author uses the use of the term “evolution” in relation to the designated stage.

Key words: Soviet Old Believers, Old Believers of the 1920s, Evolution of Old Believers' society, Russian historiography, anti-religious policy, ethno-confessional history.

История конфессионально-государственных взаимоотношений старообрядчества и советской власти 1920–1930-е гг. изучена достаточно подробно в российской (советской, и, в большей мере постсоветской) исторической науке, но ключевой особенностью является локальный характер исследований. Локализация осуществляется в основном по территориальному признаку: (Сибирь – А. В. Костров, О. Б. Гордеева, С. В. Васильева; Алтай – И. В. Куприянова; Урал – И. П. Коровушкина-Пярт, Ю. В. Клюкина-Боровик; Дальний Восток – Ю. В. Аргудяева; «Русский Север» в рамках Поморья и Севера-востока европейской части России – Н. Ф. Рыжонок; Москва – В. Ф. Козлов; Курский Край – А. В. Апанасенок и др.) либо по локально-конфессиональному признаку (старообрядцы часовенного согласия – у Н. Н. Покровского и Н. Д. Зольниковой и старообрядцы бегунского толка – Е. Е. Дутчак и др.). К настоящему времени (2020 г.) отсутствуют обобщающие и систематизирующие исследования в рамках всей территории Советского Союза обозначенного хронологического периода, однако полнота и глубина региональных исследований, по нашему мнению, позволяет формировать цельную картину существования старообрядчества как в общем, глобальном положении, так и в узкопрофильных вопросах.

В контексте изучения истории старообрядчества мы считаем важным выделение периода 1917–1928 гг. А. В. Костровым, на основании того, что «конфессиональная политика правительства была направлена на относительно мягкое выдавливание религии из всех сфер жизни общества и замену ее материалистическим мировоззрением» [4, с. 259]. Мы считаем корректным изменение нижней хронологической границы данного этапа на 1922 г. ввиду окончания Гражданской войны, юридического оформления СССР (ввиду чего можно говорить об общей советской политике в области религии), а также создания Антирелигиоз-

ной комиссии при ЦК ВКП(б) являющейся одним из центральных органов ответственных за взаимодействие с религиозными группами. Верхняя граница обусловлена рядом социально-политических и правовых изменений в обществе (принятие постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», закрытие Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б), завершением НЭПа и объявление коллективизации), в том числе и касающихся религиозных общин. Таким образом, период 1922–1928 гг. является самостоятельным хронологическим этапом, требующим индивидуального подхода к изучению и анализу. Ранее, нами проводился историографический анализ постсоветских исследований данного этапа, среди наиболее значимых выводов было выделение и обособление в конфессиональной политике двухфакторов: антирелигиозного давления и антирелигиозной агитации, являющихся самостоятельными историческими проблемами. В результате анализа антирелигиозной агитации нами было выделено определённое противоречие между общим признанием неэффективности антирелигиозных действий данного периода (при оценке непосредственно реализации антирелигиозных программ в старообрядческой среде), но при этом высокая степень изменений в социальной жизни старообрядцев нехарактерных для данной этноконфессиональной группы. Более подробно о выделении данного противоречия в соответствующей статье [10].

В результате проведённого исследования мы выделяли в качестве равнозначных исторических проблем, как сложность терминологического определения обозначенных изменений, так и оценку значимости осуществлённых преобразований с точки зрения влияния на историческое восприятие изменений в старообрядческом обществе. В настоящей статье мы считаем возможным предложить обоснование использования термина «эволюция» в отношении обозначенных изменений. Мы выделяем следующие обстоятельства, которые свидетельствуют о корректности использования данного термина в качестве характеристики анализируемых событий:

1) В период 1922–1928 гг. отмечались попытки сближения государства и старообрядчества, выделяя государственную инициативу. Среди исследователей нет единой точки зрения на причины данного сближения, однако мы считаем возможным выделить основные, на наш взгляд, факторы, которые могли стать причиной подобного сближения. В первую очередь это длительное противодействие старообрядчества господствовавшей в Российской империи православной церкви. Поддержка старообрядцев в данном контексте выглядит как элемент давления в отношении господствующей церкви. Во-вторых, М. Д. Бонч-Бруевич, как известно, оценивал общежитийный принцип формирова-

ния старообрядческих и сектантских хозяйств в качестве возможного «народного» аналога идеала коммунистической догматики [12, с. 648]. Возможно, определённое влияние оказал подход расколоведов 19 века, в частности А. Щапова, который считал значимыми антисамодержавные тенденции в старообрядческих движениях [11, с. 116], на основании которых, в свою очередь, старообрядцы рассматривались советской властью как идеологические противники монархизма. В подтверждение данного тезиса Н. Ф. Козлов, изучая историю Московского старообрядчества обозначенного периода, приводил информацию о том, что старообрядцы в 1920-е гг. испытывали «слабые надежды на то, что их как пострадавших от царской власти трогать не будут» [3, с. 198].

2) Изменения старообрядческого общества в период 1922–1928 гг. не были вызваны репрессивными действиями (которые не отмечались исследователями в качестве характерных инструментов на данном этапе, к такому выводу мы пришли в соответствующей статье [10, с. 91]). При этом, отмечаются значительные отступления от устоявшихся социальных парадигм: браки между старообрядцами и атеистами [9, с. 329]; браки между дальними родственниками, но запрещёнными у старообрядцев [5, с. 329]; использование орудий труда созданных промышленно, а не «чистых», созданных собственноручно [6, с. 97]; получение светского образования, нехарактерных профессий [9, с. 97]; посещение запрещённых развлекательных заведений [7] и др. Обозначая данные изменения важно констатировать, что закрытость, замкнутость и традиционализм, патриархальность и религиозная приверженность правилам – именно эти парадигмы позволяли старообрядцам различных течений сопротивляться централизованному давлению в период существования Российской Империи. А уже в период 1922–2928 гг. мы видим отступления от устоявшихся канонов.

3) Вопрос «эволюции» старообрядчества обозначенного периода уже поднимался в исторической литературе в различных регионах России. Так, подобному аспекту посвящена диссертация на соискание степени доктора исторических наук А. В. Кострова – «Эволюция старообрядчества Байкальской Сибири в 1905–1941 гг.»; диссертация на соискание степени кандидата исторических наук С. Н. Абакумова – «Эволюция старообрядчества в Орловской губернии в конце XVIII – начале XX в.»; статья М. В. Корчериной и В. В. Дзюбана «Эволюция старообрядческих общин пограничных территорий России, Украины и Беларуси в советский и постсоветский периоды развития: проблемы сохранения этноконфессионального единства» и др. Авторы в своих исследованиях уделяют значительное внимание концепции «эволюции»

старообрядчества, М. В. Кочергина и В. В. Дзюбан уточняют, что «данный процесс всё ещё требует серьёзного историко-философского обоснования» [2, с. 183]. Если мы обратимся к определению эволюции согласно Х. Дж. М. Классена – «процесс структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает социальная форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы» [1, с. 7], то увидим в качестве ключевых аспектов формирование качественных отличий от предыдущих форм существования. Наблюдаемые изменения вполне соответствуют данной формулировке, ввиду того, что изменяются ключевые парадигмы существования старообрядческого общества. Следует отметить, что старообрядчество не являлось единым целым, старообрядческие толки и согласия во многих случаях практически не имели общих черт, однако, именно традиционализм и закрытость, общинность – являлись структурными компонентами, их изменение однозначно говорит об эволюции старообрядческого общества.

Таким образом, подводя итог, мы считаем возможным констатировать, что выделенный исторический период является основополагающим в процессе изменения советского старообрядчества. Мы считаем использование термина «эволюция» в отношении старообрядчества корректным, т. к. в данный период наблюдаются существенные изменения, ранее не встречаемые в среде староверов. При этом в отличие от периода 1930-х гг. в обществе отсутствует жёсткая система подавления, что, по нашему мнению, в определённой мере уменьшило характерное для старообрядцев стремление защищать самобытность своего строя, и подтолкнуло данную этно-религиозную общность к пути определённого изменения. Следует обозначить тот факт, что развитие старообрядческого общества осуществлялась на протяжении всей истории его существования, а вот советской период характерен не столько развитием, сколько изменением общества, его эволюцией. По нашему мнению в данной ситуации это (в целом незначительное) терминологическое различие имеет существенное, принципиальное значение, которое позволяет по-иному оценить значимость происходящих изменений. По нашему мнению, именно результат эволюции старообрядческого общества в 1920-е гг. имел ключевое значение в успешной реализации советской антирелигиозной программы следующего десятилетия. Данный факт значительно повышает значимость анализа изменений 1920-х гг., позволяет проследить определённую цельность, монолитность советской политики в области религии, не смотря на существенные различия между отдельными её хронологическими периодами в целом по всей территории СССР.

Библиографический список

1. Альтернативные пути к цивилизации: кол. монография / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М.: Логос, 2000. 368 с.
2. *Дзюбан В. В., Кочергина М. В.* Эволюция старообрядческих общин пограничных территорий России, Украины и Беларуси в советский и постсоветский периоды развития: проблемы сохранения этноконфессионального единства // Вопросы политологии. 2017. № 4. С. 182–193.
3. *Козлов В. Ф.* Московское старообрядчество в первой трети XX в. (храмы, молельни, общественные организации и учреждения) // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / сост. Е. М. Юхименко. М.: Языки русской культуры; 1999. С. 190–239.
4. *Костров А. В.* Старообрядчество Байкальской Сибири в «переходный» период отечественной истории (1905–1930-е гг.). Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2010. 443 с.
5. *Костров А. В.* Эволюция старообрядчества Байкальской Сибири в период становления советского общества // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2010. № 7. С. 326–331.
6. *Костров А. В.* «Семейские (Забайкальские старообрядцы)» А. М. Поповой как источник по истории развития хозяйства староверов Байкальской Сибири в 20-е гг. XX в. // Историко-экономические исследования. 2010. № 11 (2). С. 93–102.
7. *Кочергина М. В.* Конфискация имущества, лишение избирательных прав и репрессии советской власти против старообрядцев Стародубья и Ветки в 1920–1940 гг. // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. 1. URL: <https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/054-009.pdf> (дата обращения: 11.12.2020).
8. *Куприянова И. В.* Социальная структура старообрядчества Алтая в полереволюционный период. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. 2014. № 10 (1). С. 96–98. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2014/10-1/24.html> (дата обращения: 15.12.2020).
9. *Куприянова И. В.* Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 326–330.
10. *Латышев К. А.* Ключевые аспекты конфессиональной политики Советского государства в отношении старообрядчества (1922–1929) в современной российской светской историографии // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020. № 1. С. 85–94. URL: <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-1-85-94>.
11. *Сажин Б. Б.* Отношение к старообрядчеству и религиозному сектантству в революционном народничестве в 70-е гг. XIX в. // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы VI Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2015. С. 114–120.
12. *Эткинд А. М.* Секты, литература и революция. М., 1998. 688 с.

УДК 930.1

Т. С. Леонтьева,

магистр, Костромской государственный университет

АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ СРЕДИ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (На материалах Костромской области)

В 1985 г. началась антиалкогольная кампания, которая во многом затронула повседневную жизнь молодежи. В целях антиалкогольной пропаганды среди советской молодежи проводили различные спортивные и культурные мероприятия в Костромской области.

Ключевые слова: Перестройка, антиалкогольная компания, советская молодежь, комсомол.

T. S. Leontieva,

Master degree, Kostroma State University

ANTI-ALCOHOL CAMPAIGN AMONG SOVIET YOUTH AND ITS CONSEQUENCES (Based on materials from the Kostroma region)

In 1985, anti-alcohol campaign began, which largely affected the daily life of young people. For the purpose of anti-alcohol propaganda among Soviet youth, various sports and cultural events were held in the Kostroma region.

Key words: Perestroika, anti-alcohol campaign, Soviet youth, Komsomol.

7 мая 1985 года считается началом антиалкогольной кампании. Именно в этот день было обнародовано постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». Спустя несколько дней оно дополнилось Указом Президиума Верховного Совета СССР, который добавил к борьбе за трезвость рычаг административной и уголовной ответственности.

В 1985 году в Костромской области прошли комсомольские собрания с единой повесткой о проблемах борьбы с пьянством. В целях антиалкогольной пропаганды среди молодежи совместно с организациями общества «Знание» и кинофикации организовано 85 кинолекториев. В помощь лекторам разработана лекция «Трезвость – норма жизни». Редакцией газеты «Молодой ленинец» проведены 7 рейдов «За эффективный труд и здоровый быт».

В организации разумного отдыха активно используется молодёжный туризм. Увеличилось число молодёжных кафе в Костромской области (с 3 до 33), число любительских объединений, на 9 % – количество занимающихся в них комсомольцев и молодежи. Были проведены отчетные концерты самодеятельных коллективов-лауреатов премии Костромского обкома ВЛКСМ, смотры-конкурсы вокально-инструментальных ансамблей, агитационно-художественных бригад, комсомольско-молодежной песни. В это время в Костромской области с 6 до 9 возросло число оборонно-спортивных лагерей для подростков.

В результате проделанной работы в 1986 году и за 6 месяцев 1987 г. в одном из документов, а именно в «Записке о работе обкома, горкомов и райкомов ВЛКСМ по выполнению постановлений ЦК КПСС по преодолению пьянства и алкоголизма» говорится, что сократилось число комсомольцев, молодежи и несовершеннолетних, привлечённых к административной ответственности за пьянство, но соответствующая статистика не приводилась.

Отделом пропаганды и агитации обкома КПСС было сказано, что «в работе обкома комсомола по выполнению постановлений ЦК КПСС по преодолению пьянства и алкоголизма нет должной настойчивости и последовательности, недостаточна его организующая роль, нет четкой системы в этом деле. Бюро, секретариат, отделы обкома слабо контролируют выполнение принятых постановлений по борьбе с пьянством, воспитанию здорового образа жизни, ведут эту работу кампанейски». Несмотря на заслушивание в секретариате обкома ВЛКСМ отчетов Нейского и Димитровского райкомов комсомола, в Нейском районе не снизилось, а в Димитровском районе увеличилось в 1987 году число комсомольцев, привлеченных к административной ответственности за нарушение антиалкогольного законодательства, в Димитровском районе выросло число преступлений, совершенных подростками на почве пьянства.

Отделом пропаганды и агитации обкома КПСС было сказано, что «обком, горкомы, райкомы ВЛКСМ не добились создания в каждой комсомольской организации обстановки всеобщего осуждения и неотвратимости наказания лиц, злоупотребляющих спиртными напитками». Из 1979 комсомольцев области, нарушивших антиалкогольное законодательство, в 1986 году исключено из комсомола 76 человек, объявлены взыскания с занесением в учетную карточку 67 комсомольцам.

Комитеты комсомола не оказывают существенного влияния на организацию досуга юношей и девушек. Не стали сферой комсомольского влияния и молодежные общежития. Во многих общежитиях нет кружков художественного и технического творчества, спортплощадок.

И не случайно в 1986 году 15 % преступлений совершены подростками в общежитиях. Имели место случаи пьянства в общежитиях СПТУ № 8 г. Буя, СПТУ № 26, 9 г. Костромы. В общежитиях фабрики «Искра Октября» производственного льняного объединения были доставлены в 1986 году в медвытрезвитель более 30 человек.

Снижено было внимание к проблеме пьянства со стороны газеты «Молодой ленинец». В 1987 году на ее страницах не было публикаций по этим вопросам, не проводились рейды «За эффективный труд и здоровый быт», не освещался опыт антиалкогольной работы комсомольских организаций.

Отделом пропаганды и агитации обкома КПСС было сказано, что «более одной трети нарушителей антиалкогольного законодательства в 1986 году – это молодые люди в возрасте до 30 лет». Увеличилось число комсомольцев, привлеченных к административной ответственности за пьянство в 8 районах Костромской области. Возросла преступность несовершеннолетних на почве пьянства в Буйском, Шарьинском, Мантуровском районах. Не улучшается обстановка по проблеме борьбы с алкоголизмом и пьянством в 1987 году.

За 6 месяцев 1987 года число членов ВЛКСМ, задержанных в нетрезвом виде, увеличилось в 13 районах области и наиболее значительно в Дмитровском, Буйском, Вохомском, Мантуровском, Поназыревском, Судиславском районах. На 46,7 процента возросла преступность несовершеннолетних на почве пьянства, более чем в 2 раза увеличилось количество несовершеннолетних, совершивших преступления в пьяном виде. Выявлено и поставлено на учет за злоупотребление токсических и психотропных веществ 112 подростков.

Отделом пропаганды и агитации обкома КПСС было отмечено, что продолжается практика либерализма и безнаказанности к нарушителям антиалкогольного законодательства.

Подобные упущения стали возможными вследствие недостаточного руководства и контроля деятельности комсомольских организаций со стороны партийных комитетов.

Итоги антиалкогольной кампании известны, а вот последствия более плачевны. Те позитивные изменения, которые произошли на первом этапе кампании в 1985 г., были сведены на нет в последующие годы проведения кампании в 1986–87 гг.

Библиографический список

1. Государственный архив Новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. 765. Оп. 48. Д. 32; Оп. 53. Д. 34, 44; Оп. 54. Д. 7.

2. *Гашин И.* Настрой на трезвую жизнь: областная учредительная конференция общества борьбы за трезвость // Северная правда. 1985. 23 окт. С. 3.

Д. Ю. Листопадов,

архивист 1-й категории, Государственный архив Ивановской области

К ВОПРОСУ О ПОТЕРЯХ ФРОНТОВ В НЕКОТОРЫХ ОПЕРАЦИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье проводится сравнение фронтовых сводок о потерях личного состава в некоторых операциях Великой Отечественной войны с официальными российскими данными, приведенными в труде Г. Ф. Кривошеева.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военные потери, Красная армия, статистика, Г. Ф. Кривошеев.

D. Yu. Listopadov,

Archivist (category 1), The State Archive of the Ivanovo region

TO THE QUESTION OF LOSSES OF FRONTS IN SOME OPERATIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article compares frontline reports on personnel losses in some operations of the Great Patriotic War with official Russian data given in the work of G. F. Krivosheev.

Key words: the Great Patriotic War, military losses, the Red army, statistics, G. F. Krivosheev.

Великая Отечественная война является, безусловно, ключевым событием истории государства и общества XX века. В 2020 г. праздновалось 75-летие Победы. Тем удивительнее, что вопрос военных потерь в ней до сих пор открыт, и вызывает споры, как среди историков, так и в обществе в целом.

В советское время тема наших военных жертв обычно или искажалась, или замалчивалась. Основным источником о потерях нашей армии в Великой Отечественной войне, начиная с начала 1990-х гг. и до настоящего времени, является труд авторского коллектива под редакцией генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева (далее – труд Г. Ф. Кривошеева), изначально называвшийся «Гриф секретности снят». (Мы будем ссылаться на последнее издание данной работы, уже с другим названием). Труд основывался на обширной документальной базе и претендовал на закрытие темы потерь в Великой Отечественной войне. Тогда это была прорывная работа, однако до настоящего времени ее сведения вызывают ожесточенные споры. Некоторые специалисты полностью

принимают материалы данного труда, другие же относятся к нему весьма критически. Однако развитие современных технологий, оцифровка и выкладывание в свободный доступ значительной части документов Центрального архива министерства обороны позволяют в настоящее время проверить сведения работы Кривошеева и сделать вывод о ее полноте и ценности. На наш взгляд, уточнение потерь нашей армии в Великой Отечественной войне является одной из приоритетных задач историков, как с научной, так и с патриотической точки зрения.

В данной статье мы не будем останавливаться на анализе потерь в ходе всей Великой Отечественной войны. Скажем лишь, что Г. Ф. Кривошеев допустил явные ошибки: безвозвратные демографические потери, по составленному им же балансу убыли Красной Армии, составляют 11 млн 764 тыс. 600 человек, а не 8 млн 668 тыс. 400 человек. Наша цель скромнее – на основании фронтовых донесений о потерях проверить, насколько можно доверять сведениям автора о потерях фронтов за конкретные годы, а также в отдельных операциях. К сожалению, в работе Г. Ф. Кривошеева отсутствуют ссылки на источники информации по потерям, поэтому не всегда можно понять, откуда взяты те или иные сведения. Но в нескольких случаях нам удалось это определить, когда авторы опираются на 10-дневные или месячные отчеты фронтов о своей убыли.

Попробуем определить, насколько потери фронтов за год соответствуют сведениям, указанным Г. Ф. Кривошеевым. В качестве примера возьмем сначала Волховский фронт. За 1942 г., по фронтовой справке [1, ф. 204, оп. 89, д. 1410, л. 11] он понес 157 829 чел. безвозвратных и 355 324 чел. санитарных потерь, а по данным Г. Ф. Кривошеева [4, с. 388] – 208 509 безвозвратных и 383 592 санитарных потерь соответственно. Разница обуславливается тем, что во фронтовой справке не учтены потери разгромленной 2-й Ударной армии, вероятно, за них отчитался Ленинградский фронт, в анализируемой же работе они отнесены к потерям Волховского фронта. Однако за 1944 г. ситуация сложнее. За период с 1 января по 15 февраля (в феврале Волховский фронт был расформирован), согласно Г. Ф. Кривошееву [4, с. 388], было потеряно 50 304 чел., однако, согласно справке подполковника Белогурова [1, ф. 204, оп. 89, д. 2536, л. 2], с 10 января по 12 февраля эти потери составляли 62 723 чел. По сведениям же оперативного отдела и отдела укомплектования [1, ф. 204, оп. 89, д. 906, л. 144–147], с 14 января по 13 февраля потери составили 71 722 чел., если считать по декадам (с 10 января до 10 февраля) и 73 149 чел. при подсчете по соединениям. Разница, как мы видим, весьма существенная. Объяснить ее можно только тем, что часть потерь Волховского фронта была почему-то пере-

кинула авторским коллективом Ленинградскому фронту, убыль которого у Г. Ф. Кривошеева в операции по снятию блокады Ленинграда выглядит преувеличенной.

Это неоднозначные случаи, но иногда Г. Ф. Кривошеев прямо занижает потери. Так случилось с Калининским фронтом в 1942 г. Согласно труду авторского коллектива, фронт за этот год потерял всего 55 826 пропавших без вести [4, с. 386]. Однако по месячным фронтовым данным, только с января по сентябрь 1942 г. (более полных сведений у автора, к сожалению, не имеется) без вести пропало 95 642 красноармейца [1, ф. 213, оп. 2002, д. 336, л. 80; д. 343, л. 75; д. 350, л. 89; д. 357, л. 99; д. 376, л. 59; д. 392, л. 42; д. 402, л. 48; д. 422, л. 69; д. 441, л. 40]. Кроме того, по сведениям военного историка А. В. Исаева, с 25 ноября по 20 декабря 39-я и 41-я армия фронта потеряли 3 620 человек пропавших без вести [2], с 20 ноября по 31 декабря 1 056 человек, такую же убыль понесла 22-я армия [1, ф. 376, оп. 10803, д. 101, л. 140, 153, 185; ф. 213, оп. 2002, д. 587, л. 1]. Всего за 1942 г. потери фронта пропавшими без вести превысили 100 тыс. человек. Это явное занижение потерь Г. Ф. Кривошеевым обусловлено в первую очередь недоучетом потерь в боях июля 1942 г.: по версии генерал-полковника, за 2–27 июля 3-я воздушная и 22-я, 39-я, 41-я армии имели всего лишь 7 432 человек безвозвратных и 12 928 человек санитарных потерь [4, с. 355]. Это противоречит не только масштабу поражения и немецким заявкам на пленных (около 50 тыс.), но и месячному донесению Калининского фронта. Упомянутые Г. Ф. Кривошеевым армии потеряли 46 892 человек, а общие потери всех соединений за июль составили 87 283 человек, из них 59 337 человек безвозвратно [1, ф. 213, оп. 2002, д. 402, л. 48]. Налицо попытка скрыть тяжелое поражение занижением потерь в несколько раз.

Впрочем, в отдельных операциях Г. Ф. Кривошеев не занижает, а напротив, завышает потери советских войск. Для примера возьмем Сталинградский фронт в дни Сталинградской наступательной операции. Его потери за 19 ноября – 31 декабря, составили 43 552 безвозвратных и 58 078 санитарных потерь, итого 101 630 человек [4, с. 290]. Подобные цифры вызывают удивление – фронт не мог понести таких больших потерь в ходе боевых действий. Также потери этого соединения в Сталинградской наступательной операции пытался определить исследователь С. Н. Михалев, но его данные близки к данным Г. Ф. Кривошеева – 44 742 безвозвратных и 58 530 санитарных потерь [3, с. 167].

В то же время нам удалось найти сведения о потерях в приложении к журналу боевых действий Сталинградского фронта за декабрь 1942 г. В нем штаб генерала Еременко расписал потери за весь период существования соединения, с 8 августа по 31 декабря, при этом за

ноябрь–декабрь потери даны и по десятидневным периодам. Согласно этому документу [1, ф. 48, оп. 451, д. 141, л. 113], за 21 ноября – 31 декабря потери фронта составили 13 543 убитых, 8 500 пропавших без вести, 31 462 раненых, 4 433 выбывших по другим причинам, всего 57 938 чел. Эти цифры гораздо более достоверны и вполне соответствуют как ходу боевых действий, так и потерям противника.

Откуда же взялись настолько завышенные цифры потерь в наступлении Сталинградского фронта у Г. Ф. Кривошеева и С. Н. Михалева? По нашему мнению, это произошло из-за того, что в сведениях, на которые опирались эти исследователи, произошла переноска потерь с оборонительного периода боев на наступательную операцию. В самом деле, боевые потери фронта за всю Сталинградскую битву у Г. Ф. Кривошеева, С. Н. Михалева и штаба Еременко отличаются значительно – 321 564 [4, с. 399], 325 453 [3, с. 166, 167] и 345 596 человек соответственно (разницу составляют около 20 тыс. раненых, возможно, легко раненые, оставшиеся в строю, были оперативно учтены фронтом, но выпали из иной статистики). В то же время за оборонительную операцию под Сталинградом потери у исследователей явно занижены – 240 965 человек общих потерь у Кривошеева [4, с. 285, 399], 244 001 человек у С. Н. Михалева [3, с. 166] и 302 171 (!) человек у фронта (причем потери за 8 августа – 31 октября не разделены, видимо штаб Еременко не смог разделить потери даже по месяцам, указав только общую убыль по категориям). Большие потери в оборонительной операции понятны, но их бездумный перенос в наступательный период операции, на наш взгляд, недопустим, так как принижает успех нашей армии в операции «Уран» и последующем отражении немецких контратак.

Отметим, что в этот период подобное перемещение потерь на более позднее время не является чем-то исключительным. Так, по нашему мнению, такая же операция проделана Г. Ф. Кривошеевым с потерями Донского фронта в 1942 г., часть его годовых потерь относятся на самом деле к потерям Юго-Западного фронта (из которого был создан Сталинградский, а впоследствии Донской фронт). Потери же Юго-Западного фронта меньше на деле.

В 1944 г. и 1945 г. данные Г. Ф. Кривошеева становятся более приближенными к имеющимся сведениям фронтов о своих потерях, хотя и не идеально. Например, Г. Ф. Кривошеев насчитывает в 1944 г. на 1-м Прибалтийском фронте 133 257 человек безвозвратных и 465 638 санитарных потерь [4, с. 386], по сумме же месячных донесений получается 134 955 и 470 937 человек соответственно [1, ф. 235, оп. 2074, д. 831, л. 28; д. 834, л. 77; д. 837, л. 61; д. 840, л. 62; д. 842, л. 58; д. 845, л. 96; д. 849, л. 70; д. 852, л. 81; д. 855, л. 69; д. 858, л. 93; д. 861, л. 66;

д. 864, л. 63]. В 1945 г. общие потери 1-го Белорусского фронта составили по Кривошееву [4, с. 410] 474 712 человек, а по месячным донесениям [1, ф. 233, оп. 2356, д. 661, л. 468–470; д. 685, л. 306–308; д. 697, л. 324–325; д. 739, л. 506–508] 463 753 человек.

Однако здесь выступает еще одна проблема труда Г. Ф. Кривошеева – слепое следование советской историографии в выделении операций и датировке их проведения. Из-за этого в боевых действиях фронтов возникают лакуны, когда незамеченных советской исторической наукой операций как бы не существует и для Г. Ф. Кривошеева. Например, за 1944 г., согласно труду генерал-полковника, потери 2-го Прибалтийского фронта составили [4, с. 408] 567 158 человек, в то время как по 5-ти его наступательным операциям насчитывается только 244 283 человек [4, с. 317, 330, 358, 359].

Нам известно, что не вошли в сводку в ходе тяжелых боев фронта с немецкой 16-й армией в начале 1944 г., а также сражение с прижатой к морю Курляндской группировкой в ноябре–декабре. Масштабы этих боев и потерь наших войск заслуживают отдельного выделения этих операций, однако именно этого и не было сделано Г. Ф. Кривошеевым. Отметим, что за 1941 г. обнаружилась обратная ситуация – нами было проведено подобное сопоставление по Юго-Западному фронту (сумма потерь по 5-ти операциям – 948 272 человек) [4, с. 256, 261, 268, 276, 354]. Оказалось, что проходящая в октябре–ноябре 1941 г. Сумско-Харьковская операция (потери 96 509 человек) [4, с. 354] вообще выпала как из годовых потерь фронта (851 763 человек) [4, с. 374], так и соответственно из общих потерь Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Остается посетовать на неаккуратность исследователей, не заметивших такое явное противоречие).

В других случаях Г. Ф. Кривошеев, вслед за советской историографией, «рубит хвосты» операциям, «останавливая» их в удачный для Красной Армии момент. В качестве примера приведем Выборгско-Петрозаводскую операцию 21-й и 23-й армий Ленинградского фронта. Согласно советской историографии и следующему за ней Г. Ф. Кривошееву, операция проходила только 10–20 июня 1944 г., потери в ней составили 6 018 безвозвратных и 24 011 санитарных потерь [4, с. 320]. Приложения к журналам боевых действий Ленинградского фронта рисуют иную картину. Только боевые потери 21-й и 23-й армий (без больных, учтенных у Г. Ф. Кривошеева) составили соответственно 4 667 безвозвратных и 17 850 санитарных потерь за период 9–20 июня, 8 333 и 28 483 человек за последнюю декаду июня и 8 299 и 25 288 человек за июль (с учетом 59-й армии) [1, ф. 217, оп. 1221, д. 4940, л. 163; д. 4954, л. 119]. Мы видим, что потери в боях на Карельском перешейке

гораздо больше заявленных, а бои шли гораздо дольше, чем в выделенные в операцию наиболее успешные 10 дней. Такие ошибки, конечно, возможны в первом издании, но и в редакции 2010 г. Г. Ф. Кривошеев не изменил ни масштаба потерь, ни хронологических рамок операции.

Еще одним явным недостатком, обнаруженным в работе Г. Ф. Кривошеева, является стремление втиснуть данные о потерях в прокрустово ложе советских датировок операций. Таких случаев нами было выявлено как минимум три. Во-первых, Смоленская наступательная операция 1943 г. 28 106 безвозвратных и 90 172 санитарных потерь относятся автором к дате 7 августа – 2 октября [4, с. 305], т. е. к официальным рамкам операции. На самом деле, это потери всего Калининского фронта с 1 августа по 30 сентября 1943 г. [1, ф. 213, оп. 2002, д. 1006, л. 31; д. 1015, л. 41] (в том числе и тех соединений, которые напрямую не принимали участия в операции). Во-вторых, потери 2-го Украинского фронта за весь октябрь 1944 г. [1, ф. 240, оп. 2779, д. 1194, л. 64] выдаются Г. Ф. Кривошеевым за убыль в Дебреценской операции 6–28 октября [4, с. 359]. В-третьих, потери того же фронта в Яско-Кишневской операции. Это могло бы показаться незначительным огрехом, но Г. Ф. Кривошеев вычисляет и среднесуточные потери в операциях. Так, потери 2-го Украинского фронта в Яско-Кишневской операции (39 985 человек) он делит якобы на 10 дней (20–29 августа), получая 3 998 среднесуточных потерь [4, с. 326]. На самом деле, это потери за 20–31 августа, т. е. за 12 дней [1, ф. 240, оп. 2779, д. 1176, л. 48], и среднесуточные потери составляют 3 332 человек. Мы считаем подобные статистические трюки недопустимыми в научном исследовании.

Подводя итог можно констатировать, что к настоящему моменту исследование коллектива Г. Ф. Кривошеева, бывшее в свое время важной вехой в историографии, и, безусловно, опирающееся на обширную документальную базу, в значительной мере устарело. Оно обладает целым рядом недостатков: намеренной подгонкой потерь под принятые историографией хронологические рамки операций, пропуском целых периодов военных действий фронтов, а в некоторых случаях и прямых ошибок – переучета, или же, напротив, недоучета потерь на фронтовом уровне. Поэтому перед отечественной исторической наукой стоит задача создания аналогичного исследования на новом уровне, на документальной основе, без недостатков, свойственных труду Г. Ф. Кривошеева.

Библиографический список

1. <https://pamyat-naroda.ru>. Документы Центрального архива министерства обороны.
2. *Исаев А. В.* К вопросу о потерях советских войск в боях за Ржевский выступ. <https://actualhistory.ru/isaev-rzhev2>

3. *Михаев С. Н.* Сталинград: боевые потери личного состава сторон // Сталинградская битва: материалы научных конференций. Волгоград, 1994. С. 163–172.

4. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь // под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2010.

УДК 37(094)(470+571)''197''

Ю. Г. Листопадов,

руководитель Центра развития палаточных лагерей

ПРОВЕДЕНИЕ СПОРТИВНО-ТРУДОВЫХ И ВОЕНИЗИРОВАННЫХ ЛАГЕРЕЙ ДЛЯ ТРУДНЫХ ПОДРОСТКОВ В СССР В 1960–1970-х гг.

В статье рассматриваются причины создания, возникновение и развитие в СССР лагерей с военизированным и военно-трудовым уклоном для трудных подростков, указывается причина их фактического кризиса в 1970-х гг.

Ключевые слова: летний отдых, спортивно-трудовые лагеря, военизированные лагеря, детская преступность, трудные подростки.

Yu. G. Listopadov,

Head of the Center for the Development of Tent Camps

CONDUCTING SPORTS AND LABOR CAMPS AND MILITARY CAMPS FOR DIFFICULT TEENAGERS IN THE USSR IN 1960s–1970s

The article discusses the reasons for the formation and development of the conducting sports and labor camps and military camps for difficult teenagers in the USSR and indicates the reason of their actual crisis in the 1970s.

Key words: summer holidays, holiday and recreation activity, sports and labor camps, paramilitary camps, juvenile delinquency, difficult teenagers.

С конца 1920-х годов и по 1950-е гг. в СССР в организации летнего отдыха детей и подростков «магистральной линией» считалось создание стационарных «пионерских лагерей», которые, по сути, являлись «детскими санаториями», в которых дети проводили время в сравнительно тепличных условиях, при жестком распорядке дня и практически полном отсутствии физического труда. Кроме того, пионерские лагеря, как это следует из названия, принимали пионеров, то есть (в описываемый период) детей в возрасте до 14 лет.

Подростки старше 14 лет выпадали из системы летнего организованного детского оздоровления, что не могло не привлекать внимания общественности. Лучшие педагогические коллективы в 1950-е годы начинают организовывать альтернативные лагеря для старшеклассников. Так, в течение некоторого времени довольно активно развивались на самостоятельных началах школьные туристические лагеря, затем получили широкое распространение комсомольско-молодежные лагеря школьников.

При этом нормативно-правовые акты, которые регламентировали бы проведение таких лагерей, в частности, закрепляли бы обязанность финансировать их по линии соцстрахования, профсоюзов или иных структур, определяли бы штатное расписание и закрепляли права педагогов, организовывавших такие лагеря, на оплату труда, отпуск и т. д. длительное время отсутствовали.

Государство обратило внимание на проблему летнего оздоровления подростков лишь в 1962 году, когда для вовлечения старшеклассников в организованную летнюю оздоровительную кампанию было принято «Положение об оздоровительном лагере для учащихся 9–11 классов средних школ», которое узаконило финансирование этих лагерей.

Проблема, однако, заключалась в том, что такие лагеря не были рассчитаны на так называемых «трудных детей и подростков», то есть тех, кто был склонен к правонарушениям. Как правило, «трудные подростки» априори не были учащимися 9–11 классов, более того, они часто вообще не посещали школу, были в значительной мере безнадзорны, часто имели неблагополучную семью, состояли на учете в детской комнате милиции. В рассматриваемое время это приводило к значительному росту детской и подростковой преступности в летнее время, когда школа выпускала своих питомцев из-под плотного контроля, поэтому возникала объективная необходимость организации специальных лагерей для трудных подростков. В качестве примера приведем оборонно-спортивный лагерь «ВИЗовец» (ВИЗ – крупный завод в Свердловске), который принял 97 подростков от 16 до 18 лет, при этом около 70 % участников нигде не работали и не учились, а, с учетом того, что 25 % участников лагеря были комсомольцы а остальные – трудные, то получается, что фактически все «трудные» нигде не учились и не работали. По итогам лагеря 41 «трудный» был трудоустроен, 36 «трудных» поступили в ШРМ (Школа Рабочей Молодежи), 30 человек были зачислены в районный оперотряд (структура добровольной помощи милиции), 46 подали заявления о вступлении в комсомол, причем 23 из этих 46 были приняты уже в лагере [8].

Где и когда был проведен первый лагерь для трудных подростков мы не знаем, однако достоверно известно, что летом 1963 года студенты

МВТУ и МИИЖТ организовали 3 спортивно-трудовых лагеря, в которые выехали 300 трудных подростков. Опыт оказался удачным, и к лету 1964 года было набрано из большого количества желающих 200 активистов из 16 московских вузов для работы комиссарами в спортивно-трудовых лагерях, и в июле 1964 года открылись 23 спортивно-трудовых лагеря для 1800 подростков. Распорядок жизни был таков: 4 часа подростки трудились (причем не только на сельхозработках, но и на стройках, два дня выделялось для турпоходов. Лагеря оборудовали, как правило, в военных палатках [5]. Опыт был одобрен и в стране развернулась кампания по организации таких лагерей.

Как происходило создание и развитие таких лагерей в Ленинграде и Ленинградской области можно узнать из брошюр, выпущенных по линии МВД под грифом «Для служебного пользования» [9] (именно поэтому приведенную в них статистику можно считать достоверной, а описание – объективным).

Ситуация с детской преступностью в начале 60-х годов (особенно в летнее время), стала в Ленинградской области угрожающей, так, в 1962 году на территории области удельный вес детской преступности (далее – УВДП) составлял 16,1 % в среднем за год [7]. Укажем, что в летнее время УВДП был еще больше. Проведение первых спортивно-трудовых и военизированных лагерей для трудных подростков (далее – СТВЛ) позволило снизить этот показатель, так, в 1965 он снизился до 14,3 %, а в 1967 году – до 12,0 %. При этом отмечается, что в деле снижения УВДП «одним из наиболее важных и эффективных мероприятий явилась организация летних спортивно-трудовых и военизированных лагерей для трудных подростков». При этом снижение УВДП именно во время проведения СТВЛ (т. е. летом) еще существеннее, что иллюстрирует таблица.

Динамика изменения удельного веса детской преступности в 1965–1967 гг. по Ленинградской области в июле соответствующего года

Июль года	1965	1966	1967
УВДП (%)	13,8	11,3	7,6

Прокомментируем данные из таблицы.

К 1966 году работа по организации СТВЛ прошла апробацию в Кировском и Ленинском районе и сразу проявился результат, выразившийся в снижении УВДП в данных районах во время проведения данных лагерей. Поэтому в 1966 была поставлена задача организовать СТВЛ во всех районах города Ленинграда и распространить на районы области. Отмечается, что опыт работы спортивно-трудовых и военизированных лагерей Ленинского и Кировского районов Ленинграда пока-

зал, что проведение данных лагерей имеет большое профилактическое значение, в связи с чем в 1966 г. СТВЛ были организованы на базе вузов, военных частей и военных училищ в 10 районах города: Василеостровском, Выборгском, Дзержинском, Калининском, Ленинском, Невском, Октябрьском, Смольнинском, Пушкинском, Кронштадском, при этом было вывезено более 900 подростков, из них 584 выехали в спортивно-трудовые лагеря, а 318 – в военизированные. Вот как работали эти СТВЛ:

Лагерь «СТЛ» начал работу в 1965 году, когда 120 трудных подростков под руководством комсомольцев механического института были вывезены за город, где трудились и занимались спортом. В 1966 году лагерь стал называться «СТЛ-66» и продолжил работать на тех же принципах сочетания труда и спорта: ребята у по 4 часа в день (но не каждый день!) работали в совхозе «Коминтерн», несколько раз ездили тушить лес, трудились по очистке леса и очень много времени уделяли спорту. 5 дней в лагере проходила длительная военная игра с морским сражением.

Лагерь «Робинзоны» принял 50 подростков, с которыми выехали 10 студентов Горного института. Лагерь, в соответствие со своим названием, расположился на острове, быт был походный, участники разместились в 30 палатках (то есть, использовались обычные туристические палатки).

Лагерь «Сигнал» был организован воинской частью, 70 подростков проживали в солдатских палатках, жизнь в лагере была военизирована.

Лагерь «ТОС» был организован военно-медицинской академией, был военизированным и принял 33 подростка, причем работал он три месяца [4].

Лагерь «Республика бодрых» был весьма крупным и принял 120 подростков в палаточном лагере. Для его организации были задействованы, в том числе, ресурсы комсомола и ДОСААФ, с ребятами занимались 12 воспитателей из числа работников милиции, райкома ВЛКСМ, предприятий района, старшим воспитателем был освобожденный комсомольский работник – секретарь комитета комсомола ПТУ. Лагерь прошел успешно, подросткам было интересно и, в итоге, даже 14 человек приняли в комсомол. Прошедшие лагеря оправдали возложенные на них надежды в плане снижения подростковой преступности, так, по городу Ленинграду УВДП в летние месяцы 1966 года по сравнению с аналогичным периодом 1965 года снизился почти в два раза: с 10,4 процентов в 1965 до 5,9 в 1966 году.

Обратим внимание на то, что в Кировском районе Ленинграда СТВЛ в 1966 году не организовали, хотя именно их опыт 1965 года был

признан эффективным и подлежащим распространению. Мы полагаем, что дело именно в неотрегулированности вопросов организации СТВЛ, когда уход одного энтузиаста на котором «все держалось» вполне мог привести к тому, что лагерь перестанет работать. Кроме Кировского, не сумели организовать в 1966 г. СТВЛ и в Московском, Ждановском, Фрунзенском районах г. Ленинграда.

Первые годы движение СТВЛ в Ленинграде и Ленинградской области интенсивно развивалось. Так, если в 1966 году, помимо Ленинграда, еще 5 районов области организовали свои собственные районные СТВЛ, в которых отдыхали и трудились 170 подростков, то в 1967 году в районах Ленинградской области (не считая собственно Ленинграда) было организовано уже 16 СТВЛ, в которые было направлено 697 подростков, а работали в этих 16 лагерях 77 воспитателей, 3 музыкальных руководителя, 4 медицинских работника, 11 поваров. Отметим, что если воспитателей было, в целом, достаточно, то число поваров, и, особенно медработников (причем не факт, что это были врачи) меньше, чем число лагерей, что могло привести к болезням и некачественному питанию.

О дальнейшем развитии можно узнать из книги одного из организаторов ленинградских СТВЛ Ф. Махова, который сообщает, что в 1970 году около 3000 ребят в Ленинграде и Ленинградской области выезжали в лагерь для «трудных». Однако, как отмечает автор, хотя в лагере подростки проявляли себя с самой лучшей стороны, но, попав после лета в привычную дворовую среду, даже самые лучшие из участников лагеря опять попадали в милицию и под суд. Чтобы обеспечить преемственность работы позднее был оборудован клуб «РВС» – «Ребята Выборгской Стороны» для вовлечения подростков в течение всего года [4].

СТВЛ в середине 60-х годов довольно широкое распространение, такие лагеря организовывались не только в РСФСР, но и в других союзных республиках, например, в Киргизии было создано 2 таких лагеря в 1965 году, а в 1966 году уже 6 СТВЛ, в которых приняли участие 400 подростков [1].

При этом, если при создании СТВЛ в областных центрах было достаточно ресурсов (можно было привлечь вузы, военные части и т. д.), то в небольших городах создание СТВЛ было весьма непростым. Так, показательна история по организации СТВЛ в райцентре Катав: изначальная установка, основанная на том, что трудные будут заняты в основном трудовой сельскохозяйственной деятельностью провалилась и подростки в первый же день просто разбежались из лагеря, размещенного в совхозе. Собрать их в этот год уже не сумели. Лагерь стал успешным, когда на следующий год его оборудовали в лесу, разместив подростков в палатках и придумав легенду о «партизанской базе» [3].

Проводились в середине 60-х годах СТВЛ и в Ивановской области, о чем неоднократно писала областная газета «Ленинец», так, например, 12.07.66 был материал о ВСЛ для подростков в Никольском, 08.07.66 сообщалось, что СТВЛ для подростков организуют горрайкомы и обком комсомола.

Мы убеждены, что принцип «мы приказали, а ты выполняй как хочешь» был довольно распространен при организации СТВЛ, что неизбежно приводило как к организационным провалам, так и, с учетом направляемого в такие лагеря контингента, и более серьезным последствиям, что привело к сворачиванию таких лагерей уже в начале 70-х годов. Это подтверждает и тот факт, что в центральных СМИ отмечали, что для пионерских лагерей делается всё, а спортивно-трудоу лагеря - «во втором эшелоне», что спортивно-трудоу лагеря не узаконены, испытывают финансовые и материальные трудности [2]. Безусловно, полностью СТВЛ не исчезли, но хорошая инициатива приобрела характер очередной кампании и не развилась в работающую, эффективную систему в масштабах страны, оставшись уделом энтузиастов.

Некоторое оживление таких лагерей произошло в середине 80-х годов, даже издавались брошюры, пропагандировавшие опыт их проведения [6]. В это время, на местах начали помогать создаваемым в это время подростковым клубам (один из авторов, сам, будучи директором подросткового клуба, проводил в конце 1980-х годов подобные лагеря), однако, с переходом к «дикому рынку» любая системная работа в этом направлении прекратилась.

Библиографический список

1. *Зеличенко Л. Я., Мельников В. Я.* ВСТЛ-66. (Очерк о работе летних спортивно-трудоу лагерей для подростков). Фрунзе: Мектеп, 1969.
2. Известия. 1967. 11.04.
3. *Инчин А. И.* Пароль – «Победа». Челябинск, 1969.
4. *Махов Ф. С.* Лето в лагере ГОС. (Записки воспитателя). М., 1970.
5. Методические рекомендации по организации работы спортивно-трудоу лагерей для учащихся ПТУ. М., 1965.
6. Об опыте работы Коми автономно-республиканского совета «Динамо» по организации спортивно-трудоу лагерей для подростков, состоящих на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних. М., 1985.
7. О положительном опыте организации работы летних спортивно-трудоу и военизированных лагерей для подростков, состоящих на учете в горрайорганах милиции Ленингр. обл. Л., 1968.
8. Опыт создания и работы спортивно-оздоровительного лагеря Верх-Исетского РК ВЛКСМ «Визовец». Свердловск, 1964.
9. Работа спортивно-трудоу и военизированных лагерей для подростков летом 1966 года. Л., 1967.

УДК 902

О. Л. Малышева,

доцент, Казанский национальный исследовательский
технологический университет

**ДВИЖЕНИЕ ЗА НАУЧНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ТРУДА
В 1920-е ГОДЫ
(На материалах ТАССР)**

В послеоктябрьский период в Советской России стал формироваться новый подход к организации труда, в рамках которого были разработаны оригинальные концепции НОТ. Создавались организационные структуры НОТ: общественное движение «Лига-Время. Лига-НОТ»; ячейки НОТ на производстве и в вузах; научные учреждения; Совет НОТ при НК РККИ.

Ключевые слова: научная организация труда, система Тейлора, концепции НОТ, Лига «Время», Лига «НОТ», научная охрана труда, производственные комиссии.

O. L. Malysheva,

Associate Professor, Kazan national Research Technological University

**MOVEMENT FOR SCIENTIFIC ORGANIZATION OF LABOR
IN THE 1920s
(Based on the materials of the TASSR)**

In the post-October period, a new approach to the organization of labor began to take shape in Soviet Russia, within the framework of which original concepts of notes were developed. The organizational structures of the SOL (scientific organization of labor) were created: the public movement "League-Time. League-SOL"; cells of SOL in production and in universities; scientific institutions; Council of SOL under the NC WPCI (Workers and Peasants Control Inspection).

Key words: scientific organization of labor (SOL), Taylor system, concepts of SOL, League "Time", League "SOL", scientific labor protection, production commissions.

На протяжении веков в Российской империи государственность, экономика, образование, да и весь строй жизни основывались на православии. 1917 г. сломал цивилизационный фундамент самодержавной России. В обломках страны должны были быть погребены как православный уклад жизни, так и его приверженцы. Новой религией советской России стал марксизм. В рамках его и осуществлялся поиск идеологического наполнения всех форм жизнедеятельности. Трудовые отношения не стали

исключением. Прежняя модель, которая зиждилась на православно-патерналистской традиции, новым реалиям не отвечала. Социалистическая экономика требовала новых подходов к организации труда.

Первым опытом стали жесткая централизация управления промышленностью; введение всеобщей трудовой повинности и милитаризация труда, проводимые в рамках политики военного коммунизма в 1918–1921 годах. Ответом на этот грандиозный эксперимент стали забастовки рабочих практически во всех промышленных центрах и массовые антисоветские крестьянские выступления. Пожарные репрессивные меры сыграли свою роль в подавлении антибольшевистских выступлений, но привести к лояльности населения не могли. Это признавал и В. И. Ленин: «В нашей политике было много от вынужденной необходимости: мы жили до сих пор в условиях такой бешеной, неслыханно тяжелой войны, когда ничего, кроме как действия по-военному, нам не оставалось и в области экономической. Но дальше на той политике, которую мы проводили во время войны, держаться нельзя» [1].

Переход к новой экономической политике означал и поиск новых форм организации труда. Обращение к западной управленческой мысли, делающей ставку на рационализацию производства без столь опасной для большевиков духовной составляющей, было целесообразным. Особый интерес вызывало теоретическое наследие и практический опыт основателя теории научного управления предприятием Ф. У. Тейлора. В своих книгах «Управление предприятием» (1903) и «Принципы научного управления» (1911) он изложил задачи, которые должны решаться в рамках научной организации труда: нормирование и оптимизация форм разделения труда; совершенствование организации рабочих мест; рационализация методов труда; системная подготовка рабочих кадров. В. И. Ленин, придавая большое значение научной организации труда и рассматривая систему Ф. У. Тейлора как «громадный прогресс науки, систематически анализирующей процесс производства и открывающей пути к громадному повышению производительности человеческого труда», считал неприемлемым ее слепое копирование. Помимо образца рационализации труда, он видел в ней и злейшую форму «порабощения и выжимания добавочного количества труда, силы, крови и нервов меньшинством имущих классов из трудящихся...» [2, с. 140]. По мысли В. И. Ленина элементы системы Ф. У. Тейлора могли быть полезны при их переработке с учетом особенностей социалистической системы хозяйствования.

Проходившая в январе 1921 г. Первая Всероссийская инициативная конференция по научной организации труда и производства, также признала целесообразным заимствование отдельных достижений западной науки управления. Но при этом торпедировала поиск оптимальных

методов управления социалистическим народным хозяйством, который осуществлялся по разным направлениям. Это теория тектологии – науки об общих принципах организации за авторством А. А. Богданова; теория физиологического оптимума О. Я. Ерманского; эргономика А. К. Гастева, акцентирующего внимание на физиологических особенностях рабочего и в целом на гуманитарных аспектах его деятельности; исследования П. М. Керженцева, выступавшего за распространение НОТ на все сферы человеческой деятельности и поднявшего вопросы стандартизации, условий труда, рационального использования материальных ресурсов; концепция человеческого фактора в управлении Н. А. Витке и т. д.

Теоретический поиск в области научной организации труда сопровождался созданием организационных структур в этой области. В 1923 г. начала свою биографию «Лига-Время. Лига-НОТ» у истоков которой был П. М. Керженцев. Практически сразу отделения этой общественной организации были созданы во многих регионах страны. ТАССР не стала исключением. Определялась и цель: «борьба за правильное использование и экономии времени во всех проявлениях общественной и частной жизни, как основного условия для осуществления принципов НОТ в СССР» [3, л. 36]. И если вначале Лига «Время» боролась за трудовую дисциплину, хронометраж, то вскоре революционный энтузиазм стал рождать такие лозунги: «Все за непрерывную рабочую неделю! Упраздним воскресенье – день попов, пьяниц и лентяев!» [4].

Лига «Время» стремилась организовывать и частную жизнь своих членов, которые были обязаны «проводить личный учет своего расходуемого времени» [5, л. 36]. Наиболее успешные на этом пути активисты получали статус «организованного человека», ну а проштрафившихся членов ждал показательный суд.

Впрочем, эти перекосы не отменяли актуальности научной организации труда. Поэтому в целях координации в этой значимой области в сентябре 1923 г. при Наркомате Рабоче-Крестьянской инспекции был создан Совет научной организации труда, производства и управления (СОВНОТ) под председательством В. В. Куйбышева. 16 ноября 1923 г. Совет Научной Организации Труда, Производства и Управления был образован и при Коллегии НК РККИ ТАССР. В эту структуру входили представители НК РККИ, института НОТ, Лиги «Время», Наркомтруда, Татпрофсовета, Главпрофобра, Контрольной комиссии РКП(б), Госплана [6, л. 20].

Помимо руководства практической деятельностью по внедрению НОТ на производстве, госаппарате, СОВНОТ координировал работу научных учреждений. А таковых было значительное количество – около

60 институтов, лабораторий, опытных станций. Ведущим стал Центральный институт труда (ЦИТ), созданный еще в 1921 г. при ВЦСПС под руководством А. К. Гастева [7]. Известными научными центрами являлись Всеукраинский институт труда – ВСУИТ; Государственный институт техники управления при НК РКК – ГИТУ, Таганрогский институт научной организации производства – ТИНОП.

В их ряду был и Институт научной организации труда (ИНИОТ) при Наркомате труда ТАССР, выросший в 1922 г. из Бюро научной организации труда при Татарском Совете Профессиональных Союзов. Возглавил Казанский институт научной организации труда известный экономист, автор функционально-экономической концепции НОТ И. М. Бурдянский. Институт состоял из трех отделов: экономического; технического; психофизиологического и гигиенической и педагогической лабораторий. Определялись и направления работы: научно-исследовательское, практико-рационализаторское и учебное [8, л. 1]. В КИНОТ трудились известные ученые – академик В. М. Бехтерев, профессор Н. А. Миславский, К. Р. Викторов, М. В. Сергиевский, А. Р. Лурия, М. А. Юровская и другие. В фокусе внимания сотрудников института были вопросы, как научной организации, так и охраны труда. Например, были предприняты шаги по рационализации работы государственного аппарата республики. По заданию НК РККИ были разработаны и представлены аналитические записки по реорганизации Татгосплана, Татцика, Татнаркомвнуторга [9, л. 1]. Работникам госаппарата только в 1924 г. были прочитаны доклады «Что такое научное администрирование»; «Рациональная организация учреждений»; «Методология реорганизаций» [10, л. 14]. Акцент делался на оптимизации документооборота. С этой целью внедрялась система учета «Стандарт», включающая стандартизированные формы для делопроизводственных процессов. Но основное внимание уделялось внедрению НОТ на производстве. КИНОТ имел даже свой собственный завод «Альфа», который должен был на своем примере показать все преимущества научной организации труда [11].

Особое внимание уделялось проблеме научной охраны труда. В этой связи проводилось обследование санитарно-гигиенических условий на предприятиях кожевенной и обувной промышленности, хлебопекарни, электростанции, порохового завода и завода им. М. Вахитова города Казани. Проводилась оценка освещенности рабочих мест, вентиляции, вибрации, вредных выделений – концентрации газов и пыли. На этом основании разрабатывались карты профессий; рекомендовались как общие оздоровительные мероприятия, так и специальные нормы охраны труда, включающие сокращенный рабочий день, специальное

питание, спецодежду и т. д. [12, л. 71]. Результаты исследований публиковались в научных сборниках КИНОТ «Вопросы психофизиологии, рефлексологии и гигиены труда», издавались методические рекомендации и пособия.

В рамках учебно-пропагандистской работы сотрудниками КИНОТ читался курс НОТ на рабфаке, осуществлялось руководство кружками НОТ в Университете, Политехническом институте, в Совпартшколе и т. д.

В 1924 г. состоялась Вторая Всесоюзная конференция НОТ, на которой был официально сформулирован термин НОТ, как «процесс внесения в существующую организацию труда добытых наукой и практикой усовершенствований, повышающих общую продуктивность труда». Конференция дала мощный импульс массовому движению за научную организацию труда и управления. В это движение включились пионеры, студенческая и рабочая молодежь [13, л. 28]. В большинстве вузов Казани активизировались ячейки НОТ, ставившие перед собой задачи рационализации академической и административно-хозяйственной жизни высшей школы. В 1924 г. научно-техническая секция ГУСа предложила создать кафедры НОТ и включить в научный минимум, установленный декретом Совнаркома еще в 1921 г. и предмет «Научная организация труда». Программа курса включала разделы по организации промышленных предприятий; стандартизации; общих проблем управления; учения о рабочей силе; очерков развития НОТ за границей и в России [14, л. 9]. Однако предложение не было поддержано Народным комиссариатом Рабоче-Крестьянской инспекции, который рекомендовал изучение научной организации труда включить в уже читаемые общественные дисциплины, что и было сделано в казанских вузах. Преподавание элементов НОТ вводилось в фабрично-заводских и профтехнических школах.

На предприятиях стали создаваться производственные комиссии при фабзавкоммах и производственных совещаниях. С целью исключить параллелизм в деятельности в производственные комиссии влились ячейки НОТ. Производственные комиссии были не только инструментом регулирования трудовых отношений и внедрения научных форм организации труда, но и формой рекрутирования управленцев, важным элементом в развитии соцсоревнования.

Конечно, внедрение научной организации труда в реалиях 1920-х годов не могло быть системным в силу нехватки квалифицированных кадров, финансовых трудностей, а зачастую формального отношения к проблеме. Тем не менее, движение НОТ способствовало повышению квалификации работников, улучшению условий их труда, развитию

общественной активности трудящихся. Именно в эти годы были заложены основы системы научной организации труда, получившей свое дальнейшее развитие в советской истории.

Библиографический список

1. *Драбкина Е.* Зимний перевал URL: https://royallib.com/read/drabkina_elizaveta/zimniy_pereval.html#0
2. *Ленин В. И.* Очередные задачи Советской власти // Полное собрание сочинений. Т. 36.
3. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 5.
4. *Зайцев М. В.* «Лиге времени» хотели организовать труд по-научному URL: <https://vm.ru/news/445256-v-lige-vremeni-hoteli-organizovat-trud-po-nauchnomu>
5. НА РТ. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 5.
6. НА РТ. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 5.
7. URL: https://studbooks.net/1353757/menedzhment/nachale_godov
8. НА РТ. Ф. Р-1356. Оп. 1-н. Д. 158.
9. НА РТ. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 59.
10. НА РТ. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 59.
11. *Морозов А. В.* Казанский институт научной организации труда и его роль в развитии охраны труда на промышленных предприятиях Татарской Республики в период нэпа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazanskiy-institut-nauchnoy-organizatsii-truda-i-ego-rol-v-razvitii-ohrany-truda-na-promyshlennyh-predpriyatiyah-tatrespubliki-v-period>
12. НА РТ. Ф. Р-1356. Оп. 1-н. Д. 158.
13. НА РТ. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 66.
14. НА РТ. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 235.

УДК 94(47).083

М. В. Медоваров,

доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

АЛЕКСЕЙ ФИЛИППОВ – РЕДАКТОР ГАЗЕТ «КУБАНЬ» И «ЧЕРНОМОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ»

Статья посвящена деятельности А. Ф. Филиппова как издателя и редактора двух газет Кубанской области в 1905–1911 годах: «Кубани» и «Черноморского побережья». Рассматривается история их издания и политическое направление.

Ключевые слова: А. Ф. Филиппов, «Русское обозрение», Кубанская область, Кубань, Черноморское побережье, русский консерватизм.

M. V. Medovarov,

Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

ALEXEY FILIPPOV – THE EDITOR OF THE NEWSPAPERS “KUBAN” AND “BLACK SEA COAST”

The article is devoted to the activities of Alexey Filippov as the publisher and editor of newspapers “Kuban” and “Black Sea Coast” in the Kuban region in 1905–1911. The history of their publication and political direction are considered.

Key words: Alexey Filippov, “Russkoe Obozrenie”, Kuban Region, Black Sea Coast, Russian Conservatism.

До революции 1905 года на Кубани единственной газетой были официозные «Кубанские областные ведомости». 15 марта 1905 года новый начальник Кубанской области Д. А. Одинцов разрешил М. Ф. Филиппову издавать в Екатеринодаре частную ежедневную газету «Кубань». Первый номер газеты вышел лишь 1 октября, но время было выбрано неудачно: М. Ф. Филиппов имел репутацию монархиста, а потому в дни митингов после манифеста 17 октября революционная толпа разгромила редакцию «Кубани». Из тысячного тиража газеты раскупалось не более половины (400–500 экземпляров). В декабре 1905 г. Михаил Филиппов телеграфировал в кубанскую администрацию: «За моим отъездом я не имею возможности нести обязанности редактора, а потому и передаю как редактирование, так и издательство газеты “Кубань” с сегодняшнего дня брату моему, Алексею Фроловичу Филиппову» [2, с. 17]. За плечами А. Ф. Филиппова к тому моменту были шесть лет работы редактором-издателем, за которые он, впрочем, выпустил всего лишь два номера «Русского обозрения», три выпуска «Искусства строительного и декоративного» и два номера ревельской газеты «Балтийские отголоски».

Прибыв в Екатеринодар, А. Ф. Филиппов сослался на свое знакомство с начальником Главного Управления по делам печати А. В. Бельгардом и с самим Председателем Совета Министров С. Ю. Витте, хотя на самом деле им он был известен лишь с негативной стороны. «Я, надеюсь, могу рассчитывать на внимание местной администрации и на доверие ко мне, как руководителю издания», – писал он, блефуя перед местными властями [3].

Поняв, что в конце 1905 года популярностью в России пользуется только революционное направление, Алексей Фролович во главе новой газеты уже через три недели вступил в конфликт с кубанскими властями. Начались аресты сотрудников «Кубани», зато ее тираж подскочил до 4000 экземпляров. В итоге начальник Кубанской области ходатайст-

вовал о возбуждении уголовного дела против сотрудников газеты за «целый ряд статей, явно возбуждающих население против правительственных распоряжений и правительственных должностных лиц» [3]. Однако прокурор не стал возбуждать дела, а в справке областного жандармского управления говорилось о неопределенном направлении «Кубани», колебавшейся между консерваторами, либералами и радикалами [2, с. 17]. Для братьев Филипповых эти колебания вызывались исключительно рыночными потребностями и желанием увеличить продажи их газеты. Правда, не дремали и конкуренты. Появившиеся с марта 1906 года газеты «Кубанская жизнь» (кадетская), «Заря» (социал-демократическая) и «Дубинка» (эсеровская) начали кампанию против А. Ф. Филиппова как известного «монархиста». Он в своей статье «Да! Это я!» парировал: «Мне ли бояться обличителей жалкой провинциальной газетенки, вдохновляемой акцизным чинушей из какой-то станицы, если мое прошлое – каково бы оно ни было – известно тысячам людей по всей России и сотням лучших общественных деятелей Москвы и Петербурга» [3]. Журналистскую конкуренцию А. Ф. Филиппов выиграл. По его словам, «Кубань» превзошла всех соперников наиболее полными сведениями и оригинальными статьями [7].

В феврале 1906 года А. Ф. Филиппов купил новороссийскую газету «Черноморское побережье» (тираж 6000 экз.), а «Кубань» с 25 марта была запрещена к распространению в крае, за исключением города Екатеринодара. Д. А. Одинцов обосновывал это тем, что «беспрерывно появляются в последнее время статьи и заметки, имеющие целью посеять среди населения ложные слухи и сведения о действиях правительственной власти и войск и тем вызвать возбуждение и тревогу, могущие повести к нарушению общественного порядка и государственной безопасности» [4]. Тем не менее, апрельский тираж газеты достигал от 7 до 10 тысяч экземпляров. Газета стала печататься одновременно в двух типографиях Екатеринодара и Новороссийска и называться «Кубань. Газета Северного Кавказа, обслуживающая и *Черноморское побережье*».

Правда, вскоре «Кубань» была приостановлена цензурой, с 16 апреля по 9 мая 1906 года вместо нее выходила газета «Привольный край. Газета Северного Кавказа» (издатель М. Ф. Филиппов, всего выпущено 19 номеров). Затем А. Ф. Филиппов возобновил ежедневный выпуск газеты под упрощенным названием «Кубань. Черноморское побережье». Несмотря на серьезное облегчение российского законодательства о печати, 16 октября 1906 года издание «Кубани» вновь было приостановлено в связи со статьей А. Ф. Филиппова «Что приходит в голову». В ней он осмелился назвать Николая II слабым царем, виновником Ходынки и поражений от Японии. А. Ф. Филиппов утверждал, что российская государственность «пришла в размягченное состояние»,

а императору «история, несомненно, приставит эпитет “Милостивый” или “Блаженный”. Не знаю, что вернее» [3].

К недоумению окружающих, знавших А. Ф. Филиппова как ярого монархиста, не раз бывавшего при дворе и просившего у государя субсидий, суд приговорил публициста к уплате штрафа 3000 рублей либо трем месяцам заключения на выбор. Мыслитель выбрал последнее и горделиво заявил: «Три месяца тюрьмы – они не страшны. Гораздо страшнее участвовать во всеобщем разложении, признаки которого налицо, но говорить о котором не решаются» [3]. Однако 7 декабря 1906 года окружной суд добавил ему еще год тюрьмы. Но тут произошло нечто невероятное: министр юстиции И. Г. Щегловитов дал прочитать ту самую статью самому Николаю II, который согласился с ней и повелел освободить редактора «Кубани» от наказания. Сам Алексей Фролович позже это объяснит как то, что он сумел «указать представителю верховной власти на то, что он не понимает сущность самодержавия» [5, с. 205].

А. Ф. Филиппов вернулся в Екатеринодар триумфатором и 1 января 1907 года возобновил издание газеты «Кубань и Черноморское побережье», открыв ее объявлением «От новых издателей». Из него удивленные читатели могли узнать, что разрешение возобновить газету пришло вечером 30 декабря, но лишь в 15 часов 31 декабря департамент полиции предписал открыть доступ в типографию новому товариществу сотрудников, «к участию в котором и приглашаются постоянные читатели “Кубани”, разделяющие ее взгляды» [7, с. 1]. По словам А. Ф. Филиппова, «разрешение на издание газеты, так долго задержавшееся и казавшееся безнадежным, нас застало врасплох накануне самого праздника. Только самоотверженность небольших групп наборщиков, пожертвовавших своим праздником и всю ночь под новый год остававшихся вместе с ближайшими сотрудниками в наборной, создала для нас возможность заявить читателям о нашем живейшем желании продолжать дело» [9, с. 2].

Теперь издателем газеты было товарищество на паях с собственной типографией, а А. Ф. Филиппов остался лишь редактором. Подписная цена была снижена, но средств все равно не хватало. Регулярный выпуск газеты возобновился лишь с 27 февраля 1907 года, но уже 24 марта А. Ф. Филиппов передал газету в руки М. И. Сорокину (который месяц спустя закрыл ее), а сам переехал в Новороссийск и посвятил себя изданию «Черноморского побережья», которое теперь стало самостоятельной газетой. Первое время оно тоже выходило нерегулярно, лишь с 27 сентября стало «ежедневной политической, общественной и литературной газетой»). Печаталось «Черноморское побережье» в собственной печатне «А. Ф. Филиппов и Ко» (Воронцовская улица, дом Коткова).

«Черноморское побережье» стремилось качественно освещать события в мире, России в целом и особенно в Закавказье. Но погоня за остротой и сенсационностью материалов ставила газету под удары цензуры. Уже 7 февраля 1908 года А. Ф. Филиппов опубликовал чрезвычайно острый фельетон «Оптимисты и ослы», направленный против других новороссийских газет [11, с. 3]. 25 марта он потребовал ввести в России диктатуру в связи с обострением обстановки в Персии и Турции [12, с. 1]. Почти каждый новый номер газеты подавал повод для исков против нее, к ноябрю в судах рассматривалось уже 26–27 дел, и только на поездки в суд А. Ф. Филиппов потратил за это время 200–300 рублей. Когда он обвинил двух екатеринодарских священников («двух Иоаннов») в расточительстве, те подали в суд против А. Ф. Филиппова иск о клевете, но позже отозвали его [8, с. 2]. Вскоре аналогичный иск подал полицейский пристав Величко, который, по утверждению А. Ф. Филиппова, оскорбил потерпевшего в одном преступлении. Еще один чиновник Минервин отозвал свой иск против «Кубани», когда узнал, что разоблачительную статью против него написал его собственный подчиненный А. И. Кутасов. А. Ф. Филиппов жаловался читателям, что из-за постоянных судов он не может спокойно издавать газету: «Вот почему мы не пишем того, что нужно публике, и так, как этого хотелось бы нам» [8, с. 2]. Тем не менее, очевидно, что он нашел свою журналистскую нишу и превратил свои газеты в сугубо коммерческие предприятия, ориентированные на потребности торговцев юга России и на уровень среднего читателя, жаждущего сенсационных известий. За это приходилось платить постоянными судебными процессами. Если за статьи в «Кубани» А. Ф. Филиппов был судим 42 раза, то за статьи в «Черноморском побережье» – 82 раза (с вынесенными приговорами от 2 до 19 месяцев заключения) [1, л. 80].

В связи с судебными процессами и болезнями А. Ф. Филиппов часто временно отказывался от обязанностей то редактора, то печатника. В 1908 году он несколько раз временно назначал редактором газеты В. В. Иванова, в 1909 году – Н. А. Ледковского, в 1910 году – В. Кассенберга, П. Мартынова, Ф. Полякова.

К сожалению, не обнаружено никаких писем А. Ф. Филиппова за 1905–1909 годы, что затрудняет реконструкцию его биографии. Можно лишь заметить правый, умеренно-националистический уклон «Черноморского побережья». Вспомнив свое давнее сотрудничество с архиепископом Антонием (Храповицким) в «Русском обозрении», 15 мая 1909 года А. Ф. Филиппов перепечатал в своей газете его открытое письмо с положительной оценкой сборника «Вехи» и ответ Петра Струве. В 1910 году «Черноморское побережье» получило подзаголовок «Ежедневная внепартийно-прогрессивная газета», что отвечало давней

«надпартийной» программе А. Ф. Филиппова, которую он продвигал уже в «Русском обозрении» десятилетием ранее.

Наконец, именно в Новороссийске А. Ф. Филиппов познакомился с женой А. Л. Гарязина, а возможно, и с ним самим. Позже он будет объяснять: «Гарязину я знаю давно по Новороссийску, где ее отец был начальником порта, а я редактором газеты» [10, с. 468]. Из разговоров с А. Л. Гарязиным зародилась будущая «национал-демократическая» программа А. Ф. Филиппова, которую он будет воплощать в жизнь уже в Петербурге.

К весне 1910 года относятся два письма А. Ф. Филиппова А. С. Суворину. Он жаловался, что три года держал газету на своих плечах, израсходовал на ее издание свыше 10 тысяч рублей и получал от нее лишь небольшой доход. А. Ф. Филиппов предлагал превратить газету «Черноморское побережье» в орган русских националистов, аргументируя это тем, что правая пресса сосредоточена в столицах, в то время как все газеты Северного Кавказа принадлежат армянам и евреям. Он предлагал основать товарищество на паях из числа крупных собственников земли на побережье от Новороссийска до Сочи, одним из которых был сам А. С. Суворин. Этот проект с целью привлечений инвестиций в край А. Ф. Филиппов объявлял «делом общественным и государственным». Он напоминал А. С. Суворину, что тот всегда помогал националистическим изданиям «в интересах русской государственности» [6, л. 9–10 об.].

А. С. Суворин рекомендовал этот проект А. С. Ермолову и С. Ю. Витте, к которым в мае 1910 года и отправился А. Ф. Филиппов. А. С. Ермолов горячо поддержал эту инициативу, вовлек в дело некоторых сенаторов и членов Государственного Совета. А. С. Суворин предоставил А. Ф. Филиппову поддержанную типографскую технику. На полученные средства тот напечатал новые бланки газеты на французском языке, однако, судя по всему, крупного притока денежных средств так и не произошло [6, л. 11, 12]. Тем не менее, А. Ф. Филиппов продолжал издание «Черноморского побережья» вплоть до 1 декабря 1911 года, когда продал эту газету А. Н. Нефедьевой и Б. П. Шелехову, превратившим ее в «газету русских курортов». А. Ф. Филиппов же в начале 1912 года переехал в Санкт-Петербург. Однако более шести лет, проведенных вдали от столицы, в Екатеринодаре и Новороссийске, не пропали для него даром. Он приобрел колоссальный издательский опыт, несравненно более удачный, чем в годы его первых органов печати (1899–1905 гг.), укрепил свои связи на местах и в столице и теперь мог вернуться в нее, обогатившись своими организаторскими способностями. Начался новый взлет карьеры А. Ф. Филиппова.

Библиографический список

1. Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-93201. Т. 5.
2. *Заватская И. В.* Редакторское и журналистское наследие М. К. Седина: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 193 с.
3. *Лучинский Ю. В.* Ни веры, ни неверия. 150 лет кубанской журналистике // Московский комсомолец. Краснодар. 28.08.2013. URL: <http://kuban.mk.ru/article/2013/08/28/906208-ni-veryi-ni-neveriya.html>
4. Кубань. 1906. № 69. 25 марта. С. 1.
5. *Радзинский Э. С.* Распутин. М.: АСТ: Астрель, 2011. 576 с.
6. РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4428.
7. От новых издателей // Кубань. 1907. № 1. 1 января. С. 1.
8. *Филлипов А. Ф.* За что судят? (вместо фельетона) // Черноморское побережье. 1908. № 347. 3 ноября. С. 2.
9. *Филлипов А. Ф.* К друзьям // Кубань. 1907. № 1. 1 января. С. 2.
10. *Чемакин А. А.* Русские национал-демократы в эпоху потрясений: 1914 – начало 1920-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2018. 606 с.
11. Черноморское побережье. 1908. № 151. 7 февраля.
12. Черноморское побережье. 1908. № 191. 25 марта.

УДК 616-036.22

Н. А. Миронова,

доцент, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

СЫПНОЙ ТИФ КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ НОВОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В первые годы советской власти в России свирепствовала эпидемия сыпного тифа. Среди последствий эпидемии – колоссальное количество жертв, маргинализация городов, ухудшение санитарного состояния городов, рост беспризорности. Сыпной тиф способствовал трансформации общества.

Ключевые слова: эпидемия, сыпной тиф, Гражданская война, уплотнение, беспризорники.

N. A. Mironova,

Associate Professor, Yaroslavl State University

TYPHUS AS A FACTOR OF CONSTRUCTION OF A NEW SOCIETY IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER

In the first years of Soviet power the epidemic of typhus is very severe in Russia. Among the consequences of the epidemic there were a lot of victims, the marginalization of cities, the worsening of sanitary conditions in cities, the growth of the quantity of homeless children. Typhus contributed to many social transformations.

Key words: epidemic, typhus, Civil war, compaction, street kids.

После прихода к власти партии большевиков в России начинается конструирование новой государственности. Многие факторы, обстоятельства, движущие силы этого процесса широко освещены в историографии разных периодов, но тема эпидемии сыпного тифа поразительным образом ускользала от внимания исследователей. Эпидемия тифа, тем не менее, была одной из самых крупных в истории России, она осложнялась гуманитарным кризисом, вызванным Гражданской войной. Голод, сыпной тиф привели к огромной смертности, и по разным подсчётам от этой эпидемии умерло не менее 10 млн человек [1, с. 43–46]. Это не могло не отразиться не только на обществе в целом, но и на формировании новой государственности в России. Социальные последствия эпидемии сыпного тифа стали очень значимыми для конструирования нового социума, в этой статье мы обратимся к вопросу о том, какую роль сыграла эпидемия в процессе создания нового общества в первые годы советской власти.

Важнейшим социальным последствием размаха эпидемии сыпного тифа стало снижение политической активности людей. Общество эпохи эпидемии – это люди, пребывающие в состоянии политической депрессии. Если события 1917 года зачастую рассматриваются историками как проявление необычайной политической активности населения и даже «массового психоза» [2, с. 57–58], и с этим, пожалуй, можно согласиться, то далее, с конца 1919 года, когда эпидемия сыпного тифа захлестнула целые города, все изменилось. С одной стороны, на территории России шла Гражданская война, и, казалось бы, нейтральная позиция в таком историческом контексте была невозможна. Однако участие людей в любом политическом выступлении, пребывание на агитационном собрании несло с собой страх заражения. Даже ежедневные дела – поход за продуктами, дровами и т. д. превращались в испытание. Страх эпидемии пронизывал всю повседневность этого периода, отражался на каждом аспекте революционного быта. Люди опасались подхватить насекомое даже от знакомых, с которыми случайно встречались. «На тебе нет вшей?» – так начинался разговор знакомых при встрече [3, с. 128].

Сыпной тиф свирепствовал на фронтах Гражданской войны, и случалось, что наступление целой армии откладывалось по причине того, что сыпным тифом болеют почти все солдаты. Это сильнейшим образом повлияло на моральный дух военнослужащих. С 1920 года в Красной армии растёт дезертирство и самоповреждение: солдаты считают, что лучше нанести себе увечье и быть отправленными в тыл, или просто бежать, чем продолжать воевать и встретить смерть от тифа. Именно из-за тифа многим красноармейцам Гражданская война представляется бессмыслицей. Пример такого поведения описывает в

рассказе «Тифозный пунктир» Александра Грина (писатель сам переболел тифом). Подобная ментальная установка солдат приводила к деморализации войска, к трансформации восприятия войны: необходимость истребить непримиримого классового врага превращалась в понимание бессмысленности и обречённости военного конфликта.

Разумеется, вопрос об эпидемии тифа решался на самом высоком уровне. Советская власть боролась с сыпным тифом: создавалась система медицины, отличительными чертами которой стали тотальный мониторинг заболеваемости населения (в том числе, постоянный контроль транспортной системы, особенно на железной дороге), вакцинация, оказание всеобъемлющей бесплатной помощи, распространение учреждений гигиены и пропаганда санитарно-гигиенических знаний. Одновременно, в 1919–1922 годах сыпной тиф стал средством управления социумом. Основными инструментами этого была система мандатов и подселение. Подселение – или уплотнение – имело чудовищные последствия для городских жителей. Демобилизованных с фронтов Первой мировой и гражданской войн солдат подселяли в квартиры к горожанам. Подселение означало неизбежное столкновение с сыпным тифом, которым были инфицированы практически все красноармейцы, а смертность от сыпняка достигала 50 %. Уплотнение привело к вымиранию городского населения и трансформации городской среды. В процессе формирования нового мировоззрения и нового миропорядка старые городские традиции, праздники, обычаи очень быстро умирали вместе с коренными горожанами. Это же привело к процессу маргинализации исторических центров многих провинциальных городов, таких как Ярославль, Казань, Самара.

В условиях эпидемии власти приходилось выбирать, кому из людей оказывать медицинскую помощь, так как медицинская система не справлялась с ситуацией. Для этого была введена система мандатов, то есть права на госпитализацию (в некоторых городах, например, в Самаре, вводится также мандат на гробы, то есть на право быть захороненным). Знаменитый лозунг «Кто не работает, тот не ест» можно было бы дополнить таким: «Кто не работает (на благо страны Советов), того не будут лечить от сыпного тифа и даже не похоронят». Классовый принцип распределения мандатов делал крайне затруднительным оказание помощи представителям интеллигенции и всех тех, кто по каким-либо причинам не готов был сотрудничать с новой властью. Отсутствие мандата делало невозможным даже получение гроба. Самарский журнал «Харакири» иронично проиллюстрировал этот факт: «После блестящей победы большевиков в Киеве, в городе ощущался сильный недостаток гробов. Большевики скупили 500 гробов, но этого было недостаточно. Положение создалось такое, что покойников хоть в корыто клади.

Люди, умершие по декрету и по всем правилам революционного времени, валялись на улицах неубранными и в моргах непохороненными... А люди, умершие без мандата, домашним образом, и вовсе не смели рассчитывать на получение гроба. Хочешь «хорониться», ложись в ванну или в цибик из-под чая. Не хочешь – лежи и жди очереди» [4]. Когда в 1921 году во многих городах эпидемия достигла необычайного размаха, в госпиталь мог быть доставлен лишь представитель рабочего класса.

Эпидемия тифа становится фактором эмиграции представителей интеллигенции. В исследовательской литературе подробно рассматривается политический фактор как основной в вопросе отношения интеллигенции и власти. Усиление государственности, цензура, преследование, запрет на публикацию работ, невозможность заниматься привычным интеллектуальным творчеством, «обличительные» кампании в прессе против представителей интеллигенции, – все это, безусловно, было крайне важно. Однако многие представители интеллигенции эмигрировали именно из-за эпидемии сыпного тифа. Эпидемический фактор эмиграции состоял не только из страха перед заражением, но также из понимания невозможности продолжать нормальную работу в обстановке угрозы подселения, постоянной высокой смертности, риска потери близких. Многие интеллектуалы и представители творческой интеллигенции, выбравшие эмиграцию, вплотную столкнулись с тифом и голодом. Это и П. Сорокин, описавший путешествие по России эпохи эпидемии [5], и Н. И. Фешин, который в первые годы после революции работал в Казани, население которой испытало весь ужас голодного сыпняка, и В. Кандинский, который сам пережил тиф и сыпнотифозный бред, и И. Бунин, который считал эпидемию сыпного тифа плодом деятельности большевиков: «Не велика радость пылать в сыпном тифу или под пощечинами чекиста!» [6, с. 2], и многие другие представители интеллигенции.

Эпидемия сыпного тифа усугубила социальную катастрофу Гражданской войны. Именно сыпной тиф уничтожил многие семьи. Как известно, после событий 1917–1922 гг. захлестнула волна беспризорников. По данным БСЭ, в 1921 году число их достигало 4–6 млн, исследователь А. Б. Рожков указывает, что в 1922 году можно говорить о 7 млн беспризорных детей [7, с. 134]. Беспризорные дети – это жертвы не столько войны (т. к. матери остались бы живы у большинства из них), сколько эпидемии. Когда в течение нескольких дней умирала вся семья, единственным выходом было идти в город, к вокзалу, где можно было попытаться раздобыть себе еду и средства к существованию. Беспризорные дети в 1920-е годы, до этого совершенно маргинализированные, то есть оторванные от прежнего социума, становятся объектом воздействия государственной системы образования, воспитания, агитации и

пропаганды. Воспитание «нового человека» в рамках марксистско-ленинской идеологии, таким образом, начинается очень рано, и, как видим, сыпной тиф стал катализатором этого процесса.

Идея необходимости борьбы с загрязнением, вшами – разносчиками сыпного тифа и эпидемией – одна из важнейших идей агитпропа первых лет советской власти. Кроме этого, во многие города, главным образом, в голодающее Поволжье, из Москвы приходили агитационно-пропагандистские и санитарно-питательные поезда, устраивались массовые обеды для сотен, иногда тысяч человек. Советская власть организовывала больницы и приюты, боевые санэпидотряды, бани, недели чистоты и т. д., постепенно вводит эпидемический контроль на вокзалах и железнодорожном транспорте. Меры, однако, запоздали, так как были введены только тогда, когда эпидемия приобрела лавинообразный характер. Однако власть большевиков сразу старалась подчеркнуть собственную активную позицию в борьбе с сыпным тифом. Мероприятия советской власти провозглашались спасительными для Отечества. Цифры погибших от сыпняка, несвоевременность принятых мер, параллельно проводимая политика подселения и мандатов, – все это в блестящих агитационных речах было отодвинуто на задний план, зачислено на счет Гражданской войны, а потом и вовсе «забылось». Однако, общество в России после эпидемии сыпного тифа пережило сильнейший социальный стресс. Именно эпидемия «сыпняка» сделала многие социальные процессы в светской стране необратимыми. Советская система здравоохранения, рожденная в эпидемии сыпного тифа, со временем стала справляться с серьезными вызовами (например, в эпоху Великой Отечественной войны). Однако, уже с 1920-х годов она также превратилась в рычаг управления социумом, а, значит, повлияла и на формирование новой государственности в России.

Таким образом, мы видим, что эпидемия сыпного тифа в первые годы советской власти не только сама по себе осложнила социальную ситуацию и гуманитарную катастрофу, являвшуюся результатом Гражданской войны, но и определила вектор многих социально-политических процессов. Сыпной тиф напрямую повлиял на конструирование нового общественного порядка.

Библиографический список

1. *Миронова Н. А.* Великая эпидемия: сыпной Тиф в России в первые годы советской власти. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020.
2. *Водолагин А. В.* Психопатология всемирной истории // Космос и мировая история. М., 2002.
3. *Пастернак Б.* Доктор Живаго. М., 2010.
4. Харакири (Самара). 1918. № 14.

5. *Сорокин П. А.* Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар: СЖ Коми: МП «Шипас», 1991.

6. *Бунин И.* Миссия Русской эмиграции. (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 года) // Бунин И. И. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 8. М.: Воскресенье, 2006.

7. *Рожков А. Ю.* Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11.

УДК 1 (091)

Н. И. Музафарова,

профессор, Московский городской педагогический университет

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЙ

В статье излагаются воззрения А. Ф. Керенского, его стремления заняться политикой, используя общественные организации, партии и деловых людей, чтобы кардинально повернуть исторический путь развития России.

Ключевые слова: революция, монархия, Дума, политические партии.

N. I. Muzafarova,

Professor, Moscow City Pedagogical University

A. F. KERENSKY IN THE CONTEXT OF REVOLUTIONARY MOVEMENTS

The article presents the views of A. F. Kerensky, his desire to get involved in politics, using public organizations, parties and business people to radically turn the historical path of Russia's development.

Key words: revolution, monarchy, Duma, political parties.

Александр Федорович Керенский (1881–1970) – одна из именитых личностей XIX–XX вв., вошедших в отечественную историю. С юношеских лет он стремился заняться политикой и в полной мере воплотил свои желания, став премьер-министром Временного правительства (июль–октябрь 1917). С установлением Советской власти он эмигрировал, и в США по воспоминаниям и архивам он изложил свое видение исторического поворота России.

Рубеж веков России характеризовался бурными освободительными и национальными движениями, охватившими все население европейской части страны. В студенческой среде, где были запрещены орга-

низации (по уставу 1884 г.), жизнь кипела в разрешенных землячествах. В землячествах московского и петербургского университетов ощущались народнические настроения, обсуждались вопросы о положении в стране, ставились задачи борьбы с произволом абсолютизма. Свободолюбивые идеи преподавательского состава способствовали развитию студенческого движения. Под влиянием окружающей атмосферы и почитаемых студентами профессоров С. Ф. Платонова, В. О. Ключевского, М. И. Ростовцева у Александра Керенского сложилось мнение, что во всех бедах страны виновата верховная власть [1, с. 21].

Наращение волнений учитывало правительство и меняло руководство учреждений. Назначенный новый министр просвещения П. С. Ванновский, известный реакционер, сменил тактику, пошел на уступки: отменил набор в армию учащихся, добился возвращения из сибирской ссылки студентов. Однако студенческое движение возрастало, чему способствовали преподаватели, составившие петицию (1903 г.) за подписью 350 человек с требованием свободы слова, собраний, участия в митингах. А. Ф. Керенский вспоминал, как второкурсником впервые страстно выступил перед большой толпой студентов, призывая поддерживать освободительное движение. За выступление А. Ф. Керенский поплатился временным исключением из вуза и домашней «ссылкой». Разговор с отцом и полученный урок с напоминанием судьбы братьев Ульяновых привели его к осознанию недостатка знаний о положении в стране, перспектив ее будущности. Впоследствии Александр Федорович вспоминал, что до окончания университета он не занимался революционными делами, но в мыслях был связан с политикой [1, с. 18–19].

Начавшаяся революция подтвердила суждения А. Керенского о причинах освободительного движения. Самодержавие пыталось сдерживать выступления горожан и рабочих. В этих целях создавались профессиональные союзы (по инициативе князя Сергея Александровича), велись проповеди духовенством, в частности, молодым священником Георгием Гапоном. Организованное Г. Гапоном мирное шествие разношерстной толпы с петицией к царю не представляло угрозы монархии. По мере продвижения ряды ее пополнялись, в нее влились и Керенский с друзьями. В исторических публикациях организатор шествия Г. Гапон представлен агентом полиции. Александр Керенский высказал ошибочность такой трактовки. Он считал, что Г. Гапон был близок к народу, пользовался популярностью. Выходец из среды скромного сельского священника Г. Гапон умело излагал нужды рабочих, крестьян, простого населения, с искренне движимыми чувствами призывал присоединиться к общественному движению. Он пользовался колоссальным влиянием на массы, в отличие от лидеров политических партий и организаций.

Поэтому призыв священника идти ко дворцу, чтобы изложить царю свои беды получили всеобщую поддержку. Трагические последствия событий вряд ли можно объяснить однозначно: с одной стороны министр внутренних дел Д. Ф. Трепов, не разобравшись в процессии, дал команду ее разгона, с другой Г. Гапон мог оказаться подставленным фигурантом [1, с. 32].

Расстрел мирных демонстрантов изменил отношение толпы к императору и его ближайшему руководству, что проявилось в октябрьских выступлениях многочисленных масс. Это привело к вынужденному изданию царем Манифеста 17 октября – конституционного документа, провозгласившего демократию и парламентарную форму правления. Активность в становлении демократии проявили кадеты во главе с П. Н. Милюковым, который одновременно выполнял функции председателя федерации Союза союзов (профсоюзов). Возникшие союзы поддерживали идею создания правового государства, надеясь на решение крестьянских и рабочих запросов. Объявленный Манифест, к удивлению А. Ф. Керенского, не привел к ликованию масс, поскольку Совет рабочих депутатов, (созданный в октябре) призвал не устраивать манифестаций, дабы не отказываться от борьбы с самодержавием. Эту мысль позже поддержал и Милюков, выступая на съезде «Союза освобождения» (переименованного в партию кадетов), подчеркивая, что нужно продолжать борьбу. Тем не менее, в стране прошли выборы в Государственные Думы, доказав начало перехода к республиканской форме правления. Первые две Думы (1906 и 1907) по составу и программным требованиям оказались оппозиционными к самодержавию, поэтому были распущены. Среди депутатов усилились недовольства, появились разногласия, способствуя расширению антимоноархического движения.

Последствия революции были трагичны, так как по стране прокатилась волна репрессий, велась охота на остатки революционных организаций. Карательные экспедиции выявляли активистов и зачинщиков выступлений, предавали их суду военным трибуналам, прозванным юридическим террором. А. Ф. Керенский справедливо отмечал, что эти кары были бессмысленны, поскольку революционный накал спал и люди вернулись к обычной повседневной жизни. При этом политик сделал вывод: при жестокой политической борьбе справедливость и беспристрастность невозможны, ни один судья по своей человеческой натуре не может сохранить независимость суждений [1, с. 53, 55].

Попытки разрулить политическое положение в стране предприняла III Государственная Дума, выборы которой проходили в жестком режиме уменьшения или лишения квот некоторым (в основном национальным) регионам. В Думу прошли в основном октябристы, занимав-

шие примирительные позиции с монархией. Председатель М. В. Родзянко старался найти компромисс с монархическим режимом и в, свою очередь, самодержавие шло на осуществление ряда реформ, предложенных Государственной Думой (земельные, образовательные, рабочие, национальные и др.). А. Ф. Керенский, анализируя ситуацию, отмечал, что близкий ему М. В. Родзянко был умным, но нерешительным в стратегических инициативах. Более активным был А. И. Гучков, которого Александр Федорович не уважал, как внука крепостного крестьянина, вставшего на защиту монархии. После поражения первой революции А. И. Гучков стал менять свои позиции и фактически стал главным организатором свержения самодержавия.

Проводимые реформы Думой и расправа царизма с революционными выступлениями, по мнению А. Ф. Керенского, не заглушила общественного протеста. В недрах партий, разных организаций вызревало революционное движение. Он писал, что у молодых людей закончился период революционного романтизма и они перешли к действиям. Сам он под влиянием семейных связей вступил в партию эсеров, на квартире хранил антиправительственные листовки. Более того, под эйфорией борьбы с самодержавием, Александр Федорович хотел вступить в террористическую организацию через эсера Азефа (тайного агента жандармерии). Позже политик узнал, что его не приняли в эту организацию, поскольку одна из задач агента заключалась в пресечении роста новых революционеров. Эта версия маловероятна, поскольку Азеф играл двойную роль и выдал немало соратников по партии. Полиция арестовала А. Ф. Керенского и поместила в тюрьму в Крестцы, где находились политические заключенные. Условия там были не жестокие, Александр Федорович вспоминал, что эти месяцы научили его многому. Он зачитывался книгами, пользуясь богатой библиотекой тюрьмы, а в общении с заключенными приобретал богатый опыт политической борьбы [1, с. 41].

Дальнейшая деятельность А. Ф. Керенского была связана с юриспруденцией и политикой. Он вел политические процессы, всегда вставал на защиту людей из народа, в национальных вопросах защищал свободы этнических общностей – армян, поляков, прибалтийских народов. Так он отстаивал интересы «Союза учителей», подсудимых солдат, прибалтийских крестьян, организации «Крестьянское братство» (Тверская губерния), членов армянской партии Дашнакцутюн и др. [1, с. 56]. Беды страны и нужды народа он видел в разрыве политики царизма и действий Думы, как выборного органа власти. Александр Керенский усиливал пропагандистскую работу среди общественных и политических организаций, выступал с обличением монархического руководства. В 1912 г. он был избран в IV Государственную Думу от трудовой партии и в полную меру

развернул политическую деятельность, объезжая регионы страны с выступлениями и призывами к неповиновению монархической власти.

С избранием в Думу А. Ф. Керенский был приглашен в масонскую ложу, политическую платформу которой разделял полностью. Масонские союзы создавались по разным признакам: территориальным, профессиональным и др., были независимы друг от друга, но имели центр – Высший Совет ордена, который избирался на съезде. Съезд созывался ежегодно, где давали оценку проделанной работе, обсуждали программу действий на предстоящий год. Записи отчетов, планов, списков членов не велись, соблюдалась строгая дисциплина и конспирация, от членов требовалось способность сохранять тайну. А. Ф. Керенский поэтому не сделал записей, можно лишь догадываться по его делам связи с масонством. Будучи в руководстве ордена, строго хранил стратегические установки, опровергал миф, что тройка масонов навязала Временному правительству свою программу действий [1, с. 63].

Политик, как противник монархизма, опровергал реформы П. А. Столыпина, оппозиционно относился к А. И. Гучкову. Со временем он позитивно оценил столыпинские реформы и отметил деловые качества А. И. Гучкова. А. Ф. Керенский писал, что А. Гучков, обладал практическим складом ума, осознавал приметы времени, и с 1905 г. стал менять свои консервативные позиции, превращаясь в «революционера». В 1913 г. он призывал либералов открыто выступить против царизма, а с 1915 г., став председателем Центрального Военно-промышленного комитета (ЦВПК), окончательно порвал с самодержавием [3, л. 7–8].

ЦВПК и созданная при нем Рабочая группа (руководитель социалист К. А. Гвоздев), обвиняли Думу в бездействии становления нового демократического режима. Поэтому А. И. Гучков взялся за разработку плана свержения Николая II [2, с. 110–111]. Для укрепления своих позиций А. И. Гучков устанавливал связи с банками, промышленными предприятиями, готовыми оказать ему поддержку [3, л. 427–428]. Противник первой революции, приближенный царя, он резко изменился, поставив главную цель – уничтожения самодержавия. Триумфом его политики можно считать доставку в Питер манифеста об отречении Николаем II под звуки «Марсельезы» и с красным флагом. А. Ф. Керенский вспоминал, что вчерашний красный флаг из сигнала разгона толпы, сегодня превратился в национальный флаг [2, с. 230, 235].

Известие об отречении царя взбудоражило общественные движения, ввергнув страну в хаотическое проявление свободы с лозунгами самоуправления и независимости. Газеты публиковали сенсационные новости в трактовке, что близкие к аресту Гучков, Коновалов, Керенский, Милюков возглавили новое правительство, Новое правительство

спешно подготовило манифест и сформировало министерства в следующем составе: председатель Совета министров и министра внутренних дел – князь Г. Е. Львов, министр иностранных дел – П. Н. Милуков, министр военный и морской – А. И. Гучков, министр путей сообщения – Н. В. Некрасов, министр торговли и промышленности – А. И. Коновалов, министр финансов – М. И. Терещенко, министр просвещения – А. А. Мануйлов, Обер-прокурор Святейшего Синода – В. Н. Львов, министр земледелия – А. И. Шингарев, министр юстиции – А. Ф. Керенский. Временное правительство объявило о первостепенности решения наиболее важных задач: 1) продолжать защиту страны; 2) воссоздать по всей стране действенный административный аппарат; 3) провести коренные политические и социальные реформы; 4) подготовить пути преобразования России из крайне централизованного государства в федеральное [1, с. 141, 153]. Названные мероприятия, по мнению А. Ф. Керенского, свидетельствовали о торжестве социальной демократии, с чем согласился и вернувшийся из эмиграции В. И. Ленин, приложивший, однако, максимум усилий для нового неизведанного исторического поворота России.

Библиографический список

1. *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: мемуары. М.: Республика. 1993. 384 с.
2. *Козодой В. И.* Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск: Сибирская академия предпринимательства и коммуникаций, 2015. 256 с.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 45. Оп. 1. Д. 91. Л. 7–8; Ф. 1470. Оп. 1. Д. 237. Л. 427–428.

УДК 643.01

Л. И. Новикова,

директор библиотеки, Санкт-Петербургский университет
ветеринарной медицины

ЖУРНАЛ «ГОРОДСКОЕ ДЕЛО» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Анализируется журнал «Городское Дело», издававшийся в Санкт-Петербурге в 1909–1918 гг. с целью помощи в становлении муниципального самоуправления и городского хозяйства. Отмечается значение материалов журнала как источника по истории повседневности.

Ключевые слова: городское хозяйство; самоуправление; «Городское Дело».

L. I. Novikova,

Director of the library, Saint-Petersburg State University of Veterinary Medicine

MAGAZINE "GORODSKOE DELO" ("CITY BUSINESS") AS A SOURCE OF STUDY OF EVERYDAY LIFE

The article analyzes the magazine "Gorodskoe Delo", published in St. Petersburg in 1909–1918 with the aim of helping in the formation of municipal self-government and city economy.

Key words: municipal economy, self-government, "Gorodskoe Delo".

Конец XIX века для России – время научно-технического переворота, повлекшего превращение крупных городов в многонаселённые промышленные центры. Огромное скопление жителей, зачастую вынужденных существовать в антисанитарных условиях, порождало множество проблем, что в условиях сильной поляризации общественных и политических сил страны, не могло не вылиться на страницы периодической печати.

Разумеется, эти острые темы постоянно обсуждались в прессе, однако специализированного печатного издания, аккумулировавшего на своих страницах новости, законодательные документы и полемику по вопросам городского хозяйства еще не существовало. В 1896 г. была предпринята первая попытка создания такого журнала. В Главное управление по делам печати поступило прошение от кандидата прав, дворянина, уроженца города Риги, Оттокара Эдуардовича Радецкого, где он испрашивал разрешения Министра Внутренних дел на печатание в Санкт-Петербурге повременного «чисто городо-хозяйственного» издания без предварительной цензуры и внесения залога». Печатать журнал предполагалось в типографии А. С. Суворина [7, л. 1–1 об.].

К прошению прилагался ряд свидетельств, удостоверяющих в том, что Оттокар Радецкий, родившийся 21 января 1854 г., действительно имеет степень кандидата правоведения, служил в Рижской городской управе, дворянин и абсолютно благонадежен. Петербургский градоначальник генерал-майор Н. В. Клейтис, в своем письме в Главное управление по делам печати, высказался, что «не видит препятствий к изданию журнала» [7, л. 9], однако, решение он вынес, только ознакомившись с его программой, на что генерал-майору потребовался ровно месяц (с мая по июнь).

О. Э. Радецкий всё-таки получил разрешение на издание журнала, правда при условии предварительной цензуры. Однако дела у издателя не заладились. Через год после получения разрешения, он просит отложить выпуск журнала еще на 6 месяцев [1, л. 17], но и в январе 1898 г. журнал так и не был напечатан.

Второе и уже окончательное рождение «Городского Дела» состоялось одиннадцатью годами позже, в 1909 г. К этому времени в жизни петербургского самоуправления произошел ряд перемен, всколыхнувших общество и вдохнувших новую жизнь в дело городского хозяйства. Что бы разрядить крайне тяжелое для столицы положение, в 1903 г. специально для Санкт-Петербурга Министерством внутренних дел было разработано специальное Положение об общественном управлении, расширявшее круг избирателей, при этом вводя образовательный ценз. Благодаря этим и другим поправкам смог измениться социальный состав Думы, в числе ее гласных появились люди из среды городской интеллигенции, всей душой желающих решить вопросы городского благоустройства.

Эта активная деятельность требовала создания специального издания, координирующего деятельность по модернизации городского хозяйства и вопросам местного самоуправления. 1909 г. в Санкт-Петербурге вышел первый номер журнала «Городское Дело». Издателями на этот раз выступил Лев Александрович Велихов – публицист, общественный деятель и владелец книжного склада. Тема изучения процессов развития городского хозяйства была для Л. А. Велихова одной из приоритетных, в последствии, уже в Советской России им был опубликован учебник «Основы городского хозяйства», переведенный на несколько языков и переиздаваемый спустя долгие годы [1].

Вторым издателем журнала стал Дмитрий Дмитриевич Протопопов, литератор, член Первой государственной Думы. Д. Д. Протопопов упоминал, что имел опыт издательской и редакторской работы с 1897 г.: «Через мою редакцию прошли сотни печатных листов» [8, л. 12 об.]. Оба издателя состояли членами конституционно-демократической партии.

Журнал имел следующую программу: 1) Руководящие статьи по всем отраслям общественного управления; 2) Теоретическая и практическая разработка общих и специальных вопросов муниципальной жизни в России и за границей; 3) Хроника городской жизни в России и за границей; 4) Официальный отдел: законы и правительственные распоряжения; 5) Справочный отдел: ответы на вопросы читателей по общим и текущим вопросам городского хозяйственного управления; 6) Разные известия из областей муниципальной жизни; 7) Рисунки, планы и чертежи; 8) Объявления [2, л. 1].

Цели и задачи сами издатели сформулировали так: «Журнал ставит себе целью посылить служить великому делу обновления русских городов». Первое обращение редакции к подписчикам звучит с почти былинным пафосом: «Пора жителям русских городов обратить внимание на то, что твориться вокруг их жилищ и внутри их. Пора начать борьбу с ужасными порядками русских городов. Не будет у нас здоро-

вой воды, не будет канализации, не будет достаточно школ, не будет настоящих мостовых, трамваев, скверов; не будет дешевых и удобных жилищ, дешевых и доброкачественных припасов – пока русские горожане не сделают одной из своих жизненных задач борьбу за реформу нынешних городских порядков» [2].

Одновременно тот же редакторский коллектив выпускал еще один журнал – «Земское Дело». Издание выходило в аналогичном формате, по схожей программе, с тем же коллективом авторов и предназначалось «для развития земских вопросов». Т. е. очевидно, что издательский тандем Велихов – Протопопов имел комплексную программу информационной поддержки становления демократических институтов.

Первый номер «Городского Дела» вышел в свет в январе 1909 г. В год печаталось 24 номера, некоторые – сдвоенные. Журнал издавался в книжном формате, с черно-белыми иллюстрациями и фотографическими вклейками. Статейный материал часто сопровождался схемами и диаграммами. Сами издатели в рекламных материалах заявляли, что «Журнал печатается на хорошей бумаге, четким шрифтом» [6]. Нумерация страниц – сквозная. В номерах 1909–1910 гг. оглавление отсутствует, а перечень рубрик, статей и авторов приведен на титуле. Со сдвоенного номера № 13/14 за 1911 г. для оглавления отводится отдельная страница.

Разумеется, журнал, посвященный решению проблем городского хозяйства должен содержать массу сведений, представляющих интерес для историка и краеведа, причем информация не ограничивается Санкт-Петербургом. Поскольку программа журнала подразумевала не только обзор столичного городского дела, но и освещение ситуации на территории всей Российской Империи, а также обширное освещение зарубежного опыта, редакторы, с первых же номеров, обращались с просьбой к подписчикам «живущим в глухих углах провинции, присылать, не стесняясь изложением, материалы». Также издатели подчеркивали, что избегают перепечатывать газетные сведения, «весьма часто неточные, мелко-партийные и дающие преимущественно «занимательный», легкий материал, для профессиональных специалистов неинтересный» [3].

Особый интерес представляет рубрика «Хроника городской жизни в России» (или «Хроника русской городской жизни»). За наполнение рубрики отвечал Д. Д. Протопопов. Так же хотелось бы выделить обзоры и статьи Л. А. Велихова. Под его метким взглядом перечень бедствий отечественного городского хозяйства представал перед читателем в формате фельетона, отдающего, правда, несколько «черным» юмором. Например, о Санкт-Петербурге: **«Бесплатная доставка рыбы.** В редакцию «Петерб. Листка» была доставлена для обозрения, 9 мая, городская водопроводная минога: она оказалась настоящей невской, длиной более 2-х вершков. Минога попала из крана на Большой Подъяческой, в доме

№ 36-131, в квартире № 19». «**К сведению самоубийц.** Приводим любопытную статистику. Из отравившихся за последнее время уксусной эссенцией умерло не более 5 %. Между тем, по наблюдению врачей, в разгар холерной эпидемии, потребление сырой невиской воды дало около 7 % смертных случаев. Столичная вода, оказывается опаснее наиболее употребительного яда». В Рязани: «**Тактика водовозов:** Редакции сообщают из Рязани, что там, за отсутствием водопровода, обыватели находятся в плену у водовозов. Когда водовоз не аккуратен – обыватель лишен воды. К тому же рязанцы не имеют возможности менять водовозов, так как эти последние находятся между собой в стачке и наказывают обывателя за «капризы» полным прекращением доставки воды» [9, с. 552].

Опубликованный в нескольких номерах 1909 г. очерк Д. Д. Протопопова «По русским городам» дает широкую картину хозяйственной жизни крупных городских центров страны. Особое внимание в обзоре уделено санитарному состоянию городов, и, как главному условию соответствия нормам – ситуации с водоснабжением и водоотведением. Начинается очерк, как и следует ожидать, со сравнительного анализа старой и новой столиц. Сравнение не в пользу Санкт-Петербурга. «Первый, в центральных частях своих, поражает провинциалов внешностью, отдающей Европой; гладкие мостовые, одержимые в чистоте, широкие тротуары, полисмены с жезлами, зачатки уличной жизни. Москва, в общем, облуплена и всклокочена – преддверие провинции. Но, при ближайшем ознакомлении, становится ясным, насколько Москва опередила злополучный город «рагвенц», где без особого труда создается личная карьера, но где, зато чахнут общественные начинания» [4].

Далее, внимание автора перемещается в губернии, и здесь мы также видим его не опосредованное знакомство с материалом: «Провинция встречает меня в столь, сравнительно, прогрессивном городе, как Нижний Новгород, острой бульжной мостовой, пересекаемой водоминонами, по которым во время дождей и в ростепель свободно несутся потоки мутной воды, сбитыми кирпичными тротуарами, плохо ремонтируемыми домами средней руки горожан и тяжелыми дворцами богатей, обилием во всех устройствах некрашеного дерева, в разной степени истления» [4, с. 1043].

Пересекая страну с севера на юг, автор сравнивает состояние городского хозяйства, подкрепляя свои собственные (подчас очень эмоционально окрашенные впечатления) сухими цифрами статистических отчетов. «Грязный, пыльный, нелепый Харьков (около 220.000 жит.; бюджет почти 3 миллиона) производит на меня впечатление чуть не европейского города ... Но именно, как в Петербурге – некоторый внешний лоск, оживление, а под ним ужасающие муниципальные язвы. В обоих городах на первом месте невозможно поставленное снабжение водой. Но, конечно,

побить рекорд Петербурга (мировой рекорд – для столичных городов), Харькову нельзя». О Киеве: «Красавец-город – с населением в 450.000 чел., бюджетом в 3 ½ миллиона и долгом в 8 миллион» [5, с. 1300].

Путешествие приводит автора к любопытным выводам: «И только путешествуя по столь различествующим между собой областям России, вполне познаешь элементарную истину о вреде централизации именно для такой страны, как Россия. Что общего между Ярославским районом, Самарскими степями и Украиной ...? Не глушите из центра местную жизнь, дайте простор работе местных людей, дайте им широкое самоуправление, и вы сотворите государственное чудо – сколько сил тогда найдется – оживление коснется тогда всех сторон жизни» [5, с. 1301].

Л. А. Велихов и Д. Д. Протопопов не только освещали язвы городского хозяйства; они знали рецепт от этой болезни, и отчетливо, из номера в номер в журнале звучала мысль: «Должно городское самоуправление быть вырвано из рук людей, единственным предназначением которых все еще является накопление капитала ... Такие люди не могут быть гражданами; их стремления, по самому существу своему, глубоко противообщественны. И их устранение – вопрос ближайшей очереди и общественной важности. Иначе постигнут наши города египетские казни» [4, с. 1050].

Журнал издавался вплоть до 1918 г. Л. Велихов и Д. Протопопов не покинули Россию после Революции, пытаясь задействовать свои знания на пользу молодой республики. В стране активно развивалась индустриализация, налаживалось городское хозяйство, но политическое руководство все дальше и дальше уходило от идей демократии и парламентаризма, столь близких обоим деятелям. Жизнь обоих после 1919 г. – бесконечная череда обвинений и арестов, закончилась – для Д. Д. Протопопова – в тюрьме в 1932 г., Л. А. Велихова – в исправительно-трудовом лагере в 1942 г.

Библиографический список

1. *Велихов Л. А.* Основы городского хозяйства: Общее учение о городе, его упр., финансах и методах хоз-ва. М.: Наука, 1996. 466, [2] с.
2. [От редакции] // Городское Дело. 1909. [вклейка].
3. Подписчикам небольших городов // Городское Дело. 1909. № 13. С. [634].
4. *Протопопов Д. Д.* По русским городам // Городское Дело. 1909. № 20. С. 1042.
5. *Протопопов Д. Д.* По русским городам // Городское Дело. 1909. № 24. С. 1300.
6. [Рекламный материал] // Городское Дело 1910. № 22, вклейка
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 776. Оп. 8. Д. 971.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 776. Оп. 9. Д. 2097.
9. *Велихов Л. А.* Родные картины // Городское Дело. 1909. № 11. С. 552–553.

В. С. Околотин,
профессор, Ивановский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫХ СОЕДИНЕНИЙ И АВИАПЛАНЕРНЫХ ПОЛКОВ В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1942 ГОДУ

В статье отражен процесс формирования воздушно-десантных соединений и авиапланерных полков на территории Ивановской области в 1942 году. Уделено вниманию их комплектованию, оказанию местными органами власти командованию корпусов помощи по бытовому обеспечению личного состава.

Ключевые слова: Государственный Комитет Обороны, постановления, воздушно-десантные корпуса, гвардейские воздушно-десантные дивизии, авиапланерные полки, Ивановская область, операция «Антифриз».

V. S. Okolothin,
Professor, Ivanovo State University

FORMATION OF AIRBORNE FORMATIONS AND GLIDER REGIMENTS IN THE IVANOVO REGION IN 1942

The article reflects the process of formation of airborne formations and glider regiments on the territory of the Ivanovo region in 1942. Attention is paid to their recruitment, the provision of local authorities to the command of the corps of assistance in the household provision of personnel.

Key words: State Defense Committee, resolutions, airborne corps, Guards airborne divisions, air glider regiments, Ivanovo region, Operation "Antifreeze".

В течение 1941–1942 гг. на территории Ивановской области были созданы две базы подготовки воздушно-десантных соединений МВО. Они располагались в Киржаче и Тейкове. Именно сюда были передислоцированы сначала 9-й, а летом 1942 года – 4-й воздушно-десантные корпуса 1 –го формирования. В начале августа 1942 г. они прекратили свое существование путем преобразования в 36 и 38 гвардейские стрелковые дивизии соответственно. Однако в том же месяце по решению ГКО на указанных базах ВДВ вновь началось формирование воздушно-десантных корпусов с указанной нумерацией, но теперь уже 2-го формирования. Одновременно при них были сформированы 1-й и 2-й учебные авиационные планерные полки.

4 и 9 воздушно-десантные корпуса 2 формирования. 16 августа 1942 г. ГКО принял постановление № 2178 «О восстановлении восьми

воздушно-десантных корпусов и пяти отдельных маневренных воздушно-десантных бригад». Один из пунктов постановления обязывал ЦК ВЛКСМ (т. Михайлов) совместно с военными советами округов отобрать на укомплектование корпусов и бригад, а начальника Главупраформа Е. А. Щаденко мобилизовать к 1 сентября 1942 г. 100 тыс. комсомольцев 1923 г. рождения и старше до 27 летнего возраста включительно.

В этой связи в Тейкове началось формирование 4 –го воздушно-десантного корпуса 2-го формирования. Командиром корпуса был назначен генерал-майор Александр Федорович Казанкин. О поведении десантников по месту дислокации свидетельствует информация секретаря Тейковского райкома ВКП(б) Люлина на имя секретаря обкома ВКП(б) Г. Н. Пальцева. В ней говорилось, что часть генерал-майора Казанкина «допускает очень много незаконных действий, которые остаются совершенно безнаказанными». В частности, красноармейцами расхищено сено и солома в колхозах деревень Терентьево, Домотканово и Мелюшино. Там же на скотных дворах и парниках вытащены рамы, а в Терентьеве разрушена кузница и взята последняя телега. Кроме того, сожжен скотный двор в Лемешках, похищены электролампы на торфопредприятии, снят воздушный провод и т. д. В результате местное население к десанникам стало относиться недружелюбно. В этой связи Г. Н. Пальцев, опираясь на информацию Люлина и представленные им акты, обратился к генерал-майору А. Ф. Казанкину с просьбой принять меры к прекращению противоправных действий со стороны военнослужащих и привлечь виновных к суровой ответственности [1].

По всей вероятности такие меры были приняты, упорядочено и решение хозяйственных проблем, возникавших у десантников. Об этом можно судить по обращению начальника Ивановской КЭЧ к председателю Иваново-Вознесенского городского комитета обороны Г. Н. Пальцеву от 9 декабря 1942 г. В нем говорилось об острой потребности в стекле, имевшейся у десантных частей в Тейково и Киржаче. «Из-за отсутствия оконных стекол значительная часть землянок не застеклена, большая часть оконных переплетов в землянках заколочена досками, в результате чего в землянках отсутствует свет, что влияет на ход боевой и политической подготовки», – отмечалось в обращении. В нем же высказывалась просьба выделить для указанных частей 50 ящиков стекла с завода в Гусь-Хрустальном, перевозка которого предполагалась автотранспортом воинских частей [2].

В августе 1942 г. в Киржаче началось формирование 9-го воздушно-десантного корпуса 2-го формирования численностью 9 930 человек. 29 октября 1942 г. командиром корпуса был назначен Николай Григорьевич Травников. Как и прежде, корпус формировался из трех бригад под номерами 20, 21 и 22. В течение всей осени корпус занимал-

ся укомплектованием личным составом и его боевой подготовкой. В декабре 1942 г. постановлением ГКО он вновь был расформирован.

1-я и 5-я гвардейские воздушно-десантные дивизии. 8 декабря 1942 г. ГКО принял новое секретное постановление № 2597 «О формировании десяти воздушно-десантных гвардейских дивизий». Из его содержания следовало, что было решено вновь отказаться от использования корпусов и перейти к созданию дивизий. В результате на территории Ивановской области к концу декабря 1942 г. на базе 4 и 9 корпусов 2-го формирования надлежало сформировать две воздушно – десантные дивизии с дислокацией в гг. Тейково и Киржач. Штатная численность каждой дивизии была установлена в количестве 10 670 человек. По окончании укомплектования для них был определен 4-месячный срок для воздушно-десантной и общевойсковой подготовки.

1 гвардейская воздушно-десантная дивизия. Формировалась в Тейкове на базе управления 4-го воздушно-десантного корпуса 2-го формирования и 1-й воздушно-десантной бригады. 8 декабря 1942 г. ее командиром был назначен генерал-майор Александр Федорович Казанкин. В состав вновь формируемой дивизии вошли: 3-й, 6-й, 13-й гвардейские воздушно-десантные стрелковые полки; 4-й воздушно-десантный артиллерийский полк, 2-й противотанковый артиллерийский дивизион; 5-я отдельная разведывательная рота, 7-й саперный батальон; 170-й батальон связи; 9-я рота химической защиты, 12-й медико-санитарный батальон и 10-я автомобильная рота. Первоначально она находилась в резерве Ставки ВГК, а затем была передана в состав 68-й армии Северо-Западного фронта.

5-я гвардейская воздушно-десантная дивизия. Формировалась на базе частей 9 воздушно-десантного корпуса и 4 маневренной воздушно-десантной бригады. 8 декабря 1942 г. командиром дивизии был назначен генерал – майор Николай Григорьевич Травников. В состав дивизии вошли: 1-й, 11-й и 16-й гвардейские воздушно-десантные полки; 6-й гвардейский воздушно-десантный артиллерийский полк, 13-й гвардейский противотанково-артиллерийский дивизион, 2-я гвардейская разведывательная рота; 4-я гвардейская рота связи; 7-я гвардейская автотранспортная рота; 8-я отдельная рота химической защиты; 9-й медико-санитарный батальон; 12-я полевая хлебопекарня; 10-й дивизионный ветеринарный лазарет; 2393-я полевая почтовая станция и 1817-я полевая касса Госбанка.

Как и 1-я гвардейская воздушно-десантная дивизия, она сначала находилась в резерве Ставки ВГК, а в феврале 1943 г. убыла с места дислокации и вошла в состав 68-й армии Северо-Западного фронта. Обе дивизии были задействованы в проведении операции «Полярная Звезда».

Авиапланерные полки. На базах ВДВ в Ивановской области в августе 1942 г. были сформированы два учебных авиационных планерных полка.

1-й учебный авиационный планерный полк ВДВ Красной армии размещался в Тейкове. Он был создан на базе сведенных в отдельную авиагруппу самолетов Р-6 ВДВ Красной армии, передислоцированных в Тейково в марте 1942 г. с аэродрома Стрыгино (ныне Нижегородская область) и подмосковных аэродромов. Полк состоял из двух эскадрилий, насчитывавших по 10 экипажей самолетов-буксировщиков, и по 60 пилотов планеристов. На вооружении полка имелись самолеты Р-6 в качестве буксировщиков и планеры Г-11 и А-7. До ноября 1942 г. полк осуществлял подготовку ночных летчиков и обучение пилотов-планеристов. С 1 по 30 ноября 1942 г. он входил в состав действующей армии. Первая боевая задача, которую выполнил полк, заключалась в доставке грузов в тыл противника для партизан Белоруссии (район Бегомль – Силаевщина). Во время этой операции партизанам было доставлено 5 500 кг боевого груза.

2-й учебный авиационный планерный полк ВДВ Красной армии (майор Ф. С. Карненко) дислоцировался на аэродромах города Киржач. На его вооружении были 12 самолетов-буксировщиков Ил-4 и 12 планеров. В состав действующей армии полк входил с 12 по 22 августа 1942 г.

Личный состав обоих полков в ноябре 1942 г. участвовал в операции «Антифриз». Она считается первой крупной транспортной операцией с начала войны. В ее проведении кроме 1-го и 2-го учебных авиационных планерных полков были задействованы и транспортные самолеты. Им предстояло доставить антифриз для техники Сталинградского фронта под командованием А. И. Еременко, готовившейся к наступлению согласно плану операции «Уран». 10 ноября 1942 г. полки были подняты по тревоге. Им была поставлена задача подготовить планеры к полету на расстояние 1200 км с грузом в 1000 кг на каждом. В сложнейших условиях поставленная задача была выполнена [3].

Таким образом, в 1942 г. на территории Ивановской области на базах ВДВ в Тейкове и Киржаче шел активный процесс формирования воинских соединений воздушно-десантных войск. Дважды они создавались в форме корпусов, но с учетом боевой обстановки реорганизовывались первоначально в гвардейские стрелковые дивизии, а затем в гвардейские воздушно-десантные дивизии. Нередко их подразделения использовались для спецопераций в тылу врага. Для транспортировки десантников и грузов были сформированы два учебных авиационных планерных полка, которые выполняли различные боевые задания,

одним из которых стало обеспечение антифризом техники Сталинградского фронта накануне наступления в ноябре 1942 года.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). ФП-327. Оп. 7. Д. 511. Л. 107–108.
2. ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 514. Л. 136.
3. *Околотин В. С.* Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 2. 1 января – 31 декабря 1942 года. Иваново: А-Гриф, 2019. С. 58–64.

УДК 340.131

С. А. Орлова,

старший преподаватель, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский государственный университет

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНСТИТУТА
СЕНАТОРСКИХ РЕВИЗИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА
В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Статья посвящена проблемам изучения сенаторских ревизий начала XX века в России. Указываются ошибки, которые возникли в ходе исследования данной темы советскими и современными учеными. Отмечаются перспективы дальнейшего изучения ревизий данного периода.

Ключевые слова: Сенаторские ревизии, начало XX века, проблемы изучения сенаторских ревизий.

S. A. Orlova,

Senior lecturer, Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Ivanovo State University

**PROBLEMS OF STUDYING THE INSTITUTE OF SENATOR'S
AUDITS OF THE EARLY XX CENTURY
IN MODERN HISTORICAL SCIENCE**

The article is devoted to the problems of studying senatorial revisions at the beginning of the 20th century in Russia. The errors that arose during the study of this topic by Soviet and modern scientists are indicated. Prospects for further study of revisions of this period are noted.

Key words: Senatorial revisions, the beginning of the XX century, problems of studying senatorial revisions.

В дореволюционной России борьба с коррупцией и злоупотреблениями со стороны региональных органов государственной власти возглавлялась Императором, как главой государства, исполнительной властью и Верховным главнокомандующим. Содействовать решению этой задачи должен был институт сенаторских ревизий, учрежденный 4 апреля 1722 года [12]. Ревизирующие сенаторы в соответствии с Учреждением Правительствующего Сената наделялись широчайшим объемом полномочий. Каждому ревизиющему сенатору Императором давалась индивидуальная инструкция, в которой четко определялась цель ревизии и компетенция сенатора.

Необходимо отметить, что в разных изданиях Учреждения Правительствующего Сената номер статьи, со ссылкой на которую издавалось Высочайшее повеление о назначении сенаторской ревизии, менялся: например, с 1892 по 1915 год это была 245 статья [22], в издании 1915 года – 249 [23], а при Временном Правительстве – 180 [24].

Каждый сенатор составлял смету расходов на нужды ревизии, формировал штат своей канцелярии, в которую включал самых компетентных должностных лиц из разных ведомств. За ними сохранялись место службы и оклад. Можно было обращаться за помощью к экспертам. Их услуги вознаграждались из фонда ревизии.

Сенаторы имели право проводить уголовное расследование, привлекать к суду чиновников ниже IV класса. Рассмотрение дел высших должностных лиц выносилось в Первый департамент Правительствующего Сената или лично Императору. Сенатор мог сразу исправлять выявленные нарушения, снимать с должности лиц, подозреваемых в совершении преступлений, временно назначать на вакантные должности чиновников, заслуживающих его доверия.

Завершалась ревизия специальным указом Императора. По окончании ревизии сенатор писал полный отчет на имя главы государства и краткую записку, в которой содержались основные выводы. В своем отчете сенатор не только подробно описывал ход ревизии и ее результаты, но и анализировал причины, которые приводили к правонарушениям в той или иной сфере управления. Он предлагал варианты необходимых реформ, в том числе в области законодательства. Материалы ревизии обсуждались специальной комиссией.

Ревизии проводились регулярно на протяжении XVIII – начала XX века. Их материалы являются ценнейшим источником по истории России указанного периода времени, поскольку сенаторы обследовали практически все стороны жизни и управления того региона, который подвергался проверке.

О сенаторских ревизиях, которые состоялись в XVIII–XIX веках, подробно рассказывалось в «Истории Правительствующего Сената за двести лет», вышедшей в 1911 году к юбилею данного органа [4]. Но о ревизиях начала XX века в данном издании информация отсутствовала, поскольку это была уже не история, а современность.

На долгие годы материалы сенаторских ревизий периода правления Императора Николая II и времен Временного Правительства оставались вне поля зрения историков. Отдельные статьи, например, М. И. Ахуна [1], Э. С. Паиной [11], Н. П. Ерошкина [3], Т. Г. Любарской [5], вышедшие в 1930–1990-х годах, лишь кратко затрагивали тему сенаторских ревизий начала XX века. В указанных статьях содержался ряд неточностей, касавшихся как количества ревизий (например, Н. П. Ерошкин насчитал их 11, в то время как Николаем II назначено было 20 ревизий, а Временным Правительством еще 9 [10]), так и вопроса о том, какие ревизии являлись сенаторскими, а какие нет. Так, Т. Г. Любарская в справочнике «Высшие и центральные заведения России. 1901–1917 гг.» [5] в качестве сенаторских указала ревизии Н. А. Рейнке и С. Я. Утина, которые проводились Министерством юстиции, а не Сенатом.

Подробное изучение сенаторских ревизий начала XX века началось с середины 2000-х годов. Исследованию данной темы уделили внимание такие ученые, как Н. А. Савченко [21], С. В. Любичанковский [6], С. В. Дмитриев [2], А. В. Наумов [9], Н. Б. Махмудова [7], Д. В. Соколов [26] и другие.

Непонимание историками юридической сущности института сенаторских ревизий привело к тому, что одна из первых кандидатских диссертаций, защищенных по данной проблематике, в действительности оказалась посвященной не сенаторской ревизии, а ревизии Министерства внутренних дел. Н. А. Савченко посчитала, что поскольку эту ревизию проводил Н. А. Зиновьев, назначенный сенатором в 1904 году, то она – сенаторская [20, с. 30].

Объяснение закравшимся в историческую науку ошибкам можно найти в статье 7 Учреждение Правительствующего Сената [22]. В соответствии с указанной статьей сенаторы имели право служить в разных органах государственной власти, в том числе в министерствах. Им часто поручали проведение министерских ревизий, поскольку данные лица отличались высоким уровнем компетентности. Однако если министерскую проверку проводил сенатор, это не значило, что это «сенаторская ревизия». Сенаторскую ревизию назначал Император со ссылкой на соответствующую статью Учреждения Правительствующего Сената, как указывалось выше.

Возникшие в исторических работах ошибки так и закрепились, и стали переходить из исследования в исследование. В качестве примера можно привести труды К. А. Михайлик и Б. К. Тебиева [15, с. 173], Т. А. Михалкиной [12, с. 9] и другие.

Для того чтобы установить какие в реальности сенаторские ревизии проходили в начале XX века, необходимо проанализировать статью 180 Учреждения Правительствующего Сената издания 1917 года, которое вышло при Временном Правительстве [24]. В данной статье перечислены почти все инструкции, которые были даны Императорами ревизирующим сенаторам с XVIII по начало XX века включительно.

Однако даже в этой статье имелись пробелы, и часть инструкций можно обнаружить только в Собрании узаконений и распоряжений правительства, а также в Третьем Полном собрании законов Российской Империи. Например, инструкция, данная сенатору Н. П. Гарину в Высочайшем повелении от 12 декабря 1907 года, не была опубликована, и на нее нет ссылки в статье 180. Эта инструкция только упоминалась в повелении от 29 августа 1908 года [13]. Или инструкция, предоставленная сенатору Д. Б. Нейдгарту 5 ноября 1915 года, также не была опубликована. Имеется только ее проект в Российском государственном историческом архиве [18, л. 3–5].

С другой стороны, инструкция С. С. Манухина от 9 мая 1912 года не была указана в статье 180 Учреждения Правительствующего Сената издания 1917 года, но опубликована в Собрании узаконений и распоряжений правительства [25] и в Полном собрании законов Российской Империи [14]. О ревизиях, инициированных Временным Правительством, можно узнать только из Собрания узаконений и распоряжений правительства [10].

Описание ревизий давалось и в прессе тех лет. Например, газета «Право» регулярно публиковала нормативные акты, содержащиеся в Собрании узаконений и распоряжений правительства, в том числе инструкции ревизирующих сенаторов. В газете описывался и ход ревизий, и их результаты. Например, в издании за 1915 год содержится подробная информация о ревизии сенатора Н. С. Крашенинникова, которая была назначена по поводу немецкого погрома, произошедшего в Москве 27–29 мая 1915 года [16, с. 1788; 17, с. 1918–1919]. Уточненный перечень сенаторских ревизий, анализ содержания инструкций, предоставленных сенаторам, и краткое описание ревизий, назначенных в начале XX века, содержится в нашей статье «Сенаторские ревизии начала XX века», опубликованной в журнале «Правоведение» за 2012 год [10].

В исторической науке не достаточно изучена также роль сенаторских ревизий в государственном управлении России в рассматриваемый

период. Имеются лишь отдельные статьи по данной проблематике, например, Т. А. Михалкиной [8], Д. С. Рыжова, В. В. Ильичева, Ю. П. Пузанова [19]. Но комплексного исследования по данной теме нет.

Таким образом, хотелось бы исключить из исторической науки череду ошибок, которые переходят из одной работы в другую, как в вопросе о количестве сенаторских ревизий начала XX века, так и их точного перечня. Кроме того, требуется, на наш взгляд, дальнейшее исследование данной проблематики.

Библиографический список

1. *Ахун М. И.* Источники для изучения истории учреждений царской России (XIX–XX веков) // Архивное дело. 1939. № 1.
2. *Дмитриев С. В.* Нюансы политической борьбы казахов в рамках Степного законодательства Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам сенаторской ревизии графа К. К. Палена) // Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии: сборник научных статей. М.: Стратегия, 2006.
3. *Ерошкин Н. П.* Сенаторские ревизии // Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е. М. Жуков. Т. 12: Репарации – Славяне. М., 1969. Стб. 754.
4. История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. Т. 3. СПб., 1911.
5. *Любарская Т. Г.* Сенат и его учреждения // Высшие и центральные заведения России. 1901–1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998.
6. *Любичанковский С. В.* Сенаторская ревизия Туркестанского края в 1908–1909 гг. // Вопросы истории. 2015. № 1.
7. *Махмудова Н. Б.* Сенаторская ревизия графа К. К. Палена в Туркестане: причины, ход, последствия // Новая и Новейшая история. 2016. № 7.
8. *Михалкина Т. А.* Роль сенаторских ревизий при проведении реформ в России // Вестник Поволжской академии государственной службы имени П. А. Столыпина. 2006. № 10.
9. *Наумов А. В.* Сенатские ревизии как средство борьбы с коррупцией: (на примере ревизий сенатора О. Л. Медема 1910–1913 гг.) // Накануне Великой войны: Россия и мир: сборник докладов и статей. М.: Изд-во Российского института стратегических исследований (РИСИ), 2014.
10. *Орлова С. А.* Сенаторские ревизии начала XX века в России // Правоведение. 2012. № 5.
11. *Паина Э. С.* Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX – начало XX в.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX в. Л., 1967.
12. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. VI. Отделение 1. 1720–1722 гг. СПб., 1830. № 3931.
13. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. XXVIII. Отделение 1. 1908 г. СПб., 1911. № 30925.

14. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. XXXII. Отделение 1. 1912 г. СПб., 1915. № 306988.
15. Правительствующий Сенат и сенаторские ревизии в России 1711–1917 гг.: историко-правоведческое исследование / К. А. Михайлик, Б. К. Тебиев; под науч. ред. Л. Ф. Колесникова. М., 2010.
16. Право. 1915. № 25.
17. Право. 1915. № 28.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1019.
19. *Рыжов Д. С., Ильичев В. В., Пузанов Ю. П.* Результативность и эффективность сенаторских ревизий как средства надзора за деятельностью административных и правоохранительных органов XIX – начала XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4 (32).
20. *Савченко Н. А.* Институт сенаторских ревизий Российской Империи: на примере ревизий Н. А. Зиновьева в 1902–1904 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2007.
21. *Савченко Н. А.* Институт сенатского инспектирования в системе органов государственного надзора Российской империи (XIX – начало XX в.) // История государства и права. 2010. № 18.
22. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 1. Ч. II. Свод учреждений государственных. Книга четвертая. Учреждение Правительствующего Сената. СПб., 1892.
23. Свод Законов тома I, части 2, книга четвертая. Учреждение Правительствующего Сената. Изд. 1915 года. Пг., 1915.
24. Свод Законов тома I, части 2, книга четвертая. Учреждение Правительствующего Сената. Изд. 1917. Пг., 1917.
25. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1912. Отд. I. № 78. Ст. 713.
26. *Соколов Д. В.* Эволюция сенаторских ревизий в период 1722–1917 гг. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 2.

УДК 94(47)

А. П. Павленко,

Российский государственный профессионально-педагогический университет
(г. Екатеринбург)

МОРСКИЕ ОФИЦЕРЫ – СТАРООБРЯДЦЫ И ЕДИНОВЕРЦЫ ЭПОХИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН*

В докладе описывается служебная карьера и жизненный путь морских офицеров из числа старообрядцев и единоверцев. Они составляли небольшую долю русского морского офицерства. Большинство из них получили офицерские чины в годы Первой мировой войны. Почти все они относились к группам, занимавшим невысокое положение в служебной иерархии офицеров.

Ключевые слова: флот, офицеры, старообрядчество, единоверие, Первая мировая война, Революция 1917 г., Гражданская война.

A. P. Pavlenko,

Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg)

MARITIME OFFICERS – OLD BELIEVERS AND UNIVERSALS OF THE ERA OF THE FIRST WORLD AND CIVIL WARS

The report describes the career and life path of maritime officers from among the Old Believers and Coreligionists. They accounted for a small share of Russian maritime officers. Most of them received officer ranks during the First World War. Almost all of them belonged to groups that occupied a low position in the service hierarchy of officers.

Key words: fleet, officers, Old Believers, Edinoverie, First World War, Revolution of 1917, Civil War.

Широко известен факт, что представители старообрядчества играли важную роль в формировании предпринимательской элиты дореволюционной России (Гучковы, Рябушинские, Морозовы, Щукины и др.). В то же время до 1905 г. старообрядчество преследовалось светскими и церковными властями, доступ старообрядцев в служилую элиту, в том числе офицерство, был ограничен (бывали исключения – атаман граф М. И. Платов, герой войны 1812 г.). Данный доклад будет посвящен морским офицерам России начала XX в., принадлежавших к числу старообрядцев и единоверцев.

© Павленко А. П., 2021

* При поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 19-09-00081 «Старое» русское морское офицерство после 1917 г.: сплошное просопографическое исследование).

Это была малочисленная категория морского офицерства. По данным К. Б. Назаренко, старообрядцы, единоверцы, молокане и субботники составляли всего 0,3 % офицеров флота Первой мировой войны. Для сравнения: официальные православные составляли 86,6 %, лютеране – 9,2 %, католики – 4,3 %, армяно-грегориане – 0,5 %, мусульмане – всего 0,1 %. При этом стоит помнить, что для приема в военные училища в дореволюционной России существовали различные религиозные ограничения, касавшиеся, в том числе, старообрядцев. Так, до 1903 г. их не принимали в военные учебные заведения для подготовки офицеров [4, с. 166–168].

В настоящее время нами выявлено 10–11 представителей морского офицерства России 1914–1918 гг., относящихся к изучаемой группе: 2 единоверцев и 8 старообрядцев. Еще один офицер отнесен к числу старообрядцев с высокой долей вероятности. Поиск проводился по базе данных «Офицеры флота» [1].

Единоверцем являлся Севериан Стахиевич Телятов (1871–1915 гг.). Военную службу он начал в 1896 г., в 1900 г. стал офицером армии. В 1906 г. он был отмечен наградой – медалью Красного креста в память Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1908 г. он получил чин штабс-капитана, а в 1912 г. – переведен на флот в чине штабс-капитана по адмиралтейству, 6 апреля 1914 г. – произведен в капитаны по адмиралтейству. Службу С. С. Телятов нес на берегу в Севастопольском флотском полуэкипаже. Жизнь его оборвалась трагически – 15 ноября 1915 г. он был убит любовницей выстрелом из револьвера в своей квартире [1; 6, с. 660]. К числу единоверцев также принадлежал Борис Павлович Товарковский (1894–?). Его биография кратка и непримечательна. Выходец из мещан Калужской губернии в 1916 г. был принят в Школу прапорщиков по Адмиралтейству, окончил ее в феврале 1917 г. и 15 марта 1917 г. был произведен в чин прапорщика по адмиралтейству [1].

Из старообрядцев первым делом назовем Тимофея Федоровича Вандяева (1858–?). Среди морских офицеров-старообрядцев он имел самый высокий чин – полковник по адмиралтейству (произведен 5 августа 1917 г. при выходе в отставку). Начал свою службу Т. Ф. Вандяев матросом в 1879 г., в 1885 г. был произведен в чин артиллерийского кондуктора (промежуточное звание между нижними чинами и офицерами), а в 1893 г. – в офицеры. Т. Ф. Вандяев участвовал в военном походе в Китай для подавления Боксерского восстания, за что был отмечен специальной медалью (светло-бронзовая медаль в память военных событий в Китае 1900–1901 гг.). С 1906 г. он получил должность смотрителя Кронштадтской морской следственной тюрьмы, на которой оставался долгие годы (список личного состава флота за 1916 г. указывает

его на этом же посту). На этом поприще он был отмечен наградами: орденом Св. Анны 3 ст. в 1910 г. и орденом Св. Станислава 2 ст. в 1915 г. [1; 7, с. 764].

Яркую характеристику личности этого офицера оставил матрос Н. А. Ховрин, сидевший в Кронштадтской следственной тюрьме в начале 1916 г. Он писал: «Начальником военно-морской следственной тюрьмы был в то время подполковник Вандяев. Когда меня привели впервые, он долго читал сопроводительные бумаги. Это был довольно плотный краснолицый пожилой человек. За спиной его висели иконы, лампадка. Прочитав мои бумаги, он аккуратно сложил их, вышел из-за стола и, заложив руки за спину, спросил:

– Заповеди тюремные знаешь?

– Никак нет!

– Ну и дурак. Слушай и запомай. Заповедь первая: клопов на стенке не дави. Заповедь вторая: начальство не гневи.

На этом и закончилось наше первое знакомство. В дальнейшем мне еще не раз пришлось встречаться с этим человеком и узнать его поближе. Вандяев был прежде просто матросом. Потом выслужился и очень дорожил своим званием и местом. Второй заповедью он и сам неукоснительно руководствовался в своей жизни, стараясь никогда не вызывать недовольства начальства. Когда ему доводилось встречаться со старшими по чину, он отдавал им честь не хуже строевого матроса. Если звонил по телефону главный командир кронштадтского порта Вирен, Вандяев разговаривал с ним только стоя. А если был в фуражке, то прикладывал руку к козырьку. Конечно, он знал, что начальник не мог этого видеть. Расчет служаки был прост: рано или поздно о его подоби- страсти Вирену расскажут. Авось учтется при случае... Заключенных Вандяев не притеснял, на нарушения тюремного режима смотрел сквозь пальцы» [9, с. 24]. Вследствие мягкого обращения с заключенными с Вандяевым в 1917 г. обошлись тоже мягко. Будучи в Кронштадте, он пережил мартовские самосуды матросов над офицерами. В августе 1917 г. Временным правительством 59-летний офицер «по болезни» был отправлен в почетную отставку с производством в чин полковника, с мундиром и пенсией [1].

Сын Т. Ф. Вандяева, Владимир Тимофеевич Вандяев (1891–?), пошел по стопам отца, тоже выбрав военно-морскую службу. Оговоримся, что о вероисповедании В. Т. Вандяева точных сведений найти пока не удалось, но можно с высокой степенью вероятности предположить, что он был старообрядцем. Начало его карьеры было похоже на отцовскую. Поступление на службу в качестве нижнего чина и постепенное продвижение по служебной лестнице. 2 февраля 1917 г. унтер-офицер 1-й статьи В. Т. Вандяев был произведен в телеграфные кондук-

торы. В связи с ликвидацией корпуса кондукторов (летом 1917 г.) он был произведен в свой первый офицерский чин, став 22 августа 1917 г. подпоручиком по адмиралтейству. Однако на пути плавного развития его карьеры встала Гражданская война. Служивший на Флотилии Северного Ледовитого океана В. Т. Вандяев был участником белого движения на севере России (офицер службы связи Белого моря, преподаватель радиошколы, офицер управления Архангельского военного порта). После разгрома Северного фронта он попал в плен к красным, в 1921 г. находился в лагере. Скорее всего, он был освобожден, но после 1922 г. дальнейшие следы его судьбы теряются [1; 2, с. 77].

Платон Дмитриевич Осипов (1890–?) был кадровым морским офицером. За его плечами было Морское инженерное училище, готовившее технических специалистов для русского флота. В 1913 г. он был произведен в чин инженер-механика мичмана и принял участие в дальнем плавании в должности вахтенного механика крейсера «Россия». В начале Первой мировой войны П. Д. Осипов был в составе Сибирской флотилии, на крейсере «Жемчуг» пережил гибель своего корабля в порту Пенанг, отделавшись легким ранением. («Жемчуг» 15 октября 1914 г. был потоплен внезапной атакой немецкого крейсера «Эмден»). В 1916 г. он был переведен из инженер-механиков в строевые офицеры (нечастое явление для императорского флота) и произведен в лейтенанты. В Гражданской войне он был в составе белого движения на юге страны (на кораблях белого Черноморского флота и 1-м днепровском речном отряде). 15 сентября 1920 г. П. Д. Осипов был произведен в ст. лейтенанты. В ноябре 1920 г., во время исхода белых из Крыма, был эвакуирован из Севастополя и пришел вместе с эскадрой в Бизерту (французский порт в Тунисе, ставшим последним пристанищем кораблей белого Черноморского флота). В эмиграции П. Д. Осипов жил в Марокко, дата смерти не выявлена [2, с. 351–352; 3, с. 50; 7, с. 589; 8, с. 56].

Уроженец Уфимской губернии Андрей Васильевич Рыбников (1898–?) в марте–мае 1917 г. учился в Школе мичманов военного времени берегового состава (б. Школа прапорщиков по Адмиралтейству). По окончании учебного заведения, 30 мая 1917 г. он был произведен в чин мичмана военного времени берегового состава. В Гражданскую войну он успел послужить как в рядах белых, так и красных. В 1918–1919 гг. он был в составе Боевой речной флотилии белых на Каме (мл. флаг-офицер). В 1919 г. он был уже у красных (помощник командира транспорта «Кама»). В 1920 и 1921 гг. занимал штабные должности на красных речных флотилиях (Днепровской и Донской). В 1923 г. назначен вахтенным начальником тральщика «Ударник» Балтийского флота. Дальнейшая судьба А. В. Рыбникова в настоящее время нам не известна [1].

Хохлов Борис Захарович (1891–?) начал военно-морскую карьеру как юнкер флота в 1914 г. (юнker флота – человек с высшим гражданским образованием, поступивший на морскую службу с намерением сдать экзамен для производства в мичманы после прохождения флотской практики). Однако Б. З. Хохлов стал не мичманом, а подпоручиком по адмиралтейству (произведен 10 декабря 1914 г.). Он не получил чин строевого офицера или из-за провала на экзаменах, или отрицательной характеристики во время практического плавания. Тем не менее, Б. З. Хохлов быстро рос в чинах, 30 апреля 1917 г. был произведен уже в штабс-капитаны с формулировкой «за отличие в делах против неприятеля» [1; 7, с. 833]. В 1920–1930-е гг. он жил в Советской стране, в начале 1930-х гг. вышли из печати три его переводные работы с английского языка по использованию сварки в судостроении.

Б. З. Хохлов участвовал в Великой Отечественной войне, сначала как гражданский специалист – инженер-подrywник ЭПРОН (Экспедиции подводных работ особого назначения), а затем на военной службе в чине инженер-майора. Принимал участие в обороне Ленинграда, в организации трассы по Ладожскому озеру и обеспечении переправ у Невской Дубровки. 25 февраля 1942 г. при артиллерийском обстреле был тяжело ранен с переломом левого бедра. За участие в войне он был отмечен орденом Отечественной войны 2 ст. (1947 г.), медалями «За оборону Ленинграда» (1944 г.) и «За победу над Германией» (1945 г.) [5].

Два старообрядца-офицера пришли на военную службу, вероятнее всего, из судоводителей и механиков торгового флота. Александр Петрович Шикин (1892–?) начал военную службу в 1914 г., и вскоре, 17 ноября 1914 года был произведен в чин прапорщика по механической части. Он был награжден в 1916 г. орденом Св. Станислава 3 ст. [7, с. 871]. Владимир Иванович Щеголев (1893–?) также начал службу в 1914 г. и в следующем году, 15 июня 1915 г., получил чин прапорщика по морской части [7, с. 888]. Оба офицера были на Балтийском флоте. Их появление на военно-морской службе было связано с началом Мировой войны: проводилась мобилизация моряков торгового флота и лица, удовлетворявшие требованиям по подготовке (капитаны, штурманы, механики) и образованию, производились в прапорщики (по морской или по механической части) после сдачи соответствующего экзамена.

Уроженец г. Рыбинска Ярославской губернии мещанин Александр Александрович Расплетин (1892–?) учился в Московской университете, но после 4-х курсов обучения попал в Школу прапорщиков по Адмиралтейству (с 1 февраля 1917 г.). В этой школе он пережил начало Революции, переименование учебного заведения и 30 мая 1917 г. был выпущен из нее в чине мичмана военного времени берегового состава [1].

Василий Федорович Бычков (1896–?) по своей сословной принадлежности первоначально принадлежал к крестьянам Петроградской губернии. Но к началу XX в. старая сословная структура общества уже была подвержена эрозии и «крестьянский сын» В. Ф. Бычков учился в Институте гражданских инженеров императора Николая I (Петроград), что говорит об относительно высоком уровне материального обеспечения его семьи (высшее образование в гражданских учебных заведениях было платным). Институт он не окончил, так как в 1916 г., будучи на I курсе, попал в вооруженные силы и был отправлен в Школу прапорщиков по Адмиралтейству. Ее он окончил в феврале 1917 г. и 15 марта 1917 г. был произведен в прапорщики по адмиралтейству [1].

Изучение биографий лиц, получивших офицерский чин до 1903 г., показало, что они сумели обойти существующую преграду для производства в офицеры (невозможность поступать в военные училища), выслужившись из нижних чинов. После отмены этого ограничения только один человек до Первой мировой войны воспользовался представленной возможностью, окончив Морское инженерное училище. Морской корпус, готовивший элиту флота – строевых офицеров, никто из старообрядцев не оканчивал. Восемь человек стали офицерами уже в годы Мировой войны, когда флот испытывал значительную потребность в командных кадрах. Четверо из них окончили одно и то же учебное заведение – Школу прапорщиков по Адмиралтейству (Школу мичманов военного времени берегового состава). Война способствовала демократизации состава офицерского корпуса. Но старообрядцы продолжали оставаться крайне малочисленной группой среди флотских офицеров. Только один человек стал в итоге строевым офицером, остальные представляли группы, стоявшие невысоко в иерархии морского офицерства (чины по адмиралтейству и мичманы военного времени). Послереволюционные судьбы офицеров различны: они были на стороне и красных, и белого движения. Отметим крайнюю скудность сведений о биографиях многих лиц из изучаемой группы после 1917 г., в отличие от кадровых строевых офицеров.

Библиографический список

1. База данных «Офицеры флота». URL: офицерыфлота.рф (10.01.2021).
2. Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2004.
3. Мельников Р. М. Крейсер 1 ранга «Россия» (1895–1922). СПб., 2007.
4. Назаренко К. Б. Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М.: Яуза-каталог, Якорь, 2018.
5. Сайт «Подвиг народа». URL: <http://podvignaroda.ru/> (10.01.2021).
6. Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. Издание октябрьское 1914 г. Пг., 1914.

7. Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. Исправлено по 11 апреля 1916 г. Пг., 1916.
8. Список старшинства офицерских чинов флота и Морского ведомства. Пг., 1917.
9. *Ховрин Н. А.* Балтийцы идут на штурм. 2-е изд. М.: Воениздат, 1987.

УДК 94(470)

В. В. Павленко,

аспирант, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СОВЕТСКИХ ШКОЛЬНИКОВ В КОНЦЕ 1950-х гг.

В конце 1950-х гг. задачи и направления государственной практики по физическому воспитанию подрастающего поколения актуализируются в связи с поставленной задачей придания советскому физкультурно-спортивному движению массового характера и изменения формы управления им. Анализируются содержание и формы реализации физического воспитания в советских школьных учебных заведениях в конце 1950-х гг.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, физическое воспитание, Спортсоюз, Министерство просвещения, школа.

V. V. Pavlenko,

Postgraduate student, Penza State University of Architecture and Construction

PHYSICAL EDUCATION OF SOVIET SCHOOLCHILDREN AT THE END OF 1950s

In the late 1950s the tasks and directions of state practice in physical education of the younger generation are updated in connection with the task of giving the Soviet physical education and sports movement a mass character and changing the form of government. The content and forms of implementing physical education in Soviet school institutions in the late 1950s are analyzed.

Key words: physical education, sports, physical education, Sports Union, Ministry of Education, school.

Физическому воспитанию подрастающего поколения в СССР придавалось огромное значение. Реализовывалось оно, главным образом, в учебных учреждениях – школах, техникумах, вузах и пр. В конце 1950-х гг. перед советскими физкультурно-спортивными организациями были обозначены новые «старые» цели – перерастание массового

физкультурного движения в общенародное, повышение уровня спортивного мастерства советских спортсменов [1].

В связи с принятием закона «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии народного образования в СССР» (1958 г.) актуализировалось значение физвоспитания учащихся. Школа призвана была воспитывать всесторонне развитых, преданных делу коммунизма, физически здоровых людей. Физическое воспитание и трудовая деятельность учащихся должны были быть взаимосвязаны [2, с. 1]. На конференциях, посвященных вопросам физкультурно-спортивной работы, в регионах звучало: «Опыт показал, что правильно организованная работа по физическому воспитанию в значительной мере содействует решению задач школы по подготовке учащихся к жизни, производительному труду. Хорошо поставленный учебный процесс и внеклассная спортивно-массовая работа способствуют повышению дисциплины, успеваемости по всем предметам учебного плана, содействуют воспитанию коллективизма, чувства дружбы и товарищества. Разумное использование физических упражнений позволяет растить сильных, здоровых, смелых девушек и юношей, способных преодолевать любые трудности, встречающиеся в жизни» [3, л. 77–78].

В связи с реорганизацией системы руководства физкультурой и спортом в СССР в 1959 г. Министерство просвещения и местные органы народного образования призваны были «устранить серьезные недостатки в физвоспитании школьников, принять меры к повышению качества уроков физкультуры, предусмотренных учебным планом, широко внедрить гимнастику до уроков, поднять уровень спортивного мастерства учащихся, улучшить работу детских спортивных школ, всемерно развивать различные формы самостоятельности школьников в области физической культуры, спорта и туризма» [3, л. 6]. В приказе министра просвещения РСФСР № 166 от 16 июня 1959 г. «О мерах по улучшению физического воспитания в школах и педагогических учебных заведениях РСФСР» говорилось о необходимости принять меры к улучшению физической подготовки студентов и учащихся в педагогических институтах и училищах, систематическому повышению квалификации кадров педагогов по физической культуре в школах, выпуску учебников и методических пособий по вопросам физического воспитания учащихся.

Спортсоюзу СССР предлагалось всемерно оказывать помощь школам в улучшении массовой самостоятельной физкультурной и спортивной работы среди учащихся, в проведении соревнований и занятий в спортивных секциях, предоставлять бесплатно школьникам стадионы, спортивные залы, площадки, водные и лыжные станции.

В середине 1950-х гг. была введена новая программа по физкультуре для начальных, семилетних и средних школ. В течение 1959 г. в

районах и городах после августовских совещаний состоялись собрания директоров школ и учителей физкультуры, где заслушивались доклады заведующих райгоротделами народного образования о состоянии и мерах улучшения учебной и внеклассной физкультурной и спортивной работы в школах.

30 ноября 1959 г. Всероссийский совет Спортсоюза принял постановление «О мерах улучшения физического воспитания и развития спорта в школах Министерства просвещения РСФСР». В документе указывалось на увеличение массовости внутришкольных, районных, городских, областных, всероссийских зимних и летних спартакиад; улучшение спортивно-технических результатов их участников. Например, в VI летней спартакиаде 1959 г. участвовало около шести миллионов школьников [3, л. 43 об.]. Среди подростков были популярны ставшие традиционными лыжные соревнования на приз газеты «Пионерская правда», легкоатлетические эстафеты «Золотая осень», «Звездная эстафета» «Недели лыжного спорта»; конькобежные соревнования «День стайера», Спартакиады здоровья, спартакиады школьников, соревнования детских дворовых и уличных команд на призы райкомов и горкомов ВЛКСМ и пр. Ежегодно в масштабах страны проводился спортивный праздник – Всесоюзный День физкультурника.

С конца 1950-х гг. начали внедряться новые формы физкультурно-оздоровительной работы с учащимися и, прежде всего, туристическое движение под лозунгом «Познай свою родину!».

Широкое распространение получила практика сочетания отдыха школьников с трудом на полях и фермах колхозов и совхозов в оздоровительных и туристических лагерях школьников. Активно пропагандировался опыт школьных заведений Ставрополя, Иркутской, Кемеровской, Орловской и Рязанской областей по организации физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы ученических производственных бригад и в летних трудовых лагерях.

Тренеры и мастера спорта Москвы, Уфы и Челябинска выступили с предложением взять шефство над школами в налаживании массовой физкультурно-спортивной работы. В 1959 г. состоялся семинар инструкторов советов Спортсоюзов по обмену опытом работы в учебных заведениях и для повышения квалификации.

Но пленум Всероссийского совета Спортсоюза, признавая определенные достижения в приобщении учащихся к физкультуре и спорту, указал Министерству просвещения РСФСР, президиуму Всероссийского совета и местным советам Спортсоюзам на имевшиеся крупные недостатки в данной работе и на неудовлетворительное выполнение решений учредительной конференции о развитии физкультурно-спортивного движения среди учащихся [2, с. 2].

В конце 1950-х весьма плачевно складывалась ситуация с постановкой физического воспитания в начальных школах. Раздельное обучение в 9–11 классах реализовалось далеко не везде. Многие выпускники школ не обладали достаточной физической и спортивной подготовкой, не владели навыками бега на коньках, ходьбы на лыжах, плавания, спортивных игр. Значительное число учащихся во время обучения не выполняли нормативов ГТО [3, л. 44]. Соревнования внутри школ и межшкольные проводились очень редко, что также отрицательно сказывалось на выполнении государственного плана подготовки значкистов ГТО и спортсменов-разрядников в учебных заведениях.

ЦК ВЛКСМ предлагал директорам школ и работникам органов народного образования обеспечить необходимые условия, чтобы каждый учащийся имел возможность овладеть всеми «пионерскими ступеньками» по спорту и туризму, в которые входили нормы по бегу, прыжкам, лыжам и другим видам спорта [4]. Выполнение нормативов контролировалось на уроках физкультуры. Но руководство большей части школ мало уделяло внимания внедрению физкультуры в повседневную жизнь обучающихся. В результате, «в большинстве школ физическая культура не заняла должного места в педагогическом процессе, внеклассная спортивно-массовая работа организована слабо, а иногда и совсем не проводится. В этих школах много детей с дефектами осанки, слабо развитых физически, не обладающих предусмотренными программой двигательными умениями и навыками, не выполняющих невысокие учебные нормы в беге, прыжках, метаниях, ходьбе на лыжах и т. д.» [3, л. 80].

Проверки состояния физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы в учебных заведениях показали, что при ее проведении мало использовались ресурсы добровольных спортивных обществ, внешкольных детских учреждений, родительской общественности. Во многих школьных коллективах физкультуры не было никакой заинтересованности в подъеме массовой спортивно-оздоровительной работы среди обучающихся, особенно во время каникул детей.

Мало уделялось внимания повышению воспитательной роли спортивных секций и коллективов физкультуры, их ответственности за успехи школьников-спортсменов в учебе, трудовой деятельности и поднятию дисциплины. Уровень достижений юных спортсменов в легкой атлетике, плавании и других видах спорта был низким и не соответствовал современным требованиям.

Слабая физическая и спортивная подготовка учащихся в школах во многом являлась следствием недостаточной квалификации учителей физической культуры, однако мер по повышению их знаний и пополнения школ специалистами практически не предпринималось на местах.

Например, в 1958 г. в Калининградской и Оренбургской областях, Башкирской и Татарской АССР у более половины учителей физкультуры не имелось профильного образования [3, л. 44 об.].

Для повышения эффективности физкультурно-спортивной работы в школьных учебных заведениях была разработана комплексная программа мероприятий, реализацию которой проверил Всероссийский смотр состояния физического воспитания учащихся и спорта в школах. В течение 1960–1962 гг. должна была проведена аттестация учителей физической культуры; учителя без специального образования должны были получить его путем заочного обучения в высшем или среднем физкультурном учебном заведении. Предусматривалось систематическая организация семинаров, курсов, групп переподготовки при институтах усовершенствования учителей для учителей физического воспитания и директоров и заведующих учебной частью школ, старших пионерских вожатых. Советам Союза спортивных обществ и организаций и органам народного образования предлагалось, используя самостоятельность и инициативу учащихся, шире развивать в школах гимнастику, легкую атлетику, плавание, лыжный и конькобежный спорт, фигурное катание на коньках, спортивные игры, в первую очередь, волейбол, лапту, баскетбол, настольный теннис, ручной мяч и хоккей. Учебные планы включали «дни физической культуры и спорта». В 1959–1960 гг. были проведены методические конференции директоров и ведущих тренеров детских спортивных школ.

Таким образом, физвоспитанию советских учащихся властями придавалось большое значение, поскольку молодежь – один из ключевых ресурсов любого государства. Система физического воспитания в школах предполагала овладение детьми элементами техники ведущих видов спорта и развитие основных физических качеств. Кроме того, физвоспитание включало в себя мощную идеологическую и нравственную компоненту по воспитанию граждан советского общества.

Библиографический список

1. История физической культуры и спорта / В. В. Столбов, Л. А. Финогенова, Н. Ю. Мельникова; 3-е изд., перераб. и доп. М.: Физкультура и спорт, 2010. 423 с.
2. Постановление 2-го пленума Всероссийского совета Союза спортивных обществ и организаций 30 ноября 1959 года «О мерах улучшения физического воспитания и развития спорта в школах Министерства просвещения РСФСР». М.: Союз спортивных обществ и организаций, 1959. 12 с.
3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2361. Оп. 1. Д. 16.
4. Постановления второго Пленума ЦК ВЛКСМ. 29–30 июля 1958 г. М.: Молодая гвардия, 1958. 24 с.

УДК 94(47).083

И. Б. Полуэктов,

заведующий архивом, Самарский государственный медицинский университет

С. Н. Юсупова,

заместитель 1-го проректора, Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка»

ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ 1905–1912 гг. В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье на примере Самарской губернии, входившей накануне Первой мировой войны в состав Казанского военного округа, рассматриваются отдельные региональные аспекты военных реформ 1905–1912 гг.

Ключевые слова: военные реформы, Казанский военный округ, Самарский гарнизон, дислокация, Самарская городская дума, казармы.

I. B. Poluektov,

Head of the archive, Samara State Medical University

S. N. Yusupova,

Deputy 1st Vice-rector, Samara University of Public Administration
“International Market Institute”

MILITARY REFORMS OF THE 1905–1912s IN THE SAMARA PROVINCE

The article examines some regional aspects of the military reforms of 1905–1912 on the example of the Samara Province, which was part of the Kazan Military District on the eve of the First World War.

Key words: military reforms, Kazan military district, Samara garrison, deployment, Samara City Duma, barracks.

В 1905–1912 гг. в Российской империи осуществлялся широко-масштабный комплекс мероприятий по реформированию центрального управления, организации, системы комплектования, боевой подготовки и технического оснащения вооружённых сил (военные реформы). В отечественной историографии данный аспект рассматривался довольно подробно, как правило, в рамках изучения предпосылок к Первой мировой войне и готовности армии России к участию в ней (А. М. Занчковский, А. Г. Кавтарадзе, И. И. Ростунов) [8, 9, 13]. Среди современных исследований, посвящённых вкладу руководства военного ведомства в реформирование военной системы, выделяется исследование

лерийской бригад, пехотный полк со штабом, два батальона пехотного полка, штаб которого находился в Оренбурге, кавалерийский полк, конно-артиллерийский дивизион, артиллерийскую бригаду, саперный батальон. Войска эти должны были быть расквартированы либо в выстроенных городом казармах, либо в нанятых помещениях, а за неимением и тех и других размещены в обывательских квартирах [3, с. 3].

21 декабря 1909 г., на основании решения Особого совещания при министре внутренних дел, самарский губернатор подписал предложение № 1443 о расквартировании войск. Ранее, 9 декабря 1909 г., вопрос о расквартировании войск в Самаре был поставлен на заседании городской Думы, создавшей специальную комиссию по расквартированию войск [4, с. 3].

В конце февраля 1910 г. стало известно, что в город прибывает 5 278 людей, 1 512 лошадей и 496 повозок: штаб корпуса, штаб пехотной и кавалерийской дивизий, управления пехотной и кавалерийской бригад, пехотный полк со штабом и 2 батальона без штаба, кавалерийский полк со штабом, конно-артиллерийский дивизион в составе двух батарей, артиллерийская бригада, саперный батальон. Жилых помещений для этих частей требовалось отвести в количестве: для штабных до 2 129 кв. саженей, для нижних чинов до 7 845 кв. саженей, конюшен до 2 533 кв. саженей и обозных сараев для повозок 1 009 кв. саженей [5, с. 4].

По плану расквартирования город мог разместить в своих казармах кавалерийский полк со штабом и 3 батареи артиллерийской бригады. В наемных домах и частью в городских зданиях, размещался пехотный полк со штабом и саперный батальон. Следовательно, по оценкам городской администрации, не хватало: помещений для всех остальных войск примерно на 1 782 кв. саженей и конюшен на 332 лошади до 531 кв. сажени.

Для расквартирования войск власти также использовали казармы у Молоканского сада между мужским монастырем и конно-железнодорожным парком, возведённые еще в 1904 г. В 1908 г. на их территории разместился военный лазарет на 250 коек. Лазарет располагался в 13 деревянных бараках и одном кирпичном здании, где оборудовали прачечную. В январе 1910 г. город приобрел в собственность паровую мельницу товарищества Шахова и Попеновых для размещения 102-го запасного пехотного полка.

27 февраля 1910 г. состоялось чрезвычайное заседание городской Думы, на котором присутствовали 86 гласных, командующий войсками Казанского округа генерал-лейтенант А. Г. Сандецкий, вице-губернатор Р. Э. Витте. После продолжительного обмена мнениями, Дума постановила приступить к постройке дополнительных казарм [2]. Представите-

лем от военного ведомства, контролировавшим постройку казарм, назначался начальник 54-й пехотной бригады генерал-майор С. Т. Погорецкий.

6 января 1911 г. в присутствии губернской администрации и представителей города состоялось освящение новопостроенных казарм для кавалерийского полка и конно-артиллерийского дивизиона.

Одновременно со строительством новых казарм достраивали артиллерийские казармы инженерного управления округа, начатые постройкой еще в 1896 г. К 1911 г. комплекс включал более 100 зданий: две кирпичные трёхэтажные казармы, семь двухэтажных домов, сарай, склады, конюшни, две столовые, гауптвахту и баню.

В рамках военной реформы в 1909 г. организована хозяйственная комиссия по строительству Самарского трубочного завода на основании высочайшего указа от 1906 г. «О строительстве военных заводов на казенные средства». Основной продукцией завода должны были стать дистанционные взрыватели (трубки) для артиллерийских снарядов. За подряд на строительные работы развернулась активная борьба между подрядчиками. Земляные работы осуществляла французская фирма «Кустодис», здание мастерских возводила итальянская фирма «Мессино», привлекали немецкие фирмы (АО «Вассидло», «Шпан»). К стройке также привлекались ведущие столичные архитекторы и инженеры. Официальное открытие завода состоялось 14 сентября 1911 г. Уже в первый год работы предприятия на нем трудились 2,5 тыс. человек – огромная цифра для Самары. Тогда же начал работу Сергиевский завод взрывчатых веществ близ разъезда Иващенково (современный г. Чапаевск).

Таким образом, на территории губернии стал выполняться полный цикл производства артиллерийских снарядов.

В начале XX века Самарская губерния считалась спокойной в политическом плане, но события 1905–1907 гг. всколыхнули и её. На территории губернии был сформирован охранный район во главе с генералом А. Д. Сташевским – командиром 3-й запасной артиллерийской бригады. Наличие в регионе военных формирований явилось серьезной поддержкой местному руководству в поддержке общественного порядка.

Город и военная интеллигенция активно взаимодействовали: без участия офицеров не решался ни один важный вопрос, командный состав гарнизона участвовал в заседаниях губернского по земским и городским делам присутствия. Местные жители уважали военных.

В 1911 г. командир 5-го Александрийского полка «бессмертных гусар» барон С. А. фон Корф попросил городскую Думу отвести полку землю под постройку церкви. Известный самарский купец и благотвори-

ритель А. А. Субботин лично «взял на себя все заботы и расходы по постройке» [6, с. 2]. Закладка храма состоялась 12 июня 1913 г.

К 1912 г. Самарский гарнизон состоял из следующих формирований: начальник гарнизона г. Самары, комендант г. Самары, штабы 24-го армейского корпуса, 48-й пехотной и 5-й кавалерийской дивизий, 189-й пехотный Измайльский и 192-й пехотный Рымникский полки, 5-й гусарский Александрийский полк, 5-й конно-артиллерийский дивизион, 48-я артиллерийская бригада, 24-й саперный батальон, Самарский местный лазарет, военно-судебный следователь, смотритель Самарского продовольственного магазина, Самарская конвойная команда, Временная хозяйственно-строительная комиссия для постройки Трубочного завода близ г. Самары [12].

В результате проведённых преобразований, к началу Первой мировой войны численный состав Казанского военного округа достиг огромных размеров. На 1 января 1917 г. в губерниях округа были расквартированы 13 запасных пехотных бригад, включавших в себя 81 пехотный запасный полк численностью от 5 до 13 500 человек каждый [10, с. 15]. К 1917 г. Самарский гарнизон насчитывал 84–100 тыс. человек и занимал 2 место в округе после Саратовского (115–130 тыс.) [10, с. 1]. Численность войск была не намного меньше, чем численность гражданского населения Самары, составлявшая 143,8 тыс. населения. В 1914 г. из Казанского военного округа на фронт призвали 131 689 новобранцев. При этом из Самарской губернии было призвано на фронт 19 572 человек – наибольшее количество по сравнению с другими губерниями Казанского военного округа.

Таким образом, новая дислокация более равномерно размещала воинские части и соединения по европейской части территории империи в зависимости от концентрации населения, формировала во внутренних губерниях значительный резерв войск для возможной переброски, как в восточном, так и западном направлениях, ускоряла проведение мобилизационных мероприятий на местах. Реформы также способствовали развитию промышленности в регионе, увеличению количества рабочих мест, активизации строительства, привлечению иностранного капитала.

Библиографический список

1. Бей Е. В. Генерал В. А. Сухомлинов. Военный министр эпохи Великой войны. М.: Центрполиграф, 2021. 318 с.
2. Городской Вестник. 1910. 02 марта. № 870. С. 2.
3. Городской Вестник. 1910. 07 апреля. № 900. С. 3.
4. Городской Вестник. 1910. 15 января. № 834. С. 3.

5. Городской Вестник. 1910. 25 мая. № 930. С. 4.
6. Городской Вестник. 1911. 28 июля. № 1255. С. 2.
7. *Ежов Н.* Военная Казань в 1917 году (краткий очерк). 2-е изд. Казань, 1957.
8. *Зайончковский А. М.* Подготовка России к Мировой войне. М.: Государственное военное издательство, 1926. 398 с.
9. *Кавтарадзе А. Г.* Военные реформы 1905–12 // Отечественная история: энциклопедия: в 5 т. Т. 1: А–Д. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 431.
10. *Медведев Е. И.* Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге. Куйбышев, 1958.
11. *Новиков П. А.* Казанский военный округ в годы Первой мировой войны // Гуманитарные проблемы военного дела. Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирское высшее военное командное училище» Министерства обороны Российской Федерации. 2017. № 1 (10). С. 54–58. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29436201_47545449.pdf (дата обращения: 08.01.2021).
12. Памятная книжка Самарской губернии на 1912 год. Самара, 1912.
13. *Ростунов И. И.* Русский фронт Первой мировой войны. М.: Наука, 1976. 387 с.

УДК 930.1

Д. С. Сафолов,

аспирант, Ивановский государственный университет

В. С. Околотин,

профессор, Ивановский государственный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941 г.

Статья посвящена отражению деятельности текстильной промышленности области по освоению новых видов продукции для действующей армии в первые месяцы Великой Отечественной войны. Она подготовлена на основе материалов из Государственного архива Ивановской области и Российского государственного архива социально-политической истории. Значительная часть документов впервые вводится в научный оборот. В статье анализируются действия местного руководства по выполнению постановлений Государственного комитета обороны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Государственный комитет обороны, текстильная промышленность, Ивановская область, постановления.

D. S. Safolov,
Postgraduate student, Ivanovo State University
V. S. Okolotin,
Professor, Ivanovo State University

ACTIVITIES OF THE TEXTILE INDUSTRY IVANOVO REGION IN 1941

The article is devoted to the reflection of the activity of the textile industry of the region on the development of new types of products for the active army in the first months of the Great Patriotic War. It is based on materials from the State Archive of the Ivanovo Region and the Russian State Archive of Socio-Political History. A significant part of the documents is being introduced into scientific circulation for the first time. The article analyzes the actions of the local leadership to implement the resolutions of the State Defense Committee.

Key words: Great Patriotic War, State Defense Committee, textile industry, Ivanovo region, resolutions.

С начала военных действий на плечи ивановских текстильщиков, работников легкой промышленности и промкооперации выпала ответственная задача – обеспечить обмундированием, вещевым имуществом и обувью бойцов Красной армии, а также освоить для ее потребностей новые виды тканей, не производившиеся на предприятиях области в мирное время. К июню 1941 г. на территории области было сосредоточено 113 хлопчатобумажных предприятий и 51 предприятие льняной промышленности [1]. Они были объединены в три главка и подчинялись наркоматам текстильной промышленности РСФСР и СССР.

27 июня 1941 г. СНК СССР принял постановление № 1701-785 о выпуске продукции для Красной Армии в условиях военного времени. К 1 июля 1941 г. в секретном постановлении бюро обкома ВКП(б) «О работе текстильной промышленности в военный период» [2] были подведены уже некоторые итоги ее деятельности в условиях военного времени. В постановлении отмечалось о проведении масштабной мобилизации военнообязанных на текстильных предприятиях, говорилось о неспособности руководителей отдельных предприятий перестроить работу в условиях военного времени, одной из основных причин невыполнения плана фабриками называлось несвоевременный подвоз сырья, полуфабрикатов и топлива. Виновниками этой ситуации были названы горкомы и райкомы ВКП(б), не принявшие своевременных мер для решения возникших проблем. Для исправления создавшегося положения бюро обкома ВКП(б) решило принять ряд неотложных хозяйственных и организационных мер.

Так, в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. бюро обкома ВКП(б) и исполком облсовета депута-

тов трудящихся 3 июля 1941 г. приняли совместное секретное постановление «О размещении наркоматов текстильной промышленности СССР и РСФСР в городе Иванове» [3]. Было решено их разместить в здании текстильного института, а для семей работников наркоматов выделить комнаты в общежитии текстильного института и в других зданиях города.

Однако, война требовала большего, чем это было предусмотрено первоначальными планами. 9 июля ГКО принял совершенно секретное постановление № 66 «О дополнительном изготовлении и о поставке вещевого имущества для Красной Армии в III квартале 1941 года» [4]. Согласно его содержанию Наркоматам легкой и текстильной промышленности СССР, а также соответствующим наркоматам РСФСР предстояло изготовить 1 млн штук шапок-ушанок, 1 млн шинелей, 2 млн пар хлопчатобумажных гимнастеров и шаровар, 1 млн телогреек, 1 млн ватных шаровар, 1,2 млн сапог армейских, по 0,5 млн. пар полусапог армейских, 1 млн пар валенок и другое вещевое имущество. Для своевременного изготовления этой продукции было разрешено Наркомтекстильпрому СССР и промкооперации выдавать, пошив военных изделий на дом [5]. Выполнение значительной части заказа ГКО было возложено на предприятия Ивановской области.

В результате в третьем квартале на фабриках области была проведена значительная перестройка ассортимента вырабатываемой продукции. Вся перестройка совершалась одновременно с процессом обучения новых кадров, пришедших в производство.

В конце июля были подведены итоги социалистического соревнования за второй квартал 1941 года, большая часть которого выпала на условия мирного времени. Об этом свидетельствует постановление бюро обкома ВКП(б) от 29 июля 1941 г. «О присуждении переходящего Красного знамени обкома ВКП(б) передовому предприятию хлопчатобумажной и льняной промышленности области» [6]. В заключение постановления обком ВКП(б) призвал всех текстильщиков Ивановской области: «еще шире развернуть социалистическое соревнование и самоотверженной работой добиться новых успехов в выполнении производственных заданий, оказывая тем самым помощь Красной Армии и ее победе над германским фашизмом, вероломно напавшим на нашу Родину» [7]. Несмотря на многочисленные трудности, квартальный план выпуска тканей по всем трем хлопчатобумажным главкам был выполнен.

Более сложные задачи перед текстильщиками области были поставлены в IV квартале 1941 г. Кроме производства уже освоенного в августе-сентябре ассортимента им предстояло резко увеличить выпуск продукции и, особенно сортов, предназначенных для пошива теплого белья и одежды [8].

Для достижения поставленных задач 3 октября 1941 г. бюро обкома ВКП(б) приняло секретное постановление «О предоктябрьском социалистическом соревновании». В его констатирующей части говорилось об обращении трудового коллектива Ново-Ивановской мануфактуры (НИМ) к трудящимся области с призывом организовать социалистическое соревнование в честь XXIV годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции на всех предприятиях Ивановской области для досрочного выполнения октябрьской программы и плана IV квартала 1941 г. [9].

7 октября 1941 г. бюро обкома приняло очередное секретное постановление «О подготовке текстильных предприятий к зиме». В нем дана оценка положению с топливом и предложены меры по его исправлению.

Однако их выполнение уже через несколько октябрьских дней 1941 г., кроме усугублявшихся проблем с поставками топлива и сырья, оказалось сопряжено с большим количеством ранее непредвиденных обстоятельств. Прежде всего, это объявление области тыловым районом фронта и массовой мобилизацией рабочих с производства на строительство оборонительных сооружений. В целом, с предприятий области было направлено около 25 % занятых на них рабочих [10].

С началом реализации приказа ГКО и Наркомтекстиля о демонтаже прядильно-ткацкого оборудования, началась подготовка к демонтажу оборудования на предприятиях области. На Меланжевом комбинате в Иванове это привело к возникновению рабочих волнений, имевших место с 19 по 20 октября 1941 г. Они были также и на Яковлевском льнокомбинате (г. Приволжск), но по иной причине – массовой мобилизации рабочих на строительство оборонительных сооружений. В дополнение к имевшимся проблемам начался отток рабочих с крупных предприятий области.

В данных условиях 13 ноября 1941 г. бюро обкома ВКП(б) было вынуждено пойти на чрезвычайные меры и принять секретное постановление «Об улучшении работы текстильной промышленности». В нем говорилось о неудовлетворительной работе текстильной промышленности области. Ее причины виделись не только в транспортных проблемах, но и в неумении руководителей фабрик принимать соответствующие обстановке решения. В итоге, бюро обкома ВКП(б) инициировало ряд мероприятий, направленных на устранение указанных проблем [11].

15 ноября в обкоме ВКП(б) состоялось областное совещание с участием хозяйственных руководителей и партработников текстильных предприятий. С докладом на совещании выступил нарком текстильной промышленности СССР И. Н. Акимов, который накануне в течение

5 дней ознакомился с работой текстильных предприятий области. Сохранилась стенограмма его выступления, в которой говорилось о важности текстильной продукции Ивановской области в текущий момент для фронта [12]. Среди главных причин ухудшения работы текстильной промышленности он назвал «взятие рабочих на оборонные работы», отсутствие топлива и дезорганизация работы [13].

В результате на совещании было принято специальное постановление по работе текстильных предприятий, обязывавшее их руководителей «в самое ближайшее время добиться того, чтобы не только выполнять, но и перевыполнять план» [14]. Для этого обком ВКП(б) вынужден был принять решение о начале работы ограниченного числа предприятий, способных к быстрому пуску оборудования и возвращению части рабочих в фабричные цеха.

И все же в отличие от других регионов центра России, текстильная промышленность Ивановской области оказалась в большей степени работоспособной. Более того, говорилось на страницах «Рабочего края» 15 и 18 ноября 1941 г., военные действия под Ленинградом, Калинином и на территории Московской области делают Ивановскую область основным производителем тканей необходимых для Красной Армии. Примерно 75–80 % ноябрьского и декабрьского плана должны выработать ивановцы, отмечалось в публикациях.

Для обеспечения текстильных предприятий области транспортом и ликвидации имевшихся по этой причине производственных простоев бюро обкома ВКП(б) и исполкома облсовета 29 ноября 1941 г. приняли секретное постановление «О перевозке грузов текстильных фабрик области». Согласно постановлению, с 5 декабря 1941 г. по 1 марта 1942 г. в колхозах области для нужд текстильных предприятий в порядке труджуповинности подлежали мобилизации 5 тыс. лошадей [15].

Для выполнения заказов необходимо было вернуть рабочих со строительства оборонительных сооружений. О том, какие меры принимались для этого, свидетельствует один из секретных документов облисполкома направленный председателям райгорисполкомов области [16].

12 декабря 1941 г. в обкоме ВКП(б) состоялось очередное совещание руководящих работников текстильной и легкой промышленности. В работе совещания приняли участие зампред совнаркома СССР А. Н. Косыгин, нарком текстильной промышленности И. Н. Акимов, нарком лесной промышленности С. Г. Лукин, секретарь обкома ВКП(б) Г. Н. Пальцев и др. В своем выступлении А. Н. Косыгин обратил внимание руководства области на то, что «все хозяйство страны работает с полной нагрузкой. Также обязаны работать и текстильщики. Надо понять каждому, что фронту нужны как снаряды, пушки, боеприпасы, так

и обмундирование, нужны ткани и для удовлетворения нужд трудящихся нашей Родины» [17].

По итогам совещания 18 декабря 1941 г. бюро обкома ВКП(б) приняло секретное постановление «Об обеспечении перевозок топлива, сырья, полуфабрикатов текстильным предприятиям Ивановской области» [18].

По мере решения топливных и сырьевых проблем предприятия области включались в работу. Для рабочих, переведенных на 11-часовой рабочий день, были организованы дополнительные обеды и выдача 200 грамм хлеба в сутки на человека [19]. Другая часть рабочих была задействована на пошиве теплой одежды.

Чтобы обеспечить работу производства, в том числе и в текстильной промышленности, 26 декабря 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий».

Об эффективности принятых мер свидетельствует постановление объединенного заседания бюро обкома и горкома ВКП(б) от 31 декабря 1941 г. Его название «О выполнении решений бюро обкома ВКП(б) от 13 ноября 1941 г. «Об улучшении работы текстильной промышленности и решения бюро обкома ВКП(б) и исполкома облсовета от 29 ноября 1941 года «О перевозке грузов текстильных фабрик области» и указаний заместителя председателя Совнаркома СССР т. Косыгина» четко определяло содержание постановления и необходимые для его выполнения мероприятия [20].

Несомненно, в совокупности с разгромом ударной группировки немцев под Москвой, возвращением рабочих на предприятия, эти меры позволили возобновить выполнение спецзаказов по вещевому снабжению Красной армии.

Библиографический список

1. ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 71. Л. 3.
2. ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 20. Л. 70–72.
3. ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 20. Л. 85–86.
4. РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 2. Л. 140.
5. РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 2. Л. 141.
6. ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 21. Л. 47.
7. ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 21. Л. 48.
8. Почетная задача Ивановских текстильщиков // Рабочий край. 1941. 15 октября.
9. ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 23. Л. 57–58.
10. ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 72. Л. 9, 16.
11. ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 23. Л. 160–163.
12. ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 72. Л. 1–2.
13. ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 72. Л. 3.

14. Ивановские текстильщики: вы отвечаете перед Родиной за обмундирование Красной Армии и Флота, за снабжение фронта специальными тканями // Рабочий край. 1941. 18 ноября.

15. ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 24. Л. 24.

16. ГАИО. Ф-1510. Оп. 42. Д. 7. Л. 5.

17. Текстильное оборудование на полную мощность. Совещание партийных и руководящих предприятий г. Иванова // Рабочий край. 1941. 13 декабря.

18. ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 24. Л. 141–142.

19. ГАИО. ФР.-197. Оп.4. Д. 40. Л. 275.

20. ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 25. Л. 120–123.

УДК 94(47).083

С. В. Седов,

аспирант, Московский городской педагогический университет

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СНАБЖЕНИИ АРМИИ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОДУКЦИЕЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Тяготы Первой мировой войны вызвали необходимость привлечь общественные силы для снабжения армии всем необходимым. В статье рассматривается вклад Земгора и военно-промышленных комитетов в процесс обеспечения вооруженных сил текстильной продукцией.

Ключевые слова: Земгор, Центральный военно-промышленный комитет, Главное интендантское управление, Особое совещание по обороне государства.

S. V. Sedov,

Postgraduate student, Moscow City Pedagogical University

THE ROLE OF PUBLIC ORGANIZATIONS IN SUPPLYING THE ARMY WITH TEXTILE PRODUCE DURING THE FIRST WORLD WAR

The hardships of the First World War caused the need to attract public forces to supply the army with everything necessary. The article contains information about the contribution of Zemgor and war-industry committees to the process of providing the armed forces with textile produce.

Key words: Zemgor, Central War Industry Committee, Main directorate of intendancy, Special Meeting on National Defense.

Первая мировая война стала серьезным испытанием для нашей страны. Успешная мобилизация всех сил и средств требовала конструк-

тивного диалога власти с обществом. Это отразилось в деятельности таких общественных организаций как Главный по снабжению армии комитет Всероссийского земского и городского союзов (Земгор) и Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК). Основная цель данных организаций заключалась в содействии снабжению армии. Появление Земгора и ЦВПК было обусловлено неудовлетворительным обеспечением армии на первом этапе войны, в связи с чем на фоне военных неудач, постигших армию весной–летом 1915 года, предложение о привлечении представителей от земских, промышленных и финансовых кругов к процессу мобилизации средней и мелкой промышленности для снабжения армии встретило поддержку не только «снизу», но и со стороны царского правительства. Вопрос о том, насколько эффективна оказалась помощь этих общественных организаций в исторической науке, остается открытым. Вместе с тем весьма актуально проанализировать данный исторический опыт взаимодействия государства и гражданского общества в условиях, когда из-за внешней угрозы требовалось мобилизовать все ресурсы. В данной статье будет затронута деятельность Земгора и ЦВПК по обеспечению армии текстильной продукцией – сюжет, который в меньшей степени освещен в историографии по сравнению с мобилизацией тяжелой промышленности, в частности, с производством снарядов. Для освещения этого вопроса привлечены архивные данные из фонда Особого совещания по обороне государства – главного органа в сфере мобилизации промышленности в годы Первой мировой войны, созданного в 1915 году, который, отвечал за распределение заказов, в том числе для Земгора и ЦВПК.

Советские историки уделяли крайне мало внимания анализу деятельности «буржуазных» организаций, их интерес, если и был прикован к ЦВПК и Земгору, то в большей степени к политической оппозиционной деятельности последних. Вместе с тем, среди советских историков следует отметить труды А. П. Погребинского, И. В. Маевского, и др., которые в своих работах весьма подробно осветили функционирование экономики в период Первой мировой войны. Однако во всех работах исследователи характеризуют роль общественных организаций как весьма незначительную. Приводятся статистические данные, которые свидетельствуют о выполнении военно-промышленными комитетами лишь около 50 % взятых заказов, а стоимость заказов комитетов оценивается в 3 [5, с. 68] – 7 % [4, с. 93] от общей стоимости военных заказов. Как исключение отмечается, что ряд районных комитетов, в частности Московский ВПК, получили весьма крупные заказы на поставку тканей и текстильной продукции от интендантства. Причина несостоятельности всей системы военно-промышленных комитетов усматривается в «спекулятивной горячке

и ажиотаже вокруг военных заказов» [4, с. 88], а также в том обстоятельстве, что в приоритете у промышленников, по мнению советских историков, были вовсе не хозяйственные цели, а увеличение собственного «политического веса и могущества в стране» [5, с. 79].

Гораздо меньше внимания в работах отводится Земгору, и его вклад также не признается сколько-нибудь весомым. Впрочем, такой исследователь как И. В. Маевский, в своей работе отмечает, что Земгор «сыграл все же существенную роль в обслуживании нужд фронта», хоть и не оправдал всех надежд, выполнив лишь 34,5 % отведенных ему заказов [4, с. 97].

С распадом СССР и сменой парадигм в исторической науке, меняется и отношение к деятельности общественных организаций в деле снабжения армии. В статьях В. М. Шевырина, С. И. Белова, Т. В. Ершовой и др. исследователей дается позитивная оценка деятельности Земгора и военно-промышленных комитетов, подчеркивается, что «общественные организации способствовали тому, что Русская армия выдержала три года тяжелейшей войны, не раз выручив союзников по Антанте» [1, 3, 9]. Отмечается, что акцент преимущественно на «административно-командные методы» на начальном этапе войны не дал нужного результата, в то время как подключение общественных организаций и предпринимателей, располагающих значительными связями в различных сферах, позволило «загрузить предприятия заказами, что дало толчок производству и смягчило кризисную ситуацию» [1, с. 66]. Чаще в статьях историков стал прослеживаться региональный аспект, особенно при обращении к деятельности районных военно-промышленных комитетов. Краткий обзор историографии показывает, что оценка деятельности общественных организаций в работах историков, как правило, затрагивала либо общую стоимость выполненных заказов, либо брала в расчет только региональный аспект. Однако анализ деятельности Земгора и ЦВПК не проводился в рамках одной определенной отрасли. В нашем случае, предметом внимания станет текстильное производство, которое имело крайне важное значение для армии, обеспечивая последнюю обмундированием.

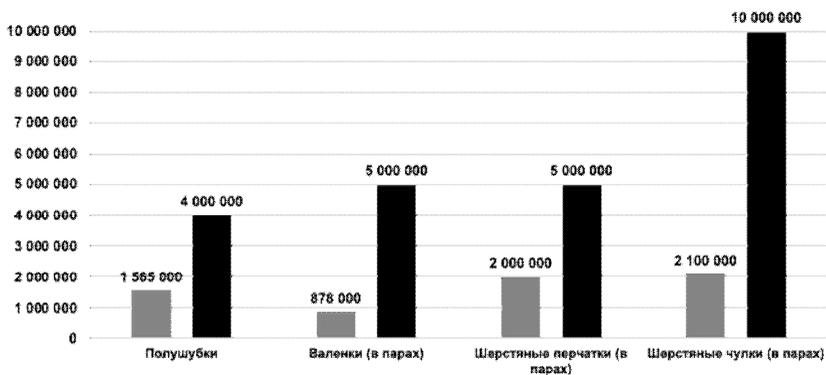
Отчет Главного интендантского управления (ГИУ) – ключевого ведомства, которое заказывало текстильную продукцию для армии и заведовало вещевым снабжением, показывает, что доля Земгора и военно-промышленных комитетов в общей стоимости заказов на ткани и ряд текстильных изделий крайне низка: на обе организации приходится около 1,5 %: 0,5 % на военно-промышленные комитеты и 0,7 % на Земгор (см. табл.).

**Стоимость заказов ГИУ на текстильные изделия от поставщиков
на 1 января 1917 г. (в руб.) [8, л. 18–23]**

Общая стоимость заказов ГИУ на 01.01.1917	Стоимость прямых заказов русским поставщикам	Стоимость заказов военно-промышленным комитетам	Стоимость заказов Земгору	Стоимость заказов иностранным поставщикам
479 297 780	457 787 126	2 590 000	3 249 925	18 612 854
Удельный вес, %	95,5	0,5	0,7	3,9

Таким образом, данный отчет ГИУ говорит о том, что в области обеспечения армии текстильными изделиями, удельный вес суммы заказов, переданных общественным организациям, был весьма невелик, что в целом подтверждает мнение советских историков, писавших о незначительном вкладе общественных организаций в дело обеспечения вооруженных сил. Однако, стоит отметить, что в данном отчете фигурирует далеко не весь перечень текстильных изделий. В нем представлены в большей степени именно ткани, в то время как полной информации о готовых изделиях для обмундирования здесь нет. Следовательно, весьма поспешно на основании данного отчета делать вывод о том, что деятельность Земгора и военно-промышленных комитетов по снабжению армии текстильной продукцией минимальна. Тем более, что, даже основываясь на скудной информации по готовой продукции, можно с уверенностью утверждать, что военно-промышленные комитеты внесли большой вклад в обеспечение войск, например, носилками для раненых, а Земгор был ключевым поставщиком предметов конского снаряжения для армии – попон, трок, парусиновых ведер, торб и мешков для овса.

Ещё советскими историками отмечалась существенная роль Земгора в заготовке для армии зимних вещей, которые, кстати, не были представлены в приведенном выше отчете. В ходе работы с архивным фондом Особого совещания по обороне государства были обнаружены документы, содержащие статистические данные о заказах обмундирования Земгору для зимнего периода 1915/16 и 1916/17 гг. Сопоставление этих данных говорит о том, что роль Земгора в обеспечении вооруженных сил теплыми вещами серьезно возросла на второй год его работы. Объемы заказов по сравнению с первым зимним сезоном в количественном плане увеличились: полушубков и шерстяных перчаток было заказано в 2,5 раза больше, шерстяных чулок – в 4,7 раз, валенок – в 5,7 раз (см. рис.).

Заказ теплых вещей Земгору (в шт.) на сезон 1915/16 (серые столбцы) и 1916/17 (черные столбцы) [6, л. 7, 13, 14]

Что касается выполнения полученных заказов, то данных здесь, к сожалению, меньше. По заказу на зимний период 1915/16 гг. известно, что к середине января было сдано более 60 % полушубков и валенок, половина перчаток и около 40 % чулок [6, л. 7, 13, 14]. Эти показатели можно посчитать невысокими, однако стоит заметить, что даже в этом случае Земгор скорее всего оправдал ожидания интендантства, поскольку на следующий год, оно доверило ему уже гораздо больший объем заготовок.

От Земгора также остались отчеты, которые он сам публиковал, о выполнении заказов, не относящихся к солдатскому обмундированию, но также связанных с текстильным производством, в котором нуждались инженерные, кавалерийские и санитарные части: брезенты, веревки, арканы, троки, торбы, мешки, чехлы. Данные отчета от 1 сентября 1916 года говорят о весьма высоком уровне выполнения заказов: большинство предметов по заказам первой очереди произведены в полном объеме [2].

Что касается ЦВПК, то подробной статистики о выполнении его заказов в делопроизводстве Особого совещания нет. Большинство военно-промышленных комитетов, согласно имеющимся отчетам, привлекалось к заказам, связанным с поставкой такой текстильной продукции, как чехлы, земленосные мешки, сумки. Исключением здесь можно назвать, пожалуй, Московский ВПК, стоимость заказов которому на поставку тканей к началу 1916 года уже составила 400 млн руб. [4, с. 94]. Эффективность выполнения заказов ЦВПК, по сравнению с Земгором, на основе данных Особого совещания гораздо ниже. Ведомость о состоянии заказов ЦВПК (без учета Московского ВПК) на 1 февраля

1916 года свидетельствует о неудовлетворительном выполнении: большинство предметов вообще оказались не сданы (чехлы для топоров, патронные сумки), а ряд из них лишь наполовину (чехлы для грелок, марля). Высокий уровень выполнения наблюдался только по земляным мешкам – около 78 % [7, л. 4–7].

Таким образом, стоит отметить, что общественные организации – ЦВПК и Земгор, внесли существенный вклад в обеспечение армии теплыми вещами, снаряжением для инженерных, санитарных и кавалерийских частей. Их роль в сфере выполнения заказов военного ведомства на текстильную продукцию не столь весома, но все же важна. В чисто стоимостном плане их заказы составили действительно крайне незначительную долю в общей стоимости заказов военного ведомства. Но стоит помнить, что задача этих организаций заключалась в мобилизации по большей степени средней и мелкой промышленности, в то время как крупным поставщикам интендантство обращалось напрямую.

Библиографический список

1. Белов С. И. Мобилизация российской промышленности в период первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. История и политология. 2014. № 1. С. 59–68.
2. Всероссийский земский союз. Главный по снабжению армии комитет. Статистические данные о состоянии заказов, исполняемых Главным по снабжению армии комитетом по отделу заказов: по сведениям на 1-е сентября 1916 года. М.: Типография Н-въ М. Г. Грамакова, 1916. 261 с.
3. Еришова Т. В. Экономическая деятельность Московского областного военно-промышленного комитета (1915 – февраль 1917 года) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 3 (31). С. 17–24.
4. Маевский И. В. Экономика русской промышленности в годы Первой мировой войны. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. 392 с.
5. Первая мировая война: влияние на экономику России и мира: коллективная монография / под ред. А. Г. Худокормова и В. А. Погребинской. М.: Экономический факультет МГУ, 2016. 200 с.
6. РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 425.
7. РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 447.
8. РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 263.
9. Шевырин В. М. Сотрудничество и борьба: власть и общественные организации в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. 2015. № 1 (86). С. 95–123.

УДК 34.047 + 93/94

А. А. Сорокин,

старший преподаватель, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТОВ РЕФОРМЫ ЗЕМСКИХ ВЫБОРОВ В 1898 г. В ПРОВИНЦИИ

(На материалах земских собраний Нижегородской губернии)*

Статья посвящена дискуссиям о реформе земских выборов в Нижегородской губернии в 1898 г. Показываются точки зрения уездных и губернского земских собраний на вопрос об избирательных правах для лиц крестьянского волостного управления, о выборах исполняющих обязанности председателей земских управ и о введении председателей земских управ в состав губернских земских собраний.

Ключевые слова: волостные старшины, земская реформа, земские выборы, земские управы, Нижегородская губерния.

A. A. Sorokin,

Senior Lecturer, Lobachevsky State University (National Research University) of Nizhny Novgorod

DISCUSSION OF PROJECTS REFORM OF ZEMSTVO ELECTION IN 1898 IN THE PROVINCE

(On materials of the Zemstvo assembly of the Nizhny Novgorod province)

This article is devoted to discussions on the reform of the Zemstvo elections in the Nizhny Novgorod region in 1898. The point of view of district and provincial Zemstvo Assembly are shown on the issue of voting rights for persons of peasant volost management, election of the Chairpersons of the provincial councils and the introduction of chairmen of Zemstvo in the composition of the provincial assemblies.

Key words: rural municipality, Zemstvo reform, Zemstvo elections, County Council, Nizhny Novgorod province.

Преобразования 1890 г., изменившие порядок выборов в земские учреждения, негативно оценивались в либеральных кругах. В печати указывались противоречия в совместной работе земских управ и собраний в случае назначения председателей управ. В качестве примера было

© Сорокин А. А., 2021

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ в рамках научного проекта № МК-2631.2021.2 «Институт земских выборов в общественно-политическом дискурсе Российской империи на рубеже XIX–XX вв.».*

приведено положение дел в тверском губернском земстве в 1895 г.: «Руководствуясь лишь предписаниями извне, чиновная управа совершенно потеряла характер исполнительного органа губернского земства и игнорировала волю собрания» [4, с. 197]. В связи с этим отдельные земства ходатайствовали об изменении такого порядка. Усть-Сысольское уездное земство отмечало, что в председатели по назначению попадали люди, «совершенно незнакомые ни с местными условиями, ни с местным земским хозяйством», а их частая смена «неблагоприятно влияет на ход земского дела» [5].

Бывший бакинский городской голова А. И. Новиков так характеризовал земские институты конца XIX в.: «...умалывается самостоятельность земства; гласные от дворян получают громадный численный перевес над всеми остальными; крестьяне (и то больше по назначению) оставляются в земстве как декорация, начинается бегство из земства прежних работников» [2, с. 6].

9 июля 1897 г. министром внутренних дел был разослан губернаторам циркуляр в связи участвовавшими ходатайствами земств и городов об изменении ряда норм законодательства о земских учреждениях. В нем предлагалось поручить земству обсудить ряд вопросов и сообщить в министерство полученные сведения. В число этих вопросов, в частности, входили: устранение волостных старшин и писарей от участия в заседаниях земских собраний в качестве гласных; избрание земскими собраниями заступающих место председателей земских управ (ст. 120 Положения о земских учреждениях); признание председателей управ членами губернских земских собраний независимо от того, являются они гласными или нет [1, с. 312–313].

С точки зрения «Русского богатства», мера по устранению лиц крестьянского волостного управления из числа земских гласных являлась вполне оправданной, поскольку «в их лице никак нельзя видеть представительства крестьянских интересов», т. к. они «слепо подчиняются мнению своего начальства». Но из этого, заключали обозреватели журнала, возникала проблема крестьянского представительства в земствах, поскольку, как правило, только старшины и писари и утверждались в качестве гласных от крестьян [3, с. 205].

За безусловное устранение волостных старшин и писарей от участия в земских собраниях выступили Лукояновское, Семеновское и Сергачское уездные земские собрания: «Старшины и писаря, как люди зависимые, не могут быть вполне самостоятельными гласными, будучи под страхом подчинения вообще, где же входят в качестве гласных земские начальники – в особенности». Арзамасское уездное земское собрание находило при этом желательным предоставить волостным старши-

нам право в случае избрания гласным отказаться от должности, хотя бы и ранее истечения трехлетия [1, с. 314, 321, 322, 324].

Против участия в земских собраниях волостных старшин как лиц, административно зависимых от земских начальников, выступило Балахнинское уездное земское собрание [1, с. 324–325]. Васильское, Горбатовское, Макарьевское, Нижегородское уездные земские собрания предложили исключить из числа гласных волостных писарей (ввиду неудовлетворительности местного их состава в нравственном отношении и возможного «застоя в делах волостных правлений» во время участия в земских собраниях), но сохранить это право за волостными старшинами (поскольку после учреждения земских начальников в них «крестьянское население избирает лучших людей из волости, наиболее развитых, способных и добросовестных») [1, с. 314–320].

При этом председатель Нижегородской уездной земской управы, будущий кадет А. А. Савельев при обсуждении вопроса о волостных старшинах отметил, что сам порядок избрания гласных от крестьян является неудовлетворительным, поскольку из выбранных от волостей кандидатов гласные «без ведома и согласия сельского населения назначаются по усмотрению административной власти». Это, по его мнению, привело к уменьшению желающих баллотироваться в гласные и как следствие – к увеличению доли волостных старшин в их числе, «как бы обязанных по своей должности нести общественные тягости». Поэтому он предлагал соединить волости в участки и всех избираемых на них зачислять в гласные [1, с. 319–320].

Еще один будущий видный член нижегородской организации кадетской партии, гласный Балахнинского уездного земского собрания Г. Р. Килевейн также предлагал перейти от фактического назначения гласных от крестьян к их свободным выборам и в целях придания им независимости оградить их от действия ст. 61 Положения о земских участковых начальников на время несения обязанностей гласных. Собрание поддержало это предложение и постановило возбудить соответствующее ходатайство перед правительством через Нижегородское губернское земское собрание [1, с. 325].

Будущий октябрист А. А. Остафьев в Нижегородском уездном земском собрании делал вывод, что поскольку по закону административные лица не могут участвовать в земских собраниях в качестве гласных, то следовало бы волостным старшинам и земским начальникам в случае избрания их гласными выходить в отставку [1, с. 320].

Ардатовское и Княгининское уездные земские собрания пришли к выводу, что, во-первых, от участия волостных старшин и писарей в земских собраниях «никаких удобств и вреда для земства не вытекает»,

а во-вторых, эти лица близко знакомы с нуждами и потребностями местного населения [1, с. 313–314, 323].

Избрание земскими собраниями заступающих место председателей управ поддержали Ардатовское, Арзамасское, Балахнинское, Васильское, Горбатовское, Княгининское, Лукояновское, Макарьевское, Нижегородское, Семеновское уездные земские собрания. Против выступило Сергачское уездное земское собрание [1, с. 313–325].

Признание председателей управ членами губернских земских собраний поддержали Ардатовское, Васильское, Горбатовское, Княгининское, Лукояновское, Макарьевское, Новгородское, Сергачское уездные земские собрания. Это объяснялось тем, что «председатели управ, в силу своих обязанностей и занятий, более знакомы с ходом земских дел, чем прочие гласные» [1, с. 314–324].

Арзамасское, Балахнинское и Семеновское уездные земские собрания признали это также желательным, однако предложили не распространять эту норму на назначенных правительством председателей управ в земских губерниях. Нижегородское уездное земское собрание выступило против, аргументируя это тем, что «подрывается принцип выборного земского начала», а также выражая сомнение в том, чтобы назначенный от правительства и не избранный в число гласных председатель управы мог ходатайствовать о нуждах уезда [1, с. 314–325].

Нижегородская губернская земская управа, исходя из принятых уездными земскими собраниями заключений, пришла к следующим выводам. Соглашаясь с доводами ряда земств о том, что должностные лица крестьянского самоуправления находятся в административной подчиненности у земских начальников, управа отмечала, что в подчинении у них находятся не только должностные лица, но и все крестьяне вообще. В этой связи предлагалось ходатайствовать об изменении законодательства в целях повышения независимости крестьянских гласных. Поэтому управа высказалась за сохранение волостных старшин в числе гласных при условии изменения ст. 62 и 64 Положения о земских участковых начальников (чтобы взыскания налагались только уездным съездом и могли быть обжалованы в губернском присутствии), а также за возбуждение ходатайства по заключению Балахнинского уездного земского собрания об освобождении крестьянских гласных на время исполнения обязанностей гласных от действия ст. 61 Положения о земских участковых начальниках [1, с. 329–330].

Также управа выступила за выборы заступающих на место председателей управ и зачисление в губернские гласные только тех председателей управ, которые были избраны, а не назначены правительством, причем их включение в число гласных должно было быть сверх положенного представительства от уездов [1, с. 331].

В Нижегородском губернском земском собрании доклад управы вызвал дискуссию. Гласный от Арзамасского уезда земский начальник Д. В. Хотяинцев отмечал, что нет оснований освобождать от взысканий крестьян на время несения обязанностей гласных, приводя в качестве довода аргумент, что и земские начальники заседают в земстве со своим непосредственным начальством. Часть гласных возражала в ответ, что по отношению к земским начальникам никто из губернского начальства не имеет дискреционной власти. Гласный от Горбатовского уезда В. Д. Обтяжнов отмечал, что волостные старшины являются «лучшими людьми из среды крестьян» и не заслуживают устранения от участия в земских собраниях, а предложение управы ограничить власть земских начальников по отношению к крестьянским гласным основано на желании «бросить тень на несчастный институт земских начальников». Гласный от Балахнинского уезда и член губернской управы Г. Р. Килевейн в ответ на это возражал, что министр внутренних дел, поставивший этот вопрос перед земскими собраниями, «имел, конечно, веские основания, а не увлекался газетными инсинуациями». Гласный от Васильского уезда А. И. Зыбин в этой связи предлагал держаться поставленного министром вопроса и высказаться «за» или «против» участия волостных старшин и писарей, а также подверг критике процесс принятия решений по этому вопросу в уездных земских собраниях («спросили крестьян, желают ли они быть свободными от обязанности гласного, они, конечно, обрадовались»). Ему вторил гласный от Сергачского уезда П. Н. Званцов, отметивший, что волостные старшины в Сергачском уездном земском собрании молчат, «и когда их спросили, стесняются ли они присутствием своих начальников, все единогласно ответили утвердительно». Гласный от Нижегородского уезда и член губернской управы А. А. Остафьев в ответ привел ст. 26 Положения о земских учреждениях, согласно которой гласными не могут быть лица, занимающие полицейские должности, поэтому, исходя из буквы закона, следовало бы устранить от участия в гласных и волостных старшин, и земских начальников. Гласный от Княгининского уезда В. Д. Калугин возразил, что «для крестьян быть гласным – тяжелая повинность», а с устранением старшин никто в гласные не пойдет. После этих прений собрание высказалось за сохранение участия в гласных волостных старшин, и против – волостных писарей. Также 19 голосами против 16 было принято предложение управы об изменении ст. 61, 62 и 64 Положения о земских участковых начальниках [1, с. 120–122].

Предложения управы по вопросам об избрании заступающих место председателей управ и включении выборных председателей управ в число губернских гласных были приняты Нижегородским губернским земским собранием без существенных прений [1, с. 122–123].

В дальнейшем указанные нами дискуссии оказали существенное влияние на продолжение обсуждения вопроса о путях реформирования земского избирательного законодательства, в том числе и его демократизации, как в земских собраниях, так и в различных законосовещательных органах.

Библиографический список

1. XXXIII очередное Нижегородское губернское земское собрание. Нижний Новгород, 1898. Ч. 1. 404 с.
2. Новиков А. Записки о городском самоуправлении. СПб., 1904. 220 с.
3. О. Б. А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1897. № 10. Отд. II. С. 195–222.
4. Плотников М. А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1898. № 3. Отд. II. С. 183–208.
5. Северный курьер. 1900. 16 февраля.

УДК 94(47)

А. В. Степанов,

доцент, Ивановский государственный университет

Н. Н. АЛЯНЧИКОВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ МЕНЕДЖЕРА И МЫСЛИТЕЛЯ

В работе представлен краткий очерк жизни и взглядов Н. Н. Алянчикова – директора ряда текстильных предприятий России начала XX в., который выступал за партнёрство между рабочими и фабричной администрацией и стал в эмиграции старостой прихода Русской православной церкви в г. Сидней (Австралия).

Ключевые слова: Никанор Алянчиков, Орехово-Зуево, Южа, забастовки.

A. V. Stepanov,

Associate Professor, Ivanovo State University

NIKANOR ALIANCHIKOV: CONTRIBUTION TO A PORTRAIT OF MANAGER AND THINKER

Presented in the paper is a brief account of life and ideas of Nikanor Alianchikov, a CEO in early 20th century Russian cotton industry who advocated workers-management partnership, and who after his emigration became a warden in the Orthodox Church parish in Sydney, Australia.

Key words: Nikanor Alianchikov, Orekhovo-Zuevo, Iuzha, workers' strikes.

Яркая личность и многогранная деятельность Н. Н. Алянчикова (1857–1944 гг.) не раз привлекали внимание исследователей [7, 8, 9]. Это неудивительно: внук богатого купца из Касимова [4], питомец московского Высшего технического училища, Никанор Николаевич много лет руководил крупными текстильными предприятиями центральной России. Он участвовал в работе Торгово-промышленных съездов, Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности и даже Вологодского попечительства детских приютов. Н. Н. Алянчиков выступал в печати, в том числе по актуальным вопросам русской жизни – например, о реформе орфографии или о переходе на метрическую систему мер. Сменив много мест службы, он в 1915 г. занял должность технического директора А/О «Балтийская мануфактура» в Ревеле [14].

В столице Эстонии Н. Н. Алянчиков прожил до 1927 г. Трудно сказать, чем в те годы он занимался. Составленный в 1990-е гг. «Словник-справочник» «русских эстонцев» скупко именует Никанора Николаевича «общ. и культ. деятелем в Тлн. в 1910-е гг.» [6]. С другой стороны, сообщение о его отъезде в дальнее зарубежье таллинская газета поместила на *первой полосе*: это событие было отмечено прощальным банкетом, который «инженеру-технологу» Алянчикову устроила администрация «Балтийской мануфактуры» [«Вести дня», Таллин, 27 декабря 1927 г.]. Возможно, Никанор Николаевич до той поры продолжал на ней служить, хотя, вероятно, и не в прежней высокой должности.

Как бы то ни было, едва встретив в Таллине своё 70-летие, Алянчиков на исходе 1927 г. покинул этот город и в феврале 1928 г. прибыл в австралийский Сидней. Чем этот уже очень немолодой россиянин снискивал в новом краю пропитание себе и своей супруге, сказать трудно. Утверждение С. В. Коршунова о том, будто Н. Н. Алянчиков первые «пять с половиной лет работал инженером-консультантом и экспертом на одной из фабрик Джорджа Алана Бонда» [7, с. 90], вызывает сомнения: по сведениям Австралийского словаря биографий, в декабре 1927 г. в отношении доселе успешно развивавшейся трикотажно-текстильной компании Дж. А. Бонда её кредиторы начали процедуру ликвидации. В апреле 1931 г. Верховный суд признал банкротом и самого Бонда [13].

В любом случае, в Австралии Никанор Николаевич не остался в стороне от общественной жизни – по крайней мере, от жизни земляков-эмигрантов. В частности, в 1933 г. сиднейские россияне выбрали его старостой прихода единственного в городе храма Русской Православной зарубежной церкви – храма Св. князя Владимира [7, с. 89]. Его нынешние прихожане помнят Н. Н. Алянчикова, но на главной странице русскоязычного Интернет-сайта прихода умудрились дважды ошибиться

ся с инициалами его первого старосты [10]. Впрочем, австралийский период жизни Никанора Николаевича лежит за рамками нашей работы.

Зато не лишена интереса его деятельность в России в 1900-е гг., причём в двух ипостасях – как управляющего текстильными фабриками и как публициста-общественника. В этом втором качестве Н. Н. Аляничков наглядно проявил себя, выпустив в 1908 г. брошюру под броским названием «Фабричный террор». Она стала перепечаткой статьи, опубликованной годом ранее в газете «Слово». Эта газета выходила в Петербурге в 1903–1909 гг. тиражом до 40 тыс. экз., некоторое время получала правительственную субсидию и считала себя выразителем взглядов «правых земцев». С конца 1905 г. «Слово» стало одним из печатных органов «Союза 17 октября» [2, с. 156–157]. Выбранная Н. Н. Аляничковым для изложения своих размышлений трибуна была для них вполне подходящей.

«Фабричным террором» автор назвал убийства директоров и заведующих фабриками или угрозы в их адрес, вынуждающие уволиться с предприятия. Н. Н. Аляничков настаивал на том, что причины актов насилия крылись «конечно, не в личных качествах пострадавших заведующих», ибо жертвою террора пал, например, такой «заведомый сторонник фабричного прогресса, не только в техническом, но и гуманитарном отношении», как один из директоров Никольской мануфактуры С. А. Назаров [1, с. 5]. Заметим, что и о самом С. А. Назарове, и о волне обоюдного насилия в Орехово-Зуеве на рубеже 1905–1906 гг., кульминацией которой стало убийство директора, современный автор – правда, не скрывающий левых взглядов – сообщает куда менее благоприятные сведения [3]. В любом случае, в тот момент гибель менеджера взбудоражила деловые круги Первопрестольной. Столичная газета сообщала: «Сегодня московская биржа и мануфактурный мир были крайне взволнованы известием, пришедшим с Никольской мануфактуры Саввы Морозова сыновей. Директор правления С. А. Назаров убит вчера в 10 час. вечера несколькими выстрелами из револьвера уволенным за пьянство рабочим, который задержан» [«Новое время», СПб., 19 янв. 1906 г.].

По мнению Н. Н. Аляничкова, в «фабричном терроре» виновны не рабочие, а подстрекатели извне. Их цель – «поскорее произвести эксперимент переделки всего социального строя, не заботясь ни о действительной возможности, ни о роковых результатах своей не по разуму спешки». Ничтожество революционных вожakov представляется Н. Н. Аляничкову вполне очевидным: «За ними, кроме громких фраз о лучшем, но неизвестном будущем, ничего нет, разве единственное достоинство – готовность умереть за идею» [1, с. 7]. «Эти якобы спасатели ничего серьёзного, чтобы они могли предложить обществу в виде

законченного плана, не имеют». Проявляя недюжинное красноречие, фабричный менеджер даёт своим идейным противникам убийственные эпитеты: «Это – или блуждающие огни гнилого болота, или кладбищенские духи» [1, с. 8].

Однако Н. Н. Аляничкова нельзя счесть просто ещё одним «ярким контрреволюционером». Готовность рабочих слушать подстрекателей и скрывать их от властей он объясняет тем, что в народном сознании не изжита память о недавнем прошлом, о невероятно жестоких фабричных порядках, которые сам Никанор Николаевич ещё успел застать [1, с. 9]. Эти безобразия он отчасти приписывает иностранным учителям русских промышленников, «у которых “русски дурак”, “русски свинья” не сходило с их цивилизаторских уст!...» [1, с. 10]. Впрочем, по мнению Н. Н. Аляничкова, с 1883 г., когда в России была учреждена фабричная инспекция, «нашей промышленной жизни» начало «каплями и ложками подноситься успокаивающее лечение». Его инициатива исходила от правительства, но «к ней примкнули и все лучшие предприниматели» [1, с. 10].

За прошедшую с тех пор четверть века положение русских рабочих, находит Н. Н. Аляничков, стало едва ли не лучше заграничного; следует длинный перечень различных проявлений заботы нанимателей о тружениках, завершающийся утверждением, что «на некоторых фабриках введено право рабочего требовать разговора на “вы”». Эти благие достижения, как считает Н. Н. Аляничков, рабочим следовало бы оценить по достоинству, помня, что «сделать в стране со 150-миллионным населением всё сразу ни при каких материальных средствах нельзя, а при нашей бедности и некультурности – и физически немислимо». И вообще: пора и русскому рабочему «обладать большей культурностью, честностью и навыком, чтобы, например, при большем числе наших праздников работать столько же, как и его западный собрат, не вводя смехотворный, убивающий личную инициативу и плодотворность труда принцип “работай так, чтобы твой товарищ не отставал от тебя!”» [1, с. 12].

Задачей ближайшего времени, по убеждению Н. Н. Аляничкова, должно стать преодоление отчуждения между администрацией предприятия и его рабочими, в частности – путём развития института фабричных старост. Столь же спешно следует вводить всеобщее обязательное образование и «хоть постепенно уничтожать водку до полного прекращения винокурения» [1, с. 13]. Наконец, пора «дать доступ работающим» к участию в управлении предприятием путём продажи им мелких акций: тогда «предприятие, в котором участвуют рабочие, будет не предметом их ненависти, а напротив, предметом заботы» [1, с. 14].

В свою очередь, рабочим надо «увеличить в своей среде грамотность, развить культурность, трезвость, бережливость» и, в особенности, отказаться от насилия над лицами фабричной администрации [1, с. 15]. Фабричному люду «пора вдуматься и спросить себя, можно ли с уверенностью и ясно представить себе те блага, которые розовыми снами стараются навезть на простодушного рабочего безусые агитаторы, никогда не переносившие на себе трудовой жизни, живущие в большинстве случаев разговором, а не работой» [1, с. 16].

Н. Н. Алянчикову довелось лично испытать действенность его рецептов гармонизации отношений труда и капитала. В канун своего 50-летия, в сентябре 1907 г. он стал директором фабрики «Товарищества мануфактур А. Я. Балина» в с. Южа Владимирской губ. и немедленно настроил против себя её четырёхтысячный [5, с. 1156] коллектив: запретил рабочим «греть куб для чая» (то есть чаёвничать во время работы) и допускать в цех опоздавших к началу смены, а в довершение всего «образовал новую комиссию фабричных старост по назначению дирекции» [12, с. 79]. 7 сентября текстильщики предъявили правлению предприятия 14 требований и в их поддержку кратковременно прекратили работу. Ответ дирекции трудно назвать партнёрским: 10 сентября, когда истёк срок летнего найма, она закрыла фабрику для тщательного отбора вновь принимаемых на работу; через два дня в село были введены казаки [12, с. 81].

Южские текстильщики проявили редкую дисциплину и организованность: не отвечая насилием на насилие, но и не приступая к работе, они выбрали делегацию из 10 человек для переговоров с правлением предприятия и отправили её в Москву. Однако Балины не стали отступать: они лишь согласились, «снисходя к товарищеским чувствам рабочих», не требовать выдачи зачинщиков стачки, но подтвердили право Н. Н. Алянчикова очистить от них предприятие. При этом уволенным полагалось «немедленно выселиться из фабричных помещений» [12, с. 81–82]. Получив такое подтверждение своих полномочий, Н. Н. Алянчиков отказал в приёме на фабрику 76 работникам (менее 2 % занятых). 24 сентября 1907 г. стачка закончилась полным поражением забастовщиков [12, с. 82].

Однако полагаться только на силу Н. Н. Алянчиков не стал. Немедленно по возобновлении работы предприятия он провёл новые выборы фабричных старост, «дабы приблизить рабочих к администрации и восстановить с ними добрые отношения». Н. Н. Алянчиков также выдал «от себя» пособия «обедневшим семьям» и даже устроил спектакль в пользу Общества трезвости. В декабре 1907 г. директор сообщал во Владимир: «В настоящую минуту я влияю на настроения рабочих, входя поближе в их Общество трезвости, куда притягиваю и бывших членов профессионального общества, чтобы под председательством священни-

ка и с участием мирных элементов составить то спокойное большинство, без которого фабрика никогда не будет вполне обеспечена от волнений» [12, с. 83].

Насколько эффективно работала на Южской мануфактуре при Н. Н. Алянчикове комиссия фабричных старост, судить трудно, однако её состав выглядит вполне репрезентативным: в 1910 г. из 52 выборных менее половины знали грамоту, зато женщин среди старост насчитывалось более 30 [11, с. 19].

Добавим к портрету Н. Н. Алянчикова ещё один штрих. В январе 1911 г., когда Южская фабрика отмечала 25-летие прихода к руководству бизнесом Н. А. Балина, её менеджер выступил в местном Народном доме с примечательной речью. «В 70-х годах прошлого столетия, – вспоминал Алянчиков, – мы, часть тогдашней молодёжи, горячо увлекались романом Чернышевского “Что делать”. Сны Веры Павловны были нашей мечтой» [11, с. 53]. Однако Н. Н. Алянчиков вспомнил утопию Чернышевского не для того, чтобы покаяться в заблуждениях далёкой молодости. По мнению Никанора Николаевича, «годы шли не напрасно, желанное будущее стало мало-помалу осуществляться», в том числе – в посёлке при Южской фабрике: «Летом вокруг нашего Народного дома раскинутся те сады и лужайки, которые видела в своём вещем сне Вера Павловна» [11, с. 55].

Увы, полюбоваться этой картиной Н. Алянчиков, кажется, не успел: в том же 1911 г. он «пошёл на повышение» – получил место директора-распорядителя Рождественской мануфактуры в знакомой ему по прежней службе у Морозовых Твери [14], где уже в мае 1913 г. вновь столкнулся с массовыми забастовками.

Библиографический список

1. *Алянчиков Н. Н.* Фабричный террор. Тверь: Типолитография Н. Родионова, 1908. 16 с.
2. *Ахмадулин Е. В.* Газета «Слово» на службе либералов // Петербург газетный. 1711–1917. Вып. II. СПб.: Своё издательство, 2016. С. 156–165.
3. *Булаткин К.* Памяти 30-й казармы. URL: <https://tktr-rpk.ru/2012/11/29/памяти-30-й-казармы>. (дата обращения: 24.12.2020).
4. *Грачева И.* Касимов: Были и предания // Наука и жизнь. 2020. № 4.
5. *Езиоранский Л. К.* Фабрично-заводские предприятия Российской Империи. СПб.: Торговый дом А. Срок и Ко., 1909. 1451 с.
6. *Исаков С. Г.* Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографич. словарю. Т. 1. URL: <https://estorussica.ut.ee/slovník.htm>
7. *Коршунов С. В.* Н. Н. Алянчиков: Инженер, философ, реформатор, священнослужитель, патриот // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2020. № 3 (53). С. 78–93.
8. *Коршунов С., Тимофеев В.* Бауманцы в гостях у сиднейских инженеров ХПИ // Инженер: Вестник Бауманского ун-та. 2017. Апрель–май. С. 40–41.

9. *Корицунов С. В., Ивачёв А. П.* Инженер Никанор Николаевич Алянчиков из Касимовских купцов // Русская система обучения ремеслам: Истоки и традиции. Т. 3. М., 2017. С. 84–106.

10. Официальный сайт прихода храма Святого Равноапостольного князя Владимира (Сидней, Австралия). URL: <http://stvladimirsydney.cerkov.ru/about/> (дата обращения: 26.12.2020).

11. *Паиков Я. М.* Товарищество мануфактур А. Я. Балина: Описание празднования 25-летия учреждения Товарищества. 1885 – 31.05.1910. М.: Типо-литография И. Кушнерев и Ко., 1912. 59 с.

12. Стачки в Иваново-Вознесенском районе. 1905–1916 годы / под ред. М. К. Диановой и др. Иваново-Вознесенск, 1928. 129 с.

13. Australian Dictionary of Biography. URL: <http://adb.anu.edu.au/biography/bond-george-alan-5285>. (дата обращения: 25.12.2020).

14. URL: russianestonia.eu/index.php?title=Алянчиков_Никанор_Николаевич. (дата обращения: 28.12.2020).

УДК 93/94

Н. И. Суханова,

профессор, Московский государственный областной университет

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Процесс организации офицерского сопротивления анархии и революции в России начался задолго до 1917 г. Системный кризис, Первая мировая война, сильнейший раскол российского общества, неспособность власти противостоять революционной стихии, крушение силы и единства армии содействовали консолидации патриотически настроенных офицеров. Отсюда началось Белое движение.

Ключевые слова: армия, офицерство, Первая мировая война, системный кризис, Февральская революция, Белое движение.

N. I. Sukhanova,

Professor, Moscow State Regional University

THE ORIGINS OF THE FORMATION OF THE WHITE MOVEMENT IN RUSSIA

The process of organizing officer resistance to anarchy and revolution in Russia began long before 1917. The systemic crisis, the First World War, the strongest split in Russian society, the inability of the authorities to resist the revolutionary elements, the collapse of the strength and unity of the army contributed to the consolidation of patriotic officers. Hence the beginning of the White movement.

Key words: army, officers, World War I, systemic crisis, February Revolution, White movement.

Системный кризис в России, обострившийся в годы Первой мировой войны и под воздействием революционного процесса 1917 г., не обошел стороной армию. Сложное отношение российской общественности к участию в мировой войне стало отражением ее сущности и оценкой самодержавной государственности. Вовлеченность империи в международную военную бойню стала судьбоносным для нее. В процессе войны вскрылись все противоречия, проблемы и сложности российского государства и общества, с которыми они подошли к 1914 г. А. И. Деникин писал об этом, как о «неизбежном историческом процессе, завершившимся февральской революцией». Он считал, что «сильную, с огромным историческим прошлым, десятиmillionную армию, развалившуюся в течение 3–4 месяцев», смела народная стихия [9, с. 4]. Отнесем неполноту исторического анализа причина распада армии и государства к политической неискушенности генерала, считавшего народную стихию и солдатскую чернь истоками этого распада. Генерал не совсем четко представлял даже в годы написания «Очерков русской смуты» всю глубину причинно-следственных связей революции. Сложнейшие модернизационные вызовы, не справляясь с которыми, старая система подписала свой приговор, обернулись для России девальвацией многих ценностей, в том числе и патриотизма, морали, законности. По-видимому, не зря отречение императора в марте 1917 г. поддержала значительная часть высшего командного состава армии. Отсутствие единства и воинской дисциплины в армии констатировал и П. Н. Врангель [5, с. 6]. Непопулярность Первой мировой войны, а так же неспособность власти организовать фронт стали очевидны вскоре после ее начала. Одним из признаков разложения армии был усиливавшийся раскол между ее низами и верхами. Почти с самого начала войны стало расти количество дезертиров. С 1914 по 1917 гг. оно выросло с 15 до 35 процентов [2, с. 28]. Этот процесс обнажал отсутствие мотивации у солдат, неверие своим командирам, а так же недоверие к власти и ее политике.

Сочетание таких факторов, как непопулярность войны, слабость власти, маргинализация общества, низкий авторитет государственных и военных верхов, высокий процент вооруженных людей, недостойный уровень жизни, усиливающий раскол в обществе и армии, являлись признаками роста гражданского противостояния. Утверждение В. И. Ленина о необходимости превращения «современной империалистической войны в гражданскую» не было надуманным [10, с. 22]. Он видел и понимал степень накала революционных страстей в России. Поэтому столь успешной была большевистская пропаганда в армии. Доказательством роста революционных настроений в армии служит появление Советов солдатских депутатов, а так же значительное коли-

чество солдат, участвующих в революционных выступлениях. Окончательный раскол в армии произошел после выхода в свет Приказа Петровета о демократизации армии. Передача всех рычагов управления от офицерского состава солдатским комитетам, поначалу только в столице, содействовала разгулу солдатского самоуправления и на фронте, и в других регионах. Эти события можно квалифицировать как открытую гражданскую войну в армии. В течение двух недель после появления Приказа сто офицеров Балтийского флота были убиты или покончили с собой [7, с. 32]. Офицерство было вынуждено само защищать собственные интересы. При этом они не ограничивались задачами самосохранения. Созданный в мае 1917 г. общероссийский Союз офицеров армии и флота хоть и не ставил перед собой политических целей, но направлял свою деятельность на водворение порядка в армии и государстве. Его Устав был сформулирован таким образом, что его исполнение содействовало бы сохранению российской государственности в условиях нарастания анархии [6, л. 40–41].

По своей сути цели и задачи, права и обязанности, а так же состав Союза могли стать основой серьезного реформирования армии в условиях более подходящих. Но судьба распорядилась таким образом, что Союз заложил организационные и дисциплинарные основы будущего Белого движения. К сожалению, сохранить их белым не удалось из-за необходимости пополнять свою армию выходцами из различных слоев местного населения во время Гражданской войны. При таких обстоятельствах невозможно было сохранить офицерское единство и дисциплину.

А пока весной 1917 г. стали создаваться и другие офицерские организации, история которых была короткой и, зачастую, противоречивой. Подтверждением могут служить взгляды и действия одного из основателей Белого движения – М. В. Алексева. Генерал был инициатором и непосредственным участником отречения последнего русского царя. Между тем, уже через год воины его белой армии погибали с «царственным именем на устах» [11, с. 4]. По-видимому, не стоит упрекать генерала в такой смене взглядов. Время было сложным и неоднозначным, трудно было военным, отрешенным от политики, глубоко проникнуть в суть происходящих перемен. Даже уже в условиях начавшейся Гражданской войны очевидны были расхождения мировоззрений белых лидеров: монархизм Колчака, умеренный либерализм Деникина, идея федерализма Врангеля. К тому же, с конца XIX в. «офицерский корпус утратил свою социальную специфику» [4, с. 8]. Он формировался из различных слоев населения, а значит, и различного уровня образования и культуры. Следствием стали его расслоение и поляризация, особенно к осени 1917 г. Отсутствие централизованного жесткого

руководства и в государстве, и в армии при Временном правительстве не содействовало объединению разрозненных офицерских организаций, многие из которых были тайными.

Давний лозунг «Армия вне политики» действовал не только в России. Как и в любой другой стране, армия выполняет общенациональные задачи [3, с. 97]. Но такая схема не срабатывает в условиях революционных и переломных. Первая мировая война политизировала и фронт, и тыл. Не случайно существовал запрет на письма с освещением политических вопросов. Но и фронтовая жизнь, и пропаганда большевиков, и приказы сверху формировали вполне определенную картину российских реалий. И если солдатская масса реагировала бурно, офицеры, пытаясь сохранять порядок, не могли не задумываться над происходящим. Среди них было немало интеллигенции, которая имела те или иные политические предпочтения. При этом в отличие от большевистской политической пропаганды офицеры не имели возможности быть информированными по важнейшим проблемам государственной и общественной жизни. П. Н. Врангель писал: «Никаких общих руководящих указаний, никакой попытки овладеть сверху психологией армии, не было сделано» [5, с. 23]. Если, к тому же, брать во внимание «обездоленность, необеспеченность и бесправие рядового русского офицерства» [9, с. 8], то можно понять его растущий интерес к политике.

Интересным представляется тот факт, что к началу Первой мировой войны офицерский состав армии, перестав быть кастовым, имея почти нищенское обеспечение, понимая бесперспективность войны, сохранял в большинстве своем чувство долга и патриотический настрой. Не только печальная участь офицеров заставила Л. Г. Корнилова и подержавших его генералов М. В. Алексеева, А. И. Деникина и других взять на себя задачу удержания ситуации в стране в августе 1917 г. В своем выступлении на заседании Государственного Совещания Л. Г. Корнилов потребовал признания Временным правительством вины в оскорблении и унижении российского офицерства. При этом он предложил систему мер, которые могли бы содействовать возвращению порядка [1, с. 25].

В условиях всеобщего раскола общества очевидным было наличие нескольких линий раскола в армии: между армией и властью, между солдатами и офицерами, внутри офицерства. В итоге незначительная его часть связывала свое существование с защитой не личных интересов, а со служением Отечеству, как они это понимали. Именно эта часть и стала основой формирования Белого движения осенью 1917 г. Понимая отчетливо, что нет иной силы, способной сохранить Россию, и не

допустить анархии и революции, эта часть военных стала организовываться в сложных условиях в Белое движение. Это были люди с высокой степенью гражданственности и патриотизма. К сожалению, их было немного. И данный факт служит очередным подтверждением серьезнейшего кризиса системы.

Процесс зарождения офицерского единения в условиях революции происходил на основах оппозиционных настроений в отношении Временного правительства. Значительная часть военных осознавала тупиковый финал его власти. Очевидны были непрофессионализм и отсутствие опыта политической деятельности избираемого органа власти. Страна двигалась к распаду. Этот факт был базой для полевления общественного сознания, ставшего катализатором новой революции. Такая ситуация не могла не политизировать армию в целом и офицерские слои в частности. В этом состояло мощнейшее противоречие между помыслами военных, не желавших вмешивать политику в свою борьбу за сохранение России, и реальной практикой жизни, когда политика «втянула» в свою орбиту основную часть населения. Еще достаточно долго лидеры белых не хотели говорить о политике. Но, как позже писал А. И. Деникин: «Жизнь стихийным напором выбивала нас, требуя немедленного разрешения коренных государственных вопросов» [8, с. 367].

То же можно сказать и о лозунге надпартийности, который появился в офицерской среде уже летом-осенью 1917 г. В партийном делении общества им виделась одна из причин раскола страны. Но следует подчеркнуть, что они мыслили более глубоко, уходя в особенности российской цивилизации, имевшей в качестве базовой – централизацию и единство. И в этом крылись тоже политические смыслы. Поэтому именно русское офицерство осенью 1917 г. вернуло ушедшие из обихода понятия «Родина», «Россия», «Русская армия» и т. п., переставшие появляться при Временном Правительстве. Косвенно к политическим особенностям России следует отнести религиозные символы, сросшиеся здесь с государственными. Именно офицерство попыталось поднять роль вопросов веры в условиях духовного перерождения общества. Таким образом, можно сделать вывод, что подспудно во взглядах офицеров российской армии политика присутствовала и будущую организацию белых можно назвать военно-политической. Если проанализировать идейные основы Белого движения, то очевидной становится связь идеологии с необходимостью политических мер для ее реализации.

Библиографический список

1. Белое движение. Исторические портреты / сост. А. С. Кручинин. М.: Астрель: АСТ, 2006.
2. Биджиев Р. М. Политика Белого движения и её реализация на Северном Кавказе в годы гражданской войны: 1917–1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011.
3. Веллер М., Буровский А. Гражданская история безумной войны. М.: АСТ, 2007.
4. Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 1999.
5. Врангель П. Н. Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. Т. I: Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест, 2003.
6. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1780. Оп 1. Д. 71.
7. Галин В. В. Ингервенция и Гражданская война. М.: Алгоритм, 2004.
8. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Заключительный период борьбы. Октябрь 1918 – январь 1919. Минск: Харвест, 2002.
9. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Мн.: Харвест, 2002.
10. Ленин В. И. Война и российская социал-демократия // Полн. собр. соч. Т. 26.
11. Черкасов-Георгиевский В. Г. Вожди белых армий. Смоленск: Русич, 2003.

УДК 94 (470.55) «1920/1930»

А. И. Сысов,

аспирант, Южно-Уральский государственный университет (НИУ)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РАЙОННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ГОРНОЗАВОДСКОЙ ЗОНЕ ЮЖНОГО УРАЛА В СЕРЕДИНЕ 1920-х – 1930-х гг.

Основное внимание в работе уделяется проблеме оформления управленческого корпуса в горнозаводских районах Южного Урала в условиях перехода к форсированной модернизации и утверждения номенклатурного способа формирования советских и партийных органов власти.

Ключевые слова: раннесоветский период, субрегион, горнозаводская зона Южного Урала, номенклатура, политическая элита.

A. I. Sysov,

Postgraduate student, South Ural State University (National Research University)

FEATURES OF FORMATION OF REGIONAL AUTHORITIES IN THE MINING ZONE SOUTHERN URALS IN THE MID 1920s–30s

The main attention is paid to the problem of registration of the management corps in the mining districts of the southern Urals in the conditions of transition to forced modernization and approval of the nomenclature method of formation of Soviet and party authorities.

Key words: early Soviet period, sub-region, mining zone of the southern Urals, nomenclature, political elite.

Административно-территориальная реформа, начавшаяся в 1923 г., привела к возникновению в системе управления СССР особого звена – районных органов власти. После упразднения округов в 1930 г. они фактически превратились в важнейший инструмент осуществления социально-экономической политики на местном уровне. Можно утверждать, что именно районы являлись тогда «фундаментом» «сталинской» модернизации в далеких районах от Центра провинциальных уголках, таких, как, например, горнозаводская зона Южного Урала. Значительная часть горнозаводской зоны Южного Урала (Миньярский, Катавский, Саткинский, Кусинский, Миасский, Медведевский районы) входила в середине 1920-х – начале 1930-х гг. в Златоустовский округ Уральской области, после разукрупнения которой в 1934 г. волилась в состав вновь образованной Челябинской области. Выделение районов горнозаводской зоны в отдельный объект исследования обусловлено значительным сходством исторических, хозяйственных и социокультурных условий их возникновения и развития, близостью их природно-географического ландшафта, специфической ролью в процессе сталинской модернизации. Данный субрегион (т. е. крупная часть к.-л. региона, имеющая внутри себя специфические черты и особенности) является во многом типичным для значительной части Урала с точки зрения состава населения, занятий, социально-экономических и политических проблем. Поэтому, рассмотрение особенностей формирования районных органов власти в горнозаводской зоне Южного Урала позволяет на примере одного субрегиона проследить логику становления управленческого корпуса и в других провинциальных промышленных регионах, выявить, каким был основной способ формирования районных органов власти в условиях перехода к форсированной модернизации. Перед современным российским обществом, как и 90 лет назад, стоят важные проблемы, решение которых также упирается в урегулирование многочисленных кадровых

вопросов. Поэтому, в процессе поиска оптимальных вариантов организации муниципальных органов власти в современной кадровой политике важное значение приобретает изучение отечественного исторического опыта, накопленного в данной области, особенно в 1920–30-е гг., когда осуществлялись масштабные преобразования в социально-экономической, политической и культурной сферах.

1920-е гг. – это время формирования советского чиновничества, в том числе и районного уровня. К началу 1930-х гг. можно уже говорить о сложившейся в Советском Союзе особой социальной группе – советских управленцах [3]. Как и любая особая социальная группа, советские чиновники отличались от других социальных групп рядом специфических черт: тесной связью с организацией правительственной власти в обществе, четкими, иерархически построенными социальными ролями, закрепляемыми рангами, стремлением к единообразному толкованию административных норм, исходящих от центра, быстрым (даже в условиях социальных кризисов) количественным ростом состава, особой групповой психологией [4], своими интересами, образом жизни, укладом, идеологией, привилегиями, менталитетом и способом формирования.

В раннесоветский период (1920–30-е гг.) в горнозаводских районах Южного Урала комплектование органов власти квалифицированными кадрами было одной из самых острых проблем. Органы власти, как партийные, так и советские, в значительной степени пополнялись в основном выходцами из социальных низов с недостаточно высоким (за редким исключением) уровнем образования [5, с. 146]. Подтверждением этого являются анкетные данные ответственных сотрудников Златоустовского округа. Например, в 1929 г. в их число входили 34 работника аппарата, из которых пять сотрудников имели среднее образование, один – высшее (партийный университет г. Свердловска), один – окончил курсы по изучению марксизма, остальные (27 человек) имели только низшее образование. Из них служащими, по своему социальному происхождению, являлись 5 человек, рабочими – 29 [10, л. 77–80]. Аналогичную картину демонстрируют за этот же период статистические данные Кусинского [10, л. 81], Миасского [8, л. 31–32], Миньярского [6, л. 1–3] и других районов горнозаводской зоны.

Кадровую проблему усугубляла практика перевода наиболее способных и подготовленных сотрудников в вышестоящие органы. Так в период формирования Златоустовского округа (1923–1924 гг.) для работы в Окружкоме и Окрисполкоме из районов, несмотря на недовольство и сопротивление районных руководителей, в приказном порядке «забрали наверх» значительную часть районных чиновников [7, л. 14–16, 21–26]. В результате для районов в середине 1920-х – середине 1930-х гг. нередким явлением был «кадровый голод». Однако и сами округа регулярно

сталкивались с такой же проблемой: областные органы власти аналогично пополнялись представителями окружных органов [7, л. 27–31]. Подобная практика «рекрутирования» руководящей элиты отчасти способствовала выдвижению на первые роли в государстве многих талантливых деятелей, в том числе и из работавших в органах власти горнозаводского Урала (например, Сулимов Д. Е., Локацков Ф. И., Ошвинцев М. К., Румянцев И. П., Шверник Н. М. и др.), но в то же время «оголяла» многие участки работы в провинциальной глубинке.

Практически сразу после образования горнозаводских районов Южного Урала в них утверждается номенклатурный способ формирования местной политической элиты, что соответствовало тенденции, складывавшейся в целом по стране. По мнению некоторых современных историков, это было неизбежно, так как мобилизационная модель развития, которая стала реализовываться в СССР, обязательно должна была привести к победе номенклатурно-бюрократического способа формирования партийно-государственной элиты [2, с. 261]. В каждом районе существовал свой список номенклатурных должностей, в который входили секретари партийных и комсомольских районных организаций и их заместители, заведующие отделами райкомов, председатели райисполкомов, заведующие отделами райисполкомов, руководители промышленных и сельских предприятий. Входившие в этот список имели определенные привилегии, а также обеспечивались специальными литерными пайками. Так, например, в Катавском районе в 1 квартале 1936 г. пайки получили 24 местных чиновника. Причем стоимость получаемого пайка зависела от занимаемой должности: секретарь райкома, его заместитель, председатель райисполкома получали паек стоимостью 40 рублей, заведующие отделами – 30 рублей, руководители предприятий – 25 рублей, активисты – 20 рублей [1, л. 100]. При этом необходимо учитывать уровень цен и зарплат тех лет: зарплата рабочих в этот период составляла от 70 до 400 рублей (самая распространенная – 125–200 рублей), зарплата служащих – от 80 до 800 рублей (в зависимости от должности и сферы деятельности); цена на хлеб была 1,7 рубля за килограмм белого и 0,85 рубля за килограмм ржаного, мясо стоило 6–7 рублей, сахар – 4,7 рубля за килограмм, масло – 16 рублей. Дорого стоили промышленные товары, например, пара ботинок стоила в среднем 120 рублей. К тому же, товары народного потребления в СССР всегда были дефицитом и на «черном рынке» цены были еще выше. Таким образом, пайки для номенклатурных чиновников являлись хорошей прибавкой к официальной зарплате.

Целью номенклатурного подхода являлось постепенное овладение партией всеми важнейшими для государства должностями в управлении, недопущения подбора руководителей самими ведомствами и

предотвращение возможного «затирания коммунистов», как основных «проводников линии партии», в том или ином ведомстве. Ядро новой политической элиты формировалось за счет выдвижения большевиков с дореволюционным стажем, а затем продвижением партийцев, прошедших «огонь и воду Гражданской войны». Лидирующие позиции в политической деятельности в это время все чаще стали занимать не в силу каких-то особых качеств личности, а в силу определенных бюрократических механизмов. Именно в это время в СССР выборы все больше превращаются в формальность, а основным механизмом замещения должностей становится назначенчество в различных его проявлениях: от прямого назначения до рекомендации и утверждения (примером может служить организация перевыборов Советов в Саткинском районе Златоустовского округа Уральской области в 1927 г., в докладной записке о ходе которых содержатся прямые указания по продвижению одобренных парторганизациями кандидатов [9, л. 41–44]).

Таким образом, основным способом формирования партийных и государственных органов власти к середине 1920-х гг. в стране становится номенклатурный способ, что было более приемлемым в тех исторических условиях, так как построенный на номенклатурных принципах аппарат был в большей степени централизован, сплочен и послушен воле центрального руководства. При этом необходимо отметить, что данные процессы были характерны всем звеньям аппарата управления: начиная с высших эшелонов власти и заканчивая низовыми структурами, что подтверждается примерами горнозаводских районов Уральской области.

Чиновники как в царский, так и в советский период относились к привилегированной группе населения. Поэтому, чтобы попасть в их число необходимо было преодолеть определенные социальные барьеры. В 1920-е гг. необходимыми условиями занятия ответственных государственных и партийных должностей являлись: определенный партийный стаж, крестьянское, а лучше пролетарское происхождение, революционная деятельность и активное участие в гражданской войне [11]. В конце 1930-х гг. к ним добавились беспрекословность выполнения приказов Центра, регулярное повышение политической грамотности и отсутствие среди близких родственников раскулаченных и репрессированных. В какой-то степени это отражает смену поколений советских чиновников, которая происходила на протяжении 1920–30-х гг. К середине 1920-х гг. произошла первая смена советской элиты – реальная власть перешла от старых большевиков-подпольщиков в руки номенклатуры, сформированной из пополнения, пришедшего в партию в годы гражданской войны и после ее окончания. В 1930-е годы после первой волны массовых репрессий происходит следующая смена правящей

элиты: одним из основных источников пополнения руководящих кадров стала новая «социалистическая» интеллигенция, воспитанная в духе преданности коммунистической идеологии, более образованная, энергичная, но молодая и неопытная. Главной жизненной заповедью людей такого типа стало обязательное и безусловное исполнение приказов.

Таким образом, партийно-государственная элита играла важную роль в модернизационных процессах середины 1920–30-х гг. на Южном Урале. Эффективность аппарата управления напрямую связана с решением проблемы укомплектования органов власти кадрами надлежащей компетенции. Эта проблема была одной из самых острых в районах горнозаводской зоны Южного Урала в раннесоветский период. Органы власти, как партийные, так и советские, пополнялись в основном выходцами из социальных низов с недостаточно высоким (за редким исключением) уровнем образования и культуры, отсутствием у значительной части советских чиновников опыта руководства. Эту проблему усугубляла практика перевода наиболее способных и подготовленных сотрудников на работу в вышестоящие органы власти. В результате, для горнозаводских районов в середине 1920-х – середине 1930-х гг. нередким явлением был «кадровый голод». Основным способом формирования партийных и государственных органов власти в горнозаводской зоне, как и практически по всей стране, в середине 1920-х гг. становится номенклатурный. В каждом районе существовал свой список номенклатурных должностей, в который входили высшие должностные лица района, руководители местных предприятий.

Библиографический список

1. Архивный отдел администрации Катав-Ивановского муниципального района (АОАКИМР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 28.
2. *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М.: Интеллект, 1998. 448 с.
3. *Гимпельсон Е. Г.* Советские управленцы. 20-е годы. М.: Ин-т Рос. истории РАН, 2001. 225 с.
4. *Ивановский В. В.* Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Русская мысль. 1903. № 8. С. 7–15.
5. *Мазур Л. Н.* Особенности эволюции сельской бюрократии в советской России // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2015. № 2 (139). С. 146–159.
6. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 310. Оп. 1. Д. 95.
7. ОГАЧО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 56.
8. ОГАЧО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 74.
9. ОГАЧО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 478.
10. ОГАЧО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 905.

11. *Сысов А. И.* Система районных органов власти Южного Урала в условиях «кадровой революции» середины 20-х – 30-х гг. XX в.: переход к номенклатурному способу формирования // Научный поиск: материалы XI научной конференции аспирантов и докторантов. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. С. 132–141.

УДК 94(470.315) "1941/45":61

С. В. Точенов,

доцент, Ивановский государственный университет

А. В. Травин,

начальник отдела государственной охраны объектов культурного наследия и обеспечения деятельности комитета Ивановской области по государственной охране объектов культурного наследия

ГРАЖДАНСКИЙ СЕКТОР СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Рассказывается об организации системы гражданского здравоохранения на территории Ивановской области в годы Великой Отечественной войны. Исследуются проблемы, связанные с созданием материально-технической базы, кадрового потенциала различных медицинских учреждений. Дается сравнительный анализ работы гражданского сектора системы здравоохранения области по годам.

Ключевые слова: система здравоохранения, медицинские учреждения.

S. V. Tochenov,

Associate Professor, Ivanovo State University

A. V. Travin,

Head of the Department of State Protection of Cultural Heritage Objects and Supporting the Activities of the Ivanovo Region Committee for State Protection of Cultural Heritage

THE CIVIL SECTOR OF THE HEALTHCARE SYSTEM OF IVANOV REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

The article describes the organization of a system of the civil healthcare in the Ivanovo region during the Great Patriotic War. The problems associated with the creation of the material and technical base, personnel resources of various medical facilities are investigated. A comparative analysis of the work of the civil sector of the regional healthcare system is presented over the years.

Key words: healthcare system, medical facilities.

С началом Великой Отечественной войны все ресурсы государства были брошены на достижение победы над врагом. Была мобилизована армия, перестраивались промышленность, транспорт, сельское хозяйство. Одну из определяющих ролей в сложившейся ситуации играла своевременная организация медицинской помощи. Сохранение работоспособности и здоровья граждан являлось одной из первоочередных задач государства. В осуществлении этой задачи большое значение приобретала имеющаяся сеть больниц и амбулаторно-поликлинических учреждений, а также наличие достаточного количества квалифицированных медицинских кадров.

Ивановская область на момент начала войны была достаточно укомплектована как медицинскими учреждениями, так и квалифицированными медицинскими кадрами. На территории края насчитывалось 128 больничных учреждений. Это были клинические городские больницы, акушерско-гинекологические, психиатрические, кожно-венерологические, больницы восстановительной хирургии, сеть туберкулезных диспансеров. Функционировала сеть детских больниц. Область имела в своем составе 294 амбулаторно-поликлинических учреждения (фельдшерские здравпункты, поликлиники, детские консультации и др.), 176 станций скорой медицинской помощи [1, с. 48]. Система здравоохранения Ивановской области по обеспеченности населения медицинскими учреждениями находилась на достаточно хорошем уровне в сравнении с общесоюзными показателями.

По обеспеченности населения медицинскими кадрами на момент начала войны область полностью подходила под общесоюзный показатель, а именно – 8,1 врачей на 10.000 человек, при общесоюзном – 7,3 и республиканском – 8,2 [1, с. 49]. Объяснялась такая благоприятная ситуация в интересующей нас сфере тем, что в Иванове работал медицинский институт, который уже к 1940 году дал стране и области около 1.300 квалифицированных специалистов.

Нападение Германии на Советский Союз резко изменило деятельность не только военного, но и гражданского секторов здравоохранения. Необходима была перестройка всей существующей системы для работы в новых условиях. Уже с первых дней войны медицинские учреждения оказались в сложной обстановке приема, оказания помощи и лечения раненых, в большом количестве прибывающих с фронта. Их массовый приток, совсем несвойственный для мирного времени, заставил коренным образом изменить работу системы здравоохранения.

Выполняя директивы Наркомздрава СССР, решения обкома ВКП(б) и исполнительного областного комитета, облздравотдел (заведующий – А. И. Голубев) в первые месяцы войны провел областные

совещания, сессии городских и районных Советов, на которых были намечены конкретные пути по организации лечебной работы в военных условиях. Наряду с организацией работы госпиталей, ускоренной подготовкой врачей для фронта, облздравотдел уделял внимание и лечебной помощи гражданскому населению. В связи с тем, что для госпиталей выделялись дополнительные помещения, оборудование, персонал, в обслуживании населения возникли определенные трудности: врачебные участки оказались неукomплектованными врачами, обычным было, когда на участковую службу приходилось ставить фельдшеров и медицинских сестер, в ряде поликлиник области пришлось закрывать приемы у специалистов (стоматологов, отоларингологов, глазных врачей и др.). Рядовой ситуацией в некоторых районах области было совмещение нескольких различных медицинских специальностей одним человеком, катастрофически не хватало врачей лечащих туберкулез [2, Ф. Р.–1708, оп. 2, д. 84, л. 51].

Война надолго отбросила развитие гражданской сферы системы здравоохранения в Советском Союзе. Все ресурсы (кадры, оборудование, материально-техническая база) системы здравоохранения были отданы военному сектору. Страна находилась в сложнейшем положении. Максимально быстрое возвращение в строй раненых бойцов и командиров Красной Армии было первоочередной задачей, поставленной руководством страны. Поэтому нетрудно понять решения Государственного Комитета Обороны направить все усилия на развитие именно военного сектора в ущерб медицинскому обслуживанию гражданского населения. Ситуация в Ивановской области была абсолютно идентична общему положению дел в стране.

Количество постоянных коек в области менее чем за год сократилось на четверть (на 2.971 единицу), они были отданы эвакогоспиталям. Однако стоит отметить, что дополнительно было развернуто 2.080 противэпидемических коек [2, Ф. П. 327, оп. 7, д. 167, л. 5]. Общее количество медицинских учреждений для гражданского населения сократилось почти вдвое [2, Ф. Р.–1708, оп. 2, д. 94, л. 1–8]. К январю 1942 года в лечебных учреждениях области работало около 780 (из них 140 – в Иванове) врачей [2, Ф. Р.–1708, оп. 2, д. 75, л. 76–88]. За период с июля 1941 года по июль 1942 года состав врачей на сельских участках сменился два раза по причине ухода большинства врачей в действующую армию. На место ушедших на фронт медработников не всегда находилась замена. Попытки решить проблему предпринимались за счет трудовой миграции, уже в июле–августе в Ивановскую область специальными постановлениями Наркомздрава СССР постоянно прибывали медицинские специалисты из других регионов страны – Свердловской, Чкалов-

ской, Казанской и других областей [2, Ф. Р.–1708, оп. 2, д. 167, л. 9]. Наряду со специалистами прибывал средний и младший медицинский персонал.

Свой вклад в увеличение численности медицинских специалистов вносил и Ивановский медицинский институт. В 1941 году вуз отказался от предложенной эвакуации и провел сразу два выпуска врачей. В институте были отменены отпуска, сокращались каникулы студентов. Срок подготовки врачей сократился с пяти лет до трех с половиной – четырех лет. Был удвоен прием студентов. На базе института обучались также медсестры и сандружинницы [3, с. 143].

Сокращение числа больничных учреждений в совокупности с мобилизацией медицинских кадров в действующую армию не могло не сказаться на качестве обслуживания гражданского населения. Сюда добавилось ещё одна существенная проблема, заставившая держать серьёзный экзамен лечебно-профилактическую службу. В результате эвакуации миллионов людей население тыловых городов и сел значительно возросло. К концу 1942 года общая численность новоприбывших в Ивановскую область достигла 37 тыс. человек (из них 13.632 – ребенка) [2, Ф. П. 130, оп. 1, д. 49, л. 107–108]. Как следствие этого, на медиков городских больниц и поликлиник Ивановской области легла двойная и даже тройная нагрузка. Органам здравоохранения пришлось значительно увеличить совместительство. Начали проводить переподготовку врачей поликлиник по смежным специальностям. Однако нельзя полностью перекладывать всю вину на недостаток квалификации у врачей. Оставшиеся в области врачи делали всё возможное на тот момент для оказания помощи населению. Нередко причина была в отсутствии необходимой материально-технической базы.

Неизменным признаком крупномасштабных войн являются вспышки эпидемических болезней. В предотвращении этого в области дополнительно было развернуто 11 горздравотделов и 47 райздравотделов. Но даже, несмотря на наличие такой широкой сети лечебных профилактических учреждений, Ивановская область в санитарно-эпидемическом отношении находилась в числе неблагоприятных, наблюдался рост заболеваемости сыпным тифом, туберкулезом. Это было следствием проведения неграмотных противоэпидемических мер, немаловажным фактом была и полная санитарно-эпидемиологическая неграмотность населения.

Большое внимание органов здравоохранения было уделено проблеме переливания крови. Ивановская областная станция являлась одной из лучших в стране, дающих кровь фронту в консервированном виде. Не стоит забывать, что станция, а также местные пункты перели-

вания крови обслуживали большое количество госпиталей области. За короткий период времени была проведена большая работа по привлечению доноров (всего около 40 тысяч).

По истечении двух лет войны каких-то значительных изменений в системе здравоохранения Ивановской области не произошло. Большая часть ресурсов (кадры, оборудование, материально-техническая база) продолжала идти на нужды военного сектора. Ситуация в области была схожа с общим положением дел в стране.

Определенные изменения проявились уже ближе к концу 1943 года. Это было связано с постепенным отходом линии фронта на запад. Часть госпиталей (вместе с оборудованием и кадрами) эвакуировалась ближе к линии фронта, часть из них сворачивалась. Помещения, оборудование, а нередко и необходимые медицинские кадры, закреплялись за местными больницами и поликлиниками. Благодаря этому уже к ноябрю 1944 года количество койко-мест для гражданского населения приблизилось к довоенному уровню [2, Ф. П. 327, оп. 7, д. 935, л. 89], однако полностью довоенный уровень был достигнут лишь летом 1945 года.

Продолжала работу система переподготовки врачей и младшего медперсонала. На участковую службу приходилось ставить фельдшеров и медицинских сестер, в ряде поликлиник и больниц были закрыты приемы у специалистов (стоматологов, отоларингологов, офтальмологов и др.) Частым фактом было совмещение одним врачом разных специальностей. Органам здравоохранения пришлось значительно увеличить совместительство. Продолжали проводить переподготовку врачей поликлиник по смежным специальностям. Были введены специальные курсы переквалификации для врачей, а также работали курсы медсестер и фельдшеров, за годы войны, выпустившие более 1.500 медицинских работников. Однако ситуация с медицинскими кадрами продолжала остро стоять вплоть до окончания войны. Несмотря на то, что в городе продолжал действовать и исправно выпускать квалифицированных специалистов медицинский институт (всего за годы войны – 2.380 человек) [4, с. 58], врачей для качественного и своевременного обслуживания гражданского населения не хватало.

Остро в 1944–1945 годах продолжал стоять вопрос с эпидемиологической обстановкой в крае. Регулярно возникали очаги различных инфекционных заболеваний (сыпной тиф, дизентерия, туберкулез).

Подводя итоги работы гражданского сектора системы здравоохранения в военные годы можно констатировать, что Ивановская область, как и вся страна в целом, больше (и в качественном и в количественном подходе) внимания уделяла нуждам фронта. Отсюда вытекает причина всех перечисленных выше проблем: нехватка медицинских

кадров и качественного обслуживания, рост заболеваемости и смертности (особенно среди детей). Стоит отметить, что за годы войны на территории Ивановского края не было построено и открыто новых, соответствующих современной на тот момент медицине, зданий больниц и поликлиник. Тяжелая ситуация сохранялась на протяжении всей войны. Проблемы были практически во всех сферах гражданского здравоохранения области. Эпидемиологическая ситуация оставалась острой и взрывоопасной в течение всех четырех военных лет.

Оказание больничной и поликлинической помощи из-за объективных причин находилось на достаточно низком уровне, несмотря на усилия имеющихся в области специалистов. Новейшие методы лечения применялись в поликлиниках крайне редко из-за отсутствия квалифицированных медицинских кадров. Организация участковой работы также была неудовлетворительной. В первую очередь участковый врач был нацелен не на оказание помощи больному, а лишь на выявление больных, поэтому работа на дому с нуждающимися в медицинской помощи подменялась его участием в подворных обходах.

Проблемы были и в области педиатрии. Высокая детская смертность была характерна для всех лет войны.

Однако, объективно оценивая работу гражданского сектора системы здравоохранения Ивановской области в годы войны, можно констатировать, что, несмотря на наличие серьезных проблем, облздравотдел в целом справился с организацией медицинской помощи населению в военных условиях.

Библиографический список

1. Ивановская область за 50 лет: статистический справочник. Иваново, 1967.
2. Государственный архив Ивановской области.
3. Лукин В. А. Страницы истории Ивановского Государственного института им. А. С. Бубнова (1930–1965 гг.). Иваново, 1993.
4. Носова Е. А. Здравоохранение города Иваново в годы ВОВ // Советское здравоохранение. 1986. № 10.

Л. А. Труженикова,

профессор, Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА

В статье рассматривается демографическая ситуация в республике в 2000-е годы. Отмечается, что в указанный период Дагестан, несмотря на продолжающийся отток населения в другие регионы, сохранял положительное демографическое сальдо за счет естественного прироста населения.

Ключевые слова: Республика Дагестан, численность населения, демография, миграция.

L. A. Truzhenikova,

Professor, Dagestan State University (Makhachkala)

DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN DURING THE FIRST DECADE OF THE XXI CENTURY

Demographic situation in the republic in 2000s is considered. It is noted that in the stated period Dagestan, in spite of continued migration of the population, kept its positive balance due to natural growth of the population.

Key words: Republic of Dagestan, population, demography, migration.

Мероприятия, проводимые руководством страны и республики в начале 2000-х годов и направленные на стабилизацию экономической обстановки, привели в том числе и к улучшению демографической ситуации в регионе. С оживлением экономики Дагестана произошли позитивные изменения в жизни людей: увеличился рост реальных доходов населения, выросла покупательная способность граждан, стали стабильно перечисляться средства на выплату заработной платы, детских пособий, пособий на детей-сирот.

Вместе с тем в 2000-е годы Дагестан можно характеризовать с двух разных сторон. С одной стороны, формировалась единая рыночная экономика и культурная миросистема. Унифицируются не только мода на строительство супермаркетов, торговых рынков, домов и офисных зданий, евроремонт, приобретение иномарок и мобильных телефонов, но и правила общения и стиль поведения. Дагестанцы стали стараться жить по стандартам современного европейского мира. Они привязаны

не только к земле и аулу, где родились, но теперь уже более к экономическим, политическим или религиозным интересам и институтам. Иначе говоря, население активно дифференцировалось не только по этносу или социальному признаку, но и по типам интересов, коммуникаций, связям, взаимодействиям. Культурные предпочтения современных дагестанцев по большей части определялись элементами «западного» типа. С другой стороны, можно было наблюдать и обратные процессы, противоположные черты, происходящие внутри этой дифференции: возрождение традиционных, «фундаментальных» ценностей, рост фрагментарности общества, активную защиту религии, языка, истории, стремление к налаживанию клановых и личных «неформальных» отношений, а также снижение уровня доверия человека к человеку и основным политическим и социальным институтам [2].

Удельный вес занятого населения за 2000–2014 годы, в том числе и экономически активного, значительно возрос (на 5,4 %). В этот экономически неустойчивый период наблюдались как подъемы, так и спады. Спад доли занятого населения происходил в 2003 и 2008 году, также резкий спад произошел и в 2009 году [1, с. 97].

В 2000 году продолжился процесс миграционной убыли населения. Демографическая ситуация в республике характеризовалась дальнейшим снижением рождаемости, ростом смертности и сокращением продолжительности жизни населения. В то же время Дагестан продолжал оставаться одним из немногих субъектов России, где все же сохранялся естественный прирост населения. В результате численность населения республики за 2000 год увеличилась на 0,6 % [3, л. 7].

Численность постоянного населения республики на начало 2003 года составляла 2199,3 тысячи человек, из которых 875,7 тысяч проживало в городских районах, 1323,6 тысяч – в сельской местности. В 2002 году население республики увеличилось на 0,9 %. В Дагестане сохранялся естественный прирост населения – превышение рождаемости над смертностью. По сравнению с 2001 годом естественный прирост населения в 2002 году увеличился на 3,7 % и составил 11,1 новорожденных на 1000 человек.

В 2002 году, как и в предыдущем году, в республике наблюдалось отрицательное сальдо миграции, то есть количество граждан, выехавших из республики, превысило количество прибывших извне, которое составило 4603 человека и было на уровне 2001 года.

Население республики на начало января 2004 года составляло 2220,7 тысяч человек, из которых 885,5 тысяч человек проживали в городах и 1335,2 тысяч человек – в сельской местности. В 2003 году тен-

денция роста населения продолжалась, по сравнению с 2002 годом ее величина возросла на 1,0 %.

По данным переписи населения 2002 года, предоставленным в декабре 2003 года Комитетом Госстатистики РД, численность постоянного населения РД составила за 2002 год 2584,2 тысячи человек, в том числе 1108,1 тысяч человек – городское население, 1476,1 – сельское.

Демографические процессы в республике в 2003 году, как и в предыдущих годах, характеризовались сохранением естественного прироста населения. По состоянию на первое января 2004 года естественный прирост составил по оценке в расчете на 1000 человек населения – 11,7 промилле, или 100,9 % к аналогичному периоду 2003 года.

В республике в 2003 году, как и в 2002, наблюдалось отрицательное сальдо миграции, то есть число граждан, выехавших за пределы республики, превышало число прибывших извне [4, л. 32].

Численность постоянного населения республики на начало 2005 года, с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2002 года, составила 2621,7 тысяч человек, из которых 1119,9 тысяч человек проживали в городской местности и 1501,8 тысяч человек – в сельской. За 2004 год численность населения республики увеличилась, по оценке, на 19,7 тысяч человек. В общей численности населения республики по-прежнему преобладало сельское население, удельный вес которого составил 57,3 %.

В 2004 году, как и в предыдущие годы, продолжала сохраняться тенденция роста численности населения в основном за счет естественного прироста, перекрывающего миграционную убыль населения республики. Дагестан оставался одним из 16 субъектов России, где был зарегистрирован естественный прирост населения. В тоже время прирост населения был меньше по сравнению с его значением за 2003 год. По оценке Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РД коэффициент естественного прироста в расчете на 1000 человек населения за 2004 год незначительно сократился по сравнению с предыдущим годом и составил 9,6 промилле. В 2004 году, как и в 2003, в республике складывалось отрицательное сальдо миграции, то есть число граждан, выехавших за пределы республики, превышало число прибывших.

Для закрепления позитивных тенденций в республике в 2004 году была принята Программа экономического и социального развития РД на период до 2010 года, целью которой являлось снижение к 2010 году уровня бедности и безработицы, повышение реальных доходов населения, увеличение валового регионального продукта в 2,6 раза. Также был принят Закон Республики Дагестан «О Программе экономического и

социального развития Республики Дагестан на период до 2010 года». Статус закона должен был обеспечить достижение запланированных показателей [5, л. 40–41].

На начало января 2006 года численность постоянного населения республики оценивалась в 2642,8 тысяч человек. По сравнению с началом 2005 года рост составил 0,8 %. В общей численности населения республики, по-прежнему, преобладало сельское население, в основном за счет естественного прироста, перекрывающего миграционную убыль населения республики. По оценочным данным число родившихся в 2005 году составило 41661 человек. В республике число родившихся в 2,6 раза превышало количество зарегистрированных умерших. Естественный прирост в 2005 году составил, по оценочным данным, 26403 человека. Коэффициент естественного прироста составил, по оценке за 2005 год, 10 человек на одну тысячу населения.

По оценочным данным в 2005 году в республике наблюдалось отрицательное сальдо миграции, которое составило минус 5400 человек и уменьшилось по сравнению с 2004 годом на 869 человек [6, л. 25–26].

По оценкам Росстата на начало 2008 года постоянное население республики составляло 2686,6 тысяч человек. В общей численности населения республики, как и прежде, преобладало сельское население, доля которого составила 57,5 %.

В 2007 году, как и в предыдущие годы, в республике продолжала сохраняться тенденция роста населения в основном за счет естественного прироста, охватывающего отрицательное сальдо миграции. В 2007 году население республики увеличилось примерно на 28 тысяч человек. Темпы роста населения в 2007 году составили 0,7 %.

Меры, принятые Правительством РФ для улучшения демографической ситуации в стране, в частности: увеличение выплат, связанных с рождением ребенка, увеличение пособий по уходу за ребенком и единовременных выплат, оказали положительное влияние на ситуацию с рождаемостью в регионе. В 2007 году количество зарегистрированных рождений превысило уровень 2006 года на 4212 человек. Коэффициент рождаемости на 1000 человек населения по сравнению с 2006 годом увеличился на 9,8 %.

Также в республике сохранялась положительная динамика превышения рождаемости над смертностью, иными словами депопуляционные процессы республику не затронули. Так, в 2007 году число рождений превышало количество смертей в 2,9 раза. В результате в 2007 году естественный прирост на 1000 человек населения увеличился на 18,3 %.

В республике продолжало иметь место отрицательное сальдо миграции. Число граждан, покинувших республику, превышало число

мигрантов, прибывших в регион, хотя по сравнению с 2006 годом произошло все же значительное снижение потерь населения в результате миграции. Таким образом, в 2007 году миграционный отток населения составлял 1227 человек, уменьшившись в 5,8 раза по сравнению с 2006 годом. Анализ миграционных потоков демонстрирует, что, как и прежде, существовал положительный миграционный баланс в миграционных обменах со странами СНГ и отрицательный с краями и регионами Российской Федерации [7, л. 30–31].

В 2008 году был принят Закон РД «Об утверждении Программы по улучшению демографической ситуации в Республике Дагестан до 2015 года». Закон предусматривал создание благоприятных условий для дальнейшего улучшения качества жизни и здравоохранения населения, увеличения рождаемости, снижения смертности, особенно детей грудного возраста.

На начало 2009 года постоянное население республики оценивалось в 27 13,4 тысячи человек, увеличившись на 25,6 тысячи человек в год. Темпы роста населения в 2008 году составили 1 %. В общей численности населения республики сельские жители по-прежнему преобладали, их доля составила 57,6 % в общем числе населения республики.

В 2008 году, как и в предыдущие годы, численность населения продолжала расти в основном за счет естественного прироста, что покрывало отрицательное сальдо миграции. По сравнению с предыдущим годом естественный прирост населения увеличился за 2008 год на 15,7 %, что обусловлено было значительным ростом рождаемости. В расчете на 1000 человек населения коэффициент естественного прироста населения увеличился и составил 12,9 промилле [8, л. 14].

Таким образом, демографическая ситуация в республике имела положительную динамику. Традиционно Дагестан сохранял положительное демографическое сальдо. Предпринимаемые руководством страны меры по поддержке семьи еще больше укрепили динамику роста позитивных тенденций в демографии республики.

Сегодня Дагестан имеет широкие перспективы для развитой экономики, благоприятную географическую позицию, обладает богатыми природными ресурсами. Республика имеет широкий транзитный и экспортный потенциал. Также на территории республики много минеральных вод, очень красивая и разнообразная природа, которая должна способствовать развитию туризма. Регион имеет огромный потенциал для развития сельскохозяйственного производства; республика богата запасами драгоценных металлов и месторождениями нефти и газа. Богатейший потенциал Дагестана должен способствовать стабильному и успешному развитию социального положения населения многонациональной республики.

Библиографический список

1. Бризгалова А. С. Стратегическое исследование занятости населения Российской Федерации // Вопросы экономики и управления. 2016. № 3.1 (5.1). С. 96–101. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/th/5/archive/31/972/> (дата обращения: 26.12.2020).

2. Магомедов А. Меняются ценности – меняется Дагестан, или 10 тезисов из авторских книг // Дагестанская правда. 2010. 8 октября.

3. Центральный Государственный Архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 1620-р. Оп. 2. Д. 97.

4. ЦГА РД. Д. 148.

5. ЦГА РД. Д. 166.

6. ЦГА РД. Д. 182.

7. ЦГА РД. Д. 241.

8. ЦГА РД. Д. 271.

УДК 94 (470.67): 321.019.5

Д. В. Тумаков,

старший преподаватель, Ярославский государственный
медицинский университет

ДАГЕСТАНСКАЯ КАМПАНИЯ 1999 ГОДА В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ ЛЕВЫХ ПАРТИЙ

Анализируются оценки руководством КПРФ и НПСР военных действий 1999 года в Дагестане. Используются типичные публикации, опубликованные в левой прессе. Сделан вывод о двойственности позиции российских левых партий в дагестанском кризисе.

Ключевые слова: Дагестан, военные действия, Россия, КПРФ, НПСР, исламские радикалы, пресса.

D. V. Tumakov,

Senior Teacher, Yaroslavl State Medical University

DAGESTAN'S CAMPAIGN 1999 IN ASSESSMENTS OF RUSSIAN LEFT-WING PARTIES

Assessments by the leadership of the Communist Party and the 1999 NPC of military operations in Dagestan are being analysed. Typical publications published in the left press are used. It is concluded that the position of the Russian left-wing parties in the Dagestan crisis is ambivalent.

Key words: Dagestan, military actions, Russia, the Communist Party of Russian Federation, the NPSR, Islamic radicals, the press.

Военные действия в Дагестане в августе–сентябре 1999 года можно считать настоящим водоразделом в политике федерального Центра на Северном Кавказе. В отличие от непопулярной чеченской войны 1994–1996 гг., действия Кремля по подавлению исламистского мятежа в Дагестане поддержали практически все политические партии, включая и традиционно находившиеся в оппозиции левые силы. Председатель Центрального комитета Коммунистической партии Российской Федерации (ЦК КПРФ) Г. А. Зюганов призвал власти подавить мятеж в ближайшие 3–4 дня и не допустить дальнейшего разрастания масштабов военных действий в Дагестане [5]. После начала терактов в Москве и других российских городах председатель ЦК КПРФ на встрече с главой правительства В. В. Путиным пообещал «полную поддержку» всем инициативам власти по урегулированию конфликтов на Северном Кавказе [10]. В целом сохранение территориальной целостности Российского государства партия полагала своей стратегической целью [17, д. 84, л. 2]. В соответствующем ключе о дагестанской кампании писала и левая печать, сравнивавшая воевавших против официальных властей в Махачкале местных исламистов с коллаборационистами эпохи Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., а иностранных боевиков именовавшая «отбросами общества в своих странах» [8].

Но поддержка действий Кремля на Кавказе со стороны левых всё же не была абсолютной. Уже во время думского заседания 16 августа Г. А. Зюганов бросил и. о. премьер-министра В. В. Путину упрек в том, что российские спецслужбы не предприняли своевременных мер по отражению вторжения боевиков в Дагестан, хотя располагали соответствующей информацией [5]. В сентябре похожее обвинение в адрес властей и спецслужб на пресс-конференции выдвинул уже председатель Государственной Думы, член фракции КПРФ Г. Н. Селезнёв, заявивший, что «боевики вошли на территорию Дагестана как нож в масло» [3]. Близкий союзник коммунистов, руководитель аграрной депутатской группы Госдумы Н. М. Харитонов задавался риторическими вопросами о том, почему в условиях возобновившейся войны на Северном Кавказе молчит глава государства [16].

Альтернативная точка зрения на дагестанские события со стороны оппозиции не исчерпывалась банальной критикой в Думе. Вскоре после вторжения из Чечни в Новолакский район Дагестана и первых терактов председатель ЦК КПРФ Г. А. Зюганов на пресс-конференции назвал главной причиной такого поворота событий «сплошное разгильдяйство президента и всех его управленческих структур», потребовав срочного созыва Совета Федерации [2]. На аналогичном мероприятии в Госдуме 14 сентября лидер коммунистов уже высказался более опреде-

лённо. К причинам очередной трагедии, постигшей Россию, он отнёс не только неэффективную работу всех её властных структур, или масштабные социально-экономические проблемы всей страны и особенно Северного Кавказа, но и «партию предательства, которая сидит и в Кремле, и на Кавказе». Для победы над терроризмом, считал он, властям нужно было в первую очередь постараться ликвидировать все названные причины, а также радикально изменить избранный социально-экономический курс. Кроме того лидер крупнейшей думской фракции вновь предлагал немедленно созвать Совет Федерации, повысить эффективность работы всех государственных институтов, запретить Президенту РФ Б. Н. Ельцину частые смены кабинета министров, вернуть на работу Генерального прокурора Ю. И. Скуратова, а также восстановить право нижней палаты парламента создавать комиссии и заслушивать любое должностное лицо. Для этого требовалось внесение поправок в Конституцию о расширении функций обеих палат парламента и праве прокуратуры на законодательную инициативу [4]. Фактически Г. А. Зюганов настаивал на немедленном серьёзном перераспределении полномочий законодательной и исполнительной власти в России.

Приводя в качестве успешного примера борьбы с терроризмом действия президента Франции Ш. де Голля против ОАС в 1960-е гг., лидер КПРФ резко отверг выдвигающуюся Б. Н. Ельциным идею «единства общества и власти». По его мнению, союз НПСР с правыми и центристскими политиками был невозможен. Всех их Г. А. Зюганов назвал фактическими пособниками террористов, а лидеров исламских радикалов Северного Кавказа охарактеризовал как «верных друзей и слуг» российского правительства [4]. Вслед за ним и левая печать также активно отстаивала тезис о вероятном «предательстве верхов» как главной причине начавшейся войны в Дагестане и первоначальных неудач федерального Центра в её ходе. Коммунисты и их младшие партнёры по Народно-патриотическому союзу России (НПСР) регулярно выражали серьёзные сомнения в способности и желании официальных властей России противостоять исламистам на Северном Кавказе. Поводом к этому стали частые уступки федерального Центра при проведении политики в регионе в 1990-е гг. Во время операции в Ботлихском районе старейший журналист газеты «Правда» Н. М. Кожанов с горькой иронией писал, что, будучи коммунистом по политическим убеждениям, он «не очень в ладах с верой», но при этом вынужден обратиться к Богу с просьбой о защите военнослужащих федеральных сил не только от пуля противника, но и от «непредсказуемости» Кремля [6].

Левые СМИ утверждали о тайном сговоре между российским и чеченским руководством. Журналист А. Русланов во время дагестан-

ской кампании писал, что Кремль и непризнанная Ичкерия в действительности являются союзниками, которые сначала вступили в сговор для уничтожения «государственников-чеченцев» в лице антидаудаевской оппозиции, а потом решили повторить тот же сценарий в соседней республике. Цель такого сговора не называлась. Поражение Центра в ходе чеченской войны 1994–1996 гг. он объяснял исключительно предательством сражавшейся армии со стороны политического руководства страны и призывал народных ополченцев Дагестана помнить об этом печальном опыте и не доверять российской верховной власти [12].

К пресловутым «верхам» левая периодическая печать накануне думских выборов относилась не только главу государства, но и правые политические партии, имевшие репутацию твёрдых антикоммунистов, а также крупный бизнес. В частности, причинами победы чеченских сепаратистов в войне против России в 1994–1996 гг. газета «Советская Россия» привычно объявляла финансовую помощь Чечне от стран Запада и «антироссийских олигархов в России и из-за океана». Между тем представители федерального военного командования признавали отсутствие у них подобной информации [1]. По мнению обозревателя «Советской России» В. С. Сафрончука, российские либералы «подтолкнули Хаттаба-Басаева на дагестанскую авантюру», а СМИ оказали им при этом информационную поддержку [8]. Никаких доказательств для столь громких обвинений левая печать вновь не приводила, предпочитая сравнивать мужественное поведение дагестанского народного ополчения и подвиги бойцов Красной Армии в период Великой Отечественной войны, характеризовать иностранцев в рядах исламистов как обычных бандитов или наёмных убийц или призывать власти не повторять прежних ошибок. К числу последних коммунисты и их союзники относили Хасавюртовские соглашения 1996 года или переговоры министра внутренних дел России С. В. Степашина с кадарскими салафитами в 1998 году [8]. В этом отношении тональность левой прессы практически не отличалась от правительственного официоза.

Левые неизменно видели урегулирование любых проблем Северного Кавказа в восстановлении в стране Советской власти. Уже 15 августа 1999 года председатель ЦК КПРФ Г. А. Зюганов подписал постановление XIV пленума партии «О ситуации в связи с отставкой Правительства Российской Федерации», в котором был сделан вывод о необходимости создания «сильного и ответственного Правительства» в стране, под которым явно имелось в виду правительство коммунистов и их союзников [17, д. 95, л. 13]. Левые силы также настаивали на существенной корректировке национальной политики [11]. Бывший дипломат В. С. Сафрончук полагал главной причиной трагического развития

событий на Северном Кавказе отказ Москвы от национальной политики первых лет Советской власти. По его мнению, «народы Северного Кавказа жили в мире и дружбе», а войны в регионе возникли лишь после ликвидации в 1991 году «народной власти», поскольку с Запада проник «вирус буржуазного национализма» [14]. Для кардинального улучшения ситуации на Кавказе требовалась победа кандидатов от коммунистов на парламентских и президентских выборах 1999–2000 гг., к этой мысли и подводил обозреватель «Советской России» читателей и подписчиков данной газеты. При этом левые публицисты не упоминали ни о многочисленных антисоветских восстаниях на Кавказе в 1920–1930-е гг., ни о массовом повстанческом движении в Чечено-Ингушетии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., ни о сталинской ссылке ряда народов региона в те годы, ни о последующих волнениях в ряде кавказских республик в годы позднего социализма.

Не называя негативных причин, порождённых именно в советскую эпоху, российские левые привычно обвиняли страны НАТО и арабского мира в кризисе на Кавказе в 1990-е гг. Главной целью активности этих государств в регионе коммунисты полагали их стремление получить доступ к нефтяным шельфам Каспийского моря [13]. В силу этого было логично, что обозреватель «Советской России» усомнился в действенности помощи России со стороны США, полагая всех зарубежных исламистов их креатурой. Исключение не делалось даже для лидера международной террористической сети «Аль-Каида» У. бен Ладена [15]. Прямые обвинения в адрес США, Турции и Израиля в том, что они были заинтересованы в уходе России с Кавказа, а потому разжигали там войну, высказала газета «Правда» [7]. Позднее центральный печатный орган официальной Махачкалы газета «Дагестанская правда» даже утверждала, что в ходе боёв в республике «было остановлено геополитическое отступление России под давлением НАТО и его сателлитов в арабском мире» [9, с. 79], то есть успех официальных властей в борьбе с местными радикалами приравнялся к военной победе страны над внешним противником.

Таким образом, КПРФ и её младшие партнёры по НПСР занимали двойственную позицию в дагестанском вопросе. С одной стороны, левая оппозиция однозначно поддерживала силовое подавление мятежников и позиционировала себя как союзник федеральных сил в парламенте. С другой стороны, в преддверии выборов в Государственную Думу РФ коммунисты активно стремились использовать новую войну на Северном Кавказе для собственной пропаганды. В силу этого в публикациях «Советской России» или «Правды» можно встретить немало упоминаний предстоящей избирательной кампании. Соответствующими

были и объяснения войны в Дагестане этими печатными изданиями, сводившиеся к традиционной критике Кремля или поискам зарубежных корней исламистского мятежа.

Библиографический список

1. Белоклокова М., Чуйков А. Среди чеченских спонсоров олигархи не значатся // Известия. 2002. 26 января.
2. Дидык С. Геннадий Зюганов: «Пора прервать разгильдяйство высшей исполнительной власти» // Правда. 1999. 9 сентября.
3. Заявление Г. Селезнёва // Российская газета. 1999. 8 сентября.
4. Зюганов Г. Где искать корни терроризма // Советская Россия. 1999. 18 сентября.
5. Зюганов Г. У вас есть выбор – быть государственным или надсмотрщиком // Парламентская газета. 1999. 18 августа.
6. Кожанов Н. В полдненный жар в долине Дагестана... // Правда. 1999. 24–25 августа.
7. Коркмазова Л. Провокаторы заводят воинственные танцы. Разрыв Кавказа с Россией чреват национальной трагедией // Правда. 1999. 20–23 августа.
8. Мурклинская Г. Коридор в беспредел // Советская Россия. 1999. 9 сентября.
9. Малащенко А. В., Тренин Д. А. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М., 2002. 267 с.
10. Озерова М. Войска просят подкрепления // Московский комсомолец. 1999. 9 сентября.
11. После моей победы // Советская Россия. 1999. 30 сентября.
12. Русланов А. Кто заказал войну в Чечне. Надо ли начальнику Генштаба командовать ротой? // Правда. 1999. 12 августа.
13. Сафрончук В. Ярмарка тщеславия экс-премьеров // Советская Россия. 1999. 17 августа.
14. Сафрончук В. Пролог к распаду // Советская Россия. 1999. 7 сентября.
15. Сафрончук В. Вирус, родивший «гадину» // Советская Россия. 1999. 21 сентября.
16. Харитонов Н. Сейчас кого-то разыгрывают в рулетку // Парламентская газета. 1999. 18 августа.
17. Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 84, 95.

Д. А. Утешева,

архивист I категории отдела публикации и использования документов,
Государственный архив Ивановской области

ЛЕОНИД ПЕТРОВИЧ ШУЙСКИЙ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ УЧЕНОГО-СЕЛЕКЦИОНЕРА

В статье излагаются основные события творческой и научной жизни выдающегося ивановского ученого-селекционера Леонида Петровича Шуйского. Указывается сфера его научной деятельности, основные достижения на этом поприще. Ставится вопрос о причинах невостребованности труда ученого с конца 1930-х гг.

Ключевые слова: сельское хозяйство, селекция, акклиматизация, Л. П. Шуйский.

D. A. Utesheva,

Archivist of the 1st category of the Department of Publication and Use of Documents,
State Archives of the Ivanovo Region

LEONID PETROVICH SHUISKY: TOUCHES TO THE PORTRAIT OF THE SCIENTIST-BREEDER

The article deals with main events of creative and scientific life of the outstanding Ivanovo scientist-selector Leonid Petrovich Shuisky. The sphere of its scientific activity, the main achievements in this field is specified. It is asked about the reasons of not demand of work of the scientist since the end of the 1930s.

Key words: agriculture, selection, acclimatization, L. P. Shuisky.

Проблема рационализации ведения сельскохозяйственной деятельности в регионах с неблагоприятными климатическими условиями являлась одной из центральных в отечественной агрономии и иных сельскохозяйственных дисциплинах. Значительных успехов, как практических, так и теоретических, достиг в этой области известный ученый-селекционер ивановского края – Леонид Петрович Шуйский. Однако, его жизненный и научно-исследовательский путь был нелегок, а многие его разработки так и остались на бумаге. Л. П. Шуйский – человек, который всецело посвятил себя одной цели – сделать Ивановскую область передовой как в сельском хозяйстве, так и в сельскохозяйственной науке, но еще при жизни был забыт земляками.

В биографии Л. П. Шуйского много интересных страниц. Так, например, тайна его рождения по-прежнему остается скрытой от исследователей. Фамилию «Шуйский» он взял в 1924 году, а до этого был известен как «Зефиров». Леонид Петрович был приемным сыном надворного советника П. Я. Зефирова, согласно документам – родился он 7 августа 1893 года в Шуе. Установить доподлинно родство Л. П. Шуйского не представляется возможным. Среди всех многочисленных метрических книг церквей Шуи за данный год имеется лишь одна приемлемо вписывающаяся в историю запись – рождение 7 августа 1893 г. незаконнорожденного сына Леонида у Анны Александровны Белянкиной, дочери коллежского регистратора. Утверждать, что это тот самый Леонид – невозможно.

В выписке из народного суда о смене фамилии Леонидом Петровичем лишь упомянуто, что – «он состоял на советской службе, ни разу не подвергался наказаниям и что перемена фамилии не может повлечь каких-либо последствий общественно-опасных», а перемена фамилии обуславливается исключительно желанием сменить фамилию приемного отца.

Л. П. Шуйский окончил Шуйскую мужскую гимназию, после поступил в Государственный Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета, прошел службу в Красной Армии в 1918–1919 гг., а затем направлен в Петровскую (Тимирязевскую) сельскохозяйственную академию. После обучения Леонид Петрович стал работать в Ивановском сельскохозяйственном институте, периодически занимал разные мелкие должности в ряде учреждений Иваново и Ивановской области.

Но независимо от множества побочных должностей, свою основную работу Леонид Петрович всегда отождествлял с опытным полем новых культур, которое ему удалось добиться организовать в 1930 году на площади около 100 га у деревни Коляново в Ивановском районе. С 1930 года он работал там в качестве научного руководителя и директора, а с 1939 по март 1941 г. старшим научным сотрудником.

Для организации учреждения на пустом и заболоченном участке были приложены значительные усилия. Так работники возвели жилые и хозяйственные постройки, были выстроены теплицы, парниковое хозяйство, заложен помологический сад с селекционным участком на площади 25 га, питомник плодовых деревьев на 20 га, организован отдел кормовых культур.

Основной интерес Л. П. Шуйского был направлен в сторону гречихи. В 1936 г. он дважды вызывался в ЦК ВКП(б), где принимал участие в редактировании проекта постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР по гречихе. Также в сфере его интересов была работа по

селекции сахарной свеклы, многолетнего льна и каучуконосов. Параллельно ученый работал над лекарственными растениями, произрастающими на территории Ивановской области, новыми для Ивановской области плодово-ягодными культурами, цитрусовыми. Для выращивания таких растений селекционер уделял максимальное внимание разработке методов повышения морозостойкости растений. В видении Леонида Петровича, путем упорной работы и знания своего дела, на территории Ивановской области можно было выращивать практически любые растения – от грецкого ореха и японской айвы до абрикосов и инжира. Так, ученым многократно в различных работах упоминается выведенный им морозостойкий сорт винограда, который не требует никаких укрытий на зиму и дает хороший урожай.

Также ученый многократно повторял, что «Ивановская область – льняная область», именно поэтому иметь многолетний лен было бы большим достижением для области. В своих работах он показывал возможность получения из отдельных отобранных селекционных форм многолетнего льна – волокна и семян.

Помимо этого, были попытки вводить в полевые севообороты колхозов сою и фасоль. И хотя такие сорта для нашей области Леонидом Петровичем были выведены, а также разработана агротехника, но руководством данные предложения каждый раз отвергались с формулировкой: «Нашему человеку чужда фасоль». И сколько бы не говорил селекционер о том, что за соей будущее – его мнение оставалось неиспользованным.

Исследовательская работа, однако, была не долгой. Уже осенью 1938 года у Л. П. Шуйского отбирают земельный участок на Негорелой улице (ныне ул. Советская), где он занимался научной работой по натурализации и акклиматизации растений с 1927 года. Все это, по мнению ученого, не только перечеркивало его кропотливые изыскания, но и имело тяжелые хозяйственные последствия. Так, в одной из своих многочисленных докладных Л. П. Шуйский отмечал: «За год простаивания участка, все заборы и инвентарь были растасканы, растения вытоптаны или проданы. Вся работа по плодоносным деревьям (до закрытия был урожай крупных ягод черешни 32 кг. с дерева), по цитрусовым и в принципе по редким для нашей области растениям была уничтожена по неизвестной мне причине».

В 1940 году областные организации решают ликвидировать и опытное поле. Научных сотрудников поля распускают, все селекционные семена на грузовиках были вывезены на областную опытную станцию земледелия (в последствии они были съедены мышами или погибли от сырости), все тепличные растения или были проданы на базаре, или вывезены на областную станцию земледелия, плодовые деревья из

помологического сада распродавались, а более взрослые – выкорчевывались. Обширный питомник многолетнего льна и все лекарственные культуры были запаханы. Такой же участи подвергся питомник кормовых культур и селекционный питомник каучуконосов.

От всей многолетней работы остались только научные отчеты, да некоторые тетради со списками имевшихся на опытном поле растений. Как позже писал Леонид Петрович: «Вся моя работа была разрушена и лучшие годы моей жизни пропали безвозвратно». Единственное, что смог сохранить ученый, это небольшую часть семян, которые ему было разрешено взять. Однако, и этих образцов семян набралось несколько сот килограмм, которые лежали «мертвым кладом» в квартире Шуйского.

В документах ГАИО сохранилась справка о содержании Леонида Петровича под стражей во внутренней тюрьме УНКВД с 4 ноября по 13 декабря 1941 года, а также опись его скудного имущества – личная библиотека по сельскохозяйственным культурам и смежным дисциплинам, полное собрание сочинений В. И. Ленина, собрание сочинений К. Маркса в 3-х томах, образцы семян, два письменных старых стола, один старый диван, одна кровать с изношенным пружинным матрасом, один книжный шкаф, два примуса (один из которых неисправен). Установить точную причину задержания по документам Л. П. Шуйского не удалось. Ни в одном из своих писем или записок, ученый не упоминает о данном инциденте.

После ликвидации поля новых культур в личном пользовании ученого остался только участок земли в Иваново площадью 1000 кв. м. (современный дендрарий на ул. Пушкина), где он продолжал вести свою научную работу. С конца 1940-х гг. Л. П. Шуйского определяют на работу в помощь областной станции юных натуралистов в должности заведующего учебно-опытным участком станции, также параллельно он работал при кафедре сельскохозяйственного института.

На протяжении всего времени Леонид Петрович продолжал с неистовой страстью и упорством продвигать в массы идею о больших перспективах нашей области: «У нас имеются все возможности. Нужны только контроль за работой, целеустремленность и быстрота выполнения». Любовь к родному городу проявлялась в простых мелочах – беспокойство о том, что в области высажено мало медоносных растений, отчего пчеловодство страдает; кардинально неправильная стрижка деревьев, когда они остригаются почти наголо; неумелый выбор декоративных растений для озеленения города и такой же неумелый уход за ними; отсутствие традиции и минимального желания развития огородной культуры: «Бюрократизм, косность, невежество – вот наши злейшие враги в области плодоводства».

На протяжении всей научной работы, Леонид Петрович вел обширную переписку с другими учеными-селекционерами (сохранилась его переписка с Н. И. Вавиловым, Т. Д. Лысенко, Н. В. Цициным, И. П. Ковтуненко и др.), но также получал огромное количество корреспонденции и от незнакомых ему людей: «Одно меня радует – я получаю много писем со всего Советского Союза. Пишут учителя, агрономы, инженеры, научные работники, колхозники, юннаты. И среди всяких просьб о высылке семян и растений много теплых искренних слов обо мне и моих работах», – чаще обычного просили прислать японскую айву, виноград, цитрусовые и кустовые розы – кто наложенным платежом, а кто и бесплатно. «Отрадно еще то, что все научные учреждения, куда я обращаюсь время от времени, не отказывают мне в нужных семенах и растениях. Только со стороны ивановцев я встречаю полное равнодушие».

С подачи многочисленных ходатайств, в 1954 г. Леониду Петровичу решением Ивановского исполкома назначают персональную пенсию местного значения, которая же и сыграет не последнюю роль в последующем увольнении из института. Так в 1957 году Л. П. Шуйский назначен старшим научным сотрудником и заведующим опытным участком по акклиматизации растений, а уже в 1960 году разразилась целая история о его противостоянии с новым директором сельскохозяйственного института.

«На станции мало людей, которые по призванию были бы исследователями. В основном – это люди, которые по ряду причин осели на станции. Друг за друга они стоят горой. Некоторым из них ничего не стоит лгать, выдумывать всякие небылицы, чтобы очернить неугодного им человека. По-видимому, руководство станции больше прислушивается к голосу этих людей, т. к. и на станции подхалимаж занимает не последнее место», – Леонид Петрович где-то в резких, но оттого и более болезненных для него, выражениях сокрушается на сложившуюся неприятную ситуацию в его окружении. «Говорят, что я неуживчив, что у меня плохой характер. У меня же разрушили всю мою научную работу, образовали вокруг моих работ заговор молчания, всячески надо мной издеваются и они же имеют смелость обвинять меня в плохом характере!», – реакция ученого на увольнение его с кафедры, а в последствии и учебно-опытного участка.

В конце жизни, оставаясь лишь консультантом при станции юных натуралистов, Леонид Петрович тем не менее продолжал свою работу. И хотя в адрес ученого было написано множество ходатайств, докладных, статей и простых писем – все как один просили должной поддержки, – руководители института, города, области и страны оставили все эти просьбы без внимания, а труды Л. П. Шуйского практически никак не использовались в практическом сельском хозяйстве.

Таким образом, научная и хозяйственная деятельность выдающегося ивановского селекционера фактически была забыта, осталась невостребованной в условиях тотального контроля партийной бюрократии и научного догматизма, который был неприемлем для ученого. Умирал Леонид Петрович мучительно от рака легких в первой городской больнице Иваново. Ему было только шестьдесят семь лет, когда 4 мая 1961 года прогрессирующая болезнь забрала его. Но еще задолго до смерти им уже были сказаны пророческие слова: «Работать на полную мощность своих сил мне негде. Так можно легко все свои знания и опыт унести в могилу».

Список источников

1. ГАИО. Ф. Р-935. Оп. 1. Д. 93.
2. ГАИО. Ф. Р-935. Оп. 1. Д. 97.
3. ГАИО. Ф. Р-935. Оп. 1. Д. 290.
4. ГАИО. Ф. Р-935. Оп. 1. Д. 333.
5. ГАИО. Ф. Р-935. Оп. 1. Д. 462.
6. ГАИО. Ф. Р-935. Оп. 1. Д. 469.
7. ГАИО. Ф. Р-935. Оп. 1. Д. 475.
8. ГАИО. Ф. Р-935. Оп. 1. Д. 477.
9. ГАИО. Ф. Р-935. Оп. 1. Д. 480.
10. ГАИО. Ф. Р-935. Оп. 1. Д. 481.

УДК 930

И. Н. Федотова,

доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

В. А. Запольский,

студент пятого курса, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

РОЛЬ ГУЛАГА В СОЗДАНИИ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ СССР в 1941–1945 гг.

В статье освещается становление объектов топливно-энергетического комплекса, подведомственных НКВД СССР, на Крайнем Севере в годы Великой Отечественной войны. Авторами показана ведущая роль принудительного труда в освоении угольных и нефтегазовых месторождений этого региона.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Советский Союз, ГУЛАГ, Крайний Север, топливная промышленность, заключенные, принудительный труд.

I. N. Fedotova,

Associate Professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service

V. A. Zapolsky,

Fifth-year student, Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service

THE ROLE OF THE GULAG IN THE CREATING OF THE FUELAND ENERGY COMPLEX IN THE FAR NORTH OF THE SOVIET UNION IN 1941–1945

This paper is devoted to the creating of the fuel industry projects, subordinated to the People's Commissariat for Interior Affairs of the USSR, in the Far North of the Soviet Union in the years of the Great Patriotic War. The authors show the leading role of the forced labour in the mining of the coal, oil and gas deposits discovered in this region.

Key words: the Great Patriotic War, the Soviet Union, the GULAG, the Far North, fuel industry, convicts, forced labour.

Топливо-энергетический комплекс на Крайнем Севере Европейской России, условно именуемый «Северная топливная база», включает в себя угольные и нефтяные месторождения Республики Коми и Заполярья. Эта производственная база создавалась под руководством ГУЛАГа НКВД СССР в 1930–1940-е гг. и сыграла огромную роль в обеспечении жизнеспособности советской экономики на этапе Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Актуальность избранной темы определяется тем, что вплоть до настоящего момента вклад заключенных в промышленное освоение Европейского Севера не получил всестороннего освещения в научной литературе.

Цель работы состоит в том, чтобы показать значение принудительного труда в становлении угольной и нефтегазовой промышленности на Крайнем Севере в 1941–1945 гг. Для достижения поставленной цели следует выполнить несколько задач: во-первых, выяснить, что представляли собой накануне войны объекты топливно-энергетического комплекса, подведомственные НКВД СССР, в Коми АССР и Ненецком национальном округе, во-вторых, проанализировать их производственную деятельность в условиях войны и, в-третьих, охарактеризовать трудовые ресурсы этих предприятий применительно к военному времени.

Использованные в работе источники можно разделить на две группы. Первую группу образуют нормативные акты, в частности, постановления правительства, приказы НКВД СССР, директивы и инструкции начальника ГУЛАГа. Во вторую группу входит делопроизводственная документация, такая как отчеты НКВД по итогам выполнения народнохозяйственных планов и статистический материал.

Формирование топливно-энергетического комплекса на Крайнем Севере началось задолго до Великой Отечественной войны. В 1929 г. коллегия ОГПУ приняла решение об освоении северных месторождений силами заключенных. К тому моменту в распоряжении властей уже имелись подневольные трудовые ресурсы, которые можно было использовать при проведении геологоразведочных работ. Как известно, в конце 1920-х гг. в Советском Союзе состоялось несколько политических процессов, имевших целью представить неудачи в развитии народного хозяйства как результат вредительской деятельности т.н. «буржуазных специалистов».

В августе 1929 г. на берегу реки Ухты была заложена база экспедиции ОГПУ (лагерный пункт). В числе прибывших туда заключенных насчитывались десятки высококвалифицированных специалистов: геологов, горняков, геохимиков, нефтяников и др. Таким образом, разработка Северной топливной базы, как и многие другие проекты эпохи индустриализации, осуществлялась способом, традиционным для тоталитарного государства, – за счет создания концлагерей, поставлявших подневольную рабочую силу и эксплуатировавших человеческий интеллект [6, 7].

Освоение энергетических ресурсов Крайнего Севера представляло исключительную сложность. Во-первых, этот регион отличается экстремальными климатическими условиями. Во-вторых, к тому времени Печорский край был крайне мало заселен и практически не развит в промышленном отношении. Иными словами, лагеря приходилось основывать в совершенно необжитых районах – на бескрайних пространствах заполярной тундры.

К середине 1930-х гг. в Ухто-Печорском районе уже было известно и нанесено на карту большое количество крупных месторождений нефти и угля. Образовались четыре самостоятельных исправительно-трудовых лагеря, каждый из которых имел свою производственную функцию:

- Воркуто-Печорский (добыча угля),
- Ухто-Ижемский (добыча нефти, газа и радия),
- Северный железнодорожный (строительство железнодорожной магистрали),
- Усть-Вымский (проведение лесозаготовок).

На рубеже 1930–1940-х гг. правительство стало обращать первостепенное внимание на развитие топливной промышленности Крайнего Севера. Этот факт следует рассматривать в связи с непростой ситуацией на международной арене. Начавшаяся в 1939 г. вторая мировая война подталкивала руководство страны к поиску экономических решений,

ориентированных на вероятную военную перспективу. Как показало дальнейшее развитие событий, расчет, связанный со строительством Северной топливной базы, полностью оправдался. В течение 1941 г. гитлеровцы захватили практически всю территорию Донецкого угольного бассейна, а в 1942 г., выйдя в большую излучину Дона, создали прямую угрозу для нефтяных промыслов Чечни и Азербайджана. В сложившихся условиях уголь Воркуты и нефть Ухты приобрели для советского народного хозяйства значение, которое невозможно переоценить.

Уже в первые недели войны стройки Крайнего Севера были включены в перечень промышленных объектов НКВД СССР, игравших важнейшую стратегическую роль [1, с. 783–785]. Для лагерей Печорского края были установлены фантастические по уровню сложности плановые задания, которые предполагали строительство в сжатые сроки и крупных производственных мощностей по добыче топлива, и перерабатывающих предприятий. Масштабы добычи печорского угля росли непрерывно и очень высокими темпами. Например, если показатели 1940 г. (280 тыс. т) принять за 100 %, то 1941 г. дал 118 % (330 тыс. т), 1942 г. – 271 % (759 тыс. т), 1943 г. – 603 % (1 млн 688 тыс. т), 1944 г. – 871 % (2 млн 439 тыс. т), 1945 г. – 1110 % (3 млн 108 тыс. т) [5, 7].

С зимы 1941–1942 гг. воркутинский уголь систематически поступал по ледовой трассе в Ленинград. А после прорыва блокады Ленинграда в 1943 г. в город было доставлено 250 тыс. т угля. Уже в 1944 г. удельный вес печорского угля в топливном балансе Ленинграда составлял 60 %, а позднее поднялся до 70 % [2, с. 37].

В общей сложности за 1941–1945 гг. на Воркутинском месторождении было добыто 7 млн 749 тыс. т высококачественного угля, еще свыше 700 тыс. т угля дало Интинское месторождение. Это более чем в 8 раз превышало добычу бассейна за 9 предыдущих лет. Производственная мощность шахт возросла почти в 10 раз. Таким образом, Воркута относится к числу самых грандиозных строек периода Великой Отечественной войны [2, с. 59].

Как уже отмечалось, приоритетным направлением в развитии Северной топливной базы было создание транспортной инфраструктуры. Уже в первые месяцы войны ускорились темпы строительства железнодорожной магистрали, которая должна была соединить Воркуту с центральными районами Европейской части страны. Дорогу приходилось возводить в условиях острой нехватки техники. Основными орудиями труда были тачка, лопата и лом. Первый поезд прибыл в Воркуту в конце декабря 1941 г. С этого момента из Заполярья непрерывным потоком стали отправляться на юг эшелоны с углем.

По темпам развития производства не отставал от Воркуто-Печорского лагеря Ухто-Ижемский. Проведение широкомасштабных геологоразведочных и строительных работ позволило к концу войны создать на Ухте огромный промышленный комплекс, который включал в себя сотни нефтяных и десятки газовых скважин, а также целый ряд крупных перерабатывающих предприятий [3, № 8, с. 125]. Ухтинский комбинат отличался широким профилем. Здесь осуществлялась добыча нефти, газа, радия и асфальтита, был налажен выпуск газовой сажи и лакобитума. Отдельно следует остановиться на радиевом промысле. Производимые на комбинате препараты радия имели важнейшее стратегическое значение. Они применялись в Московской лаборатории № 2 Академии наук СССР, где с мая 1943 г. под руководством выдающегося советского физика И. В. Курчатова начались работы по получению плутония с помощью радий-бериллиевого источника. Таким образом, заключенные Ухто-Ижемского лагеря, сами того не подозревая, внесли большой вклад в создание отечественного атомного оружия [8].

Ухтинский комбинат НКВД не просто реализовывал крайне напряженные плановые задания, но и выпускал значительный объем сверхплановой продукции. Так, в 1944 г. выполнение плана по различным показателям составило от 102 до 167 % [3, № 8, с. 125].

В целом, анализ народнохозяйственной деятельности Воркутинского и Ухто-Ижемского лагерей показывает, что именно в годы войны топливно-энергетический комплекс Крайнего Севера оформился как значимый компонент советской угольной и нефтегазовой индустрии.

Переходя к характеристике трудовых ресурсов, следует отметить, что контингент работников складывался из двух категорий: лишенных свободы и вольнонаемных. За годы войны на Крайний Север прибыло немало вольнонаемных, в т. ч. специалистов топливной отрасли, ранее работавших в Донбассе, Кузбассе и на Урале. Однако подавляющее большинство работников составляли заключенные [4].

Благодаря своему огромному экономическому значению Печорские лагеря обеспечивались рабочей силой в первую очередь. Для покрытия их потребностей в трудовых ресурсах систематически осуществлялась переброска заключенных из других мест лишения свободы. Например, только с февраля 1942 г. по октябрь 1943 г. на Воркутинский угледобывающий и Ухтинский нефтегазовый комбинаты прибыло почти 20 тыс. чел. из других лагерей. При этом следует отметить, что заключенные, подлежащие отправке на Крайний Север, предварительно проходили тщательный медицинский осмотр. Отбирали только тех, кто был пригоден для работы в экстремальных климатических условиях, т. е. самых здоровых и выносливых [1, с. 288–291].

Грандиозные производственные проекты претворялись в жизнь ценой каторжного труда. Сразу после начала войны в соответствии с директивами руководства НКВД СССР рабочий день увеличился до 11 часов на тяжелых работах (главным образом в шахтах) и до 12 часов на остальных. Реальная же продолжительность рабочей смены была еще больше, т. к. лагерное начальство добивалось выполнения плановых заданий любой ценой. На отдых у заключенных обычно оставалось не более 4–5 часов в сутки. При этом нормы продовольственного снабжения снизились на 25–30 %, и даже урезанный паек далеко не всегда выдавался в положенном размере, в частности, из-за перебоев с поставками продуктов. Большой ущерб здоровью наносила и вопиющая бытовая неустраоенность [1, с. 499, 508–509; 3, № 10, с. 116–117; 7]. Таким образом, условия труда и быта заключенных в Печорских лагерях в годы войны можно с полным основанием назвать тяжелейшими.

Подводя итоги, следует отметить, что создание Северной топливной базы – это одна из фундаментальных экономических задач, решенных в Советском Союзе в 1941–1945 гг. Крупнейшие угольные и нефтегазовые месторождения Крайнего Севера были освоены силами подневольных работников, физические и интеллектуальные ресурсы которых эксплуатировались беспощадно. Бескрайние пространства заполярной тундры в военное лихолетье стали братской могилой для десятков тысяч заключенных. Воркутинский уголь, ухтинские нефть и газ – их общий вклад в разгром фашизма. И нынешнее поколение граждан России должно хранить историческую память об узниках ГУЛАГа как о тех, кто своим трудом в глубоком тылу приближал счастливый день Великой Победы.

Библиографический список

1. Главное управление лагерей. 1918–1960 / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Материк, 2000. 888 с.
2. Гулаговские тайны освоения Севера / авт.-сост. Е. В. Маркова, В. А. Волков, А. Н. Родный, В. К. Ясный; под ред. И. С. Пашковского. М.: Наука, 2001. 326 с.
3. Кокурин А. И., Морозов Ю. Н. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2000. № 7. С. 107–121; № 8. С. 111–128; № 9. С. 103–124; № 10. С. 104–119.
4. Маркова Е. В. Безымянный мозговой трест // Alma Mater: Вестник высшей школы. 1997. № 6. С. 26–30; № 7. С. 32–36.
5. Маркова Е. В., Волков В. А., Родный А. Н., Ясный В. К. Судьбы интеллигенции в Воркутинских лагерях. 1930–1950-е годы // Новая и новейшая история. 1999. № 5. С. 52–77.
6. Маркова Е. В., Волков В. А., Родный А. Н., Ясный В. К. У истоков геологической службы Заполярья // Отечественная геология. 2000. № 3. С. 75–79.

7. Маркова Е. В., Волков В. А., Родный А. Н., Ясный В. К. Ученые – узники Печорских лагерей ГУЛАГа // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 19–45.

8. Маркова Е. В., Родный А. Н. Наука в Воркутлаге как феномен тоталитарного государства // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 3. С. 60–77.

УДК 94(470.22)

С. Н. Филимончик,

доцент, Петрозаводский государственный университет

ПОСЕЛОК ПРИ ЗАВОДЕ: НАДВОЙЦЫ В 1950–1970-е ГОДЫ

В 1950–1970-е годы решающее влияние на обеспечение благоустроенным жильем, качественным питанием, разнообразным досугом, санаторными путевками жителей поселка Надвоицы оказывал Надвоицкий алюминиевый завод, при этом недостатки в хранении отходов его производства негативно сказались на здоровье местных жителей. При переходе к рынку зависимость поселка от завода усугубила социально-экономические трудности населения.

Ключевые слова: поселок Надвоицы, Надвоицкий алюминиевый завод, питание, жилищные условия, отдых, уровень жизни, экология.

S. N. Filimonchik,

Associate Professor, Petrozavodsk State University

THE INDUSTRIAL SETTLEMENT: NADVOITSY IN THE 1950s–1970s

In the 1950s–1970s, the Nadvoitsy aluminum plant played an important role in the provision of comfortable housing, high-quality food, various leisure activities, and sanatorium vouchers for the residents of Nadvoitsy settlement in Karelia. At the same time, the plant's production waste storage negatively affected the residents' health. During the transition to the market economy, the settlement's dependence on the aluminum plant aggravated the socio-economic difficulties of its population.

Key words: Nadvoitsy settlement, Nadvoitsy aluminum plant, food, living conditions, leisure, living standards, ecology.

Развитие поселка Надвоицы определила форсированная индустриализация Карелии, в ходе которой были построены Мурманская железная дорога (1916) и Беломорско-Балтийский канал (1933), созданы новые отрасли промышленности, в том числе цветная металлургия. В 1948–1954 гг. вблизи станции Надвоицы был построен крупный алюминиевый завод. Первое время основную рабочую силу на стройке составляли заключенные, для них на заболоченной территории у станции

был сооружен лагерьный поселок, рассчитанный на 3 тыс. человек [9, л. 62, 79, 80]. Когда начали строить канал Волго-Дон, заключенных срочно перебросили туда, а в Надвоицы стали набирать людей по оргнабору. С 1951 г. лагерь начал перестраиваться и превратился во временный поселок для вольнонаемных рабочих [11, л. 137]. По оргнабору приезжала в основном сельская молодежь из Калининской, Курской областей, Белоруссии – регионов, сильно пострадавших в годы Великой Отечественной войны. Перед пуском на завод перевели ряд опытных рабочих с других предприятий алюминиевой промышленности [12, л. 32, 35].

25 сентября 1954 г. Надвоицкий алюминиевый завод вошел в число действующих предприятий алюминиевой промышленности СССР. В это время основные операции выполнялись вручную. Работники страдали от высокой температуры, вредных газов, пыли [22, с. 37]. В 1960–1970-е гг. на заводе развернулась механизация и автоматизации основных технологических процессов. В 1967 г. Надвоицкий алюминиевый завод вышел на первое место среди алюминиевых заводов СССР по производительности труда [3]. В 1967 г. НАЗу было присвоено звание «Предприятие высокой культуры» [19, л. 136]. В 1973 г. НАЗ стал первым в Карелии предприятием, вся продукция которого выходила со Знаком качества [5]. Надвоицкий алюминий превзошел по качеству лучшие образцы Канады, США и многих других стран.

Работа на заводе привлекала возможностью быстро встать на ноги, поддержать семью материально. Зарботная плата электролизников в 1954 г. в масштабе цен, измененных в 1961 г., составляла 480 руб., анодчиков – 420 руб., крановщиков – 340 руб., в то время как средняя зарплата промышленных рабочих в стране в это время была 76 руб. [23, с. 239]. Благодаря высокой заработной плате и обеспечению жильем за короткий срок удалось сформировать на заводе стабильный коллектив. В 1965 г. на НАЗе трудилось 1897 человек, в том числе промышленно-производственный персонал составлял 1453 человека [17, л. 69, 70]. Устроиться на завод по ведущим специальностям было непросто. В 1977 г. три четверти работников имели стаж работы на НАЗе 5 лет и более [25, л. 10, 11]. В 1955–1968 гг. 79 металлургов заочно окончили техникумы и вузы [2]. В 1975 г. 44 % ИТР имели высшее, 49 % – среднее специальное образование и только 7 % составляли практики [24, л. 3, 4].

В 1950–1970-е гг. численность населения Надвоиц стабильно составляла 10,5–10,7 тыс. человек. В 1950-е гг. повседневная жизнь поселка была трудной. Многие переселенцы с трудом привыкали к холодному карельскому климату. Зимой в квартирах было очень холодно: с вечера протопишь, а утром вода в ведре покрыта коркой льда. Рабочий

А. И. Манойлов вспоминал, что в первую зиму их семья осталась совсем без дров, каждую неделю он ездил в лес с санками, рубил валежник [8, с. 425]. В местных магазинах продуктов было мало. За ними бегали к проходящему поезду, который прибывал в Надвоицы около полуночи. В вагоне-ресторане покупали печенье, сухари, летом – фрукты. Старожилы вспоминают, как получали в посылках аккуратно завернутые яйца, которых здесь было не купить [8, с. 379]. В магазинах продавался крупный кусковой сахар – он был главной сладостью. Большую роль в питании играла рыба, особенно треска, стоившая 30 коп. за килограмм: «Магазины торговали соленой треской в бочках... Треска была очень вкусная. Когда свежий засол – вкуснее не придумаешь» (Суздалева Е. К.) [8, с. 448].

Пережив военное лихолетье, люди не роптали, верили, что неустанный труд возродит страну и приведет к достатку. Действительно, жизнь постепенно налаживалась. На скалистой сопке, куда строители ходили собирать грибы, возникла центральная площадь, застроенная комфортабельными домами «сталинского» стандарта. Уже в 1962 г. жилищно-коммунальный отдел завода эксплуатировал 154 дома, в том числе 93 благоустроенных. В жилфонде завода проживало более половины населения поселка – 5990 человек. Завод выделял квартиры приезжающим по распределению в Надвоицы учителям [13, л. 137, 146; 14, л. 21]. Тем не менее, в середине 1960-х гг. еще около 500 заводских семей продолжали жить в бараках. Каркасно-засыпные здания постройки 1948–1951 гг. уже отслужили свой век, но завод вынужден был проводить ремонт ветхих строений из-за недостатка благоустроенного жилья [15, л. 21]. К расселению барачников активно приступили во второй половине 1970-х гг.

Жители Надвоиц регулярно участвовали в благоустройстве своего поселка. Методом народной стройки возвели стадион, построили своеобразную улицу-лестницу [14, л. 28]. В 1964 г. в поселке появилась аптека, комбинат бытового обслуживания, первые специализированные магазины – обувной, овощной [16, л. 20, 114]. В 1966–1967 гг. по заданию завода были разработаны проекты памятника Ленину и братской могилы [18, л. 46].

Во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. питание жителей поселка стало более сбалансированным и разнообразным. Увеличилось потребление мяса, молока, овощей и фруктов. Завод хорошо организовал общественное питание: на предприятии работали три столовые, буфет, магазин «Кулинария». В меню столовых было много мясных блюд, в том числе заказных (лангеты, антрекоты и т. д.) Обед в заводской столовой стоил дешево – от 80 коп. до 1руб. 20 коп. Широкодоступными

были путевки на диетпитание. Важную роль в продовольственном обеспечении играли подсобное хозяйство завода и птицефабрика, развивалось кролиководство. Заводские теплицы с февраля по ноябрь снабжали жителей поселка овощами.

Теперь люди стремились не только добротнo, но и модно одеваться. Во многих квартирах появились стиральные машины, магнитофоны, ковры, хрусталь. Уже в начале 1960-х гг. многие рабочие завода имели мотоцикл, моторную лодку. В 1970-е гг. быстро росло число владельцев личных автомобилей. К концу 1970-х гг. практически все желающие могли получить путевки в дома отдыха и санатории на Черноморском побережье Кавказа и Крыма, Рижском взморье, в Подмосковье, пригородах Ленинграда. Те, кто предпочитал отдых дома, тоже имели широкий выбор. В 1961 г. для рабочих и служащих открылся профилакторий, в котором металлурги отдыхали и лечились за скромную плату: в 1972 г. путевка стоила 16 руб. 40 коп, 20 % путевок завод выдавал бесплатно [4]. В 1976 г. для профилактория было построено новое здание с грязеводолечебницей и физиоэлектрoлечением. Ежегодно в нем поправляли здоровье до 800 работников. В 1972 г. открылась туристическая база отдыха в поселке Каменка – два домика на живописном берегу лесного озера могли принять до 50 отдыхающих.

В Надвоицах проводились зимняя и летняя спартакиады, в которых участвовало до 6 тыс. человек, а также республиканские соревнования по хоккею, шахматам [15, л. 27]. В олимпийском 1980 г. у надвоицких спортсменов появились лыжная база и плавательный бассейн. В Доме культуры металлургов более 70 человек занимались в хоре, которым руководила Л. В. Чуркина [6]. Под руководством супругов Рязановых сотни детей освоили основы хореографического искусства. На заводе появилась любительская киностудия. В 1966 г. заводские энтузиасты во главе с С. А. Парамоновым сняли первый любительский кинофильм о жизни Надвоиц. В 1966 г. при детской музыкальной школе открылось вечернее отделение для взрослых по классу фортепьяно, баяна, аккордеона, гитары и кларнета [1]. Возросла роль книги, чтения в духовной жизни людей. Завод финансировал работу двух библиотек. В поселке работало несколько книжных магазинов. В 1960-е гг. стало престижным подписываться на газеты, журналы, собрания сочинений классической литературы. Большое число надвоичанимели домашние библиотеки.

В 1969 г. Совет Министров КАССР и Президиум облпрофсовета разрешили заводу организовать детский лагерь санаторного типа на 200 человек в Краснодарском крае [21, л. 35]. В 1972 г. впервые 160 детей поехали отдыхать в пионерский лагерь в Керчь. Часть детских путевок

завод выделил бесплатно, за остальные путевки родители доплачивали 20 руб. [4]. С 1976 г. каждое лето сотни детей уезжали на отдых в заводской лагерь на Черноморское побережье Кавказа. Завод имел на долевых началах 100 мест в детском круглогодичном санатории «Жемчужина России» в Анапе, 96 мест в пансионате «Грушевая роща» в Нальчике. В летний период более 200 детей выезжали в оздоровительный пионерский лагерь санаторного типа в Туапсе [7].

1960–1970-е гг. многим жителям Надвоиц запомнились как время стабильности, благополучия и расцвета поселка, ставшего одним из лучших в Карелии. Однако оставались нерешенными значимые социальные вопросы. К концу 1960-х гг. большинство населения обрело некоторый достаток, потребности стали более взыскательны, а товары по-прежнему предлагались незамысловатые, невысокого качества. Хорошие вещи нередко приобретали «по знакомству». В конце 1970-х гг. дефицит распространился на предметы бытового обслуживания, ресторан, сфера услуг отставала от растущих запросов. Люди старших поколений, помнившие о послевоенной нищете, ценили улучшения 1960–1970-х годов в повседневной жизни, а молодежь считала их естественными и стремилась к большему.

В период форсированной индустриализации вопросы охраны окружающей среды оказались на периферии государственных интересов. Проектировщики Надвоицкого завода определили для хранения отходов производства, содержащих растворимые в воде соли фтора, расположенное рядом болото. Оно имело сток в виде ручья в озеро Узкая Салма, служившее местным жителям источником питьевой воды. В результате переизбыток в воде фтора негативно повлиял на здоровье жителей Надвоиц, особенно детей. У многих из них развился флюороз – специфическое заболевание, ведущее к почернению и выпадению зубов. Уровень загрязнения атмосферного воздуха превышал предельно допустимую концентрацию. Введенная в эксплуатацию в начале 1970-х гг. опытно-промышленная установка газоочистки оказалась неэффективной. Из-за сильной загазованности и запыленности в электролизных корпусах сохранялся высокий риск получения рабочими профессиональных заболеваний [20, л. 203]. Министерство недостаточно финансировало природоохранные мероприятия, сведения по экологии не публиковались в открытой печати. Во всем этом проявлялись перекосы экстенсивной экономики.

В Надвоицах, как и во многих других регионах страны, местные власти имели ограниченные источники финансирования. Городское поселение в значительной мере зависело от федеральных министерств и

ведомств, финансирующих развитие социальной инфраструктуры по остаточному принципу. Пока процветал завод, успешно развивалось и зависимое от него поселение. В условиях рыночных реформ завод столкнулся с серьезными трудностями, санкционная политика привела к консервации производства. Надвоицы вошли в число муниципальных образований с наиболее сложным социально-экономическим положением. В настоящее время поддержка жителей монопрофильных городских поселений Карелии заявлена в качестве одного из приоритетов республиканской политики.

Библиографический список

1. Ленинец. Орган Сеgezского районного комитета КПСС и Сеgezского районного совета депутатов трудящихся. 1967. 1 января.
2. Ленинец. 1968. 20 июля.
3. Ленинец. 1969. 11 марта.
4. Ленинец. 1972. 15 июля.
5. Ленинец. 1974. 2 февраля.
6. Ленинская правда. Орган Карельского обкома, Петрозаводского горкома КПСС и Верховного Совета КАССР. 1980. 5 февраля.
7. Ленинская правда. 1982. 28 декабря.
8. Надвоицкий алюминиевый завод. Очерк истории. Документы и материалы. Воспоминания. Хроника событий. Петрозаводск, 2004.
9. Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 2781. Оп. 1. Д. 2.
10. НАРК. Ф. 2781. Оп. 1. Д. 5.
11. НАРК. Ф. 2781. Оп. 1. Д. 40.
12. НАРК. Ф. 2781. Оп. 1. Д. 59.
13. НАРК. Ф. 2781. Оп. 1. Д. 321.
14. НАРК. Ф. 2781. Оп. 1. Д. 330.
15. НАРК. Ф. 2781. Оп. 1. Д. 363.
16. НАРК. Ф. 2781. Оп. 1. Д. 408.
17. НАРК. Ф. 2781. Оп. 1. Д. 445.
18. НАРК. Ф. 2781. Оп. 1. Д. 451.
19. НАРК. Ф. 2781. Оп. 1. Д. 496.
20. НАРК. Ф. 2781. Оп. 1. Д. 538.
21. НАРК. Ф. 2781. Оп. 1. Д. 579.
22. *Подстрелов С. М.* Кандалакшский алюминиевый. Люди и годы. К 50-летию завода. Мурманск, 2000. С. 37.
23. Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945–1960 гг. Т. 4. М., 1987.
24. Текущий архив НАЗ. Оп. 1. Д. 886.
25. Текущий архив НАЗ. Оп. 1. Д. 1055.

УДК 94(571.6)

А. В. Филинов,

соискатель кафедры отечественной истории XX–XXI вв.,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1925–1931 гг.
В ПРЕДДВЕРИИ МАНЬЧЖУРСКОГО КРИЗИСА
(СЕНТЯБРЬ 1931 – МАРТ 1935 г.)**

В статье анализируются подходы высшего руководства СССР к решению одной из основных проблем советского Дальнего Востока – низкой плотности населения, что препятствовало как экономическому развитию края, так и организации оборонительных мероприятий в условиях внешней угрозы.

Ключевые слова: трудовая миграция, хозяйственно-переселенческие центры, ОКДВА, ОГПУ, принудительный труд, заключённые, Дальстрой.

A. V. Filinov,

Candidate for a Science Degree, Department of History of Russia XX–XXI centuries,
Lomonosov Moscow State University

**FEATURES OF RESETTLEMENT POLICY
IN THE SOVIET FAR EAST IN 1925–1931
ON THE EVE OF THE MANCHURIAN CRISIS
(SEPTEMBER 1931 – MARCH 1935)**

The article analyzes the approaches of the top leadership of the USSR to solving one of the main problems of the Soviet Far East – the low population density, which hindered both the economic development of the region and the organization of defensive measures in the face of an external threat.

Key words: labor migration, economic resettlement centers, OKDVA, OGPU, forced labor, prisoners, Dalstroy.

Внешнеполитическая ситуация конца 1920-х – начала 1930-х гг. для СССР характеризовалась обострением международной обстановки в Дальневосточном регионе. Высшее советское руководство было обеспокоено возникавшими перед Советским Союзом реальной и потенциальной внешнеполитической опасностями. Они связывались в глазах советских лидеров с конфликтом с Китаем на КВЖД в 1929 г., ростом агрессивных настроений среди японских военных относительно СССР, разногласиями Советского Союза и Японии по поводу рыбного промысла и судьбы «Чосен-банка».

Ещё до этого советской властью предпринимались меры по стимулированию миграции в регион. В качестве одной из форм пополнения трудовых ресурсов региона стало использоваться плановое переселение. Его начало как массового процесса было положено Постановлением ВЦИК и СНК от 6 июля 1925 г. «Об открытии планового переселения в районы Поволжья, Сибири и Дальневосточной области», причем освоению и экономическому развитию Дальнего Востока отводилась центральная роль [2, с. 30].

Приведенные в исследовании А. В. Иванова данные показывают, что уже в первые годы после того, как было принято постановление, переселение на Дальний Восток пошло быстрыми темпами. Вместе с тем обращает на себя внимание и значительный отток из мест вселения: 26,6 % от числа прибывших за 1925–1930 гг. Переселялась в основном беднота. Согласно данным по районам выхода, в 1926 г. среди мигрантов безлошадных было 37,6 %, с одной лошастью – 41,1 %, беспосевных – 13,1 %, с посевом до двух десятин – 60 %, располагали не более чем 250 руб. на семью – 58,9 % [там же, с. 31].

Очевидно, что в связи со сложившейся ситуацией, стратегические интересы государства на Дальнем Востоке потребовали коренного изменения переселенческой политики. Для этого именно в 1926 г. контроль за переселением на Дальний Восток передается в руки Управления ОГПУ по Дальневосточному краю, где формируется переселенческий отдел [6, с. 36–37].

В дальнейшем в целях ликвидации недостатков и улучшения переселения весной 1930 г. был принят новый метод переселения. Было решено осуществлять сельскохозяйственное переселение крупными коллективами, организуемыми в местах выхода. В районах вселения должны были создаваться хозяйственно-переселенческие центры (ХОПЦ), на которых возлагались все работы по земельному устройству, дорожному и хозяйственному строительству, водворению и хозяйственному устройству переселенцев. Каждому ХОПЦ определялась площадь в 80–100 тыс. га [5, с. 166].

Примером воплощения в жизнь нового метода переселения служит содержание плана миграции рыбаков, обсуждавшийся 19 марта 1931 г. Переселенческим Комитетом при Далькрайисполкоме. Комитет обязал Далькрайрыбаксоюз усилить работу по хозяйственному устройству переселенцев и укомплектовать имеющиеся рыбацкие колхозы квалифицированными руководителями, а также выделить пять уполномоченных в пункты вселения, возложив на них ответственность за весь комплекс подготовительных работ. При этом переселение должно было осуществляться не в индивидуальном порядке, а исключительно крупными колхозами, создаваемыми в местах выхода [1, с. 83].

Однако, в связи с изменением производственной специализации Дальнего Востока основной формой его заселения в 1930-е годы становится промышленное переселение. Это заставило руководство страны по-новому взглянуть на проблемы Дальневосточного региона. Государство ставило задачи по реконструкции и переоснащению старых предприятий, строительству новых заводов, фабрик, шахт и рудников, созданию собственной топливно-энергетической базы [3, с. 125–126].

Хозяйственное освоение Дальнего Востока осуществлялось, наряду с обычными, известными остальным районам страны методами промышленного развития, также и довольно своеобразно: путём комплексного освоения особо трудных районов единой достаточно крупной организацией, («интегральным комбинатом»). Интегральный комбинат представлял особую форму управления на выделенной ему территории Охотского побережья и района Колымы.

Здесь в 1931 г. была образована мощная комплексная организация «Дальстрой», производственная деятельность которой охватывала геологоразведочные работы, горную промышленность, строительство дорог, портов, развитие сферы обслуживания, градостроительство и др. «Дальстрой», осуществлял руководство на всей подчинённой ему территории, составлявшей свыше 0,8 млн км². Хозяйственная деятельность «Дальстроя» базировалась на использовании труда заключённых [8, с. 81].

Л. М. Медведева расценивает активное использование заключённых властью в качестве кардинального метода решения проблемы хронической нехватки рабочей силы. Она объясняет это тем, что для государства, не способного опереться на экономические рычаги с целью повышения заинтересованности населения в развитии производства и агрессивного в осуществлении своей политики, вполне естественным было превратить спецконтингент исправительно-трудовых лагерей в широко применяемый источник трудовых ресурсов, присвоив себе право создавать ему минимум условий для существования [4, с. 281].

Судя по архивным материалам, даже военно-строительные работы ОКДВА испытывали крайнюю нужду в рабочей силе, недостаток которой в отдельных случаях достигал 43 % от потребности [7, л. 148 об.]. Исходя из «Перечня требующих решения вопросов, выявленных тов. Ворошиловым в поездке по Дальнему Востоку в 1931 г.», на четырех объектах в Хабаровске, Никольск-Уссурийске, Чите и Иркутске из более чем 7 тыс. необходимых по плану рабочих, налицо было лишь чуть более 4 тыс., из которых большинство составляла «малоквалифицированная молодёжь» [там же, л. 149]. В перечне констатировалось, что покрыть такой серьёзный дефицит (почти 3 тыс. чел.) за счёт вербовок внутри Дальневосточного региона было нереально, при том, что даже попытки вербовки в центральных районах РСФСР не всегда

могли помочь выправить положение (из 750 запланированных к вербовке согласились лишь 158) [там же].

Одним из способов покрыть нехватку рабочей силы было привлечение на работы Военведа заключённых УЛОНА ОГПУ, что считалось, с точки зрения подчинённых наркомвоенмора К. Е. Ворошилова, вполне допустимым на изолированных от воинских гарнизонов стройках. Однако у органов госбезопасности на этот счёт, очевидно, было противоположное мнение. Например, в ответ на просьбы командования ОКДВА, обращённые к полномочному представителю ОГПУ Дальневосточного края Т. Д. Дерибасу, тот пошёл на конфликт с военными и заявил, что ему, якобы, запрещено Коллегией ОГПУ давать рабочую силу из числа заключённых на военные стройки [там же].

В то же самое время сам полпред ОГПУ в кризисных ситуациях «выкручивался» как мог, о чём свидетельствуют выдержки из доклада К. Е. Ворошилова в Политбюро ЦК ВКП(б). Наркомвоенмор при посещении поста на р. Светлой (Приморье) «впервые лично видел, как для несения охраны промыслов и концлагерей привлекаются сами отбывающие наказание, в такой, примерно, пропорции: на посту было 6 чел. вооружённых пограничников и 40 чел. вооружённых ссыльных поселенцев». По словам Т. Д. Дерибаса, «из-за недостатка людей он вынужден практиковать такие мероприятия во многих других местах» [там же, л. 114].

Пополнение контингента заключённых шло, в первую очередь, за счёт жертв политических репрессий. При этом важно учитывать, что рост числа заключённых был связан не только с возраставшей потребностью экономики в дешёвой рабочей силе. В немалой степени это имело отношение к стремлению советского руководства обеспечить тыл в условиях нараставшей социально-политической напряжённости, вызванной во многом ошибками и жертвами коллективизации и индустриализации.

К концу 1920-х – началу 1930-х гг. в связи с постепенным обострением международной обстановки на Дальнем Востоке, советским руководством постепенно стало уделяться всё больше внимания реконструкции старой индустриальной базы и созданию новой. Таким образом, развитием ДВК высшие советские руководители стали заниматься ещё до начала маньчжурского кризиса. В то же время, хотя приоритетным направлением и являлось совершенствование тяжёлой промышленности, но особенное внимание, например, ВПК, стало уделяться лишь с конца 1931 г., т. е. после того момента, когда Япония стала восприниматься как реальная военная угроза.

Экономическое развитие Дальнего Востока требовало увеличения количества рабочих рук, в связи с чем предпринимались усилия по

стимулированию миграции в регион. Однако ни центральным, ни местным властям, ни до, ни после начала маньчжурского кризиса не удалось снизить процент переселенцев, возвращавшихся на прежние места жительства (процесс обратничества).

Как и в случае с сельским хозяйством и переселением, когда для улучшения ситуации применялись ХОПЦ и миграция крупными коллективами из одного места (наиболее ярко эти методы проявились в отношении такой профессиональной группы, как рыбаки), так и в промышленности находилось место новаторству. Использовался метод «интегрального комбината», т. е. освоение территорий одним предприятием (в данном случае, «Дальстроем»).

Новые подходы применялись и в решении проблемы с рабочей силой, путём постепенной активизации применения труда заключённых. Этот путь являлся вполне закономерным, поскольку отрицая рыночные механизмы в управлении хозяйством (т. е. материальную заинтересованность в труде), большевикам неизбежно приходилось прибегать к принуждению для покрытия нехватки кадров.

Она была связана с отсутствием нормальных условий труда и жизни, в связи с чем, основную массу рабочих составляла малоквалифицированная молодёжь из других регионов. В этом, в свою очередь, крылись причины таких негативных явлений, как «текучка» кадров, низкая дисциплина и невысокое качество труда.

Всё это особенно затрудняло ход строительства объектов оборонного назначения, поскольку до начала маньчжурского кризиса использованию заключённых на этих объектах препятствовало ОГПУ, нередко провоцируя тем самым конфликты с военным ведомством.

Библиографический список

1. *Билим Н. А.* Переселение рыбаков на советский Дальний Восток (1928–1941 гг.). // Из истории борьбы за власть Советов и социалистическое строительство на Дальнем Востоке: сб. статей. Хабаровск, 1965. С. 76–89.

2. *Иванов А. В.* Сталинская политика переселения на Дальний Восток России в 1925–1953 гг. // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 30–35.

3. *Маклюков А. В.* Роль электроэнергетики в укреплении обороноспособности Дальнего Востока России (конец XIX – середина XX в.). // Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России: монография / под ред. д-ра ист. наук, профессора Л. И. Галлямовой. Владивосток: ДВО РАН, 2015. С. 120–135.

4. *Медведева Л. М.* Использование заключённых в транспортном строительстве на Дальнем Востоке (1930-е – середина 1950-х гг.) // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920–1950-е гг.: материалы первой

Дальневосточной научно-практической конференции. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 279–285.

5. *Обетковский Н. А.* Плановое переселение на Дальний Восток в годы Советской власти (1925–1940 гг.) // Вопросы истории и социологии Дальнего Востока. – Благовещенск, 1972. С. 158–171.

6. *Пикалов Ю. В.* Международное положение СССР и развитие его стратегических интересов на Дальнем Востоке: влияние на социальную политику (1922–1941 гг.) // Третьи Гродековские чтения: материалы регион. науч.-практ. конф. «Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории». Ч. 3 / под ред. Н. И. Дубининой. Хабаровск: ДВГНБ, 2001. С. 28–40.

7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 19. Д. 12.

8. *Рыбаковский Л. Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 138 с.

УДК 930

А. С. Хрипунов,

кандидат исторических наук (г. Иваново)

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматриваются основные положения программных документов ведущих политических партий дореволюционной России и их место в агитационной борьбе накануне выборов в Государственную Думу. Определяется важность проблем народного образования в борьбе за избирателей в сравнении с экономическими и политическими аспектами их агитационных материалов.

Ключевые слова: политические партии, народное образование, Государственная дума, предвыборная агитация.

A. S. Khripunov,

Candidate of Historical Sciences (Ivanovo)

PROBLEMS OF EDUCATION IN THE ELECTION CAMPAIGN OF POLITICAL PARTIES OF RUSSIAN EMPIRE IN THE BEGINNING OF XX CENTURY

The article deals with the basic provisions of the program documents of leading political parties in pre-revolutionary Russia and their place in the propaganda struggle on the eve of elections to the State Duma. The importance of the problems of

public education in the struggle for voters was revealed in comparison with the economic and political aspects of their campaign materials.

Key words: political parties, public education, the State Duma, election campaigning.

Первая русская революция привела к появлению в России Государственной Думы – представительного органа с законодательными функциями. Кроме этого, стремительные процессы политизации общественной жизни способствовали образованию различных политических партий и организаций самой широкой идеологической направленности – от социал-демократов до крайне правых черносотенных объединений.

В работе мы постараемся в общих чертах определить место проблем образования в программных документах партий разной ориентации, какую роль риторика в этом вопросе играла в предвыборной агитации.

Воодушевленные широким подъемом общественного движения и легализацией средств политической конкуренции, большинство политических партий в 1905–1906 гг. начали разворачивать массовую агитационно-пропагандистскую работу среди потенциальных избирателей. Наиболее крупные партии стали массово образовывать отделы на местах – в городах и селах, где всячески они пытались привлечь население на свою сторону. Каждые выборы в Думу были временем тяжелой и напряженной. Значительная часть партийных ресурсов тратилась на проведение агитационной работы. Можно определить эти периоды следующим образом: 1) 1905–1907 гг. – наиболее активная эпоха агитационной работы, в этот период происходила подготовка к выборам трех Дум; 2) 1911–1912 гг. – подготовка к выборам в IV Думу.

Предвыборная агитация могла вестись двумя основными способами: 1) устно – через различные митинги и собрания; 2) письменно – через издание партийной литературы, распространение брошюр, воззваний и проч. В этом ключе проблема образования принимала двойной смысл. Ввиду низкого уровня грамотности населения приоритет порой отдавался первому типу агитации.

К моменту выборов в I Думу, большинство партий уже имели серьезную организационную структуру, обладали своими уставами и программами. Традиционно все партии дореволюционной России можно разделить на три основных идеологических течения – социалистические, либеральные, консервативно-охранительные. Отметим, что деление это довольно условное, т. к. внутри каждого из них мы можем наблюдать серьезную полярность.

Обратимся к партиям социалистической ориентации. Наиболее крупные, оставившие заметный след в политической истории дореволюционной России – РСДРП, Партия социалистов-революционеров,

Партия народных социалистов. Каждая из них обладала своей просветительской доктриной. Наиболее детальной программой обладали энесы, образованию у них посвящен отдельный раздел. Они требовали введения общедоступного и обязательного обучения в начальной школе развития среднего профессионального и технического образования, передачи начального и среднего обучения в ведение органов местного самоуправления, бесплатности начального, среднего и высшего обучения, отделения школы и школьного обучения от церкви [6, с. 216]. Практически в полном объеме эти требования входили и в распространяемые энесами предвыборные листовки [1, л. 3]. Схожими, однако, содержащими в значительной степени меньше конкретики, были программные установки эсеров [2, л. 1–5] и социал-демократов [6, с. 48]. Кроме того, последние, увязывая проблемы образования с национальным гнетом над инородцами, нищетой и бесправием населения, видели в просвещении важное средство достижения политических задач. Так, В. И. Ленин писал о необходимости усиления социалистической и антирелигиозной пропаганды в школе [3, с. 278–283], о необходимости привлекать в свои ряды земских учителей для распространения своих взглядов заявляли и эсеры.

Пытаясь привлечь сторонников, эсеры и эсдеки на своих собраниях, в брошюрах и воззваниях пытались использовать не только рациональные мотивы, порой справедливо обнажая те или иные пороки российской действительности, но зачастую вызывая к чувственной стороне восприятия. Упор в такой агитации делался на бедственном и бесправном положении трудящихся классов, необходимости вести борьбу не только через голосование, но и через усиление прямой вооруженной борьбы с господствующими классами и царским правительством. Образованию здесь не могло быть уделено серьезного места, зачастую оно не упоминалось в пропагандистско-агитационной литературе, либо ему отводилось крайне незначительное внимание. Так, в избирательной платформе меньшевиков во II Думу повторялось программное требование всеобщности, бесплатности и обязательности образования [6, с. 229], основная часть документа посвящена политическим и экономическим вопросам. Того же, организационный комитет РСДРП требовал и в избирательной платформе 1912 г., дополнив образовательную программу необходимостью обеспечения прав инородцев обучаться на родном языке. В основе документа лежала критика царского правительства, III Думы, помещичьих и буржуазных партий [4, с. 345].

Важное место в своих программах образованию уделяли представители либерального крыла. Эта проблема в значительной степени сентиментализировала либеральное движение, которое имело порой существен-

ные разногласия по национальному, аграрному и некоторым другим вопросам. Так или иначе, требования кадетов, октябристов, мирнообновленцев и ряда других партий сводились к следующему – скорейшее достижение всеобщего начального обучения, предоставление широкой свободы частной и общественной инициативе в деле открытия школ, пересмотр образовательных программ с целью достижения их большей ориентации на практику, установление прямой преемственности начальных, средних и высших школ [6, с. 328, 347, 353]. Отметим, что именно октябристы внесли наибольший вклад в попытку реформировать школу, но большинство их инициатив реализовано не было.

Тема образования поднимается в листовках и воззваниях либеральных партий. Повторяемые в них программные требования носили комплексный характер. Образование напрямую увязывалось с другими важными проблемами России, представлялось в качестве необходимого условия и их решения. Так, октябристы в воззвании к избирателям в январе 1906 г., указывают на важность просвещения народа, как необходимого средства установления экономического благополучия, закрепления политических прав и свобод.

Ключевым отличием либеральной агитации от социалистической, а также черносотенной, является исключительный упор на легальные способы борьбы, стремление к адекватной оценке, существовавшей на тот момент ситуации, выдвигению реалистичных и выполнимых требований. В этой связи в этих документах серьезное внимание уделяется критике предвыборных платформ и программ других партий. Так, кадеты пытались предостеречь население как от ухода вправо, так и от ухода влево. Под удар попадало требование социалистов немедленного всеобщего обязательного обучения. В частности, кадетами и октябристами перед выборами в I и II Думу указывалось, что обязательность всеобщего обучения является мерой преждевременной, до тех пор, пока не обеспечена его общедоступность.

Не оставляли в стороне вопросы образования представители правых партий – Союз русского народа, Всероссийский национальный союз, Русская монархическая партия и др. В основе их программы лежала приверженность самодержавию, сословному строю, господству церкви в духовной жизни общества. На этих принципах строилась и их образовательная доктрина. Все низшее образование должно было находиться в руках православной церкви, к преподаванию допускались исключительно русские люди православного и, в особых случаях, мусульманского и др. [6, с. 442–443]. Кроме того, ключевой целью школы объявлялось нравственное воспитание в «чисто русском духе». Из этих положений выводились и вполне прогрессивные предложения, так правые наряду с представителями других течений требовали введения всеобщего на-

чального обучения, акцентировали внимание на необходимости развития сельскохозяйственных и ремесленных знаний у молодежи [5, с. 42].

Громогласно осуждая революцию, правые в своих предвыборных воззваниях и обращениях видели ее главный источник в падении нравов и веры в народе, которое в значительной степени объяснялось пагубным влиянием школы, которая, по их мнению, была разрушена революционным и либеральным засильем. Так, например, Русское собрание в обращении к избирателям в 1906 г. вопросам просвещения уделяет внимания примерно столько же, сколько и другим насущным проблемам. Обращение гласит следующее: «Собрание признает действительно необходимым самое широкое развитие образования ... как посредством частных, так и правительственных учебных заведений ... государственная школа должна быть национальной, русской, основанной на христианских началах, а в сельских школах необходимо и преподавание ремесел, земледелия...» [5, с. 280–281].

Таким образом, вопросы просвещения учитывались и признавались крайне важными в контексте выстраивания общей политической и социально-экономической доктрины практически каждой крупной партией России. Важное место занимали вопросы просвещения и в законотворческой деятельности думских фракций, однако, в избирательных платформах и воззваниях, образование, как правило, занимало второстепенные роли.

Библиографический список

1. ГАИО. Ф. 382. Оп. 1. Д. 12.
2. ГАИО. Ф. 382. Оп. 1. Д. 3.
3. Ленин В. И. О воспитании и образовании: в 2 т. Т. 1. М., 1980. 544 с.
4. Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 408 с.
5. Правые партии, 1905–1917. Документы и материалы: в 2 т. Т. 1: 1905–1910 гг. М. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 720 с.
6. Программы политических партий России: конец XIX – начало XX в. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995. 464 с.

Н. В. Черникова,

старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва)

БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ КАЗУС: ВОЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА

Государственный совет как высший законодательный орган Российской империи изначально обладал всеобъемлющей компетенцией и рассматривал, в том числе, и военные вопросы. Но это противоречило установившейся традиции, так что в скором времени Военный департамент потерял свое значение.

Ключевые слова: Российская империя, Государственный совет, Военный департамент, законодательство.

N. V. Chernikova,

Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

BUREAUCRATIC CASUS: THE MILITARY DEPARTMENT OF THE STATE COUNCIL

The State Council, as the highest legislative body of the Russian Empire, had originally comprehensive jurisdiction and was to consider military matters as well. But it was not in keeping with the traditions. So, the Military Department soon lost its significance.

Key words: the Russian Empire, The State Council, Military Department, legislation.

В 1901 г. императорская Россия торжественно отмечала столетие Государственного совета – высшего законосовещательного учреждения, призванного Александром I к рассмотрению «важных государственных дел». К этому времени была приурочена публикация прекрасно оформленного тома «Государственный совет. 1801–1901» – первого в целой серии изданий, посвященных плеяде столетних юбилеев учреждений, созданных Александром I (министерств, Комитета министров, Государственной канцелярии). 7 мая состоялось торжественное заседание Государственного совета – то самое, которое И. Е. Репин изобразил на своей знаменитой картине «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в день столетнего юбилея со дня его учреждения».

Но для самого Государственного совета самым важным было издание его нового Учреждения – основного регулирующего его деятель-

ность закона. За истекшие сто лет это был третий такого рода документ. Его предшественник – Учреждение 1842 г. – действовал 60 лет, с 1842 по 1901 г., и оставил значительный след и в истории, и в историографии. Учреждению 1901 г. повезло гораздо меньше. Всего через пять лет оно было заменено новым Основным законом, превратившим Совет в высшую палату законодательного собрания и кардинально изменившим его структуру, состав и компетенцию.

Учреждение 1901 г. оказалось забыто – настолько, что даже не было включено в первую научную публикацию «базовых» текстов I тома Свода законов (в который входило и Учреждение Государственного совета) – «Свод законов Российской империи. Сводный текст за 1832–1917 годы» (2007).

Одним из самых заметных изменений было сокращение структур Государственного совета. Официально до этого момента он состоял из пяти департаментов – Законов, Дел военных, Дел гражданских и духовных, Государственной экономии, а также Департамента промышленности, наук и торговли. Но из Учреждения 1901 г. Военный департамент бесследно исчез.

Военный департамент был учрежден в 1810 г., для разрешения военных дел в новом, преобразованном в соответствии с планом М. М. Сперанского, Государственном совете. Согласно одобренному Александром I «Введению к уложению государственных законов» (1809) Государственный совет должен был стать, но так и не стал центральным звеном принципиально новой системы управления. Его встраивание в существующую, во многом освященную традицией систему было неизбежным, а значит, неминуемой была и постепенная трансформация его первоначальной структуры и компетенции.

По Манифесту об образовании Государственного совета 1810 г., «все законы, уставы и учреждения в первообразных их начертаниях» должны были рассматриваться в Совете [8, с. 4, ст. II]. Сообразно с этим в его структуре получили отражение четыре главных (на тот момент) направления государственной деятельности: Совет состоял из Общего собрания и четырех департаментов (Законов, Дел военных, Дел гражданских и духовных и Государственной экономии). При распределении дел по департаментам было принят следующий подход: в Департамент законов вносилось все, «что по существу своему составляет предмет закона», в Департамент гражданских и духовных дел – «дела юстиции, управления духовного и полиции», в Департамент Государственной экономии – «предметы общей промышленности, наук, торговли, финансов, земских повинностей, казначейства и счетов». Наконец, Департамент военных дел должен был включать все «предметы министерств военного и морского» [16, с. 285, ст. 25].

Изначально компетенция Государственного совета была всеобъемлюща, однако очень быстро выяснилось, что на практике целый ряд вопросов (и прежде всего вопросы войны и мира, чрезвычайных и дипломатических мер) не вполне удобно передавать на обсуждение такого собрания. Вслед за ними последовали вопросы организации армии и флота, которые также в России традиционно не входили в компетенцию совещательных учреждений. Так что Военный департамент оказался наименее долговечным.

Его деятельность была резко сокращена в 1836 г., когда новое Учреждение получило Военное министерство. Теперь все вопросы, касающиеся «собственно военного ведомства, без связи с прочими частями государственного управления» решались в подчиненном непосредственно верховной власти Военном совете [15, с. 333–334, ст. 659, 660]. В Государственный совет передавались только те законопроекты, которые предлагали новые узаконения «не по одному военному ведомству, но в связи с прочими частями государственного управления» [15, с. 334, ст. 663]. При этом закон не требовал внесения таких дел именно в Военный департамент [15, с. 334, ст. 665], занятость которого резко сократилась. В том же году на таких же основаниях было установлено отношение к Государственному совету Морского министерства [9, с. 405, ст. 34, 35].

В 1843 г. Военный департамент был лишен и этих скромных остатков своего значения. Во время обсуждения в Государственном совете представления начальника Главного морского штаба о дополнении некоторых статей устава купеческого судоходства [5] был изменен 3 пункт 24 статьи Учреждения Государственного совета. Он касался дел, не вносившихся в Государственный совет, и был расширен указанием на то, что дела, касающиеся военного и морского ведомств поступают на высочайшее усмотрение непосредственно от Военного совета и Адмиралтейств-совета даже тогда, когда они входят в состав «общего государственного учреждения, но относятся исключительно до части искуственной или технической» [7].

Тем не менее Военный департамент был сохранен. Считается (и это отражено в вышедшем в 1901 г. юбилейном томе «Государственный совет. 1801–1901»), что фактически Департамент прекратил свое существование в 1854 г., когда им было рассмотрено последнее (и единственное за этот год) дело [2, с. 125]. Тем не менее назначения в него продолжались и позже. Вплоть до 1859 г. департамент состоял из председателя (кн. И. Л. Шаховского) и четырех членов – Д. В. Васильчикова, кн. М. И. фон дер Палена, гр. А. Г. Строганова, бар. П. И. Рокасовского [1, 13]. В 1858 г. в отпуск с отчислением от всех занимаемых должно-

стей и с оставлением членом Совета был уволен (по прошению) последний председатель Военного департамента князь Шаховской (он умер в 1860 г.). Согласно официальному юбилейному изданию, тех пор ни председателей, ни членов в этот департамент больше не назначали [2, с. 125]. Однако в действительности назначения происходили. Правда, с 1859 г. департамент не имел председателя, а число его членов сократилось до 3-х: в Департамент гражданских и духовных дел был переведен барон Рокасовский. В том же 1859 г. умер Васильчиков, так что в 1860 по 1863 г. департамент состоял из двух членов, а в 1864-м (после смерти в 1863 г. Палена) – из одного гр. Строганова [14]. Ситуация станет еще более пикантной, если мы учтем, что Пален был уволен в отпуск «вплоть до выздоровления» еще в 1847 г., а Строганов, с апреля 1855 по июнь 1862 г. занимавший пост Новороссийского генерал-губернатора, почти сразу после увольнения (в августе 1862 г.) также отправился в отпуск с правом отлучаться за границу в любое время. И все же только с осенней сессии 1864 г., назначения к присутствию в этот департамент прекратились, и с 1865 г. он исчезает из списков высших государственных учреждений. Юбилейное издание, таким образом, отразило реальную, а не формальную ситуацию.

Расформирование Департамента военных дел не было оформлено и позже, хотя в 1876 г., при издании продолжения к Учреждению Государственного совета II Отделение Собственной ЕИВ канцелярии возбудило вопрос об исключении из Учреждения указания на Военный департамент. Однако никаких распоряжений об упразднении Департамента сделано не было, и председатель Государственного совета вел. кн. Константин Николаевич «признал желательным сохранить упоминание» об этом департаменте [10, л. 35 б]. Так Военный департамент превратился в бюрократический казус, существовавший исключительно на бумаге, но исправно упоминавшийся всеми изданиями Учреждения Государственного совета вплоть до начала XX в. «Комизм» ситуации, когда из издания в издание Свода законов печатались статьи, касающиеся существующего лишь на бумаге учреждения, отмечал чиновник II Отделения и автор целого ряда исторических работ П. М. Майков. «А потом говорят об анахронизмах и обилии статей в Своде, – восклицал он. – <...> Неужели нет возможности испросить узаконения об исключении статей, заведомо не действующих полстолетия!» [4, с. 212].

Однако фактическое исчезновение Военного департамента с передачей всех вопросов в Военный совет еще не означало, что Государственный совет потерял возможности контроля над военной сферой: во второй половине XIX в. в его руках было такое мощное средство регулирования, как рассмотрение смет и кредитов. Утвержденные Военным

советом изменения требовали в этих случаях санкции Государственного совета, который мог ассигновать не всю требуемую сумму сразу. В феврале 1887 г., например, из требуемых военным министром 35,5 тыс. руб. (на одобренное Военным советом изменение штатов некоторых частей и управлений) Департамент экономии, посчитав, «что не все предполагаемые штатные изменения одинаково неотложны», разрешил к выдаче в текущем году «лишь 19.275 р. необходимых на осуществление наиболее настоятельных перемен» [3, л. 24].

Государственный совет разрешал и те вопросы, которые касались взаимодействия военного и гражданских ведомств. Так, весной 1886 г. Военный совет обсуждал разработанный военным министерством проект Положения об управлении крепостями. И само Положение, и его штаты были утверждены императором по представлению Военного совета [12]. Однако один из разделов – а именно о правах и обязанностях комендантов крепостей по отношению к гражданским властям и местному населению – все же потребовал участия Государственного совета, который и рассмотрел его одновременно с вопросом о выделении сумм, необходимых для введения Положения в действие [6].

Выход Государственного совета за пределы этой довольно узкой в военных вопросах компетенции пресекался, хотя в его составе было немало военных, которые могли бы дать профессиональное заключение по многим вопросам. И когда в 1883 г. Совет позволил себе судить о правильности нового порядка отбывания воинской повинности и даже поручил военному министру (П. С. Ванновскому) представить об этом Государственному совету свои соображения, то сразу встретил противодействие. Вместо исполнения поручения Ванновский обратил на него внимание императора. Резолюция Александра III была категоричной: «это совсем не дело Государственного совета», – написал он на полях [11, с. 173, зап. 28 января 1884 г.]. И Совету не осталось ничего иного, как отступить.

Таким образом, несмотря на первоначальное намерение реформатора, военная проблематика оказалась полностью вне компетенции высшего законосовещательного органа империи. Практика довольно быстро подкорректировала положенные в основание работы Государственного совета принципы, поставив его в один ряд с многочисленными предшественниками – совещательными учреждениями XVIII в. и Московского государства, рассматривавшими законодательные, финансовые, судебные, но не военные вопросы. Попытка Сперанского изменить сложившуюся традицию потерпела фиаско, и формальное сохранение в составе Совета Военного департамента стало бюрократическим памятником этой неудаче.

Библиографический список

1. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. СПб.: типография Императорской Академии Наук. На 1855 год. 1855. 709 с.; На 1856 год. 1856. 705 с.; На 1857 год. 1857. 696 с.; На 1858–1859 год. 1858. 803 с.
2. Государственный совет. 1801–1901. СПб.: Государственная типография, 1901. 264 с.
3. Извлечения из меморий Государственного совета // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 706. Т. 1. 198 л.
4. *Майков П. М.* Государственный совет. 1801–1901. Составлено в государственной канцелярии. С.-Петербург. Государственная типография. 1901 // Журнал министерства народного просвещения. 1901. № 7. С. 206–215.
5. О дополнении некоторых статей устава купеческого судоходства. 15 ноября 1843 г. // Полное собрание законов. Собрание второе. Т. 18. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1844. С. 756–758. № 17327.
6. О дополнении Положения об управлении крепостями. 14 апреля 1887 г. // Полное собрание законов. Собрание третье. Т. 7. СПб.: Государственная типография, 1889. № 4352. С. 171–173.
7. О изменении 3 пункта 24 статьи Учреждения Государственного совета, о делах, изъемлемых от рассмотрения Совета. 15 ноября 1843 г. // Полное собрание законов. Собрание второе. Т. 18. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1844. С. 756. № 17326.
8. Образование Государственного совета. 1 января 1810 г. // Полное собрание законов. Собрание первое. Т. 31. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 3–15. № 24064.
9. Образование Морского министерства. 8 апреля 1836 г. // Полное собрание законов. Собрание второе. Т. 11. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1837. С. 400–412. № 9069.
10. Объяснительная записка к проекту учреждения Государственного совета. О наименовании Департаментов Государственного совета. [1900] // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1162. Оп. 2. ОдГС. Д. 2. 35 б – 35 б об.
11. *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря: в 2 т. М.: Наука, 1966. Т. 1. 551 с.
12. Положение об управлении крепостями. 15 июня 1886 г. // Полное собрание законов. Собрание третье. Т. 6. СПб.: Государственная типография, 1888. № 3826. С. 360–371.
13. Список высшим чинам государственного, губернского и епархиально-го управления. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1855. 135 с.; 1856. 140 с.; 1857. 144 с.; 1858. 144 с.
14. Список высшим чинам государственного, губернского и епархиально-го управления. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1859. 189 с.; 1860. 220 с.; 1861. 228 с.; 1862. 234 с.; 1863. 203 с.; 1864. 206 с.; 1865. 201 с.

15. Учреждение военного министерства. 29 марта 1836 г. // Полное собрание законов. Собрание второе. Т. 11. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1837. С. 247–347. № 9038. П. 659, 660. С. 333–334.

16. Учреждение Государственного совета. 15 апреля 1842 г. // Полное собрание законов. Собрание второе. Т. 17. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1843. С. 282–298. № 15518.

УДК [94+323,3](470.44-25)|1921/1929|

В. А. Чолахян,

профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

ГОРОДСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ САРАТОВА В 1920-е гг.

Статья является оригинальным исследованием на региональном уровне особенностей социальной структуры населения Саратова в 1920-е гг. На основе новых архивных материалов автор доказывает, что данный отрезок времени, вошедший в историю как период новой экономической политики, ознаменовался значимыми переменами не только в хозяйственной, но и социальной сферах крупного волжского города.

Ключевые слова: социальная структура населения, безработица, рабочие, служащие, новая экономическая политика.

V. A. Cholakhyan,

Professor, Saratov National Research State University N. G. Chernyshevsky

URBAN SOCIAL REALITY OF SARATOV IN THE 1920s

The article is an original study at the regional level of the peculiarities of the social structure of the population of Saratov in the 1920s. Based on new archival materials, the author proves that in a short period of time, which went down in history as a period of new economic policy, it was marked by changes not only in the economic, but also in the social spheres.

Key words: social structure of the population, unemployment, workers, employees, new economic policy.

Особенности экономического развития Саратовского Поволжья в 1920-е гг. определили своеобразие социальной структуры городского населения. В первой четверти XX в. регион был охвачен активными миграционными процессами. Переселения характеризовались перевесом движения в одном направлении – из сельской местности в города, а межрегиональные связи отличались неравномерностью встречных пото-

ков. В совокупности это приводило к размытости социальных границ, наличию ряда промежуточных групп и слоёв городского населения. В развитии социальной структуры общества нашли отражение основные тенденции экономической политики советского государства в 1920-х гг.

Прежде, чем перейти к рассмотрению социального состава городского населения Саратова следует обратить внимание на то, что в статистических данных переписи 1926 г. эта категория людей разделилась на две группы: самостоятельное и несамостоятельное население. Изменения в социально-демографическом составе городского населения наиболее отчётливо можно проследить на основе данных о самостоятельном населении.

Таблица 1

**Социальный состав населения Саратова по Всесоюзной переписи 1926 г.
(Самостоятельное население) [1, с. 453, 106]**

Социальные группы	г. Саратов				РСФСР	% по РСФСР
	мужчины	женщины	всего	в % к итогу		
Рабочие	18556	3112	21668	23	2330950	29,5
Служащие	18270	11325	29595	31,4	2168473	27,5
Лица свободных профессий	319	193	512	0,5	37408	0,5
Хозяева с наёмными рабочими	376	56	432	0,5	56128	0,7
Хозяева с помогающими членами семьи	2323	429	2752	3	407403	5,1
Хозяева-одиночки	5613	2068	7681	8,2	620471	7,9
Помогающие члены семьи	1167	1274	2441	2,6	622230	7,8
Лица, не имеющие или не указавшие занятия	9135	7719	16854	17,6	949543	12
Безработные	5105	4276	9381	10	656521	8,3
Военнослужащие	2881	–	2881	3	–	–
Прочие, в том числе, не указавшие источника дохода	–	–	–	–	47526	0,6
Всё самостоятельное население	63745	30452	94197	100	7896653	100

Из таблицы видно, что в середине 1920-х гг. наиболее многочисленную группу городского самодеятельного населения составляли служащие. Причём в Саратове, как наиболее крупном и развитом городе Нижнего Поволжья, их доля составляла 31,4 % всего самодеятельного населения, что превышало общероссийские показатели (27,5 %). При этом число мужчин-служащих значительно превышало долю женщин. Наибольший процент служащих отмечался в учреждениях (7490 мужчин и 5974 женщин), в области торговли и кредита (4186 мужчин и 1110 женщин), на железнодорожном транспорте (2606 мужчин и 853 женщины), в фабрично-заводской промышленности (1721 мужчин и 386 женщин) [2, л. 158].

Мужчин рабочих также было намного больше, чем женщин. Низкая степень вовлечения женщин в производство объяснялась их низкой квалификацией, отсутствием необходимых трудовых навыков и неграмотностью. Из 18556 мужчин-рабочих в фабрично-заводской промышленности было занято 5753 чел., из них: металлисты (1748 чел.), пищевики (624 чел.) и печатники (529 чел.). Женщин-рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности, насчитывалось 971 чел. Достаточно много мужчин-рабочих было задействовано в сфере железнодорожного транспорта (3497 чел.) и прочих вида транспорта (2317 чел.), в учреждениях (1115 чел.), кустарно-ремесленной промышленности (1102 чел.) [3, с. 118–119].

К группе «лица свободных профессий» можно отнести как интеллигенцию, так и определённую часть служащих, занятых в учреждениях (профессора, академики и преподаватели вузов, работники искусства, старший медицинский персонал, высший юридический персонал и т. п.) и фабрично-заводской промышленности (руководящий персонал, инженеры, архитекторы и т. п.).

В условиях НЭПа, который характеризовался «допущением» частного капитала в экономику страны и восстановлением рыночных отношений происходило естественное развитие связанных с этими процессами социальных структур. Прежде всего, это проявлялось в оживлении предпринимательства и медленном росте слоя «хозяев с наёмными рабочими» – «нэпманов». Так, если в 1923 г. их доля составляла 0,2 %, то в 1926 г. уже 0,5 % в Саратове, а по РСФСР – 0,7 %.

Выделенные в переписи группы «хозяева с наёмными рабочими», «хозяева, работающие только с членами семьи», и «хозяева-одиночки» в зависимости от сферы занятости могли быть отнесены как к ремесленникам, так и к мелким предпринимателям. В частности, в Саратове из 432 человек, составивших группу «хозяева с наёмными рабочими», кустарями и ремесленниками являлся 241 человек, а торговцами – 139 человек. В состав мелких производителей входила и группа «помогающие

члены семьи», которыми по декрету СНК от 7 сентября 1920 г. признавались родственники всех степеней и приёмьши, жившие совместно с хозяином, занимавшиеся с ним хозяйством и не получавшие от него за работу зарплаты в какой-либо форме [4, с. 103].

Эта категория не играла самостоятельной роли и принадлежала к тем же социальным группам, что и главы семей, которые в основной своей массе и были мелкими хозяевами [5, с. 103]. Их удельный вес, однако, был весьма незначительным и составлял всего в среднем по Саратову 2,6 %, уступая общероссийским показателям, достигавшим 7,8 %.

Категория «лица, не имеющие или не указавшие занятий» включала в себя иждивенцев (студентов-стипендиатов, воспитанников детдомов, пенсионеров), лиц, живших на нетрудовые доходы (рантье, получавших доход от сдачи домовладений, и матерей, живших за счёт алиментов) и деклассированное население (нищих, бродяг).

Одновременно с возрождением экономической жизни в городе, значительную долю населения в 1920-е гг. стали составлять безработные. Смена общей трудовой повинности на свободный найм рабочей силы привёл к сокращению лишнего числа работников на предприятиях. В годы НЭПа безработица становится характерной чертой повседневности. Реорганизация управления промышленностью и перевод предприятий на хозрасчёт привели к освобождению значительной части рабочих и служащих. Началось увольнение малоквалифицированных работников. На сокращение их числа повлияли и новые формы оплаты труда (коллективное снабжение, сдельная оплата). Сдельная оплата труда, разумеется, оказывала положительное воздействие на рост производительности труда, но отсутствие достаточного количества топлива и сырья не позволяло расширять производство в требуемых размерах, а, следовательно, и вовлекать в него новые кадры рабочих [6, с. 76–77].

На 1 октября 1926 г. на учете саратовской биржи труда состояло – 16163 человек, на 1 апреля 1927 г. – 21130, а на 1 октября 1927 г. – 14641 человек [7, л. 1 об.]. Постановлением Наркомата труда от 28 марта 1927 г. предусматривалось ограничение регистрации безработных [8, л. 23]. В связи с наступлением на частный капитал и закрытием предприятий наблюдалось увеличение их числа. В 1928 г. их число достигло 16833 человек [9, с. 53].

Безработица затронула, в первую очередь, женщин и подростков. По данным на 1 октября 1926 г. на саратовской бирже труда было зарегистрировано 8176 женщин (50,6 % от количества лиц, состоявших на учете биржи), на 1 апреля 1927 г. – 9327 (44,4 %), на 1 октября 1927 г. – 6678 (45,7 %) [10, л. 23]. Подавляющее большинство женщин в 1920-е гг. не имело образования, профессии, опыта работы, что и обусловило наличие женской безработицы.

Главным препятствием на пути вовлечения подростков в производство фактически служило отсутствие квалификации у юношей и девушек. Обучение же молодежи профессии требовало дополнительных средств, что вело к увеличению накладных расходов. В связи с переводом предприятий на хозрасчёт многие руководители стремились избавиться от молодых работников [11, с. 40].

Анализ материалов биржи труда показывает, что рост числа безработных объяснялся, главным образом, притоком лиц неквалифицированного труда из сельской местности, а по профессиям интеллигентного труда – за счёт сокращения штатов в аппаратах учреждений и хозяйственных органов. Кроме того, на увеличение безработицы оказывала влияние чрезмерная текучесть рабочей силы, достигающая в отдельных предприятиях до 200 %, а в строительстве – до 400 % [12, с. 35].

Урбанизация непосредственно затрагивала и демографические процессы, представлявшие собой изменения в составе и воспроизводстве населения.

Таблица 2

**Естественное движение населения Саратовской губернии и СССР
в 1923–1925 гг. [13, с. 72]**

Годы	Саратовская губерния			СССР		
	Рождаемость	Смертность	Прирост	Рождаемость	Смертность	Прирост
1923	45,38	23,59	21,79	47,0	29,1	17,9
1924	44,24	22,35	21,89	49,0	27,6	21,4
1925	41,92	21,69	20,23	47,3	28,7	20,1

Из таблицы видно, что в 1923 г. в Саратовской губернии был зафиксирован наивысший уровень деторождения. Позитивные тенденции в демографической ситуации в регионе нашли отражение в итогах Всесоюзной переписи населения 1926 г.

Таблица 3

**Численность населения Саратовской губернии
по переписи населения 1926 г. [15, л. 1]**

Мужчины	Женщины	Всего	Городское население	Сельское население
1005287	1113435	2118722	400313	1718409

Административно-правовая роль государства в регулировании демографических процессов наиболее активно проявлялась в отношении к городской семье, её формированию и развитию. Попытки разрушить традиционные отношения полов, продолжавшиеся в первой половине 1920-х гг., получили своё юридическое оформление в принятом в 1926 г. законе о браке, семье и опеке. Кодекс 1926 г. максимально упро-

стиль юридические основы брака и явился реализацией пропагандистских установок на свободу брачных отношений: для расторжения брака достаточно было заявления одного из супругов, причём представления какого-либо объяснения не требовалось [16, с. 30].

Моральные и материальные последствия для страны нового закона сказались довольно быстро: число разводов росло катастрофически (данные на 1 тыс. человек): 1920 г. – 1,9; 1923 г. – 3,4; 1927 г. – 9,8; 1929 г. – 11,3 [17, с. 176]. В Саратове в 1927 г. было совершено 2859 браков и 1344 разводов, т. е. расторгался каждый второй брак [18, л. 31].

Таким образом, в 1920-х гг. в регионе сложилась социальная структура населения, характерная для развития города в условиях рыночного хозяйства, со всеми присущими её элементами – предпринимателями, рабочими, служащими, ремесленниками, безработными и проч.

Библиографический список

1. Таблица составлена по: Всесоюзная перепись населения 1926 г.: в 56 т. Т. XX. М., 1929. С. 453, 492–497; *Жиромская В. Б.* После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. М., 1996. С. 106.
2. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 161. Л. 158; Ф. 5451. Оп. 11. Д. 93. Л. 95.
3. *Чолахян В. А.* Социально-демографические последствия индустриального развития Нижнего Поволжья (конец XIX в. – 1930-е гг.). Саратов, 2008. С. 118–119.
4. *Жиромская В. Б.* После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. М., 1996. С. 103.
5. *Жиромская В. Б.* Указ. соч. С. 103.
6. *Шарошкин Н. А.* Изменения в численности и составе рабочих Поволжья в переходный период от капитализма к социализму (1917–1937 гг.) Саратов, 1984. С. 76–77.
7. ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1691. Л. 1 об.; Д. 2506. Л. 23.
8. ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 2506. Л. 23–23 об.
9. *Васильев В. А.* Ликвидация безработицы в Нижне-Волжском крае // Поволжский край. Саратов, 1975. Вып. 3. С. 53.
10. ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 2506. Л. 23.
11. *Маруцкий Э. С.* Рабочая молодежь в условиях НЭПа и индустриализации. Саратов, 1995. С. 40, 18.
12. *Васильев В. А.* Указ. соч. С. 35.
13. *Мальков А. А.* Естественное движение населения Саратовской губернии за период 1914–1925 гг. Саратов, 1926. С. 44–50.
14. Население СССР. 1987: стат. сборник. М., 1988. С. 8.
15. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 140. Л. 4, 8; Д. 322. Л. 1.
16. *Ростовский И. А.* Новый закон о браке, семье и опеке. 3-е изд. М., 1927. С. 30.
17. *Черных А. И.* Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 176.
18. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 8. Л. 31.

И. В. Чубыкин,

доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ПОДПОЛКОВНИК Ф. Е. МАХИН – ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЭСЕРОВСКОГО ПОДПОЛЬЯ В КРАСНОЙ АРМИИ

В марте – июле 1918 г. эсером подполковником Ф. Е. Махиным велась активная разведывательная и организационная деятельность, в значительной мере способствовавшая созданию социалистами-революционерами Восточного фронта.

Ключевые слова: Партия социалистов-революционеров, Военная комиссия при ЦК ПСР, Восточный фронт.

I. V. Chubykin,

Associate Professor, Lomonosov Moscow State University

LIEUTENANT COLONEL F. E. MAKHIN – REPRESENTATIVE OF THE SOCIAL REVOLUTIONARY UNDERGROUND IN THE RED ARMY

In March – July 1918, Social Revolutionary Lieutenant Colonel F. E. Makhin conducted active intelligence and organizational activities, which significantly contributed to the creation of the Eastern Front by the Social Revolutionaries.

Key words: Socialist Revolutionaries Party, Military Commission under The Central Committee of the PSR, The Eastern Front.

Военной деятельностью партии эсеров ведала Военная комиссия при Центральном комитете Партии социалистов-революционеров (ПСР) созданная постановлением ЦК от 10 июня 1917 г. для ведения партийной работы в армии [15]. Член ЦК ПСР В. М. Зензинов, после переезда Центрального комитета в Москву в марте 1918 г. был уполномочен им заняться созданием военной партийной организации. Зензинов опирался на созданную московскими эсерами «специальную военную группу» ставившую своей задачей вооруженное свержение Советской власти [7, с. 16].

В марте в редакции органа московской организации эсеров – газеты «Труд» появился подполковник, приехавший с Румынского фронта и искавший связи по военной работе с ЦК партии эсеров. Сотрудники редакции направили его к В. М. Зензинову. Им оказался член ПСР с 1906 г. [13, с. 895], начальник штаба 3-й стрелковой дивизии и председатель бюро эсеровской партийной организации в ней подполковник

Генерального штаба Русской армии Фёдор Евдокимович Махин [2, с. 3]. Он предложил в распоряжение партии демобилизованные части, возвращавшиеся с Румынского фронта на Северный Кавказ. Махин предлагал направить их в Москву для вооруженного выступления против большевистской власти, выражая уверенность в их надёжности и ручаясь за успех. Однако это предложение оказалось отклоненным партийными руководителями [7, с. 19].

Махин остался в Москве и вскоре известил партийное руководство о полученном им через знакомых офицеров Генштаба Русской армии предложении большевиками ответственной штабной работы в создаваемой Красной армии. Внимательно изучившие ситуацию и тщательно обдумавшие возможности эсеровские руководители дали ему указание принять предложение. Вскоре он был назначен на должность начальника оперативного отделения штаба военного руководителя Московского района обороны Завесы К. К. Байова [5, с. 54; 7, с. 19]. По воспоминаниям В. М. Зензинова, «мы таким образом всегда были в курсе всех военных операций советской власти на всех фронтах. Несколько раз, ранними утрами, до прихода политических комиссаров на службу, я виделся с [...] Махиным в главном штабе большевиков – в прекрасном барском особняке [...] [Садовая-Кудринская улица, дом 17. – прим. авт. статьи], и там получал от него нужные сведения. Позднее [...] Махину предложено было большевиками отправиться на Восточный фронт для борьбы с чехословаками. Он, опять-таки с нашего согласия, принял предложение, набрал штаб (почти исключительно из с.-р.-ов) – и в нужный момент сдал Уфу чехо-словакам и войскам Народной армии [самарского Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча). – прим. авт. статьи] без боя, перейдя вместе со всем своим штабом в распоряжение Комитета членов Учредительного собрания» [7, с. 19].

Руководивший в марте – мае 1918 г. в Москве деятельностью Военной комиссии при ЦК ПСР его член Е. М. Тимофеев на дневном заседании 22 июня проходившего в Москве 8 июня – 7 августа 1922 г. судебного процесса Партии социалистов-революционеров, будучи подсудимым, показал, что весной 1918 г. неоднократно встречался с Ф. Е. Махиным и обсуждал доставленный им из Штаба военного руководителя Московского района проект построения военных округов: «рассматривали на предмет интересующего нас вопроса, поскольку данное построение военных округов предопределяло правильное создание армии, поскольку эта армия может оказаться действительно национальной и вооруженной силой, могущей продолжать борьбу против Германии [13, л. 293]. Тимофеев уточнял мотив эсеровского руководства: «можем ли мы при уже сложившейся системе отношений боль-

шевиков с Германией после заключения Брестского мира, можем ли думать, что эта армия сможет стать той силой, которая после свержения германского ига, против германского империализма и порабощения России будет бороться». Махин лично готовил план создания Восточного фронта для продолжения войны с Германией. В тот период он постоянно колебался – продолжать служить в Красной армии или нет, так как не желал способствовать усилению власти большевиков, однако сохранял надежду увидеть Красную армию гарантом независимости России. Пока Махин оставался на должности, руководители партии эсеров вынашивали масштабные планы по её формированию в предпочтительном для партии направлении.

Е. М. Тимофеев свидетельствовал: «У нас были горделивые мечты. Насколько они реализовались, я не знаю. Потому что Махину пришлось уехать на восток, а нам от Московского штаба оторваться. Но у него была мечта, которая в конце-концов и меня побуждала его оставлять на военной службе у большевиков, что большевики – это пена, муть, налёт на поверхности русской жизни, которая в конце-концов слетит и останется лишь то, что жизнью и революцией выдвинуто, а именно новая революционно-демократическая армия. Поэтому все хорошие технические, политические честные силы мы должны туда включить [...]» [13, л. 295]. На том же заседании подсудимый И. С. Дашевский, возглавивший Военную комиссию после отъезда Е. М. Тимофеева во второй половине мая 1918 г. в г. Сызрань, по решению 8-го Совета для организации вооруженного восстания в Поволжье, дополнил, что «мы беседовали насчёт этих военных округов не только [...] о создании будущей новой армии, [...] нас интересовало это распределение военных округов по определённым территориям, с точки зрения наших действий в ближайшем будущем против Советской власти. [...]. У нас встал вопрос о желательности провести на эти посты начальников образуемых округов своих людей» [13, л. 303].

Служба Ф. Е. Махина в Красной армии оказалась высоко оцененной председателем Высшей военной инспекции Н. И. Подвойским [8, с. 142]. Во второй половине мая 1918 г. командование РККА приняло решение о направлении большой группы служивших в ней офицеров Генштаба Русской армии в регионы страны для работы по созданию военных округов, с предоставлением права выбора местности. Ф. Е. Махин, уже знавший о принятом 8-м Советом ПСР (Москва, 9–16 мая) решении о создании Восточного фронта в Поволжье, в начале июня высказал пожелание о получении должности в Приволжском или Приуральском военном округе [10, л. 68 об.; 11, л. 112 об.]. Командование пошло навстречу и назначило его на ответственный пост начальни-

ка Уфимского полевого штаба командующего 2-й армией (26 июня – 3 июля 1918 г.). На этом посту он сменил В. В. Яковлева, перешедшего на сторону Комуча осенью 1918 г. Приказ о назначении Махина был подписан командующим большевистским Восточным фронтом левым эсером М. А. Муравьевым. За неделю командования армией Махин изменил оперативный план штаба и захватил важные документы. При подходе чехословацких войск к г. Уфе он выехал из города со своим адъютантом навстречу командующему Поволжской группы чехословацких войск полковнику Станиславу Чечу и дал детальные рекомендации по взятию уфимского укрепленного района [4, с. 21]. 5 июля чехословацкие войска без боя взяли Уфу и 6 июля на станции Миньяр Пензенская группа соединилась с Челябинской группой полковника С. Н. Войцеховского [9, с. 59].

По мнению члена ЦК ПСР и управляющего ведомствами иностранных дел, почты и телеграфов Комуча М. А. Веденяпина, «из военных был один человек – подполковник Махин, который должен бы быть во главе Военного ведомства». Однако предшествующая служба в Красной армии продолжительное время серьезно не давала возможности дать достойный его пост. Даже эсеры В. И. Лебедев (товарищ управляющего Военным ведомством) и Б. Ф. Фортунатов (член Военного штаба и Военного совета при командующем войсками Народной армии Комуча) вместе со всем Военным штабом «отказывались сотрудничать с Махиным, как с лицом, бывшим на службе у большевиков». Только после того как Веденяпин 11 июля выступил в органе Самарского губернского комитета ПСР – газете «Земля и воля» с официальным заявлением о службе Махина в РККА по решению Центрального комитета партии эсеров, тот получил назначение на Южный фронт командующим [1, с. 453; 2, с. 3–4].

Свои политические взгляды Ф. Е. Махин тезисно изложил в переданной в Военный штаб Народной армии Комуча докладной записке «О ближайших задачах, стоящих на очереди в связи с вопросом о возобновлении войны с Германией» от 17 июля 1918 года: подъем народных масс на борьбу при опоре на рабочих и крестьян; единственно возможный лозунг – «Земля и воля, независимая демократическая Россия»; борьба с большевиками» [5, с. 55].

Вскоре после перехода на сторону Комуча подполковник Ф. Е. Махин возглавил группировку Народной армии на Вольском направлении. С 15 июля и на 15 августа – командующий частями Хвалынского района, начальник 2-й Сызранской стрелковой дивизии, командующий Южной группой (в саратовском направлении), 23 октября – 24 декабря – начальник 1-й Оренбургской казачьей пластуновской дивизи

зии, в ноябре – командующий Актюбинской группой Оренбургской армии [4, с. 23–32]. Обсуждал возможность восстания против власти адмирала А. В. Колчака с башкирским политиком Ахметом-Заки Валидовым и возглавляемой им группой, но из опасения развала антибольшевистского фронта, будучи по происхождению оренбургским казаком, не воспользовался своим авторитетом среди казачества Оренбуржья и отказался участвовать в антиправительственной деятельности [3, с. 488; 9, с. 469–471]. На основании доноса участника последнего совещания – офицера башкирских частей, по обвинению в подготовке вооруженного восстания 21 ноября арестован в г. Оренбурге и доставлен в г. Омск для допроса Колчаком. Верховный правитель после жесткого разговора с Махиным, высказавшим свое неприятие колчаковского военно-политического режима и отметившим его разлагающее воздействие на единство антибольшевистского движения, не имея документов, подтверждающих реальность заговора, был вынужден ограничиться высылкой оппозиционера под конвоем в декабре через г. Владивосток за пределы страны под прикрытием бессрочной командировки [9, с. 471]. Россию Махин покинул 17 января 1919 г. [6, л. 1].

В эмиграции Махин активно участвовал в деятельности созданного эсерами Административного центра Внепартийного объединения (1920–1922 гг.), с ноября 1923 г. входил в Областной комитет Заграничной организации ПСР. В 1939 г. вступил в Компартию Югославии. С апреля 1941 г. воевал в составе четников и командовал отрядом в армии генерала Дражи Михайловича. В 1941–1945 служил в Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) военным советником Иосипа Броз Тито. С 1944 г. генерал-лейтенант. Скончался вскоре после возвращения из командировки в СССР [5, с. 57; 12; 14, с. 895; 16, с. 42].

Библиографический список

1. *Веденяпин М.* Доклад члена Центрального Комитета Партии социалистов-революционеров М. А. Веденяпина Центральному Комитету партии о своей деятельности в Заволжье летом 1918 года // Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Июнь–октябрь 1918 года). Публикация. М.: РОССПЭН, 2011. С. 442–472.

2. *Веденяпин М. А.* От члена Центрального Комитета партии социал-революц. // Земля и воля. Самара. 1918. 11 июля. С. 3–4.

3. *Вольский В. К.* Доклад председателя Самарского Комитета членов Учредительного собрания В. К. Вольского на заседании IX Совета партии эсеров // Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Июнь–октябрь 1918 года). Публикация. М.: РОССПЭН, 2011. С. 472–497.

4. *Ганин А. В.* «Свой среди чужих и чужой среди своих»: полковник Федор Махин // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народ-

ных вожаков русской смуты: сб. статей и материалов. М.: АИРО-XXI, 2014. С. 16–59.

4а. *Ганин А.* «Свой среди чужих и чужой среди своих»: полковник Федор Махин // Ганин А. Измена командармов. М.: Пятый Рим, 2020. С. 27–249.

5. *Ганин А. В.* Судьба Генерального штаба полковника Ф. Е. Махина // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 54–58.

6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 3451.

7. *Зензинов В. М.* Борьба российской демократии с большевиками в 1918 году. Москва – Самара – Уфа – Омск. Воспоминания // Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М.: Институт российской истории РАН, 1995. С. 11–26.

8. *Каминский В. В.* Почему генштабист РККА Ф. Е. Махин «открыл ворота» Уфы белому Комучу 4 июля 1918 г.? / История белой Сибири. (Материалы V Международной научной конференции. Кемеровское отделение заочного обучения Омского Юридич. ин-та МВД РФ, 4–5 февраля 2003 г.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. С. 140–147.

9. *Прайсман Л. Г.* Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. СПб.: Издательство имени Н. И. Новикова; Издательский дом «Галина скрипит», 2015.

10. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 11 (Всероглавштаб). Оп. 6. Д. 96.

11. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 11 (Всероглавштаб). Оп. 6. Д. 125.

12. *Тесемников В. А.* Превратности судьбы генерала Ф. Е. Махина // Tokovi istorije. 2008. № 1–2. С. 68–83.

13. Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Следственное дело Н-1789. Т. 26.

14. [*Чубыкин И. В.*] Биографические справки. Махин Фёдор Евдокимович // Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: сб. док. М.: РОССПЭН, 2002. С. 895.

15. [*Чубыкин И. В.*]. Комментарии. Дело 16. Военная комиссия при ЦК ПСР // Там же. С. 611–612.

16. *Чубыкин И. В.* 1-й съезд заграничных организаций Партии социалистов-революционеров (15–24 ноября 1923 г., Прага) // История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты: сб. ст. Новосибирск: СибАК, 2019. С. 34–44.

А. В. Шадрина,

старший научный сотрудник, Южный научный центр
Российской Академии наук (Ростов-на-Дону)

СОСТОЯНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО РАСКОЛА В ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО В НАЧАЛЕ XX в.

В начале XX в. в Области войска Донского наибольшее распространение получили старообрядцы-беглопоповцы и последователи австрийского толка, которые делились на окружников и противоокружников. Помимо Хоперского округа, различные толки старообрядцев в большей или меньшей степени были распространены по всему региону.

Ключевые слова: Область войска Донского, старообрядческий раскол, беглопоповцы, австрийское согласие, поморцы, поморцы-брачники, средники.

A. V. Shadrina,

Senior Researcher, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(Rostov-on-Don)

THE STATE OF THE OLD BELIEVER SCHISM IN THE AREA OF THE DON'S ARMY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

At the beginning of the XX century in the region of the Don army, the most widespread were the Old Believers-Beglopopovtsy and followers of the Austrian persuasion, who were divided into okrugs and counter-okruzhniks. In addition to the Khopersky District, various sects of Old Believers were more or less widespread throughout the region.

Key words: Region of the Donskoy army, Old Believer split, Beglopopovtsy, Austrian consent, Pomors, Pomorians-mates, middlemen.

До революционных потрясений начала XX в. Область войска Донского была регионом, заселенным значительным числом старообрядцев. Несмотря на исследования, проведенные в последнее десятилетие волгоградскими историками, проблема определения состояния старообрядческого раскола в донском регионе до 1920 г., продолжает оставаться актуальной, что объясняется отсутствием анализа комплекса источников, который позволил бы установить распространенные на Дону течения старообрядцев и их локализацию.

Историография проблемы не может быть названа обширной. Если в дореволюционный период старообрядческому расколу второй половины XIX в. было посвящено значительное число исследований, выполненных преимущественно преподавателями Донской духовной семинарии (1863–1920 гг.), то современная историография ограничивается исследованиями О. Ю. Редькиной [25, 26, 27]. В работе «Старообрядчество на Дону во второй половине XIX – начале XX века (по материалам духовной печати)» автор не только проанализировала различные аспекты развития старообрядчества на Нижней Волге и Верхнем Дону (территории, ныне входящей в состав Волгоградской области), но и определила ряд проблем исследования старообрядческих групп населения, которые в полной мере относятся и к изучению ситуации в Области войска Донского [27, с. 257].

Источниками, позволившими определить течения старообрядчества и их локализацию в Области войска Донского, послужил комплекс клировых ведомостей церковью Донской и Новочеркасской епархии начала XX в. Документы данного комплекса отличаются тем, что в них в заключительном разделе каждой ведомости в обязательном порядке фиксировалась численность старообрядцев и сектантов в каждом населенном пункте, входящем в состав прихода. В подавляющем большинстве источников указывалось течение, к которому относились старообрядцы, проживавшие в том или ином населенном пункте.

Перед обращением к анализу состояния старообрядчества в донском регионе в начале XX в. следует упомянуть, что первой всеобщей переписью населения Российской империи в 1897 г. в Области войска Донского было зафиксировано 130 450 старообрядцев. При этом православных (включая единоверцев) было 2 314 222 человека [23, с. 82]. Таким образом, старообрядцы составляли 5,6 % населения донского региона. В начале XX в. на территории Области войска Донского, по сообщению донских периодических изданий, проживало: в 1903 г. около 130 тыс. старообрядцев, в 1909 г. – от 129 тыс. до 140 тыс. человек [25, с. 16]. Даже приблизительная статистика, приводившаяся в региональной периодике, позволяет утверждать, что численность старообрядческого населения на Дону в начале XX в. оставалась стабильной. Если и происходило увеличение численности, оно было незначительным и объяснялось, скорее, естественным приростом, связанным с рождением детей.

Начиная со времени заселения Земли донских казаков в конце XVII в., старообрядчество в этом регионе не было однородным.

Анализ источников показал, что в начале XX в. в Области войска Донского среди старообрядцев существовали следующие течения:

беглопоповцы [24, с. 416–424]; беспоповцы [5, л. 76 об., 15, л. 41а, 11, л. 26 об.], делившиеся на раскольников поморского согласия [4, л. 91 об.], раскольников-поморцев брачников (беспоповцев, признающих брак) и средников [3] (старообрядцы, не признававшие духовенство).

С 1860 г. на Дону достаточно широкое распространение получили старообрядцы австрийского согласия. Это согласие было основано в 1846 г., когда в Белой Кринице к старообрядчеству через покаяние и миропомазание был присоединен греческий митрополит Амвросий [22, с. 543]. Старообрядцы белокриницкого согласия принимали священников, получивших хиротонию от иерархов, им рукоположенных [5, с. 543]. После 1862 г. представители «австрийского согласия» разделились на окружников [3, л. 202–202 об.] и неокружников (противоокружников) [10, л. 170 об., 2, л. 170 об.] – старообрядцев, признававших, или не признававших «Окружное послание», изданное 24 февраля 1862 г. епископом Онуфрием (Парусовым), управлявшим в то время старообрядцами Российской империи [22, с. 546].

В Области войска Донского старообрядцы в большинстве признавали «поповские» согласия, т. е. течения, приемлющие священство. В первую очередь, это были беглопоповцы, переходившие из православия после принятия священного сана, и австрийское согласие.

Характерной особенностью донского региона было бесконфликтное совместное проживание старообрядцев различных толков в одной станице. Так, в станице Старочеркасской при преимущественном православном населении проживали беглопоповцы, старообрядцы австрийского согласия и беспоповцы [9, л. 29 об.]. В станице Манычской бесконфликтно сосуществовали беглопоповцы и беспоповцы [9, л. 61 об.]. В станице Ольгинской также при подавляющем большинстве православного населения проживали старообрядцы австрийского согласия (окружники) и беспоповцы [9, л. 75 об.]. В станице Скуришенской и хуторах Глазуновского благочиния нередкими были случаи совместного проживания сторонников австрийского согласия, беглопоповцев и беспоповцев [16, л. 22, 112, 233].

Относительно локализации старообрядческого населения следует сказать, что регион был неравномерно заселен последователями старых обрядов. На севере Области войска Донского в четырех благочиниях: Правоторовском, Преображенском, Урюпинском и Филоновском, входивших в состав Хоперского округа, раскольники не проживали вообще. Также старообрядцы не были зафиксированы в Раздорском благочинии 1 Донского округа.

В Черкасском округе Области войска Донского проживали беглопоповцы; старообрядцы австрийского толка – как окружники, так и противоокружники, которых, по сравнению с первыми, было незначительное число, и беспоповцы [9, 10, 2, 21]. В количественном отношении преимущественное отношение имели последователи беглопоповцев и австрийского согласия.

В Донецком округе также проживали беглопоповцы, старообрядцы австрийского толка и беспоповцы, причем в данном районе бóльшим было число последователей австрийского согласия [18, 16, 14, 12, 19].

Большим разнообразием течений среди старообрядческого населения отличалось Семикаракорское благочиние 1 Донского округа Области войска Донского. Так, в этом районе проживало значительное число последователей австрийского толка, беглопоповцев, беспоповцев [6, 20, 8, 13], поморцев [8] и средников [8, л. 240 об.]. В Ермаковском благочинии того же округа локализовались поморцы [4, л. 91 об.] и поморцы-брачники [4, л. 40 об.].

Меньшее разнообразие, но значительно большее число старообрядцев локализовалось в Нижне-Чирском благочинии 2-го Донского округа. Здесь в большом количестве проживали представители австрийского согласия, причем как окружники, так и противоокружники, беглопоповцы, беспоповцы и средники [3].

В Усть-Медведицком округе проживали старообрядцы австрийского толка, беспоповцы. Наибольшими по числу были беглопоповцы [7, 11].

Значительно меньше старообрядцев, чем в других округах Области войска Донского, проживало в Таганрогском округе, населенном малороссами, которые отдавали предпочтение австрийскому толку (окружники) и в незначительном количестве беспоповскому согласию [17].

Итак, в начале XX в. Область войска Донского продолжала оставаться одним из регионов, население которого в незначительном количестве предпочитало придерживаться старых обрядов. Наибольшее распространение среди донцов получили течения, признававшие духовенство: беглопоповцы и представители австрийского согласия (окружники и противоокружники). В меньшей степени на Дону были распространены поморцы, поморцы-брачники и средники, не признающие священников. Старообрядческое население проживало на территории региона неравномерно. В 4-х благочиниях Хоперского округа последователи старых обрядов зафиксированы были, в отличие от Нижне-Чирского благочиния 2 Донского округа и 1 Донского округа, где старообрядчество было распространено в значительной степени.

Библиографический список

1. ГАРО. Ф. 2026. Оп. 3. Д. 11747.
2. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 10544.
3. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11612.
4. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11663.
5. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11676.
6. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11680.
7. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11745.
8. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11747.
9. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11752. Т. 1.
10. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11752. Т. 2.
11. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11882.
12. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11892.
13. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11895.
14. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11898.
15. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11901.
16. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11972.
17. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 12081.
18. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 12167.
19. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 12169.
20. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 9603.
21. ГАРО. Ф. 226. Оп. 19. Д. 452.
22. Крахмальников А. П., Панкратов А. В. Белокриницкая иерархия // Православная энциклопедия. М.: НИЦ «ПЭ», 2002. Т. IV. С. 542–556.
23. Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. Область войска Донского. СПб., 1905.
24. Покровский Н. Н., Агеева Е. А. Беглопоповцы // Православная энциклопедия. М.: НИЦ «ПЭ», 2002. Т. IV. С. 416–424.
25. Редькина О. Ю. Староверы Нижней Волги и Дона в конце XIX – XX веке // Российская история. 2012. № 4. С. 15–27.
26. Редькина О. Ю. Старообрядцы в Усть-Медведицком и Хоперском округах Области войска Донского во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы краеведения: материалы краеведческих чтений. Волгоград, 2007. Вып. 10. С. 273–276.
27. Редькина О. Ю. Старообрядчество на Дону во второй половине XIX – начале XX века (по материалам духовной печати) // Казачество: прошлое и настоящее: сборник научных трудов. Волгоград, 2000. С. 245–276.

УДК 94(47).084.9

К. А. Юдин,

исполнитель по гранту, Санкт-Петербургский государственный университет,
доцент, Ивановский государственный университет

СОВЕТСКАЯ КИНОПОЛИТИКА В 1950 – СЕРЕДИНЕ 1960-х гг.: ВЕКТОРЫ «ХОЛОДНОЙ» КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ*

Статья посвящена рассмотрению советской кинополитики. С привлечением архивных материалов предпринимается попытка дополнительно исследовать специфику административно-институционального регулирования культурной дипломатии на одном из этапов «холодной войны».

Ключевые слова: советская кинополитика, «холодная война», культурная дипломатия, технологии и механизмы власти, идеологический контроль.

K. A. Yudin,

The Grant performer, Saint-Petersburg University,
Associate Professor, Ivanovo State University

SOVIET CINEMA POLICY IN 1950 – MID-1960s: VECTORS OF THE “COLD” CULTURAL DIPLOMACY

The article is devoted to the consideration of the Soviet cinema politics. With the involvement of archival materials, an attempt is made to additionally study the specifics of the administrative and institutional regulation of cultural diplomacy at one of the stages of the “cold war”.

Key words: Soviet cinema politics, “cold war”, cultural diplomacy, technologies and mechanisms of power, ideological control.

После смерти И. В. Сталина наступил переходный, транзитный период 1953–1955 гг. На высшем государственном уровне оттеснение Г. М. Маленкова в ходе непродолжительной борьбы за власть, устранение Л. П. Берия и утверждение Н. С. Хрущева в качестве первого секретаря ЦК КПСС сопровождалось восстановлением механизмов коллективного руководства. Десталинизация повлияла и на советскую кинополитику в отношении США. Трансляция привычных антиамериканских стереотипов, обусловленных изоляционистскими установками, сочеталась со все более проявлявшейся умеренностью в идеологической

© Юдин К. А., 2021

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

репрезентации. Образ врага, его пропагандистская визуализация, не претерпели существенной эволюции и обновления, несмотря на оперативно начатую уже в апреле 1953 г. реформу Агитпропа и Советского информационного Бюро (СИБа), направленную на увеличения количества контролирующих подразделений. В 1954 г. советское руководство продемонстрировало дипломатическую сдержанность в общении с американскими кинематографистами, основанную на информационных паллиативах. Визит американского режиссера Н. Дугласа, обратившегося в марте 1954 г. к Н. С. Хрущеву с просьбой разрешить посетить СССР для съемок цветного фильма «Россия сегодня», был признан нецелесообразным. «Нельзя гарантировать, – считали М. А. Сулов и В. С. Зорин, – что по возвращении Дугласа в США снятые им кадры не будут соответствующим образом смонтированы и использованы в антисоветских целях» [8, ф. 3, оп. 35, д. 70, л. 16–17]. При этом было дано разрешение на передачу уже готовых киноматериалов через посредничество в/о «Совэкспортфильм».

Подобная «пауза» в деятельности советского «холодного» конвейера смыслов», или «вынужденное отступление» [9, с. 190–192] можно считать первой репетицией культурно-политической коммуникации, сложившейся в период *«холодного потепления»* и *«разрядки»* в международных отношениях. Официально-номинально начало *«холодного потепления»* в сфере кинематографии можно датировать январем 1958 г., когда состоялось известное соглашение между СССР и США в области научных, технических, образовательных, культурных обменов (соглашение Лэйси – Зарубина, 27 января 1958 г.), ставшее долгожданным итогом интенсификации культурных связей, снижения враждебной идеологической экспрессии, несмотря на венгерские события 1956 г., вызвавшие локальный разрыв [7, ф. 2329, оп. 9, д. 1021, л. 2], за предшествующие три года (1955–1958). При этом 1956 год в целом не выпал из наметившейся тенденции к коммуникации. В октябре 1956 г. секретарь ЦК КПСС М. А. Сулов положительно визировал предложение Министерства культуры СССР о приглашении в октябре этого года сроком на 7–10 дней группы кинопромышленников США в составе Э. Джонстона, Г. Джонсона, Д. Руфатта и Д. Вертнера для переговоров о покупке американских фильмов и взаимной продаже советских фильмов США [8, ф. 3, оп. 35, д. 78, л. 166]. Как отмечалось в справке о связях между СССР и США в области кинематографии, в соответствии с подписанным соглашением 1958 г. советская сторона приобрела 10 американских фильмов («Марти», «Великий Карузо», «Рапсодия», «Лили», «Все о Еве», «Оклахома», «Римские каникулы», «Старик и море», «Человек с тысячью лиц», «Седьмое путешествие Синдбада»), а американская –

7 советских кинофильмов, таких как: «Тихий дон», «Летят журавли», «Лебединое озеро», «Артисты цирка», «Отелло», «Идиот», «Дон Кихот». Всего с 1959 и до 1971 г. СССР приобрел 79 американских к/ф [7, ф. 2944, оп. 25, д. 34, л. 41].

В ходе проведения переговоров не всегда удавалось достичь моментального взаимопонимания, что выражалось в незначительных диссонансах, вписывавшихся в «холодную» конъюнктуру. Так, в мае 1958 г. Министр культуры СССР Н. А. Михайлов сообщал, что проходившие в Вашингтоне с 26 по 29 апреля, в соответствии с Соглашением между СССР и США в области техники и образования, переговоры «носили крайне острый характер». «Американская сторона, – докладывал он, – с первого же заседания стала настойчиво подчеркивать, что главное – договориться о покупке Советским Союзом американских фильмов. Что же касается покупки американцами советских фильмов, то об этом не может быть и речи, так как американская сторона не может взять на себя каких-либо обязательств по их прокату в США». И далее: «Американские фирмы пытались установить крайне высокие цены за свои фильмы и низкие за советские картины» [8, ф. 5, оп. 36, д. 82, л. 58, 62]. Как отмечали зам. заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Б. С. Рюриков и зав. сектором этого же Отдела А. Н. Сазонов, «в результате длительных переговоров американская сторона была вынуждена согласиться на взаимный обмен фильмами, но при этом предложила прервать переговоры на 30 дней» [там же, л. 69]. При этом отечественные кинематографисты и партийно-государственное руководство осознавало уязвимость и ограниченность возможностей «культурной экспансии» средствами кино. В октябре 1958 г. председатель Оргкомитета Союза работников кинематографии И. А. Пырьев и его коллеги – С. И. Юткевич, М. И. Роом в письме, адресованном ЦК КПСС, констатировали, что «даже ведущие прогрессивные фирмы, идущие нам навстречу, иногда вынуждены отказываться от наших картин ввиду низкого технического состояния» [там же, д. 78, л. 97]. В американской прессе подобный инцидент был охарактеризован как *«Блюз на тему переговоров с русскими»* – такое название носила статья в газете «Variety» от 30 апреля 1958 года, прокомментировавшая его следующим образом: «Русские обсудили продажу ряда своих картин с различными компаниями, каждая из которых считала, что она их заполучила. Ни промышленности, ни правительству не нравился открытый “услуга за услугу” подход русских, взятый ими во время переговоров. И часть компаний не выработала вообще никакой политики» [там же, д. 82, л. 66].

Поэтому, за благополучным фасадом коммерческого обмена скрывались ощущения тревожности и неопределенности в выстраива-

нии внутренней и внешней кинополитики. Как верно отметила Т. М. Горяева, «культурно-идеологические события 1953–1957 гг. и 1958–1964 гг., значительные сдвиги в общественном сознании указывали на то, что наряду с поляризацией между “верхами” и “низами”, на высших этажах власти также не было единства в принципиальных идеологических подходах». И далее: в конце 1950 – начале 1960-х гг. «шел поиск, во-первых, новых форм управления и контроля, ослабленных в 1956–1957 гг., а, во-вторых, идеологической платформы, которая концентрировалась вокруг вышеназванного главного вопроса: о целях и задачах культуры» [3, с. 323].

Все это проявилось в неустойчивости административно-институциональной конфигурации. В июне 1954 г. Министерству культуры было предоставлено право по «запуску в производство новых художественных, документальных и научно-популярных фильмов и выпуска их на экраны», чтобы было оформлено совместным Постановлением Президиума ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 июня 1954 г. [8, ф. 3, оп. 35, д. 70, л. 21]. Это аргументировалось недостаточной самостоятельностью Министерства культуры, приводящей к «безответственности», «отсутствию необходимой творческой инициативы», «подмене подлинно живого руководства киностудиями канцелярско-бюрократическим стилем работы» [там же, л. 23]. Однако, через 2 года, судя по всему, ведомственная самостоятельность не оправдала «высочайших» ожиданий. В июне 1956 г. Министерству культуры было отказано в праве самостоятельного приобретения фильмов капиталистических стран, что объяснялось отсутствием необходимого уровня компетентности работников министерства и нарушением процедуры идеологической экспертизы западной кинопродукции: «Фильмы производства капиталистических стран направляются в Министерство культуры уполномоченными «Совэкспортфильм» за рубежом без тщательного отбора и без учета требований проката в СССР <...> Достаточно сказать, что за время с ноября 1955 года и по март 1956 года ЦК КПСС был вынужден отклонить внесенные Министерством культуры СССР предложения о покупке 10 заграничных фильмов, неприемлемых по своему содержанию и качеству для проката на советском экране» [1, с. 502].

Отражением поиска эффективных векторов информационно-идеологической регуляции советской кинополитики, по всей вероятности, стало обновление такой структуры, как ВОКС (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей), правопреемником которого в 1957–1958 гг. стал Союз советских обществ дружбы и культурной связи с заграницей (ССОД). ВОКС (затем ССОД) стало играть заметную роль в *культурной дипломатии* периода «оттепели», превратившись в

важный канал советско-американской коммуникации, развивавшейся в сторону смягчения «холодных» стереотипов и односторонности в *конструировании образа другого*. Как отмечают исследователи, американские друзья СССР, например, Э. Мус из Национального Совета американо-советской дружбы / National Council for American-Soviet Friendship, призвала сотрудников ВОКС обновить кинопропаганду фильмами, создающими более правдивый и положительный образ СССР, в котором «хорошо одетые люди ходят по магазинам в хорошо укомплектованных магазинах» [10, р. 79]. В 1957 г. состоялся VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, получивший огромный медиа-резонанс (например, к/ф «Девушка с гитарой», СССР, 1958, реж. А. Файнциммер). Символом эпохи стала фигура американского пианиста Ван Клиберна, признанного первым победителем Международного конкурса им. П. И. Чайковского в 1958 г. В сентябре 1959 г. состоялся визит первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева в США, также ставшее значительным событием международного масштаба, закрепившим наметившееся расширение культурного диалога. В это же время были опубликованы «Американские дневники» Б. Полевого, написанные по итогам его поездки (1955 г.) в США в составе делегации советских журналистов. Вслед за «Одноэтажной Америкой» И. Ильфа и Е. Петрова [4], Б. Полевой, создает отражающий дух обстановки *«холодного потепления»* синтезированный образ американского народа и города, производит «обличение, так и восхищение Америкой» [2, с. 58], в которой «ослепшие небоскребы», «тяжелый перегар», «высохший лес» Нью-Йорка в то же время уводят в ущелье, «наверху которого горят теплые пастушьи костры, обещающие усталому путнику приют и заботливое гостеприимство» [5, с. 78, 104].

С 1957 по 1967 г. функционировал Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР (ГККС), созданный с целью «обеспечения более широкого распространения за рубежом советских фильмов как через коммерческий прокат, так и через общественные каналы» [8, ф. 3, оп. 35, д. 79, л. 8] и улучшения пропаганды, которая после волнений в Венгрии «оказалась не на высоте» [6, с. 575–576]. Интересным идейно-институциональным феноменом с конца 1950-х гг. становится деятельность идеологических комиссий ЦК КПСС. Их функционирование началось с создания Комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей, действовавшей в 1958–1961 гг. Ее председателем был М. А. Суслов. В 1962 г. на этой ведомственной первооснове была создана Идеологическая комиссия при ЦК КПСС, которую в 1962–1965 гг. возглавлял Л. Ф. Ильичев, а с 1965 по 1966 гг. –

П. Н. Демичев. В 1963 г. в истории отечественной киноотрасли произошло важное событие – был создано специализированное ведомство, призванное осуществлять идейно-художественный, цензурный и административно-распорядительный контроль над кинопроизводством в СССР – Государственный комитет Совета Министров СССР по кинематографии. Его появление кардинально не изменило, но модифицировало уже сложившуюся институционально-политическую конъюнктуру, привело к расширению схем ведомственного взаимодействия.

Таким образом, советско-американский межкультурный диалог в условиях «холодного потепления» выстраивался как многоуровневый процесс взаимодействия, в котором ключевую роль сыграл обмен кинематографическим опытом. Кинематограф приобрел исключительное значение и как вид искусства, эксплицирующее национально-государственную идентичность посредством имагологических конструкций, представлений о «своих» и «чужих», – и как порождающий на всех стадиях производства фильмов, медиа-текстов, источник общественных и государственных отношений, позволяющих утверждать о формировании кинополитики и множественности ее институционально-информационных векторов, обусловленных ранее сложившейся моделью управления.

Библиографический список

1. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы. М.: РОССПЭН, 2001. 808 с.
2. Арчакова О. Б., Деомидова Т. О. Путевые очерки об Америке в советской прессе («Одноэтажная Америка И. Ильфа и Е. Петрова, «Американские дневники» Б. Полевого // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 55–58.
3. Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2009. 405 с.
4. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / И. Ильф, Е. Петров; сост. и вступ. ст. А. И. Ильф. М.: Текст, 2007. 508 с.
5. Полевой Б. Американские дневники. М.: Детгиз, 1957. 319 с.
6. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2006. 1008 с.
7. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
8. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
9. Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М.: ИВИ РАН, 1999. 261 с.
10. *Magnusdottir R.* Enemy Number One: The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda, 1945–1959. N. Y.: Oxford University Press, 2019. 242 p.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Амельченков В. Л. (Серафим), епископ. Основные направления культурфилософской интерпретации религии в современном мире	5
Садвокасова З. Т. Документы Центрального казахстанского архива о деятельности православных миссионеров (XIX – начало XX века)	10
Сагателян Г. Ш. Нарастание кризиса мотивации труда в российской провинции в 1950–1980-е годы	16
Фивейская Л. В. Религия как системообразующий феномен в современной культуре	21
Шиманская О. К. Наследие протопопы Аввакума в год его 400-летнего юбилея: старообрядчество в ближнем и дальнем зарубежье	27
Виталий (И. Н. Уткин), игум. Трезвенническое движение во Владимирской губернии в годы Первой мировой войны (Социально-политический аспект)	33
Белова Т. П. Детерминанты социальной деятельности православного прихода в малом городе (На материалах города Заволжска)	38

Секция 1

«РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ (РУБЕЖ XIX–XX вв. – НАЧАЛО XXI в.)

Балдин К. Е. Христианское чтение в России: журнал «Русский паломник» на рубеже XIX–XX вв.	44
Бегешев М. В. Взгляды епископата РПЦ на взаимоотношения церкви и советской власти в контексте кампании по изъятию церковных ценностей	51
Бородкин А. В. Греческая диаспора Ярославля: проблемы организационного оформления и вероисповедания в конце XIX – начале XX в.	58
Бурдин Е. А. Образовательная и культурно-просветительская деятельность РПЦ на территории Среднего Поволжья во 2-й пол. XIX – нач. XX в.	63

Верещагин И. Ф. Северная епархиальная печать и М. В. Ломоносов	69
Владими́рова М. А. Служение диаконисс в Русской Духовной Миссии в Японии во второй половине XIX – начале XX века	74
Волоскова М. Н. Судьба семьи священника в 30-е годы XX века (На примере Амурской области)	77
Гавриленков А. Ф. Переходы верующих из вероисповедания в вероисповедание после опубликования указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 года (На материалах Смоленской губернии) (1905–1914 гг.)	81
Горожанина М. Ю. Православная церковь на Кубани в первые годы советской власти	87
Дворецкая А. П. Старчество в Сибири в начале XX в.: К постановке проблемы	93
Дмитриев Н. А. Приходская жизнь Калининской епархии в период «церковного возрождения»	99
Дроботушенко Е. В. История строительства и архитектурные особенности православных храмов г. Читы (досоветский период)	104
Кияшко Н. В. «Оставаться в вере православной апостольской христианской, несмотря ни на какие гонения»: самопрезентация верующих и духовенства юга России в условиях религиозной политики 1920-х гг.	110
Коняев А. Е. Жизнь редактора на страницах газет (Отражение биографии первого редактора «Ярославских епархиальных ведомостей» А. П. Крылова в периодической печати; 1860–1912 гг.)	117
Котова К. И. Протоиерей Александр Сулоцкий в воспоминаниях Михаила Путинцева	123
Лабынцев Ю. А. Издательская деятельность Супрасльского благовещенского монастыря в начале XX в.	128
Леонов Д. Е. Проблема политической переориентации православного духовенства в период февральской революции в отечественной историографии	133
Маслова Е. И., Щетинин А. И. Судьба сельского диакона В. Л. Корчагина как отражение репрессивной политики советского государства в 20–30-е гг. XX века	138
Менщиков И. С. Православное духовенство западной Сибири и антиалкогольное движение в начале XX века	144
Каиль М. В. Провинциальное православие середины 1940-х – середины 1950-х гг.: пастыри	150

Молодов О. Б. Архивные источники о религиозной жизни Великого Устюга в период позднего социализма	155
Мясникова Г. В. Реакция Забайкальского духовенства на события февраля 1917 года (По материалам прессы)	161
Пашкин А. Г. Религия и власть: Русская православная церковь в донесениях и докладах органов государственной безопас- ности в Среднем Поволжье в начале 1940-х гг.	167
Пигорева О. В. Деятельность Русской православной церкви, государства и общества по устранению «информационного голода» в религиозной тематике (конец 1980-х – начало 1990-х годов)	172
Половникова М. Ю. Вятская епархия при епископе Аполлосе (Беляеве) в конце XIX в.	178
Пряженникова М. В. К вопросу открытия епархиальной и бла- гочиннических библиотек в Забайкальской епархии в начале XX века	183
Рашитова О. А. Церковные праздники в блокадном Ленинграде	189
Реброва М. И. 1962 год в жизни Донецко-Ворошиловградской епархии	194
Ревякин Е. С. Деятельность Союза воинствующих безбожни- ков (1925–1947): замыслы и реальность	200
Рябая С. А. Патриотическая деятельность Русской православной церкви в годы Первой мировой войны в Вятской губернии	205
Смирнова О. С. Организация медицинской помощи в провин- циальном монастыре (На примере Рождество-Богородицкой женской Исаковой пустыни Ярославской епархии)	210
Соколов А. С. Деятельность Русской православной церкви по оказанию помощи голодающим 1921–1922 гг. (На материа- лах Рязанской губернии)	216
Ставровский Е. С. Культурно-просветительская деятельность духовного сословия во Владимирской губернии (На примере рода Ставровских)	220
Табунщикова Л. В. Деятельность Комиссии по отделению церкви от государства в Донской области (1920–1921 гг.)	225
Третьякова С. Н. Взаимодействие общества, церкви и госу- дарства в становлении в России дела спасания на водах в конце XIX – начале XX в. (На примере Архангельского окружного Общества спасания на водах)	231
Усманов С. М. Обзор истории Русской церкви протоиерея Георгия Флоровского для американской энциклопедии	237

Щавинская Л. Л. Холмская православная епархия и ее издания в первые годы восстановления (1905/1906–1915 гг.)	239
Якунин В. Н. Преодоление церковных разделений в 1941–1945 гг.: неизвестные страницы истории	244
Яремчук О. А. Деятельность Забайкальского епархиального женского училища в годы Первой мировой войны	248
Ярослав (С. А. Очканов), иеродиакон. Помощь со стороны англикан Русской православной церкви в годы большевистского террора и Великой Отечественной войны	254

Секция 2

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ/ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В ОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (РУБЕЖ XIX–XX вв. – РУБЕЖ XX–XXI вв.)

Бахтурин В. В. Декабристы в революционном дискурсе: столетний юбилей в исторической политике государства первой половины 1920-х гг.	259
Берендеева А. Б. Новые теоретические подходы к оценке жизнедеятельности человека в условиях цифровой экономики ...	265
Бойко С. И. Религиозный контент в идеологии государственности России	270
Ганчар А. И. Регламентация участия римско-католического духовенства в политической жизни Российской империи в начале XX в.	276
Гладышев Д. Ю. Истоки мировоззрения Л. Н. Толстого	281
Грошева И. А., Грошев И. Л. Концепция прогресса в научном наследии Н. И. Кареева и Н. К. Михайловского	286
Грошева Л. И. Инструментальный и терминальный характер веры в сознании современной молодежи	291
Дежнев В. Н. Исторический аспект государственности и народовластия как традиционных российских ценностей	296
Дианова Е. В. Борьба с суевериями и пережитками язычества в школах Карелии в 1920-е годы	300
Долгих А. Н. Власть и общество: Россия конца XVIII – первой половины XIX века в исторической романистике Ю. Н. Тынянова (1894–1943)	307
Донцев С. П. Политика памяти Эстонии в контексте межправославного конфликта на рубеже XX–XXI вв.	310

Жидкова Е. С., Шовкопляс Е. Е. Право на неприкосновенность личности в дореволюционной России и его реализация в современную эпоху	316
Ковров Э. Л. Вечная Россия Евгения Николаевича Трубецкого	321
Козлова О. В. «Самодержавная республика» как идеал государственности в концепции К. Д. Кавелина	326
Кокоулин В. Г. Церковь и война: трансформация мифа в политике исторической памяти в постсоветской России	331
Конев Е. В. Деятельность адвентистов седьмого дня в городах Западной Сибири в 40–60-е гг. XX века	336
Константинова Д. А. Социальная компетентность как фактор профессионального становления молодежи	342
Константинова О. А. Актуальные вопросы социального развития общества и социализации экономики	345
Короневский В. И. Роль религиозных и исторических образов в формировании патриотического сознания у российского населения в начале XX века (По материалам Смоленской, витебской, Минской, Могилевской, Гродненской и Виленской губерний)	348
Купалов Г. С., Купалова В. А. Роль коммуникативной культуры в формировании будущих педагогов	354
Лепетухин Н. В. Люди – исчезающий вид?	359
Лещинский А. Н. Классификация религий в трудах профессора-протоиерея А. В. Смирнова (1857–1933)	362
Лукьянчикова Л. В. Исследование проблемы народовластия в отечественной правовой мысли 1930–1940-х гг.	368
Михайлов С. С. Из истории ассирийского духовенства в России в середине XX в. На примере судеб глав семей Ишо и Парис из города Кинешма Ивановской области	373
Москаленко М. Р., Леоненко Е. Г., Бурых А. А. К вопросу об объяснении цивилизационной специфики России студентам управленческих направлений подготовки	379
Начапкин М. Н. Консервативный журналист М. О. Меньшиков о роли православной веры и церкви в преодолении противоречий духовного и социально-экономического развития России в начале XX века	384
Новоторцева А. М. Представитель Московского патриархата при патриархе Антиохийском, епископ Иоанн (Вендланд), о служении патриарха Московского и Всея Руси Алексия I (к 16-летию его интронизации)	389

Оришев А. Б. К вопросу о роли и месте отечественной истории в образовательном контенте учебной дисциплины «История (история России, всеобщая история)»	394
Осьмачко С. Г. Идеинность власти и власть идейности: от большевизма к сталинизму	399
Павлов К. В. Анализ революционной политической ментальности российской интеллигенции в зарубежной историографии: ‘mental studies’ и концепция И. Дойчера	405
Павлюченков Н. Н. Церковь и общество в России в первые десятилетия XX века: наблюдения П. А. Флоренского	410
Панин А. С. «Искры от него ровно пожар горит...» Огненный змей – видимый образ невидимого мира	415
Сажин Б. Б., Кузнецова Н. Ю. Интеллигенция и революционный кризис в России 1917–1920-х гг.: к вопросу о духовном возрождении страны (проект А. С. Пругавина)	420
Ситниченко К. Е. Смысл жизни: православное понимание (опыт осмысления христианина)	426
Суздальцева И. А. Научно-просветительская деятельность российской интеллигенции в Дагестане в конце XIX – начале XX века	429
Суслов А. Ю. Музейное пространство Республики Татарстан (1990-е гг. – начало XXI в.)	434
Сухорукова О. А. Отражение западных идей в консерватизме К. П. Победоносцева	438
Фролова Е. А. Методологические проблемы теоретико-правовой науки (Б. А. Кистяковский)	444
Ходунов В. В. Десакрализация князя Михаила Ярославича Тверского в первые годы советской власти	449
Черноперов В. Л. Критика патриархом Сергием (Страгородским) протестантской сотериологии	452
Чикаева Т. А. Концепция родины А. Ф. Лосева: современное прочтение	458
Шаро О. У. Церковно-просветительская деятельность, общественно-политические и правовые взгляды Георгия Каниского	464
Шупенько Т. И., Ефимович Е. В. Роль белорусской интеллигенции в укреплении национального самосознания белорусского народа (На материалах Белорусской диаспоры в России)	471

Секция 3

«РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО (РУБЕЖ XIX–XX вв. – НАЧАЛО XXI в.)»

Балахонова М. А. Развитие высшей школы Ивановской области в 1941–1942 гг.	477
Бей Е. В. Эволюция взглядов советского руководства на стратегическое значение Арктики в период интербеллума	482
Белов А. М., Булюкин Д. А. К истории выборов в I Государственную Думу России 1906 г. (На материалах Костромской губернии)	488
Белогов Ю. Г. Факторы эволюции законодательства по укреплению трудовой дисциплины в индустриальном секторе советской экономики в годы первой пятилетки	493
Бунин А. О. О деятельности кредитной кооперации в российской деревне в начальный период нэпа (1921–1922 годы)	499
Бутрин Е. С. Акушерский вопрос в Иваново-Вознесенске в начале XX в.	504
Возиллов В. В. Проблемы деятельности фабрично-заводских комитетов в 1917 году на территории современного Ивановского края	511
Галинская О. Ю. К вопросу организации водного перевоза в губернских центрах Верхнего Поволжья (На материалах Костромы и Ярославля)	518
Глазунов С. Р. Правительство и социальная функция промышленного предпринимательства в России в конце XIX – начале XX в. (На материалах Владимирской губернии)	523
Гулин А. О. Вынужденные мигранты Первой мировой войны и их влияние на социально-экономическую ситуацию в Верхневолжском регионе в июле 1914 – феврале 1917 г.	529
Егерев Т. А. Сохраняя память о минувшем (П. С. Шереметев в усадьбе Остафьево в 1920-е годы)	535
Ершова Т. В. Влияние экономических изменений в московской промышленности на положение рабочих во время Первой мировой войны	540
Желтов А. А. Вероисповедание и национальность призывников в Российской империи накануне Первой мировой войны	545
Забузов О. Н. Трансформация взглядов военно-политического руководства государства на особенности ведения военных действий на урбанизированных территориях (На основе анализа уставных документов советского периода)	550

Иванов А. М. Ершичская территориальная организация социал-демократической партии России (СДПР) (По материалам Смоленской области)	556
Иванченко А. В. Студенческие научные общества Московского и Петербургского университетов на рубеже XIX–XX вв.	563
Ильин Ю. А. Налоговая политика периода нэпа: принципы обложения и виды налогов частной торговой деятельности (весна 1921 г. – конец 1924 г.)	568
Казьмин В. Н., Казьмина М. В., Юзупкина Е. С. Подготовка кадров в сфере физической культуры и спорта в 1985–2008 гг. (На примере Кемеровской области)	574
Ковров Т. А. Учётно-ссудные операции Иваново-Вознесенского отделения Государственного банка в 1907–1911 гг.	580
Колесников В. А. Продовольственные органы Ярославской губернии в период революции 1917 года	588
Комиссарова И. А. Налоговые льготы в первые годы нэпа: кому их предоставляли и зачем вводили	594
Комолов Д. Е. Прядильная фабрика «Красная Талка» – первенец текстильной индустриализации Ивановского края (2-я половина 1920-х гг.)	599
Корников А. А. Гербы национальных субъектов Российской Федерации: современное состояние, проблемы и поиски	604
Косых В. И. Председатель ВЦИК СССР М. И. Калинин и забайкальское духовенство (1923 г.)	610
Крайнов Г. Н. Вызовы цифровизации для профсоюзного движения	614
Кузнецов А. А. Малоизученные факты из биографии генерал-полковника Н. М. Хлебникова	619
Кураев А. Н. Что такое казачество	626
Ладанова А. А. Условия труда на Большой Иваново-Вознесенской мануфактуре в 1923/24–1926/27 гг.	631
Латышев К. А. Период 1922–1928 гг. как основа эволюции советского старообрядчества	636
Леонтьева Т. С. Антиалкогольная кампания среди советской молодежи и ее последствия (На материалах Костромской области)	642
Листопадов Д. Ю. К вопросу о потерях фронтов в некоторых операциях Великой Отечественной войны	645
Листопадов Ю. Г. Проведение спортивно-трудовых и военизированных лагерей для трудных подростков в СССР в 1960–1970-х гг.	651

Мальшева О. Л. Движение за научную организацию труда в 1920-е годы (На материалах ТАССР)	657
Медоваров М. В. Алексей Филиппов – редактор газет «Кубань» и «Черноморское побережье»	662
Миронова Н. А. Сыпной тиф как фактор конструирования нового общества в первые годы советской власти	668
Музафарова Н. И. А. Ф. Керенский в контексте революционных движений	673
Новикова Л. И. Журнал «Городское Дело» как источник изучения повседневности	678
Околотин В. С. Формирование воздушно-десантных соединений и авиапланерных полков в Ивановской области в 1942 году	684
Орлова С. А. Проблемы изучения института сенаторских ревизий начала XX века в современной исторической науке	688
Павленко А. П. Морские офицеры – старообрядцы и единоверцы эпохи Первой мировой и Гражданской войн	694
Павленко В. В. Физическое воспитание советских школьников в конце 1950-х гг.	700
Полуэктов И. Б., Юсупова С. Н. Военные реформы 1905–1912 гг. в Самарской губернии	705
Сафолов Д. С., Околотин В. С. Деятельность текстильной промышленности Ивановской области в 1941 г.	710
Седов С. В. Роль общественных организаций в снабжении армии текстильной продукцией в годы Первой мировой войны	716
Сорокин А. А. Обсуждение проектов реформы земских выборов в 1898 г. в провинции (На материалах земских собраний Нижегородской губернии)	722
Степанов А. В. Н. Н. Алянчиков: штрихи к портрету менеджера и мыслителя	727
Суханова Н. И. Истоки формирования Белого движения в России	733
Сысов А. И. Особенности формирования районных органов власти в горнозаводской зоне Южного Урала в середине 1920-х – 1930-х гг.	738
Точенов С. В., Травин А. В. Гражданский сектор системы здравоохранения Ивановской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	744
Труженикова Л. А. Демографические процессы в Республике Дагестан в первом десятилетии XXI века	750
Тумаков Д. В. Дагестанская кампания 1999 года в оценках российских левых партий	755

Утешева Д. А. Леонид Петрович Шуйский: штрихи к портрету ученого-селекционера	761
Федотова И. Н., Запольский В. А. Роль ГУЛАГа в создании топливно-энергетического комплекса на Крайнем Севере СССР в 1941–1945 гг.	766
Филимончик С. Н. Поселок при заводе: Надвоицы в 1950– 1970-е годы	772
Филинов А. В. Особенности переселенческой политики на со- ветском Дальнем Востоке в 1925–1931 гг. в преддверии маньчжурского кризиса (сентябрь 1931 – март 1935 г.)	778
Хрипунов А. С. Проблемы образования в предвыборной агита- ции политических партий Российской империи в начале XX века	783
Черникова Н. В. Бюрократический казус: Военный департа- мент Государственного совета	788
Чолахян В. А. Городская социальная реальность Саратова в 1920-е гг.	794
Чубыкин И. В. Подполковник Ф. Е. Махин – представитель эсеровского подполья в Красной армии	800
Шадрина А. В. Состояние старообрядческого раскола в Облас- ти войска Донского в начале XX в.	806
Юдин К. А. Советская кинополитика в 1950 – середине 1960-х гг.: векторы «холодной» культурной дипломатии	811

**ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЦЕРКОВЬ
В ИСТОРИИ РОССИИ XX–XXI ВЕКОВ**

Материалы XX Международной научной конференции

Иваново, 31 марта – 1 апреля 2021 г.

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 25.02.2021 г.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 48,13. Уч.-изд. л. 47,4. Тираж 100 экз. Заказ № 2. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Принткарт» ✉ 153045 Иваново, м. Афанасово, ул. Новосельская, 5

